This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

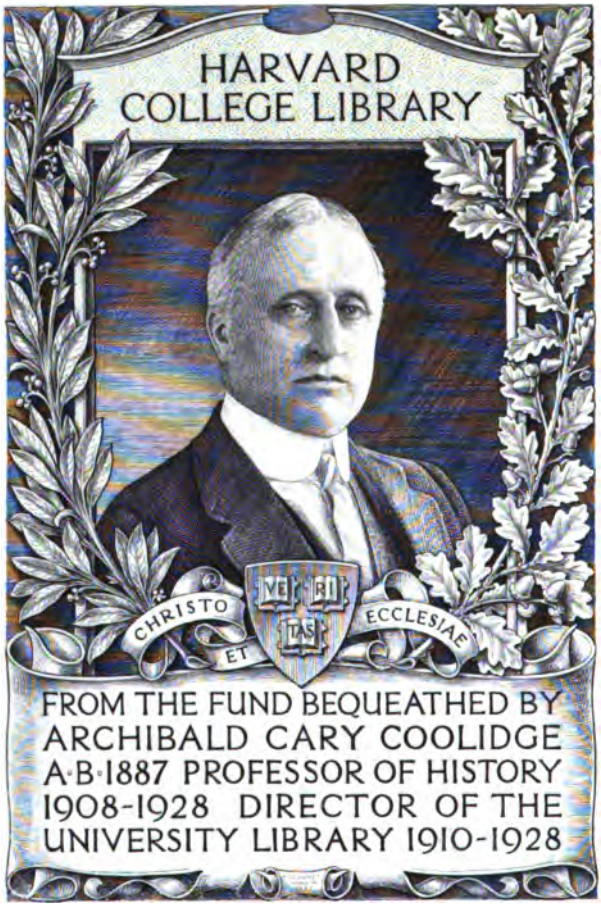
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

P Sla. 605.10


HARVARD
COLLEGE LIBRARY
CHRISTO
ET
ECCLESIAE
VE
RI
TAS
FROM THE FUND BEQUEATHED BY
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
A.B. 1887 PROFESSOR OF HISTORY
1908-1928 DIRECTOR OF THE
UNIVERSITY LIBRARY 1910-1928

P Slav 605.10

РУССКАЯ

МЫСЛЬ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

АПРѢЛЬ.

МОСКВА.
Типо-лит. Товарищ. И. Н. Кушнеревъ и К°, Пимен. ул., соб. домъ.
1904.

ИЗДАНІЯ РЕДАКЦІИ
журнала „Русская Мысль“,

Складъ: Москва, Пименовская ул., Т-во Кушнеревъ и К°.

Библіотека „Русской Мысли“.

Сенкевичъ, Генр. Черезъ степи. Переводъ В. М. Лаврова. Ц. 40 к.

Варанцевичъ, К. С. Побѣда. На сѣверѣ дикомъ. Ц. 1 р.

Ожешкова, Элиза. Мизордъ. Бабушка. Ц. 50 к. Изд. 2-е. Допущено въ народныя библіотеки и читальни.

Ремезовъ, М. Н. Іудея и Римъ. Картинки античнаго міра. Ц. 50 к.

Немировичъ - Данченко, Вл. Ив. Драма за сценой. Ц. 1 р.

Корелинъ, М. С., проф. Очерки Итальянскаго Возрожденія. Ц. 1 р. Допущено въ безпл. нар. библ. и читальни.

Немировичъ - Данченко, Вас. Ив. Лялька. Ц. 60 к.

Ожешкова, Элиза. Панна Роза. Великій. Среди цвѣтовъ. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 5 к.

Научно-популярная библіотека „Русской Мысли“.

(Подъ редакціей К. А. Тимирязева и В. А. Гольцева.)

I. **Нассе и Лексисъ, В.** Металлическія деньги и валюта. Ц. 60 к. Допущено въ безпл. народныя библіотеки и читальни.

II. **Пере.** Умственное воспитаніе ребенка съ колыбели. Ц. 60 к.

III. **Дюкло.** Пастёръ. Изслѣдованіе о броженіи и самозарожденіи. Ц. 40 к. Одобрено для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

IV. **Баргъ, А.** Религіи Индіи. Ц. 1 р.

V. **Гаушпъ, Отто.** Гербертъ Спенсеръ. Ц. 50 к.

VI. **Погожева.** Шериданъ. Школа злословія. Біографическ. очеркъ Шеридана. Ц. 60 к. Допущено въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства Мин. Нар. Просв.

VII. **Гиро, П., проф.** Фюстель де-Куланжъ. Перев. А. Н. Чеботаревской. Ц. 50 к. Допущена въ безплатныя народныя библіотеки и читальни, въ учительскія библ. средн. учеб. зав., семинарій и учительск. институтовъ.

VIII. **Дюкло.** Пастёръ. Заразныя болѣзни. Ц. 40 к. Одобрено для фундамен. библ., гимназій и реальн. уч., для библ. учител. институт., семинар., учительск. библ. для низш. учеб. зав., для безплатн. народн. библ. и читаленъ.

IX. **Галле, Андре.** Бомарше. Перев. М. В. Лаврова. Ц. 40 к.

X. **Бертло.** Наука и нравственность. Ц. 60 к.

XI. **Геккель.** Натуралистъ подъ тропиками. Ц. 60 к.

XII. **Делажъ.** Наслѣдственность. Ц. 50 коп.

Изданія редакціи журнала „Русская Мысль“.

Женщина. Статьи г-жи Элизы Ожешковой, m-me Альфонсъ Доде, Пардо Базанъ, Лауры Маргольмъ, Карменъ Сильва, D. Menant. Ц. 40 к.

Козловъ, П. А. Полное собраніе сочиненій въ 4-хъ т. Ц. 5 р. Каждый томъ отдѣльно по 1 р. 50 к.

Корелинъ, П. С., проф. Иллюстрированныя чтенія по культурной исторіи. 5 вып. Одобрено для ученическихъ, средн. и старш. возр., библ. средн. учебн. завед. Цѣна за каждый вып. по 30 к.

Матушевскій, Игнацій. Дьяволъ въ поэзіи. Переводъ съ польскаго второго дополн. и переработаннаго изданія. В. М. Лаврова. Ц. 1 р.

Мачтетъ, Г. А. Силуэты. Томъ II. Въ тундрѣ и въ тайгѣ. Заклятый казакъ. Жидъ. Бѣлая Панна. Хамелеонъ. Пессимистка. Холера. Добрый волкъ. Ц. 1 р. 50 к.

Милюковъ, П. Н. Главныя теченія русской исторической мысли. Т. I. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к.

Ожешкова, Элиза. Повѣсти и разсказы. Томъ I: Сѣренькая идиллія. Сильный Самсонъ. Хамъ. Подвижница. Ц. 1 р. 50 к.

Ея же. Томъ II. Ни клочка. Смерть дома. Съ пожара. Четырнадцатая часть. Юльянка. Моментъ. Ц. 1 р. 50 коп. Перев. В. М. Лаврова.

Ея же. Надъ Нѣманомъ. Романъ въ 3 ч. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к.

Ея же. Сильвекъ. Ром. 2-хъ част. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 1 р.

Ея же. Меланхолики. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к.

Прусъ, Болеславъ. Изъ воспоминаній циклиста. Перев. съ польскаго. В. М. Лаврова. Ц. 75 к.

Сенкевичъ, Генрикъ. Повѣсти и разсказы. Изданіе 2-е, удешевленное. Перев. В. М. Лаврова, съ предисловіемъ В. А. Гольцева. Ц. 1 р. Допущено въ безплатныя народныя библіотеки и читальни, и учительскія библіотеки низшихъ училищъ.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

Отъ конторы изданій Н. М. ГЛАГОЛЕВА.

При этомъ № разсылается каталогъ книгоиздательства Н. Глаголева. На стр. 2-й и 4-й указано, что подписная цѣна на «Собраніе сочиненій К. Д. Кавелина» и на изданіе «Государственный строй и политическія партіи въ Западной Европѣ и Сѣверо-Американскихъ Штатахъ» послѣ 15 марта 1904 г. будетъ повышена. Считаемъ долгомъ предупредить гг. подписчиковъ, во избѣжаніе какихъ-либо недоразумѣній, что для гг. подписчиковъ *Русской Мысли* при непосредственномъ ихъ обращеніи въ контору изданій Н. Глаголева (Спб., В. О., 12 линія, 21,а) подписная цѣна на означенныя изданія не будетъ повышена до 15 мая 1904 г.

типо-лит. Т-ва М. О. Вольфъ въ Спб.

МОСКВА.

1904.

ИЗДАНІЯ РЕДАКЦІИ
журнала „Русская Мысль“,

Складъ: Москва, Пименовская ул., Т-во Кушнеревъ и К°.

Библіотека „Русской Мысли“.

Сенкевичъ, Генр. Черезъ степи. Переводъ В. М. Лаврова. Ц. 40 к.

Баранцевичъ, К. С. Побѣда. На сѣверѣ дикомъ. Ц. 1 р.

Немировичъ - Данченко, Вл. Ив. Драма за сценой. Ц. 1 р.

Корелинъ, М. С., проф. Очерки

Изданія редакціи журнала „Русская Мысль“.

Женщина. Статьи г-жи Элизы Ожешковой, m-me Альфонсъ Доде, Пардо Базанъ, Лауры Маргольмъ, Карменъ Сильва, D. Menant. Ц. 40 к.

Козловъ, П. А. Полное собраніе сочиненій въ 4-хъ т. Ц. 5 р. Каждый томъ отдѣльно по 1 р. 50 к.

Корелинъ, П. С., проф. Иллюстрированныя чтенія по культурной исторіи. 5 вып. Одобрено для ученическихъ, средн. и старш. возр. библ. средн. учебн. завед. Цѣна за каждый вып. по 30 к.

Матушевскій, Игнацій. Дьяволъ въ поэзіи. Переводъ съ польскаго второго дополн. и переработаннаго изданія. В. М. Лаврова. Ц. 1 р.

Мачтетъ, Г. А. Силуэты. Томъ II. Въ тундрѣ и въ тайгѣ. Закляты казакъ. Жидъ. Бѣлая Панна. Хамелеонъ. Пессимистка. Холера. Добрый волкъ. Ц. 1 р. 50 к.

Милюковъ, П. Н. Главныя теченія русской исторической мысли. Т. I. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к.

Ожешкова, Элиза. Повѣсти и разсказы. Томъ I: Сѣренькая идиллія. Сильный Самсонъ. Хамъ. Подвижница. Ц. 1 р. 50 к.

Ея же. Томъ II. Ни клочка. Смерть дома. Съ пожара. Четырнадцатая часть. Юльянка. Моментъ. Ц. 1 р. 50 коп. Перев. В. М. Лаврова.

Ея же. Надъ Нѣманомъ. Романъ въ 3 ч. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к.

Ея же. Сильвекъ. Ром. 2-хъ част. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 1 р.

Ея же. Меланхолики. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к.

Прусъ, Болеславъ. Изъ воспоминаній циклиста. Перев. съ польскаго. В. М. Лаврова. Ц. 75 к.

Сенкевичъ, Генрикъ. Повѣсти и разсказы. Изданіе 2-е, удешевленное. Перев. В. М. Лаврова, съ предисловіемъ В. А. Гольцева. Ц. 1 р. Допущено въ безплатныя народныя библіотеки и читальни, и учительскія библіотеки низшихъ училищъ.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

КНИГА IV.

МОСКВА.

1904.

P Slav 605.10

HARVARD COLLEGE LIBRARY
FROM THE
ARCHIBALD CARY COOLIDGE FUND
MAR 26 1934

МОСКВА.
Типо-литогр. Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°. Пимен. ул., собств. домъ.
1904.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
I. РАЗЛАДЪ. (Повѣсть).—П. Д. Боборыкина. *Продолженіе.* .	1
II. ЙЁСТА БЕРЛИНГЪ. Сельмы Лагерлефъ. Переводъ съ шведскаго.—М. П. Благовѣщенской. *Продолженіе.*	49
III. «ДОЧЬ НАРОДА». (Разсказъ моей знакомой).—А. Р. Крандіевской.	98
IV. СТИХОТВОРЕНІЕ.—А. Тулубьева.	112
V. БАБЬЯ ДЕРЕВНЯ. Романъ изъ крестьянской жизни. Клары Фибигъ. (Переводъ съ нѣмецкаго).—В. А. Кошевичъ . . .	113
VI. СТИХОТВОРЕНІЕ.—Натальи Крандіевской.	163
VII. ЕФРЕМКА. Очеркъ.—О. Н. Ольнемъ.	164
VIII. ПАУЛО И ФРАНЧЕСКА. Изъ Данте Аллегіери. (Посвящается А. С. Петровскому).—Элисъ.	180
IX. СТРАНИЦА ИЗЪ ИСТОРІИ КРѢПОСТНОГО ПРАВА ВЪ XVIII—XIX ВВ.—М. В. Довнаръ-Запольскаго. *Окончаніе.* .	1
X. ИЗЪ ПРОШЛАГО НАШЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—В. А. Гольцева .	25
XI. ЧТО СДѢЛАНО ЗА СОРОКЪ ЛѢТЪ МОСКОВСКИМЪ ГОРОДСКИМЪ УПРАВЛЕНІЕМЪ ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.—Н. Ма—го	40
XII. ИЗЪ ИСТОРІИ РУССКИХЪ СНОШЕНІЙ СЪ НАРОДАМИ ВОСТОКА. (По архивнымъ документамъ).—Д. И. Успенскаго .	55
XIII. НА ЗАРѢ НАШЕГО ЛИТЕРАТУРНАГО РЕАЛИЗМА.—В. В. Каллаша.	69
XIV. ПО БЕРЕГАМЪ КОРЕИ. Очеркъ.—В. В. Корсакова	89
XV. ДРУГЪ ПУШКИНА, П. В. НАЩОКИНЪ.—М. О. Гершензона.	109

Стр.

XVI. ЗАРОЖДЕНІЕ ВЕЛИКОЙ РЕСПУБЛИКИ. (Колонизація Америки англичанами).—П. Г. Мижуева 125

XVII. КНИЖНЫЙ ПОТОКЪ. (Статья третья).—Н. А. Рубакина . . 155

XVIII. ЛИТЕРАТУРНЫЯ МЕТАМОРФОЗЫ. Историческій очеркъ. Берты Кэсъ.—Перев. Т. 180

XIX. НАСУЩНЫЯ ЗАДАЧИ СОВРЕМЕННАГО ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ.—К. А. Тимирязева. 196

XX. РАЗЛАДЪ МЕЖДУ УГОЛОВНЫМЪ ЗАКОНОМЪ И НАРОДНЫМЪ ОБЫЧАЕМЪ НА КАВКАЗѢ И ЕГО ВЛІЯНІЕ НА ПРЕСТУПНОСТЬ.—В. Н. Иваненко 205

XXI. ФРАНЦИСКЪ-АВГУСТЪ ДЕ-ТУ. Біографическій очеркъ. Графини Евгеніи Капнистъ. 225

XXII. ЖУРНАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ 236

XXIII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. 248

XXIV. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—В. А. Г. 275

XXV. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ. I. Книги: Беллетристика.—Философія, педагогика.—Публицистика.—Исторія, мемуары, біографіи.—Географія, путешествія.—Естествознаніе.—Физико-математическія науки.—Медицина.—Учебники, пособія, книги для дѣтей.—II. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 марта по 1 апрѣля 1904 г. 117

XXVI. ОБЪЯВЛЕНІЯ. 1

Для личныхъ переговоровъ, пріема и выдачи рукописей редакціи «Русской Мысли» открыта по средамъ и субботамъ отъ 1—3 час. дня.

Непринятыя редакціей рукописи хранятся въ теченіе 6 мѣсяцевъ со дня отправки извѣщенія автору, а по истеченіи этого срока уничтожаются.

Непринятыя редакціей стихотворенія не сохраняются. Авторы, въ теченіе 3 мѣс. не получившіе утвердительнаго отвѣта, могутъ располагать стихотвореніями по своему усмотрѣнію. По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не входитъ въ переписку.

РАЗЛАДЪ*).

(Повѣсть).

XX.

Викторъ помѣстился въ десяти минутахъ ходьбы отъ того дома, гдѣ жила Ягодина.

Они видѣлись не каждый день. Настя ходила въ должность, къ одиннадцати утра, обѣдала у себя отъ хозяйки и часто должна была брать работу домой и сидѣть до позднихъ часовъ.

Сразу ушла она изъ того воздуха, которымъ дышала въ Москвѣ. Для того, чтобы «оборвать», средство вышло радикальное.

Никого изъ «интеллигенціи» она почти что не видала, московскихъ не отыскивала, на приглашеніе Саксуровой, которую она надняхъ встрѣтила, отвѣтила недосугомъ.

Заработокъ ея пока еще скромный, но съ «положеніемъ», какое она имѣетъ отъ отца, она не будетъ очень нуждаться.

И въ Москвѣ можно найти себѣ заработокъ; но тамъ она должна была бы совершенно разорвать съ отцомъ, и ее потянуло бы непремѣнно все къ той же «компаніи», отъ которой она захотѣла «отрѣшить себя».

Не разъ они съ Викторомъ вспоминаютъ здѣсь свою первую встрѣчу у профессора Лаврушина. Еслибъ тотъ зналъ, какъ она устроилась въ «Питерѣ», онъ бы сталъ ей пенять и сказалъ бы навѣрно, съ своимъ мягкимъ юморомъ:

«Зачѣмъ же вы просили у меня рекомендацій?... Вы просто собрались сдѣлаться конторщицей или маленькой «чинущей» по счетной части, примоститься къ казенному пирогу».

На взглядъ многихъ изъ ея московскихъ товарокъ, она измѣнила «идеалу женской умственной эмансипаціи».

---

*) См. *Русская Мысль*, кн. III, 1904 г.

А вотъ судьба свела ее съ такой личностью, какъ Муринъ, который почувствовалъ въ себѣ тотъ же позывъ къ освобожденію отъ «шоръ».

Ему не было надобности, перебравшись въ Петербургъ, искать сейчасъ же работы. Въ немъ происходилъ болѣе сложный внутренній процессъ. Онъ пересоздаетъ себя и чѣмъ бы онъ ни кончилъ, онъ будетъ тѣмъ, чѣмъ захочетъ быть. Врядъ ли онъ высидитъ здѣсь долго. Она и не станетъ отговаривать его ни отъ какой поѣздки, ни отъ какой программы, куда бы его ни потянуло, въ провинцію или за границу.

Никто со стороны не повѣритъ, пожалуй, что между ними ничего нѣтъ. Должно быть, не приспѣло ея время; но она до сихъ поръ не изловила себя ни на малѣйшемъ признакѣ женскаго «интереса» къ нему, какъ къ симпатичному мужчинѣ. И онъ не влюбляется въ нее. Хотя въ Москвѣ что-то такое пробивалось въ его тонѣ.

О такомъ *пріятелѣ* она всегда мечтала. Пробовала въ Москвѣ заводить дружбу съ мужчинами, но всегда это кончалось не тѣмъ... Выходило и совсѣмъ неладно! Одинъ нервный субъектъ даже покушался на ея жизнь. Другой грозилъ ей самоубійствомъ.

Она еще не знавала такого чистаго «юношу». Ему скоро двадцать три года, а онъ все еще «юноша» и во многомъ моложе ея. Болѣе цѣломудренную душу врядъ ли она когда-нибудь встрѣчала.

Всегда передъ нею, когда она раздумается—двое: Мезеринъ и Муринъ. Къ тому, даже издали, она чувствуетъ влеченіе, не сердечное, не страстное, а такое, какое имѣютъ ученики къ своимъ духовнымъ руководителямъ. Муринъ будитъ въ ней съ каждымъ днемъ все большую жалость, не обидную для него, высшую жалость и теплый интересъ ко всему тому, что происходитъ въ его душѣ.

И ихъ житейскія отношенія складываются просто и свободно. Онъ ей помогъ. Его денежную поддержку она записала, какъ долгъ, и вотъ сегодня выдалось воскресенье, она пойдетъ къ нему и принесетъ часть своего долга.

Они вмѣстѣ «ку́тять», какъ она любитъ произносить по-московски. Такой кутежъ она одна не могла бы себѣ позволить, но отъ него приметъ.

Ему надо развлечься больше, чѣмъ ей. Когда они проводятъ вмѣстѣ время, она чувствуетъ, что онъ началъ жить, что онъ слишкомъ дорогой цѣной заплатилъ за свои «опыты» по чужой указкѣ. Вотъ и сегодня она будетъ тащить его во французскій театръ.

Настя шла къ Виктору завтракать.

Онъ устроился почти какъ дома, нанималъ двѣ свѣтлыхъ комна-

ты—«свѣтлыхъ», насколько можно имѣть ихъ въ Петербургѣ. Хозяйка его нѣмка, Ида Ивановна, готовила ему завтракать, а обѣдалъ онъ въ ресторанахъ.

Это былъ уже третій праздничный завтракъ. Чаще она не могла приходить, изъ-за своей должности. Она видѣла, что для Виктора такіе завтраки—настоящій праздникъ. Онъ купитъ закусокъ и фруктовъ. Ида Ивановна смастеритъ какую-нибудь нѣмецкую вкусную «Mehlspeise».

Выходило всегда очень оживленно и «уютно», гораздо лучше, чѣмъ было бы въ отдѣльномъ кабинетѣ ресторана. Съ нею, съ глазу на глазъ, онъ и въ лицѣ дѣлался свѣжѣе, глаза получали блескъ, являлась большая разговорчивость, что-то гораздо болѣе молодое и даже наивное, чего она уже въ себѣ не находила.

Сегодня она несла «гостину», какъ оба они называютъ по-московски: проходя мимо Милютиныхъ лавокъ, только что открытыхъ послѣ обѣдни, она увидала въ окнѣ маленькіе букетики фіалокъ «изъ Ниццы», и купила два букетика. Ихъ поставятъ на столѣ, и Викторъ будетъ очень тронутъ такимъ дешевымъ, но всетаки рѣдкимъ подарочкомъ.

Садились они за столъ въ половинѣ перваго. Она немножко опоздала и торопливо шла, въ короткой жакеткѣ и шапочкѣ, по набережной, по направленію къ Каменному мосту.

Домъ большой, уже старый, ходъ парадный, безъ швейцара. Это ей нравилось: гораздо свободнѣе себя чувствуете, когда вы входите въ подъѣздъ, никто не отмѣчаетъ, что вотъ въ такую-то квартиру пришла такая-то барышня; а въ той квартирѣ жильцомъ состоитъ такой-то молодой баринъ, пріѣзжій изъ Москвы.

Квартира Иды Ивановны въ первомъ этажѣ и содержится въ образцовой чистотѣ. Позвонишь, и отпираетъ тебѣ толстая, бѣлокурая чухонка, Эва, въ воскресномъ фартукѣ, съ лоснящимися щеками. Она улыбается во весь ротъ и непремѣнно поздоровается по-русски, такъ смѣшно, но заразительно добродушно.

Изъ передней первая дверь въ комнату Виктора. Эва постучалась въ дверь и сейчасъ же ушла. Видно, что у Иды Ивановны прислуга дрессированная.

И Настю не смущаетъ вовсе то, что могутъ о ней подумать и квартирная хозяйка, и ея чухонка.

Они могутъ считать ее возлюбленной молодого барина изъ Москвы. Эва, навѣрно, называетъ ее «тушенькой» интереснаго жильца своей хозяйки.

Здѣсь, въ «Питерѣ», удивительно скоро освобождаешь себя отъ

всякихъ заботъ о томъ: «кто какъ на васъ смотритъ и за что васъ принимаетъ».

Въ Москвѣ это бы не пошло такъ быстро, даже еслибъ она стала жить одна, на свой заработокъ, и водилась только съ своими товарками.

На стукъ Эвы, исчезнувшей тотчасъ въ глубинѣ коридора, Викторъ отворилъ дверь и встрѣтилъ Настю возгласомъ:

— А я думалъ не придете!

Онъ заботливо помогъ ей снять съ себя кофточку и калоши, которыя она забыла оставить въ прихожей.

— А шапочку развѣ не снимете?—спросилъ онъ.

Настя поправила волосы передъ большимъ зеркаломъ, въ простѣнкѣ двухъ оконъ. Викторъ смотрѣлъ на нее, стоя сзади.

— Сегодня у васъ чудесный цвѣтъ лица,—замѣтилъ онъ, любуясь ея лицомъ, засвѣжѣвшимъ отъ ходьбы.

— А вамъ я того же не могу сказать.

Настя повернулась отъ зеркала и ближе подошла къ нему.

— Плохо спали или опять нездоровится?

— Нѣтъ, ничего.

— Или что-нибудь разстроило васъ?

— Пожалуйте кушать,—заторопилъ ее Викторъ, не желая, чтобы разговоръ пошелъ о немъ, о его «болѣсти».

Настя достала изъ маленькаго мѣшечка завернутые въ бумагу два букетика фіалокъ и подала ихъ Виктору.

Онъ даже покраснѣлъ отъ удовольствія, и сейчасъ же лицо какъ будто посвѣжѣло.

— Вотъ мы опустимъ ихъ въ вазочку!—уже совсѣмъ весело вскричалъ онъ.

Эва принесла первое блюдо, форшмакъ, и поставила его на особый столикъ, гдѣ были приготовлены закуски.

— Видите, Настасья Матвѣевна,—онъ еще до сихъ поръ такъ звалъ ее,—меня вчера вечеромъ взволновало письмо отъ Глѣба Саввича.

— Отъ Мезерина? И вы мнѣ ничего не скажете! Вамъ онъ первому написалъ? Но я не ревную. Можетъ, дѣловое письмо, нужное?

— Я нашелъ его, вернувшись домой. Еслибъ не ждалъ васъ къ завтраку, занесъ бы вамъ.

— Что-нибудь... интимное?

— Нѣтъ, ничего почти нѣтъ про себя. Сюда онъ врядъ ли попадетъ, даже и позднѣе.

Лицо Насти затуманилось.

— Зоветъ, небось, къ себѣ?—спросила она.

— Не туда, гдѣ онъ теперь... А въ другія мѣста... ранней весной... на Черное море... туда, въ Батумъ, и дальше. У него есть цѣлый планъ... мечтаетъ создать общество.

— Земледѣльческое?

— Не мужицкое... нѣтъ! А, какъ онъ называетъ—«интеллигентное общество», и проситъ, если ему никакъ не удосужится попасть сюда, съѣхаться намъ на два, на три дня на полпути отъ него... ну, хоть во Владимірѣ.

— И весь планъ вамъ даетъ?

Они уже сѣли за столъ. Настя слушала съ тѣмъ же напряженіемъ.

— Подробностей не даетъ. Онъ спрашиваетъ меня: могу ли я располагать свободными средствами, или я уже распорядился моей землей..?

— По извѣстному рецепту?—подсказала Настя.

И тотчасъ же, подавшись впередъ головой, менѣе громко спросила:

— Вѣдь вы съ имѣніемъ вашимъ не распорядились такъ, какъ собирались въ Москвѣ?

— Нѣтъ.

Викторъ опустилъ рѣсницы и немножко помолчалъ.

— Я отъ васъ ничего не скрываю, Настасья Матвѣевна. Вы—моя живая совѣсть. Вы знали отъ меня только то, что я ѣздилъ въ имѣніе и толковалъ съ крестьянами.

— И что-нибудь тамъ вышло... такое, что̀ васъ отрезвило сразу?

— Вышло то, что надо было предвидѣть. И главное, я самъ дѣйствовалъ, какъ автоматъ, а не какъ самобытная личность. Вы первая услыхали мою исповѣдь... тамъ, въ Разумовскомъ. Я жаждалъ полной эмансипаціи своего ума, своей воли. И теперь жажду ея... какъ и вы, мой первый и единственный другъ!

Она поблагодарила его взглядомъ.

— А я поѣхалъ въ имѣніе, чтобы подѣлиться съ мужиками, какъ вы, кажется, сказали или Мезеринъ, по роману «Воскресеніе».

— Да, да!...

— Если это было только для очистки совѣсти, то это было по-ло, мелко. А если мнѣ такъ дѣйствительно приказывало мое credo, , надо было прежде всего знать, съ кѣмъ я буду имѣть дѣло.

— Будто вы совсѣмъ не знали крестьянъ! Вѣдь вы живали деревнѣ и, кажется, не мало?

— Я зналъ, что мужики смотрятъ на землю, отошедшую къ по-

мѣщикамъ, какъ на свое достояніе, на свою коренную вотчину. И въ тѣхъ изъ кающихся дворянъ, кто желаетъ дѣлиться съ ними по доброй волѣ, сидитъ чувство своей вѣковой вины передъ обездоленнымъ міромъ. Я уже не былъ такимъ кающимся дворяниномъ и все-таки поѣхалъ разыгрывать роль безсребреника и архи-народника.

— Ну, и что же?

— Рѣчи Мезерина запали мнѣ въ душу. Онъ—болѣе народъ, чѣмъ мы съ вами; а почему-нибудь онъ не носится съ деревней. И во мнѣ, когда я поѣхалъ въ имѣніе, сидѣло уже двоевѣріе.

— Неужели вы рѣшили все отдать имъ?

— Нѣтъ! Я не хотѣлъ обрекать себя самого на пролетаріатъ. Но я раздѣлилъ все мысленно на три доли. Одну я отдавалъ въ полную собственность крестьянамъ, въ имѣніи, которое всегда составляло отдѣльное хуторское хозяйство и было вспахано работниками, а не мужиками, членами сельской общины.

— Понимаю, прекрасно понимаю!—воскликнула Настя.

— Вторую треть я удерживалъ себѣ лично.

— А третью долю?

— Оставлялъ на такое дѣло, которое я сочту еще болѣе симпатичнымъ и, главное, нужнымъ, чѣмъ подарокъ крестьянамъ, съ которыми у меня никогда не было никакой связи.

— И что же? Неужели они этого не оцѣнили?

— Знаете, что я отъ нихъ услыхалъ?

— Отказались? Быть не можетъ!

— Наотрѣзъ. И вотъ по какому доводу: молодой баринъ хочетъ насъ поднадуть, земля, по закону, наша; а коли мы примемъ отъ него въ даръ всего одну треть угодій, мы, значитъ, откажемся отъ своихъ правъ на остальное.

— Это дико!

— Дико! По ихнему совсѣмъ не дико. Иначе они не могутъ ни думать, ни чувствовать въ томъ, что ихъ идолъ—земля!

— Прекрасно!—горячѣе возразила Настя.—Но зачѣмъ же васъ-то подозрѣвать... въ чемъ же... выходитъ, въ плутовствѣ, когда вы хотѣли имъ подарить цѣлую треть всей вашей земли?!

— Ихъ собственной... какъ они считаютъ.

— Все-таки это... и дико, и антипатично.

Она налила себѣ полстакана воды и осушила его.

— И они вамъ прямо такъ это и отрапортовали?

— Нѣтъ... не прямо... но я понялъ, въ чемъ дѣло. Тогда я разсердился! Позвалъ ихъ стариковъ и сказалъ имъ: «коли вы, братцы, такъ со мной... прощайте... я васъ упрашивать не стану». Но по-

томъ... я много объ этомъ думалъ. И вотъ, вчера, письмо Глѣба Саввича опять во мнѣ все подняло. Это ихъ коренная вѣра. И мы бы на ихъ мѣстѣ такъ же чувствовали. Только другъ нашъ Мезеринъ сказалъ бы: «вотъ эта вѣра въ свои абсолютныя права на всю землю и дѣлаетъ мужиковъ въ моихъ глазахъ...

— Особь статьей!—подсказала Настя.—Онъ, навѣрно, такъ бы выразился.

— Да,—промолвилъ вдумчиво Викторъ.—Я и теперь не жалѣю, что моя игра въ кающагося дворянина кончилась такимъ экспериментомъ. «Не желаете, братцы, какъ хотите; но ваша треть пойдетъ на дѣло, которое можетъ оказаться повыше сортомъ, чѣмъ усиленіе вашей запашки».

— А если такъ, то почему же вы до сихъ поръ волновались изъза этого, Муринъ?

— Должно быть, потому, что во мнѣ все еще сидитъ...

— Кающійся дворянинъ?

— Нѣтъ... а потому, что и мой братецъ, и мой родитель, и моя сестрица, и всѣ имъ подобные точно также бы обидѣлись, какъ я въ первую минуту, еслибъ неблагодарные пейзане не пришли въ восторгъ отъ ихъ подачки.

— Это уже напрасно. Вы на себя не истратите того, что у васъ есть. Почемъ вы знаете, къ какимъ убѣжденіямъ и правиламъ вы придете?... Что вы пожелаете поддерживать, чему служить... Тогда все понадобится. Одной личной теоріи мало. Понадобятся и средства.

Въ передней раздался очень сильный звонокъ.

— Къ вамъ?—спросила хозяина Настя.

— Врядъ ли.

Они оба прислушивались. Эва прибѣжала тотчасъ же, и кто-то мужскимъ голосомъ выговорилъ фамилію Виктора.

— Да это Сеня...

— Сеня?

— Да, Кудриковъ. Жаль, что поздновато. Но все равно, мы его покормимъ.

Настя обрадовалась приходу студента больше, чѣмъ Викторъ. Она боялась, что разговоръ пойдетъ «въ сукъ» и разстроитъ его.

Кудриковъ вошелъ поспѣшнѣе обыкновеннаго и бросилъ фуражку на столъ. Онъ былъ въ разстегнутой тужуркѣ, плохо причесанъ.

— Садись... закуси!—пригласилъ его Викторъ.

— Спасибо, спасибо!

Также поспѣшно пожалъ онъ руки имъ обоимъ и забылъ поцѣловать руку Ягодиной.

— Очень радъ, что засталъ тебя, Муринъ. Я на минутку. Ѣсть не буду; а вотъ выпью чего-нибудь и кусочекъ сыру съѣмъ.

— Что такое случилось?—спросила Настя безъ всякой тревоги.

— Развѣ ничего вы не знаете?

Кудриковъ поглядѣлъ на нихъ какъ-то особенно.

Его веселые глаза не улыбались.

— Ничего,—отвѣтилъ за обоихъ Викторъ.

— Дѣла—рѣзкія!

Кудриковъ оглянулся.

— Можешь говорить,—успокоилъ его Викторъ.—Хозяйка моя плохо понимаетъ по-русски.

— Никакого толка не будетъ... а отдуваться за это придется здорово.

— Зачѣмъ же ты участвуешь?

— Какъ же иначе? Я—довѣренное лицо. Знаешь, въ Москвѣ еще я слыхалъ такую поговорку... какой-то славянофилъ любилъ повторять: «отъ міра я не прочь, но міру я не челобитчикъ».

— Разскажите толкомъ!—остановила его Настя.

— Извините, Настасья Матвѣевна, долженъ улетучиться. Я хотѣлъ только захватить Виктора.

Онъ вынулъ изъ бокового кармана листъ, сложенный вчетверо, и подалъ Мурину.

— Вотъ, Витя... прочти. Если можешь, посодѣйствуй.

Настя протянула голову, не сдерживая любопытства. Викторъ, развернувъ листъ, пробѣжалъ быстро то, что стояло на первой страницѣ.

— Хоть ты... и въ нѣкоторомъ родѣ инвалидъ... но я не могъ не предложить... тебѣ...

— Подписка?—тихо спросила Настя.

— Да,—обронилъ Викторъ и нахмурился.

— Что можешь!

Викторъ сдѣлалъ неопредѣленный жестъ рукой и, возвращая Кудрикову листъ, глухо выговорилъ:

— Извини... я не могу...

— Не можешь?—протянулъ тотъ.

— Не считаю нужнымъ,—тверже выговорилъ Викторъ и поднялъ голову.

Лицо замѣтно блѣднѣло.

А лицо Насти стало розовѣть.

— Изъ принципа, стало быть... не желаешь?

— Я такихъ громкихъ словъ не буду употреблять... То, что вы

заварили теперь... можетъ и приведетъ къ чему-нибудь... Но я хочу быть самъ по себѣ. Когда чувствовалъ по другому, тогда платился и большимъ. А теперь извини.

Совсѣмъ маленькая пауза протянулась почти томительно.

— Какъ знаешь!

Кудриковъ ничего больше не сказалъ, положилъ бумагу обратно въ карманъ, торопливо выпилъ рюмку вина и сталъ прощаться.

Викторъ его не удерживалъ.

Когда они остались вдвоемъ, Викторъ и Настя не сразу заговорили.

— Что-жъ, Муринъ,—вымолвила Настя,—нужна во всемъ логика.

Викторъ молчалъ.

XXI.

На высокой эстрадѣ большого «hall» только что заиграли румыны.

День задался особенно бойкій. Всѣ почти столы были заняты.

Мягкій свѣтъ съ темно-голубоватымъ оттѣнкомъ заливалъ весь этотъ корабль базилики, передѣланной изъ двора и похожей на богато обставленный вокзалъ, со сводомъ матовой стеклянной крыши-потолка.

Татары, сходясь и расходясь въ разныя стороны, сновали между столами, останавливались у открытыхъ дрессуаровъ. Метрдотели-иностранцы въ высокихъ воротничкахъ и свѣже выутюженныхъ фракахъ важно двигались манерной или дѣловой походкой, подходя съ карточкой къ новымъ гостямъ.

Желтовато-красный, пріятнаго колера, коверъ глушилъ всѣ шаги. Разговоры въ началѣ обѣда не гудѣли еще, даже и въ антракты между номерами румынскаго оркестра.

Музыка съ половины огромной залы раздавалась сильно и заглушала голоса.

За многими столами, особенно большими, гдѣ обѣдали цѣлыми обществами или семьями, пестрѣли цвѣты и банты дамскихъ шляпъ.

У колоннъ, справа, размѣстилось общество съ двумя сѣдыми военными, въ генеральскихъ погонахъ. И посреди залы цѣлая компанія молодыхъ офицеровъ, нѣкоторые были въ мундирахъ, справляли какую-нибудь годовщину или чей-то праздникъ. Они уже принялись за шампанское.

Пріѣзжій могъ тутъ сразу попасть въ воздухъ ресторанаго ви-

верства, совсѣмъ отличный отъ московскаго, даже и въ такихъ трактирахъ, какъ «Эрмитажъ» или всемірно извѣстный Тѣстовъ.

Здѣсь пахло въ сто разъ больше столицей, съ огромнымъ персоналомъ служилаго люда—военнаго и статскаго, съ сильной примѣсью иностранныхъ элементовъ.

Высокая, плотная фигура хозяина-француза, съ лысой головой и бритымъ лицомъ римскаго проконсула, давала какъ бы доминанту этой чисто петербургской атмосферѣ изъ звуковъ, запаховъ, свѣтовыхъ точекъ, туалетовъ, мундировъ, смокинговъ и длинныхъ сюртуковъ съ мелькающими монгольскими профилями татаръ и капеллой румынъ, въ бѣлыхъ курткахъ и шароварахъ, затѣйливо расшитыхъ шнурками.

Въ сѣни, гдѣ выставлены разныя «новости»—фрукты, закуски, лакомства—вошелъ первымъ выѣздной лакей и вмѣстѣ съ наружнымъ швейцаромъ придержалъ входную дверь.

Юрій Дмитріевичъ пронустилъ впередъ дочь свою въ свѣтлой ротондѣ съ выхухолью и прошелъ за ней въ шинельную, гдѣ справа и слѣва вѣшалки были густо покрыты.

— A droite!—тихо кинулъ онъ Валѣ.—Въ тотъ коридоръ.

Она впервые попадала сюда; но уже давно просилась у отца пообѣдать съ ней «подъ румынъ».

Выѣздной прошелъ за ними въ правый широкій коридоръ, ведущій къ большой залѣ.

Шинельный татаринъ бросился къ нимъ; но выѣздной не допустилъ его снять съ барышни ротонду.

— Гдѣ ходъ въ кабинеты?—спросилъ Муринъ проходившаго мимо офиціанта и добавилъ:—кабинетъ на имя господина Коломитина.

— Если желаете, кругомъ можно провести.

— Хорошо.

— Нѣтъ, папа,—вмѣшалась Валя, оправляясь передъ зеркаломъ.—Черезъ залу! Je veux le coup d'oeil!

На ней былъ цвѣта «crême» мѣшокъ въ стилѣ «empire», съ короткой таліей подъ мышки и полуоткрытой шеей. Въ этомъ туалетѣ она еще менѣе смотрѣла дѣвицей. Высокій «торчокъ» возвышался надъ маковкой и на уши спущены были, усиленно противъ Москвы, волнистыя пряди «à la Cléo de Mérode».

Отцу не очень хотѣлось показываться въ публикѣ, но онъ уступилъ.

Ихъ ждало цѣлое общество: Алпатова, мать и дочь Сомовичъ, Коломитинъ и вездѣсущій Зѣвковъ.

Коломитинъ хотѣлъ дать этотъ обѣдъ отъ себя; но Юрій Дми-

тріевичъ запротестовалъ и настоялъ на томъ, чтобы его доля расходовъ была, какъ и у остальныхъ мужчинъ.

Идея принадлежала Марьѣ Борисовнѣ. Она пожелала «спрыснуть» его назначеніе, которое состоится передъ самой Святой; а шла шестая недѣля. Еще два дня, и подъ музыку румынъ нельзя уже будетъ обѣдать въ ресторанѣ.

Валя, оправившись передъ зеркаломъ, поплыла, съ длиннымъ хвостомъ. Отецъ за ней, не подавая ей руки, въ смокингѣ, бѣломъ жилетѣ и черномъ галстукѣ, подбритый, сильно въ Петербургѣ похудѣвшій, безъ недавнихъ красноватыхъ пятенъ на щекахъ, вообще очень представительный и моложавый, сегодня болѣе, чѣмъ когда-либо.

Имъ приходилось пересѣчь весь «hall» съ одного конца до другого, до самой эстрады румынъ, и тамъ подняться, чтобы попасть въ коридоръ отдѣльныхъ кабинетовъ.

Марья Борисовна при Муринѣ давала инструкцію Зѣвкову, чтобы былъ взятъ такой-то номеръ, съ двумя комнатами, съ окнами, выходящими въ залу.

На Валю, когда она проходила между столами, оглядывались. Навѣрно, нѣкоторые мужчины принимали ее за иностранку. Сегодня и въ ея туалетѣ, и въ прическѣ, и въ выраженіи лица было что-то нисколько не похожее на русскую барышню, дочь такого чистой воды «охранителя», какъ ея отецъ.

Ее съ первыхъ звуковъ какого-то чардаша подхватила волна того виверства, которое дѣлало для нея Петербургъ такимъ привлекательнымъ.

Какъ все это нарядно, бойко, съ приличнымъ оттѣнкомъ «кутильныхъ настроеній»—такъ выражается на своемъ литературномъ жаргонѣ Зѣвковъ.

Здѣсь и не пахнетъ подпившими купчишками, какъ въ Москвѣ, гдѣ настоящіе господа ведутъ такую тошную и скучную жизнь.

Такого «hall» она не видала нигдѣ и за границей: ни въ Парижѣ, ни въ Монте-Карло, ни въ Вѣнѣ.

И она чувствовала, проходя залой, что женщины смотрятъ на нее съ злобнымъ любопытствомъ, значитъ, на мужчинъ она дѣйствуетъ сразу. И всѣ, кто умѣетъ жить, благодарны ей за то, что она прошлась по залѣ и заинтриговала ихъ: кто, откуда? Она знала, что беретъ не красотой, а тѣмъ «chic», какого въ Москвѣ рѣшительно не стоитъ имѣть.

Она поднялась на площадку и тамъ обернулась на залу, чтобы бросить еще взглядъ на общую картину.

— Идемъ!—окликнулъ ее отецъ.

— Très chic... ce cabaret... Pas vrai, papa?

— Кормятъ хуже, чѣмъ у Донона,—поучительно замѣтилъ онъ.

По узкому коридорчику ихъ провели къ тому номеру, который такъ хорошо знакомъ Марьѣ Борисовнѣ.

Въ первой же продолговатой комнатѣ, гдѣ была сервирована закуска, появленіе Юрія Дмитріевича встрѣтили аплодисментами.

Коломитинъ, въ смокингѣ и бѣломъ галстукѣ, обнялъ его. Алпатова поцѣловала.

Подальше стояли Сомовичъ—мать и дочь—на одно лицо, рослыя, съ эффектнымъ бюстомъ, одинаково одѣтыя, очень декольтированныя.

Эти Сомовичъ въ какую-нибудь недѣлю стали и съ Муринымъ, и съ Валей на пріятельской ногѣ. Юрій Дмитріевичъ уже не сомнѣвался въ томъ, что мать въ интимныхъ отношеніяхъ съ Коломитинымъ; а также и въ томъ, что дочери это прекрасно извѣстно, что не мѣшаетъ ей держаться съ Коломитинымъ такого тона, точно будто у нихъ съ нимъ сильный флертъ.

Всѣ три дамы стали хвалить туалетъ Вали. Но онѣ были одѣты гораздо дороже и въ брилліантахъ, даже и дѣвица Сомовичъ. Валю это кольнуло. У ней нѣтъ такихъ «Juwelen», какъ называетъ ея нѣмка, и она только въ волосы воткнула булавку съ брилліантовой звѣздочкой.

Всѣ разомъ заговорили, тѣснясь вокругъ закуски. Зѣвковъ накладывалъ дамамъ, поочередно, свѣжую икру и разныя «горячія» закуски.

— Mademoiselle Valentine!—окликнула Сомовичъ-мать, принимая отъ Зѣвкова блюдечко съ икрой... Какой вашъ отецъ сегодня великолѣпный, не правда ли, Марья Борисовна?

— Еще бы! Настоящій préfet.

— A poigne!—подсказалъ Коломитинъ. Онъ ихъ тамъ приструнитъ, доморощенныхъ Гамбеттъ и Сенъ-Жюстовъ.

— Будто они есть?—спросилъ Зѣвковъ съ своей хитрой усмѣшкой.

— Справьтесь вотъ у Эмилія Васильевича,—указалъ Муринъ на Коломитина.

Всѣ разомъ расхохотались.

Они не настраивали себя на веселье. Имъ всѣмъ было одинаково весело.

Виновникъ дружескаго чествованія вспомнилъ свои лучшіе годы, когда онъ считался самымъ «boute en train» по всей губерніи и среди московскихъ клубмэновъ.

Впереди—выполненіе своего долга, служба, какъ онъ ее понимаетъ, не въ видѣ только синекуры; а съ проведеніемъ священныхъ для него принциповъ.

Но сегодня душа можетъ быть на распашку. Почему же и не покутить съ такимъ «спасителемъ общества», какъ этотъ, въ сущности, виверъ, женолюбъ и веселаго нрава человѣкъ, Эмилій Васильевичъ Коломитинъ?

Что ему, наконецъ, за дѣло до того, чѣмъ онъ приводится госпожѣ Сомовичъ? Онѣ обѣ ведутъ себя прилично, живутъ на свои средства и содержанкой ее никто не считаетъ.

Пріятельница его Марья Борисовна—предана ему безкорыстно; безъ ея «ходовъ» врядъ ли бы онъ, въ этотъ пріѣздъ, уѣхалъ изъ Петербурга съ назначеніемъ.

Оба они, съ Коломитинымъ, своимъ видомъ и тономъ говорятъ вотъ такому «стильному» молодому петербуржцу, какъ Зѣвковъ:

«Видите, милый мой, можно быть столпами, занимать видный постъ, проводить безъ малѣйшихъ колебаній идеи и мѣропріятія и, въ то же время, умѣть жить, не напускать на себя глупой серьезности тамъ, гдѣ мы въ своей компаніи».

Но у Юрія Дмитріевича и тутъ, въ глубинѣ того, что онъ считаетъ своимъ «кивотомъ», шевелилось сознаніе, что въ сотнѣ здѣшнихъ «службистовъ», и самыхъ матерыхъ, и средней руки, не найдется ни одного такого, какъ онъ, по преданности и твердости своего credo.

И дочь его находила, что ея отецъ въ сто разъ болѣе достоинъ занимать самый высокій постъ, чѣмъ вотъ такой Коломитинъ.

Но съ тѣмъ весело. Онъ чистокровный вивёръ. Между нимъ и тремя дамами полный ладъ, гдѣ и ей очень удобно и «вкусно»: ея любимое слово. Такъ вкусно, какъ всѣ эти закуски. Подмывательно и ново для нея все въ такомъ обѣдѣ, въ этомъ ресторанномъ номерѣ, куда доносится такая же подмывательная музыка румынъ.

И когда всѣ перешли въ смежную комнату, гдѣ весь столъ былъ въ цвѣтахъ и посрединѣ возвышалась какая-то пирамида изъ разныхъ сластей, она захлопала въ ладоши.

И тамъ Валя первая подбѣжала къ окну и, раздвигая занавѣски, стала смотрѣть въ залу.

— Comme c'est drôle!—повторяла она.—Точно въ ложѣ.

Алпатова и остальныя двѣ дамы узнали за разными столами знакомыхъ мужчинъ.

Юрій Дмитріевичъ не подходилъ къ окнамъ. Ему, всетаки, было

бы несовсѣмъ пріятно, если бы кто-нибудь изъ большой залы узналъ его и сказалъ:

— Каковъ Муринъ! Съ женскимъ поломъ обѣдаетъ въ кабинетѣ!

— A table, mesdames, à table!—пригласилъ Коломитинъ.

Алпатова спросила:

— Какъ это нѣмцы говорятъ... bunte... bunte.

— Bunte Reihe!—подсказалъ Зѣвковъ.

— Ну да, такъ и мы. Трое мужчинъ и три дамы. А четвертая сядетъ на концѣ. Я сяду... если угодно.

И, съ самаго супа, разговоръ такой же пестрый и шумный, какой завязался у закуски, сталъ перепрыгивать съ одного предмета на другой. И Алпатова, и дамы Сомовичъ знали, что Коломитинъ никогда ничего про свою службу не разсказываетъ и не любитъ, чтобы ему ставили «какіе-нибудь вопросы». Но покумить онъ любитъ, и сейчасъ же начался перекрестный огонь всякихъ слуховъ о назначеніяхъ, а потомъ о тѣхъ, кого назначаютъ, и что готовится, и что отмѣняется.

Потомъ перескочили къ какому-то благотворительному спектаклю, на который никто изъ этихъ дамъ не попалъ, хотя пущены были всѣ ходы.

Валя стала стыдить Зѣвкова, что онъ не могъ достать даже стульевъ заднихъ рядовъ.

— Утѣшьтесь, chère!—крикнула ей Алпатова.—Эмилій Васильевичъ, и тотъ не могъ добыть намъ съ ними,—она указала на мать и дочь,—хоть плохонькой ложи.

— За четыреста рублей былъ перепроданъ бенуаръ,—сообщилъ Зѣвковъ.

— И это благотворительность!—кинулъ Юрій Дмитріевичъ.—Не стыдятся барышничать! Такое повальное бѣснованье я считаю прямо скандальнымъ.

Коломитинъ кивнулъ ему головой съ другого конца стола.

— Помилуйте,—продолжалъ Муринъ,—дамы-патронессы изъ такихъ сферъ общества... поощрять что? Давать поводъ чему? Овваціямъ по чьему адресу? И вся эта орава на верхахъ срывается, бѣжитъ къ рампѣ, оретъ, терроризуетъ тѣхъ, кто сидитъ въ ложахъ и креслахъ, изъ-за которыхъ прошли чрезъ всякія униженія, только бы ихъ заполучить!

— Это правда!—одобрила Алпатова.

— Mais c'est drôle! Не правда ли, mesdames?—обратилась Валя къ остальнымъ двумъ дамамъ.

— Намъ съ мамой ужасно хотѣлось! Я готова была разревѣться.— призналась дочь.

— И потомъ, цѣль всетаки же симпатична,—продолжала мать.— Это не то, что попрошайство на учащуюся молодежь. Этому конца не будетъ!

— И только и разговору, что объ этой милѣйшей молодежи!— съ брезгливой гримасой выговорилъ Муринъ.

Никто изъ нихъ не желалъ задѣвать этой набившей оскомину темы; но не прошло десяти минутъ, какъ всѣ взапуски стали перебирать всѣ слухи объ этихъ самыхъ «милашкахъ», какъ ихъ назвалъ, тутъ же, Коломитинъ.

Юрій Дмитріевичъ это почувствовалъ, и ему стало за себя обидно.

— Mesdames! Messieurs!—громко окликнулъ онъ.—Si nous changions de sujet!

— Ça, c'est vrai!—первая отозвалась Алпатова.—Это просто какое-то наважденіе!

Всѣ разсмѣялись.

Кто-то зазвонилъ ножомъ о рюмку.

Поднялся Коломитинъ. Всѣ дамы разомъ обернулись въ его сторону, и щеки Вали сдѣлались пунцовыми отъ пріятнаго волненія.

Это спичъ и тостъ въ честь «виновника» — ея отца.

— Не бойтесь!—Коломитинъ сдѣлалъ широкій жестъ ладонью красивой руки.—Не бойтесь! Я не присяжный спикеръ... не застольный краснобай! И здѣсь не юбилейное торжество. Юбиляры всѣ сдаются въ архивъ. Это своего рода... *віатикъ*... вродѣ того, какой даютъ въ Монте-Карло проигравшимся.

— Браво! Браво!—крикнули и захлопали руками Алпатова и Валя.

Сомовичъ мать и дочь поддерживали.

— Très touché!—обронилъ Коломитинъ по адресу дамъ, съ возрастающей игривостью породистаго вивера.

Онъ заложилъ кисть руки за широкій выемъ жилета, а другой взялъ стаканъ съ шампанскимъ.

— Нѣтъ! Нашъ дорогой Юрій Дмитріевичъ еще молодой дебю[illegible]тъ. Но какой? Которому нечего бояться испытаній. Свой аттестатъ [illegible]лости онъ давно получилъ.

— Браво!—крикнула Валя.

Зѣвковъ тихо захлопалъ. Остальные поддержали его.

— Въ немъ все созрѣло для предстоящей ему роли. Pardon, mes[illegible]ies, за эти торжественныя слова. Я останусь въ нотахъ друже-

скаго веселонравія за этимъ столомъ, гдѣ женская грація и женская симпатія развернулись такимъ роскошнымъ букетомъ.

Захлопали всѣ, и возгласъ Мурина покрылъ остальные:

— Вѣренъ себѣ... Эмилій Васильевичъ!

— Je me résume!—какъ говорятъ французскіе адвокаты.—Я не пророкъ. Но я позволю себѣ предсказать, что не пройдетъ и трехъ недѣль, и мы всѣ будемъ пить посошокъ, прощаясь съ Юріемъ Дмитріевичемъ здѣсь или на вокзалѣ Николаевской дороги и провожая его на мѣсто его служенія. Никакихъ банальныхъ пожеланій я ему не буду дѣлать! Одно общее—да: дай Богъ, чтобы побольше было такихъ дебютантовъ на тернистомъ поприщѣ россійскаго администратора! Здоровье нашего дорогого Юрія Дмитріевича!

Всѣ повскакали съ мѣстъ; дамы бросились къ Мурину съ Алпатовой во главѣ. Она его обняла, за ней Валя. Онъ перецѣловалъ руки у обѣихъ Сомовичъ, расцѣловалъ Коломитина и потрепалъ по плечу Зѣвкова.

— Проситесь отсюда къ Юрію Дмитріевичу,—сказалъ ему Коломитинъ, шутливо подмигнувъ.

— Онъ нигдѣ не можетъ жить, кромѣ Петербурга,—отвѣтила за него Алпатова.

Всѣхъ подхватилъ новый наплывъ шумной веселости. Но трескъ болтовни и смѣха внезапно смолкъ, когда Муринъ поднялся съ стаканомъ въ рукѣ, а Коломитинъ сталъ сильно стучать ножомъ о тарелку.

— И я не застольный краснобай, скажу я вслѣдъ нашему вѣчно юному и жизнеобильному Эмилію Васильевичу. Здѣсь все—отъ сердца! Большинство—и численно—за дамами, хотя одна не въ счетъ.

— Браво, папа!—крикнула Валя, у которой въ головѣ давно уже шумѣло отъ вина.

— Передъ дамами я воздержусь, какъ и предшествовавшій ораторъ, отъ всякихъ торжественныхъ общихъ мѣстъ. Я, дѣйствительно, дебютантъ, особенно если считать только чиновничью службу. Можно ли про меня сказать, какъ о многихъ очаровательныхъ женщинахъ, que je suis á point...

— Можно, можно!—пустила высокой нотой Алпатова.

— Вся моя философія сводится къ одному изреченію. Его давно обратило въ смѣхотворную прибаутку наше газетное гаерство. Оно отзывается забытой московской стариной. Но оно служитъ девизомъ... лучшимъ людямъ первенствующаго сословія.

— Papa, décoche!—кинула Валя.

Юрій Дмитріевичъ ласково усмѣхнулся и, указывая всѣмъ на дочь, сказалъ какъ бы «въ сторону».

— Извините... она здѣсь въ роли enfant terrible.

— Hein, hein!—раздался возгласъ Коломитина.

— Это изреченіе: коли кореню крѣпко, то и древо совершенно.

— Прекрасно! Спасибо! Спасибо!

Алпатова подбѣжала къ Мурину и стала его обнимать. Всѣ окружили его и опять повторился обмѣнъ нѣжностей.

Подали сладкое блюдо и дессертъ.

Послѣ «подъема» принципіальныхъ словъ обоихъ представителей начала общественнаго «оздоровленія», всѣхъ подхватила опять волна петербургскаго виверства.

Румыны, точно нарочно, заиграли бѣшеный чардашъ. Валя не выдержала, вскочила первая изъ-за стола, подбѣжала къ окну и, откинувъ обѣ занавѣски, заставила одну половину раскрыться.

И остальныя дамы встали и подошли кучкой къ открытому окну.

Въ залѣ былъ еще народъ; но наполовину она уже опустѣла.

XXII.

Валя вдругъ подалась головой въ полуоткрытое окно.

И то, что она увидала, внизу, черезъ залу, за столикомъ, у одной изъ колоннъ, сразу отрезвило ее.

Она повернула голову вбокъ, чтобы отчетливѣе всмотрѣться.

Юрій Дмитріевичъ присѣлъ на диванъ и закурилъ сигару, въ ожиданіи кофе. Остальныя дамы стояли все еще кучкой у другого окна и перекидывались короткими фразами.

— Папа!—тихо и быстро позвала Валя.

— Что тебѣ?

— Viens ici... je t'en supplie!

Это немного удивило Юрія Дмитріевича.

«Что еще выдумала?»—подумалъ онъ.

Но онъ подошелъ къ ней, наклонился и сзади взялъ ее обѣими руками за талію.

— Это онъ? Посмотри тамъ!

— Кто онъ?

— Викторъ.

— Братъ твой?

— Взгляни вонъ туда, по ту сторону, у колонны... Это онъ же!

Муринъ, прищурившись, поглядѣлъ туда.

Несомнѣнно, это его старшій сынъ, сидитъ въ профиль, сталъ

менѣе лохматъ и одѣтъ прилично. Противъ него, за тѣмъ же столомъ, на двѣ персоны, дама въ темной шляпѣ, смотритъ конторщицей или молодой гувернанткой, во всякомъ случаѣ мало подходитъ къ обстановкѣ такого ресторана.

— Et voilà!—вырвался у Вали полудурачливый возгласъ.

— Что же изъ этого?

Онъ уже успѣлъ овладѣть собою. Встрѣча, конечно, непріятная, но ея можно избѣжать.

И, наконецъ, что ему и его дочери за дѣло до того, что какой-то «милостивый государь»—онъ такъ выразился умственно—съ своей «мамзелью» обѣдаетъ въ большой залѣ ресторана?

Онъ имъ не мѣшаетъ. И никто, кромѣ развѣ Марьи Борисовны, и не знаетъ его въ лицо; да и она видала мелькомъ, и давно, когда онъ былъ еще на первомъ курсѣ.

Валя не отходила отъ окна.

— Довольно!—далъ на нее окрикъ отецъ, нагнувшись надъ ней.

Въ эту минуту стали разносить кофе. Коломитинъ болталъ у второго окна съ дамами; Зѣвковъ подошелъ съ чашкой къ Валѣ.

Юрій Дмитріевичъ воспользовался движеніемъ Коломитина къ канделябрѣ, чтобы закурить папиросу, взялъ его нѣжно подъ локоть и увелъ въ первую комнату, откуда уже убрали закусочный столъ.

— Тамъ больше воздуху, Эмилій Васильевичъ. Присядемъ здѣсь.

У Мурина быстро всплыло въ головѣ нѣкоторое соображеніе.

— Вотъ сюда,—пригласилъ онъ Коломитина,—ближе къ входной двери, около зеркальнаго консоля.

— Дорогой Эмилій Васильевичъ, — началъ онъ, беря того за руку. —Мнѣ нечего изливаться вамъ въ любви и дружбѣ. Но позвольте дать вамъ лишнее доказательство моего къ вамъ довѣрія.

— Принимаю! — дурачливо остановилъ Коломитинъ, опуская глаза и наклоняя голову.

— У меня есть одно... семейное горе.

Тотъ взглянулъ на него вопросительно.

— Вы должны это знать... Вамъ вѣдь все вѣдомо...

Коломитинъ покачалъ отрицательно головой.

— Старшій сынъ мой, Викторъ... увлекся... тамъ, въ Москвѣ и попалъ подъ красную шапку.

— А-а!... Теперь припоминаю.

— Но вы могли не знать, что это мой сынъ?

— Вамъ нужна справка?—тише звукомъ спросилъ Коломитинъ.

— Увы! Никакихъ справокъ мнѣ не надо. Я превосходно знаю à quoi m'en tenir. Въ двухъ словахъ... онъ вернулся... могъ кончить.

Не пожелалъ. Разорвалъ—и какъ!—Муринъ вздохнулъ,—съ родными, со мною, въ первую голову... и теперь находится въ Петербургѣ. Мало этого, судьба угостила меня дессертомъ на сегодняшнемъ чествованіи. Вотъ сейчасъ моя дочь увидала его въ залѣ.

— Здѣсь?

— Да, съ какой-то особой.

— Ха-ха! Если онъ посѣщаетъ такія мѣста, нѣтъ большой опасности, что онъ очутится въ бунтаряхъ. А впрочемъ... что я говорю! Нынче все возможно: глядишь фертъ, снобъ, свѣтлозеленый сюртукъ и бирюзовый воротникъ, завсегдатай Крестовскаго и другихъ кабаковъ, а очутится въ числѣ забранныхъ. Нынче все возможно!

И, прервавъ себя, Коломитинъ немного сдвинулъ свои расходящіяся вверхъ брови—дамы находятъ ихъ мефистофельскими—и выговорилъ еще тише:

— Чѣмъ могу?

У Мурина чуть было не вырвалось: «Надо протурить его отсюда».

О чемъ же будетъ онъ просить Коломитина?

Размягченный обѣдомъ, объятіями, поцѣлуями, шампанскимъ, перспективой новой карьеры, сознаніемъ своего внутренняго достоинства, Юрій Дмитріевичъ вспомнилъ, что этотъ «несчастный»—его сынъ.

Правда, онъ не заслуживаетъ особенной жалости, но всетаки онъ Муринъ, кровь отъ крови его и плоть отъ плоти.

Руку Коломитина онъ все еще держалъ въ своей.

— Я не знаю... что онъ здѣсь дѣлаетъ.

— Какъ видите... пріятно проводитъ время.

— Но за него я менѣе поручусь, чѣмъ за кого-либо... И если та ужасная закваска, какая въ немъ сидитъ, скажется опять въ чемъ-нибудь еще горшемъ...

Взглядъ Мурина досказалъ остальное.

Коломитинъ понялъ его такъ:

«Всетаки онъ мнѣ сынъ. Надо его проучить, но не разбивать его жизнь навсегда».

— Благодарю васъ, дорогой,—сказалъ Коломитинъ, пожимая руку Юрія Дмитріевича,—за ваше довѣріе. Но знаете, что я вамъ скажу... Всякія метаморфозы возможны. И какъ быстро! Вродѣ какъ нынче дѣлаютъ чистую перемѣну не только въ балетѣ, но и въ драматическихъ спектакляхъ. Эйнъ, цвей, дрей, темнота на сценѣ, потомъ свѣтъ и другая декорація со всей бутафоріей. Ха-ха! Былъ непримиримый... еще въ выпускномъ курсѣ, и глядишь—вмѣсто радикала, бунтаря, чуть не анархиста—эстетъ,—протянулъ онъ,—со-

бираетъ коллекціи, бредитъ новымъ стилемъ и влюбляется въ дѣвуль, у которыхъ вотъ такія линіи.

Онъ вытянулъ обѣ руки вбокъ, согнулъ смѣшно ладони и растопырилъ пальцы.

— Ха-ха! Кого это вы представляете?

Съ этимъ подошла Алпатова.

И Юрій Дмитріевичъ былъ очень благодаренъ Коломитину за такой volteface. Онъ могъ бы и при своемъ другѣ, Марьѣ Борисовнѣ, продолжать разговоръ о сынѣ; но воздержался, не намекнулъ ей даже на то, что старшій сынъ его обѣдаетъ въ ресторанѣ.

Марья Борисовна стала звать всѣхъ къ себѣ, пить чай, послѣ чего кто-нибудь «разовьетъ идею», какъ закончить ихъ «folle journée».

Когда выходили въ коридоръ, Юрій Дмитріевичъ попридержалъ дочь, подвелъ ее къ зеркалу, какъ бы затѣмъ, чтобы она поправила волосы, и сказалъ ей:

— Возьми подъ руку Марью Борисовну. Вы пойдете обходомъ, а не черезъ залу.

— Почему? Неужели потому, что Виктору Юрьевичу угодно тамъ обѣдать? Слишкомъ много чести, hein!

— Я тебѣ говорю, что такъ надо сдѣлать.

Давно онъ не бралъ съ ней такого авторитетнаго тона.

Она подумала:

«Сегодня его именины. Да и, въ самомъ дѣлѣ, такъ будетъ лучше! Стоитъ ли спорить изъ-за всякаго «gringalet»?

Она давно уже дала это прозвище своему старшему брату.

— Хорошо. Я такъ сдѣлаю.

Она побѣжала по коридору, догнала дамъ, взяла подъ локоть Алпатову и на ходу поцѣловала ее въ щеку, а та обняла ее одной рукой за талію.

— Эмилій Васильевичъ! — пригласила она Коломитина. — Мы пройдемъ кругомъ. М-г Зѣвковъ, идите впередъ.

Коломитинъ понялъ этотъ маневръ. Онъ замѣтилъ, что Муринъ что-то говорилъ дочери у зеркала.

Всѣ двинулись попарно: впереди Зѣвковъ съ Сомовичъ-дочерью, потомъ Коломитинъ съ матерью, а сзади Валя съ Алпатовой. Шли они довольно шумно, со смѣхомъ и возбужденными возгласами.

Юрій Дмитріевичъ нарочно поотсталъ и, дойдя до площадки, сталъ какъ бы въ нерѣшительности: идти за ними или спуститься въ большую залу.

. . . . . .

Настя въ первый разъ попадала въ этотъ ресторанъ.

Ей очень понравилось то, что Викторъ не предложилъ ей взять отдѣльный кабинетъ. Они не сбивались съ товарищескаго тона.

Ихъ уже приглашалъ Кудриковъ, даже стыдилъ тѣмъ, что ни тотъ, ни другая не имѣютъ понятія о «Медвѣдѣ».

Съ тѣхъ поръ, какъ онъ ушелъ отъ Виктора съ отказомъ, онъ что-то больше не являлся.

Викторъ оставилъ это «втунѣ», не сталъ ему писать или вызывать на дальнѣйшія объясненія.

Черезъ день, когда Настя зашла къ нему, онъ ее спросилъ:

— Правъ былъ я такъ поступить?

Настя отвѣтила:

— Конечно...

И прибавила:

— Придется многое, въ такомъ вкусѣ, испытать. Можемъ попасть и въ ренегаты и даже въ соглядатаи.

Послѣ этого ихъ пріятельство стало еще тѣснѣе. И онъ, и она знали теперь, что имъ не придется ни на чемъ разойтись, ни на одномъ крупномъ мнѣніи и ни на одномъ поступкѣ.

Когда они вошли сюда, въ этотъ «hall»—имъ рѣшительно было все равно, что про нихъ сказали бы въ томъ или иномъ кружкѣ. И почему они имѣли меньше правъ пообѣдать за два рубля и послушать музыку румынъ, чѣмъ всѣ эти офицеры, чиновники, биржевики, барыни и франты-студенты въ разныхъ формахъ?

Послѣ обѣда Викторъ спросилъ кофе, и они рѣшили дождаться конца, послѣдняго номера румынъ.

Настя вспомнила, что, гимназисткой, она—когда попадала въ театръ—забиралась чуть не за часъ до занавѣса и оставалась до тушенія огней.

Имъ было здѣсь веселѣе, чѣмъ гдѣ-либо, куда они попадали съ Кудриковымъ. Викторъ былъ за сотни верстъ отъ всякихъ «пригнетающихъ темъ» и «личнаго ковырянья»—два термина, которые онъ выговаривалъ съ юморомъ.

Музыка смолкла. Румыны поднялись разомъ и собрались уходить.

— Какъ жаль!—сказала Настя, поглядывая туда, въ сторону эстрады.

Она сидѣла къ ней лицомъ. Викторъ не сбоку, а прямо противъ нея.

— Надо спросить счетъ!—потише замѣтилъ Викторъ и сталъ осматриваться—не проходитъ ли по близости лакей.

Въ эту именно минуту отецъ его показался на площадкѣ, надъ эстрадой.

Настя не имѣла о немъ понятія. Отъ Виктора она не слыхала никакихъ разсказовъ о его родныхъ. Ей извѣстно было только то, что они разошлись.

Онъ ничего не говорилъ ей о томъ, что онъ сдѣлалъ послѣ того, какъ отецъ попрекнулъ его расходами на его воспитаніе.

Юрій Дмитріевичъ сталъ медленно сходить внизъ. Въ залѣ оставалось очень мало народу—всего на трехъ маленькихъ столахъ и все та же молодая компанія военныхъ засидѣлась и пила здравицы.

Онъ сознавалъ, что ему не къ чему «бравировать» встрѣчей съ сыномъ, но что-то его влекло внизъ. Какъ будто онъ хотѣлъ показать этому «несчастному», что и отецъ совершенно его «игнорируетъ».

Юрій Дмитріевичъ сошелъ совсѣмъ внизъ и сталъ двигаться по діагонали, направляясь къ выходу, въ правомъ углу.

Ему можно было взять любой проходъ, на лѣвой половинѣ залы, въ порядочномъ разстояніи отъ того столика, гдѣ сидѣли Викторъ и Настя.

Но это было бы постыднымъ малодушіемъ.

Онъ взялъ правѣе.

Викторъ окликнулъ еще разъ лакея и—въ эту самую минуту—увидалъ вдругъ отца. Его смущеніе тотчасъ замѣтила Настя и спросила его тихо:

— Кто это?

— Отецъ мой!

— Вотъ какой онъ.

Въ Викторѣ мгновенно произошла схватка двухъ чувствъ—досады на такую ненужную случайность и нежеланія выказать себя нетерпимымъ или злопамятнымъ.

Онъ всталъ, когда Юрій Дмитріевичъ повернулъ въ проходъ ихъ стола и сосѣднихъ, и сдѣлалъ движеніе впередъ всѣмъ корпусомъ и головой, какъ бы желая ему поклониться.

И Настя немного приподнялась.

— Здравствуй!

Отецъ его кинулъ этотъ окликъ и пріостановился.

— Здравствуйте,—отвѣтилъ Викторъ.

На «ты» онъ не могъ говорить съ отцомъ.

— Пріятно проводишь время?

Этотъ вопросъ вылетѣлъ у Юрія Дмитріевича самъ собою, и онъ сейчасъ же почувствовалъ, что «тона» у него нѣтъ и что вся эта встрѣча «ни къ чему» и «довольно-таки глупа».

— Желаю всякаго удовольствія!

И почему-то шаркнувъ ногой, по-старинному, онъ кивнулъ головой и пошелъ скорѣе, чѣмъ приближался къ нимъ.

Викторъ опустился на свой стулъ и не сразу взглянулъ на Ягодину.

Она не совсѣмъ одобрила то, что Викторъ первый всталъ и поздоровался съ отцомъ.

Это онъ понялъ по выраженію ея глазъ, хотя она молчала.

— Къ чему все это?—сказала она, сначала оглянувшись назадъ.

— Что именно?—тревожнѣе спросилъ Викторъ.

— Да вотъ то, что онъ изволилъ произнесть?

И, помолчавъ, она добавила:

— На вашемъ мѣстѣ я бы не узнала его.

— Такъ вышло,—кротко вымолвилъ Викторъ.

— Родительскій престижъ.

— Можетъ быть, пережитокъ дѣтства.

Лакей принесъ счетъ. Они были теперь уже совсѣмъ одни въ громадномъ «hall», даже компанія молодыхъ офицеровъ удалилась.

— Онъ зналъ, что вы здѣсь?

— Вѣроятно... я столкнулся съ братомъ, мы пріѣхали въ одномъ поѣздѣ.

— Значитъ, вы живете уже здѣсь оба около мѣсяца? Никакихъ минъ противъ васъ онъ не пускалъ въ ходъ?

— Какихъ же?

— Мало ли какихъ? Первымъ дѣломъ... удалить васъ отсюда.

— Съ какой стати?

— Для поддержанія авторитета родительской власти. Я... какъ особа женскаго пола—могу отзываться незнаніемъ закона; но кое-чѣмъ по этой части юристы со мной дѣлились. Коли родитель пожелаетъ, есть такой законъ, по которому онъ можетъ упечь васъ въ смирительный домъ.

— Этого онъ не пожелаетъ.

Настя тихо разсмѣялась.

— Видите, другъ мой, Викторъ Юрьевичъ, что значитъ духъ времени. Нельзя... не то время!... Что же изъ этого слѣдуетъ?

— Что?—веселѣе остановилъ Викторъ.

— Сильнѣе всего... *идея*. Люди ничего... идея—все. Она всѣхъ передѣлываетъ на свой образецъ.

— Съ вѣрой въ это ничто не страшно!

— Да мы съ вами ничего и не боимся.

Она взяла рюмку съ недопитымъ виномъ и подняла ее.

— Выпьемъ за такую вотъ нашу дерзкую вѣру... въ торжество идеи.

Они чокнулись.

Разомъ потухло много лампочекъ и залу окуталъ полусвѣтъ.

XXIII.

Въ сумеркахъ полуосвѣщеннаго Невскаго, въ длиннѣйшемъ кафе подъ пассажемъ, по нишамъ и въ срединномъ проходѣ было не мало народу.

Ягодина спускалась по лѣсенкѣ, съ Невскаго, часу въ первомъ.

Въ этотъ день она позднѣе пошла въ должность. Сюда, въ кафе, куда она заходитъ выпить кофе и съѣсть пирожокъ—она вчера депешей вызвала Кудрикова.

Они должны были встрѣтиться въ проходѣ.

Кудриковъ пришелъ пятью минутами раньше и уже прохаживался взадъ и впередъ, засунувъ руки въ карманы пальто и съ фуражкой, неизмѣнно отодвинутой немного на затылокъ.

— Настасья Матвѣевна!—окликнулъ онъ ее за нѣсколько аршинъ.

— Давно ждете?

— Нѣтъ... минутъ пять... Угодно присѣсть вонъ туда?

Онъ указалъ рукой на одну изъ нишъ.

— Сядемьте.

— Что прикажете заказать?

— А развѣ нужно?

— Чтобы другіе посѣтители не обижались.

Они сѣли и Кудриковъ сейчасъ же заказалъ себѣ чего-то. Настя отъ угощенья отказалась.

Лицо у ней было сегодня строгое. Онъ даже немного струхнулъ.

Не видались они съ того дня, какъ онъ приходилъ съ подписнымъ листомъ.

— Скажите, Кудриковъ,—начала Настя, глядя на него очень пристально...—вы развѣ разорвали съ Муринымъ?

— Ни Боже мой!

— Почему же вы къ нему не ходите?

— Анаѳемски занятъ, Настасья Матвѣевна! Такая у насъ идетъ теперь катавасія... Самъ квартальный не разбери, если выразиться по-московски.

— Вы, однако-жъ, поступка Мурина не одобрили?—все еще строго спросила она.

— На счетъ чего?

Окликъ Кудрикова прозвучалъ такъ искренно, что Настя посмягчилась.

— А тогда... его отказъ отъ участія въ той подпискѣ? Ну, вы же приносили листъ?

— А-а! Изъ-за этого? Ежели это противъ его убѣжденія... я ему не судья. И опять же... Витя достаточно поплатился. Его осторожность я понимаю.

— Тутъ дѣло не въ осторожности, а въ нежеланіи участвовать, потому что ни онъ, ни я—я говорю про себя,—прибавила она горячѣе,—не хотимъ никакого подчиненія стаду, каково бы оно ни было.

— Воля ваша! Только я вовсе не окрысился. Такъ и Витѣ передайте. Я къ нему забѣгу.

— Объясненій не нужно, Кудриковъ,—опять построже продолжала Настя.—Это только разстроитъ Мурина.

— Такъ въ чемъ же дѣло, Настасья Матвѣевна?

Настя оглянулась и, подвинувшись къ столику, заговорила тише.

— Вышла исторія.

Она опять поглядѣла на него пристально.

— Въ какомъ вкусѣ?

— Вы товарищъ Мурина... всегда его уважали... и вотъ сейчасъ сами заявили, что нисколько не осуждаете его за тотъ отказъ.

— Свобода мнѣній—прежде всего, Настасья Матвѣевна.

— Прекрасно. Но этотъ фактъ сталъ извѣстенъ.

— Какой именно?

— А то, что Викторъ отказался отъ участія въ подпискѣ.

Кудриковъ движеніемъ руки сдвинулъ фуражку еще сильнѣе на затылокъ, болѣе удивленный, чѣмъ сконфуженный.

— Имѣлъ на это полное право. Что же вамъ еще сказать?

— Кто могъ это распространить?

Она чуть было не выговорила: «разболтать»; но по тону слово такъ именно и прозвучало.

Тутъ только Кудриковъ началъ понимать.

— Вы меня обвиняете?

— Вышло, однако, вотъ что,—стремительно заговорила Настя, и, упершись локти на столикъ.—Здѣсь теперь одна Саксурова...

— Знаю! Встрѣчалъ ее здѣсь.

— Съ ней вы теперь не видались?

— Нѣтъ.

Потеревъ себѣ переносицу, Кудриковъ еще рѣшительнѣе проговорилъ:

— Нѣтъ!

— Однако, она отыскала меня... на новой моей квартирѣ... и пришла, возмущенная отказомъ Мурина. Какимъ же образомъ, скажите мнѣ, Кудриковъ, могла она узнать это?

— Позвольте, добрѣйшая Настасья Матвѣевна, другими словами, вы меня обвиняете въ томъ, что я умышленно выдалъ моего друга Виктора Мурина?

Онъ откинулся на спинку стула, а фуражку снялъ.

Его бросило въ жаръ.

— Объясните мнѣ... я больше ничего не желаю... Муринъ—каковъ онъ теперь—и я раздѣляю его взгляды,—подчеркнула она,—не испугается того, что его предадутъ остракизму. Но такая Саксурова можетъ отъ имени цѣлаго кружка явиться къ нему за объясненіемъ. И я, какъ его другъ, должна быть въ курсѣ всего этого... а прежде всего знать, какъ такой фактъ былъ освѣщенъ вами, гдѣ и кому вы его передали, потому что, кромѣ васъ, никто этого не зналъ?

— Позвольте! — уже довольно громко перебилъ Кудриковъ.— Вамъ угодно, чтобы я оправдался? Вижу, что для меня это будетъ штука мудреная... особенно передъ вами... при вашемъ... нѣсколько воинственномъ настроеніи.

Настя помягче остановила его:

— Простите... я не имѣю права допрашивать васъ, Кудриковъ; но вѣдь мы оба друзья Мурина?

— Дѣло простое... житейское. Мнѣ поручили показать листъ Виктору. Онъ отказался. Когда я отдавалъ листъ назадъ... я, разумѣется, не могъ же скрыть, что онъ не подписалъ. Такъ или нѣтъ?

— Это было въ какомъ-нибудь засѣданіи, на сходкѣ или въ кружкѣ?

— Нѣтъ. Хоть убейте, даже не помню, кому именно я отдалъ листъ. Но даю вамъ честное слово, что никакихъ комментарій я себѣ при этомъ не позволилъ.

У него, когда онъ это говорилъ, дрогнулъ голосъ.

— Стало, комментаріи пошли отъ другихъ?

— Очевидно.

— И больше ничего не было говорено... при васъ... вотъ надняхъ...

— О Витѣ?

— Да, объ его яко бы возмутительномъ бездушіи, что ли?

— Не слыхалъ... и повторяю, этой самой госпожи Саксуровой не видалъ.

— Однако... она просила меня, отъ имени нѣсколькихъ лицъ, привести Мурина къ какой-то старухѣ Темкиной.

— А! къ Маргаритѣ Ѳедоровнѣ! Непримиримой и вѣчно кипучей!

— Вы у ней бываете?

— Бываю.

— А васъ не звали въ этотъ четвергъ?

— Не помню что-то.

— И вотъ мнѣ предстоитъ разговоръ съ Муринымъ. Повторяю... онъ не испугается и ни за кѣмъ не признаетъ права суда надъ нимъ.

— Можетъ и не идти.

— Почему же? Если онъ пойдетъ, я бы хотѣла, чтобы и вы были.

— Зачѣмъ же, Настасья Матвѣевна? Мое положеніе было бы крайне щекотливо. Точно я тутъ обрѣтаюсь, какъ свидѣтель.

— Вы, стало, уклоняетесь?

— Не уклоняюсь... въ томъ смыслѣ, какой вы хотите придать моему отказу. Вовсе нѣтъ!—горячо воскликнулъ онъ.—А къ чему это? И я, на вашемъ мѣстѣ, не сталъ бы подбивать Витю идти къ Темкиной. Вы его другъ. Зачѣмъ же толкать его на какую-нибудь сцену? И безъ того онъ перешелъ черезъ такія передряги. Здоровье у него... не важное. Можетъ вдругъ хватить нервный ударъ.

— За него я ручаюсь. Подталкивать его я не буду. Но я обязана ему передать то, съ чѣмъ ко мнѣ явилась Саксурова.

— Ваша воля!

Онъ надѣлъ фуражку и всталъ.

— Все это мнѣ крайне прискорбно, Настасья Матвѣевна. Но повторяю, ни одного слова и никому я не сказалъ по поводу отказа Вити. Въ остальномъ умываю руки. А еслибъ я былъ, какъ вы и Витя—самъ по себѣ, не желая носить шоры—ваша общая поговорка, я бы сказалъ: «мнѣ абсолютно ganz Pommade и никакихъ объясненій я имѣть не желаю!»

Привычнымъ движеніемъ онъ вынулъ часы изъ рейтузъ.

— Извините... долженъ бѣжать. Но я не даю бѣжки, Настасья Матвѣевна, прошу васъ этому вѣрить, и совѣсть моя чиста. А Питеръ такой городъ: здѣсь къ каждому изъ насъ приставлено по сту с гландатаевъ... всякаго сорта. Будьте здоровы.

Настя молча пожала ему руку.

Изъ должности Настя отправилась прямо къ Виктору.

Все время, какъ она сидѣла за конторкой, она то и дѣло мысленно возвращалась къ своему свиданію съ Кудриковымъ.

Собой она не была довольна.

Все это вышло не такъ. И даже—къ ея ужасу—выходило, что она многое точно присочинила.

Саксурова, дѣйствительно, вскользь сказала ей насчетъ той подписки и пригласила ее — если она желаетъ — придти къ старухѣ Темкиной, у которой будетъ какое-то литературное чтеніе, кажется, платное.

Ей самой, ей — Ягодиной — захотѣлось, чтобы Викторъ въ такомъ кружкѣ высказался какъ можно смѣлѣе. А поводъ, навѣрно, будетъ.

И теперь надо было представить ему все это опять въ другомъ свѣтѣ.

Она боялась запутаться и нѣсколько разъ спрашивала себя:

«Почему я такъ волнуюсь? Обидѣлась за Виктора?»

Да, обидѣлась, хотя и считаетъ и его, и себя уже нечувствительными къ разнаго рода обвиненіямъ отъ тѣхъ, кто «въ шорахъ».

Разумѣется, если разошлось въ *этихъ* кружкахъ, что Муринъ—пострадавшій московскій студентъ—выказалъ себя такимъ образомъ, то его считаютъ, по крайней мѣрѣ, «аристократишкой», который «сдрефилъ» и теперь играетъ въ индифферентизмъ.

И вотъ это ее защемило больше, чѣмъ еслибъ дѣло шло о ней самой.

Виктора она немного подождала и, сидя у него, поуспокоилась, овладѣла своимъ «сюжетомъ» и, когда онъ пришелъ, она ему все представила въ другомъ свѣтѣ, безразличнымъ тономъ, не упоминая ни о подпискѣ, ни о Кудриковѣ.

Выходило уже такъ, что Саксурова предлагаетъ прослушать интересный «рефератъ» въ квартирѣ нѣкоей Темкиной.

Она назвала предметъ реферата.

Виктору онъ понравился.

— Только,—предварила она,—кажется, это не совсѣмъ даромъ.

— Такъ что-жъ?

— Можетъ быть... вы не пожелали бы давать на что-нибудь вродѣ той подписки... помните листъ, который принесъ Кудриковъ?

— А-а!

— Это только поводъ къ сплетнямъ... всѣ такіе поборы. Кто не желаетъ давать, тотъ сейчасъ попадаетъ въ ненадежные субъекты.

— Мнѣ это все равно. Кто читаетъ?

Настя назвала имя лектора—очень извѣстное.

— Мнѣ все равно... съ какой это цѣлью. Довольно того, что мнѣ о ней не заявляютъ... А къ пересудамъ я давно приготовленъ.

— Тамъ вѣдь все будутъ заядлые.

— Что-жъ... это ничего. Къ нимъ, въ качествѣ единомышленника, я не пойду, а со стороны—будетъ курьезно.

— Такъ, значитъ, идемъ?

— Идемъ.

Они условились, что Викторъ заѣдетъ за ней въ началѣ девятаго.

Рефератъ кончился. Длинная и узковатая зала стала пустѣть. Публика была все больше молодая. Женщины преобладали.

Въ перерывъ Саксурова подошла къ Настѣ и Виктору. Она познакомила ихъ тутъ же съ хозяйкой квартиры, старушкой, маленькаго роста, бѣлой, какъ лунь, въ очкахъ, очень юркой въ движеніяхъ, одѣтой въ черное.

Темкина говорила не по росту сильнымъ голосомъ, отрывисто, кидая фразы, вставляла безпрестанно вопросительно *да? нѣтъ? такъ?*

Виктору она кинула сейчасъ же одобрительнымъ тономъ:

— Слышала о васъ... отъ Саксуровой. Вы были тамъ... усмиряли большихъ кулаковъ?

Но по ея тону онъ могъ предполагать, что она принимаетъ его за прежняго Мурина. Настя видѣла это. Саксурова считала его только «страннымъ» или временно охлажденнымъ, врядъ ли способнымъ такъ выказать себя, какъ про него говорятъ по поводу той подписки.

Часть публики осталась, человѣкъ до двадцати, изъ ближайшихъ знакомыхъ старухи.

Саксурова сдѣлала такъ, что Виктора съ Настей пригласили выпить чаю.

Настѣ было забавно, что добрѣйшая москвичка-ходатайница и, вѣроятно, всѣ, кто ихъ видитъ рядомъ съ Муринымъ, давно рѣшили, что они женихъ и невѣста, если не состоятъ въ гражданскомъ бракѣ.

Викторъ замѣчалъ, что нѣкоторые на него оглядываются, особенно изъ женщинъ. Общій видъ и тонъ этой компаніи мало отличалъ сь отъ того, что онъ зналъ въ Москвѣ, съ прибавкою бо̀льшей х урости или того особеннаго, «не тронь меня», какой онъ по пріѣздѣ з мѣтилъ въ Петербургѣ.

Перешли въ столовую, довольно длинную и у́же залы.

У самовара — разливала какая-то дѣвица, родственница хозяйк —сѣлъ референтъ — лысый господинъ съ черной бородой, въ чер н гъ сюртукѣ и бѣломъ жилетѣ.

Общій разговоръ сейчасъ же съ реферата перескочилъ на самые свѣжіе слухи. Всѣ взапуски начали сообщать факты въ одномъ и томъ же родѣ и однимъ и тѣмъ же тономъ.

Викторъ, прислушиваясь, находилъ, что иначе и быть не можетъ. Ни о чемъ другомъ въ такомъ кружкѣ говорить нельзя.

И нѣсколько разъ онъ спрашивалъ себя внутренно:

«Неужели я не возмущаюсь? Неужели ко всему *этому* я равнодушенъ?»

Нѣтъ, но онъ считалъ теперь совершенно безплоднымъ возмущаться, сознавая, что иначе быть не можетъ, и что нѣтъ способовъ и силъ измѣнить *такой* порядокъ вещей.

Его начала разбирать охота сказать все это вслухъ. И не одно это, а и многое другое, поставить имъ на видъ, что выше всего стоитъ полная свобода своего «я», тѣ запросы новѣйшей духовной эмансипаціи, которые начало чувствовать меньшинство и въ томъ числѣ онъ—Викторъ Муринъ.

Настя только слушала, но она наблюдала своего пріятеля и, по выраженію глазъ, по легкимъ нервнымъ движеніямъ рта, догадывалась, что въ немъ происходитъ, какъ заиграла его голова и заговорило внутреннее чувство.

— Муринъ!—окликнула вдругъ своимъ зычнымъ голосомъ хозяйка.—А у васъ что дѣлается въ Москвѣ?

Этотъ внезапный окликъ заставилъ Виктора встрепенуться.

— Я не знаю ничего,—отвѣтилъ онъ суховато.

— Какъ же такъ? Вѣдь вы были въ движеніи?

Многіе обернулись въ его сторону.

— Былъ. Но теперь не участвую... ни въ чемъ,—подчеркнулъ онъ.

— Обратились вспять?—остановила старуха.—Какъ же это? Мы о васъ наслышаны совсѣмъ не въ такомъ вкусѣ.

Настя стала волноваться, но она уже больше ни въ чемъ не упрекала себя.

Пускай ея пріятель выскажется и за себя, и за нее, и за всѣхъ, кто вышелъ изъ «стада» и сбросилъ въ себя всякія «шоры», всякій обязательный мундиръ.

Всѣ ждали чего-то.

Съ праваго угла отъ того мѣста, гдѣ сидѣлъ Викторъ, заговорилъ студентъ, уже не молодой, въ сѣрой тужуркѣ, съ прядями волосъ, падавшихъ ему на лобъ.

— Странно слышать это отъ васъ, Муринъ...

Викторъ оглянулся на него.

— Мы, кажется... знаемъ немножко другъ друга по Москвѣ? Моя фамилія Чернышовъ... были на одномъ факультетѣ и даже въ одномъ землячествѣ.

— Да, извините... я васъ не сразу узналъ.

Онъ вспомнилъ этого Чернышова—первокурсникомъ.

Но пострадалъ онъ не вмѣстѣ съ нимъ, не за одну и ту же исторію.

Вмѣшалась Саксурова, желая выгородить Виктора.

— Господинъ Муринъ былъ по возвращеніи изъ Китая боленъ... и, кажется, не думаетъ поступать вновь въ студенты.

Настя сильно себя сдерживала и ей хотѣлось тутъ же бросить какого-нибудь «брандера»; но она не желала быть «выскочкой» раньше Мурина.

— Это вѣрно,—отозвался Викторъ.—Но я не скрываю того, что пожелай я кончить, я все равно не сталъ бы продѣлывать того, что продѣлывалъ тогда.

— Стали мудры, какъ змій!—кинулъ кто-то изъ женщинъ.

— Можетъ быть. Для того, кто хочетъ идти своимъ путемъ, нѣтъ ничего хуже, какъ поддаваться теченію, особенно такому, въ которомъ онъ разобраться не можетъ.

— Вотъ какъ! — подхватилъ студентъ. — Что же эта притча значитъ?

На многихъ лицахъ появилась недобрая усмѣшка.

Настя покраснѣла и сдѣлала надъ собою еще большее усиліе, чтобы не «ринуться» въ споръ.

— Да еслибъ я и могъ въ немъ разобраться,—продолжалъ Викторъ нервнѣе и сильнѣе звукомъ,—я не отдалъ бы себя въ услуженіе никакому лозунгу, никакой командѣ. Никакой!—громко крикнулъ онъ.

— Вольному воля,—сказалъ кто-то изъ женщинъ,—спасенному рай.

— Вы что же это изъ ничшеанства, что ли, голубчикъ?—спросила съ юморомъ старуха Темкина.

Кто-то тихо прыснулъ.

— Пускай другіе надѣваютъ на себя разные колпаки: одни Ницше, другіе Маркса, третьи доморощенныхъ вѣроучителей... или какъ у Тургенева въ «Дымѣ» говорится... возлагаютъ себѣ на голову стоптанную туфлю Фурье новѣйшаго образца. Никому я не мѣшаю дѣлать это. Но требую и для себя, и для каждаго, кому его духовная свобода дороже всего, такихъ же правъ.

— Вотъ оно что!—протянулъ студентъ.—Стало, вы изъ принципа отказали подписаться подъ однимъ листомъ... на той недѣлѣ?

— Да, изъ принципа или изъ протеста противъ всякаго обязательнаго credo!—нервно кинулъ Викторъ и отодвинулъ свой стулъ.

— И прекрасно сдѣлали!—крикнула Настя.

Всѣ примолкли.

XXIV.

Съ вечера въ столовой старухи Темкиной Настя сама себя не узнавала.

Особенно скандальнаго ничего не вышло, если не считать того, что разговоръ вдругъ точно упалъ въ воду.

Они скоро ушли съ Викторомъ. Хозяйка ихъ не провожала, и только добрѣйшая Саксурова хотѣла все это «смазать»; но поняла, что это было бы совсѣмъ некстати.

Они дорогой молчали, хотя и Муринъ, и она были въ большомъ возбужденіи.

Ей досадно было на себя, но также и на него.

Зачѣмъ она себя тамъ сдерживала?

Если ему какъ будто ставили въ вину то, что онъ «разорвалъ» съ своимъ прошлымъ, то ее никто тутъ не знаетъ кромѣ Саксуровой.

У ней нѣтъ никакого спеціальнаго прошлаго. Была курсисткой, какъ сотни другихъ, увлекалась идеями, спорила и кричала на сходкахъ и на разныхъ сборищахъ; но уѣхала изъ Москвы, ни въ чемъ не попавшись, да ни въ какой «организаціи» прямо и не участвовала.

Ей бы надо было перехватить отповѣдь Виктора и съ полной искренностью, горячо и сильно разсказать, почему и онъ, и она не могутъ быть покорными овцами въ ихъ стадѣ.

Викторъ далъ отпоръ; но въ слишкомъ общихъ выраженіяхъ.

И вышло что-то половинчатое, неясное, какая-то брезгливая выходка барича, дѣйствительно «обратившагося вспять» послѣ того, какъ долженъ былъ пострадать.

Когда они, на третій день послѣ того, видѣлись, Викторъ не заговорилъ объ «инцидентѣ» у Темкиной. Видно было, что и онъ не доволенъ собою. Можетъ быть, отъ того, что до сихъ поръ самъ еще не нашелъ того вѣрнаго пути къ *полной* духовной свободѣ, о которой объявилъ имъ всѣмъ.

Да и она сама какое право имѣетъ смотрѣть на себя, какъ на такую «личность», которая въ себѣ самой носитъ задатки другого, болѣе высокаго развитія?

Ей вспомнился не разъ добродушный профессоръ Лаврушинъ съ его юморомъ.

Онъ бы ее спросилъ:

«Да какъ же вы, милая барышня, въ вашемъ хваленомъ Питерѣ высшую школу проходите? Вырабатываете себѣ новое міропониманіе? По какимъ книжкамъ? Гдѣ результаты вашей работы? Нашли себѣ работку: а потомъ что? Проводите пріятно время съ пріятелемъ вашимъ Муринымъ? Это еще не Богъ знаетъ какая программа самовозрожденія!»

Она шла дальше въ своемъ раздумьи.

Даже вотъ такой «староста», какъ Кудриковъ... Изъ-за чего онъ воюетъ—онъ, навѣрно, и самъ хорошенько не знаетъ этого. Попалъ въ такую машину, какъ одно изъ колесъ, и вертится, можетъ сильно пойматься, а можетъ и дойти благополучно до выпускного экзамена, получить званіе, потомъ мѣсто на дорогѣ, и черезъ три-четыре года возьметъ подрядъ или очутится во главѣ какой-нибудь «тракціи».

Но вѣдь онъ могъ бы сказать и ей, и своему старшему товарищу, Виктору Мурину:

«Хорошо, вы на меня смотрите, какъ на самаго зауряднаго вивёра, котораго любятъ товарищи за веселонравіе. Но почему же моя жизнь низменнѣе вашей? Я не заношусь, ни на что свысока не смотрю, люблю пожить, ухаживаю за барышнями и не прочь кутнуть съ пѣвичками Крестовскаго; но я отъ міра «не прочь», я не уклоняюсь отъ такихъ обязанностей, которыя могутъ мнѣ доставить немалыя непріятности, а то такъ и совсѣмъ испортить мнѣ дорогу. То, чего добиваются товарищи, я считаю симпатичнымъ, хотя по взглядамъ и не захожу такъ далеко, какъ нѣкоторые. Я не пѣшка, не глупый баранъ и даже не въ «шорахъ», какъ вы изволите говорить».

«Положимъ, что вы оба и правы. Но вы сами, какое новое слово вы съ собою несете? Какіе подвиги совершаете? Куда вы меня зовете за собою? Я, быть можетъ, пошелъ бы за вами, бросилъ бы все, изъ-за чего теперь тормошусь, не изъ фатовства и не изъ честолюбія, и сдѣлался бы вашимъ единомышленникомъ».

Настѣ было бы легче, начни она изливаться Виктору; но она боялась и того, что его самого начинаетъ точить такой же червякъ.

Къ тому же еще она что-то расклеивается. Началось съ насморка а вчера уже голова такъ разболѣлась въ должности, что она, придя домой, повалилась, одѣтая, въ постель и провалялась до девятаго часа.

Должна была принять до восьми гранъ фенацетина.

Навѣрно Викторъ ждалъ ее. Они, кажется, собирались куда-то въ театѣ, на публичную лекцію; но все у ней изъ головы вылетѣло, и она не послала ему записки.

Да и сегодня вернулась она домой раньше обыкновеннаго, въ началѣ пятаго, совсѣмъ разбитая, и прилегла на кушетку.

Опять то же недовольство заглодало ее. И не за себя только, а и за своего товарища Мурина.

Она не хотѣла сознаться передъ самой собою, что ей за него стало обидно.

Какъ смѣютъ считать его чуть не «ренегатомъ?» А навѣрно именно такъ о немъ говорятъ всѣ здѣшніе непримиримые. И камертонъ задаетъ такая вотъ старуха Темкина.

Она ей приснилась вчера въ лицѣ колдуньи изъ оперы «Гензель и Гретель», которую она видѣла еще въ Москвѣ.

И даже, какъ та нѣмецкая баба-яга, такъ и она, въ красной юбкѣ и чепцѣ съ рюшемъ, похаживала около нихъ обоихъ, собираясь подхватить ихъ, положить на лопату и въ раскаленную печь!—превратить ихъ въ два пряника.

Хорошо быть независимыми, никакихъ пересудовъ не бояться; но съ какой же стати выслушивать колкости и даже оскорбленія въ явной или замаскированной формѣ?

Нельзя жить совершенно отрѣшеннымъ отъ всякаго общества. А гдѣ подобрать себѣ вотъ такихъ, какъ они съ Викторомъ? Такіе, вѣроятно, нашлись бы; но для этого надо искать.

Чувство отчужденности начинало проникать въ нее. Привычка жить на міру гимназисткой и курсисткой всплывала опять.

Въ конторѣ двѣ-три служащихъ, какъ она. Она съ ними умышленно не сходится. Это все самыя ординарныя «дѣвули», какъ здѣсь называютъ въ Питерѣ. Изъ мужчинъ ни одинъ не интересуетъ. Да и зачѣмъ ей искать мужского разговора, когда у ней такой другъ, какъ Муринъ, всегда настроенный на умную и задушевную бесѣду?

Но симпатія къ нему растетъ въ ней совсѣмъ не такъ, чтобы это захватывало ее, какъ другое, болѣе нѣжное и порывистое чувство.

Влюбиться въ него она уже не можетъ. Встрѣться она съ нимъ здѣсь, явилось бы, пожалуй, сразу увлеченіе.

Но они сошлись черезъ Мезерина. А Мезеринъ далеко, и съ тѣхъ поръ, какъ она здѣсь, въ ней нѣтъ того сильнаго умственнаго заряда, какой сидѣлъ въ ней тамъ, въ Москвѣ, на первыхъ порахъ.

И опять таки и то было больше мозговое увлеченіе.

Не будь Мурина, вотъ въ такіе дни нездоровья, хандры, при адской погодѣ, вѣчномъ сумракѣ этого города, ей было бы очень-очень тяжко.

Въ комнатѣ совсѣмъ стемнѣло; но она не зажигала лампы.

Ее лихорадило и по всему тѣлу разливалось недомоганіе, и было лѣнь двинуть рукой или ногой.

Въ передней позвонили.

«Муринъ?» обрадованно подумала она, тотчасъ же поднялась и стала зажигать лампу.

Кто-то произнесъ ея фамилію.

Голосъ навѣрно женскій; но чей, она не могла распознать сразу.

«Саксурова?» спросила она про себя.

Нѣтъ, не ея голосъ; у той выше и мягче, а это разбитый и жидковатый.

Просунулась голова кухарки.

— Къ вамъ позалюста.

Чухонка ко всякому слову прибавляла «позалюста».

— Кто тамъ?

— Мадамъ... зелаетъ васъ видѣть.

Настя хотѣла было сказать, что ей нездоровится; но тотчасъ же подумала, что это, быть-можетъ, та же Саксурова прислала съ чѣмъ-нибудь...

— Попросите.

Настя накинула на себя вязаный пуховый платокъ и встрѣтила неизвѣстную посѣтительницу ближе къ двери.

Вошла, прямо въ пальто и шляпѣ, прикрытой платкомъ, болѣзненнаго вида, еще очень молодая женщина, съ тонкимъ носомъ и худыми щеками, и острымъ взглядомъ впалыхъ глазъ, средняго роста. Все на ней было сильно поношенное.

«Будетъ просить на бѣдность», сейчасъ же подумала Настя, приглашая ее присѣсть.

Въ рукахъ посѣтительница держала довольно большой мѣшокъ изъ холстины, перехваченный ремешками. Его видъ заинтересовалъ Настю.

— Извините... Ягодина, — начала молодая женщина вполголоса. Я къ вамъ такъ ворвалась съ улицы...

— Почему же?—ласково остановила ее Настя.

— Мы съ вами товарки. Вы меня не узнали. Я очень измѣнилась. Назарова моя дѣвичья фамилія. Вы учились въ одно время со мною.

— Въ гимназіи?

— Да. Только я старше васъ двумя классами.

— Я теперь припоминаю.

— Особаго знакомства мы не водили... но, кажется, были знакомы немножко.

— Очень можетъ быть.

— Такъ вотъ... въ эти... сколько это будетъ?... Да ужъ цѣлыхъ пять лѣтъ... много воды утекло.

«Будетъ разсказывать горестную исторію и попроситъ», думала Настя.

И ей сейчасъ же захотѣлось помочь ей. Она готова была даже прямо спросить ее, да боялась обидѣть.

— Долго разсказывать... да вамъ и не занимательно покажется.

— Почему же?

— Пошла въ сельскія учительницы... знаете по призванію, попала въ медвѣжій уголъ... на пятнадцать рублей... въ курную избу. Но это было самое золотое время! Вышла также за учителя... по любви, разумѣется,—прибавила она съ тихой усмѣшкой.—Черезъ годъ мужа моего выслали. Я поѣхала съ нимъ туда,—протянула она руку.—Тамъ онъ черезъ годъ умеръ. Болѣла и я... Ребенка похоронила... Знаете, все какъ по писаному. И вотъ я съ прошлаго года здѣсь... акушеркой. Перебиваюсь, но не унываю... Только вотъ часто больно прихварываю. Это скверно.

«Неужели не будетъ просить?»

И Настѣ опять захотѣлось взять ее за руку и поблагодарить, что она обратилась къ бывшей товаркѣ по Москвѣ.

Та оглянула комнату.

— Вы здѣсь хорошо помѣстились. А какъ цѣна?

— Двадцать пять рублей.

— Да-а,—протянула гостья.—А мы втроемъ платимъ одиннадцать... тамъ, на Петербургской.

Она это выговорила совсѣмъ просто.

Эта испытанная горемъ молодая женщина, да вдобавокъ болѣзненная, дѣлалась ей все симпатичнѣе.

— Втроемъ?—повторила она.—Вѣдь это значитъ не быть никогда одной?

— Мы не ссоримся. Но условились мы жить вмѣстѣ, не сговорившись. Направленіе у насъ совсѣмъ не одно и то же. И вотъ...

Она не договорила, придвинула свой стулъ и мѣшокъ опустила на полъ.

— Я узнала отъ одной москвички... про васъ, Ягодина.

— Отъ Саксуровой, можетъ быть?

— Саксуровой?—переспросила гостья.—Не отъ нея самой, а отъ одной ея пріятельницы. Узнала, что вы живете одна, а, главное, вы здѣсь вновѣ, при мѣстѣ, съ курсистками и вообще съ молодежью не водитесь.

— Это вѣрно.

Гостья еще разъ оглянулась, но уже на дверь справа, заставленную кроватью.

Настя поняла.

— Говорите свободно. Рядомъ—пустая комната.

— Теперь такое время... И вотъ я рѣшилась попросить васъ объ одолженіи.

Она приподняла мѣшокъ.

— Тутъ нѣтъ цѣнныхъ вещей,—она усмѣхнулась,—а только книги и разные листы.

Ея острые глаза воззрились на Настю.

— Вы мнѣ—и не одной мнѣ—окажете особенную услугу... если позволите оставить мѣшокъ этотъ у васъ.

Настя хотѣла было спросить:

«Но какое же содержаніе всѣхъ этихъ бумагъ?»

Что-то ее остановило.

«Какое же мнѣ до этого дѣло?»—вскричала она про себя.

Вѣроятно, гостья прочла вопросъ въ ея взглядѣ.

— Еслибъ вы не стояли такъ далеко отъ здѣшнихъ кружковъ,—продолжала молодая женщина, уже гораздо спокойнѣе,—я бы не стала васъ просить...

— Стало?...

Настя не договорила.

— Разумѣется... живи я одна. Но въ моей обстановкѣ это слишкомъ неосторожно. И притомъ я прошу сохранить это,—она указала рукой на мѣшокъ,—много-много дней десять... не больше двухъ недѣль. Даю вамъ слово.

Настя поглядѣла на нее такъ же ласково, какъ и въ началѣ разговора.

— Вы позволите одинъ вопросъ?

— Сколько вамъ угодно.

— Нѣтъ, не насчетъ этого мѣшка. А вообще... Вы столько уже испытали... вамъ такъ трудно дается борьба за существованіе... И вообще—не красная доля. А вы, значитъ, принимаете участіе въ движеніи?

Гостья опустила голову.

— Глупо, скажете вы? Когда сама пробиваешься съ хлѣба на квасъ... Такая ужъ планида, какъ говорили мои школьники. Мой мужъ былъ лучше меня. А онъ... рисковалъ же?

Она встала и оставила мѣшокъ на полу.

— Еще разъ... Ягодина... извините. Можетъ, это васъ очень стѣснитъ. Я не хотѣла бы ничего вынужденнаго.

Настя ничего не сказала и только сдѣлала жестъ правой рукой.

— Въ такомъ случаѣ... спасибо... большое спасибо.

Пожавъ крѣпко руку, молодая женщина пошла къ двери, но повернулась и, подойдя опять къ Настѣ, тихо выговорила:

— Вы вполнѣ увѣрены въ хозяйкѣ вашей и прислугѣ?

— Ничего не замѣчала.

— Но все-таки лучше было бы... держать подъ ключомъ.

— Хорошо... Я такъ и сдѣлаю.

Настя сама выпустила гостью въ сѣни, не зовя никого.

Когда она вернулась, она почувствовала себя хуже: ей вступило въ голову и стало опять лихорадить.

Она присѣла къ столу, нагнулась къ мѣшку, оставленному на полу и долго на него смотрѣла.

Потомъ попробовала, все еще сидя, поднять его. Онъ не былъ особенно тяжелъ, фунтовъ не больше десяти.

Надо было сообразить, куда дѣвать этотъ мѣшокъ.

Всего удобнѣе было бы положить въ чемоданъ, стоявшій подъ кроватью; но безопасно ли это мѣсто?

Не лучше ли прибрать въ шкафъ, гдѣ и безъ того лежала кипа газетной бумаги еще съ того времени, какъ она заняла эту комнату.

Ея платья занимали всего только половину крючковъ и деревянныхъ колышковъ.

«Пожалуй, всего лучше!»

Тяжесть головы не мѣшала ей поставить себѣ мысленно вопросъ:

«А если за мѣшкомъ явятся и заарестуютъ его, что будетъ съ ней самой?»

И почемъ она знаетъ, что это за Назарова? Дѣйствительно ли она та самая, которая училась въ ихъ гимназіи? И если и она, то какъ поручиться за то, съ какой цѣлью явилась она?

И на эту тему ей не хотѣлось думать.

Она настолько разомлѣла, что, не приберя мѣшокъ, прилегла на кушетку, закрыла глаза и скоро забылась.

Опять звонокъ!

Онъ разбудилъ ее. И въ первыя секунды ей вдругъ показалось, что пришли за мѣшкомъ.

Но она тотчасъ же сказала вслухъ:

«Какой вздоръ!»

И, не поднимаясь съ кушетки, стала ждать.

Голосъ Мурина. Этотъ неожиданный приходъ обрадовалъ и освѣжилъ ее. Она пошла къ нему навстрѣчу.

— Нездоровы! И не дадите знать?... А я зашелъ за вами, хотѣлъ приглашать обѣдать. Захотѣлось постнаго, представьте себѣ! Здѣсь, въ трактирѣ Малоярославецъ, говорятъ, самая лучшая русская ѣда.

Онъ былъ хорошо настроенъ; глаза добрые, свѣтлые. И только на переносицѣ появилась складка, когда онъ взялъ ее за руку.

— У васъ жаръ!

— Лучше мнѣ не выходить,—сказала она опавшимъ голосомъ.

— Разумѣется. Ложитесь... какъ слѣдуетъ. Съѣздить за докторомъ?

— Не надо. Приму еще фенацетину.

Викторъ повернулся и задѣлъ ногой за мѣшокъ; онъ до того не замѣчалъ его.

— Что это?

У Насти промелькнула мысль: скрыть отъ него, что это за вещь; но она привыкла все ему говорить.

И она все разсказала.

— Вотъ что...—озабоченно заговорилъ онъ, присаживаясь къ кушеткѣ.—Я вамъ нотаціи не буду читать, но это... неосторожно. Изъ-за чего же вамъ рисковать?

— Меня никто не знаетъ.

А въ мозгу у ней выплыла фраза:

«Я не желаю, чтобы насъ съ вами считали постыдными трусами».

— Вы знаете, гдѣ эта госпожа живетъ?

— Я даже не догадалась спросить ее.

— Вотъ вы... какая.

— Какая?

— Слишкомъ добрая... и великодушная. Только знаете что?

Онъ всталъ.

— Отдайте мѣшокъ мнѣ.

— Съ какой стати?

— Вѣдь меня тоже не знаютъ здѣсь.

— У васъ есть прошедшее.

— Чтобы васъ успокоить, я вотъ что сдѣлаю: отдамъ этотъ мѣшокъ въ складъ. Я и безъ того хотѣлъ помѣстить туда... ящикъ съ книгами. Онъ у меня стоитъ въ коридорѣ и мѣшаетъ проходить. Вотъ ваша! Я такъ сдѣлаю.

И онъ такъ этимъ преисполнился, что схватилъ мѣшокъ, простился съ нею и поспѣшно вышелъ, сказавъ въ дверяхъ, что вечеромъ еще завернетъ.

XXV.

Третій день льетъ упорный дождь. На дворѣ давно іюнь; но холодно, какъ въ октябрѣ.

На улицахъ уѣзднаго городка X стоятъ лужи. Убогіе обывательскіе домики всѣ промокшіе. Кромѣ телѣгъ, никакого другого движенія.

Въ рядахъ деревяннаго гостинаго двора уныло и беззвучно.

Огромная немощеная площадь полна мутной грязи. Въ глубинѣ ея рѣзко бѣлѣетъ колокольня собора, только что отстроенная, съ зеленой крышей купола.

Ни единаго пѣшехода ни поперекъ площади, ни по досчатымъ тротуарамъ, вдоль домовъ.

На площадь выходятъ четыре улицы, такія же пустынныя въ эту минуту—въ одиннадцать часовъ утра.

Домикъ въ три окна, обшитый свѣжимъ тесомъ, не окрашенный, стоитъ на углу одной изъ этихъ улицъ.

Ворота заперты; калитка на щеколдѣ. Къ крылечку положены доски отъ калитки.

Двѣ первыхъ комнаты—на три окна по площади—заняты постояльцемъ. Хозяева—лавочники. Они живутъ въ заднихъ комнатахъ съ чернымъ ходомъ.

Уже около двухъ мѣсяцевъ, какъ ихъ жильцомъ—Викторъ Муринъ.

Его привезли сюда ранней весной на опредѣленный срокъ, безъ права выѣзда въ столичные и университетскіе города.

Мѣсто его «интерната»—глухой городишко, хотя и на желѣзной дорогѣ.

Здѣсь нѣтъ ничего—ни торговли, ни заводовъ, ни помѣщичьихъ домовъ, ни порядочнаго трактира; есть грязные номера, всего одна булочная и три калачныя, и два погреба, кромѣ питейныхъ лавокъ.

Полную мертвенность встряхиваютъ развѣ засѣданія мирового съѣзда и отдѣленія окружнаго суда.

Вотъ въ этой-то «мерзости запустѣнія» очутился нежданно-негаданно Викторъ, точно по какому-то водевильному *qui pro quo*.

И въ Петербургѣ во время сидѣнья онъ не предавался никакому «самогрызенію», и здѣсь сразу помирился съ фактомъ обязательнаго пребыванія въ этой глухой «дырѣ».

Въ первые дни онъ испытывалъ даже что-то похожее на душевное довольство.

Отсюда—на опредѣленный срокъ—стремиться некуда. Судьба

постаралась оставить его въ полномъ одиночествѣ, съ глазу на глазъ съ самимъ собою и предоставить ему полную возможность пройти тотъ искусъ, безъ котораго трудно разобраться въ себѣ.

Вѣдь не даромъ же тѣ, кто работалъ надъ собою—удалялись въ пустыню.

Знакомства явились бы и въ этой глуши; но онъ не искалъ ихъ. Такихъ, какъ онъ, временныхъ обывателей здѣсь не оказалось. Въ прошломъ году еще проживали двое; но ихъ перевели въ другое мѣсто.

Недѣли черезъ двѣ онъ простудился на прогулкѣ—пошелъ безъ зонтика въ ближній лѣсокъ, его прохватило, и та малярія, какую онъ привезъ съ Дальняго Востока, опять проснулась.

Надо было пригласить врача. Земскій докторъ сразу накинулся на него въ пароксизмѣ умственнаго голода.

Добрый малый, любитъ кутнуть, а главное, поговорить о «злободневныхъ» вопросахъ.

Такимъ и ожидалъ его найти Викторъ: точно его нарочно сфабриковали по извѣстному образцу. Черезъ мѣсяцъ бесѣды съ нимъ потеряли бы уже всякій интересъ; но онъ мало жилъ въ городѣ, отлучаясь въ уѣздъ.

Нездоровье затянулось. Въ половинѣ мая докторъ разрѣшилъ прогулки и даже настаивалъ на нихъ.

И опять простуда.

До іюня стояли холода; а теперь льетъ по недѣлѣ сряду.

Сегодня Викторъ всталъ съ надеждой, что погода исправится и позволитъ ему поѣхать на станцію, въ верстѣ отъ города, по шоссе.

Къ нему ѣдетъ погостить на нѣсколько дней Константинъ Ивановичъ Черенковъ.

Они не видались съ Москвы.

Тотъ долго ничего не зналъ про своего бывшаго питомца, первый написалъ ему, былъ сильно опечаленъ и обѣщалъ, какъ только урвется «хоть на недѣльку», явиться «собственной персоной».

Здѣсь Викторъ встаетъ рано—въ шестомъ часу. Все та же мгла, сырость воздуха и мокрота сверху и снизу, какъ и вчера, какъ и третьяго дня.

Наканунѣ онъ посылалъ за извозчикомъ—ихъ всего четверо во всемъ городѣ, и условился къ десяти часамъ везти его въ «долгушѣ» на станцію, тамъ подождать и доставить обратно съ новымъ пассажиромъ.

Онъ не посмотрѣлъ бы на погоду; но къ нему, какъ нарочно, зажалъ докторъ, сталъ выстукивать, морщился, нашелъ, что хрипы

въ правомъ легкомъ, «книзу и кправу», усилились, и, когда Викторъ заикнулся о поѣздкѣ на станцію, закричалъ:

— Ни подъ какимъ видомъ! И вашъ пріятель скажетъ мнѣ за васъ большое спасибо.

Извозчикъ былъ отправленъ на станцію съ мальчикомъ отъ хозяевъ, шустрымъ подросткомъ, которому было разъяснено, какого вида пассажиръ и какъ его надо опросить.

Прошло уже больше часа, и черезъ десять минутъ Черенковъ долженъ былъ явиться, если поѣздъ не опоздалъ слишкомъ безобразно.

Крытаго экипажа достать было нельзя.

Поджидая добрѣйшаго и неизмѣннаго въ своихъ чувствахъ къ нему Константина Ивановича, Викторъ переходилъ изъ одной комнаты въ другую, точно соображая, какъ бы поудобнѣе помѣстить Черенкова.

Первая комната въ два окна на площадь и столько же оконъ на дворъ—помѣстительна; тутъ можно было поставить кровать. Изъ-за нея не мало вышло хлопотъ.

На столѣ уже стоялъ самоваръ. Чай заваренъ. Лежала связка свѣжихъ баранокъ и въ вазочкѣ варенье, еще прошлогоднее, изъ лавочки хозяевъ.

Самоваръ приготовленъ на ломберномъ столѣ; а въ углу примостили столикъ, покрытый клеенкой, который служилъ ему письменнымъ бюро.

Въ этой комнатѣ и въ такой ненастный день довольно свѣта. Она оклеена по дереву зеленоватыми обоями.

Спаленка узкая, безъ оклейки, въ обтесанныхъ бревнахъ. Въ ней ему уютно спать, но докторъ и сегодня еще разъ настаивалъ на томъ, чтобы онъ въ ней не спалъ, такъ какъ стѣна наружная, и отъ нея идетъ «предательская» сырость.

Черенковъ трогателенъ своей теплой дружбой. Но съ нимъ неизбѣжны разговоры «по душѣ»; а Викторъ, не сознаваясь въ этомъ передъ самимъ собою, немного побаивался этого.

Съ такимъ человѣкомъ, какъ Черенковъ, все выходитъ слишкомъ прямолинейно. Хитрить съ нимъ—стыдно; а говорить про себя полную правду—значитъ вызывать ненужныя пренія.

Онъ, конечно, все способенъ понять; но по своему, слишкомъ сангвинически отнесется ко многому.

Всетаки, впервые съ тѣхъ поръ, какъ онъ здѣсь, отведетъ онъ душу съ близкимъ человѣкомъ—добрымъ, порядочнымъ, неспособнымъ притомъ банально сѣтовать на то, до чего довелъ себя его бывшій питомецъ.

Онъ и самъ могъ очутиться въ такихъ же «палестинахъ», какъ онъ непремѣнно назоветъ эту захолустную дыру, вѣрный своему жаргону. . . . . .

— Витюня! Голубчикъ!

Черенковъ, въ непромокаемомъ плащѣ, съ мокрымъ и радостнымъ лицомъ, обнималъ Виктора послѣ троекратнаго цѣлованія.

— Константинъ Ивановичъ! Какой вы... чудесный!

Слезы заслышались въ голосѣ Виктора, и онъ, по-дѣтски, припалъ къ плечу Черенкова, немного какъ бы застыдившись.

И тотчасъ онъ сталъ снимать съ него плащъ и усаживать его за столъ.

Малый давно уже внесъ чемоданчикъ и узелъ изъ пледа, откуда виднѣлась подушка.

— Такая досада! Не могъ васъ встрѣтить!—говорилъ Викторъ, заваривая чай.

— Вотъ еще! Въ такую-то адскую погоду!

И, воззрившись въ лицо Виктора, Черенковъ покачалъ головой.

— Да ваша милость, кажется, что-то расклеилась? Жарокъ есть и видъ вообще подозрительный.

— Ничего... маленькая простуда... докторъ настоялъ не выходить эти дни.

— За что я низко ему кланяюсь, не имѣя чести его знать.

Черенковъ потянулся, поправилъ галстукъ и обдернулъ свою дорожную куртку.

— Вамъ покрѣпче, Константинъ Ивановичъ?

— Покрѣпче, покрѣпче!

Точно вчера они видѣлись: до такой степени Константинъ Ивановичъ былъ все тотъ же въ своемъ тонѣ, языкѣ, малѣйшихъ движеніяхъ. Только сильно загорѣлъ и бороду запустилъ подлиннѣе.

Принявъ изъ рукъ Виктора стаканъ чаю, Черенковъ поставилъ его на столъ, потомъ пододвинулъ стулъ и потрепалъ Витю по обоимъ колѣнамъ.

— Первѣе всего то, душа моя, что вы тутъ, передо мною, не миѳъ, не видѣніе, а съ плотью и кровью, хотя и не въ полной мѣрѣ, [illegible] части самочувствія.

Жизненность и чрезвычайное добродушіе давно уже такъ не пы[illegible] или прямо на Виктора, какъ въ эту минуту.

— Завидно на васъ смотрѣть, Константинъ Ивановичъ!—выра[illegible]лось у него.

— Есть кому позавидовать! Коли бы вы только знали, въ ка[illegible]й я попалъ передѣлъ!

Черенковъ махнулъ рукой.

— Не обо мнѣ пойдетъ рѣчь, а о вашей милости.

Онъ хлебнулъ изъ стакана, взялъ баранку и сталъ быстро разгрызать. Бѣлые его зубы блестѣли и губы аппетитно двигались.

— Городишко—скверно-пакостный, а баранки—первый сортъ. Или мнѣ это такъ, на радостяхъ.

— Угодно варенья?

— Подсластить горечь свиданія въ такомъ злачномъ мѣстѣ? Ха-ха!

Но смѣхъ его оборвался. Онъ оглядѣлъ комнату, почесалъ въ курчавыхъ волосахъ и наморщилъ лобъ.

— Витя, другъ мой... какъ же сіе стряслось? Вѣдь я ничего не знаю... толкомъ. И жажду знать. Можетъ, вамъ и не особенно пріятно все это перетряхать? Спрашиваю васъ не потому, чтобы это—онъ сдѣлалъ круговой жестъ рукой—было особенно удивительно. И вашъ бывшій менторъ можетъ также познать сладость одиночества и заброшенности, но всетаки... пріятно было бы знать, что, по крайней мѣрѣ, хоть было изъ-за чего... а?

Викторъ, наливъ себѣ чаю, тихо улыбался.

— Неужели такъ, здорово живешь... не за понюшку? Позвольте...

Черенковъ поспѣшно выхватилъ изъ кармана портсигаръ и закурилъ.

Спички Викторъ—зная, что онъ курильщикъ,—приготовилъ.

— Постойте!—вскричалъ Черенковъ, сдѣлавъ вкусную затяжку.—Я могъ грубо ошибиться тогда... въ Москвѣ, но я нашелъ вашу милость совсѣмъ не на такомъ градусѣ, чтобы принять участіе въ какомъ-нибудь дѣйствіи... вообще способнымъ на такъ называемый «поступокъ».

— Вы не ошиблись.

— Но, съ другой стороны, я плохо понялъ, почему вы перебрались тотчасъ же въ Петербургъ... если тутъ не дѣйствовала другая, болѣе интимная причина.

Онъ подмигнулъ.

— Насчетъ чего?

— А та курсистка, съ которой вы познакомились у Лаврушина?

— Ахъ, да!

— Пытать васъ не буду. Но, кажется, она вамъ сразу пришлась по душѣ?

— Мы очень сошлись.

— Очень?

Викторъ покачалъ головой.

— Не такъ, какъ вы, можетъ быть, думаете. По-пріятельски. Если и было, въ самомъ началѣ, и то у меня только... нѣкоторое болѣе лирическое чувство, то оно не развилось.

— Дружба съ женщиной? Мудреная штука.

— Кромѣ пріятельства... ничего не было.

— Что же васъ такъ сблизило?

— А то, что и въ ней происходитъ тотъ же внутренній процессъ.

— Нашли самихъ себя? И начали бунтарствовать противъ бунтарей? Такъ, что ли?

Викторъ разсмѣялся.

— Формула, пожалуй, и вѣрная. Но, милый Константинъ Ивановичъ, не будемъ сразу спорить.

— Это все—проповѣдь того странствующаго индивидуалиста?

— Оставимъ его пока... Константинъ Ивановичъ.

— Во всякомъ случаѣ, душа моя, у васъ было меньше шансовъ... очутиться здѣсь. Развѣ какая-нибудь оказалась недоимка изъ-за прошлаго времени... Пока въ Москвѣ сидѣли—никто не безпокоилъ, а пожаловали въ Питеръ, чтобы, значитъ, не повадно было?

— Ни то, ни другое!

— Только, пожалуйста, Витя сердечный, вы не насилуйте себя. Ежели вамъ не въ моготу все подробно разсказывать—и кончено! Одному можете вѣрить, что не праздное любопытство дѣйствуетъ во мнѣ.

— Что вы! Какъ не стыдно!

Викторъ совершенно просто и спокойно разсказалъ бы Черенкову свой «инцидентъ», но его смущало одно. Нельзя было не упомянуть о третьемъ лицѣ. Если его сразу не назвать, Черенковъ, все равно, остановитъ его вопросомъ, какъ сдѣлалъ бы и всякій на его мѣстѣ. Воздержится,—всетаки будетъ догадываться, кто это можетъ быть.

— Оправдываться, особенно передъ вами, Константинъ Ивановичъ,—началъ онъ не волнуясь,—я, конечно, не сталъ бы, еслибъ хоть въ чемъ-нибудь участвовалъ.

— А прошлое?

— За него я поплатился достаточно.

— Значитъ за пребываніе въ Питерѣ?

— Не думаю. Вышло вотъ что...

Онъ отпилъ изъ стакана и сталъ говорить еще спокойнѣе, взявшись руками за одно колѣно и слегка покачиваясь.

— Къ моей знакомой... вы вѣдь фамиліи не требуете, Константинъ Ивановичъ...

— Разумѣется, не требую!

Но про себя Черенковъ тутъ же подумалъ:

«Это къ *ней*... къ той... къ московской интересной дѣвицѣ».

— Пришла къ ней одна слушательница акушерскихъ курсовъ. Она съ ней училась когда-то въ гимназіи.

«Въ Москвѣ», прибавилъ мысленно Черенковъ.

— И попросила ее... подержать у себя мѣшокъ...

— Съ кое-какимъ содержимымъ?

— Та согласилась... хотя не имѣла сношеній ни съ какими кружками.

— Такъ же какъ и вы, Витя?

— Совершенно такъ же.

«Онъ догадывается», подумалъ Викторъ.

— Константинъ Ивановичъ! Объ одномъ я васъ прошу... Не подумайте, что я считаю эту особу виноватой... въ томъ, что случилось со мною! Это могло выдти и по другому мотиву... самому невозможному!

— И весьма!

— Я попросилъ отдать мнѣ этотъ мѣшокъ.

— Чтобы ей ничѣмъ не рисковать!

— А вы развѣ бы такъ не поступили, Константинъ Ивановичъ?

— Болѣе, чѣмъ вѣроятно.

— А остальное—сцѣпленіе мелкихъ уликъ. У той, у акушерки нашли книжку съ адресами... имя моей знакомой...

— Притянули и васъ?

— А остальное... неинтересно... также, впрочемъ, какъ и то, что я разсказалъ.

Усмѣхнувшись, Викторъ перемѣнилъ позу и добавилъ нѣсколько инымъ тономъ:

— Это простое... *qui pro quo*.

— Но всетаки вы очутились въ укрывателяхъ, сутяжнически выражаясь.

— Очевидно.

— Такъ что надо еще возсылать хвалу богамъ, что вы очутились въ сей дырѣ... не весьма отдаленной отъ центровъ. А всетаки досадно. Ну, а... та особа?

— Ее обезпокоили... продержали и рекомендовали отправиться подъ родительскій кровъ.

— Въ Москву?—сорвался съ языка вопросъ у Черенкова.

— Да, въ Москву.

— Простите Витя, дорогой, за эту нескромность. По крайней

будете ближе другъ къ другу. Одному высидѣть въ такой щели годъ-другой—это не орѣхъ разгрызть.

— Знаете, Константинъ Ивановичъ, я вотъ все это говорю вамъ... точно о постороннемъ. Увѣряю васъ.

— Это печально, Витя!—вскричалъ Черенковъ и вскочилъ со стула.

— Однако оно такъ! У меня нѣтъ никакихъ личныхъ желаній.

— Надо ихъ нажить, Витя!

— Всего сильнѣе тяготитъ меня необходимость видѣть людей. Толпа мнѣ давно ненавистна. Я думалъ, переѣхавъ въ Петербургъ, что она меня будетъ издали забавлять. Нѣтъ, этого не вышло! И тамъ—даже и при полной свободѣ жить, какъ хочешь—слишкомъ много всякой суетни. Улица, театръ, чтенія, ѣзда и хотьба, мельканіе домовъ, магазиновъ и людей—людей безъ конца! Нельзя уйти въ себя, нельзя провести хоть одну единственную мысль—послѣдовательно, черезъ всѣ ходы! Нельзя прозондировать въ себѣ самомъ ни одного убѣжденія или правила, того, что ты считаешь своимъ убѣжденіемъ—и придти къ безстрастному и непоколебимому выводу.

— Да и не надо этого ковырянія, Витя.

Черенковъ заходилъ въ глубинѣ комнаты, около входной двери, усиленно дымя.

— Какъ же не надо!—нервнѣе окликнулъ Викторъ.

— Ни къ чему путному оно васъ не приведетъ. А только додумаетесь до полной душевной прострацiи.

— Не знаю! Здѣсь, въ этой щели—какъ вы говорите—я дѣйствительно могу уйти отъ всего.

— Работать можно прекрасно. Лучше нѣтъ лѣкарства отъ скуки.

— И книжки—вродѣ вѣдь людей и сутолоки большихъ городовъ. Сколько я ихъ поглощалъ, а дайте вы мнѣ такой листъ съ графами, вотъ какія статистика разсылаетъ и раздаетъ, и въ нихъ, по этимъ рубрикамъ, разставить вопросы—самые коренные, безъ которыхъ, если на нихъ не дать прямого отвѣта—не стоитъ жить, потому что человѣкъ тогда въ вѣчномъ самообманѣ.

— Какъ будто можно безусловную истину схватить за хвостъ?... А къ, Витюня!

— Кто говоритъ—безусловную истину! Но себѣ-то самому по- с ыдно лгать. Вѣрно или нѣтъ, глупо или умно, но вотъ это мое с edo. А когда у васъ не имѣется за душой ни одного пункта, не за- п дозрѣннаго вами самимъ.

Черенковъ подбѣжалъ къ нему, бросилъ папиросу и взялъ его за о ѣ руки.

— Не стану съ вами препираться! Каждый изъ насъ... раньше или позже проходитъ черезъ такую же бурю подъ черепомъ—это вѣдь выраженіе Виктора Гюго? Что-жъ!? Можетъ, здѣсь, въ идеальномъ одиночествѣ, вы найдете себя. Только, Витюня драгоцѣнный, нельзя уйти отъ жизни... Поживите вотъ въ такомъ городишкѣ, осмотритесь, походите, поѣздите... насколько это вамъ дозволяется... и вы не захотите возиться только съ самимъ собою. Нѣтъ! Я этого не допускаю. У васъ слишкомъ благородная и отзывчивая натура.

— Значитъ, Константинъ Ивановичъ, и по вашему выходитъ, что мой интернатъ мнѣ полезенъ?

— Ха-ха! Все полезно тому, у кого душа живая!

Черенковъ потянулся и вдругъ сладко и протяжно зѣвнулъ.

— Отдохнуть желаете, Константинъ Ивановичъ? — заботливо спросилъ Викторъ.

— Зѣвота подкралась предательски. По правдѣ сказать, я всю ночь провалялся зря. Въ нашемъ отдѣленіи грудного младенца везли и онъ все время задавалъ дерябочки.

— Пожалуйте, пока, на мою постель, а здѣсь приберутъ.

— Видите, Витя,—сказалъ Черенковъ, поднимаясь,—природа возьметъ всегда свое. Такъ и въ васъ... Я въ это глубоко вѣрую!

П. Боборыкинъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ІЁСТА БЕРЛИНГЪ *).

Сельмы Лагерлефъ.

(Переводъ съ шведскаго.)

X. Молодая графиня.

Молодая графиня спитъ до десяти часовъ утра и къ ея утреннему кофе всегда долженъ быть свѣжій хлѣбъ. Молодая графиня вышиваетъ шелками и любитъ читать поэтическія произведенія. Она не имѣетъ понятія ни о тканьѣ, ни о хозяйствѣ. Молодая графиня избалована.

Но зато молодая графиня весела и жизнерадостна, и ея веселость, какъ солнце, освѣщаетъ всѣхъ и все. Ей охотно прощаютъ долгій сонъ и свѣжій хлѣбъ, потому что она щедро расточаетъ благодѣянія бѣднымъ и ласкова со всѣми.

Отецъ молодой графини, шведскій дворянинъ, прожившій почти всю свою жизнь въ Италіи, — не могъ разстаться съ прекрасной страной и съ прекрасными дочерьми этой страны. Когда графъ Хенрикъ Дона путешествовалъ по Италіи, то его приняли въ домѣ шведскаго дворянина; онъ познакомился съ его дочерьми, женился на одной изъ нихъ и привезъ ее съ собой въ Швецію.

Молодая графиня, говорившая по-шведски и воспитанная въ любви ко всему шведскому, чувствовала себя хорошо въ медвѣжьей странѣ. Она отъ души отдавалась веселью и танцамъ, царящимъ на берегахъ узкаго Лёвена, и можно было подумать, что она всю жизнь провела тамъ. Нельзя сказать, чтобы она подобающимъ образомъ носила титулъ графини. Въ этомъ юномъ, веселомъ существѣ не было ни величія, ни натянутости, ни снисходительнаго достоинства.

Старые мужчины особенно любили молодую графиню. Это удивительно, какой успѣхъ она имѣла у нихъ. Можно было съ увѣрен-

*) *Русская Мысль*, кн. III, 1903 г.
гл IV, 1904 г.

ностью сказать, что послѣ каждой встрѣчи съ графиней на балу или гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, всѣ они, и судья изъ Мункерюда, и пробстъ изъ Бру, и Мельхіоръ Синклеръ, и капитанъ изъ Берга,— всѣ они непремѣнно признаются своимъ женамъ, что если бы они встрѣтили молодую графиню лѣтъ сорокъ или тридцать тому назадъ...

— Да вѣдь ее тогда еще и на свѣтѣ не было!—говорили имъ на это ихъ старыя жены.

И при слѣдующей же встрѣчѣ пожилыя дамы упрекали молодую графиню, что она отнимаетъ отъ нихъ сердца ихъ мужей.

Но пожилыя дамы смотрѣли на нее съ нѣкоторой тревогой. Онѣ такъ хорошо помнили графиню Мерту. Когда она въ первый разъ пріѣхала въ Боргъ, то она была также весела и добра и также любима всѣми. А изъ нея вышла только тщеславная и легкомысленная кокетка, которая думала только объ однихъ увеселеніяхъ. «Если бы у нея былъ мужъ, способный пріучить ее къ работѣ!» вздыхали пожилыя женщины, сокрушаясь о молодой графинѣ. «Если бы она умѣла хоть ткать!» Онѣ хорошо знали, что тканье—отличное утѣшенье въ горѣ; эта работа поглощаетъ всѣ интересы, она служила спасеніемъ для многихъ женщинъ.

Да и сама молодая графиня очень хотѣла сдѣлаться хорошей хозяйкой. Часто въ гостяхъ она подсаживалась къ пожилымъ дамамъ.

— Хенрику очень хочется, чтобы я сдѣлалась хорошей хозяйкой,—говорила она,—такой же, какъ его мать. Пожалуйста, научите меня ткать!

На это старушки только вздыхали, и вздохъ ихъ имѣлъ двоякое значеніе: онѣ вздыхали надъ тѣмъ, что графъ Хенрикъ считаетъ свою мать за хорошую хозяйку, а кромѣ того, ихъ вздохъ относился къ этому молодому, неопытному существу, которое, казалось, было создано вовсе не для того, чтобы его посвящали въ такія трудныя обязанности.

Всѣ, кто только видѣли молодую графиню, не могли не удивляться, что она вышла замужъ за глупаго графа Хенрика.

Не достоинъ ли сожалѣнія всякій глупый человѣкъ! О глупости графа Хенрика ходило уже много анекдотовъ; а ему было всего только двадцать лѣтъ съ небольшимъ. Разсказывали, между прочимъ, какъ онъ занималъ Анну Шернхёкъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ во время одного пикника, когда онъ ѣхалъ съ ней въ саняхъ.

— Какая ты красавица, Анна,—сказалъ онъ.

— Что за глупости, Хенрикъ.

— Ты красивѣе всѣхъ во всемъ Вермландѣ.

— Ну нѣтъ, это неправда.

— Ты во всякомъ случаѣ красивѣе всѣхъ, кто участвуетъ въ этомъ пикникѣ.

— Ахъ, Хенрикъ, и это не правда.

— Но ты самая красивая въ этихъ саняхъ. Этого ты не можешь отрицать.

Нѣтъ, этого она не могла отрицать.

Потому что про графа Хенрика никакъ нельзя было сказать, что онъ красивъ. Онъ былъ столько же безобразенъ, какъ и глупъ. Про него говорили, что голова, сидѣвшая на его тонкой шеѣ, досталась ему въ наслѣдство отъ его предковъ и что она переходила такимъ образомъ изъ рода въ родъ уже лѣтъ двѣсти. Потому-то мозги у послѣдняго представителя рода Дона и были такъ истощены. «Вѣдь это такъ понятно, у него нѣтъ своей головы», говорили люди. «Вѣдь онъ получилъ въ наслѣдство голову отца. Онъ боится, что она свалится, а потому онъ и держитъ ее такъ прямо». «Вѣдь и кожа у него совсѣмъ желтая, а лобъ весь въ морщинахъ. Голова его навѣрное уже была въ употребленіи у его отца и у его дѣда. Иначе волосы у него не были бы такіе жидкіе, а губы такія безкровныя и подбородокъ такой острый».

Вѣчно вокругъ него были люди, искавшіе удобнаго случая посмѣяться надъ нимъ. Они заставляли его говорить глупости, а потомъ распространяли ихъ, преувеличивая и украшая.

Счастіе еще, что онъ ничего этого не замѣчалъ. Онъ никогда не терялъ собственнаго достоинства и всегда былъ приличенъ. Чувство приличія и собственнаго достоинства всосались въ его кровь и плоть: всѣ его движенія были разсчитаны, онъ ходилъ совсѣмъ прямо и никогда не поворачивалъ головы, не повернувъ вмѣстѣ съ тѣмъ и всего тѣла.

Разсказывали, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ былъ въ гостяхъ у судьи въ Мункерюдѣ. Онъ пріѣхалъ верхомъ въ высокой шляпѣ, желтыхъ рейтузахъ и лакированныхъ сапогахъ, и сидѣлъ въ сѣдлѣ, гордо выпрямившись. Когда онъ въѣзжалъ во дворъ, все обошлось благополучно. Но когда ему надо было уѣзжать, то случилось, что одна изъ свѣсившихся вѣтвей въ березовой аллеѣ ударила его по шляпѣ и сшибла ее съ головы. Онъ спѣшился, надѣлъ шляпу и опять поѣхалъ подъ ту же вѣтвь. Опять шляпу сшибло. Это повторилось четыре раза.

Наконецъ, судья подошелъ къ нему и сказалъ:

— Послушай-ка, братецъ, проѣзжай слѣдующій разъ вотъ здѣсь, въ сторонѣ отъ вѣтки.

Въ пятый разъ онъ, наконецъ, проѣхалъ благополучно мимо березы.

И всетаки молодая графиня любила его, несмотря на его старообразную голову. Вѣдь она не знала, когда увидала его въ Римѣ, что онъ окруженъ у себя на родинѣ мученическимъ ореоломъ дурака. Тамъ въ чужой странѣ на немъ лежалъ отпечатокъ молодости, и онъ представлялся въ болѣе выгодномъ свѣтѣ, а кромѣ того они соединились при необыкновенно романической обстановкѣ. Стоило послушать разсказъ графини о томъ, какъ графъ Хенрикъ похитилъ ее. Монахи и кардиналы пришли въ негодованіе, когда узнали, что она хочетъ измѣнить вѣрѣ своей матери, которую прежде исповѣдовала, и сдѣлаться протестанткой. Даже народъ пришелъ въ возмущеніе. Дворецъ ея отца осадили. Хенрика преслѣдовали бандиты. Мать и сестры умоляли ее отказаться отъ замужества. Но отецъ пришелъ въ негодованіе при мысли, что итальянская чернь можетъ помѣшать ему отдать свою дочь, кому онъ пожелаетъ. Онъ велѣлъ графу Хенрику похитить ее. И вотъ, такъ какъ они не имѣли возможности обвѣнчаться дома потихоньку отъ всѣхъ, то имъ не оставалось ничего другого, какъ тайкомъ пробраться по задворкамъ и окольнымъ улицамъ въ шведское консульство. А тамъ, послѣ того, какъ она отказалась отъ католической вѣры и приняла протестантство, ихъ сейчасъ же обвѣнчали и посадили въ карету, которая быстро помчала ихъ на сѣверъ.

— Вы понимаете, что некогда было думать ни объ обрученіи, ни объ оглашеніи. Это было невозможно,—говорила обыкновенно молодая графиня.—И правда, что было очень грустно вѣнчаться въ консульствѣ, а не въ одной изъ красивыхъ церквей, но иначе Хенрику пришлось бы уѣхать безъ меня. Тамъ, въ Италіи, всѣ очень вспыльчивы, и папа, и мама, и кардиналы, и монахи, — всѣ вспыльчивы. Потому-то все и должно было происходить тайкомъ. Если бы только народъ насъ замѣтилъ, когда мы прокрадывались изъ дому, то насъ обоихъ навѣрное убили бы, только для того, чтобы спасти мою душу. Хенрикъ, конечно, уже былъ преданъ проклятію.

Но молодая графиня продолжала любить своего мужа и послѣ того, какъ они поселились въ Боргѣ и зажили спокойной жизнью. Она любила въ немъ блескъ его стараго имени и, богатое подвигами, прошлое его предковъ. Ей нравилось видѣть, какъ все его существо смягчалось отъ ея присутствія, и слышать, какъ голосъ его дѣлался нѣжнѣе, когда онъ обращался къ ней. А кромѣ того, онъ любилъ и баловалъ ее и къ тому же она была его женой. Молодая графиня не могла себѣ представить, чтобы замужняя женщина не любила своего мужа.

До нѣкоторой степени онъ и отвѣчалъ ея идеалу. Онъ былъ спра-

ведливъ и правдивъ. Онъ никогда не измѣнялъ данному слову. Она считала его истиннымъ дворяниномъ.

Восьмого марта ленсманъ Шарлингъ всегда справлялъ свое рожденіе, и въ Брубю съѣзжалось множество народа. Люди съѣзжались со всѣхъ сторонъ; знакомые и незнакомые, званые и незваные—всѣ пріѣзжали къ ленсману. Всѣхъ встрѣчало радушное гостепріимство. На всѣхъ хватало ѣды и питья, а въ большой бальной залѣ было достаточно мѣста для всѣхъ, желавшихъ потанцовать, со всѣхъ семи приходовъ.

Молодая графиня также пріѣхала къ ленсману, такъ какъ она появлялась вездѣ, гдѣ только можно было ожидать танцевъ и веселья.

Но на этотъ разъ молодая женщина была настроена не весело. Казалось, точно въ ней проснулось смутное предчувствіе, что насталъ и ея чередъ быть вовлеченной въ водоворотъ приключеній.

По дорогѣ она наблюдала за закатомъ солнца. Оно садилось на чистомъ небѣ и не оставляло по себѣ легкихъ облочковъ съ позолоченными краями. На землю спускались сѣрыя сумерки и воздухъ прорѣзалъ рѣзкій вѣтеръ.

Молодая графиня наблюдала за борьбой, происходившей между днемъ и ночью, и за тѣмъ, какъ все живое охватывало страхъ передъ этой величественной борьбой. Лошади торопливо тащили послѣдніе возы, спѣша укрыться подъ крышей. Дровосѣки возвращались изъ лѣсу, служанки торопились со скотныхъ дворовъ. Дикіе звѣри выли на опушкѣ лѣса. День, любимецъ людей, уступалъ въ борьбѣ.

Свѣтъ погасъ, краски поблѣднѣли. Все, что она видѣла вокругъ себя, представлялось ей холоднымъ и безобразнымъ. Все, на что она надѣялась, что она любила, что она дѣлала, казалось ей окутаннымъ сѣрыми сумерками. На нее нашла минута усталости, изнеможенія, безсилія, какъ и для всей природы.

Она думала о томъ, что ея собственное сердце, которое въ своей беззаботной веселости одѣвало все въ пурпуръ и золото, что ея сердце, можетъ быть, потеряетъ когда-нибудь свою способность освѣщать для нея свѣтъ.

«О, мое бѣдное, слабое сердце! — сказала она себѣ. — Неужели въ тебѣ будетъ когда-нибудь царить мрачная богиня тьмы? Тогда мнѣ жизнь покажется сѣрой и безотрадной, какая она, можетъ быть, на самомъ дѣлѣ и есть; мои волосы посѣдѣютъ, моя спина согнется, мое сердце обезсилѣетъ».

Въ это время сани завернули во дворъ ленсмана, и такъ какъ молодая графиня подняла въ эту минуту голову, то ея взоръ упалъ

на рѣшетчатое окно во флигелѣ, а за рѣшеткой она увидала мрачное лицо.

Это лицо принадлежало майоршѣ изъ Экебю, и молодая женщина поняла, что ея удовольствіе на этотъ вечеръ окончательно испорчено.

Еще есть возможность сохранить веселость, когда не видишь горя, а только слышишь о немъ, какъ о чемъ-то далекомъ и незнакомомъ. Но другое дѣло, когда стоишь лицомъ къ лицу съ безутѣшнымъ горемъ и встрѣчаешь мрачный взоръ, полный безысходной скорби.

Графиня знала, что ленсманъ Шарлингъ арестовалъ майоршу, и что ее будутъ судить за ея беззаконное поведеніе въ Экебю въ ту ночь, когда тамъ былъ большой балъ. Но она не знала, что ее заключатъ во дворѣ у ленсмана и такъ близко къ бальному залу, что оттуда можно будетъ видѣть ея комнату и до нея будутъ доноситься музыка и веселый шумъ. Мысль о ней отняла у графини всякую возможность быть веселой.

Молодая графиня танцовала, однако, и вальсъ, и кадриль. Она танцовала также и минуэтъ; но послѣ каждаго танца она подходила къ окну и смотрѣла на флигель. Въ окнѣ у майорши былъ свѣтъ, и графиня могла видѣть, какъ несчастная женщина безъ остановки ходила взадъ и впередъ по комнатѣ. Повидимому, она ни на минуту не отдыхала и все время ходила.

Танцы не доставляли графинѣ никакого удовольствія. Она все время думала о томъ, какъ майорша ходитъ взадъ и впередъ въ своей тюрьмѣ, точно дикій звѣрь въ клѣткѣ. Она удивлялась, какъ другіе могли такъ спокойно танцовать. Многіе знали, что майорша здѣсь, и навѣрное многихъ очень волновало это, но никто ничѣмъ не высказывалъ своего недовольства. Народъ въ Вермландѣ очень спокоенъ и терпимъ.

Но графиня не могла оставаться спокойной, и каждый разъ послѣ того, какъ она смотрѣла въ окно, ноги ея двигались въ танцахъ тяжелѣе, а смѣхъ застывалъ на ея губахъ.

Жена ленсмана увидала, какъ она вытирала запотѣвшее окно, чтобы посмотрѣть въ него, и подошла къ ней.

— Что за несчастіе! О, что это за несчастіе! — шепнула она графинѣ.

— Мнѣ кажется, что сегодня просто невозможно танцовать,— прошептала ей графиня въ отвѣтъ.

— Да я и не хотѣла, чтобы у насъ былъ балъ, пока она сидитъ тамъ взаперти,—сказала фру Шарлингъ.—Она все время была въ заключеніи въ Карлстадѣ. Но теперь ее будутъ скоро судить, а потому ее и привезли сюда. У насъ нехватило духу запереть ее въ отврати-

тельной арестантской, въ домѣ засѣданія суда, и мы помѣстили ее въ ткацкой во флигелѣ. Я охотно отдала бы ей свою гостиную, графиня, если бы какъ разъ сегодня не съѣхались сюда всѣ эти люди. Вы, графиня, почти вовсе не знаете ея, но она была для насъ всѣхъ матерью и королевой. Что думаетъ она о насъ, зная, что мы танцуемъ здѣсь въ то время, какъ она въ такомъ ужасномъ горѣ. Хорошо еще, что большая часть гостей и не знаетъ о томъ, что она здѣсь.

— Ее вовсе не надо было арестовать,—сказала молодая графиня строго.

— Вы правы, графиня; но это необходимо было сдѣлать во избѣжаніе еще бо̀льшихъ несчастій. Никто ничего не имѣлъ противъ нея за то, что она подожгла свой собственный скирдъ соломы или за то, что она хотѣла выгнать кавалеровъ, но вѣдь майоръ искалъ и преслѣдовалъ ее. Богъ знаетъ, что бы онъ натворилъ, если бы ее не арестовали. Вы знаете, графиня, Шарлингъ имѣлъ много непріятностей изъ-за того, что онъ арестовалъ майоршу. Даже и въ Карлстадѣ были имъ недовольны за то, что онъ не посмотрѣлъ сквозь пальцы на то, что произошло въ Экебю; но онъ поступилъ такъ, какъ находилъ это лучше.

— Но теперь ее приговорятъ?—спросила графиня.

— О, нѣтъ, графиня, ее не приговорятъ. Майоршу выпустятъ на свободу. Но все-таки для нея очень тяжело перенести все то, чему она подвергается за послѣднее время. Я думаю, она сойдетъ съ ума. Это и не удивительно: такая гордая женщина, и съ ней обращаются, какъ съ какимъ-нибудь преступникомъ! Мнѣ кажется, что было бы лучше оставить ее на свободѣ. Она сумѣла бы сама спастись отъ майора.

— Выпустите ее,—сказала графиня.

— Это легче сдѣлать кому-нибудь другому, а не ленсману или его женѣ,—прошептала фру Шарлингъ.—Вѣдь мы должны стеречь ее. А сегодня, когда сюда пріѣхало такъ много ея друзей, ея двери стерегутъ двое человѣкъ, и двери заложены засовомъ и заперты, чтобы никто не могъ попасть къ ней. Но если бы только кому-нибудь удалось освободить ее, то мы были бы такъ счастливы: и Шарлингъ, и я.

— Нельзя ли мнѣ пойти къ ней?—спросила молодая графиня.

Фру Шарлингъ схватила ее за руку и повела за собой. Въ передней онѣ накинули на себя шали и вышли на дворъ.

— Я не знаю, будетъ ли она даже съ нами разговаривать,—сказала жена ленсмана. — Но она все-таки увидитъ, что мы не забыли ея.

Онѣ вошли въ первую комнату во флигелѣ; тамъ сидѣли двое человѣкъ передъ запертой дверью и караулили майоршу. Они тотчасъ же впустили обѣихъ женщинъ къ заключенной. Майорша занимала большую комнату, наполненную ткацкими станками и другими принадлежностями тканья. Это и была собственно ткацкая, но въ окнѣ была желѣзная рѣшетка, а на двери большой замокъ на тотъ случай, если бы эту комнату пришлось употреблять, какъ арестантскую.

Когда онѣ вошли, майорша продолжала ходить взадъ и впередъ, не обращая на нихъ никакого вниманія.

Въ то время она совершала длинное путешествіе. Она представляла себѣ, что идетъ къ своей матери, которая ждетъ ее въ Эльвдальскихъ лѣсахъ. Она думала только о томъ, что ей надо пройти двадцать миль, и она ни на минуту не отдыхала. Она не могла оставаться спокойной. Она была въ постоянной тревогѣ. Вѣдь ея матери больше девяносто лѣтъ. Она скоро умретъ.

Она вымѣрила локтемъ длину пола и считала, сколько разъ она прошла туда и обратно. Потомъ она превращала локти въ сажени, а сажени въ полумили и мили.

Дорога кажется ей тяжкой и безконечной, но она не отдыхаетъ. Она все идетъ черезъ высокіе сугробы, прислушиваясь къ шуму вѣковыхъ лѣсовъ. Ночью она укрывается въ шалашахъ угольщиковъ. А иногда, когда она на разстояніи нѣсколькихъ миль не встрѣчаетъ человѣка, то она собираетъ сучья и проводитъ ночь подъ корнями поваленной ели.

Но вотъ наконецъ-то она достигла цѣли своего безконечнаго странствія. Лѣсъ рѣдѣетъ, и передъ ней появляются красные дома на дворѣ, покрытомъ снѣгомъ. Невдалекѣ бурлитъ Кларэльвенъ, стремительно протекая по цѣлому ряду пороговъ и маленькихъ водопадовъ. По хорошо знакомому шуму воды она узнаетъ, что пришла домой.

И ея мать, увидя, что она пришла нищей, какъ она этого хотѣла, выходитъ къ ней навстрѣчу.

Когда мечты майорши доходятъ до этого мѣста, она поднимаетъ голову, оглядывается кругомъ, видитъ запертую дверь и понимаетъ, гдѣ она находится.

Тогда она съ тревогой спрашиваетъ себя, ужъ не сошла ли она съ ума, и садится, чтобы подумать и отдохнуть. Но черезъ нѣсколько минутъ она уже снова пускается въ путь; опять она отсчитываетъ локти, превращаетъ ихъ въ сажени, полумили и мили, опять она

проводитъ ночь въ шалашахъ и не спитъ ни днемъ, ни ночью, пока снова не проходитъ двадцать миль.

Во все время своего заключенія она почти вовсе не спала.

Молодая графиня и жена ленсмана смотрѣли на нее съ невыразимой тревогой.

Графиня помнила ее потомъ всегда такой, какой она была тогда. Она часто послѣ того видѣла ее во снѣ и просыпалась со стономъ, вся въ слезахъ.

Бѣдная майорша страшно изнѣнилась и постарѣла; волосы ея порѣдѣли и отъ тощей косы отдѣлялись пряди. Лицо ея исхудало и осунулось, а платье было въ безпорядкѣ и разорвано. Но, несмотря на это, въ ней еще сохранилось столько импонирующаго и величественнаго, что она внушала не одно только состраданіе, но также и глубокое уваженіе.

Но что на графиню произвело неизгладимое впечатлѣніе, такъ это глаза, впалые, глядящіе куда-то во внутрь. Въ нихъ еще свѣтился разумъ, но, казалось, онъ готовъ былъ померкнуть каждую минуту, потому что въ самой глубинѣ этихъ глазъ уже таился огонекъ безумія. При видѣ этой женщины дѣлалось страшно, что она вотъ-вотъ набросится на человѣка и вопьется въ него зубами и ногтями.

Онѣ довольно долго стояли въ комнатѣ у майорши, когда та вдругъ остановилась передъ молодой женщиной и посмотрѣла на нее пристально и строго. Графиня отступила на одинъ шагъ и схватила фру Шарлингъ за руку.

Лицо майорши вдругъ оживилось и приняло сознательное выраженіе, а глаза смотрѣли вполнѣ разумно.

— О, нѣтъ, о, нѣтъ, — сказала она улыбаясь, — со мной ужъ не такъ плохо, моя милая, молодая графиня.

Она попросила обѣихъ дамъ сѣсть и сѣла сама. При этомъ она приняла свой прежній величавый видъ, такъ хорошо извѣстный всѣмъ, кто посѣщалъ большіе праздники въ Экебю и королевскіе балы въ резиденціи губернатора въ Карлстадѣ. Обѣ ея посѣтительницы забыли ея лохмотья и то, что она въ заточеніи, и видѣли передъ собой только самую гордую и богатую женщину въ Вермландѣ.

— Моя милая графиня, — сказала она. — Что заставило васъ оставить танцы для того, чтобы посѣтить такую одинокую и старую женщину, какъ я? Вы, должно быть, очень добры.

Графиня Елизавета не могла отвѣчать. Волненіе сдавило ей горло. Фру Шарлингъ отвѣтила за нее, что она не могла танцовать, потому что думала о майоршѣ.

— Дорогая фру Шарлингъ,—сказала майорша,—неужели дошло уже до того, что я мѣшаю молодежи веселиться? Не плачьте обо мнѣ, моя милая, молодая графиня,—продолжала она.—Я злая, старая женщина, которая заслужила свою судьбу. Вѣдь вы не находите себя въ правѣ бить свою мать?

— Нѣтъ, но...

Майорша прервала ее и нѣжно отвела рукой бѣлокурые локоны съ ея лба.

— Дитя, дитя,—сказала она,—какъ могли вы выйти замужъ за глупаго графа Дона?

— Но я люблю его.

— Я понимаю, я отлично понимаю, какъ было дѣло,—продолжала майорша. — Вы доброе дитя, вотъ и все, готовое плакать съ огорченными и смѣяться съ счастливыми. Вы считали своей обязанностью сказать «да» первому, кто сказалъ вамъ: «Я люблю тебя». Конечно, такъ! А теперь идите танцовать, моя милая графиня. Танцуйте и веселитесь! Въ васъ совсѣмъ нѣтъ зла.

— Не могу ли я хоть что-нибудь сдѣлать для васъ, майорша?

— Дитя, — сказала майорша торжественно, — въ Экебю жила старая женщина, которая держала въ своихъ рукахъ небесные вѣтры. Но ее заточили, и вѣтры стали гулять на свободѣ. Развѣ удивительно, если надъ страной разразится буря? Я старый уже человѣкъ, графиня, и видѣла это раньше. Я знаю, что Богъ пошлетъ на насъ бурю. Иногда она проносится надъ большими странами, а иногда надъ маленькими общинами. Божій гнѣвъ никого не забываетъ какъ большого, такъ и малаго. Но это дивное зрѣлище, когда надвигается Божья буря. Мы думали, что все у насъ здѣсь хорошо, но мы ошибались. Необходимо, чтобы надъ нами разразилась Божья буря. Я хочу только одного, чтобы мнѣ можно было пойти къ моей матери.

Сказавъ это, она вся вдругъ какъ-то согнулась.

— Такъ идите же, молодая графиня,—сказала она.—Мнѣ некогда. Я должна идти. Уходите и берегитесь бури!

И она снова начала ходить. Черты ея стали вялыми, а глаза опять обратились во внутрь. Графиня и фру Шарлингъ оставили ее.

Какъ только онѣ вошли въ танцовальный залъ, графиня сейчасъ же направилась къ Іёстѣ Берлингу.

— Вамъ кланяется майорша, герръ Берлингъ,—сказала она.— Она ожидаетъ, чтобы вы освободили ее изъ заточенья.

— Ну, этого ей придется подождать, графиня.

— О, помогите ей, герръ Берлингъ!

Глаза Іёсты смотрѣли мрачно.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—зачѣмъ я буду помогать ей? Развѣ я ей обязанъ чѣмъ-нибудь? Все, что она сдѣлала для меня, было къ моей погибели.

— Но, герръ Берлингъ...

— Если бы не она,—продолжалъ онъ, приходя въ волненіе,— то я спалъ бы тамъ, въ вѣковыхъ лѣсахъ. Неужели я долженъ рисковать своей жизнью за то, что она сдѣлала меня кавалеромъ въ Экебю? Ужъ не думаете ли вы, графиня, что состоять въ этой должности великая честь?

Молодая графиня повернулась и отошла отъ него, ничего не отвѣтивъ. Ея сердце кипѣло негодованіемъ.

Она сѣла на свое мѣсто и погрузилась въ горькія думы о кавалерахъ. Они пріѣхали сюда въ волторнами и скрипками и хотятъ водить смычкомъ по струнамъ до тѣхъ поръ, пока онъ весь не перетрется, и они не думаютъ о томъ, что веселые звуки проникнутъ въ ужасную комнату заключенной. Они пріѣхали сюда, чтобы танцовать до тѣхъ поръ, пока подошвы не отстанутъ отъ башмаковъ, и они не думаютъ о томъ, что ихъ старая благодѣтельница увидитъ, какъ мелькаютъ ихъ тѣни за запотѣлыми окнами. Ахъ, какъ свѣтъ безобразенъ и сѣръ! Ахъ, въ какой мракъ погрузили сердце молодой графини горе и жестокость!

Черезъ нѣсколько времени Іёста подошелъ къ ней и пригласилъ на танецъ.

Она отказала ему наотрѣзъ.

— Вы не хотите танцовать со мной, графиня?—спросилъ онъ, густо краснѣя.

— Ни съ вами, да и ни съ кѣмъ-нибудь другимъ изъ кавалеровъ Экебю,—отвѣтила она.

— Значитъ, мы не достойны такой чести?

— Чести въ этомъ нѣтъ, герръ Берлингъ. Но я не нахожу удовольствія танцовать съ тѣми, кто забываетъ самое простое чувство благодарности.

Іёста повернулся на каблукѣ, не дослушавъ ея словъ.

Эту сцену видѣли и слышали многіе. Неблагодарность и безсердечіе кавалеровъ по отношенію къ майоршѣ возбудили всеобщее негодованіе.

Но въ тѣ дни Іёста Берлингъ былъ опаснѣе всякаго дикаго звѣря въ лѣсу. Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ онъ вернулся съ охоты и не нашелъ больше Маріанны, его сердце было открытой раной. Онъ находился во власти непреодолимаго желанія нанести кому-нибудь кровную обиду или причинить горе и несчастіе.

«Она этого хочетъ,—сказалъ онъ себѣ,—такъ пусть же будетъ по ея желанію. Но зато и она сама должна поплатиться. Молодая графиня любитъ, чтобы ее похищали». Это удовольствіе ей можно доставить. Онъ ничего не имѣетъ противъ новаго приключенія. Вотъ уже восемь дней, какъ онъ страдаетъ по одной женщинѣ. Пора и перестать. Онъ позвалъ полковника Беренкрейца, сильнаго капитана Кристіана Берга и лѣниваго кузена Кристоффера, который никогда не задумывался передъ безумной выходкой, и сталъ совѣщаться съ ними о томъ, какъ достойнымъ образомъ отомстить за оскорбленную честь кавалерскаго флигеля.

Наконецъ, гости стали разъѣзжаться. Длинная веренница саней стояла на дворѣ. Мужчины надѣвали на себя шубы. Дамы разыскивали свое платье среди страшнаго безпорядка, царившаго въ раздѣвальной комнатѣ.

Молодая графиня спѣшила болѣе, чѣмъ кто-либо другой, съ этого, ненавистнаго для нея, бала. Она одѣлась раньше другихъ дамъ и, стоя посреди комнаты, съ улыбкой смотрѣла на происходившую вокругъ нея сумятицу. Вдругъ отворилась дверь, и на порогѣ появился Іёста Берлингъ.

Поднялся крикъ, такъ какъ въ эту комнату мужчины не имѣли права входить. Пожилыя дамы уже успѣли снять наколки, украшавшія ихъ головы, а молодыя подвернули подолы юбокъ подъ шубы, чтобы не смять своихъ платьевъ въ саняхъ.

Не обращая вниманія на крики, Іёста бросился къ графинѣ и схватилъ ее.

Поднявъ ее на рукахъ, онъ выбѣжалъ съ ней въ сѣни, а оттуда на дворъ.

Перепуганныя дамы съ криками бросились за нимъ, но онѣ успѣли только увидать, какъ онъ вмѣстѣ съ графиней бросился въ сани, стоявшія передъ крыльцомъ.

Кучеръ хлопнулъ бичомъ, и лошадь помчала. Онѣ узнали кучера—это былъ Беренкрейцъ. Онѣ узнали также и лошадь—это былъ Донъ-Жуанъ. Въ страшномъ безпокойствѣ за участь графини, онѣ стали звать на помощь мужчинъ.

И мужчины, не теряя много времени на разспросы, бросились къ санямъ и, съ графомъ во главѣ, понеслись въ догонку за дерзкимъ похитителемъ.

А онъ сидѣлъ въ саняхъ и крѣпко держалъ графиню. Опьяненный безумнымъ приключеніемъ, онъ пѣлъ во все горло пѣсню о любви и розахъ.

Онъ крѣпко прижималъ къ себѣ графиню, которая не дѣлала ни малѣйшей попытки высвободиться. Ея лицо лежало у его груди, блѣдное и окаменѣлое.

Ахъ, но что дѣлаетъ мужчина, когда видитъ на своей груди блѣдное, безпомощное лицо съ бѣлокурыми волосами, откинутыми съ прекраснаго лба, съ закрытыми вѣками, скрывающими задорный блескъ сѣрыхъ глазъ?

Что дѣлаетъ мужчина, когда розовыя губы блѣднѣютъ подъ его взглядомъ?

Цѣлуетъ, конечно, цѣлуетъ блѣднѣющія губы, закрытые глаза, прекрасный лобъ.

Но молодая графиня пришла уже въ себя и рѣзкимъ движеніемъ вырвалась изъ объятій Іёсты. Она извивалась, какъ угорь, и онъ долженъ былъ употребить всю свою силу, чтобы удержать ее и не позволить ей выброситься изъ саней. Наконецъ, она должна была покориться, и онъ заставилъ ее, дрожащую и изнеможенную, сидѣть смирно въ углу саней.

— Посмотри,—сказалъ Іёста совершенно спокойно Беренкрейцу.—Графиня третья красавица, которую мы похищаемъ съ Донъ-Жуаномъ въ эту зиму. Но другія висѣли у меня на шеѣ и цѣловали меня, тогда какъ эта не хочетъ ни цѣловать меня, ни танцовать со мной. Можешь ли ты понять этихъ женщинъ, Беренкрейцъ?

Между тѣмъ на дворѣ ленсмана произошелъ страшный переполохъ, какъ только всѣ узнали, что Іёста похитилъ графиню. Женщины кричали, мужчины бранились, слышалось хлопанье бича, звонъ бубенчиковъ—все пришло въ общее смятеніе. Люди, стерегшіе майоршу, въ недоумѣніи смотрѣли другъ на друга.

«Что случилось?—думали они.—Отчего поднялся такой крикъ»?

Вдругъ раскрылась дверь, и какой-то голосъ крикнулъ имъ:

— Она уѣхала! Онъ увезъ ее!

Они вскочили, какъ безумные, и, не посмотрѣвъ даже, находится ли майорша въ своей комнатѣ или нѣтъ, выбѣжали на дворъ. Тамъ они бросились въ какія-то сани, которыя какъ разъ отъѣзжали со двора, и проѣхали очень далеко, прежде чѣмъ узнали, за кѣмъ всѣ гнались.

Въ это время Бергъ и кузенъ Кристоффферъ спокойно подошли къ двери, за которой была заперта майорша, и, взломавъ замокъ, отворили ее заключенной.

— Вы свободны, майорша,—сказали они.

Она вышла. Они стояли прямо, какъ на часахъ, по обѣ стороны двери и не смотрѣли на нее.

— У крыльца для васъ приготовлены лошадь и сани, майорша.

Она вышла на дворъ, сѣла въ сани и уѣхала. Ея никто не преслѣдовалъ, да никто и не зналъ, куда она уѣхала.

А Донъ-Жуанъ уже спустился съ горы въ Брубю и мчался по ледяной поверхности озера. Освѣжающій морозный воздухъ обдавалъ щеки сѣдоковъ. Бубенчики звонили. Луна и звѣзды ярко сіяли. Ослѣпительный синеватый снѣгъ точно самъ испускалъ свѣтъ.

Въ Іёстѣ проснулось поэтическое настроеніе.

— Беренкрейцъ,—сказалъ онъ,—вотъ это такъ жизнь! Такъ же, какъ Донъ-Жуанъ уноситъ теперь эту молодую женщину, такъ и время уноситъ людей. А ты—необходимость, которая управляетъ ими. Я—желаніе, подавляющее волю...

— Перестань болтать!—закричалъ на него Беренкрейцъ.—Насъ нагоняютъ!

И въ воздухѣ раздался свистъ бича, и Донъ-Жуанъ понесся еще быстрѣе.

— Они—волки, а мы—добыча,—воскликнулъ Іёста.—Донъ-Жуанъ, голубчикъ, представь себѣ, что ты молодой олень. Несись черезъ заросли кустарника, лети по болотамъ, прыгай съ отвѣсной скалы въ прозрачное озеро, переплывай его съ гордо поднятой головой и исчезни въ темной чащѣ спасительнаго еловаго лѣса! Бѣги, Донъ-Жуанъ, тебѣ не въ первый разъ приходится похищать красавицу. Бѣги, какъ молодой олень!

Эта бѣшеная скачка наполнила сердце Іёсты дикой радостью. Крики преслѣдователей были для него сладкой музыкой. Онъ наслаждался, чувствуя, какъ дрожитъ графиня и какъ стучатъ ея зубы.

Вдругъ онъ выпустилъ ее изъ своихъ желѣзныхъ объятій, всталъ въ саняхъ и началъ махать своей шапкой.

— Я Іёста Берлингъ,—крикнулъ онъ,—герой десяти тысячъ поцѣлуевъ и тринадцати тысячъ любовныхъ писемъ. Да здравствуетъ Іёста Берлингъ! Попробуйте-ка его поймать!

Въ слѣдующее мгновеніе онъ уже опять сидѣлъ рядомъ съ графиней и шепталъ ей на ухо:

— Не правда ли, что за упоительная ѣзда? За Лёвеномъ находится Венернъ. За Венерномъ море: куда ни глянешь, всюду прозрачный синій ледъ, а еще дальше—широкій свѣтъ. Развѣ все это не великолѣпно? Глухой трескъ льда, громкіе крики погони, звѣздное небо, звонъ бубенчиковъ! Впередъ! Все впередъ! Развѣ у васъ не является желанія продолжать эту ѣзду, юная красавица?

Онъ отпустилъ ее, и она съ силой оттолкнула его.

Но онъ стоялъ уже на колѣняхъ въ ея ногахъ.

— Я негодяй, я негодяй! Вы не должны были раздражать меня, графиня. Вы стояли передо мной такая гордая и прекрасная, и думали, что рукѣ кавалера никогда не достать до васъ. Васъ любятъ небо и земля. Вы не должны были увеличивать бремени тѣхъ, кого земля и небо презираютъ.

Онъ взялъ ея руки и приложилъ ихъ къ своему лицу.

— Но если бы вы только знали,—продолжалъ онъ,—что это значитъ быть отверженнымъ. Развѣ такіе люди отдаютъ себѣ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ? Нѣтъ, они этого не дѣлаютъ.

Въ это мгновеніе онъ замѣтилъ, что у нея на рукахъ ничего не надѣто. Онъ вынулъ изъ кармана пару большихъ, мѣховыхъ варежекъ и надѣлъ на нее.

Послѣ этого онъ вдругъ совершенно успокоился и сѣлъ какъ можно подальше отъ графини.

— Вамъ нечего бояться, графиня,—сказалъ онъ.—Развѣ вы не видите, куда мы ѣдемъ? Повѣрьте, что мы никогда не посмѣли бы сдѣлать вамъ ничего дурного.

Графиня, почти потерявшая сознаніе отъ страха, только теперь замѣтила, что они переѣхали озеро и что Донъ-Жуанъ уже поднимается на крутую гору около Борга.

Сани остановились передъ крыльцомъ графскаго дома, и похитители помогли графинѣ выйти изъ саней.

Когда графиня увидала слугъ, которые вышли навстрѣчу, то къ ней вернулось самообладаніе.

— Возьми лошадь, Андерсонъ,—приказала она кучеру.—Эти господа, которые привезли меня домой, вѣроятно, будутъ такъ добры и войдутъ ненадолго въ домъ. Графъ сейчасъ пріѣдетъ.

— Какъ вамъ угодно, графиня,— сказалъ Іёста, выходя изъ саней.

Беренкрейцъ также бросилъ вожжи безъ малѣйшаго колебанія. Графиня повела ихъ въ залъ съ едва скрываемымъ злорадствомъ на лицѣ.

Она ожидала, что кавалеры покажутъ хоть нѣкоторую нерѣшительность при ея предложеніи дождаться графа.

Такъ, значитъ, они не знаютъ, какой это строгій и справедливый человѣкъ. Они не боялись, что онъ потребуетъ отъ нихъ отвѣта за то, что они насильно схватили ее и заставили ѣхать съ ними. Она съ радостью готовилась услышать, какъ онъ запретитъ имъ когда-нибудь впредь переступать порогъ ихъ дома.

Она уже представляла себѣ, какъ онъ позоветъ слугъ для того, чтобы показать имъ кавалеровъ, какъ людей, передъ которыми ни-

когда больше не должны были раскрываться двери Борга. Ей хотѣлось услышать, какъ онъ выскажетъ имъ свое презрѣніе не только за ихъ поступокъ съ нею, но также и за ихъ поведеніе относительно старой майорши, ихъ благодѣтельницы.

Онъ, который выказывалъ ей только любовь и вниманіе, разразится справедливымъ гнѣвомъ противъ этихъ дерзкихъ людей. Любовь придастъ огня его словамъ. Онъ, который защищалъ ее и уважалъ, какъ существо, стоящее выше всѣхъ другихъ людей, онъ не потерпитъ, чтобы грубые люди нападали на нее, какъ хищныя птицы на воробья. Она вся горѣла жаждой мести.

Однако Беренкрейцъ, полковникъ съ большими сѣдыми усами, вошелъ въ столовую совершенно спокойно и подошелъ къ топившемуся камину. Графиня требовала, чтобы къ ея возвращенію изъ гостей всегда топился каминъ въ столовой.

Іёста сѣлъ въ темномъ углу возлѣ дверей и молча смотрѣлъ на графиню, пока слуга освобождалъ ее отъ верхняго платья. Понемногу на душѣ у него становилось все свѣтлѣе и свѣтлѣе, и ему вдругъ стало такъ хорошо, какъ не было уже много лѣтъ. Ему вдругъ стало такъ ясно,—это было для него точно какое-то откровеніе, хотя онъ самъ не могъ дать себѣ отчета, какъ это случилось,—что у этой женщины прекраснѣйшая и чистая душа.

Пока она не обнаруживалась еще и дремала, но она должна была показаться во всей своей красотѣ. Онъ почувствовалъ невыразимую радость, открывъ такую чистую, кроткую и невинную душу. Онъ чуть не разсмѣялся, глядя на графиню, которая стояла съ пылающими щеками и гнѣвно сдвинутыми бровями.

«Ты сама не знаешь, какая ты кроткая и добрая»,—думалъ онъ.

Съ этой минуты Іёста Берлингъ рѣшилъ, что будетъ ея слугой и будетъ служить ей, какъ служатъ всему прекрасному и божественному. Онъ даже не раскаивался, что только что обошелся съ ней такъ грубо и жестоко. Если бы она не испугалась такъ, если бы она не оттолкнула его съ такимъ искреннимъ возмущеніемъ, если бы онъ не почувствовалъ, какъ все ея существо содрогается отъ его грубости, то онъ никогда не узналъ бы, какая благородная душа въ ней скрывается.

Онъ не могъ знать этого раньше. Вѣдь онъ видѣлъ только, какъ она танцуетъ и веселится. А кромѣ того она могла выйти за глупаго графа Дона!

Но теперь онъ будетъ ея рабомъ до самой смерти: собакой и рабомъ, какъ говорилъ капитанъ Кристіанъ, и ничего больше.

Іёста Берлингъ сидѣлъ въ углу возлѣ дверей и, сложивъ руки,

читалъ нѣчто вродѣ молитвы. Съ того самаго дня, какъ онъ впервые почувствовалъ въ своей груди священный огонь вдохновенія, онъ не испытывалъ въ своей душѣ такой святости. Онъ не вышелъ изъ своего блаженнаго состоянія даже и тогда, когда пришелъ графъ Дона въ сопровожденіи множества другихъ людей, которые бранились и кричали, возмущаясь поведеніемъ кавалеровъ.

Онъ предоставилъ Беренкрейцу выдержать первый напоръ угрозы. Этотъ кавалеръ, испытанный во многихъ похожденіяхъ, стоялъ у камина, сохраняя невозмутимое спокойствіе. Онъ поставилъ одну ногу на рѣшетку, оперся локтемъ о колѣна и, подперевъ подбородокъ рукой, смотрѣлъ на ворвавшихся людей.

— Что все это должно означать?—зарычалъ на него маленькій графъ.

— А это означаетъ,—сказалъ онъ,—что пока на свѣтѣ есть женщины, то всегда есть и дураки, которые пляшутъ подъ ихъ дудку.

Молодой графъ вспыхнулъ.

— Я спрашиваю, что это означаетъ?—повторилъ онъ.

— И я это спрашиваю,—передразнилъ его Беренкрейцъ.—Я спрашиваю, что это означаетъ, что жена графа Хенрика Дона не хочетъ танцовать съ Іёстой Берлингомъ?

Графъ повернулся къ женѣ и вопросительно посмотрѣлъ на нее.

— Я не могла, Хенрикъ,—воскликнула она.—Я не могла танцовать съ нимъ или съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ. Я думала о майоршѣ, которая изнываетъ въ тюрьмѣ и о которой они совсѣмъ забыли.

Маленькій графъ выпрямилъ свое тщедушное тѣло и вытянулъ шею со старообразной головой.

— Мы, кавалеры,—сказалъ Беренкрейцъ,—не позволимъ никому оскорблять насъ. Кто не хочетъ танцовать съ нами, долженъ кататься съ нами. Мы не причинили графинѣ никакого вреда, и потому можно считать всю эту исторію оконченой.

— Нѣтъ,—возразилъ графъ.—Этимъ дѣло не кончится. Я долженъ отвѣчать за поступки своей жены. Теперь пусть Іёста Берлингъ скажетъ мнѣ, почему онъ не обратился ко мнѣ за удовлетвореніемъ, когда моя жена оскорбила его.

Беренкрейцъ улыбнулся.

— Я спрашиваю,—повторилъ графъ.

— У лисицы не спрашиваютъ позволенія содрать съ нея шку-
],—замѣтилъ Беренкрейцъ.

Графъ положилъ руку на свою узкую грудь.

— Про меня говорятъ, что я справедливый человѣкъ,—воскли-

нулъ онъ.—Я судья моихъ слугъ. Почему не могу я быть также судьей и своей жены? Кавалеры не имѣютъ права судить ее. То наказаніе, которое они наложили на нее, я уничтожаю. Его никогда не было, понимаете ли, господа. Его вовсе не было.

Графъ выкрикивалъ слова высокимъ фальцетомъ. Беренкрейцъ окинулъ взоромъ все собраніе. Не было ни одного человѣка—тамъ былъ и Синтрамъ, и Даніель Бенедиксъ, и Дальбергъ, и много другихъ—кто не улыбался бы злорадно надъ тѣмъ, какъ онъ дурачилъ глупаго Хенрика Дона.

Молодая графиня не сразу сообразила, въ чемъ дѣло. Что такое онъ уничтожаетъ? Чего никогда не было? Ея испуга, желѣзныхъ объятій кавалеровъ, дикаго пѣнія, дикихъ словъ, грубыхъ поцѣлуевъ,—этого никогда не было? Неужели же въ этотъ вечеръ не было ничего, чего не окутывали бы сѣрыя сумерки?

— Но, Хенрикъ...

— Молчи!—воскликнулъ онъ, снова выпрямляясь, чтобы произнести надъ ней свой приговоръ:—Горе тебѣ, что ты, будучи женщиной, хотѣла судить поступки мужчинъ,—сказалъ онъ.—Горе тебѣ, что ты, будучи моей женой, осмѣлилась оскорблять того, чью руку я охотно пожимаю. Что тебѣ за дѣло до того, что кавалеры заключили майоршу? Развѣ они не имѣли права на это? Никогда не понять тебѣ, какъ глубоко возмущается мужчина, когда слышитъ о невѣріи женщины. Ужъ не хочешь ли ты сама идти путями нечистаго? Ты вѣрно этого хочешь, разъ ты заступаешься за такую женщину.

— Но, Хенрикъ...

Она точно дитя, протягивала руки, какъ бы желая отвратить недобрыя слова. Пожалуй, она раньше никогда и не слыхала такихъ словъ, обращенныхъ къ ней. Никогда ея сердце не будетъ больше имѣть силу освѣщать для нея жизнь.

— Но, Хенрикъ, вѣдь ты долженъ былъ бы защитить меня.

Теперь, когда было уже поздно, Іёста Берлингъ сталъ внимателенъ. Онъ совсѣмъ не зналъ, что ему дѣлать. Всѣмъ сердцемъ онъ желалъ ей добра. Но онъ не смѣлъ встать между мужемъ и женой.

— Гдѣ же Іёста Берлингъ?—спросилъ графъ.

— Здѣсь,—отвѣтилъ Іёста. И онъ сдѣлалъ жалкое усиліе обратить все въ шутку.—Вы, графъ, кажется, говорили рѣчь, а я заснулъ. Что вы скажете, если всѣ мы теперь уѣдемъ и дадимъ вамъ покой?

— Іёста Берлингъ, такъ какъ моя жена отказалась танцовать съ тобой, то я приказываю, чтобы она поцѣловала твою руку и попросила у тебя прощенія.

— Дорогой графъ Хенрикъ, — сказалъ Іёста, улыбаясь. — Эта рука вовсе не подходить для поцѣлуевъ женщинъ. Вчера она была окрашена кровью убитаго лося, а ночью она была вся въ сажѣ послѣ драки съ угольщикомъ. Вы произнесли великодушный и справедливый приговоръ, графъ. Это вполнѣ достаточное удовлетвореніе. Пойдемъ, Беренкрейцъ.

Графъ загородилъ ему дорогу.

— Не уходи, — сказалъ онъ. — Моя жена должна меня слушаться. Я хочу, чтобы она знала, что значитъ поступать самовольно.

Іёста безпомощно остановился. Графиня была очень блѣдна, но она не двигалась съ мѣста.

— Иди, — сказалъ ей графъ.

— Хенрикъ, я не могу.

— Ты можешь, — сказалъ графъ строго. — Ты можешь. Но я знаю, чего ты хочешь. Ты хочешь меня заставить драться съ этимъ человѣкомъ, потому что, вслѣдствіе какого-то каприза, онъ тебѣ не нравится. Ну, хорошо, если ты не хочешь дать ему удовлетворенія, то я сдѣлаю это самъ. Женщинамъ всегда пріятно, когда насъ убиваютъ изъ-за нихъ. Ты провинилась, но не хочешь исправить своей ошибки. Такъ, значитъ, я долженъ это сдѣлать. Хорошо же, графиня, я буду драться на дуэли. Черезъ нѣсколько часовъ я буду окровавленнымъ трупомъ.

Она посмотрѣла на него долгимъ, пристальнымъ взглядомъ. И вдругъ она увидала его такимъ, какимъ онъ и былъ на самомъ дѣлѣ: глупымъ, трусливымъ, надутымъ, тщеславнымъ человѣкомъ, самымъ жалкимъ изъ людей.

— Успокойся, — сказала она. И она вдругъ сдѣлалась холодна, какъ ледъ. — Я сдѣлаю, какъ ты приказываешь.

Но тутъ Іёста потерялъ всякое самообладаніе.

— Вы не сдѣлаете этого, графиня! Нѣтъ, нѣтъ, вы не должны этого дѣлать! Вѣдь вы дитя, слабое невинное дитя, и вы хотите поцѣловать мою руку! У васъ такая чистая, прекрасная душа. Я никогда не подойду къ вамъ больше. О, никогда больше! Я приношу смерть и несчастіе всему прекрасному и невинному. Вы не должны дотрогиваться до меня. Я трепещу передъ вами, какъ огонь передъ водой. Не подходите ко мнѣ.

Онъ засунулъ руки за спину.

— Мнѣ это теперь все равно, герръ Берлингъ. Для меня это теперь совершенно безразлично. Я прошу васъ, простите меня. Позвольте мнѣ поцѣловать вашу руку!

Іёста продолжалъ держать руки за спиной. Онъ озирался по сторонамъ и незамѣтно приблизился къ двери.

— Если ты не примешь того удовлетворенія, которое тебѣ предлагаетъ моя жена,—сказалъ графъ,—то я принужденъ буду драться съ тобой, Іёста Берлингъ. А кромѣ того, я долженъ буду наложить на мою жену еще болѣе тяжкое наказаніе.

Графиня пожала плечами.

— Онъ просто сошелъ съ ума отъ трусости,—прошептала она.—Пусть же будетъ, какъ онъ хочетъ!—воскликнула она.—Для меня ровно ничего не значитъ, что я буду унижена. Вѣдь вы этого и хотѣли все время, герръ Берлингъ.

— Я этого хотѣлъ? Вы думаете, что я этого хотѣлъ? Ну, а если у меня не будетъ больше рукъ, которыя можно было бы цѣловать, тогда вы должны будете повѣрить, что я этого не хотѣлъ,—воскликнулъ онъ.

Однимъ прыжкомъ онъ очутился у камина и сунулъ свои руки въ огонь. Пламя сразу охватило ихъ, кожа сморщилась, ногти затрещали. Но въ то же мгновеніе Беренкрейцъ схватилъ его за шиворотъ и отбросилъ на середину комнаты. Онъ наткнулся на стулъ и остался на немъ сидѣть. Ему вдругъ стало стыдно за свою выходку. Ужъ не подумаетъ ли она, что это глупое фанфаронство съ его стороны? Вѣдь комната была полна народу и не могло быть и тѣни опасности.

Не успѣлъ онъ сообразиться съ мыслями и встать, какъ графиня бросилась передъ нимъ на колѣни. Она осторожно взяла его красныя закоптѣлыя руки и осторожно осматривала ихъ.

— Я поцѣлую ихъ, поцѣлую ихъ,—воскликнула она,—какъ только онѣ заживутъ настолько, что ихъ можно будетъ цѣловать безъ боли.

И изъ ея глазъ полились слезы, когда она увидала, что на обожженной кожѣ стали появляться пузыри.

Онъ сталъ для нея откровеніемъ чего-то неизвѣстнаго и невыразимо прекраснаго. О, подумать только, что на свѣтѣ существовали еще такіе люди, что для нея готовы были на такое самопожертвованіе! Что за человѣкъ! Онъ способенъ на все, онъ великъ какъ во злѣ, такъ и въ добрѣ; это человѣкъ великаго слова, блестящихъ дѣяній и подвиговъ! Герой, герой, непохожій на другихъ людей! Рабъ прихоти и минутнаго увлеченія, дикій и страшный, сильный и неустрашимый!

Весь день она находилась въ подавленномъ состояніи, не видѣла ничего, кромѣ горя, жестокости и трусости. Но теперь все забыто.

Молодая графиня опять была счастлива, что живетъ, что она человѣкъ. Богиня тьмы была побѣждена. Молодая графиня снова увидала, какъ прекрасную землю озарилъ яркій свѣтъ.

Въ ту же ночь въ кавалерскомъ флигелѣ происходила слѣдующая сцена.

Кавалеры кричали и бранили Іёсту Берлинга. Они хотѣли спать, но не было никакой возможности заснуть. Онъ не давалъ имъ покою. Напрасно задернули они пологи передъ кроватями и потушили свѣчи. Онъ продолжалъ болтать безъ умолку.

Всѣ они должны были узнать, какой ангелъ молодая графиня и какъ онъ поклоняется ей. Онъ будетъ служить ей, какъ рабъ. Онъ теперь счастливъ, что всѣ его оставили. Теперь онъ посвятитъ ей всю свою жизнь. Она, конечно, презираетъ его. Но онъ будетъ счастливъ, если только ему можно будетъ, какъ собакѣ, лежать у ея ногъ.

Обращали ли они вниманіе на островъ Лагёнъ на Лёвенѣ? Смотрѣли ли они на него съ юга, гдѣ онъ поднимается изъ воды отвѣсной стѣной? Видѣли ли они его съ сѣвера, гдѣ берегъ пологими уступами спускается понемногу къ озеру, и гдѣ песчаныя насыпи, поросшія сосной, образуютъ своеобразныя внутреннія озерки? Тамъ на отвѣсной скалѣ, гдѣ сохранились еще остатки стараго разбойничьяго замка, онъ построитъ молодой графинѣ дворецъ изъ мрамора. Въ скалѣ онъ высѣчетъ широкую лѣстницу, которая будетъ спускаться къ самой водѣ; къ лѣстницѣ будутъ приставать суда, украшенныя вымпелами. Во дворцѣ будутъ великолѣпныя свѣтлыя залы, на крышѣ будутъ красоваться башни съ золочеными куполами. Это будетъ вполнѣ достойное жилище для молодой графини, не то что старая деревянная развалина въ Боргѣ.

Іёста долго болталъ на эту тему, и изъ-за нѣкоторыхъ пологовъ уже слышалось храпѣніе. Однако многіе кавалеры бранили его и приходили въ отчаяніе отъ его безумія.

— Люди,—сказалъ онъ торжественно,—вотъ земля, покрытая твореніями рукъ человѣческихъ или развалинами его твореній. Пирамиды давятъ землю, вавилонская башня поднялась выше облаковъ, великолѣпные храмы и сѣрые замки выросли изъ щебня. Но развѣ изъ того, что построила рука человѣческая, есть хоть что-нибудь, что не разрушилось бы или не разрушится когда-нибудь? О, люди, бросьте строить изъ камня и глины! Лучше снимите фартукъ каменщика, накройте имъ голову и лягте, чтобы строить свѣтлые замки въ вашихъ мечтахъ. Какое дѣло душѣ до храма изъ камня и глины? Учитесь строить нерушимые замки въ вашихъ мечтахъ и фантазіи!

Сказавъ это, онъ со смѣхомъ пошелъ ложиться спать.

Когда графиня вскорѣ послѣ этого узнала, что майоршу освободили, она пригласила всѣхъ кавалеровъ къ себѣ на обѣдъ.

Съ тѣхъ поръ началась ея долгая дружба съ Іёстой Берлингомъ.

XI. Страшныя исторіи.

О, люди позднѣйшаго времени!

Я не могу разсказать вамъ ничего новаго, я знаю только старыя, почти забытыя исторіи. Я помню ихъ еще съ тѣхъ поръ, когда мы, дѣтьми, сидѣли, бывало, на низенькихъ скамеечкахъ вокругъ сѣдой няни и слушали ея разсказы. Случалось также, что мы забирались иногда на кухню въ то время, какъ тамъ у ярко пылавшаго очага сидѣли работники и торпара и разговаривали другъ съ другомъ; отъ ихъ сырого платья валилъ паръ, они вынимали изъ кожаныхъ ноженъ, висѣвшихъ у нихъ на шеѣ, ножи и намазывали масло на толстые ломти мягкаго хлѣба, а мы съ напряженнымъ вниманіемъ прислушивались къ ихъ разговорамъ. Случалось намъ также въ залѣ слушать разсказы почтенныхъ стариковъ, когда они, покачиваясь въ креслѣ-качалкѣ и попивая горячій тодди, вспоминали старыя, давно прошедшія времена.

Понятно, что подъ впечатлѣніемъ разсказовъ няни, разговоровъ на кухнѣ и воспоминаній почтенныхъ старичковъ въ зимніе вечера въ залѣ у окна, дѣти видѣли на небосклонѣ не облака, а кавалеровъ, несшихся по небу въ своихъ убогихъ одноколкахъ; звѣзды казались имъ свѣчами, мерцающими въ окнахъ стараго графскаго дома въ Боргѣ, а жужжаніе веретена, доносившееся до нихъ изъ сосѣдней комнаты, рисовало въ ихъ воображеніи Ульрику Дильнеръ и имъ казалось, что это она работаетъ за прялкой. Всѣ мысли дѣтей были поглощены этими удивительными людьми изъ старыхъ временъ; они мечтали о нихъ и восхищались ими.

И если случалось, что этихъ дѣтей посылали на темный чердакъ за льномъ или за сухарями, то ихъ вдругъ охватывалъ тамъ суевѣрный страхъ, и они бросались опрометью внизъ по лѣстницѣ, черезъ сѣни въ кухню. Тамъ, на темномъ чердакѣ передъ ними вставали всѣ страшныя исторіи, которыя они слышали о злomъ заводчикѣ въ Форсѣ, водившемъ дружбу съ дьяволомъ.

Прахъ злого Синтрама давно покоится на кладбищѣ въ Свортшё, но никто не вѣритъ, что его душа призвана къ Богу, какъ это стоитъ на его надгробномъ памятникѣ.

Всѣ помнили, что когда онъ былъ еще живъ, то въ долгіе, дождли-

вые воскресные вечера къ его дому подъѣзжала тяжелая карета, запряженная парой вороныхъ лошадей. Изъ кареты выходилъ элегантный господинъ, одѣтый весь въ черное; онъ шелъ къ хозяину дома и при помощи картъ и костей помогалъ ему коротать долгіе однообразные часы, приводившіе его въ мрачное отчаяніе. Игра продолжалась далеко за полночь, а когда незнакомецъ на разсвѣтѣ покидалъ дворъ, то онъ всегда оставлялъ послѣ себя, въ видѣ подарка, какое-нибудь несчастіе.

Извѣстно было также, что гдѣ бы Синтрамъ ни появлялся, ему предшествовали духи. Случалось, что людямъ казалось, что его коляска въѣзжаетъ во дворъ, слышалось хлопаніе его бича, на лѣстницѣ раздавался его голосъ, дверь въ передней открывалась и хлопала, собаки и люди просыпались отъ шума, но оказывалось, что никого не было: это только духи возвѣщали о его прибытіи.

Дѣлается страшно, когда подумаешь объ этихъ людяхъ, которыхъ посѣщали злые духи! А что это была за страшная, черная большая собака, которая появлялась въ Форсѣ во времена Синтрама? У нея были страшные сверкающіе глаза и длинный кровавый языкъ, свѣшивавшійся изъ раскрытой, тяжело дышавшей пасти. Однажды, когда работники сидѣли въ кухнѣ и обѣдали, эта собака начала скрестись въ дверь; служанки перепугались и подняли крикъ, но одинъ сильный работникъ вытащилъ изъ очага горящую головню, открылъ дверь и бросилъ головню прямо собакѣ въ пасть.

Собака убѣжала со страшнымъ воемъ, и всѣ видѣли, какъ изъ ея пасти пошелъ дымъ и вылетѣло пламя, а вокругъ нея сыпались искры и слѣды на землѣ отъ ея ногъ свѣтились, какъ огонь.

Всѣхъ приводило въ ужасъ также то, что каждый разъ, какъ заводчикъ возвращался изъ какой-нибудь поѣздки, то на мѣсто лошадей въ его колескѣ были впряжены волы: онъ уѣзжалъ на лошадяхъ, а ночью возвращался на парѣ черныхъ воловъ. Люди, живущіе на большой дорогѣ, не разъ видѣли большіе черные рога, рѣзко вырисовывавшіеся на ночномъ небѣ; это Синтрамъ проѣзжалъ на черныхъ волахъ, и люди ясно слышали ихъ мычаніе и видѣли множество искръ, вылетавшихъ изъ сухой земли отъ прикосновенія ихъ копытъ.

Не удивительно, что дѣтей охватывалъ страхъ на темномъ чер[illegible]кѣ. Что, если тотъ, чье имя нельзя произносить вслухъ, что если [illegible]ъ вдругъ появится изъ темнаго угла? Развѣ это не могло случить[illegible]? Вѣдь онъ появлялся не однимъ только злымъ людямъ. Развѣ Уль[illegible]ка Диллнеръ не видѣла его? И она, и Анна Шернхёкъ могли под[illegible]ердить, что видѣли его.

Молодые мои друзья! Прошу васъ убѣдительно, танцуйте осторожнѣе, смѣйтесь тише, потому что вы можете причинить большое горе, если вы вашими тоненькими атласными туфлями наступите на чувствительное сердце, а вашимъ веселымъ серебристымъ смѣхомъ приведете въ отчаяніе слабую душу.

Оттого ли, что молодежъ наступила на сердце старой Ульрики Диллнеръ и юный веселый смѣхъ показался ей слишкомъ эгоистичнымъ, или же по какой-либо другой причинѣ, но ею вдругъ овладѣло непреодолимое желаніе испытать на себѣ самой всѣ права и преимущества замужней женщины. Она рѣшила, наконецъ, дать свое согласіе на долгое и упорное сватовство злого Синтрама. Она вышла за него замужъ и поѣхала съ нимъ въ Форсъ, разлучившись навсегда со старыми друзьями въ Берга, со старыми, милыми заботами и со старымъ безпокойствомъ о хлѣбѣ насущномъ.

Все произошло очень быстро и весело. Синтрамъ посватался на Рождествѣ, а въ февралѣ была уже свадьба. Въ тотъ годъ Анна Шернхёкъ жила въ домѣ капитана Уггла. Она была хорошей замѣстительницей старой Ульрики, и послѣдняя могла со спокойной совѣстью покинуть старый домъ, чтобы завоевать себѣ титулъ замужней женщины.

Со спокойной совѣстью, но не безъ раскаянія. Новое ея жилище не принадлежало къ числу пріятныхъ; въ большихъ, пустыхъ комнатахъ было жутко и страшно. Какъ только наступали сумерки, Ульрику охватывалъ безотчетный страхъ, и она дрожала. Она изнывала отъ тоски по своему старому дому.

Ужаснѣе всего были безконечные воскресные вечера. Казалось, имъ не было конца, какъ и мучительнымъ мыслямъ, которыя, одна за другой, проносились въ ея головѣ.

Разъ въ мартѣ, когда Синтрамъ послѣ церкви не вернулся домой къ обѣду, она пошла въ залъ въ верхнемъ этажѣ и сѣла за рояль. Это было ея единственное утѣшеніе. Рояль, на крышкѣ котораго былъ нарисованъ пастушокъ съ флейтой и пастушка, былъ ея собственный, унаслѣдованный отъ ея родителей. Ему она могла излить все свое горе, онъ ее понималъ.

Но развѣ это не смѣшно и не трогательно въ одно и то же время? Знаете ли вы, что она играла? Польку! Она играла польку въ то время, какъ сердце ея разрывалось отъ горя.

Она не умѣла играть ничего другого. Прежде чѣмъ ея пальцы потеряли свою гибкость отъ непрерывной грубой работы, она успѣла выучиться только этой единственной полькѣ. Ее она помнила твердо, но больше она ничего не умѣла играть,—ни похороннаго марша, ни

чувствительной сонаты, ни грустной народной пѣсни, — она играла только одну эту польку.

Она играла ее каждый разъ, когда у нея являлось желаніе подѣлиться чѣмъ-нибудь со своимъ старымъ роялемъ. Она играла ее и тогда, когда ей хотѣлось плакать, и когда ей хотѣлось смѣяться; когда она отпраздновала свадьбу и когда она въ первый разъ вошла въ собственный домъ. И теперь она также играла ее.

Старыя струны хорошо понимали ее: она несчастна, несчастна!

Если бы какой-нибудь проѣзжій услышалъ звуки этой веселой польки, то онъ навѣрное подумалъ бы, что у злого заводчика балъ для сосѣдей и друзей; въ этой мелодіи была какая-то вызывающая веселость. При помощи ея Ульрикѣ Диллнеръ не разъ удавалось вселять радость въ Берга и изгонять оттуда голодъ: когда раздавалась веселая полька, всѣ поневолѣ начинали танцовать. Она способна была расправлять члены и освобождать ихъ отъ оковъ ревматизма, и восьмидесятилѣтніе старцы пускались въ плясъ. Казалось, весь свѣтъ долженъ былъ плясать подъ эту польку,—такъ заразительно весело она звучала. Но старая Ульрика плакала.

Она видѣла вокругъ себя сварливую, суровую прислугу и злыхъ животныхъ. Она изнывала отъ тоски по ласковому лицу и привѣтливой улыбкѣ. Вотъ эту-то тоску и должна была выражать ея веселая полька.

Люди не могли привыкнуть къ тому, что она фру Синтрамъ. Всѣ называли ее мамзель Диллнеръ. И вотъ теперь звуки польки должны были сказать, какъ горько она раскаивается въ томъ, что поддалась тщеславію и погналась за званіемъ замужней женщины.

Старая Ульрика играла такъ, что струны, казалось, готовы были лопнуть. Чего, чего только не должны были заглушить звуки польки: мольбы бѣдныхъ крестьянъ, проклятія измученныхъ торпаровъ, насмѣшки дерзкихъ слугъ, а главное, главное — позоръ быть женой злого человѣка.

Вѣдь подъ эти звуки Іёста Берлингъ танцовалъ съ молодой графиней Дона. Маріанна Синклеръ также танцовала подъ нихъ со своими поклонниками, и майорша изъ Экебю не разъ танцовала подъ эту польку съ красавцемъ Альтрингеромъ. Передъ глазами Ульрики мысленно проносились всѣ эти пары, блистая красотой и молодостью. Казалось, что между ними и ею пробѣгали искры. Вѣдь это ея полька заставляла пылать ихъ щеки, сіять ихъ глаза. Но теперь она была далека отъ всего этого. Такъ пусть же полька гремитъ, пусть она заглушитъ воспоминанія, всѣ эти милыя, дорогія ея сердцу воспоминанія!

Она играла, чтобы заглушить свой страхъ. Сколько разъ ея сердце готово было разорваться отъ ужаса, когда она видѣла черную собаку или когда она слышала, какъ прислуга шепотомъ разсказывала другъ другу о черныхъ волахъ. Она играла польку безъ конца, чтобы заглушить свой страхъ.

Вдругъ она услыхала, что ея мужъ вернулся и вошелъ въ комнату. Она не оборачивалась, но по скрипу кресла она догадалась, что онъ сѣлъ въ кресло-качалку.

Въ то время, какъ она играла, кресло покачивалось, и она слышала равномѣрный скрипъ круглыхъ полозьевъ. Наконецъ, она перестала слышать звуки польки и слышала только скрипъ кресла.

Бѣдная, старая Ульрика! Она была такъ измучена, такъ одинока, такъ безпомощна! Ей некому было излить свое горе, и единственнымъ ея утѣшителемъ былъ ея разбитый рояль, который отвѣчалъ на всѣ ея слезы и жалобы одной только полькой.

Эта полька производила такое же впечатлѣніе, какъ хохотъ на похоронахъ или пьяная пѣсня въ церкви.

Кресло-качалка продолжало скрипѣть, а она все играла; но вдругъ ей показалось, что рояль хохочетъ надъ ея печалью, и она остановилась посреди такта. Она встала и посмотрѣла на кресло-качалку.

Но въ слѣдующее мгновеніе она лежала на полу въ глубокомъ обморокѣ. Въ креслѣ сидѣлъ не ея мужъ, а другой — тотъ, чье имя дѣти не смѣютъ произносить, тотъ, который напугалъ бы ихъ до смерти, если бы они увидали его на темномъ чердакѣ.

Можетъ ли тотъ, чья душа съ дѣтскихъ лѣтъ питалась сказками, отрѣшиться отъ ихъ власти? Ночной вѣтеръ бушуетъ на дворѣ, деревья хлещутъ своими упругими вѣтвями перила балкона, вдали надъ цѣпью горъ простирается темное небо, и я сижу ночью одна и пишу, горитъ лампа и штора поднята. Я уже не молода и должна была бы быть благоразумна, но и теперь еще по моей спинѣ пробѣгаютъ мурашки, какъ и тогда, когда я въ первый разъ слышала эту исторію. Каждую минуту я отрываю глаза отъ работы и оглядываюсь, чтобы посмотрѣть, не вошелъ ли кто-нибудь и не спрятался ли гдѣ-нибудь въ углу. Я заглядываю также и на балконъ, чтобы убѣдиться, что надъ перилами не торчитъ черная голова. Я никогда не могу подавить страха, который пробудили во мнѣ всѣ эти старыя исторіи. Иногда, когда ночь темна, и я нахожусь въ полномъ одиночествѣ, страхъ настолько овладѣваетъ мною, что я, наконецъ, бросаю перо, забираюсь въ постель и закутываюсь въ одѣяло съ головой.

Когда я еще была маленькой, я никакъ не могла понять, какимъ

образомъ Ульрика Дилльнеръ осталась жива въ тотъ вечеръ. Я знаю, что я умерла бы.

Счастіе еще, что въ тотъ вечеръ въ Форсъ пріѣхала Анна Шернхёкъ, что она нашла ее въ залѣ на полу и привела въ чувство. Но имъ это не сошло бы такъ благополучно. Я умерла бы.

Дай Богъ, мои друзья, чтобы вамъ никогда не пришлось увидать, какъ плачутъ старые глаза, а главное, чтобы вамъ не пришлось чувствовать своего безсилія, когда сѣдая голова прижимается къ вашей груди, ища опоры, а старыя руки сжимаютъ ваши въ молчаливой мольбѣ. Пусть вамъ не придется видѣть горя стараго человѣка, когда вы не можете утѣшить его!

Что значитъ въ сравненіи съ этимъ молодое горе? У молодыхъ есть сила, есть надежда. Но развѣ это не ужасно, когда старые плачутъ, когда тѣ, кто были вашей поддержкой въ молодые годы, со стономъ склоняются подъ бременемъ тяжкаго горя.

Анна Шернхёкъ сидѣла и молча слушала жалобы старой Ульрики и не видѣла никакого выхода изъ ея положенія.

Бѣдная Ульрика плакала и вся тряслась и въ глазахъ ея было выраженіе дикаго ужаса. Она все говорила и говорила, но такъ сбивчиво, точно не сознавала, гдѣ она и что съ нею. Морщинки на ея лицѣ стали вдвое глубже, привязные локоны, свѣшивавшіеся на лицо, развились отъ слезъ, и все ея длинное, худое тѣло сотрясалось отъ рыданій.

Наконецъ, Анна рѣшила покончить съ этимъ и взять ее съ собой въ Берга. Правда, что она была женой Синтрама, но какъ бы то ни было, а въ Форсѣ она оставаться не могла. Заводчикъ свелъ бы ее съ ума, если бы она осталась у него. Анна Шернхёкъ рѣшила увезти старую Ульрику изъ этого страшнаго мѣста.

О, какъ бѣдняжка обрадовалась этому рѣшенію. Но въ то же время оно привело ее въ ужасъ. У нея нехватало смѣлости бросить своего мужа и свой домъ. Она боялась, что мужъ пошлетъ за ней большую черную собаку.

Но Аннѣ Шернхёкъ удалось побороть ея упорство частью шутками, частью угрозами, и черезъ полчаса онѣ сидѣли рядомъ въ саняхъ. Анна правила сама старой Дисой. Дорога была очень плохая, такъ какъ стоялъ уже конецъ марта, но старая Ульрика была счастлива, что снова сидитъ въ хорошо знакомыхъ ей саняхъ и что ее везетъ Диса, — такая же старая и преданная слуга въ Берга, какъ и она сама.

Такъ какъ она, эта вѣрная домашняя раба, была отъ природы добраго нрава и незлобива, то она перестала плакать, когда онѣ про-

ѣзжали мимо Арвидсторпа; около Хёгберга она уже смѣялась, а когда онѣ проѣзжали мимо Мункебю, то она съ увлеченіемъ разсказывала про свои молодые годы, когда она жила у графини въ Свонехольмѣ.

Къ сѣверу отъ Мункебю мѣстность становилась пустынной и гористой, и каменистая дорога, точно нарочно взбиралась, извиваясь то вправо, то влѣво, на всѣ вершины; потомъ она круто спускалась въ долину и нѣкоторое время шла прямо, но затѣмъ вновь поднималась въ гору.

Онѣ медленно поднимались въ гору у Вестарторпа, когда старая Ульрика вдругъ остановилась на полусловѣ и крѣпко схватила Анну за руку, съ ужасомъ устремивъ глаза на большую черную собаку, стоявшую на краю дороги.

— Посмотри!—сказала она.

Но собака уже бѣжала по направленію къ лѣсу, и Анна не успѣла разглядѣть ее.

— Гони лошадь!—сказала Ульрика.—Гони какъ можно скорѣе! Теперь Синтрамъ узнаетъ, что я уѣхала.

Анна попробовала смѣяться надъ ея страхомъ, но она стояла на своемъ.

— Вотъ увидишь, что скоро мы услышимъ его бубенчики. Мы услышимъ ихъ, прежде чѣмъ успѣемъ взобраться на вершину слѣдующей горы.

И дѣйствительно, когда Диса остановилась на минуту, чтобы отдышаться, на вершинѣ Элофсбаккена, то подъ горой за ними послышались бубенчики.

Старая Ульрика обезумѣла отъ страха. Она дрожала и рыдала, какъ только что въ залѣ въ Форсѣ. Анна стала погонять Дису, но та повернула голову и посмотрѣла на нее съ невыразимымъ удивленіемъ. Неужели она думаетъ, что Диса забыла, когда надо бѣжать и когда надо идти. Неужели она хочетъ учить ее, старую Дису, которая, по крайней мѣрѣ, двадцать лѣтъ ѣздитъ по этой дорогѣ и хорошо знаетъ каждый камень, каждый мостъ, каждую калитку, каждый пригорокъ.

Между тѣмъ бубенчики приближались и становились все слышнѣе.

— Это онъ, это онъ, я знаю его бубенчики, — плакала старая Ульрика.

Звонъ бубенчиковъ все приближался. Иногда онъ раздавался такъ ясно, что Анна оборачивалась, ожидая увидать морду лошади Синтрама сейчасъ же за своей спиной; но иногда бубенчики совсѣмъ замирали. То имъ казалось, что онѣ слышатъ звонъ справа отъ дороги,

то слѣва, но никого не было видно. Казалось, что ихъ преслѣдовалъ одинъ только звонъ бубенчиковъ.

Какъ бываетъ иногда ночью, когда ѣдешь откуда-нибудь издалека, такъ было и теперь. Монотонный звонъ бубенчиковъ превратился понемногу въ мелодію, бубенчики пѣли, говорили, отвѣчали, а лѣсъ вторилъ имъ.

Аннѣ Шернхёкъ стало жутко отъ этого ужаснаго звона, и она начала желать, чтобы Синтрамъ приблизился, наконецъ, настолько, чтобы она могла увидать его самого и его гнѣдую лошадь.

— Эти бубенчики мучаютъ меня,—сказала она.

Бубенчики тотчасъ же подхватили ея слова. «Мучаютъ меня,— звонили они. — Мучаютъ меня, мучаютъ меня, мучаютъ меня», пѣли они на разные тона.

Еще такъ недавно она неслась по этой дорогѣ, а за ней гнались волки. Она видѣла во тьмѣ широко раскрытыя пасти со сверкающими бѣлыми зубами, она уже думала, что ея тѣло растерзаютъ хищные звѣри, но она не чувствовала страха. Никогда не чувствовала она такого блаженства, какъ въ ту ночь. Сильна и прекрасна была лошадь, которая ее мчала, силенъ и прекрасенъ былъ человѣкъ, который раздѣлялъ съ ней опасность.

О, но эта старая кляча! Эта несчастная, старая спутница, которая только дрожала и плакала возлѣ нея! Анна почувствовала себя такой безпомощной, что чуть сама не расплакалась. Она чувствовала, что ей не избавиться отъ этого ужаснаго, раздражающаго звона бубенчиковъ.

Наконецъ, она остановила лошадь и вышла изъ саней. Этому надо было положить конецъ. Зачѣмъ ей бѣжать? Неужели она боится этого злого, презрѣннаго негодяя?

Вдругъ она увидала лошадиную голову, которая выдвинулась изъ сгущавшихся сумерекъ, за головой обрисовалась и вся лошадь, потомъ сани и, наконецъ, Синтрамъ, сидѣвшій въ саняхъ.

Анна замѣтила при этомъ, что и лошадь, и сани, и заводчикъ появились не съ дороги: они точно выросли тутъ же на ея глазахъ и постепенно выдвинулись изъ сумерекъ.

Анна бросила вожжи Ульрикѣ и пошла навстрѣчу Синтраму.

Онъ остановилъ лошадь.

— Посмотрите-ка,—сказалъ онъ,—какъ мнѣ везетъ! Дорогая фрекенъ Шернхёкъ, позвольте перенести моего попутчика въ ваши сани. Ему сегодня вечеромъ надо быть въ Берга, а я тороплюсь домой.

— А гдѣ же вашъ попутчикъ?—спросила Анна.

Синтрамъ откинулъ полость и показалъ Аннѣ человѣка, спавшаго на днѣ саней.

— Онъ немного пьянъ,—замѣтилъ онъ,—но это ничего. Онъ будетъ себѣ спать спокойно. А кромѣ того, это вѣдь вашъ хорошій знакомый, фрёкенъ Шернхёкъ: это Іёста Берлингъ.

Анна вздрогнула.

— Я вамъ долженъ вотъ что сказать, —продолжалъ Синтрамъ:— тотъ, кто покидаетъ любимаго человѣка, продаетъ его дьяволу. Вотъ такимъ образомъ и я попалъ въ его когти. Люди думаютъ, что они поступаютъ хорошо, отрекаясь отъ любви: отреченіе—добродѣтель, любовь—зло.

— Что вы хотите этимъ сказать, патронъ? О чемъ вы говорите?—спросила Анна, глубоко потрясенная.

— Я хочу сказать, что вы не должны были отпускать отъ себя Іёсту Берлинга, фрёкенъ Анна.

— Богъ хотѣлъ этого, патронъ.

— Ну, конечно, ну, конечно: отреченіе—добродѣтель, любовь—зло. Богу не нравится, когда люди счастливы. Онъ посылаетъ на нихъ волковъ. А что, если Богъ тутъ не при чемъ, фрёкенъ Анна? Что, если это я натравилъ волковъ на молодую пару? Что, если я это сдѣлалъ, чтобы не потерять одного изъ своихъ! Подумайте-ка, а вдругъ Богъ тутъ не при чемъ!

— Не надо поселять въ моей душѣ сомнѣнія, патронъ,—сказала Анна слабымъ голосомъ,—иначе я погибла.

— Вотъ посмотрите,— продолжалъ Синтрамъ, нагибаясь надъ спящимъ Іёстой Берлингомъ,—посмотрите на его мизинецъ! Это маленькая ранка никогда не заживаетъ. Изъ нея мы взяли кровь, когда подписывали контрактъ. Онъ принадлежитъ мнѣ. Кровь обладаетъ удивительной силой. Онъ принадлежитъ мнѣ, и только одна любовь можетъ его освободить; но если мнѣ удастся сохранить его, то я сдѣлаю изъ него нѣчто удивительное.

Анна Шернхёкъ тщетно боролась съ тѣмъ страннымъ чувствомъ, которое охватило ее. Вѣдь это безуміе, безуміе! Развѣ можетъ кто-нибудь продать свою душу лукавому? Но она не могла совладать съ собою и со своими мыслями: лѣсъ былъ такъ молчаливъ и такъ теменъ, а сгустившіяся сумерки давили ее и у нея не было силъ освободиться отъ суевѣрнаго страха, овладѣвшаго ею.

— Можетъ быть, вы думаете,—продолжалъ заводчикъ,—что въ немъ нечего больше портить? Вы ошибаетесь! Мучилъ онъ крестьянъ? Измѣнялъ онъ бѣдному другу? Занимался онъ шулерствомъ? Былъ ли онъ когда-нибудь, фрёкенъ Анна, любовникомъ замужней женщины?

— Мнѣ кажется, патронъ, что вы самъ нечистый!

— Давайте мѣняться, фрёкенъ Анна. Берите Іёсту Берлинга! Берите его и выходите за него замужъ, а тѣмъ, въ Берга, дайте денегъ. Я уступлю его вамъ, а вѣдь вы знаете, что онъ принадлежитъ мнѣ. Вы подумайте только, а что если это не Богъ послалъ на васъ волковъ въ ту ночь? Давайте-ка мѣняться!

— А что вы хотите въ обмѣнъ, патронъ?

Синтрамъ захохоталъ.

— Что я хочу? О, я удовольствуюсь немногимъ. Я хочу только вотъ эту старую женщину, которая сидитъ въ вашихъ саняхъ, фрёкенъ Анна.

— Сатана, искуситель,—воскликнула Анна,—отойди отъ меня! Неужели ты думаешь, что я измѣню старому другу, который довѣрился мнѣ! Неужели ты думаешь, что я отдамъ ее тебѣ, чтобы ты замучилъ ее до сумасшествія!

— Ну, ну, успокойтесь, фрёкенъ Анна! Подумайте хорошенько! Онъ красивый молодой человѣкъ, а она отжившая, несчастная старуха. Одного изъ нихъ я долженъ получить. Кого же изъ нихъ вы уступаете мнѣ?

Анна Шернхёкъ была въ отчаяніи, но она попробовала засмѣяться.

— Ужъ не думаете ли вы, патронъ, что мы будемъ стоять здѣсь и мѣняться душами, какъ мѣняются лошадьми въ Брубю на ярмаркѣ?

— Вотъ именно, вотъ именно. Но если вы желаете, фрёкенъ Анна, то мы устроимъ все это иначе. Позаботимся о шернхёкской чести.

И онъ сталъ громко звать свою жену, которая все еще сидѣла въ саняхъ Анны. Къ неописуемому ужасу молодой дѣвушки, Ульрика сейчасъ же послушалась, вышла изъ саней и подошла къ нимъ, трясясь съ ногъ до головы.

— Посмотрите-ка, какая послушная жена,— сказалъ Синтрамъ. — Теперь вы можете быть спокойны, фрёкенъ Анна: вы ничего не можете подѣлать, разъ она сама идетъ на зовъ своего мужа. Мнѣ остается только вынуть изъ своихъ саней Іёсту Берлинга и оставить его здѣсь. Я оставляю его *навсегда*, фрёкенъ Анна. Пусть его беретъ, кто пожелаетъ.

Онъ нагнулся, чтобы поднять Іёсту, но тогда Анна приблизила свое лицо къ его, впилась въ него глазами и прошипѣла, какъ разъяренный звѣрь:

— Во имя Господа уѣзжай домой сейчасъ же! Развѣ ты не зна-

ешь, кто сидитъ въ качалкѣ у тебя въ залѣ и ждетъ тебя? Развѣ ты посмѣешь заставить такого гостя ждать тебя?

Когда Анна увидала, какое впечатлѣніе произвели ея слова на злого заводчика, то ей показалось, что она переживаетъ самую ужасную минуту въ этотъ день, въ который она уже перенесла такъ много. Синтрамъ схватилъ вожжи, повернулъ сани въ обратную сторону и понесся во весь духъ, погоняя лошадь бичомъ и дикими криками. Лошадь помчала внизъ по страшной крутизнѣ и изъ-подъ полозьевъ и копытъ посыпались снопы искръ.

Анна Шернхёкъ и Ульрика Диллнеръ остались однѣ на дорогѣ, но онѣ не произнесли ни слова. Ульрика дрожала, глядя на Анну, у которой въ глазахъ было безумное выраженіе, а Анна не могла ничего сказать этой несчастной, ради которой она принесла въ жертву своего возлюбленнаго!

Онѣ молча доѣхали до Берга. Но когда передъ ними раскрылась дверь въ залъ, то Анна Шернхёкъ въ первый и единственный разъ въ своей жизни упала въ обморокъ. Въ залѣ сидѣли Синтрамъ и Іёста Берлингъ и спокойно разговаривали. Передъ ними стоялъ поднось съ тодди; повидимому, они были тамъ уже, по крайней мѣрѣ, цѣлый часъ.

Анна Шернхёкъ упала въ обморокъ, но старая Ульрика осталась спокойно стоять. Она хорошо поняла, кто гнался за ними по дорогѣ.

Капитанъ и капитанша переговорили съ заводчикомъ и было рѣшено, что Ульрика останется въ Берга. Заводчикъ согласился на это очень добродушно.

«Онъ вовсе не хочетъ свести ее съ ума», — сказалъ онъ.

О, люди позднѣйшаго времени!

Я вовсе не хочу, чтобы кто-нибудь вѣрилъ этимъ старымъ исторіямъ. Очень можетъ быть, что все это ложь и вымыселъ. Я знаю только одно, что горькое раскаяніе, все больше и больше завладѣвавшее сердцемъ старой Ульрики и заглушившее, наконецъ, всѣ остальныя чувства — не ложь.

Мучительное сомнѣніе, не дававшее покою Аннѣ Шернхёкъ, как бубенчики въ темномъ лѣсу на пустынной дорогѣ — также не ложь. Развѣ раскаяніе и сомнѣніе бываютъ когда-нибудь вымысломъ?

Къ несчастію, нѣтъ!

XII. Исторія Эббы Дона.

На восточномъ берегу Лёвена есть живописный мысъ, изрѣзанный маленькими заливчиками, которые ласкаютъ нѣжныя волны

На этомъ прекрасномъ мысѣ расположилось великолѣпное помѣстье Боргъ,—но смотри, берегись ступать на этотъ мысъ!

Съ вершины мыса открывается на Лёвенъ самый прекрасный видъ.

Тотъ, кто не смотрѣлъ на него съ мыса Борга, не знаетъ, какъ дивно прекрасно это озеро,—озеро моей мечты, когда утренній туманъ понемногу исчезаетъ съ его зеркальной поверхности. Тотъ, кто не любовался имъ изъ окна маленькаго голубого кабинета, въ которомъ живетъ такъ много воспоминаній, не знаетъ, какъ оно обворожительно, когда его прозрачныя воды отражаютъ розовую вечернюю зарю.

И все-таки я повторяю: не ходи туда!

Тебя можетъ охватить желаніе остаться въ залахъ этого стараго дома, стѣны котораго видѣли такъ много горя. Можетъ быть, тебѣ захочется сдѣлаться обладателемъ этого прекраснаго уголка, и если ты молодъ, богатъ и счастливъ, то ты поселишься тамъ съ твоей молодой женой, какъ многіе другіе.

Нѣтъ, лучше не видѣть этого живописнаго мыса, потому что въ Боргѣ не можетъ жить счастіе. Знай, что какъ бы ты ни былъ богатъ и счастливъ, если ты только поселишься тамъ, то скоро *твои* слезы будутъ орошать эти старые полы, которые уже раньше впитали въ себя столько слезъ, а стѣны, которыя слышали столько горькихъ жалобъ и рыданій, скоро услышали бы и *твои* вздохи.

Надъ этой прекрасной усадьбой тяготѣетъ какой-то злой рокъ. Можно подумать, что тамъ погребено само несчастіе, которое не нашло покоя въ своей могилѣ и постоянно выходитъ изъ нея, чтобы наводить ужасъ на обитателей помѣстья. Если бы я была владѣльцемъ Борга, то я перерыла бы всю землю,—и каменистую почву въ сосновомъ паркѣ, и подвалы въ домѣ, и плодородную, рыхлую землю на поляхъ,—пока не нашла бы, наконецъ, изъѣденное червями тѣло этой вѣдьмы, и тогда я похоронила бы ее въ освященной землѣ на кладбищѣ въ Свортшё. При похоронахъ я не пожалѣла бы денегъ, и колокола звонили бы громко и долго, а священнику и причетнику я послала бы щедрые дары, чтобы они съ особеннымъ усердіемъ, надгробнымъ словомъ и пѣніемъ благословили ее на вѣчный покой.

А если бы и это не помогло, то я подожгла бы въ одну бурную ночь выгорбившіяся стѣны стараго дома, чтобы огонь уничтожилъ все то тла и чтобы никто уже больше не соблазнялся поселиться въ этомъ жилищѣ несчастія. Тогда никто уже больше не приходилъ бы на это проклятое мѣсто, одни только черныя галки оставили бы колокольню и свили бы себѣ новыя гнѣзда въ большой печной трубѣ,

которая возвышалась бы, какъ страшное, черное привидѣніе на опустѣломъ мѣстѣ.

Но я знаю, что мнѣ всетаки стало бы грустно, когда я увидала бы, какъ пламя охватываетъ крышу, какъ густой дымъ, освѣщенный яркимъ заревомъ, громадными клубами вырывается изъ старой графской усадьбы, сыпля кругомъ цѣлымъ дождемъ искръ. Мнѣ показалось бы, что въ трескѣ и свистѣ пожара я слышу стоны и жалобы безпріютныхъ воспоминаній, а въ голубыхъ языкахъ пламени я увидала бы потревоженныя привидѣнія.

Но тише, тише! Зачѣмъ каркать о несчастіи? Будемъ лучше говорить о томъ времени, когда Боргъ еще блисталъ на вершинѣ мыса подъ сѣнью парка изъ могучихъ сосенъ, когда поля, покрытыя снѣгомъ, сверкали подъ ослѣпительными лучами мартовскаго солнца, и когда въ стѣнахъ стараго дома раздавался еще веселый, серебристый смѣхъ графини Елизаветы.

По воскресеньямъ молодая графиня ходила въ Свортшёскую церковь, находившуюся неподалеку отъ Борга. Послѣ службы она приглашала обыкновенно къ себѣ на обѣдъ маленькое общество. У нея бывали и судья изъ Мункерюда, и капитанъ изъ Берга, и священникъ съ женой, и злой Синтрамъ. Если случалось, что Іёста Берлингъ переходилъ по льду озеро и появлялся въ Свортшё, то она приглашала и его. Почему ей не пригласить Іёсту Берлинга?

Она, конечно, не знала, что злые языки уже начали шептать о томъ, что Іёста слишкомъ часто ходитъ на другую сторону озера, чтобы увидать ее. Можетъ быть, онъ еще чаще ходилъ къ Синтраму, чтобы пить и играть въ карты, но на это никто не обращалъ вниманія; всѣ знали, что тѣло у него желѣзное. Другое дѣло было съ его сердцемъ: кому не было извѣстно, что онъ не могъ видѣть пары сверкающихъ глазъ и бѣлокурыхъ вьющихся волосъ надъ бѣлымъ лбомъ, чтобы не влюбиться.

Молодая графиня была очень добра къ нему. Но въ этомъ не было ничего удивительнаго: она была добра ко всѣмъ. Она брала оборванныхъ нищихъ ребятишекъ къ себѣ на колѣни, а если ей случалось нагнать на дорогѣ дряхлаго старика, то она приказывала кучеру остановиться и сажала бѣднаго пѣшехода къ себѣ въ коляску.

Іёста сидѣлъ обыкновенно въ маленькомъ голубомъ кабинетѣ, откуда открывался великолѣпный видъ на озеро, и читалъ ей стихи. Въ этомъ не было ничего дурного. Онъ никогда не забывалъ, что она графиня, а онъ бездомный бродяга. Для него было большимъ счастіемъ пользоваться обществомъ женщины, которую онъ ставилъ такъ высоко и чтилъ, какъ святую. Влюбиться въ нее было для него такъ

немыслимо, какъ влюбиться въ царицу Савскую, изображенную надъ клиросомъ въ Свортшёской церкви.

Онъ хотѣлъ только служить ей, какъ служитъ пажъ своей высокой повелительницѣ: подвязывать ей коньки, держать ей мотокъ шерсти, править ея санками. Между ними не могло быть и рѣчи о любви, но онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые находятъ счастіе въ романическихъ, невинныхъ мечтахъ.

Молодой графъ былъ молчаливъ и серьезенъ, а Іёста заразительно веселъ. Его общество какъ нельзя лучше приходилось по нраву молодой графинѣ. Никому не могло придти въ голову при взглядѣ на нее, что она таитъ въ себѣ преступную любовь. Она думала о танцахъ, только о танцахъ и о весельи. Ей хотѣлось бы, чтобы земля была совершенно гладкая,—безъ камней, горъ и озеръ, чтобы можно было всюду танцовать. Ей хотѣлось бы протанцовать всю жизнь въ тонкихъ атласныхъ туфелькахъ отъ колыбели до могилы.

Но злословіе не пощадило молодой женщины.

По воскресеньямъ мужчины удалялись обыкновенно послѣ обѣда въ комнату графа, чтобы покурить и поспать, а пожилыя дамы садились въ глубокія кресла въ гостиной и дремали, прислонивъ свои почтенныя головы къ высокимъ спинкамъ. Графиня и Анна Шернхёкъ уходили въ голубой кабинетъ и тамъ заводили безконечныя дружескія бесѣды.

Недѣлю спустя послѣ того, какъ Анна Шернхёкъ привезла въ Берга Ульрику Дильнеръ, онѣ по своему обыкновенію сидѣли послѣ обѣда въ голубомъ кабинетѣ.

Молодая дѣвушка чувствовала себя глубоко несчастной. Ея веселости какъ не бывало, и молодой задоръ также пропалъ безслѣдно.

Послѣ всего того, что случилось съ ней въ тотъ вечеръ, когда она увозила Ульрику, душа ея погрузилась въ какія-то сумерки; у нея не было ни одной ясной мысли.

Впрочемъ, нѣтъ, у нея была одна мысль, которая отравляла все ея существованіе.

«А что, если Богъ тутъ не причемъ,—шептала она про себя,—что, если не Богъ послалъ волковъ?»

Она просила у Бога какого-нибудь знаменія или чуда. Въ страстной надеждѣ увидать что-нибудь, смотрѣла она на небо и на землю. Но въ облакахъ не было видно перста, который указывалъ бы ей путь, и огненнаго путеводнаго столба она также не видала передъ собой.

Анна сидѣла противъ графини и разговаривала съ ней и вдругъ ей бросился въ глаза букетикъ голубой вѣтреницы, который графиня держала въ своихъ рукахъ. Она сейчасъ же догадалась, кто собралъ эти цвѣточки, и это поразило ее, какъ молнія.

Ей незачѣмъ было спрашивать. Она хорошо знала, что голубую вѣтреницу можно было найти въ началѣ апрѣля только въ одномъ мѣстѣ: въ березовой рощицѣ въ Экебю на отлогомъ берегу, спускавшемся къ озеру.

Она не могла оторвать глазъ отъ маленькихъ голубыхъ звѣздочекъ, этихъ милыхъ всѣмъ предвозвѣстницъ, которыя, помимо своей собственной прелести, окружены еще блескомъ всего того, что онѣ обѣщаютъ, всего прекраснаго, что должно наступить. Пока она смотрѣла на нихъ, душу ея понемногу наполнялъ гнѣвъ, походившій на отдаленный рокотъ надвигающейся грозы. «Какое право имѣетъ графиня Дона,—думала она,—держать въ своихъ рукахъ этотъ букетикъ голубой вѣтреницы, собранной на берегу въ Экебю?

Ей показалось, что всѣ—злые соблазнители: и Синтрамъ, и графиня, и всѣ, кто соблазняли Іёсту Берлинга ко злу; но она защититъ его противъ всѣхъ, если ей даже придется для этого вырвать свое сердце изъ груди.

Она рѣшила, что не уйдетъ изъ голубого кабинета, прежде чѣмъ не увидитъ, что букетикъ брошенъ на полъ, истоптанъ и уничтоженъ.

Принявъ это рѣшеніе, она начала борьбу съ маленькими голубыми звѣздочками. Пожилыя дамы сидѣли въ гостиной въ глубокихъ креслахъ, прислонивъ свои почтенныя головы къ высокимъ спинкамъ, и ничего не подозрѣвали; мужчины спокойно курили трубки въ кабинетѣ графа; вездѣ царили миръ и тишина, только въ голубомъ кабинетѣ завязалась отчаянная борьба.

Ахъ, какъ хорошо поступаютъ тѣ, кто умѣетъ обождать, кто сдерживается и не обнажаетъ шпаги, кто во всемъ полагается на Бога! Неспокойное сердце всегда впадаетъ въ заблужденіе.

Аннѣ Шернхёкъ показалось, что она увидала, наконецъ, въ облакахъ перстъ Божій, указывающій ей истинный путь.

— Анна,—сказала графиня,—разскажи что-нибудь.

— Что же мнѣ разсказать?

— О,—сказала графиня, нѣжно лаская букетикъ своей бѣлой рукой.—Разскажи что-нибудь о любви, о влюбленныхъ.

— Я ничего не знаю о любви.

— Что за пустяки! Развѣ здѣсь нѣтъ мѣста, которое называется Экебю, и гдѣ живетъ столько кавалеровъ!

— Да,—отвѣтила Анна,—здѣсь дѣйствительно есть мѣсто, которое называется Экебю, и гдѣ живутъ люди, которые высасываютъ кровь изъ страны, которые отучаютъ насъ отъ серьезной работы, портятъ подрастающую молодежь и направляютъ на ложный путь

наши способности. Такъ ты хочешь, чтобы я разсказала тебѣ о нихъ, чтобы я разсказала ихъ любовныя исторіи?

— Да, я хочу, чтобы ты разсказала о нихъ. Мнѣ нравятся кавалеры.

Тогда Анна Шернхёкъ начала говорить, коротко и обрывисто, потому что нахлынувшія чувства готовы были задушить ее. Каждое ея слово дрожало затаенной страстью, и графиня слушала ее съ интересомъ и съ нѣкоторымъ безпокойствомъ.

— Что значитъ любовь кавалера, что значитъ вѣрность кавалера? Сегодня онъ любитъ одну, завтра—другую. Для него нѣтъ женщины слишкомъ высокой или слишкомъ низкой по происхожденію: сегодня графская дочь, завтра нищенка. Нѣтъ на свѣтѣ ничего болѣе вмѣстительнаго, нежели его сердце. Но горе той женщинѣ, которая любитъ кавалера. Она должна отыскивать его въ канавахъ у дороги, гдѣ онъ валяется пьяный и растерзанный. Она должна молча смотрѣть, какъ онъ за карточнымъ столомъ проигрываетъ достояніе ея дѣтей. Она должна спокойно наблюдать, какъ онъ ухаживаетъ за другими женщинами. О, Елизавета, если кавалеръ приглашаетъ порядочную женщину на танецъ, то она должна отказывать ему; если онъ даритъ ей букетъ, то она должна бросить цвѣты на землю и растоптать ихъ; если она любитъ его, то лучше ей умереть, чѣмъ согласиться выйти за него замужъ. Въ числѣ кавалеровъ въ Экебю жилъ также и одинъ отрѣшенный священникъ. Его отрѣшили отъ должности за пьянство. Онъ явился въ церковь въ пьяномъ видѣ. Онъ выпивалъ вино, предназначенное для причащенія. Слышала ли ты когда-нибудь о немъ?

— Нѣтъ.

— Послѣ того, какъ его отрѣшили отъ должности, онъ превратился въ бродягу и ходилъ по дорогамъ, живя подаяніемъ. Онъ продолжалъ пить, какъ безумный. Онъ способенъ былъ украсть, чтобы только добыть себѣ водки.

— Какъ его зовутъ?

— Его нѣтъ больше въ Экебю... Майорша приняла въ немъ участіе, взяла его къ себѣ, одѣла его и уговорила твою свекровь, графиню Дона, взять его въ учителя къ твоему мужу, молодому графу Хенрику.

— Отрѣшеннаго священника!

«О, это былъ еще молодой человѣкъ въ полномъ расцвѣтѣ силъ и очень образованный. Когда онъ не пилъ, то онъ былъ вполнѣ приличенъ. Графиня Мерта была не очень-то разборчива. А кромѣ того ей хотѣлось подразнить пробста и священника. Но все-таки она

устроила такъ, что никто не говорилъ ея дѣтямъ о прошломъ новаго домашняго учителя. Иначе ея сынъ не имѣлъ бы уваженія къ нему, а ея дочь не могла бы терпѣть его, потому что она была святая.

«И вотъ онъ поселился здѣсь, въ Боргѣ. Онъ держалъ себя очень скромно, садился на кончикъ стула, за столомъ молчалъ и уходилъ въ паркъ, какъ только появлялись гости.

«Въ паркѣ на отдаленныхъ тропинкахъ онъ часто встрѣчался съ молодой Эббой Дона. Она не любила шумныя празднества, которыя гремѣли въ залахъ Борга съ тѣхъ поръ, какъ графиня овдовѣла. Она была такъ кротка, такъ застѣнчива. Въ семнадцать лѣтъ она казалась нѣжнымъ ребенкомъ, но она всетаки была удивительно прекрасна со своими карими глазами и слабымъ, прозрачнымъ румянцемъ на щекахъ. Ея тонкая, стройная фигура склонялась немного впередъ. Ея маленькій ротикъ былъ необыкновенно молчаливъ и серьезенъ. А ея голосъ, этотъ нѣжный чарующій голосъ! Она выговаривала слова медленно и ясно, но въ голосѣ ея никогда не было слышно молодыхъ, горячихъ нотокъ,—ея голосъ звучалъ слабо и надорванно, какъ заключительный аккордъ утомленнаго музыканта.

«Она не походила на другихъ людей. Она ходила такъ тихо, такъ легко, точно была на землѣ лишь временнымъ, случайнымъ гостемъ. Глаза ея были всегда опущены, точно она боялась, что что-нибудь оторветъ ее отъ созерцанія великолѣпія ея внутренняго міра. Ея душа отвернулась отъ земли, когда она еще была ребенкомъ.

«Когда она была маленькой, то ея бабушка часто разсказывала ей сказки. Разъ вечеромъ онѣ сидѣли вдвоемъ передъ каминомъ; но бабушка перестала разсказывать: сказки всѣ уже были разсказаны. Всѣ герои и героини сказокъ жили нѣкоторое время и прошли передъ глазами дѣвочки. Они, какъ пламя въ каминѣ, на мгновеніе вспыхнули и блеснули яркимъ свѣтомъ, и потомъ всѣ герои и прекрасныя принцессы снова ушли на покой. Однако маленькая дѣвочка все еще водила рукой по шелковому платью бабушки; она нѣжно гладила его, и шелкъ издавалъ звуки, походившіе на чириканье маленькой птички. Это должно было означать просьбу дѣвочки: она никогда не просила словами.

«Тогда старушка начала ей разсказывать тихимъ голосомъ про одного младенца въ странѣ іудейской, про младенца, который былъ рожденъ для того, чтобы стать великимъ царемъ. Ангелы пѣли хвалебные гимны, когда узнали о Его рожденіи. Пришли восточные цари, которымъ путь указывала звѣзда, и принесли младенцу въ даръ золото, ладанъ и смирну, а старые люди пророчествовали о Его величіи. И этотъ младенецъ выросъ и сталъ прекрасенъ и мудръ. Когда

Ему было двѣнадцать лѣтъ, то Онъ превзошелъ въ мудрости первосвященниковъ и книжниковъ.

«Потомъ старушка разсказала ей о прекрасной странѣ и о жизни младенца среди людей, этихъ злыхъ людей, которые не хотѣли признавать Его своимъ царемъ.

«Она разсказала ей, какъ младенецъ сталъ взрослымъ и какъ чудеса продолжали окружать Его божественнымъ сіяніемъ.

«Все на землѣ служило Ему и любило Его, кромѣ людей. Рыба сама шла въ Его сѣти, хлѣбъ наполнялъ Его корзины, вода превращалась въ вино по Его желанію.

«Но люди не давали великому царю ни золотой короны, ни блестящаго трона. Вокругъ Него не было низкопоклонныхъ придворныхъ. Онъ жилъ среди людей, какъ нищій.

«А между тѣмъ, Онъ былъ такъ добръ къ нимъ, Этотъ великій царь. Онъ исцѣлялъ ихъ болѣзни, возвращалъ имъ зрѣніе и воскрешалъ мертвыхъ.

«И всетаки,—сказала старушка,—люди не хотѣли признать добраго царя.

Они приказали своимъ воинамъ схватить Его: они надѣли на Него въ насмѣшку корону и красную царскую мантію, а въ руки дали Ему скипетръ. Потомъ они повели Его на мѣсто казни и заставили нести тяжелый крестъ. Ахъ, дитя мое, добрый царь очень любилъ высокія горы. По ночамъ Онъ часто всходилъ на ихъ вершины, чтобы бесѣдовать съ небожителями, а днемъ Онъ любилъ сидѣть на склонѣ горы и говорить съ людьми, которые собирались, чтобы Его слушать. И вотъ злые люди повели Его на вершину горы, чтобы тамъ распять. Они распяли добраго царя на крестѣ и вколотили гвозди въ Его руки и ноги, какъ если бы Онъ былъ разбойникомъ и злодѣемъ...

«И народъ смѣялся надъ Нимъ. Только Его Мать и Его друзья плакали; они горевали, что Онъ умираетъ, прежде чѣмъ сдѣлался царемъ.

«О, какъ скорбѣли о Немъ всѣ неодушевленные предметы!

«Солнце померкло, гора затряслась, завѣса въ храмѣ раздралась, могилы разверзлись, и изъ нихъ вышли покойники, чтобы также показать свою печаль».

При этихъ словахъ дѣвочка спрятала свое лицо въ колѣняхъ бабушки и разразилась неудержимыми рыданіями.

— Не плачь, дитя мое, добрый царь воскресъ изъ мертвыхъ; Онъ всталъ изъ гроба и вознесся на небеса къ Своему Отцу.

— Бабушка,—рыдала бѣдняжка,—Онъ такъ и не получилъ царства?

— Онъ сидитъ одесную Отца на небесахъ.

Но это не утѣшило дѣвочку. Она плакала такъ горько и такъ безутѣшно, какъ только можетъ плакать ребенокъ.

— Почему они были такъ жестоки къ Нему? Кто позволилъ имъ это?

Бабушка испугалась, увидя ея неутѣшное горе.

— Скажи, бабушка, скажи, что ты разсказала невѣрно? Скажи, что люди не были такъ жестоки съ добрымъ царемъ? Скажи, что Онъ получилъ царство на землѣ?

Она обхватила шею бабушки руками со страстной мольбой, продолжая горько плакать.

— Ахъ, дитя мое,—сказала тогда бабушка, чтобы утѣшить ее,—многіе вѣрятъ, что Онъ еще вернется. Тогда Онъ будетъ царствовать надъ всей землей и управлять ею. Тогда прекрасная земля превратится въ одно великолѣпное царство и оно будетъ продолжаться тысячу лѣтъ. Хищныя и злыя животныя сдѣлаются добрыми и ручными: дѣти будутъ спокойно играть у гнѣзда ехидны, а медвѣди будутъ спокойно пастись вмѣстѣ съ коровами. Никто не будетъ причинять зла другому; копья согнутъ и превратятъ ихъ въ косы, а изъ мечей сдѣлаютъ плуги. На землѣ повсюду будутъ только радость и счастіе, потому что она будетъ принадлежать добрымъ.

Тогда лицо дѣвочки просіяло сквозь слезы.

— А у добраго царя будетъ тронъ, бабушка?

— Да, золотой тронъ.

— И слуги, и придворные, и золотая корона?

— Да у Него будетъ все это.

— Скоро Онъ придетъ, бабушка?

— Никто не знаетъ, когда Онъ придетъ.

— А когда Онъ придетъ, то можно мнѣ будетъ сидѣть на скамейкѣ у Его ногъ?

— Конечно!

— Бабушка, какъ я рада,—сказала малютка.

Послѣ этого много вечеровъ въ продолженіе многихъ зимъ онѣ сидѣли вдвоемъ у камина и говорили о добромъ царѣ и Его царствѣ. Дѣвочка мечтала о прекрасномъ тысячелѣтнемъ царствѣ дни и ночи. Фантазія ея никогда не истощалась, украшая это царство всѣмъ самымъ прекраснымъ, что только она могла придумать.

Какъ часто мы видимъ молчаливыхъ дѣтей и не знаемъ, что они носятъ въ себѣ тайную мечту, которую не смѣютъ никому открыть.

Какъ много странныхъ фантазій скрывается подъ шелковистыми волосами, какія удивительныя вещи видятъ кроткіе каріе глаза съ опущенными рѣсницами, какъ много молодыхъ дѣвушекъ избрали своимъ женихомъ—жениха небеснаго и горятъ желаніемъ вылить на ноги добраго царя драгоцѣнное мyро и отерѣть ихъ своими волосами.

Эбба Дона никому не говорила про это, но съ тѣхъ поръ она только и жила мечтой о тысячелѣтнемъ царствѣ Господа и ожиданіемъ Его пришествія.

Когда вечерняя заря потухала на западѣ и на небѣ точно разверзались золотыя врата, ей казалось, что Онъ войдетъ въ нихъ, окруженный сіяніемъ, добрый и кроткій, сопровождаемый цѣлымъ сонмомъ ангеловъ, пройдетъ мимо нея и дозволитъ ей прикоснуться къ подолу своей одежды.

Она съ завистью думала о тѣхъ благочестивыхъ женщинахъ, которыя надѣли на свою голову покрывало и никогда не поднимали глазъ съ земли; которыя скрывались въ тиши сѣрыхъ монастырей, во мракѣ маленькихъ келій, чтобы всецѣло предаться созерцанію лучезарныхъ видѣній своего внутренняго міра.

Вотъ какой она росла и какой она была, когда встрѣтилась съ новымъ домашнимъ учителемъ на уединенныхъ дорожкахъ парка.

Мнѣ не хочется говорить про него слишкомъ дурно и я скажу только то, что должна. Мнѣ кажется, что онъ любилъ это дитя, которое скоро избрало его спутникомъ въ своихъ уединенныхъ прогулкахъ. Мнѣ кажется, что его душа снова расправила свои крылья отъ общенія съ этой молчаливой дѣвушкой, которая никогда никому не открывала своей души. Я думаю, что онъ самъ сталъ добрымъ, кроткимъ и чистымъ, какъ дитя.

Но если онъ любилъ ее, то почему же не подумалъ онъ о томъ, что онъ не можетъ дать ей худшаго дара, нежели свою любовь? Онъ, этотъ отверженный, чего хотѣлъ онъ, о чемъ онъ думалъ, когда ходилъ бокъ-о-бокъ съ графской дочерью? что думалъ отрѣшенный священникъ, когда она повѣрила ему свои сокровенныя мечты? на что надѣялся онъ, этотъ пьяница, готовый при первомъ удобномъ случаѣ сдѣлаться снова тѣмъ, чѣмъ онъ былъ, когда онъ гулялъ съ этой кроткой дѣвушкой, мечтавшей о небесномъ женихѣ? Почему не бѣжалъ онъ далеко, далеко? Развѣ не лучше было бы для него бродить по дорогамъ, воровать и просить подаяніе, нежели ходить по молчаливымъ сосновымъ аллеямъ и свова стать добрымъ, кроткимъ и добродѣтельнымъ, разъ нельзя было избѣгнуть, чтобы Эбба Дона не влюбилась въ него?

Не думай, что онъ по наружности походилъ на жалкаго про-

пойду съ блѣднымъ землистымъ лицомъ и красными глазами. Онъ все еще былъ статный, красивый мужчина и силы его, какъ душевныя, такъ и тѣлесныя, не были надломлены. У него осанка короля и желѣзное тѣло, которое не можетъ сокрушить самая ужасная жизнь.

— Онъ еще живъ?—спросила графиня.

— Нѣтъ, онъ уже давно умеръ. Съ тѣхъ поръ прошло уже такъ много времени.

Какой-то внутренній голосъ заставилъ Анну Шернхёкъ содрогнуться передъ тѣмъ, что она дѣлала. Она рѣшила никогда не говорить графинѣ, кто тотъ человѣкъ, про котораго она разсказывала; она думала, что графиня повѣритъ, что онъ уже умеръ.

«Тогда онъ былъ еще молодъ,—продолжала она свой разсказъ,—въ немъ вновь пробудилось желаніе жить. Онъ обладалъ даромъ слова и горячимъ, легко увлекавшимся сердцемъ.

«Разъ вечеромъ онъ заговорилъ съ Эббой Дона о любви. Она ничего не отвѣтила на это, но она разсказала ему о своихъ бесѣдахъ съ бабушкой въ зимніе вечера и открыла ему тотъ міръ, въ которомъ жили ея мечты. Потомъ она заставила его поклясться, что онъ сдѣлается проповѣдникомъ слова Божія, что онъ будетъ однимъ изъ тѣхъ, кто уготовляетъ путь Господу и ускоряетъ его пришествіе.

«Что ему было дѣлать? Онъ былъ отрѣшенный священникъ, и ни одинъ путь не былъ для него такъ недоступенъ, какъ тотъ, который она ему указывала. Но онъ не посмѣлъ открыть ей правду. У него нехватило духу огорчить это нѣжное дитя, которое онъ любилъ. Онъ обѣщалъ ей все, что она хотѣла.

«Имъ не надо было много словъ для того, чтобы понять другъ друга. Это подразумѣвалось само собой, что она будетъ когда-нибудь его женой. Ихъ любовь была безъ поцѣлуевъ и безъ ласкъ. Онъ едва осмѣливался подходить къ ней. Она была чувствительна и хрупка, какъ нѣжный цвѣтокъ. Но ея каріе глаза поднимались иногда отъ земли и искали его глазъ. Въ лунные вечера, когда они сидѣли на верандѣ, она прижималась къ нему, и тогда онъ цѣловалъ ея волосы незамѣтно для нея.

«Ты понимаешь, конечно, что его вина заключалась въ томъ, что онъ забылъ и прошлое, и будущее. Что онъ былъ бѣденъ и ничтоженъ,—это онъ могъ еще забыть, но онъ не долженъ былъ забывать, что наступитъ день, когда въ ея душѣ поднимется борьба, любовь возстанетъ противъ любви, земля противъ неба. Онъ долженъ былъ помнить, что тогда она должна будетъ выбирать между нимъ и добрымъ царемъ тысячелѣтняго царства. А ей не по силамъ было выдержать такую борьбу.

«Прошли лѣто, осень и зима. Когда наступила весна и началъ таять снѣгъ, Эбба Дона заболѣла. Была полная распутица: ручьи въ долинахъ вскрылись, по озеру дорога была опасна, и не было возможности проѣхать ни на колесахъ, ни въ саняхъ.

Графиня Дона приказала ѣхать за докторомъ въ Карлстадъ, такъ какъ по близости не было ни одного доктора. Но она приказывала напрасно. Ни мольбы, ни угрозы ея не дѣйствовали ни на одного изъ слугъ. Она на колѣняхъ просила кучера, но онъ отказался. Съ ней сдѣлались судороги и истерика,—такъ она безпокоилась за дочь. Графиня Мерта бурно проявляетъ какъ горе, такъ и радость.

Эбба Дона лежала въ воспаленіи легкихъ, и жизнь ея была въ опасности, но достать доктора не было никакой возможности.

И вотъ домашній учитель рѣшился ѣхать въ Карлстадъ. Рѣшиться на эту поѣздку при томъ состояніи дорогъ—было то же самое, что играть своей жизнью; но онъ поѣхалъ. Приходилось проѣзжать по взломавшемуся льду, черезъ стремнины и вязкую тину. Говорили, что докторъ отказался ѣхать съ нимъ и что онъ съ пистолетомъ въ рукахъ заставилъ его пуститься въ опасный путь.

Когда онъ пріѣхалъ съ докторомъ, то графиня готова была броситься ему въ ноги.

— Берите все!—сказала она.—Скажите, что вы желаете: мою дочь, мои помѣстья, мои деньги?

— Вашу дочь!—отвѣтилъ учитель.

Анна Шернхёкъ вдругъ замолчала.

— Ну, а дальше, дальше что?—спросила графиня Елизавета.

— Я думаю, что дальше разсказывать не стоитъ,—отвѣтила Анна. Она принадлежала къ числу тѣхъ несчастныхъ людей, которые живутъ подъ вѣчнымъ гнетомъ сомнѣнія. Цѣлую недѣлю ее мучили сомнѣнія, и теперь она сама не знала, чего она хочетъ. Ей вдругъ захотѣлось, чтобы она никогда не начинала этой исторіи.

— Ужъ не смѣешься ли ты надо мной, Анна? Развѣ ты не понимаешь, что я *должна* слышать конецъ этой исторіи.

— Да собственно она почти и окончена. «Для Эббы Дона наступила минута борьбы. Любовь возстала противъ любви, земля противъ неба.

Графиня Мерта разсказала ей о страшномъ путешествіи, которое сдѣлалъ изъ-за нея молодой человѣкъ, и сказала ей, что она обѣщала ему за это ея руку.

Молодая дѣвушка поправилась тогда уже настолько, что лежала, одѣтая, на диванѣ. Она была блѣдна и истощена и еще молчаливѣе, чѣмъ обыкновенно.

Услыша слова матери, она укоризненно посмотрѣла на нее своими карими глазами и сказала:

— Мама, ты обѣщала мою руку отрѣшенному священнику, — человѣку, который навсегда потерялъ право служить Богу, который былъ воромъ и нищимъ?

— Но, дитя мое, кто разсказалъ тебѣ это? Я думала, что ты ничего не знаешь.

— Я случайно узнала это. Я слышала, какъ твои гости говорили о немъ въ тотъ день, какъ я заболѣла.

— Дитя мое, вспомни, что онъ спасъ твою жизнь!

— Я знаю только, что онъ обманулъ меня. Онъ долженъ былъ сказать мнѣ, кто онъ такой.

— Онъ говоритъ, что ты любишь его.

— Да, я любила его. Но я не могу больше любить того, кто обманулъ меня.

— Но чѣмъ же онъ обманулъ тебя?

— Ты этого не поймешь, мама.

Она не хотѣла говорить матери про свои мечты о тысячелѣтнемъ царствѣ, и о томъ, что ея возлюбленный долженъ былъ помочь ей осуществить ея мечты.

— Эбба,—сказала графиня,—если только ты его любишь, то тебѣ незачѣмъ спрашивать, кто онъ такой. Мужъ графини Дона будетъ достаточно богатъ и могущественъ, чтобы заставить забыть свои грѣхи молодости.

— Мнѣ нѣтъ дѣла до его грѣховъ молодости, мама. Я не выйду за него замужъ, потому что онъ не можетъ быть тѣмъ, чѣмъ я хотѣла бы, чтобы онъ былъ.

— Помни, Эбба, что я дала ему свое слово!

Молодая дѣвушка поблѣднѣла смертельно.

— Мама, говорю тебѣ, что если ты заставишь меня выйти за него замужъ, то ты разлучишь меня съ Богомъ.

— Я рѣшила устроить твое счастіе,—сказала графиня. —Я увѣрена, что ты будешь счастлива съ этимъ человѣкомъ. Тебѣ уже удалось сдѣлать изъ него святого. Я рѣшила пренебречь нашимъ положеніемъ и забыть, что онъ бѣденъ и презираемъ, для того, чтобы дать тебѣ возможность исправить его. Я чувствую, что поступаю справедливо. Ты знаешь, какъ я презираю старые предразсудки.

Однако все это графиня говорила главнымъ образомъ потому, что она терпѣть не могла, чтобы кто-нибудь противился ея волѣ. А впрочемъ, можетъ быть, она и думала то, что говорила. Графиню Мерту не такъ-то легко понять.

Молодая дѣвушка долго еще лежала на диванѣ послѣ того, какъ графиня оставила ее. Она вела тяжелую борьбу. Земля возстала противъ неба, любовь противъ любви; но возлюбленный ея дѣтскихъ лѣтъ одержалъ побѣду. Лежа вотъ здѣсь на диванѣ, она увидала на западѣ великолѣпный солнечный закатъ. Она подумала, что это привѣтствіе отъ добраго царя, и такъ какъ она не могла остаться ему вѣрна, если бы жила, то она рѣшила умереть. Она не могла поступить иначе, разъ ея мать требовала, чтобы она принадлежала тому, кто не могъ служить доброму царю.

Она подошла къ окну, раскрыла его и подставила свое бѣдное, слабое тѣло подъ холодный, сырой, вечерній воздухъ.

Ей легко было найти смерть. Она хорошо знала, что если болѣзнь ея возобновится, то она умретъ. Такъ и случилось.

Никто, кромѣ меня, не знаетъ, что она искала смерти, Елизавета. Я застала ее у открытаго окна. Я слышала ея бредъ. Она любила, чтобы я была около нея въ послѣдніе дни ея жизни.

Я видѣла, какъ она умирала. Разъ вечеромъ она протянула руки къ западу, озаренному заходящимъ солнцемъ, и умерла, улыбаясь, точно она увидала, что кто-то идетъ къ ней навстрѣчу, окруженный сіяніемъ заката. Я должна была передать ея послѣдній привѣтъ тому, кого она любила, и сказать ему, что она не могла быть его женой. Добрый царь не позволилъ ей этого.

Но у меня нехватило рѣшимости сказать этому человѣку, что онъ ея убійца. Я не могла взвалить на его плечи такое бремя. Но развѣ не убійца онъ, завладѣвшій обманомъ ея любовью? Какъ ты думаешь, Елизавета?

Графиня Дона уже давно перестала ласкать голубые цвѣточки. Она встала, и букетикъ упалъ на полъ.

— Анна, ты смѣешься надо мной. Ты говоришь, что эта старая исторія и что человѣкъ тотъ уже умеръ. Но вѣдь я знаю, что не прошло еще и пяти лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ умерла Эбба Дона; а кромѣ того ты сама говоришь, что была свидѣтельницей всего этого. Ты вѣдь не старая. Скажи мнѣ, кто этотъ человѣкъ?

Анна Шернхёкъ засмѣялась.

— Ты хотѣла любовную исторію. Твое желаніе исполнено и оно стоило тебѣ даже слезъ и волненія.

— Ты хочешь сказать, что все это неправда?

— Ну конечно, все съ начала до конца одинъ вымыселъ!

— Какая ты злая, Анна.

— Можетъ быть. Не могу сказать, чтобы я при этомъ была и

слишкомъ счастлива. Однако дамы проснулись и мужчины вошли въ гостиную. Пойдемъ туда!

На порогѣ ихъ остановилъ Іёста Берлингъ.

— Имѣйте со мной немного терпѣнія,—сказалъ онъ.—Я помучаю васъ не болѣе десяти минутъ: прослушайте только мои стихи.

Онъ разсказалъ имъ, что эту ночь видѣлъ сонъ и такъ живо, какъ никогда раньше. И вотъ онъ, котораго прозвали «поэтомъ», хотя онъ до сихъ поръ ничѣмъ не заслужилъ этой клички, всталъ среди ночи и, не то во снѣ, не то на яву, началъ писать. А утромъ онъ нашелъ на своемъ столѣ цѣлую поэму. Онъ никогда раньше не повѣрилъ бы, что способенъ на что-нибудь подобное. А теперь онъ проситъ у дамъ вниманія.

И онъ началъ читать:

Взошла луна и свѣтомъ озарила
Веранду; и въ лучахъ проснулся старый садъ,
И бѣлая стѣна волшебно серебрилась,
Гдѣ въ урнѣ лилія печальная склонилась
И кружевомъ обвился виноградъ.
И мы безмолвные на твердыхъ ступеняхъ
Широкой лѣстницы задумчиво сидѣли,
Какъ будто мы прервать боялись и не смѣли
Мелодію души, дрожавшую въ сердцахъ.

* *
*

Отъ резеды лилось благоуханье
И рядъ причудливыхъ измѣнчивыхъ тѣней
Бѣжалъ изъ темноты сомкнувшихся аллей
По свѣтлой муравѣ, ловя луны сіянье...
Такъ рвется въ насъ душа изъ глубины своей
Навстрѣчу ясныхъ звѣздъ далекому мерцанью,
Къ простору голубыхъ раскрывшихся небесъ.—
О, можно-ль въ эту ночь, въ ночь свѣта и чудесъ
Не уступить ея очарованью?!...

* *
*

Съ одной изъ блѣдныхъ розъ упали лепестки,
Послѣдній ароматъ унесся въ тишь ночную.
Мы думали тогда: что еслибъ жизнь земную
Окончить также намъ безъ боли и тоски
И перейти въ страну иную
Въ покоѣ царственномъ безъ жалобъ и безъ слезъ...
Что еслибъ нашу жизнь мы такъ же покидали,
Какъ въ эту ночь съ одной изъ блѣдныхъ розъ
Безмолвно лепестки душистые упали!

* *
*

Крыло безшумное надъ нами пронеслось,
И бабочка мелькнула въ лентѣ свѣта.
И вновь вставалъ въ душѣ мучительный вопросъ—
Неразрѣшимая загадка безъ отвѣта:
Куда уходимъ мы, простившись съ міромъ слезъ,
Простившись навсегда съ дорогою земною?
Намъ не узнать пути, которымъ мы уйдемъ,
И легче прослѣдить за бабочкой ночною,
За этимъ трепетнымъ, пронесшимся крыломъ.

* *
*

И къ моему плечу прижавшись головою
Съ пугливой лаской, она шептала мнѣ:
«Любовь моя всегда останется съ тобою»,
(И слышалъ я, какъ бьется въ тишинѣ
То сердце, что тогда дышало только мною).
«Когда умру, мой другъ, въ невѣдомую даль
Не улетитъ душа,—но всюду за тобою
Послѣдуетъ она. Всегда съ твоей душою
Останется моя безмолвная печаль».

* *
*

Прошли года... И вновь въ полночный тихій часъ
Я прихожу одинъ на старыя ступени.
Все тотъ же мягкій свѣтъ луны, ласкавшій насъ,
Сіявшій въ глубинѣ печальныхъ милыхъ глазъ;
Все тѣ же темныя трепещущія тѣни...
И вновь она со мной... она со мной въ тиши.
Безмолвною толпой встаютъ воспоминанья,
И сердцемъ, полнымъ слезъ, печали и страданья,
Я близость чувствую ея родной души *).

* *
*

— Іёста,—сказала Анна шутливымъ тономъ, хотя горло ея сдавило мучительное волненіе,—про тебя говорятъ, что ты пережилъ больше поэмъ, чѣмъ написали ихъ люди, которые только этимъ и занимались всю жизнь. Знаешь ли, продолжай-ка лучше сочинять поэмы на свой собственный ладъ. А эта ночная работа—это сейчасъ же и видно.

— Однако ты не очень-то снисходительна.

— Еще бы, ты приходишь и читаешь про смерть и печаль—какъ тебѣ не стыдно!

---

*) Перевела Г. А. Галина.

Но Іёста уже не слушалъ ея. Онъ смотрѣлъ на молодую графиню. Она сидѣла, неподвижная и холодная, какъ статуя. Ему показалось, что она сейчасъ упадетъ въ обморокъ.

Но съ невыразимымъ усиліемъ изъ ея устъ вырвалось одно слово.

— Уходите!—сказала она.

— Кому уйти? *Мнѣ* уйти?

— Пусть священникъ уйдетъ!—пробормотала она.

— Елизавета, замолчи!

— Пусть спившійся священникъ уйдетъ изъ моего дома!

— Анна, Анна,—спросилъ Іёста,—что она говоритъ?

— Тебѣ лучше всего уйти, Іёста.

— Почему я долженъ уйти? Что все это означаетъ?

— Анна, — сказала графиня Елизавета, — скажи ему, скажи ему!...

— Нѣтъ, графиня, скажите ему сами!

Графиня стиснула зубы, стараясь подавить волненіе.

— Герръ Берлингъ,—сказала она, подходя къ нему,—вы обладаете удивительной способностью заставлять людей забывать, кто вы такой. Я это узнала только сейчасъ. Я только что слышала разсказъ о томъ, какъ умерла Эбба Дона: ее убило открытіе, что она любитъ недостойнаго. Ваша поэма дала мнѣ понять, что это были вы. Я не понимаю, какъ человѣкъ съ такимъ прошлымъ, какъ у васъ, можетъ показываться въ обществѣ порядочныхъ женщинъ. Я этого не могу понять, герръ Берлингъ. Достаточно ли ясно я высказалась теперь?

— Да, графиня, совершенно достаточно. Я хочу сказать только одно слово въ свою защиту. Я былъ увѣренъ, я былъ совершенно увѣренъ все время, что вы все знаете обо мнѣ. Я никогда не старался ничего скрывать, но не очень-то пріятно кричать о самыхъ горькихъ минутахъ своей жизни на всѣхъ перекресткахъ, да еще самому.

Сказавъ это, онъ вышелъ изъ комнаты.

Въ то же мгновеніе графиня Дона наступила своей маленькой ногой на букетикъ изъ голубыхъ звѣздочекъ.

— Ты сдѣлала то, что я хотѣла,—сказала Анна Шернхёкъ графинѣ рѣзкимъ голосомъ,—но теперь нашей дружбѣ конецъ. Не думай, что я могу простить твою жестокость къ нему. Ты выгнала его, ты насмѣялась надъ нимъ и оскорбила его, а я, я готова была бы послѣдовать за нимъ въ тюрьму и на позорную скамью. Теперь *я*

буду оберегать и защищать его. Ты сдѣлала то, что я хотѣла, но я никогда не прощу тебя.

— Но Анна, Анна!

— Если я и разсказала тебѣ ту исторію, то неужели ты думаешь, что я сдѣлала это съ легкимъ сердцемъ? Вѣдь я сидѣла здѣсь и по кусочкамъ вырывала свое сердце изъ груди!

— Почему же ты сдѣлала это?

— Почему? А потому, видишь ли ты, что я не хотѣла — не хотѣла, чтобы онъ сталъ любовникомъ замужней женщины»...

Перев. **М. Благовѣщенская.**

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

«ДОЧЬ НАРОДА».

(Разсказъ моей знакомой.)

I.

Она приходила къ намъ разъ въ недѣлю, вечеромъ въ субботу, послѣ окончанія работы въ мастерской, пила съ нами чай, что-нибудь разсказывала, но больше слушала, что разсказывали мы, я и сожительница моя, художница Бутова.

И держалась съ нами не только гордо, независимо, но черезчуръ даже гордо и независимо, съ какимъ-то даже сгущеннымъ, рѣзко подчеркнутымъ достоинствомъ, словно не мы, а она снисходила къ намъ и каждую минуту готова была крикнуть: «не воображайте, пожалуйста, что вы лучше меня, выше меня! Правда, обѣ вы образованныя, благовоспитанныя, богатыя, всѣми уважаемыя, тогда какъ я—простая, еле грамотная мужичка, была когда-то фабричной, потомъ горничной, потомъ поденщицей, опять горничной, бѣлошвейкой и, наконецъ, сейчасъ терплю всяческія униженія и оскорбленія, надругательства и измывательства надъ душою моею нѣкоего пана Піотровскаго, содержателя мастерской католическихъ церковныхъ облаченій, гдѣ за двѣнадцать цѣлковыхъ въ мѣсяцъ «на своихъ харчахъ» я работаю ежедневно съ семи утра и до девяти вечера, корплю надъ «капами», «орнатами», «долматиками». Хоть и тянусь я съ оскорбительною жадностью голодной собаки къ богатому столу образованности и просвѣщенности вашей, чтобы стремительно подхватывать каждую крошку хлѣба духовнаго, но тѣмъ не менѣе не хуже я васъ, не ниже... Наоборотъ, лучше васъ, потому что сильнѣе васъ, потому что дорогу жизни моей прохожу страдая. И, страдая, не теряю образа и подобія Божія»...

Такъ, казалось, заявляла она всѣмъ видомъ своимъ: крупнымъ мужественнымъ лицомъ; рослою, статною фигурою; неторопливыми,

преисполненными степеннаго достоинства тѣлодвиженіями, негромкимъ, отрывистымъ смѣхомъ, холоднымъ и сдержаннымъ.

Глаза ея маленькіе, темно-сѣрые, живые и быстрые вонзались въ лица всѣмъ прямо, остро, вопросительно и испытующе-любопытно даже до неприличія, до явной дерзости. Большой, блѣдный ротъ смѣлаго, энергичнаго рисунка во время молчанія таилъ выраженіе презрительнаго высокомѣрія, а улыбаясь, дѣлалъ лицо снисходительно-насмѣшливымъ.

Спокойная властность, съ которою она брала отъ насъ разныя «подачки», какъ должное, удивляла даже и ее самое. И не разъ она говаривала намъ съ Бутовой:

— Что это я за человѣкъ такой есть—и сама не понимаю! Гордая, какъ чертовка... Легче мнѣ на улицѣ среди бѣла дня подъ плети лечь, чѣмъ кланяться кому-нибудь, шею гнуть... А вѣдь вотъ же къ вамъ пляюсь, беру отъ васъ всякую всячину... И сама не знаю, какъ же это такъ выходитъ?...

И смѣялась при этомъ смѣхомъ холоднымъ, отрывистымъ и какимъ-то загадочно-злымъ, непріятнымъ...

За столомъ нашимъ она безъ всякаго зазрѣнія совѣсти въ неприлично большомъ количествѣ истребляла барскія, вкусныя яства наши, двигала крѣпкими челюстями своими съ жадною быстротою голоднаго волка, причемъ, насыщаясь, производила на столѣ цѣлый кавардакъ: торты рѣзала ножомъ, которымъ рѣжутъ сыръ, масло ковыряла вилкой, варенье брала изъ вазочки не той ложкой, какая для этого предназначалась, а той, что мѣшала чай въ собственной чашкѣ, фрукты—яблоки и груши—ѣла съ кожей, откусывая крѣпкими бѣлыми зубами громадные куски и проглатывая все до капельки, сѣмена и сердцевину. Въ книжныхъ шкафахъ нашихъ рылась, какъ въ своихъ собственныхъ. Занимала у насъ деньги, хотя и рѣдко и въ маломъ до смѣшного количествѣ: двадцать, пятнадцать, много-много тридцать копеекъ и не всегда возвращала. Однажды взяла у Бутовой теплый ангорскій платокъ, довольно дорогой, и износила его до тряпки, оправдываясь тѣмъ, что зима «лютая», а голова у нея «простуженная». У меня взяла драповую жакетку и таскаетъ ее до сихъ поръ.

Словомъ, держалась съ нами довольно безцеремонно. И, конечно, намъ съ Бутовой не всегда эта безцеремонность нравилась. Но недовольство свое мы всячески скрывали не только отъ Евлампіи, но и другъ отъ друга. Пропитанныя насквозь книжнымъ «благородствомъ», мы скорѣе согласились бы дать себя на куски изрѣзать, чѣмъ открыто сознаться въ томъ, хотя бы, что одной—жаль ангорскаго платка,

а другой—жаль жакетки. Совершенно справедливо кто-то сказалъ по поводу исповѣди графа Толстого: «Можно признаться въ крупныхъ порокахъ, но не въ мелкихъ подлостяхъ. Можно, напримѣръ, сказать: я развратникъ, я пьяница, я жестокій и кровожадный. Но нельзя сказать—я укралъ три рубля». Такъ и мы съ Бутовой. Ни за что бы не признались мы, что Евлампія раздражала насъ не столько «безцеремонностью» своею, сколько тѣмъ, что нѣтъ-нѣтъ да и разворошитъ, словно кучу навозную, наши крохотные грѣшки: чистенькое, прилизанное, отшлифованное со всѣхъ сторонъ проблематическою «интеллигентностью» мѣщанство наше, тщательно скрываемое отъ всѣхъ и даже отъ самихъ себя; поганенькую скаредность нашу, мизерную разсчетливость, гнусненькую бережливость и вообще «порядливость», которая въ такомъ большомъ почетѣ у прирожденныхъ буржуазокъ.

И если временами это тайно скопленное недовольство демократическимъ «другомъ» нашимъ и вырывалось у насъ наружу, то опять же въ формѣ весьма и весьма осторожной, робкой, сдержанной, вполнѣ приличной.

— А Евлампія наша—особа довольно-таки...какъ тебѣ сказать?... довольно-таки напористая...—сообщала Бутова, хоть и сумрачно, но нехотя, нерѣшительно.

— Кажется, есть малость,—соглашалась я, тоже нехотя, уклончиво.

— Протяни ей только палецъ—она за всю руку ухватится и оторветъ.

— Оторветъ,—подтверждала я со вздохомъ скорбнымъ.

Но тотчасъ же обѣ мы и умолкали. Потому что,—согласитесь сами,—нельзя же женщинамъ просвѣщеннымъ, разсуждающимъ о высшемъ предназначеніи человѣка, подробно останавливаться хотя бы на томъ маленькомъ фактѣ, что Евлампія «жретъ» яблоки съ кожей и сожрала ихъ за разъ не одинъ, не два и даже не три, какъ приличествуетъ человѣку благопристойному, а цѣлый пятокъ!... Согласитесь сами, что разбирая «провинности» Евлампіи подробно и осуждая ее за эти провинности, мы тѣмъ самымъ осуждали бы самихъ себя, собственное свое мѣщанство, мелочность и вздорность душъ своихъ. А это не совсѣмъ-то пріятно...

Зато громко, во всеуслышаніе провозглашали мы тѣ качества Евлампіи, которыя провозглашать для насъ было не только не конфузно, а наоборотъ, весьма и весьма почтенно. Ибо все это характеризовало насъ съ самой лучшей стороны, которой, быть можетъ, мы въ дѣйствительности и не имѣли, но имѣть которую намъ, какъ мнѣ, такъ и Бутовой, хотѣлось страстно. А именно: способность къ бла-

городной идеализаціи, къ безкорыстному альтруизму, къ просвѣщенному демократизму, который—это мы прекрасно обѣ понимали,—всегда составлялъ, и въ особенности теперь составляетъ, неотъемлемую принадлежность самой настоящей, чистопробной интеллигентности... Мы же съ Бутовой всю жизнь свою грезили о «настоящемъ», о «неподдѣльномъ», хотя довольствовались до сихъ поръ только фальсификаціей...

Да... Такъ вотъ... Восторгались мы Евлампіей что называется «во всю». Иной разъ даже до геркулесовыхъ столбовъ раздували ея достоинства, изумлялись, восхищались, словомъ, хвастались ею даже до явной глупости, до неприличія...

— Удивительный экземпляръ дочери народа отыскали мы недавно!—такъ обыкновенно начинала свои восторги Бутова гдѣ-нибудь въ гостяхъ, на журфиксахъ, на именинахъ, на юбилейномъ обѣдѣ или на «засѣданіи», которыми такъ богата жизнь столичнаго интеллигента.—Понимаете? Простая, совершенно простая, малограмотная ремесленница, бѣлошвейка... когда-то, года полтора тому назадъ служила у насъ въ горничныхъ... немного служила, всего мѣсяца три, и тогда мы ее узнать и оцѣнить почему-то не успѣли... Теперь же мы буквально «открыли» ее, точно страну невѣдомую, и поражены!... Книги такъ и глотаетъ, такъ и глотаетъ!... Жажда знанія—чудовищная! Пониманіе прочитаннаго безподобное! память колоссальная! Натура богатая, сложная, разнообразная... При благопріятныхъ условіяхъ изъ нея вышло бы что-нибудь незаурядное: талантливая писательница, ученая, видная общественная дѣятельница...

Такъ говорила Бутова. А я поддакивала и тоже запальчиво, восторженно.

— Несомнѣнно! При благопріятныхъ условіяхъ изъ нея чортъ знаетъ что вышло бы!... Натура, дѣйствительно, изумительная. Умъ острый, пронзительный. Сердце чуткое, огневое. Темпераментъ яркій, колоритный. Гордость діавольская...

— И намъ остается одно только: расширять ея кругозоръ умственный все больше и больше. Просвѣщать ее, просвѣщать и просвѣщать!—вскрикивала Бутова, упоенная хвастливымъ восторгомъ своимъ до самозабвенія, до искренней готовности даже «пожертвовать всѣмъ, чѣмъ угодно», разъ этого потребуетъ наша просвѣтительная миссія.

Но къ счастію «миссія» никакихъ жертвъ отъ насъ не потребовала. Подпустивши «дочь народа» къ себѣ близко, мы старались объ одномъ только: какъ можно терпѣливѣе переносить ея присутствіе, какъ можно меньше раздражаться противъ ея «напористости» и «без-

а другой—жаль жакетки. Совершенно справедливо кто-то сказалъ по поводу исповѣди графа Толстого: «Можно признаться въ крупныхъ порокахъ, но не въ мелкихъ подлостяхъ. Можно, напримѣръ, сказать: я развратникъ, я пьяница, я жестокій и кровожадный. Но нельзя сказать—я укралъ три рубля». Такъ и мы съ Бутовой. Ни за что бы не признались мы, что Евлампія раздражала насъ не столько «безцеремонностью» своею, сколько тѣмъ, что нѣтъ-нѣтъ да и разворошитъ, словно кучу навозную, наши крохотные грѣшки: чистенькое, прилизанное, отшлифованное со всѣхъ сторонъ проблематическою «интеллигентностью» мѣщанство наше, тщательно скрываемое отъ всѣхъ и даже отъ самихъ себя; поганенькую скаредность нашу, мизерную разсчетливость, гнусненькую бережливость и вообще «порядливость», которая въ такомъ большомъ почетѣ у прирожденныхъ буржуазокъ.

И если временами это тайно скопленное недовольство демократическимъ «другомъ» нашимъ и вырывалось у насъ наружу, то опять же въ формѣ весьма и весьма осторожной, робкой, сдержанной, вполнѣ приличной.

— А Евлампія наша—особа довольно-таки...к акъ тебѣ сказать?... довольно-таки напористая...—сообщала Бутова, хоть и сумрачно, но нехотя, нерѣшительно.

— Кажется, есть малость,—соглашалась я, тоже нехотя, уклончиво.

— Протяни ей только палецъ—она за всю руку ухватится и оторветъ.

— Оторветъ,—подтверждала я со вздохомъ скорбнымъ.

Но тотчасъ же обѣ мы и умолкали. Потому что,—согласитесь сами,—нельзя же женщинамъ просвѣщеннымъ, разсуждающимъ о высшемъ предназначеніи человѣка, подробно останавливаться хотя бы на томъ маленькомъ фактѣ, что Евлампія «жретъ» яблоки съ кожей и сожрала ихъ за разъ не одинъ, не два и даже не три, какъ приличествуетъ человѣку благопристойному, а цѣлый пятокъ!... Согласитесь сами, что разбирая «провинности» Евлампіи подробно и осуждая ее за эти провинности, мы тѣмъ самымъ осуждали бы самихъ себя, собственное свое мѣщанство, мелочность и вздорность душъ своихъ. А это не совсѣмъ-то пріятно...

Зато громко, во всеуслышаніе провозглашали мы тѣ качества Евлампіи, которыя провозглашать для насъ было не только не конфузно, а наоборотъ, весьма и весьма почтенно. Ибо все это характеризовало насъ съ самой лучшей стороны, которой, быть можетъ, мы въ дѣйствительности и не имѣли, но имѣть которую намъ, какъ мнѣ такъ и Бутовой, хотѣлось страстно. А именно: способность къ

тянула обѣ руки въ сторону высокоуважаемой гостьи нашей, словно защитить ее собою хотѣла отъ неожиданнаго и жестокаго оскорбленія.

Евлампія же преспокойно встала, прошла въ переднюю, не спѣша одѣлась и крикнула намъ уже оттуда, голосомъ безпечнымъ до послѣдней степени, какъ будто ничего особеннаго и не произошло:

— Ну, я пошла, прощайте... Беру съ собой Чехова пьесы!

И вышла, громко стукнувъ дверью.

Разговору у насъ послѣ этого волненія было столько, что Бутова тогда же еще рѣшила выгнать изъ дому оригинальнаго «друга» нашего. Но выполнить эту рѣшительную мѣру помѣшала опять же интеллигентность.

— Въ самомъ дѣлѣ,—говорила Бутова послѣ того, какъ перебрала всѣ доводы за то, чтобы выгнать и наконецъ-таки нашла доводъ въ пользу подсудимой,—въ самомъ дѣлѣ, вѣдь обидно же, хоть кому: сидитъ человѣкъ за столомъ, какъ ровная, и вдругъ—«милая» и «налей-ка»!... Хотя бы ужъ «налейте», а то «налей-ка»!... Большая нетактичность со стороны Авдотьи Дмитріевны (имя уважаемой дамы). Большая нетактичность!...

— Дѣйствительно,—подтверждаю я.—Наши обезпеченные классы до сихъ поръ въ человѣкѣ рабочемъ, матеріально необезпеченномъ, видятъ черную кость, оттого и «тычатъ».

— Тѣмъ не менѣе въ своемъ домѣ допустить подобныя сцены мы не можемъ,—строго сказала Бутова.—Согласитесь, что вѣдь это же непріятно. И дикаря этого, Евлампію, проучить надо: слишкомъ зазналась... Пословица говоритъ: «Посади свинью за столъ, она и лапы на столъ». Слишкомъ зазналась... Конечно, отказать ей отъ дома совсѣмъ было бы очень ужъ круто съ нашей стороны, жестоко, негуманно... И лучше всего держаться съ ней посуше, она тогда и пойметъ...

И вотъ мы стали держаться съ Евлампіей «посуше», т.-е. совсѣмъ ужъ бездушно, безъ тѣни участія, даже безъ тѣни интереса къ ней. А Евлампія и тутъ осталась сама собою: не только не смирилась, не «исправилась» и не «научилась», какъ надѣялась Бутова а наоборотъ, уже сама отшвырнула насъ съ Бутовой отъ себя, какъ негодную ветошь, «дала намъ отставку», какъ язвительно подшучиваетъ надъ нами студентъ Усовъ.

Этимъ новымъ «взрывомъ низости» Евлампіи Бутова возмущена до послѣдней степени, рветъ и мечетъ противъ «твари неблагодарной»... А мнѣ только стыдно... Ужасно, невыразимо, мучительно стыдно! И что всего удивительнѣе, такъ это то, что у меня на Евлампію никакого зла нѣту... наоборотъ, почему-то именно теперь стало

даже жалко бывшаго «друга» нашего, жаль нашихъ прошлыхъ отношеній... И стыдъ мой увеличивается именно запоздалостью этого моего сострадательнаго хорошаго чувства, его теперешней ненужностью. Вѣдь все ужъ теперь кончено. Евлампія больше къ намъ не вернется. Чего же жалѣть и самоугрызаться?... Однако жалѣю и самоугрызаюсь и тѣмъ самымъ презираю себя еще даже сильнѣе, чѣмъ за то же самое презираетъ меня разгнѣванная пріятельница моя Бутова.

II.

Вотъ что произошло ровно недѣлю тому назадъ. Пришла къ намъ Евлампія не въ субботу, а въ четвергъ, и не вечеромъ, а среди бѣла дня и объявила:

— Ну, я пошабашила... Слободная пташка... Гуляй теперь Маша—воля наша!

И захохотала надсадистымъ, вымученнымъ смѣхомъ.

— Что такое?—изумленно въ одинъ голосъ спросили мы обѣ, я и Бутова, на этотъ разъ измѣнивъ педагогическому тону своему, сухому и безучастному.

— Да, хозяинъ мой, панъ полякъ, вчера поутру отставку мнѣ вынесъ. Ступай, говоритъ, Евлампія Бабакина, на всѣ четыре стороны!... Куда хочешь—туда и иди: я, говоритъ, не препятствую... Ха-ха-ха! Ловко?...

Она опять засмѣялась, ударивъ себя по бедрамъ ухарскимъ, вульгарнымъ жестомъ, отъ котораго эстетка Бутова страдальчески поморщилась.

— «Вы, говоритъ, Евлампія Бабакина,—продолжала она, вѣжливо-ядовитой интонаціей, злобно поблескивая глазами,—мастерица недурная... весьма даже хорошая мастерица, но языкъ вашъ—врагъ вашъ. По причинѣ той, что мутите вы народъ мастеровой, безпремѣнно вамъ уходить надобно. Не потерплю, говоритъ, чтобы вы народъ супротивъ начальства оружали».—Супротивъ какого же это начальства?—спрашиваю.—«А, говоритъ, супротивъ ближайшаго. Какъ есть я самый ближайшій начальникъ вашъ, то и долженъ говоръ имѣть, почетъ себѣ и уваженіе. Вы же, Евлампія Бабакина, вчерашній день кастили меня въ мастерской при всемъ честномъ народѣ—на чемъ свѣтъ стоитъ».—Кастила, говорю, Станиславъ Казиміровичъ, что правда, то правда.—«Называли сволочью?»—Называла, отвѣчаю.—«И мышинымъ жеребцомъ».—Такъ точно, говорю.—«Подлецомъ и развратникомъ?»—Совершенно, говорю, вѣрныя слова ваши. Подлецъ вы есть и развратникъ, воръ и грабитель, самый на-

стоящій. Потому,—объясняю ему дальше мысли свои,—что развращаете вы мастериць. Племянниць своихъ родныхъ, дѣвченокъ молоденькихъ насовсѣмъ даже невинности лишили, а на насъ, на всѣхъ, ровно псъ цѣпной, набрасываетесь по темнымъ коридорамъ, да по закоулочкамъ, поцѣлуями слюнявыми своими рожи наши пачкаете. А еще кромѣ того въ мастерскую приносите портреты непотребные, съ бабами голыми и показываете всѣмъ вмѣстѣ и порознь каждой, единственно ради разврата души и воображенія. Жалованіе намъ не полна отдаете, крадете копейки наши кровныя, штрафуете да обсчитываете... содержите насъ, ровно свиней въ хлѣву, въ грязищѣ да въ вонищѣ, отъ которой въ носу даже колетъ. Люди вонъ, говорятъ, что вы даже храмъ Божій объегорили, когда управляющимъ костелато вашего были, цапнули оттуда пять сотенокъ, да открыли мастерскую божественныхъ предметовъ... И выходитъ, значитъ, что эксплоататоръ вы есть самый настоящій и воръ, и старый гадъ, хошь и начальникъ вы нашъ и вѣрный слуга «ойтэчеству»... Какъ я его?... Ха-ха-ха!... Ну, какъ же я его разожгла!...

Евлампія восхищенно покрутила головой, разсмѣялась сладостно, и блѣдное, злое лицо ея на секунду даже подобрѣло: такъ было пріятно сердцу ея воспоминаніе о томъ, какъ она пана «разожгла».

— Кэ-э-экъ завизжитъ это онъ,—продолжала она радостно, каждою чертою лица своего выражая удовольствіе,—да кэ-э-экъ затопочетъ ножками, да затряс-е-е-тся... даже посинѣлъ отъ злости и слюна изо рта, какъ у собаки бѣшеной... «Каторжанка!—кричитъ.—Лайдачка... Вонъ отсюда!...» Но я, конешно, не сейчасъ-то «вонъ», не изъ пужливыхъ... Повернулась къ дѣвушкамъ да и спрашиваю: «Что же вы, дѣвушки, слова-то мои не подтвердите? Али не правду сказала? Али сами вы не въ такихъ же точно мысляхъ, какъ и я? Чего же молчите-то? А дѣвушки...

Евлампія громко, остервенѣло сплюнула на сторону, и длинное бѣлое лицо ея отъ новаго притока злости стало еще бѣлѣе и длиннѣе, словно разомъ похудѣло.

— Мокрицы оказались дѣвушки-то, а не люди,—угрюмой скороговоркой продолжала она,—сидятъ это надъ позументами своими и молчатъ, ровно воды въ ротъ набрали. Такъ бы я ихъ всѣхъ въ голубки-то ихнія кроткія, наклоненныя долбонула чѣмъ ни на есть... Дрянь—человѣкъ!... Топчись по немъ, ходи грязными сапогами по сердцу его, плюй въ душу ему, ровно въ лохань поганую, а онъ все молчитъ, все терпитъ... Дрянь—человѣкъ!...

Она гнѣвно раздула ноздри толстаго носа и засверкала глазами еще злѣе, совсѣмъ уже по-волчьи.

— Ушла я отъ нихъ вчера,—начала она, то и дѣло вздрагивая отъ возбужденія,—и жалко мнѣ теперь вотъ, что не накуралесила, какъ слѣдуетъ... было бы мнѣ Портъ-Артуръ устроить... да право!... Либо пану въ рожу плюнуть, либо супругѣ его толстой плюху влѣпить, либо дочку ихнюю золотушную, что «барышней» приказала себя величать, за косу схватить, намотать бы косу на руку, да въ Москву-рѣку, въ прорубь...

— Вы съ ума сошли, Евлампія,—подала, наконецъ, голосъ Бутова, и при томъ голосъ возмущенный, строгій.—Ну, можно ли такъ злиться?

— Конечно, не стоитъ такъ волноваться,—подхватила я нѣсколько дружелюбнѣе, желая какъ-нибудь утѣшить Евлампію.—Охота себѣ кровь портить!... И изъ-за чего?... Мастерскихъ пропасть! Не у пана Піотровскаго—у другого кого. Есть о чемъ жалѣть,—заключила я уже совсѣмъ безпечно-ободряюще.

— Да я нешто жалѣю?—вскрикнула Евлампія не своимъ голосомъ, высокимъ и рѣзкимъ, порывистымъ жестомъ хватаясь за грудь, словно мы съ Бутовой замѣчаніями своими прямо по сердцу ее ударили.—Да я нешто объ мѣстѣ жалѣю, объ заработкѣ?

Она всплеснула руками, остановилась посреди комнаты и смѣрила насъ взглядомъ такого удивленнаго, даже до ужаса удивленнаго презрѣнія, какъ будто бы впервые видала насъ и поражалась знакомству своему съ нами.

— Ничего-то вы не понимаете!... Ахъ, ничего-то!—закричала она отчаянно, покачивая головою изъ стороны въ сторону съ видомъ полной безнадежности. И продолжая ураганомъ носиться по комнатѣ, выкрикивала:—Ничего не понимаете объ жизни, объ настоящемъ, живомъ горѣ людскомъ, живой, взаправдишной обидѣ сердца, а не бумажной только, не книжной!...

— Да я, можетъ, вотъ сейчасъ о мѣстѣ, о кускѣ хлѣба и не думаю совсѣмъ!—наскакивала она на насъ по очереди, то на Бутову, то на меня.

И когда подбѣгала и останавливалась передъ нами, съ горящими, прыгающими глазами, блѣдная и остролицая, и дышала на насъ дыханіемъ жаркимъ, лихорадочнымъ, то мы съ Бутовой инстинктивно пятились назадъ, какъ отъ сумасшедшей, затыкали уши пальцами и закрывали глаза.

— Можетъ, я и къ вамъ-то вотъ пришла ноньче затѣмъ только, чтобы отъ благодѣяній вашихъ ослобониться, отъ милостыни нищенской... Можетъ, окончательно, разъ и навсегда ослобониться желаю отъ рабства своего треклятаго... А вы мнѣ объ мѣстѣ!... Да чортъ

съ нимъ и съ мѣстомъ этимъ самымъ!... Я можетъ, не объ томъ совсѣмъ сейчасъ и думаю, а вотъ о чемъ: измучили вы меня всѣ, вотъ что!... Даже и вы, и вы обѣ, благодѣтельницы мои прекрасныя, снисхожденіемъ своимъ барскимъ измучили вы меня, состраданіемъ, будь оно трижды анаѳема проклято!... Потому—человѣкъ я есть, а не нищенка только, чтобы вы меня все только милостынкой сожалѣли, да поучали меня благоразумію, да манерамъ хорошимъ, да кротости, да терпѣнію... Я, можетъ, сейчасъ правовъ своихъ человѣческихъ хочу... вотъ что!... Хочу, чтобы вы во мнѣ равную вамъ признали, а вы мнѣ—наставленія, да поученія!... Мастер-ску-у-ю!—тянула она манерно, кривляясь и гримасничая безобразно, стараясь и голосомъ и лицомъ подражать то Бутовой, то мнѣ.—Думаете—мужичка Евлашка, нищенка необразованная, бѣлошвейка горемычная, такъ ничего ей окромя мастерской и не надо? Намъ, молъ, господамъ, подавай все, что ни на есть отличное, распрекрасное: дворцы да чертоги расписные, шелки да бархаты (она взмахнула обѣими руками, широкимъ жестомъ показывая на «шелки и бархатъ» нашей гостиной съ декадентскими обоями), а ей, нищенкѣ, и мастерской довольно... Чего тамъ. Намъ, вотъ, цвѣты подавай душистые (она подскочила къ цвѣтущимъ гіацинтамъ и тюльпанамъ, струившимъ нѣжный ароматъ, и злобно ткнула кулакомъ въ голубую съ золотомъ корзину ихъ), да музыку, да театры, да кавалеровъ образованныхъ, а ей и подвала довольно... хлѣвъ свиной, вонь да грязь, а на мѣсто людей—гадовъ развратныхъ, да мокрицъ шелудивыхъ... Сойдетъ, таковская!...

Она передохнула на секунду и опять набросилась на Бутову, какъ изступленная.

— Да я, можетъ, красоты-то этой вашей, о которой вы такъ преотлично разсуждаете, желаю даже еще жаднѣе вашего, еще ненасытнѣе?—вскрикнула она съ вызовомъ, горделиво пріосанясь, закинувъ голову надменно и глядя на Бутову сверху внизъ взглядомъ распаленнаго бѣшенаго высокомѣрія.—Во снѣ, по ночамъ, знаете какія мнѣ чудеса снятся? Выше всѣхъ я васъ будто бы поднялася, вотъ что! Выше палатъ вашихъ каменныхъ, дворцовъ да башенъ, ровно птица огромадная надъ землею взвивается... Надъ всѣми вами по подребесью, точно въ морѣ голубомъ, плаваю... А вы мнѣ—мастерскую!... Ха-ха-ха!... Ничего-то вы объ душѣ человѣческой не понимаете... Ну, ничевошеньки!...

Отъ злого, вульгарнаго крика ея Бутова то и дѣло закрывала глаза и страдальчески за виски хваталась, но почему-то молчала точно также, какъ и я. Наконецъ, поднялась и сказала съ преувеличеннымъ достоинствомъ и выдержкой:

— Не понимаю, Евлампія, чего вы отъ насъ, собственно, хотите. Это выходитъ просто-напросто уже нахально съ вашей стороны. И если мы и прощали вамъ многое, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ...

Но бѣдной Бутовой не пришлось договорить. Евлампія прямо раздавила ее своимъ неистовымъ дьявольскимъ хохотомъ. Такъ и заржала на весь домъ, хватаясь за бока, то завывая дико, то потрясая воздухъ неестественно-низкими, для женскаго голоса, басовыми раскатами.

— О-го-го-го!... Про-о-ща-а-ли!... Бла-а-даримъ покорно за снисхожденіе, за то, что прощали... По гробъ жизни не забуду... Премного бла-а-дарна!...

Она хохотала и раскланивалась шутовскими поклонами то передъ Бутовой, то передо мной. Но вдругъ смолкла, разомъ обрывая сатанинскій хохотъ свой.

— А знаете, что? Я вотъ сама отъ васъ обѣихъ отрекаюсь, да-съ!—объявила она хоть и тихо, но въ настоящемъ восторгѣ отъ словъ своихъ.—Да, да!... Сама отрекаюсь! Потому не люди и вы тоже, а вродѣ какъ бы ублюдки человѣческіе, недодѣлки несчастныя... Что у васъ хорошее, даже отличное, благородное и высокое—то не ваше, книжное!... А что ваше—то плюгавенькое, да лицемѣрненькое, трусливое, да маленькое. Ровно куклы наколочены вы разною трухою книжною, а души-то настоящей и нѣту!...

— Перестаньте!... Скажи ей, чтобы она перестала!—уже внѣ себя отъ бѣшенства, теряя всякое терпѣніе, закричала Бутова, обращаясь ко мнѣ. И не выдержавъ, бросилась стремглавъ изъ столовой въ спальню.

Я было пыталась Евлампію остановить, но изъ попытокъ моихъ ничего не вышло. Да по правдѣ сказать, и хотѣлось мнѣ дослушать ее до конца, какое-то странное, больное любопытство меня разжигало, какая-то больная жажда услышать о насъ именно то, что всячески скрывали мы не только другъ отъ друга, но даже и отъ самихъ себя.

— Небойсь, знаю, какъ вы евреямъ-то Кишиневскимъ помогали!...—кричала Евлампія Бутовой вслѣдъ, оскаливъ зубы злорадно, подскочивъ къ самой двери, чтобы Бутова услышала все отъ слова до слова.—Учительница-то, ваша пріятельница, сама мнѣ разсказывала, какъ это вы вызвались портретъ нарисовать умершей матери ея. И нарисовавши, благородно отъ денегъ отказались. «Не беру, молъ, съ труженицъ—денегъ». А потомъ записку пишете. «Деньги, отъ которыхъ я отказалась, прошу передать несчастнымъ братьямъ нашимъ евреямъ»... Ха-ха-ха!... И въ первомъ случаѣ, когда отъ

денегъ отказалися—вышло благородно... И во-второмъ, когда тѣ же деньги потребовали обратно—тоже благородно... даже еще благороднѣе перваго раза, потому—«несчастные евреи»!... «братья наши пострадавшіе»!... Эхъ, вы, лицемѣры!... Комедіанты жалостливые!... Лоскутныя души ваши, пестренькія!... Ничего-то цѣльнаго, все кусочки, да лохмоточки... И хочется, и колется, и маменька не велитъ... И добродѣтель-то, и народолюбіе, и денежекъ жалко, и «другъ мой Евлампія» и въ то же время друга этого презираете, ровно собаку какую... Прекрасныя дамы, ваши знакомыя, «друга» этого самаго обходятъ, точно прокаженнаго, руку брезгуютъ подавать... А вы все—«народъ», «народъ»!... А что народъ, и сами не знаете!... Ровно попугаи слова разныя болтаете, а какой смыслъ, и не тямите... Такъ себѣ, шалды-балды!... Нынче—народъ, завтра—докторъ Штокманъ, послѣ завтра—клубъ, а тамъ—ужинъ у Тѣстова, оно время-то незамѣтно и проходитъ!... Только и всего!...

Теперь она бросала колючія, ядовитыя слова свои, точно стрѣлы отравленныя, уже мнѣ одной, опять то подлетая ко мнѣ, то отскакивая. И все время лицо ея выражало вмѣстѣ съ сумасшедшимъ возбужденіемъ еще и самодовольное торжество и веселое злорадство побѣдителя.

Издѣваясь надъ нами, она положительно упивалась дерзостью своею, чувствовала себя настоящей героиней. Удальствомъ и злымъ, надменнымъ высокомѣріемъ дышало все существо ея. Съ каждой оскорбительной фразой она какъ бы освобождалась отъ долгаго униженія передъ нами, отъ долгаго рабства своего. И свободу эту впивала въ себя, какъ величайшее блаженство, которое видимо хотѣлось ей длить и длить безъ конца.

— А какъ вы курсисткѣ-то голодной помогали,—вспомнила она вдругъ ни съ того, ни съ сего, единственно, вѣроятно, потому только, чтобы ударить насъ побольнѣе, швырнуть намъ въ лицо все, что только знала о насъ позорнаго, конфузнаго, дрянного.

— Одеженку курсисткѣ послать надо было... И до чего же вы тогда долго обсуждали!... ужасти до чего долго!... ха-ха-ха!—захохотала она, какъ бѣсъ.

А я рванулась съ своего мѣста, бросилась къ окну и повернулась к ней спиною.

Исторія съ курсисткой хоть и не ко мнѣ лично относилась, а цѣлкомъ къ Бутовой,—но все же услышать эту конфузную исторію изъ устъ Евлампіи было и мнѣ даже невыносимо... И я, прислонивши лбомъ къ стеклу, стала пристально вглядываться въ прохожихъ

и проѣзжихъ по улицѣ, дѣлая видъ, что не слушаю. А Евлампія уже опять очутилась подлѣ меня со своей насмѣшливой злобной рожей.

— Курсистка-то изъ бѣдненькихъ... сиротка несчастная, а между прочимъ ребеночка родила, а отъ любовника сбѣжала... такъ что осталась раба Божія на бобахъ: ни жрать нечего, ни одѣться не во что... Вотъ и обратилась къ художницѣ-то вашей, дескать пособи, пропадомъ пропадаю... И начались обсужденія!... что бы такое послать... Ахъ, что бы это такое!... Одно платье негодится потому, что шелковое; другое потому, что бархатное. Третье—дюже нарядное. Четвертое—дюже парадное. Одна мантилька самой художницѣ ндравится и потому отдать ее никакъ невозможно. Другая ндравится студенту Усову, третья—тетенькѣ, четвертая—дяденькѣ... Ха-ха-ха!... Ну, горе да и только!... Никакъ не сообразишься, одежи пропасть, всѣ шкапы завѣшены, поди-ка, сообразись тутъ, когда всего пропасть!... Наконецъ, того рѣшили: послать драповую кофточку... Ахъ-ха-ха-ха!... Умора, побей меня Богъ!... И откеда только достали такую?... Видно, бабушка еще носила: вся нафталиномъ продушенная, да камфорою, да еще чѣмъ-то кислымъ, ужъ и не поймешь... И молью источена... Глянешь на свѣтъ—ровно рѣшето!... побей меня Богъ!... Ха-ха-ха!... И какого цвѣта—тоже не поймешь: не то зеленаго, не то желтаго. «На, гритъ, Евлампія, другъ мой, спеси бѣдной курсисткѣ... Пусть себѣ щеголяетъ на здоровье»... Взяла я помню, вышла на улицу, да и упала на тумбу: чуть не лопнула отъ смѣха!

Я повернулась, чтобы выйти изъ комнаты. Но Евлампія схватила меня за рукавъ и опять я стала слушать, несмотря на жгучій стыдъ.

— Нѣтъ, вы послушайте, что дальше-то было!—нагло прыгала она передо мной.—Пришла это я къ курсисткѣ, развернула кофту, тряхнула, а моль тучею!... такъ надъ башками нашими и взвилась!... «Хороша, спрашиваю, вещица?» А курсистка тоже, какъ и я, ржетъ... Сиротка, сиротка, а надсмѣшница здоровая! «Хороша, говоритъ. Шутница, говоритъ, ваша художница»...—«Шутница»—согласилась и я.—«Что-жъ, спрашиваю, примаете подарокъ?»... «А какъ, говоритъ, вы полагаете?»—«Да вотъ, говорю, какъ: садитесь и напишите письмо: «Кофту, молъ, примаю, но носить ее не стану, потому—жалко, ужъ очень рѣдкостное сокровище. До того рѣдкостное, что завтра же снесу въ музей, что подлѣ Иверской, тамъ всякія рѣдкости сохраняются». Такъ я ей посовѣтовала...

— Такъ это, значитъ, ваши штуки были?—вскрикнула я, вспомнивъ, что именно такое письмо получила отъ курсистки Бутова.

— Мои штуки,—съ гордостью подтвердила Евлампія.

— И послѣ этого вы все же продолжали ходить къ намъ въ домъ?

— Продолжала... потому интересны мнѣ были ваши разговоры, да и сами вы не такъ ужъ противны... терпѣть было можно пока что,—цинично объяснила она.—Ну, а теперь—шабашъ! Надоѣли вы мнѣ до чертей!... Пойду, вотъ, и можетъ пропаду пропадомъ, а снисхожденія вашего барскаго больше не потерплю!... Шабашъ!...— закончила она грозно, но въ то же время и лихо, съ сумасшедшей удалью, вызывающе тряхнувъ башкой.

Затѣмъ нелѣпо расшаркалась, сдѣлала нелѣпый жестъ въ воздухѣ, злобно разсмѣялась, выскочила въ переднюю и исчезла навсегда, хлопнувъ дверью такъ, что штукатурка на потолкѣ отскочила и упала на подзеркальникъ.

И вотъ уже съ недѣлю ея нѣту...

И уже съ недѣлю совѣсть мою скребетъ какая-то мышь... Мнѣ не только стыдно за самое себя, но еще и больно за Евлампію, жаль ее ужасно, но только на этотъ разъ жаль уже не отвлеченною, теоретическою жалостью «просвѣщенной интеллигентки къ дочери народа», а настоящею живою жалостью живого сердца, уязвленнаго сознаніемъ собственной неправоты своей. И я все спрашиваю: что будетъ съ этой неистовой женщиной, мечтательной и фантастичной, жаждущей счастія до изступленія и униженной жестокой, грубой жизнью, оскорбленной до звѣриной злости?... Что будетъ съ ней? Пропадетъ она или какъ-нибудь выбьется на дорогу?

Вчера студентъ Усовъ на мой тревожный вопросъ: пропадетъ Евлампія или нѣтъ?—такъ сказалъ: «Ни за что не пропадетъ. Ибо зла она, потому что черезчуръ жадна до жизни. А разъ жадна, то будетъ жить и воевать, и страдать, и тѣмъ самымъ выполнять предначертанія современности... Ужасно нужны сейчасъ міру злые!... Большой спросъ у современнаго человѣчества на злыхъ, дерзкихъ и жадныхъ... Ни за что не пропадетъ!»...

Но отъ этихъ «ницшеанскихъ» доводовъ студента Усова мнѣ все же не легче. Совѣсть мою все скребетъ мышь, которую Бутова называетъ «мышью альтруизма»... Скверная мышь, увѣряю васъ!... Очень нудная, надоѣдливая мышь...

А. Крандіевская.

* * *

Какъ грёзы, волшебные звуки
Въ невѣдомомъ мірѣ витали
И тихо вдали замирали,
Исполнены счастья и муки...
Въ нихъ слышался откликъ страданья,
Въ нихъ шепотъ любви безнадежной
Молилъ о минутномъ свиданьи,
Молилъ о мечтѣ невозможной...
Какъ волны, волшебные звуки
Росли, опѣнялись, вставали,
Грозили и вновь замирали,
Исполнены скорби и муки...
Проклятье то женщинѣ лживой,
То ропотъ души оскорбленной,
Обманутой, снова влюбленной,
И въ самомъ несчастьи счастливой...
И грёзы, какъ волны неслися,
А волны, какъ грёзы, вставали,
И звуки навѣкъ замирали,
И слезы о счастьи лилися...

А. Тулубьевъ.

БАБЬЯ ДЕРЕВНЯ.

Романъ изъ крестьянской жизни. Клары Фибигъ.

(Переводъ съ нѣмецкаго.)

Топъ, топъ, топъ... Гулко отдавались шаги по каменной дорогѣ. Шли мужики цѣлою толпою; а вотъ еще толпа, и нѣсколько поодаль—третья. Мужики съ потными лбами, въ пыльныхъ сапогахъ, съ красными лицами, ярко пылающими отъ поспѣшной ходьбы и зноя лѣтняго дня. У каждаго на плечѣ палка съ узломъ, а нѣкоторые попарно тащатъ сундучки; у всѣхъ карманы городскихъ праздничныхъ куртокъ набиты такъ, что чуть не рвутся.

Вотъ они остановились передохнуть на возвышенности Шварценборна.

Вонъ, внизу, тянется долина Зальмы: узкая, зеленая, прелестная! Свѣтлая Зальма змѣится серебряною лентою; тамъ, у послѣдняго плеса, торчатъ развалины Химмеродскаго монастыря, а тутъ, какъ разъ подъ ногами,—кажется бы, камнемъ дошвырнулъ,—виденъ Эйфельшмитъ: они дома, дома!

Лучъ радости скользнулъ по разгоряченнымъ лицамъ, глубокій вздохъ приподнялъ подъ сиятою рубашкою грудь каждаго путника. Быстро сорвали всѣ шляпы съ головъ и, замахавъ ими, крикнули:

— Ура! Ау! Мы дома!

Одинъ изъ младшихъ, стройный парень съ букетикомъ полевыхъ цвѣтовъ на шляпѣ, запѣлъ пѣсню; онъ выкрикивалъ каждую ноту изо всѣхъ силъ, и его звонкій, нѣсколько шероховатый теноръ полился черезъ горный кряжъ могучими волнами звуковъ. Внизу, въ долинѣ, пробудилось эхо. Это доставило ему удовольствіе. Онъ сталъ тянуть одну ноту, безъ конца, не ослабѣвая; мускулы на шеѣ напряглись, лицо стало синебагровымъ, глаза выпучились, а онъ все тянулъ.

Остальные восхищались:

— Вотъ молодецъ!

Тянулъ, тянулъ, вдругъ—трахъ! Звукъ оборвался. Изъ оскорбленнаго тщеславія парень попробовалъ еще разъ, но голосъ уже не повиновался.

— Попала крошка въ горло, какъ говорится въ Кёльнѣ. Ха-ха! Крошка въ горло!—Мужики засмѣялись.

Пѣвецъ покраснѣлъ отъ досады и сталъ усиленно откашливаться.

— Да полно тебѣ!—успокоительно сказалъ одинъ изъ старшихъ, дружески хлопнувъ его по плечу.—Заткни глотку, парень! Брось свое упрямство! Голосомъ нельзя помыкать: это не машина, да и не баба.—А затѣмъ, подмигнувъ, прибавилъ:—Какъ думаешь Лаврентій: ждетъ тебя нынче Ленцова Варька?

— Варюшка-то? — Быстро утѣшившись, Лаврентій обнажилъ свои безукоризненные зубы.—Ополоумѣетъ отъ радости. Онѣ думаютъ, что мы придемъ только завтра!—Онъ хлопнулъ себя по ляжкамъ.—Ура! То-то будетъ дѣло! Съ самаго Рождества, полгода просидѣть безъ душеньки!... Оно не весело!

— Да не весело-таки.

Всѣми овладѣла нѣкоторая растроганность: каждый думалъ о той, которая бросится къ нему въ объятія. Женатые вспомнили о женахъ, холостые о дѣвушкахъ, которыхъ горячѣе прочихъ цѣловали на послѣдней побывкѣ, на Рождествѣ, горячо цѣловали на холодномъ снѣгу. А теперь вѣдь было лѣто. Долго же имъ привелось попоститься.

То-то будетъ радость! Всѣ гордо вскинули голову: вѣдь они несли съ собою счастіе. Поспѣшно брошенъ былъ еще взглядъ внизъ, въ заволакивающуюся сумракомъ долину. Тамъ ждали ихъ избы, залитыя кроткимъ свѣтомъ вечера. Легкій дымокъ курился надъ родными очагами. Тамъ мечтательно нѣжились лужайки, а кусты на лѣсной опушкѣ прельщали безмолвіемъ и мракомъ.

Что-то донеслось наверхъ: оно прилетѣло вмѣстѣ съ вѣтромъ и зашепталось въ травѣ; воздухъ льнулъ нѣжно и ласково; вокругъ ручья поднялись полосы тумана, точно манящія вѣнчальныя фаты, деревья раскрывали свои вѣтвистыя объятія. Вотъ тамъ, здѣсь, тутъ сверкнули огоньки—блѣдныя звѣзды, тоскующія очи въ одинокихъ комнатахъ.

Никого не видно было на распаханномъ склонѣ. Все молчало точно вымерло.

— Эй, впередъ! Тутъ еще рано спать ложиться. Ну, трогай! Двигай, ну!...

Одинъ изъ путниковъ приложилъ руки трубою ко рту и загудѣлъ, а потомъ весело подбросилъ свой узелокъ.

— Лаврентій, Осипъ, Матвѣй, Ваня! Кто первый будетъ внизу? Дуй впередъ, валяй живѣе!

Быстро, какъ стрѣлы, парни бросились внизъ, пренебрегая извилистой дорогой и даже стараясь сократить тропинки. Съ гуломъ и грохотомъ покатились за ними потревоженные камни. И болѣе солидные путники прибавили шагу: всѣми овладѣло внезапное нетерпѣніе; кровь уже не катилась въ жилахъ спокойно, а бѣжала тревожно и ударяла въ голову.

Ярче и ярче вспыхивали внизу огоньки, бросая привѣтливый свѣтъ изъ узенькихъ окошекъ. Скорѣе, скорѣе! Нѣжное чириканье птичекъ послышалось изъ гнѣзда. Мимо! Прямо сквозь кустарникъ! Вотъ и бѣлая домашняя кошечка сидитъ, точно сторожъ. Она не кинулась прочь, а съ мурлыканьемъ потерлась бархатистой головкой о ласкающія руки. Но задерживаться некогда, дома ждутъ.

Склонъ горы кишѣлъ темными слѣзающими фигурами. Вотъ и послѣдній уступъ,—они покатились, заскользили, запрыгали,—деревня была совсѣмъ близко, и мелодичнымъ показалось имъ коровье мычанье, точно тоскливый, протяжный призывъ любви.

Еще хорошенько не отдышавшись, Лаврентій раскатисто запѣлъ пѣсню, которую на этотъ разъ подхватили всѣ:

«Этой ночью мы придемъ,—
Душечки мои!
Всѣхъ ли васъ въ живыхъ найдемъ?—
Душечки мои!»

Вотъ и первая изба!

«Встань, голубка, насъ встрѣчай!—
Душечки мои!...
Дверь живѣе отворяй,—
Душечки мои!...»

Все громче становилась пѣсня; звуки наростали и точно обгоняли другъ друга:

«Коль неласковъ твой пріемъ,
Чѣмъ донять тебя найдемъ!...»

Вдругъ раздалось звонкое восклицаніе:

— Іисусе! Наши мужики!

Дверь первой избы распахнулась. Оттуда выскочила женщина въ [illegible]ой юбкѣ и полураздетнутомъ лифѣ, однимъ прыжкомъ очути-

лась среди новоприбывшихъ, растерянно оглядѣлась, взвизгнула и повисла у одного изъ нихъ на шеѣ.

— Господи! Губертъ, вѣдь это ты! Ну, пойдемъ домой, пойдемъ! Ужъ какъ я тебя ждала!... День и ночь! Одному Богу извѣстно!... Слава Пресвятой Богородицѣ!—она перекрестила себя и его.—Дѣти, дѣти!—крикнула она въ дверь.—Скорѣе вставайте, тятя пришелъ!— Она утащила за собой мужа, который едва успѣлъ кивнуть товарищамъ, держа его за рукавъ такъ крѣпко, точно боялась, что онъ сейчасъ куда-нибудь дѣнется. Эта баба, съ морщинистымъ лицомъ, обвисшею грудью и недочетомъ въ зубахъ, выказывала пылъ двадцатилѣтней молодки.

— Они здѣсь, они здѣсь!—Одинъ этотъ возгласъ вдругъ оживилъ всѣ избы, освѣтилъ всѣ окна, растворилъ всѣ двери. Дѣти, босыя и въ рубашкахъ, прямо изъ постелей очутились на порогахъ. Женщины и дѣвушки бѣжали по улицѣ. Нѣжный вѣтерокъ лѣтней ночи развѣвалъ ихъ полураспущенные волосы и торопливо наброшенныя платья. Передъ стойлами, во дворахъ, замелькали фонари. Въ трактирѣ зажглись всѣ лампы; Петръ Крумшейдъ поспѣшилъ сойти въ погребъ и тамъ буравилъ бочку. Улица наполнилась людьми, которые взялись неизвѣстно откуда, будто по волшебству, и всѣ обступили вновь прибывшихъ. Поднялся гулъ, хохотъ, крикъ:

— Они здѣсь, они здѣсь!

Лаврентій Шнейдеръ стоялъ на углу, у камня, отъ котораго шелъ узкій темный проходъ сначала между хлѣвами, потомъ между заборами. Здѣсь ничто не шевелилось. А улица такъ и горѣла свѣтомъ изъ открытыхъ дверей и оконъ. Всѣ, кого онъ зналъ, толпились тутъ, взволнованно смѣясь и болтая; жены подхватили мужей подъ руки; дѣвушки встрѣчали суженыхъ.

Онъ продолжалъ внимательно осматриваться и отъ разочарованія тихонько ругался: «Чортъ возьми, гдѣ же это Варюшка? Неужто такъ крѣпко спитъ, что и шума не слышитъ? Неужто ему измѣнила?...» Тутъ онъ не могъ не засмѣяться, потому что откуда бы здѣсь взялся мужчина, ради котораго стоило бы забыть его?! Онъ сердился, чего она не идетъ? Неужели ему о ней спрашивать?

Передъ трактиромъ выстроились въ рядъ совсѣмъ молоденькія дѣвочки, вчерашніе подростки; съ любопытствомъ и не безъ зависти наблюдали онѣ, какъ старшія сестры и подруги расходились со своими сужеными. Глаза у нихъ сверкали, губы такъ и разъѣзжались. Онѣ затолкали другъ друга локтями и захихикали, когда Лаврентій посмотрѣлъ на нихъ.

Покручивая усы, онъ подошелъ къ нимъ. Хихиканье стало громче

— Добраго вечера вамъ, дѣвочки!

— Здравствуй, Лаврентій,—смѣло сказала одна.

— Христя?—спросилъ онъ съ удивленіемъ. На Рождествѣ она была еще дѣвчонкой, а теперь надѣла длинную юбку и смотрѣла на него дерзкимъ, безсознательно вожделѣющимъ взоромъ.—Развѣ Варюшка ужъ не здѣсь?—спросилъ онъ поспѣшно.—Ленцова Варька?

Христя, смѣясь, обнажила бѣлые зубы.

— Не знаю.

Она шаловливо подмигнула товаркамъ, и онъ почувствовалъ, что его взяли за руку, крѣпко жмутъ и не пускаютъ. Въ одну минуту его окружили дѣвчонки; онъ съ Христей очутился по серединѣ, а прочія хороводомъ скакали вокругъ нихъ, рѣзвясь точно козлята.

— Глупости! Пустите!

Онъ съ досадою попытался освободиться.

— Трахъ-тарарахъ!

Христя прищелкнула пальцами и тотчасъ же опять въ него вцѣпилась; дѣвичьи тѣла стѣною загораживали ему путь.

— Шнейдеровъ Лаврентій, смотри-ка сюда! Шнейдеровъ Лаврентій! Ха-ха-ха-ха!...

Онѣ хохотали, какъ полоумныя. У парня замелькало въ глазахъ и зазвенѣло въ ушахъ. Его дергали туда и сюда, толкали отъ одной къ другой; Христя повисла на немъ, такъ что онъ не могъ ее стряхнуть и оказывался не въ силахъ гдѣ-либо прорваться сквозь кругъ.

— Чортъ возьми, еще разъ спрашиваю, гдѣ Варюшка?—выговорилъ онъ, дѣлая послѣднее усиліе.

— Тутъ Варюшка! Тамъ Варюшка! Коль не тутъ, такъ и не здѣсь! Ха-ха-ха-ха!...

Все тѣснѣй становился кругъ, все раскатистѣе хохотъ, все проворнѣе верченье; онъ чувствовалъ Христины руки на своей одеждѣ. Она крѣпко прижимала ему обѣ руки къ бокамъ. При каждомъ скачкѣ ея курчавые волосы щекотали его подъ носомъ, а лицо совсѣмъ приближалось къ его лицу. Вдругъ она оплошала: онъ съ силою выдернулъ свои руки, обхватилъ ее за талію и влѣпилъ ей прямо въ губы здоровенный поцѣлуй.

Она звонко вскрикнула и бросилась въ бѣгство. Съ громкимъ хохотомъ разбѣжались и остальныя дѣвочки, а онъ кинулся вслѣдъ за ними. Онъ старался схватить то ту, то другую. Юбки развѣвались. Вдругъ онѣ всѣ исчезли во мракѣ, за трактиромъ.

— Вотъ чортовы дѣвки!—выругался парень, однако, при этомъ улыбнулся. Христя была вовсе не плоха. Онъ все еще ощущалъ при-

косновеніе ея губъ и прищелкнулъ языкомъ; аппетитъ его проснулся.—Куда же дѣвалась Варюшка?

Медленно вернулся онъ къ своему камню и остановился тамъ въ досадливомъ раздумьѣ. Вдругъ кто-то дернулъ его сзади за рукавъ. У входа въ проулочекъ стояла женская фигура.

— Варюшка?—спросилъ онъ съ сомнѣніемъ. Она ему показалась такою толстою: Ленцова Варюшка была далеко не такъ дородна.

— Сюда!—она потащила его въ темную уличку; но тамъ ей все еще казалось недостаточно темно и она завела его за дождевую кадку у одного изъ хлѣвовъ. Тогда только она его обняла и такъ начала цѣловать, что онъ чуть не задохся. Она точно помѣшалась: смѣялась и плакала и прижималась къ нему, не говоря ни слова; онъ чувствовалъ, какъ дрожало ея теплое тѣло, какъ тяжело она висѣла у него на шеѣ. Опять и опять прижимались ея губы къ его рту, такъ что, казалось, онѣ и не смогутъ оторваться.

Давно неиспытанное радостное ощущеніе пронизало парня отъ ногъ до головы: такъ цѣлуется только душенька на родной сторонѣ! Его кровь, и безъ того разгоряченная быстрою ходьбою и поспѣшно выпитымъ виномъ, такъ и закипѣла; теперь уже онъ толкалъ ее во мракъ и прижималъ къ стѣнкѣ хлѣва. Онъ ее чуть не задушилъ.

— Лаврентій,—пожаловалась она наконецъ,—пусти!

За этими словами послѣдовалъ болѣзненно-перерывистый вздохъ.

— Варюша, — шепталъ онъ нѣжно, — моя родная! Вотъ я и опять здѣсь, вотъ и повеселимся. Какъ будетъ славно! Пойдемъ!— онъ ласково потянулъ ее къ выходу изъ улички.—Пойдемъ сейчасъ ко Крумшейду. Я буду угощать тебя.

— Хорошо, хорошо!—Она прижалась къ нему еще крѣпче, однако, продолжала его толкать передъ собою все глубже во мракъ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—зашептала она вдругъ быстро и смущенно,— я не могу съ тобой идти. Мнѣ надо тебѣ сначала кое-что сказать.

— Что такое? Почему не можешь идти?—Онъ отстранился отъ нея съ нѣкоторымъ удивленіемъ и вдругъ припомнилъ только что пережитую досаду. — Зачѣмъ ты такъ долго заставила меня ждать скверная ты дѣвчонка? Захотѣлось меня подурачить? А теперь смотри, какъ ужъ поздно, да я и ѣсть, и пить хочу!—Охваченный внезапнымъ гнѣвомъ, онъ сталъ трясти ее за плечи.—Спала ты, что-ли?

— Нѣтъ, нѣтъ! — она опять къ нему тѣсно прижалась. — только хотѣла тебѣ сначала сказать... Скажи, — и точно побуждаемая настоятельною необходимостью, она взяла его за руку, — когда мы станемъ играть свадьбу?

— Зачѣмъ тебѣ?—спросилъ онъ съ удивленіемъ и тревогой

подумавши, отвѣтилъ:—На Рождествѣ,—что спрашиваешь? Когда я стану десятникомъ.

— Нѣтъ, раньше, — сказала она быстро и крѣпко его поцѣловала.—Какъ можно поскорѣй. Я тебѣ вотъ что скажу!—Она понизила голосъ, но шепотъ ея раздавался явственно, отчеканивая каждое слово.—Ужъ я на шестомъ мѣсяцѣ.

— Ахъ, чтобъ тебя совсѣмъ! — Это восклицаніе вырвалось у него противъ воли. Извѣстіе было передано черезчуръ внезапно. Онъ оттолкнулъ ее и поднялъ руку, какъ для удара. — Такъ вотъ что! Господи, прости меня грѣшнаго! Разнесчастная ты дѣвка!

Она заплакала. Онъ молча стоялъ рядомъ и двигалъ шапку то къ одному уху, то къ другому.

Улица затихла; исчезло ея освѣщеніе, двери заперлись за счастливыми людьми. Наружи не осталось ни души; большинство сидѣло въ трактирѣ. Теперь оттуда неслось ликованіе и даже въ темный уголъ за кадушкой долетали крики и звонъ стакановъ.

Показались звѣзды и разгорались все ярче. Пала ночная роса. Слышно было, какъ она капаетъ съ заборовъ; въ то же время раздавались тихія рыданія. Въ затуманенномъ, блѣдномъ и, однако, ясномъ свѣтѣ, который, дрожа, лился съ неба, Лаврентій впервые отчетливо различилъ искаженную фигуру своей суженой.

Съ восклицаніемъ: «чортъ возьми!» онъ отшатнулся, но тотчасъ же затѣмъ погладилъ плачущую.

— Не реви, Варюша! — сказалъ онъ добродушно, будучи въ этотъ день въ особенно мягкомъ настроеніи.—Не реви же такъ, глупая ты тварь! Что есть, то ужъ есть; тутъ никто ужъ ничего не перемѣнитъ. Въ воскресенье у насъ Петра и Павла, первый день праздника; нашъ священникъ огласитъ насъ разокъ, да и будетъ. Ему такое не въ диковинку. Оно и съ другими бывало. Тѣмъ же часомъ повѣнчаемся, а потомъ...—онъ почесалъ затылокъ,—да ужъ потомъ и отпуску конецъ. Мы отпущены на десять дней; дортмундовцы тоже не надольше. Минута въ минуту должны быть назадъ. Не реви, Варюха!

Онъ обнялъ ее, и они медленно пошли вдоль заборовъ.

Направо сады, налѣво сады. Плодовыя деревья свѣшиваютъ вѣтви надъ густыми изгородями боярышника и дикихъ розъ, смѣняющимися порою заборами изъ гнилыхъ досокъ, которыя, скривившись, примѣшиваютъ запахъ прѣлаго дерева къ сладкому аромату душистыхъ кустовъ.

Подобно двумъ тѣнямъ, крадутся влюбленные подъ навѣсомъ листвы въ облакѣ бѣловатаго тумана. Въ ближайшей низинѣ ля-

гушки подняли было оглушительный любовный концертъ; теперь умолкли и тѣ. Ничто не движется, какъ будто ни въ чемъ вокругъ нѣтъ жизни, и всетаки въ нѣмомъ краснорѣчіи лѣтней ночи чувствуется настойчивое требованіе, горячее тревожное стремленіе.

Обильнѣе и обильнѣе падаетъ роса, сверкая серебромъ на травѣ и на склоненныхъ головахъ, ложась влажнымъ покровомъ на горячія лица, на горячія тѣла; обѣ фигуры, вздрагивая, тѣснѣе прижимаются другъ къ другу. Онѣ останавливаются и цѣлуются, какъ будто слившись въ одну при мечтательномъ свѣтѣ звѣздъ.

II.

Эйфельшмидскимъ мужикамъ всегда бывало некогда; они поспѣшно влюблялись, поспѣшно женились. Два раза въ годъ—зимою къ Рождеству, лѣтомъ къ Петру и Павлу—приходили они домой въ узкую долину Зальмы. Здѣсь имъ нельзя было прокормиться; въ Эйфелѣ заработки плохи; скудно лѣпятся пашенки по склонамъ горъ. Длинна зима, коротко лѣто.

Вскорѣ послѣ нѣмецко-французской войны расцвѣтъ рейнской желѣзной промышленности потребовалъ множества рабочихъ рукъ.

Нашелся вербовщикъ, заманившій какого-то эйфельшмидца на заводъ, откуда тотъ явился въ гости на родину съ деньгами въ карманѣ; вотъ и всѣ потянулись за нимъ, точно овцы за передовымъ бараномъ. Отцы, сыновья, мужья, братья—всѣ ушли въ Вестфалію и дальше по Рейну, гдѣ на обширной равнинѣ тѣснятся мрачные фабричные города, безпрерывно коптя небо своимъ чернымъ дыханіемъ изъ гигантскихъ трубъ. Тамъ воздухъ удушливъ отъ угольной пыли. Сами чистыя облака принимаютъ сѣроватый оттѣнокъ. Тамъ вѣчный дымъ, грохотъ, дребезгъ, хрипъ, стонъ, стукъ, жужжаніе колесъ, гудѣніе машинъ, свистъ локомобилей, шипѣніе и пыхтѣніе паровыхъ котловъ. Нѣтъ отдыха, нѣтъ покоя. Въ ночное время яркое пламя вырывается изъ громадныхъ сооруженій, гдѣ у печей стоятъ люди, голые до пояса, горячіе и черные отъ сажи, точно черти, поддерживающіе адскій огонь. Потъ течетъ, искры летятъ.

Здѣсь можно было найти уроженцевъ Эйфеля, за тѣсными стѣнами, при нестерпимой жарѣ, съ тоскою вспоминающихъ о небѣ родины, чистомъ и прохладномъ надъ вершиною Эйфеля, у подножья котораго живутъ тѣ, кто далъ имъ жизнь, тѣ, кто ихъ ждетъ, кому они обѣщали жениться или на комъ женились уже, гдѣ дѣти тоскуютъ по отцамъ.

Но зато возвращеніе! Въ ликованіи проходятъ и ночи, и дни!...

Сегодня всѣ вмѣстѣ сидятъ въ трактирѣ. Старикъ Крумшейдъ, съ сухимъ деревяннымъ лицомъ, командуетъ изъ-за прилавка. Цѣлый женскій полкъ нанятъ для услугъ; дѣвки, проворныя какъ ласки, со смѣхомъ бѣгаютъ взадъ и впередъ. То одну зоветъ ея суженый, то другую; позванная присаживается на минутку рядомъ или даже къ нему на колѣни, пьетъ изъ его стакана и даетъ себя гладить по пылающимъ щекамъ.

На узкихъ скамьяхъ за чисто вымытыми столами совсѣмъ не было мѣста: гости сидѣли вплоть одинъ къ другому. Женщинъ было мало: онѣ обыкновенно являлись къ вечеру, когда начинались пляскъ и музыка, когда веселье доходило до того, что полъ гудѣлъ отъ топота, скамьи опрокидывались, стаканы со звономъ разлетались вдребезги.

На церковной площади, вокругъ нѣсколькихъ лавчонокъ, торговавшихъ цѣпочками, четками, кольцами, пряничными сердцами и ячменнымъ сахаромъ, бродили дѣти съ большими кусками праздничныхъ пироговъ въ рукахъ и съ выраженіемъ жадности на рожицахъ, вымазанныхъ вареньемъ изъ голубики. Нѣкоторыя изъ нихъ сидѣли на церковныхъ ступеняхъ и дули въ новыя трубы или показывали другъ другу принесенныя «тятьками» куклы.

На улицѣ еще господствовала праздничная тишина. Въ окошечкахъ виднѣлись наряжавшіяся бабы; воскресныя платья, лежавшія въ растянутомъ видѣ на кроватяхъ съ момента утренняго возвращенія изъ церкви, подвергались тщательному осмотру. Если имѣлось еще лучшее платье, то оно надѣвалось къ вечеру; счастлива была та, которая могла щегольнуть какой-нибудь обновой, принесенной мужемъ или женихомъ. Волосы блестѣли отъ приглаживанья водой и саломъ; юбки шумѣли, лица были оттерты до-чиста, уши красны.

Солнце уже посылало косые лучи въ долину и разрисовывало скользящими, мимолетными золотистыми узорами выбѣленныя стѣны хатъ.

Теперь, заботливо подобравъ топырившіяся юбки, дѣвицы разгуливали взадъ и впередъ передъ трактиромъ. Дѣти дрались изъ-за лучшихъ мѣстъ у оконъ, подтаскивали камни и табуреты, карабкались на нихъ и расплющивали себѣ носы о стекла.

Въ трактирной залѣ, гдѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, помѣщалась и деревенская мелочная торговля, воздухъ былъ до удушливости насыщенъ ароматомъ невозможнаго тютюна. Мухи съ жужжаніемъ ползали по стекламъ запертыхъ оконъ или вертѣлись въ круговомъ полетѣ подъ самымъ потолкомъ.

Сидѣли еще довольно молчаливо: первый день праздника бывалъ самымъ тихимъ. Но вдругъ поднялись громкіе крики.

— А, Петя! Эй, Петруша! За твое драгоцѣнное! Будь здоровъ!

Вошелъ Петръ Мифферть; слегка волоча лѣвую ногу, онъ медленно приблизился къ первому столу. Не всѣ подали ему руки, но онъ этого какъ будто даже и не замѣтилъ, а каждому улыбнулся одинаковою добродушно-лукавою улыбкой. Когда ради него подвинулись, онъ присѣлъ на кончикъ скамьи, причемъ не сказалъ: «потѣснитесь-ка еще!» а проговорилъ: —Съ вашего позволенія!—и какъ можно удобнѣе размѣстилъ свои ноги подъ столомъ.

— Ну, Петя,—вскричалъ Николай Денсборнъ, одинъ изъ старшихъ, сидѣвшихъ во главѣ стола,—что подѣлываешь? Ты жирѣешь, точно баранъ! Оно и не мудрено: живешь вѣдь здѣсь, какъ у Христа за пазухой.

— Да ужъ молчи!—закричалъ Ѳома Лауфельдъ, коренастый, курносый парень.—Ему ужъ и жизнь эта скоро не въ моготу. Глядите-ка сюда,—слова эти онъ проревѣлъ, чтобы быть услышаннымъ среди общаго хохота, схватилъ сидѣвшаго рядомъ съ нимъ Мифферта за сгибъ руки, засучилъ ему рукавъ и насильно поднялъ кверху его худую руку,—глядите-ка сюда: кожа да кости, ни фунтика мясца!

Петръ старался освободиться, но безъ усилія, потихоньку; его хорошенькое личико все еще улыбалось.—Брось свои глупости,—сказалъ онъ спокойно.

Лауфельдъ продолжалъ ревѣть, какъ бы охваченный особымъ раздраженіемъ:—Ты лучше бы шелъ съ нами работать. Чего торчишь у бабьихъ юбокъ? Смотри,—онъ вытянулъ свою мускулистую руку рядомъ съ тощею рукою Петра и звонко ударилъ себя по выпяченной груди:—вотъ молодецъ! Это отъ работы, а не отъ вѣшанья на бабахъ! Разнесчастная ты тварь! Высохъ, точно топорище. Твоя жена, небось...

— Жену-то ужъ оставь!—вдругъ сказалъ Мифферть и сдѣлалъ быстрое движеніе, будто отмахнулся отъ мухи. Лауфельдъ, точно пораженный громомъ, уже лежалъ подъ скамьею.

Ему помогли подняться; онъ совсѣмъ растерялся и стряхивалъ себѣ пыль съ панталонъ. Одни смѣялись, другіе ругались.

— Сухъ какъ топорище, а силенъ какъ быкъ,—одобрительно проворчалъ Николай Денсборнъ; затѣмъ, обратившись къ Мифферту, который сидѣлъ, какъ ни въ чемъ не бывало, прибавилъ съ упрекомъ:—Это просто стыдъ, Петруша, что ты не идешь съ нами на фабрику. Ты учился у слесаря: оно тамъ какъ разъ и кстати. Тамъ хорошо заработаешь, а здѣсь только зубами нащелкаешься досыта.

Мифферть скривилъ ротъ; во всей его небрежной осанкѣ, въ нѣсколько отвисшей губѣ и сонномъ взглядѣ изъ-подъ полуопущенныхъ вѣкъ выражалась неописанная лѣнь. И голосомъ онъ отвѣтилъ соннымъ, едва разжимая зубы:

— Тебѣ хочется утащить и меня! Вотъ,—онъ указалъ на свою хромую ногу,—что мнѣ мѣшаетъ. Я не могу такъ работать, какъ прочіе.—Его тонъ сдѣлался жалобнымъ.—Эта боль у меня въ роду. Я съ нею и на свѣтъ родился; такъ ужъ тутъ ничего не подѣлаешь!

— Ого, вотъ брехъ то!—воскликнулъ Мартынъ Матесенъ и ударилъ по столу, такъ что звякнули стаканы.—Чего это онъ кобенится? Боль въ роду; кто-жъ этому повѣритъ? Будетъ прикидываться, лѣнивая стерва! Храпѣть, да зря болтаться, да бабъ улещивать—вотъ что онъ любитъ!

Мифферть даже не поморщился; онъ положилъ локти на столъ и заглядывалъ въ свой стаканъ.

— Онъ лѣнивъ, сонрѣлъ отъ лѣни!

— Да, да,—съ воодушевленіемъ подтвердилъ только что оправившійся отъ полученнаго толчка Лауфельдъ.—Лѣнивый дьяволъ! Сидитъ въ дермѣ и не двинется!

— Скорѣй на ежевикѣ вырастетъ виноградъ, чѣмъ Петруша да пойдетъ работать,—крикнулъ кто-то.

Вся компанія загалдѣла:—Да, ужъ скорѣй на ежевикѣ виноградъ, ха-ха-ха!

Петръ Мифферть и самъ разсмѣялся съ ними беззвучнымъ смѣхомъ, отъ котораго, однако, сотрясалось все его тѣло; онъ прижмурилъ глаза и весь дрожалъ.

— Ради чего мнѣ изъ кожи лѣзть?—добродушно сказалъ онъ потомъ.—Жизнь коротка, а въ другой разъ жить ужъ не будешь. Что бы тамъ попы ни говорили, а я вѣрю только тому, что у меня въ рукахъ. А всякія тамъ обѣщанія,—онъ лукаво разсмѣялся и негромко свиснулъ,—я цѣню не дороже дерма!

Остальные посмотрѣли на него съ недоумѣніемъ. Онъ обвелъ ихъ своимъ соннымъ взоромъ, въ которомъ начинало поблескивать.

— Какъ знать каждому, долго ли ему жить осталось? Мнѣ, право, жалко васъ, добрые люди, что вы такъ себя изводите. Но у всякаго свой вкусъ!—Онъ пожалъ плечами.

Они въ смущеніи кивнули:—Да, его правда!

Многія лица внезапно стали серьезны; на нихъ обозначились морщины, которыхъ прежде не было видно, борозды, точно на вспаханномъ полѣ.

— Себя изводишь, а толкъ-то какой?—проворчалъ Денсборнъ и хлопнулъ тяжелымъ кулакомъ.

Съ минуту всѣ молчали. Потомъ Денсборнъ со вздохомъ сказалъ:—Только ужъ такъ тому и быть. Затѣни свой поганый ротъ!—вдругъ закричалъ онъ на Петю.—Безстыжіе твои глаза!

Тотъ съ хитрою улыбкою всматривался въ тупыя лица собравшихся.—Надо же знать, кого гонишь, когда передъ тобой бѣжитъ оселъ,—сказалъ онъ.

Они не поняли... Что онъ хотѣлъ этимъ сказать? Они видѣли только его насмѣшливую улыбку, и этого было довольно. Лица покраснѣли, ноги безпокойно заерзали, тайно сжались кулаки.

Нѣсколько молодыхъ вызывающе облокотились на столъ:—Что? Что? Оселъ?... Онъ сказалъ: оселъ? Кто-жъ это оселъ? Да, повторика еще разъ!

Съ конца въ конецъ комнаты пробѣжалъ ропотъ:—Оселъ! Оселъ!—Ноги нетерпѣливо двигались, глаза сверкали, ропотъ становился все грознѣе. Предвидѣлась чудеснѣйшая потасовка.

Мартынъ Матесъ уже съ угрозою сунулъ Мифферту подъ носъ кулакъ и выговорилъ:—Ну!

Петя съежился, точно кошка. Въ его глубоко запавшихъ глазахъ исподтишка сверкнуло пламя, но голосъ былъ мягокъ, когда онъ отвѣтилъ:—Чего тебѣ? Что я вамъ сдѣлалъ?

— Оселъ! Мы тебя научимъ ругаться ослами! Голодное брюхо! Скажи еще разъ: Оселъ! Мы всѣ ребра изъ тебя повыбьемъ: ни рукой, ни ногой не двинешь!

— Господи, что вы, одурѣли?—Петръ притворился удивленнымъ.—Какой оселъ? Кто тутъ говорилъ про осла?—Онъ вертѣлъ голову во всѣ стороны, какъ будто кого-нибудь отыскивая.—Что за безстыдство! Кто это тутъ посмѣлъ сказать про осла?

Казалось, онъ весь былъ проникнутъ возмущеніемъ, изумленіемъ и чувствомъ оскорбленной чести. Его лицо выражало полнѣйшую невинность и наивное удивленіе; съ прямодушной улыбкой взглядывалъ онъ то на того, то на другого, и наконецъ поднялъ стаканъ:—Ваше здоровье! всего хорошаго! Это я отвѣчаю тебѣ, Николай! Матвѣй, Ѳома, ваше здоровье!

Они чокнулись съ нимъ нерѣшительно: самоувѣренность вполнѣ покинула ихъ.

Петръ вздохнулъ и тяжело опустилъ голову на руку.

— Да, погано на этомъ свѣтѣ; мнѣ скоро уже и не въ мочь. Вамъ-то еще ладно, а я—разнесчастная тварь!—Онъ зѣвнулъ.—Ничего-то ровно я не вижу, торчу все въ здѣшней горбатой сторонѣ,

а бабы мнѣ вотъ докуда надоѣли!—онъ провелъ себѣ ребромъ руки по горлу.

Этого ему бы говорить не слѣдовало: на него направились недовѣрчивые взоры. Особенно же Мартынъ Матесъ имѣлъ, повидимому, противъ него зубъ. Въ деревнѣ болтали, что второй Мартыновъ сынишка какъ двѣ капли воды похожъ на Петю.

— Ахъ, ты, ломака!—крикнулъ Мартынъ.—Слушайте-ка, что несетъ! Будто бабами сытъ?!—Онъ гнѣвно разсмѣялся.—Вотъ мошенникъ!—онъ вскочилъ и угрожающе подошелъ къ Мифферту.—За каждой дверью торчитъ, на каждой юбкѣ виснетъ! Погоди, я тебя выучу!—Покраснѣвъ отъ злобы, онъ хотѣлъ кинуться на Петра; но тотъ сидѣлъ спокойно.

— Уймись, уймись, Мартынъ,—вмѣшался Денсборнъ.—Брось его! Нечего затѣвать драку на самый праздникъ. Что тутъ подѣлаешь: былого не вернешь! И бабы—тоже люди. Все день и ночь одни! Ихъ пожалѣть бы надо. Вонъ этого,—онъ указалъ на трактирщика за прилавкомъ,—да пару здѣшнихъ старыхъ хрычей, вѣдь, за людей ужъ не сочтешь.

Старый Крумшейдъ, даромъ что былъ тугъ на ухо, разобралъ все и сейчасъ обидѣлся. Онъ выпятилъ грудь, надулъ ввалившіяся щеки.

— Ахъ, вшивый мальчишка! Откуда это ты взялся? Больно раздулся, какъ бы не лопнуть! Еще достаточно дѣвчонокъ на меня заглядываются. Правда, Анютка?—Онъ ущипнулъ за щеку одну изъ служанокъ.

— Да ну васъ!—Дѣвка наотмашь ударила его по рукѣ.—Нешто не найду получше, что на такой сухой грибъ стану заглядываться?

Громоподобный хохотъ наполнилъ комнату.

Мифферъ не смѣялся. Онъ, крадучись, удалялся отъ стола, чтобы незамѣтно уйти. Когда онъ дошелъ уже до двери, Матесъ кинулся за нимъ.—Здѣсь оставайся!—крикнулъ онъ и потащилъ его назадъ къ столу. Петръ покорился безъ сопротивленія.

— Глядите-ка,—продолжалъ тотъ, уже отуманенный винными парами:—каковъ тихоня! Пустили мы козла въ огородъ! Жретъ чужую капусту. Но холера тебя задави, коли тебѣ и сдачи не даютъ: твоя баба, Лушка, каковы у ней глаза?! Я бы не отошелъ отъ нея и на пять шаговъ. По нуждѣ и чортъ постится; а покажи-ка ей настоящаго молодчика!... Эта Лушка—красивая стерва, да ужъ и вертушка...

Страшный ударъ по рту внезапно прервалъ рѣчь Матеса, который отпрянулся, оглушенный.

Искры сыпались изъ глазъ Мифферта. Кулакъ его былъ поднятъ; дремоты и лѣности не осталось и слѣда. Это былъ живой человѣкъ съ горячею кровью въ жилахъ, съ напряженными мускулами. Въ бѣшеномъ гнѣвѣ Петя заскрежеталъ зубами, а потомъ заревѣлъ:—Заткни глотку!—Его занесенный кулакъ обрушился на противника.—Вотъ это за «стерву»... это — кулакъ вновь поднялся и опустился,—за «вертушку»... а вотъ еще и еще... посмѣй только!

Удары сыпались, точно молотомъ по наковальнѣ. Ну, ужъ и кулаки! Отъ нихъ могли искры сыпаться и желѣзо плющиться.

Никто не шевельнулся. Всѣ окаменѣли отъ неожиданности. Наконецъ, они опомнились и съ крикомъ и руганью бросились къ Матесу на помощь. Петрушу оттащили и затиснули въ уголъ, гдѣ онъ отбивался руками и ногами. Скамьи опрокидывались, стаканы со звономъ летѣли на полъ, ругань, хохотъ, угрозы, крики, топотъ—вообще страшный гамъ стоялъ въ комнатѣ, когда вдругъ распахнулась дверь.

Точно перепелки, выпугнутыя выстрѣлами изъ бороздъ, такъ съ шелестомъ, шуршаніемъ и трескотнею влетѣли въ комнату бабы. Впереди всѣхъ была одна, затмевавшая прочихъ своей роскошной полнотой.

— Потасовка?—вопросительно воскликнула Луція Миффертъ.

Рѣшительно растолкавъ стоявшихъ на ея пути, она подошла къ мужу и заслонила его своей сильной фигурой.

— Что у васъ тутъ такое?—звонко воскликнула она.—Молчи, Петя! Вотъ тебѣ, скушай!—Полушутя, полусерьезно она закатила оплеуху первому, кто началъ ее тѣснить; какъ бы то ни было, вся ея пятерня отпечаталась на щекѣ потерпѣвшаго.

— Чортъ возьми!

Тотъ откачнулся и сталъ тереть себѣ лицо.

— Видишь,—весело разсмѣялась она.—Вотъ что отъ глупости бываетъ! Бросьте-ка пустяки и будемъ веселиться!—Яснымъ взоромъ своихъ прекрасныхъ круглыхъ глазъ она обвела всю компанію; бѣлые зубы ея сверкали, а голосъ не заглушался никакимъ гамомъ.—Господи! Мужики, а что затѣяли!... Ха-ха... сцѣпились точно ребята... Ха-ха-ха!

Она заливалась хохотомъ, крахмальныя юбки на ней шуршали, красновато-коричневое праздничное платье, туго обтягивавшее полную грудь, трещало по всѣмъ швамъ.

— Ха-ха-ха-ха!

Смѣхъ продолжался. Онъ былъ такъ веселъ, шелъ такъ отъ души, что подѣйствовалъ заразительно: губы стали разъѣзжаться, вс

лица начали ухмыляться, стиснутые кулаки разжались или попрятались въ карманы штановъ.

Луція увидѣла, что одержала верхъ. Она вновь обвела взглядомъ вокругъ и, смѣясь, закачалась всѣмъ станомъ.

Въ дверяхъ стояли кучею прочія бабы; теперь и онѣ осмѣлились войти. Каждая ухватила за руку своего мужа, а дѣвушки повисли на парняхъ.

— Плясать, плясать!

Какъ на заказъ вдали послышалась музыка.

— Музыка! Музыка!

То были мандершейдскіе музыканты, которые какъ разъ, въ числѣ пяти человѣкъ, сходили съ горы. Они сами себя увеселяли дорогою.

— Музыка идетъ! Эй, музыка!

Дѣти на улицѣ, оглушительно визжа, съ быстротою стрѣлъ летѣли навстрѣчу подходившимъ, окружали ихъ и съ прыжками и ликованіемъ провожали до дверей трактира.

Не переставая пилить на скрипкахъ и дудѣть въ трубы, музыканты вошли въ трактиръ; имъ едва дали время напиться. Парни дюжими руками повытаскали всѣ столы на улицу, бабы разставили скамьи вдоль стѣнъ, и танцовальный залъ былъ готовъ. Начался плавный рейнскій танецъ; на тѣсномъ пространствѣ вертѣлось одновременно до тридцати паръ.

То-то была толкотня, тѣснота и давка. Каждому наступали на ноги, и каждый самъ наступалъ на чужія. Еще не прошло получаса, какъ воздухъ сталъ непрозрачнымъ отъ пыли. Почти ничего не было видно, еле выдѣлялись въ туманѣ пылающія лица, точно красныя пятна. Не отворили ни одного окошка, только дверь стояла настежь, потому что въ темныхъ сѣняхъ тоже плясалъ кое-кто.

Луцію Миффертъ приглашали нарасхватъ; она не отличалась легкостью, а довольно тяжеловѣсно опиралась на кавалера. Но именно это всѣмъ очень нравилось: по крайней мѣрѣ, можно было почувствовать, что держишь въ рукахъ, а она еще заботилась объ усиленіи этого впечатлѣнія. Притомъ она не была нѣма, какъ остальныя бабы, которыя давали себя вертѣть съ неизмѣнно торжественнымъ выраженіемъ лица. Она болтала и смѣялась, ея веселые глаза посылали искры прямо въ глаза кавалера, ея теплое дыханіе щекотало ему щеку; не удивительно, что парни все крѣпче тискали ее.

Она переходила изъ рукъ въ руки; ея накрахмаленныя юбки изм[illegible]лись, темные волосы спутались и свисли на лицо. Ея звонкій смѣхъ [illegible] заглушался даже музыкой; гдѣ, въ минуты отдыха между танца[illegible], [illegible]илось наиболѣе мужчинъ, тамъ находилась она.

Съ Петромъ чокались:

— За Лушино здоровье!

Съ досадою на лицѣ онъ стоялъ за дверью и слѣдилъ за ней глазами. Самъ онъ уже не плясалъ: когда особенно звонкій взрывъ хохота покрылъ собою музыку, онъ вдругъ грубо бросилъ даму, которую до этой минуты поворачивалъ очень ловко, несмотря на свою хромую ногу.

Кавалеры танцовали съ сигарами во рту, попыхивая черезъ плечо дамъ; въ непроглядномъ дыму Петръ таращилъ глаза: гдѣ она? съ кѣмъ она?

Теперь какъ разъ ее вертѣлъ парень, на чьей щекѣ она недавно запечатлѣла свою пятерню; Петру показалось, что будто она жмется къ нему особенно тѣсно, будто онъ шепчетъ ей на ухо любовныя рѣчи.

Мгновенно кинулся онъ къ этой парѣ и, пинками проложивъ себѣ путь въ толпѣ, наконецъ, до нея добрался.

— Смотри, Луша,—сказалъ онъ полупросительно, полуворчливо,—не пляши такъ много, а то нашъ Оська прокричитъ всю ночь.

— Пусть покричитъ,—разсмѣялась она и продолжала танцы, не обративъ на него вниманія.

Онъ съ отчаяніемъ вышелъ изъ трактира: ему не въ мочь было глядѣть дальше.

На углу, на камнѣ, сидѣла старуха съ крѣпко запеленутымъ ребенкомъ на колѣняхъ.

— Что, еще не идетъ?—визгливо спросила она Мифферта.—Ребенокъ-то ужъ весь посинѣлъ, кричавши!

Онъ нагнулся надъ пищавшимъ сверткомъ. У шестинедѣльнаго дитяти глаза были закрыты, но ротъ былъ раскрытъ отъ жажды и испускалъ все болѣе жалобные звуки.

Отецъ мрачно посмотрѣлъ на отекшее личико, потомъ медленно и задумчиво пошелъ назадъ къ дверямъ трактира. Онъ послалъ туда мальчика:

— Скажи Луціи Миффертъ, чтобы сейчасъ вышла. Только не говори, кто посылаетъ,—наставлялъ онъ его.—Скажи, чтобы скорѣе!

Она вышла съ горячими и красными щеками, съ колеблющеюся отъ быстраго дыханія грудью и пріоткрытымъ ртомъ. Она съ любопытствомъ стала осматриваться.

— Ты?... Чего тебѣ?—съ удивленіемъ спросила она мужа.

— Нашъ Оська...—сказалъ онъ съ упрекомъ и указалъ пальцемъ на уголъ. Оттуда доносился жалобный плачъ.

— Господи, нашъ Оська! Объ немъ-то я совсѣмъ и забыла. Ѣзд

ненькій, мой Оська!—Луція вырвала свертокъ у старухи, приплясывая, покачала его туда и сюда, потомъ сѣла на камень, разстегнула лифъ и приложила дитя къ полной груди.

Голодный Оська умолкъ, сама она прислонилась затылкомъ къ стѣнѣ дома. Раздувая ноздри, тяжело дыша, полуопустивъ вѣки, она прислушивалась къ музыкѣ съ улыбкою самозабвенія.

Было еще не совсѣмъ темно. Петръ видѣлъ, какъ блестѣла ея бѣлая кожа, такая мягкая и бархатистая, точно шерсть молодой кошки.

Онъ нѣжно пробормоталъ:

— Луша, протанцуй со мной разокъ.

— Съ удовольствіемъ, съ большимъ удовольствіемъ,—прошептала она и прямо взглянула на него широко раскрытыми глазами.

— Луша... я... я дурѣю по тебѣ!—громко вырвалось у него изъ-за стиснутыхъ зубовъ.—Скажи, что ты меня еще любишь... Луша, скажи!

Его недовѣрчивый взглядъ скользилъ отъ нея къ двери трактира и обратно.

Она разсмѣялась такъ безудержно, что ребенокъ запищалъ.

— Кш... кш... Ха-ха-ха!

— Не смѣйся!

Онъ топнулъ ногою и, наморщивъ брови, посмотрѣлъ на нее исподлобья.

— Іисусъ, Марія! Что это у тебя за рожа!—сказала она весело.—Петруша, мнѣ сейчасъ такъ весело, неужели ты испортишь мнѣ все удовольствіе? Петенька!—она протянула руку и привлекла его къ себѣ, глаза ея молили.—Не будь сердитъ, Петруша, вѣдь надо же мнѣ сколько-нибудь позабавиться. Я пойду плясать и съ тобой!

— Такъ иди,—настаивалъ онъ,—иди!

Теперь онъ не хотѣлъ ждать; она, смѣясь, передала дитя старухѣ, застегнула платье, оправила юбки и повисла на рукѣ мужа.

Между тѣмъ, стало совсѣмъ темно, а къ трактиру спѣшили все новыя фигуры. Въ числѣ запоздавшихъ были и Лаврентій съ невѣстою, оглашенные сегодня въ церкви въ первый и послѣдній разъ.

Варвара была заплакана, но все-таки сіяла; парень сіялъ меньше и казалось, вооружился упорнымъ равнодушіемъ. Имъ нынче пришлось не сладко: съ самаго полудня они вымаливали у стариковъ Пейдеровъ каморку около закуты для молодой женщины на время отсутствія мужа.

Варвара еще глотала слезы, но гордо шла за руку со своимъ Лаврентіемъ: кто скажетъ ей теперь хоть слово?

Въ узкихъ дверяхъ они столкнулись съ Миффертами, и Петръ

довольно грубо налетѣлъ на невѣсту. Онъ скривилъ ротъ и подмигнулъ съ лукавствомъ:

— Эге! Да это Ленцова Варюха! А я думалъ, что воздушный шаръ!

Люція захихикала.

Лаврентій съ бѣшенствомъ огрызнулся на него.

— Смотри-ка лучше за собою! Не прикидывайся, точно твоя Лушка всю жизнь просидѣла подъ стеклышкомъ. Да и самому-то тебѣ, юбочнику...

— Молчи ужъ!—Луція зажала ему ротъ рукою.—Не ругайся, паренекъ!—Ея мягкіе, мало испорченные работою пальцы прижимались крѣпко и тепло, гнѣвныя слова замерли на губахъ молодого человѣка.

— Ну, ужъ ладно,—проворчалъ онъ.—Пусти ужъ, Луша!

— Поздравляю тебя, Лаврентій,—проговорила она ласково, а потомъ, обратившись со своею лучезарною улыбкой къ Варѣ, горячо пожала ей руку.—Поздравляю тебя, Варя! Живите счастливо!

— Спасибо!—Ротъ у дѣвушки такъ и разъѣхался: поздравленіе доставило ей величайшее удовольствіе.—Свадьбу не будемъ дѣлать богатую. Гостей позовемъ штукъ пятнадцать-двадцать, но если вы захотите придти, то будемъ очень рады.

— Спасибо!—Миффертиха жеманно присѣла.—Съ вашего позволенія, мы съ удовольствіемъ придемъ.

Лаврентій сдѣлалъ сердитое лицо: кажется, этотъ Петръ когда-то пріударялъ за его дѣвушкой? Варюха сама ему сказала. Какъ ему раньше не припомнилось? А давно ли это было? Вотъ вѣрь послѣ этого бабамъ! Ему вообразилось, будто онъ чодмѣчаетъ, что они переглядываются. Онъ злобно дернулъ Варвару и произнесъ:

— Пойдемъ же!

Петръ тоже съ нетерпѣніемъ сказалъ:

— Пойдемъ!

Его Луша была лучше всѣхъ. Ему хотѣлось бы уйти съ нею туда, гдѣ совсѣмъ нѣтъ людей, чтобы никто на нее не смотрѣлъ, никто не слушалъ ея смѣха.

Танцуя съ ней, онъ стиснулъ ее такъ крѣпко, что у нея прервалось дыханіе.

Вокругъ нихъ вертѣлись пары. Все быстрѣй становились плясовые мотивы, выше взлетали юбки, громче притоптывали башмаки; гладко заплетенныя косы распускались и тамъ и сямъ висѣли уже по спинамъ свободными прядями.

Все крѣпче обхватывали дамъ кавалеры. Маленькая Христя тоже

нашла себѣ ухаживателя. Курносый Лауфельдъ, въ промежуткахъ между танцами, держалъ ее на колѣняхъ и поилъ изъ своего стакана.

Эти отношенія возникли только сегодня. Христя стояла въ отцовскомъ садикѣ и вытягивала шею, а парень шелъ мимо. Его привлекли ея глаза, горѣвшіе желаніемъ, и онъ остановился; облокотившись на заборъ, онъ повелъ съ ней рѣчь. Она была въ свѣтломъ платьѣ, съ цвѣтами на груди. Они болтали довольно долго: она—съ язвительностью, любопытствомъ и влюбленностью, онъ—въ тонѣ побѣдителя.

Теперь она была его признанной «душенькой». Сколько бы ни приходило съ поклономъ просить:—одолжи-ка мнѣ твою дѣвушку!—съ нею плясалъ только онъ. Онъ былъ любезенъ и требовалъ вина, пива и сладкаго ликера.

Она пила все вперемѣшку и подъ конецъ уже не понимала, что говоритъ, что дѣлаетъ, а только сидѣла неподвижно, уставивъ стеклянный взоръ въ одну точку. Тогда онъ вывелъ ее вонъ.

Это ужъ была не пляска, а бѣшеная топотня. Не слушали такта, не выдѣлывали па, не вертѣлись, только дико и безпорядочно скакали. Ленцова Варюха была тутъ же. Лаврентій, сильно пьяный, таскалъ ее за собою во всѣ углы, наталкиваясь на все: на людей, на скамьи, на столъ. Наконецъ, онъ упалъ вмѣстѣ съ нею. Никто не помогъ ей подняться; черезъ нее шагали, спотыкаясь. Каждый думалъ лишь о себѣ. Никто не стоялъ твердо на ногахъ.

Кто былъ еще въ силахъ идти, прокрадывался вонъ со своею «душенькою». Пара за парою огибали дождевую кадку у стѣны хлѣва и исчезали въ темномъ проулочкѣ...

Кругомъ царила ночь надъ росистыми полями въ предчувствіи разсвѣта. Воздухъ былъ идеально чистъ; безконечно ясно было небо; звѣзды искрились неземнымъ блескомъ, прежде чѣмъ угаснуть. Безпредѣльною чистотою вѣяло надъ горами, а съ горъ—въ долину. Затаивъ дыханіе, насторожилась вся природа и трепетала передъ неизъяснимою чистотою утра.

Чу! Въ деревнѣ послышался первый пѣтушій крикъ. Онъ раздался, точно трубный звукъ, точно призывъ къ началу новаго вѣка. Занялся второй день праздника.

III.

Раннее утро. Солнце еще не вставало, только надъ горами, на востокѣ, слабо алѣетъ гряда облаковъ. Въ долинѣ сѣро; луга залиты [illegible] туманомъ, точно волнами воды. Пѣтухи надрываются до [illegible], собаки начинаютъ лаять.

Совсѣмъ вдали, на горизонтѣ, еще свѣтится звѣзда, слабо напоминая о былomъ своемъ блескѣ. Три часа.

Такъ рано въ Эйфельшмитѣ не бываютъ на ногахъ. Сегодня же хлопаютъ всѣ двери; бабы, едва прикрытыя рубахами и юбками, еле заря бѣгутъ къ колодцу. Пронизываетъ сырость, какъ послѣ дождя; стекла низенькихъ оконъ сильно запотѣли.

Надъ каждой трубой уже вьется дымокъ и съ трудомъ поднимается сквозь тяжелый воздухъ къ безцвѣтному небу.

Мрачно наморщивъ лбы, стоятъ бабы у каменныхъ очаговъ и варятъ кофе; сырой хворостъ тлѣетъ подъ висячимъ котелкомъ, дымѣстъ глаза до слезъ. Въ кухнѣ холодно, на сердцѣ тяжело, точно придавило его свинцовою доскою.

На супружеской кровати еще лежитъ мужъ и ворочается въ перинѣ; онъ никакъ не можетъ опомниться: голова его трещитъ отъ послѣдней вчерашней выпивки. Онъ стонетъ и ругается.

Бабы бродятъ точно тѣни, блѣдныя отъ безсонницы, съ провалившимися глазами; самыя цвѣтущія щечки сегодня блѣдны; самый смѣшливый ротъ скорбно сжатъ. Медленно ступаютъ ноги, уставшія отъ праздничной пляски.

Послѣднее утро!

Скоро, скоро бѣжитъ время! Идти еще далеко, и желѣзная дорога не ждетъ. Неловкими отъ поспѣшности руками жена помогаетъ мужу одѣться; обмѣна нѣжностей уже нѣтъ: ихъ запасъ истощился за нѣсколько дней свиданія;—да и къ чему? Онъ уйдетъ на чужбину, на просторъ; она останется въ тѣсной долинѣ. Такъ ужъ сложилось! Съ обычной, будничной тупостью чувства вступаетъ въ свои права покорность судьбѣ.

Только крошечныя дѣти спятъ еще; тѣ, что побольше, несутъ шляпу и палку и суютъ «тятѣ» въ узелъ еще булочку и кусочекъ черстваго, праздничнаго пирога; они не смѣютъ заговорить: отецъ сердитъ, а мать дерется при малѣйшемъ шумѣ.

Тихо, тихо! Они скользятъ безшумно, точно въ долинѣ лежитъ мертвецъ; собака, повизгивая, вертится тутъ же и жмется къ ногамъ хозяина.

Въ каморкѣ Шнейдеровыхъ новобрачныхъ еще горѣла лампочка; тутъ за хлѣвомъ было такъ темно: узкое окошечко не пропускало ни свѣта, ни воздуха.

Варюша совалась отъ очага къ столу, отъ стола къ постели, отъ постели къ шкафу, и все что-нибудь забывала. Холодными и голыми казались ей красныя крашеныя стѣны бѣдной каморки; растерянно

кользилъ по нимъ ея взоръ; ужасъ охватывалъ ее. А развѣ вчера ще ей не казалось, что она здѣсь точно въ раю?

Она еще не привыкла къ быстрому прощанію съ мужемъ; всего ва дня, какъ ихъ повѣнчали. Съ рыданіемъ упала она на табуретъ стола:

— Когда же ты вернешься?

Лаврентій сидѣлъ напротивъ, подпершись локтями, и пристально отрѣлъ въ свою дымящуюся кружку съ кофеемъ.

— Не реви, Варюха,—сказалъ онъ, наконецъ.

Но ему самому сдавило горло, и голосъ его прозвучалъ глухо.

Затѣмъ они стали молчать.

Пестрые стѣнные часы тикали въ углу. Стрѣлка бѣжала съ бѣшеной быстротой: она уже стояла почти на четырехъ. Блѣдный разсѣтъ прокрался въ темную комнату; Варя задула лампу, которая съ нью погасла.

— Теперь пойду!—сказалъ онъ и всталъ.

— Нѣтъ еще!—Она повисла на немъ, охваченная ужасомъ и ской.—Ты еще успѣешь; побудь!—Она судорожно схватила его руку.—Погоди немножко!—Она громко крикнула:—хоть минуту!

— Нѣтъ!—онъ освободился отъ нея.—Остальные ждутъ!

— Я тебя больше не увижу!... Іисусъ, Марія, Іосифъ! Мнѣ язно, что я помру!

— Пустое!—Скрививши ротъ, онъ попробовалъ засмѣяться.— дь здорова, да напиши поскорѣй, слышишь? Прощай, Варюша!— ъ надѣлъ шляпу, взялъ узелъ, а свободною рукою притянулъ ее себѣ.—Господи! Варюша, не реви ты такъ! Варюха, что ты, одула? Варюша, милая моя, Варюшенька!

Безумные поцѣлуи горѣли на его губахъ, горячія слезы текли на щеки, дрожащія руки цѣплялись за него. Наконецъ, онъ вырвалнасильно.

Совсѣмъ разстроенный, онъ двинулся къ двери. Еще взглядъ наеще кивокъ... Вотъ онъ споткнулся черезъ порогъ. Теперь ѣхалъ.

Вся вытянувшись, стояла въ каморкѣ молодая женщина. Вдругъ, ть, опять его голосъ. Онъ прощается съ отцомъ и матерью. Теперь спѣшные шаги. Теперь ничего больше.

Со страшнымъ воплемъ бросилась она на колѣни передъ кротью и зарыла лицо въ еще теплыя подушки.

Всѣ сошлись у трактира; Лаврентій пришелъ послѣднимъ. Его ачили, что онъ никакъ не могъ разстаться. Здѣсь также много

было бабъ и дѣвокъ, хотѣвшихъ проводить мужиковъ; онѣ стояли разстроенныя и пожимались отъ холода.

Наверху, у шоссе, на возвышенности Шварценборна, росъ кустъ, точно пукъ волосъ на лысомъ черепѣ: это была граница для проводовъ. Немало тутъ упало слезъ на обнаженную скалу. И за одинокимъ кустомъ, какъ за колючею стѣною, скрылось немало объятій.

Николай Денсборнъ скомандовалъ къ отходу: было давно пора. Еще глотокъ изъ бутыли съ водкой, которую Крумшейдъ разносилъ въ круговую, а затѣмъ: «впередъ, ребята!»

Подъ руку съ женою, Денсборнъ пошелъ впередъ. Катерина уже не разъ прощалась съ нимъ и потому даже не морщилась. Скоро ея старшему сыну должно было стукнуть пятнадцать лѣтъ; тогда и тому предстояло идти вмѣстѣ, слѣдовало приниматься за трудъ.

Топъ, топъ... гулко раздаются шаги по неровной деревенской мостовой. Топъ, топъ... точно удары молота по крышкѣ гроба.

Хата за хатой остаются позади. Какъ въ нихъ теперь пусто! Опустѣли и садики, никнутъ отъ слезъ цвѣты у забора.

Безмолвно идутъ по дорогѣ къ Шварценборну. Всѣ лица посѣрѣли, всѣ взоры помутились, печально обращенные къ небу: высоко на вершинѣ горы торчитъ одинокій кустъ. Онъ облитъ желтоватымъ свѣтомъ, отъ котораго самъ кажется темнѣе, почти чернымъ; онъ рѣзко выдѣляется на обширномъ фонѣ неба.

А этотъ фонъ становится все краснѣе; лежавшія точно въ грезахъ облака оживляются, движутся, пронизываются розовыми полосами, золотыми линіями, огненными молніями. Сѣрые оттѣнки уже исчезли. Вспыхиваетъ пламя, могучее, яркое, громадное, исполинское. Оно тянется вверхъ жадными языками и съ быстротою вѣтра распространяется вокругъ; вспыхнувши на вершинѣ горы, этотъ пожаръ перекидывается выше и выше, разгорается все шире.

Кустъ превратился въ костеръ; каждая вѣтка его въ огнѣ, каждая колючка, каждый листъ.

Онъ горитъ, горитъ! Вся вершина горы горитъ! Небо горитъ!

Всюду разлился исполинскій пожаръ; земля въ изумленіи содрогается; огненная завѣса закрыла небо. Вдругъ, вотъ, она поднялась, раздѣлилась! Спокойно, въ царственномъ величіи, всплываетъ изъ-за горнаго кряжа шаръ, золотой щитъ, цѣлый міръ блеска—солнце!

Надъ Шварценборномъ стояло солнце, и они вошли въ волны свѣта. Золотой отблескъ упалъ и на сѣрыя лица; мужскія прояснились, а женщины прикрыли глаза руками.

— Впередъ! Не робѣй!—воскликнулъ Денсборнъ и поднялъ руку.—Вонъ солнце!...

А Лаврентій затянулъ «прощальную»; ему нужно было пѣть: что-то давило ему грудь и горло, и необходимо было сбросить эту тяготу.

Онъ громко запѣлъ навстрѣчу солнцу:

Да, да, да! грустно намъ прощаться!
Да, да, да! тяжко разставаться!
Но себя утѣшу тѣмъ:
Вѣкъ нельзя жить здѣсь намъ всѣмъ...
Счастью вслѣдъ пускаюсь!
Съ милой разлучаюсь!

Остальные подхватили хоромъ:

Уйдемъ изъ тѣсной мы долины,
Покинемъ горъ своихъ вершины:
Довольно здѣсь гостили мы!
Прощайте-жъ снова до зимы!
Другой насъ вамъ замѣнитъ
И грусть на радость смѣнитъ!

Къ концу пѣніе нѣсколько разладилось; бабы начали всхлипывать: одинокій кустъ былъ близокъ. То тотъ, то другой отставали и обнимали посреди дороги своихъ спутницъ. Молоденькая Христя повисла на шею Ѳомѣ Лауфельду; онъ увлекъ ее въ придорожный ровъ, за выступающій камень, и тамъ еще разъ основательно расцѣловалъ. Глаза у ней такъ и горѣли; цѣлуя, она кусалась; обнимая, впивалась пальцами въ тѣло; уже оторвавшись отъ Ѳомы, она снова и снова бросалась въ его объятія.

Маленькая сестренка, увязавшаяся за нею, тянула ее за юбку:

— Христя, пойдемъ же!

— Дерзкая тварь!

И на щекѣ дѣвочки запылала пощечина; но она не отстала и, продолжая тянуть сестру за юбку, вытягивала губы и улыбалась парню:

— Прощай, Ѳома!

Наконецъ, онъ поцѣловалъ и хорошенькую дѣвочку.

Катерина Денсборнъ только протянула мужу руку и перекрестила его.

— Іисусъ, Марія, Іосифъ! Дай тебѣ Боже благополучно вернуться! Къ Рождеству не забудь нашей Трудѣ ситцу на платье, шесть аршинъ, только чтобы не полиняло! Да мнѣ набивного одиннадцать аршинъ, въ немъ всего пять четвертей ширины! Прощай, Николаша!

— Прощай, Катюша! Ну, идемъ!—крикнулъ Денсборнъ.

Лаврентій еще разъ обернулся и посмотрѣлъ въ долину; онъ махалъ шляпой, но на сердцѣ у него было уже, въ сущности, совсѣмъ легко. «Прощай, Варюша»,—пробормоталъ онъ и звонко засвисталъ. Весь міръ лежалъ впереди, залитый солнечнымъ сіяніемъ; работы онъ не боялся, веселье тоже найдется, къ Рождеству—возвращеніе домой, о чемъ тутъ горевать?

Поцѣлуи, объятія, прощальные взгляды, прощальныя рѣчи. «Прощай, принеси мнѣ что-нибудь хорошенькое!» «Пиши скорѣе!» «Ты тоже!» «Будь здоровъ!» «Поцѣлуй ребятъ!»

Рукопожатія, кивки, помахиванія. Топъ, топъ... они ушли! Топъ, топъ! Глухо замираютъ шаги, мужики исчезаютъ за ближайшимъ переваломъ.

Однѣ... Онѣ стоятъ у одинокаго куста, точно покинутое стадо. Рѣзкій утренній вѣтеръ вѣетъ надъ голой площадкой, развѣвая юбки женщинъ, точно флаги, поднятые въ знакъ несчастія.

— Вотъ и ушли,—сказала одна и грустно поглядѣла вслѣдъ ушедшимъ.

IV.

Петръ Мифферть сидѣлъ на скамейкѣ у дверей своего дома. Ноги онъ вытянулъ далеко передъ собой, руки засунулъ въ карманы штановъ, а спиною удобно прислонился къ насквозь прогрѣтой солнцемъ стѣнѣ.

Было тихо и жарко; горячій воздухъ, спертый между горными стѣнами, былъ раскаленъ, точно въ котлѣ. Не ощущалось ни малѣйшаго дуновенія, листья на деревьяхъ не шевелились, и Зальма, въ видѣ очень сузившейся серебряной ленты, беззвучно змѣилась по направленію къ Химмероду.

Сюда, наверхъ, до крайней избы, стоявшей поодаль отъ прочихъ, не долетало ни крика, ни отзвука. Пониже пеклась на знойномъ солнцѣ деревня, безжизненная, точно погруженная въ заколдованный сонъ; ея бѣлыя избушки, ослѣпительныя въ переливахъ свѣта, какъ будто робко прятались въ узкой долинѣ.

Петръ потянулся, потомъ снова сѣлъ неподвижно; тяжелыя вѣки еще плотнѣе прикрыли глаза, картузъ съѣхалъ на самыя брови; онъ зѣвнулъ во весь ротъ. Голова его безпомощно клонилась то на правое, то на лѣвое плечо, наконецъ, свисла на грудь. Петруша спалъ.

Луши не было дома; черезъ деревню проѣхалъ странствующій торговецъ краснымъ товаромъ, и на его телѣжкѣ она, вмѣстѣ съ ребенкомъ, рано поутру уѣхала къ роднымъ въ Мандершейдъ. Она воспользовалась оказіей.

Петръ проводилъ ее до трактира, присутствовалъ при ея отбытіи, затѣмъ выпилъ стаканчикъ у стараго Крумшейда и медленно поплелся домой, чтобы дать корму козѣ и курамъ. Только что онъ собрался отдохнуть отъ такихъ трудовъ, какъ прибѣжалъ Хубертъ, внукъ стараго Штеффеса: плугъ разладился, а надо было метать пары: дѣло спѣшное!

— Ну, ты себѣ ступай, а я приду, какъ только будетъ возможно,—важно отвѣтилъ Петръ и выпроводилъ маленькаго посла за дверь.

Оставшись одинъ, онъ засмѣялся: еще недоставало, въ такую жару разгорячаться за работой! И завтра день будетъ, да, можетъ быть, станетъ прохладнѣе.

— Ухъ, вотъ пекло!—Онъ распахнулъ рубашку на груди и бросился, какъ былъ въ сапогахъ, на неубранную постель. Сонными глазами уставился онъ на низкій потолокъ, почернѣвшій отъ копоти, украшенный длинными фестонами, и думалъ о своей женѣ: чортъ возьми, ужъ и хороша же она была, сидя на телѣжкѣ рядомъ съ торговцемъ, настоящая барыня! На ней было лучшее платье, она любила пріодѣться; сколько ужъ времени пристаетъ, подай ей новое!... И шляпку надѣла, которую отлично украсила всевозможными бантиками; она могла цѣлыми днями сидѣть и мастерить что-нибудь такое. Зато ужъ и шла къ ней эта шляпка!... Подъ соломенными полями, украшенными синими и красными лентами, спускались на виски густые волосы пышными волнами, а спереди ложились блестящими завитками до самыхъ бровей, темнѣвшихъ полосою надъ ясными, веселыми глазами. У разносчика просто слюнки потекли,—это Петръ отлично замѣтилъ.

Чортъ побери, ну, не дуракъ ли онъ, что отпустилъ свою Лушу одну съ чужимъ мужчиной?

Онъ сморщилъ лобъ въ гнѣвной тревогѣ и вскочилъ съ постели.

Чу, опять постучались!

Дверь отворилась, и, не дожидаясь позволенія войти, Христя Печъ просунула голову въ комнату. Съ лукавой улыбкой, она оглядѣлась кругъ.

— Развѣ Луша не дома?

— Нѣтъ,—онъ отвѣтилъ довольно грубо; она пришла некста-ти: ему надо было столько обдумать.

Словно кошечка подкралась она ближе; глаза сверкали.

— Луша уѣхала въ Мандершейдъ?

Откуда она узнала? Онъ поглядѣлъ на нее съ изумленіемъ.

Она не сказала ничего, но улыбка выдала ее. Ага, она подсма-тривала!

Она стояла передъ нимъ, склонивъ голову набокъ, и поблескивала на него глазами. Петръ не могъ не найти ее хорошенькой; свѣтлый платочекъ такъ шелъ къ ея смугловатому личику, а ротъ былъ у нея красный, точно вишня.

— Тебѣ что-нибудь нужно отъ Луши?—сказалъ онъ гораздо привѣтливѣе.

— Нѣтъ, отъ васъ,—возразила она смѣло, приподняла верхнюю юбку и долго рылась въ карманѣ нижней. При этомъ она не спускала съ него глазъ и улыбалась своимъ вишневымъ ртомъ. Наконецъ, она вытащила маленькій пакетикъ и развернула клочки газетной бумаги. Показалось маленькое украшеньице, позолоченный крестикъ, на которомъ лежало изображеніе Спасителя въ видѣ крохотной куколки.

— Смотрите,—она положила передъ нимъ крестикъ и тотчасъ нагнулась надъ его плечомъ.

Петръ взялъ крестикъ для осмотра: онъ былъ погнутъ, а внизу кусочекъ отломленъ.

— Что же мнѣ съ нимъ дѣлать?

— Починить.

— Этого я не могу.

— О,—она сзади крѣпко прижалась къ нему,—кто этому повѣритъ? Говорятъ, вы такой ловкій, у васъ такой талантъ, вы все можете сдѣлать.

— Оставь меня въ покоѣ,—проворчалъ онъ.

— Петенька сегодня съ лѣвой ноги всталъ!—разсмѣялась она.—Ну, не фыркайте же на меня такъ!—Она схватила крестикъ черезъ его плечо, причемъ нѣжно задѣла его по щекѣ.—Поглядите, вы здѣсь придѣлаете новый кусочекъ, разъ и два! И будетъ готово.

— Охъ ты, льстивая дѣвчонка!—усмѣхнулся онъ и погладилъ ее по щекѣ.—А скажи, отъ кого у тебя крестикъ? Отъ суженаго?

— Нѣтъ, нѣтъ!—Она притворно застыдилась.—У меня нѣтъ суженаго. Я еще слишкомъ молода.

— Ну, ну!—Онъ поглядѣлъ на нее съ любопытствомъ.—А Ѳома Лауфельдъ что?—И Петръ, подмигнувши глазомъ, ущипнулъ ее за руку.

Она ударила его по пальцамъ.

— Вотъ еще... Этотъ глупый мальчишка!—Она поджала губки.—Онъ теперь далеко, Богъ знаетъ, что онъ дѣлаетъ! А на свѣтѣ есть и другіе... Ха-ха!—Она звонко размѣялась и совсѣмъ близко нагнулась къ Петру.

— Это ты правду говоришь,—согласился онъ. Она все больш

ему нравилась; онъ самъ дивился, что у него уже давно съ нею чего-нибудь не завязалось; она была самая молоденькая въ деревнѣ, а глаза-то у нея! По глазамъ съ ней не сравнится даже Луша. У этой въ глазахъ были настоящіе огоньки, она сверкала ими въ лицо, какъ будто говоря: «зажгись отъ меня; я уже ярко горю».

— Плутовка,—произнесъ Петръ, привлекая ее къ себѣ и цѣлуя прямо въ губы.

Она возвратила поцѣлуй и прохихикала:

— Кошки нѣтъ, мышкамъ веселье. А Луша...

— Что Луша?—рѣзко прервалъ онъ ее; казалось, онъ хотѣлъ оттолкнуть дѣвушку.

— Ого!—смѣялась та.—Луша тоже весело проведетъ время; тотъ господинъ не изъ сердитыхъ!—Она взглянула на него сбоку.—Фи, не дѣлайте такого злого лица! Поцѣлуй меня, а то я тебя поцѣлую.

Она бурно бросилась къ нему на шею, такъ что онъ упалъ на стоявшую сзади скамью. Ея горящіе глаза жадно впивались въ его лицо, губы алѣли, какъ кровь, надъ острыми зубками, и вся она походила на молодую кошку, которая только что попробовала добычи, еще ощущаетъ на языкѣ вкусъ горячей крови и стремится поймать еще.

Она сидѣла у него на колѣняхъ, ея руки сжимали его все крѣпче, крѣпче. Онъ и не думалъ защищаться. Молодое вино быстро пьянитъ; а къ этому присоединилось еще польщенное тщеславіе.

Жаркая сцена разыгрывалась въ грязной комнатѣ подъ закопченнымъ потолкомъ. Крестикъ валялся на полу, Христя небрежно наступала на него, и золотое украшеніе хрустѣло подъ усаженной гвоздями подошвой. Она не замѣчала этого, какъ не замѣтила шороха подъ окномъ и скрипа на порогѣ.

Дверь пріоткрылась какъ разъ настолько, чтобы пропустить головку живого подобія Христи, ея сестренки Биллы. Не-дѣтски умные глаза дѣвочки замѣтили все. Христя вскочила съ крикомъ бѣшенства. Петръ совершенно растерялся.

— Ступай-ка внизъ!—Билла настежь распахнула дверь.—Т лько сейчасъ же!

— Пошла вонъ!—крикнула старшая, сжимая кулакъ.

— Бэ!—Билла показала ей языкъ и побѣжала по дорогѣ въ деревню съ крикомъ:—А я что-то знаю... Я видѣла все, я видѣла все!

Христя, точно бѣшеная, бросилась за нею.

— О, чортъ возьми!—Озадаченный Петръ глядѣлъ ей вслѣдъ, е е не совсѣмъ придя въ себя.—Голодная вошь кусаетъ всѣхъ боль-

нѣе,—проворчалъ онъ и заперъ дверь. На лбу его выступилъ потъ, ему стало очень жарко. Онъ присѣлъ на табуретъ и подперъ голову рукой.—А Луша тоже весело проведетъ время...—Теперь, когда сознаніе къ нему вернулось, его терзала мысль: гдѣ теперь Луша? Что она дѣлаетъ?...—Чортъ возьми!—выругался онъ.—Опять стучатъ!...

Да это мать Хуберта самолично, молодая Штеффесъ, которая оставалась дома одна со старикомъ дѣдомъ; мужъ работалъ на фабрикѣ.

— Я посылала къ вамъ моего Хуберта,—лепетала она, запыхавшись, и сѣла на скамью.—Не придете ли вы?

— Непремѣнно, непремѣнно,—сталъ увѣрять Петръ.

Анна Марія Штеффесъ была хорошенькая бабенка, не изъ рослыхъ, но живая и стройная, словно перепелочка.

— Это вѣдь спѣшное дѣло,—сказала она и прижала руку къ высоко вздымавшейся груди; она, должно быть, бѣжала изо всѣхъ силъ, потому что была красна и задыхалась.

Однако, теперь ей, кажется, было не къ спѣху; она спокойно оглядывалась, разсматривая жалкую комнату.

— Луши нѣтъ дома?—спросила она, наконецъ.

— Нѣтъ.

— Она поѣхала въ Мандершейдъ?

— Да.

— Вернется только вечеромъ?

— Да.

— Господи, а вамъ некому и ѣды состряпать. Нѣтъ, что это за жена! Оставляетъ бѣднаго мужа совсѣмъ одного!—Она всплеснула руками.—Ну, можно ли это?!

Онъ утвердительно кивалъ головою: ему нравилось, что его жалѣютъ въ то время, какъ его жена ѣдетъ съ торговцемъ по безлюдному лѣсу. Да, Луша просто-напросто покинула его. Ну, ужъ онъ ей за это отомститъ, погоди только!

— Ахъ вы бѣдняга!—снова воскликнула Штеффесъ, она никакъ не могла успокоиться.—Постойте, я вамъ пришлю чего-нибудь; или, знаете что, Петруша, приходите къ намъ, у насъ сегодня превкусное кушанье: жареные дрозды съ ежевикой и кофе, и бутылочку вина поставлю на придачу!

У него потекли слюнки: такъ вкусно онъ уже давно не ѣдалъ.

— Только приходите,—сказала она просительнымъ тономъ и подошла ближе.

Онъ вытеръ губы рукой, потомъ обнялъ ее за талію и привлекъ къ себѣ.

— Этого упускать неслѣдъ!—вздохнулъ онъ.

Она вытянула губы и прислонилась къ нему.

— А на закуску у меня есть еще и сыръ.

Чортъ возьми, сыръ! Его Петръ очень любилъ.

— Такъ сыръ?—Онъ звонко поцѣловалъ ее въ губы. Она отвѣтила тѣмъ же. Поцѣлуй за поцѣлуемъ. Она обхватила руками его голову, разгорѣлась и разрумянилась; ея жаръ передавался и ему... Вдругъ оба отпрянули другъ отъ друга.

За дверью кто-то произнесъ:

— Съ вашего позволенія,—и Катерина Денсборнъ уже стояла въ комнатѣ, насмѣшливо скрививши ротъ.—Извините, я, кажется, некстати въ вашемъ пріятномъ разговорѣ? Я ужъ стучала, стучала!—Она бросила презрительный взглядъ на маленькую Штеффесъ.—Ты оглохла, должно быть? Твои дѣти орутъ такъ, что за сто шаговъ слышно. Сусанка упала съ лѣстницы, Яшка съ Ванькой дерутся. Хубертъ швырялъ камнями въ наши яблоки, за это нашъ пёсъ знатно порвалъ ему штанишки; теперь будетъ тебѣ что чинить.

— Іисусъ, Марія!—Штеффесъ бросилась къ двери, но на порогѣ обернулась еще разъ:—Только попадись мнѣ еще, старая хрычевка!...

Денсборниха злобно расхохоталась:

— Ты думаешь, «лучше полкуска, чѣмъ совсѣмъ ничего»; я тебя хорошо знаю, негодная бабенка! Погоди, напишу твоему мужу словечко, небойсь, не спрячетъ письмо за зеркало.

— Ахъ ты... ты...—Штеффесъ хотѣла еще что-то прибавить, но Денсборниха столкнула ее съ порога и съ трескомъ захлопнула дверь.

— Тише, тише,—сказалъ Петръ; ему было досадно: молодая чистенькая бабочка нравилась ему гораздо больше, чѣмъ ширококостая и пожилая Катерина.

Та гнѣвно обратилась къ нему:

— Я удивляюсь, какъ вы связываетесь съ этакой! Ну, то ли дѣло—Луша! Такая проворная, ласковая, а ужъ красавица на всю округу!

Она хвалила Лушу прямо черезъ край. Петра это озадачило: онъ и когда не подозрѣвалъ, что эти бабы такъ цѣнятъ Лушу, совсѣмъ и противъ! Но ему сильно польстило, что всѣми уважаемая Денсборниха расхваливаетъ его жену.

Онъ улыбнулся и погладилъ усы.

— Чѣмъ могу вамъ служить, тетушка Денсборнъ?

Ея широкоскулое и сильно загорѣлое лицо усмѣхнулось.

— Я только хотѣла васъ спросить, не будете ли вы такъ любезны, не напишете ли мнѣ адресъ къ Денсборну, а то у меня не такъ хорошъ почеркъ. А прочіе здѣсь такъ необразованы, что имя свое подпишутъ—не разберешь. Вотъ!

Она вынула изъ кармана конвертъ съ письмомъ, тщательно запечатанный сургучомъ: печатью послужилъ наперстокъ.

— Нѣтъ, какой вы ученый!—сказала она въ восхищеніи, когда Петръ написалъ ей адресъ и закончилъ имя Денсборна смѣлымъ росчеркомъ. — Вы пишете лучше оберкайльскаго учителя; правда, онъ ужъ старъ, а старики ни на что не годны. Сколько я вамъ должна, Петръ?

— Ничего, ничего, — поспѣшно возразилъ онъ. Петръ всегда отличался любезностью, если это не требовало большихъ усилій.

— Спасибо, спасибо! Заходите ко мнѣ, выпьемъ по стаканчику; у меня въ погребѣ еще есть боченокъ отъ брата, съ Мозеля! — она пожала ему руку и при этомъ посмотрѣла на него, такъ растянувши ротъ въ улыбку и съ такою мягкостью въ обыкновенно строгихъ глазахъ, что его даже оторопь взяла. Когда она ушла, онъ вздохнулъ свободно.

Но и тутъ его не оставили въ покоѣ: бѣготнѣ не было конца.

Приходило нѣсколько бабъ: черноволосая Вѣра, бѣлокурая Лизутка и, наконецъ, жена Мартына Матесена—Труда; эта жаловалась, что мужъ бранитъ ее и мучитъ ревностью, рыдала, плакала и напоминала Петрушѣ «о прежнемъ».

Съ одною смѣяться, другую утѣшать и всѣхъ ласкать,—это было немножко слишкомъ!

У Петруши голова пошла кругомъ, онъ совсѣмъ измучился; неудивительно, что онъ сидѣлъ теперь у своей избы и спалъ.

Въ знойномъ послѣполуденномъ воздухѣ жужжали пчелы, нагруженныя медомъ; сильный, почти удушливый запахъ поднимался отъ луговъ по Зальмѣ; трава стояла высокая и давно просила косы.

На блѣдно-желтомъ фонѣ полей по горному склону мелькали свѣтлыми пятнами бѣлые головные платки—тамъ работали теперь бабы.

Не сверкало ни одной косы, и хлѣбъ не падалъ длинными рядами; бабы ползали на колѣнахъ и подрѣзали рожь серпами, какъ въ иныхъ мѣстахъ траву. Онѣ работали усердно, потъ лилъ ручьями; рубахи мокрыя, хоть выжми—прилипали къ тѣлу; загорѣлыя, пеца-

рапанныя и исколотыя соломой босыя ноги виднѣлись изъ-подъ широкихъ юбокъ.

Между работавшими не было ни одного мужика; только кое-гдѣ на межѣ сидѣлъ старикъ, покуривая трубку, въ качествѣ зрителя, или пара подростковъ подгоняла тощую корову, съ трудомъ волочившую плугъ по жнивью.

Знойно льются солнечные лучи на крутые склоны; тонокъ-тонокъ слой земли, а подъ нимъ твердый камень. Жалокъ урожай; хлѣбъ стоитъ въ тощихъ копнахъ, солома тонка, колосъ мелокъ.

Варюха тоже на работѣ.

— Господи!—произнесла она и, тяжело дыша, разогнула спину.

Старая Шнейдериха, вязавшая за снохою, сердито закричала:

— Впередъ, впередъ! Нечего лѣниться!

— Я больше не могу!

— Не могу! — передразнила старуха. — Не за это ли тебѣ дали хорошую горницу? У насъ лѣнтяйничать не приходится! У насъ нѣтъ денегъ, чтобы кормить лишніе рты!

Варвара проглотила слезы; изъ ея груди рвался крикъ: «если бы Лаврентій это зналъ!»

Но она промолчала: со свекровью было опасно связываться. Недавно, когда Лаврентій прислалъ денегъ, старуха взяла все себѣ и грубо заставила замолчать молодуху, которая робко спросила свою долю.

У Ленцовой Варюхи не было заступы: родители ея умерли. Старый, слабоумный дядя, у котораго она жила полудочерью, полуслужанкой, отдалъ ей къ свадьбѣ все, что оставилъ бы въ наслѣдство; все на свадьбу и ушло, оставалось очень немного на необходимѣйшее обзаведеніе.

«Если бы онъ былъ здѣсь! Хоть бы скорѣе вернулся!» Такова была мольба, ежедневно вырывавшаяся изъ груди Вари; день и ночь думала она о немъ съ пожирающей, болѣзненной тоской. Съ трудомъ влачила она свою жизнь, какъ и свое отяжелѣвшее тѣло.

Въ одномъ изъ угловъ своей комнаты она каждый вечеръ проводила по красной чертѣ: еще день прошелъ! Еще сто два дня, и онъ придетъ!

Стоя на колѣняхъ съ серпомъ въ рукѣ, молодая женщина задумалась, глядя въ пространство, залитое ослѣпительнымъ сіяніемъ солнца.

Сосѣднее жнивье пахала Христя Печъ. Она запрягла въ плугъ своего тринадцатилѣтняго брата Карла и четырнадцатилѣтнюю сестренку Биллу; немногія въ деревнѣ могли достать плугъ, большин-

ство вскапывало поле заступомъ. Христя гордо махала кнутомъ, съ особеннымъ наслажденіемъ прислушиваясь къ его свисту въ воздухѣ. Конецъ кнута задѣлъ по шеѣ Биллу; та вскрикнула и обернулась.

Христя хохотала.

— Смотри, дерзкая тварь! — съ бѣшенствомъ крикнула младшая.

Христя продолжала смѣяться.

— Но, но! мои лошадки!

— Я тебѣ не лошадь! — Билла кинулась въ борозду.

— Ну же! Ну! Что не тянешь?

Билла упрямо лежала въ бороздѣ, и ее не удавалось поднять кнутомъ; но когда Христя выскочила изъ-за плуга и ударила ее ногой, Билла вышла изъ себя. Она вцѣпилась въ ногу не ожидавшей этого Христи и съ визгомъ повалила ее. Обѣ покатились по жнивью.

Карлъ проворно принялъ сторону младшей сестры; ему удалось выпутаться изъ упряжи, и онъ бросился на дерущихся, молотя кулаками по спинѣ Христи. Билла, лежавшая подъ обоими, чуть не задохнулась подъ ихъ двойной тяжестью.

Однако, до сихъ поръ все это было въ шутку: къ визгу и крикамъ примѣшивался смѣхъ; но скоро дѣло стало серьезнымъ.

Христя ущипнула брата за ногу, тотъ вцѣпился ей въ волосы; одной рукой онъ запрокинулъ ей голову, другой ударилъ ее по лицу. Кровь брызнула у нея изъ носу, а изъ глазъ — слезы; она громко закричала. Нѣкоторыя изъ работавшихъ подошли и окружили облако пыли, въ которомъ валялись всѣ трое. Мнѣнія раздѣлились.

— Хорошенько оттрепать Христю не вредно, — сказала одна баба.

— Матерь Божія! Онъ ее убьетъ!

— Одного логова волчата! Не бойсь, не убьетъ!

— Подержите мальчишку за ноги: онъ Биллу забрыкаетъ!

— Э, ничего! Сорной травѣ ни отъ чего нѣтъ вреда!

— У нея кровь идетъ!

— Помогите, помогите! — пронзительно закричала Христя. Ея крикъ разносился по всему полю.

Теперь со всѣхъ сторонъ съ любопытствомъ сбѣжались бабы.

— Что тутъ сдѣлалось? Кто оретъ? Глянь-ка! Іисусъ, Марія, Іосифъ!

— Это просто срамъ! — воскликнула Денсборниха. — Вы даете чуть не убить дѣвку! Держите его за куртку! Пусти, проклятый негодяй! — Она схватила мальчика за ногу.

— Оставьте его! — крикнула Штеффесъ. — Смотрите лучше

своими! Карлуша не виноватъ: Христина шпыняетъ ихъ день и ночь. Кто бьетъ беззащитныхъ ребятъ, самъ стòитъ порки... Пусть попадется мнѣ вашъ Ванька! Такъ поколотилъ Хуберта, что у парнишки всѣ кости болятъ. Я подамъ на него въ судъ, да и на тебя, ханжа этакая, стерва!

— Что, что?—вопила Денсборниха.—Вы еще разговариваете?! Этакая баба, этакая потаскуха, этакая... — Отъ бѣшенства она не находила словъ. — Шляется по мужьямъ, какъ только женъ дома нѣтъ! Тьфу!—Она плюнула.

— Враки, враки! — визжала Штеффесъ; она покраснѣла, какъ макъ, и вихремъ понеслась на свою рослую широкоплечую противницу. — Вамъ завидно, да, завидно! Ха-ха! — Она судорожно засмѣялась.—Вы сами-то не прочь! Вы...

Катерина ударила ее по рту.

— Врешь!

— Сама рада, сама... ха-ха-ха... старая корга!

— Ха-ха!... Старая корга!—подхватили бабы помоложе.

Черноволосая Вѣрка и бѣлокурая Лизутка присоединились къ Штеффесъ; онѣ уже давно втайнѣ злились на Денсборниху, во все совавшую свой носъ.—Анна-Марья, твоя правда! Не давай себя въ обиду! Эта косая стерва думаетъ, что ей дадутъ командовать?! Не бывать этому! Эй, ты! Корга! Старая корга! Ха-ха-ха!—поднялся несмолкаемый хохотъ.

Немногія еще работавшія бабы, поднялись съ колѣнъ; съ крикомъ кинулись онѣ къ мѣсту ссоры, размахивая серпами и юбками.

Что было вырвано волосъ!

Катерина Денсборнъ ухватила Анну-Марью Штеффесъ за косу.

— Ты, безстыдница! Повтори еще разъ, повтори!

— Вамъ завидно, завидно! Старая корга!

— Лгунья!

— Сама рада бы!

— Погоди, я тебя выучу!

Битва завязалась не на шутку. Высокая противница трясла маленькую, какъ связку платья; та отбивалась руками и ногами. Онѣ отпускали другъ друга на минутку, чтобы перевести духъ, и сейчасъ же опять бросались другъ на друга.

Крики, ругань, визгъ, смѣхъ, — все слилось въ оглушительный гамъ.

Образовались двѣ партіи, бабы стали противъ бабъ. Многимъ было надо свести старые счеты; драка шла уже не только между Денсборнихой и Штеффесъ.

Братъ и сестра Печъ были забыты.

Карлъ засунулъ руку въ карманъ изорванныхъ штановъ и, скаля зубы, смотрѣлъ на потасовку; Билла ревѣла, лежа на землѣ. Христя утерла кровь изъ носа рукою и, съ горящими глазами, подкралась ближе къ дерущимся. У нея тоже были враги среди нихъ: мигомъ Штеффесъ получила подножку. Зачѣмъ она не помогла ей только что? Теперь Христя была посреди свалки; бѣлокурая Лиза, двоюродная сестра Штеффесъ, своими золотыми косами часто затмевавшая Христю (не она ли недавно украдкой выскользнула изъ Петрушиной избы?) дала ей хорошаго раза.

— Ну, берегись теперь, подлизушка, — прошептала, стиснувъ зубы, Христя.

— Дѣвчонка! — презрительно крикнула Лизутка: она была на годъ или на два постарше.

— А ты—перезрѣлая слива!

— Сама—зеленое яблоко!

— Я тебѣ выдеру твою красную гриву!

Христя съ силою вцѣпилась въ золотистыя косы.

— Вѣрка, Вѣрка! — звала Лизутка пріятельницу. — Иди скорѣе! Я подержу лапки влюбленной кошкѣ, а ты задай ей хорошенько сзади!

— Придержи языкъ! Вѣрка, иди ко мнѣ!—крикнула Христя:— Слышишь, ты, эта Лизка... Вѣрка, эй Вѣрка! Лизка была нынче у Петрушки и говорила ему, что ты дура! Вѣра! Вѣруха!

— Что?!—Въ одну минуту декораціи перемѣнились, черноволосая накинулась на бѣлокурую.

— Была у Петруши? Меня называла дурой? Ахъ ты—лживая тварь!

Христя смотрѣла съ торжествомъ, какъ таскали другъ друга обѣ пріятельницы.

Вотъ былъ скандалъ! Шумъ, брань, крикъ! Гамъ этотъ слышенъ былъ и въ долинѣ, достигъ до Петрушиной избы и разбудилъ эхо противоположнаго горнаго склона.

Никто не разслышалъ полуденнаго благовѣста, кромѣ Вари. Она стояла въ сторонѣ и задумчиво глядѣла на сумятицу. Прежде и она живо вмѣшалась бы въ драку, но теперь... Все заглушила въ ней великая тоска. Когда зазвонили, она перекрестилась; серпъ выпалъ у ней изъ рукъ, она медленно опустилась на колѣни и молитвенно сложила руки. Что-то теперь дѣлаетъ Лаврентій? Думаетъ ли онъ о ней?... Ахъ, если бы онъ только вернулся... ахъ!...

— Вставай,—закричала на нее свекровь,—заснула?—Старуха

тоже приняла участіе въ ссорѣ, главнымъ образомъ—языкомъ; но скоро потерпѣла пораженіе, и теперь изливала накопившійся потокъ брани на сноху, это бѣльмо на ея глазу.

Съ дикой яростью накинулась на нее старуха. Она не пощадила ее ничуть: громко, при всѣхъ, она попрекнула невѣстку «грѣхомъ». Не было дѣвушки хуже ея: оборванная, нищая, да еще себѣ на умѣ! Какую жену могъ бы взять Лаврентій!... Но она точно камень повисла у него на шеѣ, и не догадывается, что ему хочется отъ нея отвязаться; да, она надоѣла ему, матери онъ все сказалъ!

Варвара тяжеловѣсно выпрямилась. Молча и мрачно глядѣла она на драку женщинъ; теперь же вой, крикъ, мелькающіе кулаки, искаженныя лица, дикое сиятеніе дерущихся наконецъ какъ бы разожгли что-то и въ ней. Когда свекровь крикнула: «Ты надоѣла ему, надоѣла до тошноты, онъ хотѣлъ бы сплавить себя къ чорту на рога!» то пламя это вспыхнуло. Сноха повернулась къ старухѣ, схватила серпъ; ея лицо горѣло, глаза грозно сверкали, изъ наболѣвшей груди вырывался безумный, дикій смѣхъ. Серпъ угрожающе блеснулъ... но она тотчасъ же кинула его... За то ея сжатый кулакъ опустился на спину свекрови съ такой силой, что у той зазвенѣло въ ушахъ и въ глазахъ помутилось.

У старухи подкосились ноги, и, закрывъ голову руками, она начала кричать.

Удары сыпались градомъ. Старуха ежилась и вилась червемъ; Варюха стояла надъ нею какъ мстительница, мертвенно блѣдная и плотно сжавши губы. Она колотила ее съ чувствомъ облегченія, освобожденія.

— Перестань!—визжала старуха.—Я жаловаться буду! Я тебя прокляну!

Удары не прекращались.

— Перестань, я скажу Лаврентію!...

— Лаврентію?...

Жалобно, подобно заклинанію и мольбѣ, выкрикнула Варя имя мужа; поднятая рука опустилась, она безсмысленно оглядѣлась, словно пробуждаясь отъ сна. Судорожная дрожь потрясла все ея тѣло; она зашаталась, какъ будто ея не держали ноги. Съ глухимъ стономъ она закрыла лицо руками.

V.

— Бимъ-бимъ-бимъ...—звонитъ въ церкви маленькій колоколъ. Его тоненькій и ясный звукъ разносится надъ деревней, взлетаетъ

вверхъ по обрывамъ горъ; сверху, изъ Шварценборна, отвѣчаетъ другой колоколъ... Бомъ-бомъ-бомъ! Благовѣстятъ къ вечернѣ.

На каменныя плиты церкви склонилась Варя. Лицо ея блѣдно, глаза красны и распухли отъ слезъ. Она протягиваетъ руки къ статуѣ Богородицы, что стоитъ въ нишѣ бокового алтаря; бѣлыя и красныя бумажныя розы обрамляютъ Пресвятую дѣву; у ногъ Ея мигаютъ двѣ тоненькихъ свѣчки.

Въ церкви нѣтъ никого больше. Коричневыя деревянныя скамьи пусты; кое-гдѣ лежитъ оставленный молитвенникъ съ пестрымъ образочкомъ вмѣсто закладки. Грубые кожаные башмаки натащили сюда немало уличной грязи; больше всего запачканы плиты передъ статуей Богородицы, потому что здѣсь только что стояли на колѣняхъ бабы, низко склонивъ головы и непрерывно шевеля губами.

Послѣ полудня собралась гроза; она надвинулась быстро, неожиданно, ничѣмъ не предвѣщаемая. Небо стало черно и повисло какъ свинцовое; оно грозило градомъ. Бабы со страхомъ выглядывали изъ хатъ: ужъ не Божье ли это наказаніе за сегодняшнюю ссору?

Сегодня онѣ всѣ напоминали раненыхъ послѣ сраженія; на каждой была отмѣтина: царапина, синякъ, шишка. Онѣ пришли съ поля съ горящими глазами, съ бранью и проклятьями на устахъ. Двери избъ захлопнулись съ шумомъ, дѣти робко попрятались, посуда зазвенѣла, немало плошекъ разлетѣлось въ черепки; съ неостывшимъ гнѣвомъ принялись за сильно запоздавшій обѣдъ; за ѣдою каждая ощущала вкусъ желчи.

Вдругъ раздался первый громъ!

Страшно загремѣли его раскаты въ узкой долинѣ, напоминая ревъ дикаго звѣря, не находящаго выхода изъ клѣтки. Въ отвѣтъ гремѣло эхо... А небо было такъ грозно; молніи сыпались, какъ огненныя стрѣлы.

— Іисусъ! Марія! Іосифъ!—Какъ стадо овецъ, напуганное волкомъ, всѣ побѣжали въ церковь, упали на плиты пола, стали бить себя въ грудь, молиться и вздыхать такъ, что могли бы смягчить камень. Онѣ были совершенно подавлены.

— Марія, Милосердная Дѣва, спаси насъ!

— Святой Донатъ, пронеси грозу, ты можешь это! Святой Донатъ, умоляю тебя, не дай пропасть моему ячменю: онъ уже вызрѣлъ!

— Святая Марія, Матерь Божія, я не по злобѣ ударила эту дерзкую. Прими это во вниманіе, Пречистая, не осуди меня!

Небеса гремѣли. Точно пушечная пальба перекатывался громъ по всей долинѣ изъ конца въ конецъ.

— Благословенна ты, Марія! Помилуй насъ, помилуй, святой Донатъ!

— Звѣзда морей, помилуй насъ!

— Сладчайшая Дѣва, помилуй насъ!

День теменъ, точно ночь; углы церкви полны сѣраго сумрака. Вотъ содрогается старое зданіе; огненная молнія прорѣзываетъ мракъ и кажется еще ярче сквозь цвѣтное окно, на которомъ стоитъ изображеніе св. Доната среди молній. Громкіе вопли изъ церкви отвѣчаютъ грозному голосу грома; все усерднѣе шепчутся молитвы, все быстрѣе движутся губы.

— Святой Донатъ, къ тебѣ прибѣгаю! Слава тебѣ!

— Марія, Матерь Божія, моли Бога о насъ!

— Пресвятая Дѣва, обѣщаю тебѣ тридцать три тысячи поклоновъ!

Головы склоняются къ самымъ плитамъ; даются обѣты, клятвы въ ожиданіи чуда.

Не долго однако пришлось молиться: гроза пронеслась такъ же быстро, какъ налетѣла; въ одно мгновеніе она была уже за горами. Передъ церковной дверью опять заклохтали куры, отыскивая червей, воробьи весело зачирикали, топорща промокшія перышки. Поперекъ улицы текли помои изъ размытыхъ дождемъ навозныхъ кучъ, а на безоблачномъ небѣ уже смѣялось солнце.

Каждая баба еще разъ поклонилась и перекрестилась у церковныхъ дверей, обмакивая пальцы въ каменную чашу со святой водой.

— Чортъ возьми! Была погодка!—сказала одна.

Другая прибавила:—Да, могло дьявольски плохо кончиться.

Всѣ были веселы, смѣялись и болтали. Недавнія противницы бесѣдовали между собой; съ веселыми шутками составлялись пары, чтобы идти въ лѣсъ за валежникомъ.

Одна Варюшка оставалась въ церкви. Ея шопотъ снова раздался въ пустомъ пространствѣ; она не могла молиться со всѣми, а молилась теперь. Она сама не знала, что произносила: то были не слова, а скорбный лепетъ. Ея грустные глаза съ мольбою обращались на статую Богородицы; статуя улыбалась.

Молодка печально опустила голову: да, эта Дѣва была чиста и непорочна; такъ она и улыбалась молча: Ей не понять было такую грѣшницу!

— Умилосердись!

Она со стономъ ударилась лбомъ о холодный камень. Она поднята руку на ту, которая родила Лаврентія, она ударила его мать. Что сказ[illegible]етъ Лаврентій?!

[illegible]ли бы она могла довѣрить человѣческому слуху тяжесть грѣха

лежавшую у нея на совѣсти! Если бы болѣе чистыя уста умолили за нее Всевышняго, то и Лаврентій простилъ бы ее!

Страшное опасеніе овладѣло несчастной: а ну какъ онъ отвернется отъ нея и вовсе не воротится?!

Обезумѣвъ отъ ужаса, она корчилась и ломала руки.

— Марія, Матерь Божія, прости меня! Лаврентій, вернись! Лаврентій! Я буду носить на рукахъ твою мать; пусть она бьетъ меня до полусмерти, я ничего не скажу! Вернись! Вернись!

Бумажныя розы вокругъ изображенія зашелестѣли, задѣтыя струей сквозного вѣтра; на хорахъ хлопнуло окно; отворилась дверь въ ризницу.

Варвара ничего не слыхала: она пламенно молилась.

Вошелъ священникъ; его доброе, крестьянское лицо блистало румянцемъ и довольствомъ. Въ ризницу не протекло; въ его саду гроза не сбила ни одной изъ драгоцѣнныхъ грушъ! Хвала Святому Сервatію, покровителю Эйфельшмита!

— А, Ленцова Варвара! — сказалъ онъ ласково и похлопалъ согнувшуюся фигуру по плечу.—Что ты здѣсь дѣлаешь?

Она подняла голову и разсѣянно поглядѣла на него.

— Батюшка! Батюшка!... Она запнулась; взглядъ ея тоскливо скользнулъ по исповѣдальнѣ, зеленая занавѣска которой такъ ободрительно манила съ противоположной стѣны.—Ахъ, батюшка!—вырвалось у нея съ какой-то жадностью:—Если бы мнѣ сейчасъ на исповѣдь!—Она схватила полу его засаленной, длинной рясы и цѣловала ее.—Батюшка, исповѣдуйте меня!

— Только не сейчасъ, дочь моя,—отвѣтилъ онъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ:—Въ будущую пятницу! Знаешь: утромъ послѣ обѣдни, а вечеромъ отъ пяти до семи. Сегодня же понедѣльникъ. Развѣ ты не была вчера у обѣдни? Объ этомъ было объявлено. Въ будущую пятницу,—онъ выразительно подчеркнулъ каждое слово:—отъ пяти и до семи я исповѣдую. Запомни: въ будущую пятницу!

— Охъ, батюшка!—простонала она.

— Такъ до пятницы, дочь моя!

На прощаніе онъ поднялъ руку благословляющимъ движеніемъ. Она глядѣла на него взоромъ умирающаго отъ голода животнаго. Священникъ съ улыбкой засунулъ руку въ захватанный карманъ рясы и вытащилъ карточку: кусокъ бѣлаго картона съ кружевной каймой; на немъ было нарисовано красное, пылающее сердце, пронзенное стрѣлой, «сладчайшее сердце Іисусово».

— Вотъ тебѣ, дочь моя!

Онъ перекрестилъ ее.

Она поцѣловала карточку, поцѣловала руку священника и осталась опять одна.

Священникъ пошелъ читать свой требникъ; это онъ дѣлалъ обыкновенно во время прогулки къ Химмероду; дорога туда шла въ тѣни, поднимаясь ровно и отлого.

Долго еще пролежала Варвара передъ алтаремъ; статуя Богоматери глядѣла на нее съ ясной улыбкой, ничто не мѣнялось на восковомъ лицѣ. Чувство безграничной заброшенности охватило одинокую; не было никого, кто бы ей помогъ. Разбитая всѣмъ тѣломъ, она поплелась, наконецъ, прочь.

Когда, вскорѣ послѣ этого, она съ корзиной на спинѣ шла вмѣстѣ съ другими въ лѣсъ, къ ней по пути присталъ Петръ Миффертъ. Онъ шелъ встрѣчать Лушу. На немъ было праздничное платье вмѣсто рваной рабочей одежды; и праздничная-то была—не Богъ знаетъ что, но Петръ подтянулъ вѣчно болтавшіеся штаны, и фуражка съ блестящимъ клеёнчатымъ козырькомъ задорно сидѣла на его темныхъ кудряхъ.

Онъ пѣлъ и свисталъ; но его пѣніе звучало такъ же фальшиво, какъ крикъ спугнутой сойки, которая порхала между деревьями и подозрительно поглядывала внизъ. Луша, должно быть, до-сыта навеселилась нынче! Петруша срѣзалъ себѣ орѣховый прутъ и размахивалъ имъ направо и налѣво, такъ что листья летѣли съ кустовъ.

— Не хлещите!—Варюша трогательно посмотрѣла на него своими печальными глазами.—Бѣдняжки! На кустѣ-то имъ такъ весело да зелено, а вы ихъ сбиваете, и они валятся на дорогу, гдѣ всѣ ихъ топчутъ!

— Что-жъ тутъ такого?—возразилъ онъ легкомысленно, однако пересталъ махать прутомъ. Оба молча пошли дальше, каждый погрузившись въ свои мысли. Вдругъ послышалось рыданіе, Варя тяжело опустилась на придорожный камень.

— Какъ вы думаете, Лаврентій вернется?—вырвалось у нея; ея глаза съ боязливымъ вопросомъ впились въ Петрушино лицо.

Онъ понялъ ея опасенія и добродушно разсмѣялся.

— Ну, почему-жъ бы нѣтъ? Куда-жъ ему еще дѣваться?

— Вы такъ думаете? Въ самомъ дѣлѣ?

Она сжала его руку. О, какъ хорошо ей стало отъ его увѣренности! Она, всхлипывая, крѣпко держала его за рукавъ и прильнула лбомъ къ его куртке.

— Ну, Варюха, не будь дурой!—Петръ не могъ видѣть женскихъ слезъ, кто бы ни плакалъ, красавица или дурнушка; рыданія Вари глубоко тронули его, онъ примостился около нея на камнѣ и гладилъ ея руку.—Варюша, Варюша, не реви ты такъ!

— Если онъ меня больше не будетъ любить, я что-нибудь надъ собой сдѣлаю, — прошептала она съ мрачною рѣшимостью.

Петрушу словно ударило. Если Луша перестанетъ его любить, что онъ тогда сдѣлаетъ?

Онъ вскочилъ такъ быстро, что Варя поглядѣла на него съ испугомъ.

— Ну, я иду. Прощай!

Онъ шелъ не своей обычной лѣнивой походкой, едва двигая ноги и медленно тащась впередъ; нѣтъ, онъ бѣжалъ.

Ели направо, ели налѣво. Исполинскія зеленыя стѣны, обрамляющія узкую полоску неба. Ни избушки, ни пашни. Нѣтъ ни одной души живой, не пасутся коровы, не скачутъ козы, не видать ни звѣря, ни птицы.

Неподвижно, въ царственномъ величіи, стоятъ ели, точно деревья допотопнаго міра; сѣрѣютъ долгія пряди отмершаго моха на ихъ стволахъ; низко свѣшиваются длинныя, бурыя, чешуйчатыя шишки, и темная вязкая смола тягучими струйками сочится изъ растрескавшейся коры.

Глубокая тишина. Замолкаетъ легкомысленный путникъ, повелительная рука протягивается изъ лѣсного мрака и замыкаетъ ему уста:

— Тише!

Подъ тѣнью мрачныхъ деревьевъ таятся смутныя, полныя жутких предчувствій мысли; коварно, какъ разбойники изъ засады, выбираются онѣ на свѣтъ и бросаются на беззаботнаго. Боишься собственныхъ шаговъ, задерживаешь дыханіе, стоишь и слушаешь; потомъ ужасъ хватаетъ тебя за горло, застилаетъ какъ черной пеленой тебѣ голову и — прощай веселье! Тяжелое раздумье охватываетъ человѣка и не покидаетъ его въ этихъ безлюдныхъ мѣстахъ.

Какъ будто отдѣленъ отъ міра этотъ дремучій лѣсъ. Кто здѣсь зоветъ на помощь, того не услышатъ; что здѣсь творится, того никто не видитъ; хочешь скрыть что-нибудь отъ человѣческаго взора — дѣлай смѣло: тебя защищаетъ непроницаемая стѣна. Петруша ужъ не пѣлъ, да и не бѣжалъ; его взглядъ подозрительно впивался въ чащу елей. Одна ли идетъ Луша? А если съ нею сейчасъ тутъ кто другой?... Проклятый лѣсъ! Иди дорогой, по открытому полю, никакія мысли не пришли бы на умъ, а тутъ... Онъ задумчиво опустилъ голову на грудь. Вотъ Луша пошла изъ Мандершейда, а на шоссе встрѣчаетъ попутчика. Да, пожалуй, кто-нибудь крался за нею отъ деревни: развѣ самъ Петръ не продѣлываетъ этого? Вотъ начинается лѣсъ, они вошли въ него вмѣстѣ, все дальше и глубже въ таинственную чащу. Никто ихъ не видитъ, даже солнечный лучъ не прогля-

нетъ украдкой: ужъ смерклось, вечернія облака закрыли солнце. Спутнику стало жарко рядомъ съ красоткой Лушей, онъ несетъ любовный вздоръ, а она смѣется... Петру такъ и слышался ея полугромкій смѣшокъ: она смѣялась именно такъ, когда онъ самъ становился съ нею нѣженъ. Она раскачиваетъ бедрами, нахалъ обнимаетъ ее, она не защищается, только смѣется...

— А, чортъ! — Петръ злобно выругался про себя, и вдругъ вздрогнулъ: ясно слышался смѣхъ, проклятый смѣхъ! Онъ стоялъ, точно такса передъ лисьей норой, дрожа, насторожившись, волнуясь. Захрустѣлъ хворостъ.—Это не козы! Опять смѣхъ—и вотъ...

— Стой!—послышался звонкій окрикъ.

Кучка молодыхъ женщинъ выбѣжала изъ чащи и загородила дорогу.

Озадаченный Петръ глядѣлъ на нихъ.

— Эй!—хохотала задорная Христя.—Здѣсь платятъ пошлину, потому что у насъ застава.

Онѣ схватились руками и составили прочную цѣпь. Это были Христя, Лизутка, Вѣра, Катюшка, Анютка, Билла и еще нѣсколько подростковъ въ коротенькихъ юбочкахъ, чуть прикрывавшихъ колѣна.

Ихъ босыя ноги, почернѣвшія отъ солнца, запачканныя мокрымъ мохомъ и исцарапанныя хворостомъ, нетерпѣливо топали, а сами онѣ кричали всѣ разомъ:

— Застава! Петруша! Эй, Петя! Что дашь за пропускъ?

Онъ попытался улизнуть въ сторону.

— Нѣтъ, тутъ не удерешь!—Христя крѣпко ухватила его.

Его не пропускали, корзины съ торчащими прутьями угрожающе вздымались надъ ихъ головами.

— Пропустите меня, дѣвчурочки!

Хоровое:

— Нѣтъ!

— Чего же вамъ нужно?

— Плати! Долженъ заплатить!

Онѣ хохотали, тѣснясь къ нему, прыгали и старались вытянуться вровень съ его ростомъ. Прохода не было. Что было дѣлать? Не пробиваться же силой.

— Плати!—хохотала Христя.—До тѣхъ поръ не пройдешь!

— Не пройдешь! Нѣтъ! Нѣтъ!—кричали остальныя.

Смѣясь, Мифферъ притянулъ къ себѣ Христю.

— Поцѣлуй!—шепнула она ему.

Она со смѣхомъ дала себя поцѣловать, и Петръ со смѣхомъ же

перецѣловалъ прочихъ. Одну за другою бралъ онъ за голову; онѣ покорялись съ визгомъ, но съ удовольствіемъ, и тихій лѣсъ огласился дѣвичьимъ ликованіемъ.

Исчезло жуткое одиночество. Петръ дурачился какъ только могъ, горячія дѣвичьи губы совсѣмъ взбудоражили его. Развеселившись, онъ заковылялъ дальше; въ лѣсу уже темнѣло, и снова Луша пришла ему на умъ.

Христя отстала отъ прочихъ, онъ услыхалъ ея тихое:

— Эй, эй!

Она манила его. Петръ притворился будто не видитъ. Въ другой разъ—ладно, а сейчасъ ему некогда. Онъ пустился рысью. Чортъ возьми! Еще бабы! Да что это онѣ всѣ нынче повыползли?

Онъ хотѣлъ скрыться въ сторону, подъ нависшія вѣтви,—напрасно, его ужъ увидали. Штеффесъ своими невинными глазками видѣла зорко, точно соколъ; Катерина Денсборнъ—не хуже, да и Труда – тоже. Съ ними было еще нѣсколько.

— Господи, сколько бабья!

Петрушу слегка морозъ подралъ по кожѣ, но къ этому примѣшивалось нѣкоторое удовольствіе. Не былъ ли онъ властелиномъ надъ ними всѣми? Онѣ кланялись ему первыя, глаза ихъ не отрывались отъ него.

— Добрый вечеръ! — кивнулъ онъ снисходительно и хотѣлъ пройти мимо.

Онѣ задержали его: каждой понадобилось ему что-нибудь сказать и одна была настойчивѣй другой. Ему не было выхода. Оборвать ихъ грубо онъ не могъ! Когда, наконецъ, онъ съ ними разстался и уже прошелъ нѣсколько шаговъ, Труда обернулась къ нему еще разъ:

— Эй, Петруша, эй!

А за нею ужъ бѣжала Штеффесъ.

— На одно слово, Петя! Мнѣ нужно вамъ что-то сказать, Петруша!

Тутъ онъ пустился на утекъ.

— Эй, Петя, подождите немного! Постойте!

Онъ бѣжалъ по лѣсу во всю прыть. За нимъ слышались оклики бабъ. Не примѣшался ли къ нимъ опять голосъ Христи? Смѣхъ, крикъ, потомъ догоняющіе шаги.

Петръ сбѣжалъ съ дороги и, перескочивъ ровъ, пошелъ прямо чащею, гдѣ захрустѣлъ и затрещалъ подъ его ногами хворостъ, а нависшія вѣтви закололи ему лицо. Его хлестало точно розгами, онъ бѣжалъ такъ, что его бросило въ потъ.

Все ему слышались зовущіе голоса, его будто хватали чьи-то руки, горячее дыханіе вѣяло ему въ затылокъ, юбки шуршали и шелестѣли. Наконецъ, онъ остановился, задыхаясь. Ахъ, да вѣдь это шумѣлъ буковый лѣсъ.

Онъ оглядѣлся съ облегченіемъ. Еловая чаща пришла къ концу; въ тѣни зеленыхъ легкихъ буковъ было гораздо свѣтлѣе; легкій свѣтъ струился по гладкимъ стволамъ, а листья ласково шелестѣли подъ вечернимъ вѣтеркомъ.

Онъ опять выбрался на дорогу, оправилъ куртку и почистилъ фуражку, къ которой пристали еловыя иглы и сухіе прутики.

А Луша все еще не шла. Онъ запоздалъ, но она, очевидно, еще больше. Ну, да ужъ онъ хорошо ее встрѣтитъ: у ней пропадетъ охота таскаться по лѣсу такъ поздно.

Вѣдь здѣсь ужъ былъ королевскій паркъ! Здѣсь отходила дорога на Гросслитгенъ, а тамъ подъ тѣнью гигантскихъ сосенъ, возвышавшихся группой среди буковыхъ деревьевъ, притаилась дерновая скамья, настоящій пріютъ для влюбленной парочки.

Петръ остолбенѣлъ. Поперекъ дороги стояла телѣжка, гнѣдой конь съ отпущенными вожжами мирно щипалъ траву по краямъ рва. Да, вѣдь, это телѣжка и лошадь оберкайльскаго трактирщика Паули! Развѣ онъ здѣсь?

Тихій дѣтскій плачъ донесся до Петра. Это—маленькій Іосифъ!... Между деревьями мелькалъ мундиръ. Кто же это тамъ?

Теперь смѣхъ... Это—Луша!

Въ одинъ прыжокъ Петръ былъ уже подъ соснами. Такъ и есть: Луша сидитъ на скамьѣ, а рядомъ съ нею—вѣрить ли собственнымъ глазамъ?—рядомъ съ нею преспокойно усѣлся красивый жандармъ изъ Оберкайля.

— Луша!

Петръ крикнулъ такъ громко, что мирно пасшаяся лошадь рванулась, а Оська пронзительно заплакалъ.

— А! Господинъ супругъ!—произнесъ жандармъ, вѣжливо поднося руку къ каскѣ.

Двѣ ямочки показались на полныхъ щекахъ его бѣлаго и румяного лица. Онъ не даромъ былъ до этого времени унтеръ-офицеромъ гвардіи: онъ зналъ, что съ мужьями красивыхъ женщинъ слѣдуетъ быть учтивымъ, хотя бы они были величайшіе негодяи и мошенники.

— Ну, господинъ Миффертъ!—Онъ отодвинулся на край скамьи и положилъ свой кортикъ на колѣни.—Не хотите ли присѣсть?

— Нѣтъ,—коротко отвѣтилъ Петръ.—Идемъ, Луша!

Онъ поглядѣлъ на нее съ гнѣвомъ; она какъ будто этого и не

замѣтила, а церемонно простилась съ жандармомъ, и улыбалась ему такъ кокетливо, что Петрушѣ страшно захотѣлось ударить ее по смѣющимся губамъ.

— Спасибо, спасибо, господинъ жандармъ! Какъ это любезно, что вы меня взяли съ собою! Петя, поблагодари же и ты. Господинъ жандармъ былъ въ Мандершейдѣ и предложилъ подвезти меня въ телѣжкѣ. Какъ мнѣ было славно!

Она улыбнулась довольною улыбкою.

Петръ не вымолвилъ ни слова.

Жандармъ поднялся со скамьи и засунулъ два пальца за среднюю пуговицу на груди.

— Я уже говорилъ вамъ: если вы не боитесь объѣзда на Гросслитгенъ, красавица, мы можемъ и дальше ѣхать вмѣстѣ. Тамъ у меня неотложное дѣло; знаете, у насъ слишкомъ много хлопотъ, ни минуты свободной, служба съ утра до вечера. Я на свой счетъ нанялъ телѣжку до Паули, только чтобы не терять времени.

Луція любовалась имъ, разинувъ ротъ.

Жандармъ сдѣлалъ пригласительный жестъ:

— Садитесь, красавица. Для васъ тоже хватитъ мѣста, Мифферть!—добавилъ онъ покровительственнымъ тономъ.

Петръ покосился на него исподлобья.

— Станешь ѣсть вишни съ важными барами, берегись, какъ бы косточки не полетѣли тебѣ въ голову... Нѣтъ, спасибо!

— Что вы хотите этимъ сказать?—Жандармъ еще не привыкъ къ мѣстнымъ оборотамъ и всюду чуялъ оскорбленіе властей. Онъ постарался придать воинственное выраженіе своему безпечному мальчишескому лицу и закрутилъ усы кверху.—Такъ что же вы хотите этимъ сказать?

— А ничего!

Петруша смотрѣлъ простодушно, глуповато, но внутри у него кипѣло:

«Постой! я съ тобою еще сыграю штуку! Добрый вечеръ!»

Онъ съ силою потащилъ Лушу за собой.

«Обломъ!»—ворчалъ жандармъ, глядя имъ вслѣдъ.

«Обломъ» было почти единственное мѣстное слово, заученное имъ до сихъ поръ; оно значило то же, что городское: «болванъ», и жандармъ отдавалъ ему предпочтеніе въ разговорахъ съ «безмозглымъ мужичьемъ».

— Да не дергай же меня такъ!—надувшись, сказала Луція, когда они ужъ отошли немного.

Она остановилась и оглянулась:

«Что только подумаетъ господинъ жандармъ!»

— Да пусти же меня!

Петръ грубо держалъ ее за руку у кисти; она освободилась со слезами на глазахъ.

— Я лучше пойду одна! Пусти! Мнѣ и такъ тяжело тащить, а съ тобой совсѣмъ неудобно!

Петръ молча взялъ у жены ребенка, совершенно закутаннаго въ большой платокъ; Луціи остался только перевязанный веревочкой свертокъ, который она несла очень заботливо.

— Что это у тебя?—проворчалъ мужъ.

— Угадай!—Ея лицо уже снова просвѣтлѣло, глаза заблестѣли отъ удовольствія.—Ахъ, такое чудесное, такое хорошее! Погоди, Петруша, я покажу тебѣ!—Она живо опустилась на колѣни, осторожно положила свертокъ на мягкій мохъ и принялась его развязывать.—Вотъ удивишься!—щебетала она.—Настоящее диво! Глянь-ка сюда! Гляди!

Луція всплеснула руками отъ удовольствія и размѣялась, какъ дитя.

Передъ ними лежала прекрасная фланелевая нижняя юбка, выдѣляясь ярко краснымъ пятномъ на темной зелени моха, и нарядный черный шелковый передникъ, вышитый внизу пестрыми цвѣтами.

— Видалъ ты такую красоту?—лепетала она въ восторгѣ, и, схвативъ обѣими руками слишкомъ маленькій шелковый лоскутъ, приложила его къ своему пышному тѣлу.—Что скажутъ на деревнѣ!

Она просто ликовала.

Петръ тоже подивился на эту роскошь, но сейчасъ же почувствовалъ внезапное безпокойство, какую-то неловкость: «Откуда взялось все это?»

— Откуда это у тебя?—спросилъ онъ мрачно.

Она весело засмѣялась.

— Подарили!

— Подарили?—повторилъ онъ.—Да вѣдь не тетка, конечно; а у твоей матери у самой ничего нѣтъ!

Онъ пытливо поглядѣлъ на нее сбоку.

— Ну, извѣстно не онѣ!—Она затряслась отъ хохота.—Отъ нихъ да такія хорошія вещи? Ха-ха-ха!

— Отъ кого же?—допрашивалъ Петръ.

— Ахъ, ты глупый Петрушка!—все еще смѣясь, произнесла она.— Отъ господина купца, отъ хорошаго господина! Отъ кого еще?

— Да ты сбѣсилась?—Онъ бросился на нее, какъ бѣшеный и сорвалъ передникъ.—Подай сюда!

Луція перестала смѣяться и съ жалобнымъ крикомъ старалась вырвать у него передникъ.

— Мой фартукъ, Петруша! Мой фартукъ, мой чудесный фартукъ!

— Тряпица, дермо!—онъ смялъ шелковый лоскутъ и швырнулъ его на землю, а красную юбку истопталъ ногами.—Посмѣй только еще брать что-нибудь у чужихъ господъ! Я этому молодцу всѣ ребра переломаю, я его до смерти исколочу, я убью его. А ты, негодная... за что онъ тебя дарилъ? Говори!—Внѣ себя онъ толкнулъ ее такъ, что она свалилась на мохъ къ своимъ истерзаннымъ сокровищамъ.—Говори правду, не лги! За что онъ дарилъ тебя?!

Петръ кричалъ; изъ-подъ тяжелыхъ вѣкъ его глаза глядѣли на жену пытливымъ, колючимъ, страшнымъ взглядомъ.

Она попыталась подобрать подарки; онъ забросилъ ихъ далеко, на грязную дорогу.

— Что онъ за это получилъ, скажешь ты или нѣтъ?

— Поцѣлуй,—заныла она,—только одинъ поцѣлуй! За юбку два... за фартукъ одинъ... нѣтъ, тоже два! Ей-Богу, я говорю правду. Петя, Петя!

Ей стало страшно.

— И больше ничего? Не лги!—Онъ заскрипѣлъ зубами.—Ты не выйдешь живая изъ лѣсу, если не скажешь всей правды. Не лги—не совѣтую!

Петръ поднялъ кулакъ; всѣ мускулы его худощаваго тѣла напряглись: онъ не обладалъ ростомъ и могучимъ сложеніемъ своей жены, но въ эту минуту показался ей великаномъ.

— Я сидѣла у него на колѣняхъ,—робко, запинаясь, произнесла она.—А Осю онъ положилъ въ телѣжку. Онъ сказалъ, что привезетъ мнѣ еще лучше подарокъ, когда опять поѣдетъ черезъ Эйфельшмидтъ. Охъ, мой фартукъ! Моя красная юбочка! Мой чудесный фартукъ!—слезы ручьями катились по ея цвѣтущему лицу, она ломала руки.—Ахъ, я несчастная! Лучше бы я за тебя не выходила! Лучше бы я послушалась покойнаго отца! Я бы могла другого найти! Теперь сижу въ Эйфельшмидтѣ, въ этой поганой дырѣ, безъ денегъ... безъ копейки... бываетъ ѣсть нечего... мужъ бездѣльничаетъ... зимой мерзнешь, лѣтомъ нѣтъ приличнаго платья пойти на ярмарку! Вотъ эту тряпку,—она приподняла свое полинялое, слишкомъ узкое платье,—таскаю съ самой свадьбы ужъ два года! Да въ прислугахъ, въ Мандершейдѣ, носила три года... Передъ людьми стыдно!—она

захлебнулась слезами:—Охъ, я бѣдная, бѣдная тварь, несчастная я баба!

Она накинула себѣ юбку на голову и оставалась закутанною.

Ребенокъ на рукахъ у Петра началъ жалобно плакать; отецъ бросилъ его матери на колѣни:

— Лежи тутъ, каторжный!

Но тотчасъ же имъ овладѣло раскаяніе; она никогда еще не плакала такъ горько. Всегда бывала она весела. Пожалуй, никогда ужъ не перестанетъ плакать. Да развѣ и не ея правда? Развѣ имъ не скверно? Развѣ онъ не обѣщалъ ей лучшаго, когда сватался къ веселой, красивой Лушѣ? Петръ стоялъ въ смущеніи.

— Луша,—позвалъ онъ мягче и откашлялся.—Луша!

Она не видѣла его лица, но поняла, что добилась своего; рыданія ея стали еще жалобнѣе, она вся скорчилась, какъ бы отъ невыносимой муки.

— Луша,—сказалъ онъ совсѣмъ смиренно и потянулъ юбку съ ея головы.

Она даже не взглянула на него, а взяла ребенка и стала ласкать его со слезами:

— Ахъ, ты, Ося, бѣдный мой Осюшка!

Она цѣловала сына съ бурной нѣжностью. Шляпа соскользнула у ней съ головы, волосы распустились длинными, волнистыми прядями, миловидный ротикъ вздрагивалъ, какъ у наплакавшагося ребенка, который только всхлипываетъ отъ времени до времени. Вѣки ея оставались упорно опущенными, взоръ былъ устремленъ на дитя; темныя золотистыя рѣсницы лежали на полныхъ щекахъ, которыя лѣтнее солнце покрывало не загаромъ, а золотистымъ налетомъ, какъ у персика. Ни одна не была такъ красива... и всегда такъ весела.

Петръ не сводилъ съ нея глазъ.

— Ты скажешь правду, Луша. Побожись, побожись надъ Осей!

Онъ положилъ руку на ребенка.

Она положила свою рядомъ:

— Ей-Богу!

Теперь она подняла глаза, сверкнула ими на мужа.

— Ты больше не сердишься, Петруша?— Она всхлипнула еще разъ.—Я ужъ не могу ничего сдѣлать!

— Ну, ну, только не реви! Чортъ возьми! Не реви же!—Онъ топнулъ ногой.—Я, право, не такъ ужъ сердитъ. Только ты должна быть мнѣ вѣрна! Слышишь, Луша, будь вѣрна! Луша!

Онъ опять встряхнулъ ее.

— Ладно, ладно! Охъ, моя чудесная юбочка! Мой фартукъ!

Петръ уже шелъ на дорогу принести ей вещи.

— Вотъ тебѣ твоя дрянь!

— Ахъ, Петруша!—Она притянула его голову къ себѣ, положила обѣ руки ему на лицо, и зашептала нѣжно, въ голосѣ ея снова слышалось недавнее удовольствіе.—Ты теперь опять меня любишь? и купишь мнѣ новое платье, да? Какъ только пріѣдетъ опять господинъ купецъ. Я тебѣ скажу, ужъ и платья же у него!—Она ласково потерлась лицомъ о его лицо.—Да, купишь?—Она ждала отвѣта, но не дождавшись, откинула голову назадъ.—А онъ хотѣлъ мнѣ подарить!

Онъ вздрогнулъ.

— Ты не должна брать подарковъ, ты не смѣешь, я этого не потерплю, я...—Онъ опустилъ голову и задумчиво почесалъ за ухомъ.—Я самъ куплю тебѣ платье!

Съ радостнымъ крикомъ притянула Луша мужа къ себѣ, совсѣмъ прильнула губами къ его губамъ и горячо поцѣловала.

Голова Петра лежала на ея колѣняхъ рядомъ съ ребенкомъ; она гладила его волосы и навивала ихъ на пальцы.

— Петя, такъ купишь? Іисусъ, Марія! Вотъ мнѣ радость! Петя, я такъ люблю тебя!

— А жандарма?—спросилъ онъ тихо; въ немъ снова шевельнулось подозрѣніе.

Она звонко разсмѣялась.

— Этого дурня! Знаешь, какъ онъ дѣлаетъ?—Она выпучила глаза, выпятила грудь и завертѣла около своей алой верхней губы.—Вотъ такъ онъ все время! Ну ужъ добро! Ха-ха-ха!

Петръ приподнялся на локтѣ и глядѣлъ влюбленными глазами на ея смѣющееся лицо.

Она разгладила ему морщины на лбу и пощекотала его травинкой подъ носомъ. Оба засмѣялись. Онъ придвинулся къ ней и сжалъ ей ногу.

Ребенокъ спалъ, позабытый. Мохъ былъ такъ мягокъ, въ лѣсу никого, ночь надвигалась. Мягко, нѣжно вѣялъ вѣтерокъ, и листья шелестѣли осторожно, какъ будто, застыдившись, разсказывали другъ другу какую-то тайну.

Когда двинулись въ путь, Луша висѣла на рукѣ мужа, а онъ тащилъ ребенка и свертокъ. Онъ самъ заботливо сложилъ и завязалъ подарки, потомъ привязалъ ихъ себѣ на шею; на ходу свертокъ болтался, и Петръ ощущалъ его на каждомъ шагу.

Дорогу было чуть видно въ глубокой тьмѣ еловаго лѣса. Луша притворялась, будто боится: при каждомъ трескѣ, каждомъ шорохѣ

она вздрагивала и плотнѣе прижималась къ мужу. Она опиралась на него всею тяжестью, онъ чувствовалъ ея горячее пышное тѣло сквозь старое, тонкое платье. Ему было жарко, онъ дышалъ неровно и вспотѣлъ, хотя дорога шла подъ гору, а ночной вѣтеръ вѣялъ сырою свѣжестью.

Въ деревнѣ было темно; на улицѣ пусто, лишь въ немногихъ избахъ виднѣлся слабый свѣтъ. У однозвучно плескавшагося колодца было еще нѣсколько бабъ, мывшихъ ноги въ деревянной колодѣ, которая служила водоемомъ. Онѣ высоко подобрали юбки; обнаженныя руки и ноги соблазнительно сверкали серебрянымъ блескомъ въ лучахъ мѣсяца, выглянувшаго изъ-за тучи.

Петръ опять почувствовалъ ту странную дрожь, тотъ непонятный трепетъ, который тихо пробѣгалъ у него по спинѣ, такъ что кровь застывала на минуту; но зато потомъ она начинала бурлить еще сильнѣй.

Недалеко отъ дому мимо нихъ мелькнула фигура; Петру показалось, что онъ узналъ Христю по сверкающимъ глазамъ и гибкимъ движеніямъ. Она проскользнула между нимъ и плетнемъ, его погладили по рукамъ горячіе, влажные пальцы,—и все исчезло, словно призракъ. Только тихій смѣхъ замиралъ вдали.

Ночью Петра томилъ мучительный сонъ: онъ шелъ той же дорогой, по которой сегодня ходилъ встрѣчать Лушу. Но въ Королевскомъ паркѣ онъ свернулъ направо, на Грослитгенъ, куда ему волей-неволей приходилось идти. Что-то толкало его въ спину, несло, точно сильнымъ вѣтромъ.

Издали слышались голоса, они звали и манили:

— Петруша! иди! Петруша!

Кто-то смѣялся, слышался зовъ то Луши, то Христи. Потомъ пристали и другіе знакомые голоса:

— Петруша, Петруша!

Гдѣ же онъ былъ? Онъ съ испугомъ озирался. Онъ шелъ по голой степи, вѣтеръ выл надъ нимъ страшно и жалобно. Онъ хотѣлъ остановиться, вернуться; его нога запнулась о сухой пень, запахло смолой и сѣрой. Знойный вѣтеръ дулъ ему въ лицо пламеннымъ дыханіемъ, жегъ брови и волосы, жегъ самое сердце въ груди.

Онъ хотѣлъ позвать на помощь и не могъ. Далеко-далеко слышался хриплый собачій лай: это были собаки въ Гресслитгенѣ: «Спасите, спасите, сюда!» Онъ хотѣлъ бѣжать и не могъ: стоялъ, какъ прикованный.

Земля жгла, какъ будто подъ нею пылалъ огонь. А впереди виднѣлся кружокъ странныхъ зеленыхъ травъ; ровнымъ, точно выве-

деннымъ кругомъ росли онѣ среди мертвой, выжженной степи, при томъ сѣрнистомъ свѣтѣ, которымъ освѣщался мракъ. Петръ ясно разглядѣлъ ихъ ядовитую зелень.

Горе, горе, это вѣнокъ вѣдьмъ! Еще въ дѣтствѣ мать осѣняла его крестомъ, проходя мимо этого мѣста, и боязливо шептала: «Здѣсь нечисто!» Здѣсь когда-то плясали вѣдьмы, и пламя вырывалось изъ земли. Земля горѣла подъ ихъ ногами; на ней росли только эти травы, зеленые стебли безъ листьевъ, безъ цвѣтовъ, единственное живое растеніе на всемъ пустырѣ.

— Петруша, Петруша!

Кто зоветъ?

Ему навстрѣчу неслись охваченныя пламенемъ фигуры, шумя юбками, съ развѣвающимися волосами; онѣ смѣялись и кивали, и звали, и протягивали къ нему объятія, и, схватившись руками, вертѣлись вокругъ него въ бѣшеной пляскѣ... все безумнѣй, все быстрѣй и быстрѣй... все бабы ,бабы и бабы!...

Вдругъ среди нихъ очутилась Луша; на ней была новая красная юбка, а на плечахъ наброшенъ черный фартукъ—больше ничего. Она била прочихъ по протянутымъ рукамъ и звонко смѣялась. «Онъ мой!» Она сбросила юбочку и фартукъ; вотъ она стоитъ вся голая и прекрасная въ сіяніи пламени и говоритъ повелительно: «Купи мнѣ новое платье!» Пронзительно взвизгнули остальныя, съ воемъ прыгнули онѣ вверхъ, стали языками пламени, хлынули ему навстрѣчу...

«Іисусъ, Марія, Іосифъ!»

Земля заколебалась подъ его ногами, и онъ полетѣлъ глубоко въ пропасть... Съ крикомъ проснулся Петруша. Мѣсяцъ ярко свѣтилъ въ незавѣшенное оконце, прямо на убогую постель. Голова Луши лежала на груди мужа и тяжело давила его.

Она спала съ открытымъ ртомъ и ровно похрапывала.

Еще напуганный сномъ, онъ сталъ тормошить ее:

— Луша, Луша, Луша!

Она не совсѣмъ проснулась и во снѣ полуприподняла черныя рѣсницы.

— Платье!—пролепетала она.—Платье! Купи мнѣ хорошее новое платье!

Пер. **В. Кошевичъ.**

Продолженіе слѣдуетъ.

Ночью.

Ужъ поздно, поздно... Ночь давно,
Набросивъ сверху трауръ темный
На міръ печальный и огромный,
Глядитъ въ раскрытое окно...

А я не сплю... Въ груди больной
Тяжелыхъ думъ толпа живая,
Покой минутный прерывая,
Встаетъ, какъ призракъ роковой...

Промчится день, за нимъ—другой
И канетъ въ вѣчности туманной,
И ранитъ сердце смутной, странной
Неуловимою тоской!...

Что онъ принесъ мнѣ? что унесъ
Туда, за тайные предѣлы,
Туда, гдѣ разумъ мой несмѣлый
Молчитъ, исполненъ робкихъ грезъ?

О, ночь! въ твоихъ очахъ нѣмыхъ
Такъ много грусти и печали!
Они темны... Они устали
Отъ слезъ и стоновъ міровыхъ!...

Туда, въ безбрежность высоты
Я рвусь съ тоскою безконечной!
Лишь тамъ я вижу символъ вѣчной,
Но непонятной красоты...

Наталья Крандіевская.

ЕФРЕМКА.

Очеркъ.

Кухня была большая, въ подвальномъ этажѣ, съ каменнымъ поломъ и очень низкимъ потолкомъ, съ двумя узкими окошками, которыя выходили на улицу и приходились немного ниже уровня тротуара. Если на окнахъ случалось отдернуть пожелтѣвшія отъ кухоннаго чада коленкоровыя занавѣски, то можно было разсмотрѣть сквозь стекла лишь разнообразныя ноги пѣшеходовъ; крупныя или маленькія, хорошо или плохо обутыя, въ старыхъ или новыхъ калошахъ. Иногда еще мелькалъ приподнятый подолъ женскаго платья,—то подбитый красивымъ цвѣтнымъ шелкомъ, то порыжѣлый, отрепанный. Весной, лѣтомъ и осенью въ кухню доносился съ улицы грохотъ экипажей. Онъ не смолкалъ ни днемъ, ни ночью; по временамъ совсѣмъ заглушалъ человѣческіе голоса, и тогда въ подвалѣ трудно было разговаривать. Казалось, будто дрожитъ земля отъ постояннаго сотрясенія, а вмѣстѣ съ нею содрогаются толстыя стѣны дома. Зимой, во время ѣзды на саняхъ, шумъ уменьшался; хотя двойныя окна пропускали смягченные звуки лошадинаго топота и прочаго уличнаго гула, но все же зимою было спокойнѣе. Даже пронзительные звонки конокъ—и тѣ долетали словно издалека. На Большой Центральной улицѣ трудно было улучить минуту полнаго затишья, и ужъ во всякомъ случаѣ въ кухнѣ не было затишья въ тѣ часы дня и ночи, пока бодрствовалъ Ефремка, сынъ докторской кухарки, Лукерьи.

Непрерывный грохотъ улицы раздражалъ Лукерью, особенно, когда у нея болѣли зубы, а это бывало довольно часто. Отъ зубной боли Лукерья доходила до злости и проклинала весь свѣтъ: мостовую, лошадей, извозчиковъ, и хуже всего доктора съ докторшей.

— Черти... охъ, черти проклятые, чтобъ вамъ! Столько лѣтъ и не перемѣнятъ квартиры... Имъ-то ничего наверху сидѣть да по Кры-

нать ѣздить... а ты тутъ, какъ на мельницѣ! «Дыръ-дыръ-дыръ! дыръ-дыръ-дыръ!»—только и слышишь. Всѣ кости у меня дрожатъ.

При этомъ она сердито наполняла свой ротъ то ладаномъ, то кресотомъ, то еще какимъ-то снадобьемъ съ препротивнымъ запахомъ. У нея хранился большой запасъ зуболѣчебныхъ средствъ: и острая водка, и карболка, и іодъ. При легкой боли иныя изъ лѣкарствъ помогали, но когда у Лукерьи начинало, какъ она говорила, «крутить во всѣхъ зубахъ сразу», ея аптека не приносила облегченія. Днемъ еще кое-какъ можно было терпѣть; по вечерамъ же боль усиливалась, и для Лукерьи наступала истинная мука. Обиднѣе всего было то, что и зубовъ во рту почти не оставалось, а боль не проходила. Часто Лукерья металась по кухнѣ съ вечера до утра.

— Хоть бы квартиру перемѣнили!—упрямо повторяла она среди стоновъ.—И спрятаться негдѣ... Если бы въ садъ уйти или въ поле... чтобы никого не было, и тихо стало... мнѣ бы сейчасъ полегчало.

Ефремка пробовалъ возразить матери:

— А какъ же они перемѣнятъ квартиру, если барину нужно, чтобы на хорошей улицѣ? Чтобы больные приходили...

— Отвяжись, бѣсенокъ! Поговори ты у меня, свинячій недоѣдокъ!

Жалѣя больную мать, Ефремка на этотъ разъ прощалъ брошенную ему обиду: «свинячій недоѣдокъ». Ничѣмъ нельзя было его такъ крѣпко обидѣть, какъ этими, отчасти непонятными словами. На первыхъ порахъ послѣ рожденія онъ жилъ по чужимъ домамъ «на мамкахъ» и какъ-то,—покинутый безъ призора,—едва не сдѣлался добычей свиньи. Свинья изгрызла у него обѣ щеки, подбородокъ, начала добираться до носа, но подоспѣли люди и спасли Ефремку. Золотушнаго мальчика долго послѣ того пришлось лѣчить; глубокіе бѣлые шрамы остались на всю жизнь у него на лицѣ. Почему-то случай этотъ представлялся Ефремкѣ страшно позорнымъ. Ужъ не говоря о выраженіи матери «свинячій недоѣдокъ», но его оскорбляли до слезъ даже самыя спокойныя воспоминанія о происшествіи съ свиньей. Соберутся у Лукерьи разныя тетеньки, говорить не о чемъ, и давай вздыхать:

— Ахъ, ты, Боже мой! Бѣда какая съ вашимъ Ефремкой... И ну:но же, право...

— Еще большое счастіе, что носъ остался.

— А ушки? Какъ у него ушки цѣлы?

— Въ платочкѣ былъ тогда.

— Въ плато-очкѣ? И зато еще славу Богу. Вѣдь свинья, ежели ^ ребенка, первымъ дѣломъ норовитъ за уши.

— Ушки и носъ... Это у нея прежде всего.

— Хрящики любитъ...

Ефремка не выдерживалъ дальше. Онъ со слезами злобно набрасывался на тетенекъ:

— А ваше какое дѣло? Ну, чего вы тутъ? Сами хуже свиней!

И за это его нещадно колотила раздражительная Лукерья.

Однако, когда у матери болѣли зубы, Ефремка старался не огрызаться на слова: «свинячій недоѣдокъ». Онъ твердо зналъ, что въ такихъ случаяхъ самое удобное—притаиться надъ книжкой и сидѣть, не подавая признака жизни. Не то—вздуютъ безъ милосердія. Наученный горькимъ опытомъ, онъ часами просиживалъ на лавкѣ подъ лампой, раскрывъ книгу и изрѣдка взглядывая на мать: не задремала ли? Онъ больше всего любилъ читать что-нибудь занимательное, вродѣ «Робинзона Крузо», напримѣръ. Но въ подобныя минуты и читать не было охоты. Ефремка лишь дѣлалъ видъ, будто читаетъ, а время тянулось медленно-медленно, пока, наконецъ, сверху надъ входной дверью не раздавался рѣзкій, отрывистый звонокъ докторши. Позвонила два раза, значитъ, самоваръ ставить: сидитъ одна и захотѣла чаю. Барина по вечерамъ никогда нѣтъ дома, а если бы въ гости кто пришелъ, зазвонила бы три раза. Тогда надо поставить самоваръ, прибѣжать къ ней, она скажетъ, чего купить къ чаю, а потомъ сбѣгать въ кондитерскую.

Ефремка беззвучно приближался къ плитѣ, осторожно наливалъ въ самоваръ воду, зажигалъ лучину, раздувалъ угли. Затѣмъ тащилъ самоваръ наверхъ и, возвратившись, снова садился на скамью подъ лампой.

Онъ понималъ, какъ мучитъ Лукерью уличный шумъ, и тоже негодовалъ на безпокойную улицу, хотя его самого грохотъ и трескъ мостовой не тревожили нимало. Его жизнерадостная натура безропотно приспособлялась ко всякимъ лишеніямъ, испытаніямъ и неудобствамъ. И не только приспособлялась, но помогала ему находить развлеченіе во всемъ, до непріятностей включительно. Развлекалъ его и уличный гулъ. Ефремка, закрывъ глаза, безошибочно распознавалъ по звукамъ, что дѣлается на улицѣ: когда катятъ пожарные, а когда—проѣзжая публика. Спѣшитъ ли пожарный обозъ на пожаръ, или возвращается обратно; ѣдетъ ли коляска на резинахъ, или забрались на парадную улицу запоздавшіе ломовики съ желѣзомъ,—все съ подробностями видѣлъ передъ собой Ефремка, не глядя въ окно. Вотъ подошелъ къ ломовикамъ городовой. На немъ черный плащъ, потому что сегодня дождикъ. Онъ велитъ ѣхать назадъ: нельзя ломовикамъ по Большой Центральной. А они просятся... Но городовой не позво-

лъ и самъ заворотилъ переднюю лошадь, за нею пошли и другія. Вернулись... Вонъ—свистокъ: случилось что-то... вора ловятъ или драка, а можетъ—пьяный? Вѣрно и дворникъ Терентій тамъ помогаетъ. Собака завизжала: «ай! ай! ай! ай!» Ну, и кричитъ же! Переѣхали конкой...

Ефремка съ ужасомъ вскочилъ съ лавки.

— Не Жулька ли?

Даже въ потъ его бросило отъ испуга и волосы на головѣ сразу сдѣлались мокрые. Но его любимица, кухонная собачонка Жулька, благополучно спитъ на своемъ мѣстѣ, подъ помойной раковиной.

— Ффф-фу!

Ефремка перевелъ духъ и сердитымъ шепотомъ заговорилъ съ Жулькой:

— Слышишь? Такъ и тебѣ будетъ когда-то. Ты уже добѣгаешься... я тебя знаю! Будетъ и съ тобою: переѣдутъ...

Жулька наѣлась до пресыщенія и съ умильной томностью виляетъ лоснящимся рыжимъ хвостомъ. Спросонья она не вполнѣ понимаетъ, въ чемъ дѣло, хотя считаетъ нужнымъ поколотить хвостомъ о полъ въ отвѣтъ на обращенныя къ ней слова.

Ефремка кинулъ взглядъ по направленію къ кровати Лукерьи, мать не стонетъ, затихла, должно быть, задремала... Опустившись на полъ, онъ прижался лицомъ къ добродушной собачьей мордѣ съ ласковыми, темными глазами:

— Жулька! Жулечка... Жульенчикъ!

Жулька, почуя ласку, возносится чуть не на седьмое небо. Сонливость проходитъ у нея совершенно. Она визжитъ, вырывается изъ рукъ Ефремки, лижетъ ему лицо и голову.

— Тише, тише... Не скачи: маму разбудишь. Жулька у насъ хорошая собака, умная; крысъ ловитъ. Пойдетъ въ сарай, и за крысами... онѣ ей всю морду покусаютъ, а она—задушитъ. И сторожитъ хорошо... У, какой сторожъ! Колокольчика не надо. Если евреи придутъ, «старыя вещи» кричатъ, или почтальонъ, или татаринъ... такъ и хватаетъ всѣхъ за пятки. Жулька не такая, какъ у барыни Дезьd... Мопсъ... Тотъ нестоящій: только храпитъ да сахару проситъ. Жулька наша дѣйствительно собака!

Жулька прыгаетъ больше прежняго, кувыркается подъ водопроднымъ краномъ и старается лизнуть Ефремку въ носъ.

— Ну, будетъ, будетъ... Да будетъ же, глупая! Маму разбудишь... Ишь ты, какая гладкая стала... Прежде маленькая была, ху ч... Когда щенкомъ къ мамѣ на базарѣ пристала, вотъ какая была,

не больше... Пришла, озябла, сама рыженькая, а тутъ, на шеѣ пятнушко бѣлое... Ну, перестань, перестань... довольно!

А Жулька все не унимается, пока проснувшаяся отъ шума Лукерья не крикнетъ на Ефремку:

— Ну, чего тамъ поднялъ возню? Не дастъ заснуть, хоть ты плачь! Не сидится ему, лодырю... Свинячій недоѣдокъ!

Глядя на Лукерью теперь, нельзя допустить предположенія, что она была недурна и привлекательна, а между тѣмъ—это такъ.

Лицо у нея съ годами стало вытянутое, черно-желтое, озлобленное; щеки ввалились, губы отъ отсутствія зубовъ сдѣлались почти незамѣтными. Вся она высохла, увяла и, благодаря своему высокому росту, начала походить на цаплю, почему и заслужила во дворѣ заглазное прозвище: «чапля». Къ тридцати пяти годамъ у Лукерьи сохранились одни лишь волосы, густые, волнистые, съ блескомъ, темно-каштановаго цвѣта. Только при взглядѣ на миловиднаго Ефремку, который унаслѣдовалъ черты лица и выраженіе глазъ отъ матери, можно мысленно возстановить прежнюю наружность Лукерьи. Тогда не трудно повѣрить, что въ свое время и она, какъ магнитъ, привлекала къ себѣ умиленно-игривые взоры, плѣняя податливыя сердца.

До сихъ поръ у Лукерьи осталось стремленіе пофрантить и заняться своею наружностью,—стремленіе, свойственное тѣмъ женщинамъ, которыя привыкли имѣть нѣкоторый успѣхъ. По праздникамъ она носитъ нарядныя англійскія рубашки, сравнительно дорогія и по преимуществу яркихъ цвѣтовъ; есть у нея и зонтикъ, и цѣпочка къ серебрянымъ часамъ, и желтыя лѣтнія туфли. Но наряжается Лукерья, главнымъ образомъ, для своего удовольствія, а не изъ кокетливаго желанія нравиться. Въ послѣдніе годы она принялась твердить, будто окончательно извѣрилась въ мужчинѣ. Не вѣритъ и ни за что не повѣритъ ни одному изъ нихъ: всѣ они, обманщики, одинаковые. Впрочемъ, если говорить правду, то Лукерьѣ съ момента ея переселенія въ большой и шумный Z. не представлялось и случая повѣрить какому-нибудь обманщику. Всякіе соблазны сами собою исчезли съ ея жизненнаго пути; теперь она изучала образчики мужского коварства больше по наблюденіямъ, чѣмъ на опытѣ.

Въ Z. Лукерья жила восемь лѣтъ и все время на одномъ и томъ же мѣстѣ: у горлового доктора Рѣжинскаго. А до того она провела свою жизнь въ маленькомъ, похожемъ на деревню, городкѣ N., на берегу живописной рѣчонки. Тамъ при каждомъ домѣ былъ собственный садъ, скрипѣли по утрамъ оконныя ставни и ворота, лѣтомъ на улицахъ носились облака пыли, а въ осеннія ночи всѣ бродили по

глубокой грязи съ фонарями въ рукахъ. Но тѣ, кому, какъ Лукерьѣ, приходилось жить во второмъ этажѣ, постоянно видѣли черезъ крыши сосѣднихъ домовъ сверкающую рѣчку, густой лѣсъ за рѣкою, ярко-зеленую траву на лугу за лѣсомъ. Купаться можно было по нѣскольку разъ въ день, и всѣмъ казалось, что это вовсе не городъ, а большая, тихая деревня, откуда нѣтъ резона выѣзжать на дачи.

Въ N. Лукерья долго служила у содержательницы пансіона благородныхъ дѣвицъ, всѣмъ извѣстной Амаліи Христофоровны Филипсъ. Амалія Христофоровна посвятила Лукерью во многія тайны поварского искусства, научила печь великолѣпные папошники и пироги, солить, мариновать и проч. Не отошла бы Лукерья отъ Филипсъ и по сей день, если бы не причина романтическаго характера. А причина была та, что лакей директора гимназіи, Аркадій, тотъ самый, которому Лукерья имѣла неосторожность довѣриться, Аркадій—отецъ Ефремки и еще нѣсколькихъ умершихъ у Лукерьи дѣтей,—внезапно вздумалъ жениться на вертлявой директорской горничной. Это обстоятельство погнало самолюбивую Лукерью изъ родного города.

Въ Z. она сперва служила у Рѣжинскихъ одна, безъ Ефремки. Но послѣ именинъ доктора, когда Лукерья испекла такой пирогъ, что никто не хотѣлъ вѣрить, будто это тѣсто домашнее, а не отъ кондитера, а затѣмъ еще, когда она подала изготовленную по поварскому способу осетрину подъ горчичнымъ соусомъ съ каперцами, а на сладкое—величественный пломбиръ «Вавилонскую башню»,—послѣ всего этого молоденькая докторша спросила у Лукерьи:

— Что, Лукерья, скучаете безъ сына?

— Скучаю,—понуро отвѣтила Лукерья.

— Вѣдь въ N. онъ жилъ вмѣстѣ съ вами?

— Со мной... Какъ подросъ, барыня Филипсъ и позволила держать на кухнѣ. Одного, сказала, можно...

— И я позволю. Привезите его. Онъ небольшой у васъ?

— Четвертый годъ.

— Совсѣмъ маленькій! Что же, поѣзжайте и привезите.

— Сама я не поѣду,—возразила Лукерья,—а можно написать женщинѣ, у которой онъ на квартирѣ. Кума моя... Она привезетъ, только денегъ надо послать на дорогу.

— И пошлите... Хотите, я вамъ напишу?

— Напишите.

По непроницаемому пергаментному лицу Лукерьи трудно было заключить, радуется она или нѣтъ. Но она обрадовалась очень.

Недѣли черезъ двѣ кума исправно доставила Ефремку въ Z. Тогда онъ былъ блѣднымъ ребенкомъ съ непомѣрно-большой головой, ис-

кривленными ногами и одутловатымъ лицомъ. Потомъ онъ подросъ, выровнялся, но цвѣтъ лица сдѣлался у него еще блѣднѣе: желтоватый, вынѣженный, безъ слѣдовъ загара, вполнѣ городской. У Ефремки оказался живой, общительный, безкорыстно-услужливый характеръ. Онъ немедленно перезнакомился со всѣми дворовыми и всѣмъ понравился; съ иными изъ новыхъ знакомыхъ завелъ даже дружбу, а Лукерья до его появленія жила во дворѣ безъ малаго годъ и ни съ кѣмъ не вступала въ продолжительные разговоры. Не до того ей было: болѣло сердце отъ разлуки съ родными мѣстами, не хотѣлось свыкаться съ новой службой и новымъ городомъ, гдѣ все казалось чужимъ, непривѣтливымъ.

Изъ дворовыхъ наибольше подружился съ Ефремкой молодой дворникъ, Терентій. Ефремка былъ любознателенъ не по лѣтамъ, его все занимало, интересовало, и Терентій не безъ удовольствія разъяснялъ ему сущность разныхъ явленій городской жизни. Вскорѣ Ефремка постигъ, что такое иллюминація, плошки, флаги и домовыя книги. Терентій бралъ его съ собою, когда шелъ съ адресными листками въ участокъ; по дорогѣ показывалъ церкви, памятники на площадяхъ, пожарный обозъ, находящійся при полицейской части, и многое другое.

Ефремка привезъ изъ N. двѣ-три пѣсни, которымъ научили его друзья-мальчишки. Онъ пѣлъ ихъ съ комически-серьезнымъ видомъ, пріятно-звенящимъ, выразительнымъ голосомъ. Сосѣдскія кухарки нарасхватъ тащили его къ себѣ въ кухни, заставляя пѣть то про разлуку, то про соловья и «канарея». Онъ не стѣснялся и распѣвалъ сколько угодно, причемъ физіономія у него оставалась довѣрчиво-серьезная, сосредоточенная, удивленная...

Я милаго имѣю,
Но въ горести живу...—

вытягивалъ Ефремка и осматривался по сторонамъ, точно спрашивалъ: что это? какъ я попалъ сюда? и почему я пою?

Въ непривычной, новой обстановкѣ все поражало его, онъ жадно вбиралъ въ себя характерныя подробности и черточки окружающей жизни. Когда господъ не бывало дома и Лукерья шла наверхъ убирать комнаты, шелъ слѣдомъ за нею и Ефремка. Онъ и тамъ дѣлалъ относительно различныхъ вещей свою самостоятельную оцѣнку и приглядывался ко всему съ такимъ напряженнымъ вниманіемъ, съ какимъ бродятъ иные любители по интереснымъ музеямъ. Попалъ разъ Ефремка наверхъ, когда баринъ умывался въ ванной комнатѣ и тотчасъ, не видя барина изъ коридора, перенялъ у него пѣсню:

Для меня, шутника,
Жизнь легка, жизнь легка...

И доподлинно усвоилъ мотивъ.

Но цѣлый рядъ новыхъ пѣсенъ пренодала Ефремкѣ, сама о томъ не зная, одиннадцатилѣтняя уличная пѣвица, которая ежедневно пѣла на дворѣ, аккомпанируя себѣ на гармоникѣ. Это была очень худая, по-дѣтски нескладная дѣвочка, а лицо у нея походило на старческое: съ опущенными внизъ углами рта, съ усталымъ взглядомъ апатичныхъ глазъ; голосъ пѣвицы звучалъ хриповато, надорванно, но у нея были свои цѣнители, охотно слушавшіе ея пѣніе.

Всѣ говорятъ, что я вѣтрена быва-аю,
Всѣ говорятъ, что я мно-огихъ люблю...

неожиданно раздавался на дворѣ ея голосъ, и швейки изъ модной мастерской во второмъ этажѣ, прачки изъ прачечной во флигелѣ, горничныя, няньки, кухарки—всѣ, оставляя работу, показывались у оконъ или выходили изъ разныхъ этажей поближе къ пѣвицѣ. А дѣвочка продолжала, то сжимая, то раздвигая гармонику:

Ахъ, да отчего же я всѣхъ забыва-аю,
Одного-о я забыть не могу?

Ефремка сначала прислушивался къ ея пѣнію молчаливо и съ почтеніемъ. Но вскорѣ, изучивши репертуаръ пѣвицы, онъ сюрпризомъ для дворовыхъ устроилъ состязаніе пѣвцовъ. Однажды едва поющая дѣвочка докончила первый куплетъ, какъ Ефремка тоже выступилъ впередъ и подхватилъ звонкимъ голосомъ:

Десять люби-ила, девять позабы-ыла,
Одного-о я забыть не могу.

Это произвело эффектъ. Пѣвицѣ его вмѣшательство не понравилось, и она перемѣнила пѣсню. Ефремка опять прислушался и подхватилъ снова:

Весь міръ для тебя я забыла,
Но счастья не знала съ тобой...

Прачки единогласно заявили, что у Ефремки пѣсни выходятъ гораздо лучше, чѣмъ у охрипшей дѣвчонки. Ефремку соблазнилъ такой отзывъ и съ тѣхъ поръ онъ принялся конкурировать съ пѣвицей. Какъ бы ни было ему некогда въ кухнѣ, а, заслышавъ знакомые звуки гармоники, онъ бросалъ все и выбѣгалъ на состязаніе. Кончилось тѣмъ, что пѣвица перестала заходить во дворъ.

Въ кухнѣ для Ефремки постоянно находилось дѣло: онъ чистилъ картофель, мылъ посуду, сбивалъ въ пѣну бѣлки, растиралъ горчи-

цу; впослѣдствіи же научился отыскивать въ городѣ искомую улицу, номера домовъ и квартиръ, и началъ бѣгать на посылкахъ. У докторши не было горничной; горничныхъ нанимали нѣсколько разъ, но Лукерья систематически выживала ихъ, не желая, чтобы въ кухнѣ у нея околачивались сторонніе лица. Не допуская присутствія горничной, Лукерья несла на себѣ не мало лишней работы: мыла господское бѣлье, подавала обѣдъ, убирала комнаты, застегивала на барынѣ нарядныя кофточки, когда та одѣвалась на парадъ. Въ часы пріема паціентовъ у доктора дежурилъ приходящій лакей, а Ефремка исполнялъ разныя порученія внѣ дома. То докторъ отправлялъ его куда-нибудь съ запиской, то докторша въ библіотеку за книгами или въ лавочку за городской маркой, или на почту сдать заказное письмо. Ходилъ Ефремка необыкновенно быстро; скорѣе бѣгалъ, чѣмъ ходилъ. Одинъ разъ собирался обогнать даже конку и побѣжалъ за нею наперегонки, но былъ остановленъ городовымъ. Докторъ недаромъ прозвалъ его «скороходомъ»; съ сапогами у Ефремки выходили непрерывныя непріятности: обувь на немъ горѣла. Не успѣетъ мать купить ему сапоги, а они уже и расползлись по всѣмъ швамъ отъ неумѣренно-скорой ходьбы. Выигрывая отъ быстроты передвиженія во времени, Ефремка иногда употреблялъ выигранныя минуты на собственныя развлеченія. Ему доставляло удовольствіе гулять и отдыхать въ скверѣ на Соборной площади и онъ бѣжалъ въ скверъ, не признавая иного отдыха.

— Дома и подождать могутъ, — разсуждалъ онъ, — все равно: если бы я шелъ не бѣгомъ, а такъ, какъ люди, меня бы еще не было дома...

И онъ, неспѣша, прохаживался по дорожкамъ, наблюдалъ гуляющую публику, кормилецъ въ сарафанахъ, гувернантокъ съ дѣтьми, гимназистовъ съ книжками, садовыхъ сторожей; разсматривалъ пышные кусты бульденежей, любовался цвѣточными клумбами, французскими розами, огненно-красными піонами и лиловыми пѣтушками. Или садился на скамейку и дремалъ, разнѣжившись отъ солнечнаго тепла и свѣта. Въ полуснѣ ему грезились веселыя, забавныя сновидѣнія, которыя онъ долго потомъ помнилъ: будто толстый генералъ съ хромою ногою полѣзъ на тополь и упалъ: такъ и растянулся на травѣ, и всѣ собрались кругомъ и хохочутъ, а то снится, что старая барыня съ кожаной сумочкой начала играть съ дѣтьми въ кошки-мышки и бѣгаетъ по площадкѣ, пресмѣшно откидывая ноги въ сторону. Многое видѣлъ во снѣ Ефремка и ему казалось, будто скверъ обладаетъ свойствомъ веселить людей: придешь туда и развеселишься.

Такимъ образомъ промелькнуло нѣсколько лѣтъ, пока барыня не опредѣлила Ефремку учиться. Докторша сама повела его въ одноклассную городскую школу. Учитель не догадался, что Ефремка не сынъ докторши, и спросилъ у нея:

— Вашъ мальчикъ?

Барыня, немножко усмѣхнувшись, отвѣтила:

— Нѣтъ, это сынъ моей кухарки.

— Вы опоздали... Нехватаетъ вакансій.

— Нельзя ли какъ-нибудь? О немъ, по просьбѣ моего мужа, доктора Рѣжинскаго, писалъ вамъ Иванъ Николаевичъ... членъ управы, который въ училищной коммиссіи. Не припоминаете? Мальчикъ по фамиліи Ефремъ Григорьевъ?

— Ага... Такъ это онъ?

— Онъ.

— Какъ же мнѣ быть? Не знаю, право... И надо бы уважить Ивану Николаевичу, и...

— Пожалуйста!

— Но у насъ тѣснота... Сидѣть негдѣ. Очень многимъ уже отказано.

— Одного всегда можно. Потѣснятся... Какъ-нибудь, авось помѣстится: онъ маленькій.

Ефремка остался въ школѣ.

Читать онъ выучился быстро, почти шутя; самъ былъ удивленъ, что уже читаетъ. Ариѳметика далась также легко, Законъ Божій— еще легче. Трудно было лишь съ славянскимъ чтеніемъ, но славянскую грамоту одолѣлъ Ефремка.

Лукерья на первыхъ порахъ гордилась его успѣхами; затѣмъ престижъ его учености былъ поколебленъ.

Случилось какъ-то въ городѣ убійство. Лукерья наслушалась на базарѣ страховъ о кровавомъ событіи и ей захотѣлось узнать дѣло подробнѣе. Она захватила, идя изъ комнатъ, брошенную бариномъ газету и подала ее Ефремкѣ:

— На-ка, почитай... Про старушку... Какъ они ее, бѣдную, искромсали! даже мозгъ вонъ вылетѣлъ...

Ефремка раскрылъ газетный листъ. Не зная, гдѣ искать сообщеніе объ убійствѣ, онъ внушительно началъ съ перваго столбца:

— «Мы уже упоминали, что Германіи неудобно принимать участіе въ демонстраціи, которая по существу своему двусмысленна и практически неосуществима»...

Лукерья разочарованно перебила его:

— Уже правда, что читаетъ! Ничего понять нельзя...

— Здѣсь такъ написано,—обидѣлся Ефремка.

— То ты такъ читаешь!

— Я вѣрно читаю... Спросите, кого хочете. Пусть хоть и баринъ прочитаетъ.

— Баринъ читалъ про старушку, а ты — кто его знаетъ и про что!

— Можетъ, потомъ идетъ про старушку?

— Прочти потомъ.

Ефремка продолжалъ:

— «Представители прусскаго или вообще германскаго общества очутились бы въ неловкомъ положеніи, если бы имъ пришлось убѣждать чужую державу отказаться во имя человѣчности отъ жестокаго права войны»...

— Брось чепуху! Будетъ...

— Постойте, дальше... «Ибо достаточно напомнить Эльзасъ и Лотарингію»...

— Сказано тебѣ: брось! Убирайся... Начиталъ, довольно... Ученый!

Ефремка разсердился, Лукерья тоже. Чтеніе газеты не удалось; зато Лукерью утѣшила быстрота и находчивость Ефремки въ обращеніи съ «Оракуломъ». Купила Лукерья по случаю старый замусоленный «Оракулъ» самого Мартина Задеки, изданія пятидесятыхъ годовъ. Терентій всего разъ показалъ Ефремкѣ способъ гаданія по «Оракулу», и мальчикъ тотчасъ понялъ, какъ бросать хлѣбный шарикъ на вопросномъ кругѣ, потомъ находить сперва «ключъ» къ отвѣту и, наконецъ, желанный отвѣтъ. Съ той поры гаданье не переводилось въ кухнѣ у Лукерьи; гадала и она сама, и кухарки со всего двора, и горничныя, и прачки, и даже торговки, приходившія лѣтомъ съ корзинами клубники, а зимою—съ замороженной навагой и дичью.

Ефремка сидѣлъ на лавкѣ, поджавъ подъ себя ноги; онъ читалъ «Охоту за черепами». Лукерья чистила горѣлки въ комнатныхъ лампахъ. Она налила керосинъ въ резервуары, зажгла фитили, чтобы взглянуть, ровно ли горятъ, подправила головной шпилькой одинъ изъ фитилей и, убѣдившись, что лампы въ исправности, понесла ихъ наверхъ.

Сегодня у нея не болѣли зубы, Лукерья была въ хорошемъ расположеніи духа. Вернувшись обратно въ кухню, она сѣла на скамью подъ лампой и предложила:

— Ну, Ефремка, погадаемъ? Почитай-ка вопросы...

Ефремкѣ не хотѣлось разставаться съ книгой, однако, онъ не

подалъ вида, что не хочется, досталъ съ полки толстый «Оракулъ» въ старинномъ переплетѣ съ кожанымъ корешкомъ и сталъ читать съ полной охотой:

— «Начатое дѣло благополучный ли будетъ имѣть конецъ? Можно ли въ тайнѣ полагаться на того, о комъ думаю? Достигну ли желаемаго мною, кого люблю страстно?»

— Дальше, дальше... Мнѣ это ни къ чему.

— По порядку читаю... Ну, вотъ вамъ: «Буду ли въ кого влюбленъ? Кто изъ новобрачныхъ честнѣе: мужъ или жена?»

— Какъ на зло,—не то читаетъ!

— «Любовь, питаемая мною въ сердцѣ моемъ къ такой-то особѣ, будетъ ли награждена взаимнымъ ея пламенемъ? Свободна ли отъ любви»...

— Постой, постой... бросай на пламень. Я на знакомую женщину задумаю.

Ефремка бросилъ шарикъ, посмотрѣлъ на числа и отмѣтилъ скороговоркой:

— Кипарисъ... девяносто четыре и семь... Искать въ ключѣ: Кипарисъ, девяносто четыре. Отвѣтъ: Регіомонтана, двѣсти двадцать четыре и семь...

Онъ поспѣшно перелистывалъ толстую книгу, повторяя:

— Двѣсти двадцать четыре...

Наконецъ, нашелъ:

— Есть! «По прошествіи немногихъ лѣтъ твой пламень будетъ награжденъ обратнымъ, и совершится сіе по совѣту одного иностранца»...

Лукерья вздохнула такъ скорбно, что и Ефремкѣ стало грустно. Она не вѣрила предсказанію, но женская душа полна противорѣчій, и предсказаніе, несмотря на вызванную имъ грусть, было всетаки пріятное.

— Читай еще... По вопросамъ...— сказала Лукерья.

— «Свободна ли отъ любви такая-то особа, или уже покорилась оной? Хранитъ ли ко мнѣ постоянность тотъ, о комъ думаю?»

— Брось на это.

— Гіацинтъ... восемьдесятъ шесть и два. Въ ключѣ, Зенонъ... нѣтъ, не Зенонъ, а Фалерій. Фалерій, двѣсти двадцать семь и два... Вотъ: «Онъ подобенъ мотыльку, постоянность есть для него тяжкое бремя».

— Ну, какъ правильно! Вотъ ужъ вѣрно... Справедливый «Оракулъ», правильный...

Теперь предсказаніе болѣе совпадало съ дѣйствительностью, а между тѣмъ на глазахъ у Лукерьи были слезы.

— А я бы и не гадалъ о такомъ!—произнесъ Ефремка.—Пускай себѣ... Если онъ меня знать не хочетъ, и я его не хочу. Безъ надобности мнѣ...

— Понимаешь ты много! Поросенокъ... и онъ туда же, куда люди... Еще онъ будетъ...

Лукерья не докончила своей фразы: изъ комнатъ раздался двойной звонокъ, пора барынѣ чай пить.

Пока Лукерья ставила самоваръ и подавала его въ столовую, Ефремка, не отрываясь, поглощалъ «Охоту за черепами».

— Почиталъ бы изъ божественнаго, — возобновила разговоръ Лукерья, вернувшись изъ комнатъ.—Достань Евангеліе.

Ефремка такъ же охотно, какъ и раньше, оставилъ свою книжку, полѣзъ въ сундукъ, гдѣ хранилось Евангеліе, полученное имъ въ награду при переходѣ изъ первой школьной группы во вторую, вынулъ Евангеліе и спросилъ:

— Вамъ про что?

— Какъ откроется... Да не спѣши, не торопись.

Ефремка торжественно началъ:

— «Сей же есть судъ, яко свѣтъ пріиде и возлюбиша человѣцы паче тму, неже свѣтъ: бѣша бо ихъ дѣла зла»...

Лукерья ничего не понимала, но ей нравилась именно торжественность Ефремкинаго голоса.

— «Всякъ бо дѣлаяй злая ненавидитъ свѣта и не приходитъ къ свѣту»...

— Охъ-хо-хо-хо!—сокрушенно повторила Лукерья, не переставая слушать.

— «Творяй же истину грядетъ къ свѣту, да явятся дѣла его, яко о Бозѣ суть содѣлана»...

— Грѣхи, грѣхи наши!

По какому-то странному сопоставленію Лукерья вспомнила, что у нея еще не составленъ сегодняшній базарный счетъ для докторши. Со времени, какъ научился писать Ефремка, Лукерья каждый вечеръ подаетъ барынѣ сведенный Ефремкой счетъ и соотвѣтственно счету сдачу съ базара. Прежде базарный счетъ записывался самою докторшей, и эти минуты подсчета бывали очень тягостны для Лукерьи. Она путалась въ цифрахъ, поправлялась, смущенно кашляла, а проницательные, чуть насмѣшливые глаза докторши глядѣли тогда на Лукерью, словно говорили:

«А я знаю... я вижу, но молчу».

Лукерью это злило безпредѣльно. Она едва обуздывала себя, чтобы не наговорить дерзостей. Теперь, принимая счетъ, докторша вовсе не смотритъ на кухарку и лишь бросаетъ вскользь:

— Положите у меня на столѣ, я провѣрю...

А на лицѣ у нея опять-таки недовѣріе. И глаза докторши, какъ живой укоръ, стоятъ передъ Лукерьей, отражая упрекъ: «а я знаю!»

Ефремка кончилъ главу Евангелія.

— Напиши-ка еще счетъ, Ефремъ,—помолчавъ, замѣтила Лукерья.—Сосчитай мнѣ...

— Сейчасъ.

— Пиши: хлѣба на четырнадцать копеекъ. Коренья въ супъ—семнадцать: сельдирей покупала. Хренъ — четыре копейки. Цыбули на шесть. Говядина...

Ефремка записалъ: «Луку на»... и остановился.

— Мама... Лукъ позавчера брали?

— Ну, такъ что?

— Она помнитъ, барыня... У нея въ книжечкѣ переписано. Перевернетъ листикъ—и видно...

— Не твое дѣло, мозглякъ.

— Такъ нельзя, мама!

— Ахъ ты, свинья... свинячее ухо! Онъ меня учить будетъ? Г-гта!

Ефремка покраснѣлъ, бросилъ перо на столъ и закричалъ вызывающимъ голосомъ:

— Не хорошо такъ! Не хорошо! Вы считаете, что она не разберетъ? Не догадается? Она все разбираетъ! Я самъ слышалъ...

— Что-жъ ты слышалъ?—освѣдомилась Лукерья, потупляя глаза.—Когда слышалъ?

— А когда я носилъ за нею машину. Когда починяли въ магазинѣ...

— Такъ что?

— Она зашла въ мясную и спрашиваетъ; «почемъ теперь говядина?» Ей говорятъ: «по четырнадцать». «И давно, — спрашиваетъ,—по четырнадцать?» Говорятъ: «седьмая недѣля»...

— Хммъ!...—кашлянула въ замѣшательствѣ Лукерья.

— Видите, какъ? Видите? А мы по пятнадцать ставили... Все время по пятнадцать!

— Бѣсенокъ ты этакій!—грозно набросилась Лукерья на Ефремку —Да, можетъ, я и сама не знала, что по четырнадцать? А онъ... смотрите, добрые люди!

Нѣтъ, вы знали. Вамъ мясникъ сейчасъ скажетъ.

Голосъ у Лукерьи сорвался и перешелъ на укоризненно-жалобныя ноты.

— Безсовѣстный ты! стыда у тебя нѣту... Дождала я сына! Ты что же это: воровкою мать дѣлаешь?

— Не воровкою; а только... Не годится такъ. Не надо, не хорошо...

— Отчего не сказалъ мнѣ сразу?

— Такъ... Не хотѣлъ.

— И писалъ по пятнадцать говядину?

Ефремка добродушно оживился.

— Нѣтъ, я ставилъ по четырнадцать! А потомъ сосчитаю и говорю вамъ, сколько сдачи... а вы и отдадите...

— Ахъ ты, чертово отродье! Такъ ты мать надувать?

— Вамъ же лучше, если я хорошо считалъ?...

— И та, гадюка подколодная... Молчитъ тоже... Пиши: шесть фунтовъ—по четырнадцать...

— Записалъ. Восемьдесятъ четыре.

«Впередъ надо быть поосторожнѣй съ Ефремкой,—размышляла Лукерья,—зоркій глазъ у чертенка!»

Чтобы какъ-нибудь оправдаться, она начала:

— Можетъ, я для тебя, подлеца, стараюсь? Грѣхъ на душу ради него беру?... А онъ—вонъ что выдумалъ!...

— А я не хочу!—крикнулъ Ефремка.—Вотъ вамъ крестъ, не хочу! Я и безъ этого...

— Ну, пиши, пиши... А то барыня разсердится: такъ поздно, и нѣту счета до сихъ поръ...

— Вы не смотрите, что она молчитъ, — заговорилъ Ефремка о докторшѣ. — Она не говоритъ, а все видитъ. И баринъ ея боится! Она разумная...

— Разумная! Ящерка она... вонъ кто. Какъ есть, ящерица подъ колодой; притаится и сидитъ.

— Нѣтъ, она разумная: сколько книгъ перечитаетъ! Все читаетъ, по цѣлымъ днямъ... Въ библіотекѣ сказали: сурьезная барыня! Разъ такую книжку потребовала, что у нихъ и нѣтъ вовсе. Выпишемъ, сказали...

— Ну, и разумная! А ящерица.

— Она глянетъ, то уже знаетъ, кто про что думаетъ. На барина сердится: чего онъ не сидитъ дома. А онъ такъ и крутится, какъ бы удрать!

— Удерешь отъ такой... гадючки.

— Она хоть и сердится, но молчитъ. Не скажетъ...

— Лучше бы не молчала...

— Баринъ ея бои-ится! — повторилъ Ефремка. — А не любитъ сидѣть съ нею, не нравится ему дома...

Ефремка освѣщалъ личность докторши съ новой для Лукерьи стороны. Лукерья вообще не понимала барыни. Восемь лѣтъ служила она у Рѣжинскихъ, но докторша и до сего дня была для нея загадкой. Лукерья даже характера ея не знала: никогда не бранится, а какъ будто не добрая; не сердится за лишніе расходы, а кажется скупая; иногда участливая—и тутъ же равнодушная. Съ такою три пуда соли съѣешь и все не разберешь, что нея на умѣ. Молчитъ, одни глаза усмѣхаются...

Лукерья призадумалась, вспомнила о своемъ вѣроломномъ Аркадіи, провела параллель между Аркадіемъ и бариномъ, и, тяжело вздохнувъ, одобрительно взглянула на Ефремку.

— Догадливый! На три аршина въ землю видитъ: недаромъ головастый.

Когда легли спать, задремавшій Ефремка встрепенулся и началъ слушать: ему показалось, будто Лукерья плачетъ.

— Мама... мама!—позвалъ онъ.—Вы спите?

— Что ты?—сердито спросила Лукерья.

— У васъ зубы болятъ?

— Отцѣпись!

Теперь уже не оставалось сомнѣній, что Лукерья плачетъ. Ефремка поднялся съ подушекъ и сѣлъ на сундукѣ:

— Чего вы, мама? Не надо.

— Не приставай.

— Подождите, я выросту, выучусь... такъ мы съ вами такъ будемъ жить! Вотъ повидите... хорошо будемъ жить, по правдѣ...

— Спи, спи...

Но Ефремка не спалъ. Онъ тоже начиналъ плакать, самъ не понимая отъ чего.

На улицѣ, какъ всегда, грохотали экипажи; Жулька визжала сквозь сонъ подъ водопроводной раковиной; наверху, надъ кухней ходила взадъ и впередъ по столовой одинокая докторша. Ефремка зарылъ голову подъ подушку и сталъ плакать еще сильнѣе...

О. Н. Ольнемъ.

Лауло и Франческа.

Изъ Данте Аллегіери. (См. пѣснь 5, Терцинъ 73—142).

(Посвящается А. С. Петровскому.)

Вергилій,—я сказалъ,—мой духъ горитъ желаньемъ
Вступить въ бесѣду съ той воздушною четой,
Что легкій вѣтерокъ несетъ своимъ дыханьемъ!...»

Вергилій мнѣ въ отвѣтъ:—«помедли, и съ тобой
Ихъ сблизитъ вѣтра вздохъ... любовью заклиная,
Тогда зови, они на зовъ отвѣтятъ твой»...

И вѣтеръ ихъ прибилъ, и, голосъ возвышая,
Я крикнулъ:— «если вамъ не положёнъ запретъ,
Приблизьтесь къ намъ, о, вы, чья доля—скорбь нѣмая!...»

И вотъ, какъ горлинки неслышный свой полетъ
Къ родимому гнѣзду любовно устремляютъ,
Они порхнули къ намъ на ласковый привѣтъ,

Дидону съ сонмищемъ видѣній покидаютъ,
И держатъ робкій путь сквозь адскій мракъ и смрадъ,
Какъ будто ихъ мои призывы окрыляютъ,—

«Созданья нѣжныя, кому не страшенъ адъ,
Вы къ нашимъ бѣдствіямъ прониклись сожалѣньемъ,
Прощая грѣшниковъ, что кровью міръ багрятъ *),

Наказаны за то навѣки отверженьемъ!...
О, если-бъ къ намъ Творецъ сталъ милостивъ опять,
Мы-бъ пали передъ нимъ, какъ нѣкогда, съ моленьемъ,

---

*) Слова Тѣней.

Да прольётъ на васъ святую благодать;
Вы къ нашимъ бѣдствіямъ явили состраданье,
На всѣ вопросы мы готовы отвѣчать,

Покуда вѣтерка затихнуло дыханье...
Я *) родилась въ странѣ, гдѣ По, стремясь впередъ,
Въ безбрежный океанъ ввергается въ журчаньѣ,

Чтобъ скучныхъ спутниковъ забыть въ пучинѣ водъ...
Въ его **) душѣ любовь зажглась порывомъ страстнымъ,
(Что сердце нѣжное безъ всякихъ словъ поймётъ),

Но былъ похищенъ онъ вдругъ замысломъ ужаснымъ,
Что до сихъ поръ еще терзаетъ разумъ мой,
И грудь сжигаетъ мнѣ порывомъ гнѣва властнымъ!...

Увы, любовь—законъ, чтобъ полюбилъ другой,
И тотчасъ мной любовь такъ овладѣла жадно,
Что оба въ безднѣ мы погибли роковой.

Того ***), кто угасилъ двѣ жизни безпощадно,
Уже Каина ****) ждетъ, ему—прощенья нѣтъ!...»
Внимая рѣчь ея, съ тоскою безотрадной

Поникнулъ я главой, и мнѣ сказалъ поэтъ,—
«О чемъ ты въ этотъ мигъ задумался смущенно?»
«Вергилій,—молвилъ я,—увы, не вѣдалъ свѣтъ

Желаній пламенныхъ и страсти затаенной,
Что души нѣжныя къ пороку привели!»
И снова обратилъ слова къ четѣ влюбленной,—

«Франческа,—я сказалъ,—страданія твои
Потокъ горячихъ слезъ изъ сердца исторгаютъ;
Зачѣмъ ты предалась волненіямъ любви,

Ты знала, что они лишь горе предвѣщаютъ?»
Франческа мнѣ въ отвѣтъ: «О, знай, всего страшнѣй
Въ несчастьѣ вспоминать (твой докторъ *****) это знаетъ)

---

*) Франческа была дочерью знатнаго гражданина Равенны. Ее выдали замужъ за [illegible]рода Ланчіотто Малатеста обманомъ, подставивъ вмѣсто Ланчіотто его брата, Паоло. Данте лично зналъ Франческу еще ребенкомъ и не разъ ласкалъ ее.

**) Паоло.

***) Мужа Франчески, который убилъ ихъ обоихъ, заставъ ихъ вдвоемъ.

****) Т.-е. отдѣленіе послѣдняго адскаго круга Каина.

*****) Вергилій, у котораго въ Энеидѣ находятся слѣд. стихи:

Sed si tantus amor casus cognoscere nostros... (Энеида I, VI).

О счастіи былomъ; но если знать скорѣй
Ты хочешь нынѣ все: и страсти пробужденье,
И муки адскія, и скорбь души моей,

Я все повѣдаю тебѣ безъ замедленья,
Роняя изъ очей горячихъ слезъ струи...
Читали какъ-то разъ мы съ нимъ для развлеченья,

Какъ Ланчелотто *) былъ зажженъ огнемъ любви,
И были мы одни, запретное желанье
Въ тотъ мигъ въ его очахъ прочли глаза мои,—

И поблѣднѣли мы,—и замерло дыханье...
Когда-жъ повѣдалъ онъ, какъ страстная чета
Слила уста свои въ согласное лобзанье,

(Какъ Галеотто **) будь та книга проклята!)
Тотъ, съ кѣмъ навѣки я неразлучима болѣ,
Поцѣловалъ мои дрожащія уста,

И сладостно его я отдалася волѣ...
Увы, въ тотъ день читать ужъ не пришлося намъ!...»
Пока она вела разсказъ о страшной долѣ,

Безмолвно духъ другой рыдалъ, и вотъ я самъ
Къ четѣ отверженной исполненъ состраданья,
Нежданно волю далъ непрошеннымъ слезамъ

И, словно трупъ, упалъ на землю безъ дыханья.

Эллисъ.

---

*) Герой очень распространеннаго рыцарскаго романа временъ Данте.

**) Галеотто служилъ посредникомъ между королевой Джиневрой и Ланчелотто. Во времена Данте это имя стало нарицательнымъ.

Страница изъ исторіи крѣпостного права въ XVIII—XIX вв. *).

IV.

На первомъ планѣ необходимо выяснить, въ чемъ заключалась та «вольность», которую помѣщикъ даровалъ своимъ крестьянамъ. По мнѣнію современниковъ, знакомыхъ съ реформой, графъ Іоахимъ уничтожилъ подданство, панщину и всякаго рода услуги, работы, толоки, сторожи, подводы и подати крестьянъ въ пользу помѣщиковъ; онъ далъ также неограниченное право крестьянамъ уходить на заработки. При этомъ реформаторъ исходилъ изъ той мысли, что крестьяне будутъ привязаны къ его имѣніямъ въ силу собственныхъ же интересовъ.

Такъ опредѣляетъ данную крестьянамъ «вольность» ксёндзъ Богушъ. Это опредѣленіе очень близко къ истинѣ. Правда, графъ Іоахимъ не опредѣлилъ никакимъ, ни государственнымъ, ни вотчиннымъ актомъ дарованныхъ имъ личныхъ правъ своимъ крестьянамъ. Данное имъ опредѣленіе представляетъ однако интересъ: подъ «свободой», данной Щоровскимъ крестьянамъ, говоритъ онъ, надо разумѣть, что она дана людямъ рачительнымъ и трудолюбивымъ, а не бездѣльникамъ и лѣнтяямъ, для которыхъ «вольность была бы и безполезна, и вредна»; трудолюбивый же хозяинъ считается не только тотъ, который самъ работаетъ, но и тотъ, который можетъ управлять хозяйствомъ; лѣнтяевъ, говоритъ графъ Іоахимъ, я не считаю свободными людьми», таковыхъ надо брать на наемную боровую работу.

Графъ Адамъ точнѣе опредѣляетъ вопросъ о личной свободѣ своихъ крестьянъ. Такъ какъ графъ Іоахимъ, разсуждаетъ графъ Адамъ въ своемъ муарѣ, никакимъ юридическимъ актомъ не опредѣлилъ личной свободы воихъ крестьянъ, то всѣ крестьяне остаются во владѣніи двора согласно вязскимъ сказкамъ: поэтому ни одинъ крестьянинъ не можетъ безъ разшенія двора удалиться изъ предѣловъ имѣнія или совершенно высе-

*) Русская Мысль, кн. III, 1904 г.
кн. IV, 1904 г.

литься изъ него. По его же мнѣнію, такой уходъ долженъ былъ бы отразиться на интересахъ сельскаго общества, обязаннаго нести государственныя подати и повинности. Кромѣ того можно указать на ограниченія со стороны владѣльца свободы крестьянъ: крестьяне обязаны были выходить на дворовую работу по требованію двора, хотя такая работа и оплачивалась дворомъ. Впрочемъ, графъ Адамъ сильно смягчаетъ свое право владѣнія крестьяниномъ; имѣя въ виду, что многіе крестьяне имѣютъ право на личную свободу въ силу своихъ дарованій, онъ постановилъ, что *всякій можетъ получить свободу, а также и дѣвушка можетъ выйти замужъ въ другую вотчину при условіи извѣстнаго взноса въ крестьянскую кассу.*

Не нужно удивляться тому, что Хрептовичи не дали своимъ крестьянамъ полной свободы. Въ концѣ XVIII вѣка лучшіе люди Польши видѣли сущность въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса не столько въ личной свободѣ крестьянъ, сколько въ регулированіи ихъ отношеній къ помѣщикамъ и даже въ благожелательной опекѣ надъ крестьянами.

Въ силу послѣдняго принципа Хрептовичи допускаютъ даже нѣкоторое вмѣшательство въ частную жизнь крестьянъ. Впрочемъ, надо сдѣлать оговорку, что это вмѣшательство было весьма незначительно и далеко не доходило до той мелочной регламентаціи, которую мы встрѣчаемъ у другихъ современниковъ графа Іоахима, напримѣръ, въ имѣніяхъ княгини Яблоновской.

Такъ, графъ Адамъ убѣжденъ, что однимъ изъ недостатковъ крестьянскаго хозяйства является невозможность найти наемнаго работника; каждый крестьянинъ торопится женить сына или, выдавъ дочь замужъ, принять въ домъ зятя-примака. Такъ они дѣлаютъ, желая усилить рабочую способность семьи, но этотъ разсчетъ ошибоченъ. Молодая пара требуетъ особаго помѣщенія, стремится завести особое хозяйство, самостоятельность сына мѣшаетъ хозяйственнымъ распоряженіямъ отца, невѣстка заводитъ ссоры въ семьѣ, наконецъ, отцу иногда приходится женатаго сына сда-вать въ рекруты. Поэтому помѣщикъ установилъ, чтобы парень съ 18 до 24 лѣтъ непремѣнно служилъ бы паробкомъ въ господскомъ домѣ, а не въ крестьянскомъ хозяйствѣ, получая денежную плату, одежду и корм. По его мнѣнію, это произведетъ хорошее моральное воздѣйствіе на мо-лодежь. Только послѣ 24 лѣтъ, или вообще по отбытіи имъ шестилѣтней паробоцкой службы, парню разрѣшается жениться, и онъ уже выходитъ изъ разряда крестьянъ, подлежащихъ сдачѣ въ рекруты. При этомъ бы-опредѣлено также и время совершенія браковъ (отъ новаго года до ма-ляной недѣли), свободное отъ усиленныхъ хозяйственныхъ работъ. Сверхъ того, помѣщикъ еще инымъ образомъ вмѣшивался въ вопросъ крестьянскомъ бракѣ. Въ щорсовской экономіи сохранился рядъ кни-со справками относительно желающихъ вступить въ бракъ. Въ справ-

*) Это обычное время крестьянскихъ браковъ вездѣ въ Бѣлоруссіи.

собирались указанія относительно возраста и имущественнаго состоянія желающихъ вступить въ бракъ. По разсказамъ стариковъ крестьянъ всѣ эти свѣдѣнія собирались сельскимъ судомъ, въ который являлись молодыя пары съ ихъ родителями. На судѣ опредѣлялся размѣръ приданаго, у кого изъ родителей будутъ жить молодые и вообще взвѣшивалось, насколько прочное хозяйство можетъ составить молодая пара. Всѣ эти свѣдѣнія протоколистъ суда заносилъ въ особую книгу, которая представлялась помѣщику для резолюціи.

Только въ изложенномъ вопросѣ о бракѣ и брачномъ возрастѣ сказывалось вмѣшательство помѣщика въ частную жизнь крестьянина, притомъ умѣряемое участіемъ сельскаго суда.

Впрочемъ, можно указать еще на то, что при сдачѣ крестьянамъ участковъ земли помѣщики стремились разселить ихъ хуторами въ цѣляхъ хозяйственныхъ и моральныхъ. Наконецъ, ими были приняты мѣры противъ пьянства. Отдача корчемъ въ аренду евреямъ была прекращена. Корчмы ставилъ самъ дворъ. Въ будніе дни запрещено мужчинамъ и женщинамъ сидѣть и пьянствовать въ корчмахъ. Корчмарямъ запрещено было выдавать крестьянамъ водку въ кредитъ, или за какіе-нибудь продукты (по постановленію гр. Иринея). Дворовымъ паробкамъ совсѣмъ не дозволялось заходить въ корчму.

Всѣ эти постановленія, исходившія изъ чувства гуманности, или хозяйственныхъ соображеній, едва ли могутъ быть признаны весьма стѣснительными.

Такимъ образомъ крестьяне имѣній, принадлежащихъ Хрептовичамъ, не получивъ личной свободы, пользовались, однако, гражданскими правами въ предѣлахъ имѣнія и не несли въ пользу помѣщика никакихъ, обычныхъ въ крѣпостное время, податей и повинностей. Помѣщикъ оставилъ за собою лишь наблюденіе за общимъ строемъ крестьянской жизни, регулируя ее своими вотчинными постановленіями. Оттого во время введенія въ Западномъ краѣ инвентарей щорсовская экономія, отвѣчая на запросъ администраціи объ устройствѣ имѣнія, имѣла основаніе объяснять, что крестьяне, не пользуясь свободнымъ правомъ ухода изъ имѣнія безъ разрѣшенія владѣльца, въ самомъ имѣніи являются «какъ бы людьми вольными». Отношенія крестьянина къ помѣщику сводились главнымъ образомъ къ платежу аренды за землю и въ случаѣ нужды къ принудительному найму на экономическія работы, хотя послѣднія едва ли были тягостны и едва ли практиковались въ большихъ размѣрахъ, особенно по отношенію къ крестьянамъ, имѣвшимъ самостоятельное хозяйство.

Теперь посмотримъ, въ чемъ заключались поземельныя отношенія крестьянъ къ помѣщику.

Мы уже замѣтили, что Адамъ Хрептовичъ ставилъ отсутствіе батраковъ въ крестьянскихъ хозяйствахъ однимъ изъ ихъ недостатковъ. Трудно сказать, насколько такое теоретическое соображеніе, повидимому навѣянное нѣкоторымъ знакомствомъ съ англійскимъ фермерствомъ, могло повліять на

распредѣленіе крестьянскихъ арендныхъ участковъ. Надо замѣтить, что имѣнія Щорсы и Вишпево, принадлежавшія Хрептовичамъ на правѣ собственности, а затѣмъ и Негнѣвичи, перешедшія на такомъ же правѣ к графу Адаму, не отличались многоземельемъ. Очень можетъ быть, что об эти соображенія, теоретическое и практическое,—повліяли на распредѣленіе крестьянскихъ участковъ.

Графъ Адамъ объясняетъ, что въ его владѣніяхъ живутъ подданные трехъ разрядовъ. Во-первыхъ, мѣщане и ремесленники, имѣющіе только дворовыя мѣста и луга и не имѣющіе права брать въ аренду пахотныхъ земель для того, чтобы они сами не отрывались отъ ремесла. Затѣмъ, во-вторыхъ,—огородники, владѣющіе дворовыми мѣстами, огородами и сѣнокосами. Это батраки, нанимающіеся во дворъ, на сплавъ, работающіе у крестьянъ и не имѣющіе возможности держать въ арендѣ крестьянскаго участка; однако имъ не воспрещается переходъ въ составъ арендаторовъ. Наконецъ, основную группу населенія составляютъ сельскія хозяева-арендаторы, обладающіе собственнымъ хозяйствомъ.

Еще графомъ Іоахимомъ установленъ предѣльный минимальный размѣръ поземельнаго крестьянскаго участка. Онъ раздѣлилъ всю предположенную для раздачи землю на третины, т.-е. на трети волоки или по 10 морговъ въ участкѣ (волока равна $19^1/_2$ десятинамъ). Въ третину входила только пахотная земля. Къ третинамъ присоединялись участки сѣнокоса, а выгонная земля отрѣзывалась въ распоряженіе всего общества. Крестьянинъ не могъ брать въ аренду менѣе третины пахотной земли и имѣвшій меньше уже считался огородникомъ. По мнѣнію графа Іоахима, гораздо лучше, если крестьянинъ, имѣя только огородъ, обращаетъ всѣ свои силы на посторонніе заработки, чѣмъ пробивается на небольшомъ клочкѣ пахотной земли.

Кромѣ пахотной земли, сѣнокоса и выгона крестьяне пользовались еще господскимъ лѣсомъ безплатно.

При введеніи реформы, земли для арендныхъ участковъ въ имѣніи Вишнево и Щорсы были предварительно обмѣрены и раздѣлены на участки. Въ Вишневѣ между крестьянскими волоками были оставлены небольшія полосы подъ лѣсъ для защиты полей отъ вѣтра. Каждому участку былъ отведенъ сѣнокосъ такъ, чтобы онъ составлялъ пятую часть пахотной земли. Земли подъ зарослями предварительно расчищались самимъ дворомъ. При этомъ происходило разверстаніе крестьянскихъ земель от господскихъ. Вслѣдствіе разверстанія пришлось поставить новые дворы фольварки на мѣстахъ гористыхъ и непригодныхъ для крестьянскаго хозяйства по отдаленности пахотной земли отъ выгона или сѣнокоса, но крестьянскіе же надѣлы иногда шли хорошо обработанныя фольварковыя земли. Все это указываетъ на добросовѣстность, съ которой отнеслись своему дѣлу владѣльцы. Разбивая крестьянскіе участки на отдѣльные хутора, уже Іоахимъ Хрептовичъ имѣлъ въ виду перенесеніе крестьянскихъ усадебъ изъ деревень на хутора и требовалъ, чтобы его управляющій

чески способствовалъ крестьянамъ при переносѣ усадебъ. Графъ Адамъ, развивая ту же мысль, объясняетъ причины такого переноса усадебъ. Прежде всего такое разселеніе уменьшаетъ безконечныя ссоры между крестьянами, такъ что число тяжбъ послѣ разселенія, по его заявленію, сильно уменьшилось. Наконецъ, близость пахотной земли и сѣнокоса является удобствомъ въ хозяйственномъ отношеніи. Вся земля, раздѣленная на участки, отдавалась крестьянамъ на арендныхъ условіяхъ, при чемъ контрактъ заключается на двадцать лѣтъ. При этомъ регулированы были права пользованія крестьянскими участками. Минимальный участокъ, третина,—не могъ подвергнуться раздѣлу и по смерти отца переходилъ къ его старшему сыну; за старостью отецъ, впрочемъ, могъ передать свой участокъ тоже только старшему сыну, но не дѣлить его. Въ случаѣ неспособности старшаго сына управлять хозяйствомъ, или за его отказомъ, его мѣсто занимаетъ слѣдующій за нимъ. Въ случаѣ отсутствія сыновей наслѣдуетъ дочь или пріемный зять. Впрочемъ, нераздѣлившаяся семья можетъ жить на участкѣ независимо отъ его размѣра. По инструкціи графа Іоахима, владѣлецъ третины могъ сдавать части ея въ аренду; но уложеніе графа Кинея строго воспрещаетъ такую передачу участковъ.

Теперь перейдемъ къ размѣру арендной платы; она устанавливалась контрактомъ каждыя 20 лѣтъ (при графахъ Іоахимѣ и Адамѣ, потомъ—черезъ 5 лѣтъ). Огородные и дворовые участки облагались особо отъ пахотныхъ. Обложенію подлежала только фактически запахиваемая земля, такъ что рвы и другія неудобныя мѣста не облагались. За дворовое мѣсто аренда не платилась. Чиншъ вносился въ господскую казну въ два срока—въ послѣднія недѣли іюня и въ послѣднія недѣли декабря. Не платившему въ срокъ войтъ объявляетъ объ этомъ въ присутствіи другихъ хозяевъ, и затѣмъ неисправный плательщикъ платитъ пени по одному злотому въ мѣсяцъ. Если въ теченіе шестимѣсячнаго срока арендная плата не будетъ внесена, то движимое имущество арендатора подвергается продажѣ, пахотный участокъ у него отнимается и передается другому; такой «банкротъ» (по выраженію устава) уже никогда не можетъ получить арендnаго участка; только пожаръ, скотскій падежъ, продолжительная болѣзнь, градобитіе избавляютъ арендатора отъ наказанія отнятіемъ участка. Размѣръ аренды не былъ одинаковъ. Въ Щорсахъ онъ колебался между сорока пятью и девяносто рублями съ волоки пахотной земли и отъ 20—90 р. съ волоки сѣнокоса.

Въ Вишневѣ чиншъ былъ гораздо ниже, такъ какъ здѣсь взималось по 7 р. съ волоки пахоты, по одному рублю съ морга дворовыхъ мѣстъ (огородовъ) и по 2 рубля съ волоки сѣнокоса.

Разсмотрѣвъ систему пользованія землей и вопросъ о размѣрѣ чинша, мы можемъ поставить вопросъ о томъ, насколько реформа благопріятствовала крестьянину. Такую провѣрку можно сдѣлать, благодаря мемуару графа Адама. Онъ вообще считаетъ, что съ переходомъ на чиншъ положеніе крестьянъ значительно улучшилось.

Между прочимъ, онъ разсказываетъ любопытный бытовой фактъ. Графъ Іоахимъ держалъ въ арендѣ Негнѣвичскую волость, принадлежавшую Радзивиламъ. Пока эта волость была на барщинномъ хозяйствѣ, крестьяне буквально голодали ежегодно, начиная съ Рождества. Съ переходомъ этой волости въ собственность Хрептовичей и съ введеніемъ здѣсь арендныхъ условій, крестьяне оправились и совершенно перестали пользоваться хлѣбными ссудами отъ двора.

Однако въ имѣніяхъ Хрептовичей все крестьянство далеко не могло пользоваться землей въ достаточномъ размѣрѣ. Этого не допускали и размѣры имѣній. Такъ, имѣнія Щорсы и Негнѣвичи состояли изъ 11324 десятинъ пахотной, сѣнокосной и выгонной земли, кромѣ лѣса. Изъ этого пространства подъ господскіе фольварки было отведено всего 1164 десятины пахотной и 892 десятины сѣнокосной земли. При этомъ подъ фольварки отведена земля неудобная для крестьянскаго хозяйства и такого качества, которое дѣлало ее неудобной при средствахъ удобренія, возможныхъ для крестьянъ. Это объясненіе графа Адама слѣдуетъ признать вполнѣ справедливымъ, такъ какъ и въ настоящее время можно убѣдиться, что господскіе дворы были основаны на земляхъ песчаныхъ или на низинахъ, потребовавшихъ прорытія канавъ.

Съ другой стороны, нельзя считать чрезмѣрнымъ количество земли, отведенное подъ господское хозяйство. Такимъ образомъ въ пользованіе крестьянъ на условіяхъ двадцатилѣтней аренды находилось: у «грунтовыхъ» хозяевъ 4304 десятины пахотной земли, 3709 десятинъ луговой, 238 десятинъ усадебной, занятой огородниками, и 971 десятина выгонной земли. Замѣтимъ, что соотношеніе выгонной и сѣнокосной земли къ пахотѣ чрезвычайно выгодно въ хозяйственномъ отношеніи. Но дѣло въ томъ, что на этомъ пространствѣ жило по 8-й ревизіи 3725 д. м. п. и 3651 д. ж. п. Слѣдовательно, на одну душу мужского пола приходилось бы всего около $1^1/_4$ дес. пахотной земли (при 4542 дес. всей). Такъ какъ всѣхъ дымовъ въ Щорсахъ и Негнѣвичахъ числилось 1140, то, очевидно, что пропорціональный надѣлъ и на одинъ многосемейный дворъ былъ бы тоже недостаточенъ. Въ дѣйствительности по подсчету графа Адама въ обоихъ имѣніяхъ было 767 дворовъ, арендовавшихъ не менѣе одного участка земли, т.-е. третины, и 373 двора, бывшихъ на положеніи огородниковъ. Это соотношеніе нельзя считать въ общемъ весьма тягостнымъ, такъ какъ въ число 373 дворовъ, очевидно, входятъ и мѣщанскіе дворы въ Негнѣвичахъ; къ сожалѣнію, намъ точно не извѣстно, сколько дворовъ было въ этомъ мѣстечкѣ.

Соображая все вышесказанное, можно положительно утверждать, что для громаднаго большинства хозяйствъ, это распредѣленіе земли было болѣе выгодно, чѣмъ въ періодъ до реформы, проведенной графомъ Іоахимомъ. Такъ, по инвентарямъ Щорсъ, относящимся къ первой половинѣ XVIII вѣка, обычный надѣлъ крестьянскаго двора составлялъ одну шести

ну, т.-е. шестую часть волоки (около $3^1/_5$ дес.), такъ что, напримѣръ, 85 дворовъ села Ожболотья сидѣли всего на 16 волокахъ.

Между тѣмъ минимальный надѣлъ, установленный Хрептовичами, составлялъ третью часть волоки.

Что касается другихъ имѣній Хрептовича, т.-е. Вишнева и Березины (въ Ошмянскомъ уѣздѣ), то въ нихъ всей земли, кромѣ лѣса, считалось 9557 дес. «Грунтовые» крестьяне пользовались 3968 дес. пахотной земли, 1091 дес. сѣнокосной, 853 дес. выгонной, огородники 40 дес. пахотной и 40 дес. сѣнокоса. Въ общемъ помѣщикъ считалъ 4008 дес. пахотной земли, сданной крестьянамъ въ аренду. На этой землѣ сидѣло 1854 душ. м. п. и 2087 д. ж. п., арендаторовъ же (грунтовыхъ), т.-е. обрабатывавшихъ не менѣе $^1/_3$ волоки, было 480 дворовъ, а огородниковъ всего 60 дворовъ. Впрочемъ, въ своей запискѣ владѣлецъ выражаетъ намѣреніе докончить распредѣленіе земель и оставить только 200 хозяйствъ грунтовыхъ, остальныхъ же перевести въ разрядъ огородниковъ. Здѣсь распредѣленіе земель болѣе благопріятно, чѣмъ въ Щорсахъ.

Изъ этого обзора ясно, что не все крестьянское населеніе названныхъ имѣній могло заниматься исключительно земледѣліемъ. Легко также замѣтить, что общее количество земли, находившейся въ распоряженіи помѣщика было столь не велико, что не могло обезпечить землею въ достаточной мѣрѣ всѣхъ кретьянъ; оставался лѣсъ, но трудно было бы ожидать такой жертвы отъ владѣльцевъ, какъ уничтоженіе громадныхъ лѣсныхъ пространствъ. Съ другой стороны, нельзя не видѣть, что владѣльцы, въ силу теоретическихъ соображеній, стремились къ искусственному раздвоенію земледѣльческаго класса на двѣ группы — полныхъ хозяевъ и батраковъ, потому что положеніе огородниковъ немногимъ лучше было положенія батрака.

Впрочемъ, по подсчету графа Адама, всѣ огородники имѣли возможность прилагать свой трудъ въ качествѣ наемныхъ рабочихъ. Такъ, крестьяне Щорсъ и Негнѣвичъ зарабатывали при господскомъ хозяйствѣ, нанимались на сплавъ по Нѣману и, наконецъ, занимались извозомъ и ремеслами. Въ общемъ заработокъ обѣихъ волостей высчитывался въ 19,000 р. серебромъ, изъ которыхъ до 8,900 руб. крестьяне получали изъ господской кассы за работу.

Крестьяне Вишнева и Березины, не имѣя сплавной рѣки, могли однако работать на владѣльческомъ желѣзодѣлательномъ заводѣ. Крестьяне этихъ волостей зарабатывали до 11,000 руб. серебромъ, причемъ на фабрикѣ получали 3,000 руб., а на фольварочныхъ работахъ 6,000 руб. серебромъ, остальные 2,000 руб. зарабатывались извозомъ, ремеслами.

Какъ бы ни распредѣлялись заработки хозяевъ-огородниковъ, всетаки не трудно замѣтить, что заработокъ ихъ былъ не великъ. Вѣдь надо прежде всего помнить, что въ наемныхъ работахъ съ огородниками конкурировали и грунтовые хозяева, если въ ихъ семьяхъ были свободныя руки; далѣе обязательная служба парней отъ 18—24 лѣтъ также давала зна-

чительный контингентъ наемныхъ работниковъ. Правда, для вишневскихъ крестьянъ сторонніе заработки были, вѣроятно, не такъ существенны, такъ какъ громадное большинство ихъ сидѣло на своихъ грунтахъ, хотя и при незначительныхъ надѣлахъ, что, какъ мы видѣли, помѣщикъ считалъ ненормальнымъ (4000 дес. на 480 хозяйствъ, при чемъ въ среднемъ въ хозяйствѣ было по 2 семьи). Но заработки щорсовскихъ крестьянъ были не велики; въ самомъ дѣлѣ, даже при предположеніи, что весь ежегодный заработокъ въ 19,000 руб. распредѣлялся бы между всѣми 373 хозяйствами огородниковъ и мѣщанъ, то это давало бы всего по 51 руб. на дворъ. Надо при этомъ помнить, что крестьяне должны были уплачивать подушную подать, нести общинные сборы и платить чиншъ за огороды и дворовыя мѣста. Такимъ образомъ, положеніе огородниковъ далеко нельзя признать обезпеченнымъ; но зато положеніе грунтовыхъ хозяевъ было вполнѣ обезпеченное. Впрочемъ, и необезпеченность положенія огородниковъ надо понимать лишь относительно, въ сравненіи съ положеніемъ полныхъ хозяевъ тѣхъ же имѣній.

Въ самомъ дѣлѣ, для того чтобы составить себѣ болѣе правильное понятіе о положеніи крѣпостныхъ крестьянъ въ имѣніяхъ графа Хрептовича, сравнительно съ положеніемъ сосѣднихъ имѣній, надо сопоставить количество надѣльной земли и размѣры повинностей изслѣдуемыхъ имѣній съ сосѣдними. Правда, для сколько-нибудь точныхъ и детальныхъ сопоставленій у насъ нѣтъ необходимаго матеріала. Впрочемъ, для нашихъ частныхъ цѣлей достаточно общихъ точекъ соприкосновенія.

У насъ имѣется двѣ группы данныхъ: во-первыхъ, данныя отъ времени 8 ревизіи для Щорсъ и Вишнева; ихъ можно сопоставить съ данными инвентарныхъ комитетовъ; во-вторыхъ, данныя редакціонныхъ коммиссій. Прежде всего обратимся къ сравненію размѣровъ надѣльной земли.

Въ Щорсахъ и Нагнѣвичахъ по 8 ревизіи на одинъ крестьянскій дворъ въ среднемъ приходилось 4 дес. пахотной и $3^1/_4$ дес. сѣнокосной земли. Сравнительно съ другими имѣніями времени инвентарныхъ комитетовъ — это минимальный размѣръ участка (въ $7^2/_3$ дес. встрѣчается въ Новогр. у.); обычный размѣръ большаго участка въ томъ же уѣздѣ 12,4 дес. Въ сходныхъ по населенности и почвѣ уѣздахъ Слуцкомъ и Минскомъ встрѣчаемъ участки отъ $6^2/_3$ и до 20 дес. въ первомъ и даже отъ $2^1/_2$ до $20^1/_3$ дес. во второмъ, въ среднемъ — въ 12 дес. въ Слуцкомъ и 18 дес. въ Минскомъ. Въ уѣздахъ съ болотистой и песчаной почвой размѣры участковъ очень велики — вдвое больше, наприм., въ Бобруйскомъ, въ Мозырскомъ. Для губерніи тогда приходилось въ среднемъ по 16,3 дес. на каждый дворъ (съ огородниками и бобылями), а на одинъ тяглый или оброчный — по 17,9 дес. *).

Средніе надѣльные дворовые участки въ Щорсахъ получаются меньше среднихъ по уѣзду; но надо припомнить, что въ Щорсахъ былъ принятъ

*) „Инвентарныя положенія“, изд. 1859 г., *Зелинскій*, р. 639, 637 и 635.

минимальный участокъ грунтового хозяина въ «третину» волоки пахотной земли. Вмѣстѣ съ сѣнокосной и усадебной онъ составлялъ 10 дес. Такой средній дворовый участокъ и былъ обычнымъ въ эпоху освобожденія крестьянъ—въ 10,23 дес., или на одну ревизскую душу (по 10 ревизіи) 2,99 дес. Въ эту эпоху этотъ лучшій въ губерніи уѣздъ, Слуцкій, представлялъ чрезвычайную пестроту въ отношеніи размѣра надѣльной земли, такъ что никакая средняя не дастъ истиннаго о ней представленія. Наиболѣе низкіе надѣлы падали до 0,33 дес., 0,5 дес., 2,5 дес., до 4—6 дес., но такихъ имѣній немного. Изъ 107 имѣній (съ крѣпостнымъ населеніемъ свыше 100 душъ въ каждомъ) въ 68 надѣлъ колебался между 8 и 13 дес., затѣмъ опять начиналась пестрота въ размѣрахъ его *).

То же положеніе занимаетъ и имѣніе Вишнево, Ошмянскаго уѣзда. Въ Виленской губ. въ 50-хъ годахъ на 10 душъ обоего пола крѣпостного населенія приходилось по одной волокѣ земли, т.-е. на $1^1/_2$ крестьянскій дворъ (населенность двора тогда считалась въ 6 — 9 душъ обоего пола, въ среднемъ въ 7 — 8), или по 14,7 дес. на дворъ **). Въ Вишневѣ на одинъ дворъ полнаго хозяина приходилось $10^1/_2$ дес. всей земли ($8^1/_4$ дес. пахотной). Для грунтовыхъ хозяевъ показанный средній размѣръ въ Вишневѣ подымался до 15 дес. въ среднемъ на дворъ, какъ это можно заключить изъ данныхъ редакціонныхъ коммиссій. По тѣмъ же даннымъ изъ 46 имѣній въ Ошмянскомъ уѣздѣ въ 12 имѣніяхъ надѣлъ былъ 15 дес. на дворъ, въ 10 имѣніяхъ—отъ 10 до 14 дес., въ 24—отъ 16 до 26 дес. Сравнительно съ другими уѣздами той же губ. имѣніе Вишнево занимало среднее положеніе: въ Виленскомъ уѣздѣ на ревизскую душу приходилось 3,5 дес., въ Дисненскомъ—3,26 дес., въ Лидскомъ—2,4 дес., въ Вишневѣ же 3,33.

Итакъ, въ имѣніяхъ Хрептовича крестьянскіе участки можно признать средняго размѣра сравнительно съ другими имѣніями, но съ тѣмъ, что размѣръ ихъ ближе къ меньшимъ участкамъ въ обѣихъ губерніяхъ. Но надо имѣть въ виду нѣкоторыя условія тогдашняго хозяйства. Мы знаемъ, что положеніемъ графа Іоахима былъ опредѣленъ извѣстный minimum арендная крестьянскаго участка, а maximum снимаемой земли былъ предоставленъ силѣ и желанію каждаго хозяина. Средній участокъ очень не великъ въ Щорсовскомъ имѣніи, но это объясняется, во-первыхъ, тѣмъ, что Новогрудскій и Слуцкій уѣзды обладаютъ прекрасной почвой (глинисто-черноземная), это такъ называемая «литовская украйна». Поэтому надѣлы здѣсь вообще и въ другихъ имѣніяхъ не велики, повинности же выше, чѣмъ въ имѣніяхъ сосѣднихъ уѣздовъ. Притомъ при разбивкѣ участковъ въ экономіяхъ лучшія и хорошо обработанныя земли отошли къ крестьянамъ. Очевидно, слѣдовательно, минимальный размѣръ участка, по мнѣнію помѣщиковъ, соотвѣтствовалъ участку, удовлетворяющему насущныя потребности

*) Приложенія къ трудамъ редакціонныхъ коммиссій.

**) Матер. для ст. и геогр. Рос., Виленская губ., р. 486.

крестьянской семьи, съ другой стороны, фактическая съемка крестьянами ихъ участковъ соотвѣтствовала, очевидно, ихъ рабочей силѣ и желаніямъ. Надо имѣть еще въ виду, что крѣпостное хозяйство того времени въ такой обильной незаселенными и малоплодородными землями какъ Минская губ., имѣло еще и другую сторону: оно знало «накидыванія» крестьянамъ земли съ цѣлью полученія отъ нихъ бо́льшей работы, хотя земля и бывала въ тягость крестьянскому хозяйству *). Наконецъ, надо и еще помнить, что имѣнія Хрептовичей были сравнительно съ другими не велики и плотно заселены. Между тѣмъ раздѣленіе земель между помѣщиками и крестьянами было таково: въ Щорсахъ изъ всей господской земли въ количествѣ 19,854 дес. выдѣлено крестьянамъ 9,222 дес. (пашня, сѣнокосъ, выгонъ), подъ помѣщичьими фольварками было 2,056 дес., остальное подъ лѣсомъ, а въ Вишневѣ изъ всей земли въ количествѣ 23,651 дес. было сдано въ аренду крестьянамъ, мѣщанамъ и другимъ арендаторамъ 6,294 дес.; подготовлено къ раздачѣ въ аренду 1,628 дес. Между тѣмъ въ цѣлой Минской губерніи всѣ землевладѣльцы владѣли 6.949,444 дес. и въ пользованіи ихъ крестьянъ считалось 1.384,328 дес. **). Иными словами, отношеніе крестьянскихъ земель къ владѣльческимъ во всей губерніи выражается отношеніямъ 1:5, въ Щорсовскомъ имѣніи—1:2, въ Вишневскомъ—1:3,7, а при предположенномъ увеличеніи участковъ какъ 1:3. Присматриваясь къ хозяйственному распредѣленію земель, нельзя не замѣтить, что Хрептовичи пощадили только лѣса своихъ имѣній.

Таково было соотношеніе крестьянскихъ участковъ въ им. гр. Хрептовичей съ общими условіями положенія крестьянъ въ краѣ. Гораздо труднѣе сдѣлать такое же сравненіе по отношенію къ арендной платѣ. Дѣло въ томъ, что въ то время аренда земли безъ крестьянъ, да еще долголѣтняя аренда небольшихъ участковъ—явленіе очень рѣдкое, не уловленное тогдашними авторами (вѣчно-чиншевыхъ отношеній въ этомъ случаѣ нельзя принимать во вниманіе). Для насъ же важно было бы выяснить, насколько арендная плата въ имѣніяхъ Хрептовичей, продиктованная своимъ крестьянамъ волею помѣщика, соотвѣтствовала рыночнымъ цѣнамъ на землю, или доходности съ земли, или, наконецъ, суммѣ платежей и повинностей, несенныхъ крѣпостными людьми сосѣднихъ владѣльцевъ.

По тогдашнимъ свѣдѣніямъ краткосрочная (3—6 лѣтъ) аренда на землю въ Виленской губ. оплачивалась по 25—50 р. въ годъ съ волоки земли, въ черноземныхъ же мѣстностяхъ до 60 р.; огородная земля цѣнилась по 10—18 р., а подъ Вильной по 35 р. за десятину ***).

Въ сосѣднихъ губерніяхъ опредѣлялась такъ: въ Могилевской губ. за десятину пахотной земли платили 2 р. 40 к.—2 р. 60 к., кое-гдѣ и 3 р., за десятину сѣнокосной—3—4 рубля. Въ Гродненской губ. арендная плата была гораздо выше: десятина пахотной земли шла отъ 4 р. 50 к. до 10 р.

*) *Зелинскій*: „Мат. для геогр. и стат.“, Минская губ.

**) *Зелинскій*, I, p. 549, 644.

***) Матеріалы для стат. и геогр. Россіи, Виленск. губ., стр. 492.

86 к., въ среднемъ—7 р. 25 к., сѣнокосъ по 8 р. 25 к. По условіямъ почвы и хозяйства Гродненская губ. ближе всего подходитъ къ Новогрудскому уѣзду, а Могилевская къ Ошмянскому уѣзду (наиболѣе плодородный уѣздъ Виленской губ.). Но надо замѣтить, что около времени освобожденія крестьянъ арендная плата за земли стала подыматься. Такъ, въ Смоленской губ. въ началѣ 50-хъ годовъ аренда земли была очень рѣдкимъ явленіемъ, причемъ за десятину пахотной земли платили отъ 1 р. до 1 р. 75 к., за сѣнокосныя по 5—7 р. (за хорошій, а за плохой по $1^1/_2$ р.) *).

Если у насъ мало свѣдѣній объ арендѣ земли, снимаемой на свободныхъ договорныхъ условіяхъ, то матеріалы редакціонныхъ коммиссій представляютъ значительное количество данныхъ объ оброкѣ, который въ извѣстномъ отношеніи можетъ служить показателемъ арендныхъ цѣнъ. Такъ, въ Новгородскомъ уѣздѣ встрѣчается размѣръ оброка съ десятины въ 1 р. 50 к., но чаще 2 р. и 3 р. При этомъ всегда съ оброчныхъ крестьянъ требуются еще какія-нибудь дополнительныя повинности—шварки, подводы, сгоны и проч. При послѣднемъ же условіи встрѣчаемъ въ Минскомъ уѣздѣ оброкъ отъ 1 р. (очень рѣдко) до 2 р. (обычно), иногда съ барщиной въ 3 дня въ недѣлю лѣтомъ, въ Борисовскомъ уѣздѣ отъ 1 р. до 3 р. съ десят. при условіяхъ сгоновъ и урочныхъ работъ. Въ Виленской губ., въ Ошмянскомъ уѣздѣ даютъ съ десятины отъ 1 р. 20 к. до 3 р., въ Дисненскомъ—3—4 р. съ десятины и т. д.

Однимъ словомъ, средняя плата за десятину земли въ 2—3 р. можетъ быть признана обычной.

Сравнивая теперь принятыя въ имѣніяхъ граф. Хрептовичей условія аренды съ вышеприведенными данными, мы приходимъ къ заключеніямъ вполнѣ благопріятнымъ для крестьянъ изслѣдуемыхъ имѣній.

Такъ, въ Щорсахъ арендная плата за десятину пахотной земли была отъ 1 р. до $4^2/_3$ р. По раскладочнымъ вѣдомостямъ экономіи въ среднемъ выходила плата за десятину пахотной земли по $4^2/_3$ р., т.-е высшая, причемъ за худшую платили по 3 р., за лучшую по 6 р., за сѣнокосную—въ среднемъ по 3,42 р., за лучшую по 4,5 р., худшую по 2,28 р.; десятина усадебной земли шла по 5,41 р. Въ Вишневскомъ имѣніи за десятину пахотной земли платили всего 1,38 р., столько же за десятину сѣнокосной, за усадебную по 2,81 р.

Такимъ образомъ, принимая во вниманіе вышеприведенныя данныя, а также и хозяйственныя особенности обоихъ имѣній, видимъ, что арендная плата здѣсь не была повышенной, что она соотвѣтствуетъ среднимъ и даже низшимъ вольнымъ арендным цѣнамъ.

Но это сравненіе еще далеко не достаточно: мы сравниваемъ арендаторовъ, юридически однако находящихся въ крѣпостной зависимости, съ арендаторами свободно договаривающимися. Наши сравненія будутъ полны только тогда, когда мы сдѣлаемъ указанія на тогдашнее положеніе крѣ-

*) *Соловьевъ*: „Сельско-хозяйств. статистика Смол. губ.“, стр. 180—3.

постныхъ крестьянъ: вѣдь арендная плата щорсовскихъ и вишневскихъ крестьянъ фактически замѣняла собою барщину, разныя «данины» и повинности, и чиншъ крѣпостныхъ въ сосѣднихъ имѣніяхъ. Въ Виленской, наприм., губ. почти всѣ имѣнія пользовались тягловымъ трудомъ крестьянъ, причемъ повсемѣстно практиковалась работа съ тягла по три мужскихъ и по три дня женскихъ въ недѣлю, а въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ и по четыре дня. Но кромѣ того еще требовались съ крестьянъ особые сгоны, сторожа, очень тяжелая подводная повинность и проч. *).

Остановимся еще на нѣкоторыхъ данныхъ по Минской губ., которыя можно извлечь изъ свѣдѣній, собранныхъ инвентарными комитетами. По разсчетамъ на основаніи данныхъ инвентарныхъ комитетовъ на одну десятину земли крестьянскаго участка въ среднемъ приходилось 15,4 рабочихъ дня въ годъ (7,7 мужскихъ и столько же женскихъ, при максимальномъ количествѣ въ Новогрудскомъ уѣздѣ въ 18,4 дня и Слуцкомъ—20,5 и минимальномъ—въ 13 дней въ Игуменскомъ уѣздѣ **).

Впрочемъ, разсчетъ инвентарныхъ комитетовъ въ этомъ отношеніи не заслуживаетъ особаго довѣрія. Но, кромѣ барщины, крестьяне еще отбывали разныя повинности и платили денежные оброки и дани, натурою и деньгами. Лучшимъ показателемъ можетъ служить тотъ фактъ, что по инвентарнымъ правиламъ помѣщикъ, взамѣнъ освобожденія своихъ крестьянъ отъ натуральныхъ повинностей, могъ пользоваться $^1/_3$ частью валоваго дохода съ крестьянскаго участка, безъ вычета посѣвныхъ сѣмянъ. Разсчетъ этихъ «третьяковъ» былъ сдѣланъ очень благосклонно для помѣщиковъ, и всетаки они находили для себя невыгоднымъ переходъ къ «третьякамъ», и съ 1852 г. имъ снова предоставлено право пользованія шестидневной барщиной (3 мужскихъ и 3 женскихъ дня) съ каждаго тягла, опредѣленнаго закономъ по примѣру великорусскихъ губерній (одинъ работникъ, надѣленный участкомъ земли, нормой котораго признано $4^3/_4$—9 дес. всей земли). Эти третьи части дохода съ крестьянскихъ участковъ составляли около 3 р. съ десятины, рѣдко падая ниже 2 руб., согласно разсчетамъ инвентарныхъ комитетовъ.

Все это указываетъ на значительное напряженіе рабочихъ и платежныхъ силъ крѣпостного населенія. Это доказывается матеріалами редакціонныхъ коммиссій. Обычная барщина вездѣ состоитъ изъ 156 дней муж. и 156 жен., но значительная часть имѣній требовала по 104 дня, другая часть по 208 дней ***).

---

*) Матеріалы по геогр. и стат. Виленской губ., стр. 486.

**) *Земскій*, I, стр. 644—5.

***) Отступленія изъ обычной нормы въ 156 дней встрѣчаются: въ Виленскомъ уѣздѣ изъ 51 им. въ 7 им. принято 104 муж. дня, въ одномъ—117 дн., въ одномъ—204 дня; въ Виленскомъ: въ 14 имѣніяхъ 104 муж. дня, въ 24 имѣн.—208 дней, изъ 41 имѣн.; въ Лидскомъ изъ 33 имѣній въ 4 имѣн.—104 дня, въ одномъ 102 дня; въ Ошмянскомъ изъ 45 имѣн. въ одномъ отъ 52 дн., въ 10 имѣн.—104, въ одномъ—117, 126, 130, 133, 208; въ Свенцянскомъ изъ 116 имѣн., въ одномъ—52 дня, въ 4

Но нужно отмѣтить, что почти всегда пониженіе числа барщинныхъ дней соотвѣтствуетъ увеличенію числа сгоновъ, тяжесть которыхъ состояла въ томъ, что помѣщикъ въ горячее лѣтнее время пользовался всею наличною рабочею силой семьи. Сверхъ барщинныхъ работъ вездѣ требовались съ крестьянъ сгоны, сторожа, подводы иногда по нѣсколько сотъ верстъ, даже натурою или деньгами и довольно обыкновенно еще денежный оброкъ. Платежъ за дани, перелагаемый на деньги, чрезвычайно разнообразенъ, наприм., отъ 5 к. до 4 р. 22 к. въ Новогрудскомъ у., въ Ошмянскомъ же у. отъ 1 р. 50 к. до 3 р. Денежный оброкъ при барщинѣ не всегда взимался. Въ Виленской губ. онъ иногда равнялся чистому оброку (отъ 1 р. 50 к. до 2 р. съ десятины), иногда падалъ до 3 р. съ участка. Въ Новогрудскомъ у.—отъ 1 р. до 3 р. и даже до 10 р. 45 к. съ участка.

Изъ всего сказаннаго во всякомъ случаѣ видно, что какъ размѣры барщины, такъ и придаточные къ ней платежи и повинности были весьма значительны. Къ сожалѣнію, весьма трудно сдѣлать расцѣнку всего того, что давалось крестьянами помѣщику въ видѣ податей и повинностей. Впрочемъ, сошлемся на одинъ разсчетъ, сдѣланный членами Витебскаго комитета по упраздненію крѣпостного права: онъ считалъ стоимость 99 рабочихъ дней въ 27 р. 40 к. при девятидесятинномъ подворномъ участкѣ и стоимость 77 дней—въ 23 р. 20 к. при семидесятинномъ участкѣ, т.-е. по 3 р. $4^1/_2$ к. и по 3 р. 30 к. на десятину крестьянской надѣльной земли и по 24,6 к. и по 30,1 к. за рабочій день.

Сообразивъ теперь, что въ Виленской и Минской губ. барщина была вдвое больше, чѣмъ ее считали витебскіе хозяева, присоединивъ еще къ ней другія натуральныя повинности и денежные сборы, и соразмѣривъ все это съ арендной платой крестьянъ въ имѣн. Хрептовичей, нетрудно видѣть болѣе выгодное положеніе послѣднихъ. Его можно характеризовать тѣмъ, что крестьяне въ имѣніяхъ Хрептовичей, имѣя надѣльные участки немного ниже среднихъ сравнительно съ сосѣдними мѣстностями, платили за нихъ арендную плату немного повышенную сравнительно съ среднимъ размѣромъ крестьянскаго оброка при сгонахъ и значительно пониженную сравнительно съ вольной арендной платой.

Однако, эти заключенія должны быть корригированы еще однимъ указаніемъ на порядокъ въ данныхъ имѣніяхъ.

Намъ уже приходилось указывать на то, что помѣщикъ, отказавшись отъ личныхъ повинностей крестьянъ, обрабатывалъ собственныя поля наемными рабочими. Эти рабочіе нанимались изъ тѣхъ же крестьянъ.

имѣн.—78 дн., въ 10 имѣн. по 104 дня, въ одномъ—111, въ двухъ—182, въ 15 имѣніяхъ—208 дн., въ одномъ—222, 234, 260 дн.; въ Трокскомъ у. изъ 54 имѣн., въ семи—104 дня, въ шести—208 дня, въ одномъ—260; въ Новогрудскомъ у. изъ 107 имѣн. въ 23 по 104 дня, въ одномъ по 116, 162; въ Слуцкомъ у. изъ 115 имѣн. въ 15 имѣн. по 104 дня, одномъ по 108, 130, 160, 204, въ двухъ по 208; въ Минскомъ у. изъ 67 имѣн., въ 23 по 104 дня и т. под., обыкновенно число женскихъ дней соотвѣтствуетъ числу мужскихъ.

Относительно неженатой молодежи, паробковъ, мы знаемъ хорошо, что наемъ ея на крестьянскія работы не былъ принудительнымъ. Правда, экономическія работы выполнялись въ громадномъ большинствѣ дворовыми паробками и лишь такія работы, какъ свозка хлѣба съ полей, транспортированіе зерна въ городъ и за границу (по Нѣману), косьба и жатва и нѣкот. друг. требовали постороннихъ рабочихъ.

Для насъ весь вопросъ сводится къ слѣдующему: носилъ ли наемъ на экономическія работы принудительный характеръ, и насколько соотвѣтствовали рыночныя цѣны на рабочія руки тѣмъ, которыя были установлены экономіей? Въ изданныхъ помѣщиками регламентахъ есть только одно указаніе на принудительность труда: по уложенію гр. Иринея сельскій судъ обязанъ назначать за половинную цѣну сравнительно съ рыночной потребное количество рабочихъ для сплава продуктовъ по Нѣману; съ другой стороны, судъ же обязанъ слѣдить за тѣмъ, чтобы для отработки долговъ экономіи и недоимокъ, выходили не одни бѣдняки, но и всѣ вообще крестьяне,—конечно, тѣ, на которыхъ числятся долги или недоимки. Послѣднее правило преслѣдуетъ, очевидно, такіе факты, когда по требованію изъ двора рабочихъ могли быть высылаемы войтами все одни и тѣ же бѣдняки-должники, отчего могло пострадать ихъ собственное хозяйство или посторонніе заработки. Никакихъ другихъ указаній на принудительность труда не встрѣчается. Въ постановленіи же гр. Іоахима находится прямое требованіе, чтобы даже работа лѣнивыхъ и нерачительныхъ хозяевъ, сгоняемыхъ на господскую работу въ видѣ наказанія, оцѣнивалась войтомъ вмѣстѣ съ другими хозяевами: даже оцѣнку и этой работы дворъ не бралъ на себя.

Вообще, насколько можно прослѣдить вопросъ по документамъ, онъ представляется такъ: при графахъ Іоахимѣ и Адамѣ наемъ носилъ исключительно вольный характеръ и только въ уложеніи гр. Иринея (1842 г.) встрѣчаются вышеприведенныя принудительныя статьи. Но съ другой стороны такса заработной платы, установленная въ началѣ XIX в. оставалась неизмѣнной и въ половинѣ 30-хъ годовъ. Заработная плата почти исключительно была опредѣлена поурочно. Уроки приноровлены къ хорошей поденной работѣ, но не чрезмѣрно интенсивной: эти уроки вполнѣ сходятся съ тѣми, которые опредѣлялись мѣстными губернскими комитетами передъ реформой. Въ общемъ упряжной рабочій день былъ таксированъ въ 15 к. *), одноконная подвода на работѣ—то же въ 15 к., такая

*) Это вытекаетъ изъ сопоставленія поурочной таксы экономіи Хрептовичей съ поденными уроками мѣстныхъ комитетовъ, а также и съ инвентарнымъ положеніемъ. Такъ, за вспаханіе одного морга земли въ одинъ разъ платилось 30 к. (по опредѣленіямъ комитетовъ нужно 3 дня на вспаханіе одной десятины, слѣдовательно, въ день—15 к., моргъ равенъ $^2/_3$ десятины), за скошеніе одного морга луга, за сушку его и укладку въ стогъ или свозъ съ одрины—60 к. (нужно 4 дня, слѣдовательно, по 15 к. въ день); за жатву одного морга—45 к. нужно 3 дня, со свозкой въ гумно—75 к., за молотьбу одной копы озимаго хлѣба—15 к., ярового—10 к.

же подвода при перевозкѣ продуктовъ по 15 к. отъ одной мили, если же дорога болѣе 3 миль, то по 10 к. отъ мили (въ инвентарныхъ комитетахъ 20 верстъ съ двадцатипудовою кладью, соотвѣтствовавшей одноконной упряжкѣ, считали за одинъ рабочій день и 30 верстъ безъ клади—то же за одинъ день). Одинъ мужской пѣшій рабочій день считался въ $7^1/_2$ к., женскій при сборѣ огородныхъ овощей—5 к. Малолѣтнимъ рабочимъ и работницамъ въ день платилось по 4 к.

Думается, что эта такса не являлась принудительной для 30-хъ годовъ, а тѣмъ болѣе для предшествующихъ десятилѣтій, хотя, очевидно, она скорѣе приближалась къ низкимъ цѣнамъ, чѣмъ къ среднимъ. У насъ нѣтъ точныхъ данныхъ для сравненій. Но надо помнить, что разсчетъ въ экономіи велся на серебряную монету, что уже значительно подымаетъ расцѣнку. Затѣмъ, мы имѣемъ расцѣнку заработной платы временъ крестьянской реформы. Конечно, оба періода времени несоизмѣримы, потому что въ 50-хъ гг. уже сильно (сравнительно) стала сказываться потребность въ рабочихъ рукахъ и даже въ Великороссію выписывались самые дешевые въ то время рабочіе—бѣлоруссы крѣпостные. Въ 30-хъ годахъ эти симптомы, особенно въ Западной Россіи, еще не проявлялись. Вотъ почему сравнительная разница въ цѣнахъ не должна приводить насъ въ недоумѣніе.

Инвентарный комитетъ чисто-искусственнымъ путемъ вывелъ для Минской губ. среднюю цѣну упряжнаго рабочаго дня съ парою рабочаго скота въ 15 к. за урочную работу и 10 к. за безурочную, пѣшаго дня мужского и женскаго, за урочную работу 10 к., за безурочную $7^1/_2$ к. Такая же расцѣнка выведена и для Виленской губ. Для насъ важно то, что свѣдущій авторъ 60-хъ годовъ опредѣляетъ цѣны рабочаго дня ровно вдвое сравнительно съ расцѣнкой комитетовъ *). Это уже показаніе, на которое можемъ ссылаться. Съ другой стороны, витебскій губернскій комитетъ считалъ стоимость мужского рабочаго дня въ 20 к. и женскаго въ 10 к. Насколько низка была тогда заработная плата, можно видѣть еще и изъ свидѣтельства одного могилевскаго депутата, утверждавшаго, что можно нанять батрака за 15 руб. въ годъ и простую работницу за 4 р. и даже за 3 р. въ годъ. Это вполнѣ возможно, такъ какъ по свѣдѣніямъ конца 50-хъ годовъ даже рабочіе на рѣчныхъ судахъ работали по слѣдующимъ цѣнамъ: на Днѣпрѣ отъ 1 р. 25 к. до 3 р., на Припяти—отъ $1^1/_2$ р. до $2^1/_2$ руб., на Ясельдѣ—отъ 2 р. до 3 р., на Стырѣ—отъ 1 р. 20 к. до 1 р. 60 к. Это заработная плата въ недѣлю на хозяйскихъ харчахъ **).

Что она не очень удаляется отъ указанной расцѣнки сельско-хозяйственныхъ наемныхъ рабочихъ, доказывается слѣд. соображеніями: работа на рѣчныхъ судахъ—трудная, требующая извѣстныхъ навыковъ и довѣрія къ рабочему, транспортирующему кладь (это расцѣнка заработной платы на берлинахъ, т.-е. на такихъ судахъ, которыя требуютъ и луч-

*) Матеріалы по исторіи упраздненія крѣпостного права. *Земскій*: Т. I, стр. 131, 162, 177, 190.

шихъ рабочихъ и перевозятъ наиболѣе цѣнный товаръ); напомнимъ еще, что недѣльная работа на берлинахъ продолжается семь дней *).

Мы поневолѣ должны были нѣсколько остановиться на мелкихъ подробностяхъ даннаго вопроса. Это было необходимо въ виду важности вопроса о различіи рыночныхъ цѣнъ на рабочія руки сравнительно съ опредѣленными экономіею. Несмотря на недостаточность нашихъ данныхъ, кажется мы имѣемъ основаніе придти къ слѣдующимъ выводамъ. Экономическія расцѣнки рабочаго труда, установленныя въ началѣ XIX в., оставались неизмѣнными до конца 40 годовъ. Сравнительно съ цѣнами послѣдующаго періода,—эта расцѣнка низка, но она не можетъ быть таковою признана для своего времени. Слѣдовательно, наемная работа крестьянъ въ экономію не носила принудительнаго характера. Нѣкоторыя особенности, введенныя уложеніемъ графа Иринея (половинная оплата судовыхъ рабочихъ и требованіе работы отъ отрабатывающихъ недоимки и долги) не распространяется на весь кругъ сельско-хозяйственныхъ работъ. Къ сожалѣнію, намъ не удалось найти расцѣночныхъ вѣдомостей періода освобожденія крестьянъ.

Выше нами разсмотрѣны всѣ тѣ данныя, которыя касаются положенія крестьянъ въ ихъ отношеніяхъ къ землевладѣльцу. Но это только одна сторона реформы. Между тѣмъ она имѣетъ еще и другія стороны: во-первыхъ реформа касалась крестьянскаго міра, во-вторыхъ, она поставила на совершенно новую почву господское хозяйство. Прежде всего займемся вторымъ вопросомъ, какъ болѣе тѣсно связаннымъ съ крестьянскимъ хозяйствомъ.

Мы уже видѣли, что по плану графа Іоахима былъ принятъ новый порядокъ въ распредѣленіи господскихъ фольварковъ, причемъ отошедшія подъ нихъ земли оказались не изъ лучшихъ.

Хозяйство было поставлено въ новыя условія, такъ какъ помѣщикъ совершенно отказался отъ всякихъ видовъ барщины и связанныхъ съ нею натуральныхъ поборовъ. Всѣ работы должны быть выполняемы наемными рабочими изъ числа владѣльческихъ же крестьянъ. По плану графа Іоахима дворъ долженъ обладать достаточнымъ количествомъ наемныхъ годичныхъ работниковъ, паробковъ, для всѣхъ полевыхъ работъ, даже для прорытія канавъ, устройства оградъ и ремонта зданій. Для всѣхъ работъ во дво-

*) Все сказанное убѣждаетъ насъ между прочимъ еще и въ томъ, что расцѣнка сельско-хозяйственныхъ работъ того же времени, приводимая въ описаніи Виленской губ., должна быть признана преувеличенной, а именно: рабочій съ возомъ и лошадьми стоитъ 65 к., зимою 45 к., рабочій съ сохою и парою воловъ — 50 к., пѣшій рабочій лѣтомъ—25 к.; зимою—20 к.; это цѣна, повидимому, на своихъ харчахъ; плата упряжному рабочему здѣсь, очевидно, преувеличена, что можно заключить и по соотношенію ея съ платой пѣшаго дня; далѣе — работница лѣтомъ на хозяйскихъ харчахъ оплачивалась 10 к. въ день лѣтомъ, а зимою—5 к., на своихъ же харчахъ— 20 к. и 15 к. Для насъ важно замѣтить, что цитуемый источникъ заявляетъ, что въ Ошмянскомъ, Лидскомъ и Виленскомъ уу. цѣны на рабочія руки низки. (Матеріалы для геогр. и стат. Рос., Виленская губ., р. 490.)

рахъ долженъ быть заведенъ хозяйственный инвентарь. Реформаторъ много заботится о положеніи паробковъ. Они должны получить такую годичную плату, хорошую пищу и одежду, чтобы они нигдѣ не могли найти лучшей службы, если бы пожелали уйти. Но зато паробки должны изучить возложенную на нихъ работу. Паробки должны получать хорошую одежду и въ достаточномъ числѣ, мягкую, чистую и теплую постель, даже шкапъ и комодъ. Хотя вся выдаваемая паробкамъ одежда отдается имъ въ собственность, однако о починкѣ ея долженъ заботиться дворъ. Пища выдается въ обильномъ количествѣ три раза въ день. Графъ Іоахимъ очень практично разсуждаетъ о томъ, насколько выгодно для сельскаго хозяйства имѣть хорошаго и хорошо содержимаго работника. Такой рабочій, не находя нигдѣ лучшаго мѣста и дорожа своимъ, будетъ болѣе интенсивно работать. Затѣмъ работники и работницы, занявшись по окончаніи своей службы собственнымъ хозяйствомъ, будутъ работящими и свѣдущими хозяевами, наконецъ привыкнутъ къ нѣкоторымъ удобствамъ и въ своемъ хозяйствѣ усилять работу для того, чтобы пользоваться тѣми же удобствами.

Однимъ словомъ, дворовая работа должна быть школой крестьянскаго хозяйства. Очевидно, съ тою же цѣлью владѣлецъ совѣтуетъ своему эконому имѣть рабочихъ подъ надзоромъ старшаго паробка. Въ воскресные дни всѣмъ полагается угощеніе. Эконому дается совѣтъ устраивать для нихъ на фольваркахъ игры. Владѣлецъ даже выражаетъ желаніе, чтобы на каждаго работника и работницу отпускалась порція пива.

Мы познакомились какъ съ тѣми положеніями, въ которыя были поставлены помѣщичьи крестьяне, такъ и съ основами господскаго хозяйства. Порядокъ, установленный въ концѣ XVIII вѣка, продержался до освобожденія крестьянъ. Любопытно выяснить вопросъ, какъ смотрѣли сами помѣщики на результаты реформъ и насколько эти реформы оказались для нихъ выгодными въ хозяйственномъ отношеніи. Графъ Адамъ въ своей запискѣ констатировалъ полную успѣшность всѣхъ реформъ. Онъ указываетъ на превосходство свободнаго труда надъ принудительнымъ, высказываетъ цѣлый рядъ дѣльныхъ замѣчаній о значеніи въ хозяйствѣ улучшенныхъ способовъ земледѣлія и хозяйства, указываетъ на выгоду крестьянскаго хозяйства, сосредоточеннаго на отдѣльномъ участкѣ; наконецъ, онъ доволенъ дѣятельностью крестьянскаго самоуправленія и т. д.

Еще болѣе интересно, что доходность имѣній въ теченіе полустолѣтія быстро поднималась, несмотря на то, что въ періодъ реформъ помѣщичье хозяйство только заводилось. Такъ, имѣніе Щорсы въ концѣ XVIII вѣка приносило въ среднемъ 7,317 руб. серебромъ, Негнѣвичи 9,000 руб., всего 16,317 руб. Въ сороковыхъ годахъ доходъ обоихъ имѣній, по шестилѣтней сложности, въ обоихъ имѣніяхъ высчитывался такъ: ежегодно чиншу съ крестьянъ получалось 13,546 руб., доходъ отъ корчемъ 6,292 рубля, доходъ съ пяти фольварковъ составлялъ 22,941 руб., сѣнокосы приносили 2,000 руб.; всего оба имѣнія давали ежегодно 31,233 руб., т.-е. до-

ходъ ихъ почти удвоился. Ошмянскія имѣнія передъ реформою давали 5,283 руб., въ сороковыхъ годахъ они приносили уже 17,952 руб. чистаго доходу (аренды съ крестьянскихъ земель въ томъ числѣ 7,592 руб.). Эти цифры говорятъ сами за себя, но въ нихъ любопытно отмѣтить ту черту, что помѣщикъ, раздавъ землю въ аренду крестьянамъ при условіи совершенной отмѣны барщинныхъ работъ и разныхъ сборовъ, за одну аренду получалъ больше въ одномъ имѣніи, а въ другомъ нѣсколько меньше общаго дохода съ имѣній при барщинномъ хозяйствѣ. Но, съ другой стороны, доходъ съ крестьянской аренды имѣетъ меньшее значеніе, чѣмъ доходъ съ собственнаго помѣщичьяго хозяйства. Что господское хозяйство пришло въ цвѣтущее состояніе, свидѣтельствуетъ и тотъ фактъ, что тогда десятина земли въ новогрудскихъ имѣніяхъ приносила въ годъ 12 рублей чистаго дохода. Безспорно такой доходъ можетъ считаться вполнѣ удовлетворительнымъ.

V.

Познакомившись съ хозяйственной стороной реформы и ея послѣдствіями, мы можемъ перейти къ жизни крестьянскаго міра.

Участіе дворовой администраціи въ жизни крестьянскаго села въ первое время было значительно; во главѣ каждой группы имѣній (т.-е. Новогрудской и Ошмянской) стоялъ особый администраторъ съ полицейскою и судебною властью, дѣйствовавшій по особой инструкціи. Онъ наблюдалъ за правильностью взносовъ крестьянами государственныхъ податей и выполненіемъ ими рекрутскихъ и другихъ государственныхъ повинностей. Ему же принадлежали слѣдствіе и судъ по проступкамъ крестьянъ, наблюденіе за поведеніемъ крестьянъ, назначеніе опеки надъ малолѣтними и даже общій санитарный надзоръ. Этотъ администраторъ выдаетъ разрѣшенія крестьянамъ на отхожіе заработки, поставляетъ наемныхъ рабочихъ во дворъ, подъ его отвѣтственностью и заботой состоитъ крестьянскій запасный хлѣбный магазинъ и крестьянская сельская касса. Въ то же время онъ долженъ заботиться и о крестьянахъ: слѣдить за тѣмъ, чтобы не пропадали ихъ заработки и т. п. Всѣ рапорты о состояніи волости, подаваемые помѣщику, идутъ отъ администратора.

Низшую ступень представляютъ окружные войты, на обязанности которыхъ, главнымъ образомъ, лежитъ общее наблюденіе съ такою же приблизительно компетенціею (за исключеніемъ суда) по округу, какую имѣлъ администраторъ въ волости.

Подъ общимъ наблюденіемъ помѣщичьей администраціи происходила и дѣятельность сельскаго общества. Крестьяне сами должны были заботиться объ уплатѣ государственныхъ податей. Всѣ хозяйственныя работы на крестьянскихъ арендныхъ земляхъ, наприм., расчистка канавъ на сѣнокосахъ и зарослей, производится самими крестьянами. Постройка новыхъ гребель и мостовъ производится дворомъ совмѣстно съ крестьянами, но ремонтъ ихъ лежитъ только на крестьянахъ.

Общественныя зданія въ селахъ относятся тоже къ заботѣ исключительно самихъ крестьянъ. Кромѣ того, волость имѣетъ доктора, аптеку и богадѣльню.

Для покрытія необходимыхъ расходовъ крестьяне имѣли сельскую кассу. Сельская касса является весьма любопытнымъ учрежденіемъ. Приходъ ея составлялся изъ взносовъ на уплату подушной подати, земскихъ повинностей, изъ штрафныхъ денегъ, налагаемыхъ сельскимъ судомъ, наконецъ, изъ спеціальныхъ сборовъ на крестьянскія учрежденія и нужды. Расходныя статьи сельской кассы составляли: жалованье членамъ и протоколисту сельскаго суда, аптекарю, доктору, фельдшеру, цырюльнику; затѣмъ на сельской кассѣ лежали расходы по содержанію общественныхъ зданій, церкви, домовъ причта, запасныхъ сельскихъ магазиновъ, содержаніе больницы, покупка медикаментовъ (среди нихъ преобладали водка и піявки), наконецъ, на кассу ложились расходы по снаряженію и отправленію рекрутовъ, взятки исправнику и т. п. Подушная подать уплачивалась за всѣхъ крестьянъ кассою же, причемъ, если въ ней недоставало необходимой суммы, то дѣлался заемъ изъ господской кассы *).

Несмотря на то, что дворовой администраціи предоставлялась возможность широкаго вмѣшательства, нетрудно видѣть, что рядомъ съ нею проявлялась и дѣятельность крестьянскаго общества.

Графъ Ириней Хрептовичъ, убѣдившись (какъ онъ самъ заявляетъ) въ нравственности своихъ «подданныхъ и въ томъ, что они стараются выплачивать и отслуживать требуемые съ нихъ подати и чинши», рѣшилъ въ 1845 году дать имъ самостоятельный крестьянскій судъ. Этотъ образчикъ вотчиннаго законодательства весьма любопытенъ. Сельскій судъ является съ весьма широкою компетенціею и замѣняетъ собою дворовую администрацію.

Судъ складывается изъ трехъ судей, изъ которыхъ одинъ назначается дворомъ, одинъ избирается крестьянами, арендующими не менѣе пяти моргов пахотной земли, и третій—крестьянами, имѣющими меньше пяти моргов и безземельными. Кромѣ того, крестьяне избираютъ двухъ кандидатовъ къ судьямъ и еще двухъ запасныхъ кандидатовъ. Выборы крестьянскихъ судей производятся каждое трехлѣтіе посредствомъ закрытой баллотировки, причемъ для судей требуется не менѣе двухъ третей голосовъ, въ кандидаты и запасные зачисляются получившіе простое большинство голосовъ. Положеніе требуетъ полнаго устраненія вліянія дворовой администраціи въ выборахъ. Для веденія протоколовъ суда назначается особый протоколистъ, владѣющій русскимъ и польскимъ языками. Для исполненія судебныхъ при-

*) Вотъ, наприм., расходъ Вишневской волости: на государственныя подати—1256 руб. 70 коп., на сдачу рекрутъ—200 руб., на содержаніе аптеки, врача, аптекаря и двухъ фельдшеровъ—355 руб., жалованья писарю при запасномъ сельскомъ магазинѣ—15 руб.; выполненіе государственныхъ повинностей: содержаніе дорогъ на 31 версту, гребли на 71½ версты, мостовъ въ числѣ 116; для расплаты за эти работы деньги собирались по раскладкѣ.

говоровъ судьи ежегодно назначаютъ двухъ особыхъ слугъ. Крестьянскіе судьи получаютъ по 24 руб. въ годъ, а протоколистъ—по 15 руб. изъ крестьянской кассы, судья отъ двора получаетъ отъ него же и жалованье. Судъ засѣдаетъ въ воскресные и праздничные дни, а въ исключительныхъ случаяхъ и въ будніе. При вступленіи своемъ въ должность судьи приносятъ присягу. Въ случаѣ доказаннаго взяточничества или какого-нибудь другого проступка со стороны судьи, дворъ можетъ назначить новые выборы.

Рѣшенія суда составляются по большинству голосовъ. Протоколистъ не имѣетъ права вмѣшиваться въ пренія. Во время совѣщаній суда никто не имѣетъ права входить въ избу, гдѣ онъ засѣдаетъ (въ томъ числѣ и администрація), дверь въ избу охраняется приставами. Всякій крестьянинъ, вызванный въ судъ приставами, обязанъ явиться въ назначенный срокъ. Вообще, уложеніе очень тщательно охраняетъ достоинство суда, и въ случаѣ неповиновенія ему со стороны общества помѣщикъ угрожаетъ уничтоженіемъ самаго учрежденія.

Съ устройствомъ суда никакая власть въ имѣніяхъ не имѣетъ права наказывать и судить крестьянъ, но сама должна обращаться съ жалобами въ судъ. Это касается и высшей дворовой администраціи.

Компетенція суда весьма обширна. Его вѣдѣнію подлежатъ дѣла уголовныя, гражданскія, административный надзоръ за выполненіемъ всѣхъ установленій, въ томъ числѣ и по дѣламъ, регулирующимъ отношенія между дворомъ и крестьянами. Въ области уголовныхъ проступковъ уложеніе ограничивается весьма краткими указаніями. Судъ не имѣетъ права задерживать болѣе двухъ дней подъ арестомъ лицъ, подозрѣваемыхъ въ совершеніи преступленія: онъ долженъ дать имъ судъ, невиннаго освободить, а виновнаго подвергнуть наказанію.

Судъ обязанъ карать проступки противъ нравственности: распутство, неповиновеніе и нѣкоторые другіе. За подобные проступки судъ присуждаетъ къ тѣлесному наказанію по своему усмотрѣнію. Уличенный въ воровствѣ наказывался возвращеніемъ уворованнаго имущества или его стоимости владѣльцу и подвергался примѣрному тѣлесному наказанію. Въ общемъ уложеніе рекомендуетъ суду крайнюю умѣренность въ опредѣленіи наказаній, сообразно проступку и положенію преступника. Вообще оно предпочитаетъ наказаніе штрафами—тѣлесному. Такъ, штрафы должны быть предпочитаемы по отношенію къ лицамъ почтеннаго возраста или къ лицамъ, впервые совершившимъ проступки, а въ особенности по отношенію къ молодежи: на нее надо воздѣйствовать морально и дать ей хорошіе совѣты; только при повтореніи проступковъ слѣдуетъ прибѣгать къ наказаніямъ. Уложеніе нигдѣ не опредѣляетъ размѣровъ ни наказаній, ни штрафовъ, предоставляя и то, и другое усмотрѣнію суда. По свидѣтельству бывшаго судьи, нынѣ уже глубокаго старика, крестьянина Анастасевича, воля графа Иринея состояла въ томъ, чтобы судъ не имѣлъ права подвергать наказанію свыше 15-ти ударовъ розгами. Судьи не смѣли за

писывать большого числа ударовъ въ протоколъ, хотя отъ себя,—разсказывалъ старикъ,—присутствуя при экзекуціи, судьи прибавляли еще до 15 ударовъ; это обыкновенно дѣлалось за проступки, совершонные дворовыми или во дворѣ. Согласно тому же разсказчику, размѣръ штрафовъ никогда не былъ таксированъ.

Никакая апелляція по уголовнымъ дѣламъ не допускалась, и по окончаніи всѣхъ дѣлъ судъ тутъ же приступалъ къ экзекуціи или сбору штрафовъ.

Что касается дѣлъ гражданскаго характера, имѣющихъ содержаніемъ своимъ имущественныя отношенія, то уложеніе предвидитъ возможность апелляціи къ самому владѣльцу имѣнія только при двухъ условіяхъ: когда рѣшеніе состоялось не единогласно и притомъ сумма иска оцѣнивается не менѣе 10 руб. Этимъ общимъ постановленіемъ опредѣляются правомочія сельскаго суда по общимъ гражданскимъ дѣламъ.

Только въ отдѣлахъ семейственнаго права, наслѣдованія и опеки вотчинникъ даетъ нѣкоторыя детали въ своемъ уложеніи. Съ одной стороны, онъ стремится поддержать старый укладъ крестьянской семьи, съ другой—предоставляетъ суду регулированіе и наблюденіе за тѣми отношеніями, которыя возникали изъ арендныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщику.

Такъ, вотчинникъ признаетъ отца семьи главою семьи и распорядителемъ всего семейнаго имущества. Относительно чиншевой земли власть отца семьи ограничена: онъ не можетъ раздѣлить ее между дѣтьми. Дѣти (женатые сыновья и замужнія дочери) не имѣютъ права при жизни отца требовать раздѣла; они пользуются, однако, содержаніемъ въ семьѣ, если работаютъ вмѣстѣ, или отдаютъ въ семейную кассу свои заработки. Если сынъ пожелаетъ образовать собственное хозяйство, онъ ничѣмъ при отходѣ не пользуется изъ имущества. Однако, не только дѣти не могутъ требовать раздѣла, но и отцу запрещается выдѣлять сыновей при своей жизни, или пока отецъ самъ ведетъ хозяйство. Это доказывается той статьей уложенія, которая допускаетъ въ одномъ только случаѣ выдѣлъ главой семьи взрослаго члена ея: если на одномъ хозяйствѣ живутъ съ отцомъ три семьи его сыновей и для нихъ нѣтъ мѣста въ одной избѣ.

Весьма понятно стремленіе вотчинника арендуемой крестьянами земли урегулировать вопросъ о семейныхъ раздѣлахъ. Справедливость, однако, требуетъ отмѣтить, что во всѣхъ этихъ статьяхъ сказывается не столько забота о правильности поступленія чиншевой платы, сколько желаніе обезпечить крестьянскую семью.

То же сказывается въ вопросахъ, касающихся наслѣдованія и опеки. Такъ, вотчинникъ устанавливаетъ майоратъ: къ старшему сыну переходитъ арендный участокъ земли (поле и огородъ), усадьба, а изъ хлѣбовъ—сѣмена, дающія возможность засѣять такую часть поля, которая можетъ прокормить семью въ теченіе полугода, навозъ, достаточный для удобренія четвертой части поля, земледѣльческія орудія, упряжь. Все остальное имущество (значитъ и скотъ) подлежитъ раздѣлу. Если старшій

сынъ не способенъ вести хозяйство, имущество отца переходитъ къ слѣдующему брату. Въ случаѣ отсутствія сыновей земля переходитъ къ старшей дочери и ея мужу-примаку. Возможенъ выдѣлъ сына-наслѣдника при жизни престарѣлаго отца. Вообще престарѣлые родители, сами не занимающіеся хозяйствомъ, могутъ жить у старшаго изъ сыновей, получившаго отъ нихъ хозяйство, и должны отъ него получать содержаніе, даже если бы они не жили у старшаго.

Въ постановленіяхъ объ опекѣ надъ малолѣтними уложеніе передаетъ опеку ближайшему родственнику малолѣтнихъ; когда старшій изъ опекаемыхъ мужского пола достигаетъ 18 лѣтъ, опека надъ нимъ прекращается и на него же возлагаются обязанности опекуна надъ младшими братьями и сестрами. Доходъ съ опекаемаго имущества идетъ въ пользу опекуна, но онъ обязанъ кормить сиротъ и отвѣчать своимъ имуществомъ за неисправный взносъ чинша съ опекаемой земли.

Такова область гражданскихъ правоотношеній, охватывавшихся уложеніемъ. Судъ обязанъ примѣнять эти нормы на практикѣ. Слѣдуетъ замѣтить, что составителя уложенія нельзя обвинить въ излишнемъ схематизмѣ. Устанавливаемыя имъ нормы или повторяютъ собой обычно-правовой взглядъ крестьянской массы, или, по крайней мѣрѣ, не вводятъ взглядовъ, слишкомъ противоположныхъ крестьянству. Можно сказать, что уложеніе въ общемъ стоитъ на точкѣ зрѣнія консервативной части деревни—эта тенденція сказывается въ вопросахъ о раздѣлахъ, наслѣдованіи дочери съ ея мужемъ, при отсутствіи сыновей, во взглядѣ на опеку и пр. Единственно, что рѣзко отличалось отъ нормъ обычнаго права — это институтъ майората.

Выше нами разсмотрѣна компетенція сельскаго суда въ области уголовнаго и гражданскаго права. Намъ остается еще разсмотрѣть компетенцію сельскаго суда въ области администраціи. Въ данномъ отношеніи судъ обладалъ обширными полномочіями, замѣняя собою вотчинную администрацію и являясь посредникомъ между сельскимъ обществомъ и панскимъ дворомъ. Прежде всего на сельскій судъ возлагается наблюденіе за исполненіемъ крестьянами государственныхъ повинностей и за уплатою податей. Такъ, при отбываніи крестьянами самой важной изъ повинностей — рекрутской, практиковался такой порядокъ: судъ призывалъ всю сельскую молодежь сообразно особымъ спискамъ, составляемымъ на этотъ счетъ, и опредѣлялъ годныхъ къ военной службѣ — ихъ ростъ и здоровье, согласно заключенію фельдшера. Имена подлежащихъ сдачѣ хранятся въ секретѣ до самаго момента сдачи рекрутъ, когда снова призывается вся молодежь и тутъ уже объявляютъ имена забранныхъ, снабжаютъ ихъ деньгами изъ сельской кассы и хлѣбомъ изъ сельскаго магазина и отправляютъ подъ надлежащимъ присмотромъ въ рекрутское присутствіе.

Сельскій судъ далѣе наблюдаетъ за аккуратнымъ взиманіемъ съ крестьянъ хлѣба, поступающаго въ сельскій запасный магазинъ. Онъ же слѣдитъ за тѣмъ, чтобы крестьяне не уклонялись отъ взноса подушной подати,

сборщики, чтобы не чинили притѣсненій. Раскладка подати производилась дворомъ.

Такимъ образомъ по отношенію къ государственнымъ податямъ и повинностямъ сельскій судъ замѣнялъ собою вотчиннаго приказчика.

Нельзя также не обратить вниманія на значительное улучшеніе въ дѣлѣ взиманія податей и при выполненіи рекрутской повинности: дворъ производитъ раскладку податей, т.-е. превращаетъ подушную въ поземельную или поимущественную (подробности мы не знаемъ), а сельскій судъ производитъ наборъ рекрутъ.

Въ такомъ же положеніи частью контрольнаго, частью исполнительнаго органа сельскій судъ оказывается и въ отношеніяхъ двора къ сельскому обществу. Такъ, судъ обязанъ подыскивать рабочихъ для сплава господскихъ товаровъ въ Кенигсбергъ, а также мастеровыхъ для постройки рѣчныхъ судовъ. Такъ какъ эти работы, по уложенію графа Ириніи Хрептовича, оплачивались дворомъ лишь половинной платой сравнительно съ рыночными цѣнами на рабочія руки, то сплавъ и работа на судахъ были для крестьянъ повинностью. Съ другой стороны, на обязанности суда лежало распредѣленіе среди крестьянъ и другихъ работъ для двора: хотя и эти работы оплачивались дворомъ (и, вѣроятно, эта оплата считалась нормальною), то такъ какъ выходъ на работу могъ быть и принудительнымъ, то на обязанности суда лежало наблюденіе, чтобы не одни бѣдные крестьяне выходили на господскую работу, но и зажиточные. Значеніе этого постановленія сводится, очевидно, къ тому, чтобы маломочные крестьяне имѣли бы достаточно рабочаго времени на свою собственную работу или для посторонннихъ заработковъ, и, слѣдовательно, при добромъ желаніи, могли бы выйти изъ своего захудалаго положенія.

Въ данномъ случаѣ судъ слѣдитъ за выполненіемъ крестьянами ихъ вотчинной повинности.

Наконецъ, онъ же слѣдитъ за тѣмъ, чтобы крестьяне выполняли предписанія вотчинника относительно условій пользованія землею, т.-е. чтобы крестьяне самовольно не передавали другъ другу арендуемыхъ ими участковъ въ промежуткахъ пятилѣтнихъ сроковъ аренды, не дѣлились бы и пр.

По отношенію къ сельскому обществу сельскій судъ обладаетъ нѣкоторыми полицейскими функціями, или является отчасти патрономъ его. Такъ, судъ долженъ принимать участіе въ установкѣ цѣнъ на рабочія руки, когда въ село является сторонній наниматель. Судъ наблюдаетъ за способами обработки крестьянами ихъ земли, указывая на возможныя улучшенія. Судъ наблюдаетъ, чтобы младшіе выказывали почтеніе старшимъ.

Судъ несетъ еще и обязанность наблюдать за прививкою оспы и за тѣмъ, чтобы больные были отправлены въ сельскую больницу. Наконецъ, судъ присутствуетъ при описи имуществъ малолѣтнихъ сиротъ.

Мы очертили функціи сельскаго суда, какъ онѣ опредѣлены уложеніемъ графа И. Хрептовича. Уложеніе относится съ большимъ сочувствіемъ къ крестьянамъ, а устанавливаемыя имъ нормы не являются нововведеніемъ,

такъ какъ вполнѣ соотвѣтствуютъ обычно-правовымъ взглядамъ. Этими сторонами уложеніе гр. И. Хрептовича выгодно отличается отъ великорусскихъ, наприм., отъ уложенія гр. П. Румянцова и др., въ которыхъ недовѣріе къ крестьянской средѣ является основной чертой.

Вообще разсмотрѣнная нами законодательная и хозяйственная работа трехъ поколѣній крѣпостныхъ помѣщиковъ представляетъ собою любопытнѣйшую картину изъ исторіи крѣпостного права. Эта реформа началась въ періодъ наивысшаго развитія крестьянскаго вопроса въ Польшѣ. Владѣлецъ сразу поставилъ ее,—по тогдашнимъ взглядамъ и условіямъ,—на здоровую почву. Тогда какъ другія реформы того же времени были, повидимому, эфемерны, въ имѣніяхъ Хрептовичей реформа окрѣпла и принесла результаты, свидѣтельствующіе о превосходствѣ веденія хозяйства съ свободнымъ трудомъ.

За недостаткомъ матеріала мы вообще очень мало знаемъ внутреннюю сторону крѣпостной эпохи. Правильное изученіе ея можетъ пойти вѣрнымъ путемъ только тогда, когда будетъ побольше обслѣдована документальнымъ образомъ исторія отдѣльныхъ имѣній: тогда только предъ нами въ настоящемъ свѣтѣ предстанутъ и ужасы крѣпостной эпохи, и немногочисленныя попытки улучшить положеніе крестьянъ. Но для такихъ изслѣдованій необходимо сохраненіе владѣльческихъ экономическихъ архивовъ. Пишущій эти строки знаетъ объ очень и очень многихъ истребленныхъ помѣщичьихъ архивахъ, такъ какъ владѣльцы не придаютъ никакого значенія имъ. Объ этой потерѣ слѣдуетъ весьма пожалѣть. Желательно, чтобы на оставшіеся архивы было обращено вниманіе, пока еще не поздно.

М. Довнаръ-Запольскій.

Изъ прошлаго нашей литературы *).

Давно отошли отъ насъ *шестидесятые годы, эпоха великихъ реформъ*, по удачному выраженію покойнаго Джаншіева; но далеко не конченъ споръ объ этой эпохѣ, живы отголоски любви и ненависти, которыя она вызвала, не рѣшены многіе изъ вопросовъ, страстно и рѣзко ею поставленныхъ. Въ послѣдніе годы умножились огромные обвинительные акты противъ литературнаго движенія шестидесятыхъ годовъ, подвергаются рѣзкому осужденію лучшіе вожди этого движенія. А пора отнестись спокойно и безпристрастно къ этому памятному времени, къ этой знаменательной страницѣ въ нашей исторіи, живыхъ свидѣтелей которой остается такъ немного. Съ другой стороны, для правильной оцѣнки шестидесятыхъ годовъ нельзя останавливаться, съ положительной или отрицательной точки зрѣнія, на ихъ первенствующемъ, придающемъ эпохѣ основную окраску движеніи, на литературной характеристикѣ только *Современника* и *Русскаго Слова*. Въ ошибкахъ и крайностяхъ послѣдующихъ событій въ нашей журналистикѣ участвовали сложныя причины: и ростъ своей публицистической реакціи, и чисто-политическія обстоятельства, какъ свѣтлая пора итальянской борьбы за національную свободу, какъ печальное польское возстаніе 1863 г. Пора, повторяю, разобраться во всемъ этомъ, и я имѣю въ виду дать нѣсколько матеріаловъ для самостоятельнаго сужденія о шестидесятыхъ годахъ, представить, по источникамъ, нѣкоторыя данныя для правильнаго ихъ пониманія. Мое изложеніе будетъ далеко не исчерпывающимъ, а только эпизодическимъ **).

Въ своей знаменитой диссертаціи *Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности* Чернышевскій говоритъ: «Смѣшеніе красоты формы, какъ необходимаго качества художественнаго произведенія, и прекраснаго, какъ одного изъ многихъ объектовъ искусства, было одною изъ причинъ печальныхъ злоупотребленій въ искусствѣ. Предметъ искусства—прекрас-

*) Прочтено въ Обществѣ любителей россійской словесности.

**) Я не буду говорить о Писаревѣ, о немъ я напечаталъ статью въ *Русской Мысли* (перепечатана въ моемъ сборникѣ *Литературные очерки*).

ное, прекрасное во что бы то ни стало, другого содержанія нѣтъ у искусства. Что же прекраснѣе всего на свѣтѣ? Въ человѣческой жизни—красота и любовь, въ природѣ трудно и рѣшить, что именно,—такъ много въ ней красоты» *). Авторъ не считаетъ удовлетворительнымъ приведенное опредѣленіе содержанія искусства. По его мнѣнію, оно должно быть воспроизведеніемъ интересныхъ для человѣка явленій дѣйствительной жизни. «Подъ дѣйствительной жизнью, конечно, понимаются не только отношенія человѣка къ предметамъ и существамъ объективнаго міра, но и внутренняя жизнь человѣка; иногда человѣкъ живетъ мечтами—тогда мечты имѣютъ для него (до нѣкоторой степени и на нѣкоторое время) значеніе чего-то объективнаго; еще чаще человѣкъ живетъ въ мірѣ своего чувства; эти состоянія, если достигаютъ интересности, также воспроизводятся искусствомъ. Мы упомянули объ этомъ, чтобы показать, какъ нашимъ опредѣленіемъ обнимается и фантастическое содержаніе искусства». Поэзія указываетъ яснымъ образомъ на существенныя черты предмета. Кромѣ того, поэтъ или художникъ, не будучи въ состояніи не быть человѣкомъ вообще, не можетъ, еслибъ и хотѣлъ, отказаться отъ произнесенія своего приговора надъ изображаемыми явленіями; приговоръ этотъ выражается въ его произведеніи—вотъ новое значеніе произведеній искусства, по которому искусство становится въ число нравственныхъ дѣятельностей человѣка **).

Но дѣйствительность для Чернышевскаго выше мечты, и существенное значеніе выше фантастическихъ притязаній.

Въ *Очеркахъ гоголевскаго періода русской литературы* Чернышевскій опираетъ свою теорію на взгляды Бѣлинскаго: Дѣйствительно, Бѣлинскій писалъ: «Если бы насъ спросили, въ чемъ состоитъ отличительный характеръ современной русской литературы, мы отвѣчали бы: въ болѣе и болѣе тѣсномъ сближеніи съ жизнью, съ дѣйствительностью, въ большей и большей близости къ зрѣлости и возмужалости». И далѣе: «Все движеніе русской литературы (до Пушкина) заключалось въ стремленіи сблизиться съ жизнью, съ дѣйствительностью ***). Искусство, по Бѣлинскому, получаетъ въ глазахъ общества важное значеніе, когда воспроизводитъ жизнь и дѣйствительность въ ихъ истинѣ».

Но, какъ и Бѣлинскій во вторую пору его дѣятельности, Чернышевскій всего дальше отъ преклоненія передъ дѣйствительностью. Прежде,—говоритъ онъ,—когда ею пренебрегали, «слишкомъ гордясь фантастическими богатствами, полагали, что передѣлать дѣйствительность по фантастическимъ мечтамъ очень легко. Но, когда фантастическая гордость смирилась, ученые и поэты должны были убѣдиться въ томъ, что всегда было ясно въ практической жизни для людей одаренныхъ здравымъ смысломъ. Самъ

---

*) *Эстетическія отношенія*, стр. 97 (въ сборникѣ *Эстетика и поэзія*).

**) Ibid., стр. 99, 100, 101.

***) *Современникъ*, 1847 г., № 1.

по себѣ, человѣкъ очень слабъ; всю свою силу заимствуетъ онъ только отъ знанія дѣйствительной жизни и умѣнья пользоваться силами неразумной природы и врожденными, независимыми отъ человѣка качествами человѣческой натуры. Дѣйствуя сообразно съ законами природы и души и при помощи ихъ, человѣкъ можетъ постепенно видоизмѣнять тѣ явленія дѣйствительности, которыя не сообразны съ его стремленіями, и такимъ образомъ постепенно достигать очень значительныхъ успѣховъ въ дѣлѣ улучшенія своей жизни и исполненія своихъ желаній» *).

«Любовь и доброжелательство (способность радоваться счастію окружающихъ людей и огорчаться ихъ страданіями) такъ врождены человѣку, какъ и эгоизмъ. Кто дѣйствуетъ исключительно по разсчетамъ эгоизма, тотъ дѣйствуетъ наперекоръ человѣческой природы, подавляетъ въ себѣ врожденныя и неискоренимыя потребности. Онъ въ своемъ родѣ такой же фантазёръ, какъ и тотъ, кто мечтаетъ о заоблачныхъ самоотверженіяхъ; разница только въ томъ, что одинъ—злой фантазёръ, другой—приторный фантазёръ, но оба они сходны въ томъ, что счастіе для нихъ недостижимо, что «они вредны и для себя и для другихъ».

Положительнымъ человѣкомъ въ истинномъ смыслѣ этого слова можетъ быть поэтому только человѣкъ любящій и благородный. Въ комъ этихъ качествъ нѣтъ, тотъ жалкій уродъ, шекспировскій Калибанъ, недостоинъ имени человѣческаго. Но,—оговаривается Чернышевскій,—такихъ людей очень мало, быть можетъ, и вовсе нѣтъ **).

Итакъ, необходимо изученіе дѣйствительности. Только научное познаніе законовъ, ею управляющихъ, дастъ возможность видоизмѣнять ее въ интересахъ любви и достоинства человѣка. Это писалось въ 1855—56 гг. на зарѣ царствованія Александра II, когда передъ Россіей вставали грозныя и великія задачи, когда по ней пронесся благотворный духъ преобразованія. Искусство, представляющее дѣйствительность *въ истинѣ*, даетъ незамѣнимый матеріалъ для публициста, для того, чтобы оцѣнить настоящее и подготовить будущее. Эту точку зрѣнія имѣлъ въ виду Чернышевскій, выступая критикомъ. Но, когда явился Добролюбовъ, авторъ *Очерковъ гоголевскаго періода русской литературы* передалъ ему критическій отдѣлъ *Современника*, а самъ отдалъ большую часть своего времени изученію политической экономіи и русской экономической дѣйствительности. Извѣстно, какъ много имъ сдѣлано для разработки великаго вопроса объ освобожденіи крестьянъ.

Прежде чѣмъ перейти къ Добролюбову, я остановлюсь ненадолго на нѣкоторыхъ критическихъ статьяхъ Чернышевскаго. Нѣсколько выдержекъ изъ нихъ покажутъ и большую проницательность, и тонкій эстетическій вкусъ этого мнимаго нигилиста.

Разбирая стихотворенія Огарева, Чернышевскій съ любовью остана-

*) *Очерки гоголевскаго періода*, стр. 285—286.
**) Ibid., стр. 287, 288.

вливается на его *Старомъ домѣ*. Здѣсь отразилась та школа, то направленіе, которое объединяло лучшихъ людей сороковыхъ годовъ. Вотъ и комнатка, вспоминаетъ поэтъ:

„...Съ другомъ, бывало,
Здѣсь мы жили умомъ и душой;
Много думъ золотыхъ возникало
Въ этой комнаткѣ прежней порой".

«Знали ли вы,—спрашиваетъ Чернышевскій,—когда-нибудь восторженную дружбу? Если не владѣло вами это чувство хотя въ порѣ молодости, вы, быть можетъ, улыбнетесь. Но нѣтъ, не спѣшите смѣяться: смѣяться и мы любимъ, но не надъ тѣмъ, что было необходимо и оказалось благотворно въ историческомъ развитіи». Такимъ энтузіазмомъ, какимъ проникнутъ *Старый домъ*, проникнуты и многія другія стихотворенія Огарева. Такова элегія *Друзьямъ*, которую приводитъ Чернышевскій:

„Мы въ жизнь вошли съ прекраснымъ упованьемъ,
Мы въ жизнь вошли съ неробкою душой,
Съ желаньемъ истины, добра желаньемъ,
Съ любовью, съ поэтической мечтой;
И съ жизнью рано мы въ борьбу вступили,
И юныхъ силъ мы въ битвѣ не щадили.
Но мы вокругъ не встрѣтили участья,
И лучшія надежды и мечты,
Какъ листья средь осенняго ненастья,
Попадали и сухи, и желты".

Чернышевскій говоритъ, что «лицо, чувства и мысли котораго вы узнаете изъ поэзіи Огарева, лицо типическое». Оно прекрасно обрисовано имъ въ *Монологахъ*.

Другой примѣръ: Чернышевскій хорошо оцѣнилъ автора *Греческихъ стихотвореній*, Щербину. Какъ примѣръ его выдающейся талантливости, онъ приводитъ нѣсколько позднѣйшихъ стихотвореній, въ томъ числѣ прелестную *Просьбу весны*. Отлетая на долго, весна останется въ сердцѣ поэта. Она говоритъ:

„Я оставлю въ немъ звуки и краски,
И мой свѣтъ, и мою теплоту,
Вѣтерка перелетныя ласки
И потоковъ журчащія сказки,
И луной разлитую мечту".
„Какъ померкнетъ сіянье лазури,
Какъ поблекнутъ безъ жизни поля,
Да завоютъ холодныя бури,
Да одѣнется въ саванъ земля,—
Мой избранникъ, людей утѣшая,
Возроди меня въ пѣсняхъ своихъ,
Чтобъ предъ ними опять расцвѣла я,
Благовонна, свѣжа, молодая,
Въ трепетаньи стиховъ золотыхъ"...

Вы видите, какъ далекъ Чернышевскій отъ исключительно утилитарнаго отношенія къ искусству. Онъ говоритъ въ статьѣ о Щербинѣ: «Автономія верховный законъ искусства. *Храни свободу своего таланта, поэтъ*». Развѣ это требованіе далеко отъ пушкинскаго: *иди дорогою свободной*? Но при одинаковой свободѣ таланта, имъ можно послужить для разныхъ задачъ,—и для высокихъ помысловъ, и для увеселительныхъ цѣлей.

Я не буду говорить объ оцѣнкѣ Чернышевскимъ Пушкина: онъ слѣдовалъ здѣсь за Бѣлинскимъ и во многомъ сходится съ Катковымъ *). Но слѣдуетъ упомянуть, что имъ составлена книжка для юношества: *А. С. Пушкинъ, его жизнь и сочиненія* (вышла нѣсколькими изданіями безъ имени автора). Въ ней Чернышевскій, по его собственнымъ словамъ, «отдавалъ предпочтеніе фактамъ, рельефно представляющимъ трудолюбивую, благородную и могучую личность Пушкина». «Поэты,—говоритъ Чернышевскій дѣтямъ,—руководители людей къ благородному понятію о жизни и къ благородному образу чувствъ; читая ихъ произведенія, мы пріучаемся отвращаться отъ всего пошлаго и дурного, понимать очаровательность всего добраго и прекраснаго, любить все благородное. Читая ихъ, мы сами дѣлаемся лучше, добрѣе, благороднѣе».

Публицистика все болѣе и болѣе захватывала Чернышевскаго. Онъ не возвращается къ критикѣ и послѣ смерти Добролюбова пишетъ романъ *Что дѣлать*, гдѣ о художественномъ воспроизведеніи дѣйствительности въ истинѣ нѣтъ и рѣчи. А между тѣмъ глубокая любовь къ искусству была жива у Чернышевскаго. По свидѣтельству очевидцевъ, онъ импровизировалъ въ Сибири интересные разсказы и романы, которыми заслушивалась его аудиторія. По возвращеніи въ Астрахань, онъ печатаетъ въ *Русской Мысли* большое стихотвореніе *Гимнъ днѣвъ неба*, сюжетъ котораго взятъ изъ исторіи борьбы сицилійскихъ грековъ съ карѳагенянами **). Осталась въ рукописяхъ Чернышевскаго и повѣсть, къ сожалѣнію плохая и еще болѣе странная.

Въ 1888 г. Чернышевскій пишетъ въ нашемъ же журналѣ интересную статью *Происхожденіе теоріи благотворности борьбы за жизнь* ***). Останавливаться на этой статьѣ значило бы выйти за рамки моего чтенія, но вотъ въ чемъ заключается главная мысль автора,—это немаловажно для общей оцѣнки его міровоззрѣнія. Теорія Дарвина, по мнѣнію Чернышевскаго, выросла изъ знаменитаго трактата Мальтуса *Опытъ о принципѣ населенія*. По физіологіи, говоритъ онъ, результатъ борьбы за жизнь—пониженіе организаціи; естественный отборъ—сила понижающая организацію, сила деградирующая. Трансформизмъ констатируетъ въ общемъ повышеніе организаціи, производимое многими силами, но къ нимъ не относится

*) Ср. мою статью: *По поводу пятидесятилѣтія со дня смерти Пушкина* (первоначально въ *Русской Мысли*, потомъ въ сборникахъ *Объ искусствѣ* и *О художникахъ и критикахъ*).

* Подъ псевдонимомъ Андреева (*Русская Мысль*, 1885 г., № VII).

** За подписью *Старый трансформистъ* (*Русская Мысль*, 1888 г., кн. IX).

борьба за существованіе съ естественнымъ отборомъ. Чернышевскій указываетъ, по отношенію къ человѣческому обществу, на трактатъ противника Мальтуса, Годвина, *Изслѣдованіе о политической справедливости.*

Обратимся теперь къ Добролюбову. Онъ примыкаетъ по своимъ воззрѣніямъ къ Бѣлинскому и Чернышевскому. Главное достоинство писателя-художника состоитъ *въ правдѣ* его изображеній. По тому, *какъ* захватываетъ писатель въ своихъ изображеніяхъ различныя стороны жизни, можно рѣшить и то, какъ великъ его талантъ. И у Фета есть талантъ, и у Тютчева. У одного—мимолетныя впечатлѣнія, у другого—знойная страстность, суровая энергія, возбуждаемая вопросами нравственными и интересами общественной жизни.

Для оправданія своего пріема толкованія художественныхъ произведеній, Добролюбовъ говоритъ про свое время, что въ русской жизни мало публичности, кромѣ офиціальной. «Мы дорожимъ,—замѣчаетъ онъ,—всякимъ талантливымъ произведеніемъ именно потому, что въ немъ можемъ изучать факты нашей родной жизни, которая безъ того мало открыта взору простого наблюдателя» *).

Искусству Добролюбовъ ставитъ очень высокія цѣли. «Свободное претвореніе самыхъ высшихъ умозрѣній въ живые образы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, полное сознаніе высшаго, общаго смысла во всякомъ, самомъ частномъ и случайномъ случаѣ жизни,—это есть идеалъ, представляющій полное слiяніе науки и поэзіи и доселѣ еще никѣмъ не достигнутый».

Для Добролюбова важны тѣ художественныя произведенія, въ которыхъ жизнь сказалась сама собой, а не по заранѣе придуманной авторомъ программѣ. Что касается идей, то ихъ постепенное развитіе потому имѣетъ значеніе, что онѣ, зарождаясь изъ существующихъ уже фактовъ, всегда предшествуютъ измѣненіямъ въ самой дѣйствительности.

Разбирая *Обломова*, Добролюбовъ отнюдь не порицаетъ Гончарова за объективность. «Онъ,—говоритъ критикъ,—вамъ не даетъ и, повидимому, не хочетъ дать никакихъ выводовъ. Жизнь, имъ изображаемая, служитъ для него не средствомъ къ отвлеченной философіи, а прямо цѣлью сама по себѣ. Ему нѣтъ дѣла до читателей и до выводовъ, какіе вы сдѣлаете изъ романа: это уже ваше дѣло. Ошибетесь—пеняйте на свою близорукость, а никакъ не на автора». Но вслѣдъ за Чернышевскимъ въ *Темномъ царствѣ* Добролюбовъ говоритъ слѣдующее: «Художникъ долженъ или въ полной непосредственности сохранить свой простой, младенчески-непосредственный взглядъ на весь міръ, или (такъ какъ это совершенно невозможно въ жизни) спасаться отъ односторонности возможнымъ расширеніемъ своего взгляда, посредствомъ усвоенія себѣ тѣхъ общихъ идей, которыя выработаны людьми разсуждающими. Въ этомъ можетъ выразиться связь знанія съ искусствомъ».

---

*) *Сочиненія*, III, 254 (изд. 1885 г.).

Добролюбовъ признаетъ и закономѣрность идеализаціи въ искусствѣ. Онъ говоритъ: «Какъ идеальное лицо, составленное изъ лучшихъ элементовъ, развивающихся въ нашемъ обществѣ, Елена понятна и близка намъ».

Нужно ли прибавлять, что самъ Добролюбовъ былъ поэтъ, что онъ обладалъ тонкимъ художественнымъ вкусомъ, нѣжною впечатлительностью? Прочтите въ статьѣ *Когда же придетъ настоящій день?* изображеніе Тургенева, какъ пѣвца чистой, идеальной женской любви. Критикъ говоритъ о прелести страстныхъ, нѣжныхъ и томительныхъ сценъ въ *Наканунѣ*, о тонкихъ и глубокихъ психологическихъ подробностяхъ, которыми рисуется любовь Елены и Инсарова съ начала до конца. Особенно восхищенъ Добролюбовъ описаніемъ послѣдней прогулки Елены съ Инсаровымъ въ Венеціи по *Canale Grande*, слушаньемъ Травіаты и возвращеніемъ. И дѣйствительно, это описаніе поразительно поэтично и глубоко трогательно. Суровый, язвительный, непреклонный Добролюбовъ недаромъ отмѣтилъ эти безподобныя страницы. И онъ умеръ совсѣмъ молодымъ. «*Morir si giovanni*»... Но Добролюбовъ писалъ:

„Милый другъ, я умираю,
Но спокоенъ я душою,
И тебя благословляю:
Шествуй тою же стезею!“

Чернышевскій такими словами проводилъ своего друга: «Ему было только 25 лѣтъ, но уже четыре года онъ стоялъ во главѣ русской литературы. Для своей славы онъ сдѣлалъ довольно. Для себя ему не зачѣмъ было жить дольше. Людямъ такого закала и такихъ стремленій жизнь не даетъ ничего, кромѣ жгучей скорби».

Чернышевскій и Добролюбовъ «*зрѣли*» глубокою вѣрою въ благостную мощь научной мысли. Добролюбовъ привѣтствуетъ поэта Полонскаго, для котораго

„Міру, какъ новое солнце сіяетъ
Свѣточъ науки, и *только при немъ*
Муза чело украшаетъ
Свѣжимъ вѣнкомъ“.

Въ началѣ двадцатаго вѣка знаменитый ученый, профессоръ московскаго университета, не менѣе крѣпко и страстно исповѣдуетъ то же убѣжденіе. «Среди шатанія умовъ, говоритъ К. А. Тимирязевъ, отмѣтившаго конецъ вѣка, среди страстныхъ порывовъ впередъ и боевыхъ кликовъ, призывающихъ назадъ, среди скептическихъ попытокъ *переоцѣнки всѣхъ цѣнностей*, среди безотчетныхъ отпаденій и слишкомъ разсчетливаго ренегатства, среди попранныхъ идеаловъ и разбитыхъ надеждъ, быть можетъ только наука,—положительная наука, объединенная положительною философіею,—переступаетъ порогъ столѣтія безъ колебаній и сомнѣній, въ спокойномъ сознаніи исполненнаго долга и безпримѣрнаго успѣха—въ прошломъ и съ

бодрою увѣренностью, что ничто не можетъ остановить ея побѣднаго шествія—въ будущемъ» *).

Мы знаемъ, что раздаются голоса, обвиняющіе науку въ банкротствѣ, но это голоса усталыхъ, разочарованныхъ людей, и не имъ быть властителями думъ нашего грядущаго поколѣнія... Но обратимся къ другимъ теченіямъ шестидесятыхъ годовъ, враждебнымъ *Современнику* и *Русскому Слову*. И прежде всего я остановлюсь на талантливомъ и широко образованномъ критикѣ журналовъ Достоевскаго *Времени* и *Эпохи*, Страховѣ. Мнѣ приходилось говорить объ этомъ писателѣ **) и я ограничусь теперь характеристикой его полемическаго отношенія къ *нигилистамъ*.

Отмѣчу, что онъ былъ несправедливъ и недостаточно внимателенъ къ отзывамъ своихъ противниковъ. По мнѣнію Страхова, напримѣръ, графа Л. Н. Толстого никто не оцѣнилъ, никто даже не говорилъ о немъ до А. Григорьева. Это писано въ *1869 году*. «А вотъ что писалъ о Л. Н. Толстомъ Чернышевскій въ *1856 году*. Приведя сцену изъ севастопольскихъ разсказовъ, Чернышевскій говоритъ: Это изображеніе внутренняго монолога надобно, безъ преувеличенія, назвать удивительнымъ. Ни у кого другого изъ нашихъ писателей не найдете вы психическихъ сценъ, подмѣченныхъ съ этой точки зрѣнія». «Есть живописцы, которые знамениты и искусствомъ уловлять мерцающее отраженіе луча на быстро катящихся волнахъ, трепетаніе свѣта на шелестящихъ листьяхъ, переливы его на измѣнчивыхъ очертаніяхъ облаковъ; о нихъ попреимуществу говорятъ, что они умѣютъ уловлять жизнь природы. Нѣчто подобное дѣлаетъ графъ Толстой относительно таинственнѣйшихъ движеній психической жизни. Въ этомъ состоитъ, какъ намъ кажется, совершенно оригинальная черта его таланта. Изъ всѣхъ замѣчательныхъ русскихъ писателей онъ одинъ мастеръ на это дѣло».

Это было написано почти полвѣка тому назадъ. Вотъ что далѣе говоритъ Чернышевскій въ той же статьѣ: «Вѣроятно, графъ Толстой напишетъ много такого, что будетъ поражать читателя другими, болѣе эффектными качествами: глубиною идеи, интересомъ концепцій, сильными очертаніями характеровъ, яркими картинами быта,—и въ тѣхъ произведеніяхъ его, которыя уже извѣстны публикѣ, этими достоинствами постоянно возбывался интересъ, но для истиннаго знатока всегда будетъ видно,—какъ очевидно, и теперь,—что знаніе человѣческаго сердца—основная сила его таланта».

Писателя такого таланта и художественной проницательности не слѣдовало, какъ это дѣлалъ Страховъ, упрекать въ *брамбеусовщинѣ*, въ шумномъ и безплодномъ словоизверженіи, въ безобразномъ хаосѣ словъ и мыслей ***). Статью Чернышевскаго *О причинахъ паденія Рима* критикъ

*) *К. А. Тимирязевъ*: „Столѣтніе итоги физіологіи растеній“ (актовая университетская рѣчь).

**) *Вопросы Философіи и Психологіи*.

***) *Страховъ*: „Изъ исторіи литературнаго нигилизма“, стр. 15.

Времени называетъ *совершенною дичью*. Онъ ссылается и на другія крѣпкія выраженія, которыя заимствуетъ у тогдашняго *Русскаго Вѣстника*.

Страховъ признаетъ не безъ наивнаго высокомѣрія, что онъ въ полемикѣ съ *Современникомъ* старается быть главнымъ образомъ «логичнымъ, употреблять строгіе, научные пріемы, дѣлать точные выводы».*). Во всемъ этомъ онъ безусловно отказываетъ своимъ противникамъ. Естественно, что при такихъ условіяхъ полемика не могла быть сколько-нибудь плодотворною. И примите въ разсчетъ, что такъ писалъ одинъ изъ умѣреннѣйшихъ и наиболѣе свободолюбивыхъ противниковъ того направленія, которое вы разилось въ *Современникѣ* и *Русскомъ Словѣ*. И въ то же время Страховъ говорилъ, что тургеневскій Базаровъ «есть первое сильное лицо, первый цѣльный характеръ, явившійся въ русской литературѣ въ средѣ такъ называемаго образованнаго общества. Кто этого не цѣнитъ, кто не понимаетъ всей важности такого явленія, тотъ пусть не судитъ о нашей литературѣ». А вѣдь Базаровъ и есть воплощеніе *нигилиста*, въ немъ Писаревъ и призналъ новый типъ мыслящаго реалиста.

Въ 1863 году противники *Современника* уже праздновали побѣду. Въ воскресныхъ прибавленіяхъ къ *Моск. Вѣд.* (*Современная Лѣтопись*, № 26) мы читаемъ: «не было такой нелѣпости и такого безумства, которыя бы тогда не могли разсчитывать на успѣхъ. Это было время такъ называемыхъ *шестидесятыхъ*, время всевозможныхъ безобразій по части соціализма, коммунизма, матеріализма, нигилизма, эмансипаціи, простиравшейся на всѣ виды глупости и разврата, время поруганія всего, чѣмъ дорожитъ народъ, общество, человѣкъ, это было время невѣроятной терроризаціи, которая производилась надъ цѣлымъ обществомъ шайкою писакъ, захватившихъ въ свои руки публичное слово».

Сгоряча, въ моментъ страстной борьбы, такія строки можно печатать, но теперь, черезъ сорокъ лѣтъ, ясна ихъ полная несостоятельность. *Нигилисты* имѣли въ своемъ распоряженіи *Современникъ* и *Русское Слово;* противъ нихъ стояли въ Петербургѣ *Отечественныя Записки*, *Библіотека для Чтенія* и *Время* (потомъ превратившееся въ *Эпоху*), въ Москвѣ—*Русскій Вѣстникъ* и *Русская Бесѣда*. Какъ могли нигилисты *терроризировать* да еще *надъ* всѣмъ русскимъ обществомъ? Очевидно, что для этого руководителямъ движенія необходимо было отличаться исключительною талантливостью и убѣжденностью, и не могла тутъ быть проповѣдь всѣхъ видовъ глупости и разврата. Мы видѣли, какъ консервативный критикъ-философъ высоко ставилъ нигилиста Базарова. Сорокъ лѣтъ прошло съ появленія въ *Русскомъ Вѣстникѣ* знаменитаго романа Тургенева, Базаровъ, какъ типъ, давно сошелъ со сцены, но далеко не безслѣдно въ общественномъ отношеніи. Въ немъ была большая нравственная сила, и недаромъ Катковъ упрекалъ Тургенева, что герой *Отцовъ и дѣтей* давитъ остальныхъ дѣйствующихъ лицъ.

*) Ibid., 151.

Современная Лѣтопись говорила, что въ шестидесятые годы проповѣ
дывался соціализмъ; да, Чернышевскимъ и Добролюбовымъ несомнѣнно, но
не индивидуалистомъ Писаревымъ, который отожествилъ себя съ Базаро-
вымъ, не Салтыковымъ-Щедринымъ, который съ 1864 года занялъ видное
мѣсто въ *Современникѣ* и посмѣивался надъ романомъ Чернышевскаго *Что
дѣлать*. И потомъ выраженіемъ *соціализмъ* тогда, какъ и теперь, очень
злоупотребляли. Газета *Вѣсть* говорила, что со страхомъ слѣдитъ за дѣя
тельностью славянофильскихъ *общественниковъ*. «Мы положительно убѣди
лись,—утверждала газета Скарятина и Юматова,—что между славянофиль
ствомъ и ученіемъ Сенъ-Симона нѣтъ существенной разницы... *День* как
бы не признаетъ права собственности»... (*Вѣсть*, 1863 г., № 8). Раньш
въ этой газетѣ было напечатано письмо Герсеванова, въ которомъ говори
лось, что девизомъ *Современника* и *Дня* служитъ ненависть къ великим
(сильнымъ) и ненависть къ богатымъ. «Но у каждаго своя спеціальность:
Современника — haine aux riches, у *Дня — haine aux grands*». Таким
образомъ И. С. Аксаковъ приравнивался къ Чернышевскому и Доброл
бову (ibid., № 2).

Газета *Вѣсть* рѣшительно выступала противъ демократіи. Отовсюду,-
читаемъ мы въ ней (№ 5, 1863 г.),—раздаются голоса въ пользу сам
управленія. За него говоритъ и *Вѣсть*, только она противъ равенств
за политическія привилегіи. «Да,—восклицаетъ газета,—мы защищаемъ
будемъ защищать права высшихъ и среднихъ классовъ, ибо считаемъ п
литическое равенство безумною утопіею» (*Вѣсть*, № 6, 1863 г.). Орга
крѣпостниковъ, какъ называли эту газету, вступаетъ въ яростную по
мику съ полуофиціальною газетою военнаго министерства, *Русскимъ Ин
лидомъ*, упрекая ее за стремленіе демократизировать Россію. Онъ об
шивается противъ пьесы Потѣхина *Отрѣзанный ломоть*, видя въ
проповѣдь демократіи (*На другихъ подмосткахъ**). Вождѣлѣнія партіи,
раженной великимъ днемъ 19 февраля 1861 г., выступали довольно яс
Землю крестьянамъ надо дать только *въ пользованіе*, нужно создать *во
ный сельскій трудъ*, т.-е. безземельныхъ батраковъ для крупнаго зем
владѣнія. Съ другой стороны, *Вѣсть* стояла за серьезныя реформы,
примѣръ, въ области печатнаго слова. «Мы не находимъ достаточно с
ныхъ выраженій, — читаемъ мы въ № 4 *Вѣсти* за 1863 годъ, — чт
привѣтствовать учрежденіе суда присяжныхъ (по дѣламъ печати) въ
тербургѣ и Москвѣ. Такой судъ учреждается пока при московской и пе
бургской уголовныхъ палатахъ». Газета стоитъ за то, чтобы присяж
выбирались генералъ-губернаторомъ и городскимъ головою изъ гласн
думы.

Роль *Русскаго Вѣстника* въ концѣ пятидесятыхъ и началѣ ше
десятыхъ годовъ общеизвѣстна. Широко образованный и даровитый пу
цистъ, который создалъ этотъ журналъ, Катковъ, сгруппировалъ на

---

*) *Вѣсть*, №№ 15 и 17, 1865 г.

выхъ порахъ такія силы, какъ Кавелинъ, Чичеринъ, Тургеневъ и многія др. Основные принципы реформъ царствованія императора Александра II нашли въ *Русскомъ Вѣстникѣ* того времени въ высшей степени сочувственное, просвѣщенное и авторитетное отношеніе. Если *Современникъ* уклонялся въ сторону соціально-экономическихъ преобразованій, то *Русскій Вѣстникъ* выдвигалъ на первый планъ политическія задачи.

Вы видите, что пробудившаяся общественная мысль еще бродила, выступали крайности партій, была жаркая борьба экономическихъ интересовъ, было много идеальныхъ увлеченій, уносившихъ, однако, далеко за предѣлы идеаловъ, поставленныхъ подлинными основоположниками литературныхъ движеній, ярко отражавшихся въ обществѣ. Но общественное мнѣніе только что возникло. Еслибъ событія шли правильною чередою, за этимъ дѣло не стало бы. Перебродило бы молодое вино, сказалось бы умиротворяющее слово людей, просвѣщенному и нравственному авторитету которыхъ сознательно и самостоятельно повѣрило бы молодое поколѣніе. Но наступило печальное, какъ я сказалъ, польское возстаніе, — печальное и для русскихъ, и для поляковъ. Это возстаніе, естественно, вызвало въ многочисленныхъ слояхъ нашего общества недоброе чувство. Вмѣшательство Англіи, Франціи и Австріи оскорбило нашу національную гордость. Передъ коалиціею внѣшнихъ враговъ, въ интересахъ самообороны государства, отступило назадъ возникавшее просвѣщенное общественное мнѣніе...

За польскую національность, за ея самобытность и необходимость ея сохраненія выступили благороднѣйшіе изъ нашихъ славянофиловъ, съ И. С. Аксаковымъ во главѣ. И вотъ что писала объ этомъ *Вѣсть* въ первомъ номерѣ 1863 г. въ статьѣ *Политическіе проекты* «Дня»: «Недавно юмористическая газета *День* предлагала вести войну съ Европой изъ-за Польши, но не для того, чтобы владѣть этою послѣдней, а для того, чтобы, побѣдивъ Европу, спросить польскихъ крестьянъ, хотятъ или не хотятъ они принадлежать Россіи?»

Быть можетъ, еще рано говорить о польскомъ возстаніи вполнѣ объективно, но не рано, я убѣжденъ, *практически* забыть о немъ, о томъ злѣ, которое оно принесло русскому обществу... Созванная по почину императора Николая II гаагская конференція призываетъ къ миру между государствами. А развѣ менѣе дорогъ и святъ благородный миръ между народами, живущими въ одномъ государствѣ? Но я боюсь уклониться въ политику и возвращаюсь къ литературной оцѣнкѣ шестидесятыхъ годовъ.

Одинъ изъ глубокомысленнѣйшихъ знатоковъ искусства въ девятнадцатомъ вѣкѣ, Джонъ Рёскинъ, писалъ, что «искусство каждой страны есть указатель ея соціальной и политической силы» *). Благородное искусство могутъ создать только благородные люди, объединенные общими законами, гарморовленными къ ихъ времени и окружающимъ ихъ условіямъ. Искус-

---

*) *Д. Рёскинъ*: „Лекціи объ искусствѣ“ (пер. П. С. Когана), стр. 37.

ству, слѣдовательно, долженъ предшествовать надлежащій нравственный уровень людей. Но разъ искусство существуетъ,—«его обратное дѣйствіе возвышаетъ самый уровень нравственности, изъ которой оно произошло, и главное—сообщаетъ восторгъ другимъ умамъ, которые въ нравственномъ отношеніи уже способны подчиниться его дѣйствію» *).

Возможность изящныхъ искусствъ,—продолжаетъ Рёскинъ,—находится въ точномъ соотвѣтствіи съ справедливостью причинъ и съ чистотой чувства. Дѣвушка можетъ пѣть о своей утраченной любви, скупецъ не можетъ пѣть о своихъ утраченныхъ деньгахъ. «Красота искусства является показателемъ нравственной чистоты и величія того чувства, которое выражается имъ». Вы видите, какъ близки по существу эти идеи съ тѣми, которыя защищали у насъ Чернышевскій и Добролюбовъ,—ранѣе ихъ Бѣлинскій. Дальше Рёскинъ выражается еще опредѣленнѣе **): «вся сущность искусства,—говоритъ онъ,—зависитъ отъ того, истинно ли оно и полезно ли; и какъ бы ни было оно пріятно, чудесно и выразительно само по себѣ, оно всетаки будетъ искусствомъ низшаго разряда, если не имѣетъ въ виду одной изъ двухъ главныхъ цѣлей: или *выразить что-нибудь истинное*, или *украсить что-нибудь практически-полезное*».

Когда такую мысль высказываетъ Рёскинъ, это называютъ идеализмомъ. Когда то же самое говорятъ наши критики въ шестидесятыхъ годахъ,—это объявляется грубымъ матеріализмомъ, приниженіемъ искусства.

Публицисты-критики шестидесятыхъ годовъ не помѣшали развитію ни одного крупнаго дарованія. Тургеневъ разошелся съ *Современникомъ*, но послѣ того далъ такія удивительныя созданія, какъ *Дымъ*, *Новь*. Могучій талантъ Толстого росъ непрерывно. Никто не смолкнулъ изъ писателей, которые стремились *выразить что-нибудь истинное, или украсить что-нибудь практически-полезное*. Достоевскій подымался до конца, Фетъ до конца оставался пѣвцомъ мимолетныхъ настроеній, удивительнымъ лирикомъ. Въ разгарѣ идейной борьбы, когда затронуты были сословные и личные интересы,—романъ и повѣсть явились орудіями этой борьбы. Но посмотрите, какъ пользовались этими орудіями обѣ стороны. Въ романахъ *На ножахъ*, *Некуда* Лѣскова-Стебницкаго, *Марево* Ключникова, въ *Взбаломученномъ морѣ* Писемскаго, въ *Повѣтріи* Авенаріуса, въ романахъ Маркевича *Новые люди*, «дѣти» представлены въ смѣшномъ или отвратительномъ видѣ. Даже объективный Гончаровъ не удержался отъ того, чтобы, вопреки художественной правдѣ, не надѣлить преступленіями Марка Волохова. Вспомните, что дѣлаютъ тенденціозные беллетристы другого лагеря, какъ Михайловъ-Шеллеръ, Омулевскій. Они будятъ мысль, зовутъ къ знанію, къ честному, общественно-полезному труду. Крайности и несправедливости были на той и на другой сторонѣ, но одушевленія, не-

*) Ibid., 73—74.
**) Ibid., 109.

пренняго исканія правды было гораздо больше у тогдашнихъ *дѣтей*, чѣмъ у ихъ *отцовъ*.

Литературное движеніе шестидесятыхъ годовъ разбудило нашу дремавшую живопись, дало намъ картины Крамского, Рѣпина, Ярошенка и много другихъ. Рѣпинъ впослѣдствіи отнесся рѣзко отрицательно къ этому вліянію, которому онъ обязанъ, однако, лучшими своими вдохновеніями. Но самъ Рѣпинъ говоритъ, что «время 1860-хъ годовъ особенно развивало самосознаніе» *). И мнѣ доставляетъ также особенное удовольствіе привести изъ воспоминаній этого удивительно даровитаго художника слова шестидесятника Крамского объ искусствѣ и наукѣ: «Образованіе,—горячо говорилъ Рѣпину Крамской,—великое дѣло! Знаніе—страшная сила! Оно только и освѣщаетъ всю нашу жизнь и всему даетъ значеніе. Конечно, только науки и двигаютъ людей». «Художникъ есть критикъ общественныхъ явленій: какую бы картину онъ ни представилъ, въ ней ясно отразится его міросозерцаніе, его симпатіи, антипатіи и, главное, та неуловимая идея, которая будетъ освѣщать его картину. Безъ этого свѣта художникъ ничтоженъ, онъ будетъ писать, пожалуй, даже прекрасныя картины, вродѣ тѣхъ, какія присылаетъ намъ Худяковъ изъ Рима: *Игра въ жемми*, напримѣръ,—которая теперь выставлена,—написана она хорошо, нарисована тоже недурно; но вѣдь это скука, это художественный идіотизмъ! Художественный хламъ, который забывается на другой день и проходитъ безслѣдно для общества. А сколько труда! Сколько стоилъ обществу этотъ художникъ! Его послали за границу, въ него вѣрили, отъ него ждали же чего-нибудь, дѣлая затраты. И сколько такихъ непроизводительныхъ затратъ!... А все оттого, что не даютъ должнаго развитія художникамъ и не обращаютъ вниманія на ихъ духовную сторону»... **).

Идея, знаніе, общество—золотыя слова!

«Приснопамятные шестидесятые годы,—говоритъ Михайловскій,—будутъ еще, вѣроятно, долго служить предметовъ самыхъ разнообразныхъ сужденій, въ числѣ которыхъ не мало будетъ и рѣшительныхъ осужденій. Такова всегдашняя участь всего яркаго и крупнаго,—людей, событій, эпохъ» ***).

Шелгуновъ въ своихъ воспоминаніяхъ имѣлъ полное право сказать: «Реалисты шестидесятыхъ годовъ были идеалисты земли, и ужъ, конечно, въ Россіи еще не бывало большихъ идеалистовъ, совсѣмъ забывшихъ о себѣ, о своей личной пользѣ и личномъ интересѣ, какъ такъ называемые *реалисты* шестидесятыхъ годовъ. Припомните судьбу каждаго изъ нихъ. Эти люди точно стыдились матеріальныхъ благъ и кончали свою жизнь не на шелкѣ и бархатѣ».

Еще одно свидѣтельство, на этотъ разъ изъ лагеря ожесточенныхъ противниковъ прогрессивнаго теченія въ русской жизни.

---

* *Рѣпинъ*: „Воспоминанія, статьи и письма изъ-за границы", 14.

** *Рѣпинъ*, 38.

*** Сочиненія", т. V, *Н. В. Шелгуновъ*, стр. 349.

Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ въ газетѣ *Гражданинъ* были напечатаны о шестидесятыхъ годахъ слѣдующія строки: «Тогда все кипѣло жизнью, и именно жизнью духовною, тогда лучшіе люди шли на общественную службу, тогда въ каждомъ русскомъ человѣкѣ билось сильно сердце, тогда либералы создали цѣлую Ніагару мыслей, стремленій, цѣлей въ руслѣ русской умственной жизни и этимъ самымъ вызвали къ жизни и противниковъ этого громаднаго урагана,—словомъ, тогда все, что дремало до того, проснулось, и на борьбу выступили всѣ силы добра и зла, на борьбу живую и, можно безъ преувеличенія сказать, народную, въ смыслѣ животрепещущихъ вопросовъ судьбы русскаго государства, эпохою создавшихся».

Въ *Божественной Комедіи* Данта между раемъ и адомъ помѣщаются люди, которые преступленій не совершали, бѣдою ближняго не болѣли, общественными дѣлами не интересовались. Въ адъ отправить ихъ не за что, въ рай войти они недостойны. Страшная участь! На долю людей шестедесятыхъ годовъ она не могла выпасть. Они не были «къ добру и злу постыдно равнодушны»... На русской землѣ зазвучала страстная мысль, началъ твориться судъ правый, скорый и милостивый, закипѣла просвѣтительная земская работа... Вѣяніе того благороднаго духа, представителемъ котораго былъ у наслѣдника престола,—потомъ царя-освободителя, императора Александра II,—поэтъ Жуковскій, слышится въ мысляхъ и стремленіяхъ людей шестидесятыхъ годовъ. И они, какъ на чредѣ высокой, такъ и въ горькихъ условіяхъ жизни, не забывали, что «святѣйшее изъ званій—человѣкъ». Тотъ же духъ вѣетъ и въ современномъ молодомъ поколѣніи. У насъ выросли культурныя преданія, установилась уже преемственность высокихъ завѣтовъ, и лучшею порою ихъ установленія были сороковые и шестидесятые годы. Вотъ что говоритъ про шестидесятые годы,—и этимъ я кончу,—талантливый поэтъ и отнюдь *не либералъ*, графъ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ:

„То были памятные годы
Того студенчества, когда,
Во имя знанья и труда,
Во имя правды и свободы,
Къ святилищу со всѣхъ концовъ
Россіи юноши стекались,
И тамъ *безъ мѣстъ и безъ чиновъ*
Предъ алтаремъ наукъ братались
Бѣднякъ, богачъ, князь, мѣщанинъ—
Одну одежду всѣ носили,
Всѣхъ свѣточъ озарялъ одинъ
И грезы общія манили!...
Надъ Русью вѣяли тогда
Шестидесятые года“...

Ср. *Отеч. Записки* 1856 года (*Взглядъ на русскую критику*, Б—в—въ, январь *Литерат. и журнальныя замѣтки*, іюнь; дальше статьи объ успѣхѣ *Русскаго Вѣст*

ника, о *Русской Бесѣдѣ* и *Морскомъ Сборникѣ*,—Даль о Пироговѣ. Въ августѣ полемика съ Чернышевскимъ по вопросамъ искусства).

Полемика съ *Очерками гоголевскаго періода*: Исторія не любитъ говорить о жи*хъ* (слова Карамзина); полемика съ Добролюбовымъ о *Былях и небылицах*,— *атья* Галахова. Онъ находилъ, что царствованіе Екатерины II, за исключеніемъ *слѣднихъ* годовъ, отличается выдержанностью началъ,—*правдою и человѣколюбіемъ Отеч. Записки*, октябрь, 1856 г.). Полемика Галахова продолжается въ декабрьской *нигѣ* этого года. Въ слѣдующемъ году опять полемика съ *Современникомъ*. О *Гу*-*ескихъ очеркахъ* Щедрина говорится, что авторъ не владѣетъ самобытнымъ твор*ствомъ*.

„Искусство, какъ искусство, не обольщало насъ. Мы цѣнили преимущественно искусство, служившее благимъ началамъ жизни, подкрѣплявшее усвоенный нами взглядъ на эти начала и согласовавшееся съ общимъ настроеніемъ изданія“ (*Отеч. Записки*, октябрь, 1856 г., отъ редакціи).

В. Гольцевъ.

Что сдѣлано за сорокъ лѣтъ московскимъ город-скимъ управленіемъ по народному образованію.

I.

Сорокалѣтнюю дѣятельность земскихъ учрежденій по народному обра зованію во многомъ можно сравнить съ странствованіемъ евреевъ по пус тынѣ въ поискахъ «Земли обѣтованной». Много кривыхъ линій пришлос описать имъ во время своихъ скитаній, но путеводнымъ столпомъ ихъ во время было свѣтлое сознаніе, что народное образованіе—основа обществен наго благоустройства. И хотя завѣтная цѣль земскихъ стремленій—все общее народное образованіе, далеко еще не достигнута, тѣмъ не менѣ работа, сдѣланная въ этомъ направленіи, если принять во вниманіе усло вія, въ какихъ она совершалась, исполински велика. И эта сторона дѣя тельности земскихъ учрежденій, безъ сомнѣнія, будетъ лучшимъ украше ніемъ того памятника, который воздвигнетъ имъ исторія.

Присоединившіяся къ земствамъ въ ихъ просвѣтительной работѣ посл изданія «Городового положенія» 1870 г. городскія общественныя учрежд нія явились ихъ достойными соратниками.

Московскому же городскому управленію, первыя попытки котораго при нять активное участіе въ области народнаго просвѣщенія относятся к концу 1863 г., т.-е. еще до Положенія о земскихъ учрежденіяхъ 1864 г и за 10 лѣтъ до введенія въ силу «Городового Положенія» 1870 г. в этомъ лучшемъ дѣлѣ земствъ и городовъ принадлежитъ честь иниціативы Поэтому обзоръ сдѣланнаго имъ по народному образованію за сорокъ слиш комъ лѣтъ представляетъ особый интересъ.

Участіе московскаго городского общественнаго управленія въ дѣлѣ на роднаго образованія, какъ и всѣхъ городовъ и земствъ, распадается п слѣдующія категоріи: 1) организація и содержаніе начальныхъ училищ 2) организація вечернихъ и воскресныхъ школъ для взрослыхъ; 3) устро ство учрежденій, содѣйствующихъ внѣшкольному образованію народа, 4) денежная помощь различнымъ учебнымъ заведеніямъ и другимъ обр зовательнымъ и воспитательнымъ учрежденіямъ.

Мы попытаемся дать вкратцѣ (насколько это можетъ быть интереснымъ для читателя и неспеціалиста) обзоръ дѣятельности города во всѣхъ указанныхъ направленіяхъ, но такъ какъ и средства (75% общей суммы расходовъ по народному образованію въ 1903 г.), и вниманіе, и активныя силы городского управленія главнѣйшимъ образомъ до сихъ поръ были и вѣроятно долго еще будутъ сосредоточены на организаціи начальныхъ школъ для дѣтей, такъ какъ этими-то именно школами и измѣряется дѣятельность городскихъ и земскихъ общественныхъ учрежденій по народному образованію, то прежде всего и больше всего мы и остановимся на разсмотрѣніи того, что сдѣлано московскимъ городскимъ управленіемъ въ количественномъ отношеніи по организаціи школъ и по распространенію чрезъ нихъ начальнаго образованія дѣтей школьнаго возраста, а затѣмъ: какъ отразились на городскомъ населеніи результаты этой дѣятельности. Послѣ этого мы постараемся, насколько позволитъ имѣющійся въ нашемъ распоряженіи матеріалъ, разсмотрѣть внутреннюю качественную организацію школъ со стороны наличныхъ образовательныхъ средствъ, постановки учебно-воспитательнаго дѣла и хозяйственной стороны, положеніе учащихъ школъ и роль въ школьной жизни члена управы, завѣдующаго школами, школьныхъ попечителей, старшихъ и младшихъ учащихъ и преподавателей отдѣльныхъ предметовъ.

А такъ какъ многія явленія современнаго строя начальныхъ городскихъ школъ не будутъ ясны безъ нѣкоторыхъ свѣдѣній изъ исторіи городскихъ школъ, то бросимъ прежде всего взглядъ въ сторону этого прошлаго. Присмотримся къ слѣдующей таблицѣ *).

Годы.	Открыто школъ.	Годы.	Открыто школъ.	Годы.	Открыто школъ.	Годы.	Открыто школъ.
1864	—	1874	1	1884	2	1894	4
1865	—	1875	5	1885	4	1895	7
1866	—	1876	10	1886	—	1896	27
1867	5	1877	—	1887	3	1897	7
1868	—	1878	4	1888	1	1898	5
1869	—	1879	3	1889	4	1899	14
1870	1	1880	3	1890	—	1900	8
1871	5	1881	12	1891	3	1901	18
1872	—	1882	—	1892	2	1902	7
1873	6	1883	12	1893	—	1903	8
За 10 лѣтъ	**=17**		**=50**		**=19**		**=105**
Въ средн. 1 г.	**=2,7 *)**		**=5,0**		**=1,9**		**=10,5**

Въ этой таблицѣ больше всего поражаетъ необыкновенное паденіе числа вновь открываемыхъ школъ за десятилѣтіе 1884 — 1893 г., въ которое всего было открыто 19 школъ, т.-е. менѣе двухъ школъ въ годъ въ среднемъ. И это послѣ того, какъ въ предыдущее десятилѣтіе въ среднемъ

*) Годы до открытія первой школы (1864—1866) не приняты въ разсчетъ.

ежегодно открывалось по пяти школъ. Защитники школьной политики думы этого періода приводятъ въ ея оправданіе то обстоятельство, что въ 1884—1893 гг. вмѣсто новыхъ школъ усиленно открывались параллельныя отдѣленія при существующихъ школахъ. Но не говоря уже о томъ, что сами думцы, вскорѣ же послѣ первыхъ опытовъ, отнеслись отрицательно къ параллельнымъ отдѣленіямъ въ силу ихъ неорганизованности и случайности, въ силу того, что открывались они не тамъ, гдѣ требовалось, а гдѣ позволяло помѣщеніе существующихъ школъ,—отдѣленій этихъ такъ было немного, что положеніе дѣла по существу не измѣнялось. Это видно уже изъ того, что

въ 1877—1883 гг.	въ средн.	въ 1 г.	на школу	сверхъ 3	нормальн.	приход.	0,02	парал.	отд.					
„ 1884—1893	„	„	„	—	„	„	„	—	„	„	0,33	„	„	
„ 1894—1901	„	„	„	—	„	„	„	—	„	„	0,36	„	„	

Послѣ десятилѣтія 1884—1893 гг. нельзя назвать благопріятнымъ въ исторіи городскихъ школъ и первый ея періодъ—десятилѣтіе 1864—1873 гг., когда, казалось бы, обновленному учрежденію, только что приступившему къ участію въ лучшемъ, насущнѣйшемъ для населенія дѣлѣ, должно было выказать всего больше энергіи. За десять лѣтъ открывается всего 17 школъ.

Какія же были причины этихъ робкихъ съ пріостановками шаговъ столичнаго городского управленія въ дѣлѣ распространенія начальныхъ народныхъ школъ въ десятилѣтіе 1864—1873 гг., устойчиваго, усиливающагося къ концу десятилѣтія роста школъ въ 1877—1883 гг., реакціи въ 1884—1893 гг., и расцвѣта школьнаго дѣла, особенно за послѣднее пятилѣтіе, въ 1894—1903 гг.?

Если мы сопоставимъ исторію московскихъ городскихъ школъ съ исторіей всей нашей общественности за послѣднія 40 лѣтъ, то отвѣтъ будетъ очевиденъ. Школьная исторія г. Москвы служитъ какъ бы барометромъ, съ удивительной чувствительностью реагировавшимъ на всѣ колебанія въ общественной атмосферѣ.

Обратимся же къ этой исторіи *).

Закономъ 29 января—20 марта 1862 г. введеннымъ только въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и Одессѣ и послужившимъ отправнымъ пунктомъ для подготовительныхъ работъ къ городской реформѣ 1870 г., значительно расширялась сфера активнаго участія городского общественнаго управленія въ дѣлахъ общественнаго хозяйства. И вотъ, какъ только открылась въ 1863 году преобразованная «Общая дума», попечитель учебнаго округа обратился къ ней съ просьбой о пособіи тринадцати существовавшимъ тогда на всю Москву казеннымъ училищамъ въ размѣрѣ 11,000 руб., мотивируя свою просьбу тѣмъ, что «запасный капиталъ этихъ школъ унич-

*) Фактическій матеріалъ по исторіи устройства городскихъ начальныхъ школъ до 1898 г. нами почерпнутъ главнымъ образомъ изъ „Лѣтописи городскихъ училищъ“ въ капитальномъ трудѣ М. П. Щепкина „Общественное хозяйство г. Москвы“.

тожился», а пожертвованія почетныхъ блюстителей *) далеко не могутъ удовлетворить всѣ нужды начальныхъ училищъ, что «въ хозяйствѣ послѣднихъ оказался недочетъ въ 1,692 руб. 67½ коп., которыхъ министерству покрыть нечѣмъ», и «что если не будетъ прибавлена на содержаніе ихъ необходимая сумма, нѣкоторыя изъ нихъ неминуемо должны быть закрыты».

Такимъ образомъ органы министерства народнаго просвѣщенія сами признали свою несостоятельность вести дѣло начальнаго образованія безъ общественнаго участія. Эта несостоятельность становится тѣмъ очевиднѣе, что и послѣ полученія просимаго пособія «казенныя» школы продолжали падать; и когда общественныя городскія школы переполнялись учащимися, отказы за неимѣніемъ въ нихъ мѣстъ непомѣрно росли,—въ это время число учащихся въ тринадцати казенныхъ школахъ, равнявшееся въ 1863 г. 828 челов., годъ отъ году уменьшалось и къ 1879 г. въ 15 школахъ спустилось до 734 человѣкъ.

Но вернемся къ 1863 г. Къ просьбѣ попечителя дума отнеслась «съ такою предупредительною готовностью придти на помощь народному образованію, какую только можно было ожидать отъ новаго учрежденія, преисполненнаго въ то время самыхъ радужныхъ надеждъ на общественное возрожденіе»,—говоритъ лѣтописецъ московскихъ городскихъ школъ. Соглашаясь во всемъ съ докладомъ коммиссіи, на обсужденіе которой было передано вышеуказанное ходатайство попечителя, дума единогласно признала, что «нѣтъ общественной нужды, которая могла бы сравниться съ этой нуждой, и что на городскомъ обществѣ, которое она (дума) представляетъ, лежитъ священная обязанность сознательно содѣйствовать всѣми средствами, отъ него зависящими, распространенію народнаго образованія, что всякая другая надобность, въ виду неудовлетворительнаго положенія городскихъ доходовъ, можетъ быть отклонена на время, но эта нужда—настоятельная и не отлагаемая (Журн. засѣдан. общей думы 14 декабря 1863 г.»).

И дума не только постановила удовлетворить просьбу попечителя, но выразила готовность въ ближайшемъ будущемъ озаботиться открытіемъ еще четырехъ начальныхъ училищъ. Находя, однако, ненормальнымъ, что «городское общество, расходующее значительную сумму на содержаніе городскихъ училищъ **), отстраняется отъ всякаго непосредственнаго участія

*) Почетная должность по Положенію 1839 г., на которую назначались, по усмотрѣнію учебнаго начальства и по собственному желанію лица, „преимущественно купеческаго сословія“ для того, чтобы они „способствовали устройству части хозяйственной единовременными и постоянными приношеніями, что̀ и вмѣняется имъ въ особенныя заслуги (32 ст. Положенія)“. „Подобными приманками,—говоритъ объ этой должности составитель „Лѣтописи городскихъ училищъ“,—снималось съ государственной казны и то небольшое бремя расходовъ, котораго преобразуемыя тогда училища, казалось бы, имѣли полное право требовать отъ нея“.

*) Городъ и до 1863 г. оказывалъ пособіе „казеннымъ“ училищамъ въ размѣрѣ 7,7[illegible] р. 30½ к.

въ ходѣ и направленіи первоначальнаго обученія, въ благосостояніи училищъ, ихъ нуждахъ и потребностяхъ», дума признала необходимымъ «для надзора надъ начальными училищами назначить нѣсколько выборныхъ лицъ городского сословія, которыя бы сообщали городскому головѣ свои мысли и заключенія о хозяйственномъ положеніи училищъ, ихъ нуждахъ и потребностяхъ, нравственномъ состояніи, ходѣ и успѣхѣ обученія... и о всемъ, что они признали бы нужнымъ къ пользѣ и благосостоянію училищъ; чтобы лица эти были допущены къ непосредственному участію во всѣхъ собраніяхъ, созываемыхъ попечителемъ два раза въ годъ по дѣламъ училищъ (ст. 59 Положенія 1839 г.), чтобы донесенія ихъ, признанныя (думою?) заслуживающими уваженія, были принимаемы въ непремѣнное соображеніе и получали должное удовлетвореніе со стороны училищнаго начальства». Но ходатайство думы объ этомъ не было уважено министромъ, и городу пришлось до 1890 г. отпускать ежегодно по 13,988 р. 45 к. безъ участія въ дѣлахъ казенныхъ училищъ.

Правда, вопросъ о допущеніи городского общества къ ближайшему участію въ завѣдываніи казенными училищами въ 1870 г. былъ снова поднятъ въ думѣ, и на этотъ разъ самимъ министромъ народнаго просвѣщенія, который теперь находилъ возможнымъ испросить на то Высочайшее соизволеніе, но дума, имѣвшая въ это время уже 11 своихъ училищъ, отвѣтила на запросъ министра ходатайствомъ о передачѣ казенныхъ школъ въ полное завѣдываніе города, въ чемъ ей было также отказано.

Небезынтересно сопоставить первыя попытки принять активное участіе въ народномъ образованіи московскаго городского управленія съ такими же петербургскаго. Въ петербургской думѣ этотъ вопросъ былъ впервые поднятъ въ 1864 г., но тамъ сразу было постановлено ходатайствовать о полной передачѣ въ завѣдываніе города 16 приходскихъ училищъ, также пришедшихъ въ поразительно жалкое состояніе по своимъ и педагогическимъ, и санитарнымъ условіямъ *), несмотря на субсидію, выдававшуюся министерству народнаго просвѣщенія на содержаніе этихъ школъ городскимъ управленіемъ съ 1822 г. въ размѣрѣ 10,511 р. **). Въ петербургскихъ приходскихъ школахъ, начало которыхъ относится къ царствованію Екатерины II, въ 1785 г. обучалось 1,192 дѣтей***), а почти черезъ сто лѣтъ, ко времени ихъ муниципализаціи—въ 1877 г., учениковъ въ этихъ школахъ было всего 762 человѣка.

Однако, петербургская школьная политика на первыхъ порахъ отличается отъ московской. Тогда какъ петербургская дума рѣшила «энергично добиваться передачи содержимыхъ на городскія средства приходскихъ училищъ въ ея вѣдѣніе» и до этого ничего не предпринимать по школьному дѣлу, московская дума нашла другой выходъ изъ затруднительнаго положенія.

---

*) *Ю. Н. Лавриновичъ*: „Народное образованіе въ Петербургѣ". Спб., 1902 г.

**) Эта сумма и служила единственнымъ ихъ денежнымъ рессурсомъ.

***) *Г. Фальборкъ и В. Чарнолуцкій*: „Народное образованіе въ Россіи".

14 іюля 1864 г. было утверждено «Положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ», которымъ уже прямо указывалось, что начальныя народныя училища могутъ быть (съ разрѣшенія уѣзднаго училищнаго совѣта) учреждаемы городскими и сельскими обществами (ст. 10). Завѣдываніе же и наблюденіе за всѣми сторонами дѣятельности начальныхъ школъ предоставлялось Положеніемъ 1864 г. уѣзднымъ и губернскимъ, а въ Москвѣ и С.-Петербургѣ столичнымъ училищнымъ совѣтамъ. Вся дѣятельность этихъ учрежденій нашла въ Положеніи всестороннюю, подробную и точную регламентацію *). Въ частности относительно столичныхъ училищныхъ совѣтовъ ст. 23 Положенія гласитъ слѣдующее: «Члены училищныхъ совѣтовъ въ обѣихъ столицахъ назначаются въ необходимомъ числѣ попечителемъ учебнаго округа, генералъ-губернаторомъ и мѣстнымъ епархіальнымъ начальствомъ, по взаимному соглашенію. *Училищные совѣты сіи дѣйствуютъ на основаніи тѣхъ же правилъ, какъ и уѣздные совѣты,* но собранія ихъ бываютъ постоянныя» **).

Отсюда мы видимъ, что оттягиваніе со стороны министра народнаго просвѣщенія учрежденія столичныхъ училищныхъ совѣтовъ до 1876 г., отклоненіе ходатайствъ обѣихъ столичныхъ думъ объ активномъ участіи въ дѣлахъ школъ, содержимыхъ на ихъ средства, задержки въ разрѣшеніи открывать школы московской думѣ въ концѣ 60-хъ годовъ объясняются не недостатками Положенія 1864 г., а нежеланіемъ со стороны министра приводить его въ исполненіе.

Послѣ объявленія Положенія 1864 г. въ московской думѣ, поступившейся своими средствами и правами по отношенію къ мужскимъ «казеннымъ» училищамъ, поднимается вопросъ объ открытіи женскихъ начальныхъ училищъ. Учреждается съ этой цѣлью коммиссія, которая въ 1865 году и вырабатываетъ Положеніе о городскихъ начальныхъ женскихъ училищахъ гор. Москвы. Несмотря на то, что рѣшеніе этого вопроса въ значительной мѣрѣ тормозится со стороны городского головы кн. А. А. Щербатова, который то задерживалъ разработку его коммиссіей, то предлагалъ ограничиться субсидіей частнымъ учрежденіямъ, то устроить вмѣсто общеобразовательныхъ школъ «первоначальныя ремесленныя заведенія», приговоръ думы объ открытіи первыхъ 5-ти женскихъ училищъ состоялся 3 декабря 1865 г., но разрѣшеніе на открытіе ихъ было получено только 2 іюня 1867 г. Въ 1866 г. вступилъ въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія гр. Д. А. Толстой, и реакція, начавшаяся въ высшихъ бюрократическихъ сферахъ тотчасъ же послѣ первыхъ реформъ, съ наибольшей стремительностью обратилась на народное образованіе. Всѣмъ начинаніямъ въ этой области земствъ и городовъ систематически ставится препона за препоной, что и сказалось въ концѣ 60-хъ и началѣ 70-хъ годовъ временнымъ пониженіемъ ихъ просвѣтительной дѣятельности.

*) См. Положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ, Высочайше утвержденное 14 іюля 1864 г. Отдѣлъ II. Завѣдываніе начальными народными училищами.

**) Курсивъ нашъ. Н. М.

Этими причинами прежде всего объясняется перерывъ въ открытіи новыхъ городскихъ школъ въ 1868 и 1869 гг. и въ Москвѣ. Хотя на возбужденное думою всеподданнѣйшее письмо отъ 10 мая 1868 г. объ открытіи въ ознаменованіе рожденія нынѣ царствующаго Императора Николая Александровича первой мужской начальной школы и послѣдовало тотчасъ же Высочайшее соизволеніе, а приговоръ думы объ открытіи новыхъ 5-ти женскихъ школъ состоялся въ 1869 г., первое училище открывается въ 1870 г., а вторыя лишь въ августѣ 1871 г. «такъ какъ въ то время затянулся вопросъ объ устройствѣ надзора за училищами и о порядкѣ выборовъ попечительницъ и попечителей»,—глухо замѣчаетъ по этому поводу уже цитированная нами выше «Лѣтопись».

Политика препонъ со стороны высшей школьной администраціи, на которую натолкнулась дума съ первыхъ же шаговъ своей дѣятельности по народному образованію, съ особенной настойчивостью примѣняемая къ ней въ первое десятилѣтіе, конечно, не могла не отозваться и на настроеніи ея дѣятелей. Ускоренный темпъ, единодушіе, съ какимъ рѣшались и приводились въ исполненіе различныя школьныя мѣропріятія (задержки были только со стороны администраціи) въ 1864—67 гг., несмотря на несочувствіе многимъ думскимъ начинаніямъ самого городского головы, замедляется въ 1868—72 гг.; энергія видимо ослабѣваетъ, хотя новый городской голова кн. В. А. Черкасскій и становится впереди думскаго школьнаго движенія. Очень можетъ быть, что «затяжка», о которой упоминается въ школьной лѣтописи до нѣкоторой степени произошла и отъ медлительности самихъ думскихъ органовъ, напримѣръ, по пріисканію и подготовкѣ нужныхъ для новыхъ школъ помѣщеній. Во всякомъ случаѣ это пониженіе энергіи тогдашнихъ думскихъ дѣятелей было незначительное и кратковременное, а въ общемъ, если исключить независящія обстоятельства, дѣятельность думы перваго десятилѣтія отличается замѣчательной продуктивностью. Она за это время отвоевала свою позицію въ дѣлѣ начальнаго народнаго образованія, она выработала главнѣйшія нормы начальной школы и расчистила себѣ весь дальнѣйшій путь. Такъ что если количественная работа думы въ то десятилѣтіе и невелика, зато велика качественная работа.

Въ 1872 г. входитъ въ силу Городовое положеніе 1870 г., открывшее новую эру городского самоуправленія. Этимъ Положеніемъ, значительно расширившимъ общественную самодѣятельность городовъ и кругъ ихъ компетенціи, «участіе въ попеченіи о народномъ образованіи» уже опредѣленно относится «къ предметамъ вѣдомства городского общественнаго управленія» на томъ же основаніи, какъ это предоставлено земскимъ учрежденіямъ. И съ 1873 г. начинается усиленная дѣятельность московской думы по открытію новыхъ школъ. Въ 1872—1874 годахъ, кромѣ того, вдвое увеличены комплекты учащихся (съ 50 на 100) въ существующихъ уже школахъ.

Въ 1874 г. новымъ Положеніемъ о начальныхъ народныхъ училищахъ (Высочайше утвержденномъ 25 мая 1874 г.) инспекторамъ народныхъ учи-

лищъ *), кромѣ обширныхъ полномочій по надзору за школами, расширенныхъ еще особой инструкціей министра въ 1871 г. **), были переданы и нѣкоторыя изъ функцій училищныхъ совѣтовъ по положенію 1864 г. (разрѣшеніе открывать новыя школы, допущеніе и устраненіе учащихъ, постановленіе различныхъ рѣшеній по народному образованію, когда не засѣдаетъ училищный совѣтъ, съ обязательствомъ давать о нихъ объясненія училищному совѣту и проч.). Статья о столичныхъ училищныхъ совѣтахъ изъ новаго Положенія исчезаетъ совсѣмъ. Новымъ положеніемъ значительно суживается область активнаго участія обществъ въ содержимыхъ ими школахъ. Но, по крайней мѣрѣ, теперь уже не стало основаній министру препятствовать открытію земскихъ и думскихъ школъ изъ-за недостатка наблюденія за ними.

До 1875 года московскою думою было открыто 18 школъ. Изъ нихъ только 2 были мужскія и одна изъ нихъ была открыта въ 1870 г. по Высочайшему соизволенію, а другая въ пригородѣ и уже въ 1873 году, т.-е. послѣ введенія новаго городового Положенія. Въ «Лѣтописи городскихъ школъ» мы не находимъ объясненія: чѣмъ руководилось московское городское управленіе, ограничивая свою просвѣтительную дѣятельность въ продолженіе десятилѣтія образованіемъ дѣвочекъ. Перепись 1871 года показывала ему, что неграмотныхъ мальчиковъ школьнаго возраста было въ то время въ Москвѣ даже больше, чѣмъ дѣвочекъ (18,876 мальчиковъ противъ 16,200 дѣвочекъ) ***). А школы всей Россіи убѣждали, что потребность въ начальномъ образованіи мальчиковъ всюду была въ то время несравненно сильнѣе, чѣмъ въ образованіи дѣвочекъ. Такую исключительную въ Россіи заботливость московской думы объ образованіи дѣвочекъ предпочтительно передъ мальчиками остается объяснить только тѣмъ, что учебная администрація, ревниво охраняя отъ просвѣтительныхъ посягательствъ думы московскихъ мальчиковъ, рѣшила поступиться безграмотностью дѣвочекъ. Нѣкоторыя указанія на то, что дѣло происходило именно такъ, можно найти и въ «Лѣтописи». Такъ, послѣ отклоненія министромъ ходатайства объ участіи думы въ дѣлахъ субсидируемыхъ ею «казенныхъ» школъ, попечитель округа въ своей новой просьбѣ о пособіи на открытіе трехъ «казенныхъ» школъ указываетъ, между прочимъ, думѣ на совершенное отсутствіе въ Москвѣ начальныхъ училищъ для образованія дѣтей женскаго пола. «Я полагаю,—писалъ онъ,—что дума оказала бы важную услугу городу учрежденіемъ таковыхъ училищъ» ****). И дума до 1875 г. добросовѣстно ограничивалась отведеннымъ ей уголкомъ школьной

---

*) Институтъ инспекторовъ народн. училищъ учрежденъ въ 1869 г. для руководства народнымъ образованіемъ.

**) Между прочимъ, инструкція даетъ инспекторамъ власть останавливать всякое рѣшеніе училищныхъ совѣтовъ съ представленіемъ дѣла на разрѣшеніе попечителя.

***) Общее число дѣтей школьнаго возраста равнялось въ 1871 г.—42,300. Такимъ образомъ за дверями начальной школы осталось 83% всѣхъ дѣтей школьн. возраста.

****) *М. П. Щепкинъ*: „Общественное хозяйство г. Москвы". Ч. IV, в. 1, стр. 28.

дѣятельности, такъ что когда въ 1869 г. городской голова кн. Черкасскій попытался было сдѣлать ей предложеніе «озаботиться открытіемъ мужскихъ училищъ въ тѣхъ мѣстахъ, которыя въ нихъ наиболѣе нуждаются», дума оставила его «безъ вниманія». Но съ 1875 г. центръ тяжести думской дѣятельности по народному образованію переносится съ женскихъ на мужскія школы. За все десятилѣтіе 1874—1883 гг. было открыто женскихъ школъ 17, а мужскихъ—33 (изъ нихъ 5 были открыты сначала въ видѣ смѣшанныхъ), т.-е. вдвое больше, чѣмъ женскихъ.

Какъ при открытіи первыхъ женскихъ школъ, такъ и въ 1875 г., во время подготовительныхъ работъ по открытію первыхъ мужскихъ школъ, многихъ гласныхъ соблазняетъ мысль объ устройствѣ ремесленныхъ школъ для мальчиковъ. Вопросъ объ этихъ школахъ, поднимавшійся нѣсколько разъ и ранѣе (въ 1871, 1872 и 1873 гг.), подвергается подробной разработкѣ въ учрежденной для того коммиссіи, вызываетъ рядъ думскихъ собраній, продолжительный и горячій обмѣнъ мнѣній, но защитники общаго образованія берутъ верхъ надъ профессіоналами, и въ два года 1875—76 дума открываетъ 15 начальныхъ школъ для мальчиковъ (для дѣвочекъ въ эти два года и въ слѣдующемъ 1877 г. не было открыто ни одной школы). Кромѣ того, въ 1876 г. были учреждены при 15 училищахъ первыя вечерне-воскресныя школы, о которыхъ мы будемъ говорить особо.

Въ 1876 году было удовлетворено, наконецъ, ходатайство петербургской думы (чѣмъ предрѣшался для С.-Петербурга вопросъ о передачѣ казенныхъ школъ въ вѣдѣніе города) объ учрежденіи столичнаго училищнаго совѣта. Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта учреждались городскіе училищные совѣты (на правахъ уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ) въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и Одессѣ. Этимъ до нѣкоторой степени расчищалось поле школьной дѣятельности и для московской думы.

Послѣ перерыва въ открытіи повыхъ школъ въ 1877—78 гг. совѣтомъ попечителей и попечительницъ былъ впервые возбужденъ вопросъ о недостаточности образованія, получаемаго дѣтьми въ начальныхъ городскихъ школахъ *), который привелъ думу къ рѣшенію дать желающимъ и наиболѣе способнымъ ученикамъ болѣе законченное образованіе, «не выводя дѣтей изъ той общественной среды, которой они принадлежатъ».

Послѣ продолжительнаго обсужденія, каковы должны быть эти школы, было рѣшено открыть въ видѣ опыта 1 мужскую и 1 женскую трехклассныя школы типа городскихъ по Положенію 31 мая 1872 года. Но на ходатайство объ этомъ предъ министромъ народнаго просвѣщенія дума получила отказъ, хотя по «Положенію» 1872 года «земствамъ, городамъ и частнымъ лицамъ разрѣшалось открывать городскія училища на правахъ частныхъ учебныхъ заведеній» (ст. 6). Въ то же время дума была лишена права связывать учрежденіе училищъ съ именами лицъ царствующаго дома,

*) Въ земствахъ, приходившихъ къ тому же заключенію, это побуждало увеличивать продолжительность на 1 годъ курса начальныхъ школъ и объемъ преподаванія, путемъ открытія четвертыхъ отдѣленій.

въ честь событій въ которомъ (рожденіе, бракосочетаніе, коронованіе, посѣщеніе Москвы Высочайшими особами) обыкновенно они открывались, безъ предварительнаго обезпеченія капиталомъ, на проценты съ котораго они содержались бы.

Съ 1878 года все настоятельнѣе и настоятельнѣе становятся жалобы на недостаточное число думскихъ училищъ, на переполненіе существующихъ школъ иногда чуть не вдвое сверхъ нормы, на быстро растущее число отказовъ въ пріемѣ за недостаткомъ мѣстъ. Такъ, въ 1879 г. было отказано 1,260 желающимъ поступить въ школы, что составляло 30% по отношенію къ количеству поступившихъ дѣтей; въ 1880 г. число отказовъ поднялось до 1,532. Городской голова заявляетъ въ 1878 г. думѣ, что «въ Москвѣ постоянно чувствуется недостатокъ въ училищахъ, гдѣ дѣти бѣдныхъ гражданъ могли бы получить первоначальное обученіе грамотѣ». Совѣтъ попечителей и попечительницъ въ 1880 году приходитъ къ заключенію, что «такое положеніе дѣла терпимо быть не можетъ, что на городскомъ общественномъ управленіи лежитъ обязанность измѣнить его». И хотя за три года было открыто сравнительно небольшое число школъ, а именно:

Въ 1878 году	2	мужскихъ	и	2	женскихъ,	всего	4	школы
» 1879 »	2*)	»	»	1	»	»	3	»
» 1880 »	2	»	»	1	»	»	3	»

но все показывало, что московская дума къ 1881 году прониклась просвѣтительными стремленіями и единодушно готовится измѣнить свою школьную политику, что волна общественнаго подъема этого трехлѣтія, достигшаго къ 1881 году наибольшей высоты, захватила и ее **). Въ началѣ 1881 года совѣтъ попечителей и попечительницъ вошелъ въ думу съ докладомъ, въ которомъ послѣ указанія на то, «что въ большинствѣ случаевъ открытіе въ Москвѣ новыхъ училищъ пріурочивалось къ какимъ-нибудь замѣчательнымъ событіямъ и въ честь извѣстныхъ лицъ, — говоритъ, что пора городскому обществу взглянуть на это дѣло съ точки зрѣнія крайней необходимости удовлетворять съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе нарастающей потребности въ первоначальномъ образованіи, пора принять за правило ежегодно открывать извѣстное число школъ» ***).

---

*) Одно изъ нихъ первоначально было открыто въ видѣ смѣшаннаго.

**) Наибольшее число школъ, открытыхъ с.-петербургской думой за все время, падаетъ на 1880—81 учебный годъ, когда было открыто 35 училищъ.

***) Въ Петербургѣ тоже училища до 1880 г. открывались по поводу такихъ случаевъ, какъ годовщины Петра I, Александра I, Екатерины II, въ память городского головы и т. п. И тамъ финансовая коммиссія, указывая въ 1880 г., что „городъ нуждается въ систематическомъ и постоянномъ ростѣ числа школъ, независимомъ отъ тѣхъ или другихъ событій, чтимыхъ открытіемъ въ память ихъ школъ, предлагала думѣ ежегодно открывать извѣстное число новыхъ училищъ, внося ежегодно въ

Въ заключеніе совѣтъ находитъ необходимымъ «открыть съ начала учебнаго 1881—82 г. десять начальныхъ училищъ». Предложеніе совѣта было встрѣчено единодушнымъ сочувствіемъ думы; мало того, въ своемъ просвѣтительномъ стремленіи она пошла даже дальше самого совѣта. Было признано нужнымъ открыть въ теченіе 1881—82 учебнаго года не 10, а 20 школъ. И, постановивши немедленно открыть 10 школъ въ указываемыхъ совѣтомъ мѣстахъ, на что было внесено въ смѣту 21,900 р., дума поручила совѣту обсудить вопросъ, гдѣ слѣдуетъ открыть въ этомъ же учебномъ году 10 другихъ школъ. Много было хорошихъ, теплыхъ словъ сказано въ пользу самаго широкаго распространенія народнаго образованія, «не стѣсняясь никакими средствами», на этомъ достопамятномъ засѣданіи думы, гораздо больше, чѣмъ въ 1863 году. Здѣсь въ первый разъ было высказано въ то время намѣреніе, хотя выраженное и не совсѣмъ ясно, достигнуть общедоступности обученія. Это было 17 февраля. А черезъ 2 мѣсяца въ настроеніи думы происходитъ крутой поворотъ. Стихійное умопомраченіе видимо охватываетъ даже тотъ самый совѣтъ попечителей и попечительницъ, который съ 1867 года былъ иниціаторомъ всѣхъ благихъ начинаній думы по народному образованію. Онъ по собственной инициативѣ находитъ достаточнымъ вмѣсто 20 школъ ограничиться въ 1881 г. открытіемъ 12 школъ (6 муж. и 6 жен.) *). Къ чести совѣта надо замѣтить, что онъ быстро оправляется отъ кошмара. Необыкновенный ростъ отказовъ, несмотря на открытіе лѣтомъ 1881 года 10 новыхъ школъ, убѣждаетъ его, что въ 1882 году, для пріема всѣхъ желающихъ учиться, слѣдовало бы открыть болѣе 20 школъ, и только «въ виду меньшаго отягощенія училищнаго бюджета» въ своемъ докладѣ, представленномъ на обсужденіе думы 3 ноября 1881 года, онъ предлагаетъ открыть въ 1882 году 12 школъ. Не то происходитъ въ думской массѣ. Какъ продуктъ общественной взбаламученности выступаютъ теперь впередъ реакціонные элементы.

Не рѣшаясь заявить себя принципіальными врагами просвѣщенія, они подъ флагомъ защиты городскихъ финансовъ раздуваютъ почти вчетверо противъ дѣйствительности дефицитъ, изображаютъ денежное положеніе города къ 1882 г. «въ самомъ безнадежномъ видѣ» и стараются убѣдить, думу даже отмѣнить рѣшенный ею уже въ принципѣ вопросъ объ открытіи новыхъ 10 школъ. Несмотря на горячую защиту школъ со стороны

смѣту на этотъ предметъ опредѣленную сумму". Но тамъ постановленіемъ петербургской думы „былъ обезпеченъ правильный и постоянный ростъ числа школъ, хотя во второй половинѣ 80-хъ и въ началѣ 90-хъ годовъ и тамъ уже не было того подъема и энтузіазма, которые были проявлены въ теченіе перваго десятилѣтія, и ростъ числа школъ во второмъ десятилѣтіи не только не соотвѣтствовалъ росту населенія, а сильно замедлился даже по сравненію съ первымъ десятилѣтіемъ (*Лаврикова*: „Народное образованіе въ С.-Петербургѣ". Стр. 8—9)".

*) Три изъ нихъ открыты сначала въ видѣ смѣшанныхъ.

предсѣдателя совѣта и нѣкоторыхъ гласныхъ, дѣло хотя и не погибаетъ совсѣмъ, но передается на заключеніе финансовой комиссіи, которая, какъ того всѣ и ожидали, открытіе новыхъ школъ признаетъ «расходомъ свыше имѣющихся у города средствъ и не подлежащимъ внесенію въ смѣту впредь *до изысканія новыхъ источниковъ дохода*». Однако гасителямъ на этотъ разъ не удалось еще провалить дѣло совсѣмъ. На защиту его выступилъ членъ комиссіи гл. А. И. Кошелевъ, вошедшій въ думу съ особымъ мнѣніемъ. «Считая грамотность и вообще духовное и умственное развитіе людей столь же необходимымъ, какъ и хлѣбъ вещественный,—писалъ въ своемъ заявленіи А. И. Кошелевъ,—и признавая развитіе горожанъ въ сказанныхъ отношеніяхъ одною изъ первѣйшихъ обязанностей городского управленія, я полагаю невозможнымъ отказать въ ходатайствѣ попечителей и попечительницъ городскихъ начальныхъ училищъ. Если городское управленіе стѣснено въ денежныхъ средствахъ, то лучше сократить сумму, ежегодно отпускаемую на устройство новыхъ мостовыхъ, тротуаровъ, бульваровъ и къ нимъ рѣшетокъ, но отнюдь не отказывать въ открытіи новыхъ, становящихся необходимыми училищъ. На помощь голодающимъ можетъ придти частная благотворительность; безъ мостовыхъ, тротуаровъ и бульваровъ, гдѣ до сихъ поръ ихъ не было, люди жили и могутъ еще годъ, и два, и три прожить, а устраивать начальныя школы въ городѣ можетъ только городское управленіе и потому это для него обязательно. Всякій отказъ въ обученіи мальчику или дѣвочкѣ есть нравственный проступокъ, а вовлекать въ него городское управленіе я не могу, а потому считаю долгомъ предложить думѣ ассигновать просимую сумму на открытіе 12 новыхъ училищъ».

Но, кажется, еще большее впечатлѣніе на думу произвело заявленіе предсѣдателя совѣта попечителей и попечительницъ, А. Д. Плечко, этого рыцаря народнаго просвѣщенія, отстаивавшаго его даже на смертномъ одрѣ. Въ своемъ заявленіи, которое А. Д. писалъ всего за два дня до смерти, онъ напоминалъ думѣ, «что со времени открытія на городской счетъ первыхъ пяти школъ дума всегда сочувственно относилась къ дѣлу народнаго образованія, что доклады совѣта по этому предмету ею принимались всегда единогласно, почти безъ возраженій. Только послѣдній докладъ совѣта представляетъ печальное исключеніе изъ общаго правила... Финансовая комиссія, несмотря на раздававшіеся въ средѣ ея великодушные и благородные голоса, безсердечно постановила, большинствомъ голоса предсѣдателя, отклонить предложеніе совѣта». И А. Д. проситъ думу «*не покушаться на сокращеніе расходовъ на такіе предметы, которые такъ же необходимы, какъ свѣтъ Божій, какъ воздухъ*»... Перечисливъ нѣкоторые непроизводительные расходы, внесенные однако въ смѣту, онъ пишетъ далѣе: «сокращая расходы на школы, придется неминуемо увеличить расходы на мѣста заключенія, содержаніе которыхъ къ тому же и стоитъ гораздо дороже школъ (онъ указываетъ между прочимъ на Рукавишниковскій

исправительный пріютъ, содержаніе каждаго мальчика въ которомъ стоитъ городу 340 р., тогда какъ содержаніе каждаго ученика школы стоитъ около 40 р.). При теперешнемъ печальномъ положеніи и при такой массѣ бѣднаго темнаго люда намъ ли жалѣть деньги на устройство народныхъ школъ? Ежегодно Москва употребляетъ сотни тысячъ и даже милліоны на мостовыя. Камни, забитые въ землю, останутся камнями до тѣхъ поръ, пока отъ времени и непогоды не обратятся въ пыль и прахъ. Зерна же просвѣщенія, брошенныя въ темныя массы народа, посредствомъ доброй религіозно-нравственной школы, принесутъ неисчислимые, полезные результаты, просвѣтивъ темную массу и давъ ей средства къ дальнѣйшему своему развитію и благосостоянію»...

Должно быть, свѣтлый духъ только что погребеннаго борца за народное образованіе виталъ въ залѣ засѣданія думы 22 и 27 апрѣля 1882 года, если, несмотря на небывалое упорство противниковъ народнаго образованія, несмотря на «жупелъ» анархизма, которымъ была сдѣлана тогда попытка запугать собраніе, дума все-таки постановила открыть въ 1882 г. 12 училищъ. Вспыхнулъ въ послѣдній разъ свѣтлый огонекъ и... надолго погасъ.

При воспоминаніи о томъ темномъ періодѣ, особенно грустно чувствовать, что «жупелъ», пущенный въ собраніи думы 27 апрѣля 1882 года, исходилъ на этотъ разъ не изъ замоскворѣчья, а изъ устъ человѣка высоко ученаго, профессора, человѣка къ тому же всего менѣе, казалось бы, способнаго поддаваться рефлексамъ, вспышкамъ минутныхъ настроеній, бывшаго тогда городскимъ головою. Вотъ какъ предостерегалъ почтенный профессоръ московскую думу отъ увлеченія народнымъ образованіемъ: «Будьте осторожны, не идите, куда не слѣдуетъ. Я полагаю, *что даже въ интересахъ умственнаго образованія* народа слѣдуетъ остановиться этимъ расходомъ (на открытіе 12 школъ). Мы не должны пріучать гражданъ требовать отъ общества удовлетворенія всѣхъ ихъ потребностей, во что бы то ни стало. Сказать, что общество обязано удовлетворять умственнымъ потребностямъ народа, никакъ нельзя... иначе мы откроемъ поприще для всякаго рода мечтаній и утопій... Если мы скажемъ, что мы отъ общества должны ожидать всего, то мы откроемъ путь и будемъ потакать тѣмъ стремленіямъ, которыя составляютъ нашу глубочайшую язву. Именно тѣ люди, которые всего ожидаютъ отъ общества, увѣрены, что оно должно имъ доставлять и образованіе, и матеріальный достатокъ; когда они видятъ, что оно не можетъ дать имъ всего этого, обращаются противъ него и говорятъ: давайте разрушать общество и построимъ его на новыхъ началахъ!»...

Такимъ образомъ, реакція въ дѣлѣ народнаго образованія началась въ московской думѣ съ 1881 года. Въ этомъ году членомъ, завѣдующимъ отдѣломъ народнаго образованія, былъ выбранъ И. А. Лебедевъ, оставшійся въ этой должности въ продолженіе всего темнаго періода школьно-

исторіи. Въ 1882 году, несмотря на неоднократныя напоминанія думы, на горячій протестъ нѣкоторыхъ гласныхъ, приговоръ думы объ открытіи въ этомъ году 12 новыхъ училищъ управой не исполняется, 6 мужскихъ *) и 6 женскихъ училищъ открываются только въ 1883 году. Между тѣмъ одно изъ думскихъ засѣданій второй половины 1882 года не состоялось по недостатку прибывшихъ гласныхъ. «Такъ быстро равнодушіе къ дѣлу смѣнило собою прежнее горячее отношеніе», замѣчаетъ по этому поводу «Лѣтопись». А это равнодушіе думы усиливало въ школьномъ дѣлѣ роль управы. Оно, наконецъ, послужило причиной и того, что въ 1883 г. московское городское управленіе нанесло всему своему дѣлу по народному образованію самую тяжелую рану. Въ этомъ году былъ «преобразованъ», а въ сущности фактически упраздненъ, гораздо ранѣе своего офиціальнаго упраздненія, совѣтъ попечителей и попечительницъ, которому городъ обязанъ очень многимъ изъ того, что было сдѣлано хорошаго за 2 первыхъ десятилѣтія школьной исторіи, который не только воодушевлялъ думу въ ея мѣропріятіяхъ по открытію новыхъ школъ, не только подготовлялъ и разрабатывалъ всѣ школьные вопросы прежде внесенія ихъ на обсужденіе думы, но несъ на своихъ плечахъ и всю организаціонную, и всю, такъ сказать, черную, исполнительную работу по устройству школъ и веденію ихъ хозяйства. За совѣтомъ съ 1882 года признается значеніе только совѣщательнаго органа, а вся хозяйственная и распорядительная часть переходитъ съ этого времени въ управу или правильнѣе въ руки завѣдующаго школами члена ея **). На самомъ дѣлѣ съ этого времени совѣтъ перестаетъ быть коллегіальнымъ органомъ думы или управы. Приглашеніе или не приглашеніе попечителей въ тѣ или другія совѣщанія или коммиссіи зависитъ отъ усмотрѣнія управы. Въ дѣлѣ завѣдыванія школами исчезаетъ наконецъ самый принципъ самоуправленія. Онъ смѣняется произволомъ разрозненныхъ попечителей каждаго въ своей школѣ ***). «При управленіи школою,—заявляютъ думѣ протестующіе противъ такого положенія вещей гласные въ 1886 году,—попечитель является полнымъ ея хозяиномъ». Весь ходъ и направленіе городскихъ училищъ зависитъ «отъ мирнаго соглашенія завѣдующаго училищами члена управы съ попечителями»... Многое измѣнилось въ городскомъ школьномъ дѣлѣ съ того мрачнаго времени, а указываемая здѣсь язва и до сихъ поръ продолжаетъ еще разъѣдать школьный организмъ Москвы. Такъ тяжки послѣдствія равнодушія въ общественномъ дѣлѣ.

Итакъ, 1881—1883 годы были годами реакціи, распространившейся въ

---

*) Одно изъ мужскихъ училищъ сначала открыто было какъ смѣшанное.

**) Съ этого года начинаетъ практиковаться, вмѣсто совѣта созывъ, по усмотрѣнію управы, коммиссій по отдѣльнымъ вопросамъ народнаго образованія подъ предсѣдательствомъ завѣдующаго школами члена. Въ засѣданія такихъ коммиссій, какъ видимъ изъ „Лѣтописи“, приглашалось только 5 попечителей школъ (стр. 162).

***) См. заявленіе гласнаго И. Н. Мамонтова („Лѣтопись“, стр. 173).

1883 году по всей линіи описываемой нами думской дѣятельности. Но въ эти годы догорали еще огоньки предыдущаго свѣтлаго періода, такъ внезапно оборвавшагося въ 1881 году, продуктомъ чего были 12 школъ, открытыхъ въ 1881 году, и 12 (6 м. и 6 ж.) школъ, открытыхъ въ 1883 году. Надвигавшійся мракъ, какъ ни былъ онъ густъ, не могъ сразу объять этотъ свѣтъ. Поэтому 1881—1883 годы мы всетаки относимъ къ предыдущему періоду школьной исторіи.

Съ 1884 года реакція безпрепятственно развертывается уже во всю ширь.

Н. Ма—й.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ исторіи русскихъ сношеній съ народами Востока.

(По архивнымъ документамъ.)

Въ концѣ шестнадцатаго столѣтія русскіе проложили себѣ путь въ Азію; до 1639 года была завоевана ими почти вся Сибирь; въ 1695—1730 гг. произошло присоединеніе къ Россіи Камчатки. Честь новыхъ азіатскихъ завоеваній и открытій принадлежитъ частнымъ лицамъ: казацкому атаману Ермаку Тимоѳеевичу, казаку Семену Дежневу съ товарищами, казачьему пятидесятнику Владиміру Атласову, казаку Козьмѣ Соколову и т. д., и т. д. Несмотря однако на успѣхи частной предпріимчивости, занятыя страны Азіи оставались малонаселенными и неустроенными; русскимъ правительствомъ долгое время даже не было установлено правильныхъ и тѣсныхъ сношеній съ сосѣдними азіатскими народами.

Въ 1801 г. нѣкто отставной секундъ-майоръ И. К. Давыдовъ, характеризуя промышленное состояніе нашего отечества, писалъ:

«Россія весьма выгодное имѣетъ положеніе обширной коммерціи; но купцы, въ невѣжествѣ утопая, не знаютъ своихъ выгодъ и не въ силахъ частно производить свой торгъ. Самая выгодная торговля съ азіатскими народами остается, такъ сказать, запустѣлою, а по границамъ съ Азіею живущаго тамъ купечества нѣтъ и въ торговлѣ тамошней упражняются люди безъ капиталовъ, большею частью—казаки и гарнизонные солдаты, и весьма въ маломъ количествѣ. Богатѣйшая китовая и сельдяная ловля въ рукахъ Россіи, но упражняющихся въ томъ людей нѣтъ, потому что нѣтъ капиталовъ къ дѣйствію для снарядовъ кораблей и всего къ тому нужнаго; изъ Мезеня и Колы отпускаются частныя суда къ Новой землѣ, не довольствуются промысломъ однихъ песцовъ и въ небольшомъ количествѣ птичьяго мяса, а нужды въ таковыхъ ваяжахъ претерпѣваютъ много отъ неустройства. Богатая и способная торговля съ Японіею еще не открыта, да и съ Китаемъ маловажна. Выгодной торговлѣ съ Хивой и Индіей киргизцы препятствуютъ грабежами. По Каспійскому морю—на восточный берегъ, прибыльной торговли, суда пристанища не имѣютъ. Въ киргизскихъ горахъ сокровища безполезно скрываются, а въ уральскихъ цвѣтного камня во множествѣ равно безъ пользы; вывозятъ частно и весьма въ маломъ

количествѣ. Многія мѣста, способныя къ произрастанію винограда и шелковичныхъ деревъ, къ дѣланію вина и шелку и произростанію красильныхъ и лѣкарственныхъ травъ и кореньевъ, лежатъ впустѣ».

Между тѣмъ, по словамъ Давыдова, «одна Россія болѣе всѣхъ государствъ способна соединить европейскую торговлю съ азіатскою».

Свѣдѣнія о сосѣднихъ государствахъ русское правительство получало чисто случайными путями, иногда изъ крайне сомнительныхъ источниковъ.

Въ 1795 г. отправлялся въ Бухару торговый татаринъ Казанскаго намѣстничества, Царевококшайской округи, деревни Уры, Бекчентей Абъ-Салямовъ. Ему поручается привезти «извѣстія о положеніи обстоятельствъ, тамъ существующихъ».

Возвратившись на слѣдующій годъ, Абъ-Салямовъ въ Троицкой пограничной таможнѣ 10 іюля объявилъ, что «по отправленіи-де въ прошедшую осень изъ Троицка каравана прибылъ онъ, Абъ-Салямовъ, съ прочими россійскими людьми въ Бухарію генваря мѣсяца, въ послѣднихъ числахъ, сего года, гдѣ продолжался съ небольшимъ три мѣсяца и въ прожитіи-де оном сверхъ производимыхъ торговъ старался по порученію, данному троицкой пограничной таможни отъ директора господина надворнаго совѣтника Долгополова, секретно объ обстоятельствахъ бухарскаго начальства развѣдывать».

По словамъ Абъ-Салямова, «всѣмъ бухарскимъ народомъ полномочно управляетъ Алатыкъ Шаматъ Бій, сынъ Даніяла, и хотя-де онъ ханомъ и не именуется, но всю власть онаго имѣетъ; бывшій же де ханъ не только отъ народа не уважается, но и никакого въ дѣлахъ участія не имѣетъ, такъ что наравнѣ съ частными людьми обращается и содержитъ себя отъ оброка своей земли,—о каковомъ-де случаѣ вѣроятнѣе было ему, Абъ-Салямову, познать тѣмъ, что онъ, по состоявшемуся на бухарцахъ одолженію, во взысканіи его, Шаматъ Бія, лично просилъ, да и неоднократно у него былъ, который-де въ разсужденіи полной власти заплатить ему приказалъ, кое имъ, Абъ-Салямовымъ, и получено, а затѣмъ-де и всѣ по важности случающіяся просьбы онъ, принимая, рѣшитъ».

За мѣсяцъ до пріѣзда Абъ-Салямова въ Бухару персидскій шахъ, имени котораго Абъ-Салямовъ «не запомнилъ, а знаетъ, что онъ—сынъ Темиръ шаха», присылалъ къ Шаматъ Бію нарочныхъ съ письмомъ, «коимъ-де увѣдомлялъ, что иностранными людьми, подошедшими на судахъ моремъ, а какими подлинно—объявить ему не знали, взятъ изъ числа его владѣнія одинъ городъ; а потому и просилъ, чтобъ Шаматъ Бій къ могущему пособію приказалъ приготовить войска до сорока тысячъ». Шаматъ Бій обѣщалъ исполнить просьбу; но послѣ того къ нему былъ присланъ отъ персидскаго Ахты хана посолъ, съ требованіемъ, «дабы Шаматъ Бій запретилъ своимъ подданнымъ разорять его владѣнія, ибо-де тѣ его подданные, по неоднократнымъ бухарскимъ набѣгамъ, не малыя уже разоренія претерпѣвали; въ противномъ же-де случаѣ, когда онъ, Шаматъ Бій, того дѣлать не запретитъ, покажетъ онъ вскорѣ справедливымъ своимъ

ніеніемъ». Когда Шамратъ Бій то письмо прочиталъ, то «тогда же, изодравъ оное, приказалъ посла запереть въ конюшню, о коемъ-де послѣ того слухъ носился, что онъ отпущенъ пѣшимъ обратно; да и носились въ городѣ извѣстія, что противъ Ахты хана пошлется войско».

Въ бытность же Абъ-Салямова въ Бухарѣ, «изъ состоящаго подъ владѣніемъ Бухаріи города Минкаля, Кара-Бекъ съ семействомъ своимъ въ Шаршабисъ городъ бѣжалъ, и такъ какъ-де оной съ окружными городами уѣздомъ состоитъ въ особомъ владѣніи, то Шамратъ Бій, безпокоясь мыслями, дабы оный Кара-Бекъ, въ разсужденіи способности къ воинскому дѣйствію, не произвелъ иногда какихъ до Бухаріи касающихся важностей, то и почелъ за самонужнѣйшее, чтобъ послать войска противъ города Шаршабиса».

О какихъ-либо «обстоятельствахъ, вредныхъ къ Россіи», ни со стороны Бухаріи, ни со стороны киргизцевъ Абъ-Салямовъ не слыхалъ, «въ чемъ да и во всемъ вышесказанномъ объявилъ онъ по самой сущей справедливости».

Сношенія Россіи съ Китаемъ были болѣе близки; но и здѣсь русскимъ приходилось иногда прибѣгать къ добычѣ свѣдѣній путемъ бесѣдъ нашей пограничной стражи съ китайскими караулами, а также изъ сообщеній частныхъ, иногда малоизвѣстныхъ лицъ.

Иркутскій губернаторъ, въ всеподданнѣйшемъ рапортѣ отъ 3 марта 1798 г., писалъ:

«Полученъ мною рапортъ отъ пограничной канцеляріи, что, по развѣдываніямъ въ китайской сторонѣ, будто бы еще настоитъ тамъ съ народомъ, называемымъ міоза, междоусобіе, и при случившемся, прошедшей осени, между ими сраженіи сіи послѣдніе побѣждены; побито войска до 3,000 человѣкъ и три знатные чиновника взяты въ плѣнъ. Посланныя въ помощь отъ китайцевъ войска, называемыя барчусолоны, до 400 человѣкъ, возвратились обратно. Но въ другихъ мѣстахъ заграничные объявляютъ, что ихъ китайскій ханъ продолжаетъ войну съ какимъ-то народомъ, уланъ-тымыту-кукуръ-бацай называемымъ, который великимъ числомъ войска завоевалъ въ полуденной сторонѣ красныхъ китайскихъ три города, изъ коихъ, будто бы, доставлялись въ Кяхту разные товары. Для вспоможенія обезсилѣвшему войску отправлено отъ китайцевъ изъ соольскихъ родовъ до сорока тысячъ человѣкъ».

Командующій сибирской дивизіей Штрандманъ въ ноябрѣ 1797 года писалъ государю:

«Въ бытность мою въ крѣпости Устькаменогорской и по обозрѣніи моемъ Бухтарминскаго края и протяженнаго тамъ по рѣкѣ Нарыму кордона, прилежащаго къ китайскимъ карауламъ, киргизъ-кайсацкой орды чуричин-киреевской волости старшина чувашъ, имѣющій достоинство китайскаго порутчика, объяснился, что онъ, имѣя кочевье свое въ предѣлахъ китайскаго владѣнія, неоднократно видалъ тамъ калмыцкаго народа, ушедшаго въ 177[illegible] году съ рѣки Волги, съ начальникомъ ваномъ, имѣющимъ съ наро-

домъ своимъ кочевье въ трехъ мѣстахъ за озеромъ Норъ Зайсаномъ, который при разговорахъ, во время послѣдняго свиданія, разспрашивалъ его, не освѣдомлялся ли онъ когда объ оставшихъ на Волгѣ ихъ единоплеменцахъ. Сей отвѣчалъ ему, что по слухамъ извѣстно ему, что они живутъ благополучно и избыточно. Но напротивъ того, помянутый ванъ сдѣлалъ ему признательность, что они отъ китайцевъ притерпѣваютъ всекрайнее отягощеніе, и хотя онъ пожалованъ отъ правительства китайскаго симъ важнымъ достоинствомъ, но охотно бы желалъ съ своимъ народомъ избавиться того несноснаго ига, и что вся вообще мысль ихъ основана—Китай оставить. Число же ихъ простирается до нѣсколько тысячъ человѣкъ, и изъ трехъ партій въ самой первой, въ которой находится ихъ ванъ, однихъ вооруженныхъ состоитъ до семи сотъ человѣкъ. А хотя таковое свое намѣреніе и прежде сего располагались произвесть въ дѣйствіе, но, бывъ въ томъ заблаговременно китайскимъ правительствомъ узнаны, претерпѣли гоненіе и отдалены отъ мѣстъ, сопредѣльныхъ россійскимъ границамъ, и раздѣлены на три части. О справедливости всего вышеизъяспеннаго увѣряетъ помянутый старшина въ письменномъ своемъ объявленіи присягою и съ таковымъ притомъ утвержденіемъ, что ежели тѣ калмыки, называемые купно и торгоутами, обнадежены будутъ всемилостивѣйшимъ покровительствомъ вашего величества, то ничто ихъ не удержитъ, ибо они разрушить китайскую стражу довольно сильны».

Завязывая сношеніе съ какимъ-либо народомъ, русскіе прежде всего стремились пріобрѣсти его симпатіи путемъ подарковъ и ласковаго обхожденія.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1787 года, по случаю отправленія изъ Балтійскаго моря въ восточное, русской экспедиціи, подъ начальствомъ капитана перваго ранга Муловскаго, Екатерина II предписывала:

«Сверхъ запасенія судовъ нѣкоторыми вещами для подарковъ дикимъ, взять также на опытѣ для заведенія торгу какъ съ ними, равно съ японцами и китайцами, часть хотя небольшую товаровъ такихъ наипаче, къ коимъ обитатели тамошніе, по описаніямъ прежнихъ мореплавателей, почитаются склонными. Потребные гербы или медали, для ознаменованія открытія острововъ нашими мореплавателями, отлить чугунные на Александровскомъ олонецкомъ заводѣ. По примѣру географической сѣверовосточной экспедиціи, снабдить и отряжаемую нынѣ толикимъ же числомъ золотыхъ, серебряныхъ и мѣдныхъ медалей, прибавя сверхъ оныхъ еще чугунныхъ пятьсотъ».

Въ 1790 году у русскихъ нашли пріютъ шесть человѣкъ японцевъ, спасшіеся послѣ крушенія ихъ судна вблизи Алеутскихъ острововъ. Одного изъ этихъ японцевъ путешественникъ профессоръ Лаксманъ привозилъ въ Петербургъ. По распоряженію императрицы Екатерины всѣмъ японцамъ была выдана награда: побывавшій въ Петербургѣ получилъ золотую медаль, золотые часы и сто пятьдесятъ червонцевъ; трое его товарищей получили по серебряной медали и по пятидесяти голландскихъ червонныхъ; наконецъ,

двое остальныхъ, принявшіе христіанство и изъявившіе желаніе остаться въ Россіи, получили по двѣсти рублей.

Отправленіе японцевъ на родину было соединено съ посылкой въ Японію научной экспедиціи подъ начальствомъ сына профессора Лаксмана, Адама, причемъ государыней было повелѣно изготовить листъ японскому правительству «съ привѣтствіемъ и съ описаніемъ всего происшествія, какъ они въ россійскія области привезены были и какимъ пользовались здѣсь призрѣніемъ». Кромѣ того, «для большаго еще обласканія японскаго правительства», разрѣшено было иркутскому губернатору «употребить изъ казны до двухъ тысячъ рублей на покупку разныхъ приличныхъ товаровъ». Эти товары иркутскій губернаторъ долженъ былъ послать въ качествѣ подарка отъ своего имени.

Въ 1795 г. потерпѣло крушеніе вблизи русскихъ границъ другое японское судно.

Охотскій комендантъ, полковникъ Виттенъ, доносилъ иркутскому губернатору, что «прибывшій въ Охотскъ изъ морского вояжа компаніи покойнаго рыльскаго именитаго гражданина Шелехова мореходъ и передовщикъ грекъ Деларовъ объявилъ вывезенныхъ съ Алеутскихъ острововъ, съ такъ называемаго Атхи, пятнадцать человѣкъ японцевъ, которые видно минувшаго лѣта, державъ курсъ свой на суднѣ къ Курильскимъ островамъ, отнесены бурею. Судно ихъ найдено среди острова Атхи, на открытомъ мѣстѣ, стоящее на якоряхъ, но сокрушившееся до основанія, ибо держались только на снастяхъ опутанныя доски; сами же они спаслись выѣздомъ къ берегу на ельботѣ. Изъ какого же мѣста сіи японцы и куда точно слѣдовали, по незнанію никѣмъ тамъ японскаго разговора никакого изслѣдованія не сдѣлано, кромѣ что показанной мореходъ, зная объ отправленной передъ симъ, по высочайшей волѣ, въ Японію экспедиціи, о возвращеніи которой ему было неизвѣстно *), за нужное почелъ, оставя своихъ людей на означенномъ островѣ Атхѣ и немалое число груза, рѣшился транспортировать съ своимъ судномъ къ Охотску, куда и прибылъ 30 числа прошедшаго іюля мѣсяца благополучно».

Охотскій комендантъ, не имѣя человѣка, знающаго японскій языкъ, «не могъ войти въ дальнее обращеніе ихъ развѣдыванія» и потому трехъ японцевъ отправилъ въ Иркутскъ, а относительно «достальныхъ, принявъ ихъ на казенное содержаніе, просилъ резолюціи».

Иркутскій губернаторъ предписалъ охотскому коменданту и «достальныхъ двѣнадцать человѣкъ японцевъ отправить въ Иркутскъ при оказіяхъ, ибо находясь они здѣсь, какъ въ губернскомъ городѣ, лучшее могутъ видѣть россійское обращеніе, образъ жизни и ласковое гостепріимство, нежели все то видѣть бы могли въ Охотскѣ, какъ въ небольшомъ городѣ».

Такого же мирнаго и почти заискивающаго характера были отношенія Россіи къ китайцамъ.

*) Здѣсь разумѣется, очевидно, экспедиція, отправленная съ упомянутыми выше японцами подъ начальствомъ сына профессора Лаксмана.

«На сихъ дняхъ получилъ я,—пишетъ 5 апрѣля 1794 г. иркутскій губернаторъ во всеподданнѣйшемъ рапортѣ,—отъ троицкосавскаго оберъ-коменданта генералъ-майора и кавалера Вестъ-Фалена рапортъ, въ которомъ онъ, между прочимъ, увѣдомляетъ, что на мѣсто пребывающаго въ Кяхтѣ китайскаго заргучея, Юномъ называемаго, опредѣленъ иной заргучей, который и дѣйствителяно 25 числа прошедшаго марта пріѣхалъ въ Маймачины, а того-жъ самаго дни выѣхалъ въ Ургу и прежде бывшій. По введенному обычаю дѣлана была съ нашей стороны посредствомъ майора, въ Кяхтѣ для пограничныхъ дѣлъ опредѣленнаго, новому заргучею политическая вѣжливость посылкою питей и съѣстныхъ припасовъ, кои принялъ онъ съ особливымъ удовольствіемъ. На третій день его пріѣзда также присланы отъ него были къ майору небольшіе подарки, въ трехъ кускахъ низкой шелковой матеріи, четырехъ небольшихъ банкахъ чаю, одной штуки байки и черенковой фанзы состоящія. Послѣ того съ нашей стороны помѣчено, что онъ обходится съ россійскими ласково и ни малѣйшаго вида къ каковымъ-либо непріятнымъ наклонностямъ не видно».

Въ 1802 г. въ кяхтинскомъ форпостѣ, «на 15 февраля ночью, въ форштатѣ за рѣкою, при домѣ отставного казака загорѣлся сарай съ сѣномъ, который въ скорости былъ разломанъ и огонь утушенъ безъ всякаго другимъ строеніямъ поврежденія». При началѣ пожара прислано было отъ китайскаго заргучея, «для помощи, китайцевъ и мунгалъ пятьдесятъ человѣкъ, изъ коихъ многіе были съ ведрами; но такъ какъ пожаръ былъ утушенъ, то оные возвратились въ Маймачины».

Иркутскій губернаторъ, сообщая объ этомъ въ Петербургъ, писалъ:

«Маймачины, китайское мѣстечко, близъ самой Кяхты лежащее, управляется опредѣляемымъ отъ короны чиновникомъ, который называется заргучеемъ и подчиненъ пограничному амбаню, на Ургѣ пребывающему. Онъ имѣетъ главное начальство какъ надъ торговыми людьми, такъ и пограничною, въ томъ мѣстечкѣ, стражею. При немъ служащій секретарь пользуется также нѣкоторымъ отъ китайцевъ уваженіемъ. Впрочемъ, торговые люди, коихъ иногда бываетъ до пятисотъ, раздѣляются на компаніи, по-китайски фузами называемыми, и имѣютъ изъ между себя выбранныхъ начальниковъ изъ лучшихъ купцовъ, которые составляютъ ежедневный совѣтъ, гдѣ съ одобренія заргучея не только установляются цѣны товарамъ, но и берутся мѣры къ разнымъ хитростямъ, какъ-то: въ непотребованіи нужныхъ китайцамъ товаровъ и въ изъявленіи иногда надобности въ такихъ, кои имъ совсѣмъ ненужны, дабы таковыми единогласно разсѣяваемыми слухами приводить россійскихъ купцовъ въ замѣшательство и обращать балансъ торговли въ свою пользу, что имъ нерѣдко и удавалось. Ежели благоугодно государю императору наградить китайцевъ, в тушеніи пожара трудившихся, то прилично будетъ пожаловать: заргучея часы золотые съ цѣпочкою въ триста рублей, секретарю его часы серебряные съ цѣпочкою, въ сто двадцать рублей, начальникамъ главныхъ

фузъ, которыхъ считается до восьми, по серебрянымъ часамъ безъ цѣпочекъ, каждые рублей въ шестьдесятъ,—четыреста восемьдесятъ рублей, пятидесяти человѣкамъ китайцевъ и монголовъ по пяти аршинъ чернаго (черный цвѣтъ китайцами уважается превосходнѣе краснаго и другихъ цвѣтовъ, кромѣ желтаго) бреславльскаго сукна въ два рубля аршинъ,—пятьсотъ рублей, итого на тысяча четыреста рублей».

При этомъ предполагалось передачу подарковъ поручить директору кяхтинской таможни, такъ какъ ему «лучше извѣстно, кому изъ начальниковъ фузъ приличнѣе будетъ доставить сіи подарки». Для того же, чтобы «китайскій дворъ не принялъ милость государя въ какомъ-либо подозрительномъ видѣ, да и самые китайскіе чиновники не потерпѣли бы отъ своего правительства непріятности», рѣшено было извѣстить пограничнаго ургинскаго амбаня.

Представленіе иркутскаго губернатора было удовлетворено. Извѣщая государя о полученіи по сему предмету указа, губернаторъ 5 іюля 1802 года вмѣстѣ съ тѣмъ сообщалъ:

«Основываясь вначалѣ на заведенномъ до сего обрядѣ, въ увѣдомленіи предмѣстниками моими о своемъ прибытіи въ губернскій городъ Иркутскъ находящихся въ Ургѣ китайскихъ пограничныхъ начальниковъ амбаней, изготовя къ нимъ о вступленіи во всемилостивѣйше ввѣренную мнѣ должность и въ правленіе пограничныхъ дѣлъ обыкновенное письмо, и при семъ случаѣ, сообразно высочайшему вашего императорскаго величества соизволенію, другое письмо о всемилостивѣйше пожалованныхъ заргучею и прочимъ подчиненнымъ ихъ подаркахъ,—препроводилъ для отдачи за границу, чрезъ кого слѣдуетъ, въ троицкосавскую пограничную канцелярію, увѣдомя о послѣднемъ директора кяхтинской таможни Вонифатьева. Но поелику, всемилостивѣйшій государь, всѣ сношенія съ китайцами производятся по трактату чрезъ опредѣленныхъ съ нашей стороны особыхъ пограничныхъ чиновниковъ, и лицо директора, для сбора съ товаровъ пошлины, ни въ какомъ случаѣ формальнымъ образомъ китайцамъ не открывается,—въ разсужденіи чего предписалъ ему поступить въ отдачѣ подарковъ осторожнымъ образомъ, дабы не подать повода китайскому правительству мыслить о какихъ-либо съ нашей стороны перемѣнахъ трактатнаго постановленія».

Въ своемъ письмѣ къ «главнымъ ургинскимъ пограничнымъ правителямъ вану и амбанямъ тайцинскаго государства его богдыханова величества», увѣдомляя о высочайшемъ благоволѣніи къ китайцамъ за ихъ «дружественный поступокъ», губернаторъ писалъ:

«Таковое высокомонаршее благоволѣніе всемилостивѣйшаго государя да будетъ вамъ, господа ванъ и амбани, доказательствомъ взаимнаго между толь высокими государствами дружества, когда самъ великій государь доброе предпріятіе вашихъ подчиненныхъ въ толико нужномъ случаѣ не оставилъ безъ вниманія. И для того прошу васъ, господа ванъ и амбани, счесть сіи подарки изъ единственнаго по сосѣдству дружеству благорас-

положенія, такъ какъ и наши подчиненные по случаю бывшаго въ маймачинахъ пожара, за сдѣланную въ утушеніи онаго помощь, получили пристойное награжденіе».

Когда командующему сибирскимъ корпусомъ генералу-поручику Штрандману было сообщено о желаніи калмыковъ, переселившихся въ Китай, возвратиться обратно въ Россію, то онъ, изъ боязни вызвать недовольство китайцевъ, уклонился отъ прямого отвѣта... Онъ писалъ, что имъ дано знать «только то, что отъ вашего императорскаго величества всѣ всеподданнѣйшія просьбы, кои заслуживаютъ уваженія, безъ всемилостивѣйшаго благоснисхожденія не оставляются, и что народъ тотъ торгоутскій долженъ искать покровительства по собственному побужденію чувствъ своихъ».

Признавая, что возвращеніе въ Россію волгскихъ калмыковъ «имѣетъ свои важные виды и что къ уходу калмыковъ — Бухтарминскій край есть удобнѣйшимъ потому, что китайская стража, прилежащая къ оному возлѣ рѣки Нарыма, очень малочисленна, а притомъ съ октября по май мѣсяцъ вовсе оная тамъ и не содержится, и не только въ лѣтнее, но и въ сіе зимнее время путь, лежащій туда, способенъ»,—Штрандманъ далѣе пишетъ:

«На принятіе-жъ ихъ въ россійскіе предѣлы, хотя по поводу бывшаго ихъ намѣренія и удостоенъ я былъ, отъ 27 генваря 1791 г., именнымъ высочайшимъ указомъ, но тогда какъ отъ собственной тѣхъ калмыкъ неосторожности и другихъ обстоятельствъ предпріятіе ихъ китайскому правительству обнаружилось и когда со стороны сего правительства произошли по предмету тому разныя сужденія и отношенія въ правительствующій сенатъ, да и предположены были къ уходу калмыкамъ вышеизображенныя препоны, то отъ 19 августа того-жъ 1791 г. вторительно имѣлъ я счастіе получить высочайшее повелѣніе, чтобъ въ содѣйствіи всего того ко успокоенію китайцевъ предпринять особливую осторожность; а потому съ того самаго времени по части сей и ничего уже предпріемлемо не было. Какъ таковое намѣреніе калмыкъ при полученіи удовлетворенія и при произведеніи онаго въ дѣйствіе можетъ совершенно отклонить дружественное расположеніе китайскаго правительства, то посему не только можно ожидать новаго въ Бухтарминскомъ краю торговаго съ китайцами сношенія, но сіе происшествіе можетъ произвести такое на нихъ вліяніе, что заносчивость ихъ можетъ распространиться и на закрытіе кяхтинскаго торга...»

Въ донесеніяхъ иркутскихъ губернаторовъ о благосостояніи губерніи проглядываетъ явное довольство, когда имъ приходилось сообщать о миролюбивыхъ отношеніяхъ къ русскимъ со стороны китайцевъ. Въ донесеніи отъ 1 мая 1794 г. читаемъ:

«Кяхтинскій торгъ продолжается прежнимъ порядкомъ и ни малѣйшихъ видовъ въ перемѣнѣ онаго не видно. Обращенія заграничныхъ съ подданными вашего величества происходятъ на совершенной ласковости и подтверждается нынѣшнимъ еще одному ихъ пограничному начальнику, отъ

правительства китайскаго, предписаніемъ, чтобъ съ россіянами обходиться во всемъ дружескимъ образомъ. Сіе свѣдѣніе, какъ есть послѣднее, дѣлаетъ довольное удостовѣреніе о дальнѣйшемъ благосостояніи кяхтинскаго торга и о прочихъ предметахъ, до пограничности относящихся».

Отъ 23 августа того же 1794 г. губернаторъ писалъ:

«Командующій сибирскимъ корпусомъ генералъ-поручикъ и кавалеръ Штрандманъ, проѣзжая иртышскую линію для осмотра оканчивающагося бухтарминскаго редута, строящагося для огражденія тамошнихъ мѣстъ по поводу переселенія изъ бухтарминскихъ горъ россійскихъ бѣглецовъ,—будучи онъ нынѣшняго года въ іюнѣ мѣсяцѣ изъ числа поставленныхъ въ 1792 г., вверхъ по рѣкѣ Иртышу, пикетовъ на одномъ, при рѣчкѣ Малой Нарымкѣ, имѣлъ свиданіе съ прибывшими въ то же время изъ-за рѣки Нарыма, въ препровожденіи нѣсколькихъ человѣкъ мунгалъ,—двумя китайскими чиновниками, которые содержатъ тамъ по китайскому кордону около трехсотверстнаго разстоянія главныя начальства. Они, явясь къ нему, объявляли, что побудило ихъ къ свиданію сколько его въ то мѣсто прибытіе, столько для соединенія знакомства и засвидѣтельствованія своего почтенія. При продолженіи же надлежащаго имъ гостепріимства и любопытства о разныхъ свѣдѣніяхъ, одинъ изъ нихъ изъяснялся, что онъ нынѣшній только годъ прибылъ изъ Пекина и что внутри ихъ государства существуетъ тишина и спокойствіе, народъ ихъ преисполненъ удовольствіемъ въ открытіи съ Россіею торга и въ возстановленіи прежняго согласія».

Въ донесеніи 1 мая 1796 г. губернаторъ сообщалъ:

«Благостію Божіею во всѣхъ мѣстахъ, равно и на китайской границѣ тихо и покойно. Особливо пріемлю смѣлость упомянуть о пребывающихъ при границѣ китайцахъ, которые, какъ примѣтно, имѣя отъ правительства своего приказаніе, обращаются съ россійскими при всякихъ случаяхъ не только противу прежняго ласковѣе, но и стараются показывать къ сторонѣ россійской вѣжливость и всегда почти сами снискиваютъ здѣшней дружбы и благосклоннаго съ ними обхожденія. Таковое обращеніе китайцевъ есть уже знакъ добраго пограничнаго спокойствія».

«Добрыя отношенія» русскихъ къ сосѣдямъ оказывались однако недостаточными для сближенія съ японцами и китайцами, а также не могли служить прочнымъ залогомъ мира.—Японія долго не желала съ своей стороны входить въ общеніе съ Россіей, и, какъ извѣстно, первый договоръ, устанавливавшій между ними болѣе или менѣе правильныя сношенія, состоялся лишь 14 января 1855 г. Что же касается до Китая, то и здѣсь русскія отношенія не были достаточно прочны. Перебѣгалъ какой-нибудь ханъ изъ Китая въ Россію, и китайцы прекращали на Кяхтѣ торговыя дѣла. Такъ, напримѣръ, было въ 1760 г. Въ 1785 году китайцы прекратили торговыя сношенія съ русскими по случаю грабежа китайскаго чайнаго каравана бурятами, находившимися въ русскомъ подданствѣ,—и Россіи не разъ приходилось посылать для переговоровъ своихъ полномоченныхъ

къ китайскимъ властямъ съ подарками, съ водкой... и завѣрять, что отъ нихъ, китайцевъ, «зависитъ возобновить прежнее доброе согласіе и сосѣдственную пріязнь, что съ нашей стороны всякое къ торгу стараніе прилагаемо будетъ»... Иркутскому губернатору предписывалось «потщиться оказывать, отвращая всѣ недоразумѣнія и затрудненія и доводя дѣла до той цѣли, чтобъ открытъ былъ прерванный торгъ, равно выгодный и полезный какъ для казны, такъ и для подданныхъ обѣихъ имперій. Если же и случатся какія сомнѣнія или притязанія съ одной или другой стороны, то весьма нужно, чтобъ потщились оныя, по соглашенію съ пограничными китайскими начальниками, разрѣшать и дружественно прекращать, не доводя дѣло до подобнаго нынѣшнему состоянія, казнѣ нашей убыточнаго и многимъ частнымъ людямъ разорительнаго».

Въ 1789 г. для переговоровъ съ чинами китайскаго пограничнаго правленія о возобновленіи кяхтинскаго торга былъ командированъ надворный совѣтникъ Долгополовъ. Въ его отчетѣ о своей поѣздкѣ мы находимъ свѣдѣнія объ «отмѣнной вѣжливости» китайскихъ властей къ русскому чиновнику, о «пріятныхъ и дружелюбныхъ разговорахъ» ихъ, о взаимныхъ «комплементахъ», о кушаньяхъ и напиткахъ, какими угощали китайцы русскихъ, о музыкальномъ инструментѣ, напоминавшемъ гусли, на которомъ игралъ для русскаго гостя китайскій засакъ, аккомпанируя пѣнію одного изъ своихъ ламъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Долгополовъ сообщаетъ, что китайцы остались довольны прибытіемъ къ нимъ посла «не малаго чину»,— это они «пріемлютъ себѣ за честь и уваженіе»; что одному изъ китайскихъ чиновниковъ было приподнесены въ подарокъ одинъ штофъ французской водки и одна лисица сиводушка, другому—красная лисица и два замка; что за время путешествія «для чести своего отечества и для другихъ секретныхъ обстоятельствъ, выпоено вина два ведра и водки французской полтора ведра»...

Несмотря на желаніе русскихъ скорѣе возобновить торговыя сношенія съ китайцами, переговоры длились болѣе двухъ лѣтъ, и новый возобновительный торговый договоръ былъ заключенъ лишь въ 1792 г.

Изъ колонизаторской дѣятельности русскихъ въ концѣ XVIII столѣтія рѣзко выдѣляется дѣятельность извѣстнаго нашего путешественника—купца Шелехова, положившаго основаніе россійско-американской компаніи. Открывая новыя страны и входя въ сношенія съ новыми народами, онъ не ограничивался торговыми и внѣшними отношеніями, но вездѣ насаждалъ свою родную, русскую культуру, беря ее въ лучшихъ проявленіяхъ,— стремился ея вліянію подчинить новыя племена... Насколько были широки задачи дѣятельности Шелехова, можно видѣть изъ донесенія Екатеринѣ II Иркутскаго генералъ-губернатора отъ 28 сентября 1793 г.—Генералъ-губернаторъ писалъ:

«Весьма примѣчательны подвиги отважившагося къ морскимъ путешествіямъ рыльскаго именитаго гражданина Шелехова, который, по перенесеніи въ трехгодичное странствованіе нѣкоторыхъ затрудненій отъ дикихъ

американцевъ, сдружился изъ нихъ съ многочисленными; увѣривъ ихъ щедротами и милосердіемъ императорскаго величества, учинилъ ихъ быть навсегда послушными Россійской державѣ, внушилъ имъ великость пользы сравняться во нравахъ и обычаяхъ съ россіянами,—наконецъ, довелъ и до того, что не только они дѣтей своихъ пріучили ему учиться тамъ россійскому языку и другимъ похвальнымъ знаніямъ, также и навигаціи, а нѣкоторыхъ изъ нихъ видѣть и предѣлы Россійской имперіи, но и обратилъ многихъ къ добровольному принятію христіанскаго закона. Учредилъ тамъ на островахъ Итакѣ и Афогнакѣ и на берегахъ твердой земли нѣкоторыя укрѣпленія, строенія, магазинъ и компанійскую звѣропромышленничью контору, разослалъ отряды россійскихъ, для звѣринаго промысла съ собою взятыхъ, людей по берегу матерой американской земли и полуострова Аляски, для занятія сихъ мѣстъ и новыхъ открытій. Возвращаясь оттолѣ въ 1786 году, предписалъ оставленному имъ вмѣсто себя правителю компаніи стараться дѣлать новые поиски и описанія береговъ и острововъ въ открытомъ океанѣ, узнавать народы, обстоятельства и дальнія мѣстоположенія американскаго материка, по подобію самимъ имъ сдѣланнаго открытія.

«Онъ имѣетъ намѣреніе у мыса св. Иліи завести компанійскую небольшую верфь и постройкою тамъ такого рода судовъ усилить кораблеплаваніе въ предѣлахъ тамошняго моря, одной Россіи токмо принадлежащихъ, дабы чрезъ то прекратить покушенія на ту часть Америки и на острова Алеутскіе и Курильскіе завистливыхъ иностранныхъ державъ.

«Для сего предмета отправилъ уже онъ туда въ прошедшемъ 1791 году способнаго человѣка, чтобъ построить судно. Сверхъ того, получа онъ высочайшее дозволеніе о построеніи тамъ же храмовъ Божіихъ, заботится о исполненіи сего нужнаго и полезнаго дѣла, но безпокоится также во отысканіи и для сего потребныхъ людей и не находитъ иного средства, какъ просить для обоихъ сихъ предметовъ пособія отъ начальства, чтобъ дать ему нѣсколько человѣкъ, знающихъ кузнечное, слесарное, мѣдековальное и мѣделитейное мастерства изъ присылаемыхъ въ здѣшнюю губернію за вины на поселеніе и въ работы. При семъ же случаѣ проситъ онъ, чтобъ дать ему изъ таковыхъ же, присланныхъ за вины, упражнявшихся прежде въ хлѣбопашествѣ десять человѣкъ мужескаго пола съ женами для заведенія тамъ же хлѣбопашества въ приличныхъ мѣстахъ матерой американской земли и на Курильскихъ островахъ, съ обязательствомъ въ платежѣ за всѣхъ тѣхъ людей, сколько оныхъ ему дастся, узаконенныхъ податей въ тѣ правительства, въ какія ему будетъ назначено. Обнадеживая доказать въ разсужденіи сдѣланнаго самимъ имъ опыта въ посѣяніи хлѣбныхъ и овощныхъ сѣмянъ ощутительныя для отечества выгоды, обязывается все то произвести собственнымъ своимъ коштомъ, начиная отъ времени будущей 1794 года весны, такъ какъ отправляться туда будутъ два строящіяся въ Охотскѣ его коштомъ судна».

По мнѣнію генералъ-губернатора, «нѣтъ теперь приличнѣе распростра-

нить въ тамошнихъ мѣстахъ вящшее могущество имперіи, какъ посредствомъ купеческихъ находящихся тамо звѣропромышленныхъ компаній, изъ коихъ наиглавнѣйшая, по видимымъ нынѣ успѣхамъ въ открытіяхъ, помянутаго Шелехова съ товарищемъ его курскимъ именитымъ же гражданиномъ Голиковымъ, находящаяся на островахъ Итакѣ, Афогнакѣ и на матеромъ берегу, начиная отъ полуострова Аляски до 55 градуса сѣверной широты».

Говоря далѣе о дѣятельности Шелехова, генералъ-губернаторъ пишетъ:

«Сіи компаніи не могутъ иначе дѣйствовать тамъ, какъ пріобрѣтеніемъ дружбы тамошнихъ народовъ, вступленіемъ съ ними въ торговлю на привозимыя вещи изъ Россіи, къ коимъ тамъ, какъ и ко всѣмъ показываемымъ имъ отъ россійскихъ людей хорошимъ обычаямъ и упражненіямъ, дикіе имѣютъ склонность и потому тщатся наивсегда съ ними обращаться, пріѣзжая изъ дальнихъ мѣстъ, доставляя россійскимъ промышленнымъ способы и собственно чрезъ себя пособія къ полученію разнаго рода звѣрей, коихъ оттолѣ—такъ, какъ съ Алеутскихъ и Курильскихъ острововъ, вывезено по временамъ на немалотысячныя суммы. Сколь ни ревностно поступаютъ сіи компаніи, а особливо Шелехова и Голикова, въ впредь помянутыхъ дѣйствіяхъ своихъ, распространяя отъ времени до времени далѣе свои открытія,—но опасность морского пути къ каждовременному туда доставленію всего потребнаго для работныхъ людей и для торговли съ дикими подвергаетъ многимъ препятствіямъ, ибо, кромѣ бывшихъ многихъ несчастныхъ кораблекрушеній компанейскихъ судовъ, недавно случилось, что въ 1790 году судно Шелеховой компаніи, отправленное изъ Охотска въ Америку, разбилось у острова Уналашки и потеряло весь свой знатный для тамошняго мѣста нужный грузъ, на мѣсто котораго вторично отправлено не ранѣе, какъ чрезъ годъ, въ разсужденіи не скораго полученія томъ извѣстій, а паче потому, что должно было въ Охотскѣ для сего на рочно построить и судно.

«Всѣ сіи препятствія и потери гораздо-бъ маловажнѣе были, ежели-б компаніи могли строить свои суда тамо, коихъ они умножа, могли бы в большемъ числѣ съ лучшею, нежели нынѣ, удобностью разъѣздами свои занимать всѣ тамошнія мѣста при матерыхъ берегахъ, начиная отъ б реговъ, противолежащихъ Чукоцкой землѣ, и на всѣхъ тамошнихъ остр вахъ, сыскивая оные до 45 градуса широты; такъ что приходящіе ту иностранцы вездѣ бы встрѣчали подданныхъ императорскаго величест а потому не могли бы ничего и увлекать съ собою изъ звѣриныхъ пр мысловъ, развѣ на мѣну или на продажу вмѣсто привозимыхъ иностра ными, потребныхъ для компаніи, вещей и товаровъ; а дикіе американцы островитяне, наивсегда обращаясь съ россійскими людьми, болѣе привык бы нечувствительно къ ихъ нравамъ, обычаямъ, послушанію и всѣмъ димымъ у нихъ упражненіямъ,—а чрезъ все сіе и высочайшее владычест императорскаго величества надъ ними непримѣтнымъ образомъ возраст можетъ и поставитъ иногда межетамошніе народы въ такое состояніе, ч когда со временемъ важнѣйшіе виды имперіи распространить понадобит

будутъ они готовыми безъ потери, можетъ быть, великаго коштa и всякихъ домогательствъ, а компанейскія заведенія служить къ тому будутъ первымъ основаніемъ. Не меньше того умноженіе на тамошнемъ морѣ судовъ можетъ иногда послужить и на посылки въ Кантонъ, Японію и другія мѣста, къ коимъ способствуетъ путь изъ тамошняго моря, для полученія потребныхъ компаніямъ вещей и къ большему распространенію своего состоянія и умноженія торговли, могущей приносить пользу отечеству,—на что Шелеховъ и Голиковъ давно уже имѣютъ свое расположеніе.

«При всемъ тамошній грунтъ, нарочито способствуя на многихъ мѣстахъ, подаетъ надежду не только произвести и размножить тамъ хлѣбопашество, но со временемъ и въ цвѣтущее привести состояніе, за что Шелеховъ, какъ увѣряетъ онъ, давно бы уже и принялся, но опасался ропоту промышленныхъ работныхъ своихъ, коимъ сего важнаго дѣла и поручить, судитъ онъ, не должно, чтобы въ томъ и другомъ упражненіи не было помѣшательства. Когда сіе полезное дѣло будетъ тамъ имѣть свое дѣйствіе, тогда пенька и ленъ можетъ служить для компанейскихъ судовъ, и не будетъ со временемъ нужды завозить туда съ собою канаты и прочія карабельныя снасти. Къ тому же тамошніе работные и американцы, ходящіе въ звѣриныхъ кожахъ, могутъ пользоваться одеждами, кои, изъ пеньки и льна, поселенныхъ жены, а отъ нихъ перенявъ и американцы—обрабатывать будутъ. Сіе заведеніе и прочія хлѣбопашцевъ упражненія, могущія умножиться и въ другихъ разныхъ видахъ, по мѣрѣ успѣховъ перваго, смотря, дикіе и по ласковому съ русскими обхожденію, вспомоществуя имъ, примутся и сами за тѣ же упражненія, ибо нельзя статься, чтобъ они нынѣшнюю свою жизнь предпочли той, какую видятъ у русскихъ, по колику сами же они стараются во всѣхъ обычаяхъ подражать имъ; да и болѣе возбудится въ нихъ охота, когда увидятъ тамо воздвигнутые Божьи храмы и кротостію духа исполненныхъ духовныхъ особъ,—и наставляемы отъ нихъ закону Божію, который они, не видавъ еще совершеннаго богослуженія, охотно пріемлютъ. Завезенный же Шелеховымъ рогатый и прочій скотъ, ежели умножится, послужитъ пищею и одеждою какъ русскимъ, такъ и американцамъ. При семъ экономическомъ заведеніи, можетъ быть, откроются и нѣдра земныя, ибо нѣтъ сомнѣнія, чтобы не было тамъ металловъ, для чего Шелеховъ, яко тщательный въ своемъ дѣлѣ, не оставитъ и въ томъ произвесть своихъ испытаній въ пособіе кораблестроенія, ежели только хлѣбопашество тамо будетъ начато и производимо, яко корень всѣхъ художествъ, рукодѣлій и упражненій. Ежели тамо сѣяніе хлѣбовъ чрезъ нарочно посланныхъ для сего людей, хорошо домами и скотомъ отъ Шелехова снабженныхъ, дойдетъ до желаемыхъ успѣховъ, и умноженіе хлѣбопашества будетъ имѣть избытки хлѣба за всѣми тамо потребностями, то излишество таковое можетъ быть по времени привозимо на продажу въ Камчатку и Охотскъ, пользующіеся нынѣ хлѣбомъ съ великою трудностію и дороговизною, привозимымъ чрезъ подряды. Не меньше сему пользы и приращенія послѣдуетъ и въ россійской

торговлѣ потому, что при заведеніи въ Америкѣ и на Курильскихъ островахъ помянутаго хлѣбопашества умножиться могутъ компаніи, а съ ними умножатся извѣстные промыслы, которые, въ большемъ числѣ противъ нынѣшняго доставляя россійскому купечеству всякаго рода звѣрей, пополнить могутъ и съ Китаемъ торговлю».

Какъ извѣстно, Шелеховъ умеръ 20 іюня 1795 г. Надъ могилой его, находящейся въ Иркутскомъ монастырѣ, въ 1800 г., по высочайшему повелѣнію, поставленъ памятникъ, въ 11,760 рублей. На памятникѣ высѣчено стихотвореніе Державина:

Колумбъ здѣсь Росскій погребенъ!
Проплылъ моря, открылъ страны безвѣстны,
И зря, что все на свѣтѣ тѣнь,
Направилъ парусъ свой на океанъ небесный
Искать сокровищъ горнихъ, не земныхъ,—
Сокровище благихъ!
Его Ты, Боже, душу упокой!...

Къ несчастію русскаго народа, другого еще Шелехова на Руси не было... Въ исторіи сохранилась лишь одна память о возможности успѣшнаго распространенія русскаго господства путемъ мирнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ путемъ работы надъ русской культурой, путемъ ея развитія и нравственнаго подчиненія вліянію ея другихъ народностей.

Д. Успенскій.

На зарѣ нашего литературнаго реализма.

Въ нашей наукѣ до сихъ поръ еще упорно держится грубый предразсудокъ—подгонять всѣ наши литературныя направленія XVIII и XIX вв. подъ готовые западно-европейскіе образцы и формы. Благодаря ему сложилось общее представленіе, будто бы литературная эволюція совершалась у насъ внѣ времени и пространства, такъ сказать, въ пустотѣ, почти безъ всякаго отношенія къ старымъ литературнымъ традиціямъ и безъ непосредственной зависимости отъ жизни: будто бы въ правильномъ порядкѣ переходили къ намъ уже готовыми какъ литературныя теченія, такъ и борьба между ними; въ нашей литературѣ шло то же послѣдовательное ступенеобразное развитіе отъ классицизма къ реализму черезъ сантиментализмъ и романтизмъ, какъ и въ остальныхъ европейскихъ литературахъ. Забывалось при этомъ, что и на Западѣ всѣ эти классицизмы, сантиментализмы и реализмы не представляли изъ себя чего-нибудь однороднаго, единаго и цѣльнаго, вліяли на насъ различными своими сторонами, что они появлялись у насъ съ значительнымъ опозданіемъ и въ довольно случайномъ порядкѣ, что разныя волны этихъ теченій, возникшія въ разные моменты и въ разныхъ мѣстахъ, одновременно сталкивались на нашей почвѣ, сплетаясь и переплетаясь какъ другъ съ другомъ, такъ и съ мѣстными литературными традиціями. Въ итогѣ получилась очень пестрая картина, для выясненія которой пока еще очень мало сдѣлано. Чтобы вникнуть въ нее, понять ея глубокій историческій смыслъ и громадное научное значеніе, нужно отрѣшиться отъ тѣхъ заѣзженныхъ общихъ мѣстъ, которыми полны учебники и ученыя изслѣдованія по исторіи русской литературы, и приняться за тяжелую, кропотливую работу собиранія мелкихъ фактовъ, систематизаціи ихъ и подведенія новыхъ итоговъ. Расшатываніе первыхъ уже началось, созидательная работа еще только im Werden...

Въ ученомъ и учебномъ обиходѣ накопилось много якобы прочно установленныхъ и общепринятыхъ положеній, которыя разсыпаются въ прахъ при первомъ сопоставленіи съ подлинными фактами; много вопросовъ и не изученныхъ совсѣмъ и даже не поставленныхъ. Однимъ словомъ, назрѣла потребность въ коренномъ и всестороннемъ пересмотрѣ дѣла.

Но и до него очевидна несостоятельность многаго, во что мы привыкли незыблемо вѣрить со школьной скамьи.

Нашъ XVIII в.—будто бы эпоха полнаго господства отрѣшенной отъ жизни, космополитической условности псевдо-классицизма, которая только къ началу XIX в. была сдвинута въ сторону благодаря сантиментальнымъ и романтическимъ увлеченіямъ и окончательно исчезла въ лучахъ поэзіи Пушкина, реальной, національной и народной. Между тѣмъ яркіе слѣды литературнаго реализма можно легко подмѣтить во многихъ произведеніяхъ нашей литературы на всемъ протяженіи ея развитія. Они видны и въ «былинахъ сего времени» «Слова о полку Игоревѣ», въ «Житіи Бориса и Глѣба» Іакова Мниха, въ повѣстяхъ о «Саввѣ Грудцынѣ», «Фролѣ Скобѣевѣ» и «Горѣ-злочастіи»; они пробиваются сквозь ветхія формы псевдо-классической сатиры у кн. Кантемира и Сумарокова, оды—у Ломоносова, Державина и Капниста, комедіи — у Фонвизина, Аблесимова, Матинскаго и др. Черты народности рельефно проглядываютъ въ интермедіяхъ и интерлюдіяхъ, рождественской драмѣ Димитрія Ростовскаго, у Волкова, даже Сумарокова, у Державина, Хемницера и Н. Львова.

Правда, эти черты реализма и народности были сначала и разрозненными, и случайными. Чаще онѣ вызываются непосредственными отраженіями жизни, являются результатомъ безсознательныхъ процессовъ, слабости литературной техники, наивности писательскихъ пріемовъ. Въ нихъ слишкомъ мало системы, глубины, идейности; онѣ не могли лечь въ основу литературнаго направленія. Нужны были еще продолжительные уроки Запада и вызванная ими реакція общественнаго сознанія, чтобы эти слабыя, текущія врозь струйки обратились въ могучій потокъ. Европейскій сантиментализмъ и романтизмъ давали новыя формы, ставили вопросы, приводили къ усиленной идейной работѣ — и тогда, когда они вліяли непосредственно, и тогда, когда вызывали противъ себя реакцію. Подъ этими вліяніями и въ этой борьбѣ уплотнялись и крѣпли слабые первоначальные ростки, углубляя свое идейное содержаніе. Въ глубинѣ заимствованій и подражаній зарождалась новая, самобытная жизнь.

Съ другой стороны, вліяніе французскаго классицизма на нашу литературу XVIII в. и сильно преувеличено, и невѣрно понято.

Онъ и не могъ привиться у насъ слишкомъ глубоко *), не находя для себя точки опоры ни въ прошломъ нашей литературы, ни въ характерѣ нашей школы, общественнаго и семейнаго образованія, придворнаго быта; его развитію мѣшали—старыя, сильно укоренившіяся литературныя привычки, одновременный заносъ къ намъ враждебныхъ ему направленій, постепенная, къ концу XVIII в., демократизація у насъ литературы и вообще всего книжнаго дѣла, отсутствіе аристократіи въ европейскомъ смыслѣ этого слова и проч.

---

*) Сильнѣе и глубже была вторая волна классицизма—въ началѣ XIX в. (вліяніе Шенье, спектакли Жоржъ, рисунки Ѳ. Толстого и пр.).

Усваивались обрывки теоріи, разрозненные техническіе пріемы, случайныя и второстепенныя черты цѣлаго направленія, которыя тонули въ массѣ мѣстныхъ привычекъ и сложившихся доморощенныхъ вкусовъ. Одновременно съ усвоеніемъ чужого шелъ параллельный (болѣе глубокій) протестъ противъ неискреннаго подражанія во имя элементарнаго художественнаго вкуса и здраваго смысла или даже не вполнѣ сознательнаго пока еще стремленія къ литературной самобытности, старинѣ и народности.

В. Майковъ (авторъ такого характернаго произведенія, какъ «Елисѣй или раздраженный Вакхъ»), очень просто объяснялъ наши псевдо-классическія «неистовыя воспѣванія», такъ сказать «ложно-величавыя», напыщенныя и громозвучныя «плетенія и извитія словесъ»:

Хотя въ нихъ смысла мало,
Да естество себя въ нихъ хитро изломало.

Тѣмъ-то они и нравились...

Особенно любопытно то, что выхваченная изъ теоріи французскаго классицизма идея литературной «правильности» и поэтическаго «здраваго смысла» легла въ основу полусознательнаго стремленія къ народности и реализму въ поэзіи. Защитники этой идеи, твердо опираясь на литературные авторитеты, энергично боролись съ крайностями сантименталистовъ и романтиковъ, били ихъ въ наиболѣе слабыя мѣста—и расчищали дорогу для національной и реальной литературы, не сознавая, что она будетъ такъ же далека отъ *ихъ* классицизма, какъ и отъ ненавистнаго имъ сантиментализма и романтизма.

Къ этому теченію нужно отнести Крылова, кн. Д. П. Горчакова, А. Е. Измайлова, кн. А. А. Шаховского, Катенина и Грибоѣдова, хотя три послѣдніе и повернули позднѣе очень рѣзко къ романтизму. Не слѣдуетъ забывать, что со взглядами Крылова, кн. Горчакова, Грибоѣдова и въ особенности Катенина очень серьезно считался Пушкинъ. По словамъ біографа великаго поэта, Пушкинъ просто пришелъ въ 1818 году къ Катенину и, подавая ему свою трость, сказалъ: «я пришелъ къ вамъ, какъ Діогенъ къ Антисѳену: побей, но выучи». «Ученаго учить—портить», отвѣчалъ авторъ «Ольги» (передѣлка «Леноры» Бюргера).

Давно пора уже прослѣдить мотивы, характеръ и тонъ нашей полемики противъ сантиментализма и романтизма въ концѣ XVIII и началѣ XIX в.: это—предвѣстія Пушкинской эпохи съ ея могучимъ размахомъ поэтической самобытности и всестороннимъ синтезомъ всѣхъ лучшихъ результатовъ предшествующаго литературнаго развитія. Въ ней ярко сказались—литературная неудовлетворенность, исканіе новыхъ путей, отвращеніе ко всякой фальши и приторности въ поэзіи, неясное стремленіе оздоровить литературные вкусы и доказать поэтическое совершеннолѣтіе.

Охватить ее цѣликомъ въ небольшой статьѣ, конечно, невозможно, но не трудно освѣтить нѣкоторыя ея наиболѣе существенныя стороны.

Воспитавшееся на «громѣ побѣдъ» чувство «любви къ отечеству и на-

родной гордости» оскорблено было у однихъ «жалкою тошнотою по сторонѣ чужой»; другіе видѣли за нею полную умственную несостоятельность цѣлаго класса.

Кн. Горчаковъ («Соч.» М., 1890 г., стр. 144—145), въ первые годы XIX в., горько жаловался на новую разновидность «петиметровъ», объявившуюся на Руси—«невѣроятныхъ» (incroyables):

Имѣютъ ли сіи отечества сыны
Потребны качества для блага сей страны?
Различны знанія, чѣмъ ихъ умы набиты,
Намъ могутъ ли служить для пользы иль защиты?
И съ полнымъ свѣдѣньемъ о всѣхъ земляхъ чужихъ
Хоть сокращенное о нашей есть ли въ нихъ?
Какой къ отечеству ихъ жаръ, къ служенью рвенье,
И къ праху праотцевъ въ душѣ благоговѣнье?
Я тщетно русскаго найти межъ ними льщусь:
Всякъ англичанинъ въ нихъ, иль нѣмецъ, иль французъ;
Презрѣнье къ своему, къ чужому почитанье
Имъ иностранное внушило воспитанье.
Тамъ Вральманъ, тутъ Годдемъ, а здѣсь училъ Аббе,—
И всякъ образовалъ питомца по себѣ.
Дивиться должно ли, что сихъ людей уроки
Къ природнымъ привили и ихъ земель пороки?
Коль собственный развратъ умножили чужимъ,
Когда отечествомъ своимъ не дорожимъ,
Такъ дивно ль, что, имѣвъ забавы тщетны цѣлью,
Тамъ посвящаютъ дни виновному бездѣлью?
Что съ помочей сойдя, мальчишка, въ двадцать лѣтъ,
Уже съ прелестницей открыто жизнь ведетъ?
Что тотъ, кто рожею сѣсть къ ставцу не умѣетъ,
Судить религію, судить правленье смѣетъ,
И, на губахъ не давъ обсохнуть молоку,
Предѣловъ не кладетъ болтливу языку;
По модѣ—врагъ дворянъ, по модѣ—другъ народа,
Свободою плѣненъ, не зная, что свобода,
И въ клубѣ англійскомъ прехрабрый молодецъ.
Но въ полѣ чести, тамъ, гдѣ палъ его отецъ,
Безстрашно защищавъ отечество любезно,
Онъ ни ногой туда—и было-бъ безполезно.
Наукамъ, кои знать дворянства есть удѣлъ,
Учиться онъ въ свой вѣкъ не могъ и не хотѣлъ,
И, къ модными знаніямъ стремя дары натуры,
Онъ мастеръ рисовать однѣ каррикатуры...

При этихъ негодующихъ словахъ такъ и вспоминаются пылкія филиппики Чацкаго...

Характерно, что именно объ этомъ Горчаковѣ Пушкинъ писалъ въ своемъ «Городкѣ» (1814):

О, князь, наперсникъ музъ,
Люблю твои забавы;
Люблю твой колкій стихъ

Въ посланіяхъ твоихъ,
Въ сатирѣ—знанье свѣта
И слога чистоту,
И рѣзвости куплета
Игриву остроту...

«Нечистый духъ пустого, рабскаго, смѣшного подражанья» въ области поэзіи вызывалъ естественное противодѣйствіе, которое выражалось то въ насмѣшкѣ и пародированіи, то въ стремленіи къ поэтической простотѣ и искренности, къ сближенію литературы и жизни.

Даже убѣжденные защитники псевдо-классической теоріи выступаютъ иногда противъ уродливыхъ крайностей своего направленія, слишкомъ уже бросавшихся въ глаза. За ироніей чувствуется ясное пониманіе его смѣшныхъ сторонъ—и смутное ожиданіе литературы реальной и самобытной. *С.-Петербургскій Вѣстникъ* 1781 г. (VII, 98—99, 101, 104—105, 110) даетъ очень любопытное въ этомъ отношеніи «географическое описаніе стихотворства и другихъ въ свойствѣ съ нимъ находящихся паукъ»—любопытное, если бы даже оно оказалось переводнымъ. Вотъ его болѣе интересные отрывки.

«Государство стихотворства велико и довольно населено. Съ одной стороны, граничитъ оно съ государствомъ живописи, а съ другой—съ государствомъ музыки. Оно, какъ и другія земли, имѣетъ гористыя и низкія мѣста. Въ гористыхъ живетъ важный, угрюмый и задумчивый народъ, говорящій отмѣннымъ нарѣчіемъ, которое жители другихъ сего государства мѣстъ мало разумѣютъ... Жители какъ сихъ, такъ и другихъ сего государства мѣстъ мало имѣютъ почтенія къ истинѣ, вымышленныя повѣсти составляютъ все ихъ удовольствіе».

«Пиндарическая ода — на высокомъ мѣстѣ выстроенный городъ, вдали имѣющій прекрасный видъ. Неправильность его, которая въ другихъ порокъ бы дѣлала, служитъ оному къ вящшей совершенности. Жители сего города, пользуясь неограниченною вольностью, живутъ распустно; нарѣчіе ихъ для тѣхъ, кои онаго совершенно не разумѣютъ, кажется нескладнымъ и невычищеннымъ, несмотря на то, что разумѣющіе, коихъ однако весьма немного, находятъ оное гораздо нѣжнѣйшимъ и плавнѣйшимъ тѣхъ нарѣчій, кои имѣютъ больше размѣру и меньше вольности. Въ окрестностяхъ онаго есть множество обезьянъ и попугаевъ; первыя, стараясь подражать гордой жителей городскихъ походкѣ, пышно на цыпочкахъ выступаютъ; другіе, перенявъ нѣсколько высокихъ ихъ словъ, хотя и безъ всякаго разума ихъ произносятъ, при всемъ томъ пріѣзжіе, ошибаясь, часто почитаютъ ихъ за человѣческія».

«Главный въ сей области (Ложныя мысли) городъ Элегія. Жители онаго въ безпрестанной тоскѣ, жалобахъ, стенаніяхъ, вздохахъ и слезахъ, къ которымъ они столь привыкли, что побожиться можно, что сіи составляютъ лучшее ихъ препровожденіе времени».

Тамъ глупости или недоразумѣнія. Великая сего государства область

называется *подражаніе*, весьма безплодное; жители оныя чрезмѣрно бѣдны: они принуждены подбирать остальное колосье на нивахъ своихъ сосѣдей и за сіе не бываютъ благодарны, хотя нѣкоторые отъ сего и имѣютъ довольное пропитаніе».

«Есть еще одна область, называемая *Пастушья пѣснь* или *Буколика*. Жители оныя городами не живутъ и имѣютъ къ симъ совершеннѣйшее отвращеніе. Главнѣйшая ихъ деревня называется *Пастораль*. Сіи бы были благополучнѣйшіе въ свѣтѣ, если бы больше имѣли удачи въ любви, мѣшающей имъ смотрѣть за ихъ овцами, часто волками уносимыми, коихъ, однако, не столь они суровыми почитаютъ, какъ своихъ пастушекъ. Впрочемъ, они столь вѣжливы, что если не говорятъ о своихъ стадахъ и деревенскихъ упражненіяхъ, ихъ можно почесть за придворныхъ кавалеровъ».

Та же насмѣшка, но въ еще болѣе сильной степени слышится у Крылова.

Крыловскій Каибъ (1792 г.) хотѣлъ увидѣть «счастливаго пастуха». Въ дѣйствительности ему пришлось столкнуться съ «запачканнымъ твореніемъ, загорѣлымъ отъ солнца, заметаннымъ грязью», которое «размачивало въ ручейкѣ червивую корку хлѣба, чтобы легче было ее разжевать». «Калифъ было усумнился, человѣкъ ли это, но по босымъ ногамъ и по бородѣ скоро въ томъ увѣрился. Видъ его былъ столь же глупъ, сколько нарядъ его бѣденъ». И Каибъ сказалъ себѣ: «признаюсь, что я много вѣрилъ эклогамъ и идилліямъ... поэты обходятся съ людьми, какъ живописцы съ холстиною. Но такую гадкую холстину... такую негодную холстину разрисовывать такъ пышно — это, право, безбожно! О, теперь-то даю я самъ себѣ слово, что никогда по описанію моихъ стихотворцевъ не стану судить о счастіи моихъ любезныхъ мусульманъ».

До «Чужого толка» Дмитріева похвальныя оды были осмѣяны Крыловымъ въ томъ же «Каибѣ».

«Когда стихотворцы тогдашняго времени хотѣли описать торжество боговъ и райскія веселія, то не иначе къ тому приступали, какъ доставши черезъ какого-нибудь евнуха случай втереться между музыкантовъ, чтобы посмотрѣть придворныя великолѣпія и серальскіе праздники; однако-жъ, несмотря и на это, описанія ихъ божескихъ пировъ часто пахли гнилою соломою, на которой они сочинены».

Съ однимъ изъ подобныхъ стихотворцевъ Каибъ заводитъ очень характерный разговоръ:

«— Мнѣ удивительна способность ваша хвалить тѣхъ, въ комъ, по вашему-жъ признанію, весьма мало находите вы причинъ къ похваламъ.

«— О, это ничего, повѣрьте, что это бездѣлица. Мы даемъ нашему воображенію волю въ похвалахъ съ тѣмъ только условіемъ, чтобы послѣ всякое имя вставить можно было. Ода—какъ шелковый чулокъ, который всякій старается растягивать на свою ногу. Она имѣетъ здѣсь совсѣмъ другое преимущество, нежели сатира. Если я хочу на кого изъ визирей писать сатиру, то долженъ обыкновенно трафить на пороки, которому онъ болѣе подверженъ; но и тутъ принужденъ часто входить въ самыя мелочи,

чтобы онъ себя узналъ. Что до оды, то тамъ совсѣмъ другой порядокъ: можно набрать сколько угодно похвалъ, поднести кому угодно, и нѣтъ визиря, который бы описанія всѣхъ возможныхъ достоинствъ не принялъ сколькомъ съ своей высокой особы.

«— Но если свѣтъ знаетъ, что ваше описаніе ложно, что герои ваши— пустые пузыри, надутые вами?

— Что же до того нужды? Аристотель нѣгдѣ очень премудро говоритъ, что дѣйствія и героевъ должно описывать не такими, каковы они есть, но каковы быть должны,—и мы подражаемъ этому благоразумному правилу въ нашихъ одахъ, иначе бы здѣсь оды превратились въ пасквили. Итакъ, вы видите, сколько нужно читать правила древнихъ!

«— Я всегда думалъ, что стихотворцы приступаютъ къ одамъ, воспаленные добродѣтелями и совершенствами своихъ героевъ!

«— Какъ вы ошиблись! Они воспаляются однимъ воображеніемъ, и выбираютъ перваго, кто попадется, какъ художники выбираютъ кусокъ мрамора: чѣмъ грубѣе и несовершеннѣе отломокъ, тѣмъ болѣе славы и искусства дать ему нѣжный видъ»...

Во второй половинѣ XVIII и началѣ XIX в. появляется рядъ очень злыхъ пародій на классическія поэмы и трагедіи. Во всѣхъ этихъ «Энеидахъ на изнанку», «Елисѣяхъ» звучитъ обыкновенно здоровый смѣхъ, причемъ пародическое своеобразно переплетается съ реалистическими подробностями. Онѣ выпукло и ярко выставляли «на всенародныя очи» фальшь искусственнаго, напряженнаго паѳоса и идолопоклонническаго отношенія ко всему античному. Въ этомъ отношеніи очень характерны «Трумфъ» (1800 г.) Крылова и анонимная «Дидона» (1809 г.),

Вспомнимъ первую сцену Крыловской «шуто-трагедіи» *). Вульгарная простота рѣчи Чернавки, на общемъ фонѣ шаблонныхъ выраженій псевдоклассическихъ наперсницъ, прекрасно оттѣняетъ напряженный паѳосъ Подщипы съ ея «петитомъ» (аппетитомъ) и «нажимаціей» (imagination).

Чернавка.

Престанете ль, княжна, крушиться столько вы
И молодость губить?

Подщипа.

Увы... увы... увы!

Чернавка.

Ахъ, сжальтесь надъ собой! И такъ ужъ вы, какъ спичка.
И съ горя въ негниже, одѣты, какъ чумичка;
Не умываетесь, я чаю, дней вы шесть:
Не чешетесь, ни пить не проситесь, ни ѣсть;
Склонитесь, наконецъ, княжна, меня послушать:
Извольте вы хотя телячью ножку скушать.

Подщипа.

Чернавка милая, пититу нѣтъ совсѣмъ;

*) См. I томъ нашего изданія „Сочиненій Крылова", имѣющаго въ скоромъ времени выйти въ свѣтъ.

И что за прибыль ѣсть, когда безъ вкуса ѣмъ?
Сегодня по утру, и то совсѣмъ безъ смаку,
Насилу съѣсть могла съ сигомъ я кулебяку.
Ахъ, въ горести моей до пищи ль мнѣ теперь?
Терзаетъ грусть меня, какъ агнца лютый звѣрь.

Она влюблена въ Слюняя, а ее заставляютъ выходить замужъ за Трумфа.

Подщипа.

А бѣдный князь Слюняй, съ его жестокой страстью,
Колико пораженъ такой будетъ напастью.
Увы, изъ дѣтскихъ я къ нему привыкла лѣтъ,
И съ нимъ завѣтнаго у насъ другъ другу нѣтъ.
Какъ вспомнить я могу безъ слезъ его всѣ ласки,
Щипки, пинки, толчки и самыя потаски?
Дѣлили всѣ мы съ нимъ забавы межъ собой:
Катанье въ масляну, качели о святой;
Другъ безъ друга,—увы!—въ горѣлки не играли,
И вмѣстѣ огурцы по огородамъ крали...
А нынѣ, ахъ, за весь его любовный жаръ
Готовится ему несносный столь ударъ!

Чернавка.

Не спорю, что его опасно то здоровью:
Какъ рѣзомъ въ животѣ, онъ мучится любовью;
Но если спасть должна ты царство и отца...
Княжна, поступкомъ симъ ты всѣхъ плѣнишь сердца,
И скажетъ всякъ, что ты героевъ всѣхъ не ниже!

Подщипа.

Да, да, ты сказывай... рубашка къ тѣлу ближе.

. . . . . .

Какъ Подщипа—трагическая героиня, Чернавка—классическая наперсница, такъ Слюняй—трагическій любовникъ. Онъ потихоньку подслушиваетъ угрозы Трумфа Подщипѣ и осмѣливается показаться только послѣ его ухода, со словами:

Князна, усей и онъ? Ну, бѣлтъ, какой сейдитой!
Онъ сѣядитъ хоть бы съ кѣмъ, хоть съ куцеіемъ Микитой.
Пьеесная! какъ я бояйся за тебя.
Усь такъ за двейью тамъ е земъ я сяяй себя,
Ну, такъ и думаю, убьетъ ее до смейти.
На сию побьяи ево отсюда цейти!

Подщипа.

Что бъ сдѣлалъ ты, мой князь?

Слюняй.

Ну, такъ бы и завый.
Безъ миенькой князны куда бъ я годенъ бый!

Подщипа.

Ужели бъ симъ мечомъ ты не сразилъ злодѣя?
Скажи, любезный князь, утѣшь меня скорѣя!

Слюняй.

Да, да, подсунься-ка къ его ты паясю:
Вить деевянную я спагу то носу!

Чернавка.

Возможно ль, государь?

Слюняй.

А какъ бы ты хотѣя.
Мнѣ матуска носить зеѣзной не веѣя!

Чернавка.

Но если, князь, на васъ напасть дерзнулъ бы кто...

Подщипа.

Что бъ сдѣлалъ ты тогда?

Слюняй.

А ноги то на сто?
Небось, какъ дамъ стьецка, такъ поминай, какъ зван!

Какъ послѣдній выходъ, Подщипа предлагаетъ ему самоубійство — вдвоемъ:

Такъ, такъ! напрасно все! и я то вижу ясно!
Но есть еще одно прибѣжище для насъ,
И смерть отъ хищника спасетъ насъ сей же часъ.
Скажи мнѣ, князь, въ любви ты мнѣ не лицемѣришь?

Слюняй.

Хоть пьисягнуть готовъ! узли ты мнѣ не вѣись?

Подщипа.

Готовъ ли вмѣстѣ ты со мною умереть?

Слюняй.

Позяюй!

Подщипа.

Вмѣстѣ намъ пріятна будетъ смерть.
Пойдемъ же, бросимся сейчасъ стремглавъ въ окошко,
И сломимъ головы. *(Тащитъ его за руку.)*

Слюняй.

Постой, постой немносько!
Отсей вить высоко: позяюй, бьесюсь я,
Да тойко, знаись сто—изъ низняго зійя.

Подщипа.

Я вижу, смерти родъ такой тебѣ ужасенъ,
Но менѣе ль, скажи, злодѣй для насъ опасенъ?
Вить умереть же намъ, а, можетъ, насъ убьютъ,—
Пойдемъ же, бросимся съ тобою вмѣстѣ въ прудъ,
И Трумфу нашему тѣмъ досадимъ злодѣю!

Слюняй.

Позяюй... тойко я вить пьявать не умѣю!

Подщипа.

Жестокій! робостью ты бѣдъ моихъ не множь!
Ну, хочешь ли... вотъ я украла въ кухнѣ ножъ:
Зарѣжемся!... Мы тѣмъ отъ бѣдъ себя избавимъ,
И наши имена на вѣкъ съ тобой прославимъ.

Слюняй.

Извой!

Подщипа *(подавая ему ножъ)*.

Начни жъ!

Слюняй.

Гьяди!

Подщипа.

Увы! Я вся дрожу!

Слюняй *(отдавая ножъ)*.

Князна, заѣсся ты, я пьездѣ погьязю.

Подщипа.

О, варваръ! такъ то ты въ любви своей мнѣ клялся!
Гдѣ нѣжность вся твоя, гдѣ пламень твой дѣвался!
Прочь, прочь! я болѣе тебя ужъ не люблю,
И вида твоего, слюнявый, не терплю!
Прости... любимымъ быть ввѣкъ счастья ты не вкусишь!
Прямой Слюняй, когда зарѣзаться ты трусишь!

«Трумфъ» Крылова—высокоталантливая, хотя и грубоватая мѣстами «шуто-трагедія».

Ей принадлежитъ видное мѣсто въ исторіи постепеннаго разрушенія ложнаго паѳоса въ нашей литературѣ, такъ сказать, опрощенія нашей поэзіи, сведенія ея съ «классическихъ вершинокъ», гдѣ раньше так звучно гремѣла «труба» и такъ нѣжно звенѣла «лира».

Онъ не стоитъ одиноко въ нашей литературѣ.

Вкратцѣ съ другимъ подобнымъ произведеніемъ этого типа знакомит доносъ (попечителю С.-Петербургскаго учебнаго округа, Н. Н. Новосильцеву) олонецкаго директора училищъ Ушакова (1809 г.) *).

Оно тѣмъ болѣе любопытно, что на немъ, несомнѣнно, сказалось вліяніе «Трумфа» и «перелицованной Энеиды», вѣроятно, Осипова и Котельницкаго.

«Гражданское начальство не прежде позволяетъ представлять въ театр новосочиненную пьесу, какъ по предварительномъ отъ директора разсмотрѣніи оной. Но въ Петрозаводскѣ все дѣлается въ обратномъ видѣ: сочинена и сыграна пьеса безъ всякой заботливости объ ея выгодномъ вліяніи на умы и сердца зрителей; она сыграна, не будучи разсмотрѣна цензурою, даже безъ всякаго отношенія къ директору.

«Удостоенный сего званія и, слѣдовательно, правъ, съ нимъ сопряженныхъ, я отъ г. гражданскаго губернатора требовалъ означенной рукописной пьесы, чтобы поступить съ ней по предписанію; тѣмъ болѣе я и сіе покушался, что пьеса довольно подозрительна, но до сихъ поръ я получаю и отвѣта, не только требуемаго сочиненія.

«Чтобы удостовѣрить ваше превосходительство въ подозрительности н

*) См. *Русскій Архивъ*, 1870 г., стр. 955—958. Объ этой „Дидонѣ на изнанк см. также *Русскую Старину*, 1889 г., май, стр. 459—461. Нѣкоторыя подробно о петрозаводскомъ театрѣ этого времени въ *Сѣверной Пчелѣ*, 1845 г., № 6).

ваго сочиненія, осмѣливаюсь я, слабыми чертами, изобразить сущность его столько, сколько можно предоставить, бывши одинъ разъ зрителемъ театральнаго сего представленія. Итакъ, замѣчу: 1) что источникъ новой пьесы есть испорченный, т.-е. Энеида, вывороченная наизнанку; 2) форма ея оперная; 3) содержаніе ея: Эней троянецъ пріѣзжаетъ въ Карѳагену, влюбляется въ царицу Дидону и на ней женится; 4) характеры дѣйствующихъ лицъ всѣ почти однообразны: всѣмъ лицамъ сообщено постыдное пристрастіе къ пьянству, праздности и безпечности; 5) языкъ у всѣхъ лицъ шутовскій, выраженія самыя площадныя, ухватки дурацкія и низкія. Но, представляя такимъ образомъ пьесу въ цѣлости, мало примѣтно въ ней предосудительнаго; при точнѣйшемъ же раздробленіи частей ея почувствуется все то отвращеніе, даже омерзѣніе, какое чувствовали въ театрѣ всѣ зрители съ тонкимъ и разборчивымъ вкусомъ. Въ первомъ дѣйствіи, гдѣ Эней встрѣчается съ Дидоною, и въ ней раждается страсть къ принцу странствующему, нѣсколько поддерживается, хотя слабо, достоинство царское: любовь никого не щадитъ, и сильные подвластны ей. Во второмъ дѣйствіи министры карѳагенскіе бесѣдуютъ не о дѣлахъ государственныхъ, не о благоденствіи, имъ ввѣренномъ, но другъ передъ другомъ превозносятся своею сонливостью и выражаются самыми подлыми рѣчами, какъ они спокойно почиваютъ при вопляхъ окружающихъ ихъ страждущихъ. *Не есть ли это самая колкая критика на министерства?* Послѣ сего эпизода во всемъ величіи предстаетъ на сцену влюбленная царица и перестаетъ быть царицею по качествамъ своимъ. Послѣдній лучъ ея сана блеснулъ, когда она для блага подданныхъ уговорила Энея идти противъ угрожающаго непріятеля. Въ третьемъ дѣйствіи Дидона, ожидающая возвращенія своего любезнаго, чувствуетъ, какъ обыкновенная женщина, говоритъ, какъ женщина, низкой страстью упоенная. Она сѣтуетъ, мечется, «мнѣ тошно» говоритъ. Нянюшка спрашиваетъ: «не угодно ли соленаго огурчика?» Дидона: «хочется чего-то сладенькаго!» Няня: «ну, такъ клюковки съ медкомъ?» Дидона: «Дура, мужа хочу, мужа!» Черта комическая, но для царицы слишкомъ комическая. Потомъ царица представляется на тронѣ и на тронѣ позволяетъ обувать себя и слушаетъ русскія сказки. Мнѣ кажется, такая черта позволительна только въ сказкахъ, а не въ театрѣ. Государи дѣйствуютъ, какъ государи, въ какомъ бы вѣкѣ они ни жили, въ какой бы землѣ ни царствовали. Великимъ людямъ приличны великія добродѣтели, великія страсти, великіе пороки. Обыкновенныя слабости свойственны слабымъ смертнымъ—подданнымъ *). Наконецъ, возвращается Эней, выхваляетъ Дидону, и Дидона похвалу любовника считаетъ выше всѣхъ панегириковъ карѳагенскихъ академиковъ. Влюбленнымъ позволительно употреблять фигуры увеличенія или уменьшенія, но нянюшка совсѣмъ не кстати возражаетъ царицѣ, говоря: «не зацѣпляй, матушка, ученыхъ: съ ними самъ чортъ не развяжется».

*) Послѣдовательно проведенная точка зрѣнія классицизма.

«Сію рѣчь клонилъ авторъ насчетъ ученыхъ, учителей, ученія и просвѣщенія. Ежели гдѣ, то въ Петрозаводскѣ слѣдствія сего могутъ быть пагубны. Невѣжество и грубость, закоренѣлыя публичнымъ осмѣяніемъ ученія, еще болѣе распространяются. Что сверхъ того, министры выпрашивали у сильной царицы на похмелье пуншу, что она для себя повелѣвала подать романеечки, что она въ заключеніе сошла съ трона и плясала подъ «русскую барыню»—все это такія малости, которыхъ даже исчислить почитаю трудностью. Вотъ, ваше превосходительство, слабое очертаніе оперы, названной «Олонецкою русалкою». Отъ вашей прозорливости зависитъ оцѣнка описаннаго творенія. Вашей мудрости представляется на рѣшеніе, какова отзыва достойны позволяющіе театральныя удовольствія насчетъ чистой нравственности, духа правленія и просвѣщенія».

Къ сожалѣнію, мы не знаемъ, какъ отнеслись «мудрость» и «прозорливость» Новосильцева къ этому доносу олонецкаго Луки Лукича. Сквозь призму тупости и ограниченности педагога-чиновника, усерднаго не по разуму, просвѣчиваетъ удивительно интересное содержаніе олонецкой «оперы», съ очень свѣжимъ юморомъ, талантливыми задатками литературнаго реализма. Куда дѣлась эта рукопись? Кто ея авторъ?

Барону Дризену удалось найти мотивированное рѣшеніе петербургскаго цензурнаго комитета «не одобрять эту пьесу ни къ печатанію, ни къ представленію на театрѣ», дополняющее нѣсколько свѣдѣнія объ ея содержаніи *).

«1) Пьеса сія не содержитъ въ себѣ никакой нравственной цѣли, необходимо нужной для всѣхъ театральныхъ пьесъ, и каковая есть даже въ «Русалкахъ» и другихъ имъ подобныхъ комическихъ операхъ, не говоря уже о томъ эпизодѣ Виргиліевой «Энеиды», который служитъ оригиналомъ этой пародіи. 2) Вся пьеса преисполнена выраженій слишкомъ подлыхъ и для тонкаго слуха оскорбительныхъ, а особливо, если ихъ произноситъ Эней или Дидона, или другія важныя особы, наприм., «вся глотка пересохла» и пр., «а послѣ они насъ такъ взбутетенили, что небо въ овчинку показалось» и пр., «охъ, матушка, охъ, милая, не огурчика мнѣ хочется». 3) Комитетъ находитъ неприличнымъ выводить на сцену лица царственныя въ столь подломъ и неприличномъ видѣ. Даже въ «Русалкахъ» князья и княгини не забываютъ своего достоинства и приличной важности. 4) Непочтительность Энея къ его дядѣ, выраженная самыми грубыми словами, предосудительна и противна нравственности: наприм., Эней говоритъ ему: «Эхъ, дядюшка, нелегкая тебя суетъ!» также «сѣдина въ бороду, бѣсъ въ ребро» и пр. 5) Пьеса сія вообще ни къ чему иному служить не можетъ, какъ только къ поврежденію вкуса, распространенію подлыхъ выраженій въ народѣ и оскорбленію тонкаго чувства благородныхъ зрителей».

---

*) *Истор. Вѣстникъ*, 1900 г., авг., стр. 559—560: „Очерки театральной цензуры“ („Дидона и Эней“ или „Дидона наизнанку“).

Первыя стремленія подчеркнуть смѣшныя стороны традиціоннаго классицизма, ввести реалистическія подробности и народныя выраженія встрѣтили себѣ, такимъ образомъ, властный отпоръ со стороны тогдашней цензуры. Но она не могла, конечно, задержать потока литературныхъ новшествъ, процесса литературнаго обновленія.

Объ руку съ разложеніемъ классицизма идетъ усиленная и убѣжденная критика сантиментализма и романтизма. Полемика противъ ихъ крайностей заставляетъ все ближе и ближе подходить къ идеѣ литературной самобытности и поэтической простоты.

Кн. Горчаковъ ядовито высмѣиваетъ модныя сантиментальныя увлеченія, возникавшія на почвѣ презрѣнія къ своему родному и народному:

Къ словесности на часъ мы нашей обратимся—
Произведеньями ея не восхитимся...
Въ ней модныхъ авторовъ французско-русскій ликъ
Стремится искажать отеческій языкъ.
Одинъ въ ней слѣдуетъ жеманну Дюпати,
Другой съ собакою вступаетъ въ симпати;
Тамъ воздыхающій, плаксивый Мирлифлоръ
Гордится, выпустя сантиментальный вздоръ;
Тотъ безъ просодіи стихами пѣсни пишетъ;
Иной наивностью въ развратной сказкѣ дышитъ;
А сей, вообразивъ, что онъ россійскій Стернъ,
Жемчужну льетъ слезу на шелковистый дернъ,
Привѣтствуетъ луну и входитъ въ восхищенье,
Курсивомъ прописавъ змѣѣ свое прощенье *).

Сатирикъ намѣтилъ, такъ сказать, отрицательную сторону дѣла: взвинченную и искусственную чувствительность Карамзинистовъ, ихъ слащавость и манерность, злоупотребленіе иностранными словами, жеманность—при очень большой чувственности, замѣну поэтической оригинальности просодическимъ оригинальничаніемъ.

То же подчеркиваютъ Грибоѣдовъ и Катенинъ въ сантиментальномъ Беневольскомъ (комедія «Студентъ», 1817 г.).

Онъ тоже словечка въ простотѣ не скажетъ «все съ ужимкой». Его рѣчи—пародія на модный жеманный жаргонъ нашихъ сантименталистовъ.

«Кто не восхищался Эльмирой и Вольнисомъ? Бѣдной молочницей? Они будутъ водители мои въ этомъ блуждалищѣ, которое называютъ большимъ

*) Срв. эпиграмму того времени на Карамзина (*Рус. Старина*, 1898 г., мартъ стр. 586):

И даже Мирлифлоръ, прозопіита дамской,
Мечтающій плѣнять то былью насъ, то сказкой,
Между сороками сидящій гоголькомъ,
Горячую слезу ліющъ надъ василькомъ,
И онъ умретъ... Ахъ, нѣтъ! Какъ сахаръ, онъ растаетъ,
Въ незриму превратится мглу,
И свѣтъ безсовѣстный во вѣки не узнаетъ,
Что Стерномъ нѣкогда онъ слылъ въ своемъ углу!

свѣтомъ»... «Вы меня одобрите, существа кротости! Существа очаровательныя! Все въ жертву вамъ!... Но, Боже мой! Какъ здѣсь долго таятся въ нѣгѣ! Я такъ давно снѣдаемъ ожиданіемъ. Ахъ! еслибъ теперь могъ увидѣть ту, которая давно живетъ здѣсь въ моемъ сердцѣ, знакомую незнакомку, которая часто появлялась мнѣ въ сновидѣніяхъ, свѣтла, какъ Ора, легка, какъ Ириса, величественный станъ, сапфирные глаза, русые, льну подобные, волосы, черты... Сердце! Ты вѣщунъ: это она... Мой идеалъ! Она!...»

Всѣ эти обвиненія съ особенною силою и обстоятельностью формулированы кн. Шаховскимъ въ его комедіи «Новый Стернъ» *), направленной противъ Карамзина и его послѣдователей.

Слуга сантиментальнаго барина, Ипатъ, пародируетъ его рѣчь такъ: «лазурно-розовое небо, предметъ умозрѣнія, цвѣты вѣчности, вліяніе бальзамическое» и на вопросъ: «что вы (съ бариномъ) дѣлаете?» отвѣчаетъ: «мы, сударь?... Смотря по погодѣ: вздыхаемъ, плачемъ, восхищаемся, умиляемся, трогаемся. Ясное солнце согрѣваетъ наши чувства; ужасный морозъ напрягаетъ нашу жизненность, быстрый ручей мелодіею своею питаетъ нашу меланхолію; тихое озеро служитъ зеркаломъ нашей сентиментальности; наконецъ, вѣдро, вѣтеръ, дождь, горы, лѣса, луга, болота, люди, скоты, птицы, мухи, комары—все имѣетъ вліяніе на нашу душу. Словомъ, мы—сантиментальные вояжеры!» (стр. 3—4). Баринъ-«вояжеръ» сейчасъ же воспылалъ любовью, едва только увидѣлъ, какъ «Маланья, трогательная пастушка, гнала добренькихъ коровъ, романическихъ овечекъ, сытенькихъ свинокъ гибкою хворостинкою въ скромный скотный дворъ» (стр. 5).

«Откудова выѣхала къ намъ эта сантиментальная чертовщина?» Она сформировалась въ Англіи, попортилась во Франціи, раздулась въ Германіи, а къ намъ ее вывезли въ такомъ жалкомъ состояніи, что»... «Что и курамъ на смѣхъ. Бѣда тѣмъ, къ кому она отъ насъ попадетъ» (стр. 37).

«Благонамѣренный» Измайлова (1824 г., т. XVI, стр 249) даетъ такіе «признаки романтизма» (приводимъ дальше въ сокращеніи): «часто прогуливаться... вздыхать и останавливаться время отъ времени... бредить во снѣ озерами, туманами, собаками, летучими мышами, кинжалами и выкрикивать: а! а! или чу! чу! или вмѣстѣ выговаривать эти слова: а! чу!... Обливаться слезами, увидя муху въ паутинѣ, и растрогиваться при звукѣ пастушьяго рожка. Не примѣчать дождя, но принимать его за освѣжающаго генія, который является жаждущей землѣ. Не стричь волосъ и пристально смотрѣть на небо, когда идешь по улицѣ, не занимаясь каретами и прохожими; наконецъ, вздыхать, по крайней мѣрѣ, три раза въ минуту».

Во всѣхъ этихъ пародіяхъ и насмѣшкахъ много справедливаго; въ нихъ часто слышится здоровый смѣхъ надъ дѣйствительно карикатурными модными увлеченіями.

---

*) Цитируемъ дальше по второму изданію 1822 г.

Намъ просвѣщенье не пристало,
И намъ досталось отъ него
Жеманство—больше ничего...
(*Пушкинъ.*)

Раньше жеманство ложно-величавое, потомъ слезливое и манерное, чопорное и мечтательное:

Давно ли въ шелковыхъ чулкахъ
И въ пудрѣ щеголя француза,
Съ лорнетомъ, въ лентахъ, кружевахъ,
Разгуливала наша муза?
Но русской барышнѣ пріѣлась старина:
Все то же платье, та же лента—
И нынѣ ходитъ ужъ она
Въ плащѣ нѣмецкаго студента... *).

Такія чисто внѣшнія переодѣванія вызвали (положимъ, въ самый расцвѣтъ Пушкинскаго творчества) у А. М. **) горькій «отвѣтъ на вопросъ, что такое русская литература:

Литература наша—сѣтка
На ловлю иноморскихъ рыбъ;
Чужихъ яицъ она насѣдка;
То ранній плодъ, то поздній грибъ;
Чужой хандры, чужого смѣха
Всеповторяющее эхо.

Въ 1816 году Грибоѣдовъ писалъ: «нынѣ въ какую книжку ни заглянешь, что ни прочитаешь, пѣснь или посланіе, вездѣ мечтанія, а натуры ни на волосъ».

Подобныя же признанія шли и отъ вдумчивыхъ людей другого лагеря. Въ 1823—4 гг. кн. Вяземскій сѣтовалъ: «есть языкъ русскій, но нѣтъ словесности, достойнаго выраженія народа могучаго и могущественнаго»; «мы еще не имѣемъ русскаго покроя въ литературѣ,—можетъ быть, и имѣть не будемъ, потому что его нѣтъ». Но другія имѣли основанія мечтать объ этомъ «покроѣ», стремиться къ нему и достигать...

Его далъ Пушкинъ, отрѣшившійся отъ односторонности карамзинистовъ, усвоившій все живое и сильное у своихъ прежнихъ противниковъ.

Какъ и почему онъ это сдѣлалъ, можно понять изъ его собственныхъ признаній: «искренно признаюсь, что я воспитанъ въ страхѣ почтеннѣйшей публики и что не вижу никакого стыда угождать ей и слѣдовать духу времени... Я въ литературѣ скептикъ (чтобы не сказать хуже), всѣ ея секты для меня равны, представляя каждая свою выгодную и невыгодную

*) *Моск. Вѣст.*, 1827 г., т. III, стр. 8; „Стихотвор." В. И. Туманскаго, Спб., 1881 г., стр. 109.

**) *Московскій Телеграфъ* 1831 г., XVI, авг., № 457. На экземплярѣ Румянцевскаго музея, противъ А. М., старинной рукой (по всей вѣроятности, извѣстнаго библіографа Полторацкаго, изъ библіотеки котораго журналъ попалъ въ музей) написано: „Марлинскій, А. Бестужевъ".

сторону... Обряды и формы должны ли суевѣрно порабощать литературную совѣсть? Односторонность есть пагуба мысли».

«Натура», «словесность—выраженіе народа», «русскій покрой»—это, собственно, полное осужденіе литературной подражательности и вполнѣ опредѣленная программа литературы реальной и національной. Это—естественное выраженіе реакціи слишкомъ долго оскорбляемаго художественнаго вкуса, народнаго сознанія и національнаго самолюбія. Задолго до Чацкаго, издатель *Русскаго Вѣстника*, С. Н. Глинка, положимъ, тотъ самый, котораго Воейковъ помѣстилъ въ свой «Домъ сумасшедшихъ»:

Нумеръ третій, на леванкѣ
Истый Глинка возсѣдитъ;
Передъ нимъ духъ русскій въ стклянкѣ
Не откупоренъ стоитъ.
Книга Кормчая отверзта,
А уста растворены,
Сложены десной два перста,
Очи вверхъ устремлены.
„О, Расинъ? Откуда слава?
Я тебя, дружка, поймалъ.
Изъ россійскаго „Стоглава"
Ты „Гоеолію" укралъ?
Чувствъ возвышенныхъ сіянье,
Выраженій красота,
Въ „Андромахѣ"—подражанье
„Погребенію кота".

Этотъ Глинка противопоставлялъ западнымъ романическимъ вымысламъ «нравы и добродѣтели праотцовъ нашихъ» и приводилъ Китай въ примѣръ неизмѣнняемости нравовъ, незыблемости законовъ и гражданскихъ добродѣтелей: «даже и Вольтеръ прославлялъ за сіе китайскую державу».

Грибоѣдовъ въ своей замѣчательной «Загородной прогулкѣ» еще глубже заглянулъ въ этотъ основной тезисъ нашей общественности и литературы XIX в.: «прислонясь къ дереву, я съ голосистыхъ пѣвцовъ (хороводы крестьянъ въ Парголовѣ) невольно свелъ глаза на самихъ слушателей-наблюдателей, тотъ поврежденный классъ полуевропейцевъ, къ которому и я принадлежу. Имъ казалось дико все, что слышали, что видѣли: ихъ сердцамъ эти звуки невнятны, эти наряды для нихъ странны. Какимъ чернымъ волшебствомъ сдѣлались мы чужіе между своими? Финны и тунгузы скорѣе пріемлются въ наше собратство, становятся выше насъ, дѣлаются намъ образцами; а народъ единокровный, нашъ народъ, разрозненъ съ нами, и навѣки. Если бы какимъ-нибудь случаемъ сюда занесенъ былъ иностранецъ, который бы не зналъ русской исторіи за цѣлое столѣтіе, онъ, конечно бы, заключилъ изъ рѣзкой противоположности нравовъ, что у насъ господа и крестьяне происходятъ отъ двухъ различныхъ племенъ, которыя не успѣли еще перемѣшаться обычаями и нравами».

Тѣ же «тоска по народу» и протестъ противъ «чужевластья модъ» звучатъ въ словахъ Чацкаго:

Ахъ, если рождены мы все перенимать,
Хоть у китайцевъ бы намъ нѣсколько занять
Премудраго у нихъ незнанья иноземцевъ.
Воскреснемъ ли когда отъ чужевластья модъ,
Чтобъ умный, добрый нашъ народъ
Хотя по языку насъ не считалъ за нѣмцевъ?

Въ «милліонѣ терзаній» Чацкихъ наибольшую роль играютъ сознаніе своего культурнаго одиночества, пропасти, отдѣляющей безпочвенныхъ идеалистовъ-одиночекъ, у которыхъ «умъ съ сердцемъ не въ ладу»,—отъ народа и такъ наз. «образованнаго общества». Въ тѣсной связи съ ростомъ этого настроенія, въ литературѣ все сильнѣе начинаетъ звучать призывъ къ дѣйствительности, родной почвѣ и народу, загорается заря лучшаго будущаго.

Въ томъ же самомъ *Вѣстникѣ Европы*, который былъ основанъ Карамзинымъ, печатается противъ него стихотвореніе «Чудеса»:

Видалъ я чудаковъ, которые ѣзжали
За тридевять земель
Смотрѣть, какъ солнышко заморское родится,
Или слушать, какъ шумитъ заморскій вѣтерокъ,
Или любоваться, какъ заморскій ручеекъ
По камнямъ и песку заморскимъ же струится...
Какъ будто на Руси не стало ручейковъ,
Или будто вѣтерокъ шумѣть у насъ не смѣетъ,
И солнце русское согрѣться не умѣетъ?

Въ этомъ движеніи были, конечно, свои наивности и преувеличенія. Нейтрализуя одною крайностью другую, они были, разумѣется, полезны. Историкъ долженъ припомнить, что западная школа, на ряду съ уродливостями и крайними увлеченіями, давала и полезные уроки, что реакція часто сама впадала въ преувеличенія, излишнюю идеализацію своего и слишкомъ низкую оцѣнку чужого, не всегда умѣла отличить въ *иностранномъ—общечеловѣческое*...

Въ то время, какъ національная и народная симпатіи часто гипертрофировались, проще и естественнѣе вырисовывались первыя реалистическія стремленія. Одинъ изъ журналовъ самаго начала XIX в. отмѣчалъ: «нынѣ не дѣлаютъ болѣе описанія городовъ, памятниковъ, славныхъ картинъ и проч., но должно, чтобы путешественникъ никогда не проѣзжалъ мимо какой-нибудь развалины или могилы, не дѣлая меланхолическихъ разсужденій о бренности земныхъ великостей и жизни. Въ каждомъ лѣсу надобно ему чувствовать священный ужасъ, на каждой горѣ приходить въ восторгъ. Каждое утро онъ обязанъ восхищаться восхожденіемъ солнца и всякій вечеръ при заходѣ онаго плакать или, по крайней мѣрѣ, тяжело вздыхать. Онъ не описываетъ ни нравовъ, ни обычаевъ, но строжайшій даетъ отчетъ во всѣхъ своихъ чувствахъ и даже въ малѣйшихъ ощущеніяхъ». Но уже въ 1820 году Карамзинъ въ своей рѣчи говорилъ: «вмѣсто того, чтобы описывать въ десятитысячный разъ восходъ солнца, пѣ-

ніе птичекъ, журчаніе ручейковъ, употребимъ то же дарованіе, то же счастливое воображеніе на предметы болѣе дѣльные». Итакъ, описаніе «нравовъ и обычаевъ», «болѣе дѣльные предметы».

Это—Пушкинъ, Гоголь, Пушкинская плеяда,—то время, про которое русскіе поэты могли сказать устами Пушкина:

И таборъ свой съ классическихъ вершинокъ
Перенесли мы на толкучій рынокъ,—

рынокъ обыденной, не прикрашенной жизни...

Реакція противъ излишней и неумѣлой подражательности, такъ сказать, поэтической чужеядности, стремленіе къ литературной самобытности и сближенію съ дѣйствительностью, замѣтныя у нашихъ писателей XVIII в. (Новиковъ, Львовъ, Крыловъ, Фонвизинъ, отчасти и Державинъ, и пр.), вполнѣ опредѣляются къ началу XIX в., какъ первые признаки литературнаго совершеннолѣтія, не исключавшіе, впрочемъ, и дальнѣйшаго поэтическаго ученичества. Онѣ подготовили періодъ Пушкина, Гоголя и Бѣлинскаго и окончательно закрѣпили въ немъ и черезъ него за нашею литературою ту простоту и правду, идеализмъ и искренность, тотъ гуманитарный реализмъ, однимъ словомъ, которыми сильна и славна наша литература, благодаря которымъ она получила міровое значеніе.

Онѣ же создали любопытный памятникъ литературной полемики начала XIX вѣка: «Заповѣди Карамзинистовъ», оставшійся совершенно незамѣченнымъ.

Безъ всякихъ указаній и разъясненій по очень плохому списку онъ былъ напечатанъ въ *Русской Старинѣ* 1895 г. (май, стр. 52). Благодаря любезному посредничеству В. Я. Брюлова, мы могли познакомиться съ прекрасною старинною копіею, которая дальше положена нами въ основу текста. Другой списокъ найденъ нами среди рукописей Румянцевскаго музея.

Заповѣди Карамзинистовъ.

1. Карамзинъ да будетъ [1]) авторъ твой; да не будетъ, [2]) тебѣ авторовъ, [3]) кромѣ его.

2. Не признавай ни одного писателя ему равнымъ, ниже подобнымъ, елико [4]) въ древности давно [5]), ниже елико въ новѣйшія времена нынѣ [6]), елико въ чужихъ краяхъ и въ Россіи, да не [7]) почитаеши [8]) и уважаеши [9]) ихъ.

3. Не произноси имяни Карамзина [10]) безъ благоговѣнія [11]).

4. Помни сочиненія Карамзина [12]) наизусть, хвали ихъ [13]); шесть дней гуляй [14]) и обходи безъ плана и безъ цѣли всѣ окрестности [15]) московскія, а въ [16]) седмый—къ Симонову монастырю.

5. Чти русскаго путешественника и бѣдную Лизу, да грустно тебѣ будетъ и да слезливъ будешь на земли.

6. Не критикуй.

7. Не сравнивай.

8. Не суди.

9. Не говори правды объ исторіи Россійской [17]).

10. Не прикасайся [18]) до переводовъ его, не трогай [19]) сочиненій его, ни похвальнаго слова его *), ни «Пантеона его **), ни «Марѳы посадницы» его, ни «Наталіи боярской дочери», ни путешествія [20]) его, ни всего, елико [21]) Николая Михайловича [22]) ***).

Эти «заповѣди» несомнѣнно вышли изъ рядовъ литературныхъ противниковъ Карамзина и карамзинистовъ. Онѣ вызваны повышеннымъ культомъ «русскаго путешественника» у его поклонниковъ и ихъ крайне щепетильнымъ и обидчивымъ отношеніемъ ко всякимъ критическимъ замѣчаніямъ о немъ. Извѣстно, въ какое негодованіе приводили такія замѣчанія Дмитріева и кн. Вяземскаго. По выраженію Жуковскаго, «Карамзинъ—святое имя», и всякое неблаговолѣйное отношеніе къ нему казалось самымъ ужаснымъ и возмутительнымъ кощунствомъ.

«Заповѣди» смѣются и надъ преувеличенной оцѣнкой литературнаго значенія Карамзина, и надъ томною мечтательностью и слезливостью, и надъ чувствительными паломничествами къ Лизину пруду, и надъ глубокою вѣрою нашихъ сантименталистовъ въ полную непогрѣшимость ихъ патріарха, и надъ боязнью критики...

Извѣстно, что Карамзинъ не любилъ критики и избѣгалъ полемики; его собственныя критическія статьи были чисто формальными и существа дѣла мало касались, разсматривая разные стилистическіе и литературные вопросы по поводу.

Дамскій Журналъ кн. Шаликова (1830 г., II, стр. 155—6) разсказываетъ: «по выходѣ въ свѣтъ нѣкоторой ѣдкой критики на Карамзина ****) одинъ изъ друзей великаго писателя *****) убѣждалъ и заклиналъ его написать противъ нея возраженіе. Карамзинъ обѣщалъ и назначилъ срокъ. Является взыскательный другъ его и спрашиваетъ: «Готовъ ли отвѣтъ?»—«Готовъ!», сказалъ Карамзинъ, взялъ со стола бумагу, садится подлѣ камина и читаетъ. Другъ хвалитъ, восхищается. «Теперь ты доволенъ ли мною?»—спрашиваетъ Карамзинъ.—«Какъ нельзя болѣе!» отвѣчаетъ первый. Послѣ этого Карамзинъ хладнокровно бросаетъ антикритику въ каминъ. Урокъ писателямъ!»

Нѣсколько иначе передаетъ это тотъ же журналъ въ другомъ мѣстѣ (1831 г., IV, стр. 187): «Нѣкогда на Н. М. Карамзина была написана

*) Екатеринѣ II.

**) „Пантеонъ россійскихъ авторовъ".

***) Варіанты другихъ списковъ: 1) есть, 2) будутъ, 3) иные, 4) *прибавлено*: были, 5) *нѣтъ*: давно, 6) *нѣтъ*: нынѣ, 7) предпочтеши, 8) почитаешь, 9) уважаешь, 10) его, 11) уваженія, 12) его, 13) да хвалиши всегда, 14) *нѣтъ*: гуляй, 15) всѣ окрестности московскія безъ плана и безъ всякой цѣли, 16) *нѣтъ*: въ, 17) о русской исторіи правды, объ исторіи Русской правды, 18) касайся, 19) до (вмѣсто „не трогай"), 20) путешественника, 21) *прибавлено*: славнаго, 22) *прибавлено*: твоего.

****) Качеповскій или Арцыбушевъ?

*****) Дмитріевъ?

критика, возбудившая все его негодованіе, въ первыхъ движеніяхъ котораго преобразователь нашего языка написалъ противъ нея цѣлые два листа, но вдругъ мелькнула мысль: «онъ заставилъ писать меня», и антикритика, безъ сомнѣнія, ужасная, очутилась въ каминѣ. Вотъ истинная независимость *великаго человѣка*».

Идолопоклонство вызвало насмѣшку, очень сильную и основательную, своевременную и полезную.

Но въ то же время она—симптомъ уже завершившагося процесса литературнаго обновленія.

Изъ столкновенія и взаимнаго шлифованія мнѣній медленно рождалась истина. Насмѣшка, которою зачастую пользовались въ этой борьбѣ, дѣйствовала, какъ дождь: она губила поддѣльные цвѣты и освѣжала живые. Литературныя партіи все болѣе кристаллизировались, чтобы вскорѣ окончательно исчезнуть въ общемъ широкомъ потокѣ Пушкинской поэзіи...

Тяжкій млатъ,
Дробя стекло,
Куетъ булатъ...

Вл. Каллашъ.

По берегамъ Кореи *).

(Очеркъ).

II.

Самое удобное и дешевое сообщеніе моремъ съ портами Китая, Кореи, Японіи и съ Владивостокомъ производится пароходами японскаго общества Ниппонъ-Юзенъ-Кайша, совершающаго правильные рейсы по расписанію.

Среди пароходовъ этого общества есть грузовые и нѣсколько пассажирскихъ; на пассажирскихъ пароходахъ приняты во вниманіе всевозможныя удобства и комфортъ для совершающихъ путешествіе.

Съ 1903 г. начали совершать правильные рейсы между портами Китая, Кореи и Японіи пароходы общества китайской восточной дороги, но общее впечатлѣніе, которое выносили отъ нихъ русскіе путешественники, было печальное.

Вотъ какъ описываетъ свой переѣздъ отъ Владивостока до Нагасаки г. Надинъ въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*.

Проживъ на Дальнемъ Востокѣ восемь лѣтъ и повидавъ разные «русскіе виды», я безусловно подтверждаю справедливость всего сказаннаго.

«Пароходъ «Харбинъ» долженъ былъ выйти изъ Владивостока въ 5 часовъ пополудни назначеннаго по расписанію дня, но въ виду какихъ-то причинъ пароходъ этотъ ушелъ лишь въ 10 часовъ слѣдующаго дня.

Пароходъ «Харбинъ» принадлежитъ обществу китайской восточной дороги. Это общество субсидируемое и взяло на себя обязательные рейсы по линіи Владивостокъ-Шанхай, Владивостокъ-Камчатка.

Это общество пріобрѣло для своихъ рейсовъ нѣсколько старыхъ иностранныхъ пароходовъ, перекрасило, позамазало изъяны и возитъ нашу неизыскательную публику.

Выбирать не только не изъ чего, но приходится даже кланяться, приходится получать билеты по протекціи. Не только администрація судна, но даже прислуга держитъ себя высокомѣрно, такъ что пассажиръ, если только онъ не въ мундирѣ, чувствуетъ себя какъ бы виноватымъ въ чемъ-то,

*) *Русская Мысль*, кн. II. 1904 г.

боится запнуться о неудобствахъ. Каюты перваго класса тѣсны, грязны, воздухъ удушливъ. Что же касается до пассажировъ третьяго класса, то о нихъ и говорить нечего.

Во время качки дозваться прислуги невозможно. За обѣдомъ, если вы сѣли далеко отъ того мѣста, съ котораго начинаютъ подавать блюда, вамъ можетъ нехватить кушанья, и вамъ рѣшительно заявляютъ: «Больше нѣтъ!»

Удобство сообщенія на японскихъ пароходахъ заключается также и въ томъ, что въ японскомъ обществѣ введены такъ называемые «обратные билеты».

Взявъ въ агентствѣ въ Тяньцзинѣ билетъ до Нагасаки и обратно, удешевляешь проѣздъ на 20 долларовъ, причемъ билетъ сохраняетъ дѣйствительность въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Если даже льготный срокъ будетъ пропущенъ, то билетъ все-таки остается дѣйствительнымъ, только къ стоимости обратнаго проѣзда доплачивается 10%.

Я совершилъ свое путешествіе на японскомъ пароходѣ «Genkai-maru», опрятномъ и чистенькомъ.

Взявъ билетъ въ Тяньцзинѣ, я долженъ былъ по желѣзной дорогѣ доѣхать до станціи «Тонъ-Ку», откуда уже на катерѣ отправиться на рейдъ, такъ какъ пароходъ не можетъ по мелководью перейти баръ-отмель, образованную наносами при впаденіи рѣки Пейхо въ море.

Тяньцзинь является по пути такимъ городомъ, какой нельзя миновать, каждому входящему въ сѣверный Китай. Тяньцзинъ—это своеобразный проходной дворъ, въ ворота котораго ведутъ желѣзныя дороги съ сѣвера изъ Россіи и Манчжуріи, съ юго-запада черезъ Бао-Тин-Фу, съ юга—моремъ и Императорскимъ каналомъ.

Моремъ, впрочемъ, сходятся въ Тяньцзинѣ дороги отъ всѣхъ странъ.

Заслуживаетъ поэтому этотъ городъ будущаго попутной на немъ остановки и описанія. Тяньцзинъ дѣлится на европейскій и туземный.

Европейскій Тяньцзинъ получилъ свое начало съ 1860 г. и достигъ нынѣ, несмотря на разрушеніе его боксерами въ 1900 году, громаднаго развитія.

Впрочемъ, Тяньцзинъ пережилъ уже нѣсколько тяжелыхъ бѣдствій и всегда послѣ нихъ развивался и расцвѣталъ полнѣе и сильнѣе.

Такъ и боксерскій 1900 г. способствовалъ его процвѣтанію и развитію международной торговли.

Оживленію и развитію Тяньцзина много способствовалъ, кромѣ того, своевременный выходъ европейскихъ войскъ, прекращеніе всякаго рода карательныхъ экспедицій, явившаяся сразу увѣренность въ безопасности жизни и имущества европейцевъ, и твердое, энергичное, справедливо-разумное управленіе печилійскаго вице-короля (намѣстника) Юанъ-Ши-кая, сумѣвшаго найти себѣ энергичныхъ, разумныхъ помощниковъ и съ первыхъ же шаговъ объявившаго безпощадную войну разбойникамъ, собравшимся въ Тяньцзинѣ ко времени выхода европейскихъ войскъ.

Въ энергичныхъ рукахъ Юангъ-Ши-кая даже китайская полиція выказала себя дѣятельной и десятками ежедневно арестовывала разбойниковъ, которые столь же быстро приговаривались судомъ къ смертной казни.

Торговля *сразу* стала возрастать.

По отчету таможни 1902 г. видно, что англійскіе товары брали перевѣсъ надъ остальными и что ввезено было товаровъ подъ англійскимъ флагомъ 730 т. тоннъ, подъ японскимъ—250 т. и подъ нѣмецкимъ 208 тыс. тоннъ. Тѣмъ не менѣе громадная будущность нѣмецкой торговли въ сѣверномъ Китаѣ, Манчжуріи и Монголіи не подлежитъ сомнѣнію.

Въ не очень далекомъ будущемъ торговая марка на мануфактурныхъ товарахъ «Made in Germany» займетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ, если даже не первое, опередивъ и англичанъ, и японцевъ.

Въ Тяньцзинъ ввозятся товары для Сѣвернаго Китая, Манчжуріи и Монголіи. Ввозятся мануфактура, шерстяныя и хлопчато-бумажныя произведенія и металлическія издѣлія, идущія изъ Германіи, Англіи, Америки; фарфоровыя издѣлія, спички, дешевая мануфактура, посуда изъ Японіи, керосинъ изъ Россіи и Америки, лѣсъ, рисъ, шелковыя матеріи, хлопокъ, идутъ съ юга Китая по Императорскому каналу—главному пути для риса. Изъ Монголіи и Манчжуріи черезъ Тяньцзинъ идетъ овечья и верблюжья шерсть, мѣха, кожа.

На глазахъ выросъ за послѣдніе два года новый европейскій Тяньцзинъ, разросшійся по всѣмъ направленіямъ. Европейскія концессіи захватили и другой берегъ рѣки Пейхо.

Скорѣе другихъ и лучше обстроилась англійская концессія, что, впрочемъ, было и нетрудно, такъ какъ старая англійская концессія менѣе другихъ пострадала отъ осады 1900 г., во время которой главное разрушеніе выпало на долю французской концессіи, соприкасающейся съ туземнымъ городомъ.

Въ настоящее время къ старымъ концессіямъ прибавились въ новомъ Тяньцзинѣ концессіи нѣмецкая, русская, австрійская, японская, итальянская.

Японская концессія по числу населенія самая многочисленная, хотя и самая молодая. Какъ быстро выросло въ Тяньцзинѣ японское населеніе, можно видѣть изъ слѣдующихъ цифръ. Еще въ 1899 г. въ Тяньцзинѣ японцевъ было только 77 человѣкъ, а въ 1901 г. ихъ было уже 1,210, а въ настоящее время болѣе трехъ тысячъ. Японская концессія занимаетъ мѣсто между французской концессіей и туземнымъ городомъ.

До 1900 г. европейскій Тяньцзинъ не соприкасался съ туземнымъ, нынѣ же японская концессія соединила два крайнихъ конца этого двойного города. Въ скоромъ времени оба города будутъ соединены также электрическимъ трамваемъ.

Русская концессія, очень многоземельная, расположилась по правому берегу рѣки Пейхо и примкнула къ желѣзно-дорожной станціи и къ же-

лѣзно-дорожному мосту. Земля русской концессіи является поэтому весьма цѣнной и первые участки были скоро распроданы съ торговъ.

Покупатели брали на себя обязательство застроить свои участки не позже трехъ лѣтъ. Продажа русскихъ участковъ въ руки иностранцевъ допускается лишь съ разрѣшенія консульской власти.

Несмотря на обширное поле проявить коммерческія дарованія и предпріимчивость русскіе въ противоположность другимъ европейцамъ не проявили себя ничѣмъ ни въ Тіенцзинѣ, ни въ Пекинѣ, ни въ Шанхаѣ.

Въ то время какъ европейцы вносятъ въ Китай и свои капиталы, и свою личную энергію, и предпріимчивость, и свои знанія, создаютъ новыя отрасли труда и промышленности, расширяютъ и распространяютъ внутрь страны и свое личное вліяніе и вліяніе своей народности,—русскіе въ Китаѣ остаются инертными.

Мы не станемъ говорить о значеніи,—торговомъ, конечно,—англичанъ въ Китаѣ, создавшихъ крупныя торговыя фирмы и воспитавшихъ на своей торговой предпріимчивости многія тысячи китайскаго населенія, говорящаго теперь на англійскомъ языкѣ, зарабатывающаго честно кусокъ хлѣба, но скажемъ о нѣмцахъ, которые вошли въ Китай, какъ дѣятельная сила опять-таки промышленная, торговая, всего шесть-восемь лѣтъ, а ихъ вліяніе на китайцевъ уже громадно. Около нѣмецкихъ фирмъ, магазиновъ и лавокъ воспитываются и зарабатываютъ кусокъ хлѣба опять-таки тысячи китайскаго населенія.

Возьмемъ для примѣра только одинъ Пекинъ, въ которомъ за послѣдніе два года открыто новыхъ три только нѣмецкихъ магазина, причемъ одинъ магазинъ открылъ бывшій морской офицеръ, и этотъ магазинъ, несомнѣнно, будетъ быстро развиваться, такъ какъ личность открывшаго по своему обращенію и образованію отличается отъ другихъ.

Посмотримъ теперь, что внесли русскіе.

Начать съ того, что вновь прибывшихъ торговыхъ людей съ капиталомъ, или людей съ умственнымъ развитіемъ и образованіемъ, или людей съ личной энергіей и предпріимчивостью ни въ Тяньцзинѣ, ни въ Пекинѣ, нѣтъ.

Правда, въ Пекинѣ открылась мелочная лавочка, содержимая русскимъ, но конкурировать съ европейской торговлей ея хозяинъ не можетъ, а потому значенія, какъ проводникъ торговаго русскаго вліянія, она имѣть не будетъ.

Изъ старыхъ коммерсантовъ, насидѣвшихъ свои капиталы отъ переотправки чаевъ ханькоускихъ фирмъ, никто не проявилъ ни широкой иниціативы, которую могли бы вызвать новыя условія, ни предпріимчивости.

Бывшій счастливымъ исключеніемъ среди старыхъ коммерсантовъ А. Д. Старцевъ умеръ и замѣны по себѣ не оставилъ.

Но если никто изъ русскихъ коммерсантовъ не выдвинулъ русскаго имени въ положительномъ смыслѣ, то указываютъ на отрицательное явле-

ніе въ этомъ отношеніи, которое послужило не къ почету его или возвышенію, а къ униженію.

Указываютъ, что оставшіеся послѣ боксерскаго погрома въ Тяньцзинѣ «именитые», но тѣмъ не менѣе невѣжественные представители россійской промышленности и торговли, которымъ чужда самостоятельная иниціатива въ русскомъ промышленномъ представительствѣ и чуждо всякое движеніе въ области мысли, сумѣли захватить громадные участки брошенныхъ китайцами земель въ Тяньцзинѣ, и особенно, въ Тонъ-ку, гдѣ идетъ кипучая приморская дѣятельность, и обратили тогда доставшіеся имъ за ничто земли въ земли огромной цѣнности нынѣ.

Они не построили торговыхъ складовъ, они не основали солидныхъ русскихъ предпріятій, но разбили свою землю на мелкіе участки, построили дешевыя помѣщенія для трудящагося люда и пустили эти помѣщенія въ аренду. Они понастроили подъ чужимъ именемъ всякихъ увеселительныхъ заведеній до заведеній потребленія живого тѣла включительно.

Они сосутъ и высасываютъ для себя громадные барыши и изъ опіумныхъ домовъ для китайцевъ, и изъ притоновъ разврата для европейцевъ.

Оставаясь въ сторонѣ, они позорятъ русское имя въ его основѣ.

Весьма было бы интересно знать, каково европейское населеніе Тяньцзина и каковъ его ежегодный приростъ. Къ сожалѣнію, мы можемъ сказать только относительно одной англійской концессіи, правленіе которой сдѣлало перепись всего своего населенія, по которой оказалось, что въ англійской концессіи англичанъ обоего пола было зарегистровано въ 1903 году 255 (мужчинъ 126, женщинъ 67 и дѣтей 62). Японцевъ находилось на жительствѣ въ концессіи 145, нѣмцевъ—104, русскихъ—24 и лицъ другихъ національностей—76.

Китайскаго населенія въ концессіи было 2,408 (мужчинъ 1,857 и женщинъ 551).

Китайцевъ прислуги у европейцевъ въ концессіи 1,851 (мужчинъ 1,730, женщинъ 121). Общее населеніе всей англійской концессіи выразилось 4,962 человѣка.

Что касается туземнаго Тяньцзина, то двѣсти лѣтъ тому назадъ это былъ небольшой поселокъ, а нынѣ въ немъ населенія вдвое болѣе, нежели въ Пекинѣ.

За свое существованіе на памяти европейцевъ, т.-е. въ теченіе послѣднихъ 50 лѣтъ, туземный Тяньцзинъ перенесъ три бѣдствія: 1858—60 годъ страшный голодъ, въ 1860 г. ужасное наводненіе и въ 1900 г. разореніе отъ боксеровъ.

Голодовка 1858 г. влекла за собою столь же губительную эпидемію. Въ голодный Тяньцзинъ со всѣхъ концовъ провинціи стеклось до ста тысячъ голодныхъ рабочихъ, искавшихъ заработка и не находившихъ его. Общественной благотворительности въ Китаѣ нѣтъ, а правительственная помощь всегда бываетъ недостаточна.

Очевидцы этого ужаснаго года занесли въ описанія бывшаго голода

мучительныя картины. Народъ умиралъ на улицахъ, трупы лежали неубранными, люди и собаки въ голодномъ изступленіи грызли трупы и умирали около нихъ.

Сотнями трупы сваливали въ рѣку Пейхо, которая, сплошь покрытая ими, выносила ихъ въ море.

Вообще китайское населеніе безпомощно во время бѣдствій голода и эпидемій. Санитарное благоустройство въ Китаѣ отсутствуетъ, и во времена эпидемій народъ предоставленъ самому себѣ.

Когда смертность достигаетъ устрашающихъ даже китайское сознаніе размѣровъ, т.-е., когда въ народномъ сознаніи поселится ужасъ передъ демонами-губителями, носящимися въ воздухѣ надъ землей, тогда жрецы устраиваютъ умилостивительныя и устрашающія демоновъ процессіи, сопровождаемыя тысячными народными толпами.

Процессіи сопровождаются трескомъ разрывающихся въ воздухѣ ракетъ, стукомъ и звономъ въ мѣдные гонги, металлическія доски, деревянныя колотушки.

Когда запугиваніе демоновъ остается безъ результата и эпидемія продолжаетъ свое губительное шествіе, тогда совершается процессія вызыванія дракона изъ воды и ношенія его по улицамъ.

У китайцевъ драконъ—лунь—есть эмблема миѳическаго существа, управляющаго міромъ.

Драконъ изображается въ видѣ громаднаго чешуйчатаго змѣя съ старческимъ человѣческимъ лицомъ и рогами, съ раскрытой пастью. На переднихъ и заднихъ лапахъ у него по четыре пальца съ когтями.

Китайцы глубоко вѣруютъ, что съ началомъ весны драконъ выходитъ изъ-подъ воды и поднимается на небо въ видѣ облаковъ, посылающихъ дождь. Осенью онъ спускается на землю, зарывается въ рѣчной илъ и погружается въ спячку на всю зиму. Такъ какъ восшествіе дракона на небо означаетъ пробужденіе всѣхъ творческихъ силъ природы, то оно и сопровождается раскатами грома, блескомъ молніи и проливными дождями, дающими послѣ плодородіе, очищающими воздухъ.

Драконъ—это созидающая сила, всеблагая, поглощающая безъ вреда для себя все злое, исходящее изъ мрака.

Вознесясь на небо, драконъ становится свѣтоноснымъ, животворнымъ, равнымъ солнцу, а спустившись на землю осенью онъ теряетъ свой яркій свѣтъ, становится темнымъ и невидимымъ и уходитъ на дно рѣкъ, оставляя міръ безъ своего покровительства.

Какъ животворная, вѣчно благодѣтельная сила, драконъ является и государственнымъ гербомъ китайскаго государства, а богдыханъ является замѣстителемъ дракона на землѣ и благодѣтельнымъ талисманомъ для всего человѣчества.

Вотъ почему въ Китаѣ изображеніе дракона можно встрѣтить повсюду: и на утвари, и на посудѣ, и на рисункахъ, и на тканяхъ, которыя можетъ носить только императоръ и члены императорской семьи.

Изображенія дракона страшно многочисленны. Разновидностей въ изображеніи дракона, примѣняющихся въ обычной китайской жизни, существуетъ болѣе 80.

Въ южныхъ провинціяхъ Китая ежегодно совершается церемонія встрѣчи весны, которая проходитъ въ торжественныхъ процессіяхъ съ многочисленными флагами и знаменами съ изображеніемъ дракона.

Если есть въ этой мѣстности рѣка или каналъ, то на воду спускаются разукрашенныя лодки съ изображеніемъ дракона по серединѣ.

По окончаніи празднованія эти лодки съ драконами затопляютъ въ воду, оставляя ихъ тамъ на зиму и извлекая къ слѣдующему празднованію.

Во время тяжелыхъ эпидемій, достигающихъ силы мора, ничему не уступающему, каковы въ Китаѣ бываютъ эпидеміи чумы и холеры, страдающій народъ доходитъ до отчаянія и обращается тогда къ послѣднему средству, къ извлеченію дракона изъ воды.

Велика бываетъ тогда вѣра народа, что заступничество дракона, появившагося снова на землѣ, спасетъ народъ отъ бѣдствія, такъ какъ драконъ проглотитъ губящее демоническое начало и дастъ снова народу миръ и благополучіе.

Увы! Надежды народа рѣдко сбываются.

Тяньцзинъ расположенъ на низменной равнинѣ, на которой находится много озеръ и стоячихъ водныхъ пространствъ.

Рѣка Пейхо, составляющая для Тяньцзина его жизненную артерію, является столь же населеннымъ воднымъ городомъ, какимъ является и сухопутный Тяньцзинъ. На Пейхо, сплошь покрытомъ судами, барками, шаландами, джонками, ютится громадное населеніе, которое живетъ на этихъ судахъ иногда цѣлыми поколѣніями.

Санитарное состояніе Пейхо вслѣдствіе этого весьма неприглядное: въ рѣку спускаютъ всѣ отбросы и нечистоты, въ нее стекаетъ и смывается вся грязь съ улицъ, по рѣкѣ постоянно плывутъ въ море трупы людей и животныхъ.

Во время наводненій и лѣтнихъ дождей Пейхо легко выходитъ изъ береговъ, затопляетъ набережную, а въ окрестностяхъ Тяньцзина размываетъ китайскія кладбища и вымываетъ гробы покойниковъ.

Санитарное состояніе китайскаго Тяньцзина, хотя и неизмѣримо улучшенное за время управленія Юанъ-Ши-Кая, все же оставляетъ желать очень многаго.

Окрестности Тяньцзина очень печальны, растительности очень мало, красивыхъ видовъ нѣтъ. Что бросается прежде всего въ глаза, когда подъѣзжаешь къ Тяньцзину изъ Пекина, это громадное количество кладбищъ и отдѣльныхъ могильныхъ кургановъ, а также стоящихъ на поверхности земли гробовъ, которые бываютъ или обмазанные глиной или же нѣтъ. Часто гробы уже погнили, доски провалились, и кости скелетовъ видѣются наружу.

Кладбища, гробы, могилы со всѣхъ сторонъ охватываютъ Тяньцзинъ тѣснымъ наружнымъ кольцомъ и придаютъ ему унылый видъ.

Внутри европейскаго города находятся чистыя, хорошо шоссированныя улицы, красивой архитектуры дома, городской *садикъ для прогулокъ*.

Желѣзнодорожный поѣздъ изъ Тяньцзина идетъ въ Тонъ-ку утромъ. На станціи поддерживается нѣкоторый порядокъ: китайскіе полицейскіе очень назойливыхъ носильщиковъ вещей отгоняютъ. Главный порядокъ однако держится полицейскимъ индусомъ, который въ своей высокой чалмѣ и англійской формѣ важно и молча прохаживается вдоль платформы, наводя страхъ на китайцевъ всей своей длинной тощей фигурой, бронзовымъ цвѣтомъ лица и черными блестящими глазами.

Первое время поѣздъ изъ Тяньцзина идетъ по унылой, голой и безлюдной равнинѣ, заполненной лишь кладбищами, но спустя нѣкоторое время мѣстность начинаетъ принимать веселый, живой видъ, такъ какъ вся покрыта зеленымъ ковромъ хлѣбныхъ злаковъ. Чѣмъ ближе къ Тонъ-ку, тѣмъ болѣе становится мѣстность заселенной, а около Тонъ-ку и Та-ку находятся мастерскія, склады товаровъ, гостиницы, лавки и цѣлыя селенія глинобитныхъ низенькихъ землянокъ бѣдняковъ. Самый упорный трудъ и самая вопіющая бѣдность глядятъ здѣсь изъ угла каждой хатенки.

Въ Тонъ-ку отправляющіеся на пароходъ высаживаются, а поѣздъ идетъ дальше на Шанхай-Гуань, въ Манчжурію.

Близъ станціи находится и пристань, къ которой причаливаютъ лодки, катера и во время прилива могутъ подходить и большіе пароходы.

Пейхо здѣсь широка, кипитъ на ней дѣловая жизнь, но общее впечатлѣніе получается гнетущее и унылое.

Воды Пейхо мутны, желтовато-буры; низменная, болотистая поверхность земли на большое пространство безжизненна, желта.

Нигдѣ ни зелени, ни веселой пѣсни птички, ни человѣческаго говора и смѣха, ни человѣческой пѣсни, ни той жизни, которыя такъ сродны труду русскаго.

Все хмуро, смуро, молчаливо-приниженно, безотрадно окрашено желтымъ цвѣтомъ.

Занявъ мѣсто на катерѣ, всѣ отправлявшіеся на пароходъ черезъ два часа были приняты на бортъ «Genkai-maru».

Японскій пароходъ производилъ пріятное впечатлѣніе. Внизу трапа, у воды, стоялъ матросъ, который помогалъ каждому подняться на первую желѣзную ступеньку, помогалъ принять вещи и передавалъ ихъ слѣдующему, вносившему уже по трапу вверхъ. Здѣсь наверху пассажира встрѣчалъ кассиръ, тотчасъ же размѣщалъ вещи, указывалъ мѣсто каюты, отмѣчая его на выданномъ пассажиру въ агентствѣ билетѣ. Все совершалось тихо, въ порядкѣ, быстро и весело. Ни толкотни, ни безпорядка, ни хожденій взадъ и впередъ, отыскивая служащихъ, отыскивая мѣста, не зная куда дѣть вещи, что такъ обычно у насъ, причемъ нѣсколько разъ

еще приходится обращаться къ разнымъ служащимъ, изъ которыхъ обычно каждый отвѣчаетъ: «это не мое дѣло» и посылаетъ къ другому, а того, чье дѣло, какъ разъ и нѣтъ на мѣстѣ.

Осмотрѣвшись на пароходѣ, спустившись въ свою каюту, которая была хотя и небольшихъ размѣровъ, но чистенькая, я въ ожиданіи обѣда вышелъ на палубу.

На рейдѣ стояло нѣсколько военныхъ судовъ разныхъ націй и китайская эскадра, недавно пришедшая изъ мѣстъ постройки судовъ и ожидавшая смотра.

Китайская эскадра бѣленькая, чистенькая, какъ съ иголочки, блестѣла на солнцѣ. Эскадра пришла частью изъ Германіи, частью изъ Англіи, гдѣ строились суда. Всѣхъ новыхъ крейсеровъ и канонерскихъ лодокъ было восемь. Всѣ суда были окрашены въ бѣлый цвѣтъ и только трубы окрашены въ желтый. Близъ новыхъ судовъ стояли и четыре старыхъ, которыя были взяты у китайцевъ японцами во время японо-китайской войны, а затѣмъ, когда возстановились дружескія отношенія, японцы снова возвратили ихъ китайцамъ въ подарокъ.

Такъ какъ Китай не имѣетъ въ настоящее время у себя на сѣверѣ ни одной гавани, то эскадра по осмотрѣ ея уйдетъ въ южныя воды.

На судахъ, которыя строились въ Германіи, находятся и инструктора нѣмцы. Суда эти вооружены также нѣмецкими пушками Армстронга. На судахъ, которыя строились въ Англіи, инструктора англичане и суда эти вооружены англійскими пушками Гочкиса.

День былъ чудный, свѣжій. На палубѣ парохода, вдали отъ земли, чувствовалось такъ хорошо, покойно; земля съ ея перевалами осталась позади.

«Genkai maru»—чистенькій, пассажирскій пароходъ, довольно быстроходный, такъ какъ дѣлаетъ 14 узловъ въ часъ.

Вся пароходная жизнь налажена по-англійски, вся пароходная администрація японцы, но господствующій официальный языкъ англійскій, на которомъ администрація парохода, хотя и не вся бойко, объясняется съ пассажирами.

Такъ какъ общество на пароходѣ собирается всегда самое международное, и многіе, особенно изъ русскихъ, не знаютъ по-англійски, то опять-таки выдѣлилась симпатичная дѣловая черта японца.

На пароходъ сѣло трое русскихъ, занявшихъ мѣста въ третьемъ классѣ и не умѣвшихъ объяснить капитану назначенія своего пути. Послѣ долгаго и терпѣливаго старанія понять желанія своихъ пассажировъ и отчаявшись въ этомъ, капитанъ парохода самъ лично разыскалъ меня, какъ русскаго, привелъ пассажировъ и любезно просилъ помочь ему разобраться въ какомъ-то возникшемъ недоразумѣніи.

Ну, какъ не пожелать и всѣмъ россійскимъ капитанамъ пароходовъ такое же точно обходительное и терпѣливое обращеніе съ своими пассажирами.

День на пароходѣ начинается рано. Отъ семи часовъ утра можно уже требовать чай или кофе, которые слуга принесетъ въ каюту, если кто не желаетъ такъ рано выходить въ столовую.

Къ чаю и кофе подается консервированное молоко и такъ называемый «тоостъ», т.-е. слегка поджаренный ломтикъ бѣлаго хлѣба съ масломъ. Чай, однако, надо сказать правду, подаютъ отвратительный, напоминающій крѣпкій отваръ паренаго вѣника.

Вообще англичане не умѣютъ подавать чай по-русски, такъ какъ и чай они завариваютъ, какъ кофе, и кипятятъ его въ кофейникѣ на спиртовой лампочкѣ. Когда же англичанамъ приходится пить настоящій русскій чай за русскимъ самоваромъ, то они всѣ находятъ этотъ напитокъ очень вкуснымъ и откровенно говорятъ, что хорошій чай можно пить только у русскихъ.

Въ 8 часовъ утра раздается первый предупредительный гонгъ, а въ $8^1/_2$ второй, призывающій всѣхъ пассажировъ въ общую столовую къ утреннему завтраку (break fast).

Утренній завтракъ состоитъ непремѣнно изъ перваго блюда «porridge»—ячменной кашицы съ молокомъ или масломъ, жареной рыбы съ картофелемъ, бифштекса, цыпленка, ростбифа, яицъ въ смятку или яичницы, рисоваго или саговаго пуддинга и чего-нибудь сладкаго: варенья, желе, фруктовъ. Каждый выбираетъ себѣ по вкусу. Есть любители, которые исполняютъ всю программу. Затѣмъ подается кофе или чай. Количественно кушаній дается вполнѣ достаточно, и человѣкъ средняго аппетита насыщается тремя-четырьмя порціями.

Въ $11^1/_2$ и 12 часовъ снова раздаются два гонга, созывающіе на завтракъ (tiffin), который отъ breakfast'a отличается только тѣмъ, что послѣ ячменной кашицы подается горячій супъ или бульонъ.

Въ три часа подается чай или кофе съ молокомъ и печеньемъ. Въ шесть часовъ снова по двумъ гонгамъ пассажиры созываются въ столовую на обѣдъ.

Обѣдъ состоитъ изъ болѣе многочисленныхъ и болѣе разнообразныхъ мясныхъ блюдъ съ непремѣннымъ присутствіемъ ветчины и «кэрри» (отъ котораго у непривычнаго глаза вылѣзаютъ на лобъ, такъ страшно жжетъ ротъ обиліе перца), соусовъ и сладкихъ.

Вообще я долженъ сказать, что столъ на японскихъ пароходахъ удовлетворителенъ, обиленъ и столь же разнообразенъ, какъ весь англійскій укладъ жизни. Porridge, рыба, ростбифъ, ветчина, кэрри—это ежедневныя основныя блюда англійской кухни.

На «Genkai maru» собралось типичное для Дальняго Востока разноплеменное общество: нѣсколько русскихъ, англичанъ, нѣмцевъ, японцевъ, французовъ, итальянскій офицеръ, морякъ съ «Stromboli», бывшій въ Пекинѣ, миссіонеры американцы, миссіонеры французы, туристы. Разноплеменному составу пассажировъ отвѣчалъ и говоръ, слышавшійся на всѣхъ языкахъ.

Англичане и американцы держались свободно, чувствуя себя вездѣ «дома», но сторонились отъ другихъ; итальянецъ-офицеръ и нѣсколько нѣмцевъ, служащихъ въ китайской таможнѣ, примкнули къ русскому обществу. Французы какъ-то сторонились русскихъ и были ближе къ англичанамъ.

«Genkai maru» шелъ въ Чифу, разстояніе между Чифу и Тонъ-ку около 18 часовъ ходу. Море было покойно и хотя не имѣло тѣхъ чудныхъ по красотѣ оттѣнковъ— синяго, голубого, свѣтло-зеленаго, а было мутно-желтовато, но мы, невольные пекинцы, были въ восторгѣ отъ него.

Тотъ, кто знаетъ Пекинъ, кто живалъ въ немъ, тотъ пойметъ, что значитъ дышать, вмѣсто перегрѣтаго, вонючаго, насыщеннаго пылью лѣтняго воздуха, чистымъ, свѣжимъ, бодрящимъ воздухомъ моря и видѣть передъ своими глазами не первобытную грязь и нечистоты пекинскихъ улицъ, а открытую, безпредѣльно обширную, свободную поверхность моря.

На палубѣ парохода обращали на себя вниманіе три большія клѣтки съ почтовыми голубями и проводниками-японцами.

Оказалось, что эти почтовые голуби были доставлены въ Пекинъ, чтобы показать разныя ихъ породы богдыхану и китайскимъ министрамъ, и дать объясненія объ устройствѣ голубиной почты въ Японіи, равно какъ и вообще объ организаціи почтоваго дѣла.

Часть почтовыхъ голубей оставлена въ Пекинѣ, а лишніе возвращаются обратно.

Китайская организація почты съ европейцами, служащими во главѣ, созданная англичанами, не нравится японцамъ, которые очень хотятъ забрать организацію китайской почты въ свои руки и во главѣ поставить чиновниковъ японцевъ.

Японія, имѣющая нынѣ громадное вліяніе на Китай и взявшая въ опеку всѣ главныя отрасли управленія Китая, каковы образованіе китайскаго юношества, обученіе китайскихъ войскъ, вѣроятно скоро достигнетъ своей цѣли и въ присвоеніи себѣ почтоваго дѣла въ Китаѣ.

На другой день въ 10 ч. утра «Genkai maru» бросилъ якорь на рейдѣ Чифу.

Съ парохода Чифу очень красиво выдѣлялся отъ уходившихъ отъ него гористыхъ береговъ. Городъ расположенъ по берегамъ двухъ округлыхъ глубоко впадающихъ въ море бухтъ, раздѣляющихся по серединѣ одна отъ другой высокою скалой.

Правая бухта дѣловая, ее заполняетъ лѣсъ возвышающихся мачтъ китайскихъ джонокъ, парусниковъ, бриговъ. Здѣсь же бросаютъ якорь и всѣ приходящіе пароходы.

На правомъ берегу сосредоточены также и всѣ склады товаровъ, амбары, пакгаузы. Здѣсь же на берегу помѣщены таможенныя, торговыя и пароходныя агентства.

Лѣвый берегъ бухты, извѣстный подъ общимъ названіемъ «бичъ», прилежащій къ европейской части Чифу, чистъ, свободенъ, служитъ исключительно для прогулокъ и купаній. Здѣсь на берегу поставлено нѣсколько

частныхъ купаленокъ, построена бесѣдка, врыты скамейки. По берегу въ нѣкоторомъ разстояніи построено нѣсколько гостиницъ и зданій. Вообще лѣвая часть берега бухты, бывшая нѣсколько лѣтъ тому назадъ свободной, нынѣ уже совершенно застроена.

Чифу быстро разрастается и не можетъ удовлетворить, особенно лѣтомъ, спросу прибывающихъ въ него, какъ одинъ изъ лучшихъ курортовъ въ Китаѣ, посѣтителей.

Возвышенный мысъ, вдающійся въ море посреди двухъ бухтъ, обрывается круто. Верхняя площадка его расчищена и заселена. На ней построено нѣсколько зданій, въ которыхъ помѣщаются консульства, дома частныхъ владѣльцевъ, англиканская церковь.

Этотъ мысокъ является лучшимъ мѣстомъ въ Чифу, какъ по красотѣ мѣстоположенія, такъ и по чистотѣ воздуха, такъ какъ онъ совершенно не соприкасается съ туземнымъ, китайскимъ Чифу (Ен-Тай по-китайски), отдѣленнымъ отъ него европейскимъ городомъ.

Европейская часть Чифу образовалась изъ китайской городской земли не выдѣленіемъ изъ него правительствомъ европейскаго сетльмента, а покупкой въ собственность или взятіемъ въ аренду участковъ земли у собственниковъ-китайцевъ самими же поселившимися здѣсь европейцами, создавшими торговый портъ.

Образовавшійся европейскій городокъ обзавелся мостовыми, уличнымъ освѣщеніемъ, санитарнымъ благоустройствомъ за свой собственный счетъ.

Европейская часть Чифу состоитъ изъ нѣсколькихъ узенькихъ улицъ, сходящихся къ одной главной, соединяющей обѣ бухты.

Вслѣдствіе быстраго роста города, въ немъ ощущается крайняя тѣснота и дороговизна помѣщенія.

Чифу въ жизни европейцевъ занимаетъ довольно видное мѣсто, какъ образовательный пунктъ. Въ немъ есть два пансіона, одинъ для мальчиковъ, руководимый англійскими миссіонерами, а другой—для дѣвочекъ, находящійся въ вѣдѣніи католическихъ сестеръ. Оба пансіона пользуются извѣстностью и имѣютъ пансіонеровъ не только изъ Чифу, но и Тяньцзина, Пекина, даже изъ Японіи.

Въ Чифу есть также миссіонерскія общины, католическая и протестантская, и нѣсколько церквей.

Русская колонія невелика: консульство, почтовая контора и отдѣленіе русско-китайскаго банка.

Чифу, находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ портами Китая, Кореи, Японіи, съ Портъ-Артуромъ и Владивостокомъ, имѣетъ громадное значеніе и для двухъ послѣднихъ.

Въ Портъ-Артуръ Чифу шлетъ запасы продовольствія и рабочихъ, а во Владивостокъ ежегодно выселяетъ десятки тысячъ рабочихъ, которые расходятся затѣмъ повсюду и какъ прислуга, и какъ торговцы, и какъ рабочіе на постройки желѣзныхъ дорогъ.

Общее населеніе европейцевъ въ Чифу въ настоящее время достигаетъ до тысячи человѣкъ.

Европейская часть города сливается съ туземнымъ, переходя прямо въ улицы китайскаго города, представляющихъ собою сѣть узкихъ пересѣкающихся переулковъ.

Движеніе по китайскимъ улицамъ очень оживленное, причемъ часто встрѣчаются вьючные ослики, и вслѣдствіе узости улицъ, приходится путнику постоянно жаться то къ одной, то къ другой сторонѣ, чтобы не быть задѣтымъ проходящими животными. Люди, ослы, мулы, сталкиваются постоянно, наполняя улицы крикомъ, шумомъ, звуками свободной жизни китайскаго населенія.

Ближайшія къ Чифу китайскія улицы вымощены широкими китайскими плитами. Постройки сливаются одна съ другой, такъ что улица китайскаго города представляетъ собою непрерывную линію домовъ, лавокъ, лавчонокъ, съ густо населеннымъ, шумливымъ, однообразно одѣтымъ и похожимъ другъ на друга, какъ двѣ капли воды, типичнымъ китайскимъ населеніемъ, въ общемъ добродушнымъ и вѣжливымъ.

Пройдя первыя китайскія улицы, сравнительно опрятныя, какъ ближайшія къ европейскому городу, попадаешь въ типичныя, донельзя грязныя и запакощенныя китайскія трущобы, гдѣ ютятся бездомные бѣднякинищіе. Здѣсь съ окраинъ начинается уже подъемъ на предгорья Шандуна.

Въ этихъ трущобныхъ закоулкахъ накопляются никогда не убираемые отбросы и нечистоты, здѣсь кучи сора и трупы собакъ и кошекъ. Среди отбросовъ и домашняго сора копошатся опаршивѣвшія собаки и такіе же несчастные, голые и полуголые, прикрытые рванью или кускомъ рогожи, опаршивѣвшіе китайскіе нищіе. Видъ этихъ несчастныхъ людей поистинѣ ужасенъ. Безпокойные, съ всклокоченными густыми прядями волосъ, или же, наоборотъ, вся голова сплошь покрыта корою паршей, грязные до неузнаваемости, съ воспаленными глазами, они также роются въ этихъ мусорныхъ отбросахъ и оспариваютъ у собакъ добычу, отнимая выброшенную кость или какой-нибудь загнившій кусокъ, который тутъ же пожираютъ.

Какъ въ китайскомъ городѣ, такъ и далѣе въ городахъ нѣтъ колесныхъ дорогъ, и всѣ сообщенія совершаются или верхомъ, или въ палатахъ на мулахъ и носилкахъ. Единственный удобный путь, проложенный для телѣгъ, идетъ по сѣверной части чифусскаго мыса на городъ Чин-Ан-Фу, но передъ спускомъ въ Чифу и эта дорога становится скалистой и трудной.

Китайскій городъ за послѣдніе годы также сильно разросся, хотя населеніе его постоянно мѣняется, уходя на заработки и возвращаясь съ нихъ. Такъ какъ на заработки уходитъ всегда больше, нежели возвращается, то убыль всегда съ избыткомъ пополняется пришлымъ населеніемъ изъ глубины Шандунской провинціи.

Кто бы видѣть, какъ велико рабочее отхожее движеніе изъ Чифу, при-

веду справку изъ отчета китайской таможни, по которой видно, что изъ населенія города въ 57,776 человѣкъ уходило на заработки 38,730 чел.

Физіономія города выступитъ еще рельефнѣе, если я изъ того же отчета приведу нѣкоторыя группы, составляющія городъ.

Въ китайскомъ Чифу считается 1,660 различныхъ торговыхъ заведеній съ населеніемъ въ 9,620 человѣкъ; мелкихъ торговцевъ, разносчиковъ и носильщиковъ—5,500, лодочниковъ—2,400, рабочихъ и кули—10,650 и др. Китайскихъ гостиницъ 50, куриленъ опіума—132, публичныхъ домовъ—345, частныхъ домовъ—435 и т. д.

Какъ торговый портъ, Чифу имѣетъ большое значеніе. Онъ отправляетъ отъ себя бобовые жмыхи, идущіе въ кормъ скоту, соломенное плетенье, шелкъ сырецъ и шелковыя ткани.

Получаетъ черезъ Шанхай и Гонъ-Конгъ идущія изъ Америки и Англіи бумажныя и шерстяныя ткани, желѣзо въ брусьяхъ и издѣліяхъ. Изъ Японіи идутъ сюда мануфактурныя издѣлія и циновки, съ юга Китая ввозится много опіума.

Китайскій опіумъ идетъ изъ Юн-наньской провинціи черезъ Лай-Чоу-Фу и изъ провинціи Сы-Гуанъ. Кромѣ китайскаго опіума ввозится также опіумъ изъ Индіи изъ округовъ Malwa, Patna и Banares'a.

Изъ Ню-Чуанга ввозятся лѣкарственныя растенія, разводимыя и собираемыя въ Манчжуріи, и особенно высоко цѣнимый во всемъ Китаѣ корень жень-шэнь.

Изъ Владивостока ввозится въ большомъ количествѣ также очень любимая и распространенная по всему Китаю, Японіи и Кореѣ морская капуста, составляющая любимое кушанье китайцевъ. Морская капуста вылавливается въ бухтахъ Владивостока.

Что касается шелковаго производства, то для осѣдлаго китайскаго населенія оно составляетъ единственное средство существованія, являясь самымъ распространеннымъ кустарнымъ промысломъ.

Шелковое производство въ Чифу распадается на два вида: шелкъ сырецъ, добываемый изъ коконовъ дикихъ шелковичныхъ червей вида Bombyx Pernyi и, такъ называемый, желтый шелкъ, добываемый изъ коконовъ настоящихъ шелковичныхъ червей вида Bombyx mori.

Ткани, приготовляемыя изъ шелка первыхъ коконовъ, имѣютъ сѣрый цвѣтъ, непріятный запахъ и получаются худшаго качества, а ткани отъ второго вида коконовъ получаются желтаго цвѣта, глянцовиты, безъ запаха и считаются лучшаго качества.

Кромѣ шелковыхъ тканей—чесучи, пользуются большой извѣстностью чифусскія шелковыя кружева.

Шелковое производство развивается, однако, очень медленно. Главнымъ препятствіемъ этому служатъ слишкомъ первобытные способы пряжи, полное отсутствіе какихъ-либо приспособленій и машинъ, полное отсутствіе хорошихъ образцовъ, неподвижность и бѣдность населенія, а также малая доступность и большія неудобства въ путяхъ сообщенія.

Спросъ на шелкъ большой, но производительность не развивается сообразно спросу, а всецѣло находится въ зависимости отъ мѣстныхъ кулаковъ и скупщиковъ, безсовѣстно эксплуатирующихъ трудъ производителей кустарей.

«Genkai maru» по расписанію долженъ былъ простоять въ Чифу ровно сутки. За это время я успѣлъ позавтракать въ «Beach Hotel», очень старомъ, грязномъ, исходить весь европейскій и китайскій городъ, побывать въ международномъ клубѣ, познакомиться съ нѣкоторыми изъ русскихъ и услыхать отъ нихъ нѣсколько типичныхъ разсказовъ изъ только что совершившихся событій, взятыхъ цѣликомъ изъ русской жизни и въ Россіи никого не поражающихъ, до того мы, русскіе, пріобыкли къ разнымъ видамъ, которыми насъ уже нисколько не удивишь.

Не то здѣсь, на Дальнемъ Востокѣ, гдѣ русская жизнь сталкивается съ европейской, выказываетъ себя подчасъ до того несообразной, дикой, что заставляетъ европейцевъ смотрѣть на русскихъ, какъ на какую-то особую породу людей, еще не вышедшую изъ періода дикарей.

Выйдя за городъ, я посѣтилъ христіанское кладбище, расположенное на холмахъ и обнесенное высокой каменной стѣной. Кладбище внутри обнесено персиковыми, абрикосовыми, миндальными деревьями, туями, соснами. Повсюду клумбы съ цвѣтами, повсюду порядокъ, чистота.

Видно на всемъ не только уваженіе къ мѣсту скорби, не только любви къ близкимъ, почившимъ здѣсь, но и присутствіе той высокой культуры, которая отличаетъ европейца повсюду въ жизни.

Съ кладбища открывался чудный видъ и на далекое море, и на двѣ громадныхъ скалы, выходящихъ изъ воды у самаго входа въ бухту, казавшихся красными отъ падавшихъ на нихъ лучей склонявшагося къ закату солнца, и на бухту, полную оживленія и движенія.

Какая рѣзкая противоположность міра кипучей жизни и міра вѣчной тишины!

Нигдѣ человѣкъ не отвергается такъ самого себя, нигдѣ душа его не находитъ полнаго забвенія всего внѣшняго, какъ во время пребыванія среди могильныхъ холмовъ, осѣненныхъ крестами.

Здѣсь все говоритъ уму и сердцу о навсегда уснувшихъ страстяхъ, о навсегда замолкнувшихъ радостяхъ и печаляхъ.

Долго пробылъ я на кладбищѣ. Тишина навѣвала свои тихія грёзы, а солнце тѣмъ временемъ уже наполовину погрузилось въ море и заставило меня отъ навѣянныхъ грёзъ обратиться къ дѣйствительной жизни и спуститься въ Чифу.

Совсѣмъ уже стемнѣло, когда я вернулся въ Beach Hôtel. Въ общей столовой я встрѣтилъ нѣсколькихъ русскихъ, которые пригласили меня провести вечеръ въ международномъ клубѣ, въ которомъ есть билліардъ, очень порядочная библіотека, въ которую выписываются даже двѣ русскихъ газеты.

Въ международныхъ клубахъ на Дальнемъ Востокѣ, въ которыхъ всег-

да бываютъ членами русскіе, вопросъ о выписываніи русскихъ книгъ и газетъ остается по большей части открытымъ, такъ какъ русскіе члены обыкновенно проявляютъ большое безразличіе къ проведенію русскихъ интересовъ. Даже въ Пекинѣ, въ числѣ членовъ клуба котораго находится болѣе 20 человѣкъ, и то выписывается только одна русская газета, а въ библіотекѣ нѣтъ ни одной русской книги.

Пребываніе въ клубѣ въ Чифу испортило мнѣ все мое настроеніе. Когда я сидѣлъ на балконѣ и любовался вечернимъ ярко-звѣзднымъ небомъ, прислушиваясь къ шуму морского прибоя, пришелъ ко мнѣ П. и сообщилъ, что онъ только что вернулся съ парохода, на которомъ долженъ былъ ѣхать разбирать происшествіе, случившееся между русскими пассажирами.

Оказалось, что на пароходѣ, пришедшемъ изъ Нью-Чжуана погрызлись два пассажира. Группа въ нѣсколько человѣкъ направлялась въ Портъ-Артуръ открывать заведеніе. Коротая время, товарищи все время пили, пили, ссорились, перепились,, передрались и двое въ дракѣ дошли до такой степени озвѣрѣнія, что стали грызть другъ друга и дѣйствительно одинъ другому отгрызъ палецъ, пока, наконецъ, не пришли на бѣшеный вой трезвые люди и не розняли буяновъ, связавъ наиболѣе озвѣрѣлаго.

Утромъ этого же дня, пока я бродилъ по городу, въ отдаленной приморской гостиницѣ, «Feminine Hôtel», считающейся въ Чифу очень приличной и порядочной, содержимой англичанкой, разыгралась другая сцена изъ русской жизненной траги-комедіи.

Въ отель прибыла изъ Японіи русская молодая и миловидная дама, 22 лѣтъ, съ ребенкомъ. Дама тихо прожила болѣе мѣсяца. Утромъ описываемаго дня въ отель явились полицейскіе изъ Портъ-Артура и предъявили жилицѣ отеля требованіе слѣдовать въ Портъ-Артуръ, такъ какъ она подлежитъ аресту по обвиненію въ отравленіи мужа.

Хозяйка отеля, англичанка, заявила протестъ и попросила полицейскихъ удалиться и безъ англійскаго консула не являться. Тутъ-то и разыгралась чрезвычайно тягостная сцена. Полицейскіе предъявили тогда русскому консулу требованіе судебнаго слѣдователя изъ Кіева, въ которомъ сообщалось, что N. отравила своего мужа и бѣжала подъ чужой фамиліей и съ чужими документами, по уговору обмѣненными на ея собственные, изъ Кіева во Владивостокъ.

Въ Кіевѣ это преступленіе было открыто, и ея сообщница разсказала всю правду. Но во Владивостокѣ арестовать N. не удалось, такъ какъ она успѣла бѣжать въ Японію въ Нагасаки, затѣмъ поселилась въ Портъ-Артурѣ и пріѣхала въ Чифу.

Англійскій консулъ, принявъ жалобу содержательницы отеля, снесся съ русскимъ консуломъ, который удостовѣрилъ правильность требованія полиціи.

Между тѣмъ обвиняемая въ отравленіи мужа отрицала всякую виновность съ своей стороны, отрицала всякое тожество своей личности съ

личностью разыскиваемой преступницы, объясняя все это несчастнымъ недоразумѣніемъ.

Тѣмъ не менѣе англійскій консулъ по требованію русскаго консула арестовалъ ее и передалъ русской полиціи.

По разсказамъ тутъ произошла такая возмутительно-тягостная сцена, когда молодую женщину, упиравшуюся и не хотѣвшую оставить своей комнаты въ отелѣ, насильно полицейскіе вытаскивали съ ребенкомъ, что слѣдуетъ перенестись въ дореформенный захолустный русскій городъ, въ которомъ царствовали грубая сила и грубый произволъ.

Эти два событія изъ русской жизни ворвались въ мою жизнь страшнымъ диссонансомъ.

Съ тяжелымъ чувствомъ возвращался я на пароходъ и долго ворочался въ койкѣ своей каюты, стараясь отогнать и призраки озвѣрѣлыхъ людей, грызущихъ пальцы другъ у друга, и призракъ молодой женщины съ ребенкомъ, можетъ быть и преступницы, но... все же человѣка.

На другой день утро было роскошное, и такъ какъ пароходъ нашъ снимался съ якоря въ 11 часовъ, то я еще разъ хотѣлъ поѣхать посидѣть на берегу моря въ Чифу.

Въ бухтѣ было большое оживленіе. Пришелъ пароходъ изъ Шанхая, и часть пассажировъ переселялась къ намъ на «Genkai maru», чтобы продолжать путь въ Японію, часть стремилась на берегъ Чифу.

Переѣздъ пассажировъ съ парохода на берегъ совершается на китайскихъ тупоносыхъ и плоскодонныхъ, на подобіе корыта, лодкахъ, называемыхъ «сампанъ».

Лодкой управляетъ одинъ лодочникъ, стоя на кормѣ и быстро вращая весло, которое является подобіемъ винта и быстро подвигаетъ лодку впередъ.

Пассажировъ съ прибывшаго изъ Шанхая парохода было много, и мнѣ пришлось наблюдать на берегу при высадкѣ пассажировъ особыя сцены, свойственныя только Китаю и едва ли гдѣ возможныя.

Дѣло въ томъ, что прибытія сампановъ на берегу ожидаютъ сотни человѣкъ носильщиковъ, которые, не давая даже еще пристать лодкѣ къ пристани, прыгаютъ въ лодку, и не обращая никакого вниманія на пассажира, набрасываются на вещи, толкаются и растаскиваютъ вещи во всѣ стороны.

Порядка и дисциплины не соблюдается, и европеецъ становится вполнѣ безпомощнымъ посреди этой грязной, отвратительно до тошноты пахнущей чеснокомъ, кунжутнымъ масломъ толпы, кричащей, галдящей, толкающей.

Новичокъ европеецъ всегда идетъ отъ пристани въ гостиницу, окруженный толпой носильщиковъ, изъ которыхъ каждый несетъ хотя бы самую маленькую вещь, а нѣкоторые такъ вдвоемъ несутъ маленькій саквояжъ.

Дойдя до гостиницы, вся эта толпа галдитъ и требуетъ за труды уйму денегъ, но успокоивается тотчасъ же, если выходитъ швейцаръ и на всю орду даетъ 20 к.

Кому приходится часто совершать поѣздки по китайскимъ портамъ, тотъ уже выработалъ себѣ особую систему и самъ создаетъ порядокъ.

Для этого непремѣнно надо вооружиться палкой и, подъѣзжая къ пристани, показывать эту палку ожидающей толпѣ. Никто тогда не будетъ скакать въ лодку, а всѣ будутъ терпѣливо ждать прибытія и высадки.

Выйдя на пристань, слѣдуетъ самому выбрать двухъ-трехъ носильщиковъ и сдать вещи. Приходится видѣть, что и при такомъ порядкѣ нерѣдко палка гуляетъ по спинамъ юркихъ носильщиковъ, старающихся ухватить какую-нибудь вещь.

На обратномъ пути мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ другой комичной сцены.

Въ сампанъ только что вошла молодая дама европеянка. Не успѣла она сѣсть, какъ лодочникъ уже оттолкнулъ лодку, а съ другой стороны его толкнула лодка, подходящая отъ парохода. Дама не удержалась на ногахъ и упала на скамью. Но тотчасъ же поднялась, и я увидалъ полное злости личико и маленькіе кулачки рукъ, которыми она изъ всей силы работала по спинѣ невозмутимо работавшаго весломъ лодочника.

Но вотъ мы снова на пароходѣ. Якорь поднятъ, и «Gankai maru» плавно поворачиваетъ къ выходу изъ бухты, направляясь въ Корею, въ Чемульпо. Переѣздъ до Чемульпо занимаетъ ровно сутки.

Наше пароходное общество значительно увеличилось. Къ намъ пересѣлъ возвращающійся изъ Шанхая профессоръ университета въ Токіо, единственный уцѣлѣвшій среди профессоровъ японцевъ профессоръ-нѣмецъ. Онъ возвращается въ Токіо къ началу лекцій.

Прибавилось нѣсколько пассажировъ американцевъ, служащихъ въ таможнѣ англичанъ.

Погода продолжаетъ быть прекрасной. Море тихо и блещетъ переливами скользящихъ чешуекъ подъ солнечными лучами, небо голубое, скалистые берега уходятъ изъ глазъ. Все общество разбилось на группы и ведетъ оживленныя бесѣды. Нѣтъ скучающихъ, томящихся, угрюмыхъ выраженій лицъ. Кто не принимаетъ участія въ разговорахъ, тотъ расположился на лонг-шезахъ и занятъ чтеніемъ газетъ или книги.

Одинъ изъ пассажировъ-нѣмцевъ познакомилъ меня съ профессоромъ Б., отъ котораго я узналъ, что онъ въ Токіо болѣе двадцати лѣтъ, съ самаго почти основанія университета, и занимаетъ каѳедру на медицинскомъ факультетѣ.

Имя профессора Б. извѣстно въ наукѣ и онъ много сдѣлалъ для развитія медицины въ Японіи. За послѣдніе годы профессоръ много работаетъ по антропологіи племени айновъ, столь отличающихся отъ японцевъ.

О японцахъ-студентахъ и занятіяхъ ихъ профессоръ отозвался хорошо.

Отъ научныхъ темъ разговоръ нашъ скоро перешелъ на современную тему отношеній Россіи, Японіи, Кореи и Китая.

— Я убѣжденъ въ одномъ,—говорилъ профессоръ,—что самостоятельнаго государства Кореи существовать не можетъ, и рано или поздно, но Корея должна стать японской или русской.

Встрѣча моя и разговоръ съ проф. Б. происходили въ августѣ 1899 г.

— И я, какъ нѣмецъ,—добавилъ профессоръ,—искренно желаю, чтобы Корея стала русской, а не японской.

— Отчего вы отдаете такое предпочтеніе русскимъ?—спросилъ я.

— О, это чисто-эгоистическое желаніе и скажу вамъ откровенно, что я высказываю его не изъ любви къ русскимъ, а изъ любви къ нѣмцамъ. Видите ли,—продолжалъ онъ, если Кореей завладѣетъ Японія, то доступъ европейцамъ въ Корею будетъ закрытъ, такъ какъ Японія захватитъ все въ свои руки и повсюду поселитъ японцевъ, затруднитъ всякое проявленіе европейской иниціативы. Однимъ словомъ, Корея станетъ маленькой Японіей.

Совсѣмъ другое будетъ, если Корея станетъ русской. Русскіе слишкомъ не дѣятельны, слишкомъ не предпріимчивы и невѣжественны, чтобы создать культуру въ Кореѣ и вызвать производительность этой страны. Въ то же время русскіе не жадны и не завистливы. Они откроютъ двери въ Корею для всѣхъ иностранцевъ, и я глубоко убѣжденъ, что нѣмцамъ принадлежитъ громадная будущность на Дальнемъ Востокѣ.

Корея и сѣверный Китай это еще непочатый уголъ, для разработки котораго русскіе охотно допустятъ нѣмцевъ. Японцы этого не сдѣлаютъ.

Дальнѣйшій разговоръ нашъ былъ прерванъ звукомъ гонговъ, и мы спустились въ общій залъ для обѣда.

Когда по окончаніи обѣда я поднялся на верхнюю палубу, то увидалъ, что погода измѣнилась. Сталъ задувать вѣтеръ, а небо заволакивалось мало-по-малу тучами. Звѣзды все болѣе и болѣе исчезали, покрываясь мракомъ, вѣтеръ уже гудѣлъ въ снастяхъ парохода, который стало изрѣдка покачивать, а черный дымъ, вырываясь клубами изъ трубы, оставлялъ за собой въ воздухѣ волнующуюся зловѣщую полосу.

Море стало черными, волны набѣгали и шумно разбивались, обдавая брызгами.

Я долгое время оставался на палубѣ, стоя у борта, то всматривался въ разверзающуюся межъ волнъ глубокую мрачную бездну, то прислушивался къ шуму вѣтра, то старался разглядѣть хоть одну звѣздочку, которая проглянула бы своимъ ласковымъ взоромъ изъ-за мрачныхъ тучъ.

Есть особая привлекательность, хотя подчасъ и жуткая, когда остаешься одинъ на одинъ съ могущественнымъ, суровымъ моремъ.

Становилось прохладно, сталъ опускаться туманъ, заволакивая ближайшіе предметы. Пароходъ время отъ времени давалъ длительные свистки.

Невольно въ душу заползали простыя мысли о возможности столкновенія, о возможности натолкнуться на подводный камень, о неизбѣжности смерти.

Тѣмъ не менѣе усталость брала свое, и сонъ такъ же смѣло ко мнѣ подходилъ, какъ смѣло заползали тревожныя мысли.

Я спустился въ каюту, расположился на койкѣ и старался оставаться нѣкоторое время съ открытыми глазами, прислушиваясь и жадно ловя всѣ

разнообразные оттѣнки шума, которые доносились ко мнѣ отъ всѣхъ частей парохода.

Вотъ стучали удары винта, потрясая весь пароходъ, когда волна поднимала его вверхъ и винтъ оставался на воздухѣ, то винтъ снова работалъ въ водѣ и пароходъ съ высоты волны падалъ въ глубину, а вмѣстѣ съ этимъ паденіемъ замирало и тоже словно падало сердце, то доносилось ясно пыхтѣнье машины и мягкій лязгъ ея металлическихъ частей, то волна, разбиваясь о киль, царапала и журчала около моего уха.

Только тоненькая деревянная стѣнка отдѣляла мою каюту отъ моря, отъ смерти. Тѣмъ не менѣе утомленіе было сильнѣе меня, вѣки мои тяжелѣли и смыкались все болѣе, всѣ чувства замолкли, и я заснулъ съ надеждой на ясно-погожее «завтра».

Наставшее «завтра» встрѣтило насъ стоявшими на якорѣ, такъ какъ туманъ такъ сгустился, что идти дальше безъ риска было нельзя. На якорѣ мы простояли три часа, до разсвѣта. Благодаря такой остановкѣ опаздываемъ приходомъ въ Чемульпо на пять часовъ.

Туманы, проливные дожди и бури очень часты въ Желтомъ и Японскомъ моряхъ въ маѣ, іюнѣ и іюлѣ мѣсяцахъ. Въ это время сносятся туманы сюда изъ Охотскаго моря и береговъ Сибири.

Мѣсяцы іюль, августъ и сентябрь пріятны, но изобилуютъ тайфунами, идущими съ юга и достигающими ужасныхъ размѣровъ и силы.

Всякій, даже сильный и крѣпкій пароходъ, попадая въ тайфунъ, терпитъ поврежденіе, и всѣ, кто испыталъ тайфунъ, могутъ сказать, что смотрѣли въ глаза смерти.

Въ настоящее время опасность попасть въ тайфунъ значительно уменьшилась, такъ какъ благодаря постояннымъ метеорологическимъ наблюденіямъ въ Си-Ка-Вей, миссіонерской католической обсерваторіи близъ Шанхая, дана возможность по крайней мѣрѣ за сутки впередъ указать направленіе идущаго тайфуна.

Предупрежденія обсерваторіи изъ Си-Ка-Вея разсылаются телеграммами по всѣмъ портамъ, и пароходы, готовые къ отплытію, остаются пережидать, пока не пройдетъ тайфунъ.

Застигаются нерѣдко тайфуномъ въ пути тѣ суда, которыя совершаютъ длительные переходы и не могутъ своевременно воспользоваться указаніями обсерваторій.

Утро было тихое, хотя и туманное. Волны не было, но была сильная мертвая зыбь, которая заставляла многихъ пассажировъ сильно страдать.

Въ Чемульпо мы подошли подъ вечеръ, когда уже зажгли на корейскихъ берегахъ маяки и изъ отдаленной мглы съ берега мерцали огоньки городскихъ зданій.

Мы остановились на рейдѣ, и такъ какъ волненіе на морѣ было сильное, то я предпочелъ остаться на пароходѣ до утра.

В. В. Корсаковъ

Другъ Пушкина, П. В. Нащокинъ *).

I.

Павелъ Войновичъ Нащокинъ, другъ Пушкина и пріятель Гоголя, заслуживаетъ вниманія не только по своей близости къ двумъ нашимъ великимъ писателямъ, но и по своеобразію и богатству его натуры, которыми и была обусловлена эта близость; онъ заслуживаетъ вниманія еще и потому, что обоимъ названнымъ поэтамъ его личность, какъ видно будетъ ниже, послужила первообразомъ для поэтическихъ созданій.

Свѣдѣній о Нащокинѣ сохранилось немного: письма Пушкина къ нему, отрывки изъ его писемъ къ Пушкину, напечатанные въ сборникѣ «Девятнадцатый вѣкъ», большое письмо къ нему Гоголя, нѣсколько словъ, посвященныхъ ему П. И. Бартеневымъ въ томъ же сборникѣ, наконецъ, воспоминанія Куликова въ *Русск. Стар.* **), да случайныя свѣдѣнія, разсѣянныя въ обширной пушкинской литературѣ,—вотъ и всѣ извѣстные до сихъ поръ матеріалы для его характеристики. Біографія его такъ же проста, какъ была сложна и разнообразна его жизнь. Онъ происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода, родился годомъ позднѣе Пушкина, и первоначальное воспитаніе получилъ въ лицейскомъ пансіонѣ Гауэншильда; выступивъ до окончанія курса, онъ нѣкоторое время прослужилъ въ Измайловскомъ полку, потомъ вышелъ въ отставку и, вѣроятно, въ половинѣ

*) Читано въ засѣданіи Пушкинской коммиссіи Общества любит. россійск. словесности 30 января 1904 г.

**) См. также *Рус. Стар.* 1880 г., іюль, стр. 615—616, разсказъ Нащокина о его увлеченіи спиритизмомъ въ 1854 г.: ему, между прочимъ, нерѣдко являлся и духъ Пушкина и даже диктовалъ стихи.—Также *Рус. Арх.* 1884 г., № 6, стр. 352—353,—письмо Н. къ Полторацкому, гдѣ онъ разсказываетъ о томъ, какъ у себя въ домѣ свелъ Пушкина съ полковникомъ Спичинскимъ, который и разсказалъ поэту о кражѣ Булгаринымъ (въ Ревели, по разжалованіи въ солдаты) шинели у его камердинера; этимъ разсказомъ воспользовался Пушкинъ въ программѣ „Настоящаго Выжигина“.—Барсуковъ, *Жизнь М. П. Погодина*, т. VII, стр. 310, письмо Н. къ Погодину о вещахъ, доставшихся ему послѣ смерти Пушкина (здѣсь и о пушкинской ассигнаціи). Портретъ Нащокина съ женою и дѣтьми помѣщенъ во второмъ выпускѣ „Русскаго портретнаго собранія“ П. И. Щукина. М., 1901 г.

20-хъ годовъ переселился въ Москву, гдѣ и прожилъ въ совершенной праздности лѣтъ 30, до смерти своей въ 1854 г.

Унаслѣдовавъ отъ матери изрядное богатство, онъ быстро спустилъ его въ кутежахъ, стяжавшихъ ему обширную извѣстность среди бонвивановъ обѣихъ столицъ, потомъ снова нѣсколько разъ попадали ему въ руки большія суммы въ видѣ неожиданныхъ наслѣдствъ или крупныхъ выигрышей, и все это опять проматывалось, проигрывалось и проѣдалось, такъ что подъ конецъ жизни отъ всѣхъ этихъ богатствъ не осталось и слѣда, и Нащокинъ умеръ почти въ нищетѣ. Изъ писемъ къ нему Пушкина извѣстно, что въ Москвѣ Нащокинъ обзавелся красавицей-цыганкой, Ольгой Андреевной, отъ которой у него былъ и сынъ; черезъ нѣсколько лѣтъ она ему надоѣла, да къ тому же онъ влюбился въ хорошенькую Вѣру Александровну Нарскую; въ одинъ прекрасный день онъ исчезъ изъ дому, оставивъ цыганкѣ весь свой домъ въ Москвѣ съ хорошей суммой денегъ, и въ подмосковной у пріятеля обвѣнчался съ Вѣрой Александровной, послѣ чего нѣкоторое время изъ осторожности прожилъ въ Тулѣ. Вѣра Александровна на много лѣтъ пережила мужа: она умерла только три года назадъ (19 ноября 1900 г.), и еще въ 1898 году кѣмъ-то были напечатаны съ ея словъ довольно безсодержательныя воспоминанія о Пушкинѣ и Гоголѣ *)

Воспоминанія Куликова, не лишенныя живости, недурно характеризуютъ Нащокина въ его московскій періодъ, но, кажется, еще болѣе яркій портретъ его даютъ воспоминанія нѣкоего В. Т—на, помѣщенныя въ *Искрѣ* Курочкина за 1866 годъ, № 47, подъ заглавіемъ: «Московскіе оригиналы былыхъ временъ» (замѣтки старожила). Изъ трехъ очерковъ В. Т—на одинъ посвященъ Нащокину, фамилія котораго не названа. Вотъ этотъ очеркъ, остававшійся до сихъ поръ, повидимому, неизвѣстнымъ большинству авторовъ, писавшихъ о Нащокинѣ **).

Павелъ Воиновичъ.

Человѣку этому Гоголь посвятилъ нѣсколько лучшихъ главъ во второмъ томѣ своихъ „Мертвыхъ Душъ“. Но не одинъ Гоголь былъ близокъ съ Павломъ Воиновичемъ. Съ нимъ было близко все, что считалось въ двадцатыхъ годахъ лучшаго и замѣчательнаго въ литературномъ, художественномъ, артистическомъ и музыкальномъ мірѣ. Онъ былъ однимъ изъ ближайшихъ друзей Пушкина, часто выручалъ его изъ хлопотъ холостой жизни и словомъ, и дѣломъ, и только одна смерть поэта прекратила ихъ долголѣтнюю дружбу.

Живя въ Москвѣ, уже въ недостаточномъ положеніи, Павелъ Воиновичъ часто любилъ вспоминать, какъ втроемъ—онъ, П(летневъ) и кн. В(яземскій) раздѣлили ме-

---

*) *Нов. Время* 1898 г., №№ 8115, 8122 и 8129 (и здѣсь о пушкинскихъ вещахъ, присланныхъ Нащокину. Между прочимъ, она разсказываетъ, что серебряные часы, бывшіе на Пушкинѣ во время дуэли, Нащокинъ подарилъ Гоголю, а послѣ смерти послѣдняго передалъ, по просьбѣ студентовъ, въ Московскій университетъ. Гдѣ они?). Некрологъ В. А. Нащокиной—въ *Ист. Вѣстн.* 1901 г., № 2.

**) Пользовался имъ, не указывая источника, М. И. Пыляевъ въ своемъ повѣствованіи о Нащокинѣ („Замѣч. чудаки и оригиналы“. Спб., 1898 г., стр. 1—76).

жду собою послѣднія деньги, нашедшіяся у Пушкина въ бумажникѣ, послѣ кончины, съ клятвою хранить ихъ навсегда, въ знакъ памяти о постигшей ихъ утратѣ. То были три двадцати-пяти рублевыя ассигнаціи, на которыхъ они написали годъ, день, число и часъ его смерти. Оригинальный синодикъ этотъ сохранился у прочихъ,—не сохранился онъ только у Павла Воиновича.

Какъ же это? По какому случаю? — спрашивали его, бывало, знакомые съ изумленіемъ.

„Обстоятельства—наши деспоты!—отвѣчалъ онъ на этотъ щекотливый для него вопросъ со вздохомъ.—Такія тяжелыя дѣла подошли, что не только эту дружескую ассигнацію, собственную бы свою душу заложилъ. Совершенное безденежье, холодъ, голодъ, жена и дѣти чуть хлѣбомъ однимъ не питаются. Что было дѣлать? Не мебель же продавать? Думалъ, думалъ, и, какъ на зло, подвернулся мнѣ подъ глаза конвертъ, въ которомъ была у меня запечатана завѣтная ассигнація. Приказалъ подавать карету и велѣлъ ѣхать къ Павлу Петровичу, закладами и ростовщичествомъ онъ занимается. Заложу я этому скрягѣ, думалъ я, эту рѣдкость, авось рублей сто, по крайней мѣрѣ, дастъ. Не тутъ-то было! Объявляю ему всю для меня цѣнность бумажки, всю мою любовь къ ней, все уваженіе,—плечами только невѣжда пожимаетъ. „Да я, говоритъ, не только что-нибудь ей цѣнности дамъ, но и въ промѣнъ даже не возьму; можетъ быть, ее и сбыть нельзя. Эка вы на ней какую эпитафію написали! Поѣзжайте къ В., онъ до рѣдкостей охотникъ, недавно обезьяну себѣ купилъ; можетъ быть, онъ что-нибудь вамъ подъ эту ассигнацію и дастъ“. Что было дѣлать съ этимъ канальей! Однако же послушался его, поѣхалъ я къ В. Объявляю ему въ чемъ дѣло. „Позвольте посмотрѣть!“ спрашиваетъ. Подалъ я конвертъ. В. осмотрѣлъ ассигнацію внимательно на свѣтъ, языкомъ даже ее лизнулъ. „Нѣтъ, говоритъ, не фальшивая! Извольте, пожалуй, ухо на ухо, помѣняемся; я вамъ за нее новенькую, съ молоточка дамъ“. Мнѣ только оставалось поблагодарить этого подлеца и вернуться домой. Тутъ меня самая печальная картина ждала: поваръ въ прихожей торчитъ за приказаніемъ, что въ тотъ день готовить. Готовь, что хочешь! „Денегъ на провизію пожалуйте“. Въ долгъ возьми. „Не даютъ, слишкомъ много задолжали, говорятъ“. Пришлось разстаться окончательно съ моею драгоцѣнностью; поплакалъ предъ мраморнымъ бюстомъ Александра Сергѣевича, поцѣловалъ его и отдалъ ассигнацію на закупки къ обѣду, приказывая повару просить пообождать и сохранить нѣсколько дней. Со дня на день я ждалъ полученія денегъ, по векселю—такъ, маленькую суммишку, тысячъ въ тринадцать, но дождался, къ несчастію, только черезъ недѣлю. Послалъ выкупать... моей бумажки и слѣдъ простылъ. Глупый купчина отдалъ ее, вмѣстѣ съ прочими деньгами, за свиныя туши и черкасскую говядину... Какъ на бѣду, это мое горе какъ разъ предъ Рождествомъ случилось. Поневолѣ вспомнишь прежнюю петербургскую жизнь, когда у меня золото только куры не клевали...“

Петербургская, молодая жизнь Павла Воиновича была завидною жизнью! Наслѣдникъ громаднаго родоваго имѣнія, гвардейскій кавалерійскій офицеръ, принятый въ лучшемъ обществѣ, онъ удивлялъ многихъ и обстановкою своей холостой квартиры, и своими рысаками, и своими экипажами, выписанными прямо изъ Вѣны, и своими вечерами, на которыхъ собирались литераторы, художники, артисты и французскія актрисы, до которыхъ Павелъ Воиновичъ былъ очень падокъ. Деньги были ему ни почемъ. Умный, образованный, человѣкъ со вкусомъ, онъ бросалъ ихъ, желая покровительствовать художникамъ и артистамъ. Онъ любилъ жить и давалъ жить другимъ. Залы его были наполнены произведеніями начинающихъ художниковъ; однихъ собственныхъ его портретовъ и масляными красками, и акварелью было до тридцати; молодыми живописцами перерисованы были всѣ его кучера, прислуга, лошади и собаки. Эту коллекцію, совершенно ему ненужную, которую Павелъ Воиновичъ раздаривалъ первому встрѣчному, называлъ онъ „выставкою молодыхъ талантовъ“. Онъ покупалъ все, что попадалось ему на глаза и останавливало чѣмъ-

нибудь его вниманіе: мраморныя вазы, китайскія бездѣлушки, фарфоръ, бронзу,— что ни попало и сколько бы ни стоило; въ особенности дорого ему обходились бенефисные подарки актрисамъ. Причудамъ его не было конца, такъ что однажды за маленькій восковой огарокъ, предъ которымъ Асенкова учила свою лучшую роль, онъ заплатилъ ея горничной шальную цѣну и обдѣлалъ въ серебряный футляръ, который вскорѣ подарилъ кому-то изъ знакомыхъ.

Между замѣчательнѣйшими рѣдкостями, находившимися въ квартирѣ Павла Воиновича, былъ одинъ двухъэтажный стеклянный домикъ, аршина два длины, каждая отдѣльная часть и украшенія котораго были имъ заказаны за границей, въ Вѣнѣ, Парижѣ и Лондонѣ. На этотъ домикъ, стоившій ему до сорока тысячъ, съѣзжалось любоваться все лучшее тогда петербургское общество *).

Подобныя дорогія причуды, да въ прибавокъ, карточная игра, въ которой Павелъ Воиновичъ являлся, впрочемъ, не игрокомъ, алчущимъ выигрыша, а страстнымъ любителемъ сильныхъ ощущеній, сильно, въ началѣ тридцатыхъ годовъ, поразстроили его состояніе, тѣмъ болѣе, что онъ обзавелся цыганкою. Наконецъ, когда цыганка ли сама его оставила, или онъ поставилъ ее, на честное слово, на карту,— вскорѣ по смерти А. С. Пушкина **), онъ переселился въ Москву. Тутъ только начала видѣться ему оборотная, не радужная сторона жизни. Но Павелъ Воиновичъ, ставшій втрое бѣднѣе прежняго, не унывалъ, и велъ почти ту же самую петербургскую жизнь. Онъ ѣздилъ почти ежедневно въ англійскій клубъ, выписалъ себѣ изъ Парижа дорогой кій, хранившійся всегда подъ сбереженіемъ маркера, проигрывая и выигрывая, ни о чемъ не заботясь, памятуя утѣшительную русскую поговорку: „курочка по зернышку клюетъ, сыта бываетъ“.

А насытиться Павлу Воиновичу, „какъ курочкѣ“, было трудно, потому что онъ не отвыкъ еще отъ прежнихъ своихъ привычекъ, и при первыхъ появившихся у него деньгахъ моталъ по старому, задавалъ обѣды, покупалъ дорогіе уборы женѣ и раздавалъ взаймы деньги всякому, кто ни подвернется въ такую счастливую пору. Старая его экономка, жившая еще у него въ Петербургѣ, и также никогда не оставляемая въ такое время щедротами барина, бывало, частенько ворчала при видѣ такой добродушной расточительности. „Нашелъ кого ссужать! Развѣ на томъ свѣтѣ угольками ему отдадутъ. Ужъ подлинно у нашего старика-дурака развѣ только кобель на привязи ничего не вымакачитъ“.

Но горбатаго исправитъ только могила, говоритъ пословица. И Павелъ Воиновичъ продолжалъ играть, то привозя женѣ въ подарокъ шкатулку съ червонцами, то занимая у экономки подаренныя имъ же ей деньги; нѣсколько разъ, въ самыя критическія минуты падали ему на долю то какое-нибудь незначительное наслѣдство въ сотню душъ, отъ какого-нибудь дальняго родственника, то уплачивалъ ему кто-нибудь старинный долгъ по заемному письму, о которомъ самъ онъ давно пересталъ уже думать. Но всѣ эти неожиданныя пособія судьбы скоро исчезали. Павелъ Воиновичъ начиналъ вести снова непродолжительную роскошную жизнь и потомъ все болѣе и болѣе впадалъ въ недостатокъ и распродавалъ понемногу все, что было у него болѣе драгоцѣннаго: богатую коллекцію золотыхъ и серебряныхъ старинныхъ монетъ и медалей, дорогое собраніе разнаго оружія, свои вѣнскіе экипажи, послѣдніе женины экипажи и пр., и пр. На эти продажи онъ и продолжалъ существовать нѣсколько времени роскошно.

Во время своихъ житейскихъ невзгодъ онъ познакомился гдѣ-то случайно съ однимъ евреемъ, называвшимъ себя докторомъ, высланнымъ за городъ за разные обманы и мошенничества. Этотъ докторъ В. жилъ въ отдаленномъ захолустьи Со-

---

*) Опускаемъ слѣдующее здѣсь подробное описаніе домика. Объ этомъ домикѣ не разъ упоминаетъ Пушкинъ въ своихъ письмахъ къ женѣ изъ Москвы (8 дек. 1831 г., 30 сент. 1832 г., 4 мая 1836 г.); ср. также его стих. „Новоселье“.

**) Это ошибка. Нащокинъ переселился въ Москву въ 20-хъ годахъ.

кольниковъ и привлекалъ къ себѣ богатыхъ москвичей увѣреніемъ, что онъ, занимаясь алхиміей, нашелъ средство дѣлать золото и, при лунномъ свѣтѣ, помощію розы, сгущать ее на лѣвой ладони руки въ настоящіе изумруды. Павелъ Воиновичъ былъ одинъ изъ самыхъ легковѣрныхъ добряковъ, еще вѣрующихъ въ людскую честность, и скоро очень коротко сошелся съ В., который, для начальныхъ необходимыхъ приготовленій къ разоблаченію таинствъ природы, обиралъ у него послѣднія крохи, но составленіе золота нисколько не подвигалось впередъ.

— Плохо!—признался наконецъ В.—Недостаетъ намъ одного только растенія, котораго не найдешь въ цѣлой Россіи.

— А какого же это?—спашиваетъ Павелъ Воиновичъ.

— Мандрагоры.

— Что это за мандрагора?

— Трава, которая пищитъ по зарямъ, какъ ребенокъ, когда вытаскиваешь ея корень.

— А гдѣ бы можно было ее достать?—спрашиваетъ Павелъ Воиновичъ.

— Только въ Германіи, въ горахъ Гарца, на вершинѣ скалы, на которой вѣдьмы совершаютъ свой шабашъ.

— Что-жъ!—произноситъ рѣшительно Павелъ Воиновичъ, — мы можемъ туда съѣздить. Въ скоромъ времени я долженъ получить тысячъ десять отъ князя Г. Онъ проигралъ ихъ мнѣ давно, на честное слово. Будемъ надѣяться.

Павелъ Воиновичъ точно получилъ, наконецъ, эти деньги и вѣроятно повезъ бы В. на Гарцъ; но В. уже въ то время не было въ Сокольникахъ. За разныя новыя мошенничества онъ сосланъ былъ на жительство въ Уфу *). Павелъ Воиновичъ пріунылъ. Полученныя деньги были истрачены, кредиту уже нигдѣ не было. Жилъ тогда въ Москвѣ полковникъ К., человѣкъ болѣе чѣмъ богатый, извѣстный франтъ и волокита до поѣздки за границу, и ставшій отъявленнымъ филантропомъ по возвращеніи въ Москву. Про него ходили по городу слухи, что будто онъ, какъ Ч(адаевъ) принялъ католицизмъ. К. по первому требованію вручалъ пять рублей ассигнаціями бѣднымъ оберъ-офицерамъ и десять рублей—штабъ-офицерамъ. Павелъ Воиновичъ не преминулъ воспользоваться такимъ благимъ настроеніемъ духа въ критическія свои минуты.

„Подай вспомоществованіе бѣдному штабъ-офицеру, Александръ Степановичъ“, говорилъ онъ серьезнымъ голосомъ.

И Павелъ Воиновичъ постоянно получалъ отъ К. этотъ пенсіонъ, когда приходила ему крайняя нужда, а эта нужда приходила очень часто. К. тоже былъ большой оригиналъ. Въ послѣдніе годы своей жизни Павелъ Воиновичъ опять получилъ довольно порядочное наслѣдство, принималъ къ себѣ перехожихъ калекъ, странниковъ, странницъ и разныхъ бродягъ, которые всегда что-нибудь у него крали.

II.

По словамъ П. И. Бартенева **), Пушкинъ познакомился и подружился съ Нащокинымъ еще въ Царскомъ Селѣ, навѣщая своего брата, который учился въ томъ же пансіонѣ Гауэншильда, гдѣ воспитывался нѣкоторое время и Нащокинъ. Съ отъѣздомъ Пушкина на югъ ихъ знакомство прервалось, но по возвращеніи Пушкина въ Москву въ 1826 году дружба между

---

*) Объ этомъ мнимомъ докторѣ, очевидно, писалъ Пушкинъ Нащокину въ октябрѣ 1835 г.: „Что Куликовъ и твой жиденокъ-лѣкарь, котораго Наталья Николаевна такъ любитъ? А у ней пречуткое сердце. Смотри, распутайся съ ними. Это необходимо“.

**) „Девятнадцатый вѣкъ“, изд. П. Бартеневымъ. М., 1872 г., кн. I, стр. 383.

ними возобновилась и не ослабѣла уже до смерти поэта. Нѣтъ сомнѣнія, что за послѣдніе 7—8 лѣтъ своей жизни Пушкинъ не имѣлъ друга болѣе близкаго, болѣе любимаго и преданнаго, чѣмъ Нащокинъ. Дружба эта носитъ совершенно братскій характеръ. Дошедшія до насъ 25 писемъ Пушкина къ Нащокину, равно какъ и письма послѣдняго къ поэту, дышатъ такой сердечной, почти нѣжною привязанностью и обнаруживаютъ такую простоту равноправныхъ отношеній, какія можно найти развѣ еще только въ дружбѣ Пушкина съ Дельвигомъ. Нащокинъ не только исполняетъ всевозможныя порученія поэта, часто весьма щекотливыя, не только выручаетъ его во всякую трудную минуту: Пушкинъ подробно извѣщаетъ его о своихъ семейныхъ, литературныхъ и денежныхъ дѣлахъ, о своихъ замыслахъ и заботахъ. Они братски дѣлятъ другъ съ другомъ тревогу и радость. «Когда бы намъ съ тобой увидаться!—пишетъ Пушкинъ въ концѣ 1834 г. *).—Много бы я тебѣ наговорилъ, много скопилось для меня въ этотъ годъ такого, о чемъ не худо бы потолковать у тебя на диванѣ, съ трубкой въ зубахъ, вдали цыганскихъ бурь и Рахмановскихъ наѣздовъ!» И по пріѣздѣ въ Москву въ маѣ 1836 г. поэтъ сообщаетъ женѣ: «Я остановился у Нащокина... Мы, разумѣется, другъ другу очень обрадовались и цѣлый вчерашній день проболтали Богъ знаетъ о чемъ». Пушкинъ принимаетъ самое горячее участіе въ дѣлѣ Нащокина съ Ольгой Андреевной, безпрестанно освѣдомляется о ходѣ этого дѣла, торопитъ его съ развязкой: «Что твои дѣла? За глаза я все боюсь за тебя. Все мнѣ кажется, что ты гибнешь, что Вееръ (ростовщикъ) тебя топитъ, а Рахмановъ на плечахъ у тебя. Дай Богъ мнѣ зашибить деньгу, тогда авось тебя выручу. Тогда авось разведемъ тебя съ сожительницей, заведемъ мельницу въ Тюфлякѣ, и заживешь припѣваючи и пишучи свои Записки». «Не смѣю надѣяться, а можно надѣяться,—пишетъ Пушкинъ о томъ же дѣлѣ въ другой разъ.—Vous êtes éminement un homme de passion—и въ страстномъ состояніи духа ты въ состояніи сдѣлать то, о чемъ и не осмѣлился бы подумать въ трезвомъ видѣ, какъ нѣкогда пьяный переплылъ ты рѣку, не умѣя плавать. Нынѣшнее дѣло на то похоже,—сыми рубашку, перекрестись и бухъ съ берега; а мы, князь Ѳедоръ (Гагаринъ) и я, будемъ слѣдовать за тобою въ лодкѣ, и какъ-нибудь выкарабкаемся на противную сторону». Когда, наконецъ, бѣжавъ отъ своей цыганки, Нащокинъ женился на любимой дѣвушкѣ, Пушкинъ съ сердечной радостью привѣтствуетъ перемѣну въ его судьбѣ, и еще чрезъ полтора года, осенью 1835 г., пишетъ ему: «Желалъ бы я взглянуть на твою семейственную жизнь и ею порадоваться. Вѣдь и я тутъ участвовалъ, и я имѣлъ вліяніе на рѣшительный переворотъ твоей жизни». А Нащокинъ еще до этой развязки, въ январѣ 1833 года, кончалъ свое письмо къ Пушкину такими словами: «Прощай, воскресеніе нравственнаго бытія моего!» Въ письмахъ своихъ

*) Письма и сочиненія Пушкина цитированы по послѣднему суворинскому изданію подъ ред. П. А. Ефремова. Спб., 1903 г.

къ женѣ изъ Москвы Пушкинъ постоянно отзывается о Нащокинѣ съ искренней любовью: «Онъ все тотъ же, очень милъ и уменъ»; «Нащокинъ милъ до чрезвычайности... Онъ смѣшитъ меня до упаду, но не понимаю, какъ можно жить окруженнымъ такою сволочью»; «Нащокинъ здѣсь одна моя отрада»; «Любитъ меня одинъ Нащокинъ», и т. п. Какъ искренно принималъ Пушкинъ къ сердцу дѣла друга, показываетъ запись, сдѣланная имъ въ записной книжкѣ подъ іюнемъ 1834 года: «19 числа послалъ 1000 Нащокину.—Слава Богу! Слухи о смерти его сына ложны». У Нащокина была, кромѣ этого сына, еще дочь отъ цыганки, — крестница Пушкина, а старшаго сына Пушкина крестилъ Нащокинъ, нарочно пріѣзжавшій для этого въ Петербургъ. Извѣстно, что съ начала 30-хъ годовъ Пушкинъ, пріѣзжая въ Москву, почти неизмѣнно останавливался у Нащокина.

Нащокинъ платилъ своему великому другу такой же сердечной привязанностью. Вскорѣ послѣ женитьбы поэта онъ пишетъ ему (9 іюня 1831 г.) *): «Мое почтеніе Натальѣ Николаевнѣ. Очень много говорятъ о вашихъ прогулкахъ по Лѣтнему саду. Я самъ заочно утѣшаюсь и живо представляю себѣ васъ гуляющихъ. Я точно съ тобой въ кабинетѣ стою, и молчу, и жду самъ не знаю чего: ты перебираешь листы, Наталья Николаевна сидитъ за канвой; вотъ, братецъ, не портретъ, а картина; найди-ка мнѣ такого мастера, чтобъ онъ такъ нарисовалъ живо, какъ мнѣ теперь представляется». Нѣсколько позднѣе, 20 іюня, онъ пишетъ: «Пиши ко мнѣ письма, и для потомства трагедіи и хоть одинъ романъ... Андрей Петровичъ свидѣтельствуетъ тебѣ почтеніе; онъ почти столько же тебя знаетъ и любитъ, какъ и я, что̀ доказываетъ, что онъ не дуракъ: тебя знать не бездѣлица». Въ такомъ же родѣ и остальныя письма: онъ радуется семейному счастію поэта, тревожится по поводу долгаго отсутствія писемъ и т. д.

Пушкинъ любилъ въ Нащокинѣ не только веселаго товарища по карточной игрѣ и холостымъ похожденіямъ и не только преданнаго друга: онъ рано полюбилъ, какъ говоритъ П. И. Бартеневъ, «своеобразный умъ Нащокина, его талантливую, широкую натуру и превосходное сердце». Письма поэта свидѣтельствуютъ о томъ, какъ высоко онъ цѣнилъ благородство его характера. Когда въ 1831 г. Нащокинъ улаживалъ въ Москвѣ денежныя дѣла Пушкина съ Догановскимъ и Жемчужниковымъ, Пушкинъ писалъ ему по этому поводу: «Они не повѣрили тебѣ, потому что тебя не знаютъ; это въ порядкѣ вещей. Но кто, знавъ тебя, не повѣритъ тебѣ на слово своего имѣнія, тотъ самъ не стоитъ никакой довѣренности». Позднѣе, вскорѣ послѣ женитьбы Нащокина, Пушкинъ писалъ ему: «Радъ я, Павелъ Воиновичъ, твоему письму, по которому вижу, что твое удивительное добродушіе и умная терпѣливая снисходительность не измѣни-

*) „Изъ писемъ П. В. Нащокина къ А. С. Пушкину", *Девятнадцатый вѣкъ*, т. I, стр. 402—405.

лись ни отъ хлопотъ новой для тебя жизни, ни отъ виновности дружбы передъ тобою». Не менѣе высоко цѣнилъ Пушкинъ, повидимому, умъ и тонкій вкусъ Нащокина. По словамъ Куликова*), Павелъ Воиновичъ много читалъ, хорошо зналъ французскую и русскую литературу, и при широкомъ врожденномъ умѣ, при своемъ знаніи жизни и страстной любви къ искусству, обладалъ замѣчательнымъ для его времени критическимъ чутьемъ. Куликовъ разсказываетъ, что въ то время, когда вся Россія увлекалась сочиненіями Марлинскаго, Нащокинъ хохоталъ надъ фантастическими персонажами и вычурнымъ изложеніемъ этого автора, а самъ зачитывался Бальзакомъ; точно также онъ высмѣивалъ позднѣе знаменитыя три повѣсти Н. Ф. Павлова. Такимъ рисуютъ его и отрывки изъ его писемъ къ Пушкину. Прочитавъ вышедшій въ 1831 г. разборъ «Бориса Годунова» въ видѣ діалога между учителемъ и помѣщикомъ, онъ пишетъ поэту: «Очень хорошо, и кто написалъ, никакъ сего не воображаетъ, что лучше и похожѣе описать разговоромъ сужденій нашихъ безмозглыхъ грамотѣевъ-семинаристовъ никакъ нельзя. Это совершенный слѣпокъ съ натуры; думая написать на тебя злую критику, написалъ отрывокъ, достойный помѣстить въ романъ. Прочти, сдѣлай одолженіе; ты по разговору узнаешь говорящихъ, и еслибъ осталось мѣсто, я бы разсказалъ ростъ ихъ, въ чемъ одѣты, словомъ сказать, прекрасно: Вальтеръ-Скотъ совершенный». О повѣстяхъ Мухина онъ пишетъ: «Я ихъ читалъ, онѣ мнѣ очень понравились, въ нихъ много чувства, а автора въ нихъ совсѣмъ нѣтъ». Но всего ярче выступаютъ недюжинный умъ и наблюдательность Нащокина въ характеристикѣ Чаадаева, которая находится въ письмѣ его къ Пушкину отъ 30 сентября 1831 г.: «Чаадаевъ всякій день въ клубѣ, всякій разъ обѣдаетъ; въ обхожденіи и въ платьѣ перемѣнилъ фасонъ, и ты его не узнаешь. Я опять угадалъ, что все странное въ немъ было ничто иное, какъ фантазія, а не случайность, а не плодъ опытнаго равнодушія ко всему. Еще съ позволенія вашего скажу (ибо ты не любишь, чтобъ я объ немъ говорилъ)—рука на сердцѣ, говорю правду,—что онъ еще блуждаетъ, что онъ еще не нашелъ собственной своей точки. Я съ нимъ обо многомъ говорилъ—основательности въ идеяхъ нѣтъ, себѣ часто противорѣчитъ. Но что я замѣтилъ, и это мнѣ пріятно, человѣкъ весьма добрый, способенъ къ дружбѣ, привязчивъ, честолюбивъ болѣе, чѣмъ я, себя совсѣмъ не знаетъ, потому и часто себѣ будетъ измѣнять, что̀ ничего не доказываетъ. Тебя очень любитъ, но менѣе, чѣмъ я».

Естественно, что Пушкинъ дорожилъ отзывами Нащокина о своихъ произведеніяхъ, какъ сообщаетъ Куликовъ. Изъ писемъ мы знаемъ, что ему былъ посланъ первый экземпляръ повѣстей Бѣлкина. Несмотря на то, что Нащокинъ лично не имѣлъ никакого отношенія къ литературѣ, Пушкинъ постоянно извѣщаетъ его о своихъ литературныхъ занятіяхъ и

*) „А. С. Пушкинъ и П. В. Нащокинъ“, очерки и воспоминанія Н. И. Куликова, *Рус. Ст.*, 1880 г., дек. и 1881 г., авг.

планахъ и говоритъ съ нимъ о литературныхъ дѣлахъ, какъ съ равнымъ. По поводу упомянутаго выше критическаго разговора о «Борисѣ Годуновѣ» онъ пишетъ ему: «Если бы ты читалъ наши журналы, то увидѣлъ бы, что все, что называютъ у насъ критикой, одинаково глупо и смѣшно. Съ моей стороны я отступился; возражать серьезно—невозможно, а плясать передъ публикою не намѣренъ. Да къ тому же ни критика, ни публика недостойны дѣльныхъ возраженій. Нынче осенью займусь литературой, а зимою зароюсь въ архивы, куда входъ дозволенъ мнѣ царемъ». По выходѣ перваго № *Современника* Нащокинъ, одобривъ его въ общемъ, совѣтуетъ Пушкину ввести въ немъ отдѣлъ объ искусствѣ, а въ маѣ того же 1836 г. Пушкинъ пишетъ ему: «Второй № *Современника* очень хорошъ и ты скажешь мнѣ за него спасибо». Повидимому, именно Нащокинъ первый обратилъ вниманіе Пушкина на молодого Бѣлинскаго; по крайней мѣрѣ, черезъ него Пушкинъ «тихонько отъ Наблюдателей» переслалъ Бѣлинскому экземпляръ перваго № своего журнала, и Нащокинъ же, какъ видно изъ одного его письма *), велъ переговоры о приглашеніи московскаго критика въ *Современникъ*.

Была еще въ Нащокинѣ черта, дѣлавшая его особенно привлекательнымъ для Пушкина. Онъ писалъ плохо, какъ можно видѣть и изъ приведенныхъ его писемъ; но устное его повѣствованіе отличалось, повидимому, такой живой изобразительностью, какая встрѣчается не часто, а богатый жизненный опытъ и тонкое знаніе людей доставляли ему, конечно, обильный матеріалъ для разсказовъ. Пушкинъ заслушивался этихъ Нащокинскихъ разсказовъ; описывая женѣ свое времяпрепровожденіе въ Москвѣ, онъ неоднократно отмѣчаетъ: «забалтываюсь съ Нащокинымъ», или: «хлопочу по дѣламъ, *слушаю Нащокина* и читаю «Mémoires de Diderot». Собственная жизнь Нащокина, полная самыхъ невѣроятныхъ приключеній, самыхъ неожиданныхъ превратностей и треволненій, представляла, безъ сомнѣнія, большой драматическій интересъ; у этой широкой и даровитой натуры все должно было выходить такъ колоритно, такъ полно стихійной удали и легкости, эта беззаботность среди тревогъ при ясномъ умѣ и тепломъ сердцѣ была до такой степени полна поэзіи, что Пушкинъ не могъ не быть очарованъ. Не удивительно, что онъ настойчиво убѣждалъ Нащокина описать свою жизнь. Склонить къ этому Нащокина, при его неспособности и неохотѣ къ писанію, было, разумѣется, нелегко; и вотъ, живя въ Москвѣ лѣто и осень 1830 г., Пушкинъ заставилъ его диктовать себѣ начало этихъ записокъ **). Писаны онѣ, безъ сомнѣнія, не совсѣмъ по ъ диктовку: мы видѣли, какъ плохъ слогъ Нащокина въ письмахъ, да и самъ по себѣ слогъ записокъ отличается всѣми признаками пушкинской прозы, и притомъ вполнѣ обработанъ. Повидимому, уѣзжая, Пушкинъ

---

*) *Девятнадцатый вѣкъ*, кн. I, стр. 404.

**) „Записки П. В. Нащокина, имъ диктованныя въ Москвѣ 1830 г.“, Соч. А. С. Пу ---, изд. Суворина, 1903 г., т. V, стр. 111—116.

взялъ слово съ Нащокина, что онъ будетъ продолжать записки, и осенью 1832 г. напоминалъ ему объ этомъ: «Что твои *мемуары*?—пишетъ онъ.—Надѣюсь, что ты ихъ не бросишь. Пиши ихъ въ видѣ писемъ ко мнѣ. Это будетъ и мнѣ пріятно, да и тебѣ легче: незамѣтнымъ образомъ выростетъ томъ, а тамъ, поглядишь, и другой». Разумѣется, *мемуары* остались не написанными.

Существуетъ преданіе, что сюжетомъ для «Домика въ Коломнѣ» послужилъ Пушкину разсказъ Нащокина о томъ, какъ, будучи влюбленъ въ актрису Асенкову, онъ облекся въ женскій нарядъ и прожилъ у нея въ качествѣ горничной болѣе мѣсяца. Достовѣрно извѣстно, что Нащокинымъ сообщена была поэту исторія бѣлорусскаго дворянина Островскаго, послужившая фабулой для «Дубровскаго». Но всего любопытнѣе предположеніе Анненкова о томъ, что именно съ Нащокина Пушкинъ намѣревался списать портретъ своего Пелымова *).

Догадка Анненкова представляется намъ вполнѣ основательной. Какъ извѣстно, мысль и общую схему «Русскаго Пелама» Пушкинъ заимствовалъ изъ романа Бульвера «Пельгамъ или приключенія одного джентльмена», вышедшаго въ 1835 г.; въ этомъ же году были составлены Пушкинымъ четыре наброска программы и написано начало первой главы романа. Сколько можно судить по этимъ остаткамъ, Пушкинъ задумалъ изобразить въ своемъ романѣ русскаго богатаго и родовитаго юношу двадцатыхъ годовъ, одареннаго пылкими страстями и благородной душой, который сквозь безшабашный разгулъ, сквозь ошибки, граничащія съ преступленіемъ, сквозь всѣ превратности своей бурной судьбы выноситъ незапятнаннымъ свое чистое сердце, неизвращеннымъ ясный умъ, свѣжимъ и чуткимъ свое чувство. Кипучая натура бросаетъ Пелымова изъ одного увлеченія въ другое, запутываетъ его въ чужія преступленія, низводитъ его на время въ міръ шулеровъ, аферистовъ и танцовщицъ, потомъ сближаетъ съ кружкомъ будущихъ декабристовъ,—и всюду онъ быстро осваивается, всюду сохраняетъ ясность мысли и благородство души; онъ точно завороженъ противъ грязи и лжи и, при всей мягкости и неустойчивости своего характера, обнаруживаетъ удивительную нравственную стойкость.

Мы видѣли, что таковъ былъ и Нащокинъ и что именно такимъ считалъ его Пушкинъ. Высказавъ упомянутое выше предположеніе о близкомъ сходствѣ Пелымова съ Нащокинымъ, Анненковъ, который долженъ былъ знать о Нащокинѣ больше нашего по многочисленнымъ устнымъ разсказамъ, говоритъ: «Дѣйствительно, по количеству необычайныхъ похожденій, по числу связей, знакомствъ всякаго рода, по ряду неожиданныхъ столкновеній съ людьми, катастрофъ и семейныхъ переворотовъ, испытанныхъ имъ, другъ Пушкина, насколько можно судить по преданіямъ и слухамъ о немъ, очень близко подходитъ къ типу «бывалаго человѣка» Бульвера, уступая ему въ стойкости характера, въ дѣльности и въ полнотѣ внутрен-

*) „П. В. Анненковъ и его друзья", Спб., 1892 г., стр. 462 и сл.

няго содержанія. Зато онъ еще лучше отвѣчалъ намѣренію Пушкина олицетворить идею о человѣкѣ нравственно, такъ сказать, изъ чистаго золота, который не теряетъ цѣнности, куда бы ни попалъ, гдѣ бы ни очутился. Рѣдкіе умѣли такъ сберечь человѣческое достоинство, прямоту души, благородство характера, чистую совѣсть и неизмѣнную доброту сердца, какъ этотъ другъ Пушкина, въ самыхъ критическихъ обстоятельствахъ жизни, на краю гибели, въ омутѣ слѣпыхъ страстей и увлеченій и подъ ударами судьбы и несчастія, большею частью имъ самимъ и накликанными на себя» *).

Искать въ программахъ и отрывкѣ «Русскаго Пелама» прямые намеки на конкретныя черты изъ біографіи Нащокина, конечно, дѣло рискованное. Изъ записокъ Нащокина мы знаемъ, что онъ, какъ и Пелымовъ, былъ «сынъ русскаго барина, воспитанъ французами» и что отецъ его, какъ и отецъ Пелымова, былъ «frivole въ русскомъ родѣ»; но то же самое можно было сказать о любомъ дворянскомъ сынкѣ 1810—20 годовъ. Однако, въ этихъ отрывкахъ есть двѣ черты, невольно наводящія мысль на сопоставленіе пушкинскаго романа съ жизнью Нащокина. Во-первыхъ, сохранившееся начало первой главы «Пелама» обнаруживаетъ разительное сходство съ началомъ записокъ Нащокина, писанныхъ въ 1830 г. Пушкинымъ: въ обоихъ случаяхъ герой начинаетъ свою автобіографію по совершенно одинаковому плану, приблизительно такъ: «Я начинаю помнить себя (этими словами начинаются оба отрывка) съ ранняго возраста», затѣмъ слѣдуетъ одна (или двѣ) выхваченная живьемъ бытовая картинка, у каждаго другая, и затѣмъ опять почти буквально одинаково: «съ тѣхъ поръ мои воспоминанія становятся сбивчивы, и снова проясняются лишь около восьми или десятилѣтняго моего возраста». Близкое сходство этихъ двухъ отрывковъ невозможно отрицать. Другая черта сходства, уже по существу фабулы, заключается вотъ въ чемъ. Очень большую роль въ судьбѣ русскаго Пелама играетъ его двоюродный или сводный братъ, старающійся посредствомъ всяческихъ интригъ, доносовъ и пр. исподтишка погубить Пелымова. Сходный эпизодъ, повидимому, былъ и въ жизни Нащокина, именно въ 1832 г. 5 января этого года Пушкинъ писалъ Нащокину: «Нетерпѣливо желаю знать, чѣмъ кончилось посольство, какой ultimatum твоего брата и есть ли тебѣ надежда устроить дѣла твои? Пожалуйста, не полѣнись обо всемъ обстоятельно мнѣ отписать», и ниже въ томъ же письмѣ повторилъ: «Напиши мнѣ обстоятельно о посольствѣ своего нѣмца. *Дѣло любопытное*». Послѣднія слова показываютъ, что исторія эта интересовала Пушкина не только изъ участія къ дѣламъ Нащокина, но и сама по себѣ, своей яркой характеристичностью, совершенно такъ же, какъ и по поводу дѣла съ цыганкой онъ нѣсколько позднѣе писалъ тому же Нащокину: «Мочи нѣтъ, хочется узнать развязку: я твой романъ оставилъ на самомъ занимательномъ мѣстѣ». Нащокинъ, очевидно, исполнилъ просьбу друга, описавъ ему

*) Тамъ же, стр. 470.

свое дѣло съ братомъ подробно, и 29 января того же года Пушкинъ отвѣчаетъ ему: «Письмо твое о твоемъ братѣ ужасно хорошо. Кончилъ ли ты съ нимъ?» Едва ли будетъ ошибкою предположить, что этой исторіей хотѣлъ воспользоваться Пушкинъ въ томъ мѣстѣ своего романа, которое должно было соотвѣтствовать слѣдующей замѣткѣ во второй программѣ «Пелама»: «Тайный непріятель.—Письмо къ брату, отвѣтъ Тартюфа».

III.

Авторъ очерка, помѣщеннаго въ *Искрѣ*, говоритъ, что Гоголь посвятилъ Нащокину нѣсколько лучшихъ главъ во второмъ томѣ «Мертвыхъ душъ»; проф. Алексѣй Н. Веселовскій первый мимоходомъ высказалъ догадку, что прототипомъ Хлобуева во второмъ томѣ «Мертвыхъ душъ» послужилъ П. В. Нащокинъ *); внимательное изслѣдованіе вполнѣ подтверждаетъ эту мысль. Разумѣется, о портретномъ сходствѣ здѣсь, какъ и въ отношеніи пушкинскаго романа, говорить не приходится: для обоихъ поэтовъ Нащокинъ служилъ лишь яркимъ представителемъ цѣлаго типа, соотвѣтственно чему и обликъ его подвергся у каждаго изъ нихъ требуемой обработкѣ.

Если Пелымовъ—Нащокинъ въ молодости, виверъ и картежникъ, то Хлобуевъ—Нащокинъ въ возрастѣ лѣтъ за сорокъ (кстати, и Хлобуеву 45 лѣтъ), Нащокинъ семейный, обѣднѣвшій и опустившійся. Гоголь, конечно, не разъ слышалъ о Нащокинѣ отъ Пушкина, да и самъ хорошо зналъ его. Въ 1842 г. ему пришла въ голову странная мысль выручить Нащокина изъ нужды путемъ опредѣленія его въ воспитатели къ сыну извѣстнаго откупщика Бенардаки; дѣло это, конечно, не состоялось, но всей вѣроятности Нащокинъ отклонилъ предложеніе, но по этому поводу Гоголь написалъ Нащокину обширное (въ 6 печатныхъ страницъ) письмо, содержащее чрезвычайно подробную характеристику Павла Воиновича. Письмо это не прибавляетъ ничего новаго къ нашимъ свѣдѣніямъ о нравственной личности Нащокина, почерпнутымъ изъ воспоминаній Куликова, изъ писемъ Пушкина и пр., но оно важно для насъ, какъ портретъ Нащокина, нарисованный будущимъ творцомъ Хлобуева.

По самому характеру письма **) въ немъ собраны преимущественно положительныя черты Нащокина. Гоголь начинаетъ съ изложенія причинъ, побуждающихъ его хлопотать о Нащокинѣ. «Это не вслѣдствіе дружескихъ отношеній нашихъ,—пишетъ онъ,—не вслѣдствіе одного личнаго уваженія качествъ души вашей, но вслѣдствіе вашихъ свѣдѣній, познанія людей и свѣта, вѣрнаго взгляда на вещи и яснаго, свѣтски-просвѣщеннаго, опытнаго ума, которые должны быть употреблены въ дѣло». Онъ уже давно размышляетъ объ участи Нащокина и о крайности его теперешняго

*) *А. Н. Веселовскій*: „Этюды и характеристики", 2-е изд., М., 1903 г., стр. 584.
**) Письма Н. В. Гоголя, подъ ред. В. И. Шенрока, т. II, стр. 188—194.

положенія, и, изыскивая средства ему помочь, пришелъ къ заключенію, что служба, казенное мѣсто ему (какъ позднѣе Хлобуеву) не годится; теперь онъ остановился на мысли сблизить его съ Бенардаки, и уже говорилъ о немъ послѣднему. «Я ему разсказалъ все, ничего не скрывая, что вы промотали все свое имѣніе, что провели безразсчетно и шумно вашу молодость, что были въ обществѣ знатныхъ повѣсъ и игроковъ, и что среди всего этого вы не потерялись ни разу душою, не измѣнили ни разу ея благороднымъ движеніямъ, умѣли пріобрѣсти невольное уваженіе достойныхъ и умныхъ людей и съ тѣмъ вмѣстѣ самую искреннюю дружбу Пушкина, питавшаго ее къ вамъ, преимущественно передъ другими, до конца своей жизни. И будучи низринуты въ несчастіе, въ самыя крайнія положенія, отъ которыхъ бы закружилась и потерялась у всякаго другого голова, вы не впали въ отчаяніе, не прибѣгнули ни къ одному безчестному средству, которое могло бы васъ выпутать изъ крайности, не вдались ни въ одинъ изъ тѣхъ пороковъ, въ которые способенъ вдаться русскій, приведенный въ отчаяніе; что вы умѣли вынести съ высокимъ христіанскимъ терпѣніемъ испытанія, умѣли благословлять свои несчастія и несете свой крестъ съ тою покорностью и вѣрою, какая не является нынѣ». Далѣе Гоголь приступаетъ къ обстоятельному исчисленію тѣхъ свойствъ Нащокина, которыя будто бы дѣлаютъ его идеальнымъ воспитателемъ. Онъ богатъ опытомъ и, какъ немногіе, изучилъ людей и свѣтъ, онъ истинный, глубоко вѣрующій христіанинъ, онъ обладаетъ свѣтлой ровностью характера, свѣтлыми идеями и вѣрными понятіями, онъ вращался среди лучшихъ художниковъ и аристовъ и пріобрѣлъ познанія въ области искусства, наконецъ, ему свойственна «настоящая простота свѣтскаго обращенія, чуждая высокомѣрія и гордости или измѣнчивой неровности». Единственный большой недостатокъ Нащокина Гоголь видитъ въ неподвижности, лѣни и трудности подняться на дѣло.

Таковы черты, которыя Гоголь считалъ присущими Нащокину. Если мы теперь обратимся къ Хлобуеву, то съ перваго взгляда увидимъ, что его нравственный обликъ до мельчайшихъ подробностей совпадаетъ съ этой характеристикой. Общія черты его жизни и настоящаго положенія—совершенно таковы же, какъ у Нащокина: кутежъ, игра и мотовство въ молодости, теперь почти нищета, молодая сравнительно семья, и старыя привычки роскоши и праздности среди крайней нужды; у Хлобуева нѣтъ обѣда, а для гостей найдется шампанское, ему нечѣмъ было засѣять поля, а завтра онъ даетъ обѣдъ «всѣмъ сословіямъ въ городѣ»—совершенно такъ, какъ разсказываетъ Куликовъ о Нащокинѣ. Онъ глубоко религіозенъ, уменъ и наблюдателенъ, всегда готовъ помочь другому, чистъ и честенъ: ему больно за его крестьянъ, онъ не хочетъ искать службы между прочимъ потому, что и безъ него довольно чиновниковъ, чье жалованье ложится бременемъ на податную массу, и потому, что не умѣетъ брать взятокъ; какъ и Нащокинъ, онъ имѣетъ вкусъ къ меценатству, къ собиранію художественныхъ коллекцій и т. д. Но на первый планъ въ

Хлобуевѣ Гоголь, ради своей художественной или идейной цѣли, выдвинулъ какъ разъ тѣ черты, которыя въ Нащокинѣ казались ему отрицательными: неподвижность, лѣнь и трудность подняться на дѣло.

При чтеніи нѣкоторыхъ страницъ изъ тѣхъ, которыя посвящены Хлобуеву, вамъ невольно покажется, что рѣчь идетъ по просту о Нащокинѣ. Въ письмѣ своемъ къ Нащокину Гоголь говоритъ между прочимъ: «Уже одно множество происшествій, случившихся въ виду и на глазахъ вашихъ, исторіи разорившихся владѣльцевъ, множество нечаянныхъ случаевъ и событій, *которые разсказываете вы такъ живо и увлекательно и съ такою вѣрностью*, въ которыхъ такъ отражается нашъ современный русскій баринъ и человѣкъ, со всею своею оплошностью и недостатками, которыхъ виною всегда почти самъ,—одни эти живые разсказы уже могутъ подѣйствовать глубоко на душу» и т. д. А вотъ каковъ Хлобуевъ въ хорошую минуту: «Шампанское было принесено. Они выпили по три бокала и развеселились. Хлобуевъ развязался: сталъ уменъ и милъ (слова Пушкина о Нащокинѣ!); остроты и анекдоты сыпались у него безпрерывно. Въ рѣчахъ его оказалось столько познанія людей и свѣта! Такъ хорошо и вѣрно видѣлъ онъ многія вещи, такъ мѣтко и ловко очерчивалъ въ немногихъ словахъ сосѣдей-помѣщиковъ, такъ видѣлъ ясно недостатки и ошибки всѣхъ, такъ хорошо зналъ исторію разорившихся баръ: и почему, и какъ, и отчего они разорились; такъ оригинально и мѣтко умѣлъ передавать малѣйшія ихъ привычки,—что они оба (т.-е. Чичиковъ и Платоновъ) были совершенно обворожены его рѣчами и готовы были признать его за умнѣйшаго человѣка» *).—Развѣ это не Нащокинъ, котораго заслушивался Пушкинъ и какимъ зналъ его и Гоголь?

Или вотъ другая страница, съ поразительной точностью воспроизводящая картину жизни Нащокина, какъ ее рисуетъ приведенный выше очеркъ изъ *Искры*: «Только на одной Руси можно было существовать такимъ образомъ. Не имѣя ничего, онъ угощалъ и хлѣбосольничалъ, и даже оказывалъ покровительство, поощрялъ всякихъ артистовъ, пріѣзжавшихъ въ городъ, давалъ имъ у себя пріютъ и квартиру. Если бы кто заглянулъ въ домъ его, находившійся въ городѣ, онъ бы никакъ не узналъ, кто въ немъ хозяинъ. Сегодня попъ въ ризахъ служилъ тамъ молебенъ; завтра давали репетицію французскіе актеры; въ иной день какой-нибудь, неизвѣстный никому почти въ домѣ, поселялся въ самой гостиной съ бумагами и заводилъ тамъ кабинетъ, и это не смущало и не безпокоило никого въ домѣ, какъ бы было житейское дѣло **). Иногда по цѣлымъ днямъ не бывало крохи въ домѣ, иногда же задавали въ немъ такой обѣдъ, ко-

*) Соч., ред. Н. С. Тихонравова, изд. X, т. III, стр. 365.

**) Въ декабрѣ 1831 г. Пушкинъ писалъ женѣ изъ Москвы: „Нащокинъ занятъ дѣлами, а домъ его такая безтолочь и ералашъ, что голова кругомъ идетъ. Съ утра до вечера у него разные народы: игроки, отставные гусары, студенты, стряпчіе, цыганы, шпіоны, особенно заимодавцы. Всѣмъ вольный входъ. Всѣмъ до него нужда. Всякій кричитъ, куритъ трубку, обѣдаетъ, поетъ, пляшетъ; угла нѣтъ свободнаго.

торый удовлетворилъ бы вкусу утонченнѣйшаго гастронома, и хозяинъ являлся праздничный, веселый, съ осанкой богатаго барина, съ походкой человѣка, котораго жизнь протекаетъ въ избыткѣ и довольствѣ. Зато временами бывали такія тяжелыя минуты, что другой давно бы на его мѣстѣ повѣсился или застрѣлился. Но его спасало религіозное настроеніе, которое страннымъ образомъ совмѣщалось въ немъ вмѣстѣ съ безпутною его жизнью»; и дальше Гоголь разсказываетъ, что въ такія минуты почти всегда приходила Хлобуеву откуда-нибудь неожиданная помощь: или кто-нибудь изъ старыхъ друзей вспоминалъ о немъ и присылалъ ему деньги, или какая-нибудь великодушная барыня, тронутая слухами о его нуждѣ, выручала его изъ бѣды, или выигрывалось гдѣ-нибудь въ его пользу дѣло, о которомъ онъ никогда и не слыхалъ. И тогда Хлобуевъ служилъ благодарственный молебенъ, и снова начиналъ свою безпутную жизнь» *). Все это, какъ мы видѣли,—подлинныя черты жизни и личности Нащокина.

Въ 1842 г. Гоголь полагалъ, что изъ Нащокина долженъ выйти образцовый воспитатель; позднѣе, когда писались для второго тома «Мертвыхъ душъ» главы о Хлобуевѣ, онъ держался уже другого взгляда: устами Муразова онъ говоритъ Хлобуеву: «Какъ воспитать дѣтей тому, кто самъ себя не воспиталъ?» Приблизительно такъ долженъ былъ отвѣтить Нащокинъ на письмо Гоголя. Но дѣло, которое предлагаетъ Муразовъ Хлобуеву (собираніе денегъ на постройку храма), по существу своему въ мысли Гоголя тожественно съ тѣмъ, которое онъ самъ предлагалъ Нащокину, и въ томъ письмѣ онъ писалъ Нащокину почти то же, что Муразовъ говоритъ Хлобуеву: нельзя человѣку жить въ праздности; ты накопилъ много опыта, и долженъ употребить его въ дѣло; ты еще ни разу не наложилъ на себя подвига, который свидѣтельствовалъ бы о твоемъ самопожертвованіи и христіанской любви къ брату, не предпринялъ дѣла во имя Бога, внутренно угоднаго Богу,—теперь предстоитъ тебѣ такой подвигъ. И въ обоихъ случаяхъ, рядомъ съ религіозно-нравственной стороной, Гоголь выдвигаетъ и практическую: тамъ—воспитать богатаго юношу, отъ котораго, можетъ быть, будетъ зависѣть счастіе многихъ; здѣсь—разузнать народную жизнь, чтобы потомъ это знаніе отдать на службу государству.

В. И. Шенрокъ въ третьемъ томѣ своихъ «Матеріаловъ для біографіи Гоголя», въ гл. VIII, собралъ всѣ сохранившіяся свѣдѣнія о живыхъ лицахъ, послужившихъ Гоголю какъ бы остовами для типическихъ обобщеній. Въ ряду этихъ сопоставленій Нащокинъ-Хлобуевъ долженъ занять первое мѣсто: здѣсь сходство и наиболѣе велико, и можетъ быть прослѣжено съ наибольшей подробностью. По своеобразному сочетанію своихъ характерныхъ чертъ П. В. Нащокинъ, несомнѣнно, представлялъ собою—и вообще, и особенно въ кругу лицъ, доступныхъ наблюденію Гоголя,—своего рода unicum, и та почти фотографическая точность, съ какою воспроизведены въ Хлобуевѣ его личность и матеріальная обстановка, ка-

*) Соч., изд. X, т. III, стр. 367—368

жется не оставляетъ мѣста сомнѣнію въ вѣрности проведенной нами параллели.

Невольно напрашивается на мысль сравненіе пушкинскаго Пелыкова съ гоголевскимъ Хлобуевымъ. Предъ нами рѣдкій въ исторіи литературы случай, когда два поэта воспроизводятъ *одинъ и тотъ же* живой образъ. Каждый изъ нихъ преслѣдуетъ при этомъ другую художественную цѣль, и каждый воспроизводитъ другія стороны живого первообраза. Ближайшее опредѣленіе этихъ цѣлей и способа обработки первообраза представляетъ, очевидно, большую цѣнность для характеристики обоихъ поэтовъ. Вопросъ этотъ лежитъ внѣ рамокъ нашей статьи, но главный, по крайней мѣрѣ, пунктъ различія все же необходимо отмѣтить.

Пушкина Нащокинъ интересуетъ явно своими чисто-художественными особенностями: живописной яркостью своей фигуры и жизни, гармонической игрой сравнительно-крупныхъ душевныхъ силъ и своей бытовой типичностью. Пушкинъ прежде всего безкорыстно любуется Нащокинымъ, какъ роскошнымъ явленіемъ, а затѣмъ изучаетъ его, вдумывается въ механику этого явленія, ища въ ней дѣйствія нѣкоторыхъ общихъ психологическихъ и историческихъ законовъ. Невозможно отрицать, что и Гоголя привлекала живописность Нащокина; но сознательно онъ пренебрегаетъ этой стороной дѣла и спѣшитъ обратить яркій образъ, представлявшій для Пушкина драгоцѣнность поэтическую,—въ орудіе практической пользы, въ орудіе устроенія общества. Пушкина могъ очаровывать въ Нащокинѣ самый процессъ его бурныхъ переживаній, полный драматизма или типичности,—Гоголя эти переживанія отталкиваютъ своей грѣховностью или общественной зловредностью; онъ и не станетъ ихъ изображать ради нихъ самихъ. Но они интересуютъ его своимъ пророческимъ смысломъ и своими утилитарными результатами, и онъ обращаетъ Хлобуева частью въ пугало, поскольку Хлобуевъ дурно жилъ, частью въ образецъ, поскольку онъ, благодаря этой дурной жизни, сталъ опытенъ и нравственно-закаленъ. Художественная безкорыстность Пушкина и идейный утилитаризмъ Гоголя—вотъ, на нашъ взглядъ, главный пунктъ различія въ отношеніи того и другого къ личности Нащокина; и этотъ выводъ, какъ легко понять, не лишенъ болѣе общаго значенія.

М. Гершензонъ.

Зарожденіе великой республики.

(Колонизація Америки англичанами.)

I.

Взглядъ на значеніе С.-Ам. Соед. Штатовъ среди культурныхъ странъ современнаго міра.

Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты представляютъ собой одно изъ самыхъ замѣчательныхъ государствъ современнаго культурнаго міра, занимая выдающееся положеніе во многихъ и весьма важныхъ отношеніяхъ. Наиболѣе очевиденъ и наиболѣе охотно признается всѣми необыкновенный экономическій прогрессъ С. Штатовъ, занявшихъ первое мѣсто среди всѣхъ странъ міра въ отношеніи многихъ отраслей мануфактурной промышленности (желѣзодѣлательная промышленность, машиностроеніе), равно какъ и въ области сельскаго хозяйства. Промышленный прогрессъ С. Штатовъ представляетъ собой явленіе настолько всѣмъ бросающееся въ глаза, что нѣкоторые пугливые европейскіе публицисты заговорили даже о грядущемъ неотвратимомъ промышленномъ порабощеніи Европы Америкой. Не раздѣляя нисколько этихъ алярмистскихъ взглядовъ, мы указываемъ на нихъ лишь для характеристики того общаго впечатлѣнія, которое въ извѣстныхъ отношеніяхъ производитъ Америка на Европу. Не можемъ не напомнить кстати читателямъ, что по нѣкоторымъ заслуживающимъ довѣрія разсчетамъ около трети механическихъ двигателей всего міра находятся въ С. Штатахъ и что тамъ же находится до трети всѣхъ существующихъ желѣзныхъ дорогъ.

Менѣе извѣстны и менѣе охотно признаются факты, характеризующіе культурный прогрессъ С. Штатовъ, наприм., тѣ усилія, которыя дѣлаетъ великая республика для борьбы съ народнымъ невѣжествомъ, борьбы, крайне затрудняемой ежегоднымъ притокомъ сотенъ тысячъ эмигрантовъ изъ болѣе бѣдныхъ и менѣе цивилизованныхъ странъ Европы: въ самомъ дѣлѣ, въ послѣднее время, какъ извѣстно, эмигранты являются, главнымъ образомъ, изъ славянскихъ земель *) Австріи, изъ Италіи и западной Россіи (русскіе евреи).

---

*) По только что полученнымъ нами изъ Америки офиціальнымъ свѣдѣніямъ за годъ отъ іюня 1902 г. до іюня 1903 г. изъ 815,000 эмигрантовъ, прибывшихъ изъ Европы, 231,000 пріѣхали изъ Италіи, 206,000 изъ Австро-Венгріи и 136,000 изъ Россі-

Достаточно вспомнить, что С. Штаты, имѣя населенія около 70 мил., тратятъ на дѣло народнаго образованія до 450 милл. руб. въ годъ и что число учащихся во всякаго рода школахъ Америки составляетъ около *четвертой части всего населенія;* достаточно вспомнить объ этомъ, чтобы видѣть, что и въ отношеніи средствъ культурнаго развитія С. Штаты въ общемъ далеко превосходятъ большинство наиболѣе цивилизованныхъ странъ современнаго міра. Доказательствомъ необыкновенно широкаго распространенія образованія среди массы американскаго народа и сравнительно весьма энергичной умственной жизни этой массы можетъ служить тотъ поразительный и мало извѣстный фактъ, что въ С. Штатахъ выходитъ до 20,000 періодическихъ изданій, т.-е. *около трети всѣхъ этого рода изданій, выходящихъ на земномъ шарѣ.* Это дѣйствительно страна всемогущей, всевидящей, всезнающей и,— скажемъ кстати,— *всенедовольной* прессы!

С. Штаты представляютъ собой наиболѣе интересную страну и въ политическомъ отношеніи: въ самомъ дѣлѣ, въ этой великой республикѣ происходитъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ опытъ народовластія, опытъ такой организаціи общественныхъ учрежденій, гдѣ, согласно извѣстному выраженію Линкольна, правительственная власть «исходитъ отъ народа, существуетъ для блага народа и приводится въ дѣйствіе народомъ» (government of the people, for the people and by the people).

Опытъ народовластія, производимый въ великой республикѣ, не только наиболѣе грандіозенъ, распространяясь на территорію, равную площади всей Европы, и на населеніе, превосходящее почти вдвое населеніе Англіи или Франціи,—этотъ опытъ вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе продолжителенъ, по крайней мѣрѣ, если имѣть въ виду новѣйшія времена. Вотъ почему уже со временъ Токвиля*), т.-е. въ теченіе 70 лѣтъ, европейскіе публицисты, которые интересуются дѣломъ народной свободы, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдятъ за перипетіями политической жизни этой замѣчательнѣйшей демократіи новѣйшихъ временъ.

Этихъ бѣглыхъ и по необходимости слишкомъ краткихъ предварительныхъ замѣчаній, какъ намъ кажется, совершенно достаточно, чтобы видѣть, насколько велико принципіальное и практическое значеніе внимательнаго изученія исторіи и современнаго состоянія республики, основанной англичанами въ Новомъ Свѣтѣ. На послѣдующихъ страницахъ мы сдѣлаемъ попытку изложить важнѣйшія обстоятельства, которыми сопровождалось самое зарожденіе американской республики, т.-е. основаніе первыхъ англійскихъ колоній въ Америкѣ, изъ которыхъ въ теченіе трехъ вѣковъ образовалось государство, затмившее во многихъ отношеніяхъ всѣ государства древняго и новаго міра.

*) Мы разумѣемъ классическій трудъ Токвиля (Tocqueville) De la Démocratie en Amérique, вышедшій въ 1835 году, имѣвшій съ тѣхъ поръ множество изданій и переведенный на всѣ главные языки (на русскомъ языкѣ существуетъ два или три перевода, изъ которыхъ одинъ изданъ три или четыре года тому назадъ).

Мы попытаемся при этомъ отвѣтить на вопросъ, не было ли при самомъ возникновеніи англійскихъ колоній въ Америкѣ такихъ благопріятныхъ обстоятельствъ, которыя могущественно содѣйствовали появленію и развитію въ Новомъ Свѣтѣ величайшей изъ когда-либо существовавшихъ на земномъ шарѣ демократій.

II.

Первое знакомство англичанъ съ Америкой.

Завоеваніе Константинополя турками (1453 г.) поставило непреодолимыя преграды для торговли Европы съ Востокомъ по обычнымъ путямъ, проложеннымъ гражданами венеціанской и генуэзской республикъ, равно какъ и жителями другихъ странъ, прилегающихъ къ Средиземному морю *). Вмѣстѣ съ этимъ самое Средиземное море утратило значеніе главнаго роднаго пути для сношеній культурныхъ странъ западной Европы съ далекой и богатой Индіей.

Между тѣмъ европейцы успѣли уже привыкнуть ко многимъ экзотическимъ товарамъ, привозимымъ изъ таинственной Индіи. Мы говоримъ «таинственной», такъ какъ въ самомъ дѣлѣ представленія европейцевъ объ Индіи были въ то время очень смутны. Это обстоятельство въ свою очередь объясняется тѣмъ, что торговля Европы съ Индіей велась черезъ посредство арабовъ, превосходившихъ, какъ извѣстно, въ средніе вѣка европейцевъ въ мореплаваніи и другихъ искусствахъ, для которыхъ необходимо знакомство съ астрономіей и другими математическими и вообще точными науками.

При такихъ обстоятельствахъ открытіе какого-нибудь новаго пути въ Индію становилось не только очень желательнымъ, но и прямо-таки безусловно необходимымъ, такъ какъ иначе въ установившемся вѣками товарообмѣнѣ съ Востокомъ должна была послѣдовать полная пертурбація. Къ тому же нѣкоторые товары, привозимые съ Востока, были очень нужны для извѣстныхъ производствъ или для домашняго обихода болѣе обезпеченныхъ классовъ общества **).

Сознаніе такой необходимости открыть новый путь въ Индію и уже довольно распространенное въ то время убѣжденіе въ шаровидности земли привело, какъ извѣстно, Колумба къ попыткѣ достичь *Востока*, то-есть Индіи и Китая, идя все время къ *западу* отъ береговъ Европы.

---

*) Эти и нѣсколько послѣдующихъ фразъ заимствованы нами (съ нѣкоторыми измѣненіями) изъ нашей книги „Исторія колоніальной имперіи и колоніальной политики Англіи", 1902 г.

**) Главнымъ пособіемъ для составленія настоящаго очерка послужило одно изъ новѣйшихъ новѣйшихъ сочиненій по американской исторіи. Ed. Eggleston. A. History of Life in the United States. Первый томъ этого сочиненія носитъ названіе „The Beginners of a Nation" (A history of the source and rise of the earliest English settlements in America) New-York, 1897 г. Мы пользовались параллельно и многими другими сочиненіями по американской исторіи, но не находимъ умѣстнымъ ихъ перечислять.

Можно себѣ представить, какое громадное впечатлѣніе на весь тогдашній цивилизованный міръ произвела вѣсть объ удачѣ Колумба, а равно и баснословные, сильно преувеличенные разсказы о богатствѣ индійскихъ «острововъ», открытыхъ Колумбомъ. Извѣстно, что Колумбъ, несмотря на свои неоднократныя экспедиціи къ берегамъ Америки, умеръ съ той мыслью, что онъ открылъ не новую часть свѣта, отстоящую отъ столь привлекавшей всѣхъ Индіи на десятки тысячъ верстъ, а острова, находящіеся въ близкомъ разстояніи отъ странъ, о которыхъ разсказывалъ такъ много чудеснаго Марко Поло.

Эта ошибка Колумба объясняется въ свою очередь невѣрнымъ представленіемъ образованныхъ людей того времени о дѣйствительныхъ размѣрахъ земли, которые были выяснены лишь много лѣтъ спустя послѣ смерти великаго генуэзскаго мореплавателя.

Такимъ образомъ, заблужденіе Колумба продолжало долго жить послѣ его смерти и въ значительной мѣрѣ опредѣлило отношеніе европейскихъ народовъ вообще и англичанъ въ частности къ вѣсти объ открытіи земель къ западу отъ береговъ Европы. Въ самомъ дѣлѣ, въ теченіе всего XVI в. открытыя Колумбомъ земли считались необыкновенно богатыми драгоцѣнными металлами и составляющими нѣкоторымъ образомъ преддверіе къ еще болѣе богатой Индіи.

Черезъ пять лѣтъ послѣ открытія Колумбомъ Америки (въ 1497 г.) англійскій король Генрихъ VII отправилъ экспедицію подъ начальствомъ Кабота «во всѣ страны востока, запада и сѣвера открывать острова и страны, заселенные язычниками и до сего времени невѣдомые христіанамъ». Экспедиція Кабота привела къ открытію Ньюфаундлэнда и Лабрадора, но не доставила никакихъ богатствъ ни адмиралу, ни англійскому королю. Впрочемъ, Каботъ получилъ изъ личныхъ средствъ короля десять фунтовъ стерлинговъ за то, что «открылъ новый островъ», и король Генрихъ VII объявилъ всѣмъ своимъ вѣрнымъ подданнымъ, что онъ «пріобрѣлъ *часть Азіи*, не обнаживъ даже оружія» (without a stroke of the sword).

Во второе свое плаваніе (1498 г.) Каботъ взялъ съ собой нѣсколько сотъ человѣкъ для основанія поселенія на новыхъ земляхъ и высадилъ въ видѣ опыта часть будущихъ колонистовъ на негостепріимныхъ берегахъ Лабрадора или Ньюфаундлэнда. Однако, Каботъ скоро вернулся, взялъ на суда несчастныхъ людей, высаженныхъ имъ ранѣе на берегъ, и поплылъ къ югу вдоль береговъ Америки до самой Флориды; никто изъ пассажировъ не пожелалъ высадиться гдѣ-либо для основанія колоніи, и Каботу пришлось вернуться въ Англію, не открывъ дороги въ Индію и не положивъ начала колонизаціи новыхъ земель. Впрочемъ, экспедиціи Кабота имѣли то важное значеніе, что впослѣдствіи послужили для англичанъ основаніемъ для предъявленія претензій на весь материкъ сѣв. Америки по праву открытія этого материка.

Неудача экспедиціи Кабота надолго охладила пылъ англичанъ къ от-

сканію пути въ Индію, идущаго около открытыхъ ими «острововъ». Однако, богатства Индіи казались такими заманчивыми, что въ половинѣ XVI в. (1553 г.) была сдѣлана новая попытка достичь той же Индіи, но уже другимъ путемъ—плаваніемъ вокругъ сѣверныхъ береговъ Европы и Азіи. Вмѣсто Индіи англичане, какъ извѣстно, попали въ Бѣлое море, а оттуда сухимъ путемъ въ Москву къ царю Ивану Васильевичу Грозному, что послужило началомъ прямыхъ сношеній Англіи съ московскимъ государствомъ.

Прошло еще почти 25 лѣтъ (1576 г.), неудачи экспедицій Кабота были забыты, и опять возобновились попытки найти такъ называемый сѣверо-западный проходъ въ Индію, т.-е. проходъ вдоль сѣверныхъ береговъ сѣв. Америки, которую все еще продолжали представлять себѣ въ видѣ ряда острововъ, лежащихъ недалеко отъ азіатскаго материка. По выраженію одного писателя временъ Елизаветы, открытіе сѣверо-западнаго пути въ Индію «было единственной вещью въ мірѣ, которая осталась не сдѣланной (left undone) и которой выдающійся человѣкъ могъ бы достичь славы и богатства». Сама королева Елизавета, повидимому, была такъ увѣрена въ существованіи этого прохода и въ богатствѣ странъ, находящихся недалеко отъ этого прохода, что убѣдила «Московскую Компанію» (Moscovy Company была организована для торговли съ Россіей черезъ Бѣлое море) снарядить экспедицію подъ начальствомъ извѣстнаго въ то время мореплавателя Фробишера и отправить ее для разысканія сѣверо-западнаго пути въ Индію. Между 1575 и 1578 годами Фробишеръ совершилъ три плаванія къ берегамъ Лабрадора, но, разумѣется, тщетно искалъ тамъ пути въ Индію и какихъ-либо богатствъ. Впрочемъ, изъ одной такой экспедиціи онъ вывезъ яко бы золотоносную руду, которая, какъ оказалось, не содержала въ себѣ ничего сколько-нибудь цѣннаго.

Непривлекательность береговъ Лабрадора и Ньюфаундлэнда, къ которымъ совершалъ свои плаванія Фробишеръ, побудили слѣдующія экспедиціи спуститься южнѣе. Эти экспедиціи были организованы въ 80-хъ годахъ XVI вѣка знаменитымъ англійскимъ дѣятелемъ временъ Елизаветы сэромъ Вальтеромъ Ралеемъ; онъ затратилъ на это дѣло огромную для того времени сумму около 40,000 фунт. стерл., но всетаки не достигъ никакихъ результатовъ. Дѣло въ томъ, что мечты о золотѣ и близости Индіи отвлекали колонистовъ, отправленныхъ Ралеемъ, отъ серьезнаго земледѣльческаго труда, а подталкивали ихъ на болѣе или менѣе рискованныя экскурсіи далеко во внутрь страны, гдѣ они легко дѣлались жертвами индѣйцевъ, скоро замѣтившихъ безразсудную довѣрчивость европейскихъ пришельцевъ ко всякимъ розсказнямъ о близости странъ, изобилующихъ желтымъ металломъ.

Мѣстомъ послѣднихъ попытокъ англичанъ основать колонію въ Америкѣ было устье рѣки Ронокъ, находящейся въ теперешнемъ штатѣ сѣв. Каролины. Въ то время все побережье сѣв. Америки англичане называли *Виргиніей* въ честь королевы-дѣвственницы (лат. слово «virgo»), занимавшей англійскій престолъ.

Итакъ, всѣ попытки колонизаціи, сдѣланныя англичанами въ XVI в., не привели ни къ какимъ результатамъ, что объясняется неудачнымъ составомъ эмигрантовъ и нѣкоторыми упорными ихъ заблужденіями, къ числу которыхъ слѣдуетъ отнести, во-первыхъ, ложное представленіе о близости вновь открытыхъ странъ къ Индіи и, во-вторыхъ, столь же неосновательную увѣренность въ чрезвычайномъ богатствѣ этихъ странъ драгоцѣнными металлами. Одинъ писатель того времени доказывалъ даже *), что Богъ нарочно скрылъ разныя сокровища во вновь открытыхъ земляхъ, чтобы этимъ побудить европейцевъ усердно посѣщать ихъ и насаждать христіанство среди коснѣющихъ въ варварствѣ туземцевъ.

Впрочемъ, оба эти заблужденія, какъ въ свое время ложное представленіе Колумба о близости береговъ Азіи, принесли англичанамъ свою пользу, такъ какъ благодаря имъ отъ времени до времени возобновлялись попытки подробнаго изслѣдованія открытыхъ Каботомъ «острововъ», причемъ этихъ попытокъ не могли совершенно остановить ни суровый климатъ береговъ Ньюфаундлэнда и Лабрадора, ни отсутствіе какихъ-либо признаковъ золота на восточныхъ берегахъ С. Америки, ни воинственность и предательство индѣйцевъ, ни даже частые случаи болѣзни, голода и смерти первыхъ колонистовъ, пренебрегавшихъ земледѣльческимъ трудомъ и поглощенныхъ одной мыслью,—мыслью отыскать поскорѣе мѣсторожденія золота и ближайшій путь въ Индію.

Однако къ концу XVI вѣка англичане начали излѣчиваться отъ всѣхъ этихъ заблужденій, которыя до того времени они раздѣляли съ испанцами и французами. Въ этомъ отношеніи представляютъ большой интересъ взгляды, которые были выражены Бэкономъ въ его знаменитыхъ «Опытахъ» (Essays), вышедшихъ въ 1597 г. «Колонизацію можно сравнить съ разведеніемъ лѣсовъ,—писалъ Бэконъ въ одномъ изъ своихъ «Опытовъ»,—такъ какъ и въ томъ и другомъ случаѣ вы должны разсчитывать на то, что лѣтъ двадцать будете нести лишь одни расходы. Главной причиной неудачи большинства колоній бываетъ близорукое и низкое стремленіе къ быстрой наживѣ въ первые же годы. Лучше всего бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда, колонизуя страну, вы находите тамъ дѣвственную почву. Золотые и серебряные рудники портятъ характеръ людей, а извлекаемое изъ нихъ богатство, какъ бы ни было оно велико, не можетъ быть надежнымъ ручательствомъ благополучія. Добросовѣстный и непрерывный трудъ—вотъ въ сущности величайшій источникъ богатства».

Вся исторія С. Штатовъ представляетъ убѣдительное доказательство справедливости приведенныхъ словъ Бэкона, особенно если имѣть при этомъ въ виду конечные результаты англійской и испанской колонизаціи Новаго Свѣта.

---

*) *Samuel Purchos.* Соотвѣтственныя цитаты можно найти въ книгѣ Eggleston (стр. 12).

III.

Первое англійское поселеніе въ Америкѣ (основаніе колоніи Виргиніи).

Какъ видно изъ содержанія предшествующей главы, всѣ колонизаціонныя попытки англичанъ (въ Америкѣ) въ XVI в. были неудачны. Надо думать, однако, что англичане и тогда отличались той же настойчивостью и энергіей, которыя характеризуютъ ихъ въ настоящее время, почему несмотря на всѣ неудачи, не оставляли всетаки надежды завести прочныя поселенія на берегахъ открытыхъ ими земель. Въ самомъ дѣлѣ въ 1606 г. король Яковъ (James) I утвердилъ хартію такъ называемой Лондонской или Виргинской компаніи (London or Virginia Company), предоставивъ ей право основывать поселенія между 34° и 41° сѣв. широты *), т.-е. между южной границей нынѣшняго штата Сѣв. Каролины и устьемъ Гудзоновой рѣки (которая, впрочемъ, въ то время называлась еще Сѣверной рѣкой).

Компанія энергично принялась за дѣло и уже въ декабрѣ того же 1606 г. отправила на трехъ небольшихъ судахъ первую партію колонистовъ. Экспедиція поплыла въ Америку обычнымъ въ то время путемъ, т.-е. черезъ Канарскіе острова и Вестъ-Индію, и только въ маѣ слѣдующаго года подошла къ устью одной рѣки, находящейся въ предѣлахъ области, назначенной для колонизаціи лондонской компаніи. Берега рѣки очаровали колонистовъ, истомленныхъ длиннымъ плаваніемъ; по выраженію одного изъ нихъ «небо и земля никогда еще не дѣйствовали такъ согласно, чтобы подготовить мѣсто для человѣческаго жилья».

Какъ это всегда водилось въ то время, вновь открытую рѣку колонисты въ честь короля назвали James rever, т.-е. рѣкой Джемса (Якова), а свое поселеніе Джемстауномъ, т.-е. городъ Джемса (Якова). Основаніе Джемстауна (1607 г.) составляетъ, можно сказать, эпоху въ исторіи С. Штатовъ, такъ какъ это было первымъ постояннымъ поселеніемъ англичанъ въ Америкѣ. Впослѣдствіи изъ этого перваго ядра образовалась колонія Виргинія, давшая американцамъ множество крупнѣйшихъ общественныхъ дѣятелей и патріотовъ и въ томъ числѣ величайшаго изъ нихъ Георга Вашингтона.

Несмотря на упоеніе колонистовъ климатомъ и характеромъ мѣстности, по которой протекаетъ рѣка Джемса, ихъ въ первую же зиму постигли чрезвычайныя бѣдствія и лишенія. Дѣло въ томъ, что они запоздали засѣменені емъ полей частью вслѣдствіе упадка силъ, весьма естественнаго послѣ пятимѣсячнаго плаванія, частью вслѣдствіе отсутствія какого-либо плана или единства дѣйствій. Надо сказать также, что эта первая

*) Одновременно была утверждена хартія такъ назыв. Плимутской компаніи, которой было предоставлено право колонизовать болѣе сѣверныя области, находящіяся между 33° и 45° сѣв. шир., т.-е. между устьемъ рѣки Потомакъ и заливомъ св. Лаврентія. Потерпѣвъ съ самаго начала полную неудачу, Плимутская компанія отказалась отъ дальнѣйшихъ попытокъ колонизовать болѣе сѣверныя берега Америки.

партія колонистовъ была мало пригодна для тяжелой работы піонеровъ дѣвственныхъ земель; около половины колонистовъ были «gentlemen'ы, т.-е. люди, не привыкшіе заниматься физическимъ трудомъ и поѣхавшіе въ Новый Свѣтъ въ надеждѣ на быстрое обогащеніе».

Какъ бы то ни было, зима застала колонистовъ живущими въ землянкахъ или сараяхъ безъ достаточнаго количества съѣстныхъ припасовъ и притомъ, какъ выяснилось впослѣдствіи, въ мѣстности съ болотными лихорадками. Появились болѣзни, которыя для истощенныхъ организмовъ оканчивались большею частью роковымъ образомъ. Къ концу зимы умерло болѣе половины колонистовъ; та же участь навѣрное постигла бы вскорѣ и остальныхъ, если бы не мѣновая торговля съ индѣйцами. Эти послѣдніе, зная уже по опыту преимущества огнестрѣльнаго оружія, охотно приносили дичь и всякаго рода съѣстные припасы въ обмѣнъ на мушкеты европейцевъ.

Тѣ изъ колонистовъ, которые остались въ живыхъ, еле-еле дотянули до весны 1609 г., когда на нѣсколькихъ судахъ прибыло изъ Англіи почти 500 новыхъ эмигрантовъ. Къ сожалѣнію, они привезли съ собой недостаточное количество съѣстныхъ припасовъ, да и самый подборъ новыхъ колонистовъ былъ также довольно неудаченъ, такъ какъ и среди нихъ было слишкомъ много «джентльменовъ» и очень мало людей, способныхъ къ тяжелому физическому труду. Вотъ почему слѣдующей зимой повторился снова голодъ, но даже еще болѣе ужасный, чѣмъ въ первую зимовку европейцевъ въ Америкѣ. Колонисты съѣли всѣхъ домашнихъ животныхъ, не исключая собакъ и кошекъ; затѣмъ стали ѣсть мышей, крысъ,—однимъ словомъ все, чѣмъ, по выраженію одного изъ колонистовъ, «только можно наполнить ротъ или утробу» (mouth or belly). Былъ даже случай, когда болѣе бѣдные изъ колонистовъ вырыли изъ могилы индѣйца, убитаго за три дня передъ тѣмъ, и съѣли его. Дѣло чуть-чуть не дошло до того, что колонисты стали убивать и пожирать другъ друга. Впрочемъ, одинъ колонистъ, доведенный голодомъ до изступленія, убилъ свою жену, съѣлъ часть ея, а остальную часть посолилъ про запасъ. Остальные колонисты, возмущенные такимъ ужаснымъ дѣломъ, сожгли преступника на кострѣ и только этимъ, можетъ быть, удержали другихъ отъ подобныхъ крайностей. Многіе въ отчаяніи уходили въ лѣсъ, пробовали питаться тамъ разными кореньями, умирали отъ истощенія и были затѣмъ съѣдаемы тѣми, кто находилъ ихъ тѣла. Къ веснѣ 1610 г. изъ болѣе, чѣмъ 500 колонистовъ оставалось въ живыхъ около 60, но и они скоро погибли бы голодной смертью, если бы не подоспѣла вовремя новая партія переселенцевъ съ грузомъ съѣстныхъ припасовъ.

Вмѣстѣ съ этой партіей прибылъ губернаторъ новой колоніи Делавэръ, которому были даны Лондонской компаніей самыя широкія полномочія. Мечты о золотѣ не оставляли все еще компанію, какъ и другихъ англичанъ того времени; вслѣдствіе этого съ новой партіей переселенцевъ были отправлено нѣсколько человѣкъ «опытныхъ въ нахожденіи драгоцѣнныхъ

рудниковъ». Вскорѣ послѣ прибытія въ Джемстаунъ эти спеціалисты-золотоискатели въ сопровожденіи большой партіи колонистовъ отправились во внутрь страны, были заведены въ западню индѣйцами и поплатились за свое безразсудство жизнью.

Видя, что колонія не можетъ дать никакихъ скорыхъ барышей для него самого и для Лондонской компаніи, Делавэръ въ слѣдующую же весну уѣхалъ въ Англію, оставивъ на произволъ судьбы колонистовъ, страдавшихъ столько же отъ взаимныхъ несогласій, сколько отъ дурной организаціи переселенческаго дѣла компаніей.

Разочаровавшись въ своей надеждѣ найти въ Виргиніи золото или серебро, Лондонская компанія, не переставая мечтать о большихъ барышахъ, пыталась развить въ Виргиніи сначала шелководство, а затѣмъ культуру винограда. Дѣло въ томъ, что въ Англіи въ то время шелкъ былъ въ большой модѣ, и за него, какъ и за французскія, и за испанскія вина, платили охотно большія деньги.

Вотъ почему компанія неоднократно посылала въ Виргинію спеціалистовъ по культурѣ шелковичныхъ деревьевъ и разведенію шелковичныхъ червей, равно какъ и спеціалистовъ по культурѣ виноградной лозы и винодѣлію. Однако, всѣ эти затѣи не привели ни къ чему; гораздо выгоднѣе и удобнѣе оказалось разведеніе табаку, почему колонисты принялись за это дѣло съ 1612 года, несмотря на то, что король Яковъ I написалъ книгу, доказывавшую омерзительность куренія. Хотя этому взгляду короля сочувствовалъ парламентъ и нѣкоторые видные политическіе и общественные дѣятели Англіи того времени, куреніе все болѣе и болѣе распространялось въ англійскомъ обществѣ, а вмѣстѣ съ этимъ увеличивалась и выгодность культуры табаку, на который всегда былъ хорошій спросъ.

Это обстоятельство, можно сказать, спасло Виргинію, которая послѣ всѣхъ ужасовъ, перенесенныхъ первыми колонистами, пользовалась такой дурной славой, что въ 1618 г. одинъ каторжникъ, которому предложили на выборъ ссылку въ Виргинію или смерть на висѣлицѣ, предпочелъ послѣднее.

Другимъ обстоятельствомъ, имѣвшимъ огромное вліяніе на послѣдующую исторію колоніи Виргиніи и англійской колонизаціи (въ Америкѣ) вообще, было рѣшеніе лондонской компаніи предоставить колонистамъ, поселившимся въ Виргиніи, самое широкое самоуправленіе. Это рѣшеніе компаніи, послѣдовавшее въ 1618 г., т.-е. всего черезъ 12 лѣтъ послѣ отправленія первой партіи переселенцевъ въ Америку, составило такъ назыв. «Великую хартію привилегій и законовъ» (Great Charter of Privileges, Orders and Laws). Хотя текстъ этой «хартіи» не сохранился, однако, главныя основы управленія, введеннаго въ Виргиніи въ силу этой хартіи, намъ болѣе или менѣе извѣстны. По выраженію одного авторитетнаго американскаго историка, «эта хартія составляетъ отправной пунктъ (the storting point) конституціоннаго правительства въ Новомъ Свѣтѣ. Въ ней, какъ въ зародышѣ, заключалась американская система организаціи правитель-

ства, въ которой исполнительная власть принадлежитъ главнымъ образомъ одному лицу, а законодательная власть раздѣлена между двумя собраніями. Можно сказать безъ преувеличенія, что это была своего рода Magna Charta Америки... Если имѣть въ виду его результаты, то едва ли указываемый нами актъ Лондонской компаніи уступаетъ по важности какому-либо государственному документу (state paper) XVII столѣтія *).

Весной слѣдующаго (т.-е. 1619 г.) колонисты получили извѣстіе о дарованныхъ имъ правахъ и привилегіяхъ и по выраженію одного изъ современниковъ почувствовали себя «счастливѣйшими людьми на свѣтѣ, получивъ увѣренность, что такимъ образомъ не напрасны были ихъ долгія лишенія и труды». Въ самомъ дѣлѣ необыкновенная выгодность культуры табака сулила колонистамъ матеріальное богатство, полученіе же хартіи вольностей ставило ихъ въ положеніе свободныхъ полноправныхъ гражданъ нарождающагося государства.

Вслѣдъ за полученіемъ извѣстія о новомъ порядкѣ управленія въ Виргиніи, состоялось первое собраніе представителей отдѣльныхъ поселеній (plantations)—по два отъ каждаго поселка—для обсужденія совмѣстно съ губернаторомъ колоніи и состоявшимъ при немъ совѣтомъ (родъ верхней палаты) разныхъ нуждъ колоніи и для изданія необходимыхъ «законовъ и распоряженій». Иначе сказать, всего черезъ какихъ-нибудь 12 лѣтъ послѣ организаціи въ Виргиніи перваго постояннаго поселенія англичанъ тамъ состоялось уже созваніе представительнаго собранія, которое съ этихъ поръ собиралось уже ежегодно.

Впрочемъ, съ того же 1619 г., когда занялась заря свободныхъ учрежденій въ Америкѣ, начинается и имѣвшій столь роковыя послѣдствія для Новаго Свѣта ввозъ негровъ-рабовъ. Первая партія негровъ состояла всего изъ 20 человѣкъ и была привезена въ Виргинію голландцами. Вообще можно сказать, что до средины XVII в. число негровъ-рабовъ въ Виргиніи было незначительно и не достигало даже и полутора тысячи человѣкъ; затѣмъ съ распространеніемъ колонизаціи на болѣе южныя области, гдѣ физическій трудъ такъ тяжелъ для представителей бѣлой расы, въ особенности же съ расширеніемъ культуры табака, число негровъ въ Америкѣ (мы говоримъ все время объ англійскихъ колоніяхъ) стало быстро увеличиваться. Какъ извѣстно, это обстоятельство наложило особый отпечатокъ на весь складъ общественной и частной жизни въ южныхъ колоніяхъ, ставшихъ впослѣдствіи южными штатами, и привело, наконецъ, ко всѣмъ памятной борьбѣ (1861—65 гг.), закончившейся полнымъ разгромомъ южныхъ штатовъ и освобожденіемъ негровъ.

Мы позволили себѣ сдѣлать такую экскурсію въ исторію XIX столѣтія, такъ какъ хотѣли показать, какъ отдаленны и многообразны были послѣдствія появленія негровъ-рабовъ въ Америкѣ, происшедшаго въ тотъ самый годъ, съ котораго начинается развитіе свободныхъ учрежденій (по край-

*) Eggleston. The Beginners of a Nation, 55.

ней мѣрѣ, если имѣть въ виду представителей бѣлой расы) въ Новомъ Свѣтѣ.

Заканчивая этотъ по необходимости слишкомъ краткій очеркъ зарожденія перваго англійскаго поселенія и первой англійской колоніи (Виргинія) въ Америкѣ, мы считаемъ нужнымъ сообщить, что къ 1623 г., т.-е. черезъ шестнадцать лѣтъ послѣ высадки колонистовъ въ устьѣ рѣки Джемса, въ Джемстаунѣ и окрестныхъ поселеніяхъ насчитывалось не болѣе 1,300 жителей. Между тѣмъ за это время переселилось изъ Англіи въ Америку въ общемъ не менѣе 6,000 человѣкъ. Иными словами, громадное большинство піонеровъ англійской колонизаціи въ Америкѣ погибло въ первые же годы своего пребыванія въ Новомъ Свѣтѣ вслѣдствіе болѣзней и чрезвычайныхъ лишеній, объясняемыхъ частью неумѣлымъ веденіемъ дѣла колонизаціи, въ которой англичане производили тогда свои первые опыты, частью неудачнымъ подборомъ переселенцевъ.

Однако, къ концу XVII столѣтія населеніе Виргиніи достигло уже почти 100,000! Хотя надежды первыхъ колонистовъ на быстрое и легкое обогащеніе оказались лишенными всякаго основанія, тѣмъ не менѣе англичане своимъ упорнымъ трудомъ и трудомъ (сравнительно весьма немногочисленныхъ въ то время) негровъ-рабовъ, сумѣли основать на новомъ материкѣ прочныя и благоденствующія земледѣльческія поселенія. Нельзя не отмѣтить при этомъ въ качествѣ факта великой важности, что несмотря на всѣ перипетіи политической жизни метрополіи (казнь Карла I, долгій парламентъ и т. д.), зерно народнаго правленія, брошенное на новую почву, развивалось тамъ непрерывно. Вслѣдствіе этого принципъ народовластія къ концу XVIII в. сталъ непоколебимой основой общественныхъ учрежденій англичанъ, жившихъ въ Америкѣ. Это особенно справедливо по отношенію къ болѣе сѣвернымъ колоніямъ, извѣстнымъ подъ общимъ названіемъ Новой Англіи.

Въ слѣдующихъ главахъ мы ознакомимся съ обстоятельствами, сопровождавшими возникновеніе этихъ колоній, которымъ суждено было играть доминирующую роль въ созданіи одной изъ наиболѣе замѣчательныхъ демократій новѣйшихъ временъ.

IV.

Реформація и пуританизмъ въ Англіи.

Въ предшествующей главѣ мы ознакомились съ исторіей возникновенія перваго постояннаго поселенія англичанъ въ Америкѣ. Мы видѣли, что главнымъ стимуломъ, побудившимъ колонистовъ къ переселеніямъ и даже къ самому основанію Лондонской или Виргинской компаніи, которая организовала переселенія, была надежда на быстрое обогащеніе, надежда, объясняемая распространенной въ то время увѣренностью въ сосѣдствѣ Виргиніи съ Индіей и въ богатствѣ новооткрытыхъ земель драгоцѣнными металлами. Мы видѣли также, что всѣ эти надежды оказались на дѣлѣ

лишенными всякаго основанія. Послѣ ряда ужасныхъ страданій и лишеній колонисты убѣдились, наконецъ, въ своей ошибкѣ; они научились довольствоваться малымъ и потому чрезвычайно обрадовались, когда увидѣли, что культура табака въ Новомъ Свѣтѣ можетъ обезпечить имъ небольшой, но вѣрный матеріальный достатокъ. Начавшійся вскорѣ послѣ основанія перваго поселенія въ Виргиніи ввозъ негровъ-рабовъ обезпечилъ колонистамъ необходимую помощь для производства наиболѣе грубыхъ и тяжелыхъ работъ, а впослѣдствіи позволилъ даже создать въ Новомъ Свѣтѣ своеобразную демократію бѣлыхъ гражданъ, основанную, подобно демократіямъ классическаго міра, на трудѣ безправной массы рабовъ.

Не таково происхожденіе болѣе сѣверныхъ колоній англичанъ въ Америкѣ, тѣхъ колоній, гдѣ находятся въ настоящее время штаты Массачузетсъ, Мэнъ и другіе, составляющіе вмѣстѣ такъ назыв. Новую Англію. Здѣсь мотивы къ переселеніямъ изъ Европы въ Америку были иного рода, мотивы, гораздо болѣе захватывающіе душу человѣка, чѣмъ сравнительно элементарное и легко удовлетворимое стремленіе къ наживѣ и обогащенію. Двигателемъ, побудившимъ англичанъ къ колонизаціи болѣе сѣверныхъ областей Америки, были причины религіозныя, вслѣдствіе чего намъ придется сказать нѣсколько словъ объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ реформаціонное движеніе въ Англіи въ XVI и XVII вѣкахъ.

Суть дѣла заключается въ томъ, что реформація въ Англіи, внѣшнимъ толчкомъ къ которой послужило объявленіе англійской церкви независимой отъ папской власти (1534 г.), не ограничилась этимъ, какъ хотѣлъ король Генрихъ VIII, а продолжала развиваться далѣе и дошла впослѣдствіи у представителей крайней реформы, такъ называемыхъ пуританъ и сепаратистовъ, до отрицанія всей обрядовой стороны богослуженія, которое они желали свести къ одной проповѣди и пѣнію псалмовъ. Король же Генрихъ VIII, какъ извѣстно, примкнулъ къ начавшемуся въ Европѣ реформаціонному движенію *) лишь тогда, когда отдѣленіе англійской церкви отъ Рима и послѣдовавшее вскорѣ за этимъ уничтоженіе монастырей и секуляризація ихъ собственности, стали для него желательными—первое, для того, чтобы устроить разводъ съ его женой, Екатериной Аррагонской, второе—для личнаго обогащенія, такъ какъ, дѣйствительно, значительная часть монастырской собственности перешла во владѣніе короля **). Корыстныя побужденія играли большую роль и въ походѣ (1538 г.) Генриха VIII и его фаворитовъ противъ святыхъ иконъ, мощей и т. п., такъ какъ золото и брилліанты, которыми были украшены чудотворныя и иныя иконы, попали по преимуществу въ руки короля и его любимцевъ ***).

---

*) Сначала Генрихъ VIII выступилъ даже союзникомъ папы въ его борьбѣ съ Лютеромъ и написалъ противъ послѣдняго цѣлую книгу (1521 г.), за что получилъ отъ папы титулъ „Защитника Вѣры“.

**) См., наприм., *S. Rawson Gardiner A Student's* „History of England“, 1891, 398.

***) См. тотъ же трудъ замѣчательнаго англійскаго историка (скончавшагося около года тому назадъ).

Однако всѣмъ такимъ своимъ поступкамъ король въ глазахъ современниковъ постарался придать принципіальный характеръ, оправдывая уничтоженіе монастырей распутной жизнью монаховъ, уничтоженіе чудотворныхъ иконъ и мощей указаніемъ на наглые обманы духовныхъ лицъ, которымъ доставались главныя выгоды отъ обильныхъ приношеній наивныхъ людей, стекавшихся на поклоненіе мощамъ и чудотворнымъ иконамъ.

Однимъ словомъ, прекративъ связь англійской церкви съ Римомъ и осуществивъ нѣкоторыя другіе весьма важные пункты программы лютеранства,—все это было въ значительной степени подъ вліяніемъ своихъ ближайшихъ, частью очень недостойныхъ нуждъ,—король Генрихъ VIII искалъ опоры въ той части своихъ подданныхъ, которыхъ коснулся реформаціонный духъ, охватившій въ то время континентальную Европу.

Однако Генрихъ VIII вовсе не имѣлъ желанія слѣдовать до конца нѣмецкимъ реформаторамъ, и пытался остановить у себя въ Англіи реформаціонное движеніе на полдорогѣ, если не ранѣе.

Въ виду этого въ 1539 г. онъ заручился согласіемъ парламента на такъ называемыя «шесть статей» или пунктовъ (The Six Articles), въ которыхъ были формулированы главные принципы новаго или, вѣрнѣе, слегка обновленнаго англійскаго вѣроученія. Первымъ изъ этихъ пунктовъ оставлялось неприкосновеннымъ ученіе католической церкви о преосуществленіи даровъ; однимъ изъ послѣдующихъ пунктовъ провозглашался старый принципъ безбрачія духовенства. Всякому, кто отрицалъ первый пунктъ, законъ грозилъ сожженіемъ на кострѣ; за отрицаніе другихъ пунктовъ обновленнаго англійскаго католицизма,—такъ какъ назвать новое вѣроученіе протестантизмомъ было бы совершенно неумѣстно,—законъ грозилъ на первый разъ конфискаціей имущества и въ случаѣ повторенія преступленія—висѣлицей.

Эти «шесть пунктовъ» были однако слишкомъ слабой уступкой новымъ вѣяніямъ, получившимъ теперь распространеніе и въ Англіи, и даже самому Генриху VIII, умершему черезъ 8 лѣтъ (1547 г.), послѣ изданія «шести пунктовъ» пришлось согласиться на введеніе въ мессу нѣсколькихъ молитвъ (Вѣрую, Отче Нашъ) и десяти заповѣдей на англійскомъ языкѣ при сохраненіи остальной части церковной службы на латинскомъ языкѣ.

Преемникъ Генриха VIII король Эдуардъ VI пошелъ еще дальше по пути протестантизма: спустя два года послѣ его восшествія на престолъ (1549 г.) съ согласія парламента богослуженіе стало совершаться на англійскомъ языкѣ. Однако крайнія мнѣнія въ области вѣры не были терпимы въ Англіи и при королѣ Эдуардѣ, какъ это видно по нѣсколькимъ, правда, немногочисленнымъ, случаямъ сожженія на кострѣ за отрицаніе ученія о воплощеніи (Incarnation).

Мы не будемъ слѣдить за дальнѣйшей исторіей протестантизма въ Англіи тѣмъ болѣе, что въ половинѣ XVI вѣка вполнѣ опредѣлился предѣлъ, которымъ de facto ограничилось усвоеніе реформаціонныхъ ученій англійской епископальной церковью. По выраженію одного американскаго историка,

«реформація въ Англіи была консервативна, какъ и всѣ другія англійскія революціи». Въ самомъ дѣлѣ, англійская церковь удержала епископскій санъ, всѣ семь таинствъ, сохранила многіе обряды и внѣшнія формы прежняго католическаго богослуженія, сохранила облаченія церковно-служителей въ храмѣ и т. д. Наиболѣе существеннымъ и важнымъ результатомъ реформаціоннаго движенія въ Англіи слѣдуетъ считать прекращеніе связи съ Римомъ, т.-е. отсутствіе всякаго подчиненія папѣ (причемъ роль главы церкви фактически сталъ играть король), совершеніе богослуженія на англійскомъ языкѣ, возможность брака для духовенства и запрещеніе обѣтовъ монашества.

Само собой разумѣется, такое ограниченіе дѣла церковной реформы не могло удовлетворить людей, искренне проникнутыхъ духомъ реформаціи, особенно, если принять во вниманіе, что во второй половинѣ XVI в. въ Англіи было извѣстно не только ученіе Лютера, но и ученіе Кальвина. Людей, желавшихъ *очистить* англійскую епископальную церковь отъ сохранившихся въ ней обрядовъ и ученій католицизма, въ Англіи XVI вѣка стали называть *пуританами*. Какъ всегда бываетъ въ періодъ зарожденія новыхъ ученій и сектъ, сначала не было никакихъ опредѣленныхъ и твердыхъ признаковъ, отдѣлявшихъ пуританъ отъ лицъ, принимавшихъ ученіе и обрядовую сторону англиканской епископальной церкви въ томъ видѣ, въ какомъ то и другое было установлено властями. Многіе изъ пуританъ занимали болѣе или менѣе видное положеніе въ той церкви, которую они желали реформировать, частью потому, что, по выраженію одного изъ нихъ, епископа Холля (Hall), «лучше проглотить лишній обрядъ (to swallow a ceremony), чѣмъ производить расколъ въ церкви», частью потому, что, оставаясь въ лонѣ епископальной церкви, они разсчитывали скорѣе добиться ея исправленія въ желаемомъ ими смыслѣ. Въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторые пуритане, занимая мѣста пасторовъ и епископовъ, совершали богослуженіе съ нѣкоторыми измѣненіями въ обрядахъ,—измѣненіями, которыя намъ, людямъ XX вѣка, кажутся пустячными, но которымъ сами пуритане придавали большое принципіальное значеніе.

Свѣтскія власти въ первую половину царствованія королевы Елизаветы (1558—1603 гг.),—пока приходилось заботиться о возстановленіи англійскаго протестантизма вообще, уничтожить который пыталась не безъ успѣха предшественница Елизаветы на англійскомъ престолѣ (Марія),—смотрѣли сквозь пальцы на тѣ вольности, которыя позволяли себѣ сторонники сравнительно крайнихъ формъ протестантизма. Съ другой стороны, борьба съ общимъ врагомъ—католичествомъ—заставляла пуританъ смягчать различія между ихъ взглядами на религіозные вопросы и тѣми, которые съ воцареніемъ Елизаветы вновь получили офиціальную санкцію парламента.

Однако религіозные вопросы слишкомъ занимали людей XVI вѣка, чтобы могли долго мирно уживаться представители умѣренныхъ и крайнихъ взглядовъ на церковную реформу. Между тѣми и другими возникъ въ концѣ-концовъ острый конфликтъ, однимъ изъ отдаленныхъ результатовъ кот-

раго оказалось основаніе нѣсколькихъ колоній въ Америкѣ, получившихъ общее названіе Новой Англіи и принявшихъ особый неизгладимый отпечатокъ англо-саксонской культуры, перенесенной въ XVII вѣкѣ изъ Англіи въ Америку. Въ слѣдующей главѣ мы ознакомимся съ этимъ великимъ моментомъ міровой исторіи.

V.

Переселеніе такъ называемыхъ сепаратистовъ въ Голландію, а оттуда въ Америку.

Итакъ, во второй половинѣ царствованія королевы Елизаветы начались въ Англіи преслѣдованія пуританъ. Болѣе слабыхъ людей эти преслѣдованія заставили покориться, по крайней мѣрѣ, наружно, у людей болѣе энергичныхъ тѣ же преслѣдованія вызвали рѣшительное отчужденіе отъ господствующей, т.-е. епископальной церкви, и даже стремленіе выдѣлиться въ особое религіозное общество, почему такихъ лицъ стали звать «сепаратистами». Основаніе отдѣльныхъ религіозныхъ обществъ сопровождалось усиленіемъ замѣчавшейся у всѣхъ пуританъ тенденціи къ упрощенію богослуженія въ цѣляхъ приближенія его къ формамъ, господствовавшимъ, по ихъ представленіямъ, въ апостольскія времена. Вслѣдствіе этого сепаратисты съ теченіемъ времени свели все богослуженіе къ проповѣди и пѣнію псалмовъ собраніемъ вѣрующихъ. Однимъ изъ наиболѣе горячихъ проповѣдниковъ сепаратизма былъ пасторъ Роб. Броунъ, дѣйствовавшій главнымъ образомъ въ Лондонѣ между 1581 и 1586 гг. Роб. Броунъ тридцать три раза былъ заключенъ въ тюрьму за свою проповѣдническую дѣятельность и, наконецъ, бѣжалъ въ Голландію, гдѣ издалъ нѣсколько полемическихъ сочиненій по церковнымъ вопросамъ. Онъ, впрочемъ, оставался въ Голландіи недолго, вернулся въ 1584 г. на родину, гдѣ вскорѣ былъ преданъ формальному отлученію отъ церкви. Броунъ не выдержалъ всѣхъ пережитыхъ потрясеній, раскаялся и былъ снова принятъ въ лоно епископальной церкви.

Другіе сепаратисты оказались однако устойчивѣе Броуна и не отступили отъ своихъ идей. Многихъ изъ нихъ заключили въ тюрьму, гдѣ большинство нашло преждевременную кончину; часть лондонскихъ сепаратистовъ (Лондонъ былъ центромъ этого движенія) избавилась отъ той же участи только бѣгствомъ въ Голландію.

Въ концѣ царствованія Елизаветы (1603 г.) въ Англіи осталось очень мало открытыхъ пуританъ и еще менѣе сепаратистовъ. Отъ преслѣдованій уцѣлѣла какимъ-то чудомъ глухая деревня Скруби (Scrooby), находящаяся въ Іоркширскомъ графствѣ (пограничномъ съ Шотландіей), гдѣ образовалась группа ревностныхъ сепаратистовъ, которые задались цѣлью возсоздать первоначальную христіанскую церковь во всей ея простотѣ и чистотѣ.

Вступленіе на англійскій престолъ короля Якова I (бывшаго ранѣе королемъ Шотландіи подъ именемъ Якова VI) положило конецъ мечта-

ніямъ тѣхъ, кто еще надѣялся на дальнѣйшее очищеніе англиканской церкви въ духѣ реформаціи. Съ первыхъ же лѣтъ своего царствованія Яковъ I сталъ усиленно преслѣдовать пуританъ, по поводу которыхъ онъ однажды выразился публично: «я заставлю ихъ принять въ полной мѣрѣ ученіе англиканской церкви или же выгоню ихъ изъ этого острова, если не поступлю съ ними еще хуже» *). Сепаратистамъ же грозило безпощадное преслѣдованіе, такъ какъ они, съ точки зрѣнія епископальной церкви, являлись самыми опасными еретиками.

При такихъ обстоятельствахъ сепаратистамъ Скруби оставался только одинъ путь къ спасенію—бѣгство въ Голландію, единственную страну, гдѣ въ то время относились съ нѣкоторой терпимостью къ разнымъ исповѣданіямъ реформированнаго католичества (не допуская однако самаго католичества). Впрочемъ, бѣжать изъ Скруби было не такъ-то легко: власти хватали бѣглецовъ, сажали ихъ въ тюрьму и отбирали въ казну ихъ имущество. Это не могло, однако, остановить религіозныхъ энтузіастовъ, какими были бѣглецы изъ Скруби. Большинство ихъ такъ или иначе попало на континентъ и достигло Амстердама, въ то время одного изъ главныхъ промышленныхъ и культурныхъ центровъ всей сѣверной Европы и одного изъ оплотовъ протестантизма.

Описываемое нами бѣгство жителей Скруби въ Голландію совершилось въ 1608 и 1609 году. Бѣглецы застали въ Амстердамѣ колонію англичанъ, переселившихся туда еще раньше и по тѣмъ же побужденіямъ, т.-е. спасаясь отъ преслѣдованій со стороны духовныхъ и свѣтскихъ властей въ Англіи. Среди сепаратистовъ, которыхъ бѣглецы изъ Скруби застали въ Амстердамѣ, постоянно происходили раздоры изъ-за различнаго пониманія отвлеченнѣйшихъ богословскихъ вопросовъ. Это не понравилось новымъ пришельцамъ въ Голландію, которые, будучи всѣ изъ одной небольшой деревенской общины, успѣли образовать между собой тѣсныя связи, упроченныя недавними общими бѣдствіями и лишеніями. Кромѣ того, бывшимъ жителямъ деревенской общины Скруби вообще не нравилась жизнь въ такомъ большомъ городѣ, какъ Амстердамъ, гдѣ по необходимости доминировали промышленные и коммерческіе интересы (около описываемаго нами времени въ Амстердамѣ была основана знаменитая голландская Остъ- и Вестъ-индская компанія), гдѣ все было очень дорого и гдѣ они терялись среди почти стотысячной массы жителей. Все это побудило сепаратистовъ Скруби въ скоромъ времени оставить Амстердамъ и переселиться въ сравнительно маленькій городъ Лейденъ.

---

*) Эти слова были произнесены Яковомъ I въ заключеніе диспута, организованнаго имъ въ 1604 году между 9 епископами англиканской церкви и 4 проповѣдниками пуританъ. Эти послѣдніе явились на диспутъ, такъ какъ думали, что король хотѣлъ быть лишь безпристрастнымъ свидѣтелемъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ лично вмѣшался въ споръ и самымъ рѣзкимъ и грубымъ образомъ опровергалъ пуританъ. Этотъ знаменитый диспутъ (Hampton Conference) имѣлъ роковое значеніе для послѣдующей судьбы пуританизма и сепаратизма, да и для самой династіи Стюартовъ. Тотъ же диспутъ имѣлъ чрезвычайно важное вліяніе на дальнѣйшій ходъ англійской колонизаціи въ Америкѣ.

Этотъ городъ пользовался тогда широкой извѣстностью благодаря основанному не за долго передъ тѣмъ (послѣдняя четверть XVI в.) университету, куда стекались для изученія богословскихъ наукъ англійскіе пуритане и французскіе гугеноты. Впрочемъ, въ описываемое нами время Лейденъ былъ еще болѣе извѣстенъ своей сравнительно недавней (1574 — 75 гг.) геройской борьбой съ осаждавшими его испанцами. Самый университетъ былъ основанъ въ Лейденѣ въ память этой осады и долженъ былъ продолжать въ области науки и литературы борьбу съ деспотизмомъ и католичествомъ, однимъ изъ эпизодовъ которой была осада Лейдена и все вообще революціонное движеніе въ Нидерландахъ. Въ самомъ дѣлѣ, Лейденъ долгое время оставался однимъ изъ наиболѣе крупныхъ умственныхъ центровъ Европы, вслѣдствіе чего въ XVII в. его часто называли «Аѳинами Запада».

Таковъ былъ городъ, куда переселились сепаратисты изъ Скруби. Но и въ Лейденѣ ихъ жизнь была очень тяжела. Во-первыхъ, они продолжали страдать отъ бѣдности, которая—помимо трудности найти какое-нибудь платное занятіе въ чужой странѣ, говорящей на незнакомомъ языкѣ,—объясняется также и тѣмъ, что сепаратисты при своемъ поспѣшномъ бѣгствѣ изъ Англіи не могли, конечно, ни распродать, ни тѣмъ болѣе взять съ собой того, что было у нихъ болѣе цѣннаго. Вторая бѣда сепаратистовъ изъ Скруби заключалась въ томъ, что, будучи въ Англіи жителями сельскаго округа, они должны были въ Голландіи приспособляться къ условіямъ городской жизни. Наконецъ, хотя Лейденъ былъ значительно меньше Амстердама, небольшая группа англійскихъ сепаратистовъ всетаки чувствовала себя совершенно теряющейся въ массѣ голландцевъ. Болѣе пожилые изъ сепаратистовъ ясно видѣли, что дѣти ихъ, быстро перенимавшія языкъ и понятія голландцевъ, съ теченіемъ времени неминуемо забудутъ языкъ и родину своихъ отцовъ. Родительское сердце сепаратистовъ страдало, кромѣ того, и отъ тѣхъ лишеній, которыя приходилось терпѣть ихъ дѣтямъ, причемъ этимъ лишеніямъ не предвидѣлось даже близкаго конца, такъ какъ отсутствіе какихъ-либо денежныхъ средствъ у сепаратистовъ не позволяло имъ обзавестись сколько-нибудь сноснымъ хозяйствомъ или начать какое-нибудь торговое или иное выгодное дѣло.

Такъ прошло лѣтъ восемь или десять. Въ это время въ Англіи стали распространяться благопріятные слухи о поселеніяхъ, основанныхъ въ Виргиніи. Эти слухи—частью въ преувеличенномъ видѣ—дошли и до небольшой колоніи англійскихъ сепаратистовъ въ Лейденѣ. Въ то время среди нихъ появилась въ первый разъ мысль о переселеніи въ далекій край, лежащій за обширнымъ океаномъ, чтобы сохранить хотя бы такимъ образомъ свою вѣру, свой языкъ, свои учрежденія. Мы знаемъ съ другой стороны, что въ описываемое нами время (начало XVII вѣка) какъ Виргинская компанія, такъ и король Яковъ I всячески поощряли эмиграцію въ Америку, надѣясь все еще найти тамъ великія богатства.

Когда виргинской компаніи было сообщено о желаніи сепаратистовъ, живущихъ въ Лейденѣ, переселиться въ Америку, она охотно согласилась

предоставить имъ земли на своихъ владѣніяхъ, но не могла никакъ гарантировать сепаратистамъ, что они будутъ пользоваться въ Америкѣ полной свободой въ религіозномъ отношеніи. Когда нѣкоторые друзья лейденскихъ сепаратистовъ, имѣвшіе связи при англійскомъ дворѣ, стали хлопотать за нихъ у короля Якова I, послѣдній обѣщалъ, что оставитъ въ покоѣ тѣхъ сепаратистовъ, которые переселятся изъ Лейдена во владѣнія виргинской компаніи, но отказался подтвердить свое обѣщаніе какимъ-либо офиціальнымъ актомъ. Когда въ виду новыхъ хлопотъ сепаратистовъ король запросилъ по этому поводу мнѣніе двухъ архіепископовъ англиканской церкви, оба они выразили рѣшительный протестъ противъ какихъ-либо формальныхъ уступокъ лейденскимъ выходцамъ изъ Англіи. Едва ли, впрочемъ, можно этому удивляться, если принять въ соображеніе, что даже лордъ Бэконъ, знаменитый государственный дѣятель и философъ описываемаго нами времени, находилъ, что сепаратистовъ, какъ и всякихъ проходимцевъ (outlaws) и преступниковъ, не слѣдуетъ допускать въ колоніи, а въ случаѣ самовольнаго переселенія «возвращать обратно при первой возможности, такъ какъ «такія лица», говоритъ Бэконъ, соединяя ихъ всѣхъ въ одну категорію, «не годятся для основанія новыхъ колоній» *). Правда, Бэконъ, отличавшійся въ качествѣ политическаго дѣятеля крайней угодливостью, могъ говорить это изъ желанія понравиться Якову I, тѣмъ не менѣе приведенныя выше слова могутъ служить прекрасной характеристикой отношенія дирижировавшихъ классовъ Англіи къ вопросу о заселеніи нарождающихся колоній сепаратистами и вообще лицами, не принадлежащими къ епископальному исповѣданію. Это представлялось зломъ, на которое можно, пожалуй, смотрѣть пока сквозь пальцы въ виду малаго числа другихъ колонистовъ и въ виду опасенія, что иначе страны, лежащія за Атлантическимъ океаномъ, могутъ быть колонизованы испанцами, французами или голландцами.

Въ концѣ концовъ лейденскіе сепаратисты пришли къ тому заключенію, что въ томъ предпріятіи, на которое они отваживались, нельзя придавать рѣшающаго значенія королевскому обѣщанію, такъ какъ разсудили они вполнѣ правильно—«хотя бы обѣщаніе короля было запечатано печатью величиной въ площадь комнаты», это не могло бы помѣшать Якову I нарушить впослѣдствіи свое слово.

Вслѣдствіе этого переговоры сепаратистовъ съ Виргинской компаніей продолжались и заключились тѣмъ, что въ началѣ 1420 года компанія формально обѣщала лейденскимъ сепаратистамъ, что они въ случаѣ переселенія въ предѣлы владѣній компаніи будутъ пользоваться полнымъ самоуправленіемъ съ тѣмъ лишь ограниченіемъ, что издавая разныя распоряженія и организуя общественные порядки, они не должны дѣлать чего-либо противнаго англійскимъ законамъ. Иными словами, сепаратистамъ была обѣщана фактически полунезависимость, а это обѣщаніе было въ значи-

*) Цитиров. въ сочиненіи Eggleston'a the Beginners of a nation, 171.

тельной мѣрѣ исполнено, какъ это показываетъ исторія сепаратистскихъ поселеній въ Америкѣ.

Получивъ приведенный выше отвѣтъ Виргинской компаніи, лейденскіе сепаратисты цѣлую ночь обсуждали его со всѣхъ сторонъ и наконецъ послѣ многихъ колебаній рѣшились на новое значительно болѣе далекое и опасное переселеніе, не успѣвъ пробыть въ Голландіи и 12 лѣтъ. Впрочемъ, переселяться рѣшили не всѣ лейденскіе сепаратисты, а только та ихъ часть, которая была въ цвѣтѣ лѣтъ и силъ. Этого требовало самое элементарное благоразуміе, такъ какъ всѣ хорошо понимали, какіе труды и лишенія ожидаютъ переселенцевъ въ новомъ краѣ, гдѣ уже нашла себѣ преждевременную могилу не одна сотня эмигрантовъ, при томъ эмигрантовъ, переселившихся при гораздо благопріятныхъ условіяхъ, пользовавшихся благосклонностью правительства и располагавшихъ щедрыми денежными субсидіями Виргинской компаніи.

Итакъ, переселившіеся въ Америку сепаратисты понимали хорошо, на что они шли. По выраженію одного изъ нихъ *), оставившаго потомству драгоцѣнныя записки объ этомъ великомъ предпріятіи, имѣвшемъ огромныя послѣдствія для цѣлаго материка, сепаратисты рѣшились на свой смѣлый поступокъ потому, что «не смотрѣли на землю и ея радости, а обращали свои взоры на небо,—свою самую дорогую родину,—и этимъ поддерживали бодрость духа».

Въ іюлѣ 1620 г. отправилось въ Виргинію до ста переселенцевъ на небольшомъ и старомъ суднѣ, называвшемся Mayflower **). Переселенцы думали достичь Америки въ сентябрѣ, но судно оказалось съ очень плохимъ ходомъ, вѣтра были противные, и переселенцы къ октябрю добрались только до мыса Кодъ, находящагося на 42° сѣв. широты, т.-е. въ области, предоставленной для колонизаціи Плимутской компаніи и оставленной послѣдней въ виду жестокихъ неудачъ, постигшихъ первыхъ переселенцевъ ***). Поэтому Mayflower со своими пассажирами пошелъ дальше къ югу, но встрѣтилъ мели, противныя теченія и жестокія бури, почему черезъ мѣсяцъ повернулъ назадъ и въ декабрѣ опять оказался около того же мыса Кодъ. Капитанъ, желавшій поскорѣе вернуться въ Англію, отказался продолжать плаваніе съ переселенцами; къ этому побуждалъ его и обнаружившійся недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ.

Такимъ образомъ волей-неволей лейденскимъ переселенцамъ, извѣстнымъ въ американской исторіи подъ именемъ «отцовъ пилигримовъ (Pilgrim fathers), пришлось высадиться на считавшіеся крайне безплодными и негостепріимными берега Сѣв. Амер., находящіеся къ сѣверу отъ рѣки Гуд-

*) В. Брадфорда, одного изъ самыхъ молодыхъ и самыхъ энергичныхъ и даровитыхъ членовъ колоніи сепаратистовъ въ Лейденѣ. Онъ отправился въ Америку съ первой партіей переселенцевъ, почти всю жизнь былъ выбираемъ губернаторомъ колоніи Новый Плимутъ (см. ниже) и оставилъ драгоцѣннѣйшій манускриптъ" History of Plymoutt Plantation" (изданъ въ 1756 г.).

**) Майскій цвѣтокъ.

***) См. главу III, первое примѣчаніе.

зона. Въ виду предстоящаго выбора мѣста для основанія новой колоніи «отцы пилигримы» заключили между собой слѣдующее «соглашеніе», представляющее въ своемъ родѣ единственный документъ въ исторіи человѣчества. Вотъ это «соглашеніе» (compact).

«Во имя Господа Бога, аминь! Мы, имена которыхъ написаны ниже, вѣрные подданные нашего грознаго повелителя Якова, милостію Божіею короля Великобританіи, Франціи и Ирландіи, защитника вѣры и проч., предпринявъ для славы Божіей и распространенія христіанской вѣры и для чести нашего короля и отечества, путешествіе съ цѣлью основать первую колонію въ сѣверныхъ частяхъ Виргиніи *), настоящимъ документомъ въ присутствіи Господа Бога и другъ друга торжественно и взаимно соглашаемся составить гражданское политическое общество (civill body politike) для лучшаго обезпеченія нашего благополучія и для споспѣшествованія означеннымъ выше задачамъ. Настоящимъ документомъ мы сообща постановляемъ, что будемъ издавать отъ времени до времени справедливые и равные для всѣхъ законы и распоряженія, которые мы найдемъ необходимыми и согласными съ общимъ благомъ колоніи, обязуясь добросовѣстно повиноваться всѣмъ такимъ законамъ и распоряженіямъ. Въ удостовѣреніе всего этого мы подписываемъ ниже свои фамиліи. Мысъ Кодъ, 11 ноября на 18 году царствованія нашего короля Якова, повелителя Англіи, Франціи и Ирландіи, и на 54 году его же царствованія, какъ короля Шотландіи. Anno Domini 1620» **).

Этотъ документъ былъ подписанъ сорока однимъ именемъ, при чемъ эти имена принадлежали преимущественно главамъ семействъ, всѣхъ же колонистовъ на Mayflower было 101 человѣкъ, считая женщинъ и дѣтей.

Мы не будемъ распространяться насчетъ важности этого документа, въ которомъ нѣкоторые историки видятъ «зарожденіе конституціоннаго правленія въ Америкѣ»***). Огромное практическое значеніе этого документа намъ кажется очевиднымъ, если принять во вниманіе, что имъ регулировалось политическое развитіе первой англійской колоніи, послужившей ядромъ такъ называемой Новой Англіи, состоявшей, какъ извѣстно, изъ важнѣйшихъ англійскихъ колоній въ Америкѣ въ XVII и XVIII вѣкахъ.

Приведенный только что документъ имѣетъ также весьма значительный принципіальный интересъ, особенно если вспомнить, что онъ относится къ началу *XVII вѣка*, когда въ Европѣ никто еще не помышлялъ о возможности дѣйствительныхъ опытовъ государственнаго строительства на подобныхъ основахъ. Впрочемъ, сами «отцы пилигримы» были весьма далеки отъ мысли, что они дѣлаютъ что-либо имѣющее великое принципіальное значеніе: имъ казалось, что они удовлетворяютъ наиболѣе практическимъ образомъ свои ближайшія жизненныя нужды и ничего больше.

---

*) Какъ мы уже упоминали, Виргиніей въ то время называли всѣ области въ Сѣв. Америкѣ, на которыя Англія имѣла притязанія.

**) Цитированъ въ сочиненіи *Higginson*: „A larger history of Un. States", 152.

***) *Higginson*: цит. сочин., 156.

VI.

Эмиграція въ Америку пуританъ.

Приведенное въ предшествующей главѣ «Соглашеніе» лейденскихъ сепаратистовъ было ими подписано, какъ мы видѣли, 11 ноября (1620 г.). Въ теченіе ноября и половины декабря «отцы пилигримы» отправляли партіи вооруженныхъ людей для изслѣдованія береговъ и выбора наиболѣе подходящаго мѣста для устройства перваго поселка. Въ общемъ берега оказались дикими и безлюдными, хотя развѣдчикамъ случилось однажды натолкнуться на небольшой отрядъ индѣйцевъ и имѣть съ ними стычку. Послѣ неоднократныхъ поисковъ выборъ, наконецъ, состоялся, и сто человѣкъ сепаратистовъ высадились въ мѣстѣ, названномъ ими Новымъ Плимутомъ въ честь англійскаго города Плимута (важнѣйшаго изъ англійскихъ портовъ въ XVI и XVII вѣкахъ), послѣдняго изъ европейскихъ портовъ, которые посѣтилъ Mayflower, отправляясь въ свое продолжительное и тяжелое плаваніе.

Высадка состоялась 22 декабря по новому стилю (11 по старому). Благодарные потомки смѣлыхъ піонеровъ пустынь Новой Англіи поставили (въ половинѣ XIX вѣка) на мѣстѣ ихъ высадки памятникъ, состоящій изъ огромнаго гранитнаго пьедестала въ 50 фут. вышины, на которомъ стоитъ аллегорическая фигура (36 фут.), изображающая Вѣру, окруженную по четыремъ угламъ большими гранитными фигурами, изображающими Нравственность, Воспитаніе (Education), Свободу и Законъ (Law).

Дѣйствительно, надо было имѣть непоколебимую вѣру въ свои убѣжденія и глубокую къ нимъ привязанность, чтобы только ради нихъ высадиться въ пустынѣ среди холодной зимы не далеко отъ стоянокъ враждебныхъ и воинственныхъ туземцевъ и на тысячу верстъ отъ такихъ же ничтожныхъ англійскихъ поселеній на берегахъ рѣки Джемса.

Первая зима, проведенная колонистами въ Америкѣ, была ужасна: всѣ они переболѣли, половина же умерла еще до наступленія весны отъ цынги и другихъ болѣзней, легко объясняемыхъ недостаткомъ пищи, одежды, крова... «Были случаи,—разсказываетъ въ своемъ дневникѣ одаренный несокрушимой энергіей Брадфордъ,—когда во всемъ поселеніи оказывалось всего шесть или семь здоровыхъ людей, которымъ приходилось хоронить умершихъ, ходить за тяжелыми больными, рубить дрова, таскать воду, варить пищу, дѣлать постели, стирать грязное бѣлье»...

Съ наступленіемъ теплаго времени многіе поправились и принялись дѣятельно за работу. Хотя лишенія первой зимы повторились въ значительной мѣрѣ и въ ближайшіе послѣдующіе годы, ни одинъ изъ переселенцевъ, основавшихъ Новый Плимутъ, не пытался возвратиться въ Англію. Однако чрезвычайныя лишенія, которыя приходилось терпѣть плимутскимъ сепаратистамъ, не могли конечно подбодрять къ переселеніямъ остальную массу сепаратистовъ, оставшихся, какъ мы знаемъ, въ Голландіи. Поэтому населеніе въ Новомъ Плимутѣ оставалось долго незначительнымъ, можно

даже сказать ничтожнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, спустя десять лѣтъ послѣ основанія Новаго Плимута число жителей въ немъ едва достигало трехъ сотъ человѣкъ.

Изъ этого видно, что одни сепаратисты сами по себѣ не могли бы обезпечить прочное ядро колонизаціи нынѣшней Новой Англіи. Въ самомъ дѣлѣ, небольшое поселеніе въ Новомъ Плимутѣ могло всегда подвергнуться нападенію со стороны индѣйцевъ и, конечно, было бы легко сплошь перерѣзано при сколько-нибудь значительномъ объединеніи сосѣднихъ племенъ туземцевъ. Такого исхода описываемыхъ нами опытовъ колонизаціи болѣе сѣверныхъ береговъ Америки не допустили нѣкоторыя особыя обстоятельства, происшедшія въ самой Англіи, о которыхъ намъ придется теперь сказать нѣсколько словъ.

Плаваніе Mayflower къ берегамъ Америки совершилось, какъ мы знаемъ, въ 1620 г., при чемъ переселенцы, основавшіе Новый Плимутъ, были исключительно сепаратисты, т.-е. люди, порвавшіе всякую связь съ офиціальной англійской епископальной церковью. Мы знаемъ, что въ это время въ Англіи было гораздо больше такъ называемыхъ пуританъ, которые, относясь отрицательно ко многимъ сторонамъ ученія и обрядовъ епископальной церкви, оставались офиціально членами этой церкви частью потому, что боялись считавшагося въ то время столь страшнымъ грѣха раскола, частью потому, что духовныя и свѣтскія власти и безъ того очень косились на пуританъ и по временамъ начинали ихъ гнать и преслѣдовать, а, наконецъ, отчасти потому, что пуритане все еще надѣялись, что съ теченіемъ времени въ самой англиканской церкви восторжествуютъ тенденціи, благопріятныя для ихъ взглядовъ.

Случилось, однако, совершенно иное. Со вступленіемъ на престолъ Карла I (1625 г.) въ области политики получили рѣшительный перевѣсъ абсолютистскія тенденціи, распространившіяся вскорѣ,—какъ это всегда и вездѣ бываетъ,—и на область религіи, гдѣ правительство стало такъ же добиваться строгаго единообразія и безусловнаго подчиненія высшимъ церковнымъ властямъ. Выдающуюся роль въ этомъ отношеніи игралъ епископъ лондонскій, впослѣдствіи архіепископъ кентерберійскій Лодъ (Laud). Онъ безпощадно преслѣдовалъ всякія уклоненія отъ епископальной ортодоксіи, вслѣдствіе чего пуритане оказались вынужденными, какъ это прежде было съ сепаратистами, искать какого-либо убѣжища внѣ Англіи, для того чтобы обезпечить себѣ возможность вѣровать въ Бога по крайнему своему разумѣнію, а не такъ, какъ этого требовала англійская церковная іерархія. Въ виду такихъ обстоятельствъ недавнее основаніе сепаратистами Новаго Плимута оказалось фактомъ чрезвычайно важнымъ и благовременнымъ, такъ какъ оно показало возможность существованія колоній и на болѣе сѣверныхъ берегахъ Америки, которые ранѣе считались совершенно непригодными для поселеній европейцевъ. Правда, основаніе поселеній въ этихъ мѣстахъ, какъ показалъ опытъ тѣхъ же сепаратистовъ, не только не сулило участникамъ какихъ-либо матеріальныхъ выгодъ и тѣмъ болѣе богатствъ, а, на

противъ, требовало неустаннаго тяжелаго труда, сопровождаемаго чрезвычайными лишеніями. Но пуритане состояли именно изъ людей рѣшительныхъ, энергичныхъ, людей, дорожившихъ своими убѣжденіями гораздо болѣе, чѣмъ какими-либо земными благами, на которыхъ, къ тому же, они не могли разсчитывать и въ Англіи, оставаясь вѣрными своимъ убѣжденіямъ.

Въ 1628 г., т.-е. въ тотъ самый годъ, когда Лодъ былъ назначенъ лондонскимъ епископомъ, въ Америку отправилась партія пуританъ числомъ около ста человѣкъ, на слѣдующій годъ отправилось уже вдвое больше; затѣмъ число пуританъ, уѣзжавшихъ изъ Англіи въ Америку, увеличивалось съ каждымъ годомъ по мѣрѣ того, какъ въ Англіи усиливались реакціонныя стремленія въ области политики и религіи. За десять лѣтъ между 1629 и 1639 г. переселилось въ Америку до 20,000 пуританъ: это было такимъ образомъ нѣчто вродѣ исхода евреевъ изъ Египта, т.-е. выселеніе не единичныхъ личностей или небольшихъ группъ, а какъ бы переселеніе цѣлаго народа. Пуритане селились на берегахъ такъ называемой Массачузетской бухты, находящейся недалеко отъ Новаго Плимута, основанныя ими поселенія составили впослѣдствіи колонію Массачузетсъ, куда вошелъ и Новый Плимутъ, значеніе котораго совершенно стушевалось вслѣдствіе огромнаго преобладанія послѣднихъ поселеній пуританъ.

Подобно тому, какъ возникновеніе переселенческаго движенія пуританъ въ Америку объясняется особыми обстоятельствами англійской исторіи, и прекращеніе этого движенія объясняется нѣкоторыми крупными событіями, происшедшими въ самой Англіи.

Въ 1640 г. въ Англіи, какъ извѣстно, получили перевѣсъ (съ 1640 гг. начинается эпоха такъ называемаго долгаго парламента) противники королевскаго деспотизма; для пуританъ открылись широкія перспективы и въ самой Англіи, почему съ этого же времени переселеніе ихъ въ Америку разомъ (и на долго) прекратилось.

Итакъ, благодаря главнымъ образомъ преслѣдованіямъ архіепископа Лода, въ сѣверной части тогдашней «Виргиніи», т.-е. въ нынѣшней Новой Англіи (штатъ Массачузетсъ и сосѣдніе съ нимъ штаты Нью-Хемпширъ, Мэнъ, Родъ-Айлендъ, Коннектикутъ и Вермонтъ) образовался около половины XVII вѣка рядъ небольшихъ земледѣльческихъ селеній, основанныхъ людьми выдѣлявшимися по своей энергіи, уму и характеру. Такого рода поселеній не имѣла въ Америкѣ ни одна изъ колонизаціонныхъ державъ того времени, чѣмъ, конечно, въ значительной мѣрѣ опредѣлилась послѣдующая судьба сѣверо-американскаго континента. Это же обстоятельство, можно сказать съ увѣренностью, навсегда обезпечило англійскія поселенія въ Америкѣ отъ грозившей имъ ранѣе гибели вслѣдствіе нападеній сосѣднихъ индѣйскихъ племенъ.

Изъ предшествующей главы мы знаемъ, что сепаратисты сами и безъ дальнихъ колебаній порвали связь съ англиканской епископальной церковью, такъ какъ не хотѣли признавать многихъ и важныхъ ея догматовъ

и обрядовъ и не видѣли возможности покончить разногласіе какимъ-либо компромиссомъ.

Не таково было отношеніе къ англиканской церкви пуританъ: они съ особенною болью въ сердцѣ смотрѣли на то, что дѣлается англійскими іерархами, долго не теряли надежды на возможность измѣненія («очищенія») этой церкви въ желательномъ имъ смыслѣ, и когда имъ пришлось, наконецъ, въ виду усиленныхъ и безпощадныхъ преслѣдованій, покинуть Англію, они скорбѣли объ оставляемыхъ тамъ собратьяхъ, которыхъ они продолжали считать близкими себѣ по религіи.

«Мы не будемъ говорить,—такъ выразился одинъ изъ первыхъ пасторовъ пуританъ (Фр. Хигинсонъ), смотря съ корабля на скрывавшіеся вдали берега Англіи,—мы не будемъ говорить, какъ это дѣлали сепаратисты, оставляя Англію: «Прощай Вавилонъ! Прощай, Римъ!» Нѣтъ, мы скажемъ: «Прощай, дорогая Англія! Прощай, церковь Господня въ Англіи и всѣ наши друзья христіане»...

Однако, съ оставленіемъ береговъ Англіи мысль пуританъ, направленная преимущественно на религіозные вопросы, стала работать смѣлѣе и энергичнѣе. Пуритане не чувствовали болѣе необходимости оставлять путь для компромисса съ догматами и обрядами епископальной церкви. Какъ выражается одинъ изъ пассажировъ, совершавшихъ переходъ въ Америку вмѣстѣ съ пуританами: «въ теченіе десяти недѣль подъ рядъ пуритане каждый день слушали проповѣди своихъ пасторовъ» *). Изъ этого видно, до какой степени они были поглощены въ это время религіозными вопросами.

По прибытіи въ Америку пуритане основали рядъ отдѣльныхъ поселеній вдоль Массачузетской бухты. Эти поселенія, съ одной стороны, представляли собой демократическія общества, такъ какъ всѣ дѣла рѣшались и приводились въ исполненіе выборными лицами, а съ другой стороны, теократіи, такъ какъ члены этихъ обществъ состояли сплошь изъ лицъ одного исповѣданія, причемъ духовенство играло доминирующую роль не только въ церковныхъ, но и въ чисто-свѣтскихъ дѣлахъ. Этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ объясняется и духъ нетерпимости, который вскорѣ сталъ замѣчаться въ поселеніяхъ пуританъ.

Будучи въ Англіи въ значительномъ меньшинствѣ, пуритане старались умалять значеніе различій, отдѣлявшихъ ихъ отъ общей массы согражданъ, исповѣдующихъ англиканскую религію, и постоянно напоминали церковнымъ іерархамъ о необходимости относиться терпимо къ небольшимъ различіямъ въ вопросахъ вѣры и въ особенности въ вопросахъ обрядовъ. Все это скоро было позабыто пуританами въ Америкѣ: церковное управленіе, которое они у себя организовали, было очень близко къ шотландскому, т.-е. пресвитеріанскому, всякое же уклоненіе отъ получившихъ преобладаніе обрядовъ и догматовъ и даже небрежное исполненіе религіозныхъ обязанностей (наприм., неаккуратное посѣщеніе церкви) пуритане стали ка-

*) Memoir of Coptain Roges Clup, цитиров. въ сочин. Eggleston'a, 214.

рать гораздо болѣе строго и въ особенности гораздо болѣе систематически, чѣмъ это дѣлала даже господствующая церковь въ Англіи. То же самое можно сказать и относительно болѣе раннихъ поселеній, основанныхъ въ Америкѣ сепаратистами.

Однимъ словомъ, ни сепаратисты, ни пуритане ни въ коемъ случаѣ не держались принципа полной терпимости въ дѣлахъ вѣры и тѣмъ менѣе, конечно, еще болѣе радикальнаго ученія о совершенномъ раздѣленіи церкви и государства съ представленіемъ первой, т.-е. церкви, характера добровольнаго союза гражданъ, преслѣдующихъ такія цѣли, до которыхъ нѣтъ никакого дѣла свѣтскимъ властямъ.

Такого рода доктрины, и въ наше время осуществленныя въ полной мѣрѣ лишь незначительной частью культурнаго человѣчества, показались бы святотатствомъ огромному большинству сепаратистовъ и пуританъ. Однако, среди нихъ нашлась небольшая группа лицъ, сумѣвшихъ дойти и до такихъ — для того времени — крайнихъ взглядовъ и даже сдѣлавшихъ попытку провести ихъ въ жизнь, какъ это будетъ видно изъ содержанія слѣдующей главы.

VII.

Роджеръ Вилліамсъ—апостолъ свободы совѣсти въ Америкѣ.

Пуритане, оставившіе Англію въ тридцатыхъ годахъ XVII столѣтія, основали въ Америкѣ до 16 поселеній, расположенныхъ преимущественно по берегамъ Массачузетской бухты, такъ какъ вслѣдствіе полной дикости природы въ этихъ мѣстахъ море было наиболѣе удобнымъ путемъ для сношеній отдѣльныхъ пуританскихъ поселковъ, совокупное населеніе которыхъ въ половинѣ 30-хъ годовъ едва переходило за 5,000.

Какъ мы уже упоминали въ предшествующей главѣ, пуритане оставили Англію потому, что отъ нихъ стали требовать полнаго признанія догматовъ англиканской епископальной церкви и неуклоннаго исполненія всѣхъ ея обрядовъ, подвергая тюремному заключенію и другимъ болѣе жестокимъ наказаніямъ всѣхъ нежелавшихъ подчиниться этимъ требованіямъ.

Значительная часть пуританъ предпочла послѣдовать примѣру сепаратистовъ и отправиться въ дебри Америки, лишь бы избавиться отъ необходимости дѣлать какія-либо уступки реакціоннымъ теченіямъ въ области религіи и политики, получившимъ перевѣсъ въ Англіи съ восшествіемъ на престолъ Карла I. Въ числѣ такихъ переселенцевъ былъ одинъ лондонскій житель Роджеръ Вилліамсъ, которому судьба готовила весьма важную принципіальную роль въ исторіи англійскихъ колоній въ Америкѣ.

Роджеръ Вилліамсъ родился около 1600 г., получилъ образованіе въ Кэмбриджскомъ университетѣ и по окончаніи университета принялъ тотчасъ священство, принадлежа по своимъ взглядамъ къ самой крайней фракціи пуританизма. Необычайныя дарованія Вилліамса обратили на него вниманіе; ему нѣсколько разъ представлялся случай занять выгодное мѣсто

въ офиціальной англиканской церкви, но, не желая идти на компромиссъ со своими убѣжденіями, Вилліамсъ рѣшительно отказался отъ мысли занять какое-либо офиціальное положеніе въ духовномъ мірѣ и довольствовался ролью проповѣдника на частныхъ собраніяхъ вѣрующихъ. Ригоризмъ этого человѣка доходилъ до того, что, когда ему представился случай получить по наслѣдству имущество въ нѣсколько десятковъ тысячъ рублей *), онъ отказался отъ него, такъ какъ не хотѣлъ произносить требуемой закономъ присяги, форма которой была несогласна съ его убѣжденіями. А между тѣмъ Вилліамсъ въ это время только что женился и въ деньгахъ очень нуждался.

Когда въ концѣ двадцатыхъ годовъ XVII столѣтія начались усиленныя преслѣдованія пуританъ, Вилліамсъ увидѣлъ, что ему нѣтъ болѣе возможности оставаться въ Англіи. Въ 1631 году ему удалось бѣжать съ своей молодой женой въ Америку; бѣжать же ему приходилось потому, что и на этотъ разъ онъ не хотѣлъ произносить особой присяги, которая требовалась отъ лицъ, эмигрировавшихъ въ Америку открыто. По пріѣздѣ въ Америку Вилліамсъ поселился сначала въ Бостонѣ, теперешней столицѣ штата Массачузетсъ, тогда жалкой деревушкѣ, каковы были, впрочемъ, и всѣ другія поселенія англичанъ въ Америкѣ. Вскорѣ по пріѣздѣ Вилліамса въ Бостонъ, жители этого поселка предложили ему сдѣлаться однимъ изъ проповѣдниковъ ихъ церкви. Вилліамсъ, будучи человѣкомъ крайнихъ взглядовъ, не пожелалъ служить проповѣдникомъ въ церкви, которая поддерживала еще нѣкоторыя связи съ англиканской церковной іерархіей. Вскорѣ Вилліамсъ оставилъ совсѣмъ Бостонъ и переселился въ Салемъ, гдѣ была колонія крайнихъ пуританъ. Благородный характеръ Вилліамса и его убѣжденныя рѣчи расположили къ нему жителей Салема, которые предложили ему также сдѣлаться однимъ изъ проповѣдниковъ ихъ церкви. Однако, и это предложеніе не могло состояться, хотя по другимъ причинамъ. Дѣло въ томъ, что Вилліамсъ успѣлъ уже къ этому времени публично высказать одно изъ своихъ завѣтныхъ убѣжденій, состоящее въ отрицаніи права свѣтскихъ или гражданскихъ властей вмѣшиваться въ религіозные вопросы, которые должны считаться дѣломъ совѣсти каждаго. Болѣе старые и болѣе вліятельные члены колоніи пуританъ въ Салемѣ не могли никакъ допустить такой точки зрѣнія, полагая, что это можетъ повести къ полной анархіи и даже къ распаденію общественнаго союза.

Такое отношеніе властей Салема къ вопросу, поднятому Вилліамсомъ, заставило его переселиться въ Новый Плимутъ, гдѣ, какъ мы знаемъ, жили уже не пуритане, а сепаратисты, къ которымъ Вилліамсъ былъ болѣе близокъ по своимъ религіознымъ взглядамъ. Онъ сошелся въ общежитіи съ колонистами Новаго Плимута, жившими, кстати сказать, въ большой бѣдности. Мѣсто пастора плимутской церкви было уже занято, но Вилліамсъ

*) Нѣсколько тысячъ фунтовъ стерлинговъ — для того времени огромное состояніе.

ансъ тѣмъ не менѣе выступалъ часто въ качествѣ проповѣдника и имѣлъ большой успѣхъ. Въ то время Вилліамсъ заинтересовался положеніемъ индѣйцевъ, принялся изучать ихъ языкъ и сталъ доказывать, что англійскій король не имѣетъ никакого права распоряжаться землями туземцевъ и тѣмъ болѣе выдавать какія-либо хартіи на колонизацію тѣхъ или другихъ областей въ Америкѣ. Такими взглядами Вилліамсъ возвелъ неудовольствіе наиболѣе вліятельныхъ членовъ населенія въ Новомъ Плимутѣ, вслѣдствіе чего ему было предложено прекратить свои проповѣди и даже совсѣмъ оставить Плимутъ. Волей-неволей Вилліамсу пришлось снова отправиться въ Салемъ, куда за нимъ послѣдовала небольшая часть жителей Плимута, увлеченныхъ его горячими и убѣжденными проповѣдями. Скоро однако властямъ Салема стало извѣстно, что Вилліамсъ написалъ книгу, въ которой относился отрицательно къ праву англійскаго короля раздавать земли въ Америкѣ. Высказывая такого рода сужденія, Вилліамсъ нѣкоторымъ образомъ подрывалъ самыя основы организаціи англійскихъ поселеній въ Америкѣ и навлекъ на себя неудовольствіе многихъ. Другимъ капитальнымъ грѣхомъ Вилліамса, съ точки зрѣнія какъ пуританъ, такъ и сепаратистовъ, было его мнѣніе о необходимости полнаго отдѣленія церкви и государства. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ описываемыя нами поселенія, какъ мы уже упоминали, представляли, какъ разъ наоборотъ, примѣръ самаго тѣснаго единенія церкви и государства, и напоминали даже библейскую теократію.

Мы не должны теперь удивляться тому, что Вилліамсъ навлекъ на себя сильное нерасположеніе болѣе старыхъ и вліятельныхъ жителей Салема. Въ концѣ концовъ дѣло дошло даже до формальнаго суда надъ Вилліамсомъ, причемъ главнымъ пунктомъ обвиненія были «превратныя» идеи Вилліамса о безусловныхъ правахъ индѣйцевъ па занимаемыя ими области Новаго Свѣта. Вилліамсъ былъ присужденъ къ изгнанію, но не только изъ Салема, а изъ Америки вообще. Такой приговоръ былъ вынесенъ потому, что стало извѣсто о намѣреніи Вилліамса и немногихъ его послѣдователей переселиться въ пустынныя мѣста у Нирргансетской бухты *), откуда, какъ выразились судьи, «зараза можетъ легко дойти и до здѣшнихъ поселеній, такъ какъ многіе готовы смотрѣть на Вилліамса, какъ на святого человѣка». Поэтому рѣшено было отправить Вилліамса въ Англію на суднѣ, которое должно было уходить въ скоромъ времени въ море. Описываемыя нами событія произошли въ 1635 г.

Вилліамсъ зналъ, что его ожидаетъ въ Англіи, гдѣ въ это время былъ самый разгаръ преслѣдованій пуританъ. Поэтому онъ рѣшилъ бѣжать изъ Салема, что ему дѣйствительно удалось сдѣлать, хотя съ большимъ трудомъ. Претерпѣвъ необычайныя лишенія, настрадавшись отъ голода и отъ холода (дѣло было зимой), Вилліамсъ добрался полуживой до Нирраган-

*) Въ 50 миляхъ къ югу отъ Бостона; въ этой бухтѣ находится Ньюпортъ, одна изъ лучшихъ гаваней всего міра и самый фешенебельный курортъ Новой Англіи.

сетской бухты, гдѣ положилъ начало поселенію, названному имъ «Провидѣніемъ»—Providence. Вилліамсъ и тѣ немногіе смѣльчаки, которые вскорѣ присоединились къ нему, заплатили индѣйцамъ за занятыя имъ земли сравнительно хорошую плату и вообще относились къ нимъ гуманно и справедливо. Такимъ же образомъ относились къ индѣйцамъ и тѣ, кто продолжалъ впослѣдствіи дѣло Вилліамса, почему въ этой части англійскихъ колоній въ Америкѣ почти никогда не было никакихъ сколько-нибудь серьезныхъ столкновеній или даже недоразумѣній съ туземцами.

Поселеніе въ «Провидѣніи» послужило основнымъ ядромъ, изъ котораго впослѣдствіи образовалась колонія Родъ Айлэндъ (Rhode Island), показавшая всему міру первый примѣръ полной религіозной свободы и полнаго отдѣленія церкви отъ государства. Въ самомъ дѣлѣ, даже въ наиболѣе либеральномъ государствѣ описываемаго нами времени, въ Голландіи—принципъ религіозной терпимости примѣнялся только къ протестантамъ разныхъ исповѣданій и не распространялся на католиковъ. Даже укрывшіеся въ Голландіи сепаратисты, которые въ Англіи испытали на самихъ себѣ, что значатъ религіозныя преслѣдованія, отваживались настаивать только на «терпимости по отношенію къ терпимымъ *) мнѣніямъ» (toleration of tolerable opinions), что въ переводѣ на обыкновенный языкъ значитъ терпимость по отношенію къ религіознымъ доктринамъ, не очень уклоняющимся отъ общепринятыхъ.

Переселившись въ Америку, пуритане и сепаратисты скоро забыли и этотъ далеко не радикальный принципъ и пытались нѣкоторое время построить общественное зданіе на основѣ самой тѣсной связи церкви и государства.

Не таковъ былъ идеалъ, который желалъ осуществить Р. Вилліамсъ: онъ держался того мнѣнія, что свѣтской власти нѣтъ никакого дѣла до религіозныхъ убѣжденій гражданъ, которымъ поэтому должна быть предоставлена полная свобода исповѣдывать какую угодно религію и выполнять какіе угодно обряды, лишь бы только при этомъ ничѣмъ не нарушался внѣшній порядокъ и приличіе, соблюденіе которыхъ безусловно необходимо для каждаго культурнаго общества.

Опытъ показалъ, что идеи Вилліамса и его послѣдователей болѣе согласны съ важнѣйшими интересами демократическихъ обществъ, основанныхъ англичанами въ Америкѣ, чѣмъ идеи иного рода, которыхъ держались въ то время, да и теперь еще держится старая Европа. Поэтому съ теченіемъ времени,—правда, не скоро и не безъ большихъ колебаній,—принципъ религіозной терпимости, какъ слѣдствіе отдѣленія церкви отъ государства, восторжествовалъ во всѣхъ колоніяхъ, основанныхъ англичанами въ Америкѣ, получивъ, однако, свое полное логическое развитіе вмѣстѣ съ

---

*) Это выраженіе принадлежитъ Робинзону, знаменитому пастору лейденскихъ сепаратистовъ. См. *Eggleston:* „The Beginners of a nation“, 299.

торжествомъ демократическихъ тенденцій, послѣдовавшимъ за окончаніемъ войны за независимость.

Мы не считаемъ возможнымъ окончить наше изложеніе зарожденія колоніи Родъ Айлэндъ, не упомянувъ одного обстоятельства, имѣющаго огромное принципіальное значеніе въ качествѣ характеристики отношенія англійскаго правительства къ своимъ колоніямъ при самомъ возникновеніи послѣднихъ.

Какъ мы видѣли, колонія Родъ Айлэндъ была основана безъ всякаго предварительнаго разрѣшенія англійскаго правительства, причемъ основателями колоніи была группа лицъ, оставшихся недовольными тѣми порядками, которые существовали въ только что организованныхъ поселеніяхъ Новой Англіи. Впослѣдствіи, желая узаконить существующій фактическій порядокъ вещей, жители колоніи Родъ Айлэнда стали хлопотать о полученіи соотвѣтственной хартіи отъ правительства метрополіи. Въ 1663 г. имъ было выдана королемъ Карломъ II хартія, регулировавшая форму гражданскаго управленія колоніи (выборный губернаторъ и одно законодательное собраніе), причемъ въ этомъ и заключается самое замѣчательное и характерное обстоятельство,—эта хартія оставалась въ силѣ, не подвергаясь измѣненіямъ, *вплоть до 1842 г.*, т.-е. въ теченіе 179 лѣтъ, изъ которыхъ послѣднія 50 лѣтъ приходятся на періодъ независимости С. Штатовъ С. Америки. Иными словами, жителямъ Родъ Айлэнда *въ половинѣ XVII вѣка* удалось получить согласіе метрополіи на такую организацію общественнаго управленія, которое *вполнѣ удовлетворяло ихъ потомковъ вплоть до половины XIX вѣка*, когда уже давно исчезла та власть, которая санкціонировала хартію *колоніи* Родъ Айлэнда, и когда рѣшительно никто не мѣшалъ жителямъ *штата* Родъ Айлэнда измѣнить во всякое время хартію, данную Карломъ II и ставшую со времени революціи конституціей штата.

Одного этого факта, какъ намъ кажется, вполнѣ достаточно, чтобы видѣть, какъ далеко заходила свобода, которую чуть не триста лѣтъ тому назадъ англичане предоставляли своимъ заокеанскимъ колоніямъ, что составляло рѣзкій контрастъ съ колоніальной политикой другихъ европейскихъ народовъ.

Въ той свободѣ, которой, вообще говоря, пользовались англичане, переселившіеся въ Америку, слѣдуетъ искать, какъ намъ кажется, разгадки сравнительно феноменальнаго успѣха, которымъ сопровождалась колонизаціонная дѣятельность англичанъ. Въ активъ англійской колоніальной политикѣ слѣдуетъ въ извѣстномъ смыслѣ поставить и развитіе въ Америкѣ великой демократіи, самое возникновеніе которой, какъ независимаго политическаго цѣлаго, представляло не болѣе, какъ логическое развитіе тѣхъ принциповъ, которые принесли съ собой въ Америку англичане XVII и XVIII вѣковъ.

Эта мысль прекрасно выражена въ слѣдующихъ изящныхъ и полныхъ глубокаго смысла строкахъ лорда Теннисона, которыми мы позволимъ себѣ

заключить нашу статью, предлагая лицамъ, незнакомымъ съ англійскимъ языкомъ, точный переводъ этихъ стиховъ:

O thou, that sendest out the man
To rule by land and sea,
Strong mother of a Lion-line
Be prond of those strong sons of thine
Who wrench'd their rights from thee *).

П. Мижуевъ.

---

*) Вотъ буквальный переводъ этихъ стиховъ:

О ты, которая посылаешь людей
Повелѣвать (править) на сушѣ и моряхъ,
Сильная мать львинаго рода,
Гордись же своими сильными дѣтьми,
Которые сумѣли и у тебя вырвать свои права!

Книжный потокъ *).

Статья третья.

6. Научная литература «для народа».

Въ отдѣлѣ научно-популярныхъ «народныхъ» изданій прежде всего приходится отмѣтить крайне знаменательный фактъ: за послѣднія 15 лѣтъ эта литература перестала быть миѳомъ, она создалась и окрѣпла, научныя знанія уже идутъ въ народъ въ видѣ милліоновъ книгъ, доступныхъ по формѣ, интересныхъ по содержанію, наводящихъ читателя «изъ народа» на совершенно новыя для него мысли и обобщенія. Правда, научная литература для народа оставляетъ еще желать очень многаго и предложеніе еще не удовлетворяетъ спроса,—но всѣ данныя показываютъ, что дѣло уже налажено. Правда, «беллетристическая» народная литература шагнула, сравнительно съ научной, далеко впередъ. Но вѣдь созданіе этой послѣдней не потребовало столькихъ усилій со стороны авторовъ и издателей, какъ созданіе литературы научной. Создавать первую—это значитъ удешевлять произведенія лучшихъ авторовъ, доводить до поразительнаго минимума (0,65 коп. за печатный листъ въ 36 страницъ) цѣну на книгу. Успѣхъ этого отдѣла народной литературы—успѣхъ того, что уже было создано русскими писателями, писавшими *для всѣхъ*. Научную же народную литературу пришлось создавать вновь, пришлось *изучать читателя*, чтобы знать, какъ и въ какой формѣ сообщать ему научныя знанія, изложенныя обыкновенно совершенно непонятнымъ для него жаргономъ; пришлось вникать въ жизненную обстановку читателя, чтобы узнать, съ какой стороны къ нему подойти, какъ возбудить въ немъ живой не только теоретическій, но и практическій интересъ, передать ему не только знанія, но и вѣру ученаго человѣка въ силу и мощь знанія. Всему этому, говоримъ мы, положено прочное основаніе, и книжная статистика научно-популярныхъ книгъ прекрасно и наглядно доказываетъ это. Въ настоящее время фирма Ф. Павленкова печатаетъ «научно-популярную библіотеку» В. Лункевича по 5100 экз. Серія изданій М. Слѣщовой «Книжка за книжкой» печатается отъ 4100 (напр. «Охранители лѣса») до 5100 экз.

*) *Русская Мысль*, 1903 г., кн. III и XII.

«Посредникъ» печатаетъ свои научно-популярныя изданія (наприм., книжки Ю. Вагнера) въ количествѣ 10 тыс. Суворинъ напечаталъ книжку Фламаріона «Что такое небо» въ количествѣ 10 тыс. экз. Е. Н. Водовозова въ такомъ же количествѣ издаетъ серіи своихъ географическихъ изданій «Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ». То же дѣлаетъ и новая издательская фирма П. П. Гершунина и К°., ставящая своею главной задачей именно изданіе научно-популярныхъ народныхъ книгъ. Издаваемая ею серія книжекъ по географіи и исторіи культуры («Народы и страны») печатается въ количествѣ по 10,000 экз. Брошюра проф. Райхесберга «Рабочій вопросъ» (ц. 15 к.) была напечатана фирмой «Издатель» въ количествѣ 15,000 экз. *). Харьковское Общество грамотности издаетъ свои научныя книжки въ 10,000 экз., напр. «Магометъ» (О. Попова) въ 10,000. Постоянная комиссія по устройству нар. чтеній 6 — 12 тыс. экз. Изд. Курнина и К°, (напр. соч. Князькова) печатаются въ 10 тыс. экз. Въ наибольшемъ количествѣ экземпляровъ печатаютъ научно-популярныя книги, насколько намъ извѣстно, двѣ фирмы: товарищество И. Д. Сытина (до 20 тысячъ) и Д. Г. Алексѣевъ (въ Спб.), тоже ставящій своей задачей изданіе научныхъ книгъ для народа. Послѣднимъ была издана книжка: А. Ѳ. Быковой «Разсказы изъ исторіи Англіи», Станевой «Несчастненькіе (о преступникахъ)», и др. въ 10 тыс. экз. каждая, а «Приключеніе двухъ кораблей», «Разсказы о великихъ и грозныхъ явленіяхъ» (изданія которыхъ повторяются черезъ годъ или черезъ полтора) въ 15—20 тыс. экз. Всѣ эти цифры наглядно показываютъ, что научныя книжки успѣли уже сдѣлаться за послѣднія 10—15 лѣтъ ходовымъ товаромъ. Да иначе и быть не можетъ: таковъ «естественный ходъ вещей»,—время, въ которое мы живемъ, требуетъ отъ простого человѣка, кто бы онъ ни былъ, крестьянинъ ли, рабочій ли,— и знанія, и пониманія окружающаго, и настроенія.

Въ какомъ же количествѣ издаются народныя книжки по прикладнымъ званіямъ? Какъ извѣстно, изданіемъ такого рода книгъ занимаются очень немногіе издатели (К. Тихомировъ, И. Горбуновъ-Посадовъ, И. Сытинъ, нѣкоторыя земства). Судя по тому, сколько говорится и пишется у насъ въ настоящее время о распространеніи сельско-хозяйственныхъ и техническихъ знаній въ народѣ, можно бы было ожидать, что книжки по прикладнымъ знаніямъ издаются въ очень большомъ количествѣ. Коли эти знанія дѣйствительно нужны народу, коли онъ видитъ для себя исходъ изъ тяжелаго положенія въ пріобрѣтеніи этихъ знаній, какъ же ему не покупать книжекъ, дающихъ ему именно то, что для него и нужно? Если въ народѣ есть потребность въ такихъ книжкахъ, онъ непремѣнно будетъ покупать даже такія, которыя не вполнѣ удовлетворительны; сбытъ вызоветъ конкуренцію; конкуренція повлечетъ за собой улучшеніе качества книжекъ. Такъ говоритъ логика, но факты книжной статистики говорятъ нѣчто иное. Книжекъ по прикладнымъ знаніямъ, предназначенныхъ и до-

*) Остатокъ изданія пріобрѣтенъ Харьковской фирмой Рашъ и Потапова.

ступныхъ для народа, издается ничтожное количество сравнительно съ милліонами грамотныхъ хлѣбопашцевъ крестьянъ. Эти книжки нельзя считать милліонами экземпляровъ; самое большее ихъ приходится считать сотнями тысячъ. Издавать эти книжки считается дѣломъ не только труднымъ, но и рискованнымъ. Даже такой издатель, какъ К. Тихомировъ, значительно спеціализировавшійся на изданіи книгъ по прикладнымъ знаніямъ, издаетъ ихъ очень осторожно. Онъ печатаетъ эти книги въ количествѣ всего лишь 6000 экз. Сытинъ издаетъ ихъ въ 7—10 тыс., И. Горбуновъ-Посадовъ приблизительно въ томъ же количествѣ. Другіе издатели печатаютъ еще меньшія количества, иной разъ до смѣшного незначительныя. Напр. довольно извѣстный ветеринаръ Гуринъ напечаталъ свою книжку о заразныхъ болѣзняхъ всего лишь въ 750 экз. Тоже не безызвѣстный авторъ книжекъ по сельскому хозяйству г. Золотаревъ печатаетъ свои народныя брошюры въ 1200 экз. («Когда поливать садъ и огородъ»). Книжки Ѳедорова («Слесарь любитель», «Токарь любитель» и т. п.) печатаются въ 2,000 экз. Даже Имп. рус. Техническое Общество не рѣшилось напечатать чуть ли не единственную имъ изданную брошюру въ количествѣ больше чѣмъ 2,400 экземпл. (А. Альмедингена «Стекло». Отдѣльный оттискъ изъ «Техническаго Образованія»). Можно указать очень немногіе примѣры широкаго распространенія книжекъ по прикладнымъ знаніямъ въ народной средѣ, и эти примѣры приходится брать не изъ области книжной торговли, а изъ области земской дѣятельности. Какъ извѣстно, нѣкоторыя земства печатаютъ и распространяютъ книги по сельскому хозяйству безплатно (Вятское, Ярославское, Московское и мн. др.). Этотъ фактъ—тоже своего рода доказательство того, что покупателей изъ народа на сельскохозяйственныя книжки очень немного, и потому издавать ихъ въ большихъ количествахъ экземпляровъ—дѣло рискованное. Причину этого явленія сами крестьяне объясняютъ такимъ способомъ: «Мы и сами знаемъ, что надо дѣлать и какъ пахать,—было бы лишь что пахать». «Хорошіе совѣты даетъ иная книжка, но слушаться-то ея—денегъ стоитъ, а у насъ ихъ и безъ того нѣтъ». Не для нашихъ мѣстъ книжка написана,—у насъ земля не такая,—не разгуляешься... и т. д. Врядъ ли можно сомнѣваться, что народъ совершенно правъ, не ожидая для себя спасенія отъ сельскохозяйственныхъ и подобныхъ имъ книжекъ. Покупатели этихъ послѣднихъ—люди болѣе или менѣе исключительные; практическая польза отъ сельскохозяйственныхъ и т. п. книжекъ—явленіе тоже очень рѣдкое. Факты книжной статистики вполнѣ гармонируютъ съ фактами жизни...

Еще рѣже встрѣчаются въ народной средѣ книжки по законовѣдѣнію и общественнымъ вопросамъ. И книжекъ такихъ почти не существуетъ, и плохо раскупаются тѣ, которыя имѣются, и печатаются въ ничтожномъ числѣ экземпляровъ (1000—5000). Не существовало до послѣдняго времени даже дешеваго изданія законовъ въ видѣ брошюръ. Лишь очень недавно предпринялъ такое изданіе г. Я. Канторовичъ, но и это изданіе какое-то несмѣлое — робкое и не могущее удовлетворить читателей изъ

народа. Для этого читателя самый языкъ, которымъ пишутся законы, очень мало понятенъ; кромѣ того, самый текстъ закона, не сопровождаемый текстомъ толкующихъ, измѣняющихъ и иной разъ отмѣняющихъ его циркуляровъ и рѣшеній—въ практическомъ отношеніи значитъ очень мало для деревенскаго и фабричнаго человѣка, который не умѣетъ и разбираться-то въ законахъ. Не мудрено, что «книжки законовъ» плохо раскупаются. Г. Д. Тихомировъ печатаетъ брошюры Н. П. Дружинина въ 3000—5000 экз.,— и это очень смѣлый поступокъ съ его стороны.

Говоря о народныхъ изданіяхъ, нельзя умолчать еще объ одномъ, весьма своеобразномъ отдѣлѣ народной литературы, который по справедливости слѣдуетъ назвать «публицистикой для народа». При тѣхъ условіяхъ, въ какихъ находится изданіе народныхъ книжекъ въ настоящее время, разумѣется, эта публицистика не можетъ быть иной, какъ самой односторонней. Распространеніе подобнаго рода публицистическихъ изданій, разумѣется, тоже поставлено въ особыя условія, и если можетъ иной разъ поражать цифрами, то все же эти цифры нельзя разсматривать какъ показателя спроса на такого рода книги въ народной средѣ. Г. Богдановичъ печатаетъ свои брошюры въ очень большихъ количествахъ и, какъ извѣстно изъ многочисленныхъ телеграммъ и газетныхъ сообщеній, раздаетъ ихъ сотнями тысячъ экземпляровъ. Въ 1900 году была издана брошюра «Царское пребываніе въ Москвѣ» въ количествѣ 130 тысячъ экземпляровъ. Но, сопоставляя съ этими цифрами данныя о числѣ экземпляровъ публицистическихъ книгъ, написанныхъ и напечатанныхъ, такъ сказать, не-апробированными авторами и издателями, нельзя не поражаться ихъ незначительной величиной. Напримѣръ, въ 1900 г. Сойкинъ издалъ брошюру г. Мягкова («Милость Божія къ народу русскому и его правителямъ») лишь въ количествѣ 1,000 экз., а г. Сойкинъ—довольно ловкій распространитель книгъ. Полуофиціальное учрежденіе, спб. Постоянная коммиссія по устройству народныхъ чтеній печатаетъ свои брошюры большей частью всего лишь въ 6,000 экз. и изданія повторяются далеко не каждый годъ. Большинство этихъ брошюръ отличается не столько научнымъ, сколько публицистическимъ содержаніемъ. Врядъ ли можно назвать другимъ именемъ серію историческихъ книжекъ, изданныхъ этою фирмой. Подробный разборъ этой серіи данъ нами въ другомъ мѣстѣ («Историч. Обозрѣніе», т. III). Не ставя своей задачей ознакомленіе читателей изъ народа съ фактами русской исторіи и съ общимъ ходомъ ея, поскольку этотъ ходъ выясненъ современной русской исторической наукой, названная фирма, напротивъ, постольку пользуется фактами, поскольку они необходимы для нея, какъ матеріалъ для подтвержденія ея взглядовъ. Именно такой характеръ проявляется особенно ярко въ отдѣлѣ книгъ историческихъ. Суррогатомъ дѣйствительно научныхъ книжекъ по русской исторіи, въ силу явно ненаучной погони за предоминирующими тенденціями, уже много лѣтъ являются публицистическія книжки, написанныя по опредѣленному заранѣе рецепту. Что это именно такъ, яснѣе всего можно видѣть изъ опубликован-

ной въ 1895 году въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* программы сочиненія на Петровскую премію «Исторія Россіи для народа» *). Въ этой программѣ подробно разъяснено, какіе элементы русской исторіи требуется упоминать въ «Исторіи Россіи» и какихъ не слѣдуетъ касаться. Тотъ же публицистическій характеръ виденъ и изъ другой программы «Учебника русской исторіи, примѣненнаго къ нуждамъ сѣверо-западнаго края» (см. «Книжн. Вѣстникъ» 1887 г., стр. 345). Наконецъ, въ 1902 г. въ Тифлисѣ коммиссія преподавателей высказала и провела въ книжкѣ для народа, она же и учебникъ («Разсказы изъ русской исторіи») слѣдующую основную мысль: «разсмотрѣніе отрицательныхъ образовъ и явленій нашего прошлаго не должно имѣть мѣста въ такой книгѣ, *хотя бы оно и было* важно для выясненія общаго историческаго процесса» (см. «Книжн. Вѣст. 1902 г., стр. 1110). Впрочемъ, несмотря на преміи и на коммиссіи, ни одинъ отдѣлъ народной литературы (кромѣ отдѣла общественныхъ и юридическихъ наукъ) такъ не бѣденъ, какъ именно отдѣлъ книгъ по русской исторіи. Въ этомъ отдѣлѣ преобладаютъ изданія офиціальныя и полуофиціальныя (и еще лубочные романы, которые, разумѣется, относятся къ отдѣлу беллетристики). Тотъ фактъ, что публицистическія изданія такого рода печатаются въ довольно скромномъ числѣ экземпляровъ, долженъ быть во всякомъ случаѣ отмѣченъ. Мы не станемъ вдаваться здѣсь въ анализъ этого интереснаго факта. Но врядъ ли можно сомнѣваться, что одна изъ причинъ его, — это уже давно начавшійся ростъ самостоятельнаго мышленія народныхъ массъ. Стремленіе выбирать «самимъ» и по «своему», какъ свидѣтельствуютъ въ одинъ голосъ всѣ изслѣдователи читающей деревенской и особенно фабричной публики, замѣчается всюду; въ настоящее время уже сложился и существуетъ весьма широкій кругъ читателей «изъ народа», которые «выбираютъ сами», или, по крайней мѣрѣ, стремятся выбирать сами; это ихъ стремленіе—несомнѣнный фактъ, и если онъ еще не можетъ быть установленъ на основаніи однихъ вышеприведенныхъ данныхъ, во всякомъ случаѣ, онъ уже установленъ точными изслѣдованіями цѣлаго ряда наблюдателей и позволяетъ освѣтить и понять, почему иногда публицистическія книжки для народа встрѣчаютъ замѣтное несочувствіе среди читающихъ массъ, и это несочувствіе отражается и на книжной статистикѣ.

Къ числу книжекъ публицистическихъ слѣдуетъ въ сущности отнести и такъ называемую «солдатскую литературу», ставящую очень опредѣленныя задачи: поддержаніе дисциплины, развитіе безусловнаго повиновенія всякимъ приказаніямъ начальства, возбужденіе воинственнаго настроенія въ солдатѣ, развитіе любви къ отечеству и т. д. Книжки о войнѣ, о полководцахъ, о воинственномъ прошломъ русскаго народа, о великихъ до-

*) Срокъ этого конкурса истекалъ еще въ 1898 г. До сего времени не нашлось ни одного русскаго историка, который рѣшился бы написать такую историческую книжку для народа по рецепту. См. „Книжный Вѣстникъ“ 1898—1903 г. Недавно въ концѣ 1903 г. былъ опубликованъ и другой такой же рецептъ.

блестяхъ русскаго солдата печатаются и распространяются по казармамъ болѣе или менѣе офиціальнымъ путемъ, при условіи точнаго руководства особымъ каталогомъ книгъ, допущенныхъ для солдатскаго чтенія. Нельзя сказать, чтобы спеціально солдатская литература была особенно богата. Даже болѣе того, невольно поражаешься, въ какомъ относительно ничтожномъ количествѣ печатаются книги, распространеніе которыхъ обыкновенно встрѣчаетъ содѣйствіе офиціальныхъ сферъ. Напр., «Солдатская библіотека» Торжевскаго (изд. Березовскаго) печатается въ количествѣ всего лишь 3,000—7,200 экз. каждая книжка. Изданія субсидируемаго журнала С. Зыкова «Досугъ и дѣло» печатаются б. ч. въ 5,000 экзем. Книги другихъ издателей, предназначаемыя для солдатъ, повидимому, печатаются еще въ меньшемъ количествѣ. Объясненіе этому явленію слѣдуетъ, разумѣется, искать въ томъ, что солдатскія книжки тоже не находятъ или почти не находятъ себѣ покупателей внѣ солдатскаго круга, а для самостоятельной покупки денежныя средства солдата, какъ извѣстно, очень недостаточны, и рѣдкій солдатъ имѣетъ возможность дѣлать, и то лишь самыя ничтожныя, затраты на покупку книгъ, а потому принужденъ довольствоваться лишь тѣми книгами, какія имѣются уже въ казармѣ, въ казенномъ шкафу... Впрочемъ, существуютъ и другія серьезныя причины, мѣшающія распространенію дешевыхъ изданій въ солдатской средѣ.

Есть еще одна категорія народныхъ книгъ, о которой слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ особо, хотя она не представляетъ изъ себя опредѣленнаго отдѣла науки или литературы,—это книги такъ назыв. «тенденціозныя». Терминъ этотъ установленъ офиціально, употребляется даже въ нѣкоторыхъ циркулярахъ и потому, повидимому, не можетъ внушать сомнѣній въ томъ, что ему придается болѣе или менѣе опредѣленное значеніе. Тенденціозныя книги,—это книги такъ назыв. «отрицательнаго направленія». Въ офиціальной бумагѣ, напечатанной въ «Книжномъ Вѣстникѣ» 1902 г. (стр. 574), говорится, между прочимъ, что сочиненія Некрасова не были допущены въ народныя читальни «въ виду отрицательнаго направленія многихъ произведеній означеннаго автора». Позволяетъ ли книжная статистика опредѣлить, многочисленны ли такого рода произведенія въ области народной литературы? Если бы ученый комитетъ минист. народн. просв. просматривалъ всѣ вновь выходящія книги и публиковалъ ежегодно число народныхъ изданій, имъ просмотрѣнныхъ, но не введенныхъ ни въ одинъ изъ офиціальныхъ каталоговъ, то по этому числу мы имѣли бы возможность хотя отчасти судить о распространенности «отрицательной» литературы на книжномъ рынкѣ народныхъ изданій. Къ сожалѣнію, такихъ цифръ не публикуется, но зато мы имѣемъ другія, хотя и косвенныя данныя, наводящія на ту мысль, что число книгъ, называемыхъ тенденціозными и потому-то и не допущенныхъ въ каталоги, громадно. Каждый годъ сотни книгъ изъ числа просматриваемыхъ ученымъ комитетомъ, не получаютъ одобренія. На книжномъ рынкѣ существуютъ многія тысячи названій народныхъ книгъ, а изъ нихъ «допущены» (не считая не-народныхъ

книгъ, вошедшихъ въ каталоги) лишь немногія сотни *). Мы говоримъ не только о книгахъ новыхъ,—мы имѣемъ въ виду всю наличность народныхъ книгъ, въ томъ числѣ и прежде вышедшихъ. Не получили допущенія въ народныя читальни, какъ отрицательныя, хотя и были представлены издателями и разсмотрѣны, очень многія произведенія Пушкина (въ народныхъ изданіяхъ), Бѣлинскаго, Некрасова, Глѣба Успенскаго и т. д., и т. д., а изъ научныхъ—большинство изданій Ф. Павленкова, О. Поповой, В. Раппа, М. Орѣхова, «Посредника», Муринова, «Издателя», спб. и московскаго Комитетовъ грамотности и многихъ другихъ издателей. Изъ предыдущаго видно, что хотя мы и не имѣемъ точныхъ цифръ о распространеніи на книжномъ рынкѣ отрицательнаго направленія, тѣмъ не менѣе, многолѣтняя дѣятельность ученаго комитета мин. народн. просвѣщ. доказываетъ, что именно это-то направленіе и преобладаетъ на рынкѣ народныхъ изданій и что оно оттѣснило всѣ прочія направленія, которыя, такъ сказать, тонутъ въ общей массѣ книгъ «отрицательныхъ». Таковъ фактъ, признанный офиціально, на основаніи всей дѣятельности ученаго комитета. Нѣкоторыя частныя цифры показываютъ то же самое: наприм., изданія «Постоянной коммиссіи» (научныя), одобренныя и допущенныя, печатаются въ 6 тысяч. экз., представляютъ изъ себя небольшія брошюры, цѣною въ 10—15 к. (обстоятельство, помогающее ихъ распространенію, какъ и положеніе, занимаемое этой фирмой). И рядомъ съ этимъ научныя изданія очень многихъ фирмъ, не имѣющія одобренія и не допущенныя, печатаются по 10—20 тыс. экз., продаются дороже предыдущихъ и выходятъ новыми изданіями не рѣже нихъ.

Такъ какъ въ основѣ этихъ явленій лежитъ явленіе спроса, то врядъ ли можно сомнѣваться, что онъ-то и обусловливаетъ несомнѣнную побѣду «тенденціозныхъ» изданій надъ всѣми прочими. Такимъ образомъ дѣятельность ученаго комитета констатируетъ не только побѣду отрицательнаго направленія на книжномъ рынкѣ нар. изданій, но и соотвѣтствіе этого направленія спросу, т. е. потребностямъ читающей толпы. Одинъ крупный московскій издатель (человѣкъ очень умный и ловкій) совершенно справедливо отвѣтилъ лѣтъ 5 тому назадъ одному офиціальному лицу, упрекавшему его въ томъ, что онъ издаетъ «тенденціозныя книжки». «Мы, ваше—ство, издаемъ то, что находитъ сбытъ. Для насъ все едино, что ни издавать, лишь бы товаръ былъ ходовой». И правда, ни одинъ книжный торговецъ не можетъ противиться спросу на книги, если онѣ ходовыя. Среди изданій интеллигентныхъ фирмъ, существующихъ на книжномъ рынкѣ, можно указать сотню именъ авторовъ и тысячи названій народныхъ книгъ, которыя «идутъ» очень быстро и ходко безъ всякаго одобренія, въ силу того, что они удовлетворяютъ назрѣвшимъ потребностямъ читающей толпы, чему, разумѣется, помогаютъ и другія условія. По край-

*) Всѣхъ книгъ (въ томъ числѣ и не-народныхъ) допущено учен. комитетомъ въ 1899 г.—285, въ 1900 г.—486, въ 1901 г.—659.

ней мѣрѣ, такой выводъ позволяетъ намъ сдѣлать нашъ личный издательскій опытъ и опытъ другихъ авторовъ и издателей.

Впрочемъ, несомнѣнно, разныя одобренія и допущенія весьма усиливаютъ сбытъ книги, такъ какъ ко всѣмъ прочимъ покупателямъ и распространителямъ ея присоединяются еще новые: учителя, дирекціи училищъ, народныя читальни, и вообще всѣ учрежденія, принужденныя сообразоваться съ министерскими каталогами. Одно время имъ же подлежали нѣкоторые земскіе склады, до тѣхъ поръ, пока по жалобѣ одного изъ земствъ въ Сенатъ вопросъ о подчиненіи земскихъ складовъ министерскому каталогу не былъ разрѣшенъ отрицательно. Недавно были опубликованы новыя правила о нѣкоторыхъ книжныхъ складахъ, еще болѣе расширяющія сферу дѣйствія министерскаго каталога. Вопреки всякой логикѣ и буквѣ закона подчинено министерскому каталогу до сего времени даже земское книгоиздательство. (См. «Право» 1902 г.) Книги, вошедшія въ какой-либо каталогъ, разумѣется, печатаются въ большомъ числѣ экземпляровъ. Для очень многихъ книгъ это условіе имѣетъ даже рѣшающее значеніе, и только имъ однимъ и можно объяснить ихъ распространеніе *), доходящее даже до повторенія изданій, несмотря на очень рѣзкіе о нихъ отзывы критики и компетентныхъ лицъ, знающихъ читателя изъ народа (для примѣра укажемъ пресловутую «Настольную книгу для народа», изд. въ началѣ 90-хъ годовъ и представляющую изъ себя исторически публицистику **) для черни непросвѣщенной). Было бы очень интересно изучить книжную статистику министерскаго каталога съ этой точки зрѣнія. Во всякомъ случаѣ, въ настоящее время мы наблюдаемъ на книжномъ рынкѣ слѣдующее въ высшей степени своеобразное и, разумѣется, ненормальное явленіе: министерскій каталогъ ведетъ энергичную борьбу съ «отрицательной» литературой; но такъ какъ эта послѣдняя является на книжномъ рынкѣ лишь послѣ допущенія ея общей цензурой, то въ сущности дѣло сводится къ тому, что одно вѣдомство охраняетъ читателя отъ «послабленій» другого вѣдомства, а это послѣднее, подъ напоромъ все растущихъ требованій жизни, несмотря на все свое усердіе, совершенно не можетъ угнаться за требованіями министерскаго каталога, и какъ это ни странно, какъ ни парадоксально, цензурное вѣдомство въ большей степени отражаетъ на себѣ требованія жизни, чѣмъ министерскій каталогъ.

---

*) Пишущій эти строки принималъ въ 1894—95 г. участіе, вмѣстѣ съ другими лицами, въ составленіи примѣрнаго каталога книгъ для безплатныхъ читаленъ и библіотекъ (изд. спб. Комитета грамотности). При громадной скудости „допущенной" литературы, составителямъ каталога поневолѣ приходилось вводить въ него такія изданія, чуть ли не единственныя достоинства которыхъ состояли, во-первыхъ, въ томъ, что они трактуютъ о такомъ-то вопросѣ, и, во-вторыхъ, что они—книги „допущенныя": не всякій „вопросъ" можно обойти, составляя каталогъ, а изъ „допущенныхъ" — выбирать не приходится. Вотъ примѣръ того, какъ держатся на „одобреніяхъ" даже дрянныя книги.

**) Разборъ см. въ „Историч. обозрѣніи", т. III. Изд. Историч. общества при спб. университетѣ.

Изъ предыдущаго уже можно сдѣлать слѣдующій выводъ: на книжномъ рынкѣ народныхъ изданій есть двѣ категоріи книгъ: книги одной категоріи не поддаются регулирующему и нормирующему дѣйствію министерскихъ каталоговъ; книги другой категоріи только ими и держатся или, по крайней мѣрѣ, на нихъ въ болѣе или менѣе сильной степени опираются. Книги, которыя мы назвали «тенденціозными», обыкновенно принадлежатъ къ числу первыхъ; книги, названныя нами «публицистикой для народа», принадлежатъ къ числу вторыхъ. Наличность и значеніе первыхъ очень быстро растетъ, особенно за послѣдніе годы; наличность вторыхъ—замѣтно сокращается. Первая категорія выражаетъ потребности, стремленія широкаго и все растущаго круга читателей; вторая—стремленія насадить въ головѣ читателя извѣстные взгляды и воззрѣнія. Весьма естественно, что при культурномъ ростѣ страны эта послѣдняя задача становится все труднѣе, и даже граничитъ съ невозможнымъ. Въ результатѣ является нарастаніе числа покупателей на тѣ именно книги, которыхъ почему-либо нельзя достать въ читальняхъ, школахъ и библіотекахъ. Если имя автора и названіе книги уже сдѣлалось извѣстнымъ широкому кругу читателей; если въ нихъ уже явилась потребность читать, они начинаютъ *покупать*. Чтобы раскупить какихъ-нибудь 10,000 экз. въ теченіе двухъ лѣтъ, требуется лишь по 5 человѣкъ читателей въ каждомъ изъ 1000 русскихъ городовъ, которые въ теченіе года пожелали бы купить эту книгу. Настали теперь такія времена, что для очень многихъ авторовъ и многихъ книгъ, сдѣлавшихся извѣстными, эти покупатели уже являются—и изданіе расходится. Другими словами, при условіи назрѣвшей и опредѣлившейся потребности, министерскіе каталоги иной разъ даже дѣлаютъ изъ читателей покупателей, т.-е. помогаютъ распространенію «тенденціозныхъ» книгъ. Выводы отсюда ясны.

Говоря о министерскомъ каталогѣ и о его вліяніи на число экземпляровъ, въ какомъ печатается то или иное изданіе, нельзя не отмѣтить той громадной путаницы, которую вноситъ этотъ каталогъ въ книгоиздательскія дѣла. Отчасти это зависитъ отъ самаго понятія «допущенный», «недопущенный». Книги, которыя допущены однимъ изданіемъ министерскаго каталога, то-есть указаны въ немъ, не допущены другимъ, потому что не введены въ него (наприм., Минье: «Исторія Французской революціи», Осокинъ: «Политическія движенія XIX в.» и т. д.). Книги, которыя упомянуты въ министерскомъ каталогѣ въ видѣ изданій старыхъ, не допущены въ видѣ изданій новыхъ, и на этомъ основаніи нерѣдко бываютъ случаи изъятія изъ народныхъ библіотекъ даже такихъ книгъ, которыя вошли въ министерскій каталогъ. Статья, напечатанная въ дѣтскомъ журналѣ, считается допущенной, если допущенъ самый журналъ. Эта же статья, перепечатанная безъ перемѣнъ въ видѣ отдѣльнаго изданія, считается недопущенной. Книги, допущенныя годъ тому назадъ, сегодня могутъ быть изъяты особымъ постановленіемъ ученаго комитета (какъ напр. въ 1902 г. были изъяты книга Грушевскаго, *Образованіе*, *Вѣстникъ Воспитанія*,

одинъ № журн. *Природа и люди*, *Дѣтское чтеніе*, *Живописная Россія*). Но этого мало. Нѣкоторыя книги вносятся въ списокъ допущенныхъ условно, съ тѣмъ, чтобы нѣкоторыя мѣста ихъ въ слѣдующихъ изданіяхъ были исправлены, измѣнены. Авторъ, сдѣлавъ эти исправленія, печатаетъ новое изданіе въ большемъ количествѣ, чѣмъ прежнее; вдругъ оказывается, что уч. комитетъ не доволенъ исправленіями автора, считаетъ, что они не сдѣланы, и издаетъ распоряженіе о томъ, чтобы данную книгу изъять изъ всѣхъ тѣхъ учрежденій, въ какія она была допущена даже въ менѣе исправленномъ видѣ. Такая судьба постигла наприм., книгу В. Виноградова *Родное чтеніе* (см. Циркуляръ Харьк. уч. округа, 86 г. № 11). Но и этимъ еще не ограничивается путаница, производимая на книжномъ рынкѣ министерскими каталогами. Полныя собранія сочиненій нѣкоторыхъ авторовъ считаются допущенными, тогда какъ нѣкоторыя произведенія тѣхъ же авторовъ считаются не допущенными. Но если допущено полное собраніе, почему же не допустить часть его? Если не допущена часть, можно ли на этомъ основаніи изымать изъ библіотеки все прочее? Такова, напримѣръ, исторія съ соч. Пушкина. Его *Анджело* не допущено въ народныя библіотеки въ силу того, что нѣкоторыя выраженія автора признаны «неудобными» (см. *Спб. Курьеръ* 1900 г. ст. В. Барятинскаго. Выписка изъ постановл. уч. ком. объ изданіяхъ Павленкова). Ко всему этому присоединяются общія юридическія условія, въ которыхъ стоитъ изданіе дешевыхъ книгъ въ Россіи. Кромѣ того, одно и то же произведеніе, но въ разное время, можетъ быть признано то тенденціознымъ, то нѣтъ, то одобряться, то исключаться изъ «одобренія», то допускаться, то изыматься. Наприм., первое изданіе разсказа *Странникъ*, довольно извѣстнаго на книжномъ рынкѣ, въ концѣ 80-хъ годовъ и въ началѣ 90-хъ считалось не тенденціознымъ и, кажется, даже было допущено какимъ-то вѣдомствомъ. Затѣмъ эта книжка была признана тенденціозной и на нѣсколько лѣтъ исчезла съ книжнаго рынка; за послѣднее время она появилась снова. Та же исторія произошла и съ извѣстной книжкой «Сократъ, древне-греческій мудрецъ». Нѣкоторые разсказы Л. Толстого («Два старика», «Богъ правду видитъ»), были признаны тенденціозными послѣ того, какъ они выдержали десятки изданій. То же повторилось и съ другими книгами. Но и этого еще мало. Есть книги, допущенныя въ одной читальнѣ, но не допущенныя въ другой; допущенныя въ одномъ вѣдомствѣ, но не допущенныя въ другомъ; допущенныя въ одномъ учебномъ округѣ, но не допущенныя въ другомъ. И вездѣ наблюдаются тѣ же самые приливы и отливы допущеній и недопущеній, въ зависимости отъ разныхъ «вѣяній» и «злобы дня».

Такимъ образомъ министерскій каталогъ не только поддерживаетъ тиражъ и распространеніе такихъ книгъ, которыя не пользовались бы безъ его помощи спросомъ по своей неудовлетворительности, но и вноситъ въ книжный рынокъ еще настоящую сумятицу, создаетъ монополію для нѣкоторыхъ авторовъ и издателей книгъ, старается подавить собой тысячи авторовъ, пользующихся почетной извѣстностью, требуемыхъ на рынкѣ

благодаря несомнѣннымъ достоинствамъ ихъ книгъ, и, въ довершеніе всего, нисколько не препятствуетъ хожденію въ народѣ завѣдомо-лубочной дряни, сонниковъ, оракуловъ и т. п.

Съ теченіемъ времени не только затушевывается граница между книжками «лубочными» и «дешевыми»,—то же самое явленіе наблюдается и между отдѣломъ книгъ, предназначаемыхъ ихъ авторами и издателями «для народа», и отдѣломъ книгъ «для культурныхъ читателей». Прежде всего совершенно стерлась такая граница въ отдѣлѣ беллетристики, затѣмъ она все болѣе и болѣе стирается и въ отдѣлѣ научныхъ книгъ. Къ этому вездѣ и ведетъ самый ходъ вещей, все поступительное движеніе русскаго народнаго просвѣщенія, культурный ростъ самыхъ широкихъ круговъ населенія, нарастаніе серьезныхъ читателей въ этихъ кругахъ, появленіе новаго типа интеллигентовъ изъ народа (фабричныхъ и крестьянъ), который успѣлъ сложиться, оформиться, окрѣпнуть, размножиться. Спросъ на книги несомнѣнно повысился. Повышеніе спроса повело за собой повышеніе сбыта книжнаго товара. Книги стали печататься въ большихъ количествахъ экземпляровъ; поэтому изданіе ихъ стало обходиться дешевле; удешевленіе отозвалось на ихъ сбытѣ въ свою очередь, и онѣ пошли еще быстрѣе въ народъ. Дешевая книга стала народной; народными книгами стали называться всѣ тѣ, которыя по средствамъ покупателямъ изъ народной среды, то-есть покупателямъ очень небогатымъ. Иллюстрировать эту мысль фактами и цифрами мы считаемъ болѣе удобнымъ тогда, когда намъ придется говорить объ отдѣлѣ беллетристики и научныхъ отдѣлахъ. Здѣсь же не лишнимъ будетъ сдѣлать еще одно замѣчаніе: за послѣднія 5—6 лѣтъ появилась на книжномъ рынкѣ масса брошюръ самаго разнообразнаго содержанія по вопросамъ политическимъ, экономическимъ, религіознымъ, историческимъ, публицистическимъ и т. дал. (Изданія Бейленсона и Юровскаго, книжнаго магазина «Знаніе», (котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ извѣстной издательской фирмой «Знаніе») Поповой, Іогансона, Гершунина и К° и др.). Можно сказать, нѣтъ такой издательской фирмы, которая не выбрасывала бы на книжный рынокъ какихъ-либо брошюръ. Въ настоящее время, какъ мы уже имѣли случай отмѣчать на страницахъ *Русской Мысли*, существуетъ очень обширная брошюрная литература на русскомъ языкѣ, и эта литература хоть отчасти компенсируетъ то, что не можетъ быть осуществлено въ отдѣлѣ собственно народныхъ книгъ. Для этихъ брошюръ, не предназначаемыхъ ихъ авторами «для народа», существуетъ и своя мѣрка, и свои требованія, и потому издательство ихъ—дѣло болѣе легкое, чѣмъ издательство народныхъ книгъ. Въ брошюрной литературѣ затронутъ цѣлый рядъ такихъ вопросовъ, которые еще не могутъ быть въ настоящее время затрогиваемы въ отдѣлѣ литературы народной. Но брошюрная литература не остается чуждой широкимъ кругамъ читателей, въ томъ числѣ и интеллигентнымъ читателямъ изъ народа. Этимъ и объясняется тотъ фактъ, что брошюры издаются иногда въ очень большихъ количествахъ экземпляровъ (до 10—15 т.).

7. Литература подрастающихъ поколѣній.

Переходимъ теперь къ отдѣлу книгъ дѣтскихъ. Книги этого отдѣла уже не печатаются въ такихъ большихъ количествахъ, какъ книги народныя. Тѣмъ не менѣе, подрастающія поколѣнія являются, вообще говоря, весьма усердными читателями и потребителями многихъ милліоновъ книгъ. Они не довольствуются даже книгами одного дѣтскаго отдѣла; многія народныя книжки, особенно же научно-популярныя, попадаютъ именно въ руки дѣтворы какъ городской, такъ и деревенской. Къ ней же попадаетъ масса книгъ и изъ другихъ отдѣловъ (беллетристики, научнаго и пр.). Такимъ образомъ измѣрять нарастаніе книжныхъ богатствъ дѣтскаго отдѣла только дѣтскими книгами было бы ошибочно: спросъ на книги среди дѣтей во много разъ больше. И не только больше, но и напряженнѣе. Маленькіе читатели, какъ извѣстно, держатъ въ настоящемъ осадномъ положеніи не только школьныя библіотеки, но и безплатныя читальни, и даже общественныя библіотеки, и, кромѣ того, своихъ родителей. Маленькіе читатели оказываются одними изъ главныхъ посѣтителей въ цѣломъ рядѣ библіотекъ, если только не во всѣхъ. Ни одинъ возрастъ не читаетъ такъ интенсивно, какъ именно возрастъ дѣтскій. «Ему вынь да положь,—пишетъ одна библіотекарша. Дѣтвора—народъ назойливый, мѣняетъ книги обыкновенно каждый день. Какъ и гдѣ напасешься книгъ для такихъ читателей?» Прошли тѣ времена, когда книжный потокъ былъ заполненъ прежде всего такими дѣтскими книжками, каковы, наприм., изданіе Вольфа, Битепажа и т. п., и вообще изданіями дорогими и доступными лишь «для милыхъ дѣтей зажиточныхъ родителей». Въ настоящее время дѣтская литература—литература дешевая, всенародная. Есть дѣтскія книжки цѣною въ $1^1/_2$ к., наприм., изданіе «Посредника» («Малымъ ребятамъ» и т. п.). Пятачковыхъ книгъ существуетъ множество. (Изд. Ступина, Сытина и др.). Болѣе всего дѣтскихъ книгъ цѣною отъ 10 до 50 к. Дешевая цѣна книжнаго товара уже наводитъ на мысль, что онъ печатается въ большихъ количествахъ экземпляровъ. И правда, «Посредникъ» и фирма Сытина печатаетъ свои дѣтскія дешевыя книжки по 12—13 тыс. экземпляровъ, гривенничныя по 10 тыс. (книжки Ю. Вагнера). Болѣе толстыя и дорогія книжки печатаются въ меньшихъ количествахъ. Курнинъ печатаетъ свои изданія большею частью въ 3,600 экз., и въ столькихъ же экз. Клюкинъ. Суворинъ—въ 3,050; около этого же количества и Д. Тихомировъ *(Дѣтское Чтеніе)*, Ефимовъ—3,000 (наприм., книга Баранцевича «Къ свѣту»—3,600), фирма Павленкова—3,100—5,100. (Кандезъ, Конради, Ворисгоферъ). Лаврова и Попова—3,000; Гранстремъ—3,000—5,000; ред. *Юный Читатель*—1,000 (не считая того, что расходится въ видѣ книжекъ журнала). Сытинъ печатаетъ свои «толстыя» дѣтскія книги въ такихъ большихъ количествахъ экземпляровъ, въ какихъ не отваживается печатать ихъ ни одинъ другой издатель. Наприм., впервые появившаяся на русскомъ языкѣ книжка Каниве «Дѣти моря» издана имъ въ

6 тыс. экз. Произведенія г-жи Клавдіи Лукашевичъ издаются имъ отъ 4 до 6 тыс. экз. Передѣлка «Конька Горбунка» печатается имъ въ 30,000 экз. Впрочемъ, каждый издатель болѣе или менѣе часто отступаетъ отъ своей обычной нормы и печатаетъ нѣкоторыя книги то въ большемъ, то въ меньшемъ количествѣ, въ зависимости отъ книги и отъ имени автора. Нижеслѣдующая табличка содержитъ въ себѣ статистическія данныя о количествахъ экземпляровъ, въ какихъ печатаются произведенія нѣкоторыхъ русскихъ авторовъ, пишущихъ для дѣтей. Выбираемъ такія имена, которыя болѣе или менѣе хорошо извѣстны среди молодой русской читающей публики.

Фурманъ. Меньшиковъ — 2 тыс.; Саардамскій плотникъ — 3 — 5 тыс. (1896 г.); Як. Долгорукій—5 тыс. (1901 г.); Сынъ рыбака (1901 г.)—3,000 экз.

Богдановъ. Мірскіе захребетники, 9-е изд. 1899 г.—1,500; изд. 12-е—1,500 (1901 г.).

Водовозовъ Вас. Ив. Разсказы изъ русской исторіи, изд. 6-е 1894 г.—2 тыс.

Зобовъ. Бесѣды о природѣ 1894 г.—1,000; 1900 г., изд. 16-е—10,000.

Мечъ С. Россія—2,400 (1895 г.); 3,000—5,000 (1896 г.); Гренландія, изд. 2-е—1,200; Альпы, изд. 5-е — 2,400 (1900 г.); Швейцарія—2,400, изд. 4-е, 1900 г.

Водовозова Е. Жизнь европейскихъ народовъ — 5,000 (т. II-й). Изъ русской жизни, изд. 7-е (1900 г.)—5,000.

Кайгородовъ Д. Изъ зеленаго царства—2,050 (1901 г.); О перелетныхъ птицахъ, изд. 6-е—5,000 (1902 г.).

Анненская А. Робинзонъ Крузо, изд. 5-е — 5,000; Братъ и сестра, изд. 2-е—2 тыс.

Кругловъ А. Большакъ, изд. 6-е—10 т. экз. (1899 г.); Новая звѣздочка, 3-е изд.—6,000 (1901 г.); Домна ректорша—1,500 (1901 г.).

Котъ Мурлыка. Сказки, изд. 6-е, 1901 г.—4 т.

Засодимскій. Сара Гальборгъ 1901 г.—10 т.; Разсказы и сказки. Задушевные разсказы. Изъ дѣтскихъ лѣтъ — (по 4 т.); Повѣсть изъ давнихъ лѣтъ—5,000 (1901 г.).

Станюковичъ К. Исторія одного матроса, 1901 г.—6 т.

Маминъ Д. Аленушкины сказки, изд. 3-е—1,200 (1900 г.); По Уралу—3,600 (1900 г.).

Лукашевичъ К. Баринъ и слуга — 3,600 (1901 г.); Старый Памфилычъ—3,600 (1901 г.); Дѣтскіе годы—4,000 (1901 г.).

Сысоева Е. Жизнь Бичеръ Стоу, изд. 2-е—10 т. (1901 г.).

Туръ Е. Катакомбы, изд. 10-е — 5 т. (1901 г.); Семейство Шалонскихъ, изд. 5—3 т. (1901 г.).

Авенаріусъ. Дѣтскія сказки, изд. 4-е—15,200 экз. (1901 г.); Первый вылетъ—5,200; Юные годы Пушкина, Отроческіе годы Пушкина—(по 10 т. экз.); Сказка о пчелѣ Мохнаткѣ, изд. 7-е—7,200 (1901 г.); Меньшой потѣшный, изд. 2-е—10,200 (1900 г.).

Желиховская В. Наши воины православные — 6 т. (1901 г.). Как я была маленькой, изд. 4-е—6,100 (1901 г.); Кавказскіе разсказы, изд. 2-е—3,000.

Позняковъ Н. Плѣнникъ—3,600 (1901 г.); Товарищъ, изд. 3-е—5,050; Святочные разсказы—3,050.

Макарова С. Суета суетъ, изд. 3-е — 3,060; 75 разсказовъ, изд. Битепажа—2,000 экз. (1900 г.).

Присмотримся немного къ этой табличкѣ, и обратимъ вниманіе прежде всего на имена авторовъ. Вотъ, наприм., г. Авенаріусъ, книги котораго, какъ извѣстно, принадлежатъ къ изданіямъ очень дорогимъ, далѣе г-жа Сысоева, Станюковичъ. Пятитысячный тиражъ—явленіе обычное даже для ходовыхъ дѣтскихъ авторовъ, несмотря на высокія цѣны каждаго экземпляра ихъ произведеній. Правда, книга проф. М. Богданова печатается въ ничтожномъ количествѣ 1,500 экз., но изданіе ея повторяется чуть не ежегодно, и малый тиражъ должно отнести не къ самой книгѣ, а къ неопытности ея издателей. Обращаетъ на себя вниманіе огромный тиражъ книги Е. Н. Водовозовой («Жизнь Европейскихъ народовъ» (5,000),—трехтомное произведеніе цѣною около 11 рублей. Но съ другой стороны, нельзя не отмѣтить, что нѣкоторые авторы печатаются въ меньшемъ числѣ экземпляровъ, чѣмъ это можно бы было ожидать, судя по тѣмъ симпатіямъ, которыми окружаютъ ихъ имена нѣкоторые круги читающей публики, наприм. С. Мечъ, Д. Кайгородовъ. Многія книжки г. Меча печатаются всего лишь въ 1,200—2,400 экземпл. Каждый, кто знакомъ съ прекрасными книжками г. Меча, не можетъ не удивляться, что онѣ печатаются въ столь ничтожномъ числѣ экземпляровъ и изданія ихъ повторяются не чаще, какъ черезъ 2 года. Имя автора и достоинства книги, повидимому, не находятся ни въ какомъ постоянномъ отношеніи съ количествомъ экземпляровъ, въ какомъ печатаются его произведенія. Въ отдѣлѣ дѣтскихъ книгъ картина получается въ этомъ отношеніи довольно пестрая и неопредѣленная; не то мы увидимъ, когда будемъ говорить объ отдѣлѣ беллетристики: тамъ имя автора и тиражъ его произведеній находятся въ болѣе или менѣе опредѣленной связи. Чѣмъ объясняется вышеуказанное явленіе? Нѣчто подобное мы видѣли въ отдѣлѣ книгъ народныхъ, и тамъ пестрота картины обусловливалась наличностью двухъ опредѣленныхъ тенденцій—спросомъ и потребностями читающей толпы и тенденціями министерскихъ и иныхъ каталоговъ, преслѣдующихъ свои цѣли. Въ отдѣлѣ литературы дѣтской мы видимъ нѣчто иное. Повидимому, здѣсь явленіе обусловлено, съ одной стороны, тоже вліяніемъ министерскаго каталога, регулирующаго спросъ и сбытъ дѣтскихъ книгъ въ школы и въ школьныя и иныя библіотеки, и съ другой—неумѣньемъ родителей выбирать книги для своихъ дѣтей. Благодаря министерскому каталогу печатаются въ большихъ количествахъ экземпляровъ не тѣ книги, которыя того дѣйствительно заслуживаютъ, а тѣ, которыя допущены въ школьныя библіотеки. Благодаря неумѣнью родителей выбирать книги для своихъ дѣтей, раскупаются не тѣ книги, которыя по вкусу дѣтямъ, а тѣ

названія которыхъ почему-либо удержались въ памяти родителей, извѣстны имъ по наслышкѣ, по газетной или журнальной, обыкновенно неудовлетворительно написанной рецензіи и т. п. Есть много дѣтскихъ книгъ, которыя охотно покупаются родителями для подарковъ дѣтямъ, но не охотно читаются дѣтьми. Въ результатѣ всѣхъ этихъ вліяній, дѣйствующихъ то въ положительную, то въ отрицательную сторону, создается то, что произведенія С. Макаровой печатаются и расходятся въ томъ же количествѣ, какъ и произведенія Мамина, произведенія г. Авенаріуса даже превосходятъ по числу печатныхъ экземпляровъ превосходныя книжки Засодимскаго, Станюковича. Не безъ вліянія родительской инерціи и каталожнаго консерватизма остаются ходовыми книгами до сего времени уже весьма устарѣвшія и давно замѣненныя лучшими произведенія Фурмана и Е. Туръ... Кромѣ всего этого, огромное вліяніе оказываетъ на распространеніе, а значитъ и на печатаніе дѣтскихъ книгъ, ихъ внѣшній видъ. Какую только дрянь не сбываютъ въ разукрашенномъ видѣ гг. Битепажи, Вольфы и К°. Книжки, изящно изданныя,—тѣ же дѣтскія игрушки и «милыя дѣти зажиточныхъ родителей» не столько читаютъ ихъ, сколько треплютъ, разрисовываютъ и вырѣзаютъ картинки и продѣлываютъ съ ними дѣла, не имѣющія ничего общаго съ чтеніемъ. При такихъ условіяхъ говорить о соотвѣтствіи именъ авторовъ и количества экземпляровъ ихъ произведеній уже не приходится: достоинство книги—одна статья, ея тиражъ и сбытъ—совершенно другія.

До сего времени мы говорили объ оригинальныхъ русскихъ книгахъ для дѣтей. Слѣдуетъ теперь сказать нѣсколько словъ о книгахъ переводныхъ. Переводная дѣтская литература у насъ не особенно бѣдна, хотя она и бѣднѣе оригинальной: наприм. въ 1894 г. изъ 241 названій дѣтскихъ книгъ было переводныхъ и передѣланныхъ всего лишь 76, остальныя же 165—были оригинальныя русскія. Каждый годъ появляются сотни книгъ, переведенныхъ и большею частью передѣланныхъ для русскихъ дѣтей. На русскомъ книжномъ рынкѣ находятся въ обращеніи милліоны экземпляровъ дѣтскихъ книгъ, написанныхъ разными иностранными авторами. И вотъ что интересно: повидимому, имя иностраннаго автора находится въ большей связи съ числомъ экземпляровъ его сочиненій, выбрасываемыхъ на русскій книжный рынокъ, чѣмъ имя автора русскаго. Самые ходовые автора для дѣтей—Жюль Вернъ, Д. Дефо, Андерсенъ, Гриммъ, Гофманъ, Куперъ, Майнъ-Ридъ, изъ новыхъ—М. Твенъ, Олькотъ, Бернетъ. Жюль Вернъ существуетъ во множествѣ переводовъ; нѣкоторыя его книги, наиболѣе популярныя, наприм. «Приключенія капитана Гатраса», «80,000 верстъ подъ водой», «Дѣти капитана Гранта» имѣются на рынкѣ въ 7—10 переводахъ. Произведенія этого популярнаго автора неоднократно распространялись нѣсколькими журналами подъ видомъ премій (при журналѣ «Задушевное слово» въ Петербургѣ, при журналѣ «Вокругъ свѣта» въ Москвѣ), и тѣмъ не менѣе до сего времени не насытили спроса на него, такъ какъ сочиненія Жюль-Верна то и дѣло появляются новыми изданіями

въ количествѣ 5—6 тыс. экземпляровъ (изд. Сытина, наприм.). Одно время было даже настоящее наводненіе книжнаго рынка произведеніями популярнаго автора. Наводненіе это было устроено главнымъ образомъ трудами Вольфа. Было это въ 1890 г. Въ общей сложности тогда было напечатано 27 выпусковъ соч. Жюль-Верна въ количествѣ 675,000 экземпляровъ. Нѣкоторыя книги выходили при этомъ 12—16 изданіями. Въ 1892 г. было напечатано произведеній Жюль Верна 650,000 экз. До сего времени печатается ихъ, въ общей сложности, не меньше 100,000. Послѣ Жюль-Верна пользуется наибольшимъ спросомъ «Робинзонъ» Д. Дефо. На русскомъ книжномъ рынкѣ существуетъ не менѣе 40 переводовъ и передѣлокъ «Робинзона», начиная отъ полнаго изданія и кончая брошюрками въ 40—50 страницъ. (Изд. «Посредника», Павленкова). Каждый годъ печатается не менѣе 100,000 экз. разныхъ Робинзоновъ. Произведенія Ф. Купера и В. Скотта пользуются тоже огромнымъ распространеніемъ и печатаются ежегодно въ большихъ количествахъ и въ видѣ передѣлокъ, и въ видѣ полныхъ переводовъ; кромѣ того они же расходились и въ видѣ премій (при ж. «Звѣзда», «Вокругъ свѣта», «Природа и люди»). Тоже можно сказать о Майнъ-Ридѣ и Эмарѣ. Слѣдуетъ отмѣтить также, какъ однѣ изъ ходовыхъ дѣтскихъ книгъ, «Хижину дяди Тома», «Приключенія Гулливера» (въ передѣланномъ видѣ), Донъ-Кихота. Онѣ расходятся ежегодно въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ разныхъ передѣланныхъ и сокращенныхъ изданій. (Тов. «Народн. пользы», изданіе въ 1901 г. въ 30,000 экз.). Однѣми изъ самыхъ любимыхъ книгъ являются на книжномъ рынкѣ сказки извѣстныхъ авторовъ,—бр. Гриммъ, Хр. Андерсена, Перро, «1001 ночь» «Сказочная библіотека» Ф. Павленкова. Фирма Павленкова издаетъ сказки Андерсена въ 5,100 экз. (изд. 2-е); Сытинъ издаетъ сказки Гримма въ 6,000 экз. *), и въ такомъ же количествѣ сказки Перро. Девріенъ въ 1901 г. напечаталъ роскошное изданіе «Бабушкиныхъ сказокъ» Жоржа Зандъ въ 3,050 экз. Изъ новыхъ авторовъ болѣе всего посчастливилось на русскомъ книжномъ рынкѣ М. Твену. Его «Принцъ и нищій» существуетъ въ десяткѣ передѣлокъ и переводовъ и принадлежитъ къ числу самыхъ ходовыхъ книгъ. Его издаютъ Суворинъ, Вольфъ, Сытинъ, С.-Петербургскій Комитетъ грамотности, бр. Пантелѣевы, Іогансенъ, разные лубочники и т. д. Ежегодный тиражъ этой книги надо считать десятками тысячъ экземпляровъ. Не уступаютъ этой книгѣ и два другихъ произведенія того же автора,—«Приключенія Тома» и «Похожденія Фина». Соч. Олькотъ и Бернетъ существуютъ тоже въ нѣсколькихъ переводахъ и передѣлкахъ. Присматриваясь къ статистическимъ даннымъ о распространенности переводныхъ дѣтскихъ книгъ на русскомъ книжномъ рынкѣ, нельзя не замѣтить, что наибольшимъ распространеніемъ пользуются произведенія авторовъ, обладающія серьезными научными или литературными достоин-

*) Мы не упоминаемъ здѣсь полнаго роскошнаго изданія сказокъ бр. Гриммъ, исполненнаго Марксомъ, такъ какъ это изданіе не предназначается для дѣтей.

ствами. Во всякомъ случаѣ, исключенія изъ этого правила въ данномъ отдѣлѣ дѣтской литературы встрѣчаются гораздо рѣже, чѣмъ въ отдѣлѣ оригинальныхъ книгъ. Чѣмъ объяснить это явленіе? Вѣдь вліяніе родительскаго выбора и министерскаго каталога для всѣхъ книгъ на русскомъ языкѣ болѣе или менѣе одинаково. Дѣло объясняется очень просто: въ выборѣ книгъ для перевода на русскій языкъ принимаетъ видное участіе свободный выборъ переводчиковъ, ихъ образованіе, ихъ вкусъ, а кромѣ того, переводчики, какъ и издатели, не могутъ не прислушиваться и не слѣдить за успѣхами той или иной иностранной книги на иностранномъ рынкѣ; главнымъ образомъ успѣхъ такой-то книги за границей и служитъ однимъ изъ поводовъ для перевода ея на русскій языкъ. Разумѣется, бываютъ исключенія изъ этого правила, но они отнюдь не устраняютъ рѣшающаго значенія новаго фактора, указаннаго выше. Кстати сказать, процентъ переводныхъ дѣтскихъ книгъ, вошедшихъ въ министерскіе каталоги, весьма незначителенъ... Мертвящее, задерживающее, антикультурное вліяніе этихъ послѣднихъ даетъ себя знать на книжномъ рынкѣ, можно сказать, на каждомъ шагу, и въ этомъ отношеніи то, что сказано было въ предыдущей главѣ, можетъ быть приложено и къ отдѣлу дѣтскихъ книгъ, и къ фильтрованнымъ библіотекамъ, которыя составляются изъ нихъ въ школахъ.

8. Начинка подрастающихъ поколѣній.

Особенно же рельефно проявляется вліяніе министерскаго каталога въ отдѣлѣ учебниковъ, къ обзору которыхъ мы теперь и переходимъ. Отдѣлъ учебниковъ—это, можно сказать, одинъ изъ самыхъ интересныхъ, поучительныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самыхъ заскорузлыхъ отдѣловъ книжнаго рынка. Мы уже имѣли случай сказать о немъ нѣсколько словъ въ первой нашей статьѣ, но здѣсь не мѣшаетъ на немъ остановиться нѣсколько подробнѣе. «Въ каплѣ воды отражается вселенная», говорятъ буддисты; въ отдѣлѣ учебниковъ отражается вся система русскаго учебнаго дѣла, вся подоплека русской низшей и средней школы.

Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе слѣдующій фактъ: ни въ одномъ отдѣлѣ русской литературы не встрѣчается такого огромнаго процента повторныхъ изданій, какъ именно въ отдѣлѣ учебниковъ. Наприм., въ 1890 г. изъ 460 названій учебныхъ книгъ 239, т.-е. болѣе половины, вышли повторными изданіями (Л. Павленкова. «Книж. дѣло въ Россіи въ 1890 г., стр. 13). Въ 1891 г. явленіе это повторилось съ неуклонной правильностью и даже въ нѣсколько болѣе рѣзкой степени,—изъ 574 названій учебныхъ книгъ насчитывалось 304 повторныхъ изданій. Въ 1893 г. изъ 621 названія было 428 повторныхъ; въ 1894 г. изъ 695—ихъ было 380; въ 1895 г. изъ 707 было повторныхъ 419. Всегда и вездѣ больше половины. Это словно какое-то правило, которому русскій учебный рынокъ слѣдуетъ и до сего дня не въ меньшей, если не въ большей степени. Что же озна-

чаютъ вышеприведенныя цифры? Говорятъ ли онѣ о выдающихся достоинствахъ книгъ, на долю которыхъ выпало неслыханное въ другихъ отдѣлахъ счастіе обновляться чуть ли не ежегодно? Въ этомъ позволительно сомнѣваться. Цифры означаютъ прежде всего то, что существуетъ на русскомъ книжномъ рынкѣ нѣкоторый постоянный кадръ учебниковъ, прочно занимающихъ свое мѣсто. Объ этой прочности позволяютъ составить нѣкоторое представленіе слѣдующія цифры: въ 1894 г. на 380 повторныхъ изданій учебниковъ приходилось 269 названій, которыя вышли въ свѣтъ вторымъ — десятымъ изданіемъ, 59 вышедшихъ десятымъ—двадцатымъ изданіемъ, 22 вышли двадцатымъ изданіемъ, 9—тридцатымъ, 4—сороковымъ, 3—пятидесятымъ, 10—шестидесятымъ, 3—семидесятымъ, 2—сотымъ. Есть учебники, выдержавшіе болѣе 100 изданій. Г. Павленковъ, отъ котораго мы заимствуемъ эти цифры, совершенно справедливо замѣчаетъ, «что усердное пріобрѣтеніе учебныхъ книгъ, дающее возможность появляться сотымъ и сто первымъ изданіямъ ихъ, еще не доказываетъ превосходной ихъ качественности или склонности къ нимъ читателя, а лишь необходимость». И правда, ради ли хорошихъ качествъ держится, наприм., въ русскихъ школахъ много разъ единодушно осужденный, но года $1^1/_2$—2 тому назадъ реабилитированный вновь ученымъ вѣдомствомъ пресловутый учебникъ исторіи Иловайскаго, учебники Беллярминова, учебникъ географіи Смирнова, книги Радонежскаго и т. п. авторовъ. Здѣсь не мѣсто входить въ разборъ качественной стороны разныхъ учебниковъ, но нельзя не привести нѣкоторые факты, наводящіе на мысль, что наиболѣе распространенные учебники не суть учебники наилучшіе. Нижеслѣдующая табличка даетъ понятіе, какіе именно учебники пользуются въ настоящее время въ Россіи наибольшимъ распространеніемъ:

Наиболѣе ходовые учебники, руководства и пособія, предназначаемые для низшихъ учебныхъ заведеній.

1. Азбуки и буквари.

Русскій букварь. Изд. учил. сов. при св. синодѣ. Изд. 2-е. 200 тыс. 3-е и 4-е по	400,000	экз.
Новый букварь. Изд. «Сотрудн. Школъ». Изд. 2-е. 98 г.	200,000	»
Ерминъ и Некрасовъ. Азбука совмѣстнаго обученія чтенію и письму. Изд. 11-е	100,000	»
Ильминскій. Церковно-славянская азбука. Изд. 10-е. 900 г.	100,000	»
Толстой, Л. Новая азбука. Изд. 24-е. 900 г.	100,000	»
Тихомировъ, Д. и Тихомирова, Е. Букзарь . . .	80,000— 50,000	»
Вольперъ. Русская рѣчь. Букварь *)	50,000— 50,045	»
Барановъ, А. Наше родное. I годъ. Изд. 51-е.	50,000	»
Бунаковъ, Н. Азбука и уроки чтенія **)	50,000— 40,000	»
Брайковскій. Букварь для совмѣстнаго обученія русскому и		

*) Изд. 1901 г. 40,045.

**) 1901 г., изд. 71-е—20,000.

церк.-славянскому чтенію . . . . . 35,000 экз
Вахтеровъ, В. Русскій букварь. Изд. 3-е. 900 г. . . . . 30,000 »

2. Книги для чтенія въ классѣ.

Первая книга для чтенія въ церк.-приходскихъ школахъ и школахъ грамоты. Изд. 4-е. Тип. синод. 901 г. . . . 300,000 »
Одинцовъ и Богоявленскій. Книга для чтенія въ церк.-приходскихъ школахъ. Изд. 900 г. . . . . 200,000 »
Поповъ, Д. Книга для чтенія. Изд. 4-е. Учил. сов. св. Синода . . . . . 200,000 »
Тихомировъ, Д. Книга для церковно-славянскаго чтенія. Изд. 14-е. . . . . 200,000 »
— Вешніе всходы. Изд. 97 г.—50,000, 900 г.—60,000. 901 г. . . . . 100,000 »
Барановъ. Наше родное. Годъ II и слѣд. 94 г. — 40 тыс., 95 г.—50 тыс. 98 г. . . . . 60,000 »
Радонежскій, С. Родина. Изд. 99 г. . . . . 52,000 »
Некрасовъ, Н. Я. Послѣ азбуки. Изд. 900 г. . . . . 50,000 »
Толстой, Л. Первая русская книга для чтенія, 1899 г. и 1901 г. по . . . . . 50,000 »
Бунаковъ. Н. Въ школѣ и дома . . . . . 40,000 »
Ушинскій, К. Родное слово. Издан. 113-е. 25 тыс., изданіе 124-е *) . . . . . 50,000 »
Радонежскій, С. Книга для чтенія. Годъ 2. Изд. 8-е. . . 30,000 »
Паульсонъ. Книга для чтенія. Изд. 98 г. . . . . 30,000 »
Поповъ, К. Книга для чтенія. Изд. 6-е. 98 г. . . . . 30,000 »
Ушинскій, К. Дѣтскій міръ . . . . . 10,000 »
Корфъ, Н. Нашъ другъ. Изд. 18-е. 900 г. . . . . 6,100 »

3. Грамматики русскаго языка.

Пуцыковичъ. Практическая русск. грамматика. Изд. 21-е . 130,000 »
Некрасовъ, Н. Я. Практич. курсъ правописанія. Изд. 6-е. 97 г. . . . . 100,000 »
Тихомировъ, Д. Элементарный курсъ грамматики. Изд. 97 г.— 40 тыс., изд. 901 г. . . . . 30,000 »

4. Руководство ариѳметики.

Рачинскій, С. 1,001 задача для умственнаго счета. Изд. 3-е Учил. сов. при св. Синодѣ. 99 г. . . . . 200,000 »
Евтушевскій. Сб. ариѳметич. задачъ. Изд. 74-е. 901 г. Ч. I. (Ч. II—50,000) . . . . . 100,000 »
Гольденбергъ. Сб. задачъ по начальн. ариѳметикѣ. Изд. 31-е— 100 тыс., изд. 32-е (черезъ годъ)—100 тыс., изд. 33-е 100,000 »
Малининъ и Буренинъ. Собр. ариѳм. задачъ. Изд. 21-е. . 84,000 »
Некрасовъ, Н. Я. Сб. ариѳметич. правилъ. Изд. 7-е. . . 50,000 »

*) Ч. I—II. Изд. 1901 г. по 25,000.

Комаровъ, А. Ариѳметич. задачникъ. Изд. 10-е. . . . . 50,000 экз.
Тенишевъ. Собр. ариѳметич. задачъ для церков.-приходск. школъ . . . . . 50,000 »
Вишневскій. Ариѳм. задачникъ для нач. училищъ, 16-е изд. 96 г. . . . . 35,000—300,000 »
Житковъ. Сбор. самостоятельн. упражненій по ариѳметикѣ. Изд. 11-е. . . . . 20,000 »
Лубенецъ. Собр. ариѳм. задачъ. Изд. 16-е . . . . . 20,000 »

Объ учебникахъ Закона Божія мы уже говорили въ отдѣлѣ духовныхъ книгъ и потому мы не вносимъ ихъ въ нашу таблицу. Изъ этой таблицы видно, что на первомъ мѣстѣ стоятъ изданія Училищнаго совѣта при св. Синодѣ, что такіе выдающіеся педагоги, какъ, наприм., Ушинскій, Л. Толстой, Н. Бунаковъ, занимаютъ въ таблицѣ далеко не первыя мѣста. Примѣръ Ушинскаго интересенъ еще въ другомъ отношеніи. Въ 1887 г. книги Ушинскаго вышли въ теченіе года въ 400,000 экземплярахъ. Какъ извѣстно, нѣсколько лѣтъ тому назадъ нѣкоторыя книги, составленныя этимъ педагогомъ, подвергались усиленнымъ гоненіямъ въ цѣломъ рядѣ учебныхъ заведеній, и тиражъ «Родного слова» выражался въ тѣ времена 25 тысячами экземпляровъ. Послѣднее время гоненія на эту книгу если и не окончились, то во всякомъ случаѣ ослабли, и ея тиражъ очень быстро возросъ до 50 тыс., т.-е. увеличился за самое короткое время вдвое и, нѣтъ сомнѣнія, вырастетъ и еще больше. На этомъ примѣрѣ наглядно видно, какое вліяніе оказываетъ на распространеніе учебника министерскій каталогъ. Достаточно, чтобы дали себя знать тѣ или иныя вѣянія, неблагопріятныя такой-то книгѣ,—и тиражъ этой книги уже сокращается, независимо отъ ея качества. И обратно, достаточно, чтобы эти «вѣянія» благопріятствовали тому или иному составителю и его произведеніямъ,—и тиражъ ихъ вырастаетъ до грандіозныхъ размѣровъ. Правда, достоинства и недостатки самихъ учебниковъ оказываютъ въ свою очередь вліяніе на ихъ распространеніе, но есть и такіе учебники, которыхъ нельзя не покупать. Есть и другіе, которыхъ «можно и не покупать, но»... И это «но» имѣетъ огромное практическое значеніе. Насчетъ этихъ учебниковъ, сколько помнится, самому министерству приходилось разъяснять въ особомъ циркулярѣ, что рекомендаціи нѣкоторыхъ книгъ еще не обязываютъ непремѣнно покупать ихъ. Очевидно, находились такіе учителя и начальники учебныхъ заведеній, которые понимали слово «рекомендація» нѣсколько иначе.

Пойдемъ теперь дальше. Приведенная выше табличка раскрываетъ еще одно небезынтересное явленіе. Подсчитайте сумму цифръ, обозначенныхъ въ этой табличкѣ. Эта сумма составляетъ 3.617,110. Всѣхъ учебниковъ въ 1901 году вышло, какъ мы знаемъ, 6.595,429. Въ табличкѣ нашей приведено 40 названій. Въ 1901 г. вышло 647 названій педагогическаго отдѣла. На каждое названіе изъ этихъ 40 приходится слишкомъ по 90 тыс. экземпляровъ круглымъ счетомъ. Присматриваясь къ изданіямъ этихъ, такъ

сказать, многоэкземплярныхъ учебниковъ, мы замѣчаемъ, что ихъ изданія повторяются если не каждый годъ, то почти каждый годъ и во всякомъ случаѣ не рѣже, чѣмъ черезъ два года. Есть учебники, изданія которыхъ повторяются *меньше чѣмъ черезъ годъ*. Если принять, что повтореніе изданій слѣдуютъ ежегодно, то эти 40 названій заключаютъ въ себѣ больше половины всей наличности экземпляровъ всѣхъ учебниковъ, печатающихся въ Россіи. Даже если принять, что повторяются изданія въ промежуткѣ времени черезъ два года, мы увидимъ, что 40 вышеприведенныхъ названій составляютъ болѣе одной четверти общаго числа экземпляровъ. Другими словами, учебный рынокъ находится въ очень немногихъ рукахъ; на этомъ рынкѣ существуетъ такое крупное производство, какого не имѣется ни въ какой другой отрасли книжнаго дѣла; кромѣ того, что крупное производство занимаетъ здѣсь очень опредѣленное положеніе, и пропасть между производствомъ крупнымъ и мелкимъ выражена здѣсь такъ рѣзко, какъ она не выражена даже въ области фабричной промышленности. И если здѣсь не имѣется еще своего рода «нормировки», то, несомнѣнно, ужъ сложилась извѣстная «регулировка»,—при помощи министерскихъ и иныхъ каталоговъ и разныхъ рекомендательныхъ циркуляровъ.

Мы только что замѣтили, что изданія учебниковъ повторяются очень часто. Какъ извѣстно, въ печати уже много лѣтъ раздавались и раздаются усиленныя и несмолкаемыя жалобы на частую смѣну учебниковъ въ среднихъ и нѣкоторыхъ другихъ учебныхъ заведеніяхъ. При этомъ указывается, что учащимся приходится пріобрѣтать новые комплекты учебниковъ чуть не каждый годъ, и что нѣкоторыя новыя изданія ихъ не что иное, какъ лишь слегка измѣненныя старыя; другими словами, что учебный «товаръ» для новыхъ изданій слегка пересматривается, подновляется болѣе или менѣе на скорую руку, и затѣмъ идетъ въ наборъ. Этого рода явленіе, разумѣется, не имѣло бы мѣста и не держалось бы и не развивалось изъ года въ годъ, если бы оно не влекло за собой извѣстныхъ выгодъ составителямъ и издателямъ учебниковъ *). Выгоды эти сами собой понятны, если принять въ разсчетъ, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ учебники продаются по очень высокой цѣнѣ, а изданія ихъ, при огромномъ числѣ экземпляровъ, при дурной бумагѣ, обходятся издателямъ очень дешево... *Книжный Вѣстникъ*, органъ русскаго Общества книгопродавцевъ, совершенно справедливо указалъ на эту сторону дѣла (1902 г., стр. 1076, 1899 г., стр. 9).

Изъ предыдущаго слѣдуетъ, что на русскомъ книжномъ рынкѣ наблюдаются тѣ же крупныя, основныя явленія, что и въ жизни: выгоды народныя, массовыя—одна статья, выгоды немногихъ лицъ—статья совершенно другая. Порядки, затрогивающіе самые существенные ближайшіе

*) Въ 1896 г. св. Синодомъ издано постановленіе, стѣсняющее перемѣну учебниковъ. Это постановленіе вполнѣ цѣлесообразно въ виду того участія, какое принимаетъ Учил. совѣтъ при св. Синодѣ въ дѣлѣ изданія учебниковъ. См. *Книжн. Вѣстн.* 1897 г., № 1.

интересы массы, существуютъ, словно имъ до массы нѣтъ никакого дѣла, это до той самой массы, которая отъ нихъ больше всего терпитъ и которая выноситъ ихъ на своихъ плечахъ. Свободное усовершенствованіе уступаетъ мѣсто своеобразной монополіи, которая не можетъ не составлять весьма серьезнаго препятствія цѣлому ряду улучшеній въ учебно-школьномъ дѣлѣ.

Это явленіе, замѣтное на учебникахъ и руководствахъ, предназначаемыхъ для низшихъ школъ, еще болѣе бросается въ глаза при обзорѣ руководствъ для школъ среднихъ. Чтобы не утомлять читателя фактами и цифрами, остановимся лишь на очень немногихъ изъ нихъ. Какія учебныя руководства печатаются въ наибольшемъ количествѣ для средней школы? Отвѣчая на этотъ вопросъ, прежде всего намъ приходится констатировать фактъ, что въ ихъ числѣ мы встрѣчаемъ такія руководства, которыя и возбудили и возбуждаютъ больше всего самыхъ справедливыхъ нареканій противъ себя. Въ числѣ этихъ руководствъ бросается въ глаза цѣлый рядъ крайне тенденціозныхъ произведеній, особенно въ области тѣхъ наукъ, которыя открываютъ относительно большой просторъ извѣстнымъ тенденціямъ, напр., исторіи, географіи (въ эту послѣднюю входятъ кой-какія свѣдѣнія изъ области наукъ экономическихъ и политическихъ, въ томъ скромномъ размѣрѣ и въ томъ освѣщеніи, въ какихъ считаются «непредосудительными» съ извѣстной точки зрѣнія). Одними изъ самыхъ ходовыхъ учебниковъ по русской исторіи до сего времени еще остаются учебники Иловайскаго, Беллярминова и Рождественскаго. 29-е и 30-е изданія Руководства ко всеобщей исторіи Иловайскаго (средній курсъ) было напечатано въ количествѣ 20,000 экз., Древняя исторія (изд. 1896 г.)—12,000 экз., Средніе вѣка—10,000 экз., Русская исторія (средній курсъ)—13,000 экз. и 1901 г. 40-е изд.—12,000 экз. Сокращенное руководство ко всеобщей и русской исторіи, изд. 24-е (1899 г.)—15,000 экз. Руководство ко всеобщей исторіи (Новая исторія)—12,000 экз. Въ 1901 г. тиражъ этихъ книгъ замѣтно понизился до 7—8 тысячъ, а затѣмъ снова пошелъ въ гору. Правда, по указаніямъ министерства народнаго просвѣщенія г. Иловайскій произвелъ, быть можетъ, въ своемъ товарѣ кое-какія «улучшенія», но врядъ ли можно сомнѣваться, что эти «улучшенія» не коснулись ни ни плана, ни способовъ изложенія, ни освѣщеній однихъ явленій, ни умолчанія о другихъ. Во всякомъ случаѣ недавно официально было подтверждено, что «учебники» Иловайскаго могутъ спокойно жить и поживать во всѣхъ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ, а г. Иловайскій можетъ добро наживать, не опасаясь никакихъ непріятныхъ для него вѣяній. Элементарный курсъ всеобщей и русской исторіи Беллярминова былъ напечатанъ въ 1900 г. 28-мъ изд. въ количествѣ 12,000 экз., въ 1901 г. оно же—10,000 экз., 21-е изд. Отечественной исторіи Рождественскаго напечатано въ 40,000 экз., изданіе 1901 г. вышло въ 30,000 экз. Его же краткая отечественная исторія въ разсказахъ, изд. 23-е, 1901 г., въ 60,000 экз. Это самый распространенный учебникъ по русской исторіи. Руководства, составленныя та-

ними компетентными авторами, какъ, наприм., проф. Виноградовъ, проф. С. М. Соловьевъ, проф. Н. И. Карѣевъ, распространяются въ самыхъ скромныхъ количествахъ сравнительно съ разными Иловайскими, Рождественскими и К°. Учебникъ всеобщей исторіи (Древній міръ) Виноградова былъ напечанъ 6-мъ изданіемъ въ количествѣ 5,000 экз., Новое время въ 1900 г.—10,000 экз. Учебная книга русской исторіи С. М. Соловьева (10-е изд. 1900 г.) 2,450 экз. Карѣева.—Учебная книга по новѣйшей исторіи (изд. 3-е, 1900 г.)—5,000 экз. Правда, послѣднее руководство лишь недавно получило официальное допущеніе въ школы и, судя по выдающемуся успѣху первымъ трехъ изданій, будетъ имѣть большое распространеніе, но, пока что, до сего времени рынокъ учебныхъ руководствъ по русской и всеобщей исторіи въ рукахъ все того же Иловайскаго и К°, рядомъ съ которыми распространяются учебники Иванова (8—15,000 экз.), Горбова (10,000 экз.), Воскресенскаго (Отеч. исторія, 6-е изд., 15,000 экз.), Елпатьевскаго (изд. 7-е, 20,000 экз.), Пуцыковича (25,000 экз.) и нѣкоторыхъ другихъ. Если не ошибаемся, недавно допущенъ въ школы учебникъ русской исторіи Трачевскаго (5,000 экз., 1899 г.), проводящій на одной изъ своихъ послѣднихъ страницъ ту мысль, что періодъ русской исторіи, слѣдовавшій за 1881 г., является продолженіемъ эпохи реформы предыдущаго періода.

Что касается отдѣла географіи, то въ этой области на первомъ планѣ стоитъ Учебникъ географіи Пуцыковича (изд. 17-е, 1898 г., 40,000 экз., послѣ того были еще изданія), на второмъ — Учебникъ географіи Россіи Лебедева (изд. 1898 г., 25,000 экз.) и безграмотные учебники К. Смирнова (изд. 1898 г. по 25,000 экз., Европа и Внѣ-европейской страны, и Общія свѣдѣнія въ 40,000 экз.). Цифры эти говорятъ сами за себя. Къ нимъ надо присоединить тотъ фактъ, что ненаучный и устарѣвшій во многихъ отношеніяхъ Учебный географическій атласъ Ильина до сего времени печатается въ 15,000 экз. (наприм., въ 1898 г.).

Изъ другихъ книгъ по географіи оказываются наиболѣе ходовыми книги А. Воронецкаго (Учебникъ всеобщей географіи, изд. 19-е, 1901 г., 20,015 экз.), Учебникъ Н. Раевскаго (10—20,000 экз.), А. Баранова (Географія Россійской имперіи, изд. 16-е, 1901 г., 15,000 экз.) и С. Меча, «Россія». Хотя послѣдняя книга печатается въ относительно небольшомъ количествѣ экземпляровъ (5—7,000), но изданія ея часто повторяются. За послѣднее время, благодаря Марксу, получаетъ большое распространеніе Учебный географическій атласъ Э. Петри (20,000 экз., 1901 г., изд. 3-е). Нѣкоторые учебники по географіи, еще недавно весьма распространенные, наприм., Д. Д. Семенова, Бѣлоха, теперь уже сходятъ или даже сошли со сцены. Въ 1901 году книги Бѣлоха напечатаны всего въ 4 тыс. экз., а книги Д. Д. Семенова въ 1,200 эк.

Въ отдѣлѣ русскаго языка и словесности до сего времени пользуются наибольшимъ распространеніемъ книги Поливанова (Русская Хрестоматія до 10,000 экз.), П. Смирновскаго (Курсъ сист. диктанта—12—25,000, По-

собіе при изученіи русской литературы до 5,000 экз.), А. Галахова (Исторія русской словесности (учебникъ), 9-е изд. въ томъ же году, 10,000 экз. и Хрестоматія, изд. 26-е, 15,000 экз., изд. 25-е—25,000 экз.), Буслаева (Русская хрестоматія, изд. 8-е, 1901 г., 10,000), Кирпичникова и Гилярова (Этимологія русскаго языка для низшихъ классовъ гимназій, изд. 35-е, 1901 г., 60,000 экз.), Виктора Острогорскаго (Выразительное чтеніе, изд. 5-е, 6,600 экз.) *), Преображенскаго (Русская грамматика для среднихъ учебн. заведеній, изд. 14-е, 50,000 экз.), Козьмина, К. (Грамматика церковно-славянскаго языка, 1,200 экз., изд. 11-е), Незеленова (Исторія русской словесности, изд. 7-е, 6,000 экз., изд. 9-е—2,400 экз., изд. 11-е—3,600 экз.).

По логикѣ въ настоящее время больше всего идетъ книга Минто, а за ней книга Владиславлева, Свѣтилина (3,600 экз.). Изъ другихъ предметовъ: Некрасова (Практическій курсъ правописанія, 100,000 экз.), Д. Тихомирова (Элементарный курсъ грамматики, 40,000 экз.), Пуцыковича (Практическая русская грамматика, 130,000 экз.), Полевого, П. (Учебн. Хрестоматія, изд. 33-е, 25,000 экз.), В. Соколова (Родная рѣчь для средн. учебныхъ заведеній, изд. 8-е, 18,000 экз.). По математикѣ печатаются въ наибольшихъ количествахъ экземпляровъ, кромѣ трудовъ покойнаго А. Гольденберга, Систематическій курсъ ариѳметики А. Киселева (13-е изд., 1901 г., 36,000 экз.). Собраніе ариѳметическихъ задачъ Верещагина (14-е изд., 30,000 экз.), Ариѳметика Шохоръ-Троцкаго (Вып. I, изд. 1901 г., 25,000 экз.), Краткій курсъ геометріи Вулиха (20,000 экз.), Сборникъ геометрическихъ задачъ Малинина (изд. 12-е, 16,800 экз.), Алгебра Малинина и Буренина (14,000 экз., изд. 1901 г.). Изъ учебниковъ по физикѣ до сего времени занимаютъ первыя мѣста извѣстные учебники Краевича (10—15,000 экз.), Малинина и Буренина (10,800 экз.), Ковалевскаго. Не менѣе извѣстный курсъ Гано расходится въ довольно скромныхъ количествахъ (4,100 экз.). Учебники по естествознанію занимаютъ одно изъ послѣднихъ мѣстъ; иначе и быть не можетъ, такъ какъ такое же мѣсто занимаетъ и естествознаніе въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ. О скромномъ тиражѣ книгъ этого послѣдняго отдѣла можно судить по тому, какъ печатаются весьма ходовыя книги, наприм., книги Износкова (Краткій курсъ естественныхъ наукъ, изд. 18-е, 18,000 экз.), А. Герда (Краткій курсъ естествознанія, изд. 11-е, 10,000 экз.), Учебники ботаники Раевскаго (10,000 экз.), Бородина (6,350 экз.), Кайгородова (5,000 экз.). Въ области языкознанія встрѣчаемъ хорошо знакомыя имена Шаланда (30,000 экз.), Фену, Марго, Маака, Кейзера, Ходобая, Кесслера, Нурока (10,000 экз.). Зато извѣстный учебникъ греческаго языка Кюнера сошелъ почти на нѣтъ: въ 1901 г. 15-е изданіе его вышло лишь въ количествѣ 500 экз. (*Книжный Вѣстникъ* 1901 г., № 35), если только эта цифра не есть опечатка.

---

*) „Русскіе писатели“ того же автора печатаются въ количествѣ всего 3,000 экз., „Родные поэты“—въ 3,000 экз.

Этимъ мы и закончимъ нашъ обзоръ отдѣла учебниковъ. Относительно учебниковъ, предназначенныхъ для средней школы, можно сказать то же самое, что уже было сказано объ учебникахъ для школы низшей, съ тою только разницей, что чуть не ежегодное появленіе новыхъ, т.-е. подновленныхъ изданій, явленіе здѣсь еще болѣе замѣтное. Отдѣлъ учебниковъ—это, такъ сказать, отдѣлъ казенный. Цифры, приведенныя выше, не выражаютъ или почти не выражаютъ ни спроса, ни потребностей, существующихъ въ средѣ покупателей. Скорѣе онѣ выражаютъ намѣренія начальства, объемъ свѣдѣній, которыя полагается знать обывателю, своеобразное освѣщеніе этихъ свѣдѣній и т. п. Тѣ именно учебники и идутъ больше въ ходъ, которые соотвѣтствуютъ этимъ намѣреніямъ, и распространеніе которыхъ встрѣчаетъ помощь съ его стороны. Если учебныя программы, принятыя въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, суть своего рода отраженіе «вѣяній», то учебники—это отраженіе программъ. Школьное образованіе, получаемое милліонами учащихся, это въ бо́льшей или меньшей степени отраженіе учебниковъ.

До сего времени мы говорили о тѣхъ отрасляхъ русскаго книжнаго потока, который прежде всего выражали, такъ сказать, назидательно-воспитательныя тенденціи извѣстныхъ общественныхъ группъ изъ командующихъ классовъ. Переходимъ теперь къ обзору такихъ отдѣловъ русскаго книжнаго рынка, которые прежде всего выражаютъ тенденціи читающей толпы.

Н. А. Рубакинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Литературныя метаморфозы.

Историческій очеркъ.

Берты Кэсъ.

I.

Необыкновенно цѣльную картину, превосходящую по своему разнообразію и жизненной силѣ всѣ предшествовавшія, представляетъ исторія литературы истекшаго столѣтія; главное значеніе ея заключается не столько въ величіи, сколько въ разнообразіи ея созданій. Романтизмомъ, цвѣтущимъ классическимъ романтизмомъ, началось это столѣтіе, романтизмомъ же, но романтизмомъ новаго времени, оно и закончилось. Въ промежуткѣ между тѣмъ и другимъ лежатъ блужданія и борьба, знаменующія собою процессъ эволюціи. Борьба эта велась съ тѣмъ горячимъ ожесточеніемъ, которое неизбѣжно при взаимномъ столкновеніи традиціи съ оппозиціей, до тѣхъ поръ, пока не проснулась снова жажда покоя и мира, пока не оживились воспоминанія о лучшемъ времени, времени юности, среди которыхъ состарившееся, усталое столѣтіе и погрузилось въ вѣчный сонъ.

Новое столѣтіе, выступающее ему на смѣну, обратилось съ обновленной творческой силой къ этимъ воспоминаніямъ. Сущность романтизма, какъ его понимали всѣ величайшіе поэты, начиная съ Шекспира, не ограничивается тѣмъ, что охватываетъ только всѣ формы поэтическаго творчества, она ихъ смѣшиваетъ и соединяетъ. Въ этомъ смыслѣ Гамлетъ и Фаустъ являются самыми выдающимися созданіями романтизма. Жизнь становится символомъ, символъ—центромъ тяжести, самымъ глубокимъ содержаніемъ жизни:

„Alles Vergängliche ist nur ein Gleichnis,
Das Unzulängliche, hier wird's Ereignis,
Das Unbeschreibliche, hier ist's getan“ *).

Гамлетъ, живущій внѣ міра дѣйствительности, интенсивная внутренняя жизнь, сдѣлавшая его, отчужденнаго отъ міра, способнымъ открыть ул-

*) Все преходящее только подобіе, недостижимое становится здѣсь осуществившимся, неописуемое здѣсь совершается.

сающее преступленіе,—все это истинно романтическіе мотивы. Не пытливый разумъ находитъ путь къ истинѣ, а чувство, руководимое неяснымн предчувствіями; именно оно—эта мистическая связь съ міромъ представленій,—становится исполнителемъ предначертаній какой-то сверхъестественной воли.

Можно даже утверждать, что всякое поэтическое чувство въ основѣ своей романтично, иначе говоря, оно по своей формѣ и содержанію стремится выйти изъ тѣснаго круга личныхъ воспріятій, причемъ поэту всегда угрожаетъ опасность слишкомъ далеко зайти въ область темнаго, неопредѣленнаго, неяснаго и расплывчатаго, если только онъ отдается этимъ ощущеніямъ безъ сильнаго противовѣса своему эгоизму.

Рикарда Гухъ съ глубокимъ пониманіемъ, какого можно ожидать отъ такой даровитой писательницы, въ концѣ своей второй книги о романтизмѣ предостерегаетъ отъ такой опасности слѣдующими словами:

«Едва ли можетъ долго процвѣтать такой романтизмъ, который стремится отдѣлить искусство отъ жизни и витать надъ нею, какъ воздушный островъ блаженныхъ. Чѣмъ больше въ немъ силы, тѣмъ лучше ему удастся связать внутреннее съ внѣшнимъ, не жертвуя ни своей красотой ради цѣлесообразности, ни своимъ величіемъ ради разсчета».

Эпигоны классическаго романтизма, вслѣдствіе полнаго непониманія романтическаго направленія мысли часто принимаемые за его типическихъ представителей, не обладали ни этимъ сознаніемъ, ни еще менѣе силой, необходимой для его осуществленія. Они преувеличивали свои чувства, впадали въ какой-то болѣзненный, чувственный спиритуализмъ; они стремились не къ правдивому изображенію природной красоты, а хотѣли прикрасить природу сантиментальностью. Что бы они ни брались изображать: исторію, природу, міръ чувствъ и предчувствій,—все получало искаженный образъ. Не какъ одичаніе и огрубѣніе литературы, но какъ здоровая реакція противъ этого чувственно-сверхчувственнаго заблужденія, все сильнѣе и сильнѣе начинаетъ обнаруживаться стремленіе быть естественнымъ, содѣйствовать реабилитаціи природы, между прочимъ, и противъ «міра прекрасныхъ грезъ» вообще; это стремленіе съ абсолютной послѣдовательностью приводитъ къ реализму. Упадокъ одной эпохи носитъ въ себѣ уже зародышъ развитія послѣдующей. Вѣдь и натуралисты ссылаются, и не безъ основанія, на своихъ предшественниковъ классическаго періода. Мысль, вложенная въ извѣстныя слова Шиллера:

„So lange bis den Bau der Welt
Philosophie zusammenhält,
Erhält sich das Getriebe
Durch Hunger und durch Liebe“,

и реалистами выдумана. Шекспировскій «Лиръ» и Гётевскій «Фаустъ» съ потрясающимъ реализмомъ выражаютъ «человѣческое—слишкомъ человѣческое».

Но реализмъ такъ же мало, какъ и романтизмъ, удержался на высотѣ

чисто-художественнаго созерцанія. Если послѣдній увлекалъ мысль въ туманную даль, гдѣ терялась всякая дорога, то первый привелъ литературу прямо къ клоакѣ, сирадъ которой ускорилъ процессъ разложенія въ эпоху крайняго реализма.

Однако идея правды, этическій моментъ, заключавшійся въ дѣятельности реалистовъ, поднялъ ее выше уровня простого литературнаго явленія, сдѣлалъ ее актомъ, имѣющимъ культурное значеніе. Вѣдь не случайно же одновременно въ четырехъ различныхъ по культурѣ странахъ явились четыре человѣка *), поднявшіе бичъ противъ «всеобщей болѣзни человѣчества—лжи». Анаѳема, произносимая всѣмъ суровымъ пророкамъ, досталась въ удѣлъ и имъ, пока не выросло сознаніе, что всякому процессу исцѣленія предшествуютъ раны и страданія, что ни одна истина не достигается, прежде чѣмъ не будетъ опровергнута и покрыта позоромъ ложь. А когда такое сознаніе утвердилось, ничто уже не могло ослабить могущественнаго дѣйствія новаго теченія, даже справедливое возраженіе, что искусство должно быть свободно отъ тенденціи.

Великихъ писателей, геній которыхъ свѣтитъ въ теченіе столѣтій, какой-то богъ научилъ сказать, чѣмъ они страдаютъ. Это выраженіе можно измѣнить въ такомъ смыслѣ, что тѣмъ, кто развернулъ предъ нами картину неприкрашенной дѣйствительности, этотъ богъ помогъ указать, чѣмъ страдаютъ другіе. Они были первыми въ области поэзіи и этики, въ грубыхъ, но свѣдущихъ рукахъ которыхъ нуждалось общество. Контрастъ между воображаемымъ міромъ прекраснаго и грязной атмосферой, въ которой живутъ три четверти всего человѣчества, былъ слишкомъ рѣзокъ. Эта физическая и душевная нечистота покрываетъ всѣ самые различные слои общества; мы знали о существованіи ея, но неохотно о ней вспоминали; мы привыкли считать «идеалъ» и жизнь непримиримыми противоположностями, причемъ считали только «идеальное» подходящимъ матеріаломъ для произведеній искусства, нисколько не вдумываясь въ то, что искусство, отдаляющееся отъ жизни, обречено будетъ въ концѣ-концовъ отказаться и отъ своей цѣли—дѣлать жизнь болѣе прекрасною, ибо никакое культурное облагороженіе немыслимо, разъ оно не сознается какъ нѣчто всестороннее.

Правда, искусство реалистовъ, за немногими исключеніями, оцѣнивали преувеличенно. Возможность изображенія отдѣльныхъ состояній дѣйствительной жизни широко отворила двери дилетантизму. Подобно тому, какъ позднѣйшіе романтики смѣшивали туманъ чувствительности съ избыткомъ настоящаго чувства, и послѣдователи великихъ реалистовъ стремятся часто только къ фотографическому сходству взятаго ими момента. Одинъ реализмъ безъ *сильнаго* оттѣненія этическаго момента ведетъ въ сторону отъ того пути облагороженія, по которому должно вести насъ всякое искусство.

Въ каждомъ человѣческомъ сердцѣ, часто безсознательно, живетъ тоска

*) Мультатули, Ибсенъ, Ницше, Толстой.

по идеалу, стремленіе къ празднику жизни. Какъ бы ни назвать это чувство,—Богомъ, природой, наукой, искусствомъ, или всѣмъ этимъ вмѣстѣ, оно всегда будетъ чѣмъ-то, что возноситъ волю и силу выше ихъ самихъ; это—реакція противъ обыденнаго, повседневнаго, прозаическаго.

Слишкомъ много этого чувства жило и въ душѣ великихъ реалистовъ, чтобы они могли въ своемъ творчествѣ только разрушать, ничего не созидая, открывать намъ глаза на страданія, не указывая пути къ исцѣленію.

Въ то время какъ ихъ послѣдователи заботились только о временной славѣ, о звонкомъ вознагражденіи за свой ходкій товаръ и погрязали въ болотѣ, сами они обращались къ *душѣ* человѣка, къ той сторонѣ человѣческой природы, которая является источникомъ цѣлительной силы, облегчающей всѣ страданія. Психологическій моментъ, давшій совершенно особенное освѣщеніе поэтической мысли, оказался тѣмъ маленькимъ зародышемъ, изъ котораго реализмъ черпалъ новую творческую силу и который пробудилъ къ жизни, какъ казалось, новое направленіе,—я говорю, какъ казалось, такъ какъ символизмъ былъ однимъ изъ сильныхъ мотивовъ романтическаго творчества. Тяготѣніе къ землѣ, неизбѣжное при культѣ одного только тѣлеснаго, оказалось на долгое время невыносимымъ для полета поэтической фантазіи; отвращеніе къ міру исключительно-вещественному привело къ углубленію въ самыя тонкія душевныя состоянія, привело, наконецъ, къ раздробленію на основныя части самого психологическаго момента.

То новое, что лежало въ чистомъ развитіи символистической мысли, поразило своей необычайностью. Подобно своему антиподу, реализму, символизмъ направилъ наше размышленіе на такіе пункты, которые оставались до сихъ поръ незамѣченными; онъ заставилъ огрубѣлыхъ зрителей прислушаться къ таинственнымъ основнымъ тонамъ душевныхъ настроеній. Но въ обществѣ, гдѣ царитъ шумъ повседневной суеты, такое направленіе могло создать только переходный періодъ, вспыхнувшій слабымъ пламенемъ и угасшій.

Для критики символизма чисто-литературная точка зрѣнія такъ же недостаточна, какъ и въ отношеніи реализма. Если бы символизмъ въ своемъ развитіи не далъ намъ ничего, кромѣ ученія объ эволюціи души и возвышающей силѣ вѣры, вліяніе его все же надо признать цѣннымъ и благотворнымъ.

Высокія требованія, предъявляемыя къ развитію психики, и вѣра въ ея могущественную силу внесли неизвѣстное до сихъ поръ дифференцированіе въ наблюденіе душевныхъ процессовъ. Въ этомъ смыслѣ и символизмъ въ его лучшихъ проявленіяхъ былъ культурнымъ событіемъ, подвинувшимъ насъ еще на одинъ шагъ дальше отъ того состоянія, въ которомъ находились наши, обитавшіе въ пещерахъ, предки.

Глубокое замѣчаніе Метерлинка: «Только въ молчаніи одна душа передается другой», быть можетъ, является самымъ мѣткимъ выраженіемъ многообразныхъ и безконечно сложныхъ отношеній между душами людей;

поэтому «многозначительное молчаніе» и стало языкомъ символистическихъ произведеній искусства.

Односторонность всякаго направленія есть зародышъ смерти, лежащій съ самаго начала въ каждомъ изъ нихъ. Только универсальное вѣчно. Сила души, растущая на счетъ физической силы, задерживаетъ ростъ всей личности. Только въ здоровомъ человѣкѣ при гармоническомъ развитіи какъ духовнаго, такъ и чувственнаго начала, проявляется вся жизненная сила человѣческаго рода.

Такимъ образомъ и искусство должно захватывать собою все, чтобы дать намъ безраздѣльное удовлетвореніе. Ему не должно быть чуждо ничто божественное, ничто человѣческое. Искусство, поставившее на первый планъ одинъ только этическій моментъ, стремящееся обезплотить все наше существованіе, такъ же мало способно дать намъ высшее художественное наслажденіе, какъ и его противоположность, занятая одною только матеріальною стороной жизни, на томъ основаніи, что эта сторона—единственное, что мы можемъ точно познавать.

Съ этой точки зрѣнія, точки зрѣнія многообразія, изъ котораго развивается единство, мы должны признать то романтическое направленіе, которое объединяетъ собою всѣ другія, возникавшія одно за другимъ, направленія, за самый совершенный способъ поэтическаго выраженія, найденный до сихъ поръ; таковымъ оно было признано и тѣми, кто въ концѣ прошлаго столѣтія страстно стремился освободиться отъ гнета отдѣльныхъ партій. Съ непреоборимой силой влекло ихъ къ старымъ сладкимъ звукамъ юныхъ лѣтъ прошлаго вѣка. Они искали и нашли, если не дорогу въ старую романтическую страну, то путь въ новое царство романтизма. Они создали новый романтизмъ, болѣе чѣмъ когда-либо оттѣняющій свойственную ему универсальность, не затерявшійся еще въ области «воздушныхъ замковъ», соединяющій какъ элементы внутренняго чувства, такъ и сознаніе реальной дѣйствительности и сохранившій въ себѣ достаточно запаха земли для того, чтобы его можно было признать самымъ глубокимъ и въ то же время самымъ вѣрнымъ выраженіемъ всякаго поэтическаго воспріятія, самой эссенціей поэзіи.

Швеція была страной, откуда раздался первый страстный голосъ тоски по тонкомъ ароматѣ поэзіи. Подобно тому, какъ раннимъ утромъ достаточно голоса одной птички, чтобы раздался цѣлый хоръ звуковъ, привѣтствующихъ появленіе новаго дня, такъ и на этотъ призывъ скоро откликнулось эхо изъ другихъ странъ, какъ отвѣтъ пробужденной рыцарскимъ поцѣлуемъ отъ сна спящей красавицы. Какъ эта красавица, старый добрый романтизмъ заснулъ тоже только на время.

II.

Женщина въ литературѣ.

Еще нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ возможно было написать исторію литературы, не упомянувъ при этомъ ни одного женскаго имени.

Отъ Сафо до Аннеты фонъ-Дросте-Гильсгофъ, извѣстной нѣмецкой поэтессы середины прошлаго столѣтія, прошло больше тысячелѣтія. Дѣйствительно, мужчинамъ нечего было бояться конкуренціи на Парнасѣ.

Съ наступленіемъ новаго времени, времени, заговорившаго противъ рабства, эмансипировавшаго четвертое сословіе и выдвинувшаго на первый планъ интересы женскаго движенія,—должно было измѣниться и все положеніе. Поднятіе этого вопроса очень важно было для развитія какъ въ общемъ, такъ и въ частностяхъ. Правда, отдѣльныя фигуры даровитыхъ женщинъ время отъ времени выдвигались изъ толпы, и романтическій образъ мыслей въ первой половинѣ прошлаго столѣтія былъ особенно благопріятенъ для развитія интенсивной внутренней жизни женщины. Но область, въ которой вращались тѣ женщины, была слишкомъ исключительна, для того, чтобы онѣ могли имѣть какое-нибудь рѣшающее вліяніе на направленіе цѣлой эпохи. Онѣ держались системы обособленія, а эта система производила дѣйствіе какъ разъ противоположное тому, какое могло бы способствовать развитію соціальнаго чувства, проявляющагося все съ большей силой въ современной женщинѣ.

Вообще говоря, не всякая женщина, одаренная художественнымъ талантомъ, должна въ силу этого считаться причастной женскому движенію. Такая женщина, напротивъ, всегда чувствовала себя болѣе или менѣе существомъ исключительнымъ и рѣдко стремилась въ своемъ лицѣ достигнуть единенія съ общими интересами, развѣ въ исключительныхъ случаяхъ отдавая свой талантъ на служеніе этимъ интересамъ. Стремленіе къ солидарности, придающее именно женскому вопросу интернаціональный характеръ и дѣлающее его великимъ культурнымъ факторомъ настоящаго времени, было такъ же чуждо обыкновенной женщинѣ, какъ и женщинѣ-художницѣ, пока онѣ являлись для своего пола единственными представительницами двухъ расходящихся направленій. Но развивающійся ходъ событій и измѣнившіяся отношенія создали новый типъ женщины. Если мы прослѣдимъ постепенное развитіе ея за послѣднія десятилѣтія, то мы скоро убѣдимся, что возникшія среди нихъ стремленія къ перемѣнѣ, частью достигнувшія цѣли, имѣли вліяніе далеко не на одну только какую-нибудь категорію женщинъ. Женщина, постепенно сбрасывая съ себя оковы духовнаго и физическаго рабства, сначала робко и неувѣренно, а затѣмъ твердо и смѣло выступила за предѣлы *женской доли* и стала на порогѣ общечеловѣческаго; сознавъ свои естественныя права и понявъ свое высшее назначеніе, она необходимо сдѣлалась существомъ инымъ, чѣмъ та женщина, для которой искусственно привитыми ей потребностями исключена была возможность проявленія какой бы то ни было оригинальности. Сообразно съ этимъ должна была развиваться количественно и качественно и художественная ея продуктивность.

Переходъ отъ почти абсолютной художественной безплодности женщинъ къ настоящему времени, отличающемуся интенсивной и въ нѣкоторыхъ случаяхъ выдающеюся дѣятельностью ихъ въ этой области, совершился не

сразу; въ промежуткѣ между этими эпохами лежитъ періодъ самаго страннаго диллетантскаго перепроизводства.

Появленіе «журналовъ для семейнаго чтенія» въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія пришлось какъ нельзя болѣе по вкусу большого круга читателей, искавшихъ въ чтеніи развлеченія, но не желавшихъ задумываться надъ прочитаннымъ. Создалась особая беллетристика, обязанная своимъ происхожденіемъ почти исключительно женскому перу и достигшая своего полнаго расцвѣта въ произведеніяхъ блаженной памяти Марлитъ и ея многочисленныхъ современницъ. Каждая страна имѣла цѣлый букетъ работавшихъ перомъ женщинъ, удовлетворявшихъ своимъ ремесломъ повседневному спросу... такія писательницы не перевелись и теперь. Эти «семейные листки» и кругъ ихъ читателей можно сравнить съ губкой, впитывающей въ себя неимовѣрное количество чернилъ. Но какъ ни великъ былъ спросъ, предложеніе всетаки превысило его. Журналы, дѣлавшіе хорошія дѣла, благодаря большому наплыву абонентовъ, платили значительно лучше, чѣмъ магазины модныхъ товаровъ; такимъ образомъ сочинительницъ новеллъ и романовъ добраго стараго времени привело къ литературѣ менѣе всего сознаніе внутренней творческой силы. Больше всего тянула ихъ туда суровая необходимость заняться тайной литературной работой (потому что тогда открытое занятіе литературнымъ трудомъ для женщины считалось позоромъ), которая и отвлекла женщинъ отъ вышиванія въ пяльцахъ на болѣе пріятное и возвышенное поприще писательской дѣятельности. Здѣсь онѣ дѣйствовали большею частью подъ мужскими псевдонимами, надѣясь, благодаря этому, избѣжать насмѣшливаго прозвища «синяго чулка»; ихъ сомнительное служеніе на этомъ поприщѣ состояло главнымъ образомъ въ томъ, чтобы прививать женской молодежи, такъ называемымъ «höheren Töchtern», совершенно превратное представленіе о жизни и развивать въ нихъ фантастическія притязанія къ этой жизни.

Среди всѣхъ этихъ болѣе или менѣе набившихъ руку писательницъ попадалось иногда красивое и симпатичное дарованіе, но ни одного крупной величины, которое могло бы претендовать на названіе истиннаго, Богомъ даннаго, таланта. Если бы Аннета фонъ-Дросте Гильсгофъ, Джоржъ-Эліотъ и Елизавета Браунингъ не были женщинами,—женщины могли бы придти въ отчаяніе.

Совсѣмъ иную картину представляютъ собою послѣднія десятилѣтія. Въ каждой культурной странѣ литература свидѣтельствуетъ объ извѣстномъ вторженіи женскаго вліянія. Списокъ женскихъ именъ, золотыми буквами написанныхъ на страницахъ славы, слишкомъ длиненъ, чтобы ихъ всѣ перечислить. Италія, Швеція, Россія, Голландія и Германія съ гордостью могутъ назвать цѣлый рядъ своихъ выдающихся писательницъ. И если англійскія и американскія женщины предпочитаютъ въ настоящее время пропагандистскую дѣятельность и активное участіе въ общественной жизни спокойному наблюденію, въ которомъ нуждается художникъ, то это

указываетъ ни въ какомъ случаѣ на упадокъ ихъ интеллектуальной продуктивности, а только на новую фазу въ ихъ развитіи. Время пророковъ— не время Мессіи, а политика искони была врагомъ поэзіи.

Между тѣмъ во Франціи замѣчается весьма значительное участіе женщины въ литературѣ. *Femina* *), объявившая недавно литературный конкурсъ, получила 8,000 различныхъ произведеній, стиховъ и т. д., между которыми, если вѣрить талантливому фельетонисту газеты *Figaro*, Марселю Прево, 2,000 не только признаны годными, но прямо выдающимися произведеніями.

Не желая Франціи, а въ особенности историкамъ ея литературы, внезапнаго появленія на ея горизонтѣ сразу 2,000 писательницъ и признавъ скорѣе, что Марсель Прево болѣе феминистиченъ, чѣмъ сама *Femina*, мы должны, однако, считаться съ этимъ фактомъ, довольствуясь хотя бы одной восьмой указаннаго числа, радостно привѣтствовать его, какъ подтвержденіе нашей мысли, и признать его за показатель роста духовной культуры женщинъ и въ этой странѣ. Вездѣ что-то пробуждается, вездѣ проявляются цвѣты и почки, обѣщающіе въ будущемъ богатые плоды.

Упомянутый французскій писатель съ особеннымъ удовлетвореніемъ указываетъ на благотворное этическое вліяніе, которое производитъ участіе женщинъ въ литературѣ Франціи. Драмы, построенныя на адюльтерѣ, комедіи нравовъ исчезли со сцены, романы этого стиля потеряли своихъ читателей. Все, что продолжаютъ писать въ этомъ жанрѣ, предназначается для сбыта за границу. «Французы, благодаря своимъ женщинамъ, стали нравственнѣе, чѣмъ иностранцы», такъ говоритъ французъ!

Далѣе въ своей статьѣ Марсель Прево дѣлаетъ прогностику дальнѣйшаго развитія французской литературы, приходя при этомъ въ отдѣльныхъ случаяхъ къ весьма спорнымъ выводамъ: «Женщина должна упростить стиль; она пишетъ быстро и хочетъ такъ же быстро читать». Слова эти въ евфемистической формѣ заключаютъ въ себѣ слѣдующій приговоръ: женщина, какъ художникъ, менѣе значительна, чѣмъ мужчина. Дѣйствительно, то, что въ нихъ, повидимому, указываетъ на достоинство женскаго творчества, именно на его простоту, теряетъ свое значеніе благодаря дальнѣйшей прибавкѣ, и невольно хочется прочесть вмѣсто *упростить*— *опошлить*.

Я не чувствую себя достаточно компетентной, чтобы рѣшить, насколько такое сужденіе о французскихъ женщинахъ-писательницахъ основательно. Но нельзя не признать его справедливымъ по отношенію къ тѣмъ пишущимъ женщинамъ, которыя, оставаясь писательницами-диллетантками, соединяютъ въ себѣ быструю способность къ воспріятію и приспособленію съ извѣстной писательской техникой; но при этомъ, въ инстинктивномъ сознаніи своей несостоятельности, нисколько не заботятся о выработкѣ въ себѣ глубокаго міросозерцанія и тщательной обработкѣ своихъ произ-

*) Французская феминистская газета.

веденій. Поверхностность—это свойство характера, а не пола, и проникла она въ область женской литературы вслѣдствіе недостаточной умственной дисциплины и неполнаго, поверхностнаго образованія, тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ женщина была случайнымъ гостемъ, а не избранницей на литературномъ поприщѣ. Но какъ только женщина будетъ имѣть возможность впитать въ себя столько же научныхъ и эстетическихъ культурныхъ элементовъ, сколько мужчина, она выступитъ на поприщѣ литературы съ твердымъ основаніемъ, а не самоучкой. Она не заслужитъ болѣе упрека въ умственной ограниченности, но будетъ вносить въ литературное творчество свои специфически женскія особенности, могущія служить къ его обогащенію.

Пока женщина умственно-развитая и научно-образованная представляетъ собою исключительное явленіе, до тѣхъ поръ относительно предстоящаго ей будущаго можно строить однѣ только гипотезы. Во всякомъ случаѣ тотъ удивительный подъемъ, который замѣчается у женщинъ въ самомъ непосредственномъ проявленіи человѣческаго духа, въ области поэзіи, гдѣ женщины послѣ недолгаго ученія успѣли уже показать свои силы, указываетъ для нихъ на свѣтлое лучезарное будущее.

Для думающихъ женщинъ, переживающихъ теперь едва ли не самую интересную стадію своего развитія, явленіе это имѣетъ типическое значеніе. Вѣковая неволя, вѣковое униженіе, не могли создать ничего великаго. Геній—дитя свободы. Больше чѣмъ всякое другое физическое свойство, онъ требуетъ простора для своего развитія, воздуха для дыханія, дѣятельности для своего своеобразнаго существа. Мы ждемъ отъ новаго времени не уподобленія женскаго дарованія мужскому генію, а специфически женскаго генія, и въ дальнѣйшемъ будущемъ сліянія обоихъ геніевъ воедино.

III.

Рикарда Гухъ.

„In der Einöde wohn'ich,
Wo der Bergriese thront.
Tag's besucht mich die Sonne,
Nacht's besucht mich der Mond.
Wolken sind mir Gesellen
Und der Wind ist mein Freund,
Stark sind meine Arme,
Meine Hände gebräunt".

(*Ric. Huch*: „Gedichte") *).

Какъ человѣкъ и какъ художница Рикарда Гухъ представляетъ собою типъ новой женщины,—женщины, которая рождена свободной и привыкла

*) „Я живу въ одиночествѣ, тамъ, гдѣ обитаетъ великанъ горъ, днемъ меня посѣщаетъ солнце, ночью—луна, тучи—мои спутники, вѣтеръ—мой другъ, руки мои сильны и покрыты загаромъ" (*Рик. Гухъ*: Стихотворенія).

пользоваться этой свободой. Она выросла на почвѣ духовной дисциплины, давшей направленіе ея выдающемуся дарованію. Жизнь ея, не представлявшая ничего исключительнаго, была, однако, богата тѣми элементами, изъ которыхъ впослѣдствіи могла выработаться сознательно идущая къ своей цѣли художница.

До 20 лѣтъ *) Рикарда безмятежно росла въ аристократическомъ родительскомъ домѣ въ Брауншвейгѣ, окруженная атмосферой прекрасныхъ духовныхъ интересовъ и полнаго довольства. Въ 1887 году обстоятельства ея жизни внезапно измѣнились, и Рикарда покинула свое уютное дѣвичье гнѣздо; въ сопровожденіи своего брата, она сначала робко, а затѣмъ бодро и весело вступила на путь самостоятельной жизни:

„O Jugend meiner Sinne
O Jugend meiner Jahre!
Mir glückt, was ich beginne,
Mich freut, was ich gewahre,
Ich will in meine Hände,
Des Schicksal's Führung nehmen“ **).

И дѣйствительно, все удавалось ей. Образованіе, полученное ею въ гимназіи и, правда, до извѣстной степени углубленное чтеніемъ, все же было поверхностно и неполно; и вотъ, съ этой скудной подготовкой она пріѣзжаетъ въ Цюрихъ, за годъ сдаетъ экзаменъ зрѣлости, поступаетъ на историческій факультетъ и въ теченіе трехъ лѣтъ сдаетъ докторскій и государственный экзамены. Послѣ недолгаго пребыванія въ родительскомъ домѣ она возвращается въ Цюрихъ, который она полюбила какъ свою вторую родину и гдѣ получила возможность самостоятельнаго существованія.

До 1896 года Рикарда занимала должность секретаря въ цюрихской городской библіотекѣ, что давало ей необходимыя средства къ существованію; въ то же время она состояла учительницей въ школѣ для дѣвочекъ, что совершенно не соотвѣтствовало ея личнымъ вкусамъ, и среди всѣхъ этихъ сложныхъ занятій находила еще время для своей писательской дѣятельности. Рикарда Гухъ одарена необычайною работоспособностью, и къ ней можно вполнѣ примѣнить выраженіе Гёте: «геній—это прилежаніе».

Плодами ея цюрихской дѣятельности явились драма «Evoe»,—первое появившееся въ печати ея произведеніе,—нѣсколько небольшихъ сказокъ и новеллъ и большой романъ «Лудольфъ Урсленъ».

Въ 1896 году къ ней обратились изъ Бремена съ предложеніемъ принять участіе въ устройствѣ проектировавшейся тамъ женской гимназіи. Хотя педагогическая дѣятельность мало отвѣчала ея личнымъ склонностямъ, тѣмъ не менѣе она послѣдовала сдѣланному ей предложенію, такъ какъ оно совпадало съ ея стремленіемъ къ перемѣнѣ образа жизни. Къ сожа-

*) Рик. Гухъ родилась въ 1867 году.

**) „О юность моихъ чувствъ, о юность моихъ лѣтъ, мнѣ удается все, что я начинаю, меня радуетъ все, что я вижу, я хочу сама руководить своею судьбой“.

лѣнію, планъ этотъ разстроился *), но этому внѣшнему толчку мы обязаны появленіемъ выдающагося литературно-историческаго сочиненія «О романтизмѣ», въ первой части котораго использованы доклады, читанные ею въ Бременѣ.

Въ 1897 году мы снова находимъ Рикарду въ Цюрихѣ, гдѣ она исключительно занимается писательскою дѣятельностью, однако, осенью того же года она оставляетъ Цюрихъ и переселяется въ Вѣну. Здѣсь она черезъ годъ выходитъ замужъ за врача Д. Чекани, полунѣмца, полуитальянца, съ которымъ она основывается въ Тріестѣ. Городъ этотъ, хотя и не названъ, но несомнѣнно является мѣстомъ дѣйствія бытовыхъ очерковъ «Aus der Triumphgasse», написанныхъ ею въ первый годъ замужества. Къ этому же времени относится и 2-я часть этюдовъ «О романтизмѣ».

Несмотря на все свое прилежаніе, несмотря на личное счастіе и материнскія радости,—въ 1899 году у нея родилась дочь,—Рикарда Гухъ не могла ужиться на чужой почвѣ, тѣмъ болѣе, что и климатъ оказался вреднымъ для ея здоровья, и въ 1900 году она съ мужемъ и ребенкомъ переѣхала въ Мюнхенъ, гдѣ живетъ и пишетъ до сихъ поръ.

Здѣсь же она написала свое послѣднее произведеніе: «Vita somnium breve» («Жизнь — короткій сонъ»). И въ этомъ сочиненіи Рикарда Гухъ представляетъ собою типъ новой женщины, которая находитъ возможнымъ продолжать свою дѣятельность, не взирая ни на переѣзды, ни на неудобства, ни на болѣзнь и заботы. Она переживаетъ всѣ положенія, обычныя въ судьбѣ женщины, положеніе невѣсты, жены и матери, безъ малѣйшаго ущерба для своей творческой дѣятельности.

Въ мужчинѣ не удивительна способность духа побѣждать матеріальныя затрудненія, въ женщинѣ же это встрѣчалось до сихъ поръ рѣдко. Но то, что въ настоящее время является рѣдкостью, исключеніемъ, быть можетъ, служитъ указаніемъ на начало новаго направленія и подтвержденіемъ того, что мы и въ этомъ пунктѣ должны будемъ подвергнуть пересмотру общепринятыя понятія.

Рикарда Гухъ съ самаго начала своей творческой дѣятельности твердо и вполнѣ сознательно стала на почву романтизма. Только благодаря необыкновенной гармоніи между ея внутренней природой и внѣшнимъ міромъ могла она такъ скоро напасть на вѣрную дорогу, не колеся окольными путями и не дѣлая безполезныхъ попытокъ. Интенсивное чувство природы всегда было признакомъ истиннаго художественнаго дарованія, альфой и омегой всякой творческой силы. Именно утрата этого чувства или отношеніе къ нему, какъ къ ненужному «романтическому балласту», ускорила паденіе реализма. Никакое искусство не можетъ удержаться на высотѣ, разъ оно утратило интимную связь съ природой. Въ этой связи — вѣчно обновляющаяся сила, да и изображеніе людей только тогда можетъ быть вѣрнымъ, когда они представляются частью этой самой природы.

*) Прусское правительство въ то время самымъ рѣшительнымъ образомъ противилось всякому почину въ интересахъ женскаго образованія.

Если искать первоисточника, обусловливающаго развитіе всякой человѣческой личности, то мы неизбѣжно придемъ къ землѣ, т.-е. къ тому пункту на землѣ, гдѣ родился данный человѣкъ (если только мѣсто его рожденія не случайно). Специфическія особенности расы, народа, страны и ея положенія представляютъ собою матеріальныя причины существеннаго различія между людьми. Но въ то же время они являются той почвой, изъ которой фантазія художника безпрестанно черпаетъ новые соки, что и даетъ ему возможность до безконечности разнообразить формы художественнаго воплощенія.

Рикарда Гухъ съ самой ранней юности была въ высшей степени одарена этимъ чутьемъ природы; она чувствуетъ себя частью ея, она принадлежитъ къ ней, какъ птица, какъ цвѣтокъ. «Находиться съ малюткой въ лѣсу,—говорила ея бабушка своей пріятельницѣ,—было особеннымъ наслажденіемъ; нельзя было различить, журчитъ ли то ручей или лепечетъ дитя». Это живое пониманіе природы и было, вѣроятно, причиной, почему маленькая Рикарда, едва только научилась держать перо въ рукахъ, стала писать стихи, сказки и драмы, изъ которыхъ, конечно, ничего не сохранилось.

И оно ожило въ цвѣтущіе годы ея жизни, на лонѣ дивной природы окрестностей Цюриха, этого «города юности», красоту котораго воспѣлъ другой поэтъ слѣдующими словами: «Es blaut der See, und Wald, und Wiesen, sie leuchten auf in Sonnenglanz, und über ihr die hohen Riesen, geschmückt mit weissem Scheitelkranz» *). И сама Рикарда Гухъ, какъ только у нея является возможность подняться отъ повседневнаго къ вершинамъ увѣнчанныхъ снѣгами великановъ, облекаетъ свое восхищеніе въ слѣдующія поэтическія строки:

„Ueberm Staub und Lärm der Gassen,
Wind und Wolken zugesellt,
Fühl ich tröstend mich umfassen
Eine makellose Welt.
Seine Flügel senkt mein Sehnen,
Alle Wünsche gehn zur Ruh,
Und die Quelle meiner Thränen
Schliesst sich sanft von selber zu" **).

Лирика Рикарды имѣетъ въ себѣ что-то народное; въ ней много простоты, тепла и непосредственности. Она не ищетъ словъ, ея стихъ всегда мелодиченъ, наивенъ и понятенъ.

Писательница до такой степени чувствуетъ себя слившеюся съ природой, что къ ней самой легко можно примѣнить тѣ слова изъ ея романа «Лудольфъ Урсленъ», которыя она говоритъ о героинѣ этого романа, Га-

*) „Синѣетъ озеро, лѣсъ и луга залиты солнцемъ, а тамъ, надъ озеромъ, встаютъ великаны, увитые снѣжной чалмой".

**) Выше пыли и шума улицъ, въ обществѣ вѣтра и облаковъ, я чувствую, какъ, утѣшая, объемлетъ меня міръ чистоты. Мои стремленія опускаютъ свои крылья, моя жел[illegible] успокаиваются, и потокъ моихъ слезъ самъ собою изсякаетъ.

лендѣ: «Она напоминаетъ мнѣ то мотылька, который на солнцѣ раскрываетъ и опять складываетъ свои пестрыя крылышки, то плещущуюся въ прохладной водѣ рыбку, словомъ, всякій разъ что-то, что не принадлежитъ человѣческой природѣ, что-то безсознательное, само собою блаженное, не дорожащее своимъ легкимъ существованіемъ».

Романъ «Лудольфъ Урсленъ», это первое ея большое произведеніе, еще носитъ на себѣ слѣды неопытности автора, хотя и обнаруживаетъ въ немъ выдающійся талантъ. Здѣсь недостаетъ ясности, художественной зрѣлости, того поэтическаго правосудія, которое основывается на сознаніи, что загадочная сила судьбы, распредѣляющая человѣческія страданія и радости, находится не внѣ насъ, а внутри насъ самихъ. Только такимъ путемъ достигается та гармонія, которая преображаетъ жизнь въ художественное произведеніе.

«Художественно жить»—вотъ каковъ будетъ идеалъ человѣческаго общества, которое поднимется неизмѣримо выше той культурной ступени, на которой мы стоимъ въ настоящій моментъ.

Эту мысль выражаетъ Рикарда Гухъ въ своемъ послѣднемъ произведеніи: «Vita somnium breve». Въ періодъ своей жизни въ Бременѣ и Цюрихѣ она, повидимому, особенно ярко почувствовала все могущество роковыхъ жизненныхъ условій, благодаря которымъ невинные такъ часто становятся виновными, и въ упомянутой книгѣ она едва замѣтно, самыми тонкими штрихами, но тѣмъ не менѣе ясно для всякаго, кто умѣетъ читать, намѣтила эти контрасты. Съ необыкновенною выпуклостью и ясностью выступаетъ разница между людьми сѣверной и южной части Германіи, между торговымъ и университетскимъ городомъ, между жизнью, погрязшей въ матеріальныхъ интересахъ, и жизнью преимущественно интеллектуальной.

Объ эту рознь разбивается внѣшнее жизненное счастіе героя романа, Михаила Унгера, изображеннаго натурой не властной, не сумѣвшаго, пренебрегая устарѣлой моралью, слѣдовать требованіямъ собственной природы, и поплатившагося за это, согласно словамъ Шекспира: «Совѣсть всѣхъ насъ дѣлаетъ трусами».

Но что-то всетаки остается у него послѣ крушенія всѣхъ его мечтаній о земномъ счастіи: у него остается сознаніе, что, если жизнь—сонъ, то сонъ всетаки можетъ стать жизнью, что воспоминаніе—наша прочнѣйшая собственность, «что самое прекрасное на свѣтѣ, высшее упоеніе радостью, глубочайшая сущность любви, живутъ не внѣ насъ, а всегда въ нашей собственной душѣ». «Самъ Богъ пересталъ быть для него чуждымъ и непонятнымъ; ибо сознаніе, что нѣчто преходящее могло стать въ немъ вѣчнымъ, пробудило въ немъ мысль, что онъ самъ живетъ въ какомъ-то всемогущемъ, всеобъемлющемъ сердцѣ, которое заключаетъ въ себѣ безконечно больше мощи, любви и святости, чѣмъ онъ самъ».

Такимъ образомъ писательница стремится раскрыть внутреннее содержаніе психики своихъ героевъ; она показываетъ намъ остовъ души, вокругъ котораго все матеріальное образуетъ только случайную оболочку, и

оболочка эта достигаетъ гармонической красоты только у тѣхъ, кому удается одухотворить свое физическое существованіе глубокими психическими элементами. При этомъ матерія понимается и изображается такъ, какъ неизбѣжная часть человѣческаго существа, причемъ, однако, ни разу не выдвигается назойливыми мелочами на первый планъ, но и не оставляется настолько въ тѣни, чтобы вниманіе читателя могло ослабѣть.

Нѣкоторая риторическая растянутость, мѣстами излишнее нагроможденіе мыслей, болѣе умѣстное въ эстетико-этическомъ этюдѣ, чѣмъ на страницахъ романа, утомляютъ читателя, хотя и будятъ мысль и возбуждаютъ удивленіе своей разносторонностью.

Самымъ цѣльнымъ произведеніемъ изъ всего, что до сихъ поръ написала Рикарда Гухъ, безспорно, слѣдуетъ признать ея «Triumphgasse». Въ отношеніи выбора матеріала для поэтическаго творчества современная романтика не ставитъ никакихъ границъ. Сливая воедино сказку съ драмой, трагедію съ сатирой, она вмѣстѣ съ тѣмъ захватываетъ въ области изображаемаго ею все, что жизнь, какъ старая, такъ и новая, даетъ цѣннаго. Насколько возможно самый крайній реализмъ совмѣстить съ романтическимъ направленіемъ мысли, показываютъ эти очерки изъ жизни «Тріумфальной улицы».

Книга эта, безспорно, одна изъ самыхъ оригинальныхъ, какія когда-либо были написаны, одна изъ наиболѣе «самобытныхъ» во всей міровой литературѣ, хотя все личное устранено изъ нея съ какой-то почти жесткой суровостью. Мѣстами она производитъ такое впечатлѣніе, точно всѣ эти наблюденія надъ жизнію передаются какимъ-то безплотнымъ существомъ, которое витаетъ выше міра, безучастное къ человѣческой судьбѣ. Устами кое-гдѣ и лично причастнаго событіямъ разсказчика передаются ужасающія вещи съ необыкновенной простотой и, поистинѣ, классическимъ спокойствіемъ, изображаются самыя невѣроятныя, самыя отталкивающія положенія, какъ что-то вполнѣ понятное, точно раскрытое ему самой неотвратимою судьбой; разсказчикъ не обвиняетъ и не судитъ, онъ только наблюдаетъ. Только въ самомъ концѣ его личное чувство вступаетъ въ свои права.

Самое глубокое, захватывающее, человѣческо-трогательное въ этомъ изображеніи то, что каждое лицо, даже самое отталкивающее, обрисовано со стороны самой глубокой его сущности, и что высшее сожалѣніе и сочувствіе вызывается не бѣдственностью жизненныхъ условій, а гибелью всѣхъ духовныхъ благъ, порождаемой этими условіями.

Какъ складывается жизнь «языческаго города», котораго часть составляетъ «Triumphgasse», какъ красота выбрасывается на рынокъ, какъ попирается невинность и чистота, какъ эксплоатируется доброта и какою неблагодарностью воздается за благородство и сердечное участіе,—все это изображено здѣсь безъ малѣйшихъ прикрасъ, но и безъ всякаго преувеличенія, безъ накопленія ужасовъ ради вящшаго эффекта. Всякій, кому при-

ходилось наблюдать жизнь подобныхъ языческихъ городовъ, безъ сомнѣнія видѣлъ сотни такихъ лицъ, пережилъ десятки такихъ же сценъ.

Съ пластичностью фабулы соединяется еще удивительно удачная и художественная группировка лицъ, изъ которыхъ центральнымъ является интересный образъ старой женщины, Фарфаллы. На ней отдыхаешь въ этомъ хаосѣ бѣдствій, хотя къ нему принадлежитъ и она, о чемъ свидѣтельствуютъ ея удивительные глаза, «видѣвшіе слишкомъ много слезъ и слишкомъ мало сна». Своимъ острымъ умомъ и неисчерпаемымъ юморомъ она далеко выдается надъ всѣми ее окружающими; только нѣкоторыя мелкія черты, какъ суевѣріе и безсознательная жестокость свидѣтельствуютъ объ ея происхожденіи и національныхъ особенностяхъ. Когда и она разочаровываетъ вѣрившаго въ нее разсказчика и оказывается не лучше, чѣмъ всѣ остальные, къ кому онъ приближается, полный человѣческаго состраданія, тогда книга естественно заканчивается. Разсказчикъ продаетъ свой домъ и этимъ заканчиваетъ свой разсказъ. Но прежде чѣмъ онъ кладетъ перо, снова подымается въ немъ могущественное чувство состраданія, оно заглушаетъ даже голосъ любви, зовущій его въ свои объятія—божественно-человѣческое чувство милосердія ко всѣмъ бѣднымъ и отверженнымъ.

«Эта старая женщина, для которой я такъ много сдѣлалъ не только деньгами, но и тѣмъ, что принялъ самое сердечное участіе въ ея судьбѣ, дурно поступила со мною, какъ съ человѣкомъ, надъ которымъ смѣются, которому охотно дѣлаютъ больно, или къ которому относятся съ полнымъ равнодушіемъ. И дѣйствительно, я былъ для нея безразличенъ и интересовалъ ее только, какъ человѣкъ, помогавшій ей или минутами забавлявшій ее. Я, конечно, и не нуждался въ ней; но даже, если бы я былъ боленъ и безпомощенъ, ей не пришло бы въ голову безкорыстно утѣшить меня и позаботиться обо мнѣ; у нея не было ко мнѣ и тѣни теплаго и добраго чувства, такъ какъ я принадлежалъ къ ея врагамъ, къ той многочисленной враждебной партіи, которую всѣ эксплуатировали и, если и не ненавидѣли, то во всякомъ случаѣ не любили.

«Дойдя до такой точки зрѣнія, я постепенно подавилъ въ себѣ раздраженіе. По какому праву я могъ желать невозможнаго и искать совершенства, почти святости въ этой старой, встрѣченной мною случайно женщинѣ, которая и безъ того представляла собою во многихъ отношеніяхъ явленіе удивительное и выдающееся? Какъ я могъ ждать отъ этой женщины, не имѣвшей никогда свободной минуты для самой себя, чтобы она нашла время углубиться въ мою, чуждую для нея, жизнь? А если бы она это и сдѣлала, какимъ ничтожнымъ я долженъ былъ бы ей показаться рядомъ съ той необъятной нуждой, которая изъ года въ годъ стояла у порога ея дома. Ея старое лицо съ утомленными голубыми глазами, не просившими уже больше отъ жизни ничего, кромѣ сна и слезъ, снова всплыло въ моемъ воспоминаніи, и ослабляло силу этого воспоминанія. Я видѣлъ столько сотенъ людей, безпомощно бѣдныхъ, слѣпыхъ, голодныхъ, видъ которыхъ взывалъ къ милосердію, и ничего не сдѣлалъ для

нихъ, или, бросивъ имъ милостыню, забывалъ ихъ въ слѣдующую минуту, а самъ требовалъ, чтобы Фарфалла помнила обо мнѣ, имѣла бы меня въ виду, чѣмъ-нибудь для меня пожертвовала? Проклятое себялюбіе и жалкая слѣпота! Насъ возмущаетъ нищій, не благодарящій за брошенное ему подаяніе, а между тѣмъ мы съ уваженіемъ относимся къ людямъ, которые, получивъ отъ родителей и друзей любовь и богатство, платятъ имъ за это не только неблагодарностью, но полнымъ пренебреженіемъ и равнодушіемъ».

Истинная поэзія опережаетъ философію, путемъ интуиціи она находитъ самое ядро житейской мудрости. Сознаніе, что равнодушіе и животное чувство самосохраненія являются единственнымъ оружіемъ обдѣленныхъ, безъ котораго они обречены на гибель, умиротворяетъ раздраженіе, подымающееся въ оскорбленной душѣ. Только безконечная, самоотверженная доброта, все прощающая, потому что она все понимаетъ, и «подъемлющая великій подвигъ любить всѣхъ людей, открываетъ взору даль свѣтлаго будущаго, къ которому призвано человѣчество»,—царство мира и прощенія.

Мысль о горькой участи бѣдныхъ и несчастныхъ трогаетъ сердце каждаго думающаго и чувствующаго человѣка и наполняетъ его невыразимою скорбью и чувствомъ своего безсилія. Если это сердце филантропа, то онъ откроетъ какое-нибудь филантропическое учрежденіе; если же это сердце поэта, то онъ уйдетъ со слезами на глазахъ и напишетъ книгу вродѣ очерковъ изъ жизни «Тріумфальной улицы».

Перев. Т.

Насущныя задачи современнаго естествознанія *).

La metafisica della geometria sta negli assiomi e ne postulati et quella della fisiche nelle osservazioni e nelle sperienze.

Галилей, XVII вѣкъ.

L'expérience est la source unique de la vérité: elle seule peut nous apprendre quelque chose de nouveau; elle seule peut nous donner la certitude. Voilà deux points que nul ne peut contester.

Пуанкаре, XX вѣкъ.

... почему въ ближайшія къ намъ десятилѣтія общеевропейской реакціи русская интеллигенція обнаружила болѣзненныя явленія склонности къ метафизикѣ, къ мистицизму и формы декадентства, совершенно однородныя съ тѣмъ, что мы видимъ на Западѣ, становясь въ то же время въ разрѣзъ со своею недавнею традиціею, повидимому; вполнѣ здоровою?

Арнольди: „Задачи пониманія исторіи".

Насущныя задачи современнаго естествознанія—какое притязательное, какое самоувѣренное названіе! Кто въ состояніи ихъ исчерпать или хоть только намѣтить? Кто сможетъ просто охватить мыслью весь необъятный ихъ просторъ? Очевидно, приходится объясниться.

Но точно ли необходимо совмѣстить все фактическое содержаніе естествознанія, для того чтобы подмѣтить извѣстныя знаменія времени, для того чтобы уловить, въ чемъ заключаются въ данный моментъ самыя общія теченія, самыя настоятельныя задачи? Очевидно, нѣтъ; именно ихъ общность указываетъ на то, что ихъ отголосокъ долженъ быть слышенъ повсюду, во всѣхъ ея областяхъ, хотя въ нѣкоторыхъ можетъ раздаваться громче, чѣмъ въ другихъ. Одною изъ наиболѣе выдающихся особенностей переживаемаго момента являются теченія мысли съ явно выраженнымъ

*) Предисловіе къ выходящему въ печать подъ этимъ заглавіемъ сборнику рѣчей.

реакціоннымъ направленіемъ. Борьба со всѣми проявленіями этой реакціи—вотъ самая общая, самая насущная задача естествознанія—отзвукъ о ней слышенъ почти на каждомъ шагу.

Реакція эта обнаруживается, особенно въ послѣдніе годы, прежде всего въ формѣ какого-то, будто бы, общаго недовольства направленіемъ современной науки, въ заявленіи, что научная мысль зашла, будто бы, въ тупикъ, что ей, будто бы, некуда далѣе идти въ этомъ направленіи, что она должна искать какого-то обновленія, возрожденія подъ руководствомъ пробудившейся будто бы философской мысли. Что это движеніе реакціонное, ясно уже изъ того факта, что вслѣдъ за этимъ заявленіемъ неизмѣнно слѣдуетъ призывъ вернуться къ (имя рекъ), и чѣмъ далѣе, тѣмъ лучше. Какого еще нужно болѣе наглядnаго testimonium paupertatis, болѣе очевиднаго доказательства полнаго безплодія этого прославляемаго возрожденія философской мысли, не предлагающей ничего своего, новаго, а только съ вожделѣніемъ обращающей свои взоры назадъ.

Наука должна громко заявить, что она не пойдетъ въ Каноссу. Она не признаетъ надъ собою главенства какой-то сверхъ-научной, внѣ научной, а попросту не научной философіи. Она не превратится въ служанку этой философіи, какъ та когда-то мирилась съ прозвищемъ ancilla theologiae. Наука не знаетъ реставраціи, она знаетъ только инставрацію—Instauratio magna, отправляясь откуда побѣдоносно идетъ впередъ уже четвертый вѣкъ. Наука сама себѣ философія, та философія, которую въ Англіи семнадцатаго вѣка называли просто «новой», возводя ея начало къ Галилею и Бэкону, которую великій французскій мыслитель девятнадцатаго вѣка назвалъ «положительной». Только тѣ области знанія, которыя постепенно проникались складомъ мышленія, присущимъ философіи науки, и получали право считать себя наукой,—только эти пріобрѣтенія человѣческой мысли оказывались прочными и охватывали все болѣе и болѣе широкіе горизонты. Въ первый разъ, за все свое существованіе, человѣческая мысль выступила на вѣрный путь и, переходя отъ простѣйшихъ задачъ къ болѣе и болѣе сложнымъ, человѣкъ могъ сказать своему уму—вѣрный слуга, въ маломъ былъ ты мнѣ вѣренъ, надъ многимъ тебя поставлю.

Когда громко заявляютъ, что рядомъ съ этимъ испытаннымъ путемъ раскрытія истины, особенно за послѣдній вѣкъ доставившимъ такія побѣды человѣческой мысли и человѣческой мощи, съ которыми не можетъ сравниться все сдѣланное за длинный рядъ предшествовавшихъ вѣковъ,—что рядомъ съ этимъ единственнымъ вѣрнымъ путемъ раскрытія истины, и даже надъ нимъ, должны быть поставлены «метафизическія потребности» и «чутье сокровенныхъ тайнъ»,—тогда люди науки могутъ просто отвѣчать, что все это ist schon da gewesen, что все это испытано и успѣло доказать свою несостоятельность.

Вѣрный путь къ истинѣ! Но скажутъ: а что есть истина? На этотъ вопросъ наука отвѣчаетъ простой перестановкой словъ: истина это то—что есть. Это истина-дѣйствительность. Но можетъ ли она удовлетворить насъ

въ жизни? Можемъ ли мы примириться съ мыслью, что все существующее разумно, можемъ ли признать эту истину-дѣйствительность за истину-правду? Конечно нѣтъ. Метафизики говорятъ намъ, что они знаютъ эту истину-правду, что это то, что должно быть. Но люди науки болѣе скромны: они не берутся вѣщать о томъ, что должно быть. Для нихъ истина-правда это то,—что будетъ. И никогда у человѣка не было другого представленія о правдѣ на землѣ. Въ будущемъ чаетъ пришествія правды человѣкъ вѣрующій, въ будущемъ ждетъ осуществленія своего идеала «наибольшаго блага наибольшаго числа» и свободный отъ апріорныхъ посылокъ утилитаристъ. Истина-правда — это неуловимый, вѣчно измѣняющійся, вѣчно манящій впередъ идеалъ будущаго. Потому-то стремленіе къ добру почти равнозначуще съ недовольствомъ настоящимъ.

Но какъ же узнаёмъ мы то, что будетъ? Для этого существуетъ, конечно, тотъ же единственный путь изученія дѣйствительности, сравненія того, что есть, съ тѣмъ, что было, путь изученія эволюціи правды, изученія того, что человѣчество въ своемъ поступательномъ движеніи считало постепеннымъ осуществленіемъ правды. Понятно, что всякое, даже научное пророчество, всякое экстраполированіе, пока оно не подтвердилось опытомъ, не можетъ имѣть той обязательной логической силы, какъ наблюденная дѣйствительность, и потому естественно встрѣтить людей, готовыхъ въ своей близорукости признать за истину то, что есть, даже возвратъ къ тому, что было.

Чему же учитъ эволюція человѣчества въ его ближайшемъ прошломъ, въ какомъ направленіи движется оно, какія силы выдвигаетъ впередъ какъ главнѣйшіе факторы будущаго? Науку и демократію. Сильная наукой демократія, наука, опирающаяся на демократію, и какъ символъ этого союза—явленіе почти неизвѣстное прошлымъ вѣкамъ—демократизація науки,—вотъ несомнѣнный прогнозъ будущаго. Отсюда понятно, что люди настоящаго, торжествующее мѣщанство, ставятъ на пьедесталъ философа, обнимающаго въ своей ненависти и демократію, и науку. Не знаю, по какому недоразумѣнію принято считать Ницше бичомъ буржуазіи, когда его ученіе осуществляетъ самыя сокровенныя ея желанія. Не обладающимъ унаслѣдованной аристократіей прошлаго, онъ предлагаетъ соблазнительную перспективу благопріобрѣтенной аристократіи будущаго, къ тому же очень просто достигаемой свободнымъ проявленіемъ всѣхъ пороковъ старой. Подхвативъ, мелькомъ брошенную Дарвиномъ, мысль о будущемъ развитіи умственнаго и нравственнаго типа человѣка *), Ницше лишаетъ эту мысль ея прогрессивнаго содержанія и создаетъ свой регрессивный типъ съ его «моралью господъ», весь сотканный изъ воспоминаній темнаго прошлаго и его пережитковъ въ самыхъ неприглядныхъ сторонахъ современной ему германской жизни. Говорятъ, это—страстная защита правъ личности; можетъ быть, и такъ. Но почему же у англійскаго мыслителя средины вѣка эта за-

*) Почему нѣкоторые коментаторы Ницше дѣлаютъ Дарвина отвѣтственнымъ за идеалы Ницше.

щита вылилась въ слова «On liberty», а у философа бисмарковской эпохи—въ слова «Der Wille zur Macht»? Что бы ни говорили, а несмотря на свою кажущуюся оригинальность, Ницше не ушелъ отъ рокового вліянія своей среды и времени и, когда читаешь его изображенія сильнаго волей человѣка, представляется, что напрасно въ поискахъ за идеалами восходитъ онъ къ Борджіи или хоть къ Наполеону: онъ могъ его гораздо ближе найти въ молодомъ юнкерѣ Бисмаркѣ, разбивающемъ пивную кружку на головѣ ненавистнаго ему демократа. Каково бы ни было временное торжество этого типа, можно съ увѣренностью сказать, что не ему принадлежитъ будущее: вся предшествующая эволюція человѣчества служитъ тому порукой *).

Говоря о демократизаціи науки, я долженъ оговориться, что никакимъ образомъ не разумѣю подъ этимъ производства науки скопищемъ и сборомъ, толпой посредственностей и бездарностей. Двигать впередъ науку всегда было и будетъ дѣломъ природныхъ аристократовъ мысли. Только величайшіе изъ нихъ всегда стремились быть не «господами», а слугами, къ тому же и выходятъ они все болѣе и болѣе не изъ рядовъ аристократіи предразсудка или золота, а изъ рядовъ народа. Плебей Фарадэ налагаетъ печать своей аристократической мысли на вѣковой ходъ развитія физики.

Реакція противъ успѣховъ научной мысли, захватывающей все болѣе широкія области знанія, все болѣе широкіе круги послѣдователей,—эта реакція сказывается, конечно, и у насъ, но мнѣ представляется утѣшительною мысль, что русскій умъ мало склоненъ къ дѣятельности въ тѣхъ сферахъ, куда его желала бы направить эта реакція. Я высказалъ свое глубокое убѣжденіе, что русская творческая мысль движется свободнѣе, что ея результаты плодотворнѣе, когда она осуществляетъ «въ искусствѣ жизненную правду и реальную истину въ наукѣ», когда она движется по пути, указанному «Невтономъ», а не по стопамъ «Платона». Эта мысль была мнѣ вмѣнена въ осужденіе, но я остаюсь при ней, пока не будетъ опровергнуто высказываемое мною положеніе, что русскій умъ не далъ міру ни одного философа, котораго можно было бы поставить рядомъ съ философами Запада, съ одной стороны, а съ другой — съ великими русскими художниками слова и съ представителями положительнаго знанія, занявшими почетныя мѣста въ ряду европейскихъ ученыхъ.

Одинъ изъ противниковъ этого воззрѣнія привелъ въ качествѣ возраженія одно имя—Лобачевскаго, но, во-первыхъ, это имя упоминаю и я, и, конечно, Лобачевскій самъ считалъ себя представителемъ положительной науки, а не метафизической схоластики. Въ послѣднее время выдвигаютъ впередъ еще другое имя — Соловьева. Но и передъ этимъ именемъ я не имѣю основанія слагать оружіе: напротивъ, я могу извлечь изъ дѣятель-

*) Какою представляется эволюція этики, исходя изъ научнаго начала, что человѣкъ существо соціальное, а не съ точки зрѣнія произвольнаго дѣленія человѣчества на „господъ“ и „рабовъ“, удачно выражено, наприм., у *Sutherland*: „The origin and growth of the moral instinct“.

ности Владиміра Сергѣевича Соловьева еще новый аргументъ въ свою защиту. Вся эта дѣятельность представляетъ три полосы: начальную мистико-метафизическую, вторую, къ сожалѣнію, слишкомъ кратковременную—критико-публицистическую и третью—снова метафизическую съ еще большимъ оттѣнкомъ мистицизма. Это вторая полоса, отличавшаяся простымъ, здравымъ реализмомъ мысли, была въ то же время отмѣчена самымъ несомнѣннымъ талантомъ; о ней не существуетъ двухъ мнѣній. Даже его сторонники съ метафизической правой, когда желаютъ вызвать въ своихъ слушателяхъ или читателяхъ безраздѣльное сочувствіе, охотно останавливаются именно на ней *). Но миновала эта полоса, мистическій туманъ снова сталъ заволакивать эту свѣтлую голову,—мы услышали побасенки про антихриста и, наконецъ, искренній христіанинъ, истинно гуманный человѣкъ, еще недавно такъ краснорѣчиво изобразившій антитезу между Христомъ и Ксерксомъ, договорился до тождества Креста и меча. Бѣдный Владиміръ Сергѣевичъ, онъ только еще разъ доказалъ, что русскій человѣкъ не можетъ безнаказанно задерживаться въ туманныхъ дебряхъ метафизики и мистики, что эти увлеченія всегда характеризуютъ нездоровую, ненормальную полосу въ жизни отдѣльныхъ ли даровитыхъ личностей или всего русскаго общества. Только выпутавшись изъ сѣтей гегеліанства, Бѣлинскій сталъ Бѣлинскимъ; только погрузившись въ волны мистицизма, Гоголь пересталъ быть Гоголемъ. Въ школѣ естествознанія воспиталась мысль Герцена, точно такъ же какъ и въ ту единственную эпоху, когда все (или съ виду все) русское общество рванулось впередъ къ разумной и плодотворной цѣли, оно находилось подъ господствующимъ вліяніемъ не метафизической схоластики, а реально-научнаго склада мысли.

Борьба съ этимъ, такъ называемымъ, философскимъ возрожденіемъ, а въ дѣйствительности съ схоластической реакціей, противъ положительной науки,—вотъ, повторяю, самая общая и основная задача естествознанія какъ на Западѣ, такъ и у насъ. Обличать реакціонный характеръ этой попытки, громко провозглашать, что положительная наука не вернется въ школу метафизической философіи, что, наоборотъ, всякая новая отрасль человѣческаго знанія должна пойти въ испытанную школу положительной науки, доказавшей свою исключительную способность искать и находить истину; разъяснять не только самодовлѣющую, но и первенствующую роль

*) Не безъ нѣкоторой гордости могу добавить, что этою полосою дѣятельности Соловьева русскіе читатели обязаны въ извѣстномъ смыслѣ мнѣ. Когда завязалась моя полемика съ Данилевскимъ и Страховымъ, Владиміръ Сергѣевичъ особенно сблизился со мною, знакомы мы были и прежде. Какъ сейчасъ, слышу заразительный, дѣтски добродушный смѣхъ, съ которымъ онъ появлялся, повторяя какую-нибудь понравившуюся ему фразу изъ моей послѣдней статьи. Въ одно изъ этихъ посѣщеній, я познакомилъ его съ пресловутой „Россіей и Европой“ Данилевскаго, и указалъ, какую благодарную задачу и заслугу передъ русскимъ обществомъ представитъ бы критическій ея разборъ. Сначала онъ убѣждалъ меня взяться за это дѣло, но когда я рѣшительно отказался, взялся за него самъ. Это и послужило толчкомъ къ ряду блестящихъ его этюдовъ о нашихъ націоналистахъ.

этого положительнаго знанія,—вотъ насущная задача для всѣхъ его отраслей, для всѣхъ его представителей. Нужно ли еще добавлять очевидную истину, что эта, оправдавшая себя на дѣлѣ, школа логики должна лечь въ основу всякой разумной системы воспитанія.

Если эти попытки реакціи противъ научнаго духа, конечно, только отдаленные отголоски, новыя вспышки борьбы, никогда не прерывавшейся и столь же продолжительной, какъ продолжительны успѣхи положительнаго знанія, то центръ, противъ котораго направлена атака, значительно перемѣстился. Если три вѣка тому назадъ натискъ реакціи приходилось выдерживать астроному, то теперь онъ направленъ главнымъ образомъ на біолога. Если астрономъ, физикъ, химикъ идутъ своимъ путемъ, почти уже не встрѣчая препятствія, то тѣмъ выше нагромождаются они на пути науки о жизни. И прежде всего на пути того эволюціоннаго ученія, которое, составляя несомнѣнно важнѣйшее завоеваніе научной философіи за истекшій вѣкъ, отразилось на всемъ складѣ мышленія современнаго человѣка. Дѣлаются безуспѣшныя, но тѣмъ болѣе рекламируемыя, попытки заслонить лучъ свѣта, проникшій въ самыя отдаленныя одна отъ другой области знанія,—отъ ботаники до психологіи и этики; стараются вновь увѣрить, что къ изслѣдованію жизни не приложимъ научный методъ раскрытія причинъ, а только, доказавшій на дѣлѣ свою безплодность, пріемъ угадыванія цѣлей, т.-е. *телеологіи*.

Второю мишенью для реакціи въ области біологіи явилось второе выдающееся пріобрѣтеніе вѣка—физіологія, по точности методовъ и прочности добытыхъ результатовъ все болѣе догоняющая физику и химію, на результатахъ которой она выводитъ свое надежное зданіе. Ей удалось подчинить научному детерминизму не только процессы, совершающіеся въ готовомъ организмѣ, но уже въ значительной степени (по крайней мѣрѣ, по отношенію къ растенію) и образованіе формы: ей удается лѣпить органическія формы. Эту-то, съ каждымъ днемъ завоевывающую новыя области, физіологію полагаютъ свернуть съ ея надежнаго пути попытками воскресить *витализмъ*, этотъ пережитокъ самой жалкой, самой постыдной эпохи въ исторіи этой науки *).

Рядомъ съ этимъ стараніемъ возродить безповоротно обреченныя на забвеніе телеологію и витализмъ, сводящіеся на отрицаніе возможности примѣненія научнаго образа мышленія къ задачамъ изученія жизни, выступаетъ еще третья попытка—извратить логическій ходъ мышленія, присущій не только наукѣ, но и обычному человѣческому способу разсужденія. Предлагается извратить самое понятіе о логическомъ объясненіи, какъ о

*) Уже при чтеніи корректуры этого предисловія я узналъ изъ газетъ слѣдующій характеристическій фактъ, показывающій, какъ вѣрно у меня схвачено настроеніе минуты. Лѣтомъ текущаго года въ Женевѣ собирается философскій конгрессъ; изъ числа четырехъ намѣченныхъ вопросовъ одинъ посвященъ успѣхамъ *телеологіи и витализма* въ біологіи. То, что составляетъ позоръ науки, современная философія спѣшитъ записать себѣ на приходъ.

процессѣ восхожденія отъ менѣе понятнаго къ болѣе понятному,—разложенія сложнаго на простое. Я имѣю въ виду недавнія попытки искать опоры для физіологіи въ психологіи. Я утверждаю, это это направленіе представляетъ прямое извращеніе коренного и единственно вѣрнаго пріема мышленія, общаго для науки и для жизни, и дѣйствительно, даже такіе первобытные пріемы интуитивнаго раскрытія истины, какъ притча или басня, руководятся тѣмъ же логическимъ пріемомъ заключенія отъ простого къ сложному. Крыловъ басней «Котелъ и горшокъ» желаетъ выяснить результаты психологическихъ положеній; едва ли кто-нибудь для поясненія механическаго результата ударовъ горшка о котелъ сталъ бы прибѣгать къ психологическимъ аналогіямъ. Правда, первобытный человѣкъ широко пользовался этимъ пріемомъ извращенной логики—въ *миѳологіи*. Раздутыя щеки Эола знаменовали ему силу вѣтра, пролитая кровь—окраску цвѣтовъ, но вѣдь объясненіе явленій природы отъ этого ничего не выиграло. Этотъ-то миѳологическій способъ мышленія желали бы ввести въ положительную науку тѣ, кто предлагаютъ психологическія объясненія для физіологическихъ явленій. Не психологія призвана объяснять физіологію, а конечно, наоборотъ, *): утверждать обратное значитъ извращать логическое содержаніе понятія *объясненіе*.

Совершенно вѣрно сказано, что «истинное мнѣніе вѣка то, которое сложилось въ головахъ его великихъ людей». Пусть же защитники указанныхъ трехъ теченій, отмѣтившихъ конецъ вѣка, укажутъ на тѣхъ великихъ людей, которые оказали имъ поддержку.

Перечисленныя три реакціонныя попытки имѣютъ между собою то общее, что желали бы извратить естественное теченіе научной мысли, желали бы сообщить ему попятное движеніе, но рядомъ съ ними является еще одно направленіе, которое желало бы только сузить это теченіе, желало бы ограничить задачи, затемнить философское значеніе научнаго движенія, свести на нѣтъ его идейное содержаніе, обративъ его исключительно на преслѣдованіе узко-матеріальныхъ, служебныхъ цѣлей. Разъяснять истинное взаимное отношеніе чистой науки къ прикладному знанію нельзя достаточно часто и по двумъ причинамъ. Большинство желающихъ, чтобы наука приняла преимущественно прикладное направленіе,

*) Этимъ логическимъ путемъ развивалась научная психологія у насъ. Любопытно, что защитникъ психологическаго метода à rebours академикъ Фаминцынъ укоряетъ русскихъ ученыхъ 60-хъ годовъ за ихъ равнодушіе къ психологіи. И это говорится и печатается въ томъ самомъ городѣ, гдѣ раздавалась въ первый разъ краснорѣчивая рѣчь автора „Рефлексовъ головного мозга“ и „Психологическихъ этюдовъ“. Между тѣмъ одинъ ученый далекаго запада, касаясь этого вопроса, приходитъ къ заключенію, что путь, намѣченный И. М. Сѣченовымъ, единственный, который не окажется „пустой потерей времени“, и заключаетъ словами: „Ainsi parlait le vénérable physiologiste de Moscou. Depuis lors les idées de Setchenoff ont fait du chemin“. Наоборотъ, фито-психологія Фаминцына именно и оказалась такой „пустой потерей времени“: по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ ни онъ самъ, ни его сторонники не предъявили ни одного примѣра плодотворнаго примѣненія этого ученія.

конечно, руководится опять чисто реакціонною мыслью направить положительную науку въ это узко-утилитарное ложе, для того, чтобы разрѣшеніе болѣе широкихъ запросовъ мысли сдѣлать монополіей представителей совершенно иного склада мышленія. Они согласны, чтобы наука была слугою брюха, не желали бы только, чтобы она была руководительницей мысли. Но рядомъ съ этимъ большинствомъ, вслѣдствіе прискорбнаго недоразумѣнія, являются немногіе, видящіе въ прикладномъ направленіи науки какъ бы ея высшее оправданіе. Они выступаютъ, во имя соціальной правды, защитниками тѣхъ массъ, которыя, еще не пріобщившись къ умственному движенію человѣчества, въ правѣ требовать прежде удовлетворенія своихъ насущныхъ матеріальныхъ нуждъ. Этимъ искреннимъ борцамъ противъ кажущейся отрѣшенности современной науки отъ запросовъ жизни нельзя достаточно часто повторять, что наука для науки и есть наука для жизни.

Изображеніе природы—ландшафтъ, это по преимуществу созданіе искусства XIX в., «вѣка естествознанія»,—невольно наводитъ на мысль о сходствѣ объектовъ науки и *естественнаго*, здороваго искусства. И не развилось ли опять русское искусство особенно привольно именно въ томъ направленіи? Мало того, даръ науки—фотографія, это еще недавно презираемое ремесло, съ бою занявшее свое мѣсто въ ряду художествъ,—не является ли оно могучимъ орудіемъ демократизаціи того эстетическаго чувства, безъ широкаго развитія котораго нѣтъ почвы для искусства *). Напутствуемый Руссо, встрѣченный на порогѣ Байрономъ, девятнадцатый вѣкъ принесъ съ собою культъ красоты природы, почти невѣдомый длинной вереницѣ предшествовавшихъ вѣковъ. Лучшимъ толкователемъ этого культа явился Рёскинъ. Говорятъ, пальма послужила прототипомъ колонны древнихъ храмовъ, а дремучій лѣсъ сѣвера наложилъ свою печать на величавый сумракъ готическихъ соборовъ,—въ такомъ случаѣ современный человѣкъ отъ символовъ предпочелъ перейти къ оригиналу. Будущность искусства зависитъ, конечно, отъ того, пойдетъ ли оно по пути, намѣченному Рёскинымъ и Моррисомъ: станетъ ли оно дѣломъ «народа и для народа, счастіемъ для того, кто творитъ, и для того, кто воспринимаетъ» **), или будетъ оно только содѣйствовать утвержденію рядомъ съ «моралью господъ» и той «эстетики господъ», которая всегда отталкивала отъ себя тѣхъ русскихъ людей, кому было дорого духовное развитіе народа, отъ Чернышевскаго и Писарева до Толстого. Что бы ни говорили, а великіе художники, какъ и великіе ученые, въ концѣ-концовъ творили для «слишкомъ многихъ»: для

*) Мнѣ подаетъ смѣлость перепечатать мою статью *Фотографія и чувство природы* отзывъ о ней одного изъ талантливѣйшихъ нашихъ художниковъ, такъ рано утраченнаго для русскаго искусства, Исаака Ильича Левитана. У меня сохранилось его письмо, въ которомъ, между прочимъ, встрѣчаются слѣдующія слова: „Брошюру вашу прочелъ съ большимъ интересомъ. Есть въ ней положенія удивительно глубокія. Ваша мысль, что фотографія увеличиваетъ сумму эстетическихъ наслажденій, абсолютно вѣрна, и будущее фотографіи въ этомъ отношеніи громадно".

**) *Morris*: „Hopes and fears for art".

нихъ красовалась Милосская Венера; ради нихъ легіоны безвѣстныхъ художниковъ возводили чудеса средневѣковой готики; на нихъ участливо глядѣли Мадонны съ полотенъ Рафаэля и Тиціана. И, конечно, не для нихъ, какъ не для будущаго, появляются тѣ вычурныя, досужливо вымученныя произведенія, которыя заполоняютъ современное искусство какъ и литературу: въ этихъ произведеніяхъ озолоченное мѣщанство надѣется найти еще одну преграду между собою и презираемой толпой, не сознавая, что отличаться еще не значитъ стоять выше.

Научная мысль, проникающая во всѣ сферы знанія, осуществленіе соціальной правды въ жизни, культъ природы, ужъ не какъ грозной силы, а какъ реальнаго источника высшихъ эстетическихъ наслажденій: не тѣ ли это формы, въ которыя выльется вѣчная тріада истины, добра и красоты? Для всѣхъ одинаковая красота природы, ея всестороннее воспроизведеніе искусствомъ, такъ же какъ изученіе равныхъ для всѣхъ законовъ этой природы положатъ предѣлъ тому разброду мысли, которымъ тяготится современность. То, что служило источникомъ разлада для отцовъ, послужитъ къ сближенію дѣтей. Искусство и наука лягутъ въ основу новаго союза между людьми, какъ это прозрѣвалъ еще болѣе ста лѣтъ тому назадъ художникъ-естествоиспытатель—Гёте.

Н. Тимирязевъ.

Разладъ между уголовнымъ закономъ и народнымъ обычаемъ на Кавказѣ и его вліяніе на преступность.

I.

«Я жилъ между южно-американскими дикарями и на востокѣ, — говоритъ Уэллесъ,—въ такихъ общинахъ, гдѣ не имѣлось ни судовъ, ни полиціи,—ничего, кромѣ свободно выраженнаго мнѣнія всей деревни. Тамъ каждый самымъ совѣстливымъ образомъ уважаетъ права другого, такъ что нарушенія права почти не случается».

Это свидѣтельство путешественника едва ли кого-нибудь удивитъ. Какъ бы ни были часты случаи, когда европеецъ для защиты своего права вынуждается искать содѣйствія суда и полиціи, жизнь на каждомъ шагу убѣждаетъ насъ въ томъ, что правовой порядокъ охраняютъ прежде всего не судъ, и не полиція, а *живое правовое чувство народа и общественное мнѣніе* [1]). Только ихъ контролю человѣчество обязано тѣмъ, что преступники въ каждомъ обществѣ составляютъ лишь незначительное меньшинство, а правительства не имѣютъ нужды держать за спиною каждаго гражданина по два полицейскихъ.

Но, чтобы правовое чувство народа и общественное мнѣніе,—эту могущественную полицію—удержать на службѣ праву, необходимо, разумѣется, чтобы и самое право и вся правовая организація вытекали вмѣстѣ съ ними изъ того же источника. Въ противномъ случаѣ, правовой порядокъ будетъ имѣть противъ себя, кромѣ индивидуальныхъ и соціальныхъ недуговъ народа, еще и общественное мнѣніе, которое часто оказывается болѣе властнымъ мотивомъ поведенія, чѣмъ законъ и религія, вмѣстѣ взятые [2]). Такимъ образомъ, разладъ между народнымъ правосознаніемъ и правомъ, между обычаемъ и закономъ увеличиваетъ разладъ между фактомъ и правомъ, между фактическимъ порядкомъ и правовымъ, и неизбѣжно увеличиваетъ одно изъ проявленій этого разлада—преступность [3]).

---

1 *Гёдбингъ*: „Этика“, стр. 326.

2 *Спенсеръ*: „Основанія соціологіи“, т. II, стр. 470.

3 *Кетле*: „Соціальная система и законы, ею управляющіе.

Поэтому уже основатель исторической школы правовѣдѣнія *Савиньи* ополчился противъ насильственнаго введенія въ народѣ чуждаго ему законодательства. Право, говоритъ онъ, подобно языку и нравамъ народа, должно быть органическимъ проявленіемъ народной жизни. Государство не творитъ права, а лишь отыскиваетъ его въ народномъ сознаніи и затѣмъ выражаетъ его въ словесной и обработанной формѣ; въ этомъ-то и состоитъ, главнымъ образомъ, задача юристовъ [1]).

Въ свое время эта, повидимому, столь элементарная истина была цѣлымъ открытіемъ. Рядъ послѣдующихъ юристовъ считали необходимымъ повторить и развить это основное требованіе цѣлесообразности и прочности правового порядка. Первоначальная форма права, говоритъ *Пухта*, есть обычай, вытекающій изъ народнаго сознанія; правительство призвано найти его и примѣнить къ жизни [2]). «Власть не создаетъ жизни, а только охраняетъ ее и способствуетъ ея развитію. Точно также,—говоритъ *Цахаріэ* [3]),—власть не создаетъ и права, а только охраняетъ его». Но особенную цѣнность имѣетъ для насъ поученіе *Ансильона*, какъ потому, что онъ соединилъ въ своемъ лицѣ авторитетъ ученаго съ опытностью высшаго государственнаго чиновника, такъ и потому, что онъ обратилъ вниманіе на управленіе провинціями государства, имѣющими различное историческое прошлое. Въ политикѣ нѣтъ большей ошибки, говоритъ онъ, какъ подводить все подъ одну мѣрку и налагать одинъ покрой на безконечное разнообразіе природы. Государство не должно, во имя однообразнаго законодательства на всей своей территоріи, уничтожать особенностей областной жизни: правовой порядокъ, чтобы быть прочнымъ, долженъ вырасти изъ народной жизни. Кто нарушаетъ этотъ законъ, тотъ разрываетъ невидимую нить, связующую прошедшее съ будущимъ, тотъ сѣетъ на вѣтеръ и пожнетъ одну пыль. Право слѣдуетъ улучшать, а не уничтожать; все новое должно родиться изъ стараго [4]).

Это начало признано и представителями современной науки. *Тардъ* выставляетъ основаніемъ наказуемости общественное мнѣніе и видитъ въ соціальномъ или, быть можетъ, лучше выразиться, въ культурно-историческомъ сродствѣ (similitude sociale) подсудимаго съ его судьями одно изъ двухъ основныхъ условій вмѣняемости [5]). *Листъ* признаетъ главнымъ условіемъ разумной уголовной политики согласіе между уголовнымъ закономъ и ступенью историческаго развитія народа [6]). Тѣмъ не менѣе, оно далеко

---

[1]) 1814 г. Vom Beruf unserer Zeit für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft. Историческая школа, какъ извѣстно, утверждала, и притомъ ошибочно, нѣчто большее. Здѣсь мы беремъ только ту часть ея ученія, которая относится къ настоящей статьѣ.

[2]) „Coursus der Institutionen", т. I, кн. I, §§ 12—19.

[3]) „Vierzig Bücher Vom Staate", т. I.

[4]) „Ueber Souveränität und Staatsverfassungen", стр. 41—63.

[5]) La philosophie pénale.

[6]) *Ф. Листъ*: „Задачи уголовной политики", пер. Гурвича, стр. 2.

еще не можетъ считаться безспорнымъ. Его отвергаютъ, и притомъ нерѣдко съ крайнимъ негодованіемъ, то во имя требованій государственнаго единства, то во имя задачъ историческаго прогресса, то во имя отрицанія за народнымъ правосознаніемъ всякаго самостоятельнаго значенія въ соціальномъ процессѣ. Попробуемъ разобраться въ этихъ возраженіяхъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что единство законовъ какъ нельзя болѣе содѣйствуетъ и государственному единству, но это только тогда, когда составъ населенія на всей территоріи государства болѣе или менѣе однороденъ, или, по крайней мѣрѣ, находится на одной и той же ступени культурно-историческаго развитія. Когда же этого условія нѣтъ, и подъ власть общаго закона подпадаютъ части населенія, совершенно несхожія по своимъ правовоззрѣніямъ и обычаямъ, тогда та же причина не создаетъ, наоборотъ, ничего, кромѣ разъединенія и вражды. *Спенсеръ* видитъ въ этомъ фактѣ проявленіе одного изъ основныхъ законовъ, управляющихъ человѣческимъ обществомъ такъ же, какъ и всѣмъ мірозданіемъ: одна и та же *внѣшняя сила*, дѣйствуя на разнородную группу, *соединяетъ однородные* и, наоборотъ, отбрасываетъ *и разъединяетъ разнородные элементы*» [1]).

Мы отлично помнимъ этотъ законъ каждый разъ, когда это намъ нужно. Мы безукоризненно пользуемся имъ не только тогда, когда, дѣйствуя однимъ и тѣмъ же вѣтромъ, мы отдѣляемъ зерно отъ мякины, но и тогда, когда въ прокламаціяхъ къ только что побѣжденному народу мы, въ интересахъ единенія и мира, спѣшимъ увѣрить его, что права каждаго и обычаи народа останутся неприкосновенными. Мы забываемъ этотъ законъ только тогда, когда обстоятельства времени и мѣста позволяютъ намъ забыть требованія практическаго разсчета и поддаться вліянію или отвлеченныхъ теорій, или, еще скорѣе, нашихъ интересовъ и чувствъ. Римская имперія не теряла своего единства отъ того, что ея проконсулы и пропреторы управляли провинціями не по законамъ Рима, а по мѣстнымъ обычаямъ и по здравому смыслу. Это обстоятельство не помѣшало и римскому языку, и римскому праву, и римскому муниципальному устройству мало-по-малу распространиться въ большинствѣ провинцій до такой степени, что въ началѣ III вѣка оказалось возможнымъ *даровать* права римскаго гражданства всему населенію. И можно съ увѣренностью сказать, что Риму не удалось бы даже умиротворить свои провинціи, если бы римское право вводилось тамъ путемъ принужденія въ эпоху Цезаря или Августа. Сила, говоритъ Гёфдингъ, можетъ вселять только страхъ; благоговѣніе и уваженіе государство внушаетъ только тогда, когда оно въ своихъ требованіяхъ охраняетъ тѣ самые принципы, которыми народъ и самъ чувствуетъ себя связаннымъ внутренне [2]). Надо умѣть понимать міровоззрѣніе побѣжденныхъ, стоящихъ на низшей ступени культуры, «надо дать торжество принципу симпатіи, а не вражды», совѣтуетъ Миль [3]); только тогда возможно

1) Основныя начала, §§ 163 и 169. Основанія соціологіи, т. II, § 451.

2) *Гёфдингъ*: „Этика", стр. 338.

3) *Джонъ Стюартъ Миль*: „Логика нравственныхъ наукъ", гл. X, § 6.

достигнуть дѣйствительнаго единства между разноплеменными частями населенія, живущаго подъ однимъ и тѣмъ же правительствомъ.

Равнымъ образомъ справедливо, что обычное право и народное правосознаніе суть только естественно-историческіе факты и не заключаютъ въ себѣ ничего неизмѣннаго и вѣчнаго. Какъ все естественное,—они могутъ обойтись безъ оправданія, но они не требуютъ и поклоненія. Человѣкъ не только рабъ, онъ и господинъ природы. Онъ не только предметъ творенія,—онъ носитель творческаго плана, онъ участникъ творенія, онъ самъ творецъ. По мѣрѣ того, какъ разумъ становится господиномъ жизни, человѣкъ привлекаетъ къ своему суду всѣ естественно-историческія данныя своего бытія, и подвергаетъ дальнѣйшей культурной переработкѣ и самого себя, и свое правовоззрѣніе и свои обычаи, какъ и все доступное его воздѣйствію, соображаясь съ новыми условіями жизни, или съ своими идеалами и видами. Въ этомъ не только право, но и обязанность человѣка. Все это такъ. Но не менѣе справедливо и то, что достигаетъ успѣха и побѣждаетъ природу только тотъ, кто рабски повинуется ея же законамъ и умѣло пользуется ея же свойствами. А тутъ сейчасъ же оказывается, что «нравы законами не измѣняются». Нравы и обычаи, семейный и общественный бытъ, месть и наслажденія,—все это устанавливается и практикуется не по требованіямъ разсчета и разума, а сообразно съ тѣмъ, какъ это установили и практиковали предки. Неизвѣстность происхожденія и самая нецѣлесообразность обычая придаютъ ему характеръ чего-то священнаго, безспорнаго, неизбѣжнаго, установленнаго самою природою [1]). Долгъ кровомщенія, гдѣ оно существуетъ, становится едва ли не самымъ деспотическимъ требованіемъ. «Одобреніе и похвалы,—говоритъ Спенсеръ,—сыплются на человѣка, который въ отмщеніе за убитаго родственника или поруганную супружескую честь неутомимо преслѣдуетъ виновника, пока не насытитъ на немъ своей мести; между тѣмъ какъ презрительные взгляды и насмѣшки дѣлаютъ совершенно невыносимою жизнь всякаго, кто отступитъ отъ выполненія этого долга» [2]). Сопротивленіе этому порядку, добавляетъ *Гефдингъ*, въ состояніи возбудить страсть, подобную той, какую испытываетъ животное, когда изъ его зубовъ хотятъ вырвать пищу. Правительство, которое путемъ принужденія пытается ввести новые обычаи, вызываетъ только раздраженіе или затаенную ненависть и обостряетъ національный инстинктъ [3]). Насильственное введеніе болѣе высокой культуры вызываетъ нерѣдко обратные результаты, какъ это можно наблюдать на «ручныхъ» мексиканскихъ индѣйцахъ, изъ среды которыхъ вышли такіе выдающіеся люди, какъ Гидальго и Хуарецъ. «Они,—свидѣтельствуетъ *Карлъ Гагенъ*,—не желаютъ принимать никакихъ улучшеній, которыя навязываютъ имъ бѣлые. Они хотятъ остаться индѣйцами и не принима-

---

[1]) *Гефдингъ*: „Этика. Народъ и государство".

[2]) Основанія соціологіи, т. I, § 36.

[3]) Этика, стр. 313.

отъ даже благодѣяній, чтобы имѣть право проклинать бѣлыхъ за ту массу насилій, которыя они отъ нихъ вынесли. Самая мысль о цивилизаціи стала имъ ненавистной, такъ какъ она неразлучно связана въ ихъ глазахъ съ угнетеніемъ и несправедливостью» [1]). Какъ бы поэтому ни казался безнравственнымъ, устарѣлымъ или вреднымъ тотъ или другой народный обычай, государство до поры, до времени можетъ оказаться вынужденнымъ терпѣть его. Это не потому, конечно, чтобы между правомъ и нравственностью не было никакой зависимости, какъ это представлялось *Фихте* [2]), и не потому, тѣмъ болѣе, чтобы государству вовсе не было свойственно заботиться о нравственномъ воспитаніи своихъ подданныхъ, а только потому, что государство еще не найдетъ для борьбы съ подобнымъ обычаемъ сколько-нибудь морально-терпимыхъ и цѣлесообразныхъ средствъ. Если бы даже задача государства состояла въ воплощеніи Божественнаго разума на землѣ, то все же надлежитъ помнить, что содержаніе этого разума раскрывается человѣческому сознанію лишь въ величайшей постепенности и что въ практической области новое начало можетъ найти приложеніе лишь тогда, когда оно имѣетъ подъ собою уже подготовленную почву [3]). Въ этомъ случаѣ весьма поучительно положеніе, выставленное глубочайшимъ христіаниномъ и знаменитымъ теологомъ *Грундвигомъ*: «Тамъ, гдѣ зарождаются гражданскія отношенія и гдѣ они должны пріобрѣсти устойчивость, тамъ христіанство слѣдуетъ поставить внѣ этихъ разсчетовъ, какъ нѣчто неприкосновенное для всякихъ на него ссылокъ, и *держаться человѣческой природы, какъ она обнаруживается въ исторіи на каждомъ данномъ мѣстѣ*». При всемъ томъ, морализующее значеніе государства остается огромнымъ, такъ какъ оно милліонами средствъ, сознательно и безсознательно, расширяетъ чувства, представленія и общественное мнѣніе народа, дѣлая его, такимъ образомъ, воспріимчивымъ къ постепенному усвоенію общечеловѣческихъ элементовъ и болѣе высокихъ формъ жизни. Задача великаго государственнаго человѣка, говоритъ Гёфдингъ, состоитъ въ томъ, чтобы «симпатизирующимъ взоромъ открыть новые зародыши жизни народа и оказать имъ прямо или косвенно ту помощь и защиту, въ которыхъ они нуждаются» [4]). Только такимъ путемъ, безъ деморализующей жестокости, безъ потрясеній народной жизни, свободно и мало-по-малу древній обычай уступитъ мѣсто новому праву, которое въ свою очередь окажетъ вліяніе на развитіе народнаго правосознанія и его нравственныхъ чувствъ [5]), и черезъ это подготовитъ необходимую почву для дальнѣйшихъ реформъ.

Не менѣе убѣдительными представляются возраженія третьей группы. Мы не говоримъ здѣсь о Трummерѣ, который, возставая противъ суда

Гельвальдъ: „Естественная исторія племенъ и народовъ", т. I, стр. 440. Основанія естественнаго права. Введеніе.

Б. Чичеринъ: Философія права. „Вопр. филос. и психологіи", кн. 46, стр. 99. „Этика", стр. 349.

Спенсеръ: Развитіе политическихъ учрежденій.

присяжныхъ, писалъ: «такъ называемаго народнаго правосознанія не существуетъ вовсе; это фантомъ, химера, вздоръ, выдуманный новѣйшими утопистами. Кто признаетъ за народной массою такой авторитетъ, тотъ разрываетъ съ христіанствомъ. Уже сынъ Сираха говоритъ, что земледѣльцы и ремесленники не могутъ сидѣть на судейскомъ стулѣ и понимать право» [1]). Парадоксальность этого мнѣнія освобождаетъ отъ необходимости съ нимъ считаться. Мы говоримъ о другомъ ненаучномъ, но неискоренимомъ убѣжденіи, царящемъ въ нѣкоторыхъ административныхъ кругахъ, что систематическимъ дѣйствіемъ суда и полиціи можно дать народной морали и народному правовоззрѣнію какое угодно содержаніе. Именно это убѣжденіе руководило Паскевичемъ, когда онъ настаивалъ на замѣнѣ обычнаго права кавказскихъ народовъ россійскими узаконеніями. «Доколѣ закавказцы останутся при старинныхъ обычаяхъ своихъ,—представлялъ онъ государю [2]),—дотолѣ всѣ заботы правительства объ ихъ просвѣщеніи останутся тщетными. Надо прежде всего приблизить ихъ къ духу россіянъ; но что же можетъ рѣшительнѣе измѣнить ихъ характеръ, какъ не правленіе?» И подобныя же мнѣнія постоянно высказываются и теперь, да еще со ссылками на дурно понятые научные авторитеты.

Можно оставить въ сторонѣ основныя проблемы соціологіи. Можно развѣнчать человѣческій духъ и лишить его всякой творческой роли въ исторіи. Для нашего вопроса это не имѣетъ значенія. Мы не имѣемъ надобности ни настаивать на томъ, что «правовые институты суть осадки народнаго правосознанія», какъ это утверждаютъ Бастіанъ или Постъ, ни оспаривать Гумповича, по которому «народное правосознаніе есть осадокъ правовыхъ институтовъ» [3]). Для насъ достаточно подчеркнуть, что, говоря о правовыхъ институтахъ, обѣ спорящія стороны имѣютъ въ виду не произвольныя узаконенія, которыя власть путемъ непрерывнаго принужденія только пытается провести въ жизнь, а тѣ дѣйствительно господствующіе въ народѣ правопорядки, которые являются съ естественною необходимостью въ результатѣ фактически сложившихся соціальныхъ отношеній. Признавая, что мораль и народное правосознаніе суть психическіе продукты дѣйствующаго права, тотъ же Гумповичъ спѣшитъ оговориться, что на самомъ дѣлѣ бываетъ нерѣдко, что право остается какъ бы мертвымъ механизмомъ, функціонируетъ только при государственномъ принужденіи и, отвергнутое общественною моралью, оно никогда не можетъ создать новой морали. «Но если мы поближе познакомимся съ тѣмъ правомъ, которое не сумѣло создать себѣ моральную почву и пустить въ ней глубокихъ корней, мы убѣдимся, — говоритъ онъ, — что такое право возникло не изъ принудительныхъ отношеній жизни, а благодаря игнорированію фактическихъ отношеній, изъ прихоти партій или фальшивыхъ идей и теорій. Такое право всегда витаетъ въ воздухѣ, безъ внутренней жизненной силы,

[1]) *Trummer*: „Das Verhältniss der heutigen Strafgesetzgebung zum Christenthum".
[2]) *В. Иваненко*: „Гражданское управленіе Закавказьемъ", т. I, стр. 287.
[3]) *Гумповичъ*: „Основы соціологіи 1899 г.", стр. 78.

поддерживаемое только извнѣ. Чуждое общественной морали, безсильное создать новую мораль, оно должно или исчезнуть, не вызывая ничьего сожалѣнія» [1]), или «подвергнуться поправкамъ, которыя дѣйствительныя отношенія жизни произведутъ въ немъ съ естественною необходимостью, чтобы изъ него получился годный законъ, соотвѣтствующій потребностямъ народа». «Насколько законодатели приспособляются къ непосредственнымъ потребностямъ, принимаютъ во вниманіе дѣйствительные интересы, короче—считаются съ естественно необходимымъ, лишь настолько они и могутъ творить годные законы: такъ было всегда и вездѣ. Но лишь только законодатель захочетъ создавать законы не по дѣйствительнымъ потребностямъ мѣста и времени, а по требованіямъ науки, справедливости и другимъ подобнымъ идеямъ, сейчасъ появляются законы, которые обнаруживаютъ въ немъ отсутствіе того, что Савиньи называлъ призваніемъ къ законодательству» [2]).

Для иллюстраціи и провѣрки этихъ положеній невозможно выдумать лучшаго примѣра, какъ столѣтній опытъ нашего управленія кавказскимъ краемъ, и мы воспользуемся этимъ опытомъ въ предѣлахъ интересующаго насъ здѣсь вопроса. Полнота наблюденій, обиліе фактовъ, происходившихъ и происходящихъ еще и донынѣ на нашихъ глазахъ, дѣлаютъ этотъ опытъ совершенно незамѣнимымъ и показываютъ съ осязательной ясностью, что разладъ между уголовнымъ закономъ и народнымъ обычаемъ или приводитъ къ варваризаціи закона, который, прилаживаясь мало-по-малу къ требованіямъ дѣйствительной жизни, становится совершенно неузнаваемымъ и деморализируетъ самую власть, или превращаетъ борьбу закона съ горстью преступниковъ въ безплодную борьбу власти со всѣмъ населеніемъ, которое защищаетъ своихъ преступниковъ отъ ударовъ ненужнаго ему закона. Въ послѣднемъ случаѣ, занимая противоестественную позицію между преступникомъ и карающею его властью, быстро деморализируется само населеніе, и преступность его становится тѣмъ большею, чѣмъ энергичнѣе преслѣдуются преступленія.

Читатель не посѣтуетъ, что мы изобразимъ ему картину этого «внутренняго состоянія преступности» значительной части кавказскаго населенія послѣ необходимаго ознакомленія съ народнымъ правосознаніемъ туземцевъ и исторіею нашего управленія этимъ краемъ.

II [3]).

Какъ ни многочисленны племена и народы Кавказа, какъ ни различны они по своему этнографическому происхожденію и историческому прошло-

1) Ibid., стр. 314.

2) *Гумплowичъ*: „Основы соціологіи 1899 г.“, стр. 326.

3) Архивы нальчинскаго, андреевскаго и чеченскаго народныхъ судовъ. Адаты Дагестана 1899 года, подъ редакціею Сандрыгайло. Адаты кавказскихъ горцевъ. *М. Ковалевскій*: „Законъ и обычай на Кавказѣ“. *Его же*: „Современный обычай и

му, какъ ни разнообразно ихъ политическое устройство, отъ слабыхъ политическихъ союзовъ автономныхъ демократическихъ родовыхъ общинъ, до феодальныхъ сеньорій, монархій и даже федеративнаго союза маленькихъ демократическихъ республикъ,—всѣ они жили еще родовымъ бытомъ, который къ началу русскаго владычества въ этомъ краѣ едва начиналъ распадаться среди части грузинъ и татаръ, обитавшихъ на низшихъ террасахъ.

Для лица, знакомаго съ этнографіей и съ исторіей права, одного этого указанія достаточно, чтобы представить себѣ въ самыхъ общихъ чертахъ обычное уголовное право кавказскихъ народовъ. Родовой бытъ, гдѣ онъ существуетъ, необходимо предполагаетъ культъ предковъ, семейныя и родовыя святыни и опредѣленную систему чувствъ и представленій, какъ свою внутреннюю, духовную сущность, съ одной стороны, и опредѣленную систему правовыхъ институтовъ и обычаевъ, какъ свое внѣшнее выраженіе—съ другой. Правда, въ государствахъ Грузіи и нѣкоторыхъ владѣніяхъ Дагестана съ начала XVII вѣка дѣйствовали такъ называемые законы царя Вахтанга VI и Уцмія Кайтагскаго Рустемъ-хана, но эти памятники законодательства были простыми сборниками народныхъ обычаевъ, содержали въ себѣ часто повѣствовательное изложеніе народнаго правосознанія, и давались судьямъ не для точнаго исполненія, а лишь для свѣдѣнія: вотъ молъ какъ поступали мудрые люди въ подобныхъ случаяхъ. Точно также христіанство и исламъ, Россія, Турція и Персія, которыя вліяли на различныя части Кавказа, хотя и образовали въ обычномъ правѣ мѣстнаго населенія пестрыя и иногда весьма значительныя наслоенія, но имъ не удалось ни замѣнить живого народнаго права мертвою системой формальныхъ опредѣленій, ни уничтожить основныхъ чертъ естественно-историческаго права, свойственнаго родовому быту.

Частно-правовая точка зрѣнія вездѣ, разумѣется, господствовала. Только въ государствахъ Грузіи да въ ханскихъ владѣніяхъ подлежали публичному преслѣдованію преступленія государственныя, ограбленія казны, сопротивленія властямъ и еще двѣ категоріи преступниковъ, а именно: «профессіональные воры» и «завѣдомые разбойники». Въ ханскихъ владѣніяхъ преслѣдовались тѣмъ же порядкомъ, подъ вліяніемъ шаріата и торговыхъ сношеній съ Персіей, кражи, разбой и мошенническія дѣйствія торговцевъ, а въ христіанскихъ государствахъ, подъ вліяніемъ церкви, — святотатство. За указанными исключеніями, всѣ остальныя преступленія противъ личности и имущества, т.-е. убійства, нанесеніе ранъ и увѣчій, грабежи, поджоги, изнасилованіе, похищеніе невѣстъ и т. д., преслѣдовались повсемѣстно не иначе, какъ по требованію самого потерпѣвшаго или его ближайшихъ родственниковъ. Точно также, въ полномъ согласіи съ условіями родового быта, нигдѣ не преслѣдовались, по крайней мѣрѣ свѣтскимъ су-

древній законъ". Законы царя Вахтанга VI. Изслѣдованія Комарова, Шопена, Торнау. Обозрѣніе русскихъ владѣній за Кавказомъ подъ редакціей Легкобытова. Сборники свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ. Сборники свѣдѣній о Кавказѣ. Многочисленныя газетныя статьи, писанныя туземцами, начиная съ 1829 г. и т. д.

домъ: отцеубійство, братоубійство, сыноубійство и вообще преступленія, совершонныя въ родственной средѣ. Фактическія отношенія, возникавшія въ этой средѣ, оставались внѣ области права, ибо субъектомъ права былъ не человѣкъ, а семейная или родовая община. За спиною истца и отвѣтчика, обвинителя и подсудимаго стоялъ весь его родъ; осужденный отвѣчалъ прежде всего, но расплачивалось за него все имущество, состоящее въ нераздѣльной собственности его семьи или рода. Сынъ платилъ за долги отца даже тогда, когда онъ не получилъ отъ него никакого наслѣдства. При несостоятельности преступника, онъ со всею семьею поступалъ въ холопы въ семью потерпѣвшаго.

Живые жили въ тѣсной связи съ умершими предками. Тѣни умершихъ, покоящихся въ могилахъ, нуждались еще въ пищѣ, огнѣ и всего болѣе въ отомщеніи: кровная месть была религіознымъ и нравственнымъ долгомъ всего рода убитаго и въ особенности его ближайшихъ родственниковъ. Среди населенія, исповѣдующаго исламъ—этотъ долгъ былъ узаконенъ и освященъ самимъ кораномъ. Только въ нѣкоторыхъ частяхъ Грузіи христіанству и развившейся гражданственности удалось вытѣснить кровомщеніе, замѣнивъ его денежнымъ выкупомъ въ пользу семьи убитаго, въ размѣрѣ 7,680 руб. за кровь князя или епископа, 480 руб. за кровь дворянина или священника и 120 рублей за кровь крѣпостного крестьянина.

Господствовавшимъ, а въ большинствѣ мѣстностей даже единственнымъ наказаніемъ было денежное удовлетвореніе потерпѣвшаго. Палецъ, зубъ, глазъ, всякаго рода безчестіе—все было расцѣнено. Сверхъ сего преступникъ нерѣдко уплачивалъ опредѣленный обычаемъ денежный штрафъ, который шелъ на содержаніе должностныхъ лицъ мѣстнаго управленія. Смертная казнь случалась только въ закавказскихъ владѣніяхъ, какъ проявленіе царскаго или ханскаго произвола. Она никогда не узаконялась обычаемъ. Членовредительнымъ наказаніямъ подвергались въ тѣхъ же владѣніяхъ по мѣстнымъ обычаямъ государственные измѣнники, «завѣдомые разбойники» и «профессіональные воры». Тѣлесныя наказанія, узаконенныя кораномъ и шаріатомъ, практиковались нерѣдко только въ южныхъ ханствахъ взамѣнъ денежныхъ штрафовъ. Лишеніе свободы существовало въ видѣ сажанія въ яму, среди мусульманъ, но практиковалось не въ качествѣ наказанія, а только для понужденія къ разсчету неисправнаго должника, такъ какъ шаріатъ, по которому разрѣшались всѣ семейные и имущественные споры мусульманъ, воспрещалъ принудительную продажу имущества должника, если онъ по состоянію своихъ актива и пассива не признавался несостоятельнымъ.

Въ тѣхъ ханствахъ, гдѣ, какъ мы уже замѣтили, кражи преслѣдовались полицейскимъ порядкомъ, воръ за первую кражу все же не подвергался личному наказанію, а только удовлетворялъ потерпѣвшаго и обязывался присягою не воровать болѣе; за вторую кражу его били жасминовыми прутьями по спинѣ и опять приводили къ присягѣ и взыскивали стоимость всего имъ похищеннаго; за третью кражу ему отсѣкали ухо или

носъ, или руку, или сбрасывали съ высокой башни, предоставляя въ такомъ случаѣ уже самой судьбѣ распорядиться его участью.

Оставляя въ сторонѣ вопросъ о происхожденіи обычнаго права, необходимо стать на точку зрѣнія туземнаго населенія начала XIX в., чтобы понять, какъ связывалось это право съ народнымъ правосознаніемъ въ эпоху нашего владычества на Кавказѣ, какую роль играло оно въ устроеніи организованнаго сожительства народныхъ массъ, жившихъ въ составѣ племенныхъ или государственныхъ союзовъ, и, наконецъ, насколько успѣшно оно боролось съ преступностью?

Если, обращаясь къ рѣшенію этихъ вопросовъ, мы попытаемся допросить обычное право кавказцевъ, что такое преступленіе и что такое наказаніе по ихъ понятіямъ, то получимъ отвѣты, которые не удовлетворятъ ни одного изъ современныхъ юристовъ.

Преступленіе не есть ни грѣхъ, ни вина, ни посягательство на нравственный правопорядокъ, ни нарушеніе закона или чьего-либо права, ни даже причиненіе вреда. Оно не грѣхъ и не вина, ибо, по ихъ понятіямъ, дѣяніе остается преступнымъ даже тогда, когда оно совершено безъ всякаго грѣха и безъ всякой вины. Оно—не посягательство на нравственный правопорядокъ, ибо подобные идеалы или вовсе чужды ихъ сознанію, или еще безсильны стать факторомъ народной жизни. Оно — не нарушеніе закона или чьего-либо права, ибо эти кумиры современной европейской цивилизаціи не имѣютъ въ ихъ глазахъ рѣшительно никакой цѣны. Оно—не причиненіе вреда, ибо причиненіе вреда преступно и важно въ глазахъ общества не само по себѣ, а только какъ поводъ къ враждебному столкновенію родовыхъ или семейныхъ общинъ, составляющихъ данный союзъ.

Равнымъ образомъ и наказаніе, какъ реакція на преступленіе со стороны общества, не имѣетъ здѣсь цѣлью ни воздаяніе преступнику по дѣламъ его, ни исправленіе или устрашеніе преступника, ни подавленіе порочныхъ инстиктовъ населенія, ни даже освобожденіе общества отъ опасныхъ элементовъ, а только возстановленіе внутри общества мира, нарушеннаго преступленіемъ.

Поводомъ къ враждебному столкновенію между родовыми общинами являются, по народнымъ понятіямъ, сорваніе цѣпи и иныя подобныя оскорбленія домашняго очага, изнасилованіе замужней женщины или даже одно только прикосновеніе къ ней съ подобнымъ намѣреніемъ, похищеніе имущества, нанесеніе ранъ и увѣчій и, главнымъ образомъ, лишеніе жизни. Не одинъ инстинктъ мести побуждаетъ весь родъ потерпѣвшаго къ мщенію. Призракъ убитаго преслѣдуетъ всѣхъ его сородичей, доколѣ они не выполнятъ этого долга. Громкимъ крикомъ оповѣщаетъ кровомститель о совершонномъ имъ мщеніи и, пропитавъ кровью врага рукава своей одежды, спѣшитъ на могилу убитаго, чтобы успокоить его тоскующій духъ этой радостной вѣстью. Позоръ и униженіе грозятъ роду, не умѣющему постоять за каждаго изъ своихъ членовъ. Да и чѣмъ, кромѣ родовой защиты и родового мщенія, могутъ быть охранены имущество, честь и жизнь

человѣка, живущаго среди людей, нравственность и альтруизмъ которыхъ не переступаетъ границъ родовой общины. Обида, нанесенная одному изъ сородичей, ополчаетъ поэтому весь его родъ. Онъ или совершаетъ репрессалію, или идетъ войной на враждебную общину. Въ такомъ случаѣ обѣ стороны дѣйствуютъ одинаково: онѣ нападаютъ на скотъ противника, на его дома, пашни; грабятъ, жгутъ, уничтожаютъ все, что ни попало и, наконецъ, когда уже не за что приняться, вырываютъ виноградныя лозы, тутовыя и фруктовыя деревья; при личной встрѣчѣ противниковъ происходитъ кровавая схватка; борьба заканчивается только съ полнымъ истощеніемъ силъ или уничтоженіемъ одной изъ сторонъ; побѣждаетъ тотъ, кто сильнѣе.

Въ описанныхъ дѣйствіяхъ взятыхъ нами родовыхъ общинъ нельзя, разумѣется, усмотрѣть ни преступленія, ни наказанія; эти понятія здѣсь еще не примѣнимы. Произволъ суверенныхъ родовъ еще ничѣмъ не ограниченъ; права еще не существуетъ. Оно можетъ возникнуть только при систематическомъ вмѣшательствѣ сосѣднихъ родовыхъ общинъ, сплотившихся съ ними въ племенной союзъ. Множество причинъ побуждаютъ ихъ къ подобному вмѣшательству: куначество, экзогамическія брачныя связи, зарождающаяся торговля и болѣе всего необходимость дѣйствовать совокупными силами противъ сосѣднихъ враждебныхъ племенъ. Какъ ни дики хевсуры, но и они были вынуждены ограничить произволъ своихъ автономныхъ родовъ и сплотиться въ тѣснѣйшій союзъ, чтобы отражать набѣги пшавовъ и тушинъ съ одной стороны, кистинъ и аварцевъ—съ другой. Туземная поговорка уже давно замѣтила, что, какъ бы ни грызлись собаки между собою, онѣ дружно дѣйствуютъ противъ волка. Люди этого не умѣютъ; цѣлесообразный инстинктъ потерялъ надъ ними свое господство, и имъ, чтобы обезпечить дружбу на войнѣ, приходится заблаговременно разставить между собою «камешки, отдѣляющіе дружбу отъ свары».

Это вмѣшательство союзныхъ общинъ проявлялось сначала въ простомъ посредничествѣ, которое обыкновенно охотно принималось сторонами, въ особенности слабѣйшею. Разъ состоявшееся рѣшеніе посредниковъ служило послѣдующимъ медіаторскимъ и постояннымъ народнымъ судамъ прецедентомъ для подобныхъ же случаевъ. Такъ мало-по-малу складывалось, частью уже и на нашихъ глазахъ, обычное право кавказскихъ народностей. Но такъ какъ и вмѣшательство общества и участіе посредниковъ имѣло главною цѣлью возстановить миръ, нарушенный преступленіемъ, то неудивительно, что и все обычное уголовное право туземцевъ проникнуто тою же самою тенденціею.

Пусть совершилось убійство. Если виновникъ извѣстенъ или угаданъ, родъ убійцы немедленно высылаетъ въ родъ убитаго т. н. *саупатіо* (у хевсуръ), или *бонюнъ* (у осетинъ), или *алумъ* (въ Дагестанѣ)—даръ, состоящій изъ 3—8 быковъ, нѣсколькихъ барановъ и одной сабли. Это символъ лица, знакъ того, что родъ виновнаго готовъ отвѣчать за всѣ послѣдствія случившагося несчастія и проситъ не нарушать мира. Когда

этотъ даръ принятъ, столкновеніе между двумя общинами устраняется и объектомъ мщенія становится только самъ убійца и въ крайнемъ случаѣ его ближайшіе родственники. Можно подумать, что теперь убійцу со связанными руками предадутъ законной власти его кровомстителей. Отнюдь нѣтъ. Такой исходъ не соотвѣтствовалъ бы цѣлямъ мира. Убійца только не можетъ остаться въ своемъ селеніи, такъ какъ здѣсь мститель могъ бы преслѣдовать его безнаказанно. Онъ долженъ бѣжать изъ дома и искать убѣжища въ одной изъ союзныхъ общинъ. Благодаря долгу гостепріимства, онъ найдетъ вездѣ и покровительство, и пріютъ. Пока не состоится окончательнаго примиренія, каждый изъ родныхъ убитаго имѣетъ неотъемлемое право убить его. Но зато теперь никто изъ родныхъ убитаго не можетъ появиться въ селеніи, гдѣ живетъ его кровникъ (канлы), не предупредивъ объ этомъ старшину селенія, по крайней мѣрѣ, за сутки. Если онъ нарушитъ этотъ запретъ, селеніе имѣетъ право принудить его немедленно примириться съ кровникомъ и въ такомъ случаѣ онъ уже навсегда теряетъ право какъ на мщеніе, такъ и на замѣняющій его выкупъ. Правда, общество можетъ не успѣть этого сдѣлать, но и въ такомъ случаѣ мститель немного выгадаетъ. Никто не укажетъ ему убѣжища его врага; а если онъ ворвется въ чужой домъ и тамъ убьетъ своего кровника, хозяинъ дома превратитъ его въ своего «канлы» и будетъ мстить за убитаго гостя, какъ за своего сына. Такимъ образомъ, мститель можетъ убить своего кровника (канлы) или въ его же селеніи, куда, однако, кровникъ до полнаго примиренія и не смѣетъ показаться, или при встрѣчѣ гдѣ-либо въ полѣ, на улицѣ, въ мѣстности, не находящейся подъ охраною домашняго очага и мечети. Но такая встрѣча есть дѣло величайшей случайности, тѣмъ болѣе, что мститель не можетъ разсчитывать на содѣйствіе постороннихъ лицъ. «Если кто-либо изъ жителей той деревни,—говоритъ обычай,—гдѣ живетъ канлы или его семейство, будетъ содѣйствовать родственникамъ убитаго убить канлы или кого изъ его семейства и убійство будетъ совершено, то содѣйствовавшій дѣлается канлы: родственниковъ убитаго при его содѣйствіи, *цѣлаго своего джамаата* (т.-е. нѣсколькихъ живущихъ совмѣстно родовъ) и хозяина дома, гдѣ жилъ канлы; домъ его разоряется и что останется, получаетъ хозяинъ дома, въ которомъ жилъ убитый канлы». Его, слѣдовательно, изгоняютъ изъ рода, родъ отрекается отъ него, онъ становится безроднымъ, безпріютнымъ и беззащитнымъ скитальцемъ—*абрекомъ*. И этому самому жестокому изъ адатныхъ наказаній подвергается не тотъ, кто убилъ Авеля, а тотъ, кто помогъ «наказать» Каина, ибо первый поссорилъ между собою только двѣ родовыхъ общины, второй безъ всякой нужды навлекъ подозрѣніе на весь свой джамаатъ и создалъ поводъ къ враждѣ между многими общинами. Очевидно, стало быть, что кровомщеніе не есть наказаніе съ точки зрѣнія общества, это частное право, болѣе древнее, чѣмъ само наказаніе, и основано на совершенно иномъ принципѣ; общество уважаетъ его, оно уважаетъ и его древность, и его религіозный оттѣнокъ, и ту благородную

гордость духа, которая отказывается промѣнять на деньги честь дома и кровь своихъ предковъ; но, какъ общество, оно имѣетъ свою задачу, его реакція на преступленіе совершенно иная, и оно всячески затрудняетъ кровомщеніе, такъ какъ кровомщеніе затрудняетъ возстановленіе мира. Да и съ частной точки зрѣнія кровомщеніе не есть наказаніе, ибо и въ тѣ времена, когда оно никѣмъ не оспаривалось, оно не лишало кровника права сопротивленія при встрѣчѣ съ мстителемъ. «Должникъ крови и ищущій кровомщенія равны при встрѣчѣ»,—гласитъ древнѣйшая осетинская поговорка.

Но убійца все же не остается безнаказаннымъ. Обычай вынуждаетъ его и его родныхъ соблюдать все, что можетъ способствовать возстановленію мира. Онъ, его семья, а первые 40 дней и всѣ его ближайшіе родственники, не могутъ не только жить, но и показываться въ своемъ селеніи: это могло бы затруднять сношенія между двумя общинами, имѣющими кровные счеты. Всѣ они вынуждены искать пріюта у чужеродцевъ. До примиренія канлы не можетъ отчуждать имущества, оставшагося у него въ деревнѣ, и не можетъ имъ пользоваться; этимъ онъ свидѣтельствуетъ, что и его имущество, и его жизнь какъ бы не принадлежатъ ему, а находятся во власти родныхъ убитаго. Онъ долженъ пользоваться всѣми средствами, чтобы смягчить гнѣвъ своихъ мстителей. Мѣстами (напримѣръ, у хевсуръ) онъ посылаетъ каждый мѣсяцъ роднымъ убитаго по барашку на поминовеніе души усопшаго; мѣстами (напримѣръ, у кумыковъ) онъ въ знакъ покаянія не стрижетъ волосъ и не мѣняетъ одежды. Онъ вынужденъ искать заработокъ для предстоящей ему уплаты цѣны крови, и въ то же время онъ не можетъ безъ риска покидать своего убѣжища. Онъ не смѣетъ появляться ни на одномъ праздникѣ или пиршествѣ. Напрасно канлы сталъ бы искать выхода изъ этого положенія бѣгствомъ къ чужеземцамъ или иноплеменникамъ. Не только побѣгъ, но и самая смерть его не прекращаютъ междуродовой вражды: на его мѣсто въ положеніе канлы поставится тотчасъ же самый близкій изъ его родственниковъ. Только окончательное примиреніе можетъ возвратить ему спокойствіе и безопасность, но примиреніе не можетъ состояться ранѣе года, ибо таково требованіе приличія. По истеченіи этого срока начинаются мирные переговоры. Въ нихъ принимаютъ участіе не только родственники обѣихъ сторонъ, но и духовныя и иныя почетнѣйшія лица сосѣднихъ общинъ и мѣстные беки, дворяне, князья, а въ прежнія времена даже сами цари и ханы. Условія мира вырабатываются при этомъ согласно съ мѣстнымъ обычаемъ и во всѣхъ подробностяхъ. Когда переговоры окончены, кровникъ отправляетъ въ родъ убитаго условленный выкупъ, напр., 360 барановъ (у пшавовъ), или 54 коровы (у осетинъ), или деньгами 120 руб. (у нѣкоторыхъ племенъ Дагестана), и затѣмъ, предшествуемый торжественною процессіею почетныхъ лицъ, босой и одѣтый въ рубище, идетъ на могилу убитаго или въ иное назначенное ему мѣсто. Здѣсь, колѣнопреклоненный, онъ униженно и долго проситъ прощенія, произнося уста-

новленныя мѣстнымъ ритуаломъ формулы. Послѣ того старшій изъ родныхъ убитаго беретъ ножницы и выстригаетъ ему прядь волосъ или совершаетъ иное символическое дѣйствіе въ знакъ помилованія. Дѣло заканчивается общимъ примирительнымъ пиромъ двухъ родовыхъ общинъ за счетъ рода виновнаго.

Такъ наказываютъ за убійство, все равно, умышленное, неосторожное или случайное. Обычное право не различаетъ этихъ видовъ виновности. Да и зачѣмъ ему дѣлить эти различія, если задача его вовсе не въ томъ, чтобы наказать за грѣхъ, а только въ томъ, чтобы предупредить междоусобицу внутри племени и возстановить нарушенный миръ. Убитъ человѣкъ—этого факта совершенно достаточно, чтобы пробудить инстинктъ мести у его родныхъ. Кому еще охота справляться, что было на душѣ у убійцы, и кто это можетъ узнать, когда «сердце человѣческое не скатерть, которую разстилаютъ для кунака»,—говоритъ татарская поговорка, и когда не существуетъ ни слѣдствія, ни полицейскаго розыска,—добавимъ мы отъ себя. Другое дѣло, если умирающій отъ смертельной раны успѣлъ простить своего убійцу. Его воля священна для его родныхъ, мщенія не можетъ быть и, слѣдовательно, обществу нѣтъ дѣла до происшедшаго. Но если прощенія не дано и месть по народнымъ понятіямъ неизбѣжна, обществу не остается ничего болѣе, какъ помѣшать личному столкновенію поссорившихся и замѣнить убійство кровника обычнымъ выкупомъ.

Съ другой стороны, покушеніе на убійство не служитъ законнымъ поводомъ къ враждѣ и мщенію и не влечетъ за собою никакого наказанія. Только выстрѣлъ, сдѣланный въ противника въ ссорѣ, если онъ сопровождался промахомъ, или хотя бы и поврежденіемъ, но совершенно ничтожнымъ, требуетъ небольшого примирительнаго угощенія. Когда *я* спрашивалъ у кабардинскихъ и чеченскихъ народныхъ судей, по своему весьма образованныхъ, о причинѣ такой снисходительности, они отвѣчали: «кто хочетъ убить, тотъ не промахнется». Очевидно, имъ и въ голову не приходитъ, что можно наказывать человѣка не за то, что онъ сдѣлалъ, а за то, что онъ намѣревался сдѣлать.

Равнымъ образомъ, не подлежатъ никакому преслѣдованію подстрекатели на убійство, сообщники, пособники, укрыватели. О нихъ никто не справляется. Отвѣчаетъ только совершившій убійство. Это объясняется, разумѣется, тѣмъ, что, ставя правовыя границы мщенію, общество признаетъ справедливымъ отнять за жизнь только одну, а не нѣсколько жизней. Увеличивать же кругъ обвиняемыхъ лицъ далѣе границъ правомѣрнаго мщенія нѣтъ надобности, такъ какъ это не можетъ облегчить возстановленія мира. Поэтому большинство адатовъ говоритъ: «въ убійствѣ всегда обвиняется одинъ, хотя бы число убійцъ или число нанесенныхъ ранъ было и болѣе». Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ обществахъ, при убійствѣ, учиненномъ совокупнымъ нападеніемъ нѣсколькихъ лицъ, разрѣшалось привлечь къ отвѣтственности и объявить башъ-канлы *двоихъ*, но и

въ такомъ случаѣ выкупъ за кровь уплачивался обоими сообща въ ординарномъ размѣрѣ. Если принять во вниманіе, что подстрекатели и всѣ прочія прикосновенныя къ дѣлу лица принадлежатъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ къ одному роду съ убійцею, и въ качествѣ сородичей участвуютъ обыкновенно вмѣстѣ съ убійцею въ уплатѣ виры, то безотвѣтственность ихъ передъ народнымъ судомъ не покажется намъ уже столь странною.

Тѣ же послѣдствія, какъ и за убійство, въ большинствѣ мѣстностей съ мусульманскимъ населеніемъ, устанавливались обычнымъ правомъ за прелюбодѣяніе или изнасилованіе замужней женщины; причемъ виновный становился кровникомъ ея мужа. Съ тою же строгостью наказывали въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ за сорваніе цѣпи домашняго очага.

Мщеніе за раны и увѣчья, по принципу «око за око, зубъ за зубъ», къ началу русскаго владычества на Кавказѣ, было уже повсемѣстно вытѣснено соотвѣтствующимъ вознагражденіемъ потерпѣвшаго. Личныя оскорбленія, а равно и нанесеніе побоевъ не наказывались и не наказываются вовсе. Каждый молодецъ долженъ умѣть, очевидно, постоять самъ за себя, безъ содѣйствія своихъ родичей. Только нанесеніе удара женщинѣ наказывается небольшимъ вознагражденіемъ въ ея пользу.

Всѣ имущественныя преступленія: кража, грабежъ, поджогъ, за исключеніями, уже указанными выше, влекутъ за собою возмѣщеніе убытковъ потерпѣвшаго, въ ординарномъ (у большинства лезгинскихъ племенъ), въ двойномъ (наприм., у чеченцевъ) или даже въ тройномъ размѣрѣ. Такими вознагражденіями обычному праву удалось ко времени русскаго владычества вытѣснить опасное для мирнаго сожительства «барантованіе», которое продолжало быть способомъ удовлетворенія имущественныхъ претензій между родовыми общинами, не входившими въ общій союзъ.

Въ полномъ согласіи съ изложенной системой уголовно-правовыхъ понятій и въ такомъ же полномъ несходствѣ съ нашимъ уголовнымъ законодательствомъ находился и уголовный процессъ туземцевъ. Несмотря на то, что въ закавказскихъ ханствахъ и въ государствахъ Грузіи существовали постоянные суды правительственнаго характера, а прочія племена, за небольшими исключеніями, не имѣли иного суда, кромѣ посредниковъ, избиравшихся для каждаго случая сторонами изъ почетныхъ стариковъ, прославившихся знаніемъ права, процессъ этотъ повсемѣстно на Кавказѣ имѣлъ одинъ и тотъ же характеръ.

Право возбужденія уголовнаго преслѣдованія принадлежало, какъ мы уже говорили, только потерпѣвшему и въ нѣкоторыхъ случаяхъ его ближайшимъ родственникамъ. Но этого мало. Законъ не только не предписывалъ донесенія о сдѣланномъ преступленіи, но даже объявляетъ подобное вмѣшательство въ дѣло посторонняго лица поступкомъ грѣховнымъ и предосудительнымъ. «*Всякій извѣтъ, даже справедливый, есть грѣхъ*, несправедливый влечетъ за собою кровь»,—читаемъ въ законахъ царя

Вахтанга *). «Только въ случаѣ святотатства и измѣны царю слѣдуетъ огласить объ узнанномъ». То же говоритъ и соотвѣтствующая статья «Законовъ армянскихъ»: «*Никто не долженъ доносить о смертоубійствѣ или иномъ преступленіи на ближняго своего,* если убитъ не отецъ или другой родственникъ доносителя» **). Съ нескрываемымъ презрѣніемъ къ «доказчику» относятся и законы уцмія Рустемъ-Хана. Очевидно, что участіе посторонняго обличителя могло быть выгодно для раскрытія судебной истины, но, посѣвая вражду, оно было невыгодно для мирнаго сожительства людей, а это послѣднее гораздо важнѣе.

Одного голаго подозрѣнія, безъ всякихъ иныхъ поводовъ къ обвиненію, признавалось достаточнымъ для возбужденія уголовнаго иска и преданія суду заподозрѣннаго лица. Это, если хотите, совершенно понятно. Съ общественной точки зрѣнія, подозрѣніе было во всякомъ случаѣ такимъ фактомъ, съ которымъ суду надлежало считаться, дабы потерпѣвшій не искалъ иныхъ способовъ удовлетворенія своей претензіи; съ точки зрѣнія заподозрѣннаго приглашеніе разобраться судомъ, въ каковомъ по народнымъ понятіямъ не было ничего унизительнаго, представлялось лучшимъ способомъ отвратить отъ себя гораздо болѣе опасныя послѣдствія мщенія. «Дѣло мое никуда не должно направляться отъ тебя,—говоритъ осетинъ,—сердце мое неспокойно въ отношеніи тебя, подозрѣвать мнѣ больше некого, потому я требую отъ тебя *обычай страны»;* — произнесенія этой обычной формулы было совершенно достаточно, чтобы заподозрѣнный никакъ не могъ уклониться отъ суда. Только кадіи и другія должностныя лица, пользующіяся особымъ довѣріемъ общества, стояли выше подозрѣнія. Для привлеченія ихъ къ отвѣтственности требовались свидѣтельское показаніе истца или предсмертное заявленіе его убитаго родственника, вещественныя доказательства, или какія-либо косвенныя улики, или посторонніе свидѣтели, или, наконецъ, собственное сознаніе заподозрѣннаго.

Главная и притомъ повсемѣстная особенность туземнаго процесса состояла въ крайне ограниченномъ пользованіи свидѣтелями. Какихъ свидѣтелей могъ представить истецъ-обвинитель? Допустимъ, что убійство, нанесеніе ранъ, грабежъ, учинены на глазахъ нѣсколькихъ очевидцевъ. Истецъ не можетъ ими воспользоваться. Если эти очевидцы его сородичи, они не могутъ быть свидѣтелями, по солидарности ихъ интересовъ съ интересами самого истца. Если они чужеродцы, они никогда не согласятся открыто передъ судомъ обличать чужака, рискуя навлечь на себя и своихъ близкихъ вражду его рода. Само общество относилось крайне неодобрительно къ подобному свидѣтельству чужеродца. Оно называло его въ такомъ случаѣ не свидѣтелемъ (*авдисон*'омъ), а позорной кличкой доказчика (*комдзоі*'омъ), отлично понимая, что его участіе въ дѣлѣ вызвано лич-

*) По спискамъ, напечатаннымъ Бакрадзе, статья 236.

**) Ст. 115.

нымъ разсчетомъ или куплено потерпѣвшимъ. Народный судъ точно также выслушивалъ такихъ свидѣтелей съ презрительнымъ недовѣріемъ, полагая, что хорошій человѣкъ не пойдетъ въ доказчики. Во всемъ этомъ мы видимъ проявленіе того же соціальнаго инстинкта, который жертвуетъ интересами правосудія ради сохраненія мира. Поэтому обычное право нѣкоторыхъ племенъ (наприм., лезгинскихъ) даже не допускаетъ къ свидѣтельству чужеродца. Свидѣтелями истца по этимъ адатамъ могутъ быть только односельцы отвѣтчика, т.-е. такія лица, которыя обыкновенно принадлежатъ къ роду отвѣтчика или находятся съ нимъ въ тѣснѣйшемъ союзѣ. Изъ лицъ, непринадлежащихъ къ этому кругу, допускаются къ свидѣтельству только *кунакъ* отвѣтчика, живущій въ одной деревнѣ съ истцомъ. Какъ односелецъ истца онъ имѣетъ законный поводъ вмѣшаться въ дѣло, какъ кунакъ отвѣтчика, онъ ни въ какомъ случаѣ не опорочитъ напрасно своего друга; по исключительному положенію своему между обѣими сторонами, онъ какъ нельзя болѣе можетъ содѣйствовать мирному разрѣшенію возникшаго столкновенія, а потому его участіе въ дѣлѣ обычай признаетъ желательнымъ.

При такихъ ограниченіяхъ истецъ могъ воспользоваться свидѣтелями лишь изрѣдка, также какъ и вещественными доказательствами. Поэтому главнѣйшимъ, а обыкновенно даже единственнымъ, судебнымъ доказательствомъ оставалась обвинительная присяга истца, или очистительная присяга отвѣтчика. Не слѣдуетъ умалять значенія этого акта. Въ началѣ русскаго владычества на Кавказѣ присяга была повсемѣстно отличнѣйшимъ средствомъ къ раскрытію судебной истины. Таковымъ она остается и до сего времени въ мѣстностяхъ, гдѣ еще не введена наша юстиція. Кому предоставить присягу—зависитъ отъ усмотрѣнія судей. Они предоставляютъ ее обыкновенно той сторонѣ, которая по обстоятельствамъ дѣла кажется имъ болѣе правою; истцу, когда онъ былъ и потерпѣвшимъ, и очевидцемъ, напримѣръ, при ограбленіи или пораненіи; во всѣхъ остальныхъ случаяхъ—преимущественно отвѣтчику. Истецъ или отвѣтчикъ присягаютъ не иначе, какъ вмѣстѣ съ своими родственниками, числомъ отъ двухъ до сорока, смотря по важности обвиненія. Въ соприсягатели назнаются по возможности только ближайшіе родственники, такъ какъ имъ лучше извѣстно все, относящееся до жизни присягающей стороны; а дабы понудить ихъ не мирволить своему кровному и утверждать присягою только правду, отъ нихъ требуютъ такихъ клятвъ, которыя наиболѣе связываютъ ихъ совѣсть. Въ каждомъ племени и даже въ каждомъ урочище знаютъ такія страшныя клятвы, предъ которыми блѣднѣютъ и затихаютъ всѣ [illegible]гальные инстинкты [1]). Призывая на себя тайныя силы земли и неба, [illegible]въ предковъ и своихъ боговъ (пенатовъ и ларовъ), присягающіе утвер-

[1]) Въ народныхъ судахъ Дагестана и въ настоящее время часто практикуется [illegible]сяга *хатунъ-талакъ*. Присягающій клянется женою, которая, если онъ сказалъ [illegible]равду, можетъ развестись съ мужемъ, оставивъ себѣ уплаченный за нее кебинъ.

ждаютъ, что такой-то совершилъ, или, наоборотъ, не совершилъ такого-то преступнаго дѣйствія. Отказъ даже только одного изъ соприсягателей очистить присягою отвѣтчика, хотя бы подъ предлогомъ незнанія дѣла, считается безъ дальнѣйшихъ разъясненій, несомнѣннымъ доказательствомъ его виновности, и отвѣтчикъ подвергается всѣмъ послѣдствіямъ обвинительнаго приговора. Точно также отказъ хотя бы одного изъ соприсягателей принять обвинительную присягу признается несомнѣннымъ доказательствомъ неосновательности утвержденій истца, и влечетъ за собою оправдательный приговоръ. Требованіе такой солидарности для всѣхъ соприсягателей не покажется чрезмѣрнымъ, если принять во вниманіе, что къ присягѣ призываются только тѣ родственники, которые живутъ въ одной деревнѣ съ отвѣтчикомъ и имѣютъ возможность вывѣдать отъ него всю истину домашними средствами.

Въ дѣлахъ о кражахъ суду предшествуетъ обыкновенно нѣкоторый розыскъ. Его производятъ или самъ потерпѣвшій, или въ большинствѣ случаевъ какой-нибудь спеціалистъ по этой части, который, оставаясь въ тѣни, тайно выполняетъ порученія этого рода или изъ любви къ искусству, или за условленное вознагражденіе. Великіе мастера выводить слѣды угнанной лошади или коровы, они доходили до отдаленнаго аула, гдѣ эти слѣды терялись, и здѣсь отъ своего кунака или инымъ образомъ узнавали о мѣстѣ нахожденія уворованнаго. Получивъ отъ своего развѣдчика первоначальныя свѣдѣнія, въ дѣло вступалъ потерпѣвшій, который отправлялся на указанное мѣсто и производилъ тамъ внезапный обыскъ. Дагестанскіе адаты содержатъ въ себѣ подробнѣйшія правила для предупрежденія споровъ, могущихъ возникнуть при розыскѣ и опознаніи похищеннаго. Обыскъ составляетъ по этимъ адатамъ право потерпѣвшаго. Кто не допуститъ домъ свой до обыска, отвѣчаетъ наравнѣ съ виновникомъ кражи. Разыскавъ похищенное имущество, потерпѣвшій не возвращаетъ его тотчасъ же себѣ, а представляетъ вмѣстѣ съ хозяиномъ обысканнаго дома мѣстному сельскому кадію. Послѣдній, не производя никакихъ разслѣдованій, передаетъ опознанное имущество, въ качествѣ спорнаго, на храненіе или кунаку потерпѣвшаго, или иному довѣренному лицу. Послѣ того потерпѣвшій возвращается домой и представляетъ своему кадію двухъ односельцевъ, не участвовавшихъ въ обыскѣ, но знавшихъ уворованное. Кадій, разспросивъ представленныхъ лицъ, составляетъ *айнамалъ-кагазъ*, т.-е. подробную опись примѣтъ похищенной вещи, съ обозначеніемъ ея собственника и времени ея пропажи. Этотъ документъ потерпѣвшій вмѣстѣ съ тѣми же односельцами представляетъ кадію обысканнаго селенія, который, сличивъ опознанную вещь съ айнамалъ-кагазомъ, предъявляетъ ее между другими подобными же вещами явившимся односельцамъ истца. Узнанная при такихъ обстоятельствахъ вещь возвращается немедленно ея собственнику, а *айнамалъ-кагазъ*—лицу, у котораго она была отобрана. Послѣдній передаетъ айнамалъ-кагазъ тому, отъ кого онъ пріобрѣлъ отобранную вещь, и такимъ образомъ айнамалъ-кагазъ переходитъ изъ рукъ въ руки ко всѣмъ

лицамъ, владѣвшимъ уворованною вещью. Кто изъ получившихъ айнамалъ-кагазъ не можетъ указать, отъ кого онъ пріобрѣлъ вещь, тотъ подвергается взысканію, опредѣленному за воровство. Адаты предусматриваютъ различныя затрудненія и споры, которые при этомъ могутъ возникнуть, и указываютъ процессуальные способы къ ихъ разрѣшенію.

Таково въ самыхъ общихъ чертахъ обычное уголовное право туземцевъ Кавказа. Чуждое всякихъ прогрессивныхъ задачъ, оно въ то же время отлично, и притомъ съ наименьшимъ стѣсненіемъ индивидуальной свободы, служило мирному сожительству родовыхъ и семейныхъ общинъ, и вполнѣ соотвѣтствовало какъ родовому быту, такъ и религіи, морали и правосознанію туземнаго населенія. Если тѣмъ не менѣе нѣкоторыя племена страдали порою именно отъ внутреннихъ междоусобій, а нѣкоторыя отдѣльныя лица задыхались именно отъ недостатка свободы, то виновато въ этомъ не уголовное право, а слабость, плохая организація или даже отсутствіе принудительной власти, не дававшей этому праву необходимой гарантіи, и родовой бытъ, крѣпко державшій еще отдѣльную личность въ своихъ тенетахъ. Такимъ образомъ описанное уголовное право какъ нельзя лучше выполняло основную задачу всякаго права. Намъ остается взглянуть, насколько успѣшно оно служило своей спеціальной задачѣ—борьбѣ съ преступностью.

Мы уже видѣли, что не только племенные союзы, но и государства кавказскаго края въ общемъ правилѣ вовсе не задавались подобною цѣлью. Они не лишали свободы своихъ преступниковъ, и не пытались подавлять преступные инстинкты людей угрозою наказаній. Штрафы, которымъ, независимо отъ вознагражденія потерпѣвшихъ, нерѣдко подвергали виновнаго, составляли доходъ казны, судей, мѣстныхъ органовъ власти, или выборныхъ должностныхъ лицъ сельскаго управленія, до сторожей включительно, и имѣли фискальный, а не уголовный характеръ. Однако, не слѣдуетъ думать, чтобы дѣйствіе обычнаго права было условіемъ благопріятнымъ для развитія преступности. Родовой бытъ въ самомъ себѣ содержалъ спеціальный аппаратъ, который отлично выполнялъ важнѣйшія задачи современной уголовной политики. Надзоръ семейный и родовой старшины за поведеніемъ каждаго изъ своихъ членовъ, вызывавшійся отвѣтственностью рода за преступныя дѣянія сородичей, предупреждалъ и пресѣкалъ преступленія во всякомъ случаѣ лучше, чѣмъ отдаленный надзоръ полиціи. Живое чувство отвѣтственности передъ своимъ родомъ, невозможность избѣжать упрековъ, негодованія или презрѣнія своихъ сородичей подавляли преступныя побужденія людей во всякомъ случаѣ съ большею силою, чѣмъ угроза отдаленнымъ и всегда сомнительнымъ наказаніемъ. Наконецъ, отрѣшеніе отъ домашняго очага и изгнаніе изъ рода, поражавшее людей, невыносимыхъ внутри родовой общины, вмѣстѣ съ тѣмъ удаляло изъ общества наиболѣе порочныхъ и дѣйствительно опасныхъ для него членовъ. Это изгнаніе не было наказаніемъ. Какъ и вся внутренняя жизнь рода, оно не допускало посторонняго вмѣшательства и не регули-

ровалось никакимъ правомъ. «Чтобы избѣжать родовой отвѣтственности, родовая община (*тохумъ*) должна изгнать, или убить своего порочнаго члена»,—вотъ все, что говоритъ по этому поводу Рустемъ-Ханъ. Не было и установившагося распорядка, который могъ бы стѣснить въ этомъ отношеніи дѣйствія родовой старшины. Все зависѣло отъ характера личности, навлекшей на себя порицаніе общины. Можно было убить отца и не подвергнуться никакому преслѣдованію, если братья и большинство родичей находили возможнымъ простить убійцу, и, наоборотъ, самаго ничтожнаго повода бывало достаточно, чтобы подвергнуть изгнанію человѣка неуживчиваго, опаснаго для родовой общины, или вызвавшаго всеобщую ненависть. Фактъ изгнанія опредѣлялъ самъ собою и юридическое положеніе изгнанника (*абрека*). Онъ становился безроднымъ скитальцемъ; что бы съ нимъ ни случилось, заступиться за него было некому, каждый встрѣчный могъ убить его безнаказанно. Судьба подобнаго абрека бывала различна. Въ лучшемъ случаѣ, онъ устраивался кліентомъ у чужеродцевъ гдѣ-нибудь на чужбинѣ; въ худшемъ—онъ становился разбойникомъ.

Послѣдній исходъ бывалъ, къ сожалѣнію, не такъ рѣдко, чтобы его можно было отбросить при учетѣ достоинствъ и недостатковъ обычнаго права. Но легко видѣть, что и этотъ недостатокъ объясняется все тѣмъ же отсутствіемъ принудительной власти, которая могла бы оградить общество отъ преступника, изгнаннаго изъ родовой общины. Вмѣстѣ съ русскимъ владычествомъ Кавказъ пріобрѣталъ могущественную и организованную принудительную власть, которая, вводя одно за другимъ племена и народы Кавказа въ общій государственный союзъ, могла бы, казалось, использовать всѣ выгоды обычнаго права, устранивъ вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ его недостатки.

Посмотримъ теперь, что же мы сдѣлали.

В. Иваненко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Францискъ-Августъ де-Ту.

Біографическій очеркъ.

Посвящается Виктору Александровичу Гольцеву.

Московская публика впервые познакомилась съ исторической личностью Франциска-Августа де-Ту на сценѣ. Въ своей трагедіи «Сен-Марсъ», которая шла съ января нынѣшняго года въ Императорскомъ Маломъ театрѣ, гр. П. И. Капнистъ вложилъ въ уста де-Ту тѣ возвышенныя мысли, тѣ надежды идеальнаго соціальнаго строя, которыя были любимой мечтой и какъ бы соціальной исповѣдью самого автора. Въ нѣкоторыхъ своихъ лирическихъ стихотвореніяхъ онъ высказываетъ одинаковыя мысли, какъ, напримѣръ, въ стихотвореніи, начинающемся словами: «передо мною годъ отъ года просторный жизни небосклонъ и не стѣснилъ ревниво онъ страной мнѣ чуждаго народа...» Въ его замѣткахъ къ трагедіи мы читаемъ слѣдующее: «все это (т.-е. историческое изслѣдованіе эпохи) должно быть ясной и прочной подкладкой трагедіи и должно главнымъ образомъ быть выражено: королемъ—абсолютизмъ, Ришелье—бюрократія, Сен-Марсомъ—дворянство, Гастономъ Орлеанскимъ и его сторонниками—заискиваніе толпы, и *де-Ту—отвлеченіе, философія, теорія порядка вещей*» *).

По всему вышесказанному можно предполагать, что авторъ только воспользовался извѣстною историческою личностью, чтобы передать ей свои взгляды. Это тѣмъ болѣе можетъ казаться вѣроятнымъ, что въ грубой, невыяснившей себѣ своихъ стремленій, средѣ XVII в. во Франціи, де-Ту, каковъ онъ въ трагедіи графа Капниста, кажется такимъ же поэтическимъ, благороднымъ, но не историческимъ лицомъ, каковъ въ Донъ-Карлосѣ Шиллера маркизъ Поза. Такіе мыслители ближе стоятъ къ началу XIX столѣтія. Мы привыкли думать, что ихъ зародилъ великій подъемъ духа первыхъ дней революціи. Послѣ нея они какъ будто на мѣстѣ, но за сто тридцать лѣтъ до великаго переворота, созданнаго ею, эти явленія нравственной утонченности, филантропіи, вполнѣ современной намъ чуткости, доходящей даже до нервности, кажутся почти необъяснимыми. Вотъ какъ

*) Сочиненія гр. П. И. Капниста. Т. II. Примѣчаніе къ трагедіи „Сен-Марсъ".

въ нѣсколькихъ словахъ Капнистъ резюмируетъ въ своихъ замѣткахъ нравы описываемой имъ эпохи:

«На границѣ стараго и новаго общества, гдѣ входящій любезный гость передко встрѣчается съ необтесаннымъ и рѣзкимъ выходящимъ гостемъ, грубость еще лежитъ въ основаніи нравовъ, тогда какъ изящныя манеры уже служатъ внѣшнимъ украшеніемъ общества. Этимъ свѣтскій человѣкъ временъ Людовика XIII отличается отъ свѣтскаго человѣка временъ Людовика XIV. Послѣдній глубоко учтивъ, добръ, гуманенъ и любитель удовольствій, а первый имѣетъ только внѣшность этихъ качествъ. Но эта внѣшность еще преувеличена и претенціозна; это только наружность любезности, которая 30 лѣтъ спустя уже стала предметомъ насмѣшекъ. Интересоваться новостями двора и войны, опредѣлять съ успѣхомъ, что есть любовь или дружба; ставить «галантный» вопросъ для увеселенія общества; умѣть цитировать разную сладенькую прозу и стихи; пустить въ ходъ мадригалъ на наслажденіе или стансы на невѣрность,—вотъ въ чемъ заключалась задача блистательнаго воспитанія. Особый характеръ нравовъ встрѣчается также и въ слогѣ, и въ разговорѣ; напыщенность и легковѣрность, крайняя деликатность около крайней грубости; строгая церемонность во внѣшнихъ формулахъ съ чрезмѣрной свободой пера». Прибавимъ ко всему этому, что большинство не умѣло читать и писать; «извѣстный Конетабль де-Монморанси, герцогъ де-Роганъ, Виллеруа, принцесса Елизавета, жена испанскаго короля и сестра Людовика XIII, наконецъ, и самъ король Франціи писали съ грубыми ошибками. Хотя Ришелье основалъ французскую академію, но дворяне и знатные долго считали униженіемъ принимать въ ней участіе, маршалъ де-Шатильонъ «имѣлъ честь» быть названъ—*грубымъ!*»

Но около этой дикой по своимъ извращеннымъ понятіямъ среды иногда пробивались люди, въ которыхъ еще жила просвѣщенная традиція средневѣковыхъ *клэрковъ* (знатоковъ письменнаго дѣла), которые хотя и исказили до нѣкоторой степени, но все же спасли отрывки древней утонченной литературы и науки. Нѣкоторыя семьи изъ рода въ родъ посвящали себя во Франціи служенію гражданскимъ убѣжденіямъ, противустояли все болѣе и болѣе замыкавшемуся абсолютизму и служили по мѣрѣ силъ высшимъ культурнымъ идеаламъ. Эта небольшая группа людей, пренебрегавшая роскошью одежды, выдѣлявшаяся строгимъ характеромъ жизни, сужденій и внѣшности, принадлежала къ дѣятелямъ парижскаго парламента, т.-е. судебному вѣдомству.

Дѣдъ и отецъ Франциска де-Ту, первый—«président à mortier», что равняется нашимъ предсѣдателямъ суда, второй—извѣстный историкъ, оставившій любопытныя записки о Стенькѣ Разинѣ, оба принадлежали этой средѣ, которую можно удачно сравнить съ интеллигентной буржуазіей нашихъ дней въ Италіи, несравненно выше стоящей умственно и нравственно, чѣмъ современная итальянская знать.

Вотъ въ какой семьѣ выросъ Франциск де-Ту, какъ рѣдкое тепличное

растеніе; мать его, красавица Гаспарда де-ла-Шатръ, принадлежала высшему дворянству и была въ близкомъ родствѣ съ герцогами Бульонскимъ и д'Эпернонъ. Такимъ образомъ, де-Ту приближался къ двумъ различнымъ сферамъ общества, и у каждой заимствовалъ лучшія качества, воплотивъ въ себѣ интеллектуальность, идеализмъ и благородство мысли, выросшіе на почвѣ добросовѣстности и гражданскаго мужества членовъ парижскаго парламента, и традиціи благородства стариннаго французскаго дворянства. Въ музеѣ Лувра можно до сихъ поръ видѣть надгробный памятникъ Гаспарды, матери де-Ту. Это вмѣстѣ съ тѣмъ и ея изображеніе. Она стоитъ на колѣнахъ, поникнувъ головой, какъ будто въ груди ея зарождается что-то великое, чуждое грубыхъ впечатлѣній окружающаго ее міра. Она на рѣдкость хороша собой, строгія правильныя черты лица, высокій гибкій станъ, высокій цѣломудренный лобъ, какая-то печать грусти на всей ея внѣшности. Эта задумчивая мать похожа на судьбу своего сына. Чѣмъ болѣе смотришь на нее, тѣмъ яснѣе возникаетъ образъ Франциска-Августа де-Ту, лицо, извѣстное по фотографіямъ и современнымъ гравюрамъ. Хотя Франциск не унаслѣдовалъ стройной гармонической красоты, но въ выраженіи глазъ, въ высокой душѣ, какъ бы свѣтящейся въ его глазахъ, сейчасъ узнаешь сына Гаспарды. Онъ рано лишился родителей. Ему было всего девять лѣтъ, когда умеръ его отецъ Николай де-Ту, завѣдывавшій между прочимъ королевской библіотекой. Въ видѣ наслѣдства, юноша получилъ и это званіе, но будучи слишкомъ молодымъ, чтобы отправлять должность библіотекаря, онъ выпросилъ себѣ въ помощники Пьера Дюпюи, своего двоюроднаго брата и опекуна. Воспитаніемъ де-Ту занимался ученый Николай Риго, а съ Дюпюи, гораздо старшимъ его, онъ все болѣе и болѣе сходился душой, такъ что духовная связь, установившаяся между ними почти съ дѣтства Франциска-Августа, пережила могилу. Послѣ его страшной, мученической смерти на плахѣ, мы видимъ, какъ энергично добивался Дюпюи возстановить его честную память. Но тогда еще ничего не предвѣщало такой трагической развязки. Юность де-Ту протекла въ серьезныхъ добросовѣстныхъ занятіяхъ. Девятнадцати лѣтъ онъ уже былъ выдающимся по знаніямъ человѣкомъ. Его братья и сестры ничуть не походили на него и задавали ему не мало хлопотъ, такъ какъ онъ считался опорой семьи и замѣщалъ отца. Не мало дѣла приносило ему устройство помѣстій, процессы изъ-за разныхъ владѣній, раздѣлъ между членами семьи. Состояніе было несомнѣнно большое, но запутанное. Какъ только дѣла пришли въ порядокъ, де-Ту, жаждавшій познаній, рѣшилъ ѣхать на Востокъ, что было вовсе не легко въ XVII столѣтіи. Италія, Греція и особенно Константинополь и Іерусалимъ манили его очарованіемъ своей древней цивилизаціи и святынями, дорогими его мечтательной и мистической душѣ. Но и юность сказывалась не дчасъ. Простившись съ семьей, съ друзьями, съ начальствомъ, онъ прежде всего мытарствуетъ во время переѣздовъ границъ французскихъ провинцій. Здѣсь таможня задерживаетъ его сундуки, тамъ на заставѣ останавливаютъ людей, сопровождающихъ его, заподозривъ ихъ въ неблагонадежности.

Заботы перемѣшаны съ весельемъ, съ пріемами мѣстныхъ властей, любезно развлекавшихъ рѣдкаго гостя, и все это оживленно разсказывается въ письмахъ къ Дюпюи, которыя, къ счастью, уцѣлѣли и напечатаны въ рѣдкомъ изданіи *).

Наконецъ, проѣхавъ по сѣверной Италіи, нашъ путешественникъ и его товарищи прибываютъ въ Венецію. Веселая *царица Адріатическаго моря* чаруетъ ихъ своими дворцами, богатствами, разгуломъ и прелестью. Жизнь похожа на вѣчный праздникъ. Оживленіе большого торговаго порта, когда единственно мореплаваніе объединяло страны болѣе или менѣе установленными сношеніями, сказывалось гораздо замѣтнѣе по отношенію къ внутреннимъ владѣніямъ и городамъ, чѣмъ теперь. Здѣсь все находилось—восточныя ткани, издѣлія, плоды, и люди изъ дальнихъ странъ, и разнообразіе въ роскоши, занятіяхъ, увеселеніяхъ.

Молодой человѣкъ описываетъ заведенія, гдѣ съ утра до ночи играютъ въ азартныя игры, и похожденія своихъ товарищей, проводящихъ вечера и ночи съ золотокудрыми красавицами куртизанками, достойными кисти Пальмы Векко; онъ самъ признается не въ одномъ искушеніи, не въ одной веселой интригѣ. Но странно, несмотря на большую развязность пера въ описаніи любовныхъ похожденій, вездѣ просвѣчиваетъ какъ по отношенію къ друзьямъ, такъ и къ себѣ самому, какое-то почти ожесточенное презрѣніе къ слабости характера и къ распутству нравовъ. Все это легкомысліе какъ бы сердитъ его, раздражаетъ, и вполнѣ радостная нотка является только, когда нашъ молодой ученый отыскиваетъ и пріобрѣтаетъ за высокую цѣну какой-нибудь рѣдкій фоліантъ, или давно желаемую, запрещенную въ Парижѣ книгу. Въ Венеціи приходится долго ожидать попутнаго вѣтра и хорошаго (по тогдашнимъ понятіямъ) судна. Де-Ту отправляется въ Падую, описываетъ извѣстный университетъ, красивые берега Бренты.

Наконецъ, путешествіе продолжается не моремъ, а въ Римъ. Маршрутъ почему-то измѣнился. Въ тѣ времена не воля, а судьба намѣчала планъ путешествій; все было затруднительно, неблагоустроено. Въ Римѣ знакомство съ посломъ, лицомъ представлявшимъ тогда не теперешній анахронизмъ,—предметъ ненужной траты для правительства, — а исполнявшимъ высокую отвѣтственную должность, охранявшимъ своихъ соотечественниковъ отъ произвола чужеземцевъ, вѣрнымъ посредникомъ государствъ, не имѣвшихъ еще въ своемъ распоряженіи телеграфа и телефона,—описано весьма тщательно и колоритно. Посланникъ снабжаетъ путешественника и средствами, если они у него неожиданно изсякли, и полезными знакомствами, и квартирой, даже иногда столомъ. Благодаря ему, де-Ту проникаетъ всюду, видитъ всѣ достопримѣчательности. И здѣсь, первымъ дѣломъ, онъ осматриваетъ лучшія библіотеки, знакомится съ кардиналами

*) Это изданіе: „Biographie Universelle“ можно достать какъ библіографическую рѣдкость только въ Парижѣ — Bibliothèque Cardinal, Place St. Sulpice. См. „Collection du Puy“ въ Національной библіотекѣ въ Парижѣ.

Барберини, который позволяетъ ему работать въ обширныхъ залахъ своего пышнаго «палаццо», гдѣ чередуются воспоминанія о славѣ римскихъ патриціевъ и объ ихъ преступленіяхъ. Не долго до того времени здѣсь разыгрывалась вся семейная драма Ченчи.

Де-Ту проводитъ въ Римѣ нѣсколько мѣсяцевъ и, наконецъ, дождавшись хорошаго судна, ввѣряетъ себя волнамъ Адріатики. Вотъ проѣзжаетъ онъ Корфу, а вотъ ужъ передъ нимъ цвѣтущая Занте, перлъ Іоническихъ острововъ; но страшная буря уноситъ корабль къ Кефаліоніи, гдѣ путешественники стоятъ нѣсколько дней, укрываясь отъ разъяренныхъ стихій и отъ мавританскихъ пиратовъ, преслѣдовавшихъ ихъ, чтобы забрать добро и продать людей въ рабство на африканскій берегъ. Имъ удается еще спасти большую французскую шкуну, почти что погибшую отъ нападенія англійскихъ кораблей. Въ концѣ концовъ непогода смѣняется прекрасной солнечной тишиной. Море горитъ лазурью и лучами, и какъ надежда, послѣ чёрныхъ дней, какъ сонъ, въ которомъ снится о чемъ-то дальнемъ, но, наконецъ, достигнутомъ и лучезарномъ, передъ измученнымъ де-Ту встаетъ Занте, милый, счастливый островъ, утопающій въ зелени, съ глубокимъ заливомъ, похожимъ на сапфировую чашу. Какъ золотая кайма, остроконечныя вулканическія горы причудливо поднялись изъ водъ, а тамъ далѣе — другая цѣпь, застывшая волна холмовъ, легкая, сливающаяся съ воздухомъ. Великанъ-гора Скопосъ, растянувшійся передъ заливомъ, похожъ на сторожа—титана. Усталые путники находятъ здѣсь пристанище и самое радушное гостепріимство, которымъ отличаются до сихъ поръ добродушные Іоняне — Зантіоты. Черезъ недѣлю поднятъ якорь, и въ этотъ разъ де-Ту направляется къ острову Криту и къ Іерусалиму. Но здѣсь опять бурное море съ молочно-бѣлыми оттѣнками дикихъ разъярившихся волнъ грозитъ смертью отважнымъ плавателямъ. Судно ихъ разбивается о прибрежныя скалы; они на волоскѣ отъ гибели.

Для де-Ту было бы легче сдѣлаться тогда жертвой непреклонныхъ стихій, нежели впослѣдствіи жертвой человѣческаго деспотизма! Широкое лоно моря, открывъ свою глубокую, вѣчно тихую бездну, пріяло бы свою добычу мощно и нѣжно. Но не такова была его судьба. Ему была уготована уродливая человѣческая выдумка — плаха, залитая кровью друга, — кровью, съ которой онъ долженъ смѣшать свою собственную послѣ нанесенныхъ ему *двѣнадцати* ударовъ топора... Да, *царь природы* превзошелъ и стихійное, и животное царство своей кровожадностью и жестокостью! Но надо было, чтобы высказалась въ этомъ мірѣ высокая душа Франциска-Августа; выходя изъ темныхъ воротъ здѣшняго бытія, ей надо было сознать, что въ жизни она болѣе всего цѣнила: словами, вложенными поэтомъ въ уста де-Ту, онъ могъ отвѣтить темнымъ силамъ, пресѣкшимъ нить его человѣческой судьбы, что *польза общая дороже жизни*, и съ этой мыслью успокоиться на плахѣ, какъ успокоился бы онъ въ безднѣ незлобнаго могучаго моря...

Путешественники были спасены, ходя судно ихъ разбилось. Они пересаживаются на большую парусную лодку, которую часто заливаетъ морская рѣзвая волна. Они проходятъ мимо острововъ, межъ которыми ихъ поражаетъ своей красотой цвѣтущій Хіосъ, не вѣдавшій еще о возстаніяхъ, о свирѣпости янычаръ. Тутъ бархатными отливами переливаютъ лѣса греческихъ пинъ, гдѣ собирается «мастика»—сокъ ели—и ее превращаютъ въ ароматныя конфеты. Далѣе нашъ путешественникъ описываетъ дикій Лемносъ съ голыми скалами; въ дали виднѣется Аѳонъ, тѣнь котораго на морѣ простирается, по преданію, до сосѣдняго острова Ѳазоса. Наконецъ, парусная лодка входитъ въ Дарданеллы; но здѣсь она почти что погибаетъ отъ сильнаго противнаго теченія и непогоды. Ее живо, съ обыденными криками, бранью и ловкостью мѣстные рулевые берутъ на буксиръ; мокрые, озябшіе, де-Ту и его товарищи входятъ въ Золотой рогъ и забываютъ всѣ невзгоды непригляднаго путешествія при видѣ сказочныхъ минаретовъ, мраморныхъ дворцовъ, мечетей и шныряющихъ по заливу легкихъ остроконечныхъ каиковъ съ черными людьми у веселъ,—всего того, что въ XVII столѣтіи считали диковинами, описанными только пѣвцами и историками крестоносцевъ, гдѣ-то на краю свѣта... Здѣсь, какъ и въ Римѣ, на помощь путникамъ является посольство. Какъ и теперь еще, турки были тогда страшными формалистами насчетъ бумагъ и паспортовъ, и такими же любителями «бакшиша». Да, видно, мало что измѣнилось съ тѣхъ поръ: ужъ и тогда толковали о распаденіи Отоманской имперіи; то тотъ, то другой сосѣдъ грозилъ ей; вѣчный трепетъ и вѣчный деспотизмъ! Иго и страхъ! Величіе и безпорядокъ! Самъ городъ—живое противорѣчіе. Около дворца,—разваливающійся деревянный домишко; роскошные сады и смрадныя улицы; стаи голодныхъ собакъ, отталкивающихъ взоры, и дивный видъ на море. Де-Ту поселился у богатаго француза; но вскорѣ онъ былъ встревоженъ пожаромъ, истребившимъ въ одну ночь нѣсколько тысячъ домовъ. Къ счастію, его мѣстожительство не было тронуто. Но онъ едва успѣлъ отдохнуть, увидѣть нѣкоторыя достопримѣчательности города и блестящее шествіе султана въ мечеть, — зрѣлище, которое и въ наше время продолжаетъ привлекать любопытство иностранцевъ, — какъ вдругъ разразилась чума въ грязныхъ кварталахъ Константинополя и стала косить человѣческія жизни. Кромѣ того, ходили слухи, что отряды запорожцевъ и татарскій ханъ *Малой Тартаріи*,—такъ именуетъ де-Ту югъ Россіи и Крымъ,—готовятся идти войной на падишаха и заключаютъ по этому случаю союзъ съ персами. Ужъ здѣсь было не до путешествій; де-Ту проживаетъ нѣсколько недѣль въ предмѣстьяхъ Константинополя на берегу пролива, осматриваетъ Принцевы острова и, горько жалѣя о невозможности ѣхать въ Іерусалимъ, послѣ восьмимѣсячнаго пребыванія въ Константинополѣ, возвращается по морямъ и по доламъ въ вѣчный Римъ.

Тутъ опасная болѣзнь—черная оспа, которою большинство людей тогда заболѣвало, какъ современники почти всѣ болѣютъ корью, едва не свела де-Ту въ могилу. По собственному его разсказу, она такъ исказила ме

красивое лицо, что онъ предупреждаетъ въ письмахъ родныхъ и друзей: «Вы не узнаете меня, я сдѣлался неприглядным старикомъ». Вотъ откуда анекдотичный хроникеръ XVII вѣка, Таллеманъ, беретъ: что де-Ту былъ некрасивъ — «un vilain rousseau» (не хорошій собой и рыжій). Но это не совсѣмъ точно. Длинныя темно-каштановыя кудри де-Ту и темные глаза, прямой носъ, красивый характерный ротъ дѣлали лицо его пріятнымъ даже послѣ болѣзни.

Съ массой интересныхъ рукописей и книгъ, нашъ юный ученый достигаетъ, наконецъ, Парижа. По его письмамъ къ Перескy видно, что все его интересовало во время дальняго странствованія; и ботаника, и нравы, и дикіе люди, и животныя, которыхъ онъ не видывалъ на родинѣ; онъ все изучаетъ съ тщательностью просвѣщеннаго современнаго человѣка. Болѣе же всего приковало его вниманіе изученіе соціальнаго быта различныхъ народностей. Традиція историка-отца сказывалась въ этомъ страстномъ вниманіи сына къ государственному строю различныхъ націй. Но онъ почти вездѣ нашелъ одинъ торжествующій деспотизмъ надъ угнетеннымъ стадомъ рабовъ. А душа его, насыщенная великимъ зрѣлищемъ природы и свободной стихіи, могла спросить себя: «отчего свобода мысли, свобода ума не существуетъ въ великой семьѣ людей? Развѣ тотъ человѣкъ, который хотя разъ слился всей душой съ вѣчной красотой моря, неба и земли можетъ согнуться передъ произволомъ? Дороже ли ему существованіе, чѣмъ его убѣжденія, и всѣ почести земныя, чѣмъ свободная высокая мечта?»

Но съ такими воззрѣніями нельзя было служить въ парламентѣ, когда всесильный министръ Людовика XIII, Ришелье, подыскивалъ не судей, а палачей. Если Ришелье всѣмъ извѣстенъ какъ врагъ дворянства, мало кто знаетъ о его звѣрскомъ отношеніи къ народу. Не говоря о страшныхъ налогахъ и разореніи, причиненномъ войнами, слѣдуетъ обратить вниманіе на жестокія усмиренія бѣдняковъ, доведенныхъ до голодной смерти*).

Всѣ великіе перевороты въ политикѣ и въ соціальной жизни не мало уносятъ неизвѣстныхъ жертвъ. Даже до сихъ поръ, послѣ сраженія, сейчасъ мы слышимъ имена павшихъ въ бою офицеровъ, а не скоро узнаемъ объ убитомъ рядовомъ, его нищей женѣ или дѣтяхъ? Великая революція болѣе свалила головъ изъ простонародія, нежели принадлежащихъ дворянству. Такъ было и съ Ришелье. Казни Монморанси, де-Шалэ, другихъ лицъ съ громкими именами вселяли трепетъ и заставляли забывать о кровавой расправѣ съ такъ называемой «арміей страданія» (armée de la souffrance), т.-е. цѣлой массой темнаго люда, преданной смерти безъ суда, въ провинціи, въ глуши. Что же могъ думать о всемъ происходящемъ во Франціи де-Ту, бывшій уже девятнадцати лѣтъ отъ роду совѣтникомъ въ парижскомъ парламентѣ? Послѣ возвращенія на родину онъ получилъ должность докладчика въ парламентѣ (maître des requêtes). Ришелье, замѣтивъ ошибъ

*) *Бассери:* „Заговоръ Сенъ-Марса, стр. 67 и Таллеманъ".

его ума своимъ проницательнымъ ястребинымъ взоромъ, въ знакъ особеннаго довѣрія, «*отослалъ* де-Ту на театръ войны въ Италію въ должности интенданта». «Франциск-Августъ вернулся въ 1638 г. съ изувѣченной пулею рукой. Ришелье не давалъ ему хода ни въ той, ни въ другой дѣятельности. Онъ его подозрѣвалъ и боялся его родства съ герцогами Бульонскимъ и д'Эпернонъ» *).

«Де-Ту былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ королевой Анной. Разъ, удаленная отъ двора волею кардинала, герцогиня де-Шеврезъ просила королеву выкупить заложенные ею бриллианты. Королева, которой Людовикъ XIII давалъ мало денегъ, не могла исполнить желанія своей подруги. Она созналась де-Ту въ своемъ безденежьѣ, и послѣдній все устроилъ, будучи счастливъ помочь ей своими средствами. Королева не забыла заслуги де-Ту и стала часто его приглашать. Но Ришелье, узнавъ о сношеніяхъ де-Ту съ герцогиней де-Шеврезъ и о его одолженіи королевѣ, вызвалъ молодого совѣтника, выбранилъ его, запретилъ ему часто бывать у Анны австрійской и испортилъ его карьеру, противясь его назначенію въ государственные совѣтники» **).

Вѣроятно де-Ту часто встрѣчалъ Сенъ-Марса, оберъ-шталмейстера короля и его любимца, при дворѣ у королевы. Еще дѣтьми они были очень дружны и играли вмѣстѣ въ замкѣ Шильи, принадлежащемъ Сенъ-Марсу. Де-Ту былъ старше. Онъ глубоко полюбилъ Генриха д'Эффіа, провидя въ немъ ту искренность, то гуманное отношеніе къ людямъ, которое заставляло его,—уже возведеннаго въ сановники пристрастіемъ къ нему Людовика XIII,—заступаться за опальныхъ и щедро раздавать свое состояніе бѣдному люду. «Изъ всѣхъ любимцевъ французскихъ королей,—говоритъ отецъ Гриффэ,—Сенъ-Марсъ единственный, котораго страстно любилъ народъ». Когда созрѣлъ извѣстный заговоръ противъ ненавистнаго кардинала, когда самъ Людовикъ XIII какъ будто натолкнулъ на него Сенъ-Марса своими жалобами на Ришелье и своимъ уполномочіемъ тайно отъ кардинала переписываться съ испанскимъ правительствомъ, когда герцогъ орлеанскій, братъ короля, съ герцогомъ бульонскимъ, родственникомъ де-Ту, стали во главѣ движенія,—хотя де-Ту всегда высказывался противъ трактата съ Испаніей,—онъ не могъ не питать симпатій къ тому рѣшенію, которое освободило бы Францію отъ деспота и палача не только дворянства, но и народа. Въ глазахъ современниковъ, блестящія способности, политическій геній министра Ришелье затмилъ жестокость, надменность и мстительность *человѣка*. «Де-Ту думалъ, что ослабить вліяніе кардинала въ глазахъ короля и удалить его отъ Людовика XIII было бы самымъ славнымъ дѣломъ на свѣтѣ и самымъ праведнымъ передъ Богомъ» (Le Vassor).

Ходъ заговора извѣстенъ, мы не станемъ здѣсь подробно останав-

*) Сочиненія гр. П. И. Каннпста, т. II, стр. LXXII примѣч.

**) Сочиненія гр. П. И. Каннпста, т. II.

ваться на немъ. Но замѣтимъ, что важнѣйшіе документы, которые были у де-Ту и Сенъ-Марса, взяты у нихъ при арестованіи графомъ де-Шаро, доставлены Ришелье и всѣ имъ сожжены. Внѣшнюю форму процесса можно узнать изъ замѣчательнаго сочиненія Бассери «La Conjuration de Cinq-Mars» или изъ примѣчаній къ трагедіи «Сенъ-Марсъ»,—входящихъ въ «Сочиненія» гр. П. И. Капниста. Кажется, въ томъ и другомъ изданіи исчерпано все, что можно найти въ письмахъ, мемуарахъ и исторіи Франціи времени де-Ту. Но чувствуется во всемъ процессѣ, что настоящая нить дѣла ускользнула. Вѣроятно, хитрый кардиналъ, уничтоживъ всѣ нравственныя доказательства своего коварства и невинности двухъ благородныхъ молодыхъ людей, ввелъ насъ навѣки вѣчные въ лабиринтъ сомнѣній, изъ которыхъ только одно для насъ достовѣрно: «стонъ замученныхъ на эшафотѣ жертвъ».

Стоитъ привести цѣликомъ еще одинъ эпизодъ. Когда разразилась страшная катастрофа, когда неизвѣстно какимъ образомъ трактатъ съ Испаніей попалъ въ руки кардинала, когда Людовикъ послѣ слабаго противодѣйствія, внимая ядовитымъ рѣчамъ Сегье, Шавиньи и Монмора разрѣшилъ остановить Сенъ-Марса 14 іюня 1642 г. въ городѣ Нарбоннѣ,—де-Ту былъ тоже схваченъ и заточенъ въ городѣ Тарасконѣ. Его тюремщикъ, жестокій Кромби, заставлялъ его терпѣть всевозможныя лишенія. Шуринъ де-Ту, тулонскій архіерей, пріѣхалъ просить о его помилованіи, но это не облегчило его участи. Кардиналъ же, узнавъ, что самъ король разрѣшилъ было Сенъ-Марсу и де-Ту вести тайные переговоры съ Испаніей, велѣлъ привести къ себѣ де-Ту изъ тюрьмы и уговаривалъ его открыть ему, какой былъ замыселъ у короля и гдѣ находились подписанныя королемъ полномочія и бланки, выданные имъ Сенъ-Марсу и де-Ту въ виду переписки ихъ съ Испаніей? Этотъ разговоръ дошелъ до насъ изъ дневника Ришелье *).

Но де-Ту, хотя онъ зналъ, что жизнь его зависитъ отъ того, что онъ откроетъ кардиналу, не проронилъ лишняго слова и не объяснилъ ничего. Онъ такъ умно, такъ мѣтко отвѣчалъ на всѣ вопросы кардинала, а впослѣдствіи и на судѣ,—что самъ Ришелье, безпрестанно повторявшій Сегье: «Надо, чтобы умеръ и де-Ту!»—не знаетъ какимъ образомъ, въ силу чего, приговорить его къ смерти. Къ несчастію, допрашивая поодиночкѣ его и Сенъ-Марса, судья Лобардемонъ, увѣривъ *обманомъ* Сенъ-Марса, что де-Ту признался, что ему былъ извѣстенъ трактатъ и замѣтя удивленное выраженіе на лицѣ измученнаго юноши, догадался, что де-Ту дѣйствительно зналъ о трактатѣ и противился его заключенію. Вѣдь и Сенъ-Маръ не подписывалъ трактата. Одно имя Гастона орлеанскаго, предавшаго всѣхъ, значилось въ концѣ документа. И вотъ, оба друга, послѣ шестимѣсячнаго тяжелаго заключенія встрѣчаются въ залѣ суда, въ Ліонѣ. Имъ читаютъ приговоръ. Де-Ту знаетъ, что его присудили къ смерти по за-

*) См. сочиненія гр. П. И. Капниста.

кону, ужъ болѣе не имѣющему силы во Франціи,—но онъ покоряется судьбѣ. Онъ принимаетъ этотъ несправедливый приговоръ какъ возмездіе за ошибку своего дѣда, мучившую его невинную совѣсть.

Дѣдъ де-Ту, президентъ парламента Христоферъ де-Ту, опираясь на законъ Людовика XI: *кто не доноситъ, тотъ считается государственнымъ измѣнникомъ и долженъ быть казненъ*, приговорилъ къ смерти де-Ла-Моля и Кокона «за то, что они, зная намѣреніе герцога анжуйскаго и короля наварскаго, не донесли». Возвратясь домой послѣ засѣданія, онъ сказалъ своей женѣ: «Я подалъ мнѣніе противъ этихъ двухъ преступниковъ и теперь меня мучитъ совѣсть! Молю, чтобы наказаніе Божіе постигло меня, а не дѣтей моихъ».

Францискъ Августъ де-Ту былъ словно предназначенъ, чтобы искупить грѣхъ своего дѣда. По крайней мѣрѣ, онъ высказалъ самъ, что вѣрилъ въ это предопредѣленіе.

Когда судьи приговорили его къ смерти, онъ всталъ и отвѣтилъ имъ:

«Господа, я могъ бы отрицать, что я зналъ о заговорѣ, а вамъ было бы невозможно доказать противное, даже опираясь на признаніе, вызванное вами у маркиза де-Сенъ-Марса. По закону, показаніе подсудимаго не имѣетъ силы и нельзя приговорить къ смерти человѣка, не имѣя, по меньшей мѣрѣ, двухъ вѣскихъ свидѣтелей противъ него. Уликъ противъ меня вы не найдете, такъ какъ я никогда не писалъ и не говорилъ о заговорѣ никому: поэтому моя жизнь и моя смерть, мой приговоръ и мое оправданіе могутъ только выйти изъ моихъ собственныхъ устъ.

«Несмотря на это, господа, я вамъ скажу, что я зналъ о заговорѣ. Я въ этомъ признаюсь по двумъ причинамъ: въ эти три мѣсяца заточенія я взвѣсилъ жизнь и смерть и пришелъ къ заключенію, что какой бы счастливой жизнью я теперь ни пользовался, она всетаки показалась бы мнѣ скучной и грустной. Смерть мнѣ принесетъ лучшее благо. *Я на эту смерть смотрю, какъ на самое вѣрное доказательство моего предопредѣленія.*

«Хотя мое преступленіе карается смертью—оно не велико и не коварно, и вотъ я признаюсь, что я зналъ о заговорѣ и старался отвлечь отъ него маркиза де-Сенъ-Марса, но онъ вѣрилъ, что я его единственный и вѣрный другъ, и я не хотѣлъ измѣнить ему, и поэтому я достоинъ смерти и самъ себя на нее присуждаю по статьѣ закона *Quisquis!*» (это и былъ тотъ старый, неисполняемый со времени Генриха IV, законъ, на основаніи котораго Христоферъ де-Ту приговорилъ Коконаса и де-Ла-Моля).

Кажется, что послѣ этого факта нельзя идти далѣе. Что̀ смерть, мученія, удары топора при такомъ подъемѣ духа? Человѣкъ переживаетъ себя, если ему суждено жить, постигши истину съ такой чуткостью, съ такимъ критическимъ отвлеченнымъ сужденіемъ о ней. Все личное «я» человѣка умираетъ для земли, когда передъ нимъ открывается такъ широко, такъ близко логика правды неземной.

Но если испепелится тѣло, божественные радостные лучи вѣчно и

ютъ надъ незабвеннымъ въ исторіи человѣкомъ. Все высокое, что повтомъ вложено въ уста де-Ту, во время послѣдняго разговора его съ Ришелье, оправдано дѣйствительной жизнью, рѣчами, мыслями Франциска Августа.

„Я этотъ путь сознательно избралъ
И не страшна мнѣ за могилой вѣчность:
Ее мнѣ свѣточъ вѣры озаряетъ
Великимъ свѣтомъ и въ ея лучахъ
Виднѣется мнѣ ясно то, что ждетъ
Здѣсь, на землѣ, въ грядущемъ человѣка...
Путемъ борьбы, страданій, жертвъ кровавыхъ
Достигнетъ онъ святого назначенья,
Которое ему самимъ Творцомъ
Указано... Я вижу, вижу ясно
Тотъ вѣкъ, когда соединятся люди
Въ единую великую семью,
Въ семью любви и разума... И будетъ
Едино стадо и единый пастырь!...
Тогда-то люди всѣ, какъ братья, въ мирѣ,
Въ согласіи пойдутъ къ высокой цѣли,
Къ возможному довольству на землѣ,
Къ возможному на свѣтѣ совершенству,
Чтобъ человѣкъ какъ человѣкъ былъ счастливъ,
А не какъ рабъ иль деспотъ".

Да, XVII столѣтіе среди грубости желѣзныхъ правовъ все же сумѣло возрастить рѣдко-нѣжный цвѣтокъ. Но ближе присмотрѣвшись ко всѣмъ эпохамъ, всегда, вездѣ, какъ небесное отраженіе звѣздочки въ темномъ руслѣ рѣки временъ, найдешь хоть одинъ возвышенный образъ,—образъ *настоящаго человѣка*. Такіе люди какъ будто напоминаютъ темнымъ вѣкамъ о высокомъ назначеніи человѣчества, они призываютъ его къ сознанію вѣчныхъ истинъ, и эти истины обобщаютъ людей, заставляютъ говорить совѣсть, вкореняются въ душу и умъ современниковъ силой перенесенныхъ страданій. Эти то высокіе умы, честныя сердца, великіе страдальцы и мученики за правду, строятъ изъ вѣка въ вѣкъ ту лучезарную лѣстницу Іакова, по которой царство Божіе сойдетъ съ небесъ таинственно тихими, спокойно свѣтлыми шагами на землю.

Графиня Евгенія Капнистъ.

Журнальное обозрѣніе.

Разсказъ г-жи Дмитріевой «Тучки» (*Русское Богатство*, кн. I и II) проникнутъ живымъ сочувствіемъ къ людямъ - тучкамъ, которыхъ гонитъ съ мѣста на мѣсто «судьбы ли рѣшеніе, зависть ли тайная, злоба ль открытая». Этихъ странниковъ она находитъ въ средѣ рабочей интеллигенціи. Земская учительница, фельдшерица, студентъ, который не по своей волѣ пересталъ быть студентомъ, — вотъ герои ея произведенія. Земскую учительницу гонитъ съ мѣста ея начальство за то, что нелегальный путникъ на нѣсколько часовъ остановился у нея въ школѣ. Фельдшерица трудится не покладая рукъ, — но вотъ она заболѣла отъ своихъ больныхъ сыпнымъ тифомъ и угомонилась, умерла. Пока она жила, ей хотѣлось счастія, любви, — но все это было далеко отъ нея. Она любила слушать романсы, напримѣръ, «Задремалъ тихій садъ»; только эти романсы говорили о чужой красотѣ, а сама она была пропитана запахомъ іодоформа, и жизнь ея проходила безъ жизни. Энергія тратилась еще на борьбу съ врачомъ Дормидонтовымъ, который былъ «либераломъ» только «по праздникамъ», а въ будни презиралъ и мучилъ своихъ паціентовъ и подчиненныхъ. Фельдшерицу, которая его понимала и говорила ему рѣзкую правду, онъ особенно ненавидѣлъ и даже черезъ ея прислугу, глупую Аннушку, слѣдилъ за ея поведеніемъ и политической благонадежностью. Фельдшерица, Дора Яковлевна Розенштраухъ, была еврейка, и потому докторъ внушалъ Аннушкѣ: «она... жидовка... ты за ней гляди... У ней, можетъ, какіе вредные люди бываютъ, а ты мнѣ докладывай!... А я тебѣ полтину дамъ... и бурдовое платье»... «И я все докладывала (продолжала Аннушка свой покаянный разсказъ)... Чего говорите, чего дѣлаете, кто въ гости ходитъ... потому, говорятъ, жиды хочутъ народъ взбунтовать, чтобы подъ нѣмецкаго царя передаться». Въ обществѣ такого соглядатая жила Дора Яковлевна, и тяжело ей было въ комнатѣ, гдѣ «занесенныя снѣгомъ окна тускло бѣлѣли, точно застывшіе глаза мертвеца».

Когда между людьми - тучками вспыхиваетъ любовь, то она скоро и гаснетъ, потому что вѣтеръ разгоняетъ тучки въ разныя стороны. Учительница полюбила изгнаннаго студента, но жизнь разметала ихъ. И ъ тотъ часъ, когда они прощались.

убывающій мѣсяцъ, брюзгливо скосивъ на сторону свое желтое лицо, смотрѣлъ на нихъ подозрительно и немножко насмѣшливо, какъ будто хотѣлъ сказать: „ну, что же вы, скоро ли? Простились, а не идете... ахъ, господа, господа!“ И легкія, нарядныя тучки, всѣ въ кружевахъ и въ локонахъ, точно барышни, шаловливо неслись вокругъ него въ веселомъ хороводѣ, и то одна, то другая, какъ бы заигрывая со старымъ мѣсяцемъ, задѣвала его однобокій лифъ своимъ воздушнымъ шлейфомъ.

Правда, шалый вѣтеръ жизни потомъ опять соединилъ двѣ тучки человѣческихъ душъ, — но это было сочетаніе мгновенное, встрѣча грустная.

Учительницу удалили изъ школы; и хотя было «такъ пусто, неуютно, печально въ этой холодной избѣ съ сѣрыми стѣнами, съ растоптаннымъ поломъ, съ ѣдкимъ запахомъ гари и овчинныхъ полушубковъ»,—Надеждѣ Григорьевнѣ все-таки жалко было разставаться съ дѣтьми. Душа болѣзненно ныла, на глазахъ закипали жгучія слезы,—хотя раньше она и думала съ грустью о судьбѣ одинокой сельской учительницы, о томъ, что «не одна только ея жизнь, а сотни, тысячи такихъ же молодыхъ жизней разсѣяны по селамъ, деревнямъ, хуторамъ великой Руси, и тихо пропадаютъ онѣ въ борьбѣ съ бѣдностью и темнотой, всѣми забытыя, никѣмъ неоплаканныя»; смертной тоскою томятся онѣ на своихъ хуторахъ, въ угарныхъ и холодныхъ избахъ. И уже не граціозныя тучки виднѣются ей на небѣ, а «цѣлыя тучи, похожія на тяжелыхъ, безобразныхъ крокодиловъ».

Надеждѣ Григорьевнѣ запретили навсегда педагогическую дѣятельность. Но земство было очень довольно ея веденіемъ школы и помогло изгнанницѣ, дало ей стипендію, на которую Надежда Григорьевна поѣхала за границу учиться медицинѣ. И вотъ тамъ, въ Швейцаріи, гдѣ по небу плывутъ «перламутровыя тучки», гдѣ дѣвушки въ бѣлыхъ платьяхъ поютъ благодатныя пѣсни свободы,—тамъ она встрѣтила опальнаго студента, котораго любила. Но для студента, покинувшаго родину, уже была закрыта личная жизнь,—онъ куда-то спѣшилъ, и, вѣроятно, ждало его какое-то дѣло, страшное, опасное, самоотверженное. И опять передъ новой разлукой,—разлукой навсегда, стояли Надежда Григорьевна и Смоляковъ, пока два разные поѣзда не унесли ихъ въ разныя стороны.

Величественный Pilatus, какъ исполинскій костеръ, пламенѣлъ надъ притихшимъ озеромъ; густая синяя мгла разстилалась у его подножія, а вершина, увѣнчанная огненной короной, гордо сіяла въ небесахъ и какъ будто звала на бой полчище безобразныхъ чудовищъ, которыхъ посылала на нее угрюмая „королева горъ“.

Безмолвныя, темныя горы громоздились по обѣ стороны рельсовъ, и такія же безмолвныя, темныя тучи клубились на ихъ вершинахъ. Надежда Григорьевна смотрѣла на нихъ въ раскрытое окно и чувствовала ихъ холодное дыханіе... А онѣ все ползли и ползли, сталкивались и сливались вмѣстѣ, становились все гуще и чернѣе. Откуда и куда онѣ стремились? Растаютъ ли онѣ гдѣ-нибудь незамѣтно и безслѣдно... Или вѣтеръ заброситъ ихъ на холодныя вершины Альпъ, размечетъ бѣлою метелью и похоронитъ въ вѣчныхъ снѣгахъ?... Или разразятся онѣ грозой, пронесутся бурей, засыплютъ серебрянымъ дождемъ?

Какъ бы въ отвѣтъ на это, сильный порывъ вѣтра ворвался въ окно, и голубая молнія ярко освѣтила внутренность вагона... Надъ горами уже гремѣла гроза, веселя молніи пронизали ихъ черныя вершины, и могучіе раскаты грома, незаглушенные шумомъ поѣзда, звучали торжествомъ побѣды.

Это было въ Швейцаріи, а на родинѣ, въ Песчанскѣ, «весенняя ночь была темна, и степной бродяга-вѣтеръ съ воплями и свистомъ рыскалъ по городу, предвѣщая непогоду». Въ Песчанскѣ было грустно, и земецъ Ставровскій писалъ оттуда, что его «волкодавы одолѣли». Въ Песчанскѣ у земскаго начальника Яковлева, на его вечерахъ, не человѣческіе голоса звучали, а шипѣлъ грамофонъ, навѣвая «кошмарное настроеніе»,—и томилась отъ него жена Яковлева, у которой были живая душа и живой голосъ. Правда, и тамъ, далеко отъ Швейцаріи, въ «бѣлой спящей степи» разбросаны по полямъ и оврагамъ маленькіе огоньки сельскихъ школъ, и отъ встрѣчи съ ними, какъ отъ встрѣчи съ родною матерью, замираетъ сердце опальнаго студента. Правда, и въ Песчанскѣ были хорошіе дни, и Надеждѣ Григорьевнѣ вспоминалось святочное гаданіе о будущемъ, когда «день былъ удивительный, и сугробы снѣга лежали твердые и чистые, точно глыбы кованаго серебра; голыя деревья разодѣлись въ бѣлыя кружева и брилліанты; воздухъ былъ звонокъ и прозраченъ, какъ хрусталь».

Таковы общіе контуры разсказа г-жи Дмитріевой. Въ немъ есть яркія детали, теплый юморъ, живыя сцены. Но зато образы главныхъ героевъ и героинь очень блѣдны и присочинены; въ особенности это надо сказать о фигурѣ учительницы, лица которой совсѣмъ не видать. И даже фельдшерица Дора Яковлевна, несмотря на свою шумливость и «огненность», не кажется живой; гораздо выразительнѣе тѣ персонажи, о которыхъ она только разсказываетъ, врачъ Дормидонтовъ и его жена Мумочка.

Разсказъ г. Гольдебаева «Мама ушла» (*Образованіе*, кн. I и II) производитъ странное и двойственное впечатлѣніе. Прежде всего онъ поражаетъ неудержимымъ многословіемъ и шутливостью дурного тона; потомъ вы замѣчаете въ этомъ каскадѣ фразъ какія-то живыя искры, трогательную фабулу, даже искренній лиризмъ. И эти два разнородныя теченія все время переплетаются въ разсказѣ. Напримѣръ, вы слышите аккордъ пошлой болтливости:

Меня зовутъ Діомидъ, какъ звали одного изъ третьестепенныхъ героевъ Иліады; но Люба, при всемъ ея уваженіи къ Гомеру, всегда клялась, что она не допустила бы этого имени ея старшему и единственному брату, не задержись сама лѣтъ на пять въ дорогѣ на его крестины, всегда отрицала мое имя, всегда готова была всячески его искалѣчить... Прошу поэтому не впадать въ недоумѣніе, если я буду фигурировать въ разговорѣ сестры подъ псевдонимами Димъ, Дидимъ, Мидіотъ, Демонидъ, даже Іодомѣдъ. Впрочемъ, разъ зашла рѣчь о моемъ имени, позвольте ужъ новому русскому писателю отрекомендоваться сполна. Я собственно не писатель, какъ вы уже, конечно, замѣтили изъ изложенія, а управляющій банка, Діомидъ Адріановичъ Прахонинъ, къ услугамъ вашимъ... Горячо надѣюсь, что мои усилія угодить вамъ на литературномъ поприщѣ увѣнчаются такимъ же успѣхомъ, какъ и при нарощеніи дивиденда на вашу акцію, если вы кліентъ нашего банка, пайщикъ, причастникъ его доходовъ, то-есть мой искренній другъ и почитатель, дорогой читатель.

И вдругъ эта удручающая канитель ненужныхъ словъ прерывается з душевнымъ стономъ и жалобой, что уже не бьются болѣе «два родны сердца,—бѣдныя мои мама и Люба унесены въ могилу одна за другой кр вавыми руками вѣдьмы-инфлюэнцы». И опять, сейчасъ же за этимъ, -

читаете: «Я самъ едва ускользнулъ отъ ея (инфлюэнцы) костлявыхъ пальцевъ, вспомнивъ на краю могилы, какъ еще необходимъ для родной литературы, для ея вящшей славы...» На читателя, который знаетъ уже, что «мама и Люба» скоро умрутъ, производили бы сильное впечатлѣніе образы этихъ женщинъ, которыя безпечно разговариваютъ и о своей близкой смерти не знаютъ,—но авторъ какъ бы самъ старается потокомъ словъ залить это настроеніе, этотъ грустный эффектъ. И читатель, вопреки г. Гольдебаеву, не думаетъ, чтобы это было остроумно, говоря о чужой любви, называть себя «безкорыстнымъ пайщикомъ этой любви, номинальнымъ акціонеромъ безъ акцій, но съ отвѣтственностью за дефицитъ». Въ то же время г. Гольдебаевъ недурно изображаетъ чужую любовь, сильно говоритъ о силѣ плоти, даритъ насъ красивымъ стихотвореніемъ въ прозѣ. Непріятно задѣвъ читателя такими выраженіями, какъ «Осса документовъ, Пеліонъ ордеровъ», авторъ сейчасъ же мѣняетъ свой капризный обликъ, для того чтобы хорошо сказать объ «угрызеніяхъ сердца», о позднемъ раскаяніи Онѣгина, отвергшаго Татьяну, о горѣ дѣвочки, которую для любимаго человѣка покинула мама. И красиво описана скорбь этой дѣвочки, у которой «мама ушла»:

Крошка стояла у косяка двери, и дверь казалась безконечно высокой въ сравненіи съ нею. Въ лѣвой рукѣ она держала за спиной большую куклу, а пальчикомъ правой тихо и задумчиво колупала окраску на косякѣ, низко опустивши головку. Въ высокую дверь за крохотнымъ тѣльцемъ виднѣлась высокая непривѣтливая комната, изъ которой вела другая высокая дверь въ другія комнаты, такія же высокія, холодныя, опустѣлыя. Было тихо... Точно все населеніе этого неуютнаго жилища вымерло, оставивъ въ живыхъ только одну Ниночку.

— Забыли!... забыли!—невольно прошептали мои губы. Прекрасная страсть, великая любовь моихъ героевъ... внезапно заволоклась туманомъ, сѣрымъ и грубымъ, какъ халатъ арестанта, преступника.

. . . . . .

Ниночка съ усиліемъ, какъ больная, повернула головку въ мою сторону, медленно пошла къ рѣшеткѣ, положила локотки на перила и подперла ручонками блѣдное грустное личико. Я увидѣлъ большіе темные глазки, полные преждевременной тоски, я услышалъ тихій голосокъ, безсознательно вымолвившій то, что малютка, быть можетъ, повторяла ежеминутно:

— Мама уса-а.

Сухая вѣтка до крови царапнула мнѣ по щекѣ, когда я бросился при этомъ нѣвучемъ голоскѣ прочь отъ террасы и, задыхаясь, пошелъ домой, пошелъ быстро, энергично, сердито,—чтобы не заплакать на медленномъ ходу.

Здѣсь приторно только «уса», и неискаженное слово было бы гораздо умѣстнѣе. Но страница, въ общемъ,—прекрасная, и для того чтобы такихъ страницъ у г. Гольдебаева было побольше, ему надо посовѣтовать развить въ себѣ не только даръ слова, которымъ онъ и теперь уже обладаетъ въ изобиліи, но и даръ молчанія. Для того чтобы сказать, не надо говорить. А г. Гольдебаевъ, къ сожалѣнію, очень много говоритъ.

Маленькая повѣсть г. Потапенка «Братъ Андрей» (*Образованіе*, кн. II) хорошо задумана. На фонѣ уѣзднаго города, описаннаго съ юморомъ и тепло, разыгрывается драма соперничества. Изъ двухъ братьевъ одинъ

твердо идетъ по хорошей и честной, хотя и узкой дорогѣ, а другой—богатъ только началами дѣлъ неоконченныхъ. Андрей не можетъ себя ни къ чему пристроить, онъ—«беззаконная комета въ кругу расчисленныхъ свѣтилъ». Его «духъ бродитъ по пустоши»; онъ не осѣдлъ, онъ свободенъ. Другіе же люди строятъ себѣ духовные особняки, и когда у нихъ есть и кабинетъ, и столовая, и гостиная, и спальня, и садикъ для прогулокъ,—тогда кончается для нихъ свобода. «Въ особнякѣ жить такъ удобно, такъ мило, уютно, все готово, все на своемъ мѣстѣ». На время онъ плѣнилъ своей внутренней бездомностью дѣвушку, которая любила его домовитаго и спокойнаго брата,—но вскорѣ она своимъ сердцемъ вернулась къ послѣднему. Андрей же «взялъ свой чемоданъ въ лѣвую руку, а палку въ правую и вышелъ изъ дома... Черезъ часъ онъ выѣзжалъ изъ уѣзднаго города». И даже родная мать этому не удивилась, объ этомъ не пожалѣла.

Повторяемъ, разсказъ г. Потапенка задуманъ хорошо, и тема была бы достойна глубокой разработки, но авторъ вложилъ въ уста Андрею много сочиненнаго, книжнаго.

А.

Для тѣхъ, кто искренне и глубоко любитъ искусство, и для кого моральныя проблемы не служатъ красивой побрякушкой и не исчерпываются болѣе или менѣе удачнымъ сочетаніемъ понятій и словъ, вопросъ объ отношеніяхъ между этими двумя категоріями человѣческаго духа является серьезнымъ и важнымъ вопросомъ. Передъ поверхностнымъ взглядомъ всплываютъ непримиримыя противорѣчія, прекрасное и должное кажутся раздѣленными между собой глубочайшей пропастью, рождающимися въ тайникахъ человѣческаго духа, часто даже не освѣщенныхъ яркимъ свѣтомъ сознанія, развивающимися своими путями и по своимъ законамъ, пока еще скорѣе предчувствуемымъ, чѣмъ разгаданнымъ. Для эстета подобныхъ противорѣчій существовать не можетъ—при оцѣнкѣ художественныхъ произведеній онъ просто отметаетъ, какъ ненужную ветошь, всякую моральную оцѣнку, всякіе общественные запросы. Для человѣка, который лишенъ настоящаго чувства любви и пониманія красоты, здѣсь также нѣтъ никакого вопроса: мораль и эстетика, по его мнѣнію, находятся всегда въ полной гармоніи между собою. Но человѣкъ, живущій всей полнотой своего сердца, не довольствующійся ходячими и сдѣлавшимися почти безсодержательными формулами, невольно задумывается надъ этимъ разладомъ, ищетъ его объясненія, ищетъ причинъ, его вызывающихъ. И на первыхъ же шагахъ своего изслѣдованія въ этой области онъ наталкивается на новыя и новыя кажущіяся противорѣчія. Говорятъ, что искусство, переставъ быть народнымъ, стало индивидуальнымъ и выиграло отъ этого въ интенсивности. Вершины искусства все болѣе удаляются отъ земли и даже мѣрило простого пониманія того или иного художественнаго произведенія, какъ первое и необходимое условіе,

объявляется отжившимъ и чуть ли не смѣшнымъ. Но чѣмъ дальше мы углубляемся въ изученіе этихъ противорѣчій, чѣмъ шире и пристальнѣе мы въ нихъ вглядываемся, тѣмъ болѣе мы видимъ всю ихъ несущественность и, если можно такъ выразиться, всю ихъ прозрачность, и между этими двумя категоріями человѣческаго духа, между моралью и эстетикой оказывается самая тѣсная, самая интимная связь. Г. Дегенъ въ мартовской книгѣ *Міра Божьяго* въ статьѣ «Всенародное искусство» показываетъ, какъ три выдающихся мыслителя, Рёскинъ, Л. Толстой и В. Моррисъ, сошлись на этой точкѣ зрѣнія, какъ вопросъ о возрожденіи искусства становится вопросомъ о возрожденіи общества въ томъ освѣщеніи, какое даетъ ему тотъ или другой мыслитель. Рёскина эстетика привела къ этикѣ, для Л. Н. Толстого искусство есть воплощеніе религіознаго чувства, Вильямъ Моррисъ началъ съ архаической поэзіи и прикладного искусства и натолкнулся на рабочій вопросъ. Извѣстно, какъ онъ, еще будучи ученикомъ Россети и занимая съ Бернъ Джонсомъ одно помѣщеніе, задумалъ обзавестись мебелью по собственному вкусу и совершенно устранить отвратительную для него магазинную красоту. На этомъ скромномъ опытѣ онъ воочію увидалъ, какъ исполненіе самыхъ простыхъ чертежей, отличныхъ отъ модныхъ шаблоновъ, встрѣчало непреодолимыя препятствія, потому что ремесленники считали ихъ безобразными и старались подогнать подъ свои рутинные образцы, освященные широкимъ спросомъ. Заинтересовавшись практически вопросомъ о способности современныхъ рабочихъ къ художественной дѣятельности, онъ неизбѣжно пришелъ къ самому центру жгучаго для современности рабочаго вопроса, занялся изученіемъ принциповъ политической экономіи.

Разбирая связь между моралью и эстетикой, г. Дегенъ беретъ одинъ изъ кардинальныхъ вопросовъ искусства, вопросъ объ его индивидуальности.

«Какъ только появляются выдающіеся художники,—пишетъ онъ,—не только работающіе для украшенія своей домашней обстановки, а создающіе произведенія, которыя по своему совершенству становятся предметами народнаго поклоненія, то искусство носитъ уже неизгладимыя черты этихъ выдающихся личностей, хотя имена ихъ и рѣдко доходятъ до насъ. Египетское, индійское, японское искусство было индивидуально уже задолго до нашей эры, что нисколько не противорѣчитъ одновременному существованію народнаго творчества; напротивъ того, великія произведенія вырастаютъ на фонѣ всеобщаго художественнаго развитія, какъ отдѣльные крупные кристаллы среди безконечнаго количества мелкихъ. Въ крупныхъ мелкихъ произведеніяхъ искусства одно и то же, такъ сказать, вещество, однѣ и тѣ же организующія силы, между тѣми и другими разница количественная, а не качественная». И правильное развитіе индивидуальности, то, что мы зовемъ добромъ, заключается, согласно вѣрному опредѣленію г. Агафонова (*Міръ Божій*, мартъ, «Объ индивидуальности и индивидуализмѣ»), въ развитіи, съ одной стороны, ея наибольшей самостоятельности, а съ другой—наибольшей чувствительности по отношенію къ

внѣшнему міру, наибольшаго пониманія другихъ индивидуальностей. Эстетическія эмоціи, распространенныя ранѣе значительно равномѣрнѣе, измѣняютъ свой характеръ только подъ вліяніемъ продолжительнаго соціальнаго разслоенія высшихъ классовъ народа отъ низшихъ. Послѣдніе устойчивѣе въ характерѣ своего художественнаго творчества и довольно долго можетъ казаться, что народное (въ тѣсномъ смыслѣ) искусство живетъ прежнею органическою жизнью, но мало-по-малу, лишившись связи съ наиболѣе совершенными проявленіями индивидуальнаго генія, оно бѣднѣетъ, становится рутиннымъ, повторяетъ традиціонныя формы, не обновляя ихъ новымъ наблюденіемъ. Искусство высшихъ классовъ, обнимающее работу самыхъ одаренныхъ художниковъ, на первыхъ порахъ могучимъ взмахомъ идетъ въ гору, но быстро достигаетъ своего кульминаціоннаго пункта и, не поддерживаемое питательной средой народнаго сочувствія и пониманія, неудержимо падаетъ и вырождается. Такъ было съ рыцарской поэзіей. Такъ было и съ итальянскимъ искусствомъ, когда оно перестало быть искусствомъ городскихъ общинъ и поступило въ услуженіе къ князьямъ маленькимъ и большимъ, свѣтскимъ и духовнымъ. Часто бываетъ затѣмъ, что интеллигентные художники вдругъ болѣзненно почувствуютъ свою оторванность отъ народной почвы и сознательно примутся завязывать порванныя нити. Нерѣдко это приводитъ къ расцвѣту такъ называемаго «національнаго» искусства. Соприкосновеніе съ матерью землею вдохнетъ новыя силы въ усталаго Антея, но періоды эти въ большинствѣ случаевъ бываютъ кратки и кончаются новымъ паденіемъ. Нельзя объединить искусство, пока всѣ остальные факторы соціальной жизни разъединяютъ самое общество. Вотъ надъ этимъ-то пунктомъ проблемы и бьются наиболѣе мыслящіе и честные художники.

Искусство верхнихъ слоевъ общества вертится въ заколдованномъ кругу и вырождается, народное искусство вымираетъ или уже вымерло, такъ что приходится, чтобы найти путь къ художественному творчеству массъ, возвращаться къ давно прошедшимъ временамъ или импортировать народное искусство изъ далекихъ странъ. Но такія реставраціи не имѣютъ будущности, потому что онѣ всегда окрашиваются элегическимъ чувствомъ сожалѣнія о невозвратномъ прошломъ. Единственное средство создать новое, жизненное органическое искусство заключается въ томъ, чтобы сдѣлать его всенароднымъ. Поэтому-то мы такъ цѣнимъ художниковъ, писателей и поэтовъ, которыхъ дѣйствительно можно назвать народными. Въ ихъ произведеніяхъ заключается не только простая художественная цѣнность, но и надежда на лучшее будущее, на возрожденіе лучезарнаго искусства. Къ такимъ именно художникамъ, несомнѣнно, принадлежитъ финскій поэтъ Рунебергъ, памяти котораго по поводу совершившагося столѣтія со дня его рожденія посвящена статья І. Мандельштама въ мартовской книгѣ *Вѣстника Европы*.

При чтеніи произведеній такого поэта, какъ Рунебергъ, пишетъ авторъ статьи, «каждый финнъ переживаетъ то душевное настроеніе, которое такъ

хорошо выражено нашимъ Тургеневымъ въ одномъ изъ его стихотвореній въ прозѣ: «Въ дни сомнѣній, въ дни тягостныхъ раздумій о судьбахъ моей родины,—ты мнѣ одинъ поддержка и опора». Рунебергъ завѣщалъ финскому народу свою поэзію, какъ драгоцѣнный источникъ чистой жизни, изъ котораго потомство можетъ черпать нравственныя силы. Его произведенія проливаютъ благотворный свѣтъ на страну, которую онъ такъ любилъ и для которой онъ столько потрудился. Рунебергъ не могучій міровой поэтъ, но тѣмъ не менѣе онъ движетъ сердцами людей иногда обаятельнѣе иныхъ великановъ-поэтовъ; стоя въ тѣсной связи съ народомъ, идя въ то же время впереди его, ведя его за собою по пути духовнаго развитія, онъ вноситъ и въ сокровищницу міровой поэзіи большую долю правды, красоты, добра. Когда послѣ чтенія какого-нибудь великаго всемірнаго поэта, задумавшагося надъ неразгаданными тайнами, переходишь къ поэзіи Рунеберга, то, кажется, спускаешься съ горныхъ вершинъ, откуда едва различаешь людей, въ очаровательную долину, гдѣ вращаешься среди милыхъ, простыхъ существъ, гдѣ радуешься своему существованію и ощущаешь жизнь вокругъ себя, гдѣ дышишь свѣжестью и прохладой природы... Въ его произведеніяхъ слышится ароматъ неизмѣримыхъ финляндскихъ лѣсовъ. «Ходишь по нимъ, словно очутился на днѣ морскомъ, гдѣ царствуетъ вѣчная, однообразная тишина, и только высоко надъ головою шумитъ вѣтеръ въ вершинахъ елей, да въ подоблачныхъ вершинахъ дикихъ сосенъ. Мѣстами попадается лѣсное озеро, точно спускъ въ подземное царство, съ крутыми берегами, окаймленное деревьями; оно не доступно вѣтру, и ничто не колеблетъ его зеркальную поверхность; только плеснетъ окунь, да проплыветъ одинокій нырокъ. Глубоко подъ ногами стелется отраженное небо; оно еще безмятежнѣе горнаго неба—и тихо все, и точно стоишь у входа въ вѣчность, и точно боги и духи окружаютъ тебя, и какъ будто видишь ихъ, и какъ будто вотъ-вотъ уловишь ихъ шепотъ. А тамъ въ дали слышится журчанье ручья. Идешь на зовъ; кажется, вотъ-вотъ онъ близехонько,—но передъ тобою стелется одинъ вересковъ, да ряды сосенъ тамъ, да сямъ, и потомъ ужъ на нѣкоторомъ разстояніи, на противоположной сторонѣ, показываются верхушки березъ, а затѣмъ берегъ, а тамъ ужъ блескъ воды между листьевъ; правой рукой обопрешься о стволъ одной березы, лѣвой ухватишься за верхнія вѣтви другой, и безопасно спустишься внизъ. У самаго ручья видишь надъ собою узкую, въ нѣсколько саженей полосу неба, а по обѣимъ сторонамъ непроницаемую гущу стволовъ и листьевъ. Наконецъ, послѣ долгихъ странствій, все тѣми же соснами да елями достигаешь опушки лѣса, и взорамъ предоставляется вдругъ, какъ будто волшебствомъ, разнообразнѣйшая картина: рядъ озеръ съ зелеными островами, мысы, рѣки, поля, холмы. Удивительное богатство тѣней, смѣнъ свѣта и тьмы! Взоръ охватываетъ ихъ одновременно—отъ черныхъ елей болотной низины до сосноваго лѣса, который высится за нею, и березъ, которыя красуются вокругъ дальней горы и внизу, и съ боковъ ея. Вся эта картина принимаетъ видъ еще болѣе

очаровательный, когда солнце играетъ лучами, мѣняя тѣни отъ проходящихъ облаковъ...»

Но Рунебергу не только была «звѣздная книга ясна», съ нимъ не только «говорила морская волна», съ нимъ говорила душа его любимаго, роднаго народа. Природа, которая была его воспитательницей и учительницей, сливается въ его произведеніяхъ съ изображеніемъ быта финскаго народа, полная гармонія между природой и человѣкомъ производитъ неотразимое, сильное, незабываемое впечатлѣніе. Связь Рунеберга съ народомъ поистинѣ изумительна. Его пѣсни, его поэмы кажутся созданіемъ народнаго творчества и вмѣстѣ съ тѣмъ носятъ на себѣ печать яркой индивидуальности. Таковъ настоящій поэтъ, который, по мѣткому выраженію, является волной, приходящей въ движеніе вмѣстѣ съ движеніемъ ея родной стихіи—океана, эоловой арфой, отзывающейся на каждый порывъ вѣтра. Только такой художникъ можетъ съ невѣдомою силой ударять по сердцамъ людей, и съ другой стороны, какъ бы ни былъ тотъ или другой писатель оторванъ отъ народной среды, какъ бы ни былъ онъ далекъ отъ горя и радости своего народа, какимъ бы парнасскимъ холодомъ ни вѣяло отъ его произведеній, если онъ настоящій художникъ, если только онъ дѣйствительно «есть нервъ великаго народа», онъ долженъ отозваться и отзовется хотя бы въ тѣ минуты, когда реальная жизнь настоятельно потребуетъ этого отзыва. Характерной въ этомъ отношеніи является исторія развитія таланта одного изъ интереснѣйшихъ, изящнѣйшихъ и умнѣйшихъ писателей третьей республики, составляющаго одну изъ славъ современной французской, да, пожалуй, и всемірной литературы, одного изъ тѣхъ, чье творчество было тѣсно связано съ верхними слоями французскаго общества.

Мы имѣемъ въ виду Анатоля Франса, къ сожалѣнію, очень мало знакомаго русскимъ читателямъ, которому посвящена статья г. Кудрина въ февральской книжкѣ *Русскаго Богатства*.

Изящный эпикуреецъ, элегантный скептикъ, глубоко равнодушный къ всякому серьезному вопросу общественной жизни—такова была литературная физіономія Анатоля Франса до послѣдняго времени. Съ 1867 г. онъ уже принадлежитъ къ группѣ парнасцевъ, которые собирались и работали подъ гостепріимною сѣнью издательской фирмы Лемеффа, пытаясь выражать въ звучныхъ и холодныхъ стихахъ реакцію безстрастія противъ лиризма доживавшихъ свой вѣкъ романтиковъ. Правда, и тогда уже у Анатоля Франса была своя манера выражать поэтическое настроеніе, манера, отличавшаяся отъ обычныхъ пріемовъ парнасской школы преобладаніемъ тонкихъ и слегка ироническихъ оттѣнковъ личнаго чувства, что, кстати сказать, раздражало Юпитера этого Парнасса, Леконта де-Лилля, и навсегда сдѣлало его врагомъ Анатоля Франса. Но въ общемъ Анатоль Франсъ съ 1867 года и вплоть до дѣла Дрейфуса культивируетъ свой изящный скептицизмъ и равнодушіе къ общественнымъ задачамъ въ составленныхъ имъ біографіяхъ (біографія Альфреда де-Виньи), критическихъ статьяхъ, стихотвореніяхъ («Золотыя поэмы») и романахъ («Іокиста», «Худая кошка»,

«Преступленіе Сильвестра Боннара, члена института», «Таиса», «Красная лилія» и др.). Едва ли не наибольшій успѣхъ имѣлъ его романъ «Красная лилія»—исторія любовныхъ недоразумѣній одной прекрасной четы на фонѣ современнаго космополитическаго міра (въ Парижѣ, Флоренціи и т. д.) снобовъ и неудачниковъ, между которыми читатель сейчасъ же узнаетъ, не безъ симпатіи обрисованную подъ именемъ Шулэтъ, фигуру Верлэна. Исповѣданіе практическаго скептицизма Анатоля Франса въ нѣсколько философской формѣ хорошо вылилось въ слѣдующихъ строкахъ.

... Мы осуждены знать вещи только по тому впечатлѣнію, которое онѣ на насъ производятъ. Это истина, которую подтверждаетъ наблюденіе, и притомъ истина, столь очевидная, что всѣ ощущаютъ ее. Это—общее мѣсто естественной философіи. Не надо только черезчуръ обращать вниманіе на это и въ особенности не надо видѣть тутъ доктринальный пирронизмъ. Признаюсь, я уже не разъ поглядывалъ въ сторону абсолютнаго скептицизма. Но я никогда не вошелъ туда; меня бралъ страхъ поставить ногу на эту почву, которая поглощаетъ все, что кладешь на нее. Я боялся этихъ двухъ словъ, исполненныхъ ужасающаго безплодія: „я сомнѣваюсь". Сила ихъ такова, что уста, которыя разъ произнесли ихъ отчетливо, уже навсегда смыкаются и не могутъ снова раскрыться. Если сомнѣваешься, то должно молчать; ибо, какую бы рѣчь ты ни держалъ, говорить—уже значитъ утверждать. И такъ какъ у меня не хватало мужества молчать и отказываться отъ всего, то я хотѣлъ вѣрить, и я повѣрилъ. Я повѣрилъ, по крайней мѣрѣ, въ относительность вещей и въ послѣдовательность явленій.

Въ сущности и дѣйствительность, и видимость — одно и то же. Чтобы любить и страдать на этомъ свѣтѣ, достаточно образовъ, и вовсе не нужно, чтобы ихъ объективность была доказана. Какимъ бы способомъ ни представляли себѣ жизнь, и признавай мы ее даже за сонъ сна, всетаки живешь, а это все, что надо, чтобы основать науки, искусства, нравственность, импрессіонистскую критику и даже, если хотите, критику объективную.

И далѣе онъ сознательно выражаетъ свое предпочтеніе красивой фантазіи передъ дѣйствительностью, какъ бы воспроизводя поэтическую мысль Пушкина: «Тьмы низкихъ истинъ намъ дороже насъ возвышающій обманъ».

Что касается до меня, говоритъ Франсъ, то если бъ мнѣ нужно было выбирать между красотой и истиной, я не колебался бы: я бы взялъ себѣ красоту, увѣренный въ томъ, что она заключаетъ въ себѣ болѣе возвышенную и болѣе глубокую истину, чѣмъ сама истина. Я осмѣлюсь даже сказать, что въ мірѣ только и есть истиннаго, что прекрасное. Прекрасное приноситъ намъ самое высокое откровеніе божественнаго, какое только намъ дано знать... Я знаю, что исторія ложна и что всѣ историки, начиная съ Геродота и до Мишлэ, разсказчики басенъ. Но это ничуть не сердитъ меня... Мнѣ было бы даже жалко, если бы исторія стала болѣе точной... Она ни больше, ни меньше, какъ рядъ образовъ. Потому-то я и люблю ее, и потому она подходитъ людямъ. Человѣчество находится еще въ дѣтствѣ... Человѣкъ рожденъ, что называется, вчера. Онъ еще въ пылу своей молодости. Не надо требовать отъ него очень большой разсудительности. Онъ нуждается въ томъ, чтобы его забавляли сказками.

Г. Кудринъ останавливаетъ вниманіе читателя еще на одной цитатѣ изъ критической статьи Анатоля Франса, характеризующей profession de foi этого изящнаго нигилиста, которому доставляетъ такое удовольствіе плавать въ вольномъ эѳирѣ своихъ ощущеній, вкусовъ, капризовъ настроенія,

эпикурейски смѣясь не только надъ различными философскими системами, но и надъ попытками философскаго знанія и надъ науками вообще.

Эстетика не опирается ни на что твердое. Это—воздушный замокъ. Хотятъ ее основать на этикѣ. Но этика не существуетъ. Нѣтъ и соціологіи. Да и нѣтъ и біологіи. Завершеніе наукъ существовало лишь въ головѣ Огюста Конта, система котораго есть одно пророчество. Когда біологія будетъ установлена, т.-е. черезъ нѣсколько милліоновъ лѣтъ, можно будетъ заняться построеніемъ и соціологіи. Это будетъ дѣломъ громаднаго числа вѣковъ, послѣ чего можно будетъ позволить себѣ приняться за созданіе на прочныхъ основаніяхъ эстетической науки. Но тогда наша планета будетъ уже очень стара и достигнетъ до крайнихъ предѣловъ своего существованія. Солнце, пятна котораго уже безпокоятъ насъ, и не безъ причины, будетъ показывать землѣ свой темно-красный и закопченный ликъ, наполовину закрытый непрозрачными шлаками, и послѣдніе смертные, укрывшіеся въ глубинѣ рудниковъ, будутъ гораздо менѣе заниматься диссертаціями о сущности прекраснаго, чѣмъ разведеніемъ во мракѣ огня изъ послѣднихъ кусковъ каменнаго угля, прежде чѣмъ погрузиться въ вѣчные льды.

Такъ безпечально шло творчество, да и сама жизнь Анатоля Франса, пока на общественномъ горизонтѣ не скопились страшныя тучи, изъ которыхъ выросла гроза, потрясшая Францію до самыхъ основаній и разошедшаяся по всему міру могучей идейной волной. Этой грозой явилась спасительная встряска дѣла Дрейфуса. Жизнь настоятельно потребовала отзыва, и Анатоль Франсъ сошелъ съ холодной парнасской вершины и отозвался на жизненные запросы. Начавъ изображать въ своей замѣчательный тетралогіи («Вязъ на городской площади», «Ивовый манекенъ», «Аметистовое кольцо» и «Г. Бержере въ Парижѣ») политическіе нравы тогдашней провинціи просто въ виду художественнаго интереса, авторъ самою логикою сюжета былъ приведенъ къ болѣе рѣзкой, чѣмъ то было свойственно до сихъ поръ его природѣ, ироніи, затѣмъ къ сатирѣ и, наконецъ, къ высоко-талантливому, но тенденціозному соціальному роману-памфлету.

Мы видимъ передъ собой въ авторѣ этихъ романовъ уже убѣжденнаго борца за царство общественнаго труда и соціальной справедливости. Не имѣя возможности остановиться на изложеніи сюжета тетралогіи, мы приведемъ лишь объясненіе г. Кудринымъ того нравственнаго переворота, который несомнѣнно совершился въ душѣ Анатоля Франса, объясненіе, подтверждающее высказанную нами выше мысль о томъ, что настоящій и крупный художникъ въ критическую минуту жизни родины долженъ отозваться и отзовется на ея страданія и запросы. «Внимательно всматриваясь въ эволюцію художественнаго творчества нашего автора,—пишетъ г. Кудринъ,—можно найти нѣкоторый мостикъ между двумя аватарами одного и того же человѣка. Дѣло заключалось, повидимому, въ томъ, что Анатоль Франсъ испыталъ потребность приложить къ явленіямъ, останавливающимъ на себѣ его художественное вниманіе, уже вполнѣ цѣльный и послѣдовательный скептицизмъ, а не тотъ элегантный и поверхностный скептицизмъ, который какъ разъ съ почтеніемъ останавливался передъ идолами и даже маленькими кумирчиками мѣщанскаго общества. Укрѣпилъ же его въ этомъ намѣреніи самый характеръ явленій, а именно жизнь провинціальной Фр-

ціи, при наблюденіи которой нашего изящнаго эпикурейца меньше смущали желаніе филигранной психологической работы и привычки черезчуръ отдаваться книжнымъ отступленіямъ и литературнымъ экскурсіямъ. Въ этомъ болѣе непосредственномъ общеніи съ соціальной жизнью страны и развернулся во всю широту до тѣхъ поръ черезчуръ тонкій и играющій въ эстетическія бирюльки талантъ автора. Выводъ, который можетъ только порадовать тѣхъ, кто полагаетъ, что искусство, служащее интересамъ жизни, дастъ большій просторъ развитію природнаго таланта, чѣмъ искусство для искусства».

Ѳ. Арн.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

I.

Явленія общественной жизни, вызванныя условіями военнаго времени.—Положеніе народныхъ учителей.—Ярославское общество содѣйствія народному образованію.—Законность и ея нарушенія.—Упадокъ нравственности.—Сравненіе теперешняго нравственнаго уровня съ дореформеннымъ.—Правительственныя распоряженія и земскія постановленія по народному образованію.

За послѣдній мѣсяцъ патріотическое одушевленіе, принимавшее въ нѣкоторыхъ городахъ въ первое время послѣ объявленія войны особенно бурныя формы, стало входить въ обычное тихое русло нашей общественной жизни. Сами правительственныя власти послѣ первыхъ двухъ-трехъ дней уличныхъ манифестацій сочли нужнымъ обратиться къ принимавшему въ нихъ участіе населенію съ увѣщаніемъ возвратиться къ своимъ обычнымъ занятіямъ. Такъ было съ самаго начала въ Москвѣ и въ Харьковѣ.

Изъ послѣдующихъ извѣстій оказывается, что одесскій градоначальникъ тоже издалъ объявленіе: «Приглашаю всѣхъ жителей вернуться къ своимъ обычнымъ занятіямъ и удовольствоваться уже состоявшимися патріотическими манифестаціями, которыя достаточно показали, какъ сильна любовь къ отечеству у одесскихъ жителей». Въ такомъ же родѣ, хотя нѣсколько съ другимъ оттѣнкомъ, объявленіе николаевскаго градоначальника: «Въ послѣдніе дни въ г. Николаевѣ по случаю событій на Дальнемъ Востокѣ происходили сочувственныя патріотическія манифестаціи при участіи воспитанниковъ мѣстныхъ учебныхъ заведеній, мастеровыхъ и рабочихъ заводовъ, а также населенія города. Высоко цѣня патріотическія чувства жителей г. Николаева, я между тѣмъ вынужденнымъ нахожусь обратиться ко всему населенію Николаева съ просьбой воздержаться отъ дальнѣйшаго устройства массовыхъ манифестацій по улицамъ города во избѣжаніе нарушенія нормальнаго теченія трудовой жизни обывателей. Я глубоко убѣжденъ, что населеніе Николаева отнесется съ должнымъ вниманіемъ къ настоящему моему приглашенію». Сходное съ этимъ объявленіе полицеймейстера г. Двинска рекомендуетъ вмѣсто манифестацій оказать помощь обществу Краснаго Креста. Смоленскій полицеймейстеръ въ своемъ

объявленіи старается регулировать манифестаціи, объявляя, что онѣ допускаются только до шести часовъ вечера. Въ Кіевѣ, по словамъ мѣстныхъ газетъ, въ виду того; что манифестаціи стали принимать слишкомъ ужъ бурный характеръ, нарушающій даже правильное теченіе повседневной жизни, полиціей были приняты мѣры къ прекращенію сборищъ публики. Въ Екатеринодарѣ лица, стоящія во главѣ мѣстныхъ учебныхъ заведеній, предложили воспитанникамъ воздерживаться на будущее время отъ участія въ патріотическихъ манифестаціяхъ, такъ какъ учащіеся не гарантированы отъ непріятныхъ послѣдствій, могущихъ явиться слѣдствіемъ поведенія буйной толпы. Очень жаль, конечно, что выраженіе патріотическихъ чувствъ во многихъ мѣстахъ принимало нежелательный характеръ; но въ этомъ нѣтъ ничего особенно удивительнаго, такъ какъ уличныя манифестаціи представляютъ у насъ явленіе совершенно ненормальное. Съ одной стороны и населеніе совершенно непривычно къ открытому, правомѣрному и корректному выраженію своихъ взглядовъ и чувствъ, а уличныя собранія для выраженія этихъ чувствъ запрещены у насъ подъ страхомъ строгаго административнаго взысканія даже и для тѣхъ, кто участвуетъ въ нихъ безъ всякой преступной или противоправительственной цѣли. Съ другой стороны, и администрація и полиція не могли не видѣть въ уличныхъ демонстраціяхъ, хотя бы съ цѣлью выраженія патріотическихъ чувствъ, нѣчто совершенно несоотвѣтствующее ихъ обычному представленію о томъ, что спокойствіе есть первый долгъ гражданина, при всякихъ обстоятельствахъ, взглядъ, какъ извѣстно, раздѣлявшійся иногда и нѣмецкой администраціей.

Другія формы выраженія патріотическихъ чувствъ приняли тоже болѣе спокойное теченіе. Адресы отъ общественныхъ учрежденій почти прекратились, потому что уже громадное большинство ихъ высказалось въ теченіе перваго мѣсяца. Пожертвованія продолжаютъ поступать и теперь, но уже въ сравнительно меньшемъ размѣрѣ, такъ какъ самыя крупныя пожертвованія уже поступили и общественныя учрежденія: дворянскія, земскія и городскія, уже сдѣлали по этому предмету свои постановленія. Наступило время болѣе спокойнаго обсужденія способовъ выполненія этихъ постановленій.

Такъ, 9 марта въ засѣданіи московской городской думы, которая, какъ извѣстно, постановила пожертвовать на санитарныя нужды арміи и флота 1.000,000 р., шелъ вопросъ о томъ, откуда взять средства на покрытіе этого милліона. Городская управа и финансовая коммиссія предложили въ теченіе трехъ лѣтъ сокращать статьи расходовъ, предполагая на первый годъ сдѣлать сокращеніе въ 385,688 р., что въ три года и дастъ около милліона. Въ числѣ этихъ сокращенныхъ расходовъ оказались расходы на устройство новыхъ мостовыхъ, водостоковъ, и, наконецъ, на открытіе ранѣе проектированныхъ народныхъ училищъ. Этимъ послѣднимъ сокращеніемъ, несмотря на всѣ оговорки о принятіи мѣръ къ тому, чтобы не было отказовъ желающимъ поступить въ школы, несомнѣнно должно въ извѣст-

ной мѣрѣ затормозиться полное достиженіе общедоступности начальнаго образованія въ Москвѣ, къ которому городское управленіе настойчиво стремилось въ послѣднее десятилѣтіе.

Противъ предложеннаго сокращенія на мостовыя и другіе расходы особенно сильно возражали гласные А. И. Геннертъ и В. М. Челноковъ, говорившіе, что нѣтъ возможности останавливать на цѣлыхъ три года поступательное движеніе городского хозяйства; они предлагали вернуть докладъ въ финансовую коммиссію для отысканія новыхъ источниковъ дохода. Но предсѣдатель коммиссіи Н. М. Перепелкинъ заявилъ, что коммиссія сдѣлать больше ничего не можетъ. Самое простое средство,—увеличеніе обложенія, предложенное В. И. Герье, найдено нежелательнымъ, и послѣ большихъ разговоровъ кончилось тѣмъ, что дума приняла сокращеніе расходовъ, проектированное управой и коммиссіей.

Изъ другихъ проявленій общественной жизни, вызванныхъ условіями военнаго времени, обращаетъ на себя вниманіе большое число лицъ, преимущественно женщинъ, въ томъ числѣ изъ высшихъ классовъ общества, желающихъ ѣхать на Дальній Востокъ въ качествѣ сестеръ милосердія. Значительное большинство ихъ оказывается, конечно, неподготовленными къ предполагаемой дѣятельности, въ виду чего въ очень многихъ городахъ открыты врачебные курсы, частью теоретическаго характера, имѣющіе въ виду дать слушателямъ общее понятіе объ анатоміи, физіологіи и гигіенѣ, что, конечно, будетъ очень трудно выполнить въ короткій срокъ, если предъявлять къ этимъ курсамъ хотя сколько-нибудь серьезныя научныя требованія, частью же они имѣютъ болѣе практическія цѣли—обучать производству перевязокъ, уходу за ранеными и больными и т. п. Очень возможно, что такого количества санитаровъ и сестеръ милосердія, какое готовится на курсахъ, и не понадобится, тѣмъ болѣе, что самая большая часть предназначенныхъ на Дальній Востокъ отрядовъ въ настоящее время уже укомплектована и частью уже отправлена. Но, конечно, пріобрѣтеніе нѣкоторыхъ свѣдѣній по гигіенѣ и уходу за больными не будетъ безполезно и для тѣхъ, кто на Дальній Востокъ не поѣдетъ, тѣмъ болѣе, что безъ исключительныхъ условій, вызванныхъ войной, едва ли бы такіе курсы могли получить осуществленіе. По крайней мѣрѣ мы помнимъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ одномъ изъ уѣздовъ Тверской губерніи попытка земскихъ врачей устроить курсы физіологіи и гигіены для учителей кончилась неудачей, такъ какъ учебное начальство запретило учителямъ посѣщать эти курсы. Конечно, въ данномъ случаѣ дѣло шло объ учителяхъ, стоящихъ, какъ извѣстно, у насъ въ исключительно неблагопріятныхъ условіяхъ для проявленія всякаго рода коллективной дѣятельности. Но и вообще, при нормальныхъ условіяхъ нашей жизни, открытіе такихъ гигіеническихъ курсовъ не могло бы даже и въ лучшемъ случаѣ обойтись безъ продолжительныхъ проволочекъ и затрудненій.

И въ настоящее время нѣкоторое измѣненіе отношенія администраціи къ проявленіямъ общественной жизни и дѣятельности распространяется

только на предметы, непосредственно связанные съ войной, тогда какъ отношеніе ея къ другимъ сторонамъ этой жизни остается такимъ же, какъ и было раньше. Положеніе народныхъ учителей, напримѣръ, остается такимъ же, какъ было и до сихъ поръ. Въ Ельцѣ прошлое очередное земское собраніе учредило совѣщательный при управѣ совѣтъ по дѣламъ народнаго образованія изъ семи гласныхъ и семи учащихъ. Первое совѣщаніе созывалось управой на 3 февраля, но наканунѣ инспекторъ народныхъ училищъ сообщилъ всѣмъ семи учащимъ, получившимъ повѣстки, что онъ удалитъ ихъ отъ должности, если они явятся на совѣщаніе. Предсѣдатель управы, узнавъ объ этомъ, просилъ учащихъ не приходить на засѣданіе, такъ какъ не хотѣлъ подвергать ихъ риску потерять свои мѣста и въ лучшемъ случаѣ испытать на себѣ гоненіе своего ближайшаго начальства. Собравшееся совѣщаніе рѣшило не приступать къ своимъ занятіямъ въ виду доложеннаго ему распоряженія инспектора, вслѣдствіе котораго половина и притомъ наиболѣе освѣдомленныхъ въ дѣлѣ его членовъ не могли по независящимъ отъ нихъ обстоятельствамъ принять участіе въ работахъ комиссіи.

Мы беремъ только одинъ изъ однородныхъ фактовъ, бывшій недавно, но всѣмъ извѣстно, что этотъ случай не единичный, и что случаи такого же или сходнаго съ нимъ характера бывали и во многихъ другихъ мѣстахъ. При такомъ положеніи вещей нудрено ли, что, наприм., инспекторъ народныхъ училищъ при объѣздѣ школъ Изюмскаго уѣзда (Харьковской губерніи) замѣтилъ необыкновенный упадокъ духа какъ у учителей, такъ и у учительницъ. Это явленіе онъ въ большой долѣ,—и, конечно, справедливо,—приписалъ полному отчужденію народнаго учителя отъ собратьевъ своихъ по работѣ и постоянному, безвыходному накопленію жизненнаго опыта, которымъ не съ кѣмъ подѣлиться.

Въ виду этого въ прошломъ году инспекторъ возбудилъ вопросъ о необходимости учительскаго съѣзда, который и предполагается созвать въ Изюмѣ въ іюнѣ 1904 г. и на которомъ должно быть около сорока учителей. Что учительскіе съѣзды имѣютъ свою долю пользы, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, и что если бы они созывались почаще и безъ тѣхъ длинныхъ проволочекъ, затрудненій и формальностей, съ какими сопряжено ихъ открытіе въ настоящее время, то они, во-первыхъ, давали бы нѣкоторый исходъ той душевной отчужденности учителей, на которую указываетъ изюмскій инспекторъ, а съ другой—вносили бы болѣе живое отношеніе и въ самое учительское дѣло. Но учительскіе съѣзды суть съѣзды только учителей, притомъ и во время съѣзда находящихся въ извѣстной болѣе или менѣе искусственной обстановкѣ, характеръ которой почти вполнѣ зависитъ отъ руководителя съѣзда. Между тѣмъ руководителемъ съѣзда въ послѣднее время чаще всего является тотъ же инспекторъ народныхъ училищъ, такъ какъ получить утвержденіе руководителя со стороны крайне трудно даже въ томъ случаѣ, если будетъ избрано лицо, пользующееся извѣстностью въ педагогическомъ мірѣ. Значитъ и на

съѣздѣ учителя остаются подъ надзоромъ и руководительствомъ непосредственнаго своего начальства, что уже само по себѣ въ значительной мѣрѣ исключаетъ свободу отношеній, въ особенности же при томъ условіи, что и руководитель ставитъ себѣ главною заботой предупрежденіе и пресѣченіе всего выходящаго изъ шаблона и устраненіе всякихъ сколько-нибудь жгучихъ, или даже просто общественно-интересныхъ вопросовъ.

Такъ, наприм., недавно, 3 и 4 февраля, происходило собраніе учителей земскихъ школъ Петергофскаго уѣзда подъ предсѣдательствомъ инспектора народныхъ училищъ г. Павлова. Изъ представленныхъ рефератовъ выяснилось, что духовные запросы учащихъ очень плохо удовлетворяются въ Петергофскомъ уѣздѣ; петербургское общество вспомоществованія учащимъ никакой помощи петергофскимъ учащимъ не оказываетъ; несмотря на земскую ассигновку въ 300 р., библіотека не пополняется уже давно, вслѣдствіе чего собраніе нашло нужнымъ просить уѣздное земство реорганизовать библіотеку, предоставивъ учащимъ право самимъ выбирать книги и журналы. Съ этими просьбами придется обращаться формально, такъ какъ на собраніи не было ни членовъ управы, ни гласныхъ. Но разговоры о библіотекѣ шли, по крайней мѣрѣ, безпрепятственно. Когда же былъ однимъ изъ учителей представленъ докладъ «О задачахъ и основахъ воспитанія въ начальной школѣ», въ которомъ проводилась мысль о принятіи земской школой идей и принциповъ церковно-приходской школы, противъ чего стало возражать большинство присутствующихъ, то этотъ обмѣнъ мнѣній былъ очень скоро прекращенъ предсѣдателемъ. Такой характеръ имѣютъ большею частью всѣ учительскіе собранія и съѣзды: въ нихъ отсутствуютъ два условія, необходимыя для полученія отъ нихъ дѣйствительно плодотворныхъ результатовъ: свобода сужденія и общеніе съ земствомъ или обществомъ, выражаясь въ болѣе широкой формѣ. «Свобода сужденія!» Какое громкое слово, — скажутъ, можетъ быть, публицисты направленія *Московскихъ Вѣдомостей*. Мы, конечно, не сомнѣваемся, что нашъ взглядъ на свободу мысли и слова вообще не сходенъ со взглядомъ публицистовъ *Московскихъ Вѣдомостей* и т. п. Но въ данномъ случаѣ мы говоримъ даже не объ общей свободѣ слова, а о свободѣ ея для учителей хотя бы въ той мѣрѣ, въ какой она допускается для всѣхъ. Въ самомъ дѣлѣ, что за запретный вопросъ, наприм., о воспитательномъ или образовательномъ методѣ церковно-приходскихъ школъ въ сравненіи съ такимъ же методомъ школъ земскихъ. Вопросъ о значеніи и достоинствѣ тѣхъ и другихъ неоднократно разсматривался и въ земствѣ, и въ литературѣ, и казалось бы онъ былъ именно всего ближе учителямъ, которые являются въ то же время и лицами, едва ли не болѣе всѣхъ другихъ въ немъ освѣдомленными. Въ данномъ случаѣ обсужденіе его тѣмъ болѣе было цѣлесообразно, что въ средѣ учительскаго собранія были и люди различныхъ на него взглядовъ. Тѣмъ не менѣе власть инспектора было признано, что собравшіеся учителя не должны касаться этого вопроса, и онъ былъ устраненъ изъ ихъ обсужденія. Такимъ о

разомъ, по отношенію къ учителямъ, подобно тому, какъ по отношенію къ крестьянамъ, о чемъ мы недавно говорили, кромѣ общаго государственнаго надзора правительства за всѣми русскими подданными, существуетъ еще особая спеціальная опека. Что рѣчь идетъ въ данномъ случаѣ именно о профессіональной группѣ, а не о служебныхъ лицахъ, видно изъ того, что начальственная опека распространяется не только на преподаваніе учителей, но на собственную ихъ жизнь (нельзя собираться даже въ иныхъ случаяхъ просто въ гости), на ихъ собственное самообразованіе. Примѣры послѣдняго рода фактовъ мы возьмемъ изъ статьи г. И. Яхонтова «Народный учитель и книга», помѣщенной въ 5 № *Вѣстника Новгородскаго Земства* за нынѣшній годъ, гдѣ эти примѣры сгруппированы довольно ярко. Среди вопросовъ, которые предполагалось обсудить на камышинскомъ съѣздѣ учащихъ, былъ поставленъ вопросъ о желательномъ составѣ учительской библіотеки, но этотъ вопросъ былъ вычеркнутъ, какъ неподлежащій обсужденію. Изъ всѣхъ нынѣ существующихъ (болѣе 70) учительскихъ обществъ взаимопомощи, только 4 или 5 имѣютъ въ своихъ уставахъ пунктъ, дозволяющій имъ заботиться о «пополненіи педагогическихъ знаній» своихъ дѣйствительныхъ членовъ; въ нормальномъ уставѣ такого пункта нѣтъ. Казанское общество, имѣвшее въ своемъ уставѣ такой пунктъ, въ первый же годъ своего существованія (1890 г.) высказалось за устройство собственной педагогической библіотеки, которая, однако, не могла быть открыта въ виду неблагопріятнаго отношенія начальства, губернскаго и учебнаго, хотя были и деньги. Въ 1892 году вопросъ о библіотекѣ снова возбужденъ и снова снятъ съ очереди по распоряженію губернатора. Пробовали войти въ соглашеніе съ частной библіотекой, но и это не удалось. Когда же въ 1894 г. былъ обнародованъ нормальный уставъ, то общество получило увѣдомленіе, что «министерство народнаго просвѣщенія по соглашенію съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ по представленію учебнаго начальства казанскаго округа исключило изъ устава общества пунктъ о педагогической дѣятельности». Въ самое недавнее время учительское общество взаимопомощи въ гор. Лубнахъ получило отказъ на ходатайство объ устройствѣ учительской библіотеки. Въ г. Чудновѣ (Волынской губ.) одна благотворительница открыла библіотеку для учащихъ. Разрѣшеніе на открытіе библіотеки дано; дозволено пользоваться и книгами изъ нея городскимъ учителямъ, но для полученія изъ нея книгъ окрестнымъ сельскимъ учителямъ г. попечитель «не видитъ достаточныхъ законныхъ основаній». Какія, казалось бы, «достаточныя законныя основа-я» требовались для кого бы то ни было, чтобы читать книги изъ разшенной библіотеки, а вотъ для тамошнихъ сельскихъ учителей требуся какія-то такія основанія. Насколько подобный взглядъ на чтеніе чителей получилъ, если можно такъ выразиться, прочное право гражданства, доказывается тѣмъ, что даже бывшій въ 1898 г. указъ правительствующаго сената по жалобѣ воронежскаго земства разъяснившій, вопреки отеста губернатора, права земства на открытіе особыхъ библіотекъ при

управахъ для снабженія учителей книгами, что всетаки и это разъясненіе закона высшимъ и самымъ авторитетнымъ правительственнымъ учрежденіемъ, не избавило отъ послѣдующихъ затрудненій. Есть указъ, но всякій продолжаетъ справляться, нѣтъ ли какого-нибудь другого распоряженія или циркуляра. Такъ, уже послѣ указа костромское общество взаимопомощи наводило справки о томъ, могутъ ли библіотеки для учителей составляться не по тому каталогу, который имѣютъ въ виду такъ называемыя учительскія библіотеки при училищахъ. И такія справки и сомнѣнія не напрасны; такъ, любимское земство, Ярославской губерніи, устраивая публичную библіотеку на земскій счетъ, включило въ уставъ ея параграфъ о безплатномъ пользованіи книгами изъ нея для учителей народныхъ школъ. Губернское начальство не утверждаетъ устава на томъ основаніи, что вслѣдствіе безплатности библіотеки для учителей она должна руководствоваться каталогомъ для народныхъ читаленъ. Это противорѣчитъ закону, разъясненному сенатскимъ указомъ, но отъ этого никому не легче, и библіотеки всетаки нѣтъ. На практикѣ все зависитъ отъ усмотрѣнія того или иного, иногда и вовсе не особенно высокаго ранга исполнителя. Поэтому у насъ часто играютъ очень большую роль такіе факты, какъ, наприм., передача какого-нибудь дѣла отъ одного лица или учрежденія другому. Такъ, недавно, 27 февраля, состоялась передача ярославскаго общества содѣйствія народному образованію изъ вѣдѣнія министерства внутреннихъ дѣлъ въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія. Со стороны глядя, казалось бы, что могло быть естественнѣе и правильнѣе такой передачи въ министерство просвѣщенія общества, преслѣдующаго именно просвѣтительныя цѣли. Между тѣмъ, въ первомъ же послѣ передачи засѣданіи совѣта, членъ послѣдняго, извѣстный дѣятель по народному образованію, кн. Д. И. Шаховской, а также предсѣдатель губернской земской управы А. П. Крыловъ и членъ управы С. А. Мусинъ-Пушкинъ, отказались отъ званія членовъ совѣта общества. Зная прежнюю дѣятельность этихъ лицъ, особенно кн. Д. И. Шаховского, невозможно предположить, чтобы этотъ коллективный уходъ былъ обусловленъ какими-либо личными соображеніями. Всего вѣроятнѣе, что ушедшіе члены совѣта признали безполезнымъ свое присутствіе въ немъ въ силу измѣнившихся условій, связанныхъ съ передачею общества въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія. На это указываетъ и положеніе, занятое въ совѣтѣ представителемъ этого министерства директоромъ народныхъ училищъ, который по поводу порядка разсмотрѣнія списка книгъ, предназначенныхъ къ выпискѣ и продажѣ, настаивалъ на томъ, чтобы пріобрѣтались исключительно книги, разрѣшенныя имъ или его помощникомъ, инспекторомъ народныхъ училищъ. Такимъ образомъ, голоса прочихъ членовъ теряли всякое значеніе и совѣтъ общества оказывался уже не въ вѣдѣніи, а прямо подъ начальствомъ представителя министерства народнаго просвѣщенія. Иногда тактика гг. директоровъ бываетъ болѣе мягкая. Такъ, на собраніи калужскаго общества взаимопомощи директоръ училищъ, находя, что учителя находятс

подъ вліяніемъ лицъ, «ничего общаго съ учительскимъ званіемъ не имѣющихъ» и чтобы они были «болѣе самостоятельны» и можно было «знать истинное ихъ мнѣніе», предложилъ при подсчетѣ голосовъ отдѣлять голоса учителей отъ голосовъ прочихъ членовъ. Собраніе, высказавъ свое полное сочувствіе мысли о самостоятельности учителей, отклонило, однако, предложеніе г. директора. И замѣчательно, что въ обоихъ послѣднихъ случаяхъ предложенія представителей министерства просвѣщенія противорѣчили уставамъ, въ первомъ случаѣ ярославскаго общества содѣйствія народному образованію, во второмъ—калужскаго общества взаимопомощи. Очевидно, для представителей учебнаго вѣдомства уставы подвѣдомственныхъ имъ обществъ имѣютъ столь же мало значенія, какъ и въ предыдущемъ примѣрѣ сенатское разъясненіе закона для губернской администраціи.

Вотъ чего въ настоящее время намъ недостаетъ и чего намъ особенно нужно: это уваженія къ закону, обязательнаго для всѣхъ и каждаго. Всѣ русскіе люди отъ мала до велика должны проникнуться однимъ сознаніемъ: всякій законъ, покуда онъ существуетъ, долженъ быть уважаемъ и исполняемъ всѣми, если бы даже—horribile dictu—онъ былъ непріятенъ не только отдѣльнымъ правительственнымъ лицамъ, но и всему правительству. Всякій законъ, признаваемый верховной властью неудовлетворительнымъ, будетъ, конечно, ею измѣненъ или отмѣненъ. При незыблемости закона всякій можетъ разсчитать свои дѣйствія такъ, чтобы не стать съ нимъ въ противорѣчіе; но какъ я разсчитаю, начальственное усмотрѣніе, или существующую въ данный моментъ правительственную тенденцію? Понятно, что при такомъ отсутствіи твердой опоры всякій обыватель чувствуетъ себя, какъ въ качку на морѣ, и теряетъ всякую способность къ энергической дѣятельности, а выигрываетъ лишь тотъ, кто умѣетъ ловить рыбу въ мутной водѣ.

Нельзя не видѣть, что оба вышесказанныя обстоятельства, т.-е., съ одной стороны, раздробленіе общества на части, поставленныя каждая подъ особый ограничивающій ея самодѣятельность надзоръ и опеку, съ другой—отсутствіе въ обществѣ сознанія опредѣленныхъ, неподверженныхъ случайнымъ колебаніямъ условій и предѣловъ для свободной дѣятельности какъ самого общества, такъ и отдѣльныхъ лицъ,—естественно должны вести къ ослабленію общественной энергіи, и это ослабленіе par contre coup отражается даже и на правительственной дѣятельности, такъ какъ вѣдь и правительственные дѣятели и работники, подготовляющіе и вырабатывающіе разные законодательные проекты, суть тоже, какъ бы то ни было, плоть отъ плоти того же общества, слѣдовательно у нихъ не откуда взяться той живой энергіи, которой нѣтъ въ обществѣ; а вышесказанныя подавляющія энергію причины: обособленность, отсутствіе свободной иниціативы и зависимость отъ случайныхъ и личныхъ вліяній и направленій,—все это дѣйствуетъ въ бюрократической средѣ еще сильнѣе, чѣмъ внѣ ея. Отъ этого въ значительной мѣрѣ, конечно, происходитъ и малая продуктивность

нашей законодательной дѣятельности послѣдняго времени. На очереди очень много вопросовъ и самыхъ важныхъ; вопросы эти ставятся, разрабатываются въ министерскихъ канцеляріяхъ, иногда очень слабо и робко къ разработкѣ ихъ присоединяется небольшая часть общества, стоящая внѣ этихъ канцелярій, и затѣмъ они или затягиваются на цѣлые годы, не получая разрѣшенія, какъ вопросъ о среднемъ образованіи, или приводятъ къ составленію проектовъ, изъ которыхъ исключена самая важная и жизненная сторона вопроса, какъ проектъ о крестьянской реформѣ; или они разрѣшены и закончены въ законодательствѣ, но, по тѣмъ или инымъ причинамъ, разрѣшающіе ихъ законы не приводятся въ исполненіе, какъ, наприм., уже разсмотрѣнное государственнымъ совѣтомъ новое уголовное уложеніе; или, будучи приведены въ исполненіе, не проникаютъ въ жизнь и не производятъ на нее того серьезнаго вліянія, которое бы они должны были производить, какъ, наприм., законы о мелкомъ кредитѣ; или, наконецъ, при первомъ столкновеніи съ жизнью оказываются несостоятельными, вродѣ извѣстнаго ветеринарнаго закона. Мудрено ли, что при такихъ обстоятельствахъ общество въ концѣ-концовъ перестаетъ интересоваться многими волновавшими его вопросами. Теперь, напримѣръ, никто ничего не знаетъ, чего можно ожидать по отношенію къ классицизму средней школы. Г. Э. Зенгеръ самъ былъ классикъ и, конечно, далекъ отъ всякаго подозрѣнія въ томъ, чтобы онъ стремился къ чрезчуръ радикальному измѣненію существующаго воспитательнаго и образовательнаго строя нашихъ учебныхъ заведеній. А между тѣмъ мнящія себя наслѣдниками Катковскихъ традицій *Московскія Вѣдомости* сопровождали уходъ бывшаго министра такими разсужденіями: «При Г. Э. Зенгерѣ учебное дѣло впередъ не пошло... Въ немъ соединены были многія качества, необходимыя для министра народнаго просвѣщенія въ нормальное, спокойное время школьной жизни: глубокая ученость, близкое знакомство съ учебнымъ дѣломъ... ясный и открытый умъ, доброе сердце и чуткая отзывчивость ко всему доброму, большая работоспособность и неменьшая житейская опытность, соединенная съ тонкимъ осторожнымъ тактомъ. При нормальныхъ условіяхъ этихъ качествъ было бы совершенно достаточно для министра народнаго просвѣщенія, но при тѣхъ условіяхъ, среди которыхъ не по своей винѣ находился Г. Э. Зенгеръ, ихъ было слишкомъ мало... Будущій министръ народнаго просвѣщенія... долженъ прежде всего водворить порядокъ и дисциплину въ нашу высшую, среднюю и низшую школу и преградить къ нимъ доступъ атеистической и противогосударственной пропагандѣ». Такимъ образомъ для современныхъ продолжателей Катковскихъ традицій вопросъ о воспитательной системѣ, о классицизмѣ и реализмѣ, — все это уже überwundenes Standpunkt. Дѣло ставится просто и ясно: министръ народнаго просвѣщенія есть не представитель мирной воспитательной дѣятельности, въ какомъ бы направленіи она ни велась: всѣ качества, пригодныя для такой дѣятельности, теперь не ко времени. Теперь онъ долженъ быть министромъ борьбы и преслѣдованія. Поряд-

и дисциплина, но, очевидно, не такіе, какіе были до сей поры, результатами которыхъ недовольны *Московскія Вѣдомости*.

И вотъ московская газета ждетъ новаго министра себѣ по душѣ. И люди другихъ взглядовъ ждутъ тоже согласно со своими желаніями. Чьи ожиданія сбудутся и кто останется доволенъ? Вѣроятно, ни тѣ, ни другіе, потому что и тѣ и другіе строятъ свои ожиданія на томъ невѣроятномъ предположеніи, что новое лицо, хотя бы и поставленное на столь высокій постъ, какъ званіе министра народнаго просвѣщенія, собственной своей иниціативой создастъ что-нибудь новое, кореннымъ образомъ разрѣшающее основные вопросы общественнаго воспитанія, и собственной энергіей проведетъ въ жизнь это рѣшеніе. Забываютъ при этомъ то, что всякое новое лицо, какъ бы убѣжденно и какъ бы энергично по натурѣ оно ни было, не можетъ дѣйствовать иначе какъ въ условіяхъ окружающей его среды. Можно сдѣлать, что угодно, вплоть до пріятнаго *Московскимъ Вѣдомостямъ* назначенія фельдфебеля въ Вольтеры, но чтобы этотъ фельдфебель-Вольтеръ сумѣлъ провести свои фельдфебельскіе принципы внѣ той среды, гдѣ они дѣйствуютъ,—это дѣло невозможное. И если бы могъ быть сдѣланъ такой опытъ, то нѣтъ сомнѣнія, что черезъ мѣсяцъ тѣ же *Московскія Вѣдомости* стали бы упрекать и фельдфебеля въ либерализмѣ и противогосударственной пропагандѣ, вродѣ того какъ теперь *Гражданинъ* сокрушается о либерализмѣ земскихъ начальниковъ. Въ концѣ-концовъ можетъ явиться общая безпринципность и безцѣльность жизни, и общество потеряетъ свою органическую структуру, распадаясь въ безформенную массу, въ которой отдѣльныя явленія не гармонируютъ другъ съ другомъ. Вотъ, напримѣръ, такой фактъ: по словамъ владикавказскихъ газетъ, командующій войсками кавказскаго военнаго округа разрѣшилъ взыскать съ жителей селеній Гудермесъ и др. Грозненскаго округа штрафъ въ размѣрѣ 500 руб. для вознагражденія вдовы убитаго казака станицы Шелковской—Ивана Бравко. Случай этотъ не обращаетъ на себя вниманія и подобные случаи бывали и въ другихъ мѣстахъ, а между тѣмъ какой пережитокъ глубокой древности представляетъ собою въ двадцатомъ вѣкѣ эта вира за убійство, наложенная на цѣлую округу. Или вотъ возьмите еще мелкій фактъ: алапаевскій становой приставъ разослалъ волостнымъ старшинамъ распоряженіе о составленіи приговоровъ, чтобы родители воспрещали дѣтямъ отлучаться изъ дому по вечерамъ: 14-лѣтнимъ и старше, зимою позже восьми, а лѣтомъ десяти часовъ, а тѣмъ, которые моложе 14 лѣтъ, зимою позже пяти, а лѣтомъ восьми час. И сопоставьте съ этой полицейско-воспитательной идилліей такіе факты, какъ сообщаемые кіевскимъ корреспондентомъ *Пет. Вѣд.* «Недавно въ Ростовѣ,—пишетъ онъ,—были задержаны двѣ малолѣтнія проститутки 10 и 11 лѣтъ... Весь югъ охваченъ проституціей малолѣтнихъ дѣвочекъ, среди которыхъ множество едва достигшихъ 6—7-лѣтняго возраста. Дѣло это ведется открыто и на улицахъ городовъ юга: Кіева, Одессы, Ростова—явно и безстыдно торгуютъ дѣтскимъ тѣломъ. Загляните въ кафе-шантаны Кіева, и вы увидите явленіе

небывалое: за столиками съ мужчинами сидятъ дѣвочки 10—12 лѣтъ и пьютъ вино; подъ конецъ вечера ихъ развозятъ по гостиницамъ. Врачи говорятъ, что появленіе малолѣтней проститутки въ амбулаторіи не удивляетъ никого: 75% изъ нихъ заражены венерическими болѣзнями. Масса дѣвочекъ 8—10 лѣтъ находится на содержаніи у мѣстныхъ богачей, нанимающихъ имъ квартиры, на которыхъ происходятъ оргіи, и еще недавно весь Кіевъ открыто называлъ нѣсколькихъ весьма солидныхъ лицъ, на совѣсти которыхъ лежала не одна загубленная дѣтская душа». Вѣдь если половина этого правда,—а навѣрное и все правда,—то за человѣка становится страшно. И все это дѣлается на виду у всѣхъ. Въ виду такого рода фактовъ, съ одной стороны, и разнаго рода безпорядковъ—съ другой стороны, въ послѣднее время изъ самыхъ различныхъ общественныхъ лагерей часто ставится вопросъ: не понизилась ли у насъ народная нравственность сравнительно съ уровнемъ ея, бывшимъ до отмѣны крѣпостного права или въ первое время послѣ освобожденія крестьянъ, которые по преимуществу и имѣются въ виду при постановкѣ этого вопроса. Безъ сомнѣнія предметъ этотъ слишкомъ обширенъ и серьезенъ, чтобы разсматривать его мимоходомъ въ короткой журнальной статьѣ; но не входя въ подробное обоснованіе нашихъ мнѣній по этому поводу, намъ кажется, что на поставленный вопросъ всего правильнѣе было бы отвѣтить такимъ образомъ: народная нравственность и прежде была не выше, чѣмъ теперь. Но прежде не только въ крестьянской средѣ, но и вообще въ русскомъ обществѣ и народѣ существовалъ опредѣленный, исторически сложившійся въ неподвижныя, кристаллическія формы укладъ, проявлявшійся не только во внѣшнемъ образѣ жизни, но и отражавшійся на внутренней умственной и нравственной, ея сторонѣ. Различные классы общества были строго разграничены, какъ по своему положенію и значенію въ государствѣ, такъ и по своему умственному и нравственному складу. Какъ была барская, духовная, чиновничья и мужичья образованность, такъ была и барская, военная, чиновничья и мужичья нравственность со своими сознательными или безсознательными уставами и традиціями. Во всѣхъ этихъ видахъ нравственности, и можетъ быть менѣе всего въ мужицкой, было очень мало нравственности общечеловѣческой, ибо прежде всего весь общественный, въ томъ числѣ и нравственный, строй основывался на признаніи правомѣрности рабства. Но какъ бы ни было само по себѣ безнравственно это основаніе, оно служило прочнымъ до поры до времени базисомъ, на которомъ, какъ и въ древней Греціи, могла развиваться своеобразная культура и даже расцвѣтать цвѣты поэзіи. Эта поэзія и культура были, конечно, по преимуществу тепличныя, и ихъ лучшіе носители обыкновенно погибали, выходя за предѣлы этой теплицы и соприкасаясь со внѣшнимъ морозомъ. Масса же народа коснѣла въ самомъ глубокомъ невѣжествѣ умственномъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нравственномъ. Общественныя права и обязанности мужика сводились къ рабскому повиновенію помѣщику или чиновнику, до тѣхъ поръ пока не оказывалось возможнымъ обмануть одного или поду-

пить другого, что то же входило въ кодексъ мужицкой нравственности. Религіозныя обязанности сводились къ грубѣйшему суевѣрію и къ уплатѣ поборовъ духовенству. Семейныя отношенія складывались на основахъ самаго первобытнаго деспотизма домохозяина, въ свою очередь подчиненнаго деспотизму помѣщика. Въ бракѣ играли главную роль или экономическія соображенія, или распоряженіе свыше; и меньше всего взаимная склонность брачущихся. Половой развратъ опять-таки регулировался только семейнымъ и начальственнымъ усмотрѣніемъ. Такова была въ общемъ нравственность въ то доброе старое время, которое нерѣдко приводятъ теперь въ примѣръ нашему времени, указывая на существовавшую тогда якобы простоту и патріархальность отношеній. Простота, можетъ быть, и была, но самъ народъ сложилъ пословицу, что иная простота хуже воровства; а что касается до патріархальности, то едва ли это ужъ будетъ такой похвальный эпитетъ, если мы припомнимъ нѣкоторые эпизоды изъ жизни даже настоящихъ патріарховъ. Намъ припоминается, не помнимъ откуда, выраженіе Гл. Успенскаго, гдѣ онъ, говоря о нашихъ деревенскихъ Авраамахъ и Исаакахъ, прибавляетъ къ ихъ характеристикѣ — и Хамы, между прочимъ. Вотъ эта-то хамская нравственность и выставляется теперь въ примѣръ противъ нынѣшней разнузданности. Мы сами указывали на существованіе такой разнузданности—и въ разныхъ сферахъ, и разумѣется, не видимъ въ ней ничего хорошаго. Но, во-первыхъ, еще вопросъ, что лучше—разнузданность, или твердо упроченное поголовное хамство, а во-вторыхъ, нужно же вѣдь понять, откуда берется и что знаменуетъ собою эта разнузданность. Намъ кажется, что отношеніе между существующимъ нравственнымъ строемъ народа и прежнимъ дореформеннымъ можетъ быть выражено такъ: прежде была безсознательность и неподвижность, т.-е. отсутствіе жизненнаго развитія; теперь имѣются зачатки этого развитія, но оно совершается при неблагопріятныхъ условіяхъ и потому идетъ неправильнымъ путемъ и часто даетъ нездоровые результаты. Можно сказать, что прежняя наша жизнь была похожа на состояніе дерева зимой, когда оно не умираетъ, но и не живетъ и не развивается. Послѣдующее же время похоже на плохую весну, когда сравнительно теплая и сырая погода смѣняется суровыми заморозками, вслѣдствіе чего начинающія распускаться древесныя почки мерзнутъ и отпадаютъ, а на мѣсто ихъ появляются маленькія, недоразвитыя; все дерево растетъ неравномѣрно, смотря по болѣе или менѣе защищенному положенію разныхъ его сторонъ, и въ концѣ-концовъ получаетъ болѣзненный видъ и уродливую форму.

Въ заключеніе нашей хроники укажемъ на нѣкоторые болѣе замѣтные факты послѣдняго времени изъ дѣятельности въ сферѣ народнаго образованія. Изъ правительственныхъ мѣропріятій отмѣтимъ слѣдующія: въ Петербургѣ закончила свои засѣданія коммиссія подъ предсѣдательствомъ товарища оберъ-прокурора святѣйшаго синода В. К. Саблера по объединенію дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія и духовнаго вѣдомства въ дѣлѣ начальнаго образованія. Въ составъ коммиссіи

входили представители обоихъ вѣдомствъ, въ томъ числѣ наблюдатели церковно-приходскихъ школъ въ западномъ краю. Духовнымъ вѣдомствомъ было сдѣлано предложеніе о лишеніи мѣстныхъ обществъ, промышленныхъ учрежденій и частныхъ лицъ, дающихъ средства на открытіе народныхъ училищъ, права открывать школы того или другого типа. Желающіе содѣйствовать народному образованію пожертвованіями не должны, по мнѣнію духовнаго вѣдомства, имѣть рѣшающаго голоса въ выборѣ типа школъ: этотъ вопросъ долженъ рѣшаться представителями обоихъ вѣдомствъ. Предложеніе это касалось и земскихъ губерній, но по отношенію къ нимъ оно не получило утвержденія коммиссіи; для юго-западнаго же края оно, несмотря на возраженія, принято; окончательное рѣшеніе будетъ зависѣть отъ согласія будущаго министра народнаго просвѣщенія.

Въ газеты проникло извѣстіе о распоряженіи министерства народнаго просвѣщенія, которымъ подтверждается, чтобы учебныя начальства округовъ не давали разрѣшеній новыхъ начальныхъ народныхъ училищъ, прежде чѣмъ не будетъ обезпечено въ каждомъ изъ нихъ надлежащее преподаваніе Закона Божія. Комментируя эти распоряженія, черниговскій земскій сборникъ говоритъ, что «строгость требованій относительно обезпеченія напередъ преподаванія Закона Божія въ народныхъ училищахъ при извѣстныхъ условіяхъ можетъ явиться серьезнымъ препятствіемъ къ достиженію всеобщаго обученія». Надлежащимъ преподаваніемъ Закона Божія обыкновенно признается преподаваніе священника или учителя, окончившаго курсъ духовной семинаріи, а съ разрѣшенія епархіальнаго начальства допускаются къ преподаванію и учительницы, окончившія курсъ епархіальнаго училища. Но ни послѣднія, ни духовные семинаристы не представляютъ достаточнаго обезпеченія, потому что нельзя поручиться за постоянное пребываніе ихъ въ данной школѣ. «При увеличеніи же числа школъ до количества, обезпечивающаго всеобщее обученіе, въ каждомъ приходѣ или, по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ изъ нихъ окажется по нѣсколько школъ, причемъ найдутся и далеко отстоящія отъ приходскаго села, что сдѣлаетъ невозможнымъ для священника преподаваніе Закона Божія во всѣхъ школахъ прихода». Да и основательно ли самое требованіе?—прибавимъ мы отъ себя. Неужели въ учительскихъ семинаріяхъ или въ гимназіяхъ, состоящихъ въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія, преподаваніе Закона Божія стоитъ ниже, чѣмъ въ епархіальныхъ училищахъ? Вѣдь и въ гимназіяхъ, и въ учительскихъ семинаріяхъ оно ведется священниками и зачастую магистрами богословія, спеціально занимающими должности законоучителей. Если, несмотря на это, оканчивающіе курсъ въ этихъ заведеніяхъ учителя и учительницы признаются недостаточно свѣдущими для преподаванія Закона Божія даже въ народной школѣ, то не явное ли это testimonium paupertatis самимъ законоучителямъ-священникамъ? Надо при этомъ имѣть въ виду, что у священника не только и не времени, но можно сказать, что все его время не принадлежитъ ему, т къ

какъ его, подобно врачу, могутъ требовать во всякое время дня и ночи. Какъ же тутъ вести правильное преподаваніе?

Министерство народнаго просвѣщенія обратило вниманіе на поднятіе образовательнаго уровня учителей начальныхъ школъ. Съ этою цѣлью значительно расширена программа предметовъ, преподаваемыхъ въ учительскихъ семинаріяхъ. Въ программу русскаго языка введенъ курсъ исторіи русской литературы. Расширена программа математики, введенъ курсъ всеобщей исторіи, тогда какъ до сихъ поръ была только русская исторія. Кромѣ входившей уже въ программу методики русскаго языка, предположено ввести методику исторіи, географіи, геометріи и естествовѣдѣнія. Сообщая объ этомъ, *Вѣстникъ Таврическаго Земства* высказываетъ предположеніе, что реформа въ дѣлѣ подготовки учителей начальныхъ школъ намѣчаетъ направленіе, въ которомъ, по всей вѣроятности, послѣдуетъ расширеніе программъ начальной школы.

Интересное разъясненіе получено отъ министерства внутреннихъ дѣлъ *Новымъ Временемъ*, въ которомъ было напечатано, что московское губернское земское собраніе, обсудивъ вопросъ о правительственной субсидіи на содержаніе земскихъ школъ, постановило не возбуждать ходатайства объ этомъ, потому что «министерство народнаго просвѣщенія соглашается выдавать пособія земствамъ на открытіе и содержаніе начальныхъ школъ только на условіи, чтобы назначеніе учителей всецѣло перешло изъ рукъ училищнаго совѣта, т.-е. учрежденія правительственнаго съ участіемъ представителей земствъ, въ руки министерской инспекціи, т.-е учрежденія чисто-бюрократическаго. Разъясненіе утверждаетъ, что такое заключеніе основано на недоразумѣніи. Съ назначеніемъ правительственной субсидіи казна становится участникомъ въ содержаніи училища и потому для инспектора, какъ представителя казны, возникаетъ обязанность попеченія о замѣщеніи открывающихся въ училищѣ преподавательскихъ вакансій наравнѣ съ прочими содержателями училища, а не послѣ ихъ. Такимъ образомъ указанное измѣненіе матеріальнаго положенія училища лишь увеличиваетъ обязанности инспектора, но нимало не нарушаетъ правъ ни земства, какъ содержателя училища, ни училищнаго совѣта, такъ какъ и съ воспослѣдованіемъ такого измѣненія учителя должны быть назначаемы не иначе, какъ по взаимному соглашенію земства и инспектора народныхъ училищъ и утверждаемы въ должностяхъ не иною властью, какъ уѣзднымъ училищнымъ совѣтомъ. Намъ, однако, и послѣ этого разъясненія кажется, что дѣло тутъ не въ одномъ недоразумѣніи. Несомнѣнно, что, назначая субсидію, казна получаетъ и право содержателя школъ; это вполнѣ логично и не заключаетъ въ себѣ ничего несправедливаго, но земство-то во всякомъ случаѣ должно будетъ раздѣлить свои права съ представителемъ казны, а такъ какъ послѣдній есть не кто иной, какъ инспекторъ, то онъ получаетъ двойныя права, т.-е. онъ будетъ участвовать вмѣстѣ съ земствомъ въ пріисканіи учителя и въ то же время, какъ власть наблюдающая, давать свое согласіе на его назначеніе. Совсѣмъ не все равно

быть ли единственнымъ владѣльцемъ имѣнія, или однимъ изъ совладѣльцевъ, особенно если другой совладѣлецъ есть лицо власть имущее. Поэтому намъ понятна та осторожность, которую выказало въ этомъ дѣлѣ московское собраніе.

Изъ новыхъ административныхъ мѣропріятій въ области низшаго народнаго образованія можно упомянуть объ утвержденныхъ 18 января министромъ народнаго просвѣщенія правилахъ о книжныхъ складахъ и о народныхъ библіотекахъ при низшихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія. Существенно новаго въ этихъ учрежденіяхъ, впрочемъ, нѣтъ ничего, такъ какъ и въ склады при школахъ для продажи, и въ библіотеки для чтенія допускаются все же только тѣ книги, которыя допущены къ употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ и въ народныхъ библіотекахъ и читальняхъ. Книжные склады открываются въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ съ разрѣшенія губернатора, смотря по школѣ, при какой они учреждаются—по ходатайству училищнаго совѣта, директора или инспектора народныхъ училищъ. Завѣдываніе складомъ возлагается на одного изъ учителей съ согласія губернатора. Библіотеки открываются съ разрѣшенія училищнаго совѣта, директора или инспектора училищъ и завѣдываніе ими возлагается на одного изъ учителей съ согласія разрѣшающей власти. Книги изъ такихъ библіотекъ выдаются только на домъ. Нѣкоторыя земства уже приступили къ устройству народныхъ библіотекъ при школахъ. Такъ, нижегородскому уѣздному земству разрѣшено открыть публичныя библіотеки при 77 народныхъ училищахъ. Бобровское уѣздное земство тоже устраиваетъ цѣлую сѣть безплатныхъ народныхъ библіотекъ при земскихъ училищахъ.

Изъ состоявшихся въ послѣднее время постановленій земскихъ собраній можно упомянуть слѣдующія: въ московскомъ земскомъ собраніи обращаетъ на себя вниманіе проектъ объ учрежденіи «высшаго народнаго училища», т.-е. крестьянской школы высшаго типа. Необходимость выработки такого типа давно уже сознавалась земствами, и нѣтъ сомнѣнія, что существующій долговременный опытъ въ школьномъ дѣлѣ и близкое знакомство съ требованіями и условіями крестьянской жизни даютъ земству возможность создать въ этомъ направленіи нѣчто отвѣчающее дѣйствительной потребности. Можетъ быть, именно московское земство есть одно изъ стоящихъ въ этомъ случаѣ въ наилучшихъ условіяхъ, такъ какъ, съ одной стороны, народное образованіе въ Московской губерніи сравнительно хорошо поставлено, съ другой — оно отличается разнообразіемъ условій сельско-хозяйственной и промышленной жизни, могущихъ дать указанія для наиболѣе цѣлесообразнаго приспособленія школъ повышеннаго типа къ требованіямъ жизни. Другой вопросъ, насколько окажется возможнымъ практическое примѣненіе выработанныхъ земствомъ плановъ. До сихъ поръ, желая устроить общеобразовательную школу высшаго типа, земства обращались къ учрежденію торговыхъ школъ вѣдомства министерства финансовъ, представлявшихъ нѣсколько большую гибкость и разнообразіе от-

сительно программъ. Такъ, напримѣръ, харьковское земство устроило такую школу въ Валкахъ. На возможное отношеніе къ московскому проекту министерства народнаго просвѣщенія указываетъ слѣдующій фактъ: саратовское губернское земское собраніе 1901 года постановило ходатайствовать въ ознаменованіе сорокалѣтія освобожденія крестьянъ, объ открытіи при четырехъ земско-общественныхъ школахъ саратовскаго уѣзда вторыхъ классовъ на правахъ частныхъ учебныхъ заведеній, на что и ассигновало 3,000 руб. Въ настоящее время полученъ отвѣтъ: министерство народнаго просвѣщенія, не отрицая потребности во вторыхъ классахъ, дѣлаетъ указаніе, что земство можетъ открыть вторые классы при означенныхъ школахъ, преобразовавъ ихъ въ министерскія двухклассныя.

Въ нѣкоторыхъ губернскихъ земскихъ собраніяхъ возбуждался вопросъ о реформѣ средней школы: саратовское собраніе постановило ходатайствовать о необходимости скорѣйшаго осуществленія такой реформы, которая создала бы среднюю школу на началахъ довѣрія къ общественнымъ силамъ, устранила бы изъ школы излишній формализмъ и установила бы тѣсную связь школы съ семьей. Со своей стороны орловское земское собраніе постановило: 1) что вопросъ о реформѣ средней школы можетъ быть удовлетворительно рѣшенъ только при условіи предоставленія обществу и общественнымъ учрежденіямъ, въ томъ числѣ и земскимъ, широкой иниціативы въ устройствѣ и веденіи школы, и 2) тѣ низшія училища, которыя являются продолженіемъ начальной школы, т.-е. уѣздныя и трехъ- и четырехъ классныя городскія, желательно видоизмѣнить въ томъ смыслѣ, чтобы они представляли изъ себя младшіе классы средней школы и составляли такимъ образомъ а) законченное звено общаго образованія и б) ступень къ его дальнѣйшему прохожденію.

В. Л.

II.

О боевой юстиціи.—Изъ жизни провинціи.—Отъ организаціонной коммиссіи второго международнаго съѣзда представителей философіи.

Вопросъ о правахъ защиты на судѣ продолжаетъ волновать нашу печать. Съ фактической стороны вопросъ, собственно, исчерпанъ тѣмъ разъясненіемъ сената, о которомъ мы говорили въ прошломъ «обозрѣніи»: свобода защиты возстановлена, а попытки къ ея ограниченію признаны незакопными. Судебные уставы одержали такимъ образомъ побѣду. Все же, хотя опасность уже миновала, весь этотъ инцидентъ оставилъ по себѣ какой-то непріятный осадокъ. И теперь, когда не приходится уже приводить новыхъ соображеній въ доказательство такихъ элементарныхъ положеній, что совѣсть присяжныхъ должна быть свободна, что защита не можетъ быть ограничена въ своемъ правѣ просить объ оправданіи подсудимаго и т. п., невольно возникаетъ вопросъ: чѣмъ же вызванъ этотъ инцидентъ? почему столь простое и, казалось бы, ясное и безспорное положеніе, такъ глубоко вкоренившееся уже въ общественное сознаніе,

что рѣшеніе вопроса о виновности подсудимаго всецѣло предоставлено закономъ свободной совѣсти присяжныхъ засѣдателей, внезапно такъ затемнилось и вызвало столько страстныхъ споровъ? И какое вообще значеніе имѣетъ весь этотъ инцидентъ?

Попытку подойти къ вопросу съ этой именно стороны мы встрѣтили въ № 9 *Права* въ статьѣ г. Соколова «Боевая юстиція». По мнѣнію автора статьи, печальный инцидентъ вызванъ водворившимся у насъ въ судахъ присяжныхъ особымъ видомъ юстиціи—боевой юстиціи. Характеръ этой юстиціи онъ поясняетъ фактами изъ хроники уголовныхъ отдѣленій петербургскаго суда за послѣдніе года. Дѣло въ томъ, что два-три года тому назадъ должности товарищей предсѣдателя въ этихъ отдѣленіяхъ стали замѣщаться нѣкоторыми лицами, выдвинувшимися въ рядахъ прокуратуры. Вслѣдствіе этого «настроеніе въ залахъ суда сразу водворилось повышенное и, къ сожалѣнію, сильно обвинительнаго оттѣнка. Многолѣтняя служба въ прокурорскомъ надзорѣ, независимо даже отъ тѣхъ особыхъ условій, въ которыхъ она у насъ протекаетъ, какъ всякая спеціальная дѣятельность, неизбѣжно вырабатываетъ извѣстный шаблонъ въ воззрѣніяхъ на силу уликъ, разсматриваемыхъ подъ нѣкоторымъ спеціальнымъ угломъ зрѣнія. И бывшій блестящій прокуроръ, занявъ предсѣдательское кресло, естественно чаще всего оказывался единомышленникомъ своего недавняго соратника — обвинителя. Публикѣ, конечно, памятны эффектныя предсѣдательскія напутствія, въ которыхъ талантливо пополнялись пробѣлы обвиненія и подвергалась рѣзкой критикѣ защита». Мало-по-малу въ резюме стали проводиться и общія положенія, неблагопріятныя защитѣ, присяжныхъ предостерегали отъ присвоенія ими права помилованія, говорили имъ о произволѣ, о сантиментальности, попирающей законъ и т. д.

Когда такимъ образомъ почва была подготовлена, явились и сенатскія рѣшенія, разъяснявшія, что защита не имѣетъ права просить объ оправданіи при наличности сознанія подсудимаго. То обстоятельство, что эти рѣшенія хотя и состоялись лишь по дѣламъ, производившимся въ 1 отдѣленіи петербургскаго суда и не публиковались во всеобщее свѣдѣніе, становились извѣстны и другимъ отдѣленіямъ, которыя также усердно ихъ примѣняли, доказываетъ, по мнѣнію автора статьи, что указанія сената явились лишь отвѣтомъ на давнія затаенныя чаянія, что ими какъ бы подводился фундаментъ подъ уже выстроенное, но лишенное прочной опоры зданіе.

Такое объясненіе историческаго хода событій приводитъ г. Соколова къ убѣжденію въ нецѣлесообразности того установившагося у насъ порядка вещей, по которому лица, посвятившія себя прокурорской карьерѣ, перемѣщаются на судейскія должности.

Несомнѣнно, что явленіе, которое авторъ статьи называетъ боевой юстиціей, дѣйствительно существуетъ въ нашей судебной практикѣ. Существуетъ не въ одномъ Петербургѣ, а повсемѣстно въ Россіи. Типъ

предсѣдателя уголовнаго суда, который широко пользуется своей дискреціонной властью для того, чтобъ «остановить», «оборвать» защитника, направляетъ судебное слѣдствіе въ духѣ обвиненія и съ этой цѣлью дискредитируетъ свидѣтелей защиты и внимательно относится къ свидѣтелямъ обвиненія, разрѣшаетъ оглашеніе однихъ документовъ и не разрѣшаетъ оглашенія другихъ (извѣстно, что роль двухъ другихъ членовъ суда по этимъ вопросамъ на практикѣ сводится къ нулю) и, наконецъ, является въ своемъ резюме энергичнымъ, иногда страстнымъ обвинителемъ и рѣзкимъ критикомъ защиты,—такой типъ, къ сожалѣнію, сталъ слишкомъ распространеннымъ и общеизвѣстнымъ. Щедринскій предсѣдатель, который въ своемъ резюме ограничивался разъясненіемъ: «если вы признаете подсудимаго невиновнымъ, то отвѣчайте: нѣтъ, невиновенъ; а если признаете виновнымъ, то отвѣчайте: «да, виновенъ»,—если онъ и существовалъ когда-нибудь, давно ужъ отошелъ въ область прошлаго. Нынѣшній предсѣдатель—властный, энергичный, строгій къ защитѣ, милостивый къ обвинителю, старающійся импонировать присяжнымъ. Въ провинціи этотъ типъ встрѣчается даже въ болѣе рѣзкомъ видѣ, чѣмъ въ столицахъ, что легко объясняется и тѣмъ, что среди небогатой чинами провинціальной бюрократіи должность предсѣдателя сама по себѣ является очень видной, и тѣмъ, что составъ присяжныхъ тамъ болѣе сѣрый и болѣе способный поддаваться предсѣдательскому внушенію, и тѣмъ, что защита не располагаетъ достаточно выдающимися и яркими силами. Даже тѣ же столичные предсѣдатели, выѣзжая на уѣздныя сессіи и почувствовавъ себя тамъ въ болѣе простой и менѣе стѣсняющей ихъ обстановкѣ, становятся болѣе рѣзкими и властными и чаще обнаруживаютъ склонность къ нарушенію предсѣдательскаго безпристрастія.

Все это такъ, но причина этого явленія вовсе не въ томъ, что въ предсѣдатели стали назначать лицъ, выдвинувшихся въ рядахъ прокуратуры. Г. Соколовъ самъ говоритъ, что такія назначенія начались въ Петербургѣ, какъ болѣе или менѣе обычное явленіе, лишь 2—3 года тому назадъ, между тѣмъ, какъ только что нарисованный нами типъ боевого предсѣдателя уже давно извѣстенъ и въ столицахъ и въ провинціи. Кромѣ того не всегда бывшій прокуроръ обнаруживаетъ въ качествѣ предсѣдателя обвинительную тенденцію и не всегда безпристрастенъ предсѣдатель, назначенный изъ состава той же магистратуры. По крайней мѣрѣ, мы сами знаемъ предсѣдателей изъ бывшихъ прокуроровъ, которые даже въ наше время отличаются образцовымъ судейскимъ безпристрастіемъ, хотя прежде б ли сильными прокурорами, и, наоборотъ, знаемъ «боевыхъ» предсѣдателей, вышедшихъ изъ рядовъ магистратуры. Да и прокуроры наши не столь у в страстные обвинители, и намъ не кажется особеннымъ преувеличеніемъ высказанное А. Ѳ. Кони въ лекціи о судебной этикѣ мнѣніе, что р ский прокуроръ приближается къ типу судьи.

Мы думаемъ, что причина появленія и распространенія типа «боевыхъ» п сѣдателей заключается не въ назначеніяхъ ихъ изъ прокуроровъ, а

въ общихъ условіяхъ времени. Это тѣ же причины, которые вызвали нарушеніе стройности и цѣльности Судебныхъ Уставовъ введеніемъ цѣлаго ряда новеллъ; это тѣ же причины, результатомъ которыхъ явились столь многочисленныя ограниченія гласности и процвѣтаніе усмотрѣнія.

Конечно, нельзя отрицать, что судейское спокойствіе, безпристрастіе и уравновѣшенность есть раньше всего дѣло личныхъ свойствъ человѣка, особенностей его ума и темперамента.

Одинъ человѣкъ можетъ оставаться спокойнымъ и уравновѣшеннымъ или, по крайней мѣрѣ, вполнѣ владѣть собою, какія бы страсти ни разгорались вокругъ него, другой—легко возбуждается и выходитъ изъ состоянія равновѣсія при первомъ же столкновеніи съ судебной драмой. Это можетъ случиться и съ предсѣдателемъ, и съ прокуроромъ, и съ защитникомъ. Но какъ ни желательны спокойствіе, уравновѣшенность и безпристрастіе предсѣдателя, рѣчь, вѣдь, идетъ не объ отсутствіи этихъ качествъ вообще, а о направленіи предсѣдательской дѣятельности въ извѣстную сторону. Если бы предсѣдатель не обладалъ необходимымъ безпристрастіемъ, то онъ долженъ былъ бы увлекаться какъ въ сторону обвиненія, такъ и въ сторону защиты. Но рѣчь идетъ о томъ, что онъ слишкомъ часто увлекается въ сторону обвиненія, увлекается и тогда, когда онъ вышелъ не изъ прокуроровъ, а изъ рядовъ магистратуры. А это, очевидно, объясняется тѣми общими причинами, о которыхъ мы сейчасъ говорили.

Правда, съ перваго взгляда какъ будто и нѣтъ логической и необходимой связи между принципомъ личнаго усмотрѣнія и, такъ называемыми, охранительными тенденціями, съ одной стороны, и строгимъ предсѣдательскимъ резюме и ограниченіемъ правъ защиты, съ другой стороны. Но это только съ перваго взгляда. На самомъ же дѣлѣ надо только внимательнѣе приглядѣться къ этимъ явленіямъ, какъ внутренняя связь ихъ становится очевидной.

Стоитъ только вспомнить, что нападенія на судъ присяжныхъ, на гуманность новаго суда, на «разнузданность» защиты раздаются изъ того же лагеря, изъ котораго раздаются нападенія на общественное самоуправленіе и который принципъ личнаго усмотрѣнія ставитъ превыше всего. Наши общественные теоріи и взгляды до того затемнились, что мягкость и гуманность считаются у насъ свойствами либерализма, а строгость и ежовыя рукавицы необходимой принадлежностью консерватизма. Поэтому намъ сплошь и рядомъ приходится быть свидѣтелями того, какъ печать извѣстнаго лагеря поднимаетъ шумъ и вопль по поводу того или иного оправдательнаго приговора присяжныхъ, видя въ немъ чуть ли не потр - сеніе основъ, а печать противоположнаго лагеря вынуждена въ защи г института присяжныхъ засѣдателей доказывать, что они не менѣе стро , чѣмъ коронный судъ.

Впрочемъ, авторъ статьи въ *Прав* видитъ причины зла не толь о въ порядкѣ назначенія предсѣдателей изъ прокуроровъ, а еще въ обы - ныхъ на практикѣ извращеніяхъ основныхъ началъ судебной дѣяте -

ности—гласности, устности и состязательности. Эти извращенія авторъ усматриваетъ въ излишней страстности судебныхъ засѣданій.

«Такъ, наприм., публичность засѣданій, привлекающая въ залу суда легкомысленную публику сильныхъ зрѣлищъ и ощущеній; судебные отчеты, гдѣ, при низведеніи къ нулю существа дѣла, услужливые репортеры увѣковѣчиваютъ только пикантные инциденты и удачныя фіоритуры судебныхъ соловьевъ—«любимцевъ публики», наконецъ, то повышенное нервное настроеніе, которое неизбѣжно создается всякимъ усернымъ обмѣномъ мнѣній,—все это таитъ въ себѣ зачатки многихъ золъ. Дѣятельность суда принимаетъ по сеансаціоннымъ дѣламъ по-истинѣ боевой характеръ. Для нихъ всегда имѣются «парадные» предсѣдатели, «энергичные» обвинители, «вдохновенные» защитники. Эти, привычныя къ боямъ дѣйствующія лица даютъ и принимаютъ сраженія, терпятъ пораженія, наносятъ ихъ, нерѣдко принуждая врага къ молчанію».

Всѣ эти условія, по мнѣнію автора, печально отражаются на судебномъ дѣлѣ. Они создаютъ атмосферу душную, губительно дѣйствующую на мирное насажденіе законности и подвергаютъ опасности стѣсненія и даже уничтоженія драгоцѣннѣйшія прерогативы суда.

Такъ ли это, однако? Точно ли именно съ этой стороны грозитъ опасность? Намъ кажется, что нѣтъ, что авторъ хотя и далъ сильный залпъ, но промахнулся, такъ какъ направилъ его не по надлежащему адресу. Раньше всего авторъ, изображая неблагопріятныя условія публичности засѣданій, нѣсколько сгустилъ краски, ударившись при этомъ въ ту самую «судебную беллетристику», противъ которой онъ предостерегаетъ судебныхъ ораторовъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь не одна только «легкомысленная публика сильныхъ зрѣлищъ и ощущеній» бываетъ въ залѣ суда. Бываетъ и публика серьезная, интересующаяся тѣмъ или инымъ дѣломъ, имѣющимъ общественное значеніе, бываютъ и близкіе подсудимымъ люди, которымъ вовсе не до зрѣлищъ и сильныхъ ощущеній. Да и не въ публикѣ, наконецъ, дѣло, а въ самомъ принципѣ публичности, въ томъ, что чрезъ примѣненіе этого принципа осуществляется общественный контроль и каждое дѣло можетъ быть предано гласному обсужденію печати. Точно также далеко не всѣ судебные отчеты «низводятъ существо дѣла къ нулю и увѣковѣчиваютъ только пикантные инциденты и удачныя фіоритуры судебныхъ соловьевъ—«любимцевъ публики». Въ томъ же «Правѣ» мы постоянно изъ номера въ номеръ встрѣчаемъ хорошо составленные серьезные отчеты, которые всегда заняты исключительно «существомъ дѣла», а отнюдь не пикантными инцидентами и адвокатскими фіоритурами. Да таково и огромное большинство отчетовъ въ газетахъ. Наконецъ, пусть «легкомысленная публика сильныхъ зрѣлищъ и ощущеній» и судебные отчеты, въ которыхъ «услужливые репортеры увѣковѣчиваютъ удачныя фіоритуры судебныхъ соловьевъ» составляютъ извращеніе принципа публичности. Какъ устранить это зло? Какимъ образомъ избавиться отъ легкомысленной публики и услужливыхъ репортеровъ? Не сортировать же публику по усмо-

трѣнію предсѣдателя и не подвергать же спеціальной цензурѣ газетные отчеты. Авторъ это, повидимому, и самъ понимаетъ, и говоритъ, что указанныя имъ печальныя явленія вытекаютъ «изъ обычнаго во всякомъ человѣческомъ дѣлѣ извращенія нѣкоторыхъ общихъ свойствъ современнаго процесса, это своего рода malum necessarium», которое, однако, могло бы быть низведено до minimum'а при наличности «задерживающихъ» началъ. Но какія «задерживающія» начала могли бы устранить изъ залы суда легкомысленную публику, недобросовѣстные отчеты и адвокатскія «фіоритуры»— остается непонятнымъ.

Но гораздо важнѣе то, что остается также непонятнымъ, въ какой связи находится іереміада автора объ отрицательныхъ сторонахъ принципа публичности съ вопросомъ о свободѣ защиты. Непонятно, почему присутствіе въ залѣ суда легкомысленной публики, печатаніе плохихъ отчетовъ и фіоритуры адвокатовъ подвергаютъ опасности стѣсненія и даже уничтоженія драгоцѣннѣйшія прерогативы суда. Повидимому, мысль автора заключается въ томъ, что присутствіе публики, любящей сенсацію, и страстный характеръ преній сторонъ, вызываетъ также предсѣдателя на эксцессы и такимъ образомъ подвергаетъ опасности драгоцѣннѣйшія прерогативы суда, а въ томъ числѣ и свободу защиты. Но это, конечно, не вѣрно. Если страстныя пренія и создаютъ повышенное нервное настроеніе и нарушаютъ спокойствіе и душевное равновѣсіе предсѣдателя, то почему же это равновѣсіе нарушается, какъ это утверждаетъ самъ авторъ, именно въ пользу обвиненія, а не въ пользу защиты? Ни для кого не тайна, что на судебной аренѣ защита часто представлена болѣе выдающимися и яркими силами, чѣмъ обвиненіе, а между тѣмъ, какъ бы ни была страстна борьба, и какъ бы сочувствіе слушателей и присяжныхъ ни склонялось въ сторону защиты, предсѣдатель неизмѣнно склоняется въ сторону обвиненія. Ясно, что дѣло вовсе не въ нервномъ настроеніи, вызываемомъ страстными преніями, а въ обвинительной тенденціи предсѣдателя, вытекающей изъ тѣхъ общихъ условій времени, о которыхъ мы выше говорили.

Инцидентъ, возбудившій вопросъ о правахъ защиты, какъ извѣстно, произошелъ при разбирательствѣ дѣла о кражѣ. Дѣло это, очевидно, не имѣло никакого сенсаціоннаго характера и не могло вызвать страстныхъ преній. Навѣрное, не было въ залѣ суда и легкомысленной публики сильныхъ зрѣлищъ и ощущеній. Какое-жъ это «сильное зрѣлище»,—подсудимый, обвиняемый въ кражѣ? Нервнаго настроенія въ залѣ суда, очевидно, не было, а между тѣмъ именно на этомъ простомъ, сѣромъ, заурядномъ засѣданіи, права защиты и «драгоцѣннѣйшія прерогативы суда» неожиданно подверглись сильнѣйшей опасности. Нужно ли еще лучшее доказательство того, что опасенія, внушаемыя автору страстностью судебной борьбы, совершенно излишни? Опасности одинаково грозятъ защитѣ на простыхъ дѣлахъ, и на сенсаціонныхъ. Если хотите, то на простыхъ даже чаще, потому что по сенсаціоннымъ дѣламъ обыкновенно выступаютъ болѣе выдающіеся адвокаты, съ которыми самый рьяный предсѣд

тель будетъ держаться осторожно, зная, что онъ встрѣтитъ надлежащій отпоръ, а по простымъ дѣламъ чаще выступаютъ менѣе опытные и менѣе талантливые защитники, и предсѣдатель позволяетъ себѣ лишній разъ «остановить» и «оборвать» защиту. Зайдите въ залу суда и вы увидите, что адвокату съ громкимъ именемъ безнаказанно сходятъ самыя смѣлыя «фіоритуры», выражаясь стилемъ нашего автора, а начинающаго робкаго молодого защитника предсѣдатель безцеремонно останавливаетъ на каждомъ шагу.

Въ февральскомъ «обозрѣніи» пришлось намъ говорить о саратовской благотворительности. Читатель помнитъ объ этой «благотворительности»: въ Саратовѣ въ благотворительныхъ пріютахъ съ корнемъ выдираютъ волосы питомцамъ, держатъ ихъ впроголодь, сажаютъ обѣдать за однимъ столомъ съ босяками, отъ которыхъ они заражаются сифилисомъ и т. д. Оказывается, однако, что немало есть въ Россіи уголковъ, гдѣ процвѣтаетъ такая же своеобразная благотворительность, какъ и въ Саратовѣ.

Такъ, интересныя свѣдѣнія сообщаютъ *Петербургскія Вѣдомости* о владимірской земледѣльческой колоніи для безпріютныхъ дѣтей и несовершеннолѣтнихъ преступниковъ. Съ воспитанниками здѣсь обращаются очень грубо, часто сажаютъ въ карцеръ, бьютъ до крови и даже... давятъ!... При такихъ порядкахъ заставляютъ еще нести тяжелый «каторжный» трудъ по устройству фруктоваго сада съ теплицей. Послѣ этого неудивительно, что воспитанники, не цѣня оказываемыхъ имъ благодѣяній, бѣгутъ изъ колоніи. Но и остающіеся подъ благотворнымъ воздѣйствіемъ воспитательной системы колоніи не исправляются. Наоборотъ, многіе еще болѣе испортились. Такъ, отчетъ ревизіонной коммиссіи констатируетъ, что много серьезныхъ проступковъ было совершено воспитанниками, пробывшими въ пріютѣ нѣсколько лѣтъ. И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. За недостаткомъ воспитателей колонисты остаются, главнымъ образомъ, подъ надзоромъ низшихъ служащихъ—дядекъ и подмастерьевъ, среди которыхъ находились бывшіе же воспитанники. Какое воспитательное вліяніе могутъ оказать такіе дядьки,—понятно само собою.

Любопытно, что даже въ школьныхъ занятіяхъ участвуютъ далеко не всѣ питомцы пріюта, а въ мастерскихъ работаютъ, главнымъ образомъ, наемныя лица, при ничтожномъ участіи воспитанниковъ.

Право, ужъ лучше было бы владимірцамъ пріютовъ не открывать и благотворительностью не заниматься.

Конечно, то, что творится во владимірскихъ благотворительныхъ учрежденіяхъ, представляетъ собою выходящія изъ ряда явленія, но и вообще, какъ извѣстно, не везетъ намъ съ благотворительными и общественно-просвѣтительными учрежденіями. Не умѣемъ мы ни правильно организовать дѣло, ни привлечь къ нему необходимыя силы, а главное, нѣтъ у насъ характера и выдержки. Мы быстро воспламеняемся и набрасываемся на какое-нибудь дѣло и также быстро остываемъ къ нему—и въ

учрежденіи, гдѣ въ началѣ жизнь била ключомъ, чрезъ 2—3 года, иногда даже безъ всякихъ видимыхъ причинъ, водворяются мертвый покой и тишина.

Новой иллюстраціей такого положенія вещей можетъ служить исторія орловскихъ общественно-просвѣтительныхъ учрежденій. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Орлѣ былъ созданъ рядъ такихъ учрежденій. Такъ возникло общество изящныхъ искусствъ, гдѣ читались литературные рефераты, устраивались музыкальные вечера. Энергичную дѣятельность проявлялъ комитетъ народныхъ чтеній, который открылъ безплатную библіотеку-читальню имени Тургенева, устроивъ книжный складъ въ Орлѣ, организовалъ продажу народной литературы въ провинціи и въ деревнѣ и открылъ нѣсколько отдѣленій въ провинціальныхъ городахъ. Въ самомъ Орлѣ открылись четыре отдѣленія, всегда переполненныя народомъ. Но прошло нѣсколько лѣтъ, дѣятельность комитета стала ослабѣвать. Такъ, комитетъ сталъ было устраивать музыкальныя утра, привлекавшія много народа, а потомъ прекратилъ, объяснивъ это недостаткомъ времени и распорядителей. Количество подписчиковъ тургеневской библіотеки сильно упало оттого, что комитетъ пересталъ покупать новыя книги. Уменьшилось и число посѣтителей читальни. Теперь ее посѣщаютъ почти одни подростки и дѣти. Для взрослыхъ читателей въ ней слишкомъ мало книгъ. Оказывается такимъ образомъ, что комитетъ разбудилъ въ населеніи потребность въ книгѣ и разумныхъ развлеченіяхъ, и теперь оставляетъ ее неудовлетворенной.

Все это тѣмъ болѣе печально, что никакихъ другихъ разумныхъ развлеченій для народа, кромѣ комитетскихъ учрежденій, въ Орлѣ не имѣется.

Что же касается общества «изящныхъ искусствъ», то оно обратилось въ обыкновенный провинціальный клубъ съ карточной игрой.

Какъ ни убого то просвѣщеніе, которое Орелъ предоставляетъ своему простонародью, въ Ивановѣ-Вознесенскѣ оно еще болѣе убого. Здѣсь на 30 фабрикъ, на которыхъ работаетъ до 45 тысячъ человѣкъ, имѣется 5—6 фабричныхъ библіотекъ. Но половина изъ нихъ заведена лишь «на случай» для показа, кому слѣдуетъ. Объ одной такой библіотекѣ корреспонденту *Съвернаго Края* пришлось слышать такой отзывъ: «Да, библіотека есть, но она никогда не отпирается. Вѣроятно, ужъ и замокъ на ея дверяхъ давно заржавѣлъ». Кромѣ нѣсколькихъ разрозненныхъ томовъ *Русской Мысли* и другихъ періодическихъ изданій, въ библіотекѣ никакихъ книгъ нѣтъ. Съ этой библіотекой былъ однажды такой казусъ: какой-то знатный посѣтитель, одинъ изъ тѣхъ, для которыхъ собственно и предназначалась эта библіотека, не удовольствовавшись поверхностнымъ обозрѣніемъ роскошныхъ библіотечныхъ шкафовъ, пожелалъ ознакомиться съ содержаніемъ ихъ. Пораженный отсутствіемъ книгъ, онъ спросилъ хозяина фабрики, что это значитъ. Растерявшійся фабрикантъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ отвѣтить: «Видите-ль, я не спеціалистъ въ этомъ дѣлѣ»... Другія библіотеки немногимъ лучше этой. Неудивительно поэтому, что рабочіе совсѣмъ не пользуются ими.

Въ незавидномъ состояніи находятся библіотеки, а также и другія учрежденія попечительствъ о народной трезвости Полтавской губерніи. Недавно ихъ осматривалъ непремѣнный членъ губернскаго комитета и пришелъ къ слѣдующимъ печальнымъ выводамъ: вообще почти всѣ уѣздные комитеты нерачительно относятся къ своимъ обязанностямъ, а одинъ, пирятинскій, совершенно бездѣйствуетъ и не открывалъ ни одной чайной и ни одной библіотеки; засѣдаютъ комитеты рѣдко, нѣкоторые 2—3 раза въ годъ, да и эти рѣдкія засѣданія посѣщаются развѣ четвертой частью членовъ; за всѣми учрежденіями попечительства имѣется очень мало надзора и еще меньше такового управленія и умѣлаго руководства; въ народныхъ библіотекахъ, открытыхъ комитетами, мало книгъ, а завѣдующіе библіотеками небрежно относятся къ своимъ обязанностямъ.

Недавно въ печати сообщалось о намѣреніи министерства финансовъ передать попечительства о народной трезвости въ вѣдѣніе земскихъ и городскихъ самоуправленій. Въ послѣднее время, однако, слухи объ этомъ замолкли. А между тѣмъ такая передача составляетъ единственно цѣлесообразную мѣру для выхода изъ теперешняго положенія вещей, крайнюю неудовлетворительность котораго сознаетъ и само финансовое вѣдомство.

Вотъ, наприм., симпатичное начинаніе, предпринятое Саратовымъ. Городъ рѣшилъ сдѣлать однодневную перепись ночлежниковъ и рабочихъ на мѣстныхъ маслобойныхъ заводахъ. Послѣднихъ здѣсь, какъ сообщаетъ корреспондентъ *Петербургскихъ Вѣдомостей*, болѣе десятка, и они же являются поставщиками даже на заграничные міровые рынки. Связь же между ними и ночлежниками та, что хозяева заводовъ пользуются обезцѣненнымъ трудомъ ночлежниковъ, платя имъ въ трудное время безработицы 10—12 к. за день крайне тяжелой работы. Перепись имѣетъ цѣлью выяснить санитарное состояніе тѣхъ мѣстъ, гдѣ живутъ и работаютъ ночлежники, а также семейный бытъ, количество заработка и другія стороны жизни и труда чернорабочихъ. Вызвана она тѣмъ, что среди рабочаго населенія Саратова не прекращается тифъ. Городъ понялъ, что одной больничной помощью и заразными бараками нельзя бороться съ эпидеміей и что для достиженія какихъ-нибудь результатовъ въ этомъ дѣлѣ ему нужно обратить вниманіе на помѣщенія и питаніе рабочихъ. О безобразномъ устройствѣ саратовскихъ ночлежныхъ домовъ намъ уже приходилось говорить. Точно также крайне плохо и питаніе рабочихъ, громадное большинство ихъ кормится или съ лотковъ изъ-подъ «ватницъ» (обноски стеганыхъ юбокъ), или просто въ сухомятку однимъ хлѣбомъ. Провизія на лоткахъ самая плохая. Ежегодно здѣсь бракуются санитарнымъ надзоромъ сотни пудовъ испорченнаго мяса. Вотъ это-то мясо и идетъ для рабочихъ. Кромѣ плохого мяса, рабочіе употребляютъ много кваса также крайне плохого качества. Въ результатѣ необыкновенное развитіе въ Саратовѣ острыхъ желудочныхъ заболѣваній, уносящихъ тысячи жертвъ. Правда, существуютъ здѣсь «дешевыя» благотворительныя столовыя, устроенныя мѣстнымъ комитетомъ попечительства о народной трезвости и нѣкоторыми частными

обществами. Но цѣны въ этихъ «дешевыхъ» столовыхъ не по карману рабочимъ. Такъ, фунтъ мяса—16 к., чай вгоняютъ въ 5 и 6 руб. фунтъ, такъ что столовыя даютъ по 30—40 процентовъ прибыли. Такія цѣны для рабочихъ, очевидно, недоступны.

Перепись, къ которой приглашены врачи, представители благотворительныхъ обществъ и частныя лица, выяснитъ саратовскому городскому самоуправленію всѣ темныя стороны быта рабочаго населенія и укажетъ ему, въ какомъ направленіи нужно дѣйствовать, чтобы принести этому населенію дѣйствительную пользу. Если бы Саратовъ вышелъ на путь организаціи широкой общественной помощи рабочему населенію, то онъ подалъ бы добрый починъ другимъ нашимъ городамъ.

А. С.

Отъ организаціонной коммиссіи второго международнаго съѣзда представителей философіи.

Успѣхъ I международнаго философскаго съѣзда, бывшаго въ августѣ 1900 года въ Парижѣ, ясно показалъ философамъ всѣхъ странъ важность и выгоды установленія между ними личныхъ отношеній. Поэтому, прежде чѣмъ разъѣхаться, члены I съѣзда постановили возобновлять свои собранія періодически.

Назначенная въ силу этого постановленія ближайшая сессія съѣзда будетъ имѣть мѣсто съ 4 по 8 сентября 1904 года въ Женевѣ.

Въ составѣ постоянной международной коммиссіи философскихъ съѣздовъ, избранной на парижскомъ съѣздѣ 1900 года, главные европейскіе языки представляются слѣдующими лицами: *нѣмецкій языкъ* гг. Бартъ (Лейпцигъ), Канторъ (Гейдельбергъ), Махъ (Вѣна), Риль (Галле), Шрёдеръ (Карлсруэ) умеръ, Штейнъ (Бернъ); *англійскій языкъ* гг. Baldwin (Princeton), Carus (Chicado), Ladd (New Haven), Mac Farlane (Pennsylvanie), Ritchie (St.-Andrews), Russell (Лондонъ), Schurmann (Ithaca), Stout (Оксфордъ); *французскій языкъ* гг. Бергсонъ (Парижъ), Бутру (Парижъ), Кутюра (Парижъ), Двельшоверсъ (Брюссель), Гуръ (Женева), Кс. Леонъ (Парижъ), Манзіонъ (Гентъ), Ремакль (Гассе); *итальянскій языкъ* гг. Кальдерони (Флоренція), Кантони (Павія), Пеано (Туринъ), Вальяти (Комо); *скандинавскіе языки* гг. Ларсъ (Христіанія), Гейіеръ (Упсала), Миттагъ-Леффлеръ (Стокгольмъ); *славянскіе языки* гг. Дртина (Прага), Ивановскій (Москва), Козловскій (Варшава), Васильевъ (Казань).

Составъ коммиссіи, избранной для организаціи собственно II съѣзда, слѣдующій: почетный предсѣдатель *Эрнестъ Навилль*, почетный профессоръ Женевскаго университета и иностранный членъ французскаго института. Предсѣдатель *I. I. Гуръ*, профессоръ женевскаго университета. Вице-предсѣдатели: *Адріенъ Навилль*, профессоръ словеснаго факультета въ Женевѣ, и *Т. Флурнуа*, профессоръ факультета наукъ въ Женевѣ. Казначеи: *П. Дюпруа*, профессоръ словеснаго факультета въ Женевѣ, и *Г. Кюндигъ*, издатель. Секретари: *Эд. Клапаредъ*, докторъ медицины, редакторъ „Архива Психологіи", *Ш. Вернеръ*, лиценціатъ словесности, и *Кс. С. Комбошекра*, докторъ правъ, приватъ-доцентъ женевскаго юридическаго факультета. Члены: проф. д-ръ *Баръ* (Женева); проф. *Балавуанъ* (Женева); проф. *Б. Бувье* (Женева); *П. Бове* (Невшатель); проф. *Ф. Бридель* (Лозанна), редакторъ журнала „Философское и Богословское Обозрѣніе"; проф. *Броше де-ла-Флешеръ* (Женева); проф. *Г. Каллье* (Женева); *Г. де-Кандолль* (Женева); аббатъ *Гарри* (Женева); проф. *Шода* (Женева); *А. Кретьенъ*, д-ръ богословія (Женева); *Маркъ Дебри* (Женева); проф. *I. Дю* (Женева); проф. *Дюперрю* (Женева); проф. *Г. Феръ* (Женева), редакторъ журнала „Математическое преподаваніе"; проф. *Фроммель* (Женева); проф. *Альфр. Го* (Женева); проф. *Ф. А. Гюй* (Женева), редакторъ „Журнала Физической Химіи"; проф. *Жоёль* (Базель); *О. Карминъ* (Женева); *В. М. Козловскій* (Женева); д-ръ *Ларсье де-Бансе* (Лозанна), секретарь журнала „Психологическій Годъ"; проф. *Л. шитцъ* (Женева); проф. *Г. Мерсье* (Женева); проф. *Э. Мильо* (Женева); проф. *I*

шель (Фрибургъ); проф. *Миллью* (Лозанна); проф. *Моріо* (Женева); проф. *П. Ольтрамаръ* (Женева); проф. *В. Парето* (Селеньи); проф. *Платтгоффъ* (Ла Туръ); *А. Реймонъ* (Лозанна); *Л. де-ла-Ривъ* (Женева); *Р. де-Соссюръ* (Женева); проф. *Л. Штейнъ* (Бернъ), редакторъ журнала „Архивъ Философіи"; *Л. Сюллигеръ* (Женева); *Т. Томазина* (Женева); проф. *Вершеръ* (Женева); проф. *Виньярскій* (Женева); проф. *Юнгъ* (Женева).

Правила съѣзда.

Второй международный философскій съѣздъ открывается въ воскресенье 4 сентября въ аулѣ Женевскаго университета въ 2 часа пополудни и продолжается слѣдующіе дни до вечера четверга 8 сентября (нов. ст.).

Работы съѣзда происходятъ какъ въ общихъ засѣданіяхъ, такъ и въ засѣданіяхъ секцій, направляемыхъ ихъ предсѣдателями; секціи могутъ подраздѣляться въ случаѣ надобности на подсекціи.

Общія засѣданія занимаются исключительно обсужденіемъ вопросовъ, заранѣе намѣченныхъ организаціоннымъ комитетомъ на основаніи ихъ внесенія докладчиками. Во время общихъ засѣданій засѣданія секцій не происходятъ.

Секцій будетъ пять по предметамъ: исторіи философіи, общей философіи и психологіи, прикладной философіи (мораль, эстетика, соціальная философія религіи, философія права), логики и философіи наукъ, исторіи наукъ.

Сообщенія не могутъ продолжаться болѣе 15 минутъ. Къ докладамъ это правило не примѣняется.

Оффиціальными языками съѣзда признаются: нѣмецкій, англійскій, французскій и итальянскій.

Цѣна членскаго билета съѣзда 20 франковъ.

N. B.—Не достающія дополнительныя свѣдѣнія будутъ даны въ слѣдующемъ циркулярѣ.

Всѣ сообщенія, касающіяся съѣзда, а также и заявленія о желаніи принять въ немъ участіе, должны быть адресованы главному секретарю: M. le D-r Ed. Claparède, 11, Champel, Genève. Ему также можно высылать и плату за членскій билетъ.

I-й списокъ заявленныхъ мемуаровъ.

Общія засѣданія.

I. Роль исторіи философіи въ изученіи философіи. Докладчикъ: г. *Э. Бутру* (Парижъ), членъ института, профессоръ Сорбонны.

II. Опредѣленіе философіи. Докладчики: г. *Л. Штейнъ*, проф. Бернскаго университета; г. *Гуръ*, проф. Женевскаго университета.

III. Индивидуальное и общественное. Докладчики: г. *Вильфредо Парето*, проф. Лозаннскаго университета; г. *де-Греефъ*, членъ королевской академіи, ректоръ новаго университета въ Брюсселѣ.

IV. Конечная цѣль въ біологіи и нео-витализмъ. Докладчики: г. *Рейнке*, проф. ботаники въ Кильскомъ университетѣ; г. *Цветъ*, приватъ-доцентъ Варшавскаго университета.

Доклады или ихъ резюме будутъ напечатаны заранѣе.

Труды секцій.

Доклады.

Секція прикладной философіи: „Концепція нравственныхъ личностей"; докладчикъ г. *А. Буате*, проф. парижскаго юридическаго факультета.

Сообщенія.

Андле, Ш. (Парижъ). Философія Канта и кантіанцевъ.—*Берсонъ, Г.* (Парижъ). О одномъ софизмѣ, общемъ какъ для реализма, такъ и для идеализма.—*Брюнисвикъ* (Парижъ). Религіозная философія Спира.—*Шартье* (Парижъ). Отношенія между мыслью и дѣйствіемъ.—*Кутюра* (Парижъ).—Объ идеѣ международнаго языка.—*Де-*

лакруа (Монпелье). Автоматическая дѣятельность въ воображеніи.—*Гозьевскій* (Варшава). Опытъ математической монадологіи.—*Гротенфельсъ* (Гельсингфорсъ). Масштабы исторической оцѣнки.—*Козловскій* (Женева). Идея вѣчнаго мира и права націй.—*Его же.* Энергія и сознаніе.—*Лапи* (Бордо). Можетъ ли мораль формироваться подобно наукѣ?—*Ланландъ* (Парижъ). Философскій словарь.—*Ландорми* (Дижонъ). О времени и о музыкальной перцепціи.—*Мауреръ* (Лозанна). О методѣ литературной этноисихіи.—*Мильо, Ж.* (Монпелье). Замѣтка объ идеѣ науки.—*Ро, Ф.* (Парижъ). Положеніе проблемы свободной воли.—*Страшевскій* (Краковъ). Проблема пространства.—*Его же.* Сравнительный методъ въ философіи.—*Струве, Г. де* (Ельземъ, Кент.). Польская философія настоящаго времени.—*Томмазина, Т.* (Женева). Основныя физическія понятія по Спенсеру. Критическій опытъ.—*Твардовскій, Леопольдъ* (Лембергъ). Какъ должно опредѣлять логику?—*Веберъ, Л.* (Парижъ). О видѣ прогресса въ физическихъ наукахъ.—*Вернеръ, Ш.* (Женева). Богъ Аристотеля.—*Веріо, Лад.* (Варшава). Соціальная этика.

Секція исторіи наукъ (являющаяся III международнымъ съѣздомъ представителей исторіи наукъ).

Интересъ, возбужденный на первомъ философскомъ съѣздѣ чисто-историческими сообщеніями, сдѣланными въ секціи логики и исторіи наукъ, вызвалъ на томъ же съѣздѣ предложеніе раздѣлить въ будущемъ эту секцію на двѣ. Организаціонный комитетъ II съѣзда счелъ полезнымъ дать, хотя бы въ видѣ опыта, ходъ стремленію, выразившемуся въ этомъ предложеніи. Вслѣдствіе этого секція философіи наукъ и логики будетъ посвящена исключительно сообщеніямъ и преніямъ, касающимся вопросовъ о методѣ и о теоріи научнаго познанія. По поводу же секціи исторіи наукъ комитетъ обращается съ призывомъ къ ученымъ, которые желали бы имѣть случай для вполнѣ свободнаго разсмотрѣнія чисто-историческихъ вопросовъ внѣ всякой зависимости отъ какихъ бы то ни было частныхъ философскихъ предубѣжденій. Предлагая имъ такимъ образомъ составить автономную секцію на философскомъ съѣздѣ, комитетъ желаетъ разомъ какъ засвидѣтельствовать величайшій интересъ, представляемый для философовъ исторіею наукъ, такъ и дать тѣмъ же философамъ случай ознакомиться съ духомъ и методами историческихъ работъ въ области наукъ.

Слѣдуетъ замѣтить также, что секція исторіи наукъ организуется при содѣйствіи и подъ завѣдываніемъ постоянной международной коммиссіи, избранной соотвѣтствующею секціею съѣзда представителей историческихъ наукъ, бывшаго въ 1903 году въ Римѣ.

Всѣ сообщенія по предметамъ, относящимся къ секціи исторіи наукъ, должны быть посылаемы по слѣдующему адресу: M. Paul Tannery, directeur des Tabacs, *Pantin* (Seine, France).

Вышеупомянутую постоянную *международную коммиссію съѣздовъ представителей исторіи наукъ* составляютъ слѣдующія лица:

Поль Таннери (Пантенъ).—Д-ръ Раф. Бланшаръ (Парижъ).—Проф. Дж. Лорія (Генуя).—Проф. Джіакоза (Туринъ).—Проф. Гуарески (Туринъ).—Л. Карли (Римъ).—Проф. Фаваро (Падуя).—Проф. д-ръ Бенедиктъ (Вѣна).—Д-ръ З. Гюнтеръ (Мюнхенъ).—Д-ръ Судгофъ (Гохдаль, близъ Дюссельдорфа).—Проф. Цеутенъ (Копенгагенъ).—Проф. д-ръ Юліусъ Петерсенъ (Копенгагенъ).—L. Heath (Лондонъ).—Д-ръ Тейхейра (Порто).—Проф. Рудіо (Цюрихъ).—Проф. Ф. Кайори (Колорадо Спрингсъ).—Сааведра (Мадридъ).—Проф. Кортевегъ (Амстердамъ).—Проф. Бобынинъ (Москва).—Г. Энестрёмъ (Стокгольмъ).—Проф. Д. Е. Смитъ (Нью-Іоркъ).

О предполагаемыхъ сообщеніяхъ по предметамъ секціи исторіи наукъ заявили пока слѣдующія лица:

Баронъ Карра де-Во (Парижъ).—Проф. Дюгемъ (Бордо).—Проф. Ганнекенъ (Ліонъ).—Проф. Мильо (Монпелье).—П. Таннери (Пантенъ).—Проф. Цеутенъ (Копенгагенъ).—Д-ръ Раф. Бланшаръ (Парижъ).

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Прошло два слишкомъ мѣсяца съ начала японо-русской войны. Японскій флотъ безрезультатно, въ развѣдочныхъ цѣляхъ,—чтобы открыть присутствіе нашей эскадры,—бомбардировалъ Владивостокъ. Восьми бомбардировкамъ подвергся Портъ-Артуръ, два раза японцы безуспѣшно пытались загородить брандерами входъ въ гавань. Корея занята японскими войсками уже до манджурской границы по рѣкѣ Ялу. Близится время кровавыхъ и грозныхъ столкновеній...

Чрезвычайно важно знать, сохранитъ ли нейтралитетъ Англія. Если нѣтъ, то нашей балтійской эскадрѣ нельзя будетъ идти на Дальній Востокъ, и тогда Японія удержитъ господство на морѣ. Быть можетъ, англійское невмѣшательство русская дипломатія въ состояніи будетъ обезпечить соглашеніемъ относительно Тибета, и это было бы огромною услугою въ военныхъ цѣляхъ.

Мы вовсе не принадлежимъ къ числу систематическихъ враговъ англійскаго правительства, даже кабинета Бальфура-Чемберлена. Мы никогда не забываемъ безсмертныхъ подвиговъ британскаго духа въ области философіи, поэзіи, точныхъ наукъ, политической свободы; но имперіалистическое направленіе, данное Биконсфильдомъ англійской политикѣ, и гордыня Альбіона даютъ себя чувствовать. Англійская печать,—эта мужественная, независимая печать,—повинна отчасти въ возбужденіи японо-русской войны. Безпристрастный корреспондентъ изъ Токіо еще въ январѣ писалъ въ *Kölnische Zeitung*, что и по телеграфу, и въ переводныхъ статьяхъ японская печать ежедневно сообщала извѣстія англійскихъ газетъ о полной неподготовленности Россіи къ войнѣ. Естественно, что такія извѣстія разжигали воображеніе японскихъ шовинистовъ и толкали народъ на борьбу, о страшной опасности которой онъ и не подозрѣвалъ.

Надежду справиться съ Россіей, какъ справились съ Китаемъ, японцы, кажется, уже теряютъ. Настойчивыя усилія, направленныя противъ портъ-Артурской крѣпости и эскадры, показали японцамъ, что легкій успѣхъ ихъ ервaго внезапнаго нападенія не повторится. *Temps* напечаталъ статью одъ заглавіемъ: *Delenda est... Port-Arthur* (Портъ-Артуръ долженъ быть разрушенъ). И дѣйствительно, еслибъ крѣпость была взята, еслибъ нашъ лотъ былъ уничтоженъ или, по крайней мѣрѣ, запертъ въ гавани, это ило бы огромнымъ успѣхомъ для японцевъ и позволило бы имъ высаить сильную армію на Ляотунгѣ.

Надежды на такой успѣхъ понижаются. Главнокомандующій арміей, генералъ Куропаткинъ, пользуется заслуженною извѣстностью. Въ него вѣрятъ и войска, и общество, а эта вѣра—могучее содѣйствіе въ тяжелой и кровавой борьбѣ *).

Странно покажется многимъ, что въ грозное время войны мы станемъ говорить и объ успѣхахъ мира, а между тѣмъ объ этихъ успѣхахъ свидѣтельствуютъ крупные факты, какъ англо-французское соглашеніе по спорнымъ или неяснымъ колоніальнымъ вопросамъ. Оно касается Египта, Марокко, Индо-Китая, Нью-Фаундленда и другихъ колоній. Текстъ соглашенія еще не обнародованъ, когда пишутся эти строки. Англійская и французская печать высказываются очень сочувственно, дружелюбно отмѣчаютъ его и итальянскія газеты, тогда какъ испанскія опасаются за интересы своей страны въ Марокко. *République Française* говоритъ, что «у Франціи и Англіи теперь много общихъ интересовъ. Событія, надѣемся, только увеличатъ эту общность интересовъ. Такимъ образомъ Делькассе нужно поздравить не только со счастливымъ окончаніемъ искусно веденныхъ переговоровъ, но также и съ тѣмъ, что онъ далъ нашей внѣшней политикѣ наиболѣе разумный толчокъ съ момента заключенія союза съ Россіей». Разныя газеты подчеркиваютъ главнымъ образомъ то, что Англія примкнула къ конвенціи 1888 г. относительно нейтралитета Суэцкаго канала, и дѣлаютъ отсюда выводъ, что обстоятельство это имѣетъ большое значеніе для Россіи въ виду нынѣшней войны съ Японіей. Тѣ же газеты говорятъ, что, какъ имъ извѣстно, русское правительство относится къ постановленіямъ англо-французскаго соглашенія съ чувствомъ удовлетворенія, о чемъ оно и довело до свѣдѣнія Дельказсе, поздравивъ его по случаю успѣшнаго окончанія переговоровъ. *Temps* усматриваетъ въ соглашеніи франко-русскую точку зрѣнія. Газета заканчиваетъ свою статью слѣдующими словами: «Кому вообще при нынѣшнихъ обстоятельствахъ не ясно то значеніе, которое имѣетъ для нашихъ союзниковъ твердая и устойчивая почва, обезпечиваемая лояльнымъ договоромъ и нашими добрыми отношеніями къ Англіи. Русское правительство сумѣло осторожно и ясно въ одно и то же время показать, что таковы именно были одушевляющія его чувства и что если объединяющій насъ союзъ будетъ для насъ залогомъ дальнѣйшихъ успѣховъ, то это явится для него новымъ элементомъ довѣрія и безопасности».

Ободряемые подобными практическими актами европейскихъ правительствъ, голоса сторонниковъ всеобщаго или, по крайней мѣрѣ, общеевропейскаго мира звучатъ все увѣреннѣе. Этурнель де Констанъ продолжаетъ доказывать необходимость европейской федераціи. Единственнымъ серьезнымъ препятствіемъ на этомъ пути французскій публицистъ считаетъ споръ объ Эльзасъ-Лотарингіи. Но онъ отрицательно относится

*) Необыкновенно высоко цѣнитъ генерала Куропаткина Жоржъ Вилье въ *Temps* (5 mars). Капитаномъ нынѣшній главнокомандующій отличился въ алжирскомъ походѣ и получилъ тогда орденъ почетнаго легіона.

мысли о возмездіи, о войнѣ изъ-за этихъ отнятыхъ провинцій. Война, говоритъ онъ, ничего не рѣшаетъ: за Росбахомъ слѣдовала Іена, за Іеною—Ватерлоо. Этурнель де Констанъ надѣется, что общественное мнѣніе во Франціи и въ Германіи придетъ къ убѣжденію, что общіе интересы этихъ двухъ странъ и всей Европы выше и важнѣе ихъ разногласій, что американская конкуренція угрожаетъ имъ всѣмъ большою опасностью и что всего цѣлесообразнѣе поэтому компромиссъ по эльзасъ-лотарингскому вопросу.

Фредерикъ Пасси не такъ оптимистически настроенъ: онъ признаетъ, что японо-русская война нанесла нѣкоторый ущербъ торжеству идеи мира. Но въ это торжество Пасси твердо вѣритъ. Онъ на первыхъ порахъ утѣшаетъ надеждою, ссылаясь на слова графа Аппоньи: «Если намъ удастся изъ пяти войнъ избѣгнуть двухъ,—результатъ будетъ уже недуренъ».

Арно (Arnaud), президентъ международной лиги мира и свободы (Бернъ), созвалъ въ Парижѣ представителей разныхъ обществъ мира, и на этомъ собраніи постановлено было обратиться къ правительствамъ съ ходатайствомъ о вмѣшательствѣ въ пользу прекращенія войны, съ ссылкою на § 8 постановленій гаагской конференціи. Въ извѣстныхъ случаяхъ такое вмѣшательство *рекомендуется* названною статьею *).

Постановленія гаагской конференціи предвидятъ, что дружественное вмѣшательство державъ не останавливаетъ дѣйствій воюющихъ сторонъ. Въ данномъ случаѣ, намъ кажется, державы вовсе не вмѣшаются, и война будетъ единоборствомъ между Японіей и Россіей. Послѣднія извѣстія говорятъ, что вмѣшаться, но вооруженно, въ пользу японцевъ, можетъ Китай. Это, разумѣется, усилитъ наши затрудненія на Дальнемъ Востокѣ, но сильно задѣнетъ важные, въ торговомъ смыслѣ, интересы Англіи, Франціи и Германіи. Борьба желтой расы съ бѣлою приметъ въ такомъ случаѣ ужасающіе размѣры.

Каково въ этомъ случаѣ положеніе, которое занимаютъ Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты?

Мы отмѣчали, что американская печать въ нашемъ столкновеніи съ Японіей рѣшительно держитъ сторону послѣдней, хотя ея отношеніе къ Россіи потомъ и улучшилось. Американское правительство держится строгаго нейтралитета. Вашингтонскій корреспондентъ пишетъ въ *Kölnische Zeitung* (21 März), что въ Соединенныхъ Штатахъ особенно настроены

*) Article 8. Les puissances signataires sont d'accord pour recommander l'application, dans les circonstances qui le permettent, d'une médiation spéciale sous la forme suivante.

En cas de différend grave compromettant la paix, les Etats en conflit choisissent spectivement une puissance à laquelle ils confient la mission d'entrer en rapport dit avec la puissance choisie d'autre part à l'effit de prévenir la rupture des relations cifiques.

Pendant la durée de ce mandat, dont le terme, sauf stipulation contraire, ne peut céder trente jours, les Etats en litige cessent tout rapport au sujet du conflit, lequel considéré comme déféré exclusivement aux puissances médiatrices.

En cas de rupture effective des relations pacifiques, ces puissances demeurent rgées de la mission commune de profiter de toute occasion pour rétablir la paix.

противъ насъ имперіалисты и миссіонеры. Раздаются голоса и демократовъ, и республиканцевъ не-имперіалистовъ противъ Японіи.

Отношенія между Франціей и папскимъ престоломъ въ послѣднее время ухудшились, Пій X выступилъ съ рѣзкимъ осужденіемъ антиклерикальной политики Комба. Эта рѣчь поведетъ, разумѣется, къ усиленію сопротивленія мѣрамъ французскаго правительства противъ религіозныхъ конгрегацій со стороны католическаго духовенства и реакціонныхъ партій. Съ другой стороны, ссора съ Ватиканомъ поведетъ къ дальнѣйшему сближенію французской республики съ Италіей, куда на-дняхъ пріѣдетъ президентъ Лубе, чтобы отдать визитъ королю Виктору-Эммануилу. Это будетъ новымъ ударомъ клерикализму.

Недавно потерпѣла ударъ и германская партія католическаго центра. Кардиналъ Копп привлекъ къ судебной отвѣтственности за оскорбленіе духовенства редактора одной изъ верхне-силезскихъ польскихъ газетъ, Антонія Вольскаго. На судѣ о духовенствѣ было высказано еще болѣе дурного, чѣмъ въ статьяхъ газеты. Поляки-свидѣтели сообщали о большихъ злоупотребленіяхъ клира въ интересахъ онѣмеченія края. На исповѣди, напримѣръ, католическіе священники требовали обѣщанія не читать нѣкоторыхъ польскихъ газетъ. *Kölnische Zeitung* указываетъ, что злоупотребленія исповѣдью и проповѣдью съ церковныхъ каѳедръ были не исключительнымъ явленіемъ, а велись систематически. Свидѣтели показывали, что имъ отказывали въ погребеніи дѣтей, если у отца умершаго ребенка не было денегъ, запрещали читать какую-либо газету, кромѣ строго-католическихъ, и т. д. Одному портному отказали въ отпущеніи грѣховъ потому, что его дѣти играли съ дѣтьми протестанта.

Кардиналъ-архіепископъ Копп поспѣшилъ прекратить дѣло, но нравственный ударъ клерикализму уже нанесенъ.

Въ одинъ и тотъ же день и почти въ одинъ и тотъ же часъ знаменитый вождь либеральной партіи Джонъ Морлей и графъ Перси, консерваторъ, статсъ-секретарь, произнесли рѣчи объ англо-французскомъ соглашеніи. Оба они говорили объ этомъ соглашеніи съ живѣйшимъ сочувствіемъ. Морлей, авторъ превосходныхъ книгъ о Дидро и Руссо, привѣтствовалъ новый договоръ и въ національныхъ интересахъ, и въ высшихъ интересахъ цивилизаціи, свободы и прогресса. Гармонія отношеній между двумя либеральными державами Западной Европы послужитъ дѣлу справедливости и мира, и въ этомъ большая заслуга Бальфура и Лендсдоуна.

Перси также видитъ въ соглашеніи между Франціей и Англіей большой успѣхъ для мирныхъ успѣховъ цивилизаціи. Въ западно-европейской печати высказывается надежда, что теперь англійское и французское правительства вступятся, между прочимъ, съ достаточною энергіею за проведеніе существенныхъ реформъ въ Македоніи.

Neue Freie Presse признаетъ подписаніе договора о колоніальныхъ вопросахъ, въ которыхъ заинтересованы Франція и Англія, событіемъ ми-

ровой важности. Этотъ договоръ въ извѣстной степени дѣлитъ моря, создаетъ новую политику, обезпечиваетъ локализированіе русско-японской войны: ни Англія не выступитъ за Японію, ни Франція за Россію.

Но что будетъ, спросимъ мы, если въ войну вмѣшается въ пользу Японіи Китай? У нашей союзницы Франціи, южной сосѣдки Небесной имперіи, въ Индо-Китаѣ торговые интересы первостепенной важности.

Neue Freie Presse полагаетъ, что соглашеніе, которое является ближайшимъ образомъ дѣломъ англійскаго и французскаго министровъ иностранныхъ дѣлъ, Ленсдоуна и Делькассэ, устраняетъ старыя противорѣчія между двумя величайшими колоніальными и морскими державами. Эти противорѣчія еще недавно грозили губительною войною (вспомнимъ Фашоду). Англо-французское соглашеніе, полагаетъ вѣнская газета, подѣйствуетъ въ благопріятномъ смыслѣ и на отношенія между Англіей и Россіей, до сихъ поръ недовѣрчивыя, нерѣдко раздуваемыя въ прискорбнѣйшемъ смыслѣ такими лже-охранителями, какъ *Гражданинъ* и К°.

Не лишена интереса въ данномъ случаѣ и статья Дарси въ *Revue Potitique et Parlementaire* (10 мая 1904 г.). Дарси—авторъ книги *Франція и Англія. Сто лѣтъ колоніальнаго соперничества.* Она возбудила живое вниманіе англійской печати и вызвала въ ней сильныя возраженія. Въ числѣ противниковъ Дарси выступилъ и Чарльзъ Дилькъ. Нѣкоторые англійскіе публицисты стараются доказать, что французы не способный къ колонизаціи народъ, что расширеніе ихъ владѣній въ Африкѣ и въ Азіи, мѣшая британскимъ интересамъ, ничего не создаетъ въ культурно-политическомъ отношеніи. Естественно, что Дарси съ доказательствами въ рукахъ опровергаетъ это пристрастное утвержденіе.

Лондонскій *Athenaeum* говоритъ, что для спокойнаго наблюдателя ясна искусственность французской колоніальной политики, не вызываемой существенными потребностями метрополіи. Общественное мнѣніе Франціи осуждало правительство за колоніальныя завоеванія, которыя страшно дорого стоили.

Дарси опровергаетъ это мнѣніе. Онъ полагаетъ, что для Франціи, населеніе которой почти перестало увеличиваться, необходимы колоніальныя владѣнія, гдѣ переселенцы получатъ возможность широко пользоваться естественными богатствами края. Дарси отмѣчаетъ, что въ Алжирѣ рождаемость среди французскаго населенія выше, чѣмъ въ метрополіи (въ ней 22 на тысячу, въ Алжирѣ—30 на тысячу). Завоеванія стоили дорого, управленіе колоніями не всегда велось умѣло, но ошибки исправлены, и Франція пользуется уже значительными выгодами отъ торговыхъ сношеній съ своими африканскими и азіатскими владѣніями. Этихъ послѣднихъ нельзя сравнивать съ Индіей, Канадой и Австраліей; но поучительно сопоставить ихъ съ англійскими колоніями въ Африкѣ, гдѣ условія приблизительно одинаковы для Франціи и Великобританіи.

Въ началѣ прошлаго столѣтія англійскія владѣнія въ Африкѣ были ничтожны. Теперь они составляютъ до 11 милліоновъ квадратныхъ кило-

метровъ съ населеніемъ въ 60.000,000 ч. (на югѣ Африки и въ Египтѣ живетъ отъ 12 до 15.000,000 англичанъ, отчасти голландцевъ (буровъ) и другихъ племенъ бѣлой расы).

Франція теперь владѣетъ 9 милліонами (приблизительно) квадратныхъ километровъ, но населеніе здѣсь не превышаетъ тридцати милліоновъ, въ томъ числѣ 700,000 бѣлыхъ въ Алжирѣ и Тунисѣ.

Въ 1901 году Англія ввезла въ свои африканскія колоніи на 670 милліоновъ франковъ (9½% всего британскаго вывоза), купила въ нихъ на 483 милліона (3,75% всего ввоза въ метрополію). Въ тотъ же годъ Франція отпустила въ свои африканскія колоніи товаровъ на 437,5 милліона (10,64% отпускной торговли), пріобрѣла на 302,5 (6,43% всего ввоза). Англо-африканскій ввозъ и вывозъ составляетъ такимъ образомъ 1,153 милліона (6,62% всего великобританскаго торговаго оборота); франко-африканскій—740 милл. (8,53%). Съ 1830 года англійская торговля съ Африкою поднялась на 9,55%, французская на 10,64%. Такіе результаты ясно показываютъ, что французы научились быть колоніальнымъ народомъ.

Гибель «Петропавловска», вице-адмирала Макарова съ начальникомъ штаба, почти всего экипажа броненосца, произвела потрясающее и скорбное впечатлѣніе по всей Россіи. Подробности этого великаго несчастія, жертвою котораго сталъ и нашъ знаменитый художникъ Верещагинъ, читателямъ извѣстны, конечно, изъ газетъ. Горе не должно однако мѣшать мужественному самообладанію.

Ежемѣсячное изданіе не можетъ поспѣть за военными событіями. Въ Портъ-Артурѣ все оставалось, когда написаны эти строки, попрежнему. Быть можетъ, японцы, считая нашу тамошнюю эскадру неспособною теперь къ наступательнымъ дѣйствіямъ, поспѣшатъ высадиться на Квантунскомъ полуостровѣ. Очень важная роль выпадаетъ при этомъ на Нью-Чвангъ. Это самый крупный манджурскій портъ, соединенный манджурскою желѣзною дорогою съ нашими владѣніями, а другими линіями съ сѣвернымъ Китаемъ, Тьянцином и Пекином. Наши войска сильно укрѣпляютъ Нью-Чвангъ. Ледъ въ устьѣ Ляо-Хо, вѣроятно, растаялъ и японскій флотъ получилъ свободу движенія. Далеко по рѣкѣ броненосцамъ нельзя будетъ двигаться. Къ нашей невыгодѣ послужатъ ледоходъ и сильное теченіе въ устьѣ рѣки, которые очень затруднятъ минныя заграждения; къ невыгодѣ японцевъ слѣдуетъ отнести обширныя болота въ этомъ устьѣ.

По послѣднимъ донесеніямъ генерала Куропаткина, японская армія сосредоточивается на лѣвомъ берегу нижняго теченія Ялу. Близятся кровавыя событія... Рѣдко кто въ Россіи не думаетъ теперь, передъ ночнымъ отдыхомъ, о Портъ-Артурѣ, нашихъ войскахъ въ Манджуріи, о Владивостокѣ; рѣдко у кого первою мыслью послѣ пробужденія не является вопросъ, что дѣлается на Дальнемъ Востокѣ.

В.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ".

Апрѣль 1904 года.

Содержаніе. I. **Книги:** Беллетристика.—Философія, педагогика.—Публицистика.—Исторія, мемуары, біографіи.—Географія, путешествія.—Естествознаніе.—Физико-математическія науки.—Медицина.—Учебники, пособія, книги для дѣтей. II. **Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1-го марта по 1-е апрѣля 1904 г.**

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Литературно-художественный сборникъ. Стихотворенія студентовъ Петербургскаго университета, съ иллюстраціями студентовъ академіи художествъ.—„Къ завѣтной цѣли". Литературный сборникъ. Изданіе кружка писателей изъ народа.—Полное собраніе сочиненій Генрика Ибсена. Перев. *А. и П. Ганзенъ.*—Полное собраніе сочиненій А. Н. Островскаго.—*Морисъ Метерлинкъ.* Смерть Тинтажиля. Перев. *Шнейдеръ.*—*Титъ Лукрецій Каръ.* О природѣ вещей. Перев. *И. Рачинскаго.*

Литературно-художественный сборникъ. Стихотворенія студентовъ Петербургскаго университета, подъ редакціей Б. В. Никольскаго, съ иллюстраціями студентовъ академіи художествъ, подъ редакціей И. Е. Рѣпина. Спб., 1903 г. Къ завѣтной цѣли. Литературный сборникъ. Изданіе кружка писателей изъ народа. М., 1904 г. Умышленно ставимъ мы на одну доску два названные сборника, изъ которыхъ первый, по заявленію его редакторовъ, „является какъ бы ученическою выставкою молодыхъ художественныхъ и поэтическихъ силъ двухъ высшихъ учебныхъ заведеній Петербурга" и „по существу своему довольно полно отражаетъ художественные задатки теперешней молодежи", а второй представляетъ изъ себя попытку „отверженныхъ" самостоятельно пробить себѣ литературную дорогу. Студенческій сборникъ изданъ роскошно: эффектная обложка, прекрасные рисунки, заставки, концовки, даже начальныя буквы,—все это свидѣтельствуетъ о большомъ художественномъ вкусѣ редакторовъ. Писатели изъ народа сдѣлали также все, что было въ ихъ силахъ и средствахъ: модная бумага, красивый шрифтъ и декадентскіе прозрачные рисунки, исполненные въ двѣнадцать или болѣе красокъ. Если это вышло и не особенно ...щно, то всетаки по своему шикарно, да и цѣна сборника поэтовъ изъ ...рода почти втрое меньше цѣны студенческаго.

Если припомнить теперь, что одинъ сборникъ изданъ двумя высшими ...ебными заведеніями Петербурга, а другой московскимъ кружкомъ пи...телей-самоучекъ, то станетъ ясно, что къ нимъ не приложимъ одинъ ...отъ же критическій аршинъ. Кому больше дано, съ того больше и ...осится. Однако, перелистывая творенія петербургскихъ студентовъ, ...видимъ, что наука даетъ мало пищи ихъ вдохновенію. Если нѣсколько ...ъзныхъ вещей, большею частью — переводныхъ, и остановятъ вни-

маніе, то весь остальной стихотворный багажъ сборника сводится къ старой погудкѣ:

Приходи, красавица, ласточка моя,
Приходи, послушаемъ пѣсню соловья!

Большинство поэтовъ утверждаютъ, что у нихъ растерзанная душа, усталая грудь, и что

Въ безотрадномъ сознаньи безсилья
Опустились, дрожа, замирая,
Вдохновенья усталаго крылья...

Если, довѣрившись предисловію, составить себѣ понятіе о современной молодежи по писаніямъ ея петербургскихъ представителей, то заключеніе будетъ слишкомъ грустнымъ и, думаемъ мы, несправедливымъ.

Таковы темы ученыхъ людей; у неученыхъ и темы иныя. Тѣ же слова про „усталую грудь и истерзанный умъ“ въ стихахъ рабочихъ, наборщиковъ, мостовщиковъ, портныхъ, сапожниковъ, посвятившихъ поэзіи свои досуги, уже не кажутся намъ смѣшными, а жалобы ихъ на жизнь не звучатъ интересничаньемъ. Но всего важнѣе то, что въ ихъ безыскусственныхъ стихахъ и прозѣ не слышится „безотрадное сознаніе безсилія“, а наоборотъ—звучитъ надежда и неуклонное стремленіе „къ завѣтной цѣли“. Вотъ что справедливо говоритъ одна поэтесса изъ народа, помѣстившая въ сборникѣ свое стихотвореніе „Впередъ“, посвященное поэтамъ крестьянамъ:

Пѣвцы—сыны семьи народной!
Видны въ васъ смѣлыя усилья
Расправить мысли благородной
Нуждой придавленныя крылья;
Затѣмъ-то стихъ вашъ полонъ чувства
И говоритъ душѣ такъ много.
Впередъ же, братья, въ міръ искусства,
Хотя трудна туда дорога...

Просто, неискусно, но болѣе цѣнно, чѣмъ изящно-риемованный вздоръ про свиданіе въ виноградной бесѣдкѣ...

Полное собраніе сочиненій Генрика Ибсена. Переводъ съ датскаго А. и П. Ганзенъ. Изд. Скирмунта. Томы V и VI. М., 1904 г. (Цѣна тому 1 р. 20 к.). Ибсенъ давно уже пользуется у насъ большою популярностью. Многія изъ его пьесъ часто идутъ на русскихъ сценахъ; но подлиннаго Ибсена у насъ не было: его произведенія переводились съ нѣмецкихъ переводовъ, а не съ датскаго подлинника. Теперь этотъ существенный недостатокъ исправляется трудомъ г-жи и г. Ганзенъ. Изданіе выходитъ не въ порядкѣ томовъ. Къ пятому приложенъ портретъ Ибсена. Помѣщены въ обоихъ томахъ слѣдующія пьесы: *Столпы общества*, *Кукольный домъ* (*Нора*, какъ прозвали ее у насъ по примѣру нѣмецкаго переводчика), *Привидѣнія*, *Врагъ народа* (томъ пятый); *Дикая утка*, *Росмерсхольмъ*, *Дочь моря*, *Гедда Габлеръ* (томъ шестой). Передъ каждою пьесою помѣщена статья, въ которой сообщается о времени появленія пьесы, ея постановки, дается характеристика самого драматическаго произведенія. Переводчики даютъ и интересныя литературныя справки и указанія. При такихъ условіяхъ изданіе г. Скирмунта является весьма цѣннымъ вкладомъ въ нашу переводную литературу. Изданы книги очень хорошо и стоятъ дешево.

Полное собраніе сочиненій А. Н. Островскаго. Изд. т-ва „Просвѣщеніе“. Подъ редакціей артиста М. И. Писарева. Спб., 1904. Томъ I и II. Предполагается издать десять томовъ оригинальныхъ п

изведеній знаменитаго драматурга (переводныя не войдутъ въ это собраніе). Пьесы расположены въ хронологическомъ порядкѣ, приведены варіанты, указано время и мѣсто первой постановки, составъ артистовъ. Къ первому тому приложенъ очень хорошій портретъ Островскаго въ молодыхъ еще годахъ, ко второму снимокъ: П. М. Садовскій въ роли Любима Торцова. Видно, что редакторъ относится заботливо и любовно къ своей задачѣ. Обѣщаны другіе портреты, біографія Островскаго и т. д. Изданы книги плотнымъ и четкимъ шрифтомъ, на очень хорошей бумагѣ (есть заявленіе: „Бумага безъ примѣси древесной массы, веленевая"). Это важно для библіотекъ. Цѣна за 10 томовъ—16 р.

Морисъ Метерлинкъ. Смерть Тинтажиля. Символическая драма. Переводъ И. Г. Шнейдеръ. Рисунки Судейкина. М., 1903 г. Ц. 40 к. За первымъ переводомъ этого произведенія Метерлинка (г-жи Вѣры Фоняковой), о которомъ мы сообщали въ свое время (*Русская Мысль*, май 1903 г.), нынѣ появился второй, по своимъ качествамъ уступающій переводу г-жи Фоняковой. Прежде всего нельзя не указать на нѣсколько неправильностей перевода, особенно рѣзко бросающихся въ глаза: bien que je sache qu'on ne le *descend* pas les yeux ouverts переведено „съ открытыми глазами *наверхъ не пойдешь*", хотя авторъ желаетъ сказать здѣсь, что съ башни королевы люди не возвращаются живыми; quoiqu'on sache que l'effort ne servira de rien почему-то передано такъ: „не понимая даже всего", хотя здѣсь вполнѣ ясенъ смыслъ слова l'effort (сопротивленіе); il est au plus profond d'un cirque de ténèbres перев. „онъ (замокъ) стоитъ на дальнѣйшей границѣ темноты" вм. „въ самой глубинѣ темнаго круга"; il faut bien qu'on y vive перев. „должно быть, хорошо въ немъ (въ замкѣ) живется" вм. „и мы должны въ немъ жить"; il ne faut pas que tu t'*effraies* outre mesure—„ты не долженъ чрезмѣрно *удивляться*" (вм. пугаться); je blasphème переведено „я клевещу" (проклинаю); l'inondent (служанку) tout entière du ruissellement des longues boucles d'or ravies aux chevelures des deux soeurs переведено „онъ окутанъ локонами своихъ сестеръ" вм. „покрываютъ ее всю потокомъ золотистыхъ локоновъ, отрѣзанныхъ отъ волосъ обѣихъ сестеръ", какъ это мѣсто передано г-жей Фоняковой; выраженіе petit pouce̊t (Acte V) г. Шн. оставлено совсѣмъ безъ перевода, почему и непонятны дальнѣйшія слова Игрэнъ: „что это я сказала?" Между тѣмъ здѣсь намекается на аналогичную легенду о мальчикѣ съ пальчикъ, котораго искали по прядямъ его волосъ. Непріятно поражаютъ и нѣкоторыя небрежности перевода. La porte, напр., переводится „Калитка" (башни), „ворота" (комнаты); „мы будемъ охранять большую", хотя строчкой выше говорится о воротахъ, le maître (Агловалъ) переводится то слуга, то учитель; la lampe—то свѣча, то лампа; „êtes-vous prêt à tout?" переведено почему-то „мы ко всему готовы"; „Oh, mais le tien!... переведено „оно твое" (сердце); elles... elles viennent—„онѣ (служанки) тутъ". Нельзя не указать также на странныя ошибки противъ русскаго ыка: „и даже Богъ не сопротивится" (et Dieu lui même ne peut plus ésister), „вы видите, что *оно* не возможно" (Vous voyez que ce n'est s possible), „приближаются *на* коридорѣ", „они ужъ *у* дверяхъ". спрессія 3 приложенныхъ рисунковъ груба и производитъ раздражаюе впечатлѣніе. Сброшюрованы книжки не вполнѣ аккуратно.

Титъ Лукрецій Каръ. О природѣ вещей. Перевелъ съ латинскаго размѣромъ подлинника Иванъ Рачинскій. М., 1904 г. Изд. нигоиздательства „Скорпіонъ". Ц. 2 р. 50 к. На этотъ разъ больше спасибо книгоиздательству *Скорпіонъ*. Долгонько пришлось знамени-

той поэмѣ Лукреція ждать перевода на русскій языкъ... Наши пресловутые „классики“ объ этомъ не позаботились.

Книга напечатана только въ 400 нумерованныхъ экземплярахъ. Переводу предшествуетъ небольшое, но дѣльное вступленіе г. Рачинскаго. Самый переводъ сдѣланъ вдумчиво и тщательно, по сводному тексту. Поэма Лукреція—не легкое чтеніе, ея научное значеніе давно утрачено, ея философія теперь представляетъ лишь историческій интересъ; но, по вѣрному замѣчанію переводчика, „ширококрылая поэзія Лукреція остается однимъ изъ высочайшихъ подвиговъ художественнаго вдохновенія, однимъ изъ крупнѣйшихъ памятниковъ отжившаго міровоззрѣнія“. Лукрецій горделиво говорилъ, что онъ заслужилъ такой вѣнокъ,

„Коимъ еще до меня никого не украсили музы.
Прежде всего потому, что *о важныхъ вещахъ я толкую*,
Души людей отъ суевѣрья стараясь избавить.
Далѣе, *ясныя пѣсни слагая* о разныхъ предметахъ,
Тьмою объятыхъ, я музъ обаянье на міръ изливаю“.

Еще разъ спасибо *Скорпіону*.

ФИЛОСОФІЯ, ПЕДАГОГИКА.

Кантъ. Грезы духовидца, поясненныя грезами метафизика.—Книга мудрости. Мысли, наблюденія и характеристики, извлеченныя изъ литературы разныхъ эпохъ и народовъ. Собралъ и составилъ *М. Л. Виницкъ*.—*И. С. Андреевскій*. Научныя основы педагогики.

Кантъ. Грезы духовидца, поясненныя грезами метафизика. Перев. съ нѣмецкаго Б. П. Бурдесъ, подъ редакціей А. Л. Волынскаго. Спб., 1904 г. Ц. 1 р. Когда въ западной Европѣ шумѣла слава спиритическихъ чудесъ Сведенборга, Кантъ отозвался на нее маленькой книгой, очень хорошій переводъ которой лежитъ теперь передъ нами. Кенигсбергскій мудрецъ рано уже замѣтилъ въ себѣ то раздвоеніе между двумя мірами, ноуменальнымъ и феноменальнымъ, которое впослѣдствіи побудило его ограничить чистый разумъ сферой опыта, но въ то же время предоставить разуму практическому, или волѣ, свободное проникновеніе въ потустороннее царство вѣчныхъ идеаловъ и цѣлей. Человѣкъ, по Канту, одной гранью своей личности всецѣло погруженъ въ эмпирическое, въ область явленій, между тѣмъ какъ другая сторона его духа, нравственно-практическая, тяготѣетъ къ незримымъ сущностямъ, „вещамъ въ себѣ“. Въ „Грезахъ духовидца“, переплетая серьезное изложеніе ироніей и шуткой, Кантъ и указываетъ на то, что для насъ, въ мірѣ опыта, невозможно не только общеніе съ предполагаемой „великой республикой духовъ“, но и какое бы то ни было знаніе о ней. Ни Сведенборгъ, ни кто-либо изъ людей не можетъ, оставаясь въ своей физической оболочкѣ, непосредственно и чувственно соприкасаться съ областью умопостигаемаго. Всѣ мы органически приспособлены къ одному лишь видимому. И до такой степени между эмпирической дѣйствительностью и чаемой трансцендентной сферой нѣтъ ничего общаго, что даже отрицать послѣднюю мы въ состояніи только на почвѣ фантазіи, а не логическихъ умозаключеній; для того чтобы утверждать или отрицать какой-нибудь предметъ, онъ долженъ укладываться въ наше мышленіе, между тѣмъ оно, со своими роковыми формами пространства и времени навѣки замкнуто для всего сверхпространственнаго и сверхвременнаго. „Человѣческій разумъ,—говоритъ Кантъ,—и не надѣленъ такими кры-

ями, которыя могли бы дать ему возможность пробиться сквозь облака, скрывающія отъ нашихъ глазъ тайны иного міра. Любознательнымъ же людямъ, которые такъ настойчиво допытываются хотя что-нибудь узнать объ этомъ мірѣ, можно дать простой, но весьма естественный совѣтъ: терпѣливо дожидаться, пока они не попадутъ туда" (стр. 115).

Книга мудрости. Мысли, наблюденія и характеристики, извлеченныя изъ литературъ разныхъ эпохъ и народовъ. Собралъ и составилъ М. Л. Бинштокъ. Спб., 1904 г. Цѣна 2 р. Сборники, гдѣ напечатаны мысли великихъ людей, конечно, поучительны и полезны, но *собрать* и *составить* такую книгу—дѣло нелегкое. Необходимо расположить эти мысли по опредѣленнымъ отдѣламъ, въ обдуманномъ порядкѣ. Этого г. Бинштокъ не сумѣлъ сдѣлать. Есть у него, напримѣръ, рубрика *Человѣкъ*, а за нею *Жизнь и смерть*, а потомъ—*Женщина. Любовь*. Есть и чрезмѣрное изобиліе: *Скорбь, горе, печаль, злополучіе*. Но вотъ что особенно характерно для сборника: изъ Аристотеля приведено десять цитатъ, изъ Бѣлинскаго девять, изъ Гоголя—семь, изъ Герцена—*одна*, а изъ какого-то г. Крачковскаго—*шестьдесятъ семь!* И что это за изреченія! „Не думайте, что со священникомъ можно говорить только о просфорахъ и колоколахъ, а съ военнымъ только о пушкахъ" (это въ отдѣлѣ *мудрость и глупость*, очевидно, во второй его части, какъ и слѣдующее изреченіе: „Бываютъ дураки разные. Бываютъ дураки, которыхъ трудно сразу отличить отъ умныхъ,—такъ сказать, поддѣльные камни ума, что, впрочемъ, не мѣшаетъ имъ быть неподдѣльными дураками"). Въ томъ же отдѣлѣ находится и такая блестящая *мысль* г. Крачковскаго: „Хорошо вычищенное голенище можно принять за солнце". Вотъ опредѣленіе жизни, данное этимъ же мыслителемъ,—черезчуръ субъективное: „Что наша жизнь? Множество глупыхъ надеждъ въ будущемъ, множество совершонныхъ глупостей въ прошедшемъ". Чтобы покончить съ мудростью гг. Бинштока и Крачковскаго, приведемъ еще одну *мысль* второго изъ нихъ: „Можно опредѣлить человѣка какъ существо, дающее себѣ отчетъ, средствомъ для чего ему служитъ слово. Если такъ, то вотъ лишній аргументъ въ рукахъ тѣхъ, кто отрицаетъ за женщиной право называться человѣкомъ, ибо женщину можно опредѣлить какъ разъ наоборотъ, какъ существо, не дающее себѣ отчета, и слово служитъ ей для какой угодно, только не для этой цѣли".

И. С. Андреевскій, директоръ глуховского учительскаго института. Научныя основы педагогики. Кіевъ, 1903 г. Съ точки зрѣнія автора, система педагогики должна опираться не на психологію, какъ это мы видимъ теперь, а на исторію науки. Въ эволюціи человѣческой любознательности можно замѣтить, что умъ сперва интересовался изученіемъ нормальныхъ состояній и законченныхъ формъ реальнаго міра и только впослѣдствіи перешелъ къ анализу ихъ движенія и измѣненія; вотъ почему, соотвѣтственно этой смѣнѣ статики и динамики, на первыхъ ступеняхъ школы обученіе должно носить характеръ классическій, а потомъ уже оно должно раскрывать перспективы эволюціоннаго и органическаго міросозерцанія. Въ педагогикѣ нѣтъ и не можетъ быть единаго метода, и для каждаго возраста существуютъ свой методъ и своя цѣль обученія; это объясняется тѣмъ, что нѣтъ единой науки, есть только сумма, а не система знаній. Для подтвержденія своихъ основныхъ мыслей г. Андреевскій приводитъ рядъ очерковъ по исторіи науки и философіи; они должны выяснить, какъ различные періоды этой исторіи вліяли на существо и направленіе педагогическихъ теорій. Намъ случилось уже въ другомъ мѣстѣ указать, что эта связь между наукой и практи-

ческой педагогикой въ изложеніи автора проступаетъ не совсѣмъ убѣдительно; г. Андреевскаго, безспорно, гораздо больше занимаетъ исторія науки сама по себѣ, внѣ ея отношеній къ задачамъ преподаванія; въ концѣ-концовъ остается недоказаннымъ, что руководящее значеніе для школы долженъ имѣть методъ генетическій, что ходъ обученія долженъ строго отвѣчать историческому ходу самой науки. Для того чтобы основы педагогики были установлены во всей своей многосторонности, нельзя пренебрегать психологіей и теоріей познанія, какъ это дѣлаетъ г. Андреевскій, всецѣло увлеченный исторіей знанія. Онъ не перебросилъ достаточно крѣпкаго моста между этой исторіей и педагогической практикой. И потому главное значеніе его во всякомъ случаѣ серьезной и интересной работы заключается въ ея историко-философской части, гдѣ, напримѣръ, очень остроумна предлагаемая авторомъ новая классификація наукъ: сообразно съ тѣмъ, что въ исторіи науки послѣдовательно царили три начала: во-первыхъ, принципъ числа, или формально-эстетическій, во-вторыхъ, принципъ пространства, или механическій, въ-третьихъ, принципъ силы, или органическій,—сообразно съ этимъ г. Андреевскій раздѣляетъ науки на формальныя, механическія и органическія (напримѣръ,—логика, механика, исторія).

ПУБЛИЦИСТИКА.

К. Скальковскій. Новая книга.—*Л. С. Личковъ.* Очерки изъ прошлаго и настоящаго Черноморскаго побережья.—Профессоръ-идеалистъ. Сборникъ статей, посвященныхъ памяти проф. П. С. Климентова.

К. Скальковскій. Новая книга. Спб., 1904 г. Старымъ перомъ г. Скальковскій написалъ „Новую книгу“, въ составъ которой вошли старые фельетоны и статьи изъ *Новаго Времени*. Въ этой „Новой книгѣ“ говорится о людоѣдахъ въ Конго, о минеральной водѣ „Ursus“, о гербовомъ сборѣ, о еврейскомъ вопросѣ, о „Дядѣ Ванѣ“, о древонасажденіи, о каперствѣ, объ общинѣ, о перепроизводствѣ инженеровъ, о кустаряхъ, о сербахъ, о децентрализаціи высшихъ учебныхъ заведеній, о Ротшильдѣ, о криворожскихъ и бахмутскихъ помѣщикахъ, о ресторанѣ Кюба, о Виссаріонѣ Комаровѣ, однимъ словомъ—

На всякій звукъ
Свой откликъ въ воздухѣ пустомъ
Родишь ты вдругъ...

Попутно г. Скальковскій защищаетъ органъ „глубокоуважаемаго публициста А. Суворина“, совѣтуетъ русскому правительству „не зѣвать“ по части Польши и Литвы, пренебрежительно отзывается о „мыслящихъ мозгахъ изъ семинаристовъ“ и „недозрѣломъ міросозерцаніи умственныхъ пролетаріевъ“, уличаетъ коллегу по газетѣ, г. Розанова, въ плохомъ знакомствѣ съ исторіей, разсказываетъ о томъ, какъ интересуется публика его статьями, какъ его „седьмой годъ по утрамъ растираетъ массажистъ“, и какъ „чиновникъ питейной монополіи“ звалъ его къ „подвыпившимъ проституткамъ“.

Но все это—лишь случайныя темы, свидѣтельствующія о необычайной энциклопедичности автора. Кромѣ того г. Скальковскій выказываетъ себя спеціалистомъ въ вопросахъ о горной промышленности и о балетѣ.

Что касается до перваго вопроса, то г. горный инженеръ Скальковскій извѣстенъ давно за покровителя промышленности не на одной толь

бумагѣ, но и въ жизни. Интересующихся его „исторіями“ отсылаемъ къ соотвѣтствующимъ номерамъ *Новаго Времени*, *С-Петербургскихъ Вѣдомостей* и *Торгово-Промышленной Газеты*, такъ какъ въ „Новой книгѣ“ помѣщены только „опроверженія“ и „возраженія“ г. Скальковскаго. Въ балетѣ же г. Скальковскій свой человѣкъ (см. его книгу „Въ театральномъ мірѣ“). Въ этомъ вопросѣ онъ не только спеціалистъ, но и художникъ. Съ тончайшимъ сладострастіемъ онъ говоритъ о разныхъ пируэтахъ, кабріоляхъ, атитюдахъ, антраша six, rondes des jambes, cambrures de reins, jetés en tournant, баллонахъ, вертунахъ и т. п. Заядлый врагъ „стриженой косы“, онъ неподражаемъ въ художественномъ описаніи округленности формъ и элегантности ножки. Желающимъ рекомендуемъ прочесть его знаменитую книгу „О женщинахъ“, которая по количеству изданій уступаетъ только сонникамъ и оракуламъ никольскаго рынка. Вообще г. Скальковскій спеціалистъ по части пируэтовъ и вертуновъ какъ на сценѣ, такъ и въ другихъ областяхъ. Онъ одинаково удачно жонглируетъ балетными маріонетками и листовымъ желѣзомъ. Тѣмъ болѣе грустно, когда такой жонглеръ и балетныхъ дѣлъ мастеръ врывается своеобразнымъ кэкъ-уокомъ въ судъ присяжныхъ. Изъ статьи его „Воспоминанія о судѣ присяжныхъ“ („Новая книга“, стр. 490) мы узнаемъ, что судья долженъ быть ремесленникомъ („Судья судитъ, какъ плотникъ строгаетъ, романистъ сочиняетъ, повивальная бабка принимаетъ, каждому своя спеціальность“), что „авторомъ новой судебной процедуры былъ астрономъ Зарудный“, что „угроза наказанія имѣетъ только педагогическое значеніе“, почему и „нелѣпа отмѣна тѣлесныхъ наказаній и особенно смертной казни“, что „имѣются весьма цивилизованныя страны, какъ Германія, Голландія, Скандинавскія государства, гдѣ прекрасно обходятся безъ суда присяжныхъ, и въ большинствѣ ихъ юстиція повыше нашей“ и вообще, что „судъ присяжныхъ—своего рода предразсудокъ“. Недостатки суда присяжныхъ г. Скальковскій усматриваетъ въ томъ, что „присяжнымъ приходится являться рано, между тѣмъ судейскій персоналъ постоянно опаздываетъ, ѣсть приходится скверно въ ресторанѣ въ зданіи суда и, какъ кошмаръ, надъ вами носится угроза, что засѣданіе затянется и васъ запрутъ ночью въ комнату съ клопами спать въ сообществѣ съ людьми вамъ неизвѣстными и можетъ быть непріятными“. Затѣмъ „коварную роль играютъ судебные пристава; они прислушиваются къ болтовнѣ засѣдателей о ходѣ преній въ комнатѣ присяжныхъ и затѣмъ, въ нарушеніе закона о тайнѣ совѣщанія присяжныхъ, сообщаютъ пріятелямъ адвокатамъ о томъ, кто изъ присяжныхъ относительно суровъ или имѣетъ болѣе вліянія на остальныхъ присяжныхъ“ и т. д., и т. д.

Excusez du peu—по любимому выраженію г. Скальковскаго...

Л. С. Личковъ. Очерки изъ прошлаго и настоящаго черноморскаго побережья Кавказа. Кіевъ, 1904 г. Ц. 85 к. И прошлое, и настоящее черноморскаго побережья въ широкихъ кругахъ нашего общества мало извѣстны. Читатели найдутъ въ книгѣ г. Личкова интересныя данныя. Авторъ знакомъ съ побережьемъ отъ Новороссійска до Батума. Ему хорошо извѣстна и литература предмета. Достоинствомъ книги является и живое изложеніе. Для людей, которые поѣдутъ на Кавказъ, черки г. Личкова будутъ очень полезны. Онъ даетъ между прочимъ вѣдѣнія о курортахъ черноморскаго побережья.

Профессоръ-идеалистъ. Сборникъ статей, посвященныхъ памяти проф. П. С. Климентова. М., 1903 г. Ц. 1 р. 50 к. Изд. З. Н. Климентовой. Вдова покойнаго, столь рано скончавшагося ученаго и

публициста, собрала въ одну книгу статьи и рѣчи, вызванныя смертью П. С. Климентова, и большую часть статей, напечатанныхъ покойнымъ профессоромъ (нѣкоторыя изъ нихъ были первоначально помѣщены въ нашемъ журналѣ). Трогательное впечатлѣніе производятъ отзывы о Петрѣ Степановичѣ его профессоровъ, товарищей и учениковъ. Въ чистомъ огнѣ научной работы и исканіи общественной правды сгорѣлъ этотъ талантливый человѣкъ. Къ изданію приложенъ хорошій портретъ П. С. Климентова.

ИСТОРІЯ, МЕМУАРЫ, БІОГРАФІИ.

В. Б. На рубежѣ XIX столѣтія. Перев. *Львовича*. Ч. I и II.—*А. Оларъ*. Политическая исторія французской революціи. Перев. *Кончевской*.—*Лависсъ и Рамбо*. Всеобщая исторія. Т. VIII. Перев. *Гершензона*.—*Лависсъ и Рамбо*. Исторія французской революціи. Перев. *Юхшина*.—Записки кн. М. Н. Волконской.—*Н. Барсуковъ*. Жизнь и труды Погодина. Кн. XVIII.—Пушкинъ и его современники. Матеріалы и изслѣдованія. Вып. I.—*П. Головачевъ*. Иркутское лихолѣтье.—*Николай Зинченко*. 1) Женское образованіе въ Россіи. Историческій очеркъ. 2) Театръ при Петрѣ Великомъ.—Біографіи композиторовъ съ IV—XX вв.

В. Б. На рубежѣ XIX столѣтія. Перев. Г. Ѳ. Львовича. Части I—II. Спб., 1902 г.—А. Оларъ. Политическая исторія французской революціи. Перев. съ франц. Н. Кончевской. М., 1902 г.—Лависсъ и Рамбо. Всеобщая исторія. Т. VIII. Перев. М. Гершензона. М., 1903 г.—Лависсъ и Рамбо. Исторія французской революціи. Пер. М. Юхшина. Спб., 1902 г. Наиболѣе основательной и въ то же время интересной изъ названныхъ книгъ является безспорно трудъ Олара. Авторъ его въ настоящее время одинъ изъ наилучшихъ знатоковъ собственно политической исторіи революціи, и его трудъ долженъ служить настольною книгою при изученіи этой стороны предмета. Написанъ онъ чрезвычайно живо и просто, вполнѣ доступно даже для простого читателя. Главное возраженіе, которое можно было бы предъявить автору, это—вопросъ, возможно ли, принципіально изолируя изложеніе политической исторіи революціи отъ соціальной, достигнуть полнаго выясненія первой, не окажется ли въ такомъ случаѣ все изложеніе висящимъ на воздухѣ? Достаточно ли даетъ авторъ указаній на связь или зависимость описываемыхъ имъ движеній политическихъ отъ вызывавшихъ ихъ условій соціальныхъ? Далѣе, авторъ не всегда соблюдаетъ должное безпристрастіе, не всегда признаетъ равноправіе борющихся сторонъ, склоненъ иногда стушевывать ненужныя крайности революціи, даже приписывать имъ благодѣтельное вліяніе, какое на дѣлѣ онѣ едва ли имѣли. Но въ общемъ, при всей живости ея изложенія, книга поражаетъ своей основательностью, вноситъ массу существенныхъ поправокъ, разрушаетъ множество старыхъ легендъ. Ея отношеніе къ прежнимъ изложеніямъ предмета можно сравнить съ отличіемъ простого фотографическаго изображенія отъ ряда моментальныхъ снимковъ. То, что прежде представлялось сдвинутымъ въ одно цѣлое, теперь оказывается раздѣленнымъ на рядъ послѣдовательныхъ моментовъ; то, что прежде считалось результатомъ послѣдовательнаго проведенія заранѣе составленнаго плана, теперь оказывается въ значительной степени неожиданнымъ даже для людей, потомъ воспользовавшихся этимъ результатомъ въ своихъ цѣляхъ. Въ этомъ отношеніи любопытно, наприм., разъясненіе вопроса, какъ разныя партіи относились къ мысли о республикѣ до провозглашенія ея въ сентябрѣ 1792 г. Переводъ книги особенныхъ возраженій не вызываетъ

и читается легко; можно только замѣтить, что переводчицѣ далеко не всегда удавалось вѣрно передать по-русски массу запутанныхъ терминовъ. Какъ на курьезъ укажемъ на превращеніе извѣстной куртизанки Олимпіи де-Гужъ въ Олимпа Гужъ. Въ концѣ-концовъ книга можетъ служить прекраснымъ пособіемъ для болѣе детальнаго ознакомленія съ политической исторіей революціи, если читатель уже знакомъ въ общихъ чертахъ съ предметомъ.

Въ этомъ отношеніи для него могутъ быть не безполезны VIII томъ *Всеобщей исторіи* Лависса и Рамбо или *Исторія французской революціи* тѣхъ же редакторовъ. Во избѣжаніе недоразумѣній не мѣшаетъ при этомъ замѣтить, что вторая изъ названныхъ книгъ представляетъ собою переводъ тѣхъ главъ первой, которыя непосредственно касаются революціи. Та и другая книга состоитъ изъ ряда очерковъ различныхъ сторонъ исторіи революціи, написанныхъ на основаніи новѣйшихъ изслѣдованій спеціалистами. Изложеніе политической исторіи и здѣсь принадлежитъ тому же Олару. Въ общемъ очерки эти отличаются несомнѣнно точностью, но въ то же время страдаютъ нѣкоторой сжатостью и сухостью, такъ что для начальнаго ознакомленія съ предметомъ они едва ли пригодны. Начать это ознакомленіе и теперь всего лучше съ стариковъ Минье и Гейссера, хоть они порядкомъ устарѣли въ частностяхъ, и только потомъ, для ознакомленія съ современнымъ состояніемъ изслѣдованія, слѣдуетъ обращаться къ VIII тому или къ извлеченію изъ него. Тамъ и здѣсь характерно общее распредѣленіе матеріала. Всего больше мѣста отведено исторіи дипломатіи и войнѣ; за ними на близкомъ разстояніи слѣдуетъ исторія политической борьбы и партій, затѣмъ—искусство, церковь, народное образованіе и литература; всего меньше мѣста занимаютъ отдѣлы, посвященные законодательству и общественному и государственному хозяйству. Такое рѣзкое предпочтеніе вопросовъ политико-культурныхъ вопросамъ права и хозяйства едва ли отвѣчаетъ современнымъ направленіямъ исторической науки и указываетъ скорѣе на нѣкоторую отсталость во взглядахъ авторовъ-спеціалистовъ. Что касается перевода VIII тома и извлеченія изъ него, составляющаго двѣ трети цѣлой книги, то нельзя не отмѣтить, что насколько вся книга переведена со скрупулезною точностью, настолько переводъ извлеченія страдаетъ небрежностью и неточностями, которыя можно объяснить только поспѣшностью работы. Особенно замѣтны эти недостатки на передачѣ техническихъ терминовъ. Тою же поспѣшностью, вѣроятно, объясняется и перенесеніе изъ VIII тома въ извлеченіе главы о политикѣ державъ восточной Европы, не имѣющей особеннаго отношенія къ предмету книги. Въ виду такой разницы между обоими переводами, для читателя, пожалуй, представлялось бы болѣе безопаснымъ обратиться прямо къ VIII тому, въ которомъ, кромѣ исторіи революціи, онъ найдетъ еще главы объ исторіи Англіи, Германіи, Испаніи, Португаліи, Швейцаріи, Америки и даже Дальняго Востока въ концѣ XVIII вѣка. Очень жаль поэтому, что теперь, повидимому, трудно разсчитывать на продолженіе перевода *Всеобщей исторіи*, и это какъ разъ тогда, когда очередь дошла до четырехъ послѣднихъ томовъ ея, посвященныхъ исторіи XIX вѣка, а потому представляющихъ особенный интересъ, и когда переводъ попалъ, наконецъ, въ руки очень добросовѣстнаго и знающаго работника. Для нашей переводной литературы такой перерывъ представитъ несомнѣнно крупный дефектъ.

Наименѣе благопріятное впечатлѣніе производитъ первая изъ названныхъ выше книгъ—произведеніе г. В. Б. Прежде всего она далеко

не надежна въ фактическомъ отношеніи; еще менѣе можетъ полагаться читатель на сужденія автора. Послѣдній задался интересною цѣлью изобразить революцію съ точки зрѣнія теоріи классовой борьбы, и, увлекшись этою мыслью, а отчасти, быть можетъ, благодаря недостаточно основательному знакомству съ предметомъ, допустилъ цѣлый рядъ ошибокъ, передержекъ и преувеличеній. Въ результатѣ получилась грубо тенденціозная работа, поражающая своею аляповатостью. Но такъ какъ написана она очень живо и бойко, то легко можетъ ввести въ заблужденіе простодушнаго читателя. Для человѣка настолько знакомаго съ предметомъ, чтобы разобраться въ преувеличеніяхъ автора, книга его можетъ даже представлять нѣкоторый интересъ, какъ образчикъ того, какъ не слѣдуетъ писать исторію, и какъ предвзятая точка зрѣнія, при грубонеумѣломъ ея проведеніи, можетъ приводить къ цѣлому ряду недоразумѣній. Но для начальнаго ознакомленія съ предметомъ она рѣшительно не пригодна. Чтобы такое строгое сужденіе не показалось совсѣмъ голословнымъ, приведемъ нѣсколько примѣровъ фактическихъ промаховъ и наивныхъ сужденій автора. О французской буржуазіи онъ говоритъ (ч. I, стр. 9), что „въ давнія времена она была очень сильна, такъ какъ городское управленіе имѣло тогда большею частью демократическое коммунальное устройство. Въ XV в. оно было введено вездѣ, гдѣ только это было возможно. Города держали себя какъ самостоятельныя республики; они долго боролись съ королями и защищали отъ нихъ свою самостоятельность... Религіозныя смуты XVI и XVII вѣковъ дали королямъ столь желанный для нихъ случай сломить силу городовъ“. Тутъ что ни фраза, то грубая ошибка. Въ штатѣ 1788 г. изъ 1,200 депутатовъ треть приходилась на среднее сословіе, треть—на дворянство и треть—на духовенство. Мирабо приписывается защита отсрочивать *veto*, противъ котораго онъ горячо возставалъ. Безнадежно перепутаны данныя касательно избирательнаго ценза по конституціи 1791 г. Эмигрантамъ приписана возможность выставить на границѣ войско въ 60 тыс. чел. Темпльеровъ авторъ мимоходомъ называетъ жертвами произвола *Бурбоновъ*. А вотъ образчики по меньшей мѣрѣ неосторожныхъ его сужденій. „Если бы Марія-Антуанета была менѣе красива, а Барновъ менѣе впечатлителенъ, не было бы и фельяновъ“ (стр. 95). „Никогда во всей исторіи Франціи не представлялось такого удобнаго случая для введенія въ странѣ крупнаго государственнаго земледѣльческаго хозяйства, какъ въ 1789 г.“ (стр. 75). „Конвентъ не воспользовался удобнымъ случаемъ для организаціи общественнаго земледѣльческаго хозяйства въ крупныхъ размѣрахъ“ (стр. 185).

Записки кн. Маріи Николаевны Волконской. Съ предисловіемъ и приложеніями издателя кн. М. С. Волконскаго. Спб., 1904 г. XXXV+212. Ц. 4 р. Литература о декабристахъ обогатилась новой интересной публикаціей. Кн. М. С. Волконскій, издавшій не такъ давно записки своего отца, опубликовалъ теперь мемуары матери, извѣстной кн. М. Н. Волконской, добровольное переселеніе которой вслѣдъ за мужемъ въ Сибирь воспѣто въ чудной поэмѣ Некрасова „Русскія женщины“. Мемуары кн. Волконской не содержатъ никакихъ данныхъ по исторіи тайнаго общества и возмущенія 14 декабря, они посвящены исключительно жизни декабристовъ въ Сибири. Изящный въ своей безыскусственной простотѣ, чуждый малѣйшей аффектаціи, дышащій неподдѣльной искренностью разсказъ княгини читается съ увлеченіемъ и живо переноситъ читателя въ среду изображаемыхъ лицъ и событій. Если этотъ разсказъ и не прибавитъ существенныхъ фактическихъ подробностей къ нашимъ

свѣдѣніямъ о жизни декабристовъ въ Сибири, зато онъ передаетъ намъ общій тонъ этой жизни, незамѣтно вводитъ въ интимный міръ душевныхъ настроеній сибирскихъ заточниковъ и ихъ самоотверженныхъ жизненныхъ спутницъ. Но кромѣ того мемуары кн. Волконской получаютъ глубокій историко-литературный интересъ. Въ предисловіи ихъ издателя находимъ чрезвычайно любопытный разсказъ о томъ, какъ зародилась посвященная кн. Волконской поэма Некрасова. Оказывается, что мемуары княгини послужили главнымъ источникомъ вдохновенія поэта. По просьбѣ Некрасова кн. М. С. Волконскій, не желавшій выпускать изъ своей квартиры драгоцѣнную рукопись, самъ прочелъ ему вслухъ записки матери, тутъ же переводя ихъ устно съ французскаго языка на русскій, при чемъ, „поэтъ нѣсколько разъ прерывалъ чтеніе, вскакивалъ и со словами „довольно, не могу!“ бѣжалъ къ камину, садился къ нему и, схватясь руками за голову, плакалъ, какъ ребенокъ“. Эти незримыя для читателя слезы вылились затѣмъ въ чудныя строфы поэмы и теперь детальное сличеніе текста мемуаровъ съ ихъ поэтическимъ воззданіемъ можетъ доставить любопытный матеріалъ для изученія процесса поэтическаго творчества Некрасова. Мемуары изданы прекрасно. Французскій текстъ сопровожденъ литературно исполненнымъ русскимъ переводомъ. Въ приложеніяхъ сообщены интересныя извлеченія изъ документовъ архива III отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи, касающіяся упоминаемыхъ въ запискахъ лицъ. Къ книгѣ приложены художественно исполненные портреты Волконскихъ и виды мѣстностей заключенія декабристовъ.

Н. Барсуковъ. Жизнь и труды Погодина. Книга XVIII. Спб., 1904 г. Ц. 2 р. 50 к. Г. Барсуковъ неутомимо продолжаетъ свою безконечную хронику. Давно убѣдившись въ томъ, что въ этомъ твореніи не слѣдуетъ искать ни стройнаго плана, ни осмысленной обработки затрогиваемыхъ сюжетовъ, мы не можемъ не цѣнить въ трудѣ г. Барсукова богатаго собранія сырыхъ матеріаловъ, въ числѣ которыхъ встрѣчаются порой важныя новинки, впервые публикуемыя печатно. Къ сожалѣнію, по мѣрѣ приближенія повѣствованія къ наиболѣе интереснымъ моментамъ русской общественной жизни недостатки труда г. Барсукова выступаютъ все рѣзче, а достоинства все болѣе блекнутъ. Уже XVII книга, посвященная эпохѣ подготовки крестьянской реформы, вполнѣ обманула наши ожиданія. Вышедшая теперь книга XVIII производитъ не лучшее впечатлѣніе. Задача была благодарная: обрисовать противорѣчивые оттѣнки общественныхъ взглядовъ и стремленій въ только что избавленной отъ крѣпостного права Россіи. Авторъ ничего не сдѣлалъ изъ этой роскошной темы. Какъ и въ предыдущемъ выпускѣ, мы не находимъ здѣсь сколько-нибудь замѣчательныхъ впервые публикуемыхъ матеріаловъ. А въ группировкѣ матеріаловъ, ранѣе уже извѣстныхъ въ печати, г. Барсуковъ обнаружилъ всю свою неумѣлость, къ которой на этотъ разъ съ особенною ясностью присоединилась тенденціозная односторонность въ подборѣ фактовъ. Обрисовывая условія введенія новыхъ порядковъ въ освобожденной деревнѣ, г. Барсуковъ заботливо собралъ цѣлый букетъ эксцессовъ крѣпостнической воркотни на разрушеніе крѣпостной старины и не привелъ ни одного извлеченія, ни одной черточки изъ записокъ людей, которые сами работали въ качествѣ мировыхъ посредниковъ надъ введеніемъ новыхъ порядковъ, проникнутые благожелательными чувствами къ вчерашнимъ рабамъ и имѣли случай среди своей практической дѣятельности воочію наблюдать деревенскую жизнь. Говоря замѣнѣ Ланского Валуевымъ, авторъ приводитъ такой подборъ цитатъ,

на основаніи котораго читатель можетъ подумать, что о Валуевѣ до насъ дошли одни одобрительные отзывы, какъ о симпатичномъ человѣкѣ и выдающемся администраторѣ. И такихъ примѣровъ явной тенденціозности въ подборѣ фактовъ по книгѣ разсѣяно немало. Не въ меньшей степени авторъ злоупотребляетъ и постоянными утомительными отклоненіями отъ непосредственной темы своего повѣствованія. Никому не интересныя подробности о посѣщеніяхъ монастырей высокопоставленными особами растягиваются на цѣлыя главы въ то время, какъ читатель, нетерпѣливо переворачивая страницы, ждетъ интересныхъ сообщеній о жизни общества въ ту знаменательную эпоху, когда, по словамъ поэта, порвалась цѣпь великая, ударивъ однимъ концомъ по барину, другимъ по мужику.

Твореніе г. Барсукова представляетъ богатую коллекцію историческихъ фактовъ, и приходится очень пожалѣть о томъ, что по недостатку вкуса и научной подготовки коллекціонеръ ставитъ на первый планъ заботы о количествѣ, а не о качествѣ своего собранія.

Пушкинъ и его современники. Матеріалы и изслѣдованія. Вып. I. Спб., 1903 г. Этимъ выпускомъ начинается новое періодическое изданіе при 2 отдѣленіи академіи наукъ, спеціально посвященное Пушкину и его эпохѣ. Оно будетъ выходить два раза въ годъ, по мѣрѣ накопленія матеріала, и будетъ заключать въ себѣ изслѣдованія, матеріалы и замѣтки о великомъ поэтѣ и его сочиненіяхъ, близкихъ къ нему лицахъ и современникахъ и протоколы Пушкинской академической коммиссіи.

За границей издается много періодическихъ сборниковъ, посвященныхъ научной разработкѣ отдѣльныхъ писателей (наприм., Гете, Шекспиру, Данте). Новое академическое изданіе—первая такая попытка у насъ, почему и заслуживаетъ большого вниманія.

Кромѣ обстоятельныхъ протоколовъ Пушкинской коммиссіи, прекрасно рисующихъ ходъ работъ по изданію академическаго Пушкина, первый выпускъ заключаетъ въ себѣ очень цѣнную работу Б. Л. Модзалевскаго: „Поѣздка въ село Тригорское въ 1902 г.“, вышедшую и отдѣльнымъ изданіемъ. Авторъ даетъ подробное описаніе Тригорской библіотеки, которою пользовался Пушкинъ и составъ которой очень характеренъ для его сосѣдей и друзей, рядъ новыхъ, очень важныхъ фактовъ для характеристики семьи Осиповыхъ и Вульфовъ, игравшей такую видную роль въ жизни Пушкина за ея Михайловскій періодъ,—нѣсколько небезынтересныхъ подробностей для біографіи Пушкина.

Тригорское давно уже сдѣлалось мѣстомъ паломничества для поклонниковъ великаго поэта. Кое-что изъ сохранявшихся въ немъ матеріаловъ попадало въ печать, но только г. Модзалевскому окончательно удалось исчерпать этотъ цѣнный источникъ.

П. Головачевъ. Иркутское лихолѣтье. 1758—1760 гг. Изданіе А. В. Касьянова. М., 1904 г. Ц. 40 к. Въ 1758—60 гг. купеческое общество Иркутска пережило поистинѣ черную годину. Генералъ-прокуроръ сената Глѣбовъ, смотрѣвшій на свой высокій санъ, какъ на источникъ наживы всевозможными нечистыми средствами, разгнѣвался на иркутскихъ купцовъ за ихъ нежеланіе предоставить ему произвольное и несогласное съ законами распоряженіе доходами съ иркутскаго винная откупа. Орудіемъ своей мести Глѣбовъ избралъ коллежскаго ассессора Крылова, присланнаго имъ въ Иркутскъ для слѣдствія надъ иркутскими купцами, обвиненными Глѣбовымъ въ цѣломъ рядѣ преступленій. Три года пробылъ Крыловъ въ Иркутскѣ, но еще черезъ 40 лѣтъ, въ началѣ XIX стол., въ населеніи Иркутска была жива память о звѣрскихъ нра-

ліяхъ и злодѣяніяхъ, которыя творилъ этотъ слѣдователь, сильный поддержкою всемогущаго петербургскаго вельможи. Любопытно, что подвиги Крылова тогда же были записаны въ нѣсколькихъ мѣстныхъ хроникахъ, веденныхъ нѣкоторыми иркутскими обывателями. Подлинный текстъ одной изъ такихъ хроникъ и изданъ въ настоящей брошюрѣ подъ редакціей и съ комментаріями извѣстнаго спеціалиста по исторіи Сибири г. Головачева. Хроника полна интереса. Въ ней дается яркая картина административнаго произвола, царившаго въ русской провинціи XVIII ст. Пріѣздъ слѣдователя равнялся для города по своимъ послѣдствіямъ развѣ только военному набѣгу какихъ-нибудь дикихъ кочевниковъ. Разореніе до тла цѣлыхъ богатыхъ фамилій, истязанія и даже убійства, оскорбленіе женской чести при самой безобразной обстановкѣ, наприм., среди имениннаго пира, вотъ въ чемъ проявлялись дѣйствія слѣдователя, противъ которыхъ обществу негдѣ было искать своевременной защиты. Разсказъ о подвигахъ Крылова переплетается съ живыми сценами домашнихъ нравовъ купеческой среды XVIII ст. и любопытными подробностями по организаціи питейныхъ откуповъ того времени. Хроника представляетъ также и историко-литературный интересъ, какъ своеобразный памятникъ мемуарной литературы Елизаветинской эпохи.—Доходъ съ изданія брошюры назначенъ въ пользу общества вспомоществованія нуждающимся сибирякамъ и сибирячкамъ, учащимся въ учебныхъ заведеніяхъ г. Москвы.

Николай Зинченко. 1) Женское образованіе въ Россіи. Историческій очеркъ. Ц. 30 к. 2) Театръ при Петрѣ Великомъ. Очеркъ. Спб. 1904 г. Ц. 15 к. Брошюры г. Зинченка предназначаются, повидимому, для такъ называемой большой публики, но на самомъ дѣлѣ онѣ довольно далеки отъ обычнаго типа научно-популярныхъ статей, имѣющихъ почтенное назначеніе популяризовать тѣ или иныя свѣдѣнія для людей, не обладающихъ ни досугомъ, ни охотой изучать научно интересующіе ихъ вопросы. Научнаго въ брошюркахъ г. Зинченка весьма мало, а есть какіе-то обрывки кое-какихъ историческихъ данныхъ. Еще статья *Женское образованіе въ Россіи* даетъ хоть нѣчто, напоминающее историческій очеркъ, но зато въ ней авторъ беретъ на себя совершенно непосильную задачу публициста и съ большимъ воодушевленіемъ доказываетъ, что дважды два четыре, т.-е. что женщинѣ образованіе нужно.

Что касается до брошюры *Театръ при Петрѣ Великомъ*, то она содержитъ въ себѣ всего 16 страничекъ, изъ которыхъ 4 отведены подъ заголовокъ и подъ общія разсужденія о значеніи театра, и только 12 посвящены самой темѣ. Нечего и говорить о томъ, что эти двѣнадцать страничекъ небольшого формата дадутъ читателю весьма мало.

Біографіи композиторовъ съ IV—XX вѣкъ. М., 1904 г. Изд. К. А. Дурново. Подъ редакціей А. Ильинскаго (иностранный и русскій отдѣлъ) и Г. Пахульскаго (польскій отдѣлъ). Ц. 6 р. Этотъ огромный, украшенный многими портретами и изящно изданный томъ является прекраснымъ подаркомъ для любителей музыки.

Книга начинается коротенькими біографіями св. Амвросія Медіоланскаго и папы Григорія I, какъ первыхъ составителей круга церковныхъ пѣснопѣній. Въ статьяхъ указываются сочиненія композиторовъ, приводятся образцы и характеристики ихъ. Передъ русскимъ отдѣломъ помѣщена вступительная статья г. Кругликова. Она написана нѣсколько застрепанно. Встрѣчаются такія фразы: „Въ его (Танѣева) лицѣ московская консерваторія имѣетъ профессора, *болѣе*, чѣмъ многіе другіе, *всегда* исповѣдовавшаго строгій классицизмъ. Очень обстоятельно составленъ польскій отдѣлъ.

ГЕОГРАФІЯ, ПУТЕШЕСТВІЯ.

Азія. Иллюстрированный географическій сборникъ. Изд. 2-е.—*Жакъ Араго.* Путешествіе вокругъ свѣта.—Воспоминанія слѣпого.

Азія. Иллюстрированный географическій сборникъ, составленный преподавателями географіи А. Круберомъ, С. Григорьевымъ, А. Барковымъ и С. Чефрановымъ. М., 1904 г. Второе, исправленное и дополненное изданіе. Ц. 2 р. Новое изданіе этого полезнаго и интереснаго пособія является въ измѣненномъ видѣ: статьи о русскихъ владѣніяхъ въ Азіи исключены, такъ какъ имъ посвященъ особый сборникъ. Тѣмъ не менѣе книга вышла большаго размѣра, чѣмъ первое изданіе. Составители пользовались не только русскою, но и иностранною литературою. Многочисленные рисунки хорошо поясняютъ текстъ. Сборникъ интересенъ и для подростковъ, и для каждаго человѣка, любящаго природу и путешествія.

Воспоминанія Слѣпого. Путешествіе вокругъ свѣта. Сочиненіе Жака Араго. Съ портретомъ автора и рисунками. Переводъ съ пятаго изданія П. Канчаловскаго. М., 1904 г. Ц. 80 к. Настоящая книга представляетъ собой первый выпускъ *Воспоминаній Слѣпого*, при чемъ всѣхъ выпусковъ предполагается семь, подписная цѣна которыхъ 4 р. 50 к., съ пересылкой 5 р. 50 к. Интересная, увлекательная книга Араго до сихъ поръ не утратила своего значенія, хотя многое въ ней является уже анахронизмомъ. Художественныя описанія, блестящія характеристики, негодующій пафосъ гражданина, оскорбленнаго въ лучшихъ своихъ чувствахъ при видѣ тяжелыхъ картинъ рабовладѣльчества, неистощимый запасъ наблюдательности,—все это до сихъ поръ очаровываетъ читателя. Переводъ г. Канчаловскаго хорошъ, языкъ достаточно образенъ и выразителенъ. Издана книга недурно, но печать, къ сожалѣнію, слишкомъ мелка.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

Отчетъ по естественно-историческому музею таврическаго губернскаго земства за 1903 г.—*Г. Карпентеръ.* Насѣкомыя, ихъ строенія и жизнь.

Отчетъ по естественно-историческому музею таврическаго губернскаго земства за 1903 годъ. Симферополь, 1903 г. Подъ этимъ скромнымъ заглавіемъ мы находимъ, между прочимъ, предварительный отчетъ губернскаго энтомолога С. А. Мокржецкаго о его въ высокой степени интересныхъ опытахъ надъ внѣкорневымъ питаніемъ и внутренней терапіей растеній. Авторъ вводилъ въ стволы деревьевъ, захирѣвшихъ, засыхающихъ подъ вліяніемъ различнаго рода неблагопріятныхъ условій, напримѣръ, обмерзанія, различныя минеральныя соли, и результаты получались самые благопріятные: усиливался и ростъ и плодоношеніе. Опыты были весьма доказательны вслѣдствіе того, что иногда лѣкарственныя вещества вспрыскивались лишь въ часть побѣговъ растенія, и такимъ образомъ на одномъ и томъ же деревѣ, при всѣхъ прочихъ равныхъ условіяхъ, можно было видѣть и подвергшіеся и не подвергшіеся лѣченію побѣги. Были сдѣланы также попытки борьбы съ вредными насѣкомыми путемъ введенія въ дерево ядовитыхъ веществъ, что тоже дало нѣкоторые результаты, но вопросъ еще весьма мало разработанъ.

Г. Карпентеръ. Насѣкомыя, ихъ строеніе и жизнь. Съ 184 рис. Переводъ съ англійскаго Я. А. Герда. Ц. 1 р. 75 к. Книгу эту можно назвать превосходнымъ руководствомъ для начальнаго ознакомленія съ энтомологіей. Всѣ основныя данныя анатоміи, эмбріологіи, біологіи и систематики изложены строго научно, достаточно подробно и понятно. Нѣтъ излишнихъ загромождающихъ частностей, нѣтъ и схематической краткости въ изложеніи. Многіе общіе вопросы, какъ, напримѣръ, вопросъ о классификаціи, изложены весьма интересно. Насѣкомыя всегда обращаютъ на себя большое вниманіе любителей, которые часто смотрятъ на нихъ исключительно съ точки зрѣнія коллекторства, недостаточно научно. Положительно необходимо каждому русскому любителю энтомологіи купить книжку Карпентера и старательно ее изучить. Рисунковъ въ книжкѣ много, не всѣ они достаточно тонки, многіе грубоваты. Внѣшность русскаго изданія лучше англійскаго оригинала, что не часто бываетъ.

ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКІЯ НАУКИ.

М. В. Остроградскій. Празднованіе столѣтія дня его рожденія полтавскимъ кружкомъ любителей физико-математическихъ наукъ.—*Г. Лоренцъ.* Элементы высшей математики. Изд. 2-е.—*Б. П. Вейнбергъ.* Физика частичныхъ силъ.

Михаилъ Васильевичъ Остроградскій. Празднованіе столѣтія дня его рожденія полтавскимъ кружкомъ любителей физико-математическихъ наукъ. Съ біографіей М. В. Остроградскаго, его портретомъ, факсимиле и видомъ дома, гдѣ онъ родился. П. Трипольскій. Изданіе полтавскаго кружка любителей физико-математическихъ наукъ. Полтава. Ц. 75 к. Какъ эта книга, такъ и само вызвавшее ее въ свѣтъ празднованіе, представляютъ довольно яркія проявленія совершающагося на нашихъ глазахъ пробужденія русской провинціи. Шумно и съ большимъ успѣхомъ прошло чествованіе памяти другого еще болѣе выдающагося русскаго математика, Н. И. Лобачевскаго, въ Казани. Оно оставило по себѣ такіе прочные слѣды, какъ учрежденіе международной преміи по математикѣ и сооруженіе въ городѣ памятника чествуемому дѣятелю науки. Но какъ происходившее въ городѣ, хотя и провинціальномъ, но уже давно проявившемъ, благодаря существованію въ немъ университета, нѣкоторое развитіе интересовъ и стремленій литературнаго и научнаго характера, казанское празднованіе представляется въ числѣ явленій, знаменующихъ пробужденіе провинціи, менѣе поучительнымъ, чѣмъ подобное же полтавское. Полтава еще такъ недавно была скромнымъ губернскимъ городомъ, совершенно чуждымъ и наукѣ и ея интересамъ.

Въ своемъ отчетѣ о „подготовительныхъ работахъ по устройству празднованія“ (стр. 3—15) его организаторы приходятъ (стр. 3), въ цѣляхъ вящшаго возвеличенія славы чествуемаго дѣятеля, къ довольно наивному противоположенію его величія и небольшихъ размѣровъ города, который взялъ на себя чествованіе этого величія. Отчего бы, дѣйствительно, не происходить чествованію въ Петербургѣ, гдѣ жилъ и дѣйствовалъ Остроградскій, въ академіи наукъ, къ числу самыхъ выдающихся членовъ которой онъ принадлежалъ? Празднованіе можетъ быть и выиграло бы тогда въ шумѣ и внѣшнемъ блескѣ; но подъ мертвящимъ вліяніемъ бюрократизма и присущаго ему чисто формальнаго отношенія къ дѣлу навѣрное много проиграло бы въ теплотѣ и задушевности. Нѣтъ, слѣдовательно, повода огорчаться, что чествованіе памяти Остроградскаго

происходило не въ громадномъ и пышномъ Петербургѣ, а въ небольшой и скромной Полтавѣ.

Новизна для провинціи предпріятій, подобныхъ полтавскому празднованію, и недостатокъ подготовки къ нимъ не могли однако же не сказаться, хотя и въ довольно умѣренныхъ размѣрахъ. Какъ на яркое проявленіе ихъ, къ тому же въ значительной степени усиленное присущею провинціи склонностью къ благодушію, слѣдуетъ указать на слишкомъ щедрое и совершенно незаслуженное ученою дѣятельностью Остроградскаго присоединеніе къ его имени эпитета „великій“ въ различныхъ видахъ и формахъ. „Великими“ могутъ быть называемы только тѣ крайне рѣдкіе представители науки, которые являются въ ней творцами, создающими новые обширные отдѣлы и отрасли, высказывающими идеи или развивающими методы, которые приводятъ къ коренному преобразованію науки. Ни въ чемъ подобномъ, какъ извѣстно, Остроградскій повиненъ не былъ. Глубокій знатокъ своей спеціальности, остроумный изслѣдователь въ области вопросовъ, уже прямо поставленныхъ или болѣе или менѣе ясно намѣченныхъ, онъ однако же не только самъ не проявлялъ никакихъ творческихъ способностей, но и не оказывался способнымъ усматривать ихъ въ другихъ, какъ скоро онѣ касались новыхъ незнакомыхъ ему областей науки. Единственная его попытка въ направленіи творчества, состоявшая во взглядѣ на рѣшеніе уравненій, какъ на особое дѣйствіе, требующее для своего выраженія новаго знака, который и былъ имъ предложенъ, окончилась, какъ извѣстно, полною неудачею. Печальною извѣстностью пользуются также и исполненные недоброжелательства и самомнѣнія пренебрежительные отзывы Остроградскаго о геометрическихъ трудахъ Н. Ив. Лобачевскаго. Особенною щедростью въ надѣленіи званіемъ „великаго ученаго“ отличились провинціальные сыны Марса, которые не только назвали Остроградскаго „великимъ дѣятелемъ науки“, но и приравняли его къ „Платону и быстрому разумомъ Ньютону“.

Изъ статей и рѣчей, составляющихъ содержаніе разсматриваемой книги, болѣе выдаются, какъ имѣющія ближайшее отношеніе къ жизни и дѣятельности чествуемаго ученаго, слѣдующія: „Очеркъ жизни и ученой педагогической дѣятельности М. В. Остроградскаго“ *П. И. Трипольскаго* (стр. 47—86); „Очеркъ ученыхъ трудовъ М. В. Остроградскаго въ области чистой математики“ проф. *М. А. Тихомандрицкаго* (стр. 92—115); „О заслугахъ М. В. Остроградскаго въ области механики“ проф. *А. И. Лянунова* (стр. 115—118); „О работахъ М. В. Остроградскаго въ области математической физики“ проф. *В. А. Стеклова* (стр. 118—127) и „Списокъ сочиненій М. В. Остроградскаго по системѣ математическаго каталога“, составленный проф. *М. А. Тихомандрицкимъ* (стр. 132—138). Чтобы не вдаваться въ области математическаго знанія, доступныя только спеціалистамъ, ограничимся замѣчаніями по поводу первой и послѣдней изъ перечисленныхъ статей.

„Очеркъ“ г. Трипольскаго прибавляетъ къ біографіи М. В. Остроградскаго, написанной академикомъ Сомовымъ (Записки Импер. академіи наукъ, III (1863), очень немного, а существеннаго можно сказать и совсѣмъ ничего. Развѣдки, произведенныя авторомъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими изъ членовъ кружка на родинѣ Остроградскаго, дали только нѣсколько разсказовъ и писемъ, относящихся къ частной жизни послѣдняго, да и то, главнымъ образомъ, только за періодъ времени, предшествовавшій его выступленію на поприще самостоятельной ученой дѣятельности. А между тѣмъ при болѣе внимательномъ отношеніи къ дѣлу со стороны изслѣдователя къ прежнимъ работамъ по біографіи

Остроградскаго можно было бы прибавить очень многое. Достаточно упомянуть для примѣра о полемикѣ, возникшей въ 1843 году между Соколовымъ и Буняковскимъ по поводу работъ Остроградскаго въ области варіаціоннаго исчисленія, или объ упомянутыхъ уже выше отзывахъ самого Остроградскаго о Лобачевскомъ и его геометрическихъ изслѣдованіяхъ. Конечно, эти отзывы не дѣлаютъ особенной чести высказавшему ихъ лицу, и потому изслѣдователю, задавшемуся исключительно цѣлями панегириста, можетъ быть непріятно было о нихъ упоминать. Но гдѣ же тогда стремленіе къ истинѣ и обязательная для біографа лицъ, отшедшихъ уже въ область исторіи, объективная и безпристрастная оцѣнка ихъ дѣятельности? Какъ далекъ былъ отъ всего этого авторъ и въ какой мѣрѣ онъ проникся принятою на себя ролью панегириста, можно видѣть и въ неумѣренно частомъ употребленіи въ разныхъ видахъ и сочетаніяхъ эпитета „великій“ и особенно въ замѣчаніяхъ вродѣ слѣдующаго: „Имя Остроградскаго произносилось какъ научный авторитетъ, равнаго которому съ трудомъ найти и въ западной Европѣ. Не одному изъ молодыхъ людей, при поступленіи въ университетъ по физико-математическому факультету, приходилось слышать отъ родителей или родственниковъ: „Ну, желаемъ тебѣ быть вторымъ Остроградскимъ“. Но,—увы!—несмотря на такія сердечныя пожеланія, второй Остроградскій и до сихъ поръ еще не появлялся“. Итакъ, по мнѣнію автора, въ Россіи еще не было математика, не только стоящаго выше Остроградскаго, но даже равнаго ему. Въ опроверженіе этой мысли автора достаточно напомнить ему, пользуясь доступными для него критеріями, что покойный Чебышевъ былъ не только, подобно Остроградскому, членомъ-корреспондентомъ Парижской академіи наукъ, но и въ теченіе довольно продолжительнаго послѣдняго періода своей жизни состоялъ въ числѣ восьми иностранныхъ ея членовъ. Этой чести, не выпавшей на долю Остроградскаго, удостоиваются, какъ извѣстно, только самые крупные научные дѣятели эпохи.

„Списокъ сочиненій“ Остроградскаго, составленный проф. Тихомандрицкимъ, также не вноситъ, за исключеніемъ названія одной статьи, ничего новаго въ литературу предмета. Въ отношеніи спеціально-ученыхъ изслѣдованій Остроградскаго и его работъ педагогическаго характера ничего новаго, конечно, и требовать нельзя, такъ какъ предметъ можетъ считаться вполнѣ исчерпаннымъ. Но у Остроградскаго были еще и сочиненія популярныя, вродѣ, наприм., напечатанныхъ въ 1847 году“ въ *Финскомъ Вѣстникѣ* статей „О страхованіи“ (№ 1) и „Игра въ кости“ (№ 3), или появившейся въ 1848 году въ *Сѣверномъ Обозрѣніи* статьи „Погрѣшности при вычисленіи процентовъ“ (№ 1). Объ этихъ произведеніяхъ Остроградскаго ни въ прежнихъ спискахъ его работъ, ни въ новомъ нѣтъ и помина.

Чествуйте, гг., память выдающихся дѣятелей науки, но не забывайте, что лучшимъ выраженіемъ уваженія къ нимъ является возстановленіе ихъ духовнаго образа и дѣятельности въ видѣ, возможно полномъ и, главное, свободномъ отъ всякихъ прикрасъ и вымысловъ. Не ограничивайтесь, поэтому, въ своихъ юбилейныхъ работахъ повтореніемъ уже извѣстнаго, но давайте больше, возможно больше, еще не приведеннаго въ извѣстность. Не задавайтесь также и цѣлями панегириста. Исторія не галантный свѣтскій человѣкъ, на обязанности котораго лежитъ говорить только однѣ любезности.

Г. Лоренцъ. Элементы высшей математики. Основанія аналитической геометріи, дифференціальнаго и интегральнаго исчисленій и ихъ приложеній къ естествознанію. Переводъ съ дополненіями, измѣненіями и историческимъ очеркомъ развитія математическаго анализа В. В. Шереметевскаго. 2-е изданіе, исправленное и дополненное. Томъ первый. Москва, 1903 г. Дополненія, сдѣланныя во 2-мъ изданіи книги переводчикомъ-авторомъ, занимаютъ 4 страницы начальной вводной ея части и 36 страницъ текста. Главнымъ дополненіемъ вводной части является „Предисловіе переводчика ко второму изданію“ (стр. XXVII—XXVIII). Въ немъ авторъ говоритъ: „необходимость выпуска второго изданія позволяетъ думать, что первый томъ нашей переработки книги Лоренца въ большей или меньшей мѣрѣ удовлетворилъ потребности значительнаго контингента читателей ознакомиться съ основами высшей математики“. Нисколько не отрицая правильности этого утвержденія по отношенію къ разсматриваемой книгѣ въ виду ея несомнѣнныхъ достоинствъ, мы тѣмъ не менѣе не можемъ не возразить противъ общей приложимости содержащагося въ немъ критерія. Во всякой ученой и учебной литературѣ, и въ особенности въ русской вслѣдствіе ея бѣдности, читатель можетъ быть поставленъ въ необходимость пользоваться и совсѣмъ его не удовлетворяющею книгою, такъ какъ, по отсутствію другихъ книгъ, посвященныхъ тому же предмету, онъ не находитъ, чѣмъ ее замѣнить. Въ концѣ примѣчанія къ тому же „Предисловію“ на стр. XXXVIII, авторъ находитъ оправданіе своей „транскрипціи французскаго Fermat-Ферматъ, а не Ферма“, въ томъ, что производитъ это слово „отъ латинизированнаго (по обычаю XVII в.) Fermatus“. Нельзя однако же сказать, чтобы въ проведеніи этого своего пріема транскрипціи онъ былъ послѣдователенъ. Онъ пишетъ, наприм., на стр. 260, 333 и 342 Гюйгенсъ, тогда какъ въ силу своего пріема долженъ былъ бы писать Гугеній, производя это слово отъ Hugenius, латинизированной формы фамиліи Huyghens.

Изъ дополненій, введенныхъ въ текстъ книги, какъ на самое крупное, можно указать на краткое изложеніе свойствъ логариѳмовъ (стр. 701—705). Введеніе этой статьи заставило автора перенести всѣ таблицы (стр. 682—690) изъ II тома въ I-й. Значительная часть остальныхъ дополненій, а также и поправокъ, относится къ первому отдѣлу, посвященному „Предмету анализа безконечно малыхъ, основнымъ пріемамъ и методу“.

„Историческій очеркъ развитія анализа и его приложеній къ геометріи, составляющій второй отдѣлъ, остался“ безъ измѣненій. Объ этомъ, въ виду замѣчаній, сдѣланныхъ уже нами по поводу 1-го изданія I тома, остается только пожалѣть. Было бы очень желательно, чтобы при 3-мъ изданіи этотъ очеркъ подвергся серьезной переработкѣ въ смыслѣ прежде всего освобожденія его отъ трескучихъ фразъ и неудачныхъ сравненій, а потомъ уже и отъ встрѣчающихся въ немъ пробѣловъ и рискованныхъ утвержденій. Вообще же, отвлекаясь отъ впечатлѣнія, производимаго этимъ очеркомъ, какъ самою слабою частью книги, мы можемъ пожелать ей и дальнѣйшихъ успѣховъ, какъ вполнѣ ею заслуженныхъ.

Б. П. Вейнбергъ. Приватъ-доцентъ Императорскаго новороссійскаго университета. Физика частичныхъ силъ. (Публичныя лекціи съ математическими приложеніями). Одесса, 1903 г. Цѣна 1 р. 70 к. Назначеніе книги состоитъ въ пополненіи важнаго пробѣла русской физической популярно-научной литературы, какъ еще не обла-

давшей до сихъ поръ сочиненіями, посвященными изложенію ученій о частичныхъ силахъ во всемъ ихъ объемѣ.

Стремленіе сразу удовлетворить „настоянiямъ“ и потребностямъ такихъ двухъ разнородныхъ группъ слушателей, какъ студенты университета и посѣтители популярныхъ лекцій, заставило автора отважиться въ своей книгѣ на очень рискованный опытъ сочетанія въ одномъ и томъ же изложеніи цѣлей самообразованія съ цѣлями высшаго спеціальнаго преподаванія. Оставляя въ сторонѣ сложный вопросъ о возможности такого сочетанія безъ нанесенія существенныхъ поврежденій той или другой сторонѣ или даже обѣимъ вмѣстѣ, мы замѣтимъ только, что средствомъ осуществленія своего смѣлаго опыта авторъ избралъ дополненіе текста своихъ популярныхъ лекцій напечатанными въ концѣ книги „математическими приложеніями“ (стр. 204—235). Эти послѣднія, какъ надѣется авторъ, по ихъ присоединеніи читателемъ къ соотвѣтствующимъ лекціямъ, и поведутъ къ преобразованію популярнаго чтенія въ спеціальное университетское.

Полнота содержанія книги и отсутствіе конкурентовъ, вызванное ея исключительнымъ положеніемъ, какъ единственной въ своей области, не могутъ не обезпечить ей значительнаго распространенія. Книгѣ г. Вейнберга суждено такимъ образомъ имѣть вполнѣ заслуживаемый ею успѣхъ.

МЕДИЦИНА.

Геймъ. Половая жизнь съ точки зрѣнія естественной исторіи развитія.

Геймъ (профессоръ). Половая жизнь съ точки зрѣнія естественной исторіи развитія. Рѣчь къ мужской молодежи. Съ вступительной замѣткой графа Льва Николаевича Толстого. Переводъ съ нѣмецкаго В. Дѣдловой. Изд. „Посредника“. М., 1903 г. Ц. 25 к. Настоящая брошура представляетъ собою докладъ, сдѣланный профессоромъ Геймомъ въ собраніи студентовъ по ихъ же просьбѣ. Геймъ—профессоръ геологіи. Въ отвѣтъ своимъ критикамъ, утверждавшимъ, что геологъ взялся не за свое дѣло, проф. Геймъ возражаетъ:“ Но какимъ же дѣломъ надо заниматься, чтобы имѣть право говорить о половой жизни человѣка? Этотъ вопросъ можетъ быть разсматриваемъ съ медицинской, юридической, зоологической, палеонтологической, этнографической, этической сторонъ. Мнѣ кажется, дѣло не въ родѣ науки, а во всестороннемъ изученіи этого вопроса. Сужденіе съ точки зрѣнія одной какой-нибудь науки будетъ односторонне“.

Далѣе проф. Геймъ продолжаетъ: „Нѣкоторыя стороны затронутаго вопроса имѣютъ этическій характеръ и потому близки всякому, кто, кромѣ узкой области своей спеціальности, стремится быть прежде всего человѣкомъ“. Вполнѣ раздѣляя вышеприведенныя слова автора, считаемъ нужнымъ замѣтить, что самъ проф. Геймъ представляетъ собою въ высшей степени благопріятное сочетаніе данныхъ, необходимыхъ для надлежащаго разрѣшенія поставленнаго вопроса—онъ обладаетъ обширными біологическими познаніями, оригинальнымъ независимымъ умомъ и тонкимъ нравственнымъ чутьемъ. Передъ вами не холодный ригористъ-проповѣдникъ, а человѣкъ глубоко чувствующій и глубоко понимающій; его рѣчь дѣйствуетъ одинаково сильно и на умъ и на чувство. Написана брошура въ высшей степени простымъ и доступнымъ языкомъ, тепло и сердечно. Переводъ сдѣланъ прекрасно. Вниманіе издателей на настоящую брошюру было обращено Львомъ Николаевичемъ Толстымъ.

УЧЕБНИКИ, ПОСОБІЯ, КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Начальный курсъ географіи. Состав. *А. Круберъ, С. Григорьевъ, А. Барковъ и С. Чефрановъ.*—*Д. А. Коробчевскій.* Первые уроки этнографіи.—*А. Кунэкъ.* Искусства и рѣмесла у животныхъ.—*Н. П. Кильдюшевскій.* Прямолинейная тригонометрія.—*И. Ѳ. Слудскій*: 1) Четырехзначныя таблицы логариѳмовъ и нѣкоторыя другія математическія, физическія и астрономическія таблицы для среднихъ учебныхъ заведеній. 2) Сокращенныя четырехзначныя таблицы логариѳмовъ и нѣкоторыя другія математическія, физическія и астрономическія таблицы для среднихъ учебныхъ заведеній.— *А. А. Челокъ.* Родная природа.— *А. П. Чеховъ.* Каштанка. Разсказъ.

Начальный курсъ географіи. Составили преподаватели географіи: А. Круберъ, С. Григорьевъ, А. Барковъ и С. Чефрановъ. Ц. 75 к. М., 1903 г. Группа только что переименованныхъ преподавателей далеко не новичекъ въ составленіи учебныхъ пособій по географіи: начиная съ 1900 года, эта группа выпускала коллективно составленные ею „Иллюстрированные географическіе сборники“, которые были довольно сочувственно встрѣчены какъ въ общей, такъ и въ спеціально-педагогической литературѣ. Главнымъ достоинствомъ сборниковъ четырехъ преподавателей географіи являлось стремленіе составителей придать изученію географіи болѣе живой и осмысленный характеръ. Новый трудъ преподавателей точно также ставитъ цѣлью удовлетворить тѣ требованія, которыя подъ вліяніемъ „новыхъ вѣяній“ предъявлены въ настоящее время къ учебникамъ географіи вообще и ея начальному курсу въ частности. Отъ начальнаго курса въ настоящее время требуется уже не сухая номенклатура, но доступное пониманію ученика изложеніе основныхъ явленій природы и пониманія ихъ взаимной связи. Разбираемый нами „Начальный курсъ географіи“ является одной изъ попытокъ отвѣтить на эту потребность. Въ немъ особенное вниманіе обращено на выясненіе причинной зависимости между географическими явленіями. Вполнѣ разумно и основательно считая, что только при раскрытіи генетической связи усвояемый матеріалъ „представляется для учащихся не случайнымъ наборомъ скоро забывающихся фактовъ, а чѣмъ-то цѣльнымъ и связнымъ“, составители учебника довольно удачно соединили морфологію суши и моря, а также описаніе физико-географическихъ явленій, совершающихся на земной поверхности, съ объясненіемъ обусловливающихъ ихъ причинъ. Много новаго находимъ мы и въ распредѣленіи учебнаго матеріала. Такъ, составителями совершенно оставленъ традиціонный пріемъ начинать курсъ съ математической географіи, всего менѣе доступной дѣтямъ того именно возраста, съ котораго какъ разъ начинается изученіе географіи. Курсъ начинается съ ознакомленія учащихся съ направленіемъ и разстояніемъ; затѣмъ идетъ знакомство съ масштабомъ, компасомъ и странами свѣта; путемъ активной работы, заключающейся въ съемкѣ плана класса или двора, дѣти получаютъ представленіе о картѣ и затѣмъ переходятъ къ физической географіи, курсъ которой составители начинаютъ съ моря. Исходной точкой море взято не случайно, но въ виду сравнительной простоты явленій, относящихся к этому отдѣлу, а также въ виду возможности посредствомъ ознакомленія учащихся съ созидающею дѣятельностью моря и въ частности съ осад ками, постепенно подготовлять ихъ къ пониманію строенія земной по верхности, къ отдѣлу о земныхъ пластахъ и горныхъ породахъ. Полу чивъ знакомство съ формами земной поверхности и взаимодѣйствіемъ е основныхъ элементовъ—суши и воды, ученики приступаютъ къ усвоенію ученія о земномъ шарѣ, глобусѣ, географической сѣткѣ, происхожден дня и ночи и временъ года. Отъ земного шара въ цѣломъ „Начальны

курсъ географіи" переходитъ къ краткому обзору его въ частности (трактуетъ о величинѣ материковъ и океановъ, о распредѣленіи ихъ на поверхности земного шара и т. д.); затѣмъ идутъ отдѣлы о воздухѣ, климатѣ, растительности, животномъ мірѣ и человѣкѣ.

Въ общемъ новый учебникъ начальной географіи счастливо отличается какъ довольно живымъ и доступнымъ дѣтскому пониманію изложеніемъ, такъ и болѣе соотвѣтствующимъ распредѣленіемъ матеріала; однако составители его все же не могли отрѣшиться отъ всѣхъ схоластическихъ пріемовъ, которые традиціонно встрѣчаются въ учебныхъ пособіяхъ по географіи. Въ этомъ отношеніи наиболѣе крупнымъ дефектомъ разбираемаго нами начальнаго учебника должно признать стремленіе знакомить дѣтей съ различнаго рода явленіями природы (наприм. съ горными обвалами, лавиной, фирнами, движеніемъ ледниковъ, образованіемъ моренъ, валуновъ и т. д.) путемъ опредѣленія явленія, между тѣмъ въ настоящее время у многихъ беллетристовъ имѣются прекрасныя описанія этихъ явленій, настолько же художественныя, насколько точно и вѣрно воспроизводящія послѣднія; авторы, однако, не пользуются ими и не дѣлаютъ даже слабой попытки воспользоваться такими художественно выполненными описаніями въ интересахъ ознакомленія съ тѣмъ или инымъ явленіемъ, хотя на основаніи этихъ описаній дѣти прекрасно могли бы сами, конечно, при нѣкоторомъ руководствѣ учителя, получить извѣстное представленіе и сдѣлать соотвѣтствующее опредѣленіе. Это и было бы дѣйствительнымъ ознакомленіемъ ихъ съ явленіями природы. Составители, повторяемъ, предпочли дать собственныя опредѣленія, короткія, сухія, которыя остается только зазубрить. Къ недостаткамъ учебника должно точно также отнести употребленіе мало знакомыхъ дѣтямъ словъ безъ соотвѣтствующаго разъясненія,—наприм., оставлено безъ поясненій слово „поверхность", пояснено, что сѣверъ обозначается буквой *N*, но не добавлено—почему именно и т. д.

Д. А. Коропчевскій. Первые уроки этнографіи. Изд. К. И. Тихомирова. 1903 г. Ц. 75 к. Въ 1901 году лѣтомъ авторъ читалъ въ Саратовѣ лекціи по этнографіи для земскихъ учителей и учительницъ. Эти лекціи и послужили основой книжки, о которой идетъ рѣчь. Авторъ въ весьма элементарномъ, но живомъ и интересномъ изложеніи сообщаетъ основныя свѣдѣнія о населяющихъ земной шаръ племенахъ и народахъ, при чемъ въ порядкѣ изложенія можно отмѣтить ту особенность, что матеріалъ сгруппированъ по культурнымъ группамъ, а не по расамъ. Такъ, мы имѣемъ главы о бродячихъ племенахъ, о рыболовныхъ и охотничьихъ племенахъ Америки, о кочевыхъ народахъ Африки, Азіи и т. д. Такое изложеніе имѣетъ весьма многое за себя, такъ какъ именно бытъ народа выступаетъ здѣсь на первый планъ. Книга обильно иллюстрирована превосходными рисунками и при дешевизнѣ цѣны ее можно признать весьма полезнымъ вкладомъ въ нашу учебную и популярно-научную литературу.

Г. Купэнъ. Искусства и ремесла у животныхъ. Переводъ-извлеченіе съ французскаго К. М. Жихаревой подъ редакціей кандидата естественныхъ наукъ Н. П. Комова съ предисловіемъ проф. Н. А. Холодковскаго. Съ 112 рис. Спб., 1903 г. Сюжетъ книги весьма интересенъ: здѣсь собранъ богатый біологическій матеріалъ по различнаго рода постройкамъ и сооруженіямъ животныхъ, но мы не склонны, подобно автору предисловія къ этой книгѣ, безусловно восхищаться ясностью и изяществомъ изложенія французскаго популяризатора и находимъ, что весьма сильный ущербъ именно ясности изложенія наноситъ

тотъ чрезмѣрный антропоморфизмъ, даже малыя дозы котораго затемняютъ біологическіе вопросы. „Гончары“, „инженеры путей сообщенія“ „литейщики воска“, „фабриканты сигаръ“, „фабриканты консервовъ“ и т. д. и т. д. Все это должно заинтересовать читателя, но посмотримъ на дѣло глазами натуралиста, и мы найдемъ, что между такой терминологіей и сущностью дѣла есть часто вопіющіе диссонансы. Такъ, напримѣръ, муравьи и термиты названы „строителями кургановъ“. Есть ли что-либо общее между курганомъ, т.-е. большой кучей земли, насыпанной надъ одной или нѣсколькими могилами, и той полной жизни системой ходовъ и галлерей, которые создаютъ себѣ муравьи и термиты.

„Инженерами путей сообщенія“ авторъ называетъ муравьевъ, которые дѣлаютъ подземные каналы и крытыя дороги. Но такъ какъ и въ муравейникахъ значительная часть постройки состоитъ изъ подземныхъ ходовъ, то весьма непрактично и непедагогично разъединять варіаціи сооруженій одной и той же группы животныхъ въ разныя категоріи подъ разными причудливыми названіями. Зачѣмъ говорить о „литьѣ“ воска пчелами, когда они его жуютъ и мнутъ, кусаютъ, лѣпятъ, но никогда не „льютъ“? Кстати: авторъ увѣряетъ, что ячейки, въ которыхъ выводится пчелиная дѣтва, и медовыя ячейки „совершенно одинаковы“, а это фактически невѣрно.

„Портными“ Купэнъ называетъ и птицъ, сшивающихъ свои гнѣзда изъ листьевъ, и личинокъ моли, и личинокъ бабочекъ, *Psychidae*, которыя дѣлаютъ себѣ домики изъ сучечковъ или кусковъ листьевъ и, что особенно удивительно, краббовъ, на головогрудномъ щитѣ которыхъ сидятъ губки! Тутъ уже полное смѣшеніе біологическихъ понятій и какъ вредна тутъ фальшивая терминологія...

Называть гнѣздостроеніе птицъ „производствомъ корзинъ и гамаковъ“ такъ же неумѣстно, какъ называть насѣкомыхъ, свертывающихъ листья въ трубочки, чтобы устроить тамъ жилище для себя или своего потомства, „фабрикантами сигаръ“. Нелѣпый антропоморфизмъ французскаго популяризатора разыгрывается до того, что онъ приготовленіе кокона гусеницею передъ превращеніемъ называетъ „издѣліемъ коробочекъ“, пряденіе нитей, которыя удерживаютъ тѣло гусеницы при превращеніи, „изготовленіемъ поясовъ“, а тѣ нити, которыя выпускаетъ гусеница, спускаясь съ дерева, уподобляетъ ни болѣе ни менѣе, какъ „гимнастическимъ приборамъ“... Для человѣка, незнакомаго съ жизнью животныхъ, нѣтъ ничего вреднѣе, какъ навязываніе ему совершенно чуждыхъ дѣлу и прямо фальшивыхъ уподобленій. Это не можетъ способствовать ни развитію наблюдательности, ни вдумчивому отношенію къ фактамъ. Жаль, что богатый и весьма интересный матеріалъ использованъ авторомъ не вполнѣ правильно и плодотворно. Книга читается съ интересомъ и факты, конечно, остаются фактами.

Прямолинейная тригонометрія. Составилъ Н. П. Кильдюшевскій, преподаватель математики казанской 3-й гимназіи. Ц. 75 к. Казань, 1903 г. Ничѣмъ существеннымъ отъ другихъ учебниковъ по тому же предмету эта книга не отличается. То же рабское слѣдованіе официальной „Программѣ среднихъ учебныхъ заведеній“, то же обремененіе содержанія многочисленными задачами, въ виду существованія задачниковъ совершенно излишними.

Четырехзначныя таблицы логариѳмовъ и нѣкоторыя другія математическія, физическія и астрономическія таблицы для среднихъ учебныхъ заведеній. Цѣна 60 к. Составилъ И. Ѳ. Слудскій, преподаватель частной женской гимназіи Е. Е. Констанъ. М.

Сокращенныя четырехзначныя таблицы логариѳмовъ и нѣкоторыя другія математическія, физическія и астрономическія таблицы для среднихъ учебныхъ заведеній. Цѣна 30 к. Составилъ И. Ѳ. Слудскій, преподаватель частной женской гимназіи Е. Е. Констанъ. М., 1903 г. Въ противоположность громадному большинству вновь появляющихся произведеній русской среднеучебной математической литературы, объ разсматриваемыя книжки стремятся внести въ математическое преподаваніе если не общечеловѣческое, то по крайней мѣрѣ русское, нѣчто новое, хотя, къ сожалѣнію, и очень не важное.

Частью по собственнымъ наблюденіямъ, главнымъ же образомъ подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ изъ новѣйшихъ произведеній среднеучебной математической литературы Германіи, авторъ пришелъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: „Ученики старшихъ классовъ только *знаютъ, какъ надо вычислять* (при помощи логариѳмовъ), но *навыка* имѣютъ, обыкновенно, настолько мало, что, при рѣшеніи тригонометрической задачи, время, требуемое геометрическою частью рѣшенія, исчезаетъ сравнительно съ временемъ, необходимымъ для вычисленія. Такое „умѣнье“ обращаться съ таблицами оказывается, притомъ, очень недолговѣчнымъ: большая часть окончившихъ курсъ утрачиваютъ его уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по полученіи аттестата. Очень часто, однако, результатъ современной постановки преподаванія логариѳмовъ бываетъ не только отрицательный, но прямо противоположный тому, какой ожидается: вмѣсто ожидаемой пользы учащіеся получаютъ вредъ“ (стр. III—IV). „Вредъ“, о которомъ упоминаетъ здѣсь авторъ, представляется, по его мнѣнію, въ двухъ видахъ: 1) въ „извращеніи“ усвоеннаго ранѣе ученикомъ представленія о математикѣ, какъ о наукѣ точной, и 2) въ „спутываніи главнаго (логариѳмическое вычисленіе) съ второстепеннымъ“ (интерполяція). По поводу перваго изъ этихъ двухъ видовъ вреда авторъ, впрочемъ, находитъ нужнымъ замѣтить, что онъ „нѣкоторымъ покажется, можетъ быть, вредомъ еще не особеннымъ“. Но можно и даже слѣдовало бы сказать болѣе. Найдутся многіе, которые увидятъ въ немъ обнаруженіе истины, и слѣдовательно не вредъ, а пользу. Шмитцъ-Дюмонъ въ своихъ „Die mathematischen Elemente der Erkenntnisstheorie говоритъ, наприм.: „Между науками“ математическія титулуются обыкновенно „точными науками“, хотя и по настоящее время не существуетъ никакого согласія во взглядахъ на то, какому собственно изъ внутреннихъ отличительныхъ признаковъ предмета обязанъ этотъ титулъ своимъ правомъ на существованіе“. Къ тому же слѣдуетъ замѣтить, что относящіяся къ разсматриваемому предмету указанія автора и не совсѣмъ точны. Съ несовершенною точностью результатовъ вычисленій ученикъ встрѣчается уже и при извлеченіи квадратнаго корня, слѣдовательно значительно ранѣе ознакомленія съ логариѳмами.

Какъ всѣ люди палліативы, не привыкшіе заглядывать въ глубь дѣла, авторъ обращается, какъ къ единственному средству устраненія замѣченнаго вреда, къ утаиванію истины и къ употребленію чисто палліативныхъ мѣръ. Съ этою цѣлью онъ, по примѣру указываемыхъ имъ нѣмецкихъ авторовъ, въ первой изъ своихъ двухъ книжекъ изгоняетъ интерполяцію. Требуемаго этимъ изгнаніемъ значительнаго увеличенія размѣровъ логариѳмическихъ таблицъ въ ихъ общеупотребительномъ видѣ нѣмецкіе образцы нашего автора, а съ ними и онъ самъ, избѣгаютъ при помощи введенія въ школьное употребленіе четырехзначныхъ таблицъ логариѳмовъ. И этому введенію и вызвавшему его изгнанію интерполяціи

можно только сочувствовать, но не какъ способамъ утаиванія истины, а какъ средствамъ увеличенія количества времени, отведеннаго для изученія математики въ средней школѣ въ размѣрахъ, какъ извѣстно, совершенно не соотвѣтствующихъ по своей ограниченности размѣрамъ выработанныхъ администраціей программъ. Впрочемъ, въ дѣлѣ проведенія главнѣйшаго изъ этихъ двухъ нововведеній—изгнанія интерполяціи—авторъ оказывается недостаточно стойкимъ. Изъ-за боязни, вѣроятно, разойтись съ видами всемогущей администраціи онъ во второй изъ своихъ книжекъ спѣшитъ уже отказаться отъ него, находя, что оно „хотя и является мѣрою крайне желательной, но, какъ нововведеніе очень существенное, не можетъ быстро войти въ силу“ (стр. III).

„Изученіе нѣмецкой литературы“ заставило автора, по его собственнымъ словамъ, ввести въ свои книжки, какъ „вполнѣ цѣлесообразныя и достойныя подражанія нововведенія“, десятичное дѣленіе градуса, новое расположеніе таблицъ логариѳмовъ тригонометрическихъ функцій и нѣсколько таблицъ, „которыя могутъ понадобиться при элементарномъ преподаваніи математики, какъ чистой, такъ и прикладной (физика, космографія)“. Что же касается сокращеній, сдѣланныхъ во второй изъ книжекъ автора, то они, какъ это и выражено въ заглавіи, относятся исключительно къ таблицамъ логариѳмовъ чиселъ. Въ нихъ, дѣйствительно, можно найти непосредственно только мантиссы логариѳмовъ чиселъ первой тысячи. Также какъ на нововведеніе, заимствованное изъ нѣмецкой литературы, авторъ считаетъ нужнымъ указать на употребленіе въ его книжкахъ „хорошей бумаги“. Бумага, дѣйствительно, хороша.

А. А. Чеглокъ. Родная природа. Звѣри, птицы и гады Россіи. 12 разсказовъ изъ жизни животныхъ съ 25 рисунками. Выпускъ II. Ц. 1 р. Спб., 1903 г. Авторъ довольно живо и интересно разсказываетъ въ беллетристической формѣ о жизни, нравахъ и привычкахъ нѣкоторыхъ представителей животнаго царства, обитающихъ въ Россіи. Книга снабжена достаточнымъ количествомъ довольно удачно выполненныхъ рисунковъ. Дѣтьми она прочтется съ интересомъ и не безъ пользы. Въ заслугу автору должно поставить его стремленіе развить въ дѣтяхъ любовь и гуманное отношеніе къ низшимъ организмамъ и уничтожить наиболѣе распространенные въ обыденной жизни предразсудки относительно нѣкоторыхъ животныхъ.

Каштанка. Разсказъ А. П. Чехова. Изд. Маркса. Спб., 1904 г. Извѣстный разсказъ А. П. Чехова изданъ роскошно. Въ текстѣ и на отдѣльныхъ листахъ помѣщено 55 рисунковъ художника Кардовскаго. Къ сожалѣнію, рисунки далеко не удовлетворительны. Это очень жаль: дорогая книга испорчена.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 марта по 1 апрѣля 1904 г.

Алабина, Т. Картины изъ жизни государства Аѳинскаго въ V в. до Р. Х. М., 1904 г. Ц. 25 к.

Альманахъ. Изд. Гриф. М., 1904 г.

Бальмонтъ, К. Горныя вершины. М., 1904 г. Ц. 2 р.

Бауэръ, Г. Расчеты и конструкціи суховыхъ машинъ и котловъ. Пер. Л. Я. Бершадскаго. Изд. К. Л. Риккера. Спб., 1903 г. Ц. 6 р. 40 к.

Бергманъ, Э. Первая хирургическая помощь. Перев. д-ра О. Лурье, подъ редакц. проф. К. Сапѣжко. Изд. пироговскаго т-ва. Кіевъ, 1904 г. Ц. 50 к.

Винштокъ, М. Книга мудрости. Спб., 1904 г. Ц. 2 р.

Богдановъ, А. Изъ психологіи общества. Спб., 1904 г. Ц. 80 к.

Вожеряновъ, И. Иллюстрированная исторія русскаго театра XIX в. Т. I, вып. III. Спб., 1904 г.

Боцяновскій, В. В. В. Вересаевъ. Критико-біограф. этюдъ. Спб., 1904 г. Ц. 40 к.

Брандтъ, Б. Торгово-промышл. кризисъ въ западной Европѣ и въ Россіи (1900—1902 гг.). Ч. II. Спб., 1904 г. Ц. 2 р.

Браунсъ, Р. Химическая минералогія. Спб., 1904 г. Ц. 4 р.

Бутлеровъ, А. Какъ водить пчелъ. Спб., 1904 г. Ц. 10 к.

Вѣлозерскій, С. Вересаевъ передъ судомъ московской науки. Спб., 1904 г. Ц. 25 к.

Вегнеръ, Вильгельмъ. Эллада. Спб., 1904 г. Ц. 5 р.

Викторовъ, П. П. Ученіе о личности и настроеніяхъ. Вып. II. Изданіе магазина „Книжное Дѣло“. М., 1904 г. Ц. 1 р. 20 к.

Виндельбандъ, В. Прелюдіи. Спб., 1904 г. Ц. 1 р. 60 к.

Войтовъ, И. Мои стихотворенія. Харьковъ, 1904 г.

Вопросы воспитанія и обученія. Т. II. Труды педаг. о-ва. М., 1904 г. Ц. 1 р.

Вороновъ, И. Матеріалы повторной переписи крестьянскихъ хозяйствъ Воронежской губ. 1900 года. Воронежъ, 1903 г. Ц. 3 р.

— Народное хозяйство и народное здравіе. Воронежъ, 1904 г.

Второй съѣздъ дѣятелей по обученію, воспитанію и призрѣнію глухонѣмыхъ. Спб., 1904 г.

Вѣстникъ психологіи, криминальной антропологіи и гипнотизма. Спб., 1904 г. Ц. 6 р. въ годъ.

Гамалѣй, Н. Борьба съ заразными болѣзнями на театрѣ военныхъ дѣйствій. Одесса, 1904 г.

Гедеръ, Германъ. Конструированіе и расчеты. Перев. Л. Я. Бершадскаго. Изданіе К. Л. Риккера. Спб., 1904 г. Ц. 5 р.

— Паровыя машины. Текстъ. Атласъ изъ 70 чертежей. Спб., 1904 г. Ц. 6 р.

Гершуни, Б. Подача первой помощи. Спб., 1904 г. Ц. 2 р. 50 к.

Гиллерсонъ, А. Защитительныя рѣчи по дѣламъ уголовнымъ. Спб., 1904 г. Ц. 1 р. 25 к.

Гинрихсонъ, А. Культура всѣхъ огородныхъ растеній. Спб., 1904 годъ. Ц. 1 р. 25 к.

Головачевъ. П. Иркутское лихолѣтье 1758—1760 гг. М., 1904 г. Ц. 40 к.

Готье, Юдиѳь. Сестра Солнца. Пер. съ франц. О. Трачевской. Изд. картогр. завед. А. Ильина. Спб. Ц. 1 р. 25 к.

Гранатъ. Главныя теченія русской живописи XIX в. Вып. 2, 3, 4, 5. М., 1904 г. Ц. вып. 1 р. 50 к.

Граціановъ, П. Санитарная организація въ городахъ. Харьковъ, 1904 г.

Де-Греефъ, Гильомъ. Соціальная экономія. М., 1904 г. Ц. 1 р.

Де-Лайансъ, Жоржъ. Уходъ за пчелами. Спб., 1904 г. Ц. 40 к.

Дмитріевъ, К. Настоящее и недалекое будущее русскаго хлѣбопашества. М., 1904 г. Ц. 1 р.

Догановичъ, Анна. 1) Дѣдъ Игнатъ. Ц. 35 к. 2) Вася-Горбунъ. Ц. 15 к. Изд. В. С. Спиридонова. Москва.

Долгоруковъ, В. А. Альбомъ „Сибирскаго Наблюдателя". Вып. II. Томскъ, 1904 г.

Дю-Киръ, И. Маленькія сирены. Спб., 1903 г. Ц. 2 р.

Записки княгини Маріи Николаевны Волконской. Съ предисловіемъ и приложеніями издателя князя М. С. Волконскаго. Спб., 1904 г. Ц. 4 р.

Зеленинъ, Д. Кама и Вятка. Путеводитель. Юрьевъ, 1904 г. Ц. 60 к.

Зомбартъ, Вернеръ. Современный капитализмъ. Т. I, вып. II. М., 1904 г. Ц. 1 р.

Ибсенъ, Генрихъ. Полн. собр. соч. Т. IV. М., 1904 г. Ц. 1 р. 20 к.

Ивановичъ, И. Борцы и мученики за свободу Болгаріи. М., 1904 г. Ц. 60 к.

Иллюстровъ, І. И. Сборникъ россійскихъ пословицъ и поговорокъ. Кіевъ, 1904 г. Ц. 3 р.

Калантаръ, А. Общедоступ. руков. по молочному хозяйству. Спб., 1903 г. Ц. 50 к.

Кандеэъ, Э. Переселеніе насѣкомыхъ. Разск. для дѣтей. Спб., 1904 г. Ц. 1 р.

Каррикъ, Д. О кумысѣ. Спб., 1903 г.

Карскій, Е. Бѣлоруссы. Вильна, 1904 г.

Карскій, М. Зарубежная Русь. Спб., 1904 г. Ц. 1 р. 25 к.

Кейльгакъ, К. Практическая геологія. М., 1903 г. Ц. 2 р. 75 к.

Келлеръ, К. Жизнь моря. Вып. I и II. Спб., 1904 г. Ц. 1 р. 60 к.

Костомаровъ, Н. Собр. соч. Кн. II. Т. IV, V и VI. Спб., 1904 г. Ц. 4 р.

Котляревскій, С. Ламеннэ и новѣйшій католицизмъ. М., 1904 г. Ц. 3 р.

Крэмеръ, Гансъ. Вселенная и человѣчество. Вып. VI—VIII. Спб., 1904 г. Ц. 1 р. 20 к.

— Вселенная и человѣчество. Вып. IX—XI, т. I. Спб., 1904 г.

Куломзинъ, А. Доступность начальной школы въ Россіи. Спб., 1904 г.

Кулябко-Корецкій, Н. Районы хлѣбной производительности Европейск. Россіи и западной Сибири. Спб., 1904 г. Ц. 75 к.

Лебедевъ, А. Дѣтская и народная литература. Вып. I и II. Н.-Новгородъ, 1904 г. Ц. 50 к.

Леклеръ, А. Къ монистич. гносеологіи. Спб., 1904 г. Ц. 50 к.

Лобановъ, Д. Мобилизація земельной собствен. въ Калуж. губ. Калуга, 1903 г.

Лонгиновъ, А. В. Мирные договоры русскихъ съ греками, заключенные въ X вѣкѣ. Одесса, 1904 г.

Лѣтнія колоніи москов. город. нач. училищъ. М., 1904 г.

Любомудровъ, И. Введеніе въ философію Герберта Спенсера. Ковровъ, 1904 г. Ц. 40 к.

Ляцкій, Е. Ив. Ак. Гончаровъ. Спб., 1904 г.

М. З. и Г. И. 1903 г. въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. Вып. V. Спб., 1903 г.

Мережковскій, Д. Любовь сильнѣе смерти. Спб., 1904 г. Ц. 1 р. 25 к.

Метерлинкъ, М. Смерть Тинтажиля. М., 1904 г. Ц. 40 к.

Мороховецъ, Л. „Записки врача" В. Вересаева. М., 1903 г. Ц. 80 к.

Московская губернія по мѣстному обслѣдованію 1898—1900 гг. Т. I. Поселенныя таблицы. Вып. II. М., 1903 г.

Мѣсяцъ, М. Сборникъ ариѳметическихъ задачъ и примѣровъ. Вып. II. Житомиръ, 1904 г. Ц. 25 к.

Неклепаевъ, И. Я. Новѣрья и обычаи Сургужскаго края.

Никоновъ, Б. Голосъ сердца. Стих. Спб., 1904 г. Ц. 1 р.

Нитти, Франческо. Основныя начала финансовой науки. М., 1904 г. Ц. 3 р.

Новиковъ, И. Исканія. Кіевъ, 1904 г. Ц. 1 р.

Объ устройствѣ въ С.-Петербургѣ город. биржи труда Импер. Петра Вел. Спб., 1904 г.

Овсянико-Куликовскій, Д. Этюды о творчествѣ И. С. Тургенева. Спб., 1904 г. Ц. 1 р. 25 к.

Озеровъ, И. Очерки экономич. и финансовой жизни Россіи и Запада. М., 1904 г. Ц. 1 р. 75 к.

Отчетъ госуд. сберегательныхъ кассъ за 1902 г. Спб.

Отчетъ пенсіонной кассы вольнонаемн. служащихъ по казен. продажи питей за 1901 г. Ч. I и II. Спб., 1903 г.

Отчетъ о дѣятельности станціи Пастёра. М., 1904 г.

Отчетъ сѣверо-кавказскаго книжнаго магазина въ Пятигорскѣ 1901—1902 гг. Пятигорскъ, 1904 г. Ц. 40 к.

Отчетъ о дѣятельности центральнаго полицейскаго пріемнаго покоя для душевнобольныхъ въ Москвѣ за 1889—1902 гг. М., 1904 г.

П. Г. Иностранная критика о Горькомъ. М., 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.

Пантюховъ, И. Куреневка. Кіевъ, 1904 г.

Паутовъ, П. Горное искусство. Спб., 1904 г. Ц. 4 р.

Петрищевъ, А. Бернадотъ. Драматическая поэма въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Спб., 1904 г. Ц. 50 к.

Петровскій, А. Отъ сердца. Стих. Ростовъ на/Д., 1904 г. Ц. 75 к.

Петровъ, А. Правильное французск. произношеніе. Спб., 1904 г. Ц. 70 к.

Платенъ, М. Новый способъ лѣченія. Т. I. Спб., 1904 г.

Поворинскій, А. Систематич. указатель русск. литературы по гражданск. праву. Спб., 1904 г.

Поленцъ, Вильгельмъ. Страна будущаго. (Какъ живутъ американцы.) Перев. О. Н. Поповой. Съ 12 рис. Спб., 1904 г. Ц. 30 к.

Полный сводъ рѣшеній гражд. кассац. департамента №№ 27, 28, 29. Екатеринославъ, 1903 г.

Помракъ, А. Е. О заразныхъ или прилипчивыхъ болѣзняхъ. М., 1903 г. Ц. 5 к.

Порошинъ, Иванъ. Дѣдушка Корнилій. М., 1904 г. Ц. 7 к.

Протоколы и труды уфимскаго губ. земства экономич. совѣта. Вып. XVIII. Уфа, 1903 г.

Результаты урожая 1903 г. въ крестьян. хозяйствахъ. Тверь, 1903 г.

Риманъ, Г. Музыкальный словарь. М., 1904 г.

Рокотковъ, А. Разсказы и пѣсни о жизни. Т. I. М., 1903 г. Ц. 40 к.

Сборникъ с.-петербургскаго округа путей сообщенія. Вып. IV. Спб., 1904 г.

Светъ-Марденъ, Орисонъ. Пробивайтесь впередъ! Спб., 1904 годъ. Ц. 1 р. 20 к.

Сельскій трудъ. № 7) *Дремцовъ, С.* Луга и ихъ улучшеніе. Ц. 7 к. № 8) *Новиковъ, А.* Объ улучшеніяхъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ нечерноземной Россіи. Ц. 6 к. № 9) *Абазинъ, И.* Какъ улучшить крестьянск. куроводство. Ц. 5 к. Изд. спб. собранія сельск. хозяевъ. Спб.

Семеновъ, А. Къ вопросу о малоуспѣшности учениковъ нашихъ гимназій. Кіевъ, 1904 г.

Сервиссъ П., Гарретъ. Астрономія съ биноклемъ. Изд. О. Н. Поповой. Спб., 1904 г. Ц. 1 р.

Сикорскій, И. Характеристика черной, желтой и бѣлой расъ въ связи съ вопросами русско-японской войны. Кіевъ, 1904 г.

„Со всѣхъ полей". Общедост. библіотека. Вып. I. М. 1904 г. Ц. 40 к.

Статистика выхода рабочихъ за границу съ 1900—1903 гг. Варшава, 1903 г.

Статистическій ежегодникъ Московской губ. за 1903 г. М., 1904 г.

Сухановъ, С. Семіотека и діагностика душев. болѣзней. М., 1904 г. Ц. 1 р.

Танъ. Очерки и разсказы. Т. I и II. Спб., 1904 г. Ц. 1 р.

Текущая школьная статистика курскаго губ. земства. Курскъ, 1903 г.

Тимковскій, Н. И. Тьма. Драма въ 4 дѣйств. Дѣло жизни. Сцены въ 5 дѣйств. Изд. маг. „Книжное Дѣло". М., 1904 г. Ц. 1 р.

Труды юридическаго о-ва при харьковскомъ университетѣ. Т. I. Харьковъ, 1904 г.

Труды VIII съѣзда земскихъ врачей и предсѣдателей управъ. Т. II. Воронежъ, 1904 г.

Умановъ-Каплуновскій, В. В. Лучи и тѣни. Спб., 1904 г. Ц. 1 р.

Фонъ-Зутнеръ, Берта. Въ цѣпяхъ. Спб., 1904 г. Ц. 80 к.

Фонъ-Іерингъ, Рудольфъ. Борьба за право. Междунар. библ. № 36. Спб., 1904 г. Ц. 15 к.

Фонъ-Омптеда, Георгъ. Разсказы. Спб., 1904 г. Ц. 1 р.

Франко, Иванъ. Въ поти чола. Т. I и II. Кіевъ, 1904 г. Ц. 65 к.

Черняевъ, М. Когда и какъ стала Волга русской рѣкой. М., 1904 г. Ц. 2 к.

Членовъ, М. Великое зло. Спб., 1904 г. Ц. 1 р. 20 к.

Чистяковъ, С. Исторія Петра Великаго. Спб., 1904 г. Ц. 5 р.

Шишловъ, И. Перепись дѣтей школьнаго возраста города Томска. Томскъ, 1904 г.

Эдвинъ, Арнольдъ. Свѣтило Азіи. Изд. О. Н. Поповой. Спб., 1904 г.

Энгельмейеръ, А. Холера. Волкъ, Ком. Рязань, 1903 г. Ц. 35 к.

Юринъ, Н. Крестьянскія сельско-хоз. о-ва. Саратовъ, 1904 г. Ц. 15 к.

1902 г. Отчетъ главнаго управленія неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей. Спб., 1903 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ

БИБЛІОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА.

I. Книги.

Стр.

Беллетристика: Литературно-художественный сборникъ. Стихотворенія студентовъ Петербургскаго университета, съ иллюстраціями студентовъ академіи художествъ.—„Къ завѣтной цѣли". Литературный сборникъ. Изданіе кружка писателей изъ народа.—Полное собраніе сочиненій Генриха Ибсена. Перев. *А. и П. Ганзенъ*.—Полное собраніе сочиненій А. Н. Островскаго.—*Морисъ Метерлинкъ*. Смерть Тинтажиля. Перев. *Шнейдеръ*.—*Титъ Лукрецій Каръ*. О природѣ вещей. Перев. *И. Рачинскаго* 117

Философія, педагогика: *Кантъ*. Грезы духовидца, поясненныя грезами метафизика.—Книга мудрости. Мысли, наблюденія и характеристики, извлеченныя изъ литературы разныхъ эпохъ и народовъ. Собралъ и составилъ *М. Л. Быкштокъ*.—*И. С. Андреевскій*. Научныя основы педагогики. 120

Публицистика: *К. Скальковскій*. Новая книга.—*Л. С. Личковъ* Очерки изъ прошлаго и настоящаго Черноморскаго побережья.—Профессоръ-идеалистъ. Сборникъ статей, посвященныхъ памяти проф. П. С. Климентова. 122

Исторія, мемуары, біографіи: *В. Б.* На рубежѣ XIX столѣтія. Перев. *Львовича*. Ч. I и II.—*А. Оларъ*. Политическая исторія французской революціи. Перев. *Кончевской*. — *Лависсъ и Рамбо*. Всеобщая исторія. Т. VIII. Перев. *Гершензона*.—*Лависсъ и Рамбо*. Исторія французской революціи. Перев. *Южина*. Записки кн. М. Н. Волконской.—*Н. Барсуковъ*. Жизнь и труды Погодина. Кн. XVIII.—Пушкинъ и его современники. Матеріалы и изслѣдованія. Вып. I.—*П. Головачевъ*. Иркутское лихолѣтье.—*Николай Энтичевъ*: 1) Женское образованіе въ Россіи, Историческій очеркъ. 2) Театръ при Петрѣ Великомъ.—Біографіи композиторовъ IV—XX вв. 124

Географія, путешествія: Азія. Иллюстрированный сборникъ. Изд. 2-е.—Воспоминаніе слѣпого. Путешествіе вокругъ свѣта. *Жакъ Араго*. 130

Естествознаніе: Отчетъ по естественно-историческому музею таврическаго губернскаго земства за 1903 г.—*Г. Карпентеръ*. Насѣкомыя, ихъ строенія и жизнь. 130

Физико-математическія науки: *М. В. Остроградскій*. Празднованіе столѣтія дня его рожденія полтавскимъ кружкомъ любителей физико-математическихъ наукъ.—*Г. Лоренцъ*. Элементы высшей математики. Изд. 2-е.—*Б. П. Вейнбергъ*. Физика частичныхъ силъ. 131

Медицина: *Гейнъ*. Половая жизнь съ точки зрѣнія естественной исторіи развитія 135

Учебники, пособія, книги для дѣтей: Начальный курсъ географіи. Состав. *А. Круберъ, С. Григорьевъ, А. Барковъ и С. Чефрановъ*.—*Д. А. Коробчевскій*. Первые уроки этнографіи.—*А. Кутенъ*. Искусства и ремесла у животныхъ. — *Н. П. Кильдюшевскій*. Прямолинейная тригонометрія. — *И. Ѳ. Слудскій*. 1) Четырехзначныя таблицы логариѳмовъ и нѣкоторыя другія математическія, физическія и астрономическія таблицы для среднихъ учебныхъ заведеній. 2) Сокращенныя четырехзначныя таблицы логариѳмовъ и нѣкоторыя другія математическія, физическія и астрономическія таблицы для среднихъ учебныхъ заведеній.—*А. А. Чемокъ*. Родная природа.—*А. П. Чеховъ*. Каштанка. Разсказъ. 13

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 марта по 1 апрѣля 1904 г.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1904 годъ
на
ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ
Подъ редакціей Д. И. Тихомирова.

Иллюстрированный журналъ для семьи и школы. XXXVI годъ изданія. Журналъ допущенъ, по предварительной подпискѣ, въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

Вышла апрѣльская книжка.

Содержаніе: I. Богачъ и Еремка. Разсказъ. Д. Н. Мамина-Сибиряка. Съ рисунками. II. Княжой отрокъ. Историческая повѣсть изъ преданій XIII вѣка. Т. Сѣверцова (Полилова). Съ рисунками. III. Весенняя сказка. Стихотвореніе. Михаила Свободина. IV. Отдѣльный рисунокъ „Грачи прилетѣли“. Съ картины художника А. К. Саврасова. V. У зырянъ. Изъ пасхальныхъ воспоминаній. К. Несилова. VI. Отдѣльный рисунокъ. Жены мироносицы у гроба Воскресшаго Христа. Съ картины художника А. Фростя. VII. Ивнко и его друзья. Разсказъ. Л. Черскаго. Съ рисунками. VIII. Въ Пасху. Стихотвореніе. А. Д. IX. Врачъ-подвижникъ. Незнакомца-Русскаго. X. Въ Христову ночь. Стихотвореніе. Ел. Буланиной. XI. Маленькіе кустари. Разсказъ. Т. С. П. XII. Великая семья человѣчества. II. Единство во множествѣ. Д. Берлинъ. Съ рисунками. XIII. Державный вождь земли русской—императоръ Петръ Великій. Д. И. Тихомирова. Съ рисунками. XIV. Индусы. Ив. Ив. Иванова. XV. Дѣти и природа въ разсказахъ В. Г Короленко. Съ портретомъ В. Г. Короленко. В. А. Гольцева. XVI. Какъ помогаютъ другъ другу животныя. Н. Сиворцова. XVII. Мишка Лябинъ. Очеркъ съ натуры. М. Ф. XVIII. Гнѣздо орловъ. Путевыя впечатлѣнія въ Черногоріи. Павла Россіева. Съ рисунками. XIX. Черезъ Алай и Памиръ. Очерки путешествій по Памиру.—Архары и кіики. Ледяное озеро. Горныя рѣчки. Русскія укрѣпленія. Бориса Тагѣева-Рустамъ-Бека. Съ рисунками. XX. Алексѣй Николаевичъ Куропаткинъ. Вл. Гиляровскаго. Съ портретомъ А. Н. Куропаткина. XXI. Самураи. Съ рисункомъ. XXII. Корейская сказка. Быль. Т. XXIII. Объявленія.

Въ 1904 г. „Дѣтское Чтеніе“ даетъ всѣмъ подписчикамъ безплатную премію, заключающуюся въ 6 томикахъ сочиненій Вилліама Шекспира, съ портретомъ Шекспира и иллюстраціями въ изложеніи и объясненіи для семьи и школы профессора Московскаго университета И. И. Иванова. 1) Портретъ и біографія Шекспира. Король Лиръ. 2) Ромео и Джульета. 3) Гамлетъ. 4) Отелло. 5) Макбетъ. 6) Коріоланъ.

XXXVI г. изд. **ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1904 ГОДЪ** XXXVI г. изд.
на
ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія разрѣшенъ для учительскихъ библіотекъ и безплатныхъ народныхъ читаленъ.

Содержаніе четвертой книжки: I. Шекспиръ. П. Когана. Продолженіе. II. Бесѣды А. И. Гольденберга. Четырнадцатая бесѣда. Д. Л. В-скаго. Продолженіе. III. Памяти Надежды Васильевны Стасовой. Бывшей курсистки. IV. Экскурсія въ Крымъ учениковъ Екатеринодарской гимназіи. Николая Галана. Продолженіе. V. О дѣятельности общества попеченія о дѣтяхъ народныхъ учителей и учительницъ. VI. О письменныхъ выпускныхъ экзаменахъ. Изъ воспоминаній инспектора народныхъ школъ. Павлова. VII. Наша школа. Н. Сиворцова. VIII. Библіографія. IX. Объявленіе. X. Приложеніе. А. Н. Силаковъ. Руководство къ составленію домашнихъ сочиненій. Листъ одиннадцатый.

„Дѣтское Чтеніе“ и „Педагогическій Листокъ“.

„Дѣтское Чтеніе“ безъ пересылки—4 руб. 50 к., съ пересылкой—5 р. „Педагогическій Листокъ“—2 р. „Дѣтское Чтеніе“ съ „Педагогическимъ Листкомъ“ безъ пересылки—5 р. 50 к., съ пересылкой—6 р.

Адресъ: В. Молчановка, д. Тихомирова. Редакція журналовъ „Дѣтское Чтеніе“ и „Педагогическій Листокъ“.

Издательница Е. И. Тихомирова. Редакторъ Д. И. Тихомировъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1904 ГОДЪ

МУЗЫКА-НОТЫ

за подписную плату въ годъ

5 р. Съ пер. и доставкой по всей Россіи 6 р.

ОКОЛО:

650 стр. въ больш. нотномъ форм., лучшей бумаги.

500 стран. избран. и новѣйшихъ нотъ для фортеп.

150 стр. интересной Музыкально-театр. газеты.

120 №№ пьесъ, новѣйшихъ танц., оперъ, оперетъ.

52 салонн. мелодичн. красивыхъ пьесъ, фантазій.

36 новѣйш. модныхъ танцевъ, маршей и друг.

24 романса знаменит. авторовъ и цыган. пѣсенъ.

40 легкихъ танцевъ и пѣсенъ для дѣт. возраста.

КРОМѢ ТОГО:

БЕЗПЛАТНО одну премію по выбору гг. подписчиковъ. Для выбора будетъ предложено

100 ОПЕРЪ и АЛЬБОМОВЪ.

Подробный списокъ премій будетъ объявленъ лѣтомъ, разсылка съ послѣднимъ №.

12 КАРТИНЪ-ОТКРЫТОКЪ: виды оперъ на Имп. театрахъ.

НУВЕЛИСТЪ

ежемѣсячн. нотный журналъ для фортепіано и пѣнія и музыкальная газета.

„Нувелистъ" даетъ все, что красиво, интересно и ново, и на что является мода и усиленный спросъ въ нотныхъ магазинахъ.

Цѣна помѣщаемыхъ нотъ составляетъ 75 руб. въ отдѣльной продажѣ.

Сотрудник. „Нувелиста" состояли: Глинка, Даргомыжскій, Рубинштейнъ, Чайковскій. Сочиненія лучшихъ авторовъ всего міра и теперь будутъ украшать страницы его.

Благодаря любезности издателя, г. П. Юргенсона, „Нувелистъ" дастъ въ 1904 г. своимъ подписчикамъ, въ числѣ разн. друг. сочиненій большую фантазію на

оперу „Дубровскій", музыка **З. Направника.**

Кромѣ того, имѣется въ портфелѣ редакціи для 1904 г. рядъ модныхъ, нигдѣ не изданныхъ, новинокъ салонной и танцовальной музыки, а также цѣлый репертуаръ романсовъ, исполненныхъ артистами Импер. театровъ, г-жею Вяльцевой, Сѣверскимъ и др.

Два пробныхъ номера журнала (за прежніе годы), содерж. нотъ на 10 руб., высылаются за 10 семикопѣечныхъ марокъ или за 70 коп.

№ 1 за 1904 г. будетъ разосланъ 15 января.

Лица, подписывающіяся теперь одновременно на два (1903 — 1904) года, пользуются скидкою въ одинъ рубль, то-есть платятъ за два года съ доставкой и пересылкой 11 рублей, безъ доставки 9 руб. и получатъ по ихъ заявленію **БЕЗПЛАТНО** одну изъ нижесл. премій: Полную оперетку „Гейша" со словами, или Альбомъ 50 нов. цыганск. пѣсенъ подъ названіемъ „Цыганскіе глазки", или Альбомъ новѣйш. танцевъ Бергера. Не заявившимъ будетъ высланъ альбомъ Бергера.

Требованія просятъ адресовать въ С.-Петербургъ, въ главную контору журнала „Нувелистъ", Невскій, 45. Для подписчик. на 1904 г. при главной конторѣ допускается разсрочка при подпискѣ—2 р., къ 1 марта—2 р., остальные 2 р. къ 1 мая.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1904 ГОДЪ НА

ДОНСКІЯ ОБЛ. ВѢДОМОСТИ.

Издаются ЕЖЕДНЕВНО кромѣ дней послѣпраздничныхъ, по слѣдующей программѣ: 1) Офиціальныя сообщенія. 2) Статьи, касающіяся нуждъ и потребностей Донского края. 3) Телеграммы. 4) Мѣстная современная лѣтопись. 5) Извѣстія изъ округовъ области. 6) Городская лѣтопись. 7) Судебная хроника. 8) Внутреннія извѣстія. 9) Иностранныя извѣстія. 10) Военный отдѣлъ. 11) Историческій и статистическій отдѣлъ. 12) Объявленія.

Особенное вниманіе редакціей „Донскихъ Обл. Вѣдомостей" обращено на разработку мѣстныхъ вопросовъ и своевременное сообщеніе распоряженій, касающихся Донск. края.

Подписная цѣна: на годъ съ доставкой и пересылкой 5 р., на ½ года 3 р., на 1 мѣсяцъ 60 к.

Съ подпиской покорнѣйше просятъ адресоваться: въ г. Новочеркасскъ, въ редакцію неофиціальной части „Донск. Обл. Вѣдомостей" (Комитетская ул., д. Данилова, № 46).

Редакторъ неофиціальной части **Ив. П. Поповъ.**

Съ 1 января 1904 года

„ВѢСТНИКЪ ПРАВА“

журналъ С.-Петербургскаго Юридическаго общества будетъ выходить подъ редакціею

К. К. Арсеньева, прив. доц. В. М. Гессена, М. М. Винавера, В. Д. Набокова и проф. І. А. Покровскаго.

Журналъ ставитъ себѣ задачею научно освѣщать текущіе вопросы юридической жизни и такимъ образомъ сдѣлаться органомъ не только судебныхъ дѣятелей, но и всѣхъ общественныхъ круговъ, которымъ дороги интересы нашего правового строя.

Журналъ будетъ выходить ежемѣсячно (кромѣ іюля и августа), въ количествѣ 10 книгъ въ годъ.

Подписная цѣна въ годъ: въ С.-Петербургѣ безъ доставки 8 р., съ доставкою 8 руб. 50 коп., въ провинціи 9 руб. Съ приложеніемъ сборника рѣшеній кассаціонныхъ департаментовъ и общаго собранія Сената, въ официальномъ изданіи (въ распоряженіи редакціи имѣется 500 экземпляровъ): въ С.-Петербургѣ 12 р. 50 к., въ провинціи 13 руб. Допускается подписка по полугодіямъ и по мѣсяцамъ. Кандидаты на судебныя должности и учащіеся платятъ при подпискѣ по 4 р. 50 коп. въ годъ съ доставкой и пересылкой, а съ приложеніемъ рѣшеній—8 р. 50 к.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: Загородный п., д. № 2, при юридическомъ книжномъ складѣ „Право“ и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

XXXIX. ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ. XXXIX.

Принимается подписка на 1904 годъ

на самую большую и распространенную въ Прикаспійскомъ краѣ газету

„Астраханскій Листокъ“.

Газета издается по обширной программѣ, съ хорошими иллюстраціями,
подъ редакціей В. И. Склабинскаго.

Редакція стремится доставить читателямъ: своевременныя и разнообразныя общія и мѣстныя извѣстія; отклики на текущія событія; свѣдѣнія изъ судебныхъ и административныхъ сферъ; постоянный фельетонъ общественной жизни гор. Астрахани, Астраханской губерніи и Волго-Каспійскаго района; библіографію; оригинальную и переводную беллетристику, новости наукъ и искусствъ, новости судоходства; астраханскія свѣдѣнія торгово-промышленнаго характера, смѣсь и пр. Въ отдѣлѣ Торговля и Промыселъ, тщательно ведущемся, даются подробныя описанія и свѣдѣнія по кредиту, *рыбному, нефтяному, шерстяному, мясному, бондарному* и пр. дѣламъ, *о персидскихъ товарахъ и о фрахтахъ*.

Объявленія изъ губерній: Нижегородской, Казанской, Симбирской, Самарской и Саратовской и изъ Закаспійскаго края и Кавказа, а также объявленія банкирскихъ конторъ, желѣзныхъ дорогъ и газетныя принимаются непосредственно конторою редакціи, всѣ же прочія исключительно Центральною конторою Л. и Э. Метцль и К° въ Москвѣ, на Мясницкой, въ д. Сытова.

Плата за объявленія со строки петита: передъ текстомъ 20 коп., послѣ текста 10 коп. Печатающіе болѣе трехъ разъ пользуются скидкой 10 проц. Годовыя объявленія—по особому соглашенію съ конторой редакціи, съ большой уступкою.

Подписная цѣна съ пересылкою: 1 г.—7 руб. 50 коп., 1/2 г.—5 руб., 3 мѣс.—3 руб. 25 коп., 1 мѣс.—1 руб. 25 коп.

Всѣ *новые подписчики*, внесшіе полную годовую плату ранѣе 1 января, имѣютъ право на добавочное полученіе газеты *со дня подписки* до 1 января 1904 г. **безплатно.** „Астрах. Листокъ“ расходится больше чѣмъ всѣ прочія астраханскія изданія, взятыя вмѣстѣ.

Подписка принимается исключительно въ Астрахани, въ конторѣ „Астрах. Листка“, по Ахматовской улицѣ, домъ Аламжанова.

Журналъ общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова,

издаваемый правленіемъ общества,

въ 1904 году (X-й годъ изданія) будетъ выходить книжками, отъ 5-ти до 8-ми листовъ каждая, 6 разъ, а именно: въ январѣ, мартѣ, маѣ, августѣ, сентябрѣ и декабрѣ.

Въ „Журналѣ", согласно программѣ его, помѣщаются:

1) Протоколы засѣданій (полностью) правленія общества и организаціоннаго комитета и сообщенія о мѣропріятіяхъ и предположеніяхъ правленія и комитета, касающіяся дѣятельности общества и съѣздовъ. 2) Протоколы (полностью или сокращенные) засѣданій и отчеты о дѣятельности всѣхъ состоящихъ при правленіи общества коммиссій: по распространенію гигіеническихъ знаній въ народѣ, по борьбѣ съ туберкулезомъ, маляріей, по призрѣнію покинутыхъ дѣтей, справочно-посреднической и проч. 3) Статьи, корреспонденціи и замѣтки по всѣмъ медицинскимъ вопросамъ какъ чисто-научнымъ, такъ и общественно-санитарнымъ и врачебно бытовымъ. 4) Хроника, касающаяся организаціи и дѣятельности медицинскихъ ученыхъ обществъ, различныхъ врачебныхъ и другихъ научныхъ съѣздовъ, а также дѣятельности общественныхъ учрежденій по врачебно-санитарнымъ вопросамъ. 5) Списки членовъ общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова. 6) Объявленія.

Болѣе объемистые томы „Своды", „Обзоры", „Труды" коммиссій и совѣщаній, „Сборники" и проч. составляютъ приложенія къ „Журналу".

Въ 1903 году въ видѣ такихъ приложеній были выданы: сборникъ о состояніи врачебно-санитарной части въ городахъ подъ заглавіемъ „Городская медицина въ Европейской Россіи", обработанный А. А. Чертовымъ, „Обзоръ остро-заразныхъ заболѣваній въ 15-ти земскихъ губерніяхъ за 1901 г.", составл. К. И. Шидловскимъ, „Сводъ постановленій и работъ I—VII всероссійскихъ съѣздовъ по спеціальнымъ научнымъ и научно-практическимъ вопросамъ" (хирургія, акушерство, болѣзни горла, уха и носа, фармація и фармакогнозія, патологія и эмбріологія, венерическія и кожныя болѣзни), „Труды" малярійной коммиссіи и проч.

Члены общества, а также и члены IX Пироговскаго съѣзда (въ качествѣ членовъ общества на 1904 годъ) получаютъ „Журналъ" безплатно.

Подписная цѣна (для не-членовъ общества) пять рублей.

Гонораръ за оригинальныя статьи и корреспонденціи 30 р. съ печатнаго листа. Авторы имѣютъ право на 25 оттисковъ.

Объявленія принимаются по слѣдующей таксѣ: за 1 стр. 10 р., за 1/2 стр. 7 р., за 1/4 стр. 4 р., менѣе 1/4 стр. 3 р. за 1 разъ.

Адресъ конторы редакціи: Москва, Дѣвичье поле, Трубецкой пер., д. № 10.

Годъ изданія XXVI.

ВЪ ГОРОДѢ КАРСѢ, КАРСКОЙ ОБЛАСТИ,

открыта подписка на газету

КАРСЪ,

на 1904 годъ.

Условія подписки: съ доставкою и пересылкою 3 рубля въ годъ.

Подписка принимается въ редакціи газеты „Карсъ", въ городѣ Карсѣ, куда и адресуютъ свои требованія и иногородные.

Газета „Карсъ" имѣетъ ближайшею цѣлью всестороннее изученіе Карской области и распространеніе въ обществѣ вѣрныхъ и точныхъ свѣдѣній какъ о нынѣшнемъ ея состояніи, такъ и о мѣропріятіяхъ, направленныхъ къ ея благоустройству.

Открыта подписка на 1904 годъ

XV г. НА ЖУРНАЛЪ XV г.

ВѢСТНИКЪ ВОСПИТАНІЯ.

Журналъ имѣетъ цѣлью распространеніе среди русскаго общества правильныхъ взглядовъ на воспитаніе и образованіе.

Кромѣ педагогическихъ статей, въ журналѣ помѣщаются научно-популярныя статьи по естествознанію, психологіи, философіи, филологіи, обществовѣдѣнію, исторіи, исторіи литературы, а также по вопросамъ искусства.

Программа журнала: I) Оригинальныя и переводныя статьи. II) Критика и библіографія. III) Рефераты и мелкія сообщенія. IV) Хроника. V) Приложенія: литературно-педагогическіе очерки, разсказы, воспоминанія и т. д. VI) Объявленія.

При настоящей редакціи въ журналѣ принимали участіе: д-ръ философіи В. Анри (Victor Henri), Ю. А. Айхенвальдъ, А. Д. Алферовъ, проф. В. М. Арнольди, д-р Д. Д. Бекаревичъ, Ю. А. Бунинъ, И. А. Бунинъ, И. П. Бѣлокопытовъ, Н. М. Бычковъ, проф. А. В. Васильевъ, В. П. Вахтеровъ, К. Н. Вентцель, Ю. А. Веселовскій, проф. Р. Ю. Виппперъ, А. Ф. Гартвигъ, М. О. Гершензонъ, прив.-доц. А. В. Горбуновъ, А. Е. Грузинскій, женщина-врачъ Е. С. Дрентельнъ, Е. А. Звягинцевъ, Н. Н. Златовратскій, прив.-доц. А. А. Ивановскій, прив.-доц. В. Н. Ивановскій, прив.-доц. Н. А. Иванцовъ, д-ръ В. Е. Игнатьевъ, проф. Н. А. Каблуковъ, В. В. Каллашъ, проф. А. И. Кирпичниковъ, проф. М. М. Ковалевскій, И. М. Красноперовъ, Е. І. Лозинскій, прив.-доц. Т. В. Локоть, проф. И. Н. Мечниковъ, Н. Мировичъ, В. М. Михеевъ, проф. Ѳ. Г. Мищенко, Н. Ф. Михайловъ, С. П. Моравскій, Е. С. Некрасова, Н. М. Никольскій, проф. Д. Н. Овсянико-Куликовскій, Ф. Ф. Ольденбургъ, В. П. Острогорскій, проф. А. П. Павловъ, В. В. Петровъ, прив.-доц. Н. А. Рожковъ, Г. Роковъ, прив.-доц. П. Н. Сакулинъ, Д. Сатуринъ, прив.-доц. Е. Д. Синицкій, Л. Д. Синицкій, С. Г. Смирновъ, Н. В. Сперанскій, К. М. Станковичъ, А. А. Стаховичъ, І. Тевсъ, Г. А. Фальборкъ, проф. А. Ѳ. Фортунатовъ, В. П. Хопровъ, В. И. Чарнолусскій, кн. Д. И. Шаховской, проф. Ф. Ф. Эрисманъ, В. Е. Якушкинъ, Е. П. Янжулъ, акад. И. И. Янжулъ, д-ръ А. И. Яроцкій и многіе друг.

Журналъ допущенъ ученымъ комитетомъ мин. нар. просв. для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

Журналъ выходитъ 9 разъ въ годъ (въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ журналъ не выходитъ); въ каждой книжкѣ журнала не менѣе 20 печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна: въ годъ безъ доставки 5 р., съ доставкой и пересылкой 6 р.; въ полгода 3 р.; съ пересылкой за границу 7 р. 50 к.; для студентовъ и недостаточныхъ людей цѣна уменьшается на 1 р.

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи (Москва, Арбатъ, Старо-Конюшенный пер., д. Михайлова) и во всѣхъ крупныхъ книжныхъ магазинахъ обѣихъ столицъ. Гг. иногороднихъ просятъ обращаться прямо въ редакцію.

Редакторъ-издатель д-ръ Н. Ф. Михайловъ.

„СИБИРСКІЙ НАБЛЮДАТЕЛЬ“.

(VI годъ изданія).

Ежемѣсячное иллюстрированное изданіе.

Редакція: г. Томскъ, Дворянская ул., № 4.

Вступая въ VI годъ своего существованія, „Сибирскій Наблюдатель“ будетъ выходить въ свѣтъ въ 1904 году попрежнему съ иллюстраціями, на русскомъ и французскомъ языкахъ, книжками 12 разъ въ годъ, отъ 150 до 190 страницъ въ каждой въ 1/8 долю листа, по слѣдующей программѣ:

1) Описаніе путей сообщенія какъ ведущихъ въ Сибирь и Азіатскія владѣнія Россіи, такъ и существующихъ въ этихъ мѣстностяхъ и государствахъ, сопредѣльныхъ съ ними. 2) Описаніе городовъ и селеній. Письма изъ городовъ. 3) Свѣдѣнія о судопроизводствѣ и судоустройствѣ. 4) Минеральные источники. 5) Свѣдѣнія о театрахъ, объ ученыхъ, благотворительныхъ и другихъ обществахъ и т. п. 6) Виды замѣчательныхъ мѣстностей, городовъ, портреты государей и чѣмъ-либо выдающихся личностей. 7) Смѣсь. 8) Разсказы, стихотворенія и анекдоты. 9) Свѣдѣнія библіографическаго характера о вновь выходящихъ книгахъ, преимущественно же—касающихся Сибири и Азіатской Россіи вообще, и объ ежемѣсячныхъ журналахъ. 10) Иностранное обозрѣніе (обзоръ событій въ иностранныхъ государствахъ). 11) Замѣтки наблюдателя (свѣдѣнія о жизни въ Европейской Россіи). 12) Сибирскіе отголоски (свѣдѣнія о жизни въ Сибири). 13) Отвѣты редакціи подписчикамъ. 14) Объявленія.

Редакція съ своей стороны приложитъ всѣ старанія, чтобы изданіе удовлетворяло своему назначенію и давало для лицъ, желающихъ ознакомиться съ Сибирью и Азіатской Россіей, всѣ необходимыя свѣдѣнія въ историческомъ, географическомъ, этнографическомъ и статистическомъ отношеніяхъ, а также литературный матеріалъ для чтенія. Въ трудахъ редакціи примутъ участіе многіе сотрудники мѣстныхъ газетъ и др. лица. Цѣна въ годъ 4 руб., на 1/2 года 2 руб. 50 коп., съ доставкой и пересылкой. За пересылку за границу добавляется еще 3 руб.

Всѣ подписчики на 1904 годъ получатъ въ концѣ года въ видѣ премія третій выпускъ „Альбома Сибирскихъ видовъ“, состоящаго изъ художественно-исполненныхъ фототипографюръ, на хорошей бумагѣ.

Лица, желающія имѣть отзывы о своихъ сочиненіяхъ и изданіяхъ, благоволятъ доставлять въ редакцію экземпляры ихъ.

Цѣна объявленій: 1 страница 15 р., 1/2 стр.—10 р., 1/4 стр.—6 р.

Подписка и объявленія принимаются: „Сибир. Наблюд.“ въ г. Томскѣ, Дворянская ул., № 4 (телеф. № 1) и книжн. магазинѣ П. И. Макушина; въ Москвѣ: у И. К. Голубева, Покровка, 52, домъ церкви Іоанна Предтечи и у Д. Н. Корнатовскаго, Моховая, пр. Стараго универ., д. Бекендорфъ; въ Барнаулѣ: у часть. пов. А. А. Ершова; въ Варшавѣ: въ книжн. маг. Н. П. Карбасникова (Новый Свѣтъ, 67); въ Красноярскѣ: въ книжн. маг. А. Ф. Комарова и въ редакціи газеты „Енисей“; въ Бійскѣ: у А. А. Зильбербарта; въ Тюмени: у Г. Н. Кгаевскаго. Объявленія также принимаются въ Москвѣ: въ Центральной конторѣ Торговаго Дома „Л. и Э. Метцль и К°“, Мясницкая, домъ Сытова, и въ конторѣ объявленій и подписки І. В. Бартоневича, Мал. Лубянка, № 20.

Редакторъ-издатель В. А. Долгоруковъ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1904 г.

на журналъ

Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ЛѢСОВОДСТВО

Выходитъ ежемѣсячно.

Журналъ будетъ посвященъ, главнымъ образомъ, какъ нашей, такъ и западно-европейской научной агрономіи, но читатели найдутъ въ немъ и работы чисто практическаго характера, равъ онѣ будутъ самобытны и будутъ содержать въ себѣ рядъ дѣйствительно новыхъ жизненныхъ фактовъ и явленій уже извѣстныхъ.

Съ особеннымъ вниманіемъ отнесется Редакція съ будущаго года къ библіографическому отдѣлу журнала, это значитъ—къ возможно болѣе полному и точному обзору всѣхъ сколько-нибудь выдающихся научныхъ работъ по всѣмъ отраслямъ западно-европейской и нашей отечественной науки сельскаго хозяйства, въ надеждѣ, что этимъ она облегчитъ читателямъ выборъ и покупку всего имъ необходимаго и полезнаго.

Подписная цѣна 7 руб. на годъ съ доставкой.

Подписка принимается въ Редакціи—С.-Петербургъ, Эртелевъ пер., д. № 18. Городская, кромѣ того, въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени".

Редакторъ князь *В. А. Кудашевъ.*

СБОРНИКЪ ХЕРСОНСКАГО ЗЕМСТВА

въ 1904 году будетъ выходить по истеченіи каждаго мѣсяца, т.-е. 12 разъ въ годъ.

При отсутствіи на югѣ Россіи другого повременнаго земскаго изданія, онъ можетъ служить журналомъ, въ которомъ земскіе люди этого района, а также и вообще лица, интересующіяся земскимъ дѣломъ, найдутъ отвѣты на запросы по разнымъ отраслямъ земскаго хозяйства вообще, такъ какъ программа изданія, расширенная съ 1886 г., кромѣ земской хроники Херсонской и друг. губерній, допускаетъ возможность помѣщеній въ немъ монографій, касающихся мѣстной исторіи, этнографіи, климатологіи, экономической и медицинской статистики, а также статей общаго содержанія по вопросамъ ветеринаріи, гигіены, училище-вѣдѣнія, сельскаго хозяйства и т. п.

По постановленію губернскаго земскаго собранія стенографическіе отчеты о сессіяхъ собранія, представляющіе чисто мѣстный интересъ, выдѣлены изъ программы „Сборника", что даетъ возможность отвести въ немъ мѣсто статьямъ болѣе общаго характера.

Такъ какъ „Сборникъ" получается во всѣхъ волостяхъ губерніи, то объявленія, въ немъ помѣщаемыя, могутъ быть прочитаны сельскимъ населеніемъ, въ интересахъ котораго главнымъ образомъ издается „Сборникъ".

Всѣ статьи и сообщенія присылаются въ Херсонскую губернскую управу, издающую „Сборникъ", за полною подписью автора и съ приложеніемъ его адреса. Рукописи, въ случаѣ надобности, подлежатъ сокращенію и исправленію. Статьи, признанныя за неудобныя, возвращаются авторамъ только по ихъ требованію.

Подписная годовая цѣна 4 р. съ пересылкою. Отдѣльные номера продаются по 50 к. безъ пересылки.

Подписка принимается въ Херсонской губернской и во всѣхъ уѣздныхъ земскихъ управахъ Херсонской губерніи.

„Энциклопедическій словарь“

Брокгауза и Ефрона

(начатый проф. И. Е. Андреевскимъ)

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

К. К. АРСЕНЬЕВА и заслуженнаго проф. Ѳ. Ѳ. ПЕТРУШЕВСКАГО

при участіи редакторовъ отдѣловъ:

С. А. Венгерова	отдѣлъ	исторіи литературы.
Проф. А. И. Воейкова	„	географіи.
Проф. Н. И. Кареева	„	исторіи.
Академика А. О. Ковалевскаго и Проф. В. Т. Шевякова	„	біологическихъ наукъ.
Проф. Д. И. Менделѣева	„	химико-техническій и фабрично-заводскій.
Проф. А. В. Совѣтова	„	сельско-хозяйственный.
Проф. Н. Ѳ. Соловьева	„	живыхъ искусствъ.
А. И. Осипова	„	изящныхъ искусствъ.
Академика М. И. Янжула	„	политической экономіи и финансовъ.

Словарь выходитъ полутомами каждые два мѣсяца.

Вышелъ 76-й полутомъ,—(человѣкъ—чугуевскій полкъ).

Цѣна каждаго полутома 8 р. въ переплетѣ.

Книги высылаются почтою, при чемъ за пересылку взимается 40 к. съ книги.

Всѣ вышедшія уже книги высылаются по ж. дор., съ уплатою за провозъ по желѣзнодорожному тарифу (требуется указаніе станціи).

ДОПУСКАЕТСЯ ПОДПИСКА ВЪ РАЗСРОЧКУ:

1) При подпискѣ вносится задатокъ отъ 10 р. и выдаются имѣющіеся налицо полутомы. Долгъ выплачивается ежемѣсячными взносами отъ 7 р., независимо отъ пріобрѣтенія остальныхъ полутомовъ по 8 р. за книгу.

2) Лица, желающія подписаться въ разсрочку, благоволятъ указать на служебный, общественный или имущественный цензъ, при чемъ контора редакціи оставляетъ за собою право не принять подписку, если найдетъ гарантію уплаты недостаточною.

Принимается подписка на „Малый энциклопедическій словарь“ Брокгауза и Ефрона. Цѣна каждаго 1 р. 50 к. безъ пересылки. Всѣхъ выпусковъ двѣнадцать.

Подписка принимается въ московскомъ отдѣленіи конторы редакціи «Энциклопедическаго Словаря»: при конторѣ журнала «Русская Мысль» (Москва, Воздвиженка, Ваганьковскій пер., д. Куманина, кв. № 1).

Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. Москва, Пименовская ул., соб. д.

Сенкевичъ, Генр. Путевые очерки. Письма изъ Африки. Письмо изъ Венеціи. Письмо изъ Рима. Нерви. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к. Одобр. для безплатныхъ народн. библіотекъ и читаленъ.

Его же. Семья Поланецкихъ. Романъ. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 3 р.

Его же. На ясномъ берегу. Повѣсть. Пер. В. М. Лаврова. Ц. 30 к. Допущено въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

Его же. Крестоносцы. Историческій романъ. Пер. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к.

Его же. Полное собраніе сочиненій въ переводѣ В. М. Лаврова. Первая серія въ шести томахъ (около 180 печатныхъ листовъ). По подпискѣ 5 р. Отдѣльно:

I томъ. Камо грядеши? (Quo vadis). Историческій ром. изъ временъ Нерона. Ц. 1 р.
II томъ. Безъ догмата. Романъ. Ц. 1 р.
III томъ. Огнемъ и мечомъ. Ц. 1 р.
IV и V томъ. Потопъ. Ц. 1 р. 75 к.
VI томъ. Панъ Володіевскій. Ц. 1 р.

Чеховъ, Антонъ. Островъ Сахалинъ (изъ путевыхъ записокъ). Цѣна 2 р.

Эртель, А. И. Гарденины, ихъ дворня, приверженцы и враги. Ц. 2 р.

Народныя изданія редакціи журнала „Русская Мысль".

Что такое подати и для чего ихъ собираютъ? 4-е изд. Ц. 3 к. Учен. Комит. Мин. Нар. Просв. одобрено для безплатныхъ народ. читаленъ и для публичныхъ народныхъ чтеній.

Народный поэтъ И. С. Никитинъ. 2-е изданіе. Ц. 1½ коп. Допущено въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

Сенкевичъ. Пойдемъ за нимъ! 2-е изд. Ц. 6 к.

— Бартекъ-побѣдитель. Ц. 12 к.

— Фонарщикъ на маякѣ и Янко музыкантъ. Ц. 6 к.

Ожешкова, Элиза. Юльянка. Ц. 15 к. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущено для безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ.

Новая библіотека „Русской Мысли".

Южные сосѣди китайцевъ. Съ картой Индо-Китая и рисунками въ текстѣ. 115 стр. Ц. 25 к. Одобрено въ безпл. нар. библ. и читальни, въ ученич. библ. низш. учил. и для чтеній въ народныхъ аудиторіяхъ.

Жизнь и труды Эдисона. Съ портретомъ Эдисона. Составилъ *Левъ Ужанецъ*. 112 стр. Ц. 20 коп. Допущено въ безплатныя народныя библіотеки и читальни, въ учительскія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

Борьба человѣка съ животными. *Проф. Экштейна.* Переводъ съ нѣмецкаго *Г. А. Котляра.* Съ рисунками въ текстѣ. 172 стр. Ц. 30 к. Допущено въ безплат. народныя библіотеки и читальни.

Разсказы Людвига Анценгрубера (Изъ жизни нѣмецкихъ крестьянъ). 112 стр. Ц. 20 к.

Русскіе инородцы. *А. Н. Максимова.* 112 стр. Ц. 20 к. Допущено въ безплат. народн. библіотек. и читальни.

Бесѣды по школьной гигіенѣ. *Д-ра Ф. Л. Кастерскаго.* Съ рис. и таблиц. діаграммъ въ краскахъ. Ц. 15 к. Допущено въ безпл. народ. библ. и читальни, въ учител. библ. низш. училищъ.

Рабство въ древнемъ Римѣ. 44 стр. Ц. 10 к.

Трудовая помощь въ сканднавскихъ государствахъ. (По книгѣ *П. Гансена*). 92 стр. Ц. 20 к. Допущено въ безплатныя народныя библіотеки и читальни, въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ Министерства Нар. Просвѣщенія.

Исполинъ нѣмецкой промышленности. (Заводъ Круппа). Съ 4 таблиц. рисунковъ и плановъ. 70 стр. Ц. 15 к. Особ. Отд. Мин. Нар. Пр. допущено въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

Бытовые очерки. Въ мастерской, *И. А. Данилина.*—Преступники, *П. Б. Хотимскаго.* 216 стр. Ц. 40 к.

Разсказы. *Петръ Розеггеръ.* (Изъ жизни штирійскихъ крестьянъ). 95 стр. Ц. 15 к.

Китай и китайцы. Съ картой. 135 стр. Ц. 25 к. Допущено въ безплатныя народн. библіотеки и читальни.

Башка. *Д. Н. Мамина-Сибиряка.* (Изъ разсказовъ о погибшихъ дѣтяхъ). 56 стр. Ц. 10 к.

Офицерша.—Подъ шумъ вьюги. *А. И. Эртель.* 77 стр. Ц. 15 к.

Исторія человѣческаго жилища съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Съ рис. въ текстѣ и сравнит. таблицей главныхъ видовъ жилищъ, въ хронологич. порядкѣ, на отдѣльн. листѣ. 200 стр. Ц. 50 к.

Приуральскій край, его населеніе и минеральныя богатства. *Н. А. Дѣячковъ.* 91 + IV стр. Ц. 15 к.

При этой книгѣ для всѣхъ подписчиковъ прилагается каталогъ новыхъ изданій: Н. Глаголева, С. Дороватовскаго и А. Чарушникова, Д. Е. Жуковскаго, Е. Д. Кусковой, М. Д. Ортѣхова и Товарищества «Общественная Польза».

Продолжается подписка на 1904 г.

(ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

НА ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІ

Русская Мысль.

Условія подписки (безъ гербоваго сбора):

	Годъ.	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Съ доставкою и пересылкою	12 р.	9 р. — к.	6 р.	3 р. — к.	1 р. — к.
За границу	14 „	10 „ 50 „	7 „	3 „ 50 „	1 „ 25 „

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ, 1 апрѣля, 1 іюля и 1 октября по 3 руб.

Подписавшіеся въ разсрочку и желающіе получать „Р. М.“ безъ перерыва, благоволятъ присылать деньги за 2 недѣли до окончанія подписного срока.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 коп. съ полнаго годового экземпляра. Съ подписокъ въ разсрочку уступокъ имъ не дѣлается.

За перемѣну адреса взимается 30 коп., при переходѣ же городскихъ подписчиковъ въ иногородніе уплачивается 55 коп. При перемѣнѣ адреса на заграничный доплачивается разница подписной цѣны на журналъ.

О каждой перемѣнѣ адреса контора проситъ сообщать отдѣльно.

При перемѣнахъ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ при разсрочкѣ подписной платы *необходимо* прилагать печатный адресъ бандероли или сообщать его №.

Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позднѣе 10 числа каждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ почтоваго департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

Всѣ изданія редакціи „Русской Мысли“ находятся на складѣ при типографіи Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°.

Ближайшее участіе въ редакціи принимаютъ В. А. Гольцевъ, А. П. Чеховъ и А. А. Кизеветтеръ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Москвѣ: въ конторѣ журнала — Воздвиженка, Ваганьковскій пер., д. Куманина, кв. № 1.

Въ типографіяхъ т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° въ Москвѣ, Петербургѣ и Кіевѣ, коему переданъ главный складъ изданій журнала *Русская Мысль*, и въ магазинѣ т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° на Никольской ул., въ д. Чижовыхъ.

Въ Петербургѣ: въ отдѣленіи конторы журнала—при книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Литейный, д. 46.

Въ Кіевѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ.

Въ Варшавѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Новый Свѣтъ, д. № 69.

Въ Вильнѣ: въ книжн. магаз. Н. П. Карбасникова, Большая, д. Гордона.

Въ Перми: въ земскомъ центральномъ книжномъ складѣ.

Редакторъ-Издатель В. М. ЛАВРОВЪ.

P Slav 605.10

РУССКАЯ

МЫСЛЬ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

МАЙ.

МОСКВА.
Типо-лит. Товарищ. И. Н. Кушнеревъ и К°, Пимен. ул., соб. домъ.
1904

ИЗДАНІЯ РЕДАКЦІИ
журнала „Русская Мысль“,

Складъ: Москва, Пименовская ул., Т-во Кушнеревъ и К°.

Библіотека „Русской Мысли“.

Сенкевичъ, Генр. Черезъ степи. Переводъ В. М. Лаврова. Ц. 40 к.

Баранцевичъ, К. С. Побѣда. На сѣверѣ дикомъ. Ц. 1 р.

Ожешкова, Элиза. Милордъ. Бабушка. Ц. 50 к. Изд. 2-е. Допущено въ народныя библіотеки и читальни.

Ремезовъ, М. Н. Іудея и Римъ. Картинки античнаго міра. Ц. 50 к.

Немировичъ - Данченко, Вл. Ив. Драма за сценой. Ц. 1 р.

Корелинъ, М. С., проф. Очерки Итальянскаго Возрожденія. Ц. 1 р. Допущено въ безпл. нар. библ. и читальни.

Немировичъ - Данченко, Вас. Ив. Лялька. Ц. 60 к.

Ожешкова, Элиза. Панна Роза. Великій. Среди цвѣтовъ. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 5 к.

Научно-популярная библіотека „Русской Мысли“.

(Подъ редакціей К. А. Тимирязева и В. А. Гольцева.)

I. **Нассе и Лексисъ, В.** Металлическія деньги и валюта. Ц. 60 к. Допущено въ безпл. народныя библіотеки и читальни.

II. **Пере.** Умственное воспитаніе ребенка съ колыбели. Ц. 60 к.

III. **Дюкло.** Пастёръ. Изслѣдованіе о броженіи и самозарожденіи. Ц. 40 к. Одобрено для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

IV. **Бартъ, А.** Религіи Индіи. Ц. 1 р.

V. **Гауппъ, Отто.** Гербертъ Спенсеръ. Ц. 50 к.

VI. **Погожева.** Шериданъ. Школа злословія. Біографическ. очеркъ Шеридана. Ц. 60 к. Допущено въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства Мин. Нар. Просв.

VII. **Гиро, П., проф.** Фюстель де-Куланжъ. Перев. А. Н. Чеботаревской. Ц. 50 к. Допущена въ безплатныя народныя библіотеки и читальни, въ учительскія библ. средн. учеб. зав., семинарій и учительск. институтовъ.

VIII. **Дюкло.** Пастёръ. Заразныя болѣзни. Ц. 40 к. Одобрено для фундамен. библ., гимназій и реальн. уч., для библ. учител. институт., семинар., учительск. библ. для низш. учеб. зав., для безплатн. народн. библ. и читаленъ.

IX. **Галле, Андре.** Бомарше. Перев. М. В. Лаврова. Ц. 40 к.

X. **Бертло.** Наука и нравственность. Ц. 60 к.

XI. **Геккель.** Натуралистъ подъ тропиками. Ц. 60 к.

XII. **Делажъ.** Наслѣдственность. Ц. 50 коп.

Изданія редакціи журнала „Русская Мысль“.

Женщина. Статьи г-жи Элизы Ожешковой, m-me Альфонсъ Доде, Пардо Базанъ, Лауры Маргольмъ, Карменъ Сильва, D. Menant. Ц. 40 к.

Козловъ, П. А. Полное собраніе сочиненій въ 4-хъ т. Ц. 5 р. Каждый томъ отдѣльно по 1 р. 50 к.

Корелинъ, П. С., проф. Иллюстрированныя чтенія по культурной исторіи. 5 вып. Одобрено для ученическихъ, средн. и старш. возр., библ. средн. учебн. завед. Цѣна за каждый вып. по 30 к.

Матушевскій, Игнацій. Дьяволъ въ поэзіи. Переводъ съ польскаго второго дополн. и переработаннаго изданія. В. М. Лаврова. Ц. 1 р.

Мачтетъ, Г. А. Силуэты. Томъ II. Въ тундрѣ и въ тайгѣ. Заклятый казакъ. Жидъ. Бѣлая Панна. Хамелеонъ. Пессимистка. Холера. Добрый волкъ. Ц. 1 р. 50 к.

Милюковъ, П. Н. Главныя теченія русской исторической мысли. Т. I. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к.

Ожешкова, Элиза. Повѣсти и разсказы. Томъ I: Сѣренькая идиллія. Сильный Самсонъ. Хамъ. Подвижница. Ц. 1 р. 50 к.

Ея же. Томъ II. Ни клочка. Смерть дома. Съ пожара. Четырнадцатая часть. Юльянка. Моментъ. Ц. 1 р. 50 коп. Перев. В. М. Лаврова.

Ея же. Надъ Нѣманомъ. Романъ въ 3 ч. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к.

Ея же. Сильвекъ. Ром. 2-хъ част. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 1 р.

Ея же. Меланхолики. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к.

Прусъ, Болеславъ. Изъ воспоминаній циклиста. Перев. съ польскаго. В. М. Лаврова. Ц. 75 к.

Сенкевичъ, Генрикъ. Повѣсти и разсказы. Изданіе 2-е, удешевленное. Перев. В. М. Лаврова, съ предисловіемъ В. А. Гольцева. Ц. 1 р. Допущено въ безплатныя народныя библіотеки и читальни, и учительскія библіотеки низшихъ училищъ.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

КНИГА V.

МОСКВА.

1904.

P Slav 605. 10

HARVARD COLLEGE LIBRARY
FROM THE
ARCHIBALD CARY COOLIDGE FUND
MAR 26 1934

МОСКВА.
Типо-литогр. Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°. Пимен. ул., собств. домъ.
1904.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
I.	РАЗЛАДЪ. (Повѣсть).—П. Д. Боборыкина. *Окончаніе.* . .	1
II.	ЙЁСТА БЕРЛИНГЪ. Сельмы Лагерлефъ. Переводъ съ шведскаго.—М. П. Благовѣщенской. *Продолженіе.*	37
III.	ВОЛШЕБНЫЙ ФОНАРЬ.—Е. М. Милицыной.	82
IV.	БАБЬЯ ДЕРЕВНЯ. Романъ изъ крестьянской жизни. Клары Фибигъ. Переводъ съ нѣмецкаго.—В. А. Кошевичъ	107
V.	СТИХОТВОРЕНІЕ.—Ив. Бѣлоусова	156
VI.	ПЕРЕДЪ РАЗСВѢТОМЪ. Новелла Владислава Реймонта. Пер. съ польскаго.—В. М. Л.	157
VII.	РАЗЛАДЪ МЕЖДУ УГОЛОВНЫМЪ ЗАКОНОМЪ И НАРОДНЫМЪ ОБЫЧАЕМЪ НА КАВКАЗѢ И ЕГО ВЛІЯНІЕ НА ПРЕСТУПНОСТЬ.—В. Н. Иваненка. *Продолженіе.*	1
VIII.	ИЗЪ ЯПОНСКОЙ ЖИЗНИ. (Японскій годовой циклъ).—А. А. Черевковой.	22
IX.	ЛѢТО НА КАВКАЗѢ.—М. Б.	40
X.	ПО БЕРЕГАМЪ КОРЕИ. Очеркъ III.—В. В. Корсакова. . .	62
XI.	ЧТО ТАКОЕ ДУШЕВНОЕ ЗДОРОВЬЕ.—И. Г. Оршанскаго . .	83
XII.	О КУРОРТНОМЪ ПОЛОЖЕНІИ ДЛЯ КАВКАЗСКИХЪ МИНЕРАЛЬНЫХЪ ВОДЪ.—П. П. Розанова	101
XIII.	ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ ДЛЯ РАБОЧИХЪ Г. МОСКВЫ.—С. М. Блеклова	121
XIV.	О СОСТАВѢ КРЕСТЬЯНСКАГО СОСЛОВІЯ.—Гр. Сергѣя Толстого.	146

Стр.

XV. ЖУРНАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. 179

XVI. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. 195

XVII. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—В. А. Г. 232

XVIII. ЗАМѢТКИ ЧИТАТЕЛЯ.—В. Г. 239

XIX. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ. I. Книги: Беллетристика.—Публицистика.—Исторія.—Статистика.—Юридическія книги.—Сельское хозяйство.—Книги для дѣтей.—II. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 апрѣля по 1 мая 1904 г. 145

XX. ОБЪЯВЛЕНІЯ. 1

Для личныхъ переговоровъ, пріема и выдачи рукописей редакція «Русской Мысли» открыта по средамъ и субботамъ отъ 1—3 час. дня; въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ (іюнь, іюль, августъ) только по средамъ въ тѣ же часы.

Непринятыя редакціей рукописи хранятся въ теченіе 6 мѣсяцевъ со дня отправки извѣщенія автору, а по истеченіи этого срока уничтожаются.

Непринятыя редакціей стихотворенія не сохраняются. Авторы, въ теченіе 3 мѣс. не получившіе утвердительнаго отвѣта, могутъ располагать стихотвореніями по своему усмотрѣнію. По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не входитъ въ переписку.

РАЗЛАДЪ*).

(Повѣсть.)

XXVI.

Рано утромъ Черенковъ возвращался пѣшкомъ, держа простыню подъ мышкой, съ купанья.

Солнце уже сильно припекало. Отъ земли, послѣ проливного дождя, поднималась влажная дымка.

Подъ городомъ, въ лощинѣ, оказалась рѣченка и въ одномъ мѣстѣ устроили запруду, гдѣ обыватели и купались.

На возвратномъ пути Черенковъ сдѣлалъ крюкъ и обошелъ весь городъ кругомъ, забрелъ на кладбище, потомъ на какіе-то казенные сараи, выкрашенные желто-сѣрой краской, осмотрѣлъ и острогъ.

Онъ точно отдалялъ свое возвращеніе домой.

И дѣйствительно, ему со вчерашняго дня—не по себѣ.

Явился, совершенно неожиданно для него, Мезеринъ.

Викторъ ничего ему не сказалъ о близости такой встрѣчи съ непріятнымъ для него «самодѣльнымъ индивидуалистомъ», какъ онъ называлъ его и вслухъ, и про себя.

Для него было бы слишкомъ обидно, и за себя, и за своего «питомца», заподозрить того въ недовѣріи, а еще болѣе въ двойственности и хитрости.

Но для Виктора не былъ сюрпризомъ этотъ пріѣздъ Мезерина. Тутъ есть и еще какая-то подкладка, уже экономическая.

Когда вечеромъ, въ первый день по пріѣздѣ, Черенковъ сталъ его разспрашивать о томъ, какъ онъ устроилъ свои дѣла и что намѣренъ предпринять съ своимъ имѣніемъ, Викторъ замялъ этотъ разговоръ.

---

*) *Русская Мысль*, кн. IV, 1904 г.

Онъ слишкомъ правдивъ, чтобы нельзя было видѣть сейчасъ, какой разговоръ ему непріятенъ.

Сомнѣваться въ его сердечномъ участіи Викторъ не можетъ; но онъ не желаетъ и «препирательствъ», не желаетъ огорчать его какими-нибудь тревожными опасеніями.

Стало быть, можно предположить, что у него уже есть какой-нибудь планъ. И тутъ замѣшанъ Мезеринъ.

Это еще не все!

Та дѣвица, если даже у нихъ и нѣтъ любовныхъ отношеній, теперь въ Москвѣ, Викторъ проговорился, что ждетъ «друзей»—какъ разъ наканунѣ внезапнаго появленія Мезерина. Вѣроятно, и она пожалуетъ сюда на этихъ дняхъ.

Тутъ что-то неладно.

Ему было бы нестерпимо обидно, еслибъ его Витя сдѣлался предметомъ какой-нибудь интриги.

Нужды нѣтъ, что онъ далекъ отъ всякаго участія въ какой бы то ни было пропагандѣ или агитаціи.

Все равно. Такой «индивидуалистъ», въ сообществѣ съ той барышней, могутъ впутать его во что-нибудь «архи-индивидуальное».

Въ матеріальныхъ вопросахъ онъ до сихъ поръ—малое дитя. Очень вѣроятно, что такой новѣйшій обличитель деревни и мужика, какъ этотъ Мезеринъ, подбиваетъ или уже подбилъ его поскорѣе раздѣлаться съ землей, и деньги уйдутъ сквозь пальцы.

Ему непріятно подозрѣвать ту дѣвушку.

Онъ ее не знаетъ. Ему она скорѣе понравилась въ Москвѣ, у Лаврушина. Но кто же поручится за то, что она не состоитъ подъ «гипнозомъ» такого доморощеннаго Ницше, а съ Викторомъ играетъ въ дружбу? Онъ и самъ увѣряетъ, что они—только пріятели, но развѣ самообмана не бываетъ, въ восьми случаяхъ на девять, въ подобныхъ отношеніяхъ между молодыми людьми?

Всѣ эти соображенія и вопросы безпокоили Черенкова сегодня еще сильнѣе, чѣмъ вчера.

Если онъ теперь застанетъ Виктора одного, ему надо будетъ сдѣлать надъ собою большое усиліе, чтобы не проговориться.

Впору хоть сейчасъ уѣхать: до такой степени ему не по нутру этотъ Мезеринъ. Но съ какой же стати онъ первый обратится въ бѣгство? Да и какъ же ему, такъ безусловно преданному Витѣ, оставлять его въ сѣтяхъ этой «компаніи»?

Схватки съ Мезеринымъ неизбѣжны, какъ бы онъ самъ себя ни сдерживалъ.

Такъ или иначе, пускай даже онъ заслужитъ упрекъ въ недели-

катности, надо поговорить съ Витей серьезно о томъ, какъ онъ думаетъ устроить свои дѣла.

Вѣдь такой «охранитель», какъ Юрій Дмитріевичъ, да еще съ полученіемъ мѣста, можетъ вмѣшаться, если что-нибудь узнаетъ вò-время.

Давно пора было возвращаться домой. Они условились съ Витей пить чай въ началѣ девятаго.

Весь городъ былъ осмотрѣнъ. Вотъ и площадь, еще полная непролазной грязи.

Черенковъ взялъ по лѣвому тротуару отъ собора, и пошелъ по убогимъ мосткамъ съ огромными щелями между досокъ.

Чаю ему уже смертельно хотѣлось, но онъ всетаки замедлялъ свой военный шагъ.

Оба окна въ большой комнатѣ отворены.

Непріятно было ему и то, что Витѣ, вѣроятно, хотѣлось бы помѣстить Мезерина у себя; а комната занята имъ. Уступать этому господину онъ всетаки не желаетъ. Было бы для него и не особенной сладостью, еслибъ тотъ спалъ тутъ же, на полу.

Онъ долженъ былъ сознаться самому себѣ, что у него есть даже какая-то физическая брезгливость къ Мезерину, хотя въ немъ нѣтъ ничего противнаго и онъ могъ бы быть гораздо грязнѣе.

Да и какъ же ему, демократу и защитнику интересовъ народа, позволять себѣ такую щепетильность?

Въ томъ-то и дѣло, что Мезеринъ—не народъ. Это какой-то «изгòй».

Когда-то, въ книгѣ по исторіи русскаго права, онъ натолкнулся на этотъ терминъ: «изгòй».

Ученый авторъ силился объяснить, что̀ за люди въ древней Руси носили это прозвище и до сихъ поръ, кажется, не пришелъ еще къ положительному выводу.

Но «изгои» всетаки были. Самый звукъ показываетъ, что они стояли внѣ всякихъ другихъ сословій и не оставили въ общегосударственной и народной жизни никакихъ глубокихъ слѣдовъ.

Были «изгои»—и кончено!

Но тѣ, по крайней мѣрѣ, вошли въ исторію старорусскаго общества, хотя больше въ видѣ археологической находки.

«А нынѣшніе изгои,—разсуждалъ Черенковъ,—выросли, какъ грибы послѣ одного грозового ливня, надулись, покрыли собою цѣлую луговину и будутъ лопаться, какъ дождевики, и заражать воздухъ своей гнилой пылью».

Тихонько отворилъ онъ калитку.

ИЗДАНІЯ РЕДАКЦІИ
журнала „Русская Мысль“,

Складъ: Москва, Пименовская ул., Т-во Кушнеревъ и К°.

Библіотека „Русской Мысли“.

Сенкевичъ, Генр. Черезъ степи. Переводъ В. М. Лаврова. Ц. 40 к.

Баранцевичъ, К. С. Побѣда. На сѣверѣ дикомъ. Ц. 1 р.

Ожешкова, Элиза. Милордъ. Бабушка. Ц. 50 к. Изд. 2-е. Допущено въ народныя библіотеки и читальни.

Ремезовъ, М. Н. Іудея и Римъ. Картинки античнаго міра. Ц. 50 к.

Немировичъ - Данченко, Вл. Ив. Драма за сценой. Ц. 1 р.

Корелинъ, М. С., проф. Очерки Итальянскаго Возрожденія. Ц. 1 р. Допущено въ безпл. нар. библ. и читальни.

Немировичъ - Данченко, Вас. Ив. Лялька. Ц. 60 к.

Ожешкова, Элиза. Панна Рова. Великій. Среди цвѣтовъ. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 5 к.

Научно-популярная библіотека „Русской Мысли“.

(Подъ редакціей Е. А. Тимирязева и В. А. Гольцева.)

I. **Нассе и Лексисъ, В.** Металлическія деньги и валюта. Ц. 60 к. Допущено въ безпл. народныя библіотеки и читальни.

II. **Пере.** Умственное воспитаніе ребенка съ колыбели. Ц. 60 к.

III. **Дюкло.** Пастёръ. Изслѣдованіе о броженіи и самозарожденіи. Ц. 40 к. Одобрено для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

IV. **Бартъ, А.** Религіи Индіи. Ц. 1 р.

V. **Гауппъ, Отто.** Гербертъ Спенсеръ. Ц. 50 к.

VI. **Погожева.** Шериданъ. Школа злословія. Біографическ. очеркъ Шеридана. Ц. 60 к. Допущено въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства Мин. Нар. Просв.

VII. **Гиро, П., проф.** Фюстель де-Куланжъ. Перев. А. Н. Чеботаревской. Ц. 50 к. Допущена въ безплатныя народныя библіотеки и читальни, въ учительскія библ. средн. учеб. зав., семинарій и учительск. институтовъ.

VIII. **Дюкло.** Пастёръ. Зараэныя болѣзни. Ц. 40 к. Одобрено для фундамен. библ., гимназій и реальн. уч., для библ. учител. институт., семинар., учительск. библ. для низш. учеб. зав., для безплатн. народн. библ. и читаленъ.

IX. **Галле, Андре.** Бомарше. Перев. М. В. Лаврова. Ц. 40 к.

X. **Бертло.** Наука и нравственность. Ц. 60 к.

XI. **Геккель.** Натуралистъ подъ тропиками. Ц. 60 к.

XII. **Делажъ.** Наслѣдственность. Ц. 50 коп.

Изданія редакціи журнала „Русская Мысль“.

Женщина. Статьи г-жи Элизы Ожешковой, m-me Альфонсъ Доде, Пардо Базанъ, Лауры Маргольмъ, Карменъ Сильва, D. Menant. Ц. 40 к.

Козловъ, П. А. Полное собраніе сочиненій въ 4-хъ т. Ц. 5 р. Каждый томъ отдѣльно по 1 р. 50 к.

Корелинъ, П. С., проф. Иллюстрированныя чтенія по культурной исторіи. 5 вып. Одобрено для ученическихъ, средн. и старш. возр., библ. средн. учебн. завед. Цѣна за каждый вып. по 30 к.

Матушевскій, Игнацій. Дьяволъ въ поэзіи. Переводъ съ польскаго второго дополн. и переработаннаго изданія. В. М. Лаврова. Ц. 1 р.

Мачтетъ, Г. А. Силуэты. Томъ II. Въ тундрѣ и въ тайгѣ. Заклятый казакъ. Жидъ. Бѣлая Панна. Хамелеонъ. Пессимистка. Холера. Добрый волкъ. Ц. 1 р. 50 к.

Милюковъ, П. Н. Главныя теченія русской исторической мысли. Т. I. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к.

Ожешкова, Элиза. Повѣсти и разсказы. Томъ I: Сѣренькая идиллія. Сильный Самсонъ. Хамъ. Подвижница. Ц. 1 р. 50 к.

Ея же. Томъ II. Ни клочка. Смерть дома. Съ пожара. Четырнадцатая часть. Юльянка. Моментъ. Ц. 1 р. 50 коп. Перев. В. М. Лаврова.

Ея же. Надъ Нѣманомъ. Романъ въ 3 ч. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к.

Ея же. Сильвекъ. Ром. 2-хъ част. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 1 р.

Ея же. Меланхолики. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к.

Прусъ, Болеславъ. Изъ воспоминаній циклиста. Перев. съ польскаго. В. М. Лаврова. Ц. 75 к.

Сенкевичъ, Генрикъ. Повѣсти и разсказы. Изданіе 2-е, удешевленное. Перев. В. М. Лаврова, съ предисловіемъ В. А. Гольцева. Ц. 1 р. Допущено въ безплатныя народныя библіотеки и читальни, и учительскія библіотеки низшихъ училищъ.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

КНИГА V.

МОСКВА.

1904.

— Я въ писатели не мѣчу,—полушутливо отвѣтилъ онъ.

— Ну, выписки какія-нибудь... Знаете, чтобъ не было обидно получать простую благостыню. По своей спеціальности онъ здѣсь пробовалъ примоститься къ какому-нибудь для него подходящему рукомеслу. Граверовъ здѣсь въ городѣ не водится, каллиграфовъ тоже не требуется. Въ писцахъ былъ—и осѣкся. Сейчасъ подъ него конкуренты подкопались. У него де волчій паспортъ... выкрадетъ бумаги или что-нибудь въ этакомъ вкусѣ учинитъ.

Тутъ Черенковъ повернулъ голову въ ту сторону, гдѣ стоялъ Мезеринъ и, какъ бы про себя, спросилъ:

— Развѣ онъ... не административный?

Викторъ не сразу отвѣтилъ.

— Отбываетъ свой срокъ, — мягко выговорилъ онъ и сталъ наливать воды въ чайникъ.

— Стало, онъ не изъ такихъ?—вполголоса спросилъ Черенковъ.

— Да вы что же стѣсняетесь, Муринъ? Неужто съ буржуазными предразсудками совладать не можете?

Мезеринъ сѣлъ на край кровати.

— Вовсе нѣтъ!—почти обиженно откликнулся Викторъ.

— Такъ чего же вы? Или, быть можетъ, не хотите другихъ смущать?

Мезеринъ указалъ на Черенкова глазами, сзади. Онъ сидѣлъ такъ, что тому не видно было его.

Это заставило Черенкова повернуться къ нему вполоборота.

— Ужъ не я ли, господа? Пожалуйста, Витя... Я позволилъ себѣ самый простой вопросъ... Этотъ господинъ—вида неопредѣленнаго. Можетъ, раздѣляетъ вашу судьбу. А вы съ господиномъ Мезеринымъ говорите про него... точно онъ находится въ ссылкѣ, за... воровство-мошенничество! Согласитесь,—онъ посмотрѣлъ на Мезерина,—это не одно и то же.

— Какъ на чей взглядъ!—кинулъ тотъ и повелъ плечами.—Общество себя защищаетъ, вѣдь такова теорія... такъ ли? Однихъ кормитъ государство, а другихъ—господа обыватели, у которыхъ мошна набита, все времяпровожденіе и все достоинство въ томъ, что они отрѣзываютъ купончики и носятъ ихъ къ мѣнялъ.

— Позвольте-съ!—вспыхнулъ Черенковъ.— Можно не восхищаться такимъ порядкомъ вещей. Но отсюда еще огромная дистанція до защиты всякаго нравственнаго паденія.

— Слова громкія, а суть ихъ какая, позвольте полюбопытствовать. Не смѣй добывать себѣ жратву нелегальнымъ способомъ? Мы—отъявленные жулики, но мы надуваемъ почтеннѣйшую публи-

ку на основаніи уставовъ нашихъ обществъ. Изъ пустушекъ создаемъ капиталы... пускаемъ дутыя бумажки на биржу, вздуваемъ ихъ цѣну, ловимъ моментъ, когда ихъ надо продать и положить въ несгораемый шкапъ милліончики, созданные изъ ничего. Это выходитъ не воровство-мошенничество?

— Въ извѣстномъ смыслѣ, пожалуй!—соглашался Черенковъ.—Но это, прежде всего, игра. Вещь неодобрительная... однако, игроку, который спустилъ все и на одномъ волоскѣ отъ самоубійства, я еще подамъ руку, а фальшивому монетчику или поддѣлывателю чужихъ векселей—нѣтъ!

— Такъ вамъ надо мнѣ поставить колъ въ поведеніи за то, что я привелъ къ нему вотъ этого... званіемъ мѣщанина... Жилина, зная, что онъ былъ осужденъ съ лишеніемъ нѣкоторыхъ по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ... какъ разъ за недостаточное подражаніе подлиннымъ купонамъ. А ему,— онъ кивнулъ головою на Виктора, не вставая со своего мѣста,— ему за то, что онъ не смутился прошедшимъ Жилина и вотъ заставилъ васъ пить съ нимъ чай за компанію. По вашему—между нимъ и всѣми нами—бездонная пропасть?

— А по-вашему?—строго спросилъ Черенковъ, всталъ, отошелъ къ окну и сѣлъ на подоконникъ, ближе къ Мезерину.—А по-вашему,—повторилъ онъ,—нѣтъ этой пропасти?

— Ни Боже мой! Для того, кто признаетъ одинъ законъ,— законъ приспособленія, ежели изъ дарвиновской книжки взять готовую пропись. Кто меня поддержитъ, коли я самъ не зубастъ? И почему такой Жилинъ, въ минуту искушенія—искусъ тутъ шелъ отъ женскаго пола—не имѣлъ права такъ разсуждать: тузы-финансисты сфабриковали акціи съ купонами для насыщенія своей ненасытной утробы. Купоны ихъ подлинные. Почему? Потому что ихъ степенствамъ угодно было основать общество, фабрику, мануфактуру или другую какую мышеловку для биржевого покупателя. И я—когда у меня не оказалось другого исхода—пустилъ въ оборотъ такіе же кусочки бумажки. Они признаны незаконными, а я очутился за это на скамьѣ, между двумя архаровцами. *Э волà ту!*... какъ любилъ повторять отецъ Базарова, штабъ-лѣкарь Василій Иванычъ, мудрецъ, но великій буржуй-сентиментальщикъ.

Щеки Виктора стали розовѣть. Онъ молчалъ; но по движеніямъ руки видно было, что внутренно онъ волнуется.

— Послушайте, Константинъ Ивановичъ,—заговорилъ онъ, уже замѣтнѣе волнуясь.—Неужели нельзя протянуть руку помощи несчастному... раздавленному и опозоренному?

— Кто же это говоритъ, Витя?—крикнулъ Черенковъ, круто повернувшись къ нему.

— Но этого мало, Константинъ Ивановичъ,—продолжалъ также возбужденно Викторъ.—Подо всей формальной моралью общества—яма... И она только прикрыта...

— Навозомъ!—подсказалъ Мезеринъ и засмѣялся.

— И до тѣхъ поръ, пока всѣ основы добра и зла, дозволеннаго и преступнаго не будутъ каждымъ изъ насъ переоцѣнены... фарисейство и самообманъ — считать такого Жилина паріей, а себѣ подставлять пьедесталъ. Не могу я этого признавать, не могу!

— И спрашивать не у кого! — кинулъ Мезеринъ, вставая.— Вашъ бывшій наставникъ больно ужъ возмущенъ такой ересью...

Онъ взялъ свой картузъ, висѣвшій на вьюшкѣ печки.

— Надо еще покалякать. У меня будетъ сподручнѣе. Не завернете ли послѣ обѣда, такъ часу въ четвертомъ? Пристанища моего не запамятовали? Постоялый дворъ... на Прядильной, у самаго оврага. А теперь—прощевайте!

Мезеринъ пожалъ руку Виктору и, поклонившись Черенкову, у дверей пустилъ свое:

— Добраго здоровья!

Викторъ пошелъ его провожать, и Черенковъ видѣлъ въ окно, какъ они еще ходили по двору.

Это длилось минутъ пять.

У него стало пересыхать въ горлѣ. Онъ самъ налилъ себѣ чаю и въ два-три глотка осушилъ стаканъ.

Тихо вошелъ Викторъ.

Черенковъ повернулся къ нему лицомъ.

— Витя!—окликнулъ онъ его.—Неужели мы съ вами перестали понимать другъ друга?

— Константинъ Ивановичъ, — Викторъ стоялъ блѣдный посрединѣ комнаты. — Я это не на вѣтеръ сказалъ. Ни за кого, и еще менѣе за себя — отвѣчать нельзя... И то, что сегодня намъ кажется честнымъ и святымъ — то на завтра наше собственное «я» упразднитъ. Санкціи нѣтъ! Ни въ чемъ, ни въ чемъ!

Онъ ушелъ къ себѣ въ спальню и тотчасъ же легъ на кровать. «Все равно... я не могу оставить его въ лапахъ этого искусителя!»— горячо вскричалъ про себя Черенковъ.

XXVII.

Викторъ проснулся позднѣе обыкновеннаго—Черенковъ ушелъ купаться—но еще съ полчаса лежалъ въ постели.

Ему было сильно не по себѣ—не физически, а душевно.

Жизнь—какъ всегда—сильнѣе всякихъ личныхъ желаній и симпатій.

Неужели онъ долженъ разойтись съ добрѣйшимъ Константиномъ Ивановичемъ?

Отвѣтить самой «черной» неблагодарностью на его преданность... прямо любовь?

Теперь, когда у него нѣтъ уже «своихъ», когда отецъ, братъ, сестра для него не существуютъ, Константинъ Ивановичъ—единственный родной.

Но будь онъ его отецъ... какого еще отца можно желать? Но и съ такимъ отцомъ они очутились бы на разныхъ берегахъ.

Жизнь сильнѣе!

То, что вышло здѣсь, въ послѣдніе три дня, до отъѣзда Мезерина, натянуло струны.

Константинъ Ивановичъ почти явно сталъ говорить о Мезеринѣ, какъ о подозрительномъ «индивидѣ», который желаетъ залѣзть въ карманъ его бывшему питомцу. Онъ—со слезами на глазахъ—умолялъ его ничего не предпринимать рѣшительнаго со своимъ имѣніемъ, не предупредивъ его.

Дать слово онъ не можетъ. Съ какой стати будетъ онъ надѣвать на себя такую узду?

У Мезерина свой гоноръ, очень понятный. Не трудно было раскусить, какъ Черенковъ смотритъ на него, въ чемъ способенъ подозрѣвать.

Тотъ такъ и сказалъ ему на прощанье:

— Теперь дѣло мое не фитýлить. Ежели ваша личность пожелаетъ надѣть помочи вашего бывшаго пестуна, какъ милости вашей будетъ угодно.

То, что онъ предлагалъ ему и на письмахъ—дѣло честное и осуществимое. Это не сектантская утопія, не фаланстерія, не общежитіе опростившихся интеллигентовъ, а настоящая кооперація такихъ вотъ *людей воли,* какъ они, способныхъ на трудъ, желающихъ отдаться радостямъ жизни «на свой страхъ».

Но нужны деньги на покупку участка на льготныхъ условіяхъ, на новыхъ мѣстахъ, на Черномъ морѣ, въ прекрасномъ климатѣ, гдѣ можетъ расти и виноградъ, и пальма, и чайное дерево.

— Отдавайте намъ даромъ часть вашей земли,—говорилъ онъ, прощаясь съ нимъ на станціи,— мы бы не взяли. Это все пахнетъ старымъ, счетами съ мужикомъ; а кругомъ—все та же мерзость запустѣнія.

Будь Черенковъ въ другихъ чувствахъ къ Мезерину, онъ могъ бы принять участіе въ такихъ разговорахъ.

Но при немъ нельзя было ихъ вести, не рискуя очутиться между двухъ огней.

Сегодня, послѣ утренняго чая, Черенковъ уѣзжаетъ—огорченный. Вѣроятно, будетъ еще объясненіе.

Въ первую комнату кто-то вошелъ.

— Это вы, Константинъ Ивановичъ?

— Никакъ нѣтъ-съ. Курьеръ съ телеграфа. Господину Мурину депеша.

— Сейчасъ! Минутку подождите.

Викторъ вскочилъ съ постели и началъ поспѣшно умываться.

Депеша не испугала его, а только немного смутила.

Она могла быть отъ Мезерина.

И тогда это что-нибудь дѣловое, требующее немедленнаго рѣшенія.

Подойдетъ Черенковъ. Можетъ вернуться сейчасъ, увидитъ телеграфиста и если узнаетъ отъ кого, еще болѣе огорчится.

Телеграфистъ въ парусинномъ китель и широкихъ штанахъ, запущенныхъ въ сапоги, стоялъ у притолки.

— Вашей милости... Благоволите расписаться.

Получивъ на чай гораздо больше, чѣмъ онъ ждалъ, курьеръ удалился очень радостный.

Викторъ вскрылъ депешу все съ тѣмъ же тревожнымъ чувствомъ.

«Буду на вашей станціи сегодня, въ четверть одиннадцатаго. Не трудитесь встрѣчать. Останусь нѣсколько дней.

«Ягодина».

Депеша была послана съ дороги.

Настя! Онъ не ждалъ ея и больше мѣсяца не имѣлъ о ней никакихъ извѣстій.

Она оставалась въ Петербургѣ послѣ него. Потомъ очутилась гдѣ-то по близости, по финляндской дорогѣ; черезъ мѣсяцъ пришло отъ нея письмо изъ Твери, безъ всякихъ подробностей. Можно было понять, что она простудилась; но лежитъ ли въ постели—этого въ письмѣ не было. Писать ей надо было до востребованія.

Онъ спрашивалъ ее: не нужно ли чего, хотѣлъ послать прямо денегъ; но боялся, что выйдетъ путаница.

Потомъ пришло письмецо въ одну страничку уже изъ Москвы. По нѣсколькимъ словамъ онъ догадался, что она дома.

И опять три недѣли безъ всякихъ извѣстій, а онъ писалъ ей два

раза огромныя письма, цѣлыя тетради. Справиться о ней не у кого было. У нихъ нѣтъ тамъ ни единаго общаго знакомаго.

И вдругъ на той недѣлѣ, какъ разъ передъ пріѣздомъ Черенкова, пришла депеша:

«Такъ рада! Могу навѣстить васъ. Подробности письмомъ».

Но письма онъ все ждалъ; спрашивалъ Мезерина; тотъ тоже ничего не могъ ему сказать, кромѣ того, что она опять хворала. Переписка между ними была рѣдкая, и Викторъ нашелъ, что тотъ говорилъ о ней совсѣмъ не въ прежнемъ тонѣ.

Это вызвало въ немъ даже тревожное раздумье. Но разспрашивать Мезерина отъ не хотѣлъ, какъ бы боясь, что узнаетъ что-нибудь, къ чему онъ не желалъ прикасаться.

Стало быть, Настасья Матвѣевна пріѣдетъ съ тѣмъ поѣздомъ, который возьметъ Черенкова: она изъ Москвы, онъ въ противоположную сторону.

Черенковъ можетъ и тутъ заподозрить какой-то уговоръ: сначала явился Мезеринъ, потомъ преданная ему дѣвица—обрабатывать бѣднаго Витю.

Пускай его! Это уже болѣе не смущало Виктора, а скорѣе забавляло.

На станціи они встрѣтятся: одна изъ вагона, другой въ вагонъ—вотъ и все.

Онъ сталъ оживленно одѣваться и по-городскому надѣвать крахмальную рубашку и свѣтлую новую пару.

Долгушка будетъ готова для Черенкова. На ней онъ повезетъ со станціи Настасью Матвѣевну и помѣститъ ее въ меблированныхъ номерахъ, единственныхъ во всемъ городѣ. Тотъ постоялый дворъ, гдѣ жилъ Мезеринъ, слишкомъ первобытенъ.

Дѣлать изъ депеши тайну передъ Константиномъ Ивановичемъ—съ какой же стати? Только бы сейчасъ не вышло чего-нибудь безплодно-тяжелаго передъ прощаньемъ..

Черенковъ тихо вошелъ, когда Викторъ кончалъ у себя одѣваться.

Взглянувъ на Виктора—тотъ показался въ дверяхъ—Черенковъ спросилъ:

— Куда это вы такъ разодѣлись?

— Хочу проводить васъ.

— Изъ-за чего же вамъ трястись по сквернѣйшей дорогѣ цѣлую версту?

Черенковъ подошелъ къ нему и положилъ обѣ руки на плечи.

— Простите мнѣ мое приставанье, Витя. У васъ своя голова на

плечахъ. Не хочу ни о комъ дурно думать. Но вѣрьте мнѣ, душа моя, нельзя вамъ оставаться здѣсь. Около васъ нѣтъ никого, кто бы втянулъ васъ въ общую жизнь. Еслибъ вы пожелали, можно было бы добиться перевода въ наши палестины. Но для васъ я и мое дѣло, и всѣ тѣ, съ кѣмъ бы я свелъ васъ и во что втянулъ бы—все это выдохшееся просвѣтительство. Простите! И знайте, что вашъ бывшій менторъ явится къ вамъ по первому зову.

— Константинъ Ивановичъ! Дорогой!

Голосъ Виктора дрогнулъ. Онъ обнялъ Черенкова, весь трепетный.

— Выслушайте меня.

Онъ подвелъ Черенкова къ дивану и усадилъ его.

— Знаю, что вы мнѣ скажете, Витя. Вы мнѣ скажете, какъ мужики говорятъ: «не замайте!» Пускай все перегоритъ въ васъ. Прекрасно! Но вѣдь тутъ идетъ дѣло не объ одномъ мнѣніи, а также и о поступкѣ.

— Вы боитесь, что меня проведутъ? Ну, а еслибъ я захотѣлъ поступить, какъ истый кающійся дворянинъ и отдать все мужикамъ, а самъ пойти въ батраки? Какъ убѣжденный народникъ, вы должны бы преклоняться передо мною.

— Я не знаю.

— Какъ же иначе?

— Нельзя интеллигенціи оставаться безпомощной, не имѣть никакой заручки. Все для народа, но безъ неразумныхъ увлеченій. Иначе интеллигенція — черезъ двадцать-тридцать лѣтъ—затерялась бы въ безправной сѣрой массѣ. Это не мой идеалъ.

— Чудесно!... Можетъ быть, я иду еще дальше васъ, Константинъ Ивановичъ. Но я хочу дѣйствовать на полной волѣ, хоть въ этомъ!

— Пусть будетъ такъ!—выговорилъ со вздохомъ Черенковъ.— Только имѣйте хоть крошечку довѣрія къ вашему эксъ-ментору.

Сѣрые круглые глаза Черенкова смотрѣли съ такой нѣжностью на Виктора, что тотъ схватилъ руку его и сталъ пожимать.

Все въ этомъ добрѣйшемъ существѣ дышало искренностью. Никакихъ секретовъ не можетъ быть у него отъ своего бывшаго питомца. Если Викторъ мало зналъ про его интимную жизнь, то потому только, что самъ не интересовался.

И ему, въ эту минуту, стыдно стало скрытничать и насчетъ своей гостьи, тѣмъ болѣе, что они поѣдутъ на станцію вмѣстѣ и встрѣча Насти съ Черенковымъ неизбѣжна.

— Константинъ Ивановичъ! Мы ѣдемъ вмѣстѣ на станцію, послѣ чаю.

— Зачѣмъ вы будете безъ толку трястись?

— Все равно... Я долженъ...

Онъ указалъ рукой на депешу, брошенную имъ на столъ.

— Вотъ сейчасъ получилъ телеграмму. Гостья ко мнѣ.

— Гостья?

— Да... Настасья Матвѣевна Ягодина.

— Это московская курсистка?

Черенковъ чуть было не обмолвился: «которая васъ подвела въ Петербургѣ».

— Да... она.

Отвѣтъ звучалъ радостно, безъ всякой сдержанности.

— Радъ за васъ!

Черенковъ не хотѣлъ уже ни въ чемъ подозрѣвать эту дѣвушку.

Витя, изъ цѣломудренности, стѣснялся говорить ему о своей любви; а если и въ самомъ дѣлѣ между ними только одно пріятельство, тѣмъ лучше!

И обоимъ стало весело. Они тотчасъ сѣли за самоваръ, и Черенковъ сказалъ ему, въ видѣ заключительнаго аккорда:

— Мечта моя—переселить васъ къ намъ. Нашъ городъ не университетскій. Когда вамъ придется здѣсь ужъ очень тоскливо—попроситесь. И мы, съ своей стороны, пустимъ кое-какія пружины. .

. . . . . .

Долгушка везла со станціи Виктора и Ягодину. Ея чемоданъ и два узла лежали по одной сторонѣ; а они сидѣли на другой, тѣневой половинѣ.

Встрѣча съ Черенковымъ на станціи обошлась совсѣмъ гладко. Настя узнала его сейчасъ же и очень ласково съ нимъ простилась.

Дорогой они возбужденно начинали говорить то о томъ, то о семъ. И онъ, и она чувствовали, что не могутъ еще найти тона.

Настя сильно измѣнилась: цвѣтъ лица пропалъ, все оно какъ бы потемнѣло. Не желая этого, Викторъ уже сказалъ про себя:

«Она, бѣдная, сильно подурнѣла».

И онъ, на ея оцѣнку, не менѣе сильно измѣнился; но сталъ «интереснѣе». Его худоба, и блѣдность, и запущенные волосы—все это очень шло къ нему.

Голосъ—еще задушевнѣе и музыкальнѣе.

И весь онъ какъ-то по *новому* сталъ ей близокъ. Но она не сказала ему этого сразу.

— Вѣдь вы не ко мнѣ же только поѣхали?—спрашивалъ онъ, когда они усѣлись въ долгушку, завернувъ сначала въ номера.

Комнату онъ уже снялъ для нея. Тамъ они оставили всѣ ея вещи и поѣхали дальше.

— Куда я ѣду, Муринъ?... Лѣчиться... въ степи, къ киргизамъ, на кумысъ.

— Развѣ... это, необходимо?—съ тревогой спросилъ Викторъ.

— Весьма. Въ Москвѣ я была у двухъ свѣтилъ... И тотъ и другой нашли одно и то же... Остатки эксудата... отъ петербургскаго плеврита, плохо залѣченнаго.

Она взглянула на него.

— Вотъ бы и вамъ, Муринъ!... Да крылья подрѣзаны.

Настя хотѣла было разсмѣяться. Но тотчасъ же опустила глаза и вздохнула.

— Сколько же деньковъ подарите мнѣ?

— Поживу... У васъ большія строгости насчетъ пріѣзжихъ?

— Не знаю. Я вѣдь на особомъ положеніи. Урядникъ, вѣроятно, сдѣлаетъ отмѣточку, съ кѣмъ вы знакомы.

— И вы... здѣсь совсѣмъ, совсѣмъ одинъ?

— Какое же одинъ! Вотъ только что проводилъ Черенкова, какъ и вы пожаловали. И Мезеринъ былъ здѣсь... Скоро вернется. Да развѣ вы съ нимъ не списывались?

Вопросъ Виктора вышелъ не съ такой интонаціей, какъ бы онъ самъ желалъ.

— Я знала, что онъ у васъ будетъ,—тоже не совсѣмъ своимъ тономъ отвѣтила она. Мы встрѣтились по дорогѣ.

— Вотъ теперь?

— Да. Совершенно неожиданно.

Ему стало дѣлаться жутко.

«Зачѣмъ она чего-то не договариваетъ?»

Вѣдь будь тутъ Константинъ Ивановичъ, онъ нашелъ бы поводъ заподозрить ее.

— Мезеринъ... еще побываетъ здѣсь?—переспросила она.

Въ томъ, какъ она произнесла его фамилію, не было прежняго оттѣнка.

— Обѣщалъ.

— А-а!

И тотчасъ же она перешла къ другому.

Долгушка качала ихъ немилосердно, попадая изъ выбойны въ выбойну. Кое-гдѣ торчали булыжники, и колеса стукали о нихъ.

— Кто бы предсказалъ, Муринъ... какихъ-нибудь четыре мѣсяца назадъ, что мы свидимся съ вами въ этой...

— Щели!—подсказалъ онъ.

И точно она въ первый разъ вспомнила это, Настя протяжно произнесла:

— Вѣдь мы не видались съ того вечера... когда вы проводили меня до подъѣзда и обѣщали зайти на другой день.

— Такъ, такъ! Что-жъ... про меня вы все знали.

— И въ этомъ я виновата,—перебила она его,—слишкомъ мало и рѣдко писала вамъ. Такъ все это вышло гадко, и тревожно, и безтолково. Не можетъ наша сестра ни въ чемъ равняться съ вами, мужчинами!—вырвалось у ней съ сильнымъ жестомъ.

— Полноте! Оттого что не было у васъ охоты или здоровья, или времени исписывать цѣлыя тетради, какими я васъ угощалъ! Оттого что женщина менѣе головастикъ, чѣмъ нашъ братъ!

. . . . . .

Самоваръ опять былъ приготовленъ на столѣ, когда Настя и Викторъ вошли въ комнату, откуда постель для Черенкова не была еще вынесена.

— Какъ много свѣта!—воскликнула она, остановившись посреди комнаты.—Даже и не вѣрится, что это ваша подневольная квартира, Викторъ Юрьевичъ!

Едва ли не впервые она назвала его по имени и отчеству. Съ первыхъ разговоровъ, еще въ Москвѣ, она, по студенчески, звала его Муринъ.

— Снимите шляпу, Настасья Матвѣевна. Не угодно ли умыться въ той комнатѣ?

Еслибъ кто-нибудь невидимо присутствовалъ тутъ и слышалъ, какъ они говорятъ другъ съ другомъ, первый Черенковъ сразу бы почуялъ, что они не увлечены другъ другомъ нисколько.

И Настя инстинктомъ женщины сейчасъ же поняла, что тотъ маленькій «интересецъ» къ ней, какой былъ въ Викторѣ въ Петербургѣ—улетучился.

Это ее не задѣло. Ей даже стало такъ гораздо удобнѣе.

— Сейчасъ заварю! Пожалуйте.

Викторъ повеселѣлъ. И ему было удобнѣе. Эта дѣвушка была ему такъ же симпатична и близка, какъ и полгода назадъ, какъ и позднѣе, послѣ ихъ «глупой исторіи», когда онъ писалъ ей отсюда огромныя письма.

Онъ, не впадая въ самообманъ, могъ сказать, что его чувство

къ ней лишено всякой примѣси и не потому только, что она подурнѣла.

— Такъ вотъ какъ, Викторъ Юрьевичъ,—заговорила Настя, оглядываясь во всѣ стороны.—Вы на срокъ?

— На срокъ.

— А потомъ?

— Не знаю, Настасья Матвѣевна.

— Все же обидно!

Она пододвинула свой стулъ и протянула ему обѣ руки.

— И все это изъ-за меня!

Слезы заблестѣли на ея красивыхъ рѣсницахъ.

— Полноте!

— Да, изъ-за меня. А то какъ же?

— Чистая случайность!

— Я ни подъ какимъ видомъ не должна была отдавать того злосчастнаго мѣшка.

— А мнѣ самому не могли принести его?

— Кто? Васъ никто не зналъ.

— Да вотъ первый Константинъ Ивановичъ. Я ему не отказалъ бы... да или нѣтъ?

— Непростительно съ моей стороны, милый мой Викторъ Юрьевичъ, непростительно было выказать себя такъ малодушно. Но дѣло не во мнѣ. Я получила заслуженное. Да и то не такъ. Меня побезпокоили, подержали... и вотъ видите, я на волѣ, а вы...

Викторъ жалъ ей руки и повторялъ все:

— Перестаньте, милая моя сестричка! Никто тутъ не виноватъ. И я не жалуюсь. Такъ лучше!

— Лучше?

— И Мезеринъ это находитъ.

— Мало ли что!

Лицо ея быстро затуманилось, точно отъ одного имени Мезерина.

«Что это такое?» спросилъ про себя Викторъ.

XXVIII.

На другой день, раннимъ послѣобѣдомъ, они пошли гулять за городъ, на старую большую дорогу съ кое-гдѣ уцѣлѣвшими березами.

Они незамѣтно сдѣлали больше четырехъ верстъ. Сохранились еще и облупленные верстовые столбы, выкрашенные въ три цвѣта.

Въ луговинахъ пахло скошеннымъ сѣномъ. Кругомъ стояла глубокая тишина. На небѣ ни облачка.

— Устали?—спросилъ Викторъ свою спутницу.—Не хотите?

Онъ предложилъ ей руку.

— Нѣтъ, Викторъ Юрьевичъ. Такъ удобнѣе идти. Мнѣ очень хорошо дышится, и ночью я мало кашляла.

— Пѣтухи не разбудили на разсвѣтѣ?

— Не слыхала.

На спускѣ въ овражекъ, около самой дороги, стоялъ одинокій амбарчикъ; но деревень что-то не видно было поблизости.

— Присядемъ! Вотъ на крылечко!—указалъ Настѣ Викторъ.

Они сѣли въ тѣни, которую бросалъ навѣсъ амбарчика.

Оттуда пахло зерномъ и еще чѣмъ-то хозяйственнымъ.

— Настасья Матвѣевна?—окликнулъ онъ, не глядя на нее.

Онъ сидѣлъ нагнувшись и чертилъ по землѣ палкой.

— Что другъ, Викторъ Юрьевичъ?

— Можно спросить объ одной вещи?

— Хоть о десяти.

— Пожалуй, невпопадъ?

— Какіе же счеты между нами?

Не оглядываясь на нее, онъ произнесъ потише:

— Вы ничего, вотъ уже второй день, не говорите про Глѣба Саввича.

— Про Мезерина?—откликнулась Настя и повела головой.—Будто такъ-таки ничего?

— Какъ пріѣхали... сказали два-три слова. Значитъ, вы съ нимъ встрѣтились по дорогѣ?

— Встрѣтились.

— Случайно?

Настя помолчала.

— Нѣтъ, не случайно. Я ему писала, что ѣду на кумысъ и собираюсь навѣстить васъ.

— Вы къ нему попрежнему относитесь?

И, точно застыдившись своей нескромности, онъ досказалъ тревожно:

— Можетъ быть, вамъ такой вопросъ непріятенъ, Настасья Матвѣевна?

— Вовсе нѣтъ! У насъ съ нимъ никакой размолвки не было.

— Я этому сердечно радъ!

— Но... Мезеринъ теперь для меня не тотъ, котораго я знавала въ Москвѣ.

— А развѣ онъ настолько измѣнился?

— Да вы сами,—она обернулась къ нему,—не нашли развѣ, что онъ, прежде всего... повторяется?

— Онъ мало говоритъ отъ себя... и о себѣ. Здѣсь онъ долженъ былъ спорить съ Черенковымъ, а тому онъ несимпатиченъ.

Настя присѣла поближе.

— Дѣло прошлое, Викторъ Юрьевичъ. Я имъ была увлечена..- въ Москвѣ. Письма его сначала меня бодрили, а потомъ потеряли прежній букетъ. И потомъ...

— Если вамъ трудно, не говорите...

— Это не меня одной касается и можетъ показаться пересудомъ. На васъ онъ смотритъ не такъ, какъ бы слѣдовало...

— Со мной онъ не хитритъ,—нервнѣе возразилъ Викторъ.

— Онъ ни съ кѣмъ не церемонится. Что же ему хитрить?... А слишкомъ свысока!

Она опять примолкла, опустила голову и концомъ зонтика начала также чертить по землѣ.

— Говорить ли?

— Не нужно, разъ это васъ затрудняетъ.

— Дѣло не обо мнѣ идетъ. Что-жъ! Онъ хоть и довѣряетъ нашей съ вами дружбѣ... но у него на женщину взглядъ ницшеанскій. А я знаю, что какъ къ вамъ, такъ же бы относилась и къ брату... И вотъ у насъ вышла недомолвка изъ-за того дѣла, которое онъ затѣваетъ тамъ... на Черномъ морѣ, и куда желаетъ втянуть васъ.

— Почему же втянуть, Настасья Матвѣевна?

На него пахнуло подозрѣніями Черенкова.

— Простите... я слишкомъ рѣзко выразилась. Отговаривать я васъ не стану, потому что ничего положительнаго не знаю... И въ честности его не сомнѣваюсь...

— Это важнѣе всего!

— Но съ нимъ я бы не пошла въ общее дѣло. Вы вѣдь не капиталистъ, не банкиръ. Далъ денегъ и бери проценты. Вы вѣдь захотите тоже принять участіе въ томъ, что онъ считаетъ такимъ новымъ и идейнымъ дѣломъ? А съ нимъ вамъ не ужиться. Придетъ такой моментъ, и вы скажете ему: «любезнѣйшій Глѣбъ Саввичъ! Я не глупѣе васъ и на чужихъ помочахъ ходить не желаю!»

Въ голосѣ Насти Виктору заслышались новые звуки.

«Неужели оттого,—подумалъ онъ,—что Мезеринъ совсѣмъ отошелъ отъ нея, какъ мужчина?»

— Что-жъ... каюсь,—продолжала Настя все въ томъ же тонѣ,—его личность и все, что онъ говорилъ, влекло меня. И васъ вѣдь также, Викторъ Юрьевичъ?

Викторъ, безъ словъ, кивнулъ головой.

— Но когда я въ послѣднее время стала похладнокровнѣе разбираться и въ томъ, и въ другомъ, я увидѣла довольно таки явное противорѣчіе... что-то составленное, я бы сказала: самодѣльное, изъ двухъ разнокалиберныхъ элементовъ...

«Да и Константину Ивановичу впору такъ говорить»—подумалъ Викторъ.

— Въ чемъ же вы это видите?

Онъ поглядѣлъ на нее вбокъ.

Настя сидѣла все въ той же позѣ, наклонивъ книзу голову, съ руками, опущенными на колѣни, и на него не смотрѣла.

Но тутъ она повернулась къ нему лицомъ.

Такого выраженія у ней еще не бывало, когда разговоръ шелъ о Мезеринѣ.

— Какже... Разсудите! Что же такое его призывъ къ полной личной жизни? Я уже не говорю о томъ, что это теперь новая расхожая монета. Не онъ ее пустилъ въ ходъ. Идетъ она отъ нѣмцевъ.

— Положимъ,—согласился Викторъ.

— Въ русской кожѣ нашъ Глѣбъ Саввичъ выученикъ того нѣмца, который пожелалъ все переоцѣнить въ идеяхъ и правилахъ культурнаго человѣчества.

— Все дѣло въ томъ,—остановилъ Викторъ,—какъ усвоить себѣ извѣстное ученіе.

— Вотъ тутъ-то и оказывается... если не фальшь, то явный сумбуръ, или по меньшей мѣрѣ самообманъ.

— Ну, Настасья Матвѣевна,—живѣе возразилъ Викторъ,—въ чемъ другомъ, а въ самообманѣ Мезерина трудно обвинить.

— Дослушайте меня!—горячо воскликнула Настя.—Разъ я за торжество своего *я*, какъ же я могу вдаваться въ мечтанія о всеобщемъ соціальномъ раѣ?

— Развѣ въ Мезеринѣ это есть?

— А то какъ же? И весьма! И въ этомъ есть даже, по моему, сознательная политика.

Викторъ взглянулъ на нее.

— Вы его слушаете и вамъ кажется, что онъ преисполненъ самаго заядлаго ницшеанства. Но если слушаютъ его тѣ, кого мы съ вами, съ его словъ, привыкли звать панурговымъ стадомъ, въ шорахъ, онъ пускаетъ — вродѣ вагнеровскаго лейтъ-мотива — такія ноты, которыя ласкаютъ ихъ нутро. Развѣ это не двоевѣріе, не самообманъ, если не завѣдомая ложь... и даже политика?

— Во имя чего?

— Ха-ха! Во имя чего? Ахъ вы, святая душа! Популярность... честолюбіе, мечта попасть въ вожаки цѣлыхъ массъ. Онъ еще молодой мужчина, передъ нимъ тридцать, сорокъ лѣтъ жизни. И теперь уже его считаютъ какимъ-то «княземъ-невидимкой»: и здѣсь, и тамъ.

— Вы такъ о немъ заговорили, Настасья Матвѣевна,—началъ Викторъ почти смущенно—точно онъ что-то вродѣ интеллигентнаго бродяги... безъ мѣстожительства и опредѣленной профессіи.

— А вы знаете доподлинно: кто онъ?

— Служитъ чѣмъ-то на желѣзной дорогѣ.

— Вамъ кто же это подтверждалъ?

— Я ему адресовалъ такъ письма.

— И я также... но только съ передачей ему.

— Развѣ это не все равно? Для насъ съ вами?—построже возразилъ Викторъ.

— И оказывается,—продолжала Настя, щеки ея стали розовѣть,—оказывается, его знаютъ, какъ что-то вродѣ агента какого-то промышленника на Волгѣ. Тѣ, кто мнѣ это разсказывалъ, хорошіе, честные люди.

— Это его дѣло, Настасья Матвѣевна.

— Они ѣхали вмѣстѣ на пароходѣ. И онъ ихъ также сталъ привлекать,—она протянула эти слова—и вообще очень заинтересовалъ ихъ. Съ нимъ ѣхала и его жена... или подруга, я ужъ не знаю... по крайней мѣрѣ онъ выдавалъ ее за жену.

— Это, опять-таки, его дѣло, Настасья Матвѣевна.

— Муринъ! Вы, пожалуй, подумаете, что я все это... изъ женскаго самолюбія. Мнѣ Богъ съ нимъ... какую онъ выбралъ себѣ подругу жизни.

— Что же тутъ мудренаго? Онъ изъ простого званія, женился рано. Натура цѣльная.

— Ну да, ну да, это все при немъ останется,—перебила Ягодина, не сбавляя тона.—Но разъ въ человѣкѣ не находишь именно цѣльности... какъ вы сейчасъ сказали, онъ теряетъ престижъ.

— Очень жаль!—искренно вымолвилъ Викторъ.—Не пора ли въ обратный путь?—спросилъ онъ, поднимаясь. Самоваръ, навѣрно, уже вскипѣлъ въ первый разъ.

— Идемте!

Они шли съ полверсты молча и все подъ гору, вдоль рва, идущаго за березами большой дороги.

Разговоръ о Мезеринѣ вызвалъ въ Викторѣ двойственное чувство: недовольство и тѣмъ, какъ пошелъ этотъ разговоръ со стороны Насти, и тѣмъ, какъ слабо онъ самъ защищалъ Мезерина.

Но что-то въ немъ запало отъ Насти гораздо сильнѣе, чѣмъ отъ всѣхъ разносовъ Черенкова, хотя онъ и не могъ отдѣлаться отъ мысли, что «какъ-никакъ», въ ней заговорило и женское чувство.

Теперь она Мезеринымъ нисколько не увлечена, какъ «властителемъ» своихъ думъ, но не оттого ли, что она стала къ нему болѣе, чѣмъ равнодушна, какъ къ мужчинѣ?

На полпути, около той рѣчки, гдѣ купался по утрамъ Черенковъ, они сѣли въ тѣни двухъ дубковъ, на лужайкѣ, съ мягкой, еще нескошеной травой.

Городокъ оттуда весь былъ виденъ въ лощинѣ, съ рѣзкой бѣлизной колокольни собора.

— Вонъ ваша обитель,—указала Настя зонтикомъ.

— Обитель,—повторилъ Викторъ и улыбнулся.

— По правдѣ сказать, Муринъ... я вамъ завидую... Разумѣется... я никакъ не могу себѣ простить того, что вы въ этой обители изъ-за меня...

— Настасья Матвѣевна!

— Но вы здѣсь вѣдь на срокъ... И, право, было бы лучше, еслибъ меня... препроводили также... вотъ на такое подневольное пребываніе.

— Вы—серьезно?

— Вполнѣ. Оттого, что я теперь опять на распутьи. Моя петербургская экскурсія кончилась... вы знаете какъ. Еслибъ меня и пустили туда, я бы не поѣхала. И пришлось вернуться подъ родительскій кровъ. На отца я не могу пожаловаться. Онъ обошелся со мною очень корректно. На его же счетъ я ѣду и на кумысъ. Ну, поправлюсь... вернусь въ Москву... И что же? Я не знаю... Опять курсы, опять тѣ же разговоры, волненія, сутолока... опять перспектива попасть въ какую-нибудь катавасію, безъ всякой вѣры въ то, что это чему-нибудь послужитъ.

Она закрыла себѣ лицо ладонями рукъ.

Викторъ ждалъ, что она заплачетъ.

Но она отняла руки отъ лица, взглянула на него и полушутливо протянула:

— Хоть бы кто-нибудь *приписалъ* насъ куда-нибудь!

. . . . . .

За самоваромъ они оба точно по уговору не возвращались уже больше ни къ одной изъ темъ ихъ разговора во время прогулки за городъ.

Настя начала разсказывать ему про свою поѣздку. Она вѣрила только въ настоящій кумысъ, въ степи, а не въ заведеніяхъ, по

Волгѣ. Она не боялась жить, если нужно, въ кибиткѣ. Жаръ она любила.

На Волгу она поѣдетъ въ первый разъ и ждетъ отъ проѣзда на пароходѣ бодрящихъ впечатлѣній.

А на обратномъ пути она опять заѣдетъ сюда.

Къ чаю подали земляники и прекрасныхъ сливокъ. Они оба принялись за этотъ десертъ съ большимъ аппетитомъ.

На площади, съ обѣда, замѣчалось какое-то необычайное движеніе—проѣзжалъ исправникъ, ходили урядники. Нѣсколько разъ прокатила чья-то коляска тройкой, съ бубенчиками и сборной франтовской сбруей.

И Викторъ, и его гостья не обратили на это особеннаго вниманія.

Только что они принялись за землянику со сливками, на дальнемъ концѣ площади, взбивая клубы пыли, показались два экипажа: впереди та самая коляска тройкой, которая проѣзжала днемъ, и за ней пролетка, гдѣ сидѣли двое, въ полицейской формѣ, безъ шинелей, въ барашковыхъ шапкахъ.

— Посмотрите,—первая указала Настя, взглянувъ въ открытое окно.—Сюда ѣдетъ какая-то особа! Ужъ не къ вамъ ли?

Викторъ поглядѣлъ туда же въ другое окно, приходившееся прямо противъ его стула.

Тройка была уже въ нѣсколькихъ саженяхъ.

Въ коляскѣ сидѣлъ плотный господинъ съ сѣдой бородой, въ фуражкѣ съ краснымъ околышемъ и въ форменномъ сюртукѣ съ густыми жгутами на плечахъ.

«Неужели отецъ?»—спросилъ себя Викторъ, подаваясь впередъ головой.

И сейчасъ же вспомнилъ онъ, что отъ кого-то слышалъ о скоромъ назначеніи новаго начальника губерніи.

— Какая это особа?—шутливо спросила Настя.

— Это... кажется... отецъ мой.

— Ревизуетъ губернію? Или хочетъ осчастливить васъ своимъ наѣздомъ?

— Я не знаю.

Коляска круто повернула къ дому. Пролетка, гдѣ сидѣли два полицейскихъ, заѣхала съ другого конца и остановилась раньше коляски. Одинъ изъ полицейскихъ побѣжалъ въ калитку и отперъ ворота.

Черезъ минуту, дверь изъ маленькой прихожей растворилась, и въ комнату вошелъ Юрій Дмитріевичъ Муринъ—одинъ. Оба полицейскихъ остались: одинъ у пролетки, другой у крыльца на дворѣ.

Викторъ, безъ признаковъ смущенія, поклонился отцу и, указывая на Настю, сказалъ: «Госпожа Ягодина», а ей сказалъ: «отецъ мой».

. . . . . .

Юрій Дмитріевичъ сидѣлъ на диванѣ.

Сынъ его стоялъ у кровати, которую все еще не прибрали, послѣ Черенкова, взявшись рукой за ея нижнюю спинку.

Настя удалилась черезъ нѣсколько минутъ по появленіи Мурина-отца.

Онъ не сказалъ ей ни одного слова.

Краснота щекъ Юрія Дмитріевича выдавала его сангвиническую возбужденность.

Кажется, онъ заѣхалъ къ сыну послѣ обѣда, даннаго ему здѣсь.

Викторъ, блѣдный, съ блестящими глазами, глядѣлъ не на отца, а вбокъ, въ открытое окно.

Разговоръ между ними шелъ отрывисто. Отецъ его бросалъ вопросы не такъ, какъ это дѣлается на допросѣ, но и не въ тонѣ родственной бесѣды.

Закуривъ сигару, Юрій Дмитріевичъ разстегнулъ свой форменный сюртукъ, подъ которымъ оказался бѣлый жилетъ съ золотыми пуговицами.

Онъ крякнулъ и, выпуская дымъ тонкой струйкой, выговорилъ съ особенной своей дворянской оттяжкой:

— Вотъ видишь, любезный другъ, до чего мы съ тобой доигрались... въ теченіе двухъ лѣтъ во второй разъ...

И, оглянувъ комнату, онъ продолжалъ:

— Съ тобой поступили черезчуръ снисходительно. Ты этого положительно не стоишь. И какъ только обжился здѣсь, сейчасъ же къ тебѣ стали сбираться всякіе народы. Первымъ дѣломъ твой бывшій менторъ Черенковъ. Ты, надѣюсь, не станешь отрицать, что онъ гостилъ здѣсь... въ этой самой квартирѣ, вѣроятно, и спалъ вотъ на этой койкѣ.

— Если вамъ объ этомъ донесли, то зачѣмъ же вы меня спрашиваете?

— А-а... ты вотъ какъ разговариваешь!... А проходимецъ, по фамиліи Мезеринъ, и эта дѣвица, съ которой ты попался въ Петербургѣ?... Это цѣлая шайка!

Викторъ сдѣлалъ движеніе впередъ.

Губы его вздрагивали.

Должно быть, его отецъ сообразилъ, что неблагоразумно, въ его званіи, доводить сына до какой-нибудь бѣшеной вспышки, а лицо

у него было такое, что могло выйти что-нибудь для его превосходительства нежелательное.

— Отвѣчать вамъ я не стану,—началъ Викторъ, немного заикаясь отъ волненія.—Вы считаете себя въ правѣ такъ говорить... и обо мнѣ, и о моихъ друзьяхъ.

— Слушай,—глухо крикнулъ Муринъ и поднялся съ дивана.—Я вошелъ сюда не затѣмъ, чтобы съ тобой растабарывать.

Застегнувшись опять на первыя двѣ пуговицы, Юрій Дмитріевичъ поднялъ правую руку съ протянутымъ вверхъ указательнымъ пальцемъ.

— Мнѣ извѣстно, что ты собираешься продать имѣніе и употребить деньги на какую-то безумную затѣю... что-то вродѣ фаланстеріи, разумѣется, только для прикрышки, а въ сущности для преступныхъ цѣлей. И я—по праву твоего отца—приму мѣры, чтобы воспрепятствовать этому.

Викторъ отошелъ къ окну и сталъ смотрѣть на улицу, гдѣ у пролетки стоялъ одинъ изъ мундирныхъ господъ въ бараньей шапкѣ.

— Ты слышишь, что я говорю?—крикнулъ удушливо Юрій Дмитріевичъ.

— Слышу. Дѣлайте, что вамъ угодно.

— И ты это узнаешь въ скоромъ времени.

Отойдя къ двери, Юрій Дмитріевичъ обернулся лицомъ къ сыну, который стоялъ теперь къ нему въ полоборота.

— И не думай, что тебѣ будетъ какая-нибудь поблажка здѣсь... оттого, что ты мой сынъ.

Отойдя отъ окна, Викторъ медленно приблизился къ отцу.

Тотъ подался немного назадъ.

— Позвольте... —началъ онъ тихо, подавляя нервную дрожь—прошу васъ объ одномъ... сдѣлать такъ, чтобы меня отправили въ другое мѣсто. Зачѣмъ же вамъ ставить себя въ неловкое положеніе? Развѣ не лучше забыть совсѣмъ о моемъ существованіи, чѣмъ имѣть меня... подъ надзоромъ? А, впрочемъ,—кончилъ онъ, отойдя къ двери во вторую комнату,—для меня и это безразлично. Я говорю для васъ... а не за себя.

— Въ твоихъ замѣчаніяхъ я не нуждаюсь, любезный, а я могъ бы сейчасъ же проучить тебя за твой дерзкій тонъ. Но помни... я не отецъ твой, а только исполнитель закона. Прощай!

— Прощайте!—тихо выговорилъ Викторъ.

Онъ уже совладѣлъ съ своей нервной дрожью, и усмѣшка явилась на его поблѣднѣвшихъ губахъ.

Юрій Дмитріевичъ широко распахнулъ дверь въ сѣни и оставилъ ее отворенной.

Сынъ его стоялъ на томъ же мѣстѣ.

Коляска съ бубенчиками и лязгомъ мѣдныхъ бляхъ подлетѣла къ крылечку.

XXIX.

На дворѣ вьюга. Зима только что стала и сразу начались метели, вперемежку съ сильными морозами.

Городъ У*** побольше того, гдѣ Викторъ Муринъ проводилъ весну и часть лѣта, и немного побойчѣе; также на желѣзной дорогѣ; но станція еще дальше отъ города—около трехъ верстъ.

И опять въ такомъ же домикѣ и также на площади, гдѣ два раза въ недѣлю базаръ, въ двухъ комнатахъ живетъ онъ съ самаго водворенія, съ первыхъ чиселъ августа.

Пятый часъ пополудни; а ночная мгла окутала весь городъ, вмѣстѣ съ снѣжной пургой.

Порывы вьюги бьютъ въ закрытыя ставни трехъ оконъ квартиры.

Спальней служитъ постояльцу большая комната, откуда ходъ въ каморку направо, а не налѣво, какъ было тамъ.

Лампа, отдающая керосиномъ, подъ абажуромъ, оставляетъ комнату въ полутьмѣ. Она на ломберномъ столѣ. Постель въ углу, дальнемъ отъ входа изъ крошечной передней, стоитъ изголовьемъ въ простѣнокъ.

Въ спертомъ воздухѣ слишкомъ жарко натопленной комнаты расходятся струи лѣкарственныхъ запаховъ.

Весь столикъ у кровати покрытъ склянками и коробочками.

Больной немного забылся.

Около него никого нѣтъ. Дочь хозяина, дѣвочка лѣтъ четырнадцати, только что отлучилась сказать матери, что приказалъ докторъ сдѣлать больному на ночь.

Докторъ былъ въ сумерки, стукалъ, слушалъ, замѣтилъ больному, что сегодня онъ имъ больше доволенъ. Температура опустилась на цѣлый градусъ; но часто колеблется, и эти колебанія доктору не нравятся.

Дремота одолѣла больного, но въ настоящій сонъ не перешла.

Викторъ раскрылъ отяжелѣвшія вѣки. Головѣ немного полегче и жаръ не такъ тяжекъ, какъ было еще третьяго дня.

Чувство опасности не владѣетъ имъ.

Онъ знаетъ, что еще недѣлю тому назадъ былъ при смерти, те-

рялъ сознаніе подолгу, кажется, цѣлыхъ три дня лежалъ въ безпамятствѣ. Когда онъ былъ еще въ сознаніи, то самъ могъ разглядѣть на градусникѣ, что температура поднималась до сорока.

Эта болѣзнь уже не первая.

Съ самаго переѣзда сюда онъ прошелъ черезъ цѣлый рядъ простудъ. Въ началѣ октября схватилъ воспаленіе сначала лѣваго, а потомъ и праваго легкаго.

Надо было замуровать себя на всю зиму. Онъ рискнулъ выйти всего разъ. Опять—рецидивъ, и новое воспаленіе затянулось.

Когда опасность висѣла надъ нимъ, онъ точно забылъ о возможности конца. Сегодня, едва ли не впервые, онъ испугался не смерти, а того, что не успѣетъ...

Еще два-три дня—онъ можетъ опять впасть въ безпамятство, и тогда это уже будетъ конецъ навѣки.

Около него никого, кромѣ доктора, хозяевъ и ихъ дочки. Письмо или депешу можно продиктовать фельдшеру, тотъ приходитъ три раза въ день, а походы на почту, въ аптеку, въ лавку справляетъ дочка хозяевъ, Параша, очень толковая и отлично грамотная; иногда и отецъ ея, если свободенъ.

Никого не видѣлъ онъ съ самаго переѣзда сюда; ни Черенкова, ни Насти, ни Мезерина. Черенковъ захваченъ своей газетой, Настя хворала съ осени, Мезеринъ мѣсяца два жилъ на югѣ.

Какъ разъ къ тому времени, когда Мезеринъ долженъ былъ заѣхать къ нему, состоялось то, чѣмъ отецъ пригрозилъ ему.

Онъ былъ отданъ подъ опеку, и у него отнято право распоряжаться своимъ имѣніемъ.

Въ глазахъ Мезерина онъ оказался безправнымъ барченкомъ, котораго приструнили. Въ какіе же переговоры входить съ нимъ, когда ему будетъ выдаваться паекъ на «прокормежку»?

Письмо Мезерина, въ отвѣтъ на извѣщеніе объ опекѣ, отзывалось ловко прикрытой ироніей. Онъ жалѣлъ его, и эту жалость особенно обидно было перенести.

И вотъ теперь онъ боится, что болѣзнь его повернетъ къ худшему и не успѣетъ онъ хоть что-нибудь сдѣлать для самыхъ близкихъ ему людей, для Насти, для Черенкова и для того же Мезерина.

Ему тяжко было то, что они оба, Черенковъ и даже Настя, одинъ съ первой встрѣчи, а другая, когда прошло ея увлеченіе, подозрительно и недобро относятся къ человѣку, въ которомъ есть именно то, чего нѣтъ ни въ немъ, ни въ другихъ.

Онъ остается вѣренъ самому себѣ. Ничего не навяжешь ему не-

согласнаго съ его «я». Ничего онъ не боится и ни по чьей дудкѣ плясать не станетъ.

То дѣло, какое Мезеринъ предлагалъ ему, еслибъ и лопнуло—не разорило бы его. Онъ назначалъ на него одну треть суммы, за которую продано было бы его имѣніе.

А теперь, послѣ его смерти, земля эта вернется въ его родъ, пойдетъ на «карманныя деньги» его братца и «перчатки» сестрицы.

Сегодня утромъ ему сразу стало гораздо лучше, чѣмъ было наканунѣ, и онъ отправилъ двѣ депеши въ Москву и въ одинъ изъ южныхъ большихъ городовъ. Текстъ телеграммъ онъ просилъ составить доктора.

Съ того дня, какъ воспаленіе въ обоихъ легкихъ усилилось, онъ ни разу, когда былъ въ сознаніи, не спросилъ доктора: считаетъ ли онъ его случай опаснымъ?

Сегодня онъ сказалъ ему, прося написать депешу:

— Если я и останусь живъ... все равно, надо ихъ вызвать. Не скрывайте отъ нихъ правды.

Докторъ сначала было отказывался, находилъ, что ему всякія волненія въ высшей степени вредны.

Викторъ взялъ его за руку и, со слезами, сталъ просить объ отправкѣ этихъ двухъ депешъ. Онѣ были къ Черенкову и къ Ягодиной.

— Поймите,—весь трепетный шепталъ онъ,—у меня есть до нихъ дѣло. Я могу умереть, не успѣвъ распорядиться. Это будетъ для меня черезчуръ горько.

Сегодняшнее утреннее паденіе температуры могло быть началомъ кризиса, и докторъ согласился на отправку депешъ.

Кто-то вошелъ очень тихо, ступая осторожно по полу валенками.

Онъ отряхнулъ ихъ въ передней, гдѣ было гораздо холоднѣе, чѣмъ въ этой комнатѣ.

Больной немного поднялъ голову и слабо спросилъ:

— Кто тутъ?

— Это я, батюшка Викторъ Юрьевичъ... Параша-то побѣжала въ аптеку. А мнѣ Домна моя говоритъ: загляни, молъ, Алексѣичъ, къ барину... Можетъ, что нужно?

Небольшого роста, лысый, съ бѣлокурой бородой, въ короткомъ тулупчикѣ и валенкахъ, хозяинъ дома, по фамиліи Макшинъ, смотрѣлъ самымъ заурядным обывателемъ, говорилъ мягко, высокимъ теноркомъ и держалъ голову немного вбокъ.

Но изъ-подъ выдавшихся дугъ лысаго черепа выглядывали два темныхъ, умныхъ глаза.

— Спасибо... пока ничего не нужно, Иванъ Алексѣичъ.

Съ домовладѣльцемъ своимъ они очень скоро подружились.

Макшинъ служилъ нарядчикомъ въ складѣ хозяевъ одной изъ фабрикъ за городомъ. Онъ приходилъ домой два раза въ день и оставался съ сумерекъ дома до слѣдующаго дня.

Онъ родомъ изъ подгородной деревни, тридцать лѣтъ работалъ на фабрикѣ, прошелъ всѣ степени, отъ присучальщика до мастера, и съ тѣхъ поръ, какъ попалъ въ нарядчики, перебрался совсѣмъ въ городъ, обзавелся домикомъ; а въ деревнѣ у него ведутъ хозяйство два сына, оба женатые.

— Чайку не угодно ли? Мы у себя заваримъ...

— Не хочется что-то, Иванъ Алексѣевичъ. Присядьте,—пригласилъ его еще рукой больной.

Макшинъ сѣлъ поодаль, возлѣ печки.

— Тепленько здѣсь... Паранька моя какъ усердствуетъ!

Хозяинъ Виктора говорилъ своимъ высокимъ теноромъ, съ разстановкой, вкусно выговаривая отдѣльныя слова.

Когда онъ разсуждалъ о разныхъ серьезныхъ матеріяхъ, онъ употреблялъ частенько выраженія, взятыя изъ книгъ.

Въ молодости онъ былъ усердный читатель, въ особенности по русской исторіи, не пренебрегалъ и хорошими романами, которые произносилъ съ удареніемъ на первомъ слогѣ: «рòманы».

И вообще поговорить былъ большой охотникъ.

Больного онъ боялся безпокоить своими разговорами. Докторъ ему «наказывалъ» по этой части; да и жена его, очень разсудительная и строговатая женщина, каждый разъ, какъ онъ пойдетъ къ молодому барину, не преминетъ сказать ему:

— Мотри, Алексѣичъ, не растабарывай ты много!

Впервые зазналъ Викторъ такого русскаго фабричнаго, оставшагося всетаки съ крестьянскимъ пошибомъ. И на все у него былъ свой взглядъ: на деревню, на общину, на сходъ, на фабрику, на все, что есть дурного и хорошаго, и тутъ, и тамъ.

Своимъ положеніемъ Иванъ Алексѣевъ былъ вполнѣ доволенъ, алчнымъ на разживу не считалъ себя, дольше пятидесяти пяти годовъ не хотѣлъ оставаться при теперешней должности и сбирался ставить свою собственную избушку въ деревнѣ, послѣ того, какъ выдадутъ замужъ «Параньку», а она «дѣвица со смысломъ» и собою недурна будетъ.

Виктору и теперь хотѣлось поговорить съ нимъ и онъ окинулъ его послѣ паузы минуты въ три:

— Иванъ Алексѣичъ?

— Что прикажете, батюшка.

— Параньку ни въ какое мастерство не отдадите?

— Нѣтъ, сударь, здѣсь какія же портнихи... да и балуются чрезвычайно. А шить по домашнему обиходу она обучена.

«Оставить ей на приданое», подумалъ вдругъ больной, и его, еще разъ, кольнуло въ сердце то, что его сестрѣ Валѣ достанется доля наслѣдства послѣ него.

Не въ первый разъ онъ спрашивалъ себя:

«А кто же мѣшаетъ оставить по завѣщанію кому и что угодно?»

Юристъ онъ плохой и въ десятый томъ никогда не заглядывалъ.

Будетъ ли еще признано дѣйствительнымъ его завѣщаніе? Имѣніе онъ получилъ отъ тетки и оно у ней было родовое, въ родѣ его матери.

«Оставлю всѣ мои русскія книги Ивану Алексѣичу,—думалъ онъ,—и все, что у меня есть въ этой квартирѣ, и Параша пускай возьметъ, что ей понравится».

Еслибъ силы позволили, онъ написалъ бы или продиктовалъ свое завѣщаніе всѣмъ такимъ, какъ онъ, захваченнымъ русской жизнью, снявшимся съ своихъ «пазовъ».

Можетъ—оно кому-нибудь и пригодилось бы.

Чуть слышно растворилась дверь въ прихожую, и женскій голосъ—это была Домна—позвалъ:

— Алексѣичъ, подь-ка сюды!

Макшинъ на цыпочкахъ вышелъ, о чемъ-то они тамъ пошептались, и хозяинъ тотчасъ вернулся и сталъ прислушиваться, не заснулъ ли постоялецъ.

— Я не сплю, Иванъ Алексѣичъ; что вамъ?

Макшинъ придвинулся къ двери, скользя беззвучно по полу своими мягкими валенками.

— Господинъ пріѣхалъ... Навѣстить васъ, Викторъ Юрьевичъ, съ машины... У насъ сидитъ. Спрашиваетъ: «можно ли, значитъ, повидаться».

— Какой? Высокій? Мезеринъ его фамилія?—радостно выговорилъ Викторъ и приподнялъ голову съ подушки.

— Фамиліи я что-то не дослышалъ. А по обличью долженъ быть онъ. Говоритъ, съ ночнымъ поѣздомъ въ обратный путь.

— Просите его!

— Повременить бы маленько, батюшка. Онъ съ морозу. Обогрѣется у насъ. А то какъ же возможно?

— Ну, хорошо,—кротко согласился больной.

Иванъ Алексѣичъ также осторожно выдвинулся изъ комнаты.

Радостное возбужденіе Виктора подняло температуру; но онъ этого не замѣчалъ.

Ему захотѣлось сѣсть въ постели. Онъ задвигался и тотчасъ же сталъ кашлять.

Хоть одно его желаніе будетъ исполнено. Но зачѣмъ Мезерину уѣзжать сегодня же ночью?

Онъ уговоритъ его остаться и завтра успѣетъ все сдѣлать.

Пріятно волнуясь, сидѣлъ онъ въ постели, прислонившись спиной къ упругимъ подушкамъ, и ждалъ.

Вотъ наконецъ слышны шаги въ сѣняхъ. Это стучатъ сапоги Мезерина или валенки на толстыхъ подошвахъ.

— Я у печки посижу,—раздался сильный, немножко простуженный голосъ Мезерина.

— Глѣбъ Саввичъ! Спасибо!

— Не извольте напрягаться... Я на минутку. Вы, какъ слышно, не на шутку хвораете, милый человѣкъ?

Иванъ Алексѣичъ вполголоса спросилъ отъ двери:

— Самоварчикъ не справить ли?

— Мы можемъ, хозяинъ, у васъ напиться.

— Нѣтъ, нѣтъ!—запросилъ больной—Здѣсь напейтесь... посидите. Я много разговаривать не буду. Даю вамъ слово.

Хозяинъ скрылся. Мезеринъ пересѣлъ отъ печки поближе къ столу, гдѣ горѣла лампа.

— Вотъ и я собственной персоной. Посылать депешу не разсудилъ. Пришла бы ночью. Пожалуй, стали бы будить васъ.

— Могла и не захватить меня,—промолвилъ Викторъ.

— Въ какихъ смыслахъ? Да, вы въ кладбищенскомъ тонѣ изволите... Зачѣмъ? А всетаки... вамъ не слѣдовало бы и впускать меня. Вотъ заѣхалъ бы узнать о здоровьѣ на возвратномъ пути, можетъ быть, къ тому времени и вы будете на ногахъ.

— Не знаю, Мезеринъ,—остановилъ Викторъ и, протягивая впередъ худыя руки характернымъ жестомъ, замедленно выговорилъ:— Я не зря васъ звалъ. И я труса не праздную. Но докторъ сказалъ мнѣ, что положеніе очень, очень серьезное.

— Мало ли они какъ мудрятъ.

— Надо торопиться, Мезеринъ. Присядьте сюда на постель... Вы вѣдь согрѣлись?

На Мезеринѣ была вязаная куртка. Свой полушубокъ онъ оставилъ у хозяевъ.

— Сюда вотъ... придвиньте стулъ.

Мезеринъ присѣлъ къ нижней спинкѣ кровати и тутъ только могъ поближе разглядѣть лицо больного.

Оно ему «не понравилось».

— Право бы лучше помолчать вашей милости.

— Нѣтъ... долго я не буду, клянусь вамъ, Глѣбъ Саввичъ!

Нагнувшись на правый бокъ, Викторъ сталъ говорить отрывисто, сдерживая кашель.

— Можете надо мной посмѣяться. Передъ вами барское дитё, лишенное гражданскихъ правъ по десятому тому.

— И не по одному десятому,—добавилъ Мезеринъ.

— Вы знаете... я подъ опекой. Но я хочу... хоть часть моихъ средствъ отдать тому дѣлу, которое вы облюбовали, Мезеринъ. Я не имѣю права продать...

— Само собою...

— Возьмите съ меня вексель.

— И такой документъ будутъ оспаривать, милый человѣкъ.

— Я не малолѣтній!

— Но не правоспособный... если вексель вы дадите теперь. Да, по правдѣ вамъ сказать, голубчикъ, не желаю и я нареканій, что я у васъ оный документъ выманилъ... точно на послѣдяхъ! — обмолвился онъ.

— Но это гнусно!

— Мало ли что! Чувствую ваше довѣріе и вашу душевную ласку. Поди, и не одинъ вашъ грозный родитель выставлялъ меня передъ вами въ видѣ нѣкоего авантюриста, по-просту говоря, жулика.

— Это гнусно!—повторилъ Викторъ и сильно закашлялся.

— Прекратимъ этотъ разговоръ. Надъ нами не каплетъ... Вотъ поправитесь, а тамъ, соизволеніемъ боговъ, и въ права свои водворитесь. А теперь помолчите, голубчикъ.

Мезеринъ отошелъ къ столу и сталъ что-то читать.

На столѣ воркуетъ самоваръ. Больной лежитъ съ полузакрытыми глазами и слушаетъ негромкій разговоръ за столомъ.

Его огорченіе не прошло. Но ему сильнѣе, чѣмъ когда-либо, во время болѣзни, хочется жить.

«Кто знаетъ: «на послѣдяхъ»-ли онъ?—какъ сорвалось съ языка у Мезерина.—Можетъ, и встанетъ. Ему вѣдь всего двадцать три года и три съ чѣмъ-то мѣсяца. Срокъ его подневольному удаленію пройдетъ. Не будетъ же онъ всю жизнь подъ опекой? Надо надѣяться—это главное!

За самоваромъ сидятъ Иванъ Алексѣевичъ и Мезеринъ. Одинъ

пьетъ чай съ блюдечка, другой прямо изъ стакана, глотаетъ быстро и слегка при этомъ посапываетъ.

Они видятъ другъ друга въ первый разъ. Ихъ можно принять, пожалуй, за одного званія людей, а какая между ними глубокая разница! Макшинъ — коренной фабричный, а смотритъ чистокровнымъ крестьяниномъ. Мезеринъ—по своему говору и жаргону—городской пролетарій, а происхожденія, пожалуй, такого же, какъ и Макшинъ.

— Здѣсь сколько же народу на двухъ фабрикахъ?—спрашиваетъ Мезеринъ.

— Тысячи по три на каждой, — отвѣчалъ Иванъ Алексѣевичъ, подувая на чай въ блюдечкѣ.

— Все подгородные?

— Есть и дальніе.

— Тѣ, поди, совсѣмъ съ деревней прикончили?

— Есть и ближніе... которые отбились... безъ ума, безъ разума.

— Почему такъ? — построже остановилъ Мезеринъ и острыми своими глазами смѣрилъ собесѣдника.

— А потому—одно недомысліе,—мягче звукомъ, но убѣжденно выговорилъ Макшинъ.

— Не знаю, съ которой стороны оно—это самое недомысліе? Мужикъ—такъ мужикомъ и оставайся и кисни въ своей деревенской квашнѣ, и голодай, и холопствуй передъ пьянымъ міромъ. Вѣдь и вы изъ фабричныхъ?

— Тридцать годовъ слишкомъ промаячилъ.

— Кто поумнѣе, да характеромъ посильнѣе, тотъ и бросаетъ деревенщину.

— Зачѣмъ же ее бросать? — уже болѣе обиженно возразилъ Иванъ Алексѣевичъ. — Мы это разсужденіе слыхали... и не одинъ разъ.

— Ну, и что же?

— Считаемъ... ловушкой.

— Кто же это ловушку ставитъ, по вашему мнѣнію, почтеннѣйшій?

Мезеринъ повернулъ на прежній тонъ.

— Кто-съ?—протянулъ Алексѣевичъ своимъ степеннымъ голосомъ, боясь поднять тонъ.—Такіе народились нынче посѣватели...

— Плевелъ?—уже совсѣмъ насмѣшливо подсказалъ Мезеринъ.

— Именно такъ. Плевелъ... Все молъ спасеніе въ мастеровщинѣ.

— Вы такъ называете?

— Да-съ... И не въ фабричномъ, вотъ какъ я къ примѣру— ткачѣ или прядильщикѣ крестьянскаго рода и свой надѣлъ имѣ-

ющемъ, а именно мастеровщинѣ... Городская гольтепа, мѣщанишка каждый, у котораго ни роду, ни племени... золотой ротой прозываются они, и самый имъ водъ въ Москвѣ, на Хитровкѣ. Мы и тамъ бывали, и говоримъ все это, сударь, не для краснаго словца.

— Слыхали, почтеннѣйшій, и мы такія рѣчи и не однихъ обывателей крестьянскаго рода.

— Позвольте... будемте говорить на честь, господинъ...—началъ Иванъ Алексѣевичъ, поглядѣвъ въ сторону кровати.

Ему показалось, что больной задремалъ.

— Пожалуй... мы Виктора Юрьевича безпокоимъ?...

— Ничего, Иванъ Алексѣевичъ, — откликнулся Викторъ,—я слушаю.

— Очень ужъ, баринъ, вашъ знакомецъ попалъ въ самую центру... Какъ будто весь свѣтъ и все спасеніе идетъ отъ мастеровщины...

— Что же вы, любезнѣйшій, наладили одно слово? Оно у васъ вродѣ ругательнаго.

— Извольте вотъ походить по городу. Мѣщанишки, которые отбились отъ всякаго дѣла, пропойцы и стрекулисты носъ задираютъ передъ мужикомъ. А я вотъ, сударь, всю выучку прошелъ на фабрикѣ, тамъ и грамотнымъ сталъ, тамъ и достатокъ кое-какой скопилъ, а деревней не гнушаюсь. И дѣтямъ то же внушилъ. И самъ вернусь туда, когда силъ посбавится.

— Съ чѣмъ и поздравляю васъ, почтеннѣйшій,—сказалъ Мезеринъ и привсталъ.

Макшинъ, какъ бы застыдившись того, что много слишкомъ говорилъ у постели больного, тоже поднялся и сталъ пятиться къ двери.

Викторъ поднялъ правую руку, точно желая что-то сказать, и забылся.

— Никакъ уснулъ?—шепотомъ спросилъ Макшинъ.

Оба на цыпочкахъ вышли.

XXX.

Въ чистой горницѣ хозяевъ, дня черезъ четыре, къ вечеру, подъ висячей лампой, сидѣли у стола, накрытаго красной скатертью, Черенковъ и Настя Ягодина.

За перегородкой кто-то тихо двигался: то была хозяйка.

Оба они съѣхались сюда въ одинъ день и остановились въ единственной гостиницѣ города.

Сразу они не были допущены къ больному. Докторъ, уѣхавшій на практику въ уѣздѣ, приставилъ фельдшера и сидѣлку изъ боль-

ницы. Дочь хозяевъ — Параша — также неотлучно находилась при больномъ.

Вчера утромъ, когда онъ, послѣ забытья, пришелъ въ сознаніе, имъ позволили повидаться съ Викторомъ.

Тотъ, въ сильномъ радостномъ волненіи, сталъ ихъ обнимать. Они не вытерпѣли, оба заплакали. Настя даже выбѣжала въ маленькую комнату, сдерживая рыданія.

И тотчасъ же Викторъ сталъ имъ говорить, кашляя и съ трудомъ переводя дыханіе, какъ онъ желалъ бы оставить имъ часть своего состоянія.

Ни тотъ, ни другая не противорѣчили ему. Они знали, что онъ едва ли протянетъ ещё дня два-три.

Что-то онъ хотѣлъ сейчасъ же продиктовать; но у него недостало силъ и онъ началъ метаться.

Они ушли къ хозяевамъ и цѣлый день провели вмѣстѣ, приходили нѣсколько разъ, и Черенковъ попросилъ у хозяевъ позволенія остаться въ ихъ горницѣ и, сидя, спать.

Ему постелили на диванѣ.

Ночь прошла довольно спокойно. Больной бредилъ; но также и спалъ.

Сегодня днемъ вернулся докторъ, выслушалъ докладъ фельдшера и сидѣлки и сказалъ имъ, что онъ еще сохраняетъ маленькую надежду. Такъ можетъ протянуться еще нѣсколько дней, и больной будетъ, пожалуй, «субъективно» чувствовать себя лучше.

Они оба попросились къ нему. Докторъ разрѣшилъ на какихъ-нибудь пять минутъ—«ни подъ какимъ видомъ не больше» и въ его присутствіи.

Викторъ все повторялъ доктору:

— Дайте мнѣ чего-нибудь, чтобы хоть на одинъ всего часъ... голова была ясная и я могъ... написать что нужно... А потомъ... мнѣ больше не надо... не надо!...

Онъ хотѣлъ сказать «не надо жить»; но слово не сходило съ языка, точно пугало его.

Съ четвертаго часа они тутъ, въ горницѣ хозяевъ. Сначала сидѣли въ сумеркахъ и вели тихій разговоръ съ долгими паузами.

Настя куталась въ пуховый платокъ. Ее лихорадило; дорогой, ночью, въ вагонѣ сильно захолодѣло и она спала около окна. Съ лѣта она очень измѣнилась; кумысъ мало помогъ ей, и сухой, короткій кашель мѣшалъ ей говорить.

Черенковъ не курилъ и, сидя у стола, то и дѣло качалъ головой.

— Константинъ Ивановичъ!—окликнула Настя вполголоса.— А если онъ опять будетъ просить о томъ же?

Черенковъ взглянулъ на нее.

— Какъ же это возможно? Въ его положеніи? Никто изъ насъ на это не согласится, ни вы, ни я, еслибъ даже онъ и не былъ такъ опасно боленъ.

— Это его ужасно гложетъ!

— Какъ-нибудь успокоимъ.

Помолчавъ, онъ спросилъ:

— Послать телеграмму отцу?

— Я бы не послала,—рѣшительно выговорила Настя.—Только взволнуетъ его ужасно...

— Можно и не допустить его до больного. А всетаки надо дать знать.

— Развѣ если не останется никакой надежды.

Оба понпкли головой.

— Бѣдный, бѣдный! — обронила Настя, глотая слезы. — Такъ кончать...

— И за что?—спросилъ Черенковъ.—За что? Вы вѣдь съ нимъ, Настасья Матвѣевна, хотѣли идти своей дорогой, рѣзко оборвать съ движеніемъ?...

— Хотѣли,—повторила Настя.

— Если и были бунтарями, то противъ всѣхъ насъ, а главное—противъ своихъ ближайшихъ сверстниковъ и сверстницъ.

— Тяжко, Константинъ Ивановичъ,—заговорила порывисто Настя,—тяжко и позорно,—сильнѣе воскликнула она,—очутиться на распутьи! И не можемъ мы, женщины, не пѣть съ чужого голоса, и непремѣнно съ мужского. Увлеклись — тогда и кидаемся въ самое пекло. И воображаемъ себя самодовлѣющей личностью. Какъ бы не такъ! Все надо начинать сызнова. А съ какого конца? Когда общая волна несетъ тебя, ты идешь или тебѣ кажется, что ты идешь впередъ, глупишь, протестуешь, попадаешь въ исторію; но чему-то вѣришь. А захотѣли побунтовать противъ самихъ бунтарей—и все заколебалось подъ нами, и остались въ пустотѣ.

— Тамъ, въ Питерѣ, навѣрно, попадали и къ чистокровнымъ индивидуалистамъ... или, какъ они теперь именуютъ себя, послѣ того, какъ ударились въ какое-то мистико-эстетическое юродство?...

Настя махнула рукой.

— Одно отвращеніе!—вырвалось у нея.—Женщины кривляки или психопатки, мужчины носятся съ собою, точно они всѣ отмѣчены перстомъ Аполлона или Пиѳіи. Брр!...

Она вздрогнула, сдѣлавъ брезгливое движеніе плечами.

— Туда я больше ни ногой!

— А столько есть дѣла, барышня моя милая, столько дѣла! Звалъ я Витю, много разъ звалъ къ себѣ. Онъ все упирался... Хоть васъ притянуть... а? Нельзя намъ мечтать о высшихъ душевныхъ наслажденіяхъ. Каждому изъ насъ приходится на долю житіе... хоть мы и далеко не угодники.

Въ горницу вбѣжала Параша съ большимъ платкомъ на головѣ и въ шерстяныхъ чулкахъ, безъ башмаковъ.

Она о чемъ-то пошушукалась съ хозяйкой, за перегородкой.

Домна—рослая женщина—въ темномъ капотѣ, повязанная косынкой, показалась въ дверяхъ.

— Сударыня... господинъ хорошій... баринъ прислалъ Паранькy... Желаетъ васъ видѣть... И такъ, что вродѣ какъ проститься съ вами.

Оба вскочили съ мѣстъ и молча пошли за дѣвочкой, черезъ сѣни на дворъ, съ непокрытыми головами.

Ни фельдшера, ни сидѣлки не было около больного. Фельдшеръ побѣжалъ за докторомъ. Сидѣлка вышла въ маленькую комнату.

Викторъ сидѣлъ въ постели, опираясь на высоко взбитыя подушки, и порывисто дышалъ, съ разстегнутымъ воротомъ рубашки.

— Милые!—встрѣтилъ онъ ихъ и протянулъ обѣ руки.—Ухожу... совсѣмъ ухожу. Дайте проститься...

И Черенкова, и Настю онъ по очереди обнялъ и поцѣловалъ по два раза.

Голова упала на подушки; онъ сначала заметался, потомъ легъ на бокъ и сильнымъ шепотомъ кинулъ:

— Сюда сядьте... тяжело говорить.

Настя держала его за руку, Черенковъ закрылъ лицо ладонями, боясь разрыдаться.

— Вотъ... и конецъ... Настя, сестричка моя!... Ничего у насъ не вышло. Хотѣли кутнуть на свой страхъ, а? И ничего не вышло. Какъ бишь Константинъ Ивановичъ вы мнѣ давали когда-то читать... романъ... Кажется «Одинъ въ полѣ не воинъ»? То же скажете небось и про вашего питомца? Прощайте... други... Мезерину поклонитесь. Умница! Какъ онъ въ одномъ письмѣ назвалъ нашу матушку Русь...

И, взявшись свободной рукой за голову, онъ потеръ лобъ.

— Вспомнилъ! Да вотъ, вотъ... «великолѣпная кадка съ мѣсивомъ расъ, умовъ, талантовъ, желаній и...»

Послѣднее слово не сошло съ губъ.

Голова скатилась съ подушекъ. Сознаніе отлетѣло...

П. Боборыкинъ.

ІЁСТА БЕРЛИНГЪ *).

Сельмы Лагерлефъ.

(Переводъ съ шведскаго.)

XIII. Мамзель Мари.

Тише, тише, что это такое!

Надъ моей головой страшное жужжанье. Это, вѣрно, шмель летаетъ. Но постойте немного! Вы чувствуете, какое благоуханіе стоитъ въ воздухѣ? Увѣряю васъ, что пахнетъ божьимъ деревомъ, лавендой, черемухой, сиренью и нарцисами. Что за наслажденіе испытывать все это въ пасмурный осенній день среди города. Какъ только я представляю себѣ мысленно этотъ благословенный уголокъ земли, такъ я сейчасъ же слышу жужжанье, вокругъ меня распространяется благоуханіе, и я, незамѣтно для себя, вдругъ переношусь въ маленькій, четырехугольный садикъ, наполненный цвѣтами и обнесенный живой изгородью изъ бирючины. По угламъ растетъ сирень, а между цвѣточными клумбами, изображающими сердца и звѣзды, извиваются узкія дорожки, усыпанныя бѣлымъ пескомъ. Съ трехъ сторонъ садикъ окруженъ лѣсомъ. Рябина и черемуха, на правахъ растеній полуцивилизованныхъ и имѣющихъ красивые цвѣты, стоятъ поближе и смѣшиваютъ свой запахъ съ запахомъ сирени. Дальше видно нѣсколько рядовъ березъ, а потомъ уже начинается сосновый лѣсъ, настоящій лѣсъ,—темный, молчаливый, бородатый и колючій.

Съ четвертой стороны садика стоитъ маленькій сѣрый домикъ.

Этотъ благоухающій уголокъ въ приходѣ Свартшё, о которомъ я теперь вспомнила, шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ принадлежалъ старой фру Морсусъ, которая добывала себѣ средства къ жизни тѣмъ, что шила стеганыя одѣяла для крестьянъ и готовила для нихъ парадные обѣды.

*) *Русская Мысль*, кн. IV, 1904 г.

Дорогіе друзья! Въ числѣ многихъ хорошихъ вещей, которыя я вамъ желаю, я назову первымъ дѣломъ пяльцы для одѣяла и благоухающій садикъ. Большія, шаткія, старинныя пяльцы съ истертыми винтами желаю я вамъ,—такія, за которыми можетъ заразъ работать человѣкъ пять, шесть, состязаясь въ быстротѣ и искусствѣ. За которыми весело болтаютъ, ѣдятъ печеныя яблоки и играютъ въ «путешествіе въ Гренландію» и въ «колечко», и хохочутъ такъ, что бѣлки въ лѣсу чуть не падаютъ съ деревьевъ отъ испуга. Такія пяльцы я желала бы вамъ для зимы, дорогіе друзья, а для лѣта я желаю вамъ благоухающій уголокъ, наполненный всевозможными цвѣтами. Не большой садъ, на который приходится тратить больше денегъ, чѣмъ онъ доставляетъ удовольствія, нѣтъ, маленькій уголокъ, наполненный цвѣтами! За такимъ уголкомъ вы могли бы ухаживать сами, своими собственными руками. Я представляю себѣ этотъ садикъ: посреди высокихъ круглыхъ клумбъ растетъ шиповникъ, а вокругъ шиповника гирляндой извиваются незабудки; махровый макъ, который не надо сѣять, растетъ повсюду и на зеленомъ дернѣ, окаймляющемъ клумбы, и на песчаныхъ дорожкахъ. Въ одномъ углу стоитъ дерновый диванъ, весь усѣянный маленькими цвѣточками шпажника. Вотъ какой садикъ желаю я вамъ.

Кромѣ этихъ прелестей, старая фру Мореусъ обладала еще тремя веселыми, работящими дочерьми, маленькимъ домикомъ у дороги, небольшимъ сбереженіемъ трудовыхъ грошей, хранившемся на днѣ ея сундука, нѣсколькими креслами съ прямыми спинками, шелковыми шалями и всевозможными знаніями, которыя такъ полезно имѣть тому, кто самъ долженъ зарабатывать свой хлѣбъ.

Но самое лучшее изъ всего, чѣмъ она обладала, были пяльцы, дававшія ей работу круглый годъ, и садикъ, доставлявшій ей радость въ продолженіе всего лѣта.

Въ маленькомъ домикѣ фру Мореусъ жила также одна квартирантка. Это была маленькая сухая мамзель лѣтъ сорока, которая занимала комнатку на чердакѣ. У мамзель Мари, какъ ее всегда всѣ называли, были свои собственные взгляды на многія вещи; это, впрочемъ, часто бываетъ съ людьми, ведущими уединенный образъ жизни, мысли которыхъ постоянно вертятся вокругъ предметовъ, совершенно имъ незнакомыхъ.

Мамзель Мари находила, между прочимъ, что любовь служитъ источникомъ всякаго зла въ этомъ мірѣ печали и слезъ.

Каждый вечеръ передъ сномъ она складывала руки и читала вечернія молитвы. Прочитавъ «Отче нашъ» и «Господи, помилуй насъ», она просила Бога охранить ее отъ любви.

— Это было бы большое несчастіе,—говорила она.—Я стара, некрасива и бѣдна. Нѣтъ, мнѣ нельзя влюбиться!

Она сидѣла изъ дня въ день въ своей комнатѣ на чердакѣ въ домикѣ фру Мореусъ и вязала гардины и скатерти. Свою работу она продавала крестьянамъ и господамъ. Она задалась цѣлью заработать себѣ достаточно средствъ, чтобы пріобрѣсти маленькую избушку.

Маленькая избушка на высокомъ холмѣ, противъ Свартшёской церкви, съ открытымъ широкимъ видомъ—вотъ что было ея завѣтной мечтой. Но о любви она не хотѣла и слышать.

Въ лѣтніе вечера, когда до нея доносились веселые звуки скрипки съ перекрестка, гдѣ музыканты, сидя на заборѣ, играли польку, а молодежь плясала такъ, что пыль стояла столбомъ, она нарочно дѣлала большой обходъ по лѣсу только для того, чтобы ничего не видать и не слыхать.

Если случалось, что на второй день Рождества крестьянскія невѣсты приходили къ фру Мореусъ, по пяти и шести разъ, чтобы попросить ее и ея дочерей одѣть ихъ къ вѣнцу, то она все время оставалась у себя наверху, не желая смотрѣть, какъ невѣстъ украшаютъ въ честь любви. Она не хотѣла видѣть, какъ на нихъ надѣвали миртовый вѣнокъ, высокую корону изъ шелка и бусъ и яркій шелковый шарфъ, а къ груди прикрѣпляли букетикъ изъ самодѣльныхъ розъ и подолъ юбки отдѣлывали гирляндой цвѣтовъ изъ тафты.

Въ зимніе вечера дочери фру Мореусъ сидѣли за пяльцами, и въ большой комнатѣ налѣво отъ сѣней было свѣтло, тепло и уютно; огонь въ очагѣ ярко пылалъ, а передъ огнемъ вертѣлись и пеклись наливныя яблоки, подвѣшенныя на веревочкахъ. Случалось, что въ гости приходилъ красивый Іёста Берлингъ или добрый Фердинандъ, и тогда въ комнатѣ раздавался хохотъ и веселая болтовня. Молодые люди старались выдергивать нитки изъ иголокъ и мѣшали дѣвушкамъ дѣлать ровные стежки; начиналась возня, сыпались шутки, а подъ пяльцами встрѣчались руки въ крѣпкомъ пожатіи. Тогда мамзель Мари съ досадой сворачивала свое вязанье и уходила изъ комнаты, потому что она ненавидѣла любовь и всѣ ея пути.

Она хорошо знала всѣ злодѣянія любви и объ этомъ она могла говорить безъ конца. Она удивлялась, какъ любовь осмѣливается еще показываться на землѣ, какъ ее не пугаютъ жалобы покинутыхъ, проклятія тѣхъ, кого она сдѣлала преступниками и стоны несчастныхъ, на которыхъ она наложила ненавистныя цѣпи. Ее удивляло, что любовь продолжаетъ легко и свободно порхать на своихъ крыльяхъ и не погружается въ бездонную пучину подъ бременемъ раскаянія и стыда.

Конечно, и она была молода, какъ и другіе, но любовь она всегда ненавидѣла. Никогда не соблазнилась она ни лаской, ни танцами. Гитара ея матери висѣла на чердакѣ съ оборванными струнами и запыленная. Никогда не брала она ея въ руки для того, чтобы подъ ея аккомпанементъ пѣть нѣжныя любовныя пѣсенки.

На ея окнѣ стояли розовыя деревца, оставшіяся послѣ ея матери. Она едва-едва поливала ихъ, потому что не любила цвѣтовъ, этихъ дѣтей любви. Бѣдныя растенія были покрыты пылью, между вѣтвями висѣла паутина и почки никогда не распускались.

Въ благоухающемъ садикѣ фру Мореусъ, гдѣ порхали бабочки и пѣли птицы, гдѣ все говорило о ненавистномъ ей чувствѣ,—тамъ мамзель Мари почти никогда не показывалась.

Но вотъ случилось такъ, что прихожане въ Свартшё рѣшили поставить органъ въ своей церкви. Это было лѣтомъ незадолго до того, какъ кавалеры сдѣлались хозяевами въ Экебю. Въ Свартшё пріѣхалъ молодой человѣкъ, который долженъ былъ построить органъ. Онъ сдѣлался также жильцомъ у фру Мореусъ и также поселился въ маленькой комнаткѣ на чердакѣ.

Вотъ онъ-то и построилъ тотъ органъ, который издаетъ такіе удивительные звуки: страшныя басовыя ноты вдругъ совершенно неожиданно врываются среди тихаго псалма,—какимъ образомъ и почему это случается, никто не знаетъ,—и органъ заставляетъ дѣтей плакать въ церкви во время рождественской службы.

Что молодой органистъ былъ мастеръ своего дѣла, это подлежитъ большому сомнѣнію. Но нельзя было не согласиться, что это былъ веселый малый со свѣтлой улыбкой и живыми глазами. У него было ласковое слово для всякаго—какъ для богатаго, такъ и для бѣднаго, какъ для молодого, такъ и для стараго. Вскорѣ онъ сдѣлался хорошимъ другомъ своихъ хозяевъ, ахъ, больше, чѣмъ другомъ!

Вечеромъ, возвратясь съ работы, онъ приходилъ въ благоухающій садикъ и старался быть полезнымъ чѣмъ только могъ. Онъ держалъ для фру Мореусъ мотокъ шерсти и помогалъ молодымъ дѣвушкамъ работать. Иногда онъ декламировалъ «Акселя» и пѣлъ «Фритьофа». Онъ поднималъ клубокъ нитокъ мамзель Мари, какъ бы часто она его ни роняла, и починилъ даже ея стѣнные часы.

Ни съ одного бала онъ не уходилъ, не потанцовавъ со всѣми, начиная съ самой старой дамы и кончая самой молоденькой дѣвочкой. Если его постигала какая-нибудь неудача, то онъ подсаживался къ первой попавшейся женщинѣ и дѣлалъ ее повѣренной своихъ тайнъ. Да, это былъ человѣкъ, о которомъ мечтаютъ женщины! А между тѣмъ онъ ни съ одной изъ нихъ не говорилъ о любви. И вотъ

не прошло и нѣсколькихъ недѣль съ тѣхъ поръ, какъ онъ поселился у фру Мореусъ, какъ всѣ молодыя дѣвушки влюбились въ него, и даже бѣдная мамзель Мари должна была убѣдиться въ томъ, что всѣ ея молитвы были напрасны.

Это было время радости и горя. На большія пяльцы падали слезы и смывали рисунокъ, выведенный мѣломъ. По вечерамъ въ сиреневой бесѣдкѣ часто сидѣла блѣдная мечтательница, а наверху мамзель Мари играла на гитарѣ въ своей маленькой комнаткѣ и пѣла нѣжныя любовныя пѣсенки, которымъ выучилась еще у матери.

Что же касается до молодого органиста, то онъ былъ все также беззаботенъ и веселъ и щедро разсыпалъ улыбки и всякія услуги среди всѣхъ этихъ изнывающихъ женщинъ, которыя ссорились изъ-за него, когда онъ уходилъ на работу. Но вотъ насталъ, наконецъ, день, когда онъ долженъ былъ уѣхать.

Телѣжка стояла передъ дверьми, чемоданъ былъ уже привязанъ, и молодой человѣкъ сталъ прощаться со всѣми. Онъ поцѣловалъ руку фру Мореусъ, а молодыхъ дѣвушекъ, проливавшихъ горькія слезы, онъ поочередно обнималъ и цѣловалъ въ щеки. Онъ самъ плакалъ, разставаясь съ этимъ маленькимъ сѣрымъ домикомъ, въ которомъ провелъ такое пріятное, свѣтлое лѣто. Наконецъ, онъ обернулся, отыскивая взоромъ мамзель Мари.

Въ эту минуту она сошла съ чердачной лѣстницы и появилась на крыльцѣ въ своемъ лучшемъ нарядѣ. На шеѣ у нея висѣла гитара на широкой зеленой лентѣ, а въ рукахъ она держала букетъ мѣсячныхъ розъ, которыя въ этомъ году распустились на деревцахъ ея матери. Она встала передъ молодымъ человѣкомъ, заиграла на гитарѣ и запѣла:

«Ты ѣдешь... Добрый путь,
Но дружбы тихій вздохъ тебя сопровождаетъ!
Будь счастливъ и въ странѣ далекой не забудь,
Что другъ тебя въ лѣсахъ Верманда ожидаетъ!» *).

Потомъ она воткнула цвѣты ему въ петлицу и поцѣловала его прямо въ губы. Совершивъ все это, она повернулась и снова исчезла на чердачной лѣстницѣ.

Любовь отомстила ей и сдѣлала изъ нея посмѣшище. Но никогда больше не жаловалась она на любовь. Никогда не забрасывала она больше гитары и никогда не забывала ухаживать за розовыми деревцами своей матери.

---

*) Переводъ Г. А. Галиной.

Она научилась любить любовь со всѣми ея муками, слезами и тоской.

— Лучше грустить, но любить, чѣмъ быть веселой и не знать любви,—говорила она.

Время шло. Майоршу изгнали изъ Экебю и тамъ стали хозяйничать кавалеры. Въ одинъ воскресный вечеръ, какъ уже извѣстно, послѣ того какъ Іёста прочелъ свою поэму, графиня Елизавета запретила ему когда-нибудь впредь переступать порогъ своего дома.

Говорили, что когда Іёста затворилъ за собой дверь графскаго дома, то онъ увидалъ нѣсколько саней, подъѣзжавшихъ къ Боргу. Въ первыхъ саняхъ сидѣла маленькая дама, при видѣ которой на душѣ у него стало еще тяжелѣе. Онъ поспѣшилъ пройти мимо, боясь быть узнаннымъ. Имъ овладѣло мрачное предчувствіе. Неужели то, что только что произошло въ голубомъ кабинетѣ, какъ какое-нибудь заклятіе, вызвало эту женщину? Всегда одно несчастіе вызываетъ другое.

Слуги выбѣжали навстрѣчу гостямъ, откинули полость и помогли выйти изъ саней маленькой дамѣ. Кто это? Ахъ, да вѣдь это сама Мерта Дона, знаменитая графиня.

Это была самая веселая и самая взбалмашная женщина на свѣтѣ. Она была царицей веселья; игры и смѣхъ были ея подданными. Развлеченія, танцы и приключенія были ея удѣломъ.

Ей было уже подъ пятьдесятъ лѣтъ, но она принадлежала къ числу тѣхъ мудрыхъ людей, которые не считаютъ годовъ. «Тотъ, у кого нога не поднимается больше для танцевъ, и ротъ не способенъ больше улыбаться, тотъ старъ,—говорила она.—Тотъ чувствуетъ ужасное бремя годовъ, но не я».

Радость не всегда шла безпрерывной полосой въ ея молодости, но неувѣренность и разнообразіе дѣлали ея жизнь только пріятнѣе. Но гдѣ только было удовольствіе, тамъ царила Мерта Дона. Такъ она и прожила всю свою жизнь, играя, танцуя и шутя. Чего только она не видѣла, чего не пережила? Одну недѣлю она жила при дворѣ въ Стокгольмѣ, слѣдующую она уже находилась въ Парижѣ и танцовала на балу. Она посѣщала Наполеона въ его лагерѣ и присутствовала на конгрессѣ въ Вѣнѣ. Изъ веселья и безумныхъ выходокъ состояла вся ея жизнь, да и продолжала быть такой же. Ея тѣло не было еще слишкомъ старо для танцевъ, а сердце для любви. Развѣ она уставала когда-нибудь отъ маскарадовъ, комедій, веселаго общества и нѣжныхъ пѣсенъ?

Иногда, когда веселье бѣжало изъ странъ, превратившихся в

поле битвы, она пріѣзжала на болѣе или менѣе продолжительный срокъ въ старое графское помѣстье на берегу длиннаго Лёвена. Она жила тамъ также и во времена «Священнаго союза», когда царствующія особы и ихъ дворъ казались ей слишкомъ скучными и унылыми. Въ одно изъ такихъ посѣщеній она и сдѣлала Іёсту Берлинга учителемъ своего сына. Ей хорошо жилось въ старомъ помѣстьи. Казалось, для веселья не было болѣе великолѣпнаго царства. Тамъ были и пѣніе, и игра, и люди, любившіе приключенія, и прекрасныя, веселыя женщины. Тамъ не было недостатка въ приглашеніяхъ и балахъ, въ катаньѣ по озеру на лодкахъ при лунномъ свѣтѣ, въ катаньѣ въ саняхъ по темнымъ лѣсамъ, въ потрясающихъ приключеніяхъ и въ любви съ ея горемъ и мукой.

Но съ тѣхъ поръ, какъ умерла ея дочь, графиня не пріѣзжала въ Боргъ. Пять лѣтъ не видала она его. Теперь она пріѣхала, чтобы посмотрѣть, какъ переноситъ жизнь ея невѣстка среди еловыхъ лѣсовъ, медвѣдей и снѣжныхъ сугробовъ. Она сочла своей обязанностью поѣхать и посмотрѣть, не замучилъ ли ее до смерти глупый и скучный Хенрикъ. Она рѣшила быть ангеломъ-хранителемъ у домашняго очага. Солнечное сіяніе и счастіе были уложены въ ея сорока чемоданахъ, и казалось, что она привезла съ собой и веселье, и смѣхъ, и шутки.

И когда она взбѣжала по лѣстницѣ, то ее встрѣтили распростертыя объятія. Ея старыя комнаты въ нижнемъ этажѣ ждали ее. Ея слуга, компаньонка и камерфрау, ея сорокъ чемодановъ и тридцать картонокъ, ея несессеры, шалп и шубы,—все водворилось понемногу въ домѣ. Поднялись шумъ и возня. Двери хлопали, по лѣстницѣ бѣгали внизъ и вверхъ. Сразу было замѣтно, что пріѣхала графиня Мерта.

Стоялъ прекрасный весенній вечеръ, хотя было только начало апрѣля и озеро еще не вскрылось. Мамзель Мари открыла свое окно, сѣла возлѣ него и запѣла, аккомпанируя себѣ на гитарѣ.

Ея вниманіе было такъ поглощено гитарой и воспоминаніями, что она не замѣтила, какъ подъѣхала коляска и остановилась передъ крыльцомъ. Въ коляскѣ сидѣла графиня Мерта; она съ видимымъ удовольствіемъ и интересомъ смотрѣла на мамзель Мари, которая сидѣла у окна съ гитарой на шеѣ и пѣла старинныя любовныя пѣсни, устремивъ свой взоръ въ небо.

Полюбовавшись этимъ зрѣлищемъ, графиня вышла изъ коляски и вошла въ домъ, гдѣ прилежныя дѣвушки работали, сидя вокругъ

пялецъ. Она не была надменной, такъ какъ духъ революціи и на нее оказалъ свое вліяніе.

Она не виновата въ томъ, что она—графиня, говорила она, но какъ бы то ни было, она желала жить такою жизнью, которая ей нравилась. Она одинаково веселилась какъ на крестьянской свадьбѣ, такъ и на придворномъ балу. Когда не было другихъ зрителей, то она разыгрывала комедіи передъ своими служанками. Въ какомъ бы обществѣ она ни появлялась, всюду вносила она веселье и оживленіе своимъ хорошенькимъ личикомъ и кипучимъ, неугомоннымъ характеромъ.

Она заказала у фру Мореусъ одѣяло и похвалила молодыхъ дѣвушекъ. Потомъ она осмотрѣла садикъ, разсказала о своихъ приключеніяхъ во время путешествія. Ее вездѣ преслѣдовали приключенія. Подъ конецъ она рѣшилась даже взойти по чердачной лѣстницѣ, страшно крутой и узкой, и посѣтила мамзель Мари въ ея комнаткѣ.

Она облила бѣдную одинокую женщину цѣлымъ снопомъ лучей изъ своихъ черныхъ глазъ и обласкала ее своимъ мелодичнымъ голосомъ.

Она купила у нея гардины, такъ какъ она не могла жить въ Боргѣ безъ того, чтобы на всѣхъ окнахъ не висѣли вязаныя гардины. Она взяла у мамзель Мари также и вязаныя скатерти для своихъ столовъ.

Потомъ она взяла ея гитару и спѣла ей про счастіе и любовь. Она разсказала ей также много интереснаго изъ своей жизни, такъ что мамзель Мари сразу перенеслась въ веселый шумный свѣтъ. Графиня смѣялась такъ мелодично, что замерзшія птички въ саду запѣли, услыхавъ ея смѣхъ. А лицо графини, которое едва ли теперь можно было назвать красивымъ,—оно было испорчено притираніями, а около рта лежало выраженіе грубой чувственности,—показалось Мари такимъ прекраснымъ, что она удивлялась, какъ могло ея маленькое зеркальце позволить ему исчезнуть послѣ того, какъ оно уже отразило его на своей гладкой поверхности.

Уходя, она поцѣловала мамзель Мари и просила ее пріѣзжать въ Боргъ.

Сердце мамзель Мари было такъ же пусто, какъ гнѣзда ласточекъ въ зимнее время. Она была свободна, но она тосковала по цѣпямъ, какъ тоскуетъ рабъ, освобожденный на склонѣ своихъ лѣтъ.

И вотъ для мамзель Мари снова наступило время печали и радости; но не надолго, всего только на восемь дней.

Графиня безпрестанно пріѣзжала за ней и увозила ее въ Боргъ. Она разыгрывала передъ ней комедіи и разсказывала ей о своихъ г[illegible]-

клонникахъ, и мамзель Мари смѣялась такъ, какъ никогда раньше. Онѣ стали хорошими друзьями, и вскорѣ графиня узнала всю подноготную о молодомъ органистѣ и о трогательномъ прощаніи. Въ сумерки мамзель Мари садилась по ея просьбѣ къ окну въ голубомъ кабинетѣ; на шеѣ у нея висѣла гитара и она пѣла любовныя пѣсни. Графиня сидѣла и смотрѣла на сухую, тощую фигуру старой дѣвы и на ея маленькую, некрасивую голову, выдѣлявшуюся на красномъ фонѣ вечерней зари, и говорила потомъ, что бѣдная мамзель похожа на средневѣковую дѣвицу, изнывающую отъ любви. Во всѣхъ пѣсняхъ, которыя пѣла мамзель Мари, говорилось про влюбленныхъ пастушковъ и жестокихъ пастушекъ, а голосокъ у нея былъ необыкновенно тоненькій. Можно себѣ представить, какъ наслаждалась графиня этой комедіей.

Однажды въ Боргѣ собрались гости, что часто случалось, когда туда пріѣзжала мать графа. Было весело и оживленно, какъ и всегда. Но гостей было немного, были приглашены только ближайшіе сосѣди.

Столовая была въ нижнемъ этажѣ, и послѣ ужина гости не поднялись наверхъ, а расположились въ комнатахъ графини Мерты, находившихся также внизу. Графиня взяла гитару мамзель Мари и начала пѣть. Графиня Мерта была презабавная дама и она умѣла передразнивать кого угодно. И вотъ ей пришло въ голову передразнивать мамзель Мари. Она устремила глаза въ небо и запѣла тоненькимъ, писклявымъ, дѣтскимъ голоскомъ.

— О нѣтъ, о нѣтъ, графиня!—просила мамзель Мари.

Но графинѣ было весело, да и большая часть гостей не могла удержаться отъ смѣха, хотя многимъ было жалко мамзель Мари.

Графиня вынула изъ одной шкатулки пригоршню сухихъ розовыхъ лепестковъ и, принявъ трагическій видъ, подошла къ мамзель Мари и запѣла растроганнымъ голосомъ:

«Ты ѣдешь... Добрый путь,
Но дружбы тихій вздохъ тебя сопровождаетъ!
Будь счастливъ и въ странѣ далекой не забудь,
Что другъ тебя въ лѣсахъ Вермланда ожидаетъ!»

И она высыпала на голову мамзель Мари розовые лепестки. Всѣ хохотали; но мамзель Мари пришла въ ярость. Казалось, она готова была выцарапать глаза у графини.

— Ты нехорошая женщина, Мерта Дона,—сказала она.—Ни одна порядочная женщина не должна была бы водить знакомство съ тобой.

Тогда и графиня вышла изъ себя.

— Вонъ, мамзель!—крикнула она.—Довольно мнѣ твоихъ безумствъ!

— Да, я уйду,—сказала мамзель Мари,—но сперва ты должна мнѣ заплатить за скатерти и гардины, которыя ты тутъ развѣсила.

— За эти-то старыя тряпки!—воскликнула графиня.—Ты хочешь, чтобы я заплатила тебѣ за эти старыя тряпки? Бери ихъ себѣ! Я не хочу ихъ больше видѣть! Бери ихъ сейчасъ же съ собой!

И графиня стала швырять ей скатерти и срывать гардины,—она не помнила себя отъ гнѣва.

На слѣдующій день молодая графиня попросила свою свекровь помириться съ мамзель Мари; но графиня ни за что не соглашалась на это. Мамзель Мари ей надоѣла.

Тогда графиня Елизавета поѣхала къ мамзель Мари и скупила у нея всѣ гардины, какія у нея только были, и развѣсила ихъ во всемъ верхнемъ этажѣ. Послѣ этого мамзель Мари почувствовала себя удовлетворенной.

Графиня Мерта шутила со своей невѣсткой и очень смѣялась надъ ея необыкновенной любовью къ вязанымъ гардинамъ. Она умѣла скрывать свою злобу и сохранять ее годами. Это была богато одаренная натура.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I. Кузенъ Кристофферъ.

Среди кавалеровъ въ кавалерскомъ флигелѣ жилъ старый орелъ. Онъ всегда сидѣлъ въ углу у очага и смотрѣлъ за тѣмъ, чтобы огонь не потухъ. Онъ былъ взъерошенный и сѣдой; его маленькая голова съ крючковатымъ носомъ грустно склонялась на длинной, тощей шеѣ, которую обрамлялъ широкій мѣховой воротникъ. Старый орелъ ходилъ въ мѣху зиму и лѣто.

Онъ принадлежалъ къ той кучкѣ людей, которые во главѣ съ великимъ императоромъ гонялись по всей Европѣ; какъ его звали и какой титулъ онъ носилъ,—этого никто не могъ сказать. Въ Вермландѣ знали только, что онъ принималъ участіе въ большой войнѣ, что онъ наводилъ страхъ на враговъ въ великихъ сраженіяхъ, а въ 1815 г. долженъ былъ бѣжать изъ своего неблагодарнаго отечества. Онъ нашелъ покровительство у шведскаго кронпринца и тотъ посовѣтовалъ ему исчезнуть въ далекомъ Вермландѣ. Таково было то время, что тотъ, кто заставлялъ когда-то трепетать передъ собой цѣлые народы, былъ радъ, что никто не знаетъ его имени, наводившаго нѣкогда такой страхъ.

Онъ далъ слово кронпринцу никогда не выѣзжать изъ Вермланда и не говорить безъ особенной надобности, кто онъ такой. Кронпринцъ послалъ его съ собственноручнымъ рекомендательнымъ письмомъ къ майору въ Экебю,—и вотъ двери кавалерскаго флигеля распахнулись для него.

Въ началѣ онъ возбуждалъ большое любопытство, всѣ интересовались, кто бы могъ скрываться подъ его вымышленнымъ именемъ. Но мало-по-малу онъ превратился въ вермландца. Всѣ называли его кузенъ Кристоффъ и никто не могъ сказать, почему ему дали эту кличку.

Но тяжело хищному орлу жить въ клѣткѣ. Тяжело для него только перепрыгивать съ одной нашестки на другую и принимать пищу изъ рукъ своихъ хозяевъ. Онъ привыкъ къ другой жизни: когда-то битвы и смертельная опасность заставляли горѣть его кровь,—ему противны миръ и покой.

Правда, что и остальные кавалеры не принадлежали къ числу ручныхъ птицъ, но ни у кого изъ нихъ не было такой горячей крови, какъ у кузена Кристоффера. Только одна медвѣжья охота могла оживить его, медвѣжья охота или женщина—единственная женщина.

Лѣтъ десять тому назадъ онъ въ первый разъ увидалъ графиню Мерту, которая тогда уже была вдовой, и онъ ожилъ. Эта женщина была перемѣнчива, какъ война, она возбуждала, какъ опасность,—это было необыкновенное существо, и онъ влюбился въ нее.

И вотъ онъ изъ году въ годъ жилъ въ кавалерскомъ флигелѣ, старѣлся и сѣдѣлъ, и не могъ просить ея руки. Онъ не видалъ ея пять лѣтъ. Онъ хирѣлъ и умиралъ понемногу, какъ орелъ въ неволѣ. Съ каждымъ годомъ онъ какъ-то ссыхался и становился зябче, онъ усерднѣе кутался въ мѣха и не отходилъ отъ очага.

Въ страстную субботу, онъ по своему обыкновенію сидѣлъ у очага, взъерошенный, сѣдой и зябкій. Вечеромъ, по случаю наступленія Пасхи, должны были стрѣлять изъ ружей и сжигать чучело вѣдьмы, и всѣ кавалеры ушли дѣлать необходимыя приготовленія; но онъ не двинулся съ мѣста и продолжалъ сидѣть въ своемъ углу у очага.

О, кузенъ Кристоффъ, кузенъ Кристоффъ, развѣ ты не знаешь?

Пришла весна, прекрасная, улыбающаяся весна.

Природа воспрянула отъ глубокаго сна, и духи весны, точно бабочки, рѣзвятся и играютъ въ небесной лазури и въ легкихъ облачкахъ.

Земля снова начала жить. Какъ дитя, не успѣвшее очнуться отъ сна, встаетъ она, освѣженная весеннимъ разливомъ и первымъ весеннимъ дождемъ. Все весело сверкаетъ. Каждый атомъ радуется и ликуетъ. Вся природа обновилась и живительный воздухъ заставляетъ радостно трепетать сердца. Кажется, точно отовсюду раздается ликующій звонъ колоколовъ: «О счастіе, о радость! Пришла весна, пришла весна!»

Но кузенъ Кристоффферъ сидитъ неподвижно и не внемлетъ голосу природы. Онъ положилъ голову на свои худые, холодные пальцы и мечтаетъ о градѣ изъ пуль и о славѣ, пріобрѣтенной на полѣ битвы. Въ своихъ мечтахъ онъ видитъ лавры и розы, которымъ не надо прекрасной весны, чтобы цвѣсти.

Какъ жалокъ этотъ одинокій завоеватель въ углу у очага въ кавалерскомъ флигелѣ, вдали отъ родины и отъ своего народа; какъ жалокъ этотъ изгнанникъ, который никогда не слышитъ ни единаго звука родной рѣчи и который будетъ похороненъ на кладбищѣ въ Бру, въ безыменной могилѣ. Развѣ онъ виноватъ, что онъ орелъ и рожденъ для того, чтобы преслѣдовать и убивать?

О, кузенъ Кристоффферъ, довольно тебѣ сидѣть и мечтать въ кавалерскомъ флигелѣ! Вставай! Ты можешь снова пить пѣнящееся вино изъ чаши жизни! Знай, кузенъ Кристоффферъ, что сегодня майоръ получилъ письмо, королевское посланіе, запечатанное шведской государственной печатью. Оно послано къ майору, но содержаніе его относится къ тебѣ. Какъ странно видѣть внезапную перемѣну, которая происходитъ въ тебѣ, старый орелъ, когда ты читаешь это посланіе. Глаза твои засверкали и голова поднялась. Двери твоей клѣтки раскрылись, ты увидалъ широкій просторъ, по которому такъ долго тосковалъ, и крылья твои снова понесутъ тебя въ невѣдомую даль.

Кузенъ Кристоффферъ роется на самомъ днѣ своего сундука. Черезъ нѣсколько времени онъ вынимаетъ тщательно сохраненный парадный мундиръ, шитый золотомъ, и надѣваетъ его. На голову онъ надѣваетъ шляпу, украшенную перьями и, сѣвъ на великолѣпную бѣлую лошадь, онъ уѣзжаетъ изъ Экебю.

Это не то, что сидѣть у очага. Теперь и онъ видитъ, что пришла весна.

Онъ выпрямляется въ сѣдлѣ и пускаетъ лошадь въ галопъ. Подбитый мѣхомъ долманъ развѣвается. Всадникъ возродился къ новой жизни, какъ и вся земля. Онъ проснулся послѣ долгой зимней спячки. Старое золотое шитье все еще блеститъ. Энергичное, мужестве-

ное лицо воина подъ треугольной шляпой съ развѣвающимися перьями все еще прекрасно.

Онъ скачетъ по землѣ, которую перерѣзаютъ по всѣмъ направленіямъ весенніе ручейки; повсюду распускаются цвѣточки вѣтреницы. Весенній воздухъ легокъ и напоенъ благоуханіемъ. Кажется, точно духъ весны скачетъ впереди и, трепеща отъ радости, трубитъ въ рогъ. А кузенъ Кристоффъ окруженъ всадниками,—цѣлымъ штабомъ товарищей по оружію: вотъ счастіе несется, стоя въ сѣдлѣ, вотъ слава на своемъ великолѣпномъ конѣ, а вотъ любовь на горячемъ арабскомъ скакунѣ. Дрозды обращаютъ вниманіе на необыкновеннаго всадника и кричатъ ему:

«Кузенъ Кристоффъ, кузенъ Кристоффъ! Куда ты ѣдешь?»

«Я ѣду въ Боргъ свататься»,—отвѣчаетъ кузенъ Кристоффъ.

«Не ѣзди въ Боргъ, не ѣзди въ Боргъ! Женатому бѣда, а холостому и горя нѣтъ!»—кричатъ ему вслѣдъ дрозды.

Но онъ не слушаетъ ихъ предостереженія. Онъ все скачетъ впередъ, пока не пріѣзжаетъ въ Боргъ; тамъ онъ соскакиваетъ съ лошади и его вводятъ къ графинѣ.

Все идетъ хорошо. Графиня къ нему очень милостива. Кузенъ Кристоффъ увѣренъ, что она не откажется носить его громкое имя и царить въ его замкѣ. Онъ сидитъ, слушаетъ ее и отдаляетъ то восхитительное мгновеніе, когда онъ покажетъ ей королевское посланіе. Онъ наслаждается ожиданіемъ.

Графиня болтаетъ и занимаетъ его всевозможными исторіями. Онъ на все смѣется и всему удивляется. Онъ сидитъ въ одной изъ комнатъ, въ которыхъ графиня Елизавета развѣсила вязаныя гардины мамзель Мари. Графиня Мерта разсказала ему исторію съ этими гардинами и съ мамзель Мари. При этомъ она старалась изобразить все въ самомъ смѣшномъ видѣ.

«Вотъ видите,—говоритъ она подъ конецъ,—какая я злая. Эти гардины висятъ здѣсь для того, чтобы я ежеминутно и ежечасно думала о своемъ преступленіи. Это такое ужасное искупленіе, которому нѣтъ равнаго на свѣтѣ. О, эти отвратительныя гардины!»

Великій воинъ, кузенъ Кристоффъ, смотритъ на нее горящимъ взоромъ.

«Я также старъ и бѣденъ,—говоритъ онъ,—я десять лѣтъ сидѣлъ въ углу у очага и тосковалъ по моей возлюбленной. И надъ этимъ вы также смѣетесь, графиня?»

— О, это совсѣмъ другое дѣло,—восклицаетъ графиня.

— Богъ лишилъ меня счастія и родины и я долженъ былъ ѣсть

чужой хлѣбъ,—говоритъ кузенъ Кристоффферъ серьезно.—Я выучился уважать бѣдность.

— Ахъ, и вы съ тѣми же проповѣдями?—восклицаетъ графиня, всплескивая руками.—До чего всѣ люди добродѣтельны! Ахъ, какъ они стали добродѣтельны!

— Да,—говоритъ онъ,—но знайте, графиня, что если бы Богъ впослѣдствіи возвратилъ мнѣ мои богатства и власть, то я нашелъ бы имъ болѣе достойное примѣненіе, а не предложилъ бы раздѣлить ихъ такой свѣтской дамѣ, такой накрашенной, безсердечной мартышкѣ, которая глумится надъ бѣдностью.

— Въ этомъ вы совершенно правы, кузенъ Кристоффферъ.

Сказавъ свою рѣчь, кузенъ Кристоффферъ выходитъ изъ комнаты и уѣзжаетъ изъ Экебю. Но на обратномъ пути его уже не сопровождаютъ геніи, дрозды ничего не кричатъ ему, и онъ не замѣчаетъ больше улыбающейся весны.

Когда онъ пріѣхалъ въ Экебю, то тамъ уже приготовлялись стрѣлять изъ ружей и сжигать большое чучело вѣдьмы, сдѣланное изъ соломы. Голова вѣдьмы была свернута изъ тряпки и на ней углемъ были нарисованы глаза, носъ и ротъ. На вѣдьмѣ было надѣто старое платье работницы, возлѣ нея стояла длинная кочерга, а на шеѣ у нея висѣлъ рогъ съ масломъ. Все приготовлено для ея путешествія на чортову гору.

Майоръ Фуксъ заряжаетъ свое ружье и нѣсколько разъ стрѣляетъ вверхъ, въ воздухъ. Когда большой костеръ изъ сухого хвороста разгорѣлся, то въ него бросили вѣдьму, и она мгновенно сгорѣла, вспыхнувъ яркимъ пламенемъ. Кавалеры сдѣлали все, что только считали необходимымъ, чтобы посредствомъ старыхъ, хорошо испытанныхъ средствъ уничтожить силу нечистаго.

Кузенъ Кристоффферъ стоялъ и мрачно смотрѣлъ на все. Но вдругъ онъ вытащилъ изъ-за обшлага рукава королевское посланіе и бросилъ его въ костеръ. Богъ знаетъ, что ему пришло въ голову въ ту минуту. Можетъ быть, ему показалось, что на кострѣ сжигаютъ не вѣдьму, а самое графиню Мерту. Можетъ быть, онъ убѣдился, что въ концѣ концовъ эта женщина также состояла только изъ тряпокъ и соломы, и послѣ этого для него на свѣтѣ не оставалось ничего дорогого и цѣннаго.

Онъ пошелъ въ кавалерскій флигель, зажегъ огонь въ очагѣ и спряталъ мундиръ. И вотъ онъ снова сѣлъ на свое мѣсто въ углу у очага и съ каждымъ днемъ онъ становился все старѣе и сѣдѣе и понемногу умиралъ и хирѣлъ, какъ старый орелъ въ неволѣ.

Онъ получилъ свободу, но онъ не хотѣлъ больше ею пользоватъ-

ся. Передъ нимъ раскрылся широкій просторъ; поле битвы, честь и жизнь на волѣ ждутъ его. Но теперь уже поздно: у него нѣтъ больше силъ расправить свои крылья и подняться на нихъ для полета.

II. Пути жизни.

Тяжелы пути жизни, которыми странствуетъ человѣкъ по землѣ. Они идутъ по пустынямъ, болотамъ и горамъ.

Но почему же столько горя безпрепятственно ходитъ по бѣлу свѣту? Гдѣ же тѣ маленькія феи цвѣтовъ, тѣ маленькія сказочныя принцессы, на слѣдахъ которыхъ вырастаютъ розы? Почему не усыпаютъ онѣ тяжелые пути цвѣтами?

Іёста Берлингъ, поэтъ, рѣшилъ жениться. Ему остается только найти невѣсту, которая была бы достаточно бѣдна, достаточно презираема, достаточно отвержена, чтобы годиться въ жены сумасшедшему священнику.

Его любили прекрасныя, благородныя женщины, но имъ незачѣмъ соперничать изъ-за его руки. Отверженный ищетъ свою избранницу среди отверженныхъ.

Кого же ему выбрать, гдѣ искать?

Въ Экебю приходитъ иногда продавать вѣники одна бѣдная дѣвушка изъ отдаленной деревни, лежащей въ горахъ среди глухого лѣса. Въ этой деревнѣ, гдѣ постоянно царятъ нужда и голодъ, есть много людей, не вполнѣ владѣющихъ своимъ разсудкомъ, и дѣвушка съ вѣниками одна изъ этихъ несчастныхъ.

Но она прекрасна. Ея густые черные волосы, заплетенные въ толстыя косы, едва помѣщаются на головѣ; у нея прекрасный овалъ лица, носъ прямой и небольшой, а глаза голубые. Она принадлежитъ къ прекрасному меланхолическому типу мадонны, который такъ часто встрѣчается на берегахъ длиннаго Лёвена.

И вотъ невѣста для Іёста Берлинга нашлась: полоумная дѣвушка, продающая вѣники, вполнѣ подходящая жена для сумасшедшаго священника. Развѣ можно найти что-нибудь болѣе подходящее?

Ему остается только съѣздить въ Карлстадъ за кольцами, а потомъ онъ хочетъ провести еще одинъ веселый день. Пусть еще разъ посмѣются надъ Іёстой Берлингомъ, пусть посмѣются, когда онъ будетъ праздновать свое обрученье съ полоумной продавщицей вѣниковъ, пусть потѣшаются, когда онъ будетъ справлять свою свадьбу съ ней! Такой забавный случай не часто представляется.

Развѣ отверженный не долженъ идти путями отверженнаго, путями озлобленія, горя, несчастія? Что значитъ, если онъ падаетъ и

погибаетъ? Развѣ есть кому-нибудь какое-нибудь дѣло до него? Развѣ кто-нибудь протянетъ ему руку помощи, скажетъ хоть одно слово утѣшенія. Гдѣ же маленькія феи цвѣтовъ, гдѣ тѣ сказочныя принцессы, которыя должны усыпать розами тяжелые пути?

Нѣтъ, нѣтъ, молодая, кроткая графиня въ Боргѣ, конечно, не помѣшаетъ ему исполнить свое намѣреніе. Она побоится за свою репутацію, она побоится гнѣва мужа и ненависти свекрови, она ничего не сдѣлаетъ, чтобы удержать его отъ безумнаго шага.

Во время долгой службы въ свартшёской церкви она склоняетъ голову и, сложивъ руки, молится за него. Во время безсонныхъ ночей она даже плачетъ о немъ, но у нея нѣтъ цвѣтовъ, которые она могла бы разсыпать по пути отверженныхъ, у нея нѣтъ ни капли воды, чтобы утолить жаждущаго. Она не протягиваетъ руку, чтобы удержать погибающаго на краю пропасти.

Іёста Берлингъ вовсе не заботится о томъ, чтобы нарядить свою избранницу въ шелкъ и драгоцѣнности. Она продолжаетъ ходить съ одного двора на другой и продавать вѣники, какъ это она всегда дѣлала. Тогда только, когда въ Экебю соберутся на торжественный пиръ самые значительные люди въ приходѣ, мужчины и женщины, тогда только онъ объявитъ громогласно о своей помолвкѣ. Онъ позоветъ ее изъ кухни и представитъ гостямъ въ томъ видѣ, въ какомъ она странствуетъ по деревнямъ: въ грязномъ, пыльномъ, а можетъ быть, и рваномъ платьѣ, можетъ быть, нечесаную, съ безумными глазами и потокомъ безумныхъ словъ на устахъ. Онъ спроситъ гостей, не находятъ ли они, что онъ избралъ для себя вполнѣ подходящую невѣсту; не находятъ ли они, что сумасшедшій священникъ долженъ гордиться такой прекрасной невѣстой, этимъ кроткимъ лицомъ мадонны, этими мечтательными, голубыми глазами.

До тѣхъ поръ онъ хотѣлъ сохранить въ тайнѣ свое намѣреніе, но это ему не удалось, и графиня Дона, одна изъ первыхъ, узнала о его замыслѣ.

Но что могла она сдѣлать, чтобы помѣшать ему? Вотъ насталъ и день обрученія; начало смеркаться. Графиня стоитъ у окна въ голубомъ кабинетѣ и смотритъ на сѣверъ. Ей начинаетъ казаться, что она видитъ Экебю, хотя надъ озеромъ стоитъ туманъ и глаза ея застилаютъ слезы. Ей кажется, что она видитъ большой трехъэтажный домъ съ тремя рядами ярко освѣщенныхъ оконъ; она уже представляетъ себѣ, какъ въ бокалы разливаютъ шампанское, какъ произносятъ тостъ и какъ Іёста провозглашаетъ о своемъ обрученіи съ продавщицей вѣниковъ.

Что, если бы она теперь была около него и тихо положила бы на

его плечо свою руку, или если бы она только ласково посмотрѣла на него? Можетъ быть, онъ отказался бы отъ недобраго пути отверженныхъ? Если одно слово, сказанное ею, могло довести его до отчаяннаго поступка, то, можетъ быть, одно ея слово удержитъ его?

Она содрогается при мысли о томъ грѣхѣ, который онъ беретъ на свою душу, поступая такъ съ этимъ несчастнымъ, обездоленнымъ ребенкомъ. Ее приводитъ въ ужасъ мысль, что, можетъ быть, изъ-за его злой шутки, изъ-за минутной потѣхи это бѣдное существо полюбитъ его. А можетъ быть,—и она содрогается еще больше, думая о томъ, какъ онъ грѣшитъ противъ самого себя,—можетъ быть, онъ на всю жизнь наложитъ на себя тяжелыя цѣпи и у него никогда уже не будетъ больше силъ подняться.

И во всемъ виновата она. Своими безсердечными словами она толкнула его на недобрый путь. Какъ могла она, которая должна была бы благословлять и утѣшать, какъ могла она вплести еще одно лишнее терніе въ терновый вѣнецъ грѣшника?

Но теперь она знаетъ, что̀ она должна сдѣлать. Она велитъ заложить пару вороныхъ лошадей въ сани и поѣдетъ черезъ Лёвенъ. Она поѣдетъ въ Экебю, встанетъ прямо передъ Іёстой Берлингомъ и скажетъ ему, что она не презираетъ его, что она не сознавала, что говорила, когда выгнала его изъ своего дома... Нѣтъ, она не можетъ этого сдѣлать, ей будетъ стыдно и она не вымолвитъ ни одного слова. А кромѣ того, вѣдь она замужемъ, она должна быть очень осторожна. Если она сдѣлаетъ что-нибудь подобное, то поднимутся пересуды. Но если она не сдѣлаетъ этого, то что будетъ съ нимъ?

Нѣтъ, она должна поѣхать туда.

Но едва она принимаетъ это рѣшеніе, какъ тотчасъ же вспоминаетъ, что оно невыполнимо. Черезъ Лёвенъ больше уже нельзя переѣзжать на лошадяхъ. Озеро каждую минуту можетъ вскрыться; повсюду видны трещины и полыньи, ледъ сталъ рыхлымъ и сѣрымъ и имѣетъ страшный видъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ изъ подо льда съ бурленіемъ пробивается вода и образуетъ большія черныя лужи; въ другихъ мѣстахъ ледъ ослѣпительно бѣлый. Но по большей части вся поверхность озера представляетъ изъ себя сѣрое, грязное пространство тающаго снѣга, перерѣзанное длинными, черными полосами дорогъ.

Нечего и думать о переправѣ на другую сторону. Ея свекровь, старая графиня Мерта, никогда не позволитъ ей этого. Весь вечеръ она должна была сидѣть съ ней въ гостиной и слушать ея безконечные старые разсказы изъ придворной жизни; эти воспоминанія доставляли старой графинѣ всегда громадное удовольствіе.

Но вотъ наконецъ-то настала ночь; ея мужа нѣтъ дома, она свободна.

Ѣхать ей нельзя, позвать слугъ она боится, но ея безпокойство гонитъ ее изъ дому, несмотря ни на что. Она не можетъ совладать съ собой.

Тяжелы пути жизни, которыми человѣкъ странствуетъ по землѣ: они идутъ по пустынямъ, болотамъ и горамъ.

Но съ чѣмъ сравню я это ночное странствіе по тающему льду? Ужъ не этимъ ли путемъ идутъ самые маленькія феи цвѣтовъ, которыя должны усыпать розами путь для другихъ? Можетъ быть, этотъ опасной, скользкой, колеблющейся дорогой и идутъ тѣ, кто залѣчиваютъ раны, поддерживаютъ слабыхъ, у кого легкая нога, зоркій глазъ и мужественное, любвеобильное сердце?

Было уже далеко за полночь, когда графиня достигла, наконецъ, берега Экебю. Нѣсколько разъ она падала на льду, ей приходилось перепрыгивать черезъ широкія трещины, она пробѣгала по мѣстамъ, гдѣ черезъ рыхлый ледъ просачивалась вода при каждомъ шагѣ, она скользила, спотыкалась и ползла.

Это было тяжелое путешествіе; она плакала, но все шла впередъ.

Она вся промокла и изнемогла; на озерѣ было темно и пустынно, и ей было жутко и страшно.

Подъ конецъ передъ самымъ Экебю ей пришлось идти по водѣ глубиною въ футъ, чтобы достичь берега. Когда она, наконецъ, выбралась на сушу, то все ея мужество и всѣ ея силы были исчерпаны; она сѣла на камень и горько заплакала отъ усталости и безпомощности.

Тяжелы пути жизни, и даже сами маленькія феи цвѣтовъ иногда падаютъ отъ изнеможенія возлѣ своей корзинки, какъ разъ въ ту минуту, когда онѣ уже достигли пути, который надо усѣять цвѣтами.

Но эта молодая знатная дама была прелестная маленькая героиня. Никогда не приходилось ей странствовать по такимъ дорогамъ на ея свѣтлой родинѣ. Не удивительно, если она, сидя на берегу этого ужаснаго озера, мокрая, усталая, несчастная, думаетъ о прелестныхъ, живописныхъ тропинкахъ на своей южной родинѣ, окаймленныхъ цвѣтами.

Увы, для нея не имѣютъ больше значенія ни югъ, ни сѣверъ. Она стоитъ въ самомъ водоворотѣ жизни. Она плачетъ не отъ тоски по родинѣ. Эта маленькая фея цвѣтовъ, эта маленькая героиня плачетъ, потому что она изнемогла и у нея нехватаетъ силъ дойти до того пути, который она должна усѣять цвѣтами. Она плачетъ, потому что думаетъ, что опоздала.

Вдругъ вдоль берега пробѣгаютъ люди. Они пробѣжали мимо, не замѣтивъ ея, но она услыхала, какъ они въ волненіи говорили:

— Если дамбу снесетъ, то кузница обрушится,—сказалъ одинъ.

— А за ней и мельница, и мастерскія, и жилища кузнецовъ,— прибавилъ другой.

Тогда въ ней снова явилось мужество, она встала и послѣдовала за пробѣжавшими людьми.

Мельница и кузница въ Экебю находились на узкой косѣ, вокругъ которой извивается бурная рѣчка Бьёркшёэльвенъ. Немного выше косы эта рѣчка стремительно падаетъ съ крутого уступа, образуя водопадъ, и, пѣнясь, съ силой ударяетъ въ самый берегъ косы. Чтобы защитить застроенный берегъ отъ бурнаго потока, передъ косой съ давнихъ временъ была возведена дамба. Но дамба была уже старая, а въ тѣ времена въ Экебю хозяйничали кавалеры. Они думали только объ увеселеніяхъ и никто изъ нихъ не поинтересовался посмотрѣть, насколько потокъ, холодъ и время успѣли повредить старую каменную дамбу.

Но вотъ настало половодье, и дамба стала подаваться.

Водопадъ въ Экебю состоитъ изъ крутыхъ гранитныхъ уступовъ, по которымъ съ головокружительной быстротой струится Бьёркшёэльвенъ. Волны бросаются внизъ съ отвѣсной крутизны и нагоняютъ другъ друга въ какой-то бѣшеной скачкѣ, пѣнятся, брызжутъ и шипятъ. На своемъ пути онѣ разбиваются о камень или о бревно, но потомъ опять съ новымъ озлобленіемъ бросаются дальше, готовыя преодолѣть всѣ преграды; потомъ снова разбиваются и снова продолжаютъ стремительно нестись впередъ, грохоча, шипя и брызжа во всѣ стороны,—и такъ безъ конца.

И вотъ теперь эти дикія, разъяренныя волны, опьяненныя весеннимъ разливомъ и завоеванной свободой, хотятъ взять приступомъ старую каменную стѣну. Онѣ налетаютъ на нее съ шипѣньемъ, взбираются высоко и потомъ вдругъ падаютъ, точно онѣ ушибли о камни свои бѣлыя, курчавыя головы. Осада старой дамбы ведется настойчиво и упорно: волны швыряютъ въ дамбу льдинами и бревнами, они бросаются на нее съ остервенѣніемъ и потомъ вдругъ отступаютъ, точно имъ кто-нибудь крикнулъ: берегитесь! Вслѣдъ за этимъ отъ дамбы отдѣляется камень и съ грохотомъ падаетъ въ стремнину.

Пораженныя волны затихаютъ, онѣ торжествуютъ, совѣщаются... и потомъ осада возобновляется съ новой силой! Опять въ каменную стѣну летятъ льдины и бревна; потокъ неумолимъ и грозенъ и точно одержимъ духомъ истребленія.

Еслибъ намъ только одолѣть дамбу,—говорятъ волны,—еслибъ намъ только одолѣть дамбу, а тогда ужъ настанетъ чередъ кузницы и мельницы.

Теперь наступилъ наконецъ часъ свободы... долой людей, долой творенье ихъ рукъ! Они загрязняли нашу воду углемъ и мучной пылью, они надѣли на насъ ярмо, какъ на воловъ, они заперли насъ въ тѣсныя плотины, заставили насъ вертѣть тяжелыя колеса, носить гяжелыя, толстыя бревна. Но теперь мы завоюемъ себѣ свободу.

Часъ свободы насталъ! Знайте это, воды Бьеркшё, знайте это, братья и сестры въ прудахъ и болотахъ, въ горныхъ ручейкахъ и лѣсныхъ рѣчкахъ! Идите, идите! Несите свои воды въ Бьеркшёэльвенъ, давайте на помощь свѣжія силы, чтобы свергнуть это вѣковое иго. Идите! Пусть рухнетъ это укрѣпленіе, возведенное тиранiей. Смерть Экебю!

И помощь приходитъ безпрерывно—волна за волной сбрасывается съ водопада и бьется головой о дамбу. Точно опьяненныя завоеванной свободой, дружно и единодушно, съ сознаніемъ своей силы работаютъ разъяренныя волны и отрываютъ отъ дамбы одинъ камень за другимъ, одну кочку земли за другой.

Но почему же люди даютъ безпрепятственно хозяйничать разъяренному потоку? Неужели все Экебю вымерло?

Нѣтъ, народу здѣсь достаточно; на берегу стоитъ цѣлая толпа растерянныхъ, безпомощныхъ людей. Ночь темна, они не видятъ другъ друга и не видятъ даже почвы подъ ногами. Водопадъ грохочетъ и шумъ увеличивается отъ ломающагося льда и ударовъ бревенъ о дамбу,—люди не могутъ слышать даже своего собственнаго голоса. Этотъ дикій гулъ наполняетъ ихъ головы и отнимаетъ у нихъ всякую способность здраво разсуждать.

Заводскій колоколъ бьетъ въ набатъ: пусть слышатъ всѣ, у кого есть уши. Мы здѣсь, въ Экебю, погибаемъ. Рѣка готова насъ затопить. Дамба содрогается, кузница и мельница въ опасности и наши собственныя бѣдныя жилища, которыя мы любимъ, несмотря на ихъ убогость, также въ опасности.

Рѣка можетъ подумать, что колоколъ сзываетъ ея друзей, потому что люди не обращаютъ вниманія на звонъ. Но зато въ лѣсахъ и болотахъ поднимается переполохъ.

«Присылайте помощь, присылайте помощь! — звонитъ колоколъ.—Послѣ вѣкового рабства мы наконецъ освободились. Идите, идите! Зовутъ волны». Ревъ потока и колокольный звонъ словно отпѣваютъ честь и славу Экебю.

А въ это время одинъ посланный за другимъ идутъ въ усадьбу за кавалерами.

Но развѣ они теперь въ такомъ настроеніи духа, чтобы думать о кузницѣ или о мельницѣ? Въ залахъ Экебю собралось сто человѣкъ гостей. Въ кухнѣ ждетъ продавщица вѣниковъ. Наступаетъ то мгновеніе, когда всѣ будутъ поражены неожиданностью. Шампанское искрится въ бокалахъ, и патронъ Юліусъ встаетъ, чтобы сказать тостъ. Всѣ старые авантюристы, живущіе въ Экебю, заранѣе радуются при мысли о томъ, какъ все общество окаменѣетъ отъ изумленія.

Въ это время молодая графиня Дона совершаетъ свой опасный путь черезъ озеро по тающему льду только для того, чтобы шепнуть Іёстѣ Берлингу нѣсколько словъ и удержать его отъ безумнаго шага.

Водопадъ хочетъ взять приступомъ все Экебю и погубить его честь и славу, а въ большихъ залахъ царятъ безпечная радость и напряженное ожиданіе, восковыя свѣчи ярко горятъ и вино льется рѣкой; никто изъ этихъ людей, собравшихся для веселья, не думаетъ о томъ, что происходитъ за стѣнами большихъ залъ въ эту темную, бурную ночь.

Но вотъ настала минута, которую всѣ ждали съ такимъ напряженіемъ. Іёста встаетъ и уходитъ за своей невѣстой. Онъ долженъ пройти черезъ сѣни, мимо наружныхъ дверей, раскрытыхъ настежь; онъ останавливается и вглядывается въ черную ночь... потомъ онъ прислушивается.

Онъ слышитъ набатъ и грохотъ водопада. Онъ слышитъ трескъ взломавшагося льда, удары бревенъ о каменную стѣну и дикій, угрожающій рокотъ волнъ, торжествующихъ побѣду.

Забывъ все, онъ бросается вонъ изъ сѣней и исчезаетъ во мракѣ ночи. Пусть гости стоятъ съ поднятыми бокалами и ждутъ до скончанія вѣка,—теперь ему не до нихъ. Пусть ждетъ невѣста, пусть рѣчь патрона Юліуса замретъ на его устахъ. Въ эту ночь обрученье не состоится, блестящее общество не будетъ поражено неожиданностью.

Теперь берегитесь, взбунтовавшіяся волны, теперь вамъ придется побороться за свою свободу,—самъ Іёста Берлингъ сталъ во главѣ растерявшейся толпы, и къ людямъ вернулось мужество, на осаждаемой стѣнѣ появились защитники и началась жестокая борьба.

Послушайте, какъ онъ кричитъ народу, командуетъ и заставляетъ всѣхъ работать.

— Давайте сюда свѣту, намъ свѣтъ необходимъ прежде всего, роговаго фонаря мельника здѣсь слишкомъ мало! Посмотрите, вонъ тамъ лежатъ кучи хвороста, тащите его на этотъ холмъ и зажгите. Это будетъ работа для женщинъ и дѣтей. Скорѣй, скорѣй склады-

вайте громадный костеръ и зажгите его! Онъ будетъ освѣщать нашу работу, онъ будетъ виденъ издалека и призоветъ къ намъ на помощь. Главное, не давайте ему потухать! Несите солому, сучья, пусть все время пылаетъ яркое пламя!

«А вотъ и для мужчинъ работа. Вотъ бревна и доски, тащите ихъ и сколачивайте временную дамбу, которую мы опустимъ передъ этой старой, готовой обрушиться. Скорѣе, скорѣе за работу, да дѣлайте дамбу покрѣпче! Готовьте камни и мѣшки съ пескомъ, чтобы и ихъ опустить въ воду! Живѣе работайте топоромъ, пусть молотокъ стучитъ погромче, пусть пила визжитъ, перепиливая сухія доски!»

«А гдѣ же парни? Сюда, сюда, вы, лѣнтяи! Добывайте себѣ багры и шесты и идите туда, гдѣ происходитъ самая горячая борьба. Идемте на дамбу, ребята! Не бѣда, если насъ обдастъ брызгами и пѣной! Защищайтесь, отражайте натискъ, отъ котораго рушится стѣна. Отталкивайте бревна и льдины, а если и это не помогаетъ, то бросайтесь внизъ и придерживайте вашими руками выпадающіе камни, кусайте ихъ, хватайте желѣзными когтями. Не зѣвайте, ребята, покажите свою удаль! Живѣе на стѣну, мы будемъ бороться за каждый вершокъ земли!»

Самъ Іёста всталъ на самый конецъ дамбы, гдѣ его все время обдаетъ пѣной и брызгами; земля дрожитъ подъ нимъ, бѣшеный потокъ реветъ, но ему по сердцу борьба и тревога, онъ счастливъ, что находится среди опасности. Онъ смѣется и шутитъ съ парнями, стоящими на дамбѣ; ему кажется, что онъ никогда не переживалъ болѣе веселой ночи.

Дѣло идетъ быстро на ладъ: костеръ пылаетъ, топоры работаютъ живо, а старая дамба все еще стоитъ.

Остальные кавалеры и всѣ гости также пришли къ водопаду. Со всѣхъ сторонъ сбѣгается народъ, всѣ принимаются за работу: кто помогаетъ сколачивать временную дамбу, кто набиваетъ мѣшки пескомъ, а кто работаетъ на старой, колеблющейся дамбѣ.

Но вотъ плотники сколотили временную дамбу, теперь только остается опустить ее въ воду передъ разрушающейся каменной стѣной. Надо держать наготовѣ камни и мѣшки съ пескомъ, а также багры и веревки и употребить всѣ усилія, чтобы побѣдить взбунтовавшійся потокъ и снова поработить его.

Но случилось такъ, что какъ разъ въ эту важную минуту взоръ Іёсты упалъ на женщину, сидѣвшую на берегу рѣки. Пламя отъ костра ярко освѣщало ее и видно было, какъ она, не двигаясь, пристально смотрѣла въ одну точку. Іёста не могъ разглядѣть ее ясно сквозь брызги и туманъ, но она непреодолимо притягивала его взоры,

и онъ ежеминутно смотрѣлъ на нее. У него явилось какое-то смутное, внутреннее убѣжденіе, что эта женщина появилась здѣсь именно для него, что у нея есть какое-то дѣло къ нему.

Изъ всей этой толпы суетящихся и работающихъ людей она одна на берегу рѣки сидѣла совершенно спокойно, и онъ невольно смотрѣлъ на нее и подъ конецъ видѣлъ только ее одну.

Она сидѣла такъ близко къ водѣ, что волны мочили ея ноги, а пѣна и брызги такъ и летѣли на нее, и платье ея все промокло. Она была одѣта во все темное, съ чернымъ платкомъ на головѣ и сидѣла съежившись и положивъ подбородокъ на руки; не отрывая взора, она пристально смотрѣла на него въ то время, какъ онъ стоялъ на дамбѣ и распоряжался работами. Этотъ пристальный взоръ притягивалъ его съ непреодолимой силой, хотя онъ не могъ даже различить ея лица. Наконецъ онъ не могъ больше думать ни о чемъ другомъ, какъ только объ этой женщинѣ, сидѣвшей на самомъ берегу бушевавшаго потока.

«Это русалка изъ Лёвена, которая вышла изъ рѣки, чтобы заманить меня и погубить,—подумалъ онъ.—Она сидитъ тамъ и манитъ, манитъ меня; надо ее прогнать».

Ему стало казаться, что всѣ эти волны съ бѣлыми головами—ратники черной женщины, въ которыхъ она вселила злобу и которымъ она приказала напасть на него.

— Мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, придется прогнать ее,—сказалъ онъ опять.

Онъ взялъ длинный багоръ и побѣжалъ на берегъ къ женщинѣ.

Онъ покинулъ въ это важное мгновеніе свое мѣсто на дамбѣ, чтобы прогнать русалку. Въ его возбужденіи ему казалось, что всѣ злыя силы возстали противъ него. Онъ самъ не сознавалъ, что думалъ, что ему казалось, онъ чувствовалъ только, что непремѣнно долженъ согнать съ камня эту черную фигуру.

Ахъ, Іёста, зачѣмъ покинулъ ты свое мѣсто въ эту рѣшительную минуту? Деревянную дамбу уже сколотили, люди въ длинный рядъ выстроились на каменной стѣнѣ, у нихъ приготовлены уже веревки, камни и мѣшки съ пескомъ, чтобы погрузить все это въ деревянный ящикъ, опущенный въ воду, и помѣшать ему всплыть. Люди стоятъ и ждутъ, но гдѣ же распорядитель? Почему не слышно голоса, который приказываетъ и управляетъ работой?

Нѣтъ, голоса Іёсты Берлинга не слышно, онъ не распоряжается и не руководитъ работой, онъ погнался за русалкой.

И вотъ временную дамбу должны были опустить безъ него. Волны раздвигаются и ящикъ опускаютъ на дно, а за нимъ погружаютъ и

камни, и мѣшки съ пескомъ. Но развѣ можетъ какое-нибудь дѣло быть хорошо исполнено безъ распорядителя? Въ такихъ случаяхъ не бываетъ ни порядка, ни осторожности. Волны опять бросились съ удвоеннымъ бѣшенствомъ на новое препятствіе; съ яростью стали онѣ сдвигать съ мѣста мѣшки съ пескомъ и камни, рвать веревки и расшатывать весь деревянный ящикъ. И что же? Это имъ удается, удается: съ насмѣшкой и торжествуя онѣ поднимаютъ на своихъ сильныхъ плечахъ все сооруженіе и завладѣваютъ имъ. Прочь, прочь его, это жалкое сооруженіе, пусть его унесетъ въ воды Лёвена! Покончивъ съ этимъ, волны снова бросаются на колеблющуюся, беззащитную каменную дамбу.

А Іёста Берлингъ погнался за русалкой. Она увидала его, когда онъ бросился на нее, размахивая багромъ, и испугалась. Одно мгновеніе казалось, точно она хочетъ броситься въ воду, но потомъ она опомнилась и побѣжала по берегу.

— Русалка!—кричалъ Іёста, размахивая багромъ. Она бѣжала отъ него что было силъ, но платье ея запуталось въ густомъ кустарникѣ ольхи и она должна была остановиться.

Тогда Іёста отбросилъ багоръ, подошелъ къ ней и положилъ свою руку на ея плечо.

— Вы поздно сегодня гуляете, графиня Елизавета,—сказалъ онъ.

— Оставьте меня, герръ Берлингъ, дайте мнѣ уйти домой!

Онъ тотчасъ же послушался, повернулся и пошелъ отъ нея.

Но такъ какъ она не только знатная дама, а собственно хорошая, добрая женщина, которая не можетъ перенести мысли, что довела кого-нибудь до отчаянія, такъ какъ она маленькая фея цвѣтовъ, у которой въ корзинкѣ всегда достаточно розъ, чтобы украсить самую ужасную дорогу, то она сейчасъ же и раскаивается, идетъ за нимъ и беретъ его за руку.

— Я пришла,—говоритъ она прерывающимся голосомъ,— я пришла, чтобы... О, герръ Берлингъ, вѣдь вы не сдѣлали этого, скажите, что вы не сдѣлали этого... Я такъ испугалась, когда вы побѣжали за мной, но вѣдь я пришла только для того, чтобы видѣть васъ. Я хотѣла просить васъ, чтобы вы не думали о томъ, что я вамъ тогда сказала и чтобы вы приходили къ намъ, какъ прежде.

— Какъ вы сюда попали, графиня?

Она нервно засмѣялась.

— Я знала, что приду слишкомъ поздно, но я никому не хотѣла говорить о томъ, что пойду сюда, а, кромѣ того, вы понимаете, что по озеру уже нельзя больше ѣздить.

— Вы прошли пѣшкомъ черезъ озеро, графиня?

— Ну, конечно. Но теперь скажите мнѣ, герръ Берлингъ, вы обручены? Вы понимаете, какъ мнѣ хотѣлось бы, чтобы этого не было. Это такъ нехорошо, и мнѣ казалось бы, что я одна виновата во всемъ. Вы не должны были принимать такъ близко къ сердцу мои слова. Вѣдь я чужестранка и не знаю обычаевъ этой страны. Въ Боргѣ стало такъ пусто съ тѣхъ поръ, какъ вы перестали тамъ бывать, герръ Берлингъ.

Іёстѣ Берлингу вдругъ показалось, что на него высыпали цѣлую охапку розъ. Онъ стоялъ на грязной, топкой землѣ, среди мокраго, ольховаго кустарника, но ему казалось, что онъ стоитъ по колѣна въ розахъ, онѣ свѣтились во тьмѣ передъ его глазами и онъ съ жадностью вдыхалъ ихъ ароматъ.

— Вы это сдѣлали?—повторялъ онъ.

Но, наконецъ, онъ долженъ былъ принудить себя отвѣтить на ея вопросъ, чтобы успокоить ее, хотя ея тревога доставляла ему невыразимую радость. О, какъ у него на душѣ стало тепло и свѣтло, когда онъ услышалъ слезы въ ея голосѣ и когда онъ подумалъ о томъ, какой ужасный путь она совершила, какъ она промокла, продрогла и какъ ей было страшно.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ, наконецъ,—я не обрученъ.

Тогда она опять взяла его руку и нѣжно погладила ее.

— Я такъ рада, такъ рада,—сказала она, и изъ ея груди вырвались рыданія.

Но теперь на пути поэта довольно цвѣтовъ: мракъ, злоба и ненависть исчезаютъ изъ его сердца.

— Какъ вы добры, какъ вы добры,—говоритъ онъ.

Невдалекѣ отъ нихъ у водопада берутъ приступомъ честь и славу Экебю. Народъ остался безъ руководителя, некому больше вливать мужество въ сердца людей, каменная дамба падаетъ подъ напоромъ бѣшенаго потока, волны соединяются надъ ней и побѣдоносно бросаются на узкую косу, гдѣ стоятъ мельница и кузница. Никто больше не работаетъ, чтобы сопротивляться разбушевавшейся стихіи, всѣ думаютъ только о спасеніи своей жизни и своего имущества.

Развѣ это не естественно и не понятно, что Іёста провожаетъ графиню домой: онъ не можетъ оставить ее одну въ эту темную ночь, онъ не можетъ дать ей одной во второй разъ сдѣлать этотъ опасный путь по тающему льду. Ни тому, ни другому и въ голову не приходитъ, что онъ, можетъ быть, необходимъ для спасенія кузницы, они такъ счастливы, что снова могутъ быть друзьями.

Такъ естественно было бы думать, что эти молодые люди пи-

гаютъ горячую любовь другъ къ другу; но кто могъ бы сказать это съ увѣренностью? Этотъ свѣтлый эпизодъ изъ ихъ жизни дошелъ до меня лишь въ короткихъ, безсвязныхъ обрывкахъ. Я вѣдь не знаю, почти ничего не знаю, что таилось въ самой глубинѣ ихъ сердецъ. Что могу я сказать о тѣхъ побужденіяхъ, которыя руководили ихъ поступками? Я только знаю, что въ эту ночь молодая, прекрасная женщина рисковала своей жизнью, своей честью, своимъ добрымъ именемъ и здоровьемъ, чтобы привести на путь истинный жалкаго, несчастнаго человѣка. Я знаю только, что въ эту ночь Іёста Берлингъ далъ погибнуть могуществу и славѣ любимаго помѣстья и, оставивъ все на произволъ судьбы, пошелъ провожать ту, которая изъ-за него преодолѣла страхъ смерти и наказанія и пренебрегла позоромъ.

Часто сопутствовала я имъ мысленно въ эту ужасную ночь, которая, однако, кончилась для нихъ благополучно. Едва ли въ ихъ сердцахъ было хоть что-нибудь, что необходимо было скрывать или подавлять, въ то время, какъ они шли по льду, весело болтая о всемъ, что случилось за время ихъ размолвки.

Онъ снова сталъ ея рабомъ, ея пажемъ, готовымъ лежать у ея ногъ, а она стала его дамой.

Они веселы и счастливы и ни одинъ изъ нихъ не произноситъ ни одного слова любви или хотя бы намека на любовь.

Со смѣхомъ пробираются они по водѣ у берега; они смѣются, когда отыскиваютъ потерянную дорогу, когда спотыкаются и падаютъ,—все имъ смѣшно.

Жизнь опять кажется имъ веселой игрой, а сами они кажутся себѣ дѣтьми, которыя поссорились. Ахъ, какъ пріятно помириться и снова начать играть.

Въ свое время слухи объ этомъ ночномъ путешествіи достигли и до Анны Шернхёкъ.

— Теперь я вижу,—сказала она,—что у Бога не одна тетива на лукѣ. Я успокою свое сердце и останусь тамъ, гдѣ я необходима. Богъ и безъ меня сдѣлаетъ человѣка изъ Іёсты Берлинга.

III. Покаяніе.

Дорогіе друзья! Если вамъ когда-нибудь придется встрѣтить на своемъ пути жалкое, несчастное существо, которое, закинувъ шляпу за спину, подставляетъ свое лицо подъ жгучіе лучи солнца, а башмаки держитъ въ рукахъ, чтобы ноги не имѣли защиты отъ острыхъ камней на дорогѣ; если вы встрѣтите такое бѣдное, беззащитное существо, по своему собственному желанію навлекающее на свою го-

лову всевозможныя невзгоды, то проходите мимо него молча, съ тихимъ трепетомъ! Это кающійся грѣшникъ, понимаете ли, кающійся грѣшникъ, совершающій паломничество къ святымъ мѣстамъ.

Кающійся грѣшникъ долженъ одѣваться въ грубый плащъ и питаться сухимъ хлѣбомъ и водой, будь это хоть самъ король. Онъ долженъ ходить пѣшкомъ, а не ѣздить. Онъ долженъ просить милостыню и ничего не имѣть. Онъ долженъ спать на терніи. Онъ долженъ бичевать свою спину колючей плетью. Онъ долженъ видѣть радость только въ страданіи, горе должно быть для него наслажденіемъ.

Молодая графиня Елизавета принадлежала когда-то къ числу тѣхъ, кто носитъ грубый плащъ и идетъ, изнемогая, по тернистому пути. Ея сердце обвиняло ее въ тяжкомъ грѣхѣ. Оно жаждало страданія, какъ путникъ, истомленный зноемъ, жаждетъ тѣни и прохлады. Она навлекла на себя страшныя несчастія, но она съ радостью погрузилась въ непроглядную тьму страданій.

Ея мужъ, молодой графъ со старческой головой, возвратился въ Боргъ на слѣдующее утро послѣ той ночи, когда отъ половодья погибли мельница и кузница въ Экебю. Не успѣлъ онъ пріѣхать, какъ графиня Мерта велѣла позвать его къ себѣ и стала ему разсказывать удивительныя вещи.

— Твоя жена уходила сегодня ночью изъ дому, Хенрикъ. Она пропадала нѣсколько часовъ и вернулась въ обществѣ одного мужчины. Я слышала, какъ онъ прощался съ ней. Я знаю также, кто это былъ. Я слышала, когда она уходила и когда она вернулась. Она обманываетъ тебя, Хенрикъ. Она обманываетъ тебя, эта ханжа, которая на всѣ окна повѣсила вязаныя гардины только для того, чтобы сдѣлать мнѣ непріятность. Она никогда не любила тебя, мой бѣдный мальчикъ. Ея отецъ хотѣлъ только выдать ее за богатаго. Она вышла за тебя замужъ, чтобы пристроиться.

Она говорила такъ убѣдительно, что графъ Хенрикъ пришелъ въ бѣшенство. Онъ рѣшилъ разводиться, а жену отослать обратно къ отцу.

— Нѣтъ мой другъ,—сказала графиня Мерта,—такимъ образомъ она была бы совершенно предоставлена самой себѣ и пошла бы по дурному пути. Она избалована и дурно воспитана. Но позволь мнѣ взять ее въ свои руки, дай мнѣ привести ее на путь истинный!

Графъ позвалъ свою жену и объявилъ ей, что отнынѣ она во всемъ должна повиноваться его матери.

О, что за сцена произошла тогда въ этомъ домѣ, стѣны котораго уже видали столько горя! Но навѣрное онѣ никогда раньше не видали ничего, болѣе достойнаго жалости.

Сколько горькихъ, злыхъ словъ должна была молодая женщина выслушать отъ своего молодого мужа! Онъ протягивалъ свои руки къ небу и обвинялъ его въ томъ, что оно позволило безстыдной женщинѣ таскать его имя въ грязи. Онъ потрясалъ сжатымъ кулакомъ передъ ея лицомъ, спрашивая, какое наказаніе она считаетъ достаточно тяжкимъ за свое ужасное преступленіе.

Но она совсѣмъ не боялась своего мужа. Она все еще находила, что поступила правильно. Она сказала ему, что уже пріобрѣла страшный насморкъ и находитъ это наказаніе вполнѣ достаточнымъ.

— Елизавета, — сказала графиня Мерта, — здѣсь шутки неумѣстны.

— Мы обѣ, — отвѣтила молодая женщина, — никогда не могли согласиться насчетъ того, когда шутка умѣстна и когда она неумѣстна!

— Но ты должна же понимать, Елизавета, что порядочная и честная женщина не уходитъ изъ своего дома глухой ночью, чтобы бродить гдѣ-то съ извѣстнымъ авантюристомъ.

Тогда Елизавета Дона поняла, что ея свекровь рѣшила погубить ее. Она поняла, что должна напрячь всѣ свои силы для борьбы, чтобы не дать ей навлечь на нее страшное несчастіе.

— Хенрикъ,—сказала она,—не позволяй твоей матери становиться между нами! Позволь мнѣ разсказать тобѣ, какъ все произошло. Ты справедливъ, ты не осудишь меня, не выслушавъ. Позволь мнѣ разсказать тебѣ все, и ты увидишь, что я поступила именно такъ, какъ ты училъ меня.

Графъ кивнулъ головой въ знакъ согласія, и графиня Елизавета разсказала ему, какъ она сама толкнула Іёсту Берлинга на недобрый путь. Она разсказала все, что произошло въ голубомъ кабинетѣ и какъ послѣ этого совѣсть мучила ее и она рѣшила спасти того, кому нанесла оскорбленіе.

— Вѣдь я не имѣла никакого права осуждать его, — сказала она,—а, кромѣ того, мой мужъ самъ училъ меня, что не надо останавливаться ни передъ какой жертвой, когда хочешь исправить несправедливость. Не правда ли, Хенрикъ?

Графъ повернулся къ своей матери.

— Что вы скажете на это, матушка? — спросилъ онъ. Его маленькое тѣло выпрямилось, какъ палка, отъ избытка достоинства, на его узкомъ, высокомъ лбу появилось величественное выраженіе.

— Что я скажу, — отвѣтила графиня, — я скажу, что Анна Шернхёкъ умная дѣвушка, которая хорошо знала, что дѣлаетъ когда она разсказывала эту исторію Елизаветѣ.

— Вы не поняли меня, матушка,—сказалъ графъ.—Я спрашиваю, что вы думаете объ этой исторіи. Неужели графиня Мерта Дона старалась уговорить свою дочь, мою сестру, выйти замужъ за отрѣшеннаго священника?

Графиня Мерта съ минуту молчала. Ахъ, этотъ Хенрикъ, до чего онъ глупъ! Теперь онъ погнался по другимъ слѣдамъ. Ея собака погналась за самимъ охотникомъ и дала зайцу ускользнуть. Но если Мерта Дона и растерялась немного, то не на долго.

— Дорогой другъ,—сказала она, пожавъ плечами.—Есть важная причина, вслѣдствіе которой лучше всего не поднимать старыхъ исторій объ этомъ несчастномъ человѣкѣ. Та же причина заставляетъ меня просить тебя не устраивать публичнаго скандала. Дѣло въ томъ, что, по всей вѣроятности, онъ погибъ въ эту ночь.

Она говорила кроткимъ тономъ сожалѣнія, но въ ея словахъ не было и тѣни истины.

— Ты сегодня очень поздно встала, Елизавета, а потому и не слыхала, что люди разосланы по берегамъ озера въ поискахъ герръ Берлинга. Онъ не вернулся въ Экебю, и боятся, что онъ утонулъ. Озеро вскрылось утромъ. Посмотри, буря взломала ледъ на мелкіе куски.

Графиня Елизавета посмотрѣла въ окно. Озеро почти совершенно очистилось отъ льда.

Тогда ее охватило жгучее раскаяніе. Она хотѣла избѣгнуть гнѣва Божія. Она лгала и притворялась. Она накинула на себя бѣлое покрывало невинности.

И эта несчастная, доведенная до отчаянія, бросилась на колѣни передъ своимъ мужемъ, и признаніе вырвалось изъ устъ.

— Накажи, отвергни меня! Я любила его. Не сомнѣвайся въ томъ, что я любила его. Я рву свои волосы, я разрываю свое платье отъ горя. Теперь, когда онъ умеръ, мнѣ все равно. Я не хочу защищаться. Ты узнаешь всю правду. Я отняла свою любовь отъ мужа и подарила ее другому. О, я несчастная, я одна изъ тѣхъ, кого соблазнила недозволенная любовь!

Бѣдное, молодое созданіе, доведенное до отчаянія! Валяйся въ ногахъ у твоихъ судей и раскрывай имъ всю свою душу. Добро пожаловать, мученичество! Добро пожаловать, позоръ и униженіе! О, неужели ты въ состояніи заставить небесную грозу разразиться надъ твоей юной головой!

Такъ скажи же твоему мужу, въ какой ужасъ ты пришла, когда тобою овладѣла страсть, могучая и непреодолимая, и какъ ты содрогалась передъ порочностью своего сердца. Ты предпочла бы скорѣе

встрѣтить привидѣнія на кладбищѣ, нежели чувствовать, что въ твою душу вселились демоны.

Такъ скажи же имъ, какъ ты почувствовала, что Богъ отвернулся отъ тебя, и какъ ты считала себя недостойной попирать землю ногами. Скажи имъ, какъ ты боролась съ собой въ слезахъ и молитвѣ: «О, Боже, спаси меня! О, Сынъ Божій, изгоняющій демоновъ, спаси меня!»

Скажи имъ, какъ ты считала за лучшее скрывать, чтобы никто не узналъ о томъ, какое ты жалкое существо. Ты думала, что поступаешь такъ, какъ угодно Богу. Ты думала также, что идешь Божьимъ путемъ, когда пошла спасать любимаго человѣка. Онъ ничего не зналъ даже о твоей любви. Но онъ не долженъ былъ погибнуть изъ-за тебя. Но знала ли ты хорошенько, въ чемъ было добро и въ чемъ зло? Богъ одинъ знаетъ, это и Онъ осудилъ тебя. Онъ поразилъ кумиръ твоего сердца. Онъ привелъ тебя на великій, цѣлительный путь покаянія.

Скажи имъ, что ты знаешь, что въ притворствѣ и скрываніи нѣтъ спасенія. Пусть твои судьи съ силой взмахнутъ бичомъ. Наказаніе покажется тебѣ цѣлительнымъ бальзамомъ, который изливаютъ на раны грѣха.

Ты валяешься у нихъ въ ногахъ, ломая руки въ невыразимой скорби, и говоришь все это тономъ безграничнаго, дикаго отчаянія. Ты съ хохотомъ привѣтствуешь мысль о наказаніи, позорѣ и униженіи, когда, наконецъ, твой мужъ хватаетъ тебя и заставляетъ подняться.

— Веди себя, какъ это подобаетъ графинѣ Дона, или я буду принужденъ просить мою мать наказать тебя, какъ непослушнаго ребенка!

— Дѣлай со мной все, что хочешь!

Тогда графъ произноситъ свой приговоръ.

— Моя мать просила за тебя. Ты можешь остаться въ моемъ домѣ. Но отнынѣ она будетъ приказывать, а ты—повиноваться.

Посмотрите, вотъ каковъ путь покаянія. Молодая графиня превратилась въ самую послѣднюю изъ служанокъ. Но долго ли, долго ли она будетъ терпѣть?

Долго ли гордое сердце можетъ склоняться? Долго ли могутъ молчать нетерпѣливыя губы? Долго ли можетъ не подниматься горячая рука?

Но униженіе сладко. Въ то время, какъ спина болитъ отъ тяжелой работы, сердце спокойно. Къ тому, кто спитъ нѣсколько кор-

кихъ часовъ на жесткой, соломенной постели, сонъ приходитъ незваный.

Пусть старая женщина превращается въ злого духа, чтобы изощряться въ мученіяхъ молодой! Молодая только благодаритъ свою благодѣтельницу. Зло еще не умерло въ ней. Пусть ее заставляютъ вставать въ четыре часа утра каждый день! Пусть этой неопытной работницѣ задаютъ непосильный денной урокъ за тяжелымъ ткацкимъ станкомъ! Это хорошо. Можетъ быть, у кающейся грѣшницы нехватитъ достаточно силъ, чтобы самой бичевать себя, какъ слѣдуетъ.

Когда настаетъ большая весенняя стирка, графиня Мерта заставляетъ ее стоять передъ лоханкой въ прачечной. Она приходитъ сама посмотрѣть, какъ она работаетъ. «Вода въ твоей лоханкѣ слишкомъ холодна», говоритъ она и, зачерпнувъ кипящей воды изъ котла, льетъ ее прямо на ея голыя руки.

Въ холодный день прачки должны стоять на берегу озера и полоскать бѣлье. Надъ ними проносятся черныя тучи и поливаютъ ихъ дождемъ, смѣшаннымъ со снѣгомъ. Платье прачекъ промокаетъ насквозь, а съ ихъ юбокъ течетъ вода, и онѣ дѣлаются тяжелыми, какъ свинецъ и прилипаютъ къ ногамъ. Тяжело работать валькомъ. Изъподъ нѣжныхъ ногтей просачивается кровь.

Но графиня Елизавета не жалуется. Да будетъ благословенно милосердіе Божіе! Развѣ есть что-нибудь болѣе сладостное для кающагося грѣшника, чѣмъ страданіе? Колючіе удары плети такъ нѣжно падаютъ на его спину, какъ если бы это были лепестки розъ.

Молодая женщина вскорѣ узнала, что Іёста Берлингъ живъ. Старая графиня только устроила ей ловушку, чтобы вырвать у нея признаніе. Такъ что же? Вотъ онъ Божій путь! Вотъ премудрость Божія! Вотъ, какъ онъ привелъ грѣшницу на путь исправленія.

Но одно только ее тревожитъ. Что будетъ съ ея свекровью, сердце которой Господь ожесточилъ изъ-за нея? О, Онъ будетъ судить ее снисходительно. Вѣдь она должна быть жестока, чтобы помочь грѣшницѣ вернуть себѣ любовь Бога.

Она не знала, что часто душа, пресыщенная радостями жизни, начинаетъ искать удовольствія въ жестокости. Когда темная, пресытившаяся душа не находитъ больше удовлетворенія въ лести, ласкахъ, въ вихрѣ танцевъ и возбужденіи отъ азартныхъ игръ, то изъ тех ной глубины ея поднимается жестокость. Въ мученіи животныхъ и людей находитъ она еще наслажденіе для своихъ притупившихся чувствъ.

Но старуха не сознавала своей жестокости. Она думала, что толь-

ко караетъ невѣрную жену. Часто ночью она лежала и придумывала новыя мученія.

Разъ вечеромъ она идетъ по комнатамъ и заставляетъ молодую графиню свѣтить себѣ свѣчей, которую та держитъ въ рукахъ безъ подсвѣчника.

— Свѣча догораетъ,—говоритъ молодая графиня.

— Когда догораетъ свѣча, то горитъ подсвѣчникъ,—отвѣчаетъ графиня Мерта.

И онѣ идутъ дальше, пока, наконецъ, дымящійся фитиль не тухнетъ на обожженной рукѣ.

Но все это пустяки. Есть нравственныя мученія, которыя гораздо хуже тѣлесныхъ страданій. Графиня Мерта приглашаетъ гостей и заставляетъ самое хозяйку дома прислуживать гостямъ за своимъ собственнымъ столомъ.

Вотъ это тяжкій день для кающейся грѣшницы. Чужіе люди увидятъ ее въ ея униженіи. Они увидятъ, что она недостойна больше сидѣть за столомъ своего мужа. О, съ какой холодной насмѣшкой будутъ они смотрѣть на нее!

Но на самомъ дѣлѣ выходитъ хуже, въ десять разъ хуже. Никто не смотритъ на нее. Всѣ, мужчины и женщины, сидятъ за столомъ молча, печальные и разстроенные.

И все это она собираетъ, точно раскаленные уголья, и кладетъ на свою голову. Неужели ея грѣхъ такъ великъ? Неужели позорно даже быть вблизи отъ нея?

Но вотъ является искушеніе: Анна Шернхёкъ, которая когда-то была ея другомъ, и судья изъ Мункерюда, сосѣдъ Анны за столомъ, останавливаютъ ее, когда она проходитъ мимо нихъ, берутъ изъ ея рукъ блюдо, пододвигаютъ ей стулъ и не позволяютъ ей уйти.

— Сиди здѣсь, дитя мое, сиди здѣсь!—говоритъ судья.—Ты не сдѣлала ничего дурного.

И вдругъ всѣ гости въ одинъ голосъ объявляютъ, что если она не будетъ сидѣть съ ними за столомъ, то они уйдутъ. Вѣдь они не палачи. Они вовсе не желаютъ слушаться Мерты Дона. Они не такъ легковѣрны, какъ какіе-нибудь лысые графы.

— О, мои добрые, дорогіе друзья! Не будьте такъ милосерды! Вы заставляете меня громко говорить о моемъ грѣхѣ. Я слишкомъ любила одного человѣка.

— Дитя, ты не знаешь даже, что такое грѣхъ. Ты сама не понимаешь, какъ ты невинна. Вѣдь Іёста Берлингъ даже и не зналъ, что ты любишь его. Займи же снова свое мѣсто въ этомъ домѣ! Ты не сдѣлала ничего дурного.

На нѣкоторое время они вливаютъ бодрость въ ея душу и сами вдругъ становятся веселы, какъ дѣти. Вокругъ стола снова раздаются шутки и смѣхъ.

Они такъ добры, всѣ эти люди, ихъ сердца такъ легко тронуть; но она все-таки увѣрена, что ихъ послалъ искуситель. Они хотятъ, чтобы она вообразила себя мученицей, а надъ графиней Мертой они насмѣхаются и открыто грозятъ ей, какъ какой-нибудь вѣдьмѣ. Но это происходитъ отъ ихъ непониманія. Они не знаютъ, какъ душа можетъ тосковать по чистотѣ; они не знаютъ, что само сердце кающагося грѣшника заставляетъ его идти босыми ногами по острымъ камнямъ и не искать защиты отъ палящихъ лучей солнца.

Иногда графиня Мерта заставляетъ ее цѣлыми днями сидѣть за пяльцами и тогда она разсказываетъ ей безконечныя исторіи про Іёсту Берлинга, этого отрѣшеннаго священника и авантюриста. Если память измѣняетъ ей, то она начинаетъ сочинять, преслѣдуя лишь одну цѣль, чтобы это имя звучало безостановочно цѣлые дни въ ушахъ молодой женщины, которая этого боится больше всего. Въ такіе дни ей кажется, что ея покаянію никогда не будетъ конца. Ея любовь не умираетъ, и она начинаетъ думать, что скорѣе умретъ она сама. Ея физическія силы начинаютъ измѣнять ей и часто она очень больна.

— Но что же медлитъ твой герой?—спрашиваетъ графиня насмѣшливо.—Я ждала его изо дня въ день во главѣ всей шайки кавалеровъ. Почему не беретъ онъ приступомъ Боргъ, не возведетъ тебя на тронъ и не броситъ меня и моего сына, связанными, въ башню? Неужели ты уже забыта?

Бѣдная молодая женщина съ трудомъ удерживается, чтобы не защищать его и не сказать, что она сама запретила ему оказывать ей какую-нибудь помощь. Но нѣтъ, молчать, лучше всего, молчать и страдать.

Однако силы начинаютъ измѣнять ей. Она ходитъ точно въ лихорадкѣ, и чувствуетъ такое изнеможеніе, что едва держится на ногахъ. У нея только одно желаніе—умереть. Всѣ жизненныя силы подавлены. Любовь и радость не смѣютъ больше показывать признаковъ жизни. Она привыкла къ страданію и не боится его больше.

Повидимому, ея мужъ совсѣмъ забылъ о ея существованіи. Онъ запирается въ своемъ кабинетѣ и сидитъ тамъ почти весь день, изучая неразборчивые манускрипты и сочиненія, напечатанныя грязнымъ, стариннымъ шрифтомъ.

Онъ читаетъ грамоту на дворянство, написанную на пергаментѣ,

на которомъ привѣшена шведская государственная печать. Печать эта громадныхъ размѣровъ изъ краснаго воска и хранится въ точеномъ деревянномъ ящичкѣ. Онъ разсматриваетъ старинныя гербы съ лиліями на бѣломъ полѣ и грифами на голубомъ. Такія вещи онъ хорошо понимаетъ, это онъ можетъ отлично разъяснить. И онъ читаетъ и перечитываетъ старыя надгробныя рѣчи и жизнеописанія благородныхъ графовъ Дона, въ которыхъ ихъ подвиги сравниваются съ подвигами героевъ Израиля и боговъ Эллады.

Эти старинныя вещи всегда доставляли ему удовольствіе. Но о своей молодой женѣ онъ даже пересталъ и думать.

Графиня Мерта сказала одно слово, которое убило въ немъ всякую любовь: «она вышла за тебя изъ-за денегъ». Этого не вынесъ бы ни одинъ мужчина. Это убиваетъ всякую любовь. Онъ сталъ совершенно равнодушенъ къ судьбѣ молодой женщины. Если его матери удастся привести ее на путь истинный, то и хорошо. Графъ Хенрикъ питалъ глубокое уваженіе къ своей матери.

Это ужасное положеніе вещей продолжалось цѣлый мѣсяцъ. Однако въ дѣйствительности все происходило гораздо проще и спокойнѣе, чѣмъ это можетъ показаться, когда цѣлый рядъ событій приходится нагромождать на нѣсколькихъ страницахъ. По наружному виду графиня Елизавета была всегда совершенно спокойна. Только одинъ разъ, когда ей сказали, что Іёста Берлингъ погибъ, она потеряла самообладаніе. Она считала себя такой великой грѣшницей потому, что не сохранила любви къ мужу, что по всей вѣроятности дала бы графинѣ Мертѣ замучить себя до смерти, если бы разъ вечеромъ ея старая экономка не заговорила съ ней.

— Графиня, вы должны поговорить съ графомъ, — сказала она.—Боже мой, вѣдь вы еще совсѣмъ ребенокъ. Вы, можетъ быть, и сами не знаете, графиня, чего вамъ надо ожидать; но я отлично вижу, какъ обстоитъ дѣло.

Но именно объ этомъ-то она и не могла говорить со своимъ мужемъ, который имѣлъ противъ нея такія черныя подозрѣнія.

Въ эту же ночь она тихо одѣлась и вышла изъ дому. На ней было надѣто обыкновенное крестьянское платье, а въ рукахъ у нея былъ узелъ. Она рѣшила бѣжать изъ своего дома и никогда больше не возвращаться.

Она уходила не для того, чтобы избѣгнуть мученій и страданія. Нѣтъ, она думала, что Богъ далъ ей знаменіе и позволилъ ей уйти, чтобы сохранить свое здоровье и силы.

Она не пошла на западъ на другую сторону озера, потому что тамъ жилъ тотъ, кого она любила. На сѣверъ она также не пошла,

потому что тамъ жили многіе изъ ея друзей; и на югъ она не хотѣла идти, потому что далеко, далеко на югѣ былъ ея родительскій домъ, а она не желала приближаться къ нему ни на одинъ шагъ. Она пошла на востокъ, такъ какъ знала, что тамъ у нея не было ни дома, ни друга, ни знакомаго человѣка, ни помощи, ни утѣшенія.

Она шла не съ легкимъ сердцемъ, такъ какъ думала, что Богъ еще не простилъ ея. Но всетаки она радовалась, что теперь будетъ нести бремя своего грѣха среди чужихъ людей. Ихъ равнодушные взоры будутъ такъ же пріятны для нея, какъ прикосновеніе холодной стали къ опухоли.

Она хотѣла идти до тѣхъ поръ, пока не найдетъ гдѣ-нибудь на опушкѣ лѣса бѣдную избушку торпара, гдѣ никто не могъ ее знать. «Со мной случилось несчастье, какъ вы видите, и мои родители выгнали меня изъ дому,—скажетъ она.—Пріютите меня подъ вашей крышей и кормите меня до тѣхъ поръ, пока я сама не буду въ состояніи зарабатывать свой хлѣбъ. У меня есть немного денегъ».

И вотъ она пошла въ эту свѣтлую іюньскую ночь,—весь май уже успѣлъ пройти въ ея тяжелыхъ страданіяхъ. О, прекрасный мѣсяцъ май, какъ ты хорошъ, когда начинаютъ распускаться березы и когда онѣ мѣшаютъ свою свѣтлую, нѣжную листву съ темной зеленью хвойныхъ лѣсовъ, когда съ юга дуетъ ласкающій вѣтерокъ, напоенный теплomъ!

Я должна казаться тебѣ болѣе неблагодарной, чѣмъ кто-либо другой, такъ какъ я наслаждалась твоими дарами и ни однимъ словомъ не воздала тебѣ хвалу.

О, май, прекрасный, свѣтлый мѣсяцъ, обращалъ ли ты когда-нибудь вниманіе на ребенка, который сидитъ у матери на колѣнахъ и слушаетъ сказки? Пока ему разсказываютъ про страшныхъ великановъ и страданія прекрасныхъ принцессъ, онъ широко раскрываетъ глаза и держитъ голову прямо; но если мать начнетъ говорить про счастіе и солнечное сіянье, то малютка закрываетъ глаза и засыпаетъ, прислонивъ свою голову къ груди матери.

Вотъ и я, прекрасный мѣсяцъ, такое же дитя. Пусть другіе слушаютъ про цвѣты и солнечное сіяніе; себѣ я оставляю темныя ночи, полныя видѣній, для себя оставляю я тяжкое горе и страданія заблудшихъ сердецъ.

IV. Желѣзо изъ Экебю.

Наступила весна, и со всѣхъ заводовъ Вермланда стали посылать желѣзо въ Гётеборгъ.

Но въ Экебю желѣза не было. Осенью временами нехватало воды, а весною хозяйничали кавалеры.

Въ ихъ время по гранитнымъ уступамъ водопада Бьёркшё, пѣнясь, струилось горькое пиво, а длинное озеро было наполнено не водой, а водкой. Въ ихъ время въ горнѣ не плавили чугунъ: кузнецы стояли въ рубашкахъ и деревянныхъ башмакахъ передъ очагами и переворачивали громадныя жаркія на длинныхъ вертелахъ, а кузнечные подмастерья держали надъ угольями въ длинныхъ щипцахъ шпигованныхъ каплуновъ. Въ то время на заводѣ только и дѣлали, что плясали; на наковальняхъ играли въ карты, а верстаки употребляли вмѣсто кроватей. Въ тѣ дни никто и не думалъ ковать желѣзо.

Между тѣмъ пришла весна, и въ оптовой конторѣ въ Гётеборгѣ начали ждать желѣза изъ Экебю и переворачивали въ недоумѣніи контрактъ, заключенный съ майоромъ и майоршей, въ которомъ говорилось о доставкѣ нѣсколькихъ сотенъ шиф-фунтовъ *).

Но какое дѣло было кавалерамъ до контракта майорши? Они смотрѣли только за тѣмъ, чтобы веселье, музыка и танцы не прекращались въ Экебю.

Со всѣхъ заводовъ въ Гётеборгъ прибывало желѣзо: и изъ Стёмне, и изъ Сёлье, и изъ далекаго Кюмсберга и изъ Уддехольма, и изъ Мункефорса. Но гдѣ же желѣзо изъ Экебю?

Развѣ Экебю не самый большой и значительный заводъ въ Вермландѣ? Развѣ никто не поддерживаетъ больше славы стараго помѣстья? Нѣтъ, оно находится въ рукахъ безпечныхъ кавалеровъ, которые обращаются съ нимъ, какъ вѣтеръ съ кучей золы. Они думаютъ только о весельи и танцахъ,—ни о чемъ другомъ и не способны думать ихъ жалкія головы!

Но водопады и рѣки, лодки и барки, пристани и шлюзы удивляются и спрашиваютъ: «Почему же нѣтъ желѣза изъ Экебю?»

Лѣса и озера, горы и долины шепчутся и тоже спрашиваютъ: «Почему же не идетъ желѣзо изъ Экебю? Неужели въ Экебю нѣтъ больше желѣза?»

Большіе костры угля въ чащѣ лѣсовъ смѣются, тяжелые молота въ темныхъ кузницахъ издѣваются, рудники раскрываютъ свои широкія пасти и хохочутъ, конторка, въ которой хранится контрактъ майорши, помираетъ со смѣху. «Вотъ такъ потѣха! Въ Экебю нѣтъ желѣза, на самомъ громадномъ заводѣ въ Вермландѣ нѣтъ желѣза! Слыханное ли это дѣло?»

Опомнитесь, безпечные, бездомные люди! Неужели вы потеряе

*) Шиф-фунтъ = 10,200 пудовъ. *Примѣч. переводч.*

такой позоръ? О, если вы дѣйствительно любите это прекраснѣйшее мѣсто на землѣ, если вы тоскуете вдали отъ него, если вы не можете говорить о немъ съ другими людьми безъ того, чтобы на вашихъ глазахъ не навернулись слезы, то опомнитесь, кавалеры, и спасите честь и славу Экебю!

Не бѣда! Если въ Экебю молота и отдыхали, то на остальныхъ шести нашихъ заводахъ они работали. Тамъ должно быть достаточно, болѣе, чѣмъ достаточно желѣза.

И вотъ Іёста Берлингъ ѣдетъ на другіе шесть заводовъ, чтобы поговорить съ управляющими.

На заводъ Хёгфорсъ, находившійся на самомъ берегу Бьёркшёэльвенъ не вдалекѣ отъ Экебю, онъ не нашелъ нужнымъ заѣзжать: это мѣсто лежало такъ близко къ Экебю, что почти находилось подъ управленіемъ кавалеровъ.

Онъ проѣхалъ мили двѣ на сѣверъ и остановился въ Лётафорсѣ. Это было необыкновенно живописное мѣсто. Передъ нимъ разстилался верхній Лёвенъ, а за нимъ величественно поднималась высокая гора Гурлита, представляя дикую и вмѣстѣ съ тѣмъ величественную картину. Но кузница была въ полномъ безпорядкѣ: маховое колесо было сломано и уже давно находилось въ этомъ состояніи.

— Почему же его не починили?

— Столяръ, видите ли, столяръ, единственный во всемъ уѣздѣ, который могъ бы починить колесо, былъ все время занятъ въ другомъ мѣстѣ. Мы не могли выковать и одного шиф-фунта.

— Но почему же вы не послали за столяромъ?

— Не послали! Да мы посылали за нимъ чуть не каждый день, но онъ не могъ придти. Онъ строилъ кегельбаны и бесѣдки въ Экебю.

Тогда Іёста вдругъ понялъ, что онъ можетъ ожидать отъ своего путешествія.

Онъ поѣхалъ дальше на сѣверъ, туда, гдѣ кончалось длинное озеро и гдѣ находился заводъ Бьёрнидетъ. Это было также очень живописное мѣсто, гораздо болѣе подходившее для замка, нежели для завода. Главное большое зданіе, стоявшее посреди полукруглой долины, было окружено съ трехъ сторонъ высокими горами; четвертая сторона выходила на берегъ Лёвена. Іёста зналъ, что не было болѣе живописныхъ мѣстъ для прогулокъ и мечтаній при лунномъ свѣтѣ, чѣмъ дорожки вдоль берега рѣки, мимо водопада, которыя спускались къ кузницѣ, сложенной изъ глыбъ гранита. Но есть ли желѣзо, есть ли желѣзо?

Нѣтъ, конечно, нѣтъ. Тамъ не было угля, а изъ Экебю не при-

сылали денегъ и не было возможности заплатить угольщикамъ. Во всю зиму на заводѣ не было никакого производства.

И вотъ Іёста поѣхалъ опять къ югу по восточному берегу Лёвена на заводъ Хонъ и на заводъ Лёфстафорсъ, находившійся въ самой чащѣ лѣсовъ,—но и тамъ дѣло обстояло не лучше. Нигдѣ не было желѣза, и оказывалось, что вездѣ виноваты въ этомъ были сами кавалеры.

Іёста вернулся въ Экебю ни съ чѣмъ. Кавалеры съ мрачными лицами осматривали тѣ пятьдесятъ, или около того, шиф-фунтовъ желѣза, которое находилось въ складѣ въ Экебю, и сердца ихъ наполнились глубокой грустью. Имъ казалось, что вся природа смѣется надъ Экебю, что земля содрогается отъ рыданій, что деревья злобно угрожаютъ имъ и что поля и луга плачутъ о погибшей славѣ Экебю.

Но зачѣмъ столько словъ и столько сожалѣній? Вотъ желѣзо изъ Экебю.

У берега Клараэльвена стоитъ нѣсколько барокъ, нагруженныхъ желѣзомъ и готовыхъ спуститься внизъ по рѣкѣ къ Карлстаду для взвѣшиванія, а оттуда желѣзо отправятъ на венернскихъ судахъ въ Гётеборгъ. Итакъ, честь Экебю спасена.

Но возможно ли это? Вѣдь въ Экебю и было только всего-навсего пятьдесятъ шиф-фунтовъ желѣза, а на другихъ шести заводахъ его и вовсе не было. Откуда же появилась такая масса желѣза? Неужели всѣ эти, верхомъ нагруженныя барки, дѣйствительно отправляются въ Карлстадъ для взвѣшиванія? Какъ могло это случиться? Да, объ этомъ лучше всего спросить кавалеровъ.

Кавалеры сами стоятъ на тяжелыхъ безобразныхъ баркахъ; они хотятъ сами доставить желѣзо изъ Экебю въ Гётеборгъ. Простой смертный барочникъ не долженъ удостоиться этой чести. Кавалеры взяли съ собой бутылки и корзины съ провизіей, валторну, скрипки, ружья, удочки и карты. Они рѣшили все сдѣлать для своего желѣза и не покидать его до тѣхъ поръ, пока оно не будетъ выгружено на набережной въ Гётеборгѣ. Они рѣшили сами нагружать и разгружать, сами управлять парусами и рулемъ. Никто лучше нихъ и не могъ справиться съ этой задачей. Есть ли хоть одна отмель въ Клараэльвенѣ или подводный камень въ Венернѣ, которыхъ бы они не знали! Они такъ же увѣренно управляютъ рулемъ и талрепомъ, какъ смычкомъ и вожжами.

Повидимому, это желѣзо на баркахъ для нихъ дороже всего на свѣтѣ. Они обращаются съ нимъ такъ осторожно, какъ если бы это было самое тонкое стекло. Они тщательно закрываютъ его брезен-

ми, наблюдая за тѣмъ, чтобы не было видно ни одного крошечнаго кусочка. Эти тяжелыя, сѣрыя полосы желѣза должны возстановить честь Экебю. Равнодушные взоры постороннихъ людей не должны покоиться на немъ. О, Экебю, пусть слава твоя никогда не меркнетъ!

Никто изъ кавалеровъ не остался дома. Дядя Эбергардъ покинулъ свою конторку, за которой всегда писалъ, а кузенъ Кристоффер рѣшилъ разстаться со своимъ угломъ у очага. Даже кроткій Лёвенборгъ и тотъ здѣсь. Всѣ соединились вмѣстѣ, когда дѣло коснулось чести Экебю.

Но для Лёвенборга очень вредно смотрѣть на Клараэльвенъ. Онъ не видалъ этой рѣки тридцать пять лѣтъ, столько же времени онъ не плавалъ ни на какомъ суднѣ. Онъ ненавидитъ зеркальную поверхность озеръ и сѣрыя рѣки. При видѣ воды въ немъ встаютъ слишкомъ тяжелыя воспоминанія и онъ старается держаться вдали отъ воды; но сегодня онъ не могъ остаться дома. Онъ долженъ былъ присоединиться къ другимъ, чтобы спасти честь Экебю.

Тридцать пять лѣтъ тому назадъ на глазахъ у Лёвенборга утонула его невѣста въ Клараэльвенѣ, и съ тѣхъ поръ его бѣдная голова часто бывала не въ порядкѣ.

И теперь, пока онъ стоитъ на баркѣ и смотритъ на рѣку, мысли его начинаютъ все больше и больше путаться. Сѣрая струящаяся рѣка, съ мелкой сверкающей зыбью, кажется ему чудовищной змѣей съ серебристой чешуей, которая подстерегаетъ добычу. Высокіе, желтые, песчаные берега представляются ему стѣнами оврага, на днѣ котораго притаилась змѣя; ему кажется, что широкая дорога, продѣлавшая отверстіе въ стѣнѣ и пробирающаяся по глубокому песку къ парому, ведетъ прямо къ этому оврагу смерти.

И бѣдный старикъ не можетъ оторвать взоровъ отъ этого страшнаго зрѣлища. Его длинные, сѣдые волосы развѣваются по вѣтру, а его щеки, обыкновенно покрытыя нѣжнымъ румянцемъ, поблѣднѣли отъ ужаса. Онъ такъ увѣренъ, какъ если бы кто-нибудь сказалъ ему это, что кто-то скоро появится на дорогѣ и бросится въ разверстую пасть змѣи.

Кавалеры собираются отчаливать и уже берутъ въ руки длинные шесты, чтобы оттолкнуться отъ пристани и направить барки въ середину теченія, но Лёвенборгъ кричитъ.

— Стойте, стойте,—говорю я вамъ!—Стойте ради Бога!

Кавалеры думаютъ, что въ головѣ у него помутилось, когда онъ почувствовалъ, какъ барка закачалась подъ нимъ, но они невольно остаются съ поднятыми шестами.

А Лёвенборгъ, все время наблюдавшій, какъ рѣка подстерегаетъ

добычу и увѣренный, что скоро кто-нибудь появится на дорогѣ и бросится въ рѣку, многозначительно показалъ на дорогу, точно завидѣвъ тамъ кого-то.

Всякій знаетъ, что въ жизни случаются удивительныя совпаденія; и вотъ такое совпаденіе случилось и теперь. Тѣ, кто способны еще удивляться, найдутъ, конечно, страннымъ, что кавалеры причалили со своими барками къ тому мѣсту на Кларэльвенѣ, гдѣ находится паромъ, и какъ разъ утромъ послѣ той ночи, въ которую графиня Елизавета начала свое странствіе на востокъ. Однако, было бы еще удивительнѣе, если бы молодая женщина не нашла помощи въ своемъ ужасномъ положеніи. Случилось такъ, что пространствовавъ всю ночь, она вышла на дорогу, ведущую къ парому, какъ разъ въ ту минуту, когда кавалеры хотѣли отчаливать. Они остановились и смотрѣли на нее въ то время, какъ она разговаривала съ перевозчикомъ, который уже отвязывалъ лодку. Она была одѣта, какъ крестьянка, и они не узнали ея. Но они всетаки стояли и смотрѣли на нее, потому что въ ней было что-то знакомое. Въ то время, какъ она разговаривала съ перевозчикомъ, на дорогѣ показалось облако пыли, а изъ облака вскорѣ появилась большая, желтая коляска. Она сейчасъ же увидала, что эта коляска изъ Борга, и поняла, что за ней гнались и теперь ее поймаютъ. Она не могла бы спрятаться въ лодкѣ перевозчика и единственное мѣсто, гдѣ она могла укрыться, были барки кавалеровъ. Она бросилась къ нимъ, не обращая вниманія на то, что̀ это за люди, и хорошо, что она не узнала ихъ, потому что иначе она скорѣе бросилась бы подъ лошадей, чѣмъ искала бы спасенія у нихъ.

Когда она вбѣжала на барку, она только крикнула:

— Спрячьте меня, спрячь теменя!—И, споткнувшись о желѣзныя полосы, она упала. Кавалеры старались успокоить ее и сейчасъ же отчалили. Барка попала въ теченіе и поплыла въ Карлстадъ какъ разъ въ ту минуту, когда желтая коляска подъѣхала къ парому.

Въ коляскѣ сидѣли графъ Хенрикъ и графиня Мерта. Графъ выскочилъ изъ коляски, чтобы спросить у перевозчика, не видалъ ли онъ его жены. Но ему неловко было спрашивать про сбѣжавшую жену и онъ только сказалъ:

— У насъ пропало кое-что.

— Вотъ какъ,—отвѣтилъ перевозчикъ.

— Да, у насъ кое-что пропало. Я хотѣлъ бы узнать, не видали вы тутъ чего-нибудь?

— Про что вы спрашиваете?

— Да не все ли равно? У насъ кое-что пропало. Я спрашиваю, не перевозили ли вы чего-нибудь сегодня на ту сторону рѣки?

Такимъ образомъ онъ никогда не добился бы ничего, и графиня Мерта сама заговорила съ перевозчикомъ. Черезъ минуту она уже узнала, что та, которую они искали, находится на одной изъ барокъ, медленно плывшихъ по теченію.

— Что это за люди на этихъ баркахъ?

— Да это кавалеры, какъ мы ихъ называемъ.

— А,—сказала графиня,—въ такомъ случаѣ твоя жена въ полной безопасности, Хенрикъ. Намъ остается только сейчасъ же повернуть домой.

На баркѣ вовсе не было такой радости, какъ думала графиня Мерта. Пока видна была желтая коляска, испуганная молодая женщина неподвижно сидѣла, съежившись, на кучѣ желѣза и не произносила ни слова. Она, не отрывая взора, смотрѣла на берегъ.

По всей вѣроятности, уже только послѣ того, какъ желтая коляска скрылась изъ виду, она узнала кавалеровъ. Она вскочила и, казалось, снова хотѣла бѣжать, но стоявшіе возлѣ нея кавалеры, удержали ее, и она съ тихимъ стономъ опустилась на кучу желѣза.

Кавалеры не рѣшались заговорить съ ней и не предлагали вопросовъ. Казалось, что она стоитъ на порогѣ къ безумію.

Эти беззаботные люди почувствовали на себѣ всю тяжесть отвѣтственности. Уже одно желѣзо было достаточно тяжкимъ бременемъ для непривычныхъ плечъ, а теперь имъ приходилось еще взять подъ свое покровительство молодую, знатную даму, бѣжавшую отъ своего мужа.

Зимою при встрѣчахъ съ нею въ обществѣ нѣкоторымъ изъ нихъ вспоминалась маленькая сестренка, которую они когда-то очень любили. Они вспоминали, что когда имъ приходилось играть или бороться съ этой сестренкой, то они должны были быть очень осторожны, а когда они болтали съ ней, то старались не употреблять нехорошихъ словъ. Если случалось, что чужой мальчикъ обижалъ ее во время игры или пѣлъ ей нехорошія пѣсни, то они въ гнѣвѣ набрасывались на него и готовы были задушить его, потому что ихъ маленькая сестрица не должна была слышать ничего дурного, не должна была терпѣть ничего обиднаго и ничего непріятнаго.

Графиня Елизавета была для нихъ всѣхъ милой, веселой сестрицей. Когда она вкладывала свои маленькія ручки въ ихъ жесткія лапы, то казалось, точно она хотѣла сказать: «Посмотри, какая я глупкая, но ты мой старшій братъ и ты защитишь меня и отъ дру-

гихъ, и отъ меня самой». И въ ея присутствіи они всегда были настоящими рыцарями.

Но теперь кавалеры смотрѣли на неѣ съ ужасомъ и едва узнавали ее. Она исхудала и имѣла измученный видъ; шея потеряла свои круглыя, мягкія линіи, а лицо стало прозрачнымъ. Она, вѣроятно, упала и ушиблась во время ночного странствія, такъ какъ на вискѣ у нея была маленькая ранка, изъ которой по капелькамъ сочилась кровь, и свѣтлые, вьющіеся волосы, свѣшивавшіеся на лобъ, были запачканы запекшеюся кровью. Ея платье было все въ грязи отъ долгой ходьбы по дорогамъ, покрытымъ росой, а ея башмаки были въ плачевномъ состояніи. Кавалеры испытывали жуткое и непріятное чувство при видѣ этой женщины, казавшейся имъ чужой. У той графини Елизаветы, которую они знали, не было такихъ горящихъ глазъ, такого безумнаго выраженія. Ихъ бѣдную сестрицу загнали чуть не до безумія. Казалось, точно какая-то другая, неизвѣстная душа боролась съ настоящей душой изъ-за обладанія этимъ измученнымъ тѣломъ.

Но кавалерамъ незачѣмъ безпокоиться и думать о томъ, что имъ съ ней дѣлать. Въ ней уже проснулись старыя мысли. Она увидала въ этой встрѣчѣ новое искушеніе. Богъ хочетъ испытать ее. Она находится среди друзей. Ужъ не хочетъ ли она оставить путь покаянія?

Она опять встала и воскликнула, что должна уйти.

Кавалеры старались успокоить ее. Они сказали, что ей нечего бояться, что они защитятъ ее отъ всѣхъ преслѣдованій.

Но она не слушала ихъ и просила только объ одномъ, чтобы ей позволили сѣсть въ небольшую лодку, привязанную къ баркѣ, и переѣхать на берегъ; она хотѣла продолжать одна свое странствіе.

Однако кавалеры не соглашались отпустить ее. Что съ ней будетъ? Куда она пойдетъ? Лучше ей остаться у нихъ. Правда, они только бѣдные люди, но они найдутъ какой-нибудь способъ помочь ей.

Тогда она стала ломать руки въ отчаяніи и умоляла ихъ отпустить ее. Но они не могли согласиться на ея просьбы. Они были увѣрены, что она умретъ на большой дорогѣ,—такой слабой и несчастной казалась она имъ.

Іёста Берлингъ стоялъ въ нѣкоторомъ отдаленіи и смотрѣлъ в воду. Можетъ быть, молодой женщинѣ будетъ непріятно увидать его Онъ не зналъ этого навѣрное, но какъ бы то ни было, онъ былъ по лонъ самыхъ радужныхъ надеждъ.

«Никто не знаетъ, гдѣ она находится, — думалъ онъ, — тепер мы можемъ свезти ее въ Экебю. Мы хорошо спрячемъ ее отъ всѣ-

и мы будемъ добры къ ней. Она будетъ нашей королевой, нашей повелительницей, но никто не будетъ знать, гдѣ она. Мы будемъ беречь ее, какъ зеницу ока. Можетъ быть, она будетъ чувствовать себя счастливой среди насъ; старые будутъ заботиться о ней, какъ о своей дочери».

У него никогда не хватало смѣлости выяснить какъ слѣдуетъ, любитъ ли онъ ее. Онъ зналъ только одно, что она не можетъ принадлежать ему безъ грѣха, а вовлекать ее во что-нибудь низкое и нехорошее онъ не хотѣлъ. Но спрятать ее въ Экебю, имѣть возможность быть съ ней добрымъ послѣ того, какъ другіе были жестоки, и дать ей возможность насладиться всѣмъ, что только есть хорошаго въ жизни,—о, какія мечты, какія блаженныя мечты!

Но тутъ онъ очнулся и вернулся къ дѣйствительности. Молодая графиня была внѣ себя и въ ея голосѣ слышались ноты безграничнаго отчаянія, проникавшія въ самую душу. Она бросилась на колѣни среди кавалеровъ и умоляла ихъ отпустить ее.

— Богъ еще не простилъ меня,—рыдала она.—Позвольте мнѣ уйти!

Іёста видѣлъ, что ни у кого не хватитъ силы исполнить ея просьбу и понялъ, что онъ долженъ сдѣлать это. Онъ, который любилъ ее, долженъ былъ сдѣлать это.

Онъ вдругъ почувствовалъ страшное изнеможеніе, и когда онъ повернулся и пошелъ къ ней, то ему показалось, что каждый мускулъ его тѣла сопротивляется его волѣ, но онъ всетаки дотащился до нея и сказалъ, что онъ свезетъ ее на берегъ.

Она сейчасъ же встала. Онъ снесъ ее въ лодку и перевезъ на восточный берегъ. Онъ пристalъ къ узкой тропинкѣ и помогъ ей выйти изъ лодки.

— Что съ вами теперь будетъ, графиня?—сказалъ онъ.

Она многозначительно подняла палецъ и указала на небо.

— Когда вы будете въ нуждѣ, графиня...

Онъ не могъ говорить, голосъ измѣнилъ ему, но она поняла его и отвѣтила:

— Я пришлю за вами, когда вы мнѣ будете нужны.

— Я хотѣлъ бы защитить васъ отъ всего дурного,—сказалъ онъ.

Она протянула ему руку на прощаніе и онъ не былъ въ состояніи больше ничего сказать. Ея рука была холодна и безжизненно лежала въ его рукѣ.

Въ тѣ минуты графиня ничего не сознавала, кромѣ внутренняго голоса, который настойчиво заставлялъ ее идти къ чужимъ людямъ. Едва ли она даже сознавала, что покидаетъ того человѣка, котораго любила.

Онъ далъ ей уйти и потомъ вернулся къ кавалерамъ. Когда онъ взошелъ на барку, то все тѣло его дрожало отъ усталости, и онъ былъ въ полномъ изнеможеніи. Ему казалось, что онъ исполнилъ самую тяжелую работу въ своей жизни.

Нѣсколько дней онъ еще поддерживалъ въ себѣ бодрость, пока честь Экебю не была спасена. Онъ свезъ желѣзо на вѣсы въ Каникенесъ; но потомъ и силы, и бодрость окончательно покинули его.

Кавалеры не замѣтили въ немъ никакой перемѣны, пока они находились на баркахъ. Онъ напрягалъ каждый нервъ, чтобы казаться веселымъ и беззаботнымъ, потому что только веселье и беззаботность могли спасти честь Экебю. Развѣ имъ удалась бы продѣлка съ вѣсами, если бы у нихъ былъ удрученный видъ и озабоченныя лица?

Если правда то, что говорили люди, если правда, что у кавалеровъ въ баркахъ тогда было больше песку, чѣмъ желѣза; если правда, что они безъ конца носили на вѣсы въ Каникенесѣ все тѣ же полосы желѣза, пока наконецъ не взвѣсили необходимое количество шиф-фунтовъ; если правда, что все это могло произойти вслѣдствіе того, что вѣсовщика и его помощниковъ щедро угостили изъ корзинокъ и погребцовъ, захваченныхъ изъ Экебю, то станетъ понятно, что кавалеры должны были быть очень веселы, пока находились на баркахъ, нагруженныхъ желѣзомъ.

Кто знаетъ? Но если это было такъ, то, конечно, Іёстѣ некогда было горевать. Но онъ не испытывалъ никакого удовольствія отъ этого новаго приключенія и отъ сознанія опасности, которая могла имъ грозить.

Какъ только онъ находилъ это возможнымъ, онъ весь отдавался во власть глубокаго отчаянія.

— О, Экебю, дорогой моему сердцу край,—восклицалъ онъ тогда про себя,—пусть слава твоя никогда не меркнетъ!

Получивъ квитанцію отъ вѣсовщика, кавалеры нагрузили желѣзо на Венернскую шхуну. Обыкновенно перевозкой такихъ грузовъ въ Гётеборгъ завѣдовалъ профессіональный корабельщикъ, и Вермландскіе заводы не заботились больше о своемъ желѣзѣ послѣ того, какъ они получали квитанцію вѣсовщика, удостовѣрявшую, что ими доставлено условленное количество желѣза. Но кавалеры не хотѣли д[illegible]лать дѣла наполовину, они рѣшили доставить желѣзо до самаго Г[illegible]теборга.

Но ихъ путешествіе было несчастливо. Ночью разразилась бу[illegible], шхуна лишилась снастей и руля, ее нанесло на подводную скалу и она пошла ко дну со всѣмъ своимъ дорогимъ грузомъ. Валторн[illegible], карты и неопорожненныя бутылки вина также погибли въ волна[illegible].

Но если смотрѣть на вещи правильно, то что изъ того, что желѣзо пропало? Честь Экебю была всетаки спасена. Вѣдь желѣзо было взвѣшено на вѣсахъ въ Каникенесѣ. И если даже майору и пришлось короткимъ письмомъ увѣдомить оптоваго торговца въ Гётеборгѣ, что онъ не желаетъ получать его денегъ, такъ какъ тотъ не получилъ его желѣза, то и это ничего не значило. Экебю было достаточно богато, а честь его всетаки была спасена.

А что, если пристани, шлюзы, рудники и барки начнутъ шептаться объ удивительныхъ вещахъ? Если по лѣсамъ разнесется въ шумѣ деревьевъ смутный слухъ о томъ, что все путешествіе съ желѣзомъ было однимъ обманомъ, если во всемъ Вермландѣ будутъ увѣрять, что на баркахъ никогда и не было больше несчастныхъ пятидесяти шиф-фунтовъ и что кораблекрушеніе было устроено преднамѣренно? Въ такомъ случаѣ былъ совершонъ смѣлый подвигъ и блестяще выполнена настоящая кавалерская продѣлка. Отъ этого честь стараго помѣстья не могла пострадать.

Но все это было такъ давно. Возможно, что кавалеры скупили гдѣ-нибудь желѣзо или что они нашли его въ неизвѣстныхъ имъ раньше складахъ. Въ такихъ случаяхъ никогда нельзя доискаться правды. По крайней мѣрѣ вѣсовщикъ никогда и слышать не хотѣлъ о томъ, что возможенъ былъ какой-нибудь обманъ, а ужъ онъ-то долженъ былъ знать это.

Когда кавалеры вернулись домой, то они услыхали новости. Графъ Дона разводился со своей женой. Графъ послалъ управляющаго своими дѣлами въ Италію для того, чтобы тотъ добылъ доказательства о незаконности его брака. Среди лѣта управляющій вернулся съ удовлетворительными извѣстіями. Въ чемъ онѣ состояли,—этого я не могу съ увѣренностью сказать. Надо обращаться очень осторожно со старыми сказаніями: они похожи на отцвѣтающія розы, которыя теряютъ лепестки отъ неосторожнаго прикосновенія. Люди говорили, что вѣнчаніе въ Италіи совершалъ не настоящій священникъ. Больше я ничего не знаю, но правда то, что въ судѣ въ Бру было объявлено, что брака между графомъ Дона и Елизаветой фонъ-Турнъ никогда не существовало.

Молодая женщина ничего не знала объ этомъ. Если она была жива, то жила среди крестьянъ въ отдаленныхъ мѣстахъ.

Перев. М. Благовѣщенская.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ВОЛШЕБНЫЙ ФОНАРЬ.

Въ школѣ стояла тишина. Скупой свѣтъ дешевой лампочки падалъ изъ-подъ бумажнаго абажура и расплывался по бревенчатымъ, темнымъ, стѣнамъ маленькой комнатки. Въ тишинѣ долгаго осенняго вечера слышались шелестъ листовъ переворачиваемой книги, которую давно уже читала учительница, да, повременамъ, сопѣнье и ворочанье съ боку на бокъ сторожа Карпа на печи, куда онъ забрался съ шести часовъ вечера. Печка, на которой валялся Карпъ, одной своею стороной выходила въ комнату учительницы, и была задѣлана шелевками, оклеенными газетною бумагою. Сквозь тонкую перегородку было слышно каждое его движенье. Дверь изъ комнатки учительницы была растворена въ классную «для воздуха», и изъ этой классной, наполнявшейся днемъ гуломъ множества дѣтскихъ голосовъ, вѣяло теперь молчаливой пустотой. Учительница словно жалась отъ этой пустоты къ своему столику, къ свѣту своей дешевой лампочки; къ книгѣ, которую боялась оставить. Листы переворачивались за листами, и время шло...

Сторожъ опять заворочался; тонкая перегородка затрещала.

«Словно домовой»—подумала дѣвушка, и отложила книгу.

— Карпъ, что это ты такъ ворочаешься?

— А какже мнѣ не ворочаться?—спокойно отзывается Карпъ.—Чай, живой человѣкъ, вотъ и ворочаюсь.

Опять наступаетъ молчаніе.

— Карпъ, ты, вѣрно, опять онучи въ печку положилъ сушить? Тутъ нестерпимая вонь.

— Ну, какъ же таперь быть-то? Безъ этого нельзя.

Карпъ подождалъ новаго вопроса и, не дождавшись его, перевернулся на другой бокъ, въ доказательство того, что онъ живой человѣкъ.

Учительница встала и вышла въ классную. Въ частыя, ничѣ въ

не завѣшенныя, окна глядѣлась непроглядная темь; глядѣлась улица, съ непролазною грязью и, порою, было слышно, какъ хлюпала за окнами эта грязь, наваливаясь на колеса проѣзжавшей телѣги, и какъ ее мѣсила ногами лошадь.

И опять наступала тишина...

Молодая дѣвушка ходила по проходу между партами. Иногда, гдѣ-то близко, раздавалась прерывающаяся пьяная пѣсня, то замолкавшая,—словно шедшій падалъ въ эту грязь и захлебывался ею, то снова вставалъ и хрипло выкрикивалъ что-то безсвязное и дикое. Потомъ все смолкало и, казалось, мужикъ совсѣмъ утонулъ въ грязи и уже больше не вылѣзетъ изъ нея.

Прислушиваясь къ выкрикамъ, учительница мысленно видѣла, какъ мужика словно толкаетъ что-то изъ стороны въ сторону; какъ онъ валится въ грязь, переворачивается въ ней на бокъ, на спину, и дѣлаетъ всяческія усилія встать.

Въ теченіе двухъ лѣтъ своего учительства въ селѣ, она каждый день видѣла изъ оконъ своей школы, выходившей со всѣхъ сторонъ на площадь, такія картины, и онѣ были знакомы ей до мельчайшихъ подробностей, какъ были знакомы, тянувшіяся въ два ряда по обѣ стороны школы, избы, подъ соломенными крышами; кучки молодухъ и дѣвокъ; ихъ нарумяненныя и набѣленныя, по праздникамъ, лица; ихъ непристойный смѣхъ и скверныя слова пѣсни, которою онѣ любили, въ это время, столпившись кучкой на мосту, встрѣчать проѣзжавшихъ черезъ ихъ село городскихъ жителей, купцовъ и приказчиковъ. Знала она также, что и городскіе жители любили пріѣзжать въ это село «отдохнуть»; забирались въ крестьянскія избы, гдѣ отцы и матери торговали своими дочерьми, и устраивали вмѣстѣ съ ними цѣлыя оргіи и шумныя гульбища по селу, въ ночную пору.

Учительница остановилась у окна и, прислонясь головой къ косяку, вглядывалась въ окружавшую ее тьму... Саженяхъ въ десяти отъ школы высился бревенчатый заборъ, за которымъ стоялъ домъ сельскаго батюшки, о. Петра Ампилонскаго. Изъ-за забора высматривала одна только желѣзная крыша дома, и только по свѣтлой полосѣ надъ этимъ заборомъ учительница знала, что окна въ домѣ батюшки освѣщены, и она могла догадываться, спитъ ли онъ, или еще бодрствуетъ. Два года она видѣла священника по субботамъ въ школѣ, когда онъ приходилъ туда преподавать Законъ Божій; видѣла его жилистую фигуру; сморщенное, худое и красное, лицо, почти лишенное растительности; его небольшіе круглые глаза, на выкатѣ, въ которыхъ какъ бы навсегда застыло одно выраженіе, но какое—до сихъ поръ оно не поддавалось ея опредѣленію... И сколько она ни старалась

за это время подойти къ батюшкѣ поближе, расположить его къ себѣ, къ ученикамъ, ея старанія узнать его не подвинулись ни на шагъ: батюшка былъ точь въ точь такимъ, какъ и въ тотъ первый разъ, когда они встрѣтились. Знала она еще, что онъ вдовый; что хозяйствомъ заправляетъ у него сестра, пожилая дѣвушка, маленькая и худая, съ тонкою и всегда грязною шеей и испуганными глазами, которые расширялись и словно хотѣли выскочить изъ своихъ орбитъ, при каждомъ звукѣ обращеннаго къ ней голоса. Знала она также, что у батюшки есть сынъ, восемнадцатилѣтній юноша, недавно выключенный за что-то изъ семинаріи, и что онъ живетъ у отца на хлѣбахъ; что онъ ѣздилъ куда-то искать мѣста, но пріѣхалъ ни съ чѣмъ; тоскуетъ и все читаетъ какія-то книги, а батюшка тяготится имъ... И еще что-то такое тяжелое, не то слышала она, да забыла, не то это былъ плодъ ея собственнаго воображенія,—дѣвушка не могла опредѣлить. Дѣйствовалъ тутъ и высокій заборъ батюшки, изъ-за котораго ничего нельзя было видѣть, и выраженіе глазъ батюшки, неподдававшееся опредѣленію, и то, что его сынъ почему-то прятался отъ всѣхъ за этимъ заборомъ, и она его не видѣла ни разу.

Видала она кромѣ того батюшку, ходящимъ по селу, съ образами и хоругвями, со святою водою и крестомъ; а въ остальное время его словно и не было въ селѣ, и только еще звонъ колоколовъ иногда напоминалъ ей о его присутствіи. Слышала она какъ-то, что батюшка ходилъ съ молебномъ на «пристольный»; что ему въ каждомъ дворѣ давали «положоное»—деньгами, бараниной, яйцами, печенымъ хлѣбомъ, и т. д.

Но всѣ такіе, и подобные, разговоры тонули и растворялись въ покойномъ равнодушіи, съ какимъ они передавались.

Въ общемъ, отъ всего оставался у нея передъ глазами только высокій заборъ, за которымъ что-то творилось, и свѣтъ, лежавшій слабой полосою надъ нимъ и надъ постоянно запертыми, на желѣзные замки и засовы, тяжелыми воротами.

Дѣвушка отвела глаза отъ этой полосы свѣта. По другую сторону грязной широкой площади ярко выступили освѣщенныя окна квартиры станового и возлѣ нея, куда только ни доставалъ свѣтъ, вездѣ были тѣ же густыя лужи топкой, непроходимой, грязи.

Учительница была знакома со становымъ и не разъ отдыхала у него. Это случалось, когда въ селѣ былъ престольный праздникъ, или другое какое-нибудь выдающееся событіе; когда вокругъ школы слышались особенно буйные выкрики и брань, и повсюду происходили драки, послѣ чего оказывались проломленныя головы, выбитые глаза,

зубы. Тогда учительница невольно шла къ становому; сидѣла въ его уютной, освѣщенной, квартирѣ, и даже проникалась къ нему какимъ-то безотчетнымъ уваженіемъ. Средн безтолковаго, безсмысленнаго, настроенія, охватывавшаго жителей села, онъ казался ей тогда сильнымъ, незаурядпымъ, человѣкомъ. Ее невольно успокаивала тогда и жирная, улыбающаяся, становиха, въ капотѣ, съ лѣнивыми движеніями, вполнѣ вѣрившая въ свою безопасность за спиною мужа, и тотъ разговоръ, который она умѣла всегда переводить на самыя мирныя темы: на ея сны, на ея особенности, выдѣлявшія ее, по ея мнѣнію, изъ числа всѣхъ остальныхъ женщинъ. Узнала отъ нея учительница, что становиха любитъ медъ, но только ѣсть ей его много нельзя, такъ какъ отъ него все тѣло ея покрывается пятнами; что одеколонъ освѣжаетъ ей кожу, и что она всегда носитъ прюнелевыя туфли, а иначе у нея потѣютъ ноги... И такъ какъ всѣ такія особенности были важны и должны были, по ея мнѣнію, интересовать также и учительницу, то онѣ передавались всегда въ мельчайшихъ подробностяхъ. Съ своей стороны, чтобы не обидѣть становиху и укрѣпить хорошія отношенія съ нею, учительница заботилась всегда приготовить къ ея приходу горячихъ оладій и меду, конфетъ и орѣховъ, которыми любилъ наполнять всѣ свои карманы ея семилѣтній, разбалованный, сынъ. Учительница замѣчала, что и становой приходилъ всегда въ самое хорошее расположеніе духа отъ такого ея пріема и въ то время, когда его жена и сынъ оставались за уставленнымъ сластями столомъ, онъ расхаживалъ взадъ и впередъ по маленькой комнаткѣ и говорилъ, что въ рукахъ держитъ свой станъ; что онъ строгъ, но и справедливъ; что его боятся всѣ конокрады и воры, и уважаютъ крестьяне... И учительница слѣдила тогда за его маленькой, невзрачной фигуркой, и всѣ эти слова приписывала силѣ его характера.

Были и другія хорошія стороны для учительницы отъ знакомства съ становымъ. Во-первыхъ, къ ней пересталъ заѣзжать урядникъ, считавшій себя прежде въ правѣ подолгу засиживаться у ней, попить чайку въ школѣ и закусить. Во вторыхъ, волостной старшина, онъ же и попечитель школы, красный и самодовольный, пересталъ разваливаться передъ учительницей на стулѣ и широко разставивъ ноги и барабаня толстыми пальцами по столу, оглядывать ее въ то же время безсмысленными глазами и дѣлать всегда одни и тѣ же замѣчанія, насчетъ большой траты дровъ на школу. А также совсѣмъ пересталъ порываться говорить ей «ты».

Пересталъ къ ней захаживать и волостной писарь Щукинъ, не желая встрѣтиться у ней съ становымъ.

— Нѣтъ, поддерживать дружбу съ становымъ очень выгодно,—

засмѣялась дѣвушка и, отойдя отъ окна, опять стала прохаживаться между партами.

Въ частыя окна, съ гнилыми рамами, попрежнему смотрѣла на нее непроглядная тьма, съ шлепаньемъ ногъ по грязи и пьяными выкриками.

— Боже мой, какое одиночество!... Что, если бы устроить по вечерамъ чтенія, съ туманными картинами, вотъ было-бы хорошо-то! Все бы повѣяло жизнью, общеніемъ... Вѣдь не одни же только пьяные въ селѣ?... Вѣдь здѣсь цѣлыхъ двѣ тысячи душъ... Не всѣмъ хочется напиваться и валяться въ грязи... Вотъ, тѣ бы, можетъ быть, и пришли... Ахъ, какъ хочется живой работы!...

И вставали передъ ней ея подруги по школѣ, разбросанныя кое-гдѣ по необъятной родинѣ, такія же молодыя, какъ и она. Вотъ, подруга Саша, заѣхавшая въ глушь Сибири, съ переселенцами; Маня, прямо съ Рождественскихъ курсовъ уѣхавшая въ бѣдную татарскую деревню, фельдшерицей отъ земства, довольная своею судьбой, словно забывшая совсѣмъ то довольство и роскошь, въ которыхъ она выросла... А за этими живыми, знакомыми лицами вставали безчисленныя другія, незнакомыя, но также близкія... И всѣ онѣ, отодвинутыя далью, казались ей теперь такими большими и сильными... Изъ нихъ далека выступала передъ ней только ихъ работа, а всѣ мелочи пропадали, а она казалась себѣ такой ничтожной и маленькой въ сравненіи съ ними.

— Надо, надо работать!.. Фонарь мнѣ дадутъ изъ города, на время; и мужики узнаютъ, что есть Ледовитый океанъ съ вѣчною ночью; есть вѣчное лѣто... Я покажу имъ море, горы...

И дѣвушка замечталась...

Школа полна народомъ. Передъ нею бородатыя лица, вперемежку съ дѣтскими головками... Веселыя восклицанія ребятъ, и какое-то сдержанное оживленіе взрослыхъ, которое сквозитъ на ихъ лицахъ, въ ихъ неповоротливыхъ движеніяхъ... Имъ тѣсно сидѣть, жарко въ полушубкахъ; съ нихъ льетъ потъ, но они словно связаны впечатлѣніемъ отъ прочитаннаго и видѣннаго, и ничего не хотятъ замѣчать остального....

— И для меня уже не будетъ этого тоскливаго одиночества, этой пугающей тьмы!...

Дѣвушка невольно оглянула опять черныя окна. Свѣта надъ высокимъ заборомъ больше не было—батюшка спалъ; но окна станового все еще сіяли, и учительница, упрекнувъ себя еще разъ въ малодушіи, стала обдумывать, какъ ей устроить воскресные вечера.

— Надо сперва устроить для учениковъ,—думала она,—а будутъ съ ними приходить отцы и братья, не гнать же ихъ изъ школы.

И она рѣшила еще разъ поговорить со становымъ, который такъ сочувственно относится къ ея взглядамъ, и сходить къ батюшкѣ.

— А ужъ волшебный фонарь съ картинами добуду во что бы то ни стало!

И, порѣшивъ на этомъ, учительница вернулась въ свою каморку.

Утромъ ее разбудили голоса въ классной. То собирались спозаранку ученики, и она слышала, какъ хлопали двери за вновь приходившими, и какъ голосовъ все прибывало. Потомъ они стали сливаться въ общій гулъ и отдѣльныхъ словъ уже не было слышно.

Въ девять часовъ она вышла, изъ своей комнаты, и начались занятія.

И среди дѣтей, среди звонкихъ свѣжихъ голосовъ, быстрыхъ молодыхъ движеній, учительница не замѣчала усталости.

Наконецъ, хлопнули въ послѣдній разъ двери, и школа опустѣла, наступила тишина и усталость. Учительница опустилась на табуретку, прислонилась спиною къ бревенчатой стѣнѣ и даже закрыла глаза; и ей казалось, что ее все время кружила и несла куда-то звонкая и быстрая волна, съ которой она не могла справиться, и вотъ теперь потокъ умчался, и она прибилась къ тихому берегу, лежитъ и отдыхаетъ... Голова кружится, но такъ пріятно молчать; не шевелиться и не думать....

Въ четыре часа дѣвушка уже стояла у запертыхъ воротъ дома батюшки и звякала большимъ чугуннымъ кольцомъ калитки... На стукъ, чуя присутствіе чужого человѣка, гремя цѣпями, отзывались собаки. Наконецъ, хлопнула дверь, и кто-то вышелъ на невидимое за забором крыльцо.

— Кто тамъ? Что нужно?—сердито спросилъ голосъ, стараясь перекричать собакъ.

— Батюшка дома? Можно его видѣть?

Собаки заметались.

— Цыцъ, цыцъ вы!

И дверь захлопнулась; потомъ снова отворилась и совсѣмъ неожиданно загремѣлъ желѣзный засовъ калитки, и учительница увидѣла передъ собой испуганные глаза батюшкиной сестры.

— Можно къ вамъ?

— А... пож... пожалуйте!...

И сестра, словно за нею кто гнался, быстро взбѣжала на высокое крыльцо, распахнула передъ учительницей дверь, за которой было темно, и все кланялась, и просила ее войти:

— Не спотыкнитесь!... Сюда за мной, за мной пожалуйте!

Пройдя черезъ темныя сѣни, она растворила вторую дверь въ переднюю, гдѣ у самаго входа стояла кровать, за старою выцвѣтшею ширмой, и была видна деревянная, некрашеная, спинка этой кровати и конецъ засаленнаго, ситцеваго, одѣяла. Учительница отвернулась къ вѣшалкѣ и стала снимать калоши. Она не видѣла, какъ изъ-за ширмы вышелъ высокій молодой человѣкъ, въ сѣрой ученической блузѣ.

— Тихонъ Ампилонскій, — какимъ-то сдавленнымъ голосомъ отрекомендовался онъ, и поспѣшилъ протянуть дѣвушкѣ холодную, худую, руку, которая казалась очень длинною, потому что рукава старой рубашки были черезчуръ коротки.

Дѣвушка подняла голову и взглянула на лицо молодого Ампилонскаго. Худое, съ красноватою кожей, черными густыми волосами, которые спадали длинными прядями на высокую жилистую шею, оно въ общемъ, напоминало отцовское, но какія были черты его: носъ, губы—дѣвушка не разсмотрѣла. Все ея вниманіе привлекли его глаза—темные, большіе, горѣвшіе. Что-то безпокойное, дерзкое и насмѣшливое, дрожало въ нихъ и поминутно вспыхивало, отчего все лицо казалось подвижнымъ и нервнымъ.

— Прошу покорно,—проговорилъ батюшка, появляясь въ дверяхъ другой комнаты.

Онъ былъ въ нанковомъ подрясникѣ и въ порыжѣлыхъ, грубыхъ, сапогахъ.

— Простите, батюшка; можетъ быть, я не во-время обезпокоила васъ?

— По своей обязанности пастыря, я привыкъ къ этому. Въ другой разъ и ночью, случается, тревожатъ... Долгъ... Прошу...

И пропустивъ учительницу въ дверь, батюшка указалъ ей на деревянный стулъ, у стѣны, и самъ какъ-то неловко присѣлъ на другое, напротивъ.

Не зная, съ чего начать рѣчь, дѣвушка отвела глаза отъ неподвижной фигуры о. Петра, и взглядъ ея скользнулъ по пустымъ, выбѣленнымъ, стѣнамъ; по низкому потолку комнаты. Вниманіе ея остановилось на двухъ большихъ кованыхъ сундукахъ, казалось очень давно стоявшихъ на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, и словно приросшихъ къ нимъ, и на рядѣ деревянныхъ, неуклюжихъ стульевъ, на которыхъ, словно, никто не садился, и не отодвигалъ ихъ никогда отъ стѣны.

Не шевелился и батюшка, и все это такъ сковывало дѣвушку

что ей было тяжело сдѣлать движеніе и ей казалось страннымъ, какъ это она пришла сюда, совѣтоваться о воскресныхъ занятіяхъ.

И, умѣривъ почти до шепота свой голосъ, она заговорила о грязи на улицѣ, о скверной погодѣ.

— Да, да, погода, дѣйствительно, скверная,— поддержалъ ее батюшка, мѣняя позы. Услышавъ изъ другой комнаты голосъ брата, и уже не боясь нарушить тишины, легкими и неслышными шагами вошла сестра батюшки и, наклонившись къ его уху, что-то спросила. О. Петръ утвердительно кивнулъ головой. Сестра удалилась и загремѣла въ другой комнатѣ чашками.

Минутъ черезъ двадцать она подала на подносѣ два стакана съ чаемъ. Батюшка протянулъ учительницѣ стаканъ, держа блюдце скрюченными, костлявыми, пальцами, и сказалъ:

— Одолжайтесь.

Учительница пила мутный чай, въ прикуску, и чувствовала, что одолжается. Разговоръ не клеился.

Сестра принесла опять чаю. Батюшка подалъ второй стаканъ и опять сказалъ:

— Одолжайтесь.

— Я собственно пришла къ вамъ, батюшка, посовѣтоваться съ вами насчетъ воскресной школы,—покраснѣвъ, проговорила учительница.—Хочу устроить вечернія занятія.

Батюшка удивленно поднялъ брови.

— Что же это вы сами надумали, или приказъ отъ начальства?

— Нѣтъ, приказа никакого не было; но инспекторъ, я увѣрена, ничего не будетъ имѣть противъ этого.

Батюшка забарабанилъ по столу пальцами.

— Все это какъ-то неопредѣленно,—сказалъ онъ, и опять забарабанилъ.

— Вы знаете, батюшка, что ученики и теперь иногда собираются ко мнѣ въ школу, по вечерамъ, и я только хлопочу устроить эти же самые вечера, съ волшебнымъ фонаремъ... Это, мнѣ кажется, болѣе пріохотило бы учениковъ къ занятіямъ.

— А, это ваше дѣло; не знаю, какъ вамъ сказать....

Учительница поблагодарила за чай, и стала прощаться.

Въ передней она опять увидѣла молодого Ампилонскаго. Онъ подалъ ей пальто и, отстранивъ тетку, пошелъ проводить дѣвушку до калитки.

— Какой у васъ высокій заборъ!—невольно вырвалось у учительницы, и оба взглянули на него.

— Отецъ мечтаетъ о каменномъ, и еще повыше,—разсмѣялся юноша какимъ-то тревожнымъ смѣхомъ.

— Приходите, какъ-нибудь; поговоримъ,— переступая черезъ порогъ калитки, протянула руку дѣвушка.

Аммонскій крѣпко сжалъ ее въ своей холодной рукѣ и медлилъ выпустить.

— Прощайте!

— Нѣтъ, знаете?... Спасибо вамъ,—быстро заговорилъ онъ.— Я приду... Мнѣ даже нужно придти къ вамъ.

Тихонъ, запирай же калитку,—послышался голосъ батюшки.

— Успѣете, запретесь еще,—послѣдовалъ дерзкій отвѣтъ. Калитка, однако, спѣшно хлопнула.

Дѣвушка перебѣжала черезъ дорогу.

Въ слѣдующее же воскресенье, заручившись сочувствіемъ станового, учительница ѣхала на телѣгѣ въ городъ, за волшебнымъ фонаремъ. Впереди нея, свѣсивъ ноги черезъ грядку, и ежеминутно помахивая хворостиной, сидѣлъ мужикъ «Ликашка», въ холодномъ, продраномъ, зипунѣ и тяжелой шапкѣ «на хлопкахъ». Косматая, малорослая, лошаденка, съ тупою, короткою мордой, выпяченными ребрами и вздутымъ животомъ, съ усиліемъ тащила телѣгу, которая переваливалась на всѣ стороны въ глубокихъ неровныхъ колеяхъ дороги и, казалось, дергалась вся, и дергала за собою лошаденку. Грязь то наваливалась толстымъ слоемъ на колеса, то брызгала жидкостью на сидящихъ. По обѣ стороны дороги тянулись поля, съ почернѣвшимъ жнивьемъ, и рѣдкою, затоптанною отъ дороги, озимью.

Никандръ покойно продолжалъ стегать лошадь хворостиной, а та—шагомъ тащить телѣгу.

— Часа черезъ два доѣдемъ?

— Выстегнемъ,— повернувъ лицо къ учительницѣ, увѣренно отозвался мужикъ, и его покойное, добродушное, лицо было какъ-то особенно знакомо ей. Оно напоминало ей тѣ румяныя, дѣтскія, лица, съ копною русыхъ волосъ, которыя она видѣла каждый день въ школѣ. Только теперь на этомъ загрубѣломъ лицѣ выросла русая борода и вокругъ синихъ глазъ легли морщины.

— Ну, что, Никандръ, какъ поживаешь?

— Да, ничаво... Вотъ теперь баба скоро родить... Н-но! Чаво стала?... Родить ежели сына, землю тогда прирѣжуть, а то три дѣвки. Хлѣбъ-то они, поди, также трескають; только управляйся, подавай.

— А ты-бы сперва корову завелъ, а то чѣмъ же сына-то кормить будешь,—сказала дѣвушка и разсмѣялась.

— Э, былъ-бы сынъ,—весело отвѣтилъ Никандръ и поправилъ шапку, а тамъ какъ-нибудь.—Я давно збирался поговорить тебѣ: жалательно намъ съ бабой тебя въ кумы взять; это коли, ежели, сынъ родится. Кумомъ кого ты захочешь, того и возьмемъ: писаря, али лавошника—съ тобой всякой пойдетъ.

— Да на что это тебѣ?

— Ишь ты! Все, гляди, крестные счастья принесуть.

— Какое счастіе отъ писаря?

— Ахъ, какая ты! Не съ нами же сравнять. Но-о!..

— Отчего это, Никандръ, у тебя лошадь такая плохая?

— Кто-е знаить. Ни ко двору видно. Но-о, ты щулига! Ахъ, песъ! Вотъ песъ-то! Глянь! уши-то подняла: воду увидала,—показалъ Никандръ на большую лужу въ сторонѣ, на луговинѣ, къ которой сама сворачивала лошадь.

Она вошла по колѣно въ воду и, раздувая красноватыя ноздри, стала жадно пить.

— И съ чего бы это? Али у ей боль какая?—говорилъ Никандръ, стоя возлѣ телѣги, съ вожжами въ рукахъ.—Ну, да нехай ее пьетъ. Все брюхо не пустое будить. Прошлый разъ, какъ ты мене въ городъ закупляться посылала, разовъ пять у воды останавливалась... Ишь раздулась какъ.

— Небось, одной соломой кормишь?

— А то чѣмъ же? Но, ты, трогай! Протрясай брюхо-то!—садись опять на грядку, крикнулъ Никандръ и стегнулъ лошадь.

— Баба-то твоя поправилась?

— Теперь ничаво, кабыть... Она ужъ еще одну килу износила... Га, помнишь, на шеѣ была, а эта на рукѣ вздулась... И вотъ какъ, скажи,—въ гусиное яйцо! Ѣздилъ съ ней къ бабкѣ, въ Лысково. Та, какъ наговорила воды,—прошло... Теперь килы эти вездѣ пошли. Примѣчаютъ тутъ на одного мужика—онъ, быдто, присаживаить; а правда ли, кто-жъ его знаить... А заучился, быдто, у хрущевскаго Василья, и перва все на курахъ пыталъ. Мало ли ихъ тогда у насъ переколѣло: вздуется головка, и конецъ... А тутъ ужъ и на людей сталъ прикидывать... Объявились эти килы и въ Ивановкѣ было; паренекъ одинъ оттуль все къ Васькѣ ходилъ; да тамъ ихъ мужики сразу прикончили. Собрались почти всѣмъ сходомъ, кто съ дубьемъ, кто съ вилами, и пришли къ нему:—смотри, говорять, Ванька, ежели у насъ еще хоть одна кила на кого вскочить, убьемъ какъ собаку. Такъ и знай... Съ тѣхъ поръ будя въ Ивановкѣ—какъ

отрѣзало... А не будь этой бабки, Дарьи—бяда... Она всѣхъ лѣчила... Васька присодить, она вылѣчить. Охъ, да и люта-жъ, эта самая кила!

Никандръ онустилъ голову и смотрѣлъ на грязь дороги. Телѣга продолжала судорожно перекашиваться, какъ отъ боли; въ выбитыя колеи заѣзжало то переднее колесо, то заднее, то всѣ четыре дергали ее во всѣ стороны.

— А все, говорять, въ Хрущевкѣ это баловство отъ книги пошло.

— Отъ какой книги?—удивилась учительница.

— Отъ книги-то?... Книга эта такая, што ежели узнають у кого она, загонють за ее на вѣчную каторгу... И прозывается она... Охъ, какъ бишь ее? Черная, черная... вродѣ черной немочи, што ли?

— Черная магія, можетъ быть?

— Во-во... такъ, такъ... Она самая и есть... А написалъ ее... какой-то Петръ... Петръ Ма... Петръ Ма-гила,—проговорилъ Никандръ, съ какимъ-то испугомъ.—И все это въ ей прописано: и про килы эти, и про привороты и отвороты разные, и коли, ежели надсмѣшку какую сдѣлать... Спервоначалу-то Василій давалъ ее читать нѣкоторымъ. Придутъ къ нему, запрутся въ банѣ и разбирають... А потомъ, какъ зачали про ее говорить такъ-то, онъ и пусти слухъ—сгорѣла вмѣстѣ съ баней... Да, вреть; у него она и по сейчасъ... Заговоры тамъ разные: отъ змѣй—отъ межевыхъ, отъ рубежевыхъ; отъ ружья заговоръ... Заговорить ежели—сколько хошь изъ его бей, ни въ жисть не убьешь; ничего не подѣлается... И вѣрно этта, гляди... А надысь собрались мужики за деревню, привязали собаку къ колу; зарядили ружье заговоренное, и бацнули въ нее. Хошь бы тебѣ што... Они въ другой разъ...

— Научные опыты дѣлали,—засмѣялась дѣвушка.

— Какъ ты сказала?

— Опыты, говорю, дѣлали.

— Да, да; пытали, пытали...—весело смѣялся и Никандръ.—Ты слухай—взвыла собака, а опять ей ничаво... Они въ третій вдарили—жива... Ну, ужъ тутъ испужались, и давай ее палками... Палками убили, потому отъ палки заговора не было... Смотрять, округъ собаки-то увездѣ дробь понасыпана... а въ ее не попало... Вотъ ты и скажи... да-а... А то, вишь, зачнеть это Василій себѣ при всѣхъ иголки забивать; всю икру истыкаить, и кровь ни текетъ... Ажно смотрѣть жутко... Н-но! опять стала!

Никандръ зачмокалъ, вытянулъ лошадь хворостиной и продолжалъ:

— Вычитали они еще въ этой книгѣ—трава такая есть: «Царевы очи», ото всѣхъ болей помогаить. Долго они ее потомъ искали, да не нашли; ошибка вышла... Въ книгѣ-то сказано: «Ищи подъ мажевельникомъ», а они не разобрали толкомъ—думали на межахъ... А у насъ мужавельнику этого нигдѣ не растетъ. Зря, значитъ, искали... А то еще какая-то трава «Коса-желѣзница» прозывается... Все тамъ есть... Таперь мальчишка у Васьки, еще махонькій, а отъ отца заучился, баловать сталъ... Стерегли ребята табунъ, а онъ сорви колосьевъ и дай лошади; та кверху ногами и ну биться. Ребятишки, што вмѣстѣ съ имъ были, кинулись въ деревню, а оттуль мужики бягуть, съ Васькой вмѣстѣ. А онъ ужъ знаить, отчего это лошадь бьется. Схватилъ свово мальченку за виски и давай его... Ужъ онъ его, ужъ онъ его! А тотъ кричить: «Ой, тятька, не буду, не буду!» Вырвался, да въ рожь... Ну, тутъ и лошадь встала... А то совсѣмъ было хотѣли Василья бить.

— Да ну, тащи, што ли!

— Типерь опять такой случай вышелъ: въ Андроновѣ мужикъ есть, Ѳома Антиповъ; собрался онъ сына женить. Спервоначалу-то хотѣли Васильеву дѣвку сватать, а тутъ раздумали черезъ эсту книгу самую, и къ сусѣду пошли... А Васька-то и скажи: «Не лучше моей берете»... Што-жъ бы ты думала? Стала у молодой рука сохнуть. Нисчево, а сохнить... Возили ее къ бабкѣ, а та только сказала: «Кто, горить, тебѣ сдѣлалъ, тотъ пусть и сымаить. Щастье еще, говорить, твое, што ты, отъ вѣнца когда ѣхала «Отчу» читала, да не съ улицы вылѣзала изъ саней, а со двора. Тебѣ съ улицы было подложено, а ты со двора слѣзла, а то бы тебя давно ужъ на свѣтѣ не было»...

— И правду, говорить со двора слязала, и «Отчу» читала. Вишь какъ угадала-то!... А еще то сказала: «Какъ вы къ вѣнцу ѣхали, дѣвка вамъ одна все платкомъ вслѣдъ махала». Этого-то вы, можеть, не видали. «Вотъ ты и поди. Сколько опосля того Василью водки спаили: помоги только, вылѣчи...—«Знали бы, говорять, твою-бъ дѣвку брали».

— Ну, что-жъ помогъ онъ ей?

— А кто-жъ его знаить? Сказалъ, быдто: «Не сразу это у тебя пройдеть; кабы ты спервоначалу прямо ко мнѣ пришла, не ѣздила бы по бабкамъ—вразъ бы тебя вылѣчилъ»... Да, знамо, поможеть... Ну, съ этой поры стали его всѣ къ себѣ на свадьбу звать, стали подчивать... Вотъ опять! Ха-ха-ха! Вѣдь што удумалъ-то! Гуляли на свадьбѣ, у Зотиковыхъ. Онъ возьми, да собаку хозяйскую, зленная презленная—такъ на цѣпи у нихъ завсегда и сидѣла, и отвяжи. Повязалъ ее бабьей шалью, концы назади закрутилъ, и посадилъ въ сани

рядомъ съ собой, поѣхалъ съ ней вмѣстѣ кататься... Собака сидитъ, какъ каменная; а онъ еще возьми да вожжи на нее накинулъ, вродѣ какъ бы она у него править... Диву всѣ дались... Што сияху было... Это, говорятъ, ты Васька опять, должно, изъ книги?

— Нѣтъ, говоритъ, книги у мине. Ей-Богу, въ банѣ сгорѣла; а собака, говоритъ, оттого смирно сидитъ, што дюже спужалась... Ну, да развѣ ему повѣрятъ?... И хитеръ же этотъ Васька!... А ужъ не миновать ему; попанется онъ съ ей, съ эстой книгой; тогда ужъ ау братъ... А то еще и свои зашибуть, какъ-нибудь... Да мало ль чего тамъ баяли про книгу. Онъ и мнѣ ее однова, допрежъ, показывалъ... То-олстая такая... Вычитывалъ мнѣ изъ нее... Да я не домакушился толкомъ. Охъ, голова-то у меня,—какъ бы защищаясь отъ чего-то, заслонявшаго ему видѣть, поднялъ Никандръ руку ко лбу,—ничего я не понялъ... Плохая, братъ, голова...

— Вотъ, погоди, привеземъ волшебный фонарь,—сказала дѣвушка,—черезъ него тогда и ты многое поймешь; узнаешь, что на свѣтѣ есть.

— Ну?—недовѣрчиво протянулъ мужикъ.—Вотъ, рази, што волшебный-то. А никакого отъ него грѣха... не будитъ?

— Какой же грѣхъ? Море тебѣ покажу; Сибирь увидишь, куда переселенцы идутъ... Много чего увидишь.

Мужикъ слушалъ и глядѣлъ на почернѣвшія, унылыя, поля, которыя сливались съ сѣрымъ небосклономъ.

— А што, увеземъ мы его на телѣгѣ, фонарь-то этотъ?

— Увеземъ,—улыбнулась дѣвушка.

— Н-но, милая! Эвона и городъ!—крикнулъ Никандръ и взмахнулъ хворостиной.

Черезъ полчаса телѣга грохотала по городу, подскакивала и тряслась на булыжной мостовой.

— Куды везть-то?

— Вези къ инспектору.

— Это, гдѣ мы анадысь-то были съ тобой?

— Да, туда.

— Видно начальникъ строгій?

— А что?

— По обличью видать.

— Онъ уже тридцать пять лѣтъ служитъ.

— Во какъ! Теперь, значитъ, ему скоро и на «безспособье» дадуть?

— Тпру!

И телѣга остановилась у солиднаго, каменнаго, двухъэтажнаго дома инспектора.

— Ты не жди меня тутъ,—сказала дѣвушка, вылѣзая изъ телѣги.—Поѣзжай къ Манькину, на постоялый; покорми тамъ хорошенько лошадь. А я, какъ исправлю дѣла, приду къ тебѣ.

И она позвонила у подъѣзда. Вышла прислуга.

— Демьянъ Михайловичъ дома?

— Дома-съ.

Дѣвушка вошла въ переднюю.

— Доложите, пожалуйста: учительница изъ Устинова.

— А вы обождите. Они теперь еще въ халатѣ; вчера изъ клуба поздно пріѣхали.

Учительница стала снимать пальто. Изъ полуотворенной двери въ залъ неслись звуки рояля. На порогѣ показался мальчикъ лѣтъ девяти, въ черномъ бархатномъ костюмчикѣ, съ золотыми позументами; посмотрѣлъ на учительницу, не знавшую, какъ ей быть, войти ли въ залъ, или дожидаться отвѣта въ передней, и скрылся. Игра прекратилась.

— Войдите,—крикнули изъ залы.

У рояля, не поднимаясь дѣвушкѣ навстрѣчу, сидѣла не молодая, небольшого роста, но очень полная, блондинка, въ черномъ атласномъ капотѣ, обильно отдѣланномъ широкими кружевами. Ожирѣвшее, съ мелкими чертами, лицо ея было густо обсыпано пудрой. Большіе голубые глаза казались пустыми.

Учительница поклонилась, постояла посреди залы и пошла къ роялю.

— Садитесь возлѣ, — пригласила инспекторша, величественно протягивая ей свою пухлую руку, и скучающимъ взглядомъ скользнула по простому, румяному лицу дѣвушки; потомъ вяло спросила: любитъ ли она музыку и, найдя, что съ сельской учительницей больше не о чѣмъ говорить, пошла въ гостиную, шумя шлейфомъ.

Минутъ черезъ десять въ залъ вошелъ инспекторъ. Учительница пошла къ нему навстрѣчу. Онъ прижалъ правую руку къ таліи, отчего рука стала очень короткою и, казалось, что онъ не подавалъ ее, а скорѣе пряталъ. Учительница пожала три вытянутыхъ, неподвижныхъ, пальца.

— По дѣлу?—медленно спросилъ инспекторъ, и его голосъ, медленныя, тяжелыя движенія и каменное, гладко выбритое лицо, сливалось въ одно цѣлое впечатлѣніе какой-то неподвижности.

— Я зашла посовѣтоваться съ вами, Демьянъ Михайловичъ; хочу пріохотить учениковъ къ вечернимъ занятіямъ, съ помощью

волшебнаго фонаря, который мнѣ, надѣюсь, дадутъ здѣсь мои хорошіе знакомые. Тогда и ученіе, думаю, пойдетъ успѣшнѣй.

— Гмъ, гмъ, старайтесь... На экзаменѣ увижу.

При словѣ «экзаменъ», учительницѣ живо представилось, какъ инспекторъ, несмотря на свою неподвижность, рѣзкимъ голосомъ кричалъ на экзаменахъ и придирался къ ученикамъ.

— Ну-съ, и это все?

— Все, Демьянъ Михайловичъ.

Учительница раскланялась. На прощаніе ей опять были протянуты три пальца.

Часа черезъ три она уже ѣхала съ Никандромъ обратно и везла волшебный фонарь. Также тащила лошаденка телѣгу по грязной дорогѣ. Также во всѣ стороны толкало и подбрасывало ее, и хлюпала подъ ней грязь въ глубокихъ колеяхъ съ выбитыми колдобинами. А впереди стоялъ мракъ, и виднѣлась только разъѣхавшаяся, кривая дуга «щулиги».

— Фонарь-то, фонарь, смотри, береги пуще глазу,—обхвативъ его руками, все безпокоился Никандръ, на особо тряскихъ мѣстахъ дороги.

Лошаденка долго мѣсила грязь и выбивалась изъ силъ, пока не остановилась около школы.

— Типерь, поди, баба ужъ родила,—сказалъ Никандръ.

Учительница не отвѣчала и вошла въ школу. Никандръ уѣхалъ.

Долго еще тянулся вечеръ. На печкѣ ворочался Карпъ, а въ молчаливой школѣ долго горѣла одинокая лампочка подъ бумажнымъ абажуромъ, бросая черезъ окно слабый свѣтъ на темную улицу.

Прошло немного времени, и темные, долгіе, вечера нѣсколько разъ смѣнялись свѣтомъ въ школѣ; тишина—смѣхомъ и говоромъ молодыхъ дѣтскихъ голосовъ. Между ребятами выростали фигуры взрослыхъ, а въ окна школы съ улицы смотрѣла ужъ не черная ночь, а живыя лица....

Волшебный фонарь отбрасывалъ на полотно яркія картины....

Послѣ пятаго вечера въ школу пришелъ становой. Онъ казался чѣмъ-то озадаченнымъ; почти не отвѣчалъ на вопросы учительницы; щурился и все отворачивался отъ нея куда-то въ сторону. А когда, наконецъ, взглянулъ на нее, въ глазахъ его была одна неуклонная строгость.

— Ну-съ, сударыня, сегодня утромъ я получилъ бумагу. Оказывается, что у васъ даже разрѣшенія нѣтъ на чтенія съ волшеб-

нымъ фонаремъ. Объ этомъ узналъ самъ губернаторъ. Заварили вы, однако, кашу, и это подъ моимъ бокомъ! Хорошо-съ, нечего сказать!

— Да какія же это чтенія? Вѣдь для учениковъ!—воскликнула дѣвушка.

— Мнѣ, сударыня, хорошо извѣстно,—перебилъ ее становой,—что у васъ и взрослые крестьяне бывали; даже во всѣ окна смотрѣли съ улицы.

— Но что же мнѣ было съ ними дѣлать? Вѣдь окна не завѣшиваются. А въ школу развѣ кто изъ родителей, бывало, придетъ, да Карпъ, сторожъ; да Никандръ—тотъ, что фонарь мнѣ привезъ.

— Это не оправданіе. Почему вы не взяли разрѣшенія на воскресныя чтенія съ фонаремъ.

— Я... я думала, не справлюсь. Восемьдесятъ пять учениковъ, помощницы нѣтъ. Хотѣла попробовать прежде, хватитъ ли силъ.

— Извините, но я долженъ принять мѣры.

И становой вышелъ, не простившись. Учительница почувствовала, что дружбѣ сразу пришелъ конецъ.

Для нея потянулись тревожные дни. Пришелъ какъ-то молодой Ампилонскій.

— Я къ вамъ; здравствуйте. Книга тутъ у меня одна есть... Поговорить съ вами зашелъ,—растерянно началъ онъ.

— Да, садитесь, садитесь,—обрадовалась ему учительница,

— Спасибо. Я... я давно уже собирался къ вамъ,—останавливаясь передъ дѣвушкой, нервно заговорилъ Ампилонскій.—Но... какъ вамъ это объяснить?... Тутъ много причинъ... Съ тѣхъ поръ, какъ меня исключили изъ семинаріи, отецъ меня за человѣка не считаетъ.

Дверь изъ передней отворилась, въ комнату вошла кухарка батюшки.

— За тобой прислали,—обратилась она къ Ампилонскому.—Самъ видѣлъ, какъ ты сюда пошелъ. Велѣлъ тебѣ итить.

Она вышла, наслѣдивъ на чистомъ полу грязными ногами.

Ампилонскій вспыхнулъ. Дѣвушка не поднимала на него глазъ. Но только что онъ присѣлъ на стулъ, какъ минутъ черезъ десять дверь снова чуть-чуть пріотворилась, но никто въ ней не показывался.

— Тиша! — послышался испуганный голосъ тетки. — Иди... иди... Отецъ велѣлъ... Самъ знаешь...

— Ахъ, ты, Господи! Ну, простите,—забормоталъ Ампилонскій, поднимаясь.—Думалъ поговорить, а теперь и словъ нѣтъ, не могу. Книгу я пришлю вамъ... Прощайте.

Учительница опять осталась одна.

Вскорѣ послѣ этого ее вызвали въ городъ. Инспекторъ кричалъ на нее, грозилъ уволить, ссылался на какой-то запросъ къ нему отъ губернатора. Была она и у исправника, съ личнымъ объясненіемъ, и вездѣ слышала все о томъ же губернаторѣ.

Домой она вернулась разбитая, подавленная, угнетенная. Ничего не хотѣлось дѣлать, руки отваливались. Словно общій покой и равнодушіе охватили и ее.

— Слышала, что у попа-то случилось? — обычнымъ тономъ спросилъ ее Карпъ.

— Нѣтъ. Что такое?

— Къ нему сына мертваго привезли.

— Какъ? Тихона Петровича?

— А то кого-жъ еще?

И Карпъ равнодушно замолчалъ.

— Да что ты говоришь? Не можетъ быть!

— Ну да, еще тебѣ... Поѣхалъ онъ, вишь ты, опять себѣ мѣста искать. Иванъ Федотовъ его и возилъ, на своей лошади. А мѣста опять не нашлось; назадъ поѣхали. Дорогой онъ все говорилъ съ Иваномъ, а тутъ въ озноб его дюже вдарило. Попросилъ онъ у Ивана халатъ, прикрыться. Остановились у винополья, въ Боркахъ. За полбутылкой послалъ; еще двухъ копеекъ у него не хватило, Иванъ своихъ приложилъ. «Пей, говоритъ, Иванъ, а остатки я допью». Легъ опосля и укрылся съ головой. Поѣхали дальше; сталъ онъ подъ халатомъ ворочаться, стонать. «Заболѣлъ, говоритъ, я Иванъ, вези меня потише». Снялъ свой шархъ вязаный. «На, говоритъ, тебѣ; мнѣ не нужно... Носи». Потомъ затихъ. Пріѣхали домой, а ёнъ мертвый.

Карпъ понизилъ голосъ.

— Дознаніе, сказываютъ, было; въ карманѣ, вишь, записку нашли—въ смерти штобъ никого не винить. Самъ, вишь, похерился.

— Но отчего же это? Ты не слыхалъ?

— Рази скажутъ? Да и не наше дѣло.

И Карпъ полѣзъ на печь.

Ампилонскаго похоронили.

На другой день въ школу пришелъ батюшка, преподавать Законъ Божій. Попрежнему, лицо его хранило застывшее выраженіе; ни одинъ мускулъ не дрогнулъ въ немъ. Въ глазахъ былъ все тотъ же мутный, воспаленный свѣтъ, застилавшій собою все; но только теперь они вспыхивали иногда какимъ-то безпокойнымъ огнемъ и становились острыми, то снова стухали и еле тлѣлись. Все также былъ ровенъ и жестокъ голосъ батюшки, и также была холодна его рука,

которую жала учительница и, казалось, ничѣмъ нельзя было ее согрѣть, ни распрямить крѣпкихъ, костлявыхъ, пальцевъ.

— Какое у васъ горе! Какое страшное несчастіе!—не выдержала учительница, по окончаніи урока.

— Горе? — словно удивился о. Петръ, и глаза его блеснули и опять потухли.—Да... убилъ; убилъ, онъ меня... Столько волненія... Непріятностей.

— Такой молодой! Какъ жаль его!

— Конечно, кому, какъ не отцу, прискорбнѣй?... Но прискорбно и то еще—онъ въ жизни занимался вредными идеями... Прощайте.

И о. Петръ вышелъ изъ школы.

Поговорили крестьяне о смерти молодого Ампилонскаго, но какъ-то глухо, словно недоумѣвая, и совсѣмъ не понимая причинъ ея. И опять все смолкло; опять все было тихо, какъ на глубокой рѣкѣ: пойдутъ на ней круги отъ упавшаго камня, и снова все покроется гладью, и скоро не видно того мѣста, гдѣ онъ упалъ.

Тихона похоронили, и словно его не было никогда на свѣтѣ...

Попрежнему, слабымъ отсвѣтомъ отдѣлялся по вечерамъ высокій заборъ батюшки; попрежнему, висѣли на воротахъ его крѣпкіе запоры...

Вскорѣ Никандръ везъ учительницу въ другое село; опять хлесталъ лошадь хворостиной и жалѣлъ, что не пришлось ему покумиться съ «учительшей», такъ какъ баба, «несъ ее дери», опять дѣвку родила—Евлентьей звать, а «учительшу» переводятъ.

— И штой-то это такое пошло?—разсуждалъ онъ.—Какъ, смотришь, станетъ кто для насъ хорошъ, такъ, глядишь, его и вонъ отъ насъ?

И онъ недоумѣвающе уставился на учительницу.

Та не отвѣчала.

— Говорятъ, быдто, станового сестру на твое мѣсто пришлютъ... Исхлопоталъ. Ему, вишь, давно сюды ее хотѣлось. Она такъ въ городѣ жила, безъ дѣла значить.

Вотъ оно что,—подумала дѣвушка...

За пригоркомъ, на совершенно ровномъ мѣстѣ, показалось село, и Никандръ свернулъ къ нему лошадь.

По обѣ стороны дороги, чернѣя на бѣломъ снѣгѣ, тянулись избы, кривыя, пошатнувшіяся; съ развалеными плетневыми сараями; съ безпорядочно набросанными на взъерошенную крышу жердями и слегами.

Посреди села, на площади, стояла школа, на высокихъ столбахъ,

съ пленевою заваленкою, обмазанная по пазамъ глиною. Вокругъ нея не было ни кустика, ни оградки, и только одно отхожее мѣсто, съ оторванною дверцей, стояло рядомъ.

Никандръ остановилъ лошадь; учительница вошла въ школу.

Гнилой, мѣстами выбитый и грязный, полъ; потрескавшаяся, обтертая печь, «галанка»; крошечная передняя, съ дверью прямо съ улицы; налѣво каморка для учительницы, и впереди дверь въ классную, съ частыми окнами по тремъ стѣнамъ; съ некрашенными, почернѣвшими, косяками и рамами, между которыми висѣла паутина и пыль, свидѣтельствуя о томъ, что рамы эти давно не выставлялись. Все зданіе было вымазано внутри, по шероховатой глинѣ, розовою краской, которая мазалась при малѣйшемъ къ ней прикосновеніи.

— Гдѣ же тутъ обѣдъ готовить?—спросила дѣвушка маленькаго, тщедушнаго, старика сторожа.—Печи русской нѣтъ.

— А допрежъ, когда учитель былъ, онъ насупротивъ, у мужика, харчился; а учительша,—та въ галанкѣ варила: поставитъ себѣ, бывало, горшечекъ и сваритъ.

— Неужели у васъ всегда такъ холодно?

— Гмъ, холодно. Въ большіе морозы развѣ то бываетъ?

Дѣвушка больше не разспрашивала и, попросивъ сторожа поставить самоваръ, стала разбираться въ своемъ новомъ помѣщеніи.

На другой день пришли дѣти. Ихъ было много. Заплатанныя рубашки, разбитые лапти и валенки, изъ которыхъ торчали пуки соломы; оборванные, вытертые полушубки; впалыя груди и острыя плечи, съ выдавшимися лопатками, и старческія, сморщеныя, лица,—все говорило о большой бѣдности села.

Учительница узнала, что крестьяне «окалачиваются округъ города»; что земли у нихъ очень мало и та одинъ песокъ: родится на ней только картофель; что они снимаютъ у города луга и каждый дворъ имѣетъ корову или двѣ, но все молоко носятъ продавать, а самимъ попадаетъ только то, что останется непроданнымъ. Держатъ они еще овецъ, «для шерсти», и всѣ женщины вяжутъ изъ нея грубые чулки, также на городъ.

— А у насъ тутъ учительница была,—ознакомившись, разсказывали дѣти,—дыкъ та не наказывала насъ. Разъ Митька,—и всѣ головы повернулись къ Митькѣ, рябому и блѣдному мальчику,—стекло вонъ то расшибъ, и то ему ничего не было.

— Теперь она да-а-леко отъ насъ; на теплое море уѣхала,—протянулъ тонкій, дѣтскій, голосокъ.

— Дохтуръ ее туда услалъ,—перебили его другіе,—Простуди-

лась, и баять перестала. Мы кричимъ, а она станетъ что говорить,— ничего не слыхать.

— Да-леко она теперь,—протянулъ опять тотъ же слабый голосокъ.

Въ школѣ было холодно. Печь, которую затоплялъ сторожъ съ пяти часовъ утра, чтобы до прихода учениковъ согрѣть помѣщеніе, дымила и всякій разъ, несмотря ни на какую погоду, приходилось отворять дверь наружу. Въ гнилые, щелявые, полы дуло; не помогала и заваленка. Но всѣ эти неудобства куда-то отодвигались, прятались за тощія дѣтскія фигурки, за острыя плечики, тонкія шейки и сморщеныя лица...

Пришла весна. Ученики разошлись. Мелкота, прятавшаяся зимой по избамъ, высыпала на улицу. Она барахталась въ пескѣ, повсюду лежавшемъ толстымъ слоемъ; посыпала имъ себѣ головы; становилась на карячки, втыкаясь головами въ дорогу съ поднятыми кверху рубашенками.

Между дѣтьми, до пятилѣтняго возраста, было много «сидякъ», съ тонкими, вялыми ногами, которыя совсѣмъ не держали ихъ тѣло. Опираясь на руки и волоча ножки, они кое-какъ подползали къ игравшимъ въ кучкѣ дѣтямъ, и подолгу сидѣли возлѣ нихъ; махали руками, кричали отъ удовольствія, когда тѣ бѣгали, воображая и себя участниками игръ.

Дѣвочки, няньки, наблюдавшія за мелкотой, лѣтъ съ семи уже смотрѣли на игры, какъ на баловство; покрикивали на ребятишекъ; унимали плачущихъ, не переставая, въ то же время, вязать толстые шерстяные чулки, на продажу. Были между ними и мальчики, съ чулками въ рукахъ.

Учительница сидѣла на лавочкѣ у школы. Вечерняя заря окрашивала желтый песокъ въ розоватые тоны. За рѣкою, на горѣ, былъ виденъ городъ, съ зеленью садовъ, съ разноцвѣтными крышами домовъ и поднимавшимися надо всѣмъ этимъ высокими, бѣлѣющимися, колокольнями церквей и монастырей.

Изъ городского сада доносились звуки музыки; на рѣкѣ, въ яхтъ клубѣ, тоже играла музыка. Даже видны были оттуда красные, желтые и зеленые фонарики; и все это было такъ близко...

Вдали послышался звонъ бубенцовъ и становился все ближе и ближе. Маленькій, безъ верха, тарантасикъ, запряженный парой ямскихъ лошадокъ, шибко вкатилъ на площадь села и, проѣхавъ по ней немного, повернулъ къ училищу.

Учительница всмотрѣлась: въ тарантасикѣ виднѣлась фигура въ сѣромъ пальто, съ погонами, и фуражкѣ со значкомъ.

— Это еще кто такой?—подумала дѣвушка, и сердце ея упало.

Сдѣлавъ крутой полукругъ, тарантасикъ лихо подкатилъ къ крыльцу. Лошади стали. Сѣрая фигура, поднявъ плечи, продолжала неподвижно сидѣть, словно всматриваясь во что-то на спинѣ у ямщика; потомъ не спѣша стала вылѣзать изъ тарантасика. Учительницѣ бросилось въ глаза: толстое брюхо, короткая, наѣденая шея и широкая, жирная, спина.

Фигура потопталась нѣкоторое время возлѣ тарантасика, словно ожидая чего-то, и сдѣлала видъ, что тутъ только замѣтила учительницу.

— А... здравствуйте!—произнесла она жирнымъ баскомъ, подходя къ дѣвушкѣ и протягивая ей потную, волосатую, руку, съ короткими толстыми пальцами.—Здѣшній становой, Яхонтовъ.

Свѣтъ вечерней зари падалъ на его лицо. Учительница увидѣла рыжіе, щетинистые усы; толстыя губы; одутлыя, выбритыя щеки и широкій, немного вздернутый, носъ, надъ которымъ блестѣли маленькіе, выпученные, сѣро-голубые глаза. Вечерній свѣтъ зажигалъ ихъ какимъ-то задорнымъ, чисто животнымъ блескомъ и, казалось, что они, вмѣстѣ съ носомъ, какъ-то вдругъ, нахрапомъ, вскочили на это толстое лицо, и стали распоряжаться имъ по-своему.

— Желалъ съ вами познакомиться. Вы уже столько времени состоите здѣсь, въ моемъ станѣ, учительницей.

На словахъ «въ моемъ станѣ» Яхонтовъ почему-то сдѣлалъ удареніе.

— Прошу въ школу,—проговорила дѣвушка.

Становой не заставилъ себя больше просить и первымъ вошелъ въ училище.

— Вы па-а-а-зволите, къ вамъ въ комнату?—проговорилъ онъ, раздѣваясь въ тѣсной передней и, при этомъ, такъ особенно щелкнулъ пальцами и размахнулъ правой рукой, что дѣвушка ничего не нашлась, какъ повторить: «прошу».

При входѣ въ ея каморку глазки станового описали круглый размахъ, скользнувъ по всей обстановкѣ.

— Прошу садиться,—проговорила учительница, не зная, что еще сказать неожиданному гостю, и сама сѣла.

— А-а... благодарствуйте, — послышался тотъ же солидный басокъ.

Наступило неловкое молчаніе...

— Можетъ быть, чаю позволите?—догадалась учительница.

— Н-нѣтъ... да; я чай уже пилъ сегодня. Впрочемъ, па-азвольте.

Въ тонѣ голоса гостя мелькнула нотка разочарованія.

Дѣвушка вышла распорядиться...

— Прошу въ классную,—вошла учительница. Здѣсь у меня такъ тѣсно. Я приказала сторожу туда подать самоваръ. Пожалуйте.

— Ну-съ, какъ же у васъ идутъ занятія? Довольны вы своими учениками? Здѣсь, я вамъ скажу, мужики очень бѣдные, задавленные нуждой, затянувшіеся сверхъ силы,—небрежно откидываясь за чайнымъ столомъ, говорилъ гость, — равно нуждающіеся какъ въ поднятіи своего матеріальнаго благосостоянія, такъ и въ свѣтѣ знанія...

И рѣчь его лилась ровно, безъ скачковъ; красиво и смѣло.

— Здѣсь, сударыня, кажется мнѣ, при ужасающей бѣдности этого села и, поэтому, особенно ужасномъ для него, тлѣтворномъ сосѣдствѣ съ нимъ большого губернскаго города, съ его развратомъ и пороками, здѣсь крестьяне, болѣе нежели гдѣ-либо нуждаются въ просвѣщеніи, въ руководительствѣ, въ братскомъ сочувствіи къ нимъ со стороны интеллигенціи. Да-съ... Но что дѣлать?... Задачи огромныя, священныя; къ сожалѣнію, невполнѣ къ нимъ примѣняемыя.

Толстыя щеки станового надулись, какъ бы стараясь испустить вздохъ.

Дѣвушка смущенно молчала; передъ ней въ это время мелькалъ образъ ея прежняго знакомаго, станового изъ Устиновки.

— Ну, а какъ вы ихъ находите? Не правда ли,—они очень придавлены здѣсь?

— Да... кажется... Бѣдность, дѣйствительно, ужасная... Впрочемъ, я еще не успѣла хорошенько присмотрѣться къ нимъ,—сухо отвѣчала она.—Я еще такъ недавно здѣсь.

— Собираетесь къ Демьяну Михайловичу? — перемѣнилъ разговоръ становой.

— Зачѣмъ?

— Какъ зачѣмъ? Праздновать тридцатипятилѣтіе его служенія дѣлу народнаго просвѣщенія.

— Нѣтъ, я не слышала ни о какомъ празднованіи. Что такое?

— Ужъ будто и не слышали?—засмѣялся гость.—Помилуйте, да тамъ у него на его дачкѣ-то, теперь, небось, чуть не всѣ учителя и учительницы, ему подвѣдомственные, будутъ его чествовать. Хе-хе-хе.

— Развѣ уходитъ со службы?

— Ха-ха-ха, — раскатился становой. — Какая-жъ вы, однако, наивная! Если бы уходилъ, кто бы къ нему теперь собрался? А то... еще на пять лѣтъ супруга мѣсто выхлопотала; сама за этимъ къ попечителю округа ѣздила. Она на это куды какъ наторна. Хе-хе-хе... Да и связишки тоже у ней. Теперь, значитъ, какъ бы двойной юбилей

будетъ праздноваться. Ха-ха-ха! А кстати и новоселье на ново-купленной дачкѣ. Припасайте и вы, на всякій случай, пѣтушка или курочку, по русскому обычаю...

И снова довольный смѣхъ гостя раскатился по всей классной.

— Вѣдь вы, чай, знаете, каковъ вашъ господинъ инспекторъ-то?

— Не знаю... Не слышала, — нѣсколько смущенно повторила дѣвушка, испытывая непріятное ощущеніе отъ этого смѣха.

Опять наступило молчаніе.

Глазки станового нетерпѣливо сверкнули на учительницу.

— Да, скажите, пожалуйста,—началъ онъ, и лицо его приняло озабоченное выраженіе, тогда какъ голосъ сталъ сухъ и дѣловито-серьезенъ.—Какіе это вы вечернія сборища устраивали для крестьянъ, въ Устиновкѣ?... Чтенія какія-то, съ волшебнымъ фонаремъ; бесѣды?... Губернаторъ, съ которымъ, къ слову сказать, мы вмѣстѣ учились въ э... э... э... въ Орловскомъ кадетскомъ корпусѣ,—при упоминаніи названія корпуса становой нѣсколько замялся, —и... и который и теперь прекрасно, прекрасно, помнитъ меня... да... да-а... остался еще такъ недоволенъ вашей затѣей? До меня, знаете ли, дошли довольно непріятные слухи.

Брови станового нахмурились; лицо приняло еще болѣе озабоченное выраженіе.

— Я думала, моимъ переводомъ сюда вопросъ этотъ покончился,—блѣднѣя, но попрежнему стараясь быть ровной, проговорила дѣвушка.

— Ха-ха-ха...

И становой опять сталъ неудержимо веселъ. На него нашла игривая находчивость. Въ громкомъ голосѣ его послышались какія-то торжествующія нотки.—Вы, сударыня, вѣроятно, къ намъ сюда съ какой-нибудь другой планеты изволили свалиться? Ужъ не съ Марса ли? Ха-ха-ха... У насъ, милая вы моя, не все такъ скоро забывается и при-и-и-канчивается.

На послѣднихъ словахъ голосъ Яхонтова былъ высокъ и дѣтски чистъ.

— И я имѣю нѣ-ко-то-рыя; впрочемъ...—и голосъ его опять былъ солидно торжественъ,—теперь уже на моей нравственной обязанности будетъ лежать—возстановить и укрѣпить ваше прежнее доброе имя въ глазахъ начальства... И я, ка-а-а-нечно... сочту своимъ долгомъ... Послушайте, не можете ли вы ссудить мнѣ сто рублей на самое короткое время?—быстро закончилъ становой.—Знаете ли, произошли нѣкоторыя экстраординарныя траты... обстановка... и все такое... а?

Глаза его прыгнули и въ упоръ уставились на учительницу.

Та растерянно молчала.

— На самое короткое время,—снова отчеканилъ гость, не спуская съ нея взгляда.

— Но у меня даже нѣтъ такихъ денегъ,—заговорила дѣвушка, чувствуя, какъ кровь приливаетъ къ ея щекамъ, и начиная волноваться.

— Но куда же вы ихъ дѣваете? Вѣдь не всѣ же вы ихъ тратите?

— Простите; но денегъ у меня нѣтъ.

— Вы могли бы ихъ занять въ такомъ случаѣ.

— Гдѣ?... У кого?... Зачѣмъ?...

— Мнѣ хорошо извѣстно, что приготовляете въ гиназію сына Ивана Громова, а это — одинъ изъ самыхъ богатыхъ мужиковъ въ селѣ.

— Такъ потрудитесь обратиться къ нему.

— Совершенно вѣрно, совершенно вѣрно,—дѣловито поспѣшилъ согласиться становой.—Н-о-о, прикажите сторожу сейчасъ позвать его сюда, и я въ вашемъ присутствіи переговорю съ нимъ.

— Но я, простите, не понимаю, причемъ тутъ было бы мое посредничество.

— Ш-што-съ?...—И гость выпрямился.—Па-а-а-нимаю...

Щеки его надулись. Въ глазахъ опять мелькнулъ животный блескъ, и они вмѣстѣ съ носомъ словно хотѣли теперь спрыгнуть съ его лица и впиться въ учительницу.

— Я па-а-шутилъ-съ... пошутилъ... А вы и вправду осмѣлились подумать! Помните же, не поминайте лихомъ!

И онъ грузно вышелъ изъ школы.

Бубенцы звякнули и прямо съ мѣста залились по направленію къ городу.

Надъ нимъ стояла теперь свѣтлая полоса отъ электрическихъ фонарей, горѣвшихъ на главной, широкой, Дворянской улицѣ. Полоса эта, какъ млечный путь, перепоясывала городъ. Книзу по горѣ городъ темнѣлъ и только по разбросаннымъ одинокимъ огонькамъ фонарей были замѣтны тамъ его узкія улицы, кривые переулки и глубокіе овраги между ними, зіявшіе чернымъ пространствомъ.

Бубенцы то замирали вдали, то снова явственно доносилось до учительницы ихъ позвякиванье.

«Что онъ еще устроитъ? Какую гадость?—мелькали взволнованныя мысли.—Такъ онъ не оставитъ».

И лицо станового съ блестящими, наглыми, глазами опять вставало передъ дѣвушкой. «Хе-хе-хе,—звучалъ его смѣхъ.—У насъ не

такъ все скоро забывается и при-кан-чи-вается»...—Уйти отсюда! Уйти поскорѣе. Подальше куда-нибудь!... Найти другое мѣсто или занятіе!... Избавиться отъ всей этой гадости!..

Дѣвушка вышла на крыльцо и долго сидѣла на ступенькахъ, никѣмъ незамѣчаемая въ темнотѣ.

— Вотъ Саша пишетъ, какъ онѣ всѣ тамъ объединены работой... Счастливыя!... А Маня?... И та, одна въ глухой татарской деревушкѣ, довольная своею жизнью!...

И ей рисовалась смутная даль, съ деревнями и селами, гдѣ работаютъ ея подруги. И за этими знакомыми лицами опять вставали другія, незнакомыя, но также близкія, и всѣ они, и ихъ работа, сливались въ одно большое цѣлое... И это цѣлое захватываетъ и ее и вмѣстѣ съ ними влечетъ куда-то... еще дальше...

Кровь стучитъ въ вискахъ; сердце бьется; разгоряченное воображеніе старается проникнуть еще глубже въ эту заманчивую, заповѣдную даль.

Опять, какъ тѣнь, мелькаетъ толстый, нахальный, становой; важная, застывшая, фигура инспектора; за ними о. Петръ: его костлявыя руки, со скрюченными пальцами, и неподдающійся опредѣленію взглядъ. Встала на минуту темная, грязная улица; пьяные мужики, падающіе и барахтающіеся въ грязи; раскрашенныя, набѣленныя, дѣвки на мосту. Показался «Ликашка»; его круглое лицо, обрамленное бородой, съ синими дѣтскими глазами, вокругъ которыхъ легли старческія морщины, и его жестъ, которымъ онъ словно отмахивается отъ чего-то гнетущаго...

— Э-э-эхъ! голова-то у меня, братъ, плохая! Не до чего-то я «не домакушился!»...

Вспоминается книга «Петра Могилы», и опыты черезъ нее...

— Фонарь-то! фонарь береги пуще глазу!—слышится ей голосъ, а вмѣстѣ съ нимъ и самъ «Ликашка» словно прячется тутъ же за острыя плечики, впалыя грудки, дѣтскія головки, съ худыми, печальными и старческими личиками... Этихъ головокъ много... Онѣ вокругъ нея, обступили ее со всѣхъ сторонъ, смотрятъ на нее, ждутъ отъ нея чего-то...

И дѣвушка почувствовала, что она не можетъ ихъ оставить, что она никуда отъ нихъ не уйдетъ.

Е. М. Милицына.

БАБЬЯ ДЕРЕВНЯ *).

Романъ изъ крестьянской жизни. Клары Фибигъ.

(Переводъ съ нѣмецкаго.)

VI.

Луція Мифферть ужъ нѣсколько недѣль мучила мужа и день, и ночь. Она то ластилась къ нему, какъ выпрашивающій ребенокъ, то рѣзко отталкивала его. Она клянчила, грозила, дулась и неотступно стояла на своемъ: подай ей новое платье!

Странствующій торговецъ опять былъ въ деревнѣ: пріѣхалъ наканунѣ. Съ гнѣвомъ и тоскою увидѣлъ Петруша, какъ подъѣхала телѣжка, сзади которой качались на ремняхъ два большихъ сундука.

Торговецъ остановился у стараго Крумшейда и разложилъ свои образчики и товаръ. Сбѣжались бабы, дивясь и торгуясь; между ними была и Луція. Она долго не шла домой; другія давно вернулись.

Петръ все время былъ насторожѣ, а ея все не было! Тогда онъ пошелъ за нею самъ.

Былъ пасмурный осенній день. Внизу, въ долинѣ, подъ защитою горъ, было еще сносно; но на высотахъ дулъ свирѣпый октябрьскій вѣтеръ и гналъ по склонамъ цѣлыя лавины поблекшихъ листьевъ. Печально стоялъ лѣсъ.

Деревенская улица была такъ грязна, что переходить ее приходилось вбродъ; на незамощенныхъ мѣстахъ нога уходила по щиколодку. Отъ домовъ и хлѣвовъ несло гнилью: дождь лилъ уже цѣлую недѣлю безъ перерыва.

Видъ на Химмеродъ въ концѣ долины былъ закрытъ; развалины св. Бернарда скрывались за потоками дождя и облаками тумана. Крутясь и бушуя, бѣжала туда Зальма; ея свѣтлыя струйки превра-

*) *Русская Мысль*, кн. IV, 1903 г.

тились въ мутныя волны съ гребнями молочно-бѣлой пѣны. Отовсюду капало: съ неба, нависшаго, точно траурное покрывало; съ деревьевъ, простиравшихъ свои черныя дрожащія вѣтви,—кое-гдѣ еще на придорожныхъ рябинахъ еще держалась кисть красныхъ сморщенныхъ ягодъ,—съ мокрыхъ крышъ, низко нависшихъ на отсырѣвшія стѣны хатъ. Все было темно отъ сырости, безцвѣтно, тяжело и скучно.

Проходя мимо Шнейдеровой избы, Петръ услыхалъ жалобные крики, они неслись откуда-то со двора, изъ-за хлѣвовъ. Онъ посмотрѣлъ въ заклеенное бумагой окошко возлѣ входной двери. Тамъ, въ горницѣ, старый Шнейдеръ лежалъ въ постели, куда онъ забирался, какъ только начинались холода; жена его сидѣла за столомъ, передъ кружкой кофе, и подбирала пальцемъ послѣднія крошки хлѣба съ своего передника.

Снова тотъ же вой, въ которомъ не было ничего человѣческаго! Однако, кричало будто и не животное.

Петръ постучалъ въ стекло:—Эй, вы! Что такое у васъ творится?

Шнейдериха чуть-чуть открыла окно и высунула свой острый носъ.—Варюха!—сказала она коротко и хотѣла поспѣшно захлопнуть окошко, какъ бы опасаясь выпустить наружу хоть каплю тепла.

— Стойте!—Петруша просунулъ кулакъ между рамами.—Чегожъ она такъ вопитъ? Вы развѣ не позвали бабушку изъ Оберкайля?

— Вы еще скажите: господина доктора!—Старуха сердито закачала сѣдою головою.—Вамъ, должно быть, достался главный выигрышъ? Ну, а мы—люди бѣдные, у насъ лишняго нѣтъ. Пусть поскандалитъ, когда-нибудь уймется!

А съ постели раздался гнѣвный голосъ старика:—Это что за штуки? Закрыть окно, чортъ побери.—Онъ кашлялъ и ругался. Шнейдериха быстро захлопнула окно.

Петръ постоялъ еще съ минуту. Чу, снова раздался пронзительный, рѣзкій, страдальческій вопль! Онъ поблѣднѣлъ, у него замерло сердце; ему стало страшно. Въ его памяти еще было такъ живо время, когда родился Ося. Но тогда у постели сидѣла бабушка; ото всей ея достойной, преисполненной таинственности особы, вѣяло успокоеніемъ; она подняла кверху свой жирный указательный палецъ:—Эта отдѣлается легче кошки! Петруша, свари-ка мнѣ кофейку!

А та, въ каморкѣ у закуты, лежала одна, заброшенная, точно безпомощная скотина. Петръ бросился прочь; онъ не въ силахъ былъ больше слушать воплей, перешедшихъ въ отрывистые стоны: они давили ему сердце и выжимали слезы изъ глазъ.

Деньги! Деньги! Да, у кого есть деньги, тому доступно все, а значитъ и помощь въ болѣзни! Тому не надо и страдать!

Денегъ, денегъ! Жадность охватила его. Онъ сунулъ руку въ карманъ: проклятье! Всего два жалкихъ мѣдяка!

Да, если бы въ этомъ карманѣ позвякивали талеры, звонкіе серебряные талеры! Тогда у Луши было бы новое платье и все, чего бы ея душа желала! Она не сидѣла бы въ трактирѣ и не улещала бы торговца; не пришлось бы ей дуться и плакать, нѣтъ: ея руки обвились бы вокругъ шеи мужа, а губы прошептали бы среди поцѣлуевъ:—Петя, мое единственное сокровище, какъ я тебя люблю!— На его лбу выступили капли пота, потекли и смѣшались со слезами. А по тѣлу пробѣжалъ ознобъ.

— Мы люди бѣдные,—сказала Шнейдериха...

Бѣдные люди!... бѣдный Петруша!...—свистѣлъ вѣтеръ ему навстрѣчу. Точно холодная рука призрака провела по его лицу. А если Варвара сейчасъ пропадетъ, околѣетъ одна въ заброшенной каморкѣ?... А если Луша измѣнитъ ему?... Онъ задрожалъ, какъ въ лихорадкѣ; его охватилъ неодолимый страхъ и, вмѣстѣ, злоба. Въ безсильной ярости онъ стиснулъ кулакъ въ карманѣ. Денегъ, денегъ! Въ ушахъ его еще раздавались стоны; они смѣшивались со свистомъ вѣтра и шумомъ Зальмы. Онъ остановился въ раздумьѣ и нерѣшимости. Не сбѣгать ли ему въ Оберкайль и не притащить ли бабку на свой счетъ? Не въ этомъ ли его человѣческій и христіанскій долгъ? Не наградитъ ли его Отецъ Небесный за это доброе дѣло еще здѣсь на землѣ, скоро, сейчасъ?

— Ха-ха-ха!

Кто смѣется? Петръ обернулся въ испугѣ: собственный насмѣшливый хохотъ поразилъ его.

Онъ голодалъ всю жизнь, съ тѣхъ поръ, какъ помнилъ себя; не пора ли ему, наконецъ, кататься въ золотой каретѣ и накупить своей Лушѣ столько нарядовъ, сколько ей захочется?

Да, Лушѣ; а вѣдь, она... Скорѣе, туда! Ее не вредно бы взнуздать. Скорѣе! Нужно взглянуть, что она дѣлаетъ! А потомъ въ Оберкайль!

Передъ самымъ трактиромъ онъ наткнулся на Христю. Волосы ея придерживались гребнемъ съ большими голубыми камнями, а на шеѣ былъ пестрый шотландскій платочекъ. Она размахивала юбкой и вертѣлась; она хорошѣла съ каждымъ днемъ,—это-то онъ видѣлъ.

— Петруша!—крикнула она и засмѣялась, блеснувъ зубами.— Нарядная я, а? Гребень я купила, а платочекъ,—она скосила глаза въ

тщетной попыткѣ полюбоваться на самое себя,—платочекъ мнѣ подарили!

— А мнѣ-то что?—проворчалъ онъ.

— Петруша!—Она вкрадчиво повисла на его рукѣ.—Купи мнѣ еще что-нибудь!

Не отвѣчая, онъ отрицательно покачалъ головой.

— Нѣтъ, купи... Петя, что-нибудь на память?—Она быстро оглядѣлась вокругъ и торопливо погладила его по щекѣ, повторяя просящимъ тономъ:

— Петруша!

— Денегъ нѣтъ!

— Ахъ ты, прохвостъ!—Она оттолкнула его съ такой силой, что онъ ударился объ стѣну.

Уныло вошелъ онъ въ трактиръ. Тамъ сидѣлъ торговецъ на единственномъ мягкомъ стулѣ въ домѣ, а на скамьѣ, совсѣмъ рядомъ, Луша. Кромѣ нихъ въ комнатѣ не было никого.

Передъ ними стояла бутылка вина; другая, пустая, виднѣлась на полу. Должно быть, Луцію усердно угощали: она раскраснѣлась, какъ макъ; глаза ея стали меньше и замаслились.

При видѣ мужа она весело вскочила на ноги.

— Петруша, вотъ и ты! Господинъ купецъ,—она довѣрчиво положила свою руку на руку горожанина,—не будете ли вы такъ добры показать образчики? Петя пришелъ купить мнѣ платье.

Съ ума она сошла? Петръ дернулъ ее за юбку, чуть не обрывая сборки: она не обращала вниманія. Положивъ оба локтя на столъ, она углубилась въ изученіе книги образцовъ, которую раскрылъ передъ нею торговецъ.

— Красное или синее? Какое лучше?—Она задумчиво наклонила голову набокъ.

— Возьмите синее,—совѣтовалъ торговецъ;—оно только на два съ половиною гроша дороже за аршинъ. А товаръ совсѣмъ другой. Два съ половиною гроша, вѣдь, не составятъ разсчета!

— Конечно,—сказала Луція.

Петръ толкнулъ ее локтемъ.

— Ты спятила?—шепнулъ онъ.

— Такъ синее?—спрашивалъ торговецъ.

— Синее. А сколько мнѣ пойдетъ аршинъ?

— Семнадцать. По пятнадцати зильбергрошей, это будетъ двадцать пять марокъ, пятьдесятъ пфениговъ или — вы здѣсь еще не привыкли къ повому счету—восемь талеровъ пятнадцать зильбергрошей. Баснословная дешевизна за такую матерію.

— Да, правда, правда! Ну, Петя?—въ радостномъ возбужденіи она обернулась къ мужу.

— Восемь талеровъ?! — Онъ былъ пораженъ. — Восемь талеровъ!—комната заплясала вокругъ него, голова закружилась. Откуда ему взять восемь талеровъ?

— Слушай, Петя: развѣ не чудесно мое новое платье?— Она чуть не вскрикивала отъ радости.

— Пойдемъ, я сейчасъ не могу... я... не сегодня, въ другой разъ... можетъ быть, завтра,—бормоталъ онъ въ замѣшательствѣ. Онъ схватилъ книгу образцовъ и захлопнулъ ее передъ носомъ жены.—Не приставай!—Голосъ Петра сталъ жестче и совсѣмъ хриплымъ.—У меня нѣтъ денегъ!

— Ахъ, что тамъ! — Торговецъ улыбнулся.— Для такой хорошенькой женки всегда должны быть деньги!

Проклятая улыбка! Петръ судорожно стиснулъ руки и снова рознялъ ихъ, такъ что хрустнули всѣ суставы. Луція глядѣла на него умоляющимъ взоромъ; потомъ ему показалось, что мольба смѣнилась выраженіемъ презрѣнія, и она отвела глаза. Брови ея сдвинулись, губы надулись, она повернулась къ нему спиной.

— Луша, послушай!...

Она не обратила никакого вниманія на его слова. Она стояла около торговца. Это былъ красивый высокій мужчина—какъ разъ подъ пару высокой красивой женщинѣ—и что-то нашептывала ему.

Чего имъ шептаться? И, однако, совсѣмъ безъ стѣсненія, точно мужа здѣсь и нѣтъ! Головы ихъ сходятся все ближе и ближе.

— Луша!—дрожа выкрикнулъ Петръ ея имя.

Торговецъ улыбался, а Луція хихикала.

— Ну, довольно!—Мифферть стукнулъ по столу такъ, что стаканы зазвенѣли.

— Не будьте такъ несговорчивы!—Торговецъ подмигнулъ молодой женщинѣ и похлопалъ разсерженнаго Петра по плечу.—О чемъ тутъ долго раздумывать! Я хочу вамъ помочь: вы будете каждый мѣсяцъ выплачивать мнѣ по талеру, и совсѣмъ не замѣтите, какъ черезъ восемь съ половиною мѣсяцевъ расквитаетесь со мной!

— Нѣтъ!—Петръ, колеблясь, смотрѣлъ въ полъ, но замѣтилъ, какъ Луція подтолкнула торговца.

— Сущіе пустяки! Я и еще уступлю: истинный Богъ, мнѣ просто обидно, что такая красавица не получитъ удовольствія! Пятнадцать грошей, за полмѣсяца, я съ васъ вовсе не возьму. Всего восемь талеровъ! Это просто даромъ! Да не будьте же такъ упрямы! Если

бы у меня была такая хорошенькая женка, о, дитя мое?—Онъ ущипнулъ Лушу за разгорѣвшуюся щеку.

У Петра стало горько во рту; кровь съ такою силою кинулась ему въ голову, что у него потемнѣло въ глазахъ. Все завертѣлось вокругъ него въ бѣшеномъ вихрѣ, пронизанномъ огненными точками. И эти огненныя точки складывались въ буквы: денегъ, денегъ! Изъ всѣхъ угловъ слышалось: денегъ, денегъ!...

Полное ожиданія, личико Луціи вынырнуло передъ нимъ.

— Ну, Петя, теперь ужъ купишь?—Она улыбалась ему, играла его рукой и легонько подталкивала его въ бокъ своимъ круглымъ локтемъ.—Петруша!—Тысячи просьбъ, тысячи обѣщаній звучали въ одномъ этомъ словѣ.

— Какіе-нибудь восемь талеровъ! Да не будьте же такимъ нелюбезнымъ!

Чортъ меня возьми, давайте платье!—Петръ едва понималъ, что говоритъ.—Только разсрочекъ никакихъ не хочу: я не нищій. Подайте сюда эту дрянь! Сколько стоитъ, я заплачу!

— Я пошлю ордеръ нашей фирмѣ, чтобы съ наложеннымъ платежомъ, господинъ Миффертъ, съ обратной почтой вамъ выслали заказанное.

— Ладно, ладно!—кивнулъ Петръ.

Луція повисла у него на шеѣ, совсѣмъ одурѣвъ отъ радости.

— Такъ это правда? Въ самомъ дѣлѣ правда? У меня будетъ платье? Ахъ, Петруша, ужъ какъ я тебя люблю!

Вотъ, вотъ этого-то онъ и ждалъ! Теперь лишь бы остаться съ ней вдвоемъ, ласкать и обнимать ее, одурманиться ея поцѣлуями! Онъ потянулъ ее къ двери; Луція охотно готова была уйти съ нимъ; но торговецъ заступилъ имъ дорогу.

— Какъ бы не такъ! Нѣтъ! вы не бросите меня здѣсь одного, въ такую отчаянную погоду, въ этомъ захолустьѣ! Развѣ я не помогъ вамъ получить платье, красавица? Садитесь, Миффертъ, выпьемъ стаканчикъ!—Онъ свиснулъ и запѣлъ:

И вотъ мы вмѣстѣ сядемъ
Спокойно на диванъ,
И громко пѣть мы станемъ:
Да здравствуетъ диванъ!

Послѣдняя новинка, только что изъ Берлина! Да, съ семьдесятъ перваго года и мы не уступимъ французамъ! У васъ этого еще не знаютъ, не правда ли?

— Такъ чудесно! — Луша жадно вытаращила глаза. — Будьте любезны, спойте еще разъ!

При повтореніи шансонетки, она стала вторить ему; у нея былъ хорошій слухъ. Торговецъ пѣлъ куплетъ за куплетомъ; она все не могла наслушаться; глаза у нея такъ и плясали, губы шевелились, тихо бормоча, точно при молитвѣ съ четками.

Петруша обнялъ ее одной рукой. Торговецъ подливалъ ему вина, такъ что повеселѣлъ и онъ. День переходилъ уже въ вечеръ; раннія сумерки подкрадывались въ окно раньше обыкновеннаго отъ пасмурнаго неба и дождливаго дня.

Крумшейдъ принесъ еще бутылку и не изъ послѣднихъ сортовъ. Это мозельское вино пилось легко, но было крѣпко; съ нимъ разливалось по жиламъ подмывающее, живое веселье.

— Играете въ карты, господинъ Миффертъ? — спросилъ торговецъ. Хорошенькая бабенка начинала надоѣдать ему; разъ она съ нимъ не одна, на что ему ея восхищеніе?—Сыграемъ пулечку?

Петръ вспомнилъ о своихъ мѣдякахъ. Охъ, если бы у него сейчасъ были деньги! Эйфельцы не любили играть съ нимъ; они называли его «плутомъ» и колотили каждый разъ, что онъ выигрывалъ. Проклятая судьба! Сейчасъ ему выходилъ такой удачный случай пустить въ ходъ свое умѣнье, а у него не было денегъ ни на одну ставку. Деньги, деньги... Глаза его загорѣлись.

Торговецъ бросилъ талеръ на столъ. Точно угадывая Петрушины мысли, онъ сказалъ:

— Я вамъ повѣрю. Во что будемъ играть?

— Въ шестьдесятъ шесть. Эй, хозяинъ! Карты! Свѣчу!

Петръ тасовалъ; засаленныя, разбухшія отъ грязи карты мелькали въ его рукахъ, точно лепестки цвѣтовъ. Взглядъ его не отрывался отъ талера, лежавшаго на столѣ: серебряный кружокъ влекъ его къ себѣ, точно магнитъ. Ему было нужно восемь такихъ кружковъ,—нѣтъ, больше, гораздо больше! Онъ былъ по горло сытъ нищенской жизнью.

Неудержимо, почти противъ его воли, протянулась его рука; онъ взялъ талеръ и сталъ его разглядывать.

— Точно новый,—замѣтилъ торговецъ,—и навѣрняка не фальшивый. Нашему кассиру всучили какъ-то фальшивый; такъ мы приучили его къ кассѣ, ха-ха! Ну, начнемъ; сейчасъ увидимъ, кто изъ насъ счастливѣе въ любви — вы или я. — Онъ дерзко поглядѣлъ на молодку и засмѣялся.

Петръ тоже засмѣялся: лукавая и злобная усмѣшка искривила его губы.

Они начали игру. Торговцу было забавно, какъ усердствовалъ этотъ бѣднякъ. Можно ли было предполагать столько ловкости въ одномъ изъ «отсталыхъ, некультурныхъ» обитателей этого захолустья? И Петру везло. Все время ему шли лучшія карты, онъ выигрывалъ.

Луція слѣдила за игрой, т.-е. хлопала сонными глазами, глядя въ карты; непривычная выпивка утомила ее, и она прислонилась къ стѣнѣ. Петруша не замѣчалъ, что торговецъ подъ столомъ жметъ ей колѣно. Она не сопротивлялась, а подвинулась еще ближе; голова ея все клонилась набокъ, пока не легла на плечо торговца. Красотка была немножко навеселѣ.

На дворѣ совершенно стемнѣло. Дождь хлесталъ въ окна; поднялся сильный вѣтеръ и дико завывалъ. Бѣшеными порывами налеталъ онъ на домъ; ставни хлопали, незаложенные болты скрипѣли. Страннымъ и жуткимъ былъ этотъ вой и трескъ въ ночной темнотѣ.

Петръ весь погрузился въ игру; на скулахъ у него выступили красныя пятна. Торговецъ то и дѣло подливалъ ему; Петръ храбро пилъ. Внутри у него пылалъ неугасимый пожаръ, неутолимая жажда. Взглядъ у него уже помутнѣлъ, въ глазахъ двоилось... На столѣ былъ уже не талеръ, а два, нѣтъ, три, четыре, пять—цѣлая сотня!

Ай, какіе талеры! Любо было глядѣть, какъ ихъ становилось все больше. Талеры... какъ славно они лежатъ въ рукѣ — гладкіе, круглые! Талеры звенятъ въ мѣшкѣ—чудесная музыка! Талеры дѣлаютъ изъ батрака барина, изъ бѣднаго Петрушки—богатаго Петра! Талеры... талеры...

Онъ щелкнулъ языкомъ и облизалъ себѣ губы; во рту у него было сухо, въ горлѣ горѣло. Онъ машинально схватилъ свой снова налитой стаканъ и выпилъ его залпомъ.

— Кто счастливъ въ картахъ, несчастливъ въ любви,—засмѣялся торговецъ и обнялъ за плечи сонную Лушу. — Получайте, выиграли!—Онъ подвинулъ талеръ по столу.

Петръ жадно схватилъ монету и крѣпко зажалъ ее въ судорожно стиснутый кулакъ. Онъ не замѣчалъ теперь, что торговецъ цѣлуетъ Лушу; все его сознаніе, всѣ помыслы сосредоточились на серебряныхъ кружкахъ. Они блестѣли всюду, на столѣ, на полу, на стѣнахъ, наполняли всю комнату отъ пола до потолка.

— Талеры,—лепеталъ онъ.

— Че-ст-но вы-и-гра-но!—говорилъ торговецъ, икая на каждомъ слогѣ; онъ тоже былъ не совсѣмъ трезвъ.

— Мое но-во-е плать-е,—бормотала Луція.

Все стихло въ комнатѣ, игра кончилась.

Торговецъ обнималъ Луцію; неподвижно вытаращивъ глаза, она молча любовалась его толстою цѣпью накладного золота и булавкою съ поддѣльнымъ бриллiантомъ въ его галстукѣ.

Петръ сидѣлъ за столомъ въ своей любимой позѣ, положивъ оба локтя на столъ и обхвативъ голову руками, и неподвижно глядѣлъ передъ собою. Въ его грудномъ карманѣ горѣлъ талеръ; онъ чувствовалъ его сквозь сюртукъ и рубашку, точно на обнаженномъ тѣлѣ. На улицѣ, за дверью что-то заскреблось. Дверь отворилась и въ комнату втащилась старуха Шнейдеръ. На головѣ у нея былъ большой платокъ она выглядывала изъ-подъ него, моргая, точно испуганная свѣтомъ сова.

— Это что за вѣдьма? Ха-ха! Войдите-ка, бабушка! — крикнулъ торговецъ.

Во снѣ ли былъ Петръ, или на яву. Онъ слышалъ голосъ старухи точно за толстой стѣной, заглушавшей звукъ. Что это? Она говоритъ, что Варька умерла и онъ, Петръ Мифферъ, долженъ идти заколачивать гробъ?... Онъ стряхнулъ съ себя дремоту; рѣзкій голосъ старухи звалъ Крумшейда, и, когда тотъ пришелъ, она потребовала водки, полмѣрочки.

— Варька-то сомлѣла, такъ надо чего-нибудь крѣпенькаго.— Она отпила и облизнулась.—Сейчасъ опять опамятуется... Ага!

— Потрите ей водкою подъ носомъ,—посовѣтовалъ трактирщикъ.

— Да не вылакайте дорогой!—крикнулъ Петръ.

Онъ вдругъ пришелъ въ такое бѣшенство, что накинулся на старуху:

— Что вамъ сдѣлала эта бѣдная баба, что вы ее бросаете околѣвать чуть не въ хлѣву, а?—Онъ встряхнулъ Шнейдериху.—Гдѣ бабка-то, а? Безстыжая ты старая, скупая вѣдьма!—Его рука поднялась для удара, старуха увернулась, мѣрка закачалась, опрокинулась, и водка пролилась на полъ.

Съ визгомъ и бранью Шнейдериха присѣла на корточки, собирая пальцами драгоцѣнную влагу; она облизывала пальцы и съ удовольствіемъ вылизала бы полъ.

Торговецъ корчился отъ смѣха: что это за чудной народъ! Онъ хохоталъ до слезъ. Петръ стоялъ, стиснувъ кулаки; хотѣлъ ли онъ поколотить старуху? Нѣтъ, онъ хватилъ самого себя по лбу съ такой силой, что самъ попятился на нѣсколько шаговъ.

— Хозяинъ, дайте-ка старухѣ хорошенькій глоточекъ для утоленія жажды,—крикнулъ торговецъ. —Ха-ха-ха! На мой счетъ!

Крумшейдъ подошелъ съ бутылкой водки и шкаликомъ. Петръ

съ проклятіемъ вырвалъ у него изъ рукъ налитую до половины бутыль, осушилъ ее до дна и, смѣясь, прислонился къ стѣнѣ.

Онъ былъ готовъ. Теперь онъ не чувствовалъ угрызеній совѣсти, не слыхалъ воплей и стоновъ во мракѣ ночи. И талеръ не мучилъ его, этотъ круглый блестящій дьяволъ, что катается по столу.

Съ остекленившимися глазами, съ головой, свѣсившейся на грудь, онъ заковылялъ къ выходной двери.

Луша вскочила.

— Теперь мнѣ пора. Теперь мнѣ нельзя больше оставаться!

— А почему нѣтъ?—торговецъ силою усадилъ ее обратно.— Теперь-то ты и останешься, моя красотка!

— Его нужно отвести домой. Съ нимъ можетъ случиться бѣда, съ Петрушей-то!

— Съ нимъ? Ха-ха! Коль упадетъ въ навозъ, такъ сумѣетъ выкарабкаться. Чортъ возьми, какъ воетъ вѣтеръ! Убирайтесь прочь, старая мадамъ: такого залежнаго товара больше не требуется, ха-ха! А вы пожалуйте ко мнѣ на колѣнки, красавица!...

И вотъ, когда мы сядемъ
Удобно на диванъ...

VII.

Къ утру выпалъ первый снѣгъ и тотчасъ разстаялъ въ лужахъ и слякоти; но даже по его исчезновеніи въ воздухѣ стало по зимнему холодно. Зима чувствовалась въ холодной сырости, пронизывавшей до костей, въ равномѣрно-сѣромъ небѣ, тяжело нависшемъ надъ долиной.

Немногіе уцѣлѣвшіе листья сморщились еще больше, рябина сронила послѣднія ягоды; безпокойныя вороны слетѣли съ горъ и, каркая, усаживались на концы крышъ.

Кто не запасъ себѣ хворосту, тотъ мерзъ; въ избахъ было сыро, какъ въ погребахъ.

Петръ Миффертъ еще лежалъ въ постели, натянувъ до самаго носа изорванное одѣяло, но не спалъ. Его мрачные глаза не отрывались отъ Луціи, сидѣвшей у холоднаго очага съ ребенкомъ у груди. Она накинула себѣ на плечи лоскутъ стараго одѣяла и зябко куталась въ него. Лицо ея было блѣдно, только кончикъ носа покраснѣлъ отъ холода; вотъ она чихнула, а Ося закашлялъ.

Морщины на лбу Петра стали еще глубже; надъ лѣвой бровью у него вздулась огромная жилка; подъ глазомъ виднѣлся черноватый синякъ. Голова болѣла и была тяжела, точно каменная; онъ застоналъ.

— Чего тебѣ, Петруша?—взглянувъ на него, спросила Луція.

— Холодно—ухъ!—Онъ застучалъ зубами.

— Дровъ-то нѣту.

— А, чортъ возьми!—Петръ повернулся къ стѣнѣ и замолчалъ.

Она тоже молчала.

Въ горницѣ было холодно, а казалось еще холоднѣе отъ царившаго въ ней полумрака: Луція завѣсила окно тряпицей, чтобы помѣшать вѣтру врываться сквозь щели. Печально высматривали тускло обнаженныя стѣны, на которыхъ кое-гдѣ обвалилась штукатурка и виднѣлся голый камень. На каменномъ полу образовались глубокія выбоины. Деревянный столъ давно нуждался въ чисткѣ, скамьи и табуреты тоже; на полкѣ стояла потрескавшаяся посуда.

Луція зѣвала: въ ея желудкѣ было совсѣмъ пусто; она пытливо оглядѣлась: неужели не найдется ничего, чтобы прогнать сонливость и голодъ, который понемногу начиналъ сжимать ей желудокъ. Хорошо бы выпить горячаго кофе! Ахъ! Она ужъ представляла себѣ его вкусъ.

Тихо, на цыпочкахъ, чтобы не потревожить мужа, она подкралась къ посудной полкѣ. Ни зернышка кофе въ бумажномъ пакетѣ, ни кусочка хлѣба!

Уныло уставилась она въ пространство; вдругъ ей вспомнилось, что Петръ вчера что-то выигралъ въ карты. Какъ это она забыла?... Да, талеръ, цѣлый звонкій талеръ! Она подпрыгнула отъ радости, такъ что чуть не выронила ребенка, и подбѣжала къ постели.

— Петруша, а Петруша! Что мы забыли-то?—Она засмѣялась и принялась обыскивать куртку и штаны, лежавшіе въ ногахъ постели.—Вотъ!—Она съ торжествомъ подняла талеръ вверхъ.—Вотъ и всѣмъ бѣдамъ конецъ!

Петръ приподнялся на постели и тупо уставился на жену. Вдругъ что-то точно осѣнило его; онъ вскочилъ однимъ прыжкомъ и потянулъ книзу руку Луціи:

— Подай сюда!

Она приняла это за шутку и весело разсмѣялась.

Петръ неособенно нѣжно вырвалъ у нея монету.

— Посмѣй только! Этотъ талеръ мой!

— Да какъ же, Петруша?

Луція была совсѣмъ озадачена: что это съ нимъ?... Онъ никогда ничего себѣ не бралъ!

Она снова протянула руку:

— Дай же сюда! Надо пойти чего-нибудь купить. Здѣсь такъ холодно, а нашъ Ося кашляетъ!

— Отстань!—проворчалъ онъ, опять забрался на кровать и засунулъ кулакъ съ зажатымъ въ немъ талеромъ подъ одѣяло.

— Охъ, Господи! А мнѣ такъ хочется ѣсть!

Глаза Луціи мгновенно наполнились слезами, но она ничего не проговорила; она не имѣла обыкновенія дѣлать упреки, а принимала все такъ, какъ есть. Такъ и теперь она спокойно усѣлась на прежнее мѣсто.

Ребенокъ жалобно заплакалъ. Петръ видѣлъ его жалкое личико, увядшее и старое, какъ у карлика, видѣлъ крошечныя тонкія ручки, барахтавшіяся въ воздухѣ, слышалъ кашель, хрипъ маленькой груди и свистящее дыханіе. Онъ видѣлъ также, что Луша плачетъ. Крупныя слезы катились по ея лицу, вовсе не цвѣтущему сегодня. Она вдругъ показалась ему жалкой и изнуренной.

Его сердце болѣзненно сжалось; стоило только протянуть руку, сказать: «Вотъ тебѣ талеръ!» и она вскочила бы съ радостнымъ крикомъ и краской на щекахъ.

Нѣтъ, нѣтъ. Пальцы Петра съ какимъ-то отчаяніемъ сжимали талеръ; онъ былъ не въ силахъ съ нимъ разстаться. Талеръ давилъ его ладонь, какъ свинецъ, и точно прилипъ къ ней. Мертвый металлъ будто ожилъ: онъ расширялся въ его рукѣ, становился все больше, тяжеле, овладѣвалъ всѣмъ существомъ Петра, и тѣломъ, и душой, а самъ все росъ... И голосъ, слышный одному Петру, шепталъ, шепталъ...

Странныя мысли роились въ головѣ Петра. Онѣ кружились, какъ сухіе листья въ грозу. Мрачно останавливались его взоры на плачущей женѣ и жалкомъ ребенкѣ, скользили по голымъ стѣнамъ, тревожно бѣгали по всей холодной, убогой комнатѣ.

Все настойчивѣе шепталъ искусительный голосъ, все внятнѣе, все яснѣе; и Петръ задумчиво прислушивался, опустивъ голову на грудь.

Въ дверь стукнули, онъ очнулся.

Вошелъ маленькій школьникъ съ доской и пеналомъ подъ мышкой; важно, польщенный возложеннымъ на него порученіемъ, онъ изложилъ дѣло.

— Петрушу сейчасъ требуетъ батюшка къ себѣ, въ церковь. Паникадило свалилось. Валяется теперь на полу!

— И пускай!—проворчалъ Петръ. Онъ сердился; онъ не хотѣлъ, чтобы ему мѣшали; ему хотѣлось слушать голосъ, говорившій такъ внятно: «Бѣдный, бѣдный? Да зачѣмъ тебѣ быть бѣднымъ? Вѣдь въ твоихъ рукахъ... въ твоихъ рукахъ!...» Да, въ его рукахъ былъ талеръ, такая маленькая и вмѣстѣ съ тѣмъ могучая вещь, [illegible]

созданіе человѣка, имѣющее надъ міромъ въ тысячу разъ больше власти, чѣмъ Господь Богъ съ неба.

— Что-жъ стоишь?—накинулся онъ на мальчика.—Нечего глазѣть, разиня ротъ!

— Батюшка-то велѣлъ звать, чтобъ сейчасъ!...—настаивалъ мальчикъ.

— Да, поди же, Петруша!—вмѣшалась Луція.

— Мнѣ некогда!

— Да вѣдь зоветъ-то батюшка,—укоризненно сказала Луція,—духовный отецъ?!—Непремѣнно надо идти!

— Духовный не духовный, все одна статья! Отстань!

Онъ замахнулся на мальчика.

— Убирайся вонъ!

— Сходи-ка, Петя!—уговаривала Луція. Она уложила ребенка и крѣпко схватила мужа подъ мышки.—Можетъ, удастся что-нибудь заработать.

— Э, заработать! А мнѣ плевать!

— Охъ, Господи, какъ ѣсть хочется!—Луша схватилась за животъ и скорчилась.—Мнѣ всѣ кишечки подвело... Петя, поди.

— А, черти, дьяволы!—Ругаясь, Петръ спустилъ съ кровати одну ногу; мальчишка вылетѣлъ стрѣлой, боясь колотушекъ. Луція засмѣялась ему вслѣдъ, и подала мужу штаны.—Полѣзай-ка, Петруша! Ну-ка, правой ногой! Ну-ка, лѣвой!—Она помогла ему одѣться.

Петръ давалъ себя одѣвать, точно сонный; мысли его были далеко. Между его сдвинутыми бровями легла складка; онъ задумался и вздрогнулъ, когда Луція съ веселымъ возгласомъ:

— Готово!—нахлобучила ему на голову фуражку.

Не глядя по сторонамъ, поникнувъ головой, устремивъ глаза въ землю шелъ Петръ по деревенской улицѣ, волоча ноги и вяло болтая руками. Онъ не замѣчалъ ни привѣтствій, ни окликовъ, не слыхалъ и крика новорожденнаго ребенка, громко и звонко раздававшагося на Шнейдеровомъ дворѣ.

Прежде чѣмъ войти въ церковь, Петръ еще разъ быстро вытащилъ талеръ изъ кармана, въ темномъ углу, около чаши со святою водою. Его мрачные глаза просвѣтлѣли, съ зоркостью сокола разсматривая серебряный кружокъ. Торжествующая улыбка играла на его губахъ, вокругъ глазъ легли лукавыя морщинки; онъ совершенно погрузился въ созерцаніе. Чу, шорохъ! Онъ встрепенулся, и съ быстротою молніи талеръ исчезъ въ карманѣ.

Стукъ копытъ, скрипъ колесъ. Мимо церкви проѣхала телѣжка, торговецъ уѣзжалъ изъ деревни. Петръ высунулъ изъ-за угла свою

лохматую голову и, насмѣшливо оскаливъ зубы, посмотрѣлъ ему вслѣдъ; потомъ привычнымъ движеніемъ окунулъ палецъ въ святую воду, наскоро перекрестился и вошелъ въ церковь.

Священникъ былъ тамъ. Сложивъ руки на животѣ, съ выраженіемъ безпомощнаго отчаянія на добродушномъ лицѣ, онъ стоялъ передъ обломками стариннаго паникадила.

Оно свалилось какъ разъ на середину церкви. Долгіе, долгіе годы висѣло оно подъ выбѣленнымъ потолкомъ; его пылающія свѣчи зажигались по большимъ праздникамъ, освѣщая набожныхъ прихожанъ своимъ дрожащимъ свѣтомъ и придавая благолѣпіе святому мѣсту. Это главное украшеніе маленькаго храма колыхалось надъ головами молящихся, точно вѣнецъ небесныхъ лучей, вѣчный, какъ солнце, мѣсяцъ и звѣзды; не было ни одного человѣка въ деревнѣ, который не глядѣлъ бы на него съ гордостью и не прибавлялъ бы въ торжественныхъ случаяхъ своей свѣчи къ этому вѣнцу.

Теперь оно лежало на полу. Штукатурка на потолкѣ отстала, и паникадило рухнуло внизъ въ облакѣ пыли, ударившись объ полъ съ глухимъ дребезгомъ; за нимъ послѣдовала цѣлая туча мусору и извести.

Блѣдный отъ страха псаломщикъ кинулся къ священнику. Какъ поправишь несчастіе? Починить потолокъ не трудно, но прекрасное паникадило сильно пострадало: его оловянныя вѣтви погнулись, острія, на которыя ставились свѣчи, обломались, такъ же какъ и многія изъ плоскихъ розетокъ подъ ними. Священникъ ломалъ руки, псаломщикъ громко жаловался. Что будетъ стоить пригласить мастера, который могъ бы починить паникадило? Или придется отправлять драгоцѣнный предметъ для починки далеко, за горы! Священникъ то и дѣло вытиралъ лобъ носовымъ платкомъ, бралъ одну понюшку табаку за другой и задумчиво барабанилъ пальцами по табакеркѣ.

Наконецъ, одна изъ сбѣжавшихся любопытныхъ бабъ упомянула о Петрушѣ. Тотъ все умѣетъ. Одной онъ вставилъ новое дно въ подойникъ, у другой—заставилъ идти вѣчно останавливавшіеся часы; этой заново починилъ раздавленный и согнутый образокъ Поклоненія Волховъ; той спаялъ сломанное обручальное кольцо такъ искусно, что нельзя было ничего замѣтить. Петръ все могъ чинить, когда хотѣлъ—серьги, брошки, кресты, часы, кольца и домашнюю утварь. Почему-жъ и не паникадило?

— Петрушу! Привести Петрушу!

Священникъ, съ грустью уходившій домой, вернулся назадъ.

Вотъ Петръ пришелъ. Засунувъ руки въ карманы, разставивъ ноги, скрививъ физіономію, онъ стоялъ и осматривалъ поломку.

— Да, да, вотъ оно что! Да, да, такъ и есть!—Онъ покачивалъ головой и глядѣлъ сонно, безъ малѣйшаго интереса.

— Не можете вы это исправить?—спросилъ священникъ.

— Нѣтъ, нѣтъ; это не мое мастерство!

— Посмотрите-ка, Мифферть,—священникъ нагнулся самъ и поднялъ одинъ изъ обломковъ,—я думаю, это можно припаять. Вы, навѣрное, это легко сдѣлаете; вѣдь это по вашей части: всякая возня съ металломъ—паять, ковать, лить, пилить, не знаю что еще!

Петръ бросилъ на священника быстрый взглядъ исподлобья,—странный взглядъ, въ которомъ лукавство смѣшивалось съ внезапнымъ подозрѣніемъ.

— Что угодно?—спросилъ онъ насторожась.—Что изволите говорить? Я учился на простого слесаря, а съ такими тонкими вещами и въ мысляхъ не имѣлъ дѣла. Нѣтъ, вамъ придется поискать въ другомъ мѣстѣ. А я тутъ не могу ничего!

— Но вы можете испробовать,—уговаривалъ священникъ.—Всѣ говорятъ, что вы такъ искусны!

— Кто это сказалъ?—Петръ безпокойно оглянулся.

— Ну, ну,—простодушно улыбался священникъ.—Вѣдь въ этомъ нѣтъ обиды! Ты слишкомъ скроменъ, сынъ мой. То, что ты сдѣлаешь во славу церкви, навѣрное, удастся тебѣ. Святые благословятъ твой трудъ, Пречистая Царица небесная смилуется надъ тобой.—Онъ поднялъ руку.—Не бойся ничего!—И прибавилъ менѣе торжественнымъ тономъ:

— У насъ въ ризницѣ цѣлая куча старой оловянной утвари; пойдемте, Мифферть, посмотримъ, нельзя ли употребить что-нибудь на починку. Олово легко плавится; если хорошенько обработать, такъ не отличишь отъ серебра, пожалуй!

Глаза Петра опять странно блеснули. Онъ не возражалъ болѣе.

Въ ризницѣ было сыро, какъ въ погребѣ, и пахло гнилью и ладаномъ; Петръ заперъ за собою дверь.

По стѣнамъ висѣли стихари и ризы, книга въ переплетѣ изъ свиной кожи лежала на столѣ:—всѣ принадлежности божественной службы. Петру вспомнилось, какъ онъ еще ребенкомъ прокрался сюда и осматривалъ все съ благоговѣйнымъ любопытствомъ. Любопытство осталось, но благоговѣніе исчезло.

Глаза его блуждали по всѣмъ угламъ и остановились на старомъ шкафѣ, въ углу; въ немъ должна была быть старая оловянная утварь! Ему хотѣлось броситься и взломать шкафъ... Олово, олово! Скоро у него будетъ въ рукахъ этотъ металлъ, изъ котораго можно кое-что вылить, выковать,—было бы умѣнье!...

Рука его тайкомъ пащупала талеръ въ боковомъ карманѣ. Онъ здѣсь! Петръ крѣпко придавилъ его рукою, прижимая его, такимъ образомъ, къ сердцу.

Священникъ торопливо гремѣлъ ключами; наконецъ, онъ нашелъ нужный ключъ. Со скрипомъ повернулась ржавая бородка въ замкѣ, который уступилъ неохотно и отворился съ такимъ усиліемъ, что съ темныхъ створокъ шкафа посыпалась червоточина.

Тутъ стояла дароносица, завѣшенная бѣлымъ кисейнымъ платочкомъ, рядомъ съ чашей и ковчежцемъ для облатокъ; на второй полкѣ—пара бутылокъ съ виномъ для подкрѣпленія священнослужителя. А на самой нижней полкѣ, изломанный и въ пыли, валялся всякій старый хламъ, въ томъ числѣ погнутая купель. Изъ кучи торчали поломанными концами нѣсколько развалившихся престольныхъ подсвѣчниковъ.

Священникъ наклонился и сталъ рыться въ хламѣ. Петръ нагнулся черезъ его плечо, разинувъ ротъ, вытаращивъ глаза, быстро дыша.

— Вотъ,—сказалъ священникъ и протянулъ ему два стержня отъ подсвѣчниковъ.—Это только олово, но теперь дороже золота. Хватитъ ли тутъ на починку?

Петръ окинулъ все быстрымъ взоромъ и, какъ только взглянулъ на купель, такъ проворно выхватилъ ее изъ кучи.

— Нѣтъ,—поспѣшилъ онъ отвѣтить, моментально взвѣсилъ купель на рукѣ и наполовину спряталъ ее за спину.—Вотъ это мнѣ еще понадобится.

— Бери, бери. Возьми все, что потребуется, сынъ мой!—улыбнулся священникъ, радуясь готовности Петра.—Всему этому уже по сту лѣтъ, ничего не стоящій хламъ; въ тѣ времена приходилось нашему святому храму довольствоваться для богослужебныхъ цѣлей жалкими оловянными сосудами. Но въ твоихъ рукахъ Господь благословитъ ихъ. Фу!—Онъ, вздыхая, поднялся съ колѣнъ и стряхнулъ пыль съ одежды.—Какая непріятность! Могъ ли я ждать ее сегодня утромъ, когда покоился столь мирнымъ сномъ! Такъ ступай же, сынъ мой.—Какъ бы благословляя, онъ положилъ руку на плечо Петра.—Ты будешь трудиться для благой цѣли. Перенеси же къ себѣ паникадило; псаломщикъ тебѣ поможетъ.

Петръ ничего не отвѣчалъ. По возможности стараясь прикрыть купель и неся напоказъ обломки подсвѣчниковъ, онъ торопливо вышелъ вонъ.

На улицѣ къ нему пристала Христя; она казалась совсѣмъ промерзшей и тѣсно къ нему придвинулась, будто стараясь согрѣться.

— Ты на меня золъ, Петруша?

— Нѣтъ,—пробормоталъ онъ разсѣянно.

Она побѣжала рядомъ съ нимъ.

— Петруша, пойдемъ въ воскресенье вмѣстѣ въ Оберкайль. Будутъ плясать у Паули. Если сведешь меня туда на музыку, то...— Ея горящій взоръ обѣщалъ то, чего не договорилъ языкъ.

Такъ какъ онъ молчалъ, то глаза у ней засверкали, а ротъ насмѣшливо скривился.

— Ну, ну! Вотъ ужъ и ладно, что скоро вернутся наши мужики. А ты такая несчастная тварь: у тебя никогда не найдется и гроша попотчивать дѣвушку!

Стрѣла попала въ цѣль. Онъ полѣзъ въ боковой карманъ и немного выставилъ край своего талера.

— Видишь теперь, что я ужъ не такой бѣднякъ, а? Стоитъ мнѣ только захотѣть... Не пойду!

Онъ отрицательно покачалъ головой, повернулъ ей спину и большими шагами пошелъ прочь; сегодня онъ даже вовсе не хромалъ, а шелъ такъ прямо и твердо, какъ человѣкъ увѣренный въ побѣдѣ.

Разинувъ ротъ, смотрѣла Христи ему вслѣдъ: цѣлый талеръ! Столько денегъ? Съ быстротою вѣтра кинулась она за нимъ, а догнавши, схватила за куртку:

— Эй, Петруша, эй! Откуда-жъ у тебя талеръ? Скажи же мнѣ, Петруша, миленькій мой Петрушенька!

Онъ подумалъ съ минуту, потомъ хитро усмѣхнулся.

— По наслѣдству,—шепнулъ онъ ей на ухо.—Ш-ш-ш... заткни горло! Никто чтобъ не зналъ ни слова, а у меня будетъ еще. Только...

Онъ самъ себя хлопнулъ по рту.

— Никому не скажу, вотъ тебѣ истинный Богъ, — увѣряла она.—А теперь сведешь меня на музыку, да?

Она улыбнулась ему и потянула его въ сторону, къ заборамъ, которые, хотя лишенные листвы, еще являлись недурнымъ прикрытіемъ. Тамъ она бурно и жадно стала его цѣловать.

У него совсѣмъ помутилось въ головѣ, и дикая радость вдругъ овладѣла имъ. Все было ему доступно, все! Ликуя, обвилъ онъ рукою гибкое тѣло Христи и приподнялъ ее отъ земли.

Никогда въ жизни не трудился Петръ столько, какъ въ этотъ день. Онъ вытащилъ изо всѣхъ закоулковъ свои рѣдко употребляемые инструменты, громко ругался, если какого-нибудь не находилъ, и не успокоился, пока не собралъ всего.

Около горницы, въ кладовой, скудно освѣщенной слуховымъ

окошкомъ, онъ устроилъ себѣ мастерскую: перетащилъ туда столъ, единственную лампу и табуретъ.

Луція со смѣхомъ смотрѣла на него, не зная, что и думать. Когда она попыталась возразить, что онъ унесъ у нея изъ горницы лучшія вещи, то онъ нѣжно ущипнулъ ее за щеку и пощекоталъ подъ подбородкомъ.

— Постой, ужъ будешь довольна,—бормоталъ онъ и смѣялся про себя, а потомъ взялъ молотокъ и постучалъ имъ по столу.—Пока еще нѣтъ, но скоро. Твой Петрушка—большой плутъ. Здравствуй, Петрушенька!—Онъ сдѣлалъ поклонъ.—Чего твоя душа хочетъ?

Онъ гордо выпрямился, выставилъ грудь и замурлыкалъ:

«Круглы денежки бываютъ;
И безъ ногъ, да убѣгаютъ!
Только въ руки ихъ возьмешь,
Ужъ другому отдаешь»...

— Ахъ, провалъ тебя возьми!—вдругъ, вздрогнувъ всѣмъ тѣломъ, закричалъ онъ на жену:—Чего ты тутъ прилипла? Бабамъ здѣсь дѣлать нечего!

Онъ вывелъ ее изъ кладовки и заперся на ключъ.

Съ ребенкомъ на рукахъ, Луція пошла на деревню. Несмотря на дурную погоду, она постояла у нѣсколькихъ крылецъ, увлекаясь болтовней; ее зазывали то туда, то сюда, подставляли кружку кофе съ кускомъ хлѣба и усерднѣйше выспрашивали.

Съ быстротою пожара по деревнѣ распространилась вѣсть о томъ, что Мифферту досталось наслѣдство! Откуда пошелъ этотъ слухъ, не знали хорошенько, но вѣрили ему такъ же твердо, какъ слову евангельскому.

Луція безхитростно смѣялась въ отвѣтъ, не говоря ни «нѣтъ», ни «да»: она, вѣдь, ничего не знала. Но она воспользовалась обстоятельствами: бабы еще никогда не бывали такъ щедры. Она вернулась домой съ тяжелымъ грузомъ: картофелемъ, хлѣбомъ и саломъ, которыхъ могло хватить на нѣсколько дней, и, наѣвшись, уснула спокойно.

Уже давно миновала полночь, и пѣтухи кричали передъ зарею, когда пришелъ ложиться и Петруша.

Изъ обломка зеркала у кровати на него смотрѣло блѣдножелтое, странное лицо. Такимъ никогда не бывалъ Петръ; онъ испугался собственнаго отраженія. Губы были плотно сжаты, точно храня тайну; глаза бѣгали робко и подозрительно, какъ у вора, который боится быть накрытымъ.

Заскреблась мышь; онъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ и поскорѣй погасилъ лампочку.

Лучъ мѣсяца проникъ сквозь завѣшенное оконце и упалъ свѣтлыми, круглыми пятнами на дверь кладовки. Босой, въ одной рубахѣ, Петръ кинулся къ оконцу и заботливо расправилъ лоскутъ, а потомъ тщательно удостовѣрился, что дверь въ мастерскую заперта, и спряталъ ключъ за отломившійся кирпичъ въ очагѣ. Лишь послѣ этого, пожимаясь отъ холода, онъ заползъ въ постель. Но ему не стало теплѣе. Съ горящими, широко раскрытыми глазами, онъ лежалъ потрясаемый ознобомъ, мучимый сомнѣніемъ и страхомъ. Удастся ли?... Что сказалъ священникъ? «Царица небесная смилуется надъ тобою!»

— Обѣщаю Тебѣ свѣчу толщиною въ мою руку; нѣтъ, еще толще,—бормоталъ онъ.—Нѣтъ, двѣ свѣчи! Да шелковое платье, да обѣдни за грѣшныя души въ чистилищѣ.

Ну, что же это съ нимъ сдѣлалось? Онъ рознялъ сложенныя руки. Такъ скоро стать ханжею? Этого еще не хватало! Лицо его искривилось въ глумливую усмѣшку. Чего бояться?

Торгъ безъ риска не пойдетъ;
Кто не ищетъ, не найдетъ,—

громко сказалъ онъ себѣ. Разъ богатство и бѣдность распредѣлены такъ неправильно, то не нужно ли самому стараться добыть себѣ что-нибудь? Кто первымъ подойдетъ къ святой водѣ, тотъ первымъ и окропится. А развѣ не сама Святая Дѣва показала ему путь?

— Да, да!—Онъ всетаки перекрестился подъ одѣяломъ.—Владычица небесная, благословенно имя Ея!

Ей такъ было угодно: Она благосклонна къ Петрушѣ, Ея попущеніемъ свалилось паникадило и попали къ нему въ руки олово и серебряная купель: Она захотѣла помочь бѣдному Петрушѣ, да и впредь не покинетъ его.

Мало-по-малу волненіе его улеглось, мрачныя морщины на лбу исчезли.

Возникли всякіе плѣнительные образы. Хотя сначала онъ тревожно метался и стоналъ, такъ что Луша проснулась и съ испугомъ обхватила его шею рукою, но вскорѣ его сонъ сталъ спокойнымъ.

Онъ еще лежалъ и храпѣлъ, когда священникъ послалъ псаломщика, приказавши спросить, какъ у Петра идетъ работа.

VIII.

Старый Крумшейдъ такъ щелкалъ кнутомъ, что воробьи и вороны взлетали въ ужасѣ, а худые зайчата прятались въ грязныхъ бороздахъ. Когда его длинный кнутъ запутывался въ обнаженныхъ вѣтвяхъ рябины, справа и слѣва окаймлявшей дорогу, то старикъ ругался, тянулъ и дергалъ. Когда же ему, наконецъ, удавалось распутаться, то онъ мотался туда и сюда и, выписывая мысл ете, продолжалъ свой путь домой.

Онъ шелъ изъ Шпанъ-Далема, гдѣ продалъ стельную корову, и несъ съ собою, подъ плащомъ, на животѣ, въ кожаномъ кошелѣ, недурныя деньги. Немудрено, что онъ былъ съ мухой, а въ Оберкайлѣ выпилъ и еще.

Только онъ вышелъ изъ этой деревни, какъ натолкнулся на Петрушу. Тотъ какъ будто его поджидалъ. Петруша тоже шелъ изъ Оберкайля и несъ отъ тамошняго каменщика довольно объемистый мѣшочекъ гипса для вмазки паникадила въ церковный потолокъ.

Потолковали о томъ, о семъ. Крумшейдъ былъ въ прекрасномъ настроеніи, а Петруша подъѣзжалъ къ нему такъ ловко, точно мурлыкающая кошка, которая трется у ногъ хозяина. Наконецъ, на старика напала откровенность, когда онъ черезчуръ шатался, то Петръ поддерживалъ его.

— Съ хорошимъ грузомъ!—лепеталъ Крумшейдъ, хлопая себя по животу такъ, что изъ кожанаго кошелька раздался пріятный звонъ. Онъ тутъ же подмигнулъ и взглянулъ на собесѣдника искоса съ продувнымъ и глуповатымъ выраженіемъ.—Ну, и у васъ скоро зазвенитъ, да? Скажите,—онъ понизилъ голосъ съ важнымъ видомъ и любопытно навострилъ уши,—мнѣ-то вы можете открыться: кто... кто...—тутъ его прервала икота,—кто оставилъ вамъ наслѣдство?

— Матерь Божія!—Петръ тоже заговорилъ шопотомъ и, боязливо оглянувшись, зажалъ пьяному ротъ рукою.—Только тише, потише, чтобы не услышали. Оно нехорошо. Станешь болтать, такъ и самъ захвораешь.

— Кто же вамъ... оставилъ... наслѣдство, кто?

Старикъ безсмысленно вытаращилъ глаза.

— Вотъ: мой большой палецъ! — засмѣялся Петръ, поднявши кверху руку.

— Каковъ мошенникъ!—Крумшейдъ съ хихиканьемъ потолкалъ его въ бокъ.—Комедь ломаешь! Не хочешь сказать!

— Можетъ быть, такъ, а можетъ быть, и нѣтъ!—Петръ пожалъ плечами.—Однако, послушайте, Крумшейдъ, будьте пока такъ до[illegible]

и дайте мнѣ взаймы нѣсколько талеровъ, штучекъ восемь или десять. Получите назадъ съ процентами, какъ только я... ну, сами знаете! Какъ только мое будетъ у меня въ рукахъ.

— Взаймы?... Денегъ?

Несмотря на опьянѣніе, старикъ сдѣлался подозрительнымъ. Онъ прижалъ руки къ животу, какъ бы желая такимъ образомъ защитить свои деньги.

Они были недалеко отъ Шварценборна; сильный вѣтеръ проносился по обнаженной возвышенности; старикъ спотыкался и едва держался на ногахъ.

Петръ крѣпко схватилъ его подъ руку.

— Съ процентами отдамъ,—повторилъ онъ ему на ухо.—Вмѣсто десяти—пятнадцать талеровъ! Вѣдь это выгодно, да? Слышите какой вѣтеръ? Какъ воетъ-то! Коли я васъ пущу, такъ и покатитесь съ горы вверхъ ногами. И костей вашихъ не соберемъ!

— Іисусе!—Старикъ вцѣпился въ поддерживающую руку.—А не пропадутъ онѣ, мои денежки?—пролепеталъ онъ со страхомъ.

— Клянусь честью и спасеніемъ души!—торжественно произнесъ Петруша.—Ну же, ну! Не забудьте, что вы сломали бы себѣ шею, если бы не я!

— Іисусъ, Марія, Іосифъ!

Старикъ уже разстегивалъ кафтанъ. Петруша помогъ ему, такъ какъ Крумшейдъ не справился бы одинъ.

Они высыпали кошель на придорожный камень; ассигнаціи Петръ съ презрѣніемъ отодвинулъ въ сторону, а съ жадностью схватилъ звонкіе талеры, которыхъ оказалось какъ разъ восемь. Онъ внимательно разсмотрѣлъ ихъ: все талеры разной чеканки, уже прошедшіе черезъ много рукъ; портреты стерлись, надписи стали трудно разборчивыми, тонкая насѣчка края исчезла во многихъ мѣстахъ. Онъ испытующе постучалъ ими о камень. Не фальшивые ли? Звонъ-то не особенно чистъ.

Съ глубокимъ вздохомъ полнаго удовлетворенія онъ сунулъ ихъ въ карманъ, а потомъ свелъ съ материнской заботливостью совсѣмъ обезпамятѣвшаго старика съ крутой горы въ долину, добродушно довелъ его въ трактиръ и даже помогъ ему лечь въ постель.

Было совершенно темно, когда онъ пришелъ домой.

У Луши горѣла сальная свѣчка; пустая бутылка служила подсвѣчникомъ. Она поставила ее на единственную табуретку, передъ которою сама усѣлась на полу, поджавши ноги, точно турокъ.

Ося крѣпко спалъ въ своей ивовой корзинкѣ; его личико съ не-

дѣтски-острымъ носикомъ и щечками, желтыми, какъ восковыя, казалось совсѣмъ мертвымъ.

Жалкая свѣча вспыхивала длиннымъ фитилемъ и отвратительно воняла тухлымъ саломъ; на очагѣ тлѣлъ хворостъ и время отъ времени бросалъ на стѣны дрожащіе отблески, тотчасъ внезапно пропадавшіе. Это придавало пустой комнатѣ какой-то заброшенный, вымерочный видъ. При такомъ фантастическомъ освѣщеніи голыя стѣны становились похожими на стѣны склепа.

Только Луша дышала полною жизнью. Ея роскошную грудь туго облегала пестрая бумазейная кофта съ разстегнутою верхнею пуговицею, такъ что видно было сверкавшее бѣлизною горло. Шпильки она вынула, и полураспущенныя косы свѣшивались въ безпорядкѣ, отливая красноватымъ золотомъ при мерцаніи свѣчи. Въ такомъ видѣ она казалась почти дѣвочкой, скромно миловидной, несмотря на свою полноту.

Она проворно разбирала у себя на колѣняхъ пестрыя тряпки, обрывки лентъ, кусочки кружевъ: было непостижимо, гдѣ она все это могла набрать. Потомъ она потянулась за лифомъ краснаго праздничнаго платья и растянула его передъ свѣчей: на груди онъ былъ весь засаленъ, всѣ швы протерты, а матерія изношена до такой степени, что пропускала свѣтъ, точно паутина.

Она вздохнула. Какъ жаль, что новое платье еще не готово! Даже и матерія еще не получена; а то развѣ такъ она разрядилась бы завтра-то въ Оберкайль! Страхъ какъ жалко!

На минуту она наморщила губы; но, мгновеніе спустя, онѣ опять сложились въ довольную улыбку. Что за бѣда! Повеселиться можно и въ старомъ платьѣ. Тамъ вѣдь есть красивый жандармъ! А не этотъ, такъ найдутся и другіе.

Ей стало жарко при одной мысли о весельѣ; она пошире раскрыла кофту на груди. Петруша долженъ съ ней пойти ужъ непремѣнно. Эхъ, вотъ будетъ хорошо! Она нагнула вбокъ хорошенькую головку надъ своею работою и вполголоса стала что-то напѣвать.

Заскрипѣла дверь: вошелъ Петръ.

Съ подавленнымъ радостнымъ восклицаніемъ она бросилась къ нему на шею.

Онъ прозябъ; волосы, смоченные туманомъ, свѣшивались ему на лобъ.

Она не дала ему отдышаться:

— Петруша, идемъ завтра въ Оберкайль, да? Ты пойдешь со мной плясать, ладно?

Она говорила все это шопотомъ, крѣпко прижимая его къ своей мягкой, полной груди.

— Что такое?—Онъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на нее.—Какъ это такъ тебѣ сію минуту приспичило? Кто это тебѣ вбилъ въ голову?

— Христя здѣсь была,—отвѣтила она поспѣшно,—говоритъ, будто ты обѣщалъ взять ее съ собою въ Оберкайль. Смотри сюда,— она повернулась къ нему щекой, черезъ мякоть которой тянулась длинная царапина:—у насъ вышла настоящая потасовка! Только я непремѣнно пойду! Господи!—Она слегка припрыгнула.—Мнѣ ужъ какъ будто и музыка слышна! Правда, Петруша, мы вѣдь пойдемъ?

Она подмигнула ему влажными глазами.

— Нахалка эта Христина!—проворчалъ Петръ и съ досадою почесалъ затылокъ.—Я не пойду въ Оберкайль: мнѣ некогда!

— Вотъ какъ!—Луція расхохоталась ему въ лицо, а потомъ сказала серьезнѣе: — Приходилъ псаломщикъ, хотѣлъ взглянуть, какъ у тебя идетъ починка. Непремѣнно хотѣлъ поглядѣть: говоритъ, послалъ священникъ. Мы хотѣли заглянуть въ каморку, пробовали...

— Вотъ ты только посмѣй!

Петръ крикнулъ на нее такъ грозно, что она съ изумленіемъ подалась назадъ. Большими и поспѣшными шагами подошелъ онъ къ двери каморки, вынулъ изъ кармана ключъ и сунулъ его въ замокъ, послѣ чего съ трескомъ захлопнулъ за собою дверь. Луша слышала, какъ онъ два раза щелкнулъ ключомъ.

Онъ долго пробылъ въ каморкѣ, и когда она позвала его ужинать, то отвѣтилъ только невнятной воркотней. Она стала стучать и толкаться въ дверь.

— Петруша, что-жъ ты, не слышишь? Петруша! Иди же, иди!

Онъ вышелъ вдругъ и такъ стремительно, что ударилъ ее дверью въ наклоненную въ ожиданіи отвѣта голову. Онъ не обратилъ вниманія, что у нея выступили на глаза слезы, а молча и торопливо сталъ глотать стоявшіе на краю очага кисель и картофель.

Вмѣстѣ съ сытостью на него снизошло болѣе спокойное настроеніе; точно въ изнеможеніи приложилъ онъ свою пылающую голову къ плечу Луціи и обнялъ ее.

— Ужъ и намучился я!—вырвалось у него невольно.—О, Господи!

— А что?—спросила она разсѣянно: она думала только о завтрашней пляскѣ.

Онъ, не отвѣчая, все крѣпче жался къ ней головою.

Она машинально провела рукою по его волосамъ: передъ ея умственнымъ взоромъ мелькали кавалеры.

Онъ пробормоталъ про себя:—Такая жизнь теперь ужъ невтерпежъ.—И вдругъ воскликнулъ:—Радуйся, Луша!

— Ты пойдешь со мной въ Оберкайль? Ахъ, Петрушенька!

Пріятно изумленная, она звонко поцѣловала его въ щеку.

— Ступай съ кѣмъ хочешь, меня только оставь въ покоѣ.

Онъ поспѣшно вскочилъ и побѣжалъ въ каморку, гдѣ опять заперся...

Уже вторично проснулась Луція въ эту ночь, а мужа все еще не было рядомъ съ нею. Спросонокъ она протерла глаза. Изъ-подъ двери каморки въ комнату все еще падала полоска свѣта; все еще слышалась тамъ возня, торопливые шаги и подавленная ругань.

Она пожалѣла мужа: какъ ему приходится трудиться!

Съ тѣхъ поръ, какъ паникадило попало къ нимъ въ хату, бѣдный Петя точно заколдованъ. Лучше бы и вовсе ужъ ничего этого не было!

Она тихо сползла съ кровати и, движимая жалостью и любопытствомъ, приложила глазъ къ щели, проходившей какъ разъ посрединѣ двери. Ничего не было видно, такъ какъ щель оказалась заклеенною изнутри.

— Петруша,—кликнула она и постучала.

Изнутри доносилось бормотанье, точно тамъ кто молился или колдовалъ.

Ночной вѣтеръ жалобно завылъ. Онъ свистѣлъ, стоналъ, ревѣлъ и взвизгивалъ: то Вотанова охота проносилась по лѣсу или чортъ созывалъ вѣдьмъ на пляску у Гроблитгена. Неистовая осенняя буря рвала соломенную крышу и чуть не сносила ее съ хаты. Какая страшная ночь!

Ей было холодно въ тонкой сорочкѣ, хватавшей ей только до колѣнъ. Она, дрожа, прокралась обратно въ постель...

На слѣдующее утро, въ воскресенье, за обѣдней, Луція Миффертъ укоризненно взглянула на то мѣсто свода, гдѣ большая дыра обозначала пунктъ прикрѣпленія паникадила.

— Эхъ ты!—пробормотала она съ угрозою.—Чего тебѣ было валиться? Нешто не могло подождать до завтра? Тогда онъ пошелъ бы со мною въ Оберкайль!

Теперь же съ Петромъ ничего нельзя было подѣлать: весь Божій праздникъ провозился онъ у себя въ мастерской и грубо огрызался, когда ему мѣшали.

Она усердно помолилась Пресвятой Дѣвѣ послать ей кого-нибудь въ провожатые.

Тотчасъ послѣ обѣда она опять принялась мыться и чесаться; волосы блестѣли, какъ шелкъ, на ея красивой головѣ; платье было еще сносно, украшенное новымъ кружевнымъ воротничкомъ съ бантомъ изъ желтой ленты. Она самодовольно смотрѣлась въ осколокъ зеркала. Эхъ, какъ блестятъ сережки, словно чистое золото! На самомъ дѣлѣ онѣ были изъ ярко-вычищенной мѣди, и она вымѣняла ихъ у разносчика на старыя тряпки; правда, въ придачу пошло еще нѣсколько горстей перьевъ изъ перины.

Долго смотрѣла она на себя съ наивнымъ удовольствіемъ; затѣмъ подошла ко входной двери, уперла руки въ боки и выглянула наружу.

Іисусъ, Марія, Іосифъ! Кто же это, гремя саблею, идетъ по деревенской улицѣ? Она не вѣрила глазамъ и звонко вскрикнула отъ радости. Вѣдь, это—красавецъ жандармъ изъ Оберкайля!

Подобравши платье, она вприпрыжку кинулась ему навстрѣчу. Лишь бы кто-нибудь изъ бабъ не перебилъ ея!

Пустынная улица внезапно оживилась: изо всѣхъ оконъ торчали головы, двери хлопали, поднялся хохотъ, крикъ, бѣготня. Съ волшебной быстротой пробудилась жизнь тамъ, гдѣ все только что казалось мертвымъ. Христя, Вѣра и Лиза были ужъ тутъ, какъ тутъ! Бѣжала и маленькая Билла, а за нею еще цѣлый рой.

Красавецъ-жандармъ посылалъ направо и налѣво ласковые взгляды изъ своихъ чуждыхъ всякаго выраженія глазъ и улыбался во все свое круглое ребячье лицо, такъ что ямочки на щекахъ его превратились чуть ли не въ двѣ дырочки.

Кого онъ искалъ?

Вотъ Луція и передъ нимъ. «Господинъ жандармъ! господинъ жандармъ!»—едва дыша, лепетала она со своей наиболѣе лучезарной улыбкой.

— Чортъ подери! Извините, хотѣлъ сказать: экое счастіе!—Онъ приложилъ два пальца къ каскѣ и посмотрѣлъ на Луцію побѣдоноснымъ взглядомъ.—Я какъ разъ думалъ о васъ, раскрасавица!—Онъ старался говорить съ высоты своего величія, но, въ сущности, былъ такъ радъ встрѣчѣ, что его ротъ, причмокивая, самъ разъѣзжался врозь. Онъ предпріимчиво закрутилъ усы.—Весьма пріятно!

— Правда?—простодушно переспросила она. Передъ ея глазами избы кружились въ плавномъ вальсѣ, а сердце ея билось ребяческимъ восторгомъ.

Они скоро столковались. Красавецъ-жандармъ попалъ въ Эйфельшмитъ по дѣлу, къ мѣстному старшинѣ, Крумшейду; но этого онъ не сказалъ, а утверждалъ, будто явился единственно затѣмъ, чтобы

проводить красотку-Лушу на танцы. Теперь онъ обѣщалъ подождать ее подъ горой, гдѣ часовня.

Подпрыгивая отъ радости, она поспѣшила въ избу, поцѣловала и перекрестила Осю въ люлькѣ, запеленала его покрѣпче, чтобы онъ не могъ двинуться, и сунула ему въ ротикъ соску изъ жеванаго хлѣба.

Быстро набросивъ на плечи платокъ, она постучала въ дверь каморки:

— Петруша, прощай! Я ухожу!

Изъ каморки послышалось рѣзкое, испуганное движеніе, какъ при пробужденіи отъ крѣпкаго сна; раздался грохотъ опрокинутой табуретки.

— Ухожу въ Оберкайль; прощай!

Не дождавшись отвѣта, она быстро выбѣжала вонъ, второпяхъ забывши притворить дверь, такъ что сильный вѣтеръ ворвался въ горницу.

Когда она, вмѣстѣ со спутникомъ, всходила на высоты Шварценборна, то много завистливыхъ взоровъ слѣдили за нею.

На что ей этотъ парень? Вѣдь у нея есть дома мужъ!! Бабы стояли кучками, выражая на лицахъ разочарованіе и злобу, и посылали ей вслѣдъ ругательства. Сегодня Луція Миффертъ была предметомъ всеобщей ненависти.

Христя, противъ обыкновенія, бранилась меньше прочихъ; она замѣтно прихрамывала на лѣвую ногу, вслѣдствіе ушиба табуреткой, которою пустила въ нее Луша, чѣмъ и внушила ей къ себѣ нѣкоторое уваженіе.

Когда стемнѣло, Христя прокралась къ избѣ Мифферта и услышала, какъ онъ тамъ, внутри, громыхаетъ и чертыхается.

Всего лишь четверть часа прошло съ тѣхъ поръ, какъ Петръ вышелъ изъ своей каморки. На его блѣдномъ лицѣ рѣзко ограниченными красными пятнами выдѣлялись скулы; глаза, глубоко уйдя въ орбиты, неестественно блестѣли.

— Луша!—крикнулъ онъ взволнованно.—Луша!

На сегодня онъ отработался, и ему необходимъ былъ человѣкъ для бесѣды—все равно о чемъ, лишь бы говорить, говорить. Непреодолимое безпокойство мучило его.

— Луша!—кричалъ онъ, такъ что стѣны дрожали. Отвѣта не было; только попискивалъ Ося, полузадушенный тугимъ свивальникомъ.

Дверь зіяла настежь, въ горницѣ былъ сущій морозъ, Луши не было... Гдѣ же она?

Въ смятеніи онъ схватился за лобъ: развѣ она не сказала ему: «въ Оберкайль»?...

Его точно что ударило.

— Въ Оберкайль?—заревѣлъ онъ.

А съ кѣмъ?... Что-жъ, у него не было ушей, ума не было?! Онъ забѣгалъ по избѣ, какъ сумасшедшій: догнать! догнать! Онъ началъ одѣваться и не находилъ платья, съ бѣшенствомъ бросая все, какъ попало; онъ готовъ былъ расплакаться, точно старая баба.

Тутъ вошла Христя.

Онъ встрѣтилъ ее грубо, но она не отстала; хитро, точно кошечка, подольщалась она къ нему. Она цѣловала его, гладила и была очень красива въ праздничномъ платьѣ, съ золотымъ гребнемъ въ прическѣ, завитая, точно барышня.

Онъ не выдержалъ. И развѣ онъ не обѣщалъ взять ее съ собою?

Она нетерпѣливо торопила его. Она дождалась только, чтобы онъ опять развелъ огонь и распеленалъ ребенка: Луша, вѣдь, затянула его такъ, что онъ могъ задохнуться.

Потомъ они вмѣстѣ вышли, и Петръ аккуратно заперъ избу, даже окна заставилъ гнилыми ставнями.

Но не прошли они и двѣнадцати шаговъ, какъ ихъ окликнула Лиза: она, очевидно, давно была настороже и оказалась вполнѣ готовой идти; только ея прекрасные бѣлокурые волосы ничѣмъ не были прикрыты и развѣвались по вѣтру точно нити золотой паутины. Она объявила, что тоже идетъ въ Оберкайль и присоединилась къ нимъ, не ожидая ихъ приглашенія.

Чернокудрая Вѣра тоже нашлась неподалеку. Хотя у Христи на лицѣ выразилось величайшее бѣшенство, однако обѣ эти дѣвицы пошли по другую сторону Петруши.

Потомъ ихъ компанія увеличилась еще. Явилась жена Штефеса, благонравно ведя за ручку своего Хуберта; тотчасъ вслѣдъ за нею подошла Гертруда, предъявлявшая, по старой памяти, особыя права на Петрушу.

Приближаясь наконецъ къ Шварценборну по шоссе, Петруша уже былъ окруженъ десяткомъ бабъ. Послѣднею присоединилась маленькая Билла, которая бѣгомъ нагнала ихъ, развѣвая по вѣтру свою коротенькую юбочку.

— Христя, постой, постой!—кричала она, не переводя духа.— Эй! Тебѣ говорю, не ходи одна, Христя, Христя!

Наконецъ, она ухватила Петра за фалды . . . . . .

. . . . . .

Послѣдніе огни Оберкайля мерцали во мракѣ, точно разсыпанные

свѣтляки, когда эйфельшмитцы собрались домой: было поздно, уже около полуночи, а идти оставалось еще не мало.

Лица горѣли, несмотря на холодный горный вѣтеръ, рѣзавшій кожу, точно ножами; платья раздувались, будто крылья у летучихъ мышей. У кого-то былъ фонарь, но онъ скоро погасъ; только мѣсяцъ, на минуту показываясь изъ-за мчавшихся тучъ, освѣщалъ дорогу. Но свѣтилъ онъ очень плохо и вдругъ пропалъ совсѣмъ; въ глубокомъ мракѣ бабы съ визгомъ стѣснились вокругъ Петруши. Куда тотъ ни протягивалъ руки, всюду натыкался на мягкія тѣла.

То-то была гульба въ Оберкайлѣ!

Когда явился Петръ со своею свитою, всѣ уже плясали; въ наиболѣе густой толпѣ вертѣлась Луша. Какъ только она увидѣла мужа, такъ бросила своего кавалера, жандарма, и подбѣжала къ Петрушѣ. Но тотъ былъ сердитъ и даже не взглянулъ на нее, а съ вызывающимъ упорствомъ пустился въ плясъ съ другими. Когда же онъ потребовалъ яблочнаго вина и началъ потчивать эйфельшмитскихъ дамъ, то и вовсе сталъ царемъ бала; глупые оберкайльскіе парни не рѣшались выступать его соперниками, да и у каждаго была съ собою своя дѣвушка.

Бойчѣй, смѣлѣй! Такъ весело еще не бывало Петрушѣ. Забывъ о своей хромой ногѣ, онъ скакалъ на манеръ годоваго теленка, точно кто изнутри подстегивалъ его кнутомъ: «Ну же, ну! Небось, небось!» Побуждаемый ревностью, польщенный всеобщимъ восхищеніемъ, гонимый... чѣмъ? Что это его такъ подзадоривало?...

Онъ вертѣлъ Христю и Лизу, вертѣлъ Вѣрку и Труду,—всѣхъ. Сначала его болѣзненно кольнуло, когда онъ увидѣлъ, что жандармъ и Луша совсѣмъ не разстаются; потомъ все смѣшалось въ безумномъ чаду.

Были прокучены послѣдніе гроши задатка, выпрошеннаго у священника подъ работу; но его это не смущало. Онъ продолжалъ кричать, чтобы давали пива, вина, водки, и приказывалъ записывать все это въ счетъ.

Каждая набивалась съ нимъ плясать; съ каждою онъ долженъ былъ выпить. Направо отъ него сидѣла Христя, а за мѣсто слѣва ожесточенно ругались съ Трудою Вѣра и Лиза; наконецъ, онѣ сошлись на томъ, что отсиживали извѣстное время поочередно. Всѣ отмстили ему; онъ любезничалъ съ каждою; въ концѣ-концовъ онъ уже пересталъ различать ихъ, но ни одна не обижалась: всѣ уже были полупьяны.

Билла отвалилась первая. Она вдругъ, среди хохота, громко заплакала, положила голову на столъ и зарыдала такъ, что все ея т

сотрясалось толчками. Когда, черезъ нѣсколько минутъ, кто-то попытался ее приподнять, она тяжеловѣсно ткнулась опять впередъ и крѣпко уснула, не смущаясь громоподобнымъ хохотомъ окружающихъ и завываніемъ музыки.

Петруша таращилъ глаза, мутные и стекловидные, какъ у снулой рыбы. Онъ уже не видѣлъ, что красавецъ-жандармъ сидѣлъ съ Лушею въ дальнемъ углу и спросилъ для нея вина и пирожнаго; онъ не замѣтилъ, какъ они и вышли вдвоемъ.

Онъ вывозилъ нелѣпыя остроты, хохоталъ, колотилъ по столу, тискалъ то ту, то эту, и, наконецъ, совсѣмъ размякъ.

Его спутницы образовали вокругъ него кругъ, какъ стая голодныхъ волковъ окружаетъ раненаго на охотѣ пса; глаза ихъ сверкали и горѣли; онѣ бросали другъ на друга взгляды хищныхъ звѣрей: кому-то онъ достанется? Глухо рыча, онѣ скалили зубы.

Соперничество, длившееся весь вечеръ, было перенесено и на улицу. Среди чернаго полуночного мрака шелъ тайный, беззвучный обмѣнъ толчковъ и пинковъ. Каждая старалась оттереть сосѣдокъ отъ Петруши и захватить его себѣ; онѣ чуть не повалили его.

Петръ былъ сильно пьянъ. Это не входило въ его привычки, и онъ могъ бы припомнить наперечетъ, сколько разъ побывалъ въ подпитіи за всю свою тридцатипятилѣтнюю жизнь; но въ послѣднее время его сваливали съ ногъ два, три стакана: онъ лилъ ихъ въ себя слишкомъ проворно и поспѣшно.

Утративши всякую силу сопротивленія, онъ давалъ бабамъ дергать и толкать себя; точно слившись въ какую-то однородную массу, онѣ густо облѣпили его, и весь этотъ комъ подвигался медленно впередъ.

Вотъ опять сталъ виденъ мѣсяцъ, вдругъ Христя замѣтила, что нѣтъ Биллы! И, правда, ее забыли въ танцовальномъ залѣ. Она лежала на скамьѣ, у печки, какъ мертвая, со спутанными волосами и полуразстегнутымъ платьемъ на еще ребячески-худенькомъ тѣлѣ; деревенскіе парни стояли вокругъ, лупили на нее глаза и отпускали свои шуточки.

Пропалъ еще и маленькій Хубертъ: должно быть, спалъ гдѣ-нибудь въ углу. Никто не тревожился объ исчезнувшихъ дѣтяхъ.

Позади, совсѣмъ далеко, показалась движущаяся красноватая точка. То былъ фонарь въ рукахъ жандарма, который провожалъ свою душеньку до Шварценборна. Они условились о свиданіи на другой же день, послѣ чего Луша разрѣшила своему кавалеру нѣжное прощаніе и многократно поблагодарила его «за все веселье».

Еще поцѣлуй. Затѣмъ она громко, звонко окликнула мужа и, спотыкаясь, поспѣшила поскорѣе нагнать ушедшихъ впередъ.

Подобная многоголовому, многоногому чудовищу, медленно ползетъ съ горы бабья толпа. Она сбилась съ дороги.

По камнямъ и уступамъ, по пашнямъ и сквозь кусты, напрямки свергается она въ долину, увлекая съ собою все, что не имѣетъ силы ей противустоять,—точно лавина, разрушающая и опустошающая, ужасная въ своей безчувственности, страшная неудержимостью своего движенія, несущая смерть своею жестокою компактностью...

IX.

Поминальный день.

На маленькомъ кладбищѣ, у самой дороги въ Химмеродъ, всѣ могилы украсились ельникомъ и бумажными розами. Уже снѣгъ успѣлъ лечь на нихъ высокими холмиками и придать имъ однообразіе своею ровною бѣлизною; сегодня его заботливо удалили метлами и лопатами, и на каждой могилѣ были выложены изъ красныхъ ягодъ аккуратные крестики, вѣночки, сердца и буквы, а въ промежуткахъ натыканы свѣчки. Казалось, будто бы пламя выходитъ изъ застывшей земли, будто покоящіеся подъ нею говорятъ съ оставшимися на ея поверхности посредствомъ этихъ боязливо мигающихъ огоньковъ, могущихъ погаснуть отъ малѣйшаго дуновенія вѣтра.

Но вѣтра не было. Еще разъ отступила зима, и солнце показалось надъ горами,—правда, блѣдное и томное, но все же солнце! Обвисшіе, сморщенные листья кладбищенскихъ розовыхъ кустовъ какъ бы ожили вновь; въ полдень въ долинѣ было тепло и тихо, а небо сіяло блѣдной синевой. Лѣто всѣхъ святыхъ...

Въ эту пору справляется праздникъ мертвыхъ. Давно забытые вступаютъ вновь въ свои права; ворочаются въ истлѣвшихъ гробахъ и шлютъ привѣтъ живымъ. День всѣхъ святыхъ,—день всѣхъ усопшихъ.

Эйфельшмитскія бабы постарались, какъ могли. Ихъ могилы были разукрашены не хуже, нежели въ самомъ богатомъ селѣ. Еще съ утра на кладбищѣ собралась ихъ цѣлая толпа; могилы кропились святою водою, что сопровождалось долгими колѣнопреклоненіями и молитвами о вѣчномъ покоѣ для умершихъ.

Послѣ обѣда, когда всѣ сидѣли за праздничнымъ печеньемъ и за кофе, Петруша тихонько пошелъ туда же; онъ горбился, точно отъ старости, и чашка со святой водой дрожала въ его рукѣ.

Дома сидѣла Луша возлѣ больного Оси и выплакивала себѣ

глаза: на дитя напала «младенческая» и то подбрасывала вверхъ его маленькое тѣльце, то растягивала его пластомъ.

Съ той воскресной гульбы въ Оберкайлѣ Ося былъ боленъ; родители вернулись поздно и, даже не заглянувши въ люльку, безъ памяти повалились на кровать. Утромъ Ося оказался весь раскрытый, застывшій до синевы, а вскорѣ начались и судороги.

— Не ревите такъ,—сказала повитуха, за которою сбѣгалъ встревоженный Петръ:—скоро у васъ на небѣ будетъ ангелочекъ!

Но родители не хотѣли и слушать этого; они обмѣнивались обвиненіями, перешедшими въ крупную ссору. Кончилось тѣмъ, что Петръ мрачно и молча заперся у себя въ мастерской, а Луша, молясь и плача, сѣла къ люлькѣ.

Однако, вскорѣ послышалось ея пѣніе, сначала тихое, а потомъ очень звонкое; про нее всегда одобрительно говорилось: «У этой Луціи такой голосъ, что покойника подыметъ». Она пѣла:

Ахъ, на крышѣ высоко,
Гдѣ все видно далеко,
Сидѣло дитя и смѣялось,
Покуда упасть не боялось...
Ой вы, ладушки, ладушки мои!
Ой вы, ладушки, ладушки мои!...

Она повторяла это по нѣскольку разъ и, дойдя до припѣва, каждый разъ толкала люльку такъ, что та сильно качалась.

— Ой вы, ладушки, ладушки мои!—И тутъ она опять ударялась въ слезы на минуту.

Петръ не могъ утѣшиться такъ легко: когда онъ не сидѣлъ въ мастерской, то стоялъ у люльки и въ мрачной задумчивости, сжавши губы, глядѣлъ на больное дитя.

Нынче онъ, тайно, какъ преступникъ, прокрался на кладбище, кинулся ницъ на могилы своихъ родителей и запустилъ руки въ холодную землю. Онъ искалъ у нихъ прибѣжища отъ одолѣвавшихъ его мыслей.

Давненько онъ здѣсь не былъ, пожалуй, цѣлый годъ; но впередъ ужъ такъ не будетъ: онъ обѣщалъ это покойникамъ подъ самыми страшными клятвами. И у нихъ будетъ мраморный памятникъ съ золотою надписью, чего бы онъ ни стоилъ. Вѣдь есть же средства заплатить. Платить!...

Онъ приподнялся и со страхомъ оглянулся. Ахъ, если бы онъ могъ рѣшиться! Онъ скрипѣлъ зубами, сжималъ холодныя руки въ кулаки... Рѣшиться, рѣшиться! Того, что было спрятано у него въ

мастерской, не видали ни солнце, ни мѣсяцъ и ни одна крещеная душа, а онъ всетаки дрожалъ день и ночь. Онъ могъ стать богатымъ и счастливымъ, а все же...

Съ подавленнымъ проклятіемъ онъ вскочилъ и попалъ ногою въ чашку со святой водой, такъ что она опрокинулась и все ея содержимое пролилось на оттаявшую тропинку.

Не робѣть!... Онъ сунулъ руку въ карманъ: развѣ тамъ уже не бренчитъ? Нѣтъ, нѣтъ! Пусто, совсѣмъ пусто. А дома плачетъ Луша, надрывается Ося; холодно въ избѣ, смерть стоитъ у порога.

. . . . . .

Холодный потъ выступилъ у него на лбу; онъ вытеръ его оборотомъ руки; рука дрожала.

— Трусъ я и подлецъ!—проворчалъ онъ сквозь зубы.—Только бы стать чуть-чуть храбрѣе, и все пойдетъ хорошо. Тогда засмѣется Луша, тогда придетъ докторъ и вылѣчитъ дитя (ему уже представлялось, какъ оно, румяное, топаетъ проворными ножками по избѣ и держитъ большой ломоть хлѣба съ масломъ въ ручонкѣ), а Луша его поцѣлуетъ — онъ какъ бы чувствовалъ горячій поцѣлуй... А мимо кладбища потянулись цѣлой вереницей кивающія, манящія женскія фигуры. Кутежъ и ночью, кутежъ и днемъ,—всегда веселье!...

Избу свою онъ перестроитъ,—нѣтъ, купитъ новую, цѣлый крестьянскій дворъ! Пожалуй, даже «Дубки», что подальше, къ Химмероду, гдѣ подобное замку зданіе выглядываетъ изъ-за дубовыхъ вершинъ.

Отецъ водилъ его мимо, когда онъ еще былъ мальчишкой; они останавливались у рѣшетки и любопытно заглядывали въ паркъ. Въ этомъ маленькомъ замкѣ жилъ тогда богатый баринъ, который теперь давно ужъ умеръ, а теперешній владѣлецъ продаетъ усадьбу. Что если ее купить *ему?*...

Какъ бы обрадовалась Луша! И что сказали бы на это тѣ, кто зарытъ здѣсь, въ могилѣ!

Онъ опустился на колѣни, приложилъ ухо къ холмику и сталъ слушать.

Изъ самой-самой глубины земли ему слышалось что-то: гудѣнье и шорохъ, шопотъ и ропотъ; глухо, точно изъ-подъ сводовъ, доносилось все это до его слуха. Морозъ пробѣжалъ у него по кожѣ: этотъ гулъ шелъ изъ вѣчности!...

— «Какъ постелешь, такъ и выспишься»,—не это ли повторялъ всегда отецъ?

Съ трепетомъ Петръ прошепталъ:

— Дѣлать или нѣтъ, дѣлать или нѣтъ?

И голосъ изъ глубины отвѣтилъ:

— Дѣлай!

Тогда онъ вскочилъ. На кладбищѣ было пусто. Солнце уже сползало за горы, и дуновенье вѣтерка заставляло ярче вспыхивать могильныя свѣчи.

Петръ пошелъ прочь, потрясаемый ознобомъ; ноги у него подкашивались; медленно, нерѣшительно переступалъ онъ шагъ за шагомъ. Большой крестъ съ изображеніемъ Спасителя, возвышавшійся посреди кладбища, былъ облитъ яркимъ сіяніемъ; оно особенно сосредоточивалось на золотыхъ буквахъ надписи, тянувшейся по широкому подножью:

«Amor me crucі affixit».

Что могло это значить? Петръ ни разу еще не задалъ себѣ этого вопроса, а теперь остановился, теряясь въ догадкахъ. Онъ сложилъ въ слоги отдѣльныя буквы, а потомъ уставился на увѣнчанное терніями лицо Страдальца и глядѣлъ, пока не потемнѣло въ глазахъ.

Вдругъ онъ вздрогнулъ: на плечо его легла рука... Ахъ, это былъ священникъ! Онъ сорвалъ съ головы картузъ.

— Смотрите-ка, вѣдь это Мифферть!—весело сказалъ священникъ и слегка хлопнулъ его по спинѣ требникомъ, который всегда бралъ съ собою на ежедневную прогулку.—Ну, какъ-то подвигается починка? Скоро ли будетъ готово?

— Нѣтъ, нѣтъ!—пробормоталъ Петръ съ испугомъ; добродушный голосъ раздавался въ его ушахъ точно труба страшнаго суда.—Пока еще сдѣлано не много... я... пока... А скоро...

— Правда, это — копотливая работа! — священникъ самъ подсказывалъ ему оправданіе. Петръ ухватился за него, какъ рыба за приманку.

— Охъ, да! охъ, да!—торопливо сталъ онъ увѣрять.—Я работаю день и ночь, а все же...

— Я слышалъ...—привѣтливо перебилъ священникъ.—Это похвально, сынъ мой. Работа тебѣ удастся: Самъ Сынъ Пресвятой Дѣвы,—онъ указалъ на крестъ, высоко поднимавшійся надъ ними,—поможетъ тебѣ.

Петръ почувствовалъ, будто что-то прокололо его насквозь, и горячая волна крови залила ему лицо; онъ боязливо взглянулъ вверхъ, на искаженное страданіемъ лицо.

Золотой блескъ небесъ превратился въ багряный и кроваво-краснымъ огнемъ освѣщалъ высѣченную въ камнѣ надпись. Буквы пламенѣли у него передъ глазами.

— Тутъ что-то написано,—съ трудомъ выговорилъ онъ и указалъ пальцемъ.—Что это значитъ?

— «Amor me crucі affixit»—любовь возвела меня на крестъ,— отвѣтилъ священникъ и отвернулся, чтобы уйти. Онъ еще разъ оглянулся и кивнулъ:—Добрый вечеръ, добрый вечеръ! На дняхъ я зайду самъ къ вамъ, Миффертъ, и взгляну на ваши труды!—онъ поднялъ для благословенія руку, а потомъ, бормоча надъ требникомъ, исчезъ за холмами.

Вновь стало пустынно на кладбищѣ. Вокругъ Петруши сдѣлалось такъ тихо, что ему показалось громкимъ собственное дыханіе.

Онъ тяжеловѣсно опустился на подножье креста.

«Любовь возвела меня на крестъ», — да, любовь! Грудь его поднялась отъ глубокаго вздоха: да любовь! Онъ почувствовалъ большое облегченіе: если онъ что дѣлаетъ, то не для себя, а единственно изъ любви къ другимъ! Къ Лушѣ, къ Осѣ и ко всѣмъ прочимъ: конечно, только изъ любви!

Его блуждающій взоръ сталъ спокойнѣе и устремился на образъ Распятаго. Этотъ страдалъ, и самъ онъ страдаетъ. Да! нелегко висѣть на крестѣ! Но страхъ, страхъ, которымъ онъ истомился, развѣ не еще ужаснѣе?

— Когда меня накроютъ, такъ тоже вздернутъ, пожалуй,—проворчалъ онъ мрачно.—Нѣтъ, теперь этого ужъ не бываетъ, а вотъ запрутъ туда, куда не свѣтятъ ни солнце, ни мѣсяцъ, куда вѣтеръ не залетаетъ, куда... ахъ!

У него вырвался глубокій и дрожащій вздохъ, а голова упала на грудь. Но тотчасъ онъ поднялъ ее опять.

Фигура Спасителя уже тонула въ сѣромъ сумракѣ быстро наступавшаго вечера; только голову окружало еще догоравшее сіяніе, подобное вѣнцу. Голова какъ бы наклонилась.

Съ подавленнымъ крикомъ Петръ протянулъ руки. Да, Этотъ Одинъ понимаетъ его! «Amor me crucі affixit».

Онъ бросился ницъ передъ крестомъ и сталъ молиться, какъ никогда. Онъ поднялся утѣшенный и на прощанье кивнулъ еще разъ, дружески и съ видомъ пониманія.

Твердымъ шагомъ прошелъ онъ мимо могилъ. Было почти темно, свѣчки всѣ догорѣли, только тамъ и сямъ вспыхивали онѣ порою, точно блуждающіе огни.

Затворяя за собою калитку кладбища, онъ уже посвистывалъ. Онъ чувствовалъ себя такъ легко, такъ весело. Теперь онъ уже знаетъ, что ему дѣлать, и не будетъ больше томиться.

Отъ «Дубковъ» по шоссе ѣхалъ легкій экипажъ, который проѣхался совсѣмъ близко мимо Петра. Тотъ узналъ владѣльца «Дубковъ», г. фонъ-Бойрена, который только дважды въ годъ пріѣзжалъ

сюда на нѣсколько дней поохотиться; сидѣвшій же рядомъ съ нимъ толстякъ, укутанный шерстянымъ шарфомъ и въ шапкѣ съ наушниками, оказался незнакомымъ. Кто бы это могъ быть? Петръ съ любопытствомъ поглядѣлъ имъ вслѣдъ.

У самой деревни онъ столкнулся съ Крумшейдомъ. «Чортъ возьми! Да, старикъ сползъ сверху, отъ его избы! Что ему было нужно? Ага! — Петръ засмѣялся про себя. — Трясется, видно, за свои денежки!»

Онъ любезно раскланялся со старикомъ:

— Добраго вечера, дядя Крумшейдъ!

Тотъ остановилъ его:

— Скажи-ка, Петруша, какъ ты... того... съ моими талерами, а?—Было видно, что старикъ не желаетъ ссориться съ Петромъ, а ищетъ благовиднаго предлога.—Мнѣ очень не хочется напоминать, а только... самому крайность... Платежи... Къ сроку...

Петруша усмѣхнулся.

Крумшейдъ ложно истолковалъ эту улыбку и испугался.

— Мнѣ нужны мои деньги!—грубо крикнулъ онъ.

— Хорошо,—отвѣтилъ Петръ спокойно.—Можете ихъ получить когда угодно, каждую минуту. Пойдемте ко мнѣ и захватите свои талеры.

— Нѣтъ, нѣтъ!—Старику какъ-то не вѣрилось: онъ опасался побоевъ.—Пойдемъ лучше ко мнѣ, выпьемъ по чарочкѣ.

— Нѣтъ!—Теперь, когда дошло до дѣла, Петръ сразу подался назадъ; на него напалъ внезапный ужасъ; сердце колотилось такъ, что удары его отдавались въ шеѣ.—Сейчасъ мнѣ нельзя,—сказалъ онъ поспѣшно.—Сегодня нельзя. Завтра... завтра!

— Завтра—ужъ это вѣрно?—старикъ схватилъ его за полы.

— Завтра,—сухо отвѣтилъ Петруша и высвободилъ свою полу изъ костлявой руки.

Онъ торопливо побѣжалъ домой и засталъ Лушу всю въ слезахъ у люльки. Ося закатывалъ глазки, сжималъ кулачки и судорожно сучилъ ножками.

— Ахъ, кабы только у насъ былъ докторъ! Кабы Осенькѣ дать лѣкарства—ужъ онъ бы поздоровѣлъ! Ося, мой Ося! Я на себя руки наложу! Не умирай ты, Осенька, мой Ося!

Она съ крикомъ бросилась къ ребенку.

Петру невыносимо было это видѣть: онъ стоялъ и дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Хотѣлъ заговорить и не могъ: такъ пересохло у него въ горлѣ; а только дѣлалъ глотательныя движенія. Растерянымъ взоромъ глядѣлъ онъ въ колыбельку: тамъ лежало его дитя, вполнѣ на него

похожее; такъ и онъ когда-то лежалъ у матери, въ люлькѣ. У Оси, какъ и у него, не хватало мочки у лѣваго уха, и бровки точно такъ же сдвинуты были надъ носикомъ, и темные кудрявые волосы росли такъ же низко на лбу. Его дитя — его подобіе! Въ немъ вспыхнуло горячее желаніе сохранить ребенка.

Какъ расплавленный металлъ, падали ему на сердце слезы Луши, а ея рыданья рвали душу; шатаясь, точно пьяный, протащился онъ къ себѣ въ каморку.

Когда, черезъ минуту, онъ оттуда вышелъ, то былъ уже спокойнѣе. На лбу его выражалась рѣшимость, губы было плотно сжаты.

Онъ сказалъ Лушѣ, что раннимъ утромъ приведетъ доктора.

А потомъ опять вышелъ изъ дому и побѣжалъ, какъ отъ погони. Онъ хотѣлъ добрымъ дѣломъ обезпечить себѣ покровительство небесъ.

Онъ зналъ, куда идти: на Шнейдеровъ дворъ. Варварѣ было плохо, она никакъ не поправлялась. Уже два раза сова по ночамъ ухала передъ ея окошкомъ; проливая крокодиловы слезы, старуха разсказала объ этомъ по всей деревнѣ; впрочемъ, ея жалобы относились болѣе къ собственному нарушенному сну, чѣмъ къ страданіямъ снохи; даже когда она завязывала уши платкомъ, сложеннымъ втрое, все же сквозь щели въ глинобитной стѣнѣ до нея долетали стоны молодой женщины и крики изголодавшагося ребенка. Варюха лихорадила да лихорадила; не разъ уже пыталась она встать, но, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, падала съ криками боли.

Осторожно, ощупью, Петръ добрался по двору до дверки у хлѣва. Оттуда слышались писк ребенка и звуки слабаго голоса, говорившаго:

— Молчи, ш-ш-ш... погоди, вотъ папа придетъ. О, Господи, если онъ не скоро придетъ, такъ я ужъ не доживу... Ш-ш-ш! Ш-ш-ш!...

Полная тоски рѣчь оборвалась на долгомъ вздохѣ. Вѣдь это говорила умирающая! Петръ испугался. Онъ тихо прокрался къ окошечку и заглянулъ въ него.

Она сидѣла въ постели, заткнувъ себѣ за спину единственную подушку; она была такъ слаба, что не могла держать голову прямо, а свѣшивала ее то направо, то налѣво.

Происшедшая въ ней перемѣна наводила грусть. Она не подурнѣла, нѣтъ, а стала, можетъ быть, еще красивѣе, чѣмъ была когда-либо. Болѣзнь и горе сдѣлали ея лицо болѣе тонкимъ; обыкновенно загорѣлая кожа побѣлѣла и пріобрѣла серебристый отливъ перламутра. Волосы не были туго натянуты, а пышнѣе лежали на головѣ; во взглядѣ же большихъ, широко раскрытыхъ глазъ было нѣчто неземное.

Петра пронизалъ морозъ. Онъ тихонько стукнулъ въ дверь и одновременно вошелъ.

Варя съ удивленіемъ повернула голову и узнала его не сразу. Но потомъ по лицу ея скользнулъ радостный лучъ, и она, взявши, уже не выпускала его руку.

— Какъ славно, что вы пришли навѣстить меня... Ахъ, это славно!

Онъ наклонился къ ней и постарался смѣхомъ и шуткою замаскировать разстроганность.

— Ну, полно, Варюха, полно! Да, когда хозяина дома нѣтъ, тогда нашъ братъ настолько въ пору, какъ дождикъ въ маѣ. Ну-ка, Варюха!—Онъ ласково погладилъ ее по худой щекѣ.—Когда-то попляшемъ мы съ тобой?

Она осталась серьезной.

— Мнѣ уже слышалось, какъ ангелы Богу поютъ, а плясать-то врядъ ли придется.

— Боже избави!—сказалъ онъ съ испугомъ.—Вѣдь вы же не умирать собрались!

Она посмотрѣла на него со скорбной улыбкой.

— Сдѣлайте мнѣ одолженіе, мнѣ такъ хочется, напишите нѣсколько словечекъ Лаврентію! Я ужъ сколько дней тутъ подстерегаю, не пройдетъ ли кто грамотный.—Она сдѣлала попытку сѣсть прямѣе, но печально покачала головой.—Встать-то не могу, все нутро точно разъѣхалось. Вонъ тамъ въ ящикѣ есть бумага и перо... Вонъ чернила... Пишите!

Съ тревожной поспѣшностью подгоняла она его. Она стала диктовать съ трудомъ, съ перерывами, для каждой фразы дѣлая новое усиліе.

При свѣтѣ крошечной лампочки Петруша написалъ:

«Дорогой Лаврентій! Кланяюсь тебѣ много тысячъ разъ! Нашъ махонькій лежитъ въ зыбкѣ и видитъ во снѣ своего тятю. Такъ давно не было отъ тебя вѣстей, мнѣ такъ хочется, чтобы ты вернулся, прежде чѣмъ»...

Тутъ Варя остановилась. Залившись горькими слезами, она закрыла себѣ лицо.

— Не реви, Варвара!—утѣшалъ Петръ мягкимъ голосомъ.

— Не буду, не буду!—Она снова прибодрилась.—Похерьте вотъ это, что въ концѣ писано, я не хочу ему туманить душу. Пишите-ка:

«Вѣстей отъ тебя давно не было, но полагаю, что ты здоровъ и живешь весело. День и ночь молю за тебя Бога, а я»...

Она дрожа перевела дыханіе:

«А я сейчасъ совсѣмъ молодцомъ».

Петръ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее.

— Нѣтъ, нѣтъ! Не пишите, что хвораю,—сказала она быстро.— Вотъ это: «молодцомъ», чтобы повиднѣе было, пусть онъ порадуется.

«Прощай, мой дорогой Лаврентій. Навѣки твоя Варвара».

Она въ изнеможеніи откинулась навзничь, лицо покрылось мертвой блѣдностью, губы стали бѣлыми, она была въ полуобморокѣ.

— Варюша, Варюша!—Петръ взялъ ее за локоть.—Что съ вами? Вамъ бы чего-нибудь покрѣпче! Нешто ужъ нечего здѣсь выпить?

Она покачала головой.

— Ничего нѣтъ,—сказала она беззвучно.

Она лежала въ своей жалкой постели, много дней уже неперетряхаемой, лежала безкровная и безпомощная, какъ умирающая.

Дитя принялось кричать, она озабоченно взглянула на люльку. Петръ взялъ запеленутую фигурку и положилъ ее къ ней на грудь; дитя запищало, разѣвая ротикъ.

— У меня больше нѣтъ молока,—сказала она тихо.

Лицо у Петра задергалось, онъ поблѣднѣлъ и покраснѣлъ, подозрительно оглядѣлъ всѣ углы, затѣмъ быстро полѣзъ въ карманъ и положилъ передъ нею три звонкихъ талера.

— Вотъ вамъ, купите себѣ, чего вамъ надо! — сказалъ онъ сдавленнымъ голосомъ.

Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ она смотрѣла на него, не понимая.

Онъ кивнулъ.

— Завтра приведу доктора, самаго лучшаго, какой только есть, нашъ Осичка боленъ. Тогда и вамъ можно что-нибудь прописать для здоровья.

Внезапная краска покрыла ея лицо. Въ потухшихъ глазахъ засверкало, она схватила его руку и, прежде чѣмъ онъ успѣлъ отдернуть, поцѣловала ее.

— Спасибо, спасибо! Самъ Господь Богъ заплатитъ вамъ... Петруша... какой вы...

Она была совершенно внѣ себя, смѣялась и рыдала, притянула его къ себѣ и стала его цѣловать своими увядшими безкровными губами; ея поцѣлуи холодили ему лобъ, точно снѣгъ.

— Благодарю васъ, благодарю много тысячъ разъ, Петруша! Неужели это правда? Деньги... деньги... три талера!—Она ласковымъ движеніемъ прижала монеты къ щекѣ.—Теперь я могу купить кое-что у Крумшейда и брать молока для ребенка каждый день! А сама-то я...— Она схватила голову въ обѣ руки.—Ко мнѣ придетъ докторъ! Я бу

здорова... опять увижу Лаврентія! Іисусъ, Марія, Іосифъ! Ахъ, Петруша, Петруша!

Онъ медленно опустился на колѣни у ея кровати, повинуясь суевѣрному трепету и, вмѣстѣ съ тѣмъ, радостному блаженству благотворенія.

Ея руки соединились надъ его головой: она молилась, трогательнымъ голосомъ призывая на него благословеніе небесъ. Онъ не осмѣливался шевельнуться. Ему казалось, будто въ заброшенную каморку проникло вѣяніе небесъ, благоухающее, чистое, святое. Не взвились ли ангелы на большихъ крыльяхъ къ небу, неся въ золотой чашѣ благодарныя слезы бѣдной Варюши? А его доброе дѣло, подъ видомъ голубя, летѣло впередъ.

Онъ чувствовалъ себя сильно потрясеннымъ и стоялъ, какъ пораженный громомъ. Вся мука послѣднихъ недѣль, страхъ и работа по ночамъ, опыты и думы, старанія добиться успѣха, сомнѣнія и боязнь, безумная радость, смѣнявшаяся ребячьей пугливостью—все это вмѣстѣ вдругъ закипѣло, забушевало въ его мозгу.

Варя молилась, и бурныя мысли вдругъ стали спокойнѣе, точно волны морскія, политыя масломъ.

Слезы полились у него изъ глазъ, слезы облегченія; онѣ бѣжали по его худому лицу и капали на нищенскую постель.

X.

Надъ Эйфельшмитомъ прошла зима, засыпая его сугробами. Пришло и прошло Рождество, приведя домой мужиковъ, а съ ними принеся радость въ избы, музыку, звонъ стакановъ и кухонные ароматы—въ трактиръ. Крещеніе положило конецъ веселью: послѣ него, на утро, опять ушли мужики, и деревнею завладѣло безпредѣльное зимнее безмолвіе, погрузивши ее въ глубокій сонъ. Теперь хотѣла наступать весна.

Изъ-подъ прѣлаго влажнаго слоя буковыхъ листьевъ пробивался ясминникъ, въ особенно укромныхъ мѣстечкахъ робко выглѣзали побѣги, а на мертвыхъ еще придорожныхъ деревьяхъ гомонили скворцы.

«Послѣ Срѣтенія весна приходитъ,—говорятъ въ Эйфелѣ.—Тепло или холодно, а дни все длиннѣе, и ногамъ вольготнѣе».

Святой Матвѣй проломилъ ледъ, по залитымъ водою лугамъ на берегахъ Зальмы весело заплавали деревенскія утки.

Варюша работала на участкѣ свекра. Сильными руками раскалывала она мотыкою землю, переворачивала глыбы, разрыхляла и разбивала жесткіе комья и неутомимо гнула спину. Порою она оста-

навливалась ненадолго, чтобы перевести духъ, и испытующимъ взглядомъ осматривала горные склоны.

Еще никто въ деревнѣ и не думалъ о весеннихъ работахъ, а однако всѣ вѣдь знали: «По снѣгу посѣешь—урожай соберешь». Вотъ лодырничаютъ теперь въ избахъ, въ нижнихъ юбкахъ, да и ночныхъ кофтахъ, и храпятъ до полудня! Серьезно, почти укоризненно, останавливался Варваринъ взглядъ на деревнѣ; она качала головой, потомъ плевала на ладонь, вновь бралась за мотыку и работала дальше, пока развѣваемые вѣтромъ волосы не прилипали къ потному лбу.

Къ Гертрудину дню должно быть вскопано поле, и Лаврентій можетъ быть спокоенъ; у него есть кому работать для ребенка и старыхъ родителей.

Щеки ея окрасились горячимъ румянцемъ, губы гордо улыбнулись. Оживившись, съ новыми силами она такъ ударила мотыкой, что еще не оттаявшій верхній слой далъ глубокую трещину, изъ которой поднялся влажный, возбуждающій землистый ароматъ. Мускулы ея рукъ напряглись, рельефно выступили подъ рѣденькимъ ситцевымъ платьемъ; она работала, какъ мужикъ.

Теперь она уже не дѣлала роздыховъ; точно машина, правильно, безъ утомленія поднимала и опускала она кирку, проходя борозду за бороздой. Капли пота падали въ разлыхленную землю, которая жадно всасывала теплую влагу. Съ быстротой молніи нагибалась она между двумя ударами, чтобы то тамъ, то тутъ, поднять камешекъ съ поля, который потомъ, пущенный съ силой, летѣлъ по скалистому склону, отскакивая, перевертываясь и съ грохотомъ увлекая за собою внизъ другіе камни. Гулкое эхо отдавалось въ тихой долинѣ, безмолвіе усиливало звуки, превращая ихъ чуть не въ громъ. Сверху, съ горнаго кряжа глухо отдавалось сонное эхо. Сорныхъ мѣстъ на пашнѣ становилось все менѣе и менѣе, ихъ блѣдно-зеленыя пятна исчезали одно за другимъ,—и вотъ равномѣрная чернота дошла до края дороги. Въ деревнѣ послышались жиденькіе звуки колокола; благовѣстъ звонко донесся вверхъ по чистому воздуху; со вздохомъ удовлетворенія Варя въ послѣдній разъ ударила мотыкою. Шабашъ на сегодня!

Завтра опять начнетъ сначала, и послѣ завтра, и еще и еще, пока комья суглинка—она наклонилась и раскрошила одинъ комъ въ рукѣ—не станутъ мелки какъ мука; тогда она будетъ довольна. Тогда соберетъ и хорошій урожай: достаточно картофелю и немного ржи. Что скажетъ Лаврентій, если она скопитъ денегъ на покупку козы? Какъ здорово будетъ козье молоко для ребенка да и для стариковъ! Пожалуй, удастся купить и поросенка, котораго, откормивши, можно будетъ продать въ Витлихѣ, на базарѣ.

Задумчиво блуждалъ взоръ молодой женщины вдали, теряясь въ синевато-сѣромъ туманѣ по ту сторону горъ. Тамъ былъ Лаврентій, далеко-далеко. Выраженіе любовной тоски смягчило суровыя линіи ея рта. Наступитъ ли такое время, когда ихъ не будетъ раздѣлять столько горъ, столько лѣсовъ, столько водъ?

Варюха выпрямилась, глубокій вздохъ приподнялъ ея грудь: это время должно было придти.

Она пригладила себѣ волосы мозолистой рукой, потянула головной платокъ на лобъ, подняла на плечо свою мотыку и быстро пошла къ спуску. Рѣзко обрисовалась ея фигура на фонѣ свѣтлаго горизонта. Она какъ будто выросла, настолько высокой и сильной казалась она въ этой обстановкѣ. Поспѣшнымъ шагомъ пошла она по тропинкѣ, внизъ къ деревнѣ, громко топая своими грубыми подкованными башмаками. Было одиннадцать часовъ, и старики уже ждали, чтобы она пришла и сварила обѣдъ. Оба сильно одряхлѣли за эту зиму: свекоръ все лежалъ въ постели, а языкъ свекрови утратилъ половину своей остроты; они хныкали, точно ребята, когда что дѣлалось не по-ихнему.

А мальчишка-то! Счастливая улыбка украсила серьезное лицо молодой женщины. Ахъ, онъ уже признавалъ мать! Когда она приходила, онъ топалъ ноженками, протягивалъ ручки и не хотѣлъ больше сидѣть у бабушки. Она шла все быстрѣе и быстрѣе и уже очутилась въ долинѣ, на дорогѣ. Однако, несмотря на поспѣшность, она увидѣла на краю рва молодые листики подорожника: ихъ полезно было приложить къ ранѣ на ногѣ свекрови; обрадовавшись, она стала на колѣни и сорвала ихъ. А вотъ и первые стебли цикорія,—она быстро за нихъ схватилась,—вотъ еще и еще въ травѣ! Выйдетъ салатъ для стариковъ, вкусный, какъ у господъ на столѣ, да еще и кровь разбиваетъ.—Она усердно стала рвать.

Вдругъ она подняла голову и насторожилась. До ея ушей долетѣлъ стонъ: не бѣда ли съ кѣмъ случилась? Она окликнула.

Опять стонъ, а затѣмъ ругательство. Лишь теперь она разсмотрѣла: во рву, на днѣ, лежалъ кто-то и безуспѣшно старался взобраться по его крутымъ откосамъ. Занявшись сборомъ травъ, она и не замѣтила этого человѣка.

Онъ былъ пьянъ! Безстрашно подошла она ближе и подала ему руку.—Іисусе!—сказала она невольно и замерла, точно вкопанная: это былъ Петруша.

— Что стала ротъ разинувши, баба?—заворчалъ онъ.—Не видишь что-ль, что мнѣ не выбраться? Не знаю... пожалуй, я всю... всю... ночь... провалялся здѣсь...—закончилъ онъ плаксиво.

На то было похоже. Куртка и штаны были замазаны сверху до низу. Онъ весь вывалялся въ тинѣ. Шапки на немъ не было, засохшая въ волосахъ грязь заставляла ихъ торчать во всѣ стороны; нѣсколько прядей, въ видѣ сосулекъ, свѣшивались ему на блѣдно-желтое лицо; губы были синія, глаза точно стеклянные; хмѣль изъ него еще не вышелъ.

Молча нагнулась она къ нему и протянула ему руку. Онъ уцѣпился за нее своими затекшими пальцами, но весь такъ закоченѣлъ, что едва могъ шевелиться. Онъ чуть не стащилъ ее къ себѣ въ ровъ.

— Вотъ, вотъ!—ухмыльнулся онъ.—Тебя поцѣловать, что-ль? Влюблена, какъ и всѣ бабы!—Онъ чмокнулъ растрескавшимися губами.—Поцѣлуй меня, плутовка!—Тутъ онъ съ испугомъ откачнулся:—чортъ возьми, да это Варвара!

— Миффертъ!—сказала она твердо.—Не будьте такимъ дуракомъ! Вотъ, хватайтесь за мотыку! А вотъ и другая моя рука! Держитесь крѣпче, держитесь! Разъ, два, три—я выволоку васъ оттуда!

Она уперлась ногами и съ силой потянула. Неспособный выбраться самъ, онъ безвольно далъ себя тащить. Очутившись наверху, онъ, точно колода, опустился на колѣни на краю рва.

— Петруша!—сказала она съ огорченіемъ.—Неужели правда, что говорятъ въ селѣ? Вы пьянствуете? Петруша,—она взяла его подъ мышки и подняла на ноги,—мнѣ не хочется вѣрить тому, что про васъ толкуютъ. Плюньте-ка вы на эту Христю и на всѣхъ бабъ и посидите дома! Вы себя губите! Какой вамъ толкъ отъ вашихъ денегъ.

— Хочешь денежекъ?—выговорилъ онъ и сталъ нащупывать карманъ.

— Нѣтъ.—Она удержала его руку и посмотрѣла на него съ сердечнымъ участіемъ.—Не надо денегъ. Вы и такъ сдѣлали мнѣ много добра; ваши три талера были для меня Божьей милостью, я рада бы за нихъ...

Онъ прервалъ ее громкимъ хохотомъ:

— Ха-ха-ха! милость Божья!

Зубы его стучали, его пробирала дрожь.

— Ступайте домой,—посовѣтовала она озабоченно:—вы простудились.—Господи, цѣлую ночь здѣсь во рву! Пойдемте, пойдемте!—Она хотѣла взять его подъ руку и повести, но онъ оттолкнулъ ее.

— Хочешь учить меня поведенію?! Убирайся отъ меня, ханжа! Мнѣ проповѣдей не нужно. Пошла, пошла!—Онъ забрыкалъ ногами и руками, потерялъ равновѣсіе и снова навзничь полетѣлъ въ ровъ.

Можетъ быть, онъ расшибся? Со страхомъ прождала она нѣсколько минутъ, затѣмъ взглянула внизъ. Онъ лежалъ, разинувъ ротъ, блѣдный, какъ мертвецъ; но вдругъ раздалось мѣрное храпѣніе.

Варюха побѣжала въ деревню: она забыла и про салатъ.

Съ силой постучавши въ дверь Миффертовой избы, она тутъ же и вошла.

— Луша, вашъ мужъ лежитъ...

Слова застряли у нея въ горлѣ. Передъ нею сидѣлъ жандармъ изъ Оберкайля и держалъ Лушу на колѣняхъ. Та вскочила съ нѣкоторымъ смущеніемъ.

— Что такое случилось?—съ досадой спросилъ жандармъ.

Варюха, запинаясь, проговорила:

— Вашъ мужъ лежитъ при дорогѣ, во рву. Пойдемте, пойдемте!

— И пусть себѣ лежитъ!—проговорилъ жандармъ, закручивая кверху усы.

— Но вѣдь онъ можетъ застыть до смерти! Онъ весь уже окоченѣлъ!

— Что это вы говорите?!—Луша таки стала прислушиваться и заставила подробно разсказать себѣ все происшествіе, причемъ съ ея лица ни на минуту не сходила веселая улыбка: во рву... цѣлую ночь? Господи, бѣдный Петруша! Да, ужъ онъ у насъ такой, всегда шляется повсюду! Варюша, будьте такъ добры, укажите мнѣ мѣсто!

Когда обѣ женщины вышли изъ избы, подошли Христя, Лизуха Вѣруха: онѣ видѣли, что Варька больно скоро пробѣжала. Глаза ихъ сверкали любопытствомъ:

— Что стряслось?

Луша сообщила.

— Петруша... въ канавѣ?!... Ха-ха-ха! — Христя согнулась отъ хохота и схватилась за бока, вскрикивая отъ смѣха; она такъ мотнула головой, что распустились ея темныя косы.

— Ха-ха-ха,—смѣялись Вѣрка и Лизка; и Луша присоединилась къ нимъ.

— Пойдемъ, его вытащимъ! Идемъ за нимъ, скорѣй!

Бѣгомъ, отчаянно визжа, размахивая волосами и юбками, дразня другъ друга и перегоняясь, кинулись онѣ за Варварой.

Петръ не въ первый разъ ворочался домой пьянымъ. Онъ завелъ обычай ходить изъ деревни въ деревню и сидѣть во всѣхъ трактирахъ.

Со времени «полученія наслѣдства», онъ уже совсѣмъ не работалъ; не то, чтобы онъ и раньше надрывался въ трудахъ, но время

отъ времени варганилъ всетаки кое-что, а починкою церковнаго паникадила даже прославился. Самъ священникъ публично, съ каѳедры, за это похвалилъ его.

— Теперь ему работать нѣтъ надобности,—говорила Луша и при этомъ самодовольно опускала глаза на свое прекрасное платье. Вскорѣ послѣ гульбы въ Оберкайлѣ, получилась ея матерія, и Петръ гордо выложилъ почтальону на подоконникъ восемь звонкихъ талеровъ, это были тѣ самыя старинныя монеты, которыя далъ ему взаймы Крумшейдъ,—монеты съ разными надписями по краямъ, какъ: «Съ нами Богъ», «Боже, благослови Саксонію», «Богъ, честь, отечество». На тѣхъ талерахъ, которые старикъ получилъ въ уплату долга, голова государя и надпись были менѣе явственны: монеты эти, вѣроятно, прошли ужъ черезъ очень много рукъ. На ощупь онѣ были даже какія-то жирныя и насѣчка на краяхъ совсѣмъ стерлась. Но это были полновѣсные талеры, и старикъ, ухмыляясь, заперъ ихъ къ себѣ въ ящикъ, счастливый тѣмъ, что получилъ свои деньги безъ дальнѣйшихъ напоминаній.

Странная непосѣдливость овладѣла Петромъ. Бывали ночи, когда онъ совсѣмъ не приходилъ домой; бывали и такія, когда онъ хотя и былъ дома, но, къ величайшему удивленію Луши, только на зарѣ являлся къ ней въ постель. Она привыкла къ тому и къ другому. Не имѣя обыкновенія ни надъ чѣмъ задумываться, она даже перестала его спрашивать:

— Скажи-ка, Петруша, что ты такъ долго возишься тамъ въ каморкѣ?

Онъ раза два на нее прикрикнулъ.

— Прикуси языкъ-то, не мѣшайся не въ свое дѣло!

Теперь она сладко потягивалась, когда слышала, что онъ еще двигается за стѣной, и, зѣвая, переворачивалась на другой бокъ.

Она всегда была весела; въ сердечной радости кидалась она къ нему на шею, когда онъ приносилъ что-нибудь изъ своихъ скитаній.

Онъ бывалъ то въ Оберкайлѣ, то въ Шпангъ-Далемѣ; одинъ день въ Грослитгенѣ, другой—въ Оберъ-Эфингѣ, сегодня — въ Мусвейлерѣ, завтра—въ противоположномъ направленіи, въ Бетенфельдѣ; по сю сторону, въ Ландшейдѣ, и по ту сторону, въ Хуператѣ; то тутъ, то тамъ, по всѣмъ деревушкамъ; добѣгалъ даже до Мандершейда и еще далѣе, до Дауна. Его знали во всей округѣ, и близко, и далеко. Кабатчикамъ бывалъ пріятенъ его приходъ: онъ такъ свободно выкидывалъ блестящій талеръ на столъ: вотъ получите! Иногда онъ мѣнялъ деньги у какого-нибудь мужичка, который былъ радъ

взять звонкую серебряную монету вмѣсто своихъ позеленѣвшихъ мѣдяковъ, потертыхъ грошиковъ.

Нужды они уже не знали, однако Петръ имѣлъ жалкій видъ; никогда не проваливались такъ глубоко его глаза; робко и уныло опускалъ онъ въ землю взгляды, которые вспыхивали только послѣ нѣсколькихъ стакановъ водки. Тогда его мрачные глаза разгорались, точно ярко-пылающіе угли; въ безумномъ весельи ударялъ Петруша по столу: «Мнѣ все—ни почемъ!»

И затѣмъ онъ пилъ и пилъ, пока не утрачивалъ всякаго соображенія и ноги не начинали у него заплетаться. Дождь и снѣгъ не протрезвляли его; прихрамывая, тащился онъ по пустымъ дорогамъ и по темному лѣсу, среди ночного мрака. Онъ говорилъ самъ себѣ безумныя рѣчи, кричалъ, громко ругаясь на деревья, и размахивалъ руками, точно помѣшанный. Одежда висѣла на немъ, какъ на вѣшалкѣ; лицо все исхудало, и всетаки бабы липли къ нему, какъ рѣпьи. Сегодня одна, завтра другая. Христя совсѣмъ овладѣла имъ; она вилась вокругъ него, точно пламя по сухому дереву: и вытягивалась, и лизала, пока онъ не вспыхивалъ. Когда разгорался и онъ, то забывалъ о всѣхъ своихъ печаляхъ, правда, лишь на минуты; но ради этихъ минутъ онъ угождалъ ей во всемъ.

Она была ненасытна и требовала то того, то другого: брошку, бантъ, кольцо, фартукъ, лакомствъ и душистой помады.

Онъ долженъ былъ провожать ее то туда, то сюда. Она ласкалась и дулась, обѣщала и отказывала, и, когда, наконецъ, измучившись, онъ кричалъ:

— Оставь меня въ покоѣ, убирайся прочь!

Она хохотала ему въ лицо:

— Самъ убирайся! Бѣги къ своей Лушкѣ: тамъ можешь смотрѣть, какъ она милуется съ Оберкайльцемъ!

Она говорила правду. Когда онъ въ первый разъ засталъ жандарма у Луши, то заревѣлъ отъ безсмысленно-ревниваго бѣшенства. Замахиваясь кулаками, онъ сыпалъ дикими угрозами:

— Вонъ, вонъ! Я васъ убью!... я... вонъ!... сію минуту убирайтесь!

Жандармъ уже уходилъ съ видомъ оскорбленнаго достоинства; только на порогѣ онъ обернулся еще разъ и погрозилъ указательнымъ пальцемъ облеченной въ замшевую перчатку правой руки:

— Берегитесь! Оскорбленіе начальства наказывается тюрьмою. Вы въ особенности... вы...

При этомъ онъ плюнулъ.

Петру показалось, что взглядъ его пристально остановился на двери кладовой.

— Вы вообще не слишкомъ-то громко разговаривайте, будьте повѣжливѣе, а то я еще доберусь до васъ!... Обломъ этакій!

Быстро захлопнувъ дверь, онъ торопливо покинулъ негостепріимную избу.

— Что это онъ сказалъ?—закричалъ Петруша на Луцію, вращая глазами.

— Уймись, Петруша, уймись!

Она испугалась мужа.

— Чтобъ я берегся?... Онъ до меня доберется?! — бормоталъ Петръ, а потомъ заревѣлъ:—Что онъ говорилъ про кладовку, отвѣчай!

Она посмотрѣла на него съ недоумѣніемъ и въ смущеніи пролепетала:

— Мнѣ... мнѣ... онъ говорилъ, чтобы мы вошли туда вмѣстѣ... тамъ...

— Чортъ побери!

Петръ тяжеловѣсно обрушился на табуретку и склонилъ голову на руку. Такъ онъ долго просидѣлъ, не двигаясь, точно каменный.

Луша воспользовалась его молчаніемъ. Теперь она взяла верхъ; съ большой многорѣчивостью, полусердито, полусмѣясь, стала она упрекать его за грубость:

— Охъ, Господи! Стоитъ мнѣ только съ кѣмъ сказать словечко, какъ ты ужъ изъ себя вонъ выходишь! Что теперь подумаетъ о насъ господинъ жандармъ? Никогда нельзя знать, что будетъ: отъ сумы да отъ тюрьмы не отказывайся! И всегда лучше безъ непріятностей съ начальствомъ.

— Безъ непріятностей съ начальствомъ,—повторилъ онъ за ней и передернулся, точно отъ озноба.

Съ той поры онъ вѣжливо привѣтствовалъ Оберкайльца, когда случайно заставалъ его у себя въ избѣ. Но его блѣдное лицо выражало при этомъ столько скрытой злобы, что красавецъ-жандармъ предпочелъ бы встрѣчаться съ Лушей подъ открытымъ небомъ. Если бы только не было такъ холодно! Мифферть былъ ему ужасно непріятенъ, точно такъ же, какъ и онъ Мифферту; оба ходили одинъ вокругъ другого, осторожно разнюхивая, точно лисицы вокругъ западни.

«Должна же когда-нибудь настать весна, даже и въ этомъ проклятомъ краю! — утѣшалъ себя жандармъ. Тогда буковый л[ѣ]съ

могъ бы стать пріятнымъ мѣстомъ для свиданій и удобно сидѣлось бы на мягкомъ мху.

Онъ проводилъ еще первую зиму въ Эйфелѣ, и она казалась ему безконечной да и до смерти скучной со своими громадными снѣжными заносами, отрѣзавшими горную мѣстность отъ всякаго сообщенія съ внѣшнимъ міромъ.

«Теперь скоро ужъ весна будетъ! — утѣшалъ себя и Петруша. Тогда не такъ трудно будетъ путешествовать отъ деревушки къ деревушкѣ, удобнѣе станетъ ходить по дорогамъ и высыпаться послѣ выпивки въ лѣсу.

«Весна!»—съ восторгомъ взвизгивали и бабы, которыя бѣжали по лугамъ, чтобы вытащить пьянаго.

Въ воздухѣ ощущались сырыя испаренія, запахъ свѣжей зелени и рыхлой земли. Онѣ вдыхали его, раздувая ноздри; лица ихъ были красны, пылая отъ удали. Съ крикомъ сорвала Христя у себя съ шеи платочекъ и распустила его по вѣтру, точно флагъ.

— Весна! Эй! Ау! Петруша! Куда ты запропалъ?

Съ плутовскимъ смѣхомъ она пронзительно запѣла:

«Въ маѣ, въ маѣ, въ маѣ
Всего милѣй вдвоемъ...»

— Тише! — сказала Варюха и обернулась. — Брось дурацкую пѣсню! Не слышишь развѣ жаворонка? Слушай! Это—Божья птаха.

На одномъ изъ ближнихъ кустиковъ сидѣлъ жаворонокъ. «Ти-ри-ли, ти-ри-ли!» Махая крылышками, онъ приподнялся и вдругъ пустился кверху, какъ стрѣла; описывая круги, взлетая все выше и выше къ небу, онъ залился своей ликующей пѣснью.

— Жавороночекъ, жавороночекъ!—закричали дѣвушки и, хлопая въ ладоши, точно бѣшеныя кинулись на лугъ.

Обѣими руками вырывали онѣ короткую траву и бросали ее другъ другу въ лицо, такъ что она дождемъ сыпалась на ихъ волосы и плечи; онѣ бѣгали туда и сюда со смѣхомъ и визгомъ, растаптывая тяжелыми кованными башмаками нѣжные всходы травы.

Луша немного отстала. Эти худышки бѣжали уже слишкомъ скоро. Кромѣ того, она увидала нѣсколько желтыхъ цвѣтковъ львинаго зѣва, обрадовавшись, сорвала ихъ и воткнула себѣ въ волосы: развѣ они не блестѣли, какъ чистое золото? Яркіе цвѣты привѣтливо кивали надъ темными косами.

Едва увидѣла Христя это украшеніе, какъ сорвала у ней цвѣты съ головы. Луша со смѣхомъ ругнулась и захватила назадъ свое до-

бро; завязалась настоящая борьба, полушутливая-полусерьезная потасовка. Наконецъ, Христя бросила измятые стебли.

Ноги женщинъ равнодушно растоптали ихъ.

Варюха далеко опередила прочихъ; вотъ она остановилась и ждала отставшихъ. Сдвинувъ брови, смотрѣла она на нихъ и съ досадой закричала:

— Идите же, идите! Полно баловаться!

— Баловаться?—Христя насмѣшливо засмѣялась и дерзко подняла носикъ, такъ какъ Варвара на голову была выше нея.—Что ужъ ты такъ важничаешь, Ленцова Варька! Вѣдь мы хорошо знаемъ, кто ты такая.

Съ хихиканьемъ подтолкнула она Вѣрку, а Вѣрка — Лизку, а Лизка—Лушу.

Густой румянецъ окрасилъ щеки Варьки, но она не сказала ничего, а опустила серьезный взглядъ на Христю.

— Ха-ха!—снова начала Христя (она хорошо поняла значеніе взгляда и разозлилась).—Ты еще хочешь учить насъ? Ты? Думаешь, что попала подъ вѣнецъ наканунѣ родовъ, такъ тебѣ и можно? Экая дура! Узнаютъ сову по полету, хотя бы она и пѣла соловьемъ, ха-ха-ха!

Дѣвушки разразились хохотомъ; засмѣялась и Луша своимъ чуждымъ раздумья радостнымъ смѣхомъ.

— Луша, пойдемте!—сказала Варюха и взяла ее за локоть.—Ну ее, эту Христю! Однимъ тухлымъ яйцомъ все тѣсто изгадишь.

— Ой, ой!—Христя схватила Лушу за другую руку.—Ни съ мѣста! Что брешешь, Ленцова Варька? Тухлое яйцо... Это про кого? а?—Она сердито двинулась впередъ, глаза ея сверкали.—Ахъ ты кислятина, ханжа! Да какъ ты смѣешь! Въ тихомъ омутѣ черти водятся. Поверни-ка языкъ-то, подхалюза, да скажи намъ, почему это я тухлая? Тухлая!—Она сжала кулаки.—Говори!—Она затопала ногами.—Говори!

— Не тронь...,—я и не желаю трогать,—спокойно сказала Варюха и замолчала.

Теперь смѣющіяся были на ея сторонѣ. Взвизгивая отъ восторга, Вѣрка и Лизка обнялись; Луша пріятельски повисла на ея рукѣ.

Жалкая и униженная, шла Христя позади; другой бабѣ она вцѣпилась бы на шею и обработала бы ей шкуру ногтями; но на эту она не рѣшалась кинуться. Эта шла такъ спокойно и увѣренно своей дорогой, ведя за собой трехъ прочихъ, точно такъ и слѣдовало.

Христя прижмурила глаза, точно подстерегающая кошка; пе[illegible]

Варькой она пасовала, но съ Лизкой и Вёркой, а особенно съ Лушей, она посчитается!

— Теперь пришли!—сказала Варюха и указала на кустъ на краю канавы.—Подъ кустомъ, внизу, лежитъ онъ.

Она сострадательно нагнулась, но отскочила съ крикомъ удивленія. Внизу, дѣйствительно, храпѣлъ Петръ; только рядомъ съ нимъ, поджавъ ноги, сидѣла баба, накинувши юбку на голову, причемъ ярко-красная исподница раздулась, точно громадный макъ. Гертруда!

Съ торжествующей улыбкой посмотрѣла она вверхъ на озадаченныя лица подошедшихъ: Петрушина голова лежала у нея на колѣняхъ.

Четырехголосный крикъ былъ отвѣтомъ на улыбку. Въ одинъ прыжокъ Христя очутилась внизу; за нею кинулись Вѣра и Лиза, а затѣмъ Луша. Во рву образовалась какая-то каша изъ тѣлъ, путаница рукъ и ногъ, начались брань и хохотъ, борьба и толкотня. Варюха поглядѣла съ минуту, да и повернула назадъ.

Быстрыми шагами шла она прочь, но не доходя до деревни, оглянулась еще разъ: тихій воздухъ доносилъ до нея гомонъ, гулъ, точно шло цѣлое войско.

Вотъ онѣ показались вдали, въ яркомъ сіяніи мартовскаго солнца, точно въ золотой дымкѣ. Въ центрѣ двигался Петръ; одна его толкала, другая тянула; и такъ онъ, шатаясь, шелъ впередъ.

Перевела **В. Кошевичъ.**

(Окончаніе слѣдуетъ).

* * *

Близка, близка весна! Свѣтлѣе
И глубже неба синева,
И на пригоркахъ, зеленѣя,
Ужъ показалася трава.
Вчера она была подъ снѣгомъ,—
Теперь она на свѣтъ глядитъ,
И молодымъ ея побѣгамъ
Лучами солнце жизнь сулитъ.
Какъ только солнце ярче взглянетъ
Съ тепломъ ласкающихъ лучей,—
Она поднимется и встанетъ,—
Цвѣты разсыплются по ней...
А вотъ и птицъ веселыхъ стая
Высоко въ небѣ пронеслась!
Вставай, земля моя родная,—
Ты воскресенья дождалась!..

Ив. Бѣлоусовъ.

ПЕРЕДЪ РАЗСВѢТОМЪ.

Новелла Владислава Реймонта.

(Съ польскаго.)

I.

— Который часъ?

— Десять уже пробило.

— Теперь я слышу... слышу ясно.

— То лишь послѣднее эхо звучитъ въ коридорахъ.

— ...Четыре, пять!

— И дождь журчитъ въ водосточной трубѣ.

— ...Семь... сейчасъ умретъ часъ... восемь... подождите, сестра, подождите... девять... я боюсь, онъ безжалостно приближается... десять! Его уже нѣтъ... онъ уже канулъ въ вѣчность... онъ уже не возвратится, нѣтъ... Какъ мнѣ его жаль! А вамъ, сестра, не жаль умершихъ часовъ?

— Все въ Богѣ.

— Вамъ не жаль, сестра, умершихъ людей, деревьевъ и звѣрей?

— «Во Мнѣ воскреснешь весь»,—сказалъ Господь.

— Сказалъ Господь...—повторилъ онъ, какъ эхо.

— Христіанинъ долженъ вѣрить въ это.

— Я вѣрю... но... но мнѣ жаль,—шепнулъ онъ тревожно, и его глаза наполнились неудержимыми слезами.

— Но мнѣ жаль умершихъ лѣтъ...—повторилъ онъ и устремилъ глаза во мракъ, заливающій больничную залу.

Бѣлый чепецъ сестры колебался въ темнотѣ, словно крылья какой-то птицы, а изъ этой темноты рѣзко выдѣлялись ея руки, бѣлыя, съ длинными пальцами, молитвенныя руки. Зерна четокъ монотонно падали внизъ со страннымъ, проникновеннымъ звукомъ.

— ...И тѣхъ, которые умрутъ до конца свѣта.

Онъ повернулся, почувствовавъ ея взглядъ на себѣ, острой бдительности, который чернымъ, лоснящимся лучомъ прорѣзывалъ мракъ и падалъ на его чело горячимъ поцѣлуемъ.

Молчаніе вокругъ, тишина умирающихъ часовъ, тишина тѣней, прицѣпившихся къ этимъ стѣнамъ.

Въ открытую дверь была видна больничная зала, бѣлая дорожка скорби, тонущая въ болѣзненномъ свѣтѣ масляныхъ лампочекъ, которыя обливали тусклыми лучами головы больныхъ.

— Уснуть и не пробудиться, уснуть...

Но сонъ не приходилъ, онъ снова открывалъ глаза и скользилъ ими по стѣнамъ, по чепцу сестры, по ея молитвеннымъ рукамъ, и тонулъ тамъ... блуждалъ среди уснувшихъ.

Онъ слышалъ дыханіе всѣхъ, стоны сквозь сонъ, біеніе сердца, дыханіе притаившейся тревоги, нѣмые крики умирающихъ очей, призывы гибнущихъ. Болѣзненнымъ, ужасающимъ ритмомъ звучали эти голоса въ его сердцѣ и вздымали его грудь несказанной болью.

А потомъ ему показалось, что онъ идетъ среди этихъ человѣческихъ лохмотьевъ, по этому мусору душъ, сквозь рыдающія немощи человѣчества... сквозь необъятную пустоту, въ которой жило только издыхающее эхо жалобъ.

— И умерли печали...

— И умерли надежды...

— И вся боль человѣческая...

— Бѣжать! бѣжать!—кричалъ ужасъ и страхъ, и боль схватила его и вырвала изъ пустоты, и держала надъ пропастями, вползла въ него суставчатымъ туловищемъ, металась у него внутри и раздирала раскаленными когтями.

— Сестра! сестра!

Нѣтъ, онъ не могъ взывать, не могъ вырвать изъ себя крика, не могъ двинуться, онъ призывалъ помощь только глазами, затекшими кровью, кричалъ страхомъ и отчаяніемъ, умиралъ въ мукѣ... а она въ глубокомъ сосредоточеніи перебирала зерна четокъ и лобзала очами ликъ Христа, висящій на стѣнѣ.

Онъ чувствовалъ, что умираетъ, что еще минута... что онъ уже колеблется надъ краемъ небытія, что онъ уже катится, падаетъ внизъ.

Да, это она идетъ по больничной комнатѣ, она... одежда ея соткана точно изъ угасшаго свѣта... глаза цвѣта умершихъ водъ, бездонная пропасть, страшная воронка... бездна... идетъ. Она наклоняется надъ койками... идетъ дальше... сіяетъ улыбкой... ни лица ея не видно, ни устъ, а эта ужасная улыбка изливается изъ нея, мелькаетъ надъ головами умирающихъ, наполняетъ всю больницу,

вьется въ темнотѣ, какъ молнія гибели... какъ трупный свѣтъ, проникаетъ ему въ сердце и разливается по немъ милліардами острыхъ, холодныхъ, ужасающихъ огоньковъ.

— Смерть! Нѣтъ, нѣтъ!—крикнулъ онъ, обезумѣвъ, и сорвался съ койки. Онъ опомнился, потому что все изчезло; монахиня снова уложила его и дала ему лѣкарства.

Боль прошла, а онъ лежалъ въ полнѣйшемъ безсиліи, какъ бы на днѣ безпамятства, и только украдкой блуждалъ взоромъ по стѣнамъ, цѣплялся за дѣйствительность, какъ тонущій вырывался изъ пучины и съ отчаяніемъ хватался за соломинку надежды. Онъ еще не вѣрилъ, что живъ, не зналъ, гдѣ онъ, можетъ быть, уже тамъ... устрашенныя призракомъ смерти мысли клубились въ немъ хаосомъ видѣній, клубкомъ разорванныхъ картинъ, волною, которая съ шумомъ отступала и появлялась снова, но заливала его и погружала все въ болѣе и болѣе глубокую боязнь.

— Я существую? Я существую?...—возставалъ въ немъ вопросъ, а потомъ картина больницы, монахини и больничной обстановки, все сильнѣе подавляла волну взбудораженныхъ мыслей, налаживала разстроенныя нервы и смиряла хаосъ.

— Сестра!...—боязливо бросилъ онъ, какъ бы въ пустоту, увѣренный, что ему отвѣтитъ молчаніе.

Сестра подошла къ нему.

Онъ смотрѣлъ на нее, какъ на маякъ собственнаго воображенія, какъ на тѣнь собственныхъ мыслей и стремленій.

— Темно, темно...—шепнулъ онъ, тревожно осматриваясь вокругъ.

— Я прибавлю лампу.

Онъ весь вздрогнулъ; онъ слышалъ ясно: то былъ голосъ извнѣ, несомнѣнно то былъ голосъ живого существа. Онъ долго молчалъ и съ радостью поглощалъ увѣренность подтвержденія жизни.

— Я спалъ?

— Очень крѣпко.

Теперь у него уже не было сомнѣнія: онъ слышалъ ея слова; этотъ голосъ, мягкій, заботливый и звучный, разливалъ по всѣмъ его жиламъ радостное тепло существованія.

— Который часъ?

— Одиннадцать.

— Я проспалъ цѣлый часъ. Да, теперь я знаю, что существую, знаю...

Сестра прибавила огонь въ лампѣ, радостный свѣтъ залилъ комнату, скользнулъ по стѣнамъ, заискрился въ мѣдныхъ украшеніяхъ

койки, обрисовалъ болѣе рельефно всѣ контуры, извлекъ краски изъ букета, стоящаго возлѣ койки, и доказывалъ его сомнѣвающимся, пытливымъ глазамъ, что все это дѣйствительность.

Когда сестра подавала ему лѣкарство, онъ схватилъ ея руку и началъ цѣловать ее въ наивысшемъ восторгѣ счастія.

— Я не умеръ, сестра, я живу! живу!

Она вырвала у него руку и отступила въ глубину комнаты, чтобы скрыть странный румянецъ, смѣшанный со слезами радости.

Онъ чувствовалъ себя хорошо, боль его какъ бы исчерпалась и обезсилѣла подъ ударомъ неизмѣримаго счастья существованія, и только затаилась гдѣ-то въ глубинахъ памяти. Съ неимовѣрнымъ наслажденіемъ онъ тряхнулъ головою, протянулъ ноги и даже оправилъ волосы на головѣ. Онъ могъ снова двигаться безъ мученій, и это повергло его въ состояніе такой блаженной, безсмысленной, дѣтской радости, что онъ даже началъ насвистывать вальсъ, а потомъ ему захотѣлось говорить, пѣть, спорить, даже ссориться съ кѣмъ-нибудь.

«Зачѣмъ она молчитъ? Отчего не говоритъ со мною?» думалъ онъ и смотрѣлъ на сестру такъ долго, проницательно и рѣзко, что хотя она не видала его взора, румянецъ снова выползъ изъ-подъ чепчика и покрылъ ея лицо.

— Знаете что, сестра, я чувствую себя великолѣпно, такъ хорошо, что черезъ два дня выпишусь отъ васъ.

Она на минуту подняла голову, такъ что онъ только подхватилъ, выкралъ ея взглядъ, полный скорбнаго страха и острой жалости.

И его охватилъ гнѣвъ.

Реветъ, а ничего не говоритъ. Отчего она не говоритъ съ нимъ? отчего не смотритъ на него?

— Сестра, отчего вы не говорите со мною? Отчего не смотрите на меня?

— Я молюсь.

— Мнѣ вы больше нужны, чѣмъ Богъ.

. . . . . .

— Вамъ легче?

— О, мнѣ совсѣмъ хорошо, совсѣмъ, но было страшно, такъ страшно, что я уже думалъ...

— Безъ воли Божіей ничего быть не можетъ. Богъ не хотѣлъ еще призвать васъ, и это Его милосердіе, что вы не умерли безъ исповѣди... Нужно благодарить Его за это.

— Какимъ образомъ?—спросилъ онъ невѣрнымъ шопотомъ.

— Исповѣдаться. И вы увидите, что скорѣе справитесь съ о-

лѣзнью. Милость Господня укрѣпитъ вашу душу и одолѣетъ болѣзнь.

— Нѣтъ, нѣтъ, зачѣмъ?... Исповѣдоваться и издыхать? Нѣтъ, я хочу жить. Пожалуйста, не говорите мнѣ объ этомъ. Не мучьте меня... Мнѣ не нужно ни прощенія, ни милости, мнѣ нужна жизнь, а этого мнѣ не дастъ ваша вѣра, нѣтъ... Я ненавижу, проклинаю за всѣ человѣческія слезы... Слышите, сестра? Да! пусть я издохну навѣки, но я проклинаю!—кричалъ онъ съ такимъ раздраженіемъ, что впалъ почти въ безпамятство, не сводилъ глазъ съ свѣтящихся мѣдныхъ украшеній кровати, и все громче кричалъ и проклиналъ.

— Іисусе! Тише! Тише!—и молитвенными, испуганными руками она закрывала ему уста, чтобы онъ не богохульствовалъ, но онъ схватилъ ее зубами такъ крѣпко, что она съ крикомъ вырвала руку и упала на колѣни.

— О, Господи всемилостивый, сжалься надъ нами! О Господь любви, услышь вопль мой! Услышь голосъ души моей и прости ему! Прости ему, Господь, потому что болѣзнь омрачила душу его! Святой и безсмертный, о, Боже мой, слезами сердца, страшною любовью, болью, покорностью взываю къ тебѣ, прости! Смилуйся надъ нимъ!

Она взывала дрожащимъ, глубокимъ голосомъ, четки жемчужныхъ слезъ струились изъ ея прекрасныхъ очей, а лицо свѣтилось величайшимъ экстазомъ мольбы, любви, отчаянія и страха. Она дрожала, потрясенная ураганомъ страха и всею мощью вдохновенія повергала свою чистую душу къ стопамъ Господа и кровью сердца вымаливала милосердія для грѣшника.

Онъ онѣмѣлъ.

Онъ свернулся въ клубокъ и устремилъ въ ея лицо воспаленные глаза, дрожащій голосъ охватывалъ его огнемъ, радостью, силой, а эти слезы отчаянія, которыя она проливала за него, этотъ пламенный крикъ вѣрующей души сладострастнымъ огнемъ ходилъ по его костямъ и ускорялъ біеніе сердца. Онъ не слыхалъ словъ, не понималъ ихъ, онъ все смотрѣлъ на сестру, на ея чудное лицо и цѣловалъ его глазами.

— Не стоитъ молиться за меня,—прошепталъ онъ съ трудомъ, потому что ослѣпляющая, отвратительная страсть такъ потрясла его, что онъ едва могъ перевести дыханіе.

Монахиня сѣла на прежнее мѣсто, и снова монотонный, тихій шелестъ спадающихъ зеренъ четокъ задрожалъ въ тишинѣ комнаты, а ея глаза, глаза бдительной тревоги и печали, полные еще необсохшихъ слезъ, лобзаніями падали на его лицо... По временамъ они тревожно и глубоко всматривались въ окно, туда, гдѣ долженъ былъ

показаться разсвѣтъ, но за окномъ еще была глухая ночь, неясныя очертанія дрожащихъ отъ холода и потопленныхъ во мракѣ деревьевъ, и зловѣщій, таинственный шопотъ темноты.

— Вы удивительно прекрасны, сестра, — снова прошепталъ онъ и приподнялся на подушкахъ.—Да, неслыханно прекрасны. Подъ этой ужасной одеждой скрываются чудеса, я предчувствую ихъ, даже вижу, вижу... Онъ остановился, потому что у него опять не хватило голоса.

Она вскочила со стула, уменьшила огонь лампы и усѣлась какъ можно дальше отъ него.

— Года три тому назадъ, въ Парижѣ... мы устроили попойку, знаете, этакую оригинальную... были женщины... Вы прекрасны, сестра, а одна, Марьета, была очень похожа на васъ... Потомъ адъ, безуміе, океанъ распущенности... страшный водоворотъ ошалѣлой страсти..

. . . . . .

Монахиня вышла и закрыла за собою дверь.

Онъ не видалъ этого, горячка охватила его мозгъ кровавою волною огня. Онъ лежалъ какъ бы на днѣ самого себя, въ ужасающей пустотѣ, во мракѣ, а разнузданный мозгъ выбрасывалъ автоматически, безъ его воли и сознанія, все болѣе и болѣе страшные картины, все болѣе и болѣе отвратительныя подробности, всѣ грѣхи жизни и воображенія, всѣ скверны.

Но вдругъ онъ замолчалъ и открылъ глаза, потому что какое-то спазматическое, страшное рыданіе проникало сквозь закрытыя двери.

— Это она плачетъ, но почему? почему?

И онъ чувствовалъ, что это рыданіе подавляетъ его неимовѣрной тяжестью, что каждая ея слеза, какъ раскаленная капля металла, падаетъ въ его сердце, прожигаетъ насквозь, и течетъ дальше, разъѣдающею струею огня, палящаго огня.

— Боже мой! Боже!... и страшное угрызеніе вонзило свою чешуйчатую голову въ его душу, и высасывало ее, такъ страшно высасывало, что онъ терялъ сознаніе и впадалъ въ дремоту, полную мучительныхъ видѣній, или становился лицомъ къ лицу съ такою поражающею дѣйствительностью, что съ крикомъ срывался съ мѣста, протягивалъ руку за помощью, и снова падалъ въ ужасающія объятія полусна, въ ослизлыя, ядовитыя объятія муки.

Привело его въ себя лѣкарство и руки сестры, отирающія его влажный лобъ.

— Это вы, сестра?

Она наклонилась надъ нимъ, поправляя его подушки, слезы свѣтящеюся струйкой катились по ея лицу, а губы дрожали, какъ лепестки розы.

— Который часъ?

— Двѣнадцать.

— Полночь! И мой часъ приближается.

— Все въ рукѣ Божіей.

. . . . . .

— Я умру на разсвѣтѣ!—вдругъ воскликнулъ онъ такъ рѣзко, что сестра выронила изъ рукъ четки и посмотрѣла на него.

— Хорошо, хорошо... на разсвѣтѣ... я пойду...—говорилъ онъ тихо, все тише, какъ будто отвѣчалъ на запросы, идущіе изъ глубинъ ночи... оттуда, съ той стороны.

— Пойду,—шепталъ еле слышно, и передъ душою его раскрылись безграничные горизонты, безконечныя поля вѣчности... Это туда, гдѣ брезжитъ свѣтъ отчаянія, пурпурный разсвѣтъ неумолимости,—туда плыветъ безчисленная толпа на гибель.

...И вотъ знакомые, а теперь, пожалуй, и незнакомые; вотъ какъ будто свои, а на самомъ дѣлѣ не свои... вотъ близкіе и далекіе, вотъ никогда невиданные, вотъ никогда не предчувствованные; вотъ умершіе океаны, цвѣты, животныя... все это вмѣстѣ смѣшивалось въ потокъ жалобъ и текло по всѣмъ тропинкамъ міровъ, по всѣмъ путямъ звѣздъ, по всѣмъ мечтаніямъ мысли.

Вызженныя слезами очи онъ возносилъ къ разсвѣту, и взоры его шли въ смертельной тишинѣ ожиданія, въ молчаніи тайны.

А тихое дыханіе его жалости вѣяло надъ ними, какъ палящій вихрь.

...И плакали души умершихъ цвѣтовъ.

...И плакали души срубленныхъ деревьевъ.

...И плакали души убитыхъ животныхъ.

...И плакали души изсохшихъ водъ.

...И плакали души порожденныхъ и умершихъ.

...И плакали души звѣздъ угасшихъ.

...И плакали души всѣхъ вещей.

...И плакала сама смерть и выла дикая пѣснь,—страшная пѣснь богохульства, пѣснь возмущенія противъ Него.

Но они текли неудержимо по тѣмъ неумолимымъ путямъ непреложности, черезъ пропасти трепета, черезъ страшныя пустыни сгоранія, черезъ водовороты черныхъ угасшихъ звѣздъ, черезъ дождь умирающихъ солнцъ, зелено-ужасныхъ, распадающихся солнцъ, изъ которыхъ сыпались огненнымъ дождемъ осколки кроваваго шлака,

и, словно тяжелыя слезы умирающей вселенной, падали среди темноты, въ неизмѣримую глубину, въ глубину непонятную... до самаго разсвѣта, падали на его сердце.

. . . . . .

— Иду... иду...—взывалъ онъ, и очами, въ которыхъ была только бездна покорности, шелъ за ними, гнался за этою безконечною волною и не могъ двинуться съ мѣста... Толпы шли черезъ него, тянулись по его мозгу страшнымъ хороводомъ, перекатывались черезъ его сердце, какъ воды океановъ, какъ крикъ всѣхъ гибнущихъ существъ, звучали у него въ душѣ, а онъ то поднимался, то опускался въ самомъ себѣ, боролся съ самимъ собою, и, побѣжденный тяжестью собственнаго трупа, столько лѣтъ царящаго надъ нимъ, оставался, словно крабъ послѣ ухода волны, на краешкѣ жизни, колебался, но не падалъ въ глубину, уже умирающій, но еще не умершій, не трупъ и не живое существо, скорѣе видѣніе, чѣмъ человѣкъ... Блѣдный контуръ существованія, фосфоресценція гнилушки.

Онъ зналъ, что умираетъ, что лежитъ въ больницѣ, но что еще существуетъ, и словно какая-то эманація дѣйствительности,—камни стѣнъ, комнаты, коекъ, свѣта лампъ, фигуры монахини,—бросали грубую и болѣзненную тѣнь на его сознаніе, держала его какъ бы въ когтяхъ, не позволяла выйти и слиться съ видѣніями и пропасть съ ними вмѣстѣ.

Величайшимъ напряженіемъ воли онъ очнулся, видѣнія уплыли въ сѣрую даль, расплылись во мракѣ, а онъ тихимъ, растроганнымъ голосомъ запѣлъ:

«Кто отдастъ себя подъ покровительство Господа своего».

Какіе-то отдаленные, неизслѣдованные уголки мозга выбросили изъ себя эту пѣснь, подхваченную когда-то въ дѣтствѣ, но онъ самъ при звукѣ собственнаго голоса ожилъ и совершенно пришелъ въ себя.

II.

— Который часъ?

— Первый.

— До разсвѣта еще далеко?

— Далеко.

— Потому что на разсвѣтѣ я непремѣнно умру. Я знаю, что меня уже ничто не спасетъ. Знаете, зачѣмъ деревья такъ смотрятъ въ окна?

— Вѣтеръ колышетъ ими.

— Нѣтъ, нѣтъ... онѣ стерегутъ меня, онѣ смотрятъ на меня... онѣ знаютъ, что... Что это?

Крикъ долгій, болѣзненный, потрясающій крикъ разорвалъ тишину и долго боролся съ эхомъ среди нѣмыхъ стѣнъ больницы.

Монахиня торопливо вышла, но тотчасъ же возвратилась.

Онъ указалъ ей рукою кресло и сказалъ глазами:

— Я знаю, умеръ тотъ, изъ перваго этажа... Я зналъ объ этомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—боязливо противилась монахиня, скрывая лицо въ тѣни чепчика.

Онъ добродушно улыбнулся.

— И я умру на разсвѣтѣ,—тутъ онъ началъ прислушиваться къ тишинѣ, въ которой шелестѣли деревья за окнами, прислушиваться къ звукамъ ночи и къ отголоскамъ чьихъ-то, едва слышныхъ шаговъ.

— Кто ходитъ по двору?

— Тамъ никого нѣтъ.

— А всетаки смерть не безпробудный сонъ, нѣтъ!—сказалъ онъ и сѣлъ на койкѣ.—Нельзя признавать причину и считать ее глупою. Мельничные жернова могутъ быть только символомъ жизни. Правда, сестра?

— Да, да.

— Вы жили когда-нибудь?

Она снисходительно посмотрѣла на него.

— Мнѣ кажется, что множество душъ приходятъ раньше времени, какъ цвѣты, обманутые теплымъ мартовскимъ днемъ... не развившіяся почки засыплетъ снѣгъ... они, можетъ быть, уцѣлѣютъ и расцвѣтутъ въ пору настоящей весны, въ другой жизни, но большее число изъ нихъ замерзаетъ вѣчною смертью раньше, чѣмъ познаютъ, что они живутъ... Правда, сестра?

— Да, да.

Покой счастія непостижимою сладостію разлился по немъ.

У него ничего не болѣло; ни тѣло, ни малѣйшая мысль; онъ чувствовалъ въ себѣ умиротворяющую безвлажность горнаго озера, безсиліе мертвой воды, не тревожимой ни малѣйшимъ дуновеніемъ вѣтра, подчиненной глухой мощи безмѣрнаго спокойствія, не спящей и не умершей, а безсильной въ глубочайшей своей сущности и опускающейся невидимо, безсознательно, но медленно и постоянно въ какую-то таинственную глубину.

Его самочувствіе, его самосознаніе незамѣтно таяли и уменьшались, и уже только немногія мысли и немногіе образы сновали въ его головѣ, какъ отраженія ослѣпшаго зеркала.

Только въ сердцѣ у него была сладость, сладость августовскаго солнца и охваченныхъ морозомъ левкоевъ, сладость тихой жертвы слезъ.

— Я хотѣлъ бы пройтись по комнатѣ... Хорошо?

Она помогла ему встать, надѣла на него бѣлый, теплый халатъ; крѣпко взяла подъ руку и повела медленно, съ трогательною заботливостью.

— Разъ... два... теперь лѣвою ногою, смѣлѣй... вотъ такъ... о, великолѣпно!... У насъ есть силы.

— Нѣтъ, у меня уже нѣтъ силъ... Я сяду на креслѣ у окна.

Сестра посадила его какъ можно удобнѣе. Онъ сидѣлъ долго, безсмысленно всматриваясь въ ночь и, наконецъ, шепнулъ:

— Торопиться мнѣ нужно, сестра... право, нужно торопиться!

Онъ придвинулъ къ себѣ цвѣты, и съ глубокимъ блаженствомъ прикасался устами къ яркимъ лепесткамъ и впивалъ ихъ замирающее благоуханіе.

— Это очи тайны. У дѣтей бываетъ такой же взглядъ, а иногда у умершихъ.

Онъ наклонился къ окну и долго, пытливо всматривался въ ночь.

Глухой, влажный шумъ вихря наигрывалъ печальный гимнъ на согбенныхъ, всклокоченныхъ деревьяхъ, а тамъ... въ безднахъ, какъ тяжелые сны больного, переваливались едва различимыя тучи.

— До разсвѣта еще далеко?

— Далеко.

— Вы плачете, сестра?

— Я только молюсь.

— Молитва, это — томительный вопросъ души, брошенный въ безконечность: «Существуешь ли Ты?»

— Нѣтъ, нѣтъ... это—мольба сердца: «Услышь меня!»

Онъ не отвѣтилъ, потому что какое-то еще неясное, еще не распознаваемое воспоминаніе выглянуло изъ темноты и залило его тихою, меланхолическою жалостію, а когда онъ понялъ, четки слезъ разсыпались по его исхудалому лицу.

— Вы плачете? Можетъ быть, бокъ болитъ?

— Жалость у меня болитъ, сестра, старая жалость.

Онъ высыпалъ изъ портмоне всѣ деньги и несмѣло обратился къ ней:

— У меня къ вамъ просьба.

Она подняла на него глаза.

— Столько есть бѣдныхъ дѣтей... дѣтей нищихъ... дѣтей стра-

но бѣдныхъ и заброшенныхъ, которыми никто не занимается... Вы встрѣчали такихъ?

— Такихъ несчастныхъ слишкомъ ужъ много.

— Вотъ деньги, онѣ мнѣ совершенно не нужны... Возьмите ихъ и купите такимъ дѣтямъ игрушекъ... Знаете, сестра, лошадокъ, сабель, куколъ, телѣжекъ... Они, навѣрно, никогда не видали этого въ своихъ рукахъ... игрушекъ никто имъ не даетъ... я знаю это... Я всею душою прошу васъ... Хорошо?

— Хорошо!—шепнула она сквозь слезы.

— Я знаю это... потому что у меня самого никогда не было игрушекъ. Мнѣ уже никого и ничего не жаль, одно только жаль, что въ дѣтствѣ никто не далъ мнѣ ни одной игрушки... Вы знаете, сестра, что я цѣлые года мечталъ о жестяной саблѣ и сѣрой лошадкѣ на полозьяхъ, цѣлые годы тосковалъ и лилъ моря горькихъ слезъ, но мнѣ никто не далъ ихъ. И если слезы залили мою жизнь, то, можетъ быть, только потому, что мнѣ недоставало улыбающихся воспоминаній дѣтства.

Онъ замолкъ, потому что изъ темноты приплылъ глухой ударъ часовъ.

— Который часъ?

— Два.

— Ночь уже блѣднѣетъ, разсвѣтъ приближается... Правда?

— Я не вижу разницы, темно, какъ и было,—поспѣшно отвѣтила монахиня.

Наступило молчаніе.

Сестра засмотрѣлась на страдальческій, измученный ликъ Христа, а больной впился глазами во мракъ и пытливо слѣдилъ за нимъ. Изъ-за грубой завѣсы тѣней уже медленно выдѣлялись уродливыя, безформенныя группы деревьевъ и едва чувствуемые контуры домовъ. Разсвѣтъ былъ еще далеко, но хотя и незамѣтно, а всетаки вливалъ первые проблески въ земную темноту, ползалъ среди тучъ, безсильно нагромоздившихся на небѣ, и пропитывалъ ихъ слезливою ясностью.

— И вы улыбнетесь имъ, сестра!—шепталъ онъ снова, перенося глаза на ея лицо,—улыбнетесь доброй, солнечной улыбкой. Дѣтей надо любить, нужно ихъ брать на руки, ласкать, цѣловать... Они живутъ любовью. Вы поцѣлуете ихъ, сестра?

— Я сдѣлаю все, все!

— Меня никто не любилъ,—добавилъ онъ шопотомъ и потомъ простоналъ, закрывая глаза:—какъ мнѣ рѣжетъ глаза этотъ свѣтъ!

Монахиня такъ нервно повернула винтъ лампы, что та совсѣмъ угасла. Они утонули во мракѣ.

Она опустилась на колѣни и горячо молилась, а онъ погружался въ тихій сонъ.

Онъ пробуждался каждую минуту, безсознательно поглядывалъ въ окно, отъ времени до времени дѣлалъ какой-нибудь безцѣльный жестъ, то хотѣлъ идти, то усиливался думать, что-то припомнить, удержать себя на узкомъ откосѣ жизни, съ которой неумолимо скатывался, и... и засыпалъ.

. . . . . .

Свѣтлѣе... все свѣтлѣе...

Разсвѣтъ.

Тише! Тише!

Пусть отдыхъ придетъ для утомленныхъ; пусть сонъ сомкнетъ очи бдящихъ; пусть забвеніе утишитъ страдающія сердца.

Птица смерти такъ сладко убаюкиваетъ ко сну.

Пробуждайтесь, умершіе, ибо наступаетъ неумолимый страшный часъ.

А живые пусть спятъ, пусть подкрѣпляются тѣмъ, чего не знаютъ.

Вотъ ужъ и разсвѣтъ для ожидающихъ.

И избавленіе отъ муки.

И радость воскресенія!

И брачная жизнь въ Господѣ.

. . . . . .

Наступилъ разсвѣтъ.

Рѣзкій блескъ залилъ все пространство и цвѣтистою пылью зорь моросилъ на темную землю, на согбенныя, сонныя деревья, на прижавшіяся другъ къ другу лица, на сомкнутыя очи цвѣтовъ, на затуманенные сномъ глаза водъ и... на безсильно свѣсившуюся голову больного.

Вдругъ онъ поднялся, заглянулъ въ свѣтящуюся глубь зорь и прошепталъ:

— Разсвѣтъ! Разсвѣтъ!

И, словно подрубленное дерево, онъ свалился на руки монахини.

В. Л

Разладъ между уголовнымъ закономъ и народнымъ обычаемъ на Кавказѣ и его вліяніе на преступность *).

III **).

Въ самомъ началѣ 1801 года было присоединено къ нашимъ владѣніямъ царство грузинское, въ составъ котораго входили нѣсколько полузависимыхъ горскихъ племенъ осетинъ (туальтцевъ), пшавовъ, хевсуръ, тушинъ, хевцевъ, мтіулетцевъ, гудамакарцевъ и нѣсколько татарскихъ племенъ, такъ называемыхъ, татарскихъ дистанцій. Манифестъ императора Александра I объяснялъ и мотивы этого присоединенія. «Не для приращенія силъ, не для корысти, не для расширенія предѣловъ и такъ уже обширнѣйшей въ свѣтѣ Имперіи, пріемлемъ Мы на Себя бремя управленія царства Грузинскаго,—объявлялъ великодушный монархъ,—единое достоинство, единая честь и человѣчество налагаютъ на Насъ священный долгъ, внявъ моленію страждущихъ, въ отвращеніе ихъ скорбей учредить въ Грузіи правленіе, которое могло бы утвердить правосудіе, личную и имущественную безопасность и дать каждому защиту закона».

Одновременно съ изданіемъ этого манифеста, 12 сентября 1801 года было утверждено и Положеніе объ управленіи Грузіею. Оно было составлено гр. П. А. Зубовымъ, знакомымъ съ Грузіею по донесеніямъ мѣстныхъ военныхъ начальниковъ.

Грузіи, раздѣленной на 5 уѣздовъ, было дано управленіе, сходное съ общимъ губернскимъ. Въ каждомъ уѣздѣ были учреждены: *управы земской полиціи*—для производства полицейскихъ розысковъ и предварительныхъ слѣдствій, и *уѣздный судъ*—для всѣхъ дѣлъ гражданскихъ и уголовныхъ въ качествѣ суда первой инстанціи; а въ Тифлисѣ: *экспедиція суда и расправы*—въ качествѣ второй, апелляціонной и ревизіонной инстанціи, и *верховное грузинское правительство*—въ качествѣ высшаго судебнаго и

*) *Русская Мысль*, 1904 г., кн. IV.

**) Эта глава и слѣдующая составлены исключительно по архивнымъ документамъ, указаннымъ въ нашемъ трудѣ „Гражданское управленіе Закавказьемъ".

административнаго учрежденія. Отношеніе «верховнаго правительства» къ правительствующему сенату и прочимъ государственнымъ установленіямъ опредѣлено не было. Всѣ учрежденія составлялись изъ русскихъ чиновниковъ и депутатовъ отъ грузинскаго дворянства.

Гражданскій и уголовный процессы предписано было производить во всѣхъ судахъ по общимъ законамъ, но рѣшенія по дѣламъ гражданскимъ основывать на мѣстныхъ обычаяхъ и законахъ царя Вахтанга VI, а по дѣламъ уголовнымъ только на законахъ имперіи, при чемъ, однако, главнокомандующему предписывалось «сообразить сіи законы съ *умоначертаніемъ* народа и представить мнѣніе свое на всевысочайшее усмотрѣніе. Долгъ главнокомандующаго облегчать жребій и самыхъ преступниковъ *благостью* законовъ россійскихъ».

Инородцамъ Грузіи, т.-е. перечисленнымъ выше горцамъ и татарамъ, дабы не смутить ихъ перемѣною правительства, предоставлено было управляться «по прежнему», подъ присмотромъ «обычныхъ» *моуравовъ* изъ грузинскихъ князей, съ тѣмъ, однако, чтобы и эти инородцы за преступленія и проступки, «впредь до выработки новыхъ положеній, сообразованныхъ съ умоначертаніемъ народнымъ», привлекались къ уголовнымъ судамъ для сужденія по законамъ имперіи.

Со введеніемъ новаго управленія надлежало упразднить царскій *диванъ*, въ которомъ сосредоточивалось военное, судебное, административное и финансовое управленія царствомъ, и наслѣдственныхъ управителей волостей—*моуравовъ*, бывшихъ единственными органами мѣстнаго управленія, съ судебною и полицейскою властью.

Весною 1802 г. новыя учрежденія были открыты и снабжены подробнѣйшими инструкціями, въ которыхъ, впрочемъ, не было ничего, кромѣ выписокъ изъ устава Благочинія и другихъ уставовъ имперіи. Провѣдавъ о содѣянномъ преступленіи, чиновникъ полиціи долженъ немедленно произвести розыскъ и узнать, «надъ кѣмъ учинено, кѣмъ учинено, что учинено, когда учинено, гдѣ учинено, какъ учинено, чѣмъ учинено», и, допросивъ преступника, арестовать его и отправить къ суду. Судъ, послѣ продолжительныхъ разслѣдованій и обрядностей, долженъ сообразить учиненное съ Уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича, воинскимъ артикуломъ Петра I и прочими узаконеніями и подвергнуть виновнаго: кнуту и каторгѣ, если онъ совершилъ *воровство-грабежъ*, или иное, болѣе важное преступленіе, плетямъ черезъ палача и ссылкѣ въ Сибирь, если онъ совершилъ кражу на сумму болѣе 100 руб., и тюремному заключенію, если онъ совершилъ проступокъ меньшей важности.

Легко себѣ представить, въ какое недоумѣніе пришли грузинскіе князья и дворяне, засѣдавшіе въ судебныхъ коллегіяхъ, а за ними и все населеніе, увидавъ эти судебныя преслѣдованія безъ жалобы потерпѣвшаго, эту вереницу судебныхъ инстанцій, это множество формъ и обрядовъ судопроизводства и, наконецъ, эти наказанія, которыя должны были увѣрить туземцевъ «въ благости россійскихъ законовъ». Къ счастію для

Грузіи здѣсь не было на первыхъ порахъ ни ревнивыхъ блюстителей закона—прокуроровъ, ни контроля правительствующаго сената. Роль сената падала на верховное грузинское правительство, т.-е. главнымъ образомъ на правителя Грузіи и главнокомандующаго, для которыхъ умиротвореніе края и соображенія цѣлесообразности, пользы и исторической умѣстности имѣли во всякомъ случаѣ бо̀льшую цѣну, чѣмъ охраненіе чистоты и незыблемости закона. Благодаря этому, переходъ къ русскимъ уголовнымъ законамъ былъ въ значительной степени смягченъ административною и судебною практикою, которая дѣлала многочисленныя уступки народной жизни.

Ни первый главнокомандующій Кноррингъ, ни его знаменитый преемникъ Ціціановъ не рѣшились упразднить моуравовъ и, оставляя безъ вниманія всѣ протесты капитанъ-исправниковъ, смотрѣли сквозь пальцы на юрисдикцію этихъ непризнанныхъ закономъ властей, которые продолжали судить за кражи и иныя преступленія меньшей важности, взыскивая съ виновнаго въ пользу казны, потерпѣвшаго и въ свою пользу штрафы, установленные обычнымъ правомъ. Точно также не рѣшились они ввести въ Грузіи ссылку въ каторжныя работы и на поселеніе, а тѣмъ болѣе кнутъ и плети, замѣнивъ всѣ эти наказанія отдачею въ рабочія команды, учрежденныя при военно-инженерныхъ постройкахъ и при грузинскомъ мѣдномъ заводѣ въ Памбакѣ. Независимо отъ этого Кноррингъ присвоилъ себѣ право конфирмаціи приговоровъ для смягченія наказаній и предписалъ начальнику уголовной экспедиціи «воздерживаться отъ требованій, неумѣстныхъ въ землѣ, гдѣ порядокъ образованныхъ государствъ еще невѣдомъ»; а Ціціановъ пошелъ еще далѣе и отмѣнилъ всѣ формальности судопроизводства, за исключеніемъ апелляціонныхъ сроковъ, «такъ какъ сіи благотворныя препоны», которыя служатъ гарантіями личныхъ и имущественныхъ правъ гражданъ въ государствахъ Европы, «представляются здѣсь загадками, кои выводятъ туземцевъ изъ терпѣнія и вмѣсто благодарности производятъ единый ропотъ».

Такъ своеобразно и постепенно, безъ законодательной санкціи и безъ обычныхъ комитетовъ и коммиссій прилаживался русскій уголовный законъ къ «умоначертанію» грузинскаго народа; и это было совершенно необходимо, такъ какъ прямолинейное выполненіе закона вызывало всеобщій ропотъ и оказывалось нерѣдко или возмутительнымъ, или курьезнымъ. Такъ, напримѣръ, душетскій исправникъ для удовлетворенія потерпѣвшаго продалъ, на точномъ основаніи закона, съ аукціоннаго торга 17 быковъ за 1 руб. и о таковомъ «подвигѣ» своемъ тотчасъ же донесъ начальству. Ціціановъ возмутился. «Поступокъ вашъ нахожу несообразнымъ—писалъ онъ исправнику,—какъ 17 быковъ за 41 руб. продали! Гдѣ производилась продажа! Гдѣ публика была о продажѣ! и какъ грузины, не знавшіе русскаго языка, могли производить публичный торгъ, когда они ни правилъ, ни о второмъ разѣ, ни о третьемъ разѣ и объ ударѣ молоткомъ и понятія не имѣютъ!»

Донося объ изъятіяхъ изъ закона, допущенныхъ имъ въ силу необходимости, Циціановъ представлялъ государю, что нашъ судъ съ множествомъ формальностей и инстанцій приводитъ въ отчаяніе народъ», привыкшій къ суду близкому, скорому и рѣшительному, хотя бы и не всегда справедливому». «Колико препонъ въ судопроизводствѣ!—восклицалъ онъ,—для нихъ все ново, для насъ все странно; судья и проситель не понимаютъ другъ друга и оба расходятся недовольными». Такой разладъ препятствуетъ сближенію Грузіи съ Россіею, и посему,—заключалъ Циціановъ,—«сколь ни справедливо то уваженіе, что нужно когда-либо сближать нравы туземцевъ съ россійскими узаконеніями, но, дабы успѣть въ семъ предположеніи, я думаю, что *законы должны изгибаться по нравамъ*, ибо сіи послѣдніе едиными вѣками преломляются» *).

Но и за всѣми этими уступками, нашъ процессъ и уголовные законы продолжали служить источникомъ всеобщаго неудовольствія, тѣмъ болѣе, что послѣ смерти Циціанова въ Грузію былъ назначенъ губернскій прокуроръ, и дѣятельность верховнаго грузинскаго правительства подпала подъ нѣкоторый контроль сената. Въ 1806 году князья грузинскіе послали своему соотечественнику извѣстному генералу Багратіону слѣдующее коллективное письмо: «Мы желаемъ служить россійскому Императору до пролитія капли крови, но нижайше просимъ: 1) суду быть въ Грузіи по здѣшнему обычаю, поелику не вѣдаемъ ни россійскаго языка, ни законовъ; 2) князьямъ, во взаимность услугъ ихъ, пожалованы моуравства надъ казенными селеніями, и быть имъ въ семъ вѣчно, а потому капитанъ-исправники не нужны; 3) съ вора взыскивать по закону царя Вахтанга, а не предавать уголовному сужденію, отчего общество много терпитъ». Еще дальше идетъ всеподданнѣйшее прошеніе грузинскаго дворянскаго собранія 1810 года: «Чувствуя милосердіе вашего императорскаго величества, осмѣливаемся, какъ вѣрные подданные, припадая къ священнымъ стопамъ вашимъ, всеподданѣйше просить воззрѣть на сіе моленіе наше. Въ судебныхъ рѣшеніяхъ письмоводители изображаютъ блаженной памяти предковъ вашихъ императорскіе указы, кои помрачаютъ разумъ нашъ и вводятъ насъ въ великое стѣсненіе. Почему просимъ поставить съ нашей воли выбранныхъ нами судей, кои, слѣдуя законамъ царя Вахтанга, не продолжая суда съ года на годъ, будутъ рѣшать дѣла на грузинскомъ языкѣ; а суду *уголовному* никто бы не могъ быть предаваемъ, какъ *только измѣнники и смертоубійцы*. Еще просимъ, дабы не лишали насъ моуравствъ, такъ какъ моуравы не только защищали мужиковъ и никому не давали въ обиду, но и пресѣкали между ними споры, чѣмъ избавляли ихъ отъ дальнихъ волокитъ въ судѣ и убытковъ». Это прошеніе было послано на заключеніе главнокомандующаго Тормасова, который полагалъ: уѣздные суды уничтожить; дѣла, не влекущія по законамъ ссылки въ Сибирь, предоставить суду моуравовъ, дѣйствующихъ подъ контролемъ правителя Грузіи, а дѣла

*) Всеподданѣйшій рапортъ кн. Циціанова 19 февраля 1804 г.

большей важности разсматривать непосредственно въ экспедиціи суда и расправы, приговоры которой утверждать главнокомандующему, съ правомъ смягченія наказаній. Проектъ Тормасова не встрѣтилъ сочувствія у министра внутреннихъ дѣлъ кн. Куракина и былъ оставленъ безъ послѣдствій. Но Тормасовъ не успокоился. Онъ не могъ быть равнодушнымъ къ тому, что наши законы совершенно не соотвѣтствуютъ народнымъ понятіямъ, что приговоры нашихъ судовъ отталкиваютъ отъ насъ населеніе и дѣлаютъ ему ненавистнымъ наше владычество. Глухая, безличная борьба между историческимъ обычаемъ и чуждымъ закономъ нашла свое отраженіе въ его борьбѣ съ прокуроромъ Плахотинымъ, который, опираясь на букву закона и совершенно игнорируя требованія цѣлесообразности и умѣстности, изводилъ главнокомандующаго, представляя ему о незаконности его же распоряженій. Тормасовъ дошелъ до того, что, наконецъ, арестовалъ Плахотина, за что навлекъ на себя высочайшій выговоръ. Но нужно вникнуть въ положеніе заботливаго начальника края, созданное такимъ разладомъ. Посмотрите, съ какимъ раздраженіемъ во времена Ермолова пишетъ знаменитый правитель Грузіи Вельяминовъ I губернскому прокурору Соколову. «Вы напрасно безпокоили себя пространными выписками изъ законовъ, кои были и прежде весьма хорошо мнѣ извѣстны. Невозможность дѣйствовать въ здѣшнемъ краѣ на точномъ основаніи законовъ россійскихъ уже признана правительствомъ; и протестъ вашъ противъ облегченія участи преступника, сдѣланнаго мною по соображенію съ мѣстными обстоятельствами, столько же неумѣстенъ, сколько же мало дѣлаетъ вамъ чести, поелику, кажется мнѣ, приличнѣе прокурору заботиться о смягченіи наказаній, нежели объ умноженіи жестокости оныхъ. Прошу васъ на предбудущее время не безпокоить меня подобными напоминаніями, а доносить, буде вамъ угодно, прямо министру юстиціи, передъ которымъ я дамъ отчетъ какъ въ моихъ распоряженіяхъ, такъ и въ дѣйствіяхъ вашихъ». Чтобы развязать себѣ руки, Тормасовъ возбудилъ ходатайство о сужденіи туземцевъ Кавказа за нѣкоторыя важнѣйшія преступленія военнымъ судомъ, усматривая выгоды военнаго суда въ скорости процесса и отсутствіи апелляціи. Указомъ 1811 г. это ходатайство было уважено, но только въ отношеніи къ преступленіямъ политическимъ. Тормасовъ тотчасъ же воспользовался новымъ указомъ и предалъ военному суду бунтовщиковъ только что покореннаго нами Кубинскаго ханства. Это дало ему возможность, не стѣсняясь сентенціею военнаго суда, приговорившаго всѣхъ обвиняемыхъ къ смертной казни, предписать: нѣсколькихъ лицъ, очевидно непримиримыхъ, сослать въ Сибирь на поселеніе, а всѣхъ остальныхъ «употребить на казенныя работы въ Баку, учредивъ за ними надзоръ и ежемѣсячно рапортуя о тѣхъ, которые своимъ поведеніемъ будутъ заслуживать прощенія». Не трудно видѣть, что Тормасовъ нуждался не въ быстротѣ военнаго процесса, а въ возможности замѣнить неповоротливый и неподходящій уголовный законъ такою мѣрою, которая, не возмущая туземцевъ, могла бы въ то же время упрочить наше положеніе въ завоеванной обла-

сти. Указанный образецъ, разумѣется, не единственный. Вотъ напримѣръ, тифлисскіе торговцы категорически отказались черезъ своего старшину Бастамова платить налогъ на содержаніе полиціи, заявивъ, что подобнаго налога не было при царяхъ и что его не платитъ ни Телавъ, ни Сигнахъ. Прокуроръ попробовалъ было создать изъ этого сговоръ на неповиновеніе властямъ, но Тормасовъ взглянулъ на дѣло нѣсколько проще и приказалъ: «безотлагательно выслать Бастамова со всѣмъ его семействомъ и имуществомъ въ г. Сигнахъ, дабы избавить его отъ платежа установленнаго въ Тифлисѣ налога». Нечего и говорить, что послѣ того весь требуемый налогъ былъ внесенъ, а Бастамовъ возвращенъ въ Тифлисъ. Какъ бы ни казались произвольными подобныя распоряженія Тормасова, въ нихъ нельзя не замѣтить попечительнаго и умнаго администратора.

Послѣдующія событія вынудили сдѣлать то, чего безуспѣшно добивался Тормасовъ. Едва въ управленіе краемъ успѣлъ вступить маркизъ Паулуччи, какъ въ кахетинскихъ уѣздахъ Грузіи вспыхнулъ огромный бунтъ. Разъяренныя толпы народа атаковали Телавскую и Сигнахскую крѣпости и перерѣзали нѣсколько сотъ солдатъ и всѣхъ русскихъ чиновниковъ. На увѣщанія Паулуччи бунтовщики отвѣчали: «Мы не отрекаемся отъ Бога и не измѣняемъ государю, но что отъ государя было повелѣно, отъ насъ не исполнено. Мы подавали просьбы, а вы нашихъ просьбъ не доводили до государя. Намъ съ вами сойтись невозможно». Одною изъ многихъ причинъ этого бунта, не имѣвшаго вовсе политическихъ мотивовъ, было крайнее недовольство населенія нашими судами, съ которыми маркизъ призналъ необходимымъ покончить. Но не имѣя права безъ высочайшей воли совершить столь крупное преобразованіе во всей Грузіи, онъ ограничился Телавскимъ и Сигнахскимъ уѣздами, гдѣ принятіе этой мѣры могло быть оправдано крайнею необходимостью. Этимъ уѣздамъ, вслѣдъ за подавленіемъ бунта, онъ далъ то самое управленіе, которое при лучшемъ знакомствѣ съ краемъ намъ надлежало бы ввести въ Грузіи при самомъ присоединеніи ея къ Россіи. Взамѣнъ бывшихъ исправниковъ онъ назначилъ въ каждомъ уѣздѣ главнаго моурава изъ знатнѣйшихъ и преданныхъ Россіи грузинскихъ князей. Имъ онъ подчинилъ всѣхъ сельскихъ моуравовъ, старшинъ и кевховъ, возложивъ на нихъ поимку преступниковъ, службу по полиціи безопасности и собираніе податей и повинностей. Затѣмъ онъ далъ слѣдующее предписаніе грузинскому губернатору: «такъ какъ извѣстно уже, что образъ судопроизводства нашего не соотвѣтствуетъ обычаямъ и свойствамъ народа, онымъ недовольнаго, то на мѣсто уѣзднаго и нижняго земскаго суда, существовавшихъ въ уѣздахъ Сигнахскомъ и Телавскомъ, я почелъ нужнымъ учредить особые «временные суды», въ которыхъ будутъ производиться всѣ дѣла на одномъ основаніи законовъ царя Вахтанга, за исключеніемъ смертоубійствъ и измѣны». Въ эти суды дворянству каждаго уѣзда онъ приказалъ избрать по три члена для разбирательства дѣлъ подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго коменданта изъ русскихъ полковниковъ, облеченнаго гражданскою и военною властью.

Временные суды не успѣли открыться, какъ маркизъ Паулуччи получилъ другое назначеніе, уступивъ свое мѣсто Ртищеву. Послѣдній осуществилъ предположеніе своего предмѣстника въ нѣсколько измѣненномъ видѣ. Желая для борьбы со взяточничествомъ соблюсти принципъ коллегіальности, которому со временъ Петра I придавали въ Россіи слишкомъ преувеличенное значеніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ постепенно пріучить населеніе къ нашимъ уголовнымъ законамъ, Ртищевъ учредилъ въ каждомъ изъ этихъ уѣздовъ «окружной судъ», въ которомъ сосредоточилъ все мѣстное управленіе. Сообразно съ такимъ назначеніемъ окружной судъ составили: окружной (иначе, уѣздный) начальникъ — онъ же комендантъ крѣпости, уѣздный предводитель дворянства, окружной моуравъ (замѣнившій исправника), уѣздный казначей и три коммиссара, по избранію мѣстнаго дворянства. Послѣдніе были и членами присутствія, когда они состояли налицо, и исполнителями порученій окружнаго суда. Ближайшими къ народу органами управленія были сельскіе старшины и волостные моуравы, передъ тѣмъ вновь поставленные правительствомъ изъ тѣхъ же мѣстныхъ дворянъ на смѣну бывшихъ наслѣдственныхъ моуравовъ царской эпохи, удаленныхъ за участіе въ кахетинскомъ бунтѣ. Оставаясь въ глазахъ народа въ прежнемъ значеніи, эти новые моуравы являлись уже правительственными чиновниками, подчиненными окружному моураву и черезъ него окружному суду и правителю Грузіи. Вмѣстѣ съ прежнею властью и доходами, на нихъ, равно какъ и на сельскихъ старшинъ, была возложена обязанность по охраненію земскаго мира; они должны были разыскивать преступниковъ, возбуждать преслѣдованіе воровъ, грабителей, поджигателей смертоубійцъ, не выжидая жалобы потерпѣвшаго, и вознаграждать пострадавшаго, если виновникъ преступленія оставался необнаруженнымъ. Моуравамъ предоставлялось, при согласіи на то обѣихъ сторонъ, разбирать всѣ тяжебныя дѣла, къ каковымъ, согласно народному правосознанію, относились на практикѣ малоцѣнныя кражи, похищеніе невѣстъ и всякаго рода ссоры, даже нанесеніе тяжкихъ ранъ и увѣчій. Если стороны не соглашались судиться у своего моурава, дѣло поступало въ окружной судъ, который всѣ претензіи на сумму до 25 руб. рѣшалъ окончательно, а на большую сумму давалъ сторонамъ апелляцію въ экспедицію суда и расправы. Въ дѣлахъ уголовныхъ, не допускавшихъ примиренія, компетенція окружного суда ограничивалась проступками, «въ коихъ достаточно употребить увѣщаніе, выговоръ или малое наказаніе», а по дѣламъ большей важности онъ ограничивался производствомъ слѣдствій, представлявшихся затѣмъ къ грузинскому губернатору. (Такъ назывался въ то время бывшій правитель Грузіи). Послѣдній «по обычнымъ дѣламъ», т.-е. не влекущимъ по закону каторжныхъ работъ, безъ производства суда, но съ согласія главнокомандующаго, назначалъ виновному наказаніе, «соображаясь съ россійскими законами и съ умоначертаніемъ народнымъ, т.-е. сверхъ вознагражденія потерпѣвшаго по обычаю, арестъ для дворянъ, палки или плети для простолюдиновъ, или штрафъ скотомъ, либо деньгами»; а по

«тягчайшимъ» преступленіямъ—передавалъ дѣло на разсмотрѣніе военнаго суда.

Донося о сдѣланныхъ преобразованіяхъ, Ртищевъ представилъ Государю о необходимости учредить такіе же суды и во всѣхъ прочихъ уѣздахъ Грузіи и о замѣнѣ экспедиціи уголовнаго суда военнымъ судомъ, который будетъ представлять свое мнѣніе, съ выписками изъ дѣлъ, на окончательное распоряженіе главнокомандующаго. Ходатайство это осталось безъ отвѣта, такъ какъ въ это время уже начиналась отечественная война и Петербургу было некогда думать о маленькой Грузіи; но главнокомандующіе и ихъ замѣстители не стѣснялись попрежнему приговоренныхъ къ каторгѣ или ссылкѣ употреблять на работы при военно-инженерныхъ командахъ, а приговоренныхъ къ тюрьмѣ, рабочему или смирительному дому подвергать, взамѣнъ того, тѣмъ же работамъ или легкому тѣлесному наказанію, или штрафу. Главное вниманіе обращалось, разумѣется, на удовлетвореніе потерпѣвшаго, которое, при несостоятельности вора, взыскивалось со всего его селенія, т.-е., разумѣется, прежде всего съ его родственниковъ. Вплоть до Паскевича на всемъ Закавказьѣ не было ни одной тюрьмы, а при немъ построили одинъ рабочій домъ, и тотъ для женщинъ, такъ какъ итальянцу Кастелла понадобилось 400 работницъ для шелкомотальной фабрики, устроенной имъ подъ Тифлисомъ. Въ благодѣтельныя свойства тюремъ, рабочихъ и смирительныхъ домовъ здѣсь, вдали отъ центровъ вѣковой рутины, никто не вѣрилъ, а деньги и рабочія руки тѣхъ же осужденныхъ были нужны для иныхъ сооруженій и главнымъ образомъ для устройства дорогъ.

Такъ шло дѣло до 1819 г., какъ вдругъ сенатъ, по одному случайно дошедшему до него дѣлу, испросилъ высочайшаго повелѣнія «дабы на будущее время уголовныя дѣла по Грузіи шли по обще установленнымъ для прочихъ губерній порядкамъ, т.-е. изъ экспедиціи суда и расправы къ главнокомандующему, а отъ него въ правительствующій сенатъ». Представленіе свое сенатъ мотивировалъ тѣмъ, что «за протеченіемъ многихъ лѣтъ со времени присоединенія Грузіи, не предстоитъ уже тѣхъ уваженій, по которымъ могли почитаться нужными нѣкоторыя изъятія по общему порядку перехода уголовныхъ дѣлъ». Это повелѣніе и послѣдовавшій за нимъ сенатскій указъ, запрещавшій отдавать въ военно-инженерныя команды туземцевъ Грузіи, приговоренныхъ къ ссылкѣ, стѣснили Ермолова. Пришлось отправить въ Сибирь нѣсколько десятковъ татаръ и грузинъ. Мѣра эта, пока она примѣнялась къ политическимъ преступникамъ, не обнаруживала своихъ недостатковъ; но теперь, когда ее пришлось примѣнить къ преступникамъ противъ личности и собственности, она оказалась совершенно негодною. Въ Грузіи появились разбойничьи шайки, составившіяся, какъ потомъ выяснилось, изъ тѣхъ же сосланныхъ. Сообщая объ этомъ Ланскому, Ермоловъ просилъ министра принять мѣры къ пресѣченію побѣговъ изъ Сибири, вслѣдствіе чего въ 1825 г. послѣдовало распоряженіе всѣхъ ссыльныхъ грузинъ, армянъ и татаръ водворять «къ

самыхъ отдаленныхъ мѣстахъ Сибири, откуда они не могли бы дѣлать подобныхъ побѣговъ». Какъ извѣстно, такихъ мѣстъ въ Сибири не оказалось, и произведенный опытъ принудилъ практику всячески избѣгать этого наказанія, которое къ тому же никого не удовлетворяло и казалось туземцамъ совершенно ненужнымъ притѣсненіемъ. Впрочемъ, возникшій такимъ образомъ контроль сената фактически продолжался недолго. По отчету сенаторовъ гр. Кутаисова и Мечникова, производившихъ на мѣстѣ ревизію въ 1829 г. «не только главноуправляющіе, но подъ ними и губернаторы уменьшали, измѣняли и вовсе отмѣняли наказанія, назначенныя рѣшеніями экспедиціи уголовнаго суда, безъ представленія о томъ правительствующему сенату». А въ 1833 г. по ходатайству бар. Розена высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта главноуправляющему было предоставлено смягчать назначенныя экспедиціею суда наказанія, но только въ предѣлахъ власти самого сената. Замѣтимъ, что всѣ эти ограниченія судебной власти главноуправляющаго касались только двухъ уѣздовъ Грузіи, въ которыхъ уцѣлѣли уѣздные суды и которые поэтому были подсудны экспедиціи суда и расправы. Они не касались обоихъ кахетинскихъ уѣздовъ, гдѣ дѣйствовали окружные суды, представлявшіе свои слѣдственныя производства не въ экспедицію суда и расправы, а на благоусмотрѣніе грузинскаго губернатора.

Такъ шло дѣло въ самой Грузіи до знаменитой реформы 1840 г., о которой рѣчь впереди. Посмотримъ теперь, что же мы сдѣлали въ провинціяхъ Грузіи и во всѣхъ прочихъ закавказскихъ владѣніяхъ нашихъ, протянувшихся къ 1830 году отъ моря до моря.

Въ татарскихъ дистанціяхъ, послѣ совершенно неудавшейся попытки подчинить ихъ компетенціи нашего суда, дѣйствовало положеніе, введенное въ 1818 г. Ермоловымъ. Эти дистанціи представляли изъ себя родъ туземнаго казачества, въ которомъ казаки-татары каждаго поселенія были подчинены своимъ командирамъ-*агалармъ*, имѣвшимъ, по выраженію Ермолова, при грузинскихъ царяхъ «неограниченную въ неистовствахъ свободу». Положеніе 1818 г. опредѣлило границы ихъ правъ. Имъ было предоставлено лѣнивыхъ, неисправныхъ и ослушниковъ по службѣ, «взамѣнъ прежде бывшихъ денежныхъ штрафовъ, наказывать тѣлесно, соразмѣрно вины»; разбирать тяжбы, ссоры, до нанесенія увѣчій и ранъ включительно, и маловажныя преступленія, и «разыскавъ безпристрастно, назначать обиженному удовлетвореніе по обычаю немедленно»; а въ случаяхъ совершенія «разбоя, убійства и кражи на сумму болѣе 5 р., доносить главному приставу». Послѣдній, по разъясненію дѣла, отправляетъ убійцъ и разбойниковъ въ распоряженіе губернатора, а воровъ наказывать тѣлесно, требуя сверхъ того непремѣннаго вознагражденія потерпѣвшаго въ ординарной стоимости похищеннаго, а при невозможности, что «рѣже всего можетъ случиться», получить требуемое вознагражденіе съ виновнаго или его ближайшихъ родственниковъ, взыскивать стоимость похищеннаго со всего селенія, къ коему воръ принадлежитъ.

Осетины Грузіи охотно, каждый разъ, когда мы того желали, давали намъ присягу на подданство и весьма охотно принимали къ себѣ нашихъ приставовъ. Но какъ только приставъ начиналъ настаивать на какомъ-нибудь требованіи, совершенно несообразномъ съ ихъ обычаями, они вынуждали его бѣжать изъ Осетіи и не возвращаться болѣе. Тогда мы, выждавъ нѣсколько лѣтъ и, дождавшись благопріятнаго времени, посылали въ горы нѣсколько баталіоновъ и нѣсколько пушекъ, уничтожали тамъ десятки селеній, угоняли тысячи головъ скота, требовали отъ жителей новой присяги и ставили тамъ новаго пристава, котораго въ скоромъ времени постигала участь его предмѣстника. Понятно поэтому, что о подчиненіи осетинъ нашимъ законамъ нечего было и думать. Когда въ 1822 году нѣсколько обращенныхъ въ христіанство осетинъ ограбили своего священника, и экзархъ Грузіи, сообщая объ этомъ, просилъ о наказаніи виновныхъ, то Ермоловъ отвѣтилъ, что у него нѣтъ для сего необходимыхъ войскъ и что поэтому «въ сихъ непріятныхъ обстоятельствахъ не остается ничего болѣе, какъ ожидать дѣйствія святой благодати, которая одна только можетъ умягчить сердца сихъ грубыхъ и въ заблужденіяхъ закоренѣлыхъ людей». Лѣтомъ 1830 г. Паскевичъ отправилъ въ Осетію уже пятую по счету экспедицію подъ начальствомъ генерала Рененкампфа. Обойдя третью часть Осетіи, генералъ вновь привелъ жителей къ присягѣ и въ каждомъ ущельѣ поставилъ пристава изъ грузинъ, знавшихъ осетинскіе обычаи и языкъ. Пока эти пристава, прилаживаясь къ населенію, играли роль посредниковъ и судей между родовыми общинами, дѣло шло не дурно и между жителями уже начинались разговоры о постройкѣ церквей и школъ, о проведеніи дорогъ, о болѣе строгомъ наказаніи за воровство. Но какъ только одному изъ приставовъ, во исполненіе данной ему инструкціи, захотѣлось схватить убійцу, чтобы наказать его по закону, все было тотчасъ же погублено и дѣло пришлось начинать сначала. Это случилось въ 1836 г. Въ с. *Сни* бѣжалъ убійца, котораго приставъ потребовалъ къ себѣ въ с. *Эдиси*. Преступникъ не скрывался, ждалъ съ нетерпѣніемъ народнаго суда, но къ приставу идти не хотѣлъ. Тогда приставъ склонилъ нѣсколькихъ преданныхъ ему осетинъ изъ жителей *Эдиси* доставить къ нему убійцу, котораго онъ отправилъ затѣмъ для суда въ Тифлисъ. Но не успѣлъ приставъ порадоваться своему успѣху, какъ жители *Эдиси* поплатились нѣсколькими грабежами и нѣсколькими убійствами. Такимъ образомъ, первое преступленіе, не получивъ обычнаго исхода, осложнилось десяткомъ новыхъ. Для арестованія виновныхъ пришлось командировать двѣ роты съ двумя пушками. Узнавъ о приближеніи войска, жители бѣжали въ лѣса и горы, а солдаты, не найдя людей, разрушили до основанія всѣ ихъ жилища. Подобными мѣропріятіями мы не только не облегчали, а затрудняли мирное сожительство осетинскихъ обществъ, и баронъ Розенъ, видя это, не пожелалъ уже возстановить приставства.

Также безуспѣшны были попытки подчинить дѣйствію нашихъ законовъ и другихъ горцевъ Грузіи картвельскаго племени. Послѣ многихъ

враждебныхъ столкновеній съ мтіулетцами, годумакарцами и махевцами, жившими по военно-грузинской дорогѣ, мы рѣшили, наконецъ, отказаться отъ насажденія гражданственности среди этихъ племенъ и сдали ихъ въ управленіе помѣщика *Казбека*, жившаго въ тѣхъ же горахъ и успѣвшаго пріобрѣсти между ними большое вліяніе. Казбекъ, котораго мы щедро награждали за это чинами и орденами, управлялъ этими горцами по ихъ древнимъ обычаямъ, безъ всякаго содѣйствія русской власти, и обезпечилъ намъ исправное поступленіе податей и безопасное сообщеніе по военно-грузинской дорогѣ, чего мы никакъ не могли добиться до того времени.

Пшавы, хевсуры и тушины продолжали жить и подъ нашимъ владычествомъ такъ же, какъ жили ранѣе при грузинскихъ царяхъ. При полной политической преданности, при полной готовности по первому приказанію выставить свое храброе ополченіе и защищать границы Грузіи отъ набѣговъ кистинъ и лезгинъ, эти племена въ то же время не допускали никакого вмѣшательства въ свои внутреннія дѣла. Только разъ Ермоловъ попробовалъ это сдѣлать и тотчасъ же сознался въ своей ошибкѣ. Нѣкто *Чинчараули* (хевсуръ) убилъ своего соплеменника и затѣмъ умеръ, не примирившись съ родомъ убитаго. Такъ какъ смерть кровника не прекращаетъ вражды, то жертвою мщенія былъ объявленъ его сынъ *Ботако*, которому предстояло теперь или отдать въ родъ убитаго 40 коровъ, выполнивъ весь обрядъ примиренія, или поплатиться жизнью. Но Ботако имѣлъ торговыя дѣла въ Грузіи и слышалъ уже кое что о русскихъ законахъ. Онъ пошелъ искать защиты къ самому Ермолову. Ермоловъ велѣлъ ему безбоязненно возвратиться домой и предписалъ въ то же время мѣстному приставу кн. Авалову оказать ему нужное покровительство. Положеніе Ботако и его родичей не стало отъ этого лучше. «Общество всѣхъ хевсурскихъ селеній,—донесъ вслѣдъ затѣмъ кн. Аваловъ,—единогласно объявили Ботако своимъ врагомъ, такъ какъ онъ нарушилъ древній хевсурскій законъ и перенесъ его къ русскимъ». Для прекращенія столь непосильной вражды, родъ Чинчараули долженъ былъ отказаться отъ своего родства съ Ботако и послѣдній былъ убитъ своимъ же родственникомъ. Послѣ того, вплоть до реформы 1840 г. мы уже ни разу не пытались противодѣйствовать «варварскимъ» обычаямъ этихъ горцевъ, ограничиваясь посредничествомъ при столкновеніяхъ, нерѣдко происходившихъ между сосѣдними племенами. Даже Паскевичъ, ненавидѣвшій туземные обычаи, дѣлалъ исключеніе для этихъ племенъ, уважая ихъ храбрость и честность. Со временъ митрополита Ѳеофилакта, прозваннаго за свою энергію фельдмаршаломъ, здѣсь были построены церкви и поставлены священники, которые должны были отвлечь отъ идолопоклонства этихъ одичавшихъ христіанъ; но это мало измѣнило ихъ обычаи. Продолжая попрежнему съ гордостью называть себя христіанами и охотно принимая св. крещеніе, они попрежнему молились родовымъ богамъ у родовыхъ капищъ и внимали своимъ жрецамъ-*деканозамъ*, которые прорицали и закалывали

жертвенныхъ животныхъ. Въ 1829 г. митрополитъ Іона обратился къ содѣйствію власти, прося принять мѣры къ тому, чтобы сіи христіане молились въ церквахъ, а не при капищахъ, не дозволяли себѣ многоженства и не слушали своихъ деканозовъ. Губернаторъ Завилейскій, упорно нежелавшій считаться съ мѣстными условіями, предписалъ пшаво-хевсурскому приставу «принять требуемыя мѣры, а деканозовъ и другихъ, виновныхъ въ совращеніи съ пути истинныя вѣры, взять подъ стражу и отправить для сужденія въ телавскій окружный судъ». Приставъ кн. Челокаевъ представилъ это предписаніе Паскевичу, донося, что арестовать деканозовъ, уважаемыхъ всѣмъ народомъ, невозможно безъ содѣйствія войскъ. Увѣдомляя объ этомъ митрополита Іону, гр. Паскевичъ добавилъ: «Наше правительство съ благосклоннымъ великодушіемъ терпитъ мухомеданъ и идолопоклонниковъ, которые суть враги нашей религіи, а горцы, подобные пшаво-хевсурамъ, суть только заблудшіе христіане. По симъ уваженіямъ я полагаю, что гораздо лучше и справедливѣе обращеніе ихъ предоставить времени, нежели наказывать ихъ оружіемъ за заблужденіе, въ коемъ они находятъ успокоеніе совѣсти и которое нимало не мѣшаетъ имъ быть постоянно преданными правительству».

Результаты такого доброжелательства и терпимости не замедлили сказаться. Въ 1830 г. хевсуры отъ имени 700 дымовъ подали ген.-адъют. Стрекалову слѣдующее оригинальное прошеніе: «Мы, хевсуры, живемъ по сосѣдству съ тушинами и гудомакарцами. Всѣ мы христіане, но ведемъ между собою безпокойную жизнь, такъ какъ по всякой претензіи и по всякой ссорѣ мы дѣлаемъ другъ на друга набѣги, причемъ случаются грабежи и убійства. Мы народы необразованные и неопытные, а какъ при грузинскихъ царяхъ, такъ и теперь при россійскомъ правительствѣ, не знаемъ никакихъ узаконеній и средствъ къ мирному разрѣшенію нашихъ (международныхъ) споровъ, мы отмщеваемъ другъ другу, отчего грабежи и безпокойства наши увеличиваются. Когда же мы узнали, что въ Грузіи между разными народами имѣется спокойная и дружелюбная жизнь, то просимъ распоряженія объ успокоеніи жизни и между нашими народами. Прикажите всѣмъ тремъ моураванъ: нашему, гудомакарскому и тушинскому, собравъ отъ всѣхъ обществъ старожиловъ и почетныхъ, сойтись въ одно мѣсто, разобрать всѣ наши претензіи и потомъ отобрать отъ насъ клятву, чтобы между нами была спокойная жизнь и не смѣли бы мы никогда нападать другъ на друга; а если послѣ того, кто сдѣлаетъ грабежъ или нападеніе, то долженъ отвѣчать онъ *со всѣмъ своимъ народомъ* по законамъ россійскимъ». Очевидно, что законы россійскіе представлялись хевсурамъ тѣмъ же обычнымъ правомъ, но только относящимся до случаевъ столкновенія между сосѣдними племенами, или родовыми общинами различныхъ племенныхъ союзовъ. Стрекаловъ предписалъ каждому изъ моурановъ привести въ извѣстность всѣ претензіи подвѣдомственныхъ имъ жителей на другіе народы, и затѣмъ, взявъ отъ каждаго народа по 10 старшинъ, всѣхъ ихъ собрать въ г. Телавъ; здѣсь, не стѣсняясь никакими

обрядами, всѣ эти претензіи разобрать и, постановивъ по нимъ полюбовное удовлетвореніе, составить по всѣмъ претензіямъ и рѣшеніямъ одинъ общій приговоръ въ 10 экземплярахъ для каждаго изъ народовъ. Все это было выполнено толково и приговоръ «телавской конференціи», хотя и не обезпечилъ этимъ враждующимъ племенамъ прочнаго успокоенія, однако же создалъ прецедентъ для мирнаго разрѣшенія большинства возникавшихъ между ними споровъ. Теперь потерпѣвшій отъ инородца шелъ жаловаться къ приставу своего отвѣтчика. Приставъ вызывалъ отвѣтчика, узнавалъ отъ него обыкновенно чистѣйшую истину и приказывалъ сему удовлетворить потерпѣвшаго, соображаясь съ общими началами обычнаго права или съ телавскимъ приговоромъ. Если требованіе это не исполнялось, или отвѣтчикъ и вовсе не являлся на вызовъ, приставъ старался захватить любого изъ его родственниковъ или даже односельцевъ и оповѣщалъ отвѣтчика, что задержанный не получитъ свободы, пока тотъ не выполнитъ своей обязанности. Если и это не помогало, приставъ обращался съ требованіемъ къ главнымъ деканозамъ, угрожая, въ случаѣ дальнѣйшаго неповиновенія, прекратить ввозъ желѣза или соли, въ которыхъ эти горцы крайне нуждались, или заняться барантованіемъ, или сдѣлать иную непріятность всему племени отвѣтчика. Пояснимъ этотъ своеобразный порядокъ однимъ изъ примѣровъ, въ которомъ имѣли мѣсто довольно рѣдкія осложненія. Хевсурецъ Богаторъ Кераули промѣнялъ у одного тушинца свою лошадь на катера. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ катеръ палъ, а Богаторъ, чтобы возмѣстить понесенный убытокъ, выкралъ у того тушинца свою бывшую лошадь. Обиженный тушинецъ пришелъ къ приставу кн. Авалову и заявилъ жалобу на Богатора. На вызовъ пристава Богаторъ не явился. Тогда приставъ захватилъ его дядю Татара Кераули и вторично вызвалъ отвѣтчика. На сей разъ, по особымъ обстоятельствамъ дѣла, Богаторъ и его односельцы, не желая подчиниться, явились къ приставу въ числѣ 6 человѣкъ и, угрожая изрубить его на куски, потребовали возвращенія захваченнаго Татара. Князь Аваловъ былъ вынужденъ уступить силѣ, но затѣмъ все же вызвалъ къ своему суду и Богатора и приходившихъ съ нимъ его товарищей. Когда и это требованіе осталось невыполненнымъ, онъ съ согласія грузинскаго губернатора фонъ-деръ Ховена распорядился о задержаніи въ тифлисскомъ, телавскомъ и душетскомъ подворьяхъ всѣхъ приходящихъ туда хевсуръ. Такимъ средствомъ цѣль была, разумѣется, достигнута—потерпѣвшій тушинецъ былъ удовлетворенъ, а хевсуры, виновные въ насиліи надъ приставомъ, хоть и не строго, но были наказаны. Подобный образъ дѣйствія пристава представлялся горцамъ вполнѣ справедливымъ и мудрымъ и они были въ восторгѣ отъ этихъ «россійскихъ законовъ».

Перейдемъ теперь къ прочимъ владѣніямъ нашимъ за Кавказомъ, придерживаясь по возможности порядка ихъ завоеванія.

Въ Елизаветпольскомъ уѣздѣ, возникшемъ въ 1804 г. изъ Ганжинскаго

ханства, первые три года мы не заводили никакихъ судовъ. Судебная власть оставалась въ рукахъ магальныхъ (участковыхъ) бековъ и наиболѣе популярныхъ ахундовъ. Въ 1807 г. графъ Гудовичъ, не терпѣвшій никакихъ разсужденій и нововведеній, учредилъ здѣсь уѣздный судъ и управу земской полиціи, по Положенію, составленному въ 1801 г. для Грузіи, съ тою, конечно, разницею, что вмѣсто грузинскихъ дворянъ здѣсь засѣдали ахундъ и мулла, а вмѣсто грузинскихъ обычаевъ и законовъ царя Вахтанга здѣсь признавались мѣстные мусульманскіе обычаи и шаріатъ. Судъ этотъ былъ крайне непопуляренъ; къ нему обращались только городскіе жители и то очень рѣдко. Напримѣръ, за 4 зимнихъ мѣсяца 1807—1808 гг. въ этотъ судъ поступило всего-на-всего только *четыре* дѣла. Это совершенно понятно. Потерпѣвшему отъ преступленія было много выгоднѣе примириться съ преступникомъ, получивъ отъ него обычное удовлетвореніе, чѣмъ безкорыстно, да еще съ опасностію мщенія подвергать его личному наказанію по русскимъ уголовнымъ законамъ; а гражданскому истцу было гораздо проще разобраться у мѣстнаго ахунда и покончить дѣло въ 2 часа времени, хотя бы и съ нѣкоторымъ ущербомъ, чѣмъ проволочить свою тяжбу по четыремъ судебнымъ инстанціямъ, изъ коихъ первая рѣшала дѣла по шаріату, вторая и третья (т.-е. экспедиція гражданскаго суда и верховное грузинское правительство), не вѣдая шаріата, соображались съ законами царя Вахтанга, а послѣдняя (т.-е. сенатъ), не вѣдая ни шаріата, ни законовъ царя Вахтанга, провѣряла правильность рѣшенія по законамъ россійскимъ. Поэтому, вслѣдъ за увольненіемъ Гудовича, Тормасовъ представилъ оригинальный проектъ судоустройства въ Елизаветпольскомъ уѣздѣ, составленный съ большимъ вниманіемъ къ мѣстнымъ обычаямъ. Проектъ этотъ, осложненный значительнымъ измѣненіемъ нашихъ уголовныхъ законовъ, пошелъ по всѣмъ министерствамъ и, въ концѣ концовъ, за увольненіемъ Тормасова, оставленъ безъ послѣдствій. Въ 1812 г. Ртищевъ уже собственною властью упразднилъ въ Елизаветполѣ никому ненужные уѣздный судъ и управу земской полиціи и учредилъ вмѣсто нихъ временный окружный судъ, съ смѣшанною судебно-полицейскою властью, сходный съ окружными судами, открытыми въ Телавѣ и Сигнахѣ послѣ кахетинскаго бунта, причемъ судебная власть грузинскихъ моуравовъ и татарскихъ агаларовъ предоставлялась здѣсь могальнымъ бекамъ и родовымъ владыкамъ кочевыхъ обществъ. Эта юстиція, каравшая преступленія меньшей важности по шаріату, обычаямъ ханскаго управленія или по усмотрѣнію уѣздныхъ властей, а преступленія большей важности по усмотрѣнію грузинскаго губернатора, или главнокомандующаго, всегда съ особливымъ вниманіемъ къ интересамъ потерпѣвшаго, просуществовала въ неизмѣнномъ видѣ до реформы 1840 г.

Въ провинціяхъ Бакинской, Кубинской, Дербентской, Шекинской, Ширванской и Карабахской, образованныхъ въ 1806—1822 гг. изъ ханствъ тѣхъ же наименованій, дѣйствовали вплоть до 1840 года провинціальные суды, въ которыхъ сосредоточивались всѣ административныя, хозяйствен-

ныя и судебныя дѣла каждой провинціи. Первые три суда были учреждены маркизомъ Паулуччи по его собственному плану; послѣдніе три—Ермоловымъ по готовымъ уже образцамъ. Опытъ, пережитый нами въ Грузіи и самая необходимость упрочить наше владычество въ этихъ только что присоединенныхъ областяхъ, вынуждали маркиза Паулуччи, а затѣмъ и Ермолова, не торопясь введеніемъ русскихъ судовъ и законовъ, идти впередъ въ развитіи задачъ управленія медленными и незамѣтными шагами. Поэтому, не вводя ни новыхъ податей и повинностей, ни новой полиціи, ни новыхъ законовъ, Паулуччи и Ермоловъ предоставили провинціальнымъ судамъ рѣшать всѣ дѣла по прежнимъ обычаямъ, причемъ изъ компетенціи этихъ судовъ были изъяты только разбои, убійства и преступленія государственныя, отнесенныя къ подсудности военныхъ судовъ. Сообразно съ такимъ назначеніемъ, провинціальный судъ составлялся изъ двухъ диванъ-бековъ, избиравшихся беками, двухъ засѣдателей отъ прочихъ сословій и одного духовнаго лица, дававшаго при нѣкоторыхъ вопросахъ свое заключеніе по шаріату. Начальникомъ каждой провинціи и въ то же время предсѣдателемъ провинціальнаго суда былъ комендантъ изъ русскихъ штабъ-офицеровъ, подчиненный военно-окружному начальнику мусульманскихъ провинцій и черезъ него главнокомандующему. Всѣ рѣшенія суда была безапелляціонными, но по дѣламъ тяжебнымъ сторонамъ не возбранялось разобраться вторично судомъ медіаторскимъ, избравъ тутъ же, въ присутствіи суда, третейскихъ судей, приговоръ которыхъ приводился въ исполненіе принудительной властью. Органами ближайшаго къ народу управленія оставались могальные наибы ханскихъ временъ, которые были исполнителями постановленій провинціальнаго суда, судьями по дѣламъ меньшей важности и охранителями земскаго мира въ своихъ волостяхъ. Кромѣ того, ошибочно распространяя на мусульманскія области традиціи крѣпостного права, которое существовало за Кавказомъ только въ государствахъ Грузіи, мы присвоили права и обязанности вотчинной полиціи бекамъ, владѣвшимъ населенными землями на правахъ собственности или на правахъ управленія. Эти беки превратились, такимъ образомъ, какъ бы въ помощниковъ могальныхъ наибовъ.

Устроенное описаннымъ образомъ управленіе мусульманскими провинціями оказалось какъ нельзя болѣе подходящимъ и никогда не вызывало замѣтнаго ропота. Населеніе не видѣло никакой перемѣны въ своемъ положеніи, дѣйствительно не имѣло существенныхъ поводовъ къ неудовольствію и вскорѣ перестало мечтать объ единовѣрномъ правительствѣ. Привыкшее къ ханскому деспотизму и не умѣвшее даже представить себѣ правительство иначе, какъ въ образѣ неограниченныхъ и самовластныхъ хановъ, оно смотрѣло и на своихъ комендантовъ, какъ на тѣхъ же хановъ, только поставленныхъ не персидскимъ шахомъ, а болѣе могущественнымъ русскимъ царемъ. Ему и въ голову не приходило, что распоряженія этихъ новыхъ «хановъ» могутъ быть обжалованы или неисполнены, и такой порядокъ казался имъ совершенно естественнымъ. На этой почвѣ, благо-

пріятствовавшей порядку, съ одной стороны, и злоупотребленіемъ—съ другой, провинціальный судъ нигдѣ не удержалъ за собою значенія коллегіи, которой по замыслу Паулуччи и Ермолова была дарована рѣшающая власть. Несмотря на то, что для законности рѣшеній суда вовсе не требовалось непремѣннаго участія коменданта въ составѣ присутствія, члены суда охотно поступались своими мнѣніями, когда они не совпадали съ желаніемъ коменданта. Судъ вступалъ въ свои права только тогда, когда комендантъ находилъ нужнымъ предоставить дѣло его рѣшенію; во всѣхъ остальныхъ случаяхъ члены суда являлись или совѣтниками коменданта, или тѣми мирзами, которые носили за поясами чернильницы и скрѣпляли своими печатями ханскія талаги. Не удивительно поэтому, что сенаторы Кутаисовъ и Мечниковъ нашли въ нѣсколькихъ провинціальныхъ судахъ бланки судебныхъ рѣшеній съ готовыми уже на нихъ подписями всѣхъ членовъ суда. Это не значитъ, конечно, чтобы злоупотребленіе властью было здѣсь общимъ правиломъ; мы не забудемъ, что въ 1837 г., при самой недоброжелательной ревизіи сенатора Гана, трое комендантовъ изъ шести оказались любимцами населенія, свободными отъ всякаго упрека.

Хотя уголовная репрессія провинціальныхъ судовъ не шла далѣе розогъ, а принудительныя работы назначались лишь при несостоятельности виновнаго къ уплатѣ обычнаго вознагражденія потерпѣвшаго или штрафа, тѣмъ не менѣе преступность населенія въ то время отнюдь не признавалась чрезмѣрною. Мало того, Паскевичъ, который всегда охотно оспаривалъ всѣ мнѣнія своего предмѣстника по вопросу о расширеніи правъ полицейскаго суда на Кавказѣ, писалъ между прочимъ: «Мнѣніе Ермолова объ уменьшеніи наказанія за кражи для горскихъ народовъ, мусульманъ и осетинъ основано на точнѣйшихъ познаніяхъ духа и обычаевъ сихъ народовъ», и поэтому «было бы вообще благодѣтельной мѣрой для закавказскаго края, если бы строгость наказанія за кражи была ограничена для всѣхъ жителей здѣшняго края безъ исключенія наказаніемъ палками, безъ ссылки въ Сибирь», ибо «здѣсь важна не строгость наказанія, а чтобы дѣла подобнаго рода оканчивались скорѣе и чтобы виновный не былъ избавленъ отъ положеннаго, хотя и умѣреннаго наказанія», т.-е. главнымъ образомъ отъ непремѣннаго удовлетворенія потерпѣвшаго; при этомъ справедливость подобнаго снисхожденія Паскевичъ поддерживалъ тѣмъ доводомъ, что туземцы весьма мало склонны къ преступленіямъ этого рода. Равнымъ образомъ и разбои, которыхъ на Кавказѣ, благодаря горамъ и абречеству, всегда было довольно много, въ то время еще не поражали ни своею многочисленностью, ни своею дерзостью. Настоящихъ разбойниковъ ссылали на каторгу, чаще вѣшали, и населеніе не обнаруживало ни малѣйшей склонности укрывать ихъ отъ преслѣдованія власти. Но уже и тогда обнаружилось одно явленіе, къ которому теперь мы уже давно приглядѣлись и которое чрезвычайно удивляло наблюдателей того времени. Въ дѣлахъ объ убійствахъ, изъятыхъ изъ вѣдомства народныхъ судовъ, обнаружить виновнаго, даже при самомъ энергичномъ слѣдствіи, оказывалось почти не-

возможнымъ. «Достойно замѣчанія,—пишетъ Легкобытовъ, производившій изслѣдованіе Кубинской провинціи въ началѣ 30-хъ годовъ,—что смертоубійцы рѣдко когда открываются, а между тѣмъ все населеніе ихъ обыкновенно хорошо знаетъ, и, помирившись съ родными убитаго, они спокойно проживаютъ на прежнихъ мѣстахъ» *). Причина этого явленія весьма понятна. Отдача въ рядовые или ссылка на поселеніе въ Сибирь, которыми обыкновенно замѣняли для убійцъ изъ туземцевъ жестокіе приговоры военно-судныхъ коммиссій, не могли удовлетворять родственниковъ убитаго, которымъ и шаріатъ и адатъ, и народный законъ, и религія давали право вознаградить себя кровомщеніемъ или денежнымъ выкупомъ. Съ другой стороны родственники убійцы и его односельцы считали и это, до крайности облегченное, наказаніе столько же жестокимъ, сколько и безполезнымъ, ибо оно вовсе не возстановляло внутри общества мира, нарушеннаго убійствомъ, и счеты между родными убитаго и родными убійцы продолжались своимъ чередомъ; причемъ вся тяжесть этихъ счетовъ, въ формѣ отмщенія, или въ формѣ выкупа, падала теперь не на сосланнаго убійцу, а только на его родныхъ, и безъ того потерявшихъ въ немъ рабочую силу. Въ свою очередь и прочіе соплеменники сосланнаго не могли сочувствовать такому нововведенію, которое, нарушая ихъ древній обычай, не облегчало, а затрудняло мирное сожительство сосѣднихъ родовъ, такъ какъ ссылка убійцы не только лишала его возможности участвовать въ примиреніи, но сама создавала новый и длящійся мотивъ къ затаенной взаимной ненависти двухъ общественныхъ группъ. На этомъ пунктѣ, на которомъ русская власть никакъ не рѣшалась уступить исторической незрѣлости туземцевъ, враждебно и рѣзко сталкивались между собою два совершенно несходныхъ правосознанія, принадлежащихъ къ двумъ совершенно различнымъ эпохамъ общественнаго развитія. Это столкновеніе было тѣмъ рѣзче, чѣмъ глубже сидѣлъ народъ въ условіяхъ родового быта, что въ свою очередь часто зависѣло отъ высоты той террасы, на которой онъ жилъ. Среди мусульманъ горцевъ это явленіе повсемѣстно давало намъ себя чувствовать, и если тогда оно еще не вызывало потрясеній народной жизни, то лишь потому, что посредниками между закономъ и жизнью, органами суда и полиціи оставались еще моуравы, агалары и могальные беки, которые не только обнаруживали виновниковъ убійства, но и о самыхъ событіяхъ убійства старались не доводить до свѣдѣнія власти, если виновникъ убійства былъ ей извѣстенъ и не уклонялся отъ уплаты обычной виры. Наши власти въ свою очередь смотрѣли на это сквозь пальцы и даже сдерживали излишнее усердіе слишкомъ ревнивыхъ чиновниковъ. Характерно, напримѣръ, мнѣніе грузинской врачебной управы 1832 г. о шушинскомъ полицейскомъ врачѣ Дохтуровѣ, который «за свои затѣйливыя требованія» переведенъ въ 1832 г. Керчь съ пониженіемъ чина. Затѣи же этого врача состояли въ томъ, что въ нѣсколькихъ случаяхъ, желая, по дошедшимъ до него частнымъ

*) „Обозрѣніе россійскихъ владѣній за Кавказомъ", т. IV, стр. 125.

свѣдѣніямъ, констатировать фактъ смертоубійства, онъ пытался при содѣйствіи полицейскихъ служителей, «несмотря на сопротивленіе родныхъ умершаго и вопреки мусульманскимъ обычаямъ, осмотрѣть уже омытый и приготовленный къ погребенію трупъ». Не удивительно поэтому, что о многихъ убійствахъ, учиненныхъ въ 30-хъ годахъ, мы узнали впервые только послѣ общей реформы гражданскаго управленія 1840 года.

Въ Армянской области, образованной въ началѣ 1828 г. изъ ханствъ Эриванскаго и Нахичеванскаго, Паскевичъ, совершенно незнакомый съ фактами предшествовавшей исторіи нашего управленія за Кавказомъ, повторилъ прежнюю ошибку, сдѣланную нами въ Грузіи. Раздѣливъ область на три округа и, оставивъ непосредственное управленіе населеніемъ въ рукахъ *мирболюковъ* (могальныхъ наибовъ) ханскаго времени, онъ завелъ въ каждомъ округѣ полицейское управленіе и городовой судъ, подчиненные областному управленію и областному суду, въ которыхъ начальникъ области былъ поставленъ въ роль предсѣдателя. Всѣмъ этимъ учрежденіямъ, не исключая и мирболюковъ, онъ предписалъ «вершать всѣ дѣла на канцелярскомъ основаніи» и на основаніи россійскихъ законовъ и только утвержденіе приговоровъ предоставилъ, взамѣнъ сената, власти главноуправляющаго. Изъ видѣ снисхожденія, жителямъ было предоставлено въ спорахъ гражданскихъ, при взаимномъ желаніи обѣихъ сторонъ, обращаться къ суду казіевъ, и не иначе, какъ утвержденныхъ правительствомъ. Для этой цѣли, на мѣсто прежнихъ полусвѣтскихъ, полудуховныхъ особъ, считавшихся знатоками права, Паскевичъ поставилъ въ казіи бековъ, передъ тѣмъ произведенныхъ за преданность правительству въ прапорщики. Не трудно догадаться, что изъ этого вышло.

Уже весною того же 1828 года наши суды и законы вызвали во всей области всеобщее неудовольствіе. Ни управляющіе, ни управляемые удовлетворены не были. Мирболюки и самые преданные намъ лица, какъ Эксанъ-ханъ нахичеванскій и Шихъ-Али-бекъ ордубадскій не только не могли сдѣлаться проводниками въ народѣ новыхъ началъ гражданственности, но и сами не могло понять нашихъ требованій и только путали. На предложеніе Паскевича наказывать мирболюковъ выговорами и штрафами, начальникъ области Бебутовъ не безъ ироніи отвѣчалъ: «штрафы и выговоры имѣютъ на нихъ никакого вліянія, да и самая палка не можетъ внушить имъ порядокъ управленія, для нихъ совершенно чуждый». Знаменитый Грибоѣдовъ, дважды посѣтившій въ этомъ году Армянскую область, неоднократно представлялъ Паскевичу о всеобщемъ ропотѣ и массовомъ переселеніи татаръ въ Персію. Въ частномъ письмѣ отъ 1 октября онъ писалъ Паскевичу по этому поводу: «мы напрасно все это приписываемъ персидскимъ внушеніямъ, которыя здѣсь рѣшительно не причемъ. Единственная причина—это наше безпорядочное управленіе, т.-е. то же, что было и въ Грузіи. Въ здѣшнемъ мусульманскомъ краѣ, гдѣ все населеніе похоже на паству, которое живетъ, движется и бродитъ, все по примѣру одного и нѣсколькихъ, гаçе moutonnière, правительству необходимо имѣть совер-

за себя нѣкоторыя значительныя лица. Воля ваша, но мы этого дѣлать не умѣемъ и нами никто не доволенъ. У бековъ и хановъ, которые намъ ввѣрились и, оставивъ отечество свое, оказали намъ важныя услуги, мы власть отнимаемъ и взамѣнъ даемъ народу запутанность чужихъ законовъ. Нельзя на первыхъ порахъ дать себя уразумѣть здѣшнему народу иначе какъ посредствомъ тѣхъ родовыхъ владыкъ и духовныхъ особъ, которые уже давно пользуются уваженіемъ и довѣріемъ населенія. Я уже писалъ вамъ весною о смѣшномъ превращеніи прапорщиковъ въ казіи, но это и теперь продолжается. Муллы досадуютъ, народъ вслѣдъ за ними, а наши городовые и областные суды, нимало не заботясь приноровиться къ мѣстнымъ обычаямъ и не дерзая сего сдѣлать въ силу регламентовъ, судятъ протяжно и подписываютъ опредѣленія, которымъ жители подчиняются только насильственно. Что за поспѣшность съ нашей стороны вмѣшиваться во всѣ мелкія тяжбы и ничтожныя ссоры новыхъ подданныхъ между собою? Боимся ли мы пристрастія мусульманскихъ судей?—но власть ихъ основана единственно лишь на выборѣ и довѣріи народномъ. Коли казій пристрастенъ, то его бросаютъ и идутъ къ другому, а онъ лишается хлѣба. Прежде на ихъ рѣшенія могли дѣйствовать угрозы свѣтскихъ правителей, сардаря и другихъ; у насъ этого быть не можетъ, а гдѣ одинъ изъ тяжущихся христіанинъ, то и по мусульманскимъ обычаямъ въ судѣ присутствуютъ до шести депутатовъ отъ обоихъ вѣроисповѣданій. Простите мнѣ всѣ эти замѣчанія, но я по давнему обычаю пишу къ вамъ, какъ думаю».

Начались уступки. «Дабы мало-по-малу пріучить народъ къ нашему порядку», дозволено мусульманамъ для разбора дѣлъ тяжебныхъ относиться къ суду своихъ почетныхъ старшинъ, рѣшающихъ споры по ихъ народнымъ обычаямъ. Затѣмъ, мирболюкамъ и окружнымъ полицейскимъ управленіямъ съ Эксанъ-ханомъ и Шихъ-Али-бекомъ во главѣ предоставлены по дѣламъ уголовнымъ права могальныхъ наибовъ и провинціальныхъ судовъ мусульманскихъ провинцій. Затѣмъ за ненадобностью закрыты областной и городовые суды, а важнѣйшія уголовныя дѣла переданы въ военно-судную комиссію при Эриванскомъ ордонансъ-гаузѣ. Затѣмъ, коллегіальное областное правленіе преобразовано въ канцелярію начальника области; словомъ, въ какіе-нибудь четыре года заново пережитый нами опытъ вынудилъ дать и Армянской области то самое устройство, которое сложилось въ Грузіи и мусульманскихъ провинціяхъ во времена ненавистнаго Паскевичу, но и донынѣ еще чтимаго на Кавказѣ Ермолова.

Умудренный опытомъ, Паскевичъ воздержался отъ подобнаго же эксперимента въ Талышинскомъ ханствѣ и далъ этой провинціи «временное управленіе» подъ предсѣдательствомъ штабъ-офицера, изъ двухъ оберъ-офицеровъ и двухъ почетнѣйшихъ мѣстныхъ жителей, которому предоставилъ рѣшать всѣ дѣла судебныя, полицейскія и финансовыя «по правиламъ и обычаямъ мѣстнымъ, съ тѣмъ, чтобы рѣшенія по уголовнымъ дѣламъ представлялись на утвержденіе тифлисскаго губернатора». Нечего и

говорить, что отъ этого ни мы, ни талышинцы не были въ проигрышѣ. Несмотря на злоупотребленія подполковника Корніенко, неудачно избраннаго на должность коменданта, народъ не тяготился нашимъ владычествомъ, и въ 1831 г., при вторженіи Миръ-Хасанъ-хана, мечтавшаго о возстановленіи своей власти, большинство населенія было на нашей, а не на его сторонѣ.

Также былъ остороженъ Паскевичъ при устройствѣ въ 1830 году управленія Джаро-Белаканскою областью *), населенной воинственными и свободолюбивыми лезгинами. Эти горцы, сохраняя еще многія архаическія черты родового быта, ухитрились образовать здѣсь нѣчто вродѣ союза швейцарскихъ кантоновъ. Одинъ изъ этихъ кантоновъ - *гезовъ*, а именно Елисуйскій, управлялся наслѣдственнымъ султаномъ, пріобрѣвшимъ въ XVIII в. почти неограниченную ханскую власть, а два другихъ коллегіями изъ выборныхъ родовыхъ старѣйшинъ съ главнымъ *кевхомъ* во главѣ. Въ этихъ коллегіяхъ рѣшались окончательно всѣ хозяйственныя, административныя и судебныя дѣла каждаго геза. Если спорившія стороны принадлежали къ разнымъ гезамъ, то дѣло рѣшалось въ судѣ отвѣтчика, и въ такомъ случаѣ истцу предоставлялось обжаловать рѣшеніе въ союзный сеймъ, который собирался, по соглашенію главныхъ кевховъ, по мѣрѣ надобности. Кромѣ того, каждое селеніе съ приписанными къ нему деревнями имѣло своего сельскаго кевха и свой сельскій судъ, являвшійся судомъ первой инстанціи для всѣхъ дѣлъ, не выходившихъ изъ круга интересовъ одного селенія.

Съ покореніемъ этой области султанство Елисуйское, благодаря неизмѣнной намъ преданности султана *Даніель-бека*, теперь пожалованнаго генералъ-лейтенантскимъ чиномъ, оставалось автономнымъ владѣніемъ. Правда, султанъ обязывался высылать къ нашему суду для сужденія по россійскимъ законамъ измѣнниковъ и смертоубійцъ, но этого онъ никогда не дѣлалъ. Въ двухъ прочихъ гезахъ, переименованныхъ въ могалы, сельское и могальное управленія остались неизмѣненными, причемъ сельскому и могальному судамъ было предоставлено рѣшать по народнымъ обычаямъ не только тяжебныя, но и всѣ уголовныя дѣла меньшей важности. На мѣсто союзнаго нихаса было учреждено областное правленіе, составленное подъ предсѣдательствомъ генерала изъ двухъ чиновниковъ и шести народныхъ депутатовъ. Областному правленію были подсудны и всѣ важнѣйшія уголовныя дѣла. Но по порядку, заведенному первымъ начальникомъ области—Бековичемъ-Черкасскимъ, и эти дѣла слушались первоначально для примиренія сторонъ и вознагражденія потерпѣвшаго въ народномъ судѣ, послѣ чего виновный, взамѣнъ ссылки въ каторжныя работы, подвергался мѣстнымъ работамъ въ Закатальской крѣпости, а фактически ссылались въ Сибирь только такія лица, изгнаніе которыхъ признавалось справедливымъ и самими родовыми общинами.

*) Нынѣ Закатальскій округъ, Тифлисской губ.

Такое управленіе Джаро-Белаканскою областью не могло не понравиться населенію, которое теперь, признавъ себя русскими подданными, немедленно прекратило свои грабежи на грузинской границѣ, и благодарило Паскевича за назначеніе къ нимъ начальника, «подобно имъ происходящаго изъ Дагестана». Неудивительно также, что и новый начальникъ края—баронъ Розенъ, ознакомившись съ Закавказьемъ, донесъ Чернышеву: «здѣсь только Джарская область вполнѣ счастлива, ибо управленіе наше заслужило общее довѣріе и уваженіе».

Для полноты обзора намъ надлежало бы сказать нѣсколько словъ объ управленіи Имеретіею, Гуріею и Ахалцыхской областью, образованною изъ Ахалцыхскаго пашалыка. Но дабы не утомлять читателя, замѣтимъ только, что и здѣсь уголовное правосудіе совершалось или по народнымъ обычаямъ, соображаясь однако и съ россійскими законами, какъ это было установлено для Гуріи, или по россійскимъ законамъ, соображаясь, однако, съ народными обычаями, какъ это было предписано для Имеретіи и Ахалцыхской области. Общая тенденція вездѣ была та же: наказывать виновника преступленія какъ можно легче, но непремѣнно требовать вознагражденія потерпѣвшаго.

Теперь мы перейдемъ къ самому интересному и поучительному для нашего вопроса моменту—къ реформѣ 1840 года.

В. Иваненко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ Японской жизни.

(Японскій годовой циклъ.)

До недавнихъ поръ Японія считала время по своему старому календарю, заимствованному ею, какъ и многое другое, отъ Китая. Годъ дѣлился на двѣнадцать лунныхъ мѣсяцевъ, не имѣвшихъ особыхъ названій. Мѣсяцы считались просто по порядку ихъ слѣдованія другъ за другомъ: первый, второй, третій и т. д., до двѣнадцатаго включительно. Разъ въ три года получался одинъ прибавочный мѣсяцъ, тринадцатый.

Недѣль тоже не было. Дни носили названія двѣнадцати знаковъ Зодіака: первый день мѣсяца назывался, такимъ образомъ, днемъ Крысы, второй—днемъ Быка, третій днемъ Тигра, четвертый—Зайца, пятый—Дракона, шестой—Змѣи, седьмой—Коня, восьмой—Собаки, двѣнадцатый день Кабана.

Когда кончались первые двѣнадцать дней, счетъ начинался сызнова и прибавлялось только число; напр.: второй день Собаки второго мѣсяца—23 февраля, и т. д.

Какъ ни дикой кажется для насъ такая система, но она въ теченіе вѣковъ вполнѣ удовлетворяла японцевъ, пока они, въ половинѣ прошлаго, XIX-го вѣка, не пришли въ столкновеніе съ западомъ, и сразу же при этомъ получилась такая путаница, что правительство рѣшило ввести западно-европейскій календарь, вступившій въ силу въ 1873 году. Но, несмотря на свое тридцатилѣтнее официальное существованіе въ странѣ, онъ и до сихъ поръ еще не сталъ общимъ достояніемъ всего народа. Придерживается его точно только официальный и дѣловой міръ да болѣе образованные, передовые классы населенія. Простой же народъ, крестьянская среда, гдѣ съ каждымъ мѣсяцемъ связаны извѣстные вѣковые обычаи и традиціи, живетъ по своему старому календарю.

Подрастающія поколѣнія, обучающіяся въ школахъ, гдѣ преподаваніе принимаетъ все болѣе и болѣе англо-американскій характеръ, уже съ раннихъ лѣтъ пріучаются къ новому календарю. Но то, что выработано вѣками,—не уничтожить однимъ росчеркомъ пера. Съ каждымъ мѣсяцемъ года здѣсь связанъ цѣлый рядъ разныхъ традиціонныхъ обычаевъ, свято со-

блюдаемыхъ и донынѣ не однимъ простымъ народомъ, но и среднимъ и болѣе образованными классами общества.

Начнемъ съ конца года, съ декабря мѣсяца. Такое начало съ конца вполнѣ соотвѣтствуетъ духу этого народа.

Декабрь.

Въ декабрѣ подводятся итоги всему, что было предпринято въ теченіе истекшаго года. Въ дѣловомъ мірѣ стараются закончить дѣла: конторы, банки, промышленныя учрежденія, торговыя фирмы—крупныя и мелкія—сводятъ счеты, подводятъ итоги, платятъ долги: не въ обычаѣ, чтобы долги, сдѣланные въ старомъ году, переходили въ новый.

Въ магазинахъ и мастерскихъ—здѣсь мастера-кустари сами продаютъ свою работу—идетъ усиленная, предпраздничная торговля. Предметы продаются часто поразительно дешево, нерѣдко далеко ниже ихъ номинальной цѣны. Дѣлается это для того, чтобы развязаться съ долгами. Начать новый годъ, не уплативъ старыхъ долговъ, считается въ дѣловомъ мірѣ дѣломъ не корректнымъ.

День *13* декабря зовется *като-ходуммэ*, т.-е. «*начало вещей*», потому что съ этого же дня начинаются приготовленія къ наступающему новому году.

Дома тщательно чистятся. Если рѣшено перемѣнить въ домѣ *татами*—толстыя цыновки, устилающія полы,— то выбираютъ для этого именно декабрь.

Если какому-нибудь члену семьи хотятъ сдѣлать обнову, то это подгоняется къ декабрю. Въ магазинахъ торговля идетъ на славу.

Въ наиболѣе оживленныхъ частяхъ города устраиваются особыя базары, напоминающіе наши вербные базары. И чего, чего только не продается на этихъ лоткахъ, въ этихъ импровизированныхъ лавкахъ! Посуда, деревянныя издѣлія, парфюмерія, принадлежности костюма, печенья, лакомства, снасти, но больше всего тутъ игрушекъ. Крошечные флаги, фонарики, сѣти, куклы, домики, побрякушки; данъ полный просторъ фантазіи, чтобы какъ можно чѣмъ порадовать дѣтскую душу! И отдѣлка на всемъ такая тонкая, что въ всякой вещи видно столько вкуса, что приходится только удивляться дешевизнѣ выставленныхъ цѣнъ и малой требовательности этихъ людей, умѣющихъ работать и жить при такой дешевизнѣ труда. За какой-нибудь рубль можно накупить столько игрушекъ, что и въ мѣсяцъ ребенку не переломать ихъ.

Среди базара пріютились и передвижные рестораны, въ которыхъ тутъ же, на улицѣ, на глазахъ прохожихъ, происходитъ приготовленіе разныхъ блюдъ: варятъ, жарятъ, чистятъ зелень, рыбу, птицъ, моютъ посуду, жарятъ пирожки, и публика, толпясь кругомъ, стоя, истребляетъ все изготовленное; и скоро и дешево, да и весело такъ поѣсть на всемъ честномъ народѣ!

Къ концу мѣсяца начинается усиленная дѣятельность пекарей или,

вѣрнѣе, поваровъ, приготовляющихъ къ новому году особые прѣсные короваи хлѣба изъ варенаго рисоваго тѣста, называемаго *мочи*. Покупать готовые мочи—не принято, и каждая семья, даже самая бѣдная, изготовляетъ его непремѣнно у себя дома. Это, несомнѣнно, религіозный обычай, пережитокъ древности.

Въ какой бы уголокъ страны ни заглянуть въ это время, вездѣ мы увидимъ такую картину приготовленія *мочи*: на дворѣ или на улицѣ, у самаго дома разведенъ костеръ, надъ которымъ подвѣшенъ большой котелъ, въ котлѣ варится нѣсколько пудовъ риса (воды въ рисъ наливается столько, чтобы онъ только могъ разопрѣть въ ней—ни капли больше. Варить рисъ по-японски — дѣло гораздо болѣе сложное, чѣмъ кажется и умѣютъ это дѣлать только тамъ, на мѣстѣ). Затѣмъ, двое здоровыхъ куи, знатоки этого дѣла, вооружившись тяжелыми, длинными молотами, въ теченіе двухъ часовъ, иногда и дольше, выбиваютъ въ котлѣ рисъ, пока онъ не обратится въ однородную, гладкую массу, изъ которой выкатываютъ на большихъ деревянныхъ доскахъ короваи, начиная отъ 30 фунтовъ вѣсомъ до крошечныхъ маленькихъ булочекъ. Большіе короваи не солятъ, а въ маленькіе кладутъ иногда сласти. Это тѣ же еврейскіе опрѣсноки, но лишь другимъ способомъ приготовленные.

Праздникъ безъ мочи немыслимъ. Мочи служитъ не только угощеніемъ, но и для праздничныхъ подарковъ и приношеній на могилы и въ храмы. Мочи считается японцами очень лакомымъ блюдомъ; но... de gustibus non est disputandum.

Когда мочи готово, съ плечъ хозяйки дома сваливается одна изъ самыхъ важныхъ заботъ и начинаются хлопоты насчетъ новогоднихъ подарковъ.

Дарятъ родныхъ, друзей, просто добрыхъ знакомыхъ; паціенты посылаютъ подарки своему доктору; ученики — учителямъ; императоръ дарятъ всѣхъ своихъ министровъ, приближенныхъ; если въ это время вы покупали что-нибудь, вамъ непремѣнно въ магазинѣ дадутъ какой-нибудь подарокъ. Даже я получала на новый годъ подарки отъ разныхъ японцевъ, съ которыми такъ или иначе приходилось имѣть дѣло.

Предметомъ для подарковъ служатъ разныя вещи житейскаго обихода, но главнымъ образомъ съѣстные припасы, какъ, напр., сушеная рыба, ящикъ миканов, мѣшочекъ сахара, корзинка яицъ, дичь и пр. Въ мѣстныхъ газетахъ всегда перечислены подарки, которые получили отъ микадо разныя знатныя особы. Во время моего пребыванія въ Японіи одинъ министръ получилъ корзинку съ полусотней яицъ, а другой—кимоно—халатъ. Въ семьи, гдѣ есть маленькія дѣти, посылаютъ игрушки.

Въ болѣе глухихъ мѣстахъ, въ эти бойкіе дни конца декабря, люди переходятъ изъ селенія въ селеніе, изъ дома въ домъ, поютъ духовныя пѣсни, сопровождая ихъ рядомъ мимическихъ представленій, и получаютъ свое праздничное подаяніе.

Когда внутри дома все готово, начинаютъ украшать его снару

кругъ дома, у воротъ и у самыхъ входныхъ дверей, сажаютъ молодыя елки, бамбуки, сосны; изъ вѣтвей этихъ деревьевъ дѣлаютъ арки и другія фигурныя украшенія; иногда ихъ дѣлаютъ изъ свѣтлой рисовой соломы, переплетенной съ апельсиновыми вѣтками, на которыхъ висятъ зрѣлые плоды. Листья папоротника и другихъ растеній тоже входятъ въ число украшеній. Среди фигуръ и особенно входныхъ арокъ вплетены привѣтствія входящимъ въ домъ, изреченія, а иногда и просто невинныя шутки. Благодаря сухой ясной зимѣ эти украшенія сохраняются хорошо въ теченіе всѣхъ праздниковъ.

Обычай употреблять въ этихъ случаяхъ ель и сосну—не заимствованный, а коренной, японскій, и насчитываетъ уже болѣе 900 лѣтъ; это все та же восточная символика: никакая погода не портитъ вѣчную зелень этихъ деревьевъ, почему они и служатъ добрымъ предзнаменованіемъ для новаго года. Употребленіе бамбука — болѣе новаго происхожденія: онъ гордо и прямо стремится въ своемъ ростѣ къ небу, не дѣлая на пути никакихъ уклоненій въ сторону, почему и является символомъ добродѣтели и правды.

Къ 31 декабря вычищенный, разукрашенный домъ имѣетъ радостно-праздничный видъ, цыновки на полу блестятъ своимъ нѣжно-золотистымъ отливомъ; не видно иногда ни соринки, ни пылинки. Въ пріемной на токаномэ—родъ возвышенной эстрады—на низенькомъ столѣ, задрапированномъ краснымъ, среди свѣжей зелени и цвѣтущихъ вѣтвей — въ Японіи круглый годъ что-нибудь да цвѣтетъ—красуются пирамиды бѣлыхъ рисовыхъ короваевъ мочи.

Въ торговыхъ частяхъ города въ этотъ вечеръ большое стеченіе народа: улицы залиты огнями электрическаго освѣщенія; разноцвѣтные японскіе фонари, электрическія и керосиновыя лампы внутри домовъ и магазиновъ дѣлаютъ улицу свѣтлой, въ высшей степени оригинальной и колоритной. Купцы стараются перещеголять другъ друга убранствомъ витринъ своихъ магазиновъ. Стѣны—ширмы, перегораживающія домъ на комнаты, раздвинуты и открыты на улицу, такъ что магазины обращены въ длинныя залы, устланныя коврами, уставленныя высокими пальмами, среди которыхъ висятъ разноцвѣтные фонари или стоятъ лампы на высокихъ подставкахъ, эти магазины-комнаты поражаютъ своей пустотой:—всѣ люди на улицѣ, а тамъ, въ этихъ длинныхъ залахъ — никого нѣтъ; онѣ какъ бы ждутъ молодого гостя—новаго года,—который долженъ принести имъ миръ и благоденствіе. Боги счастія разукрашены соотвѣтственно торжеству.

Открытые и освѣщенные дома и магазины служатъ рамкой для улицы съ ея многолюдной, праздничной толпой! Особенно ликуютъ и веселятся дѣти: они бѣгаютъ, играютъ, останавливаются передъ украшеніями, полныя безсознательной радости жизни, оглашаютъ воздухъ веселымъ щебетаніемъ и беззаботнымъ смѣхомъ.

Въ эту ночь вообще не принято спать, а если усталость возьметъ свое, то все же ложатся очень поздно.

Поздно ночью въ домъ кидаютъ сухой или жареный горохъ, приговаривая:

«Фуку ва оги
Они ва сото,» что значитъ:
«Боги благополучія въ домъ,
Нечистая сила изъ дома».

Январь.

Первый лунный мѣсяцъ стараго японскаго календаря не совпадаетъ съ январемъ грегоріанскаго; онъ приходился большею частью недѣли на 3—4 позже, и новый годъ праздновался прежде въ концѣ января или даже въ началѣ февраля. Это время считалось не только началомъ года, но и весны. За весну говорило и начало цвѣтенія нѣкоторыхъ деревьевъ, какъ, напр. сливы.

Для каждаго момента жизни здѣсь выработаны опредѣленные правила и обычаи, ставшіе почти закономъ, и въ новый годъ, совпадавшій съ началомъ весны, принято было перемѣнять зимнее платье на болѣе легкое, лѣтнее; теперь въ Японіи празднуютъ новый годъ въ одно время съ Европой и обычай этотъ не соблюдается уже съ такой пунктуальностью, и сбитые съ толку визитеры одѣваются не по календарю, а по погодѣ.

Кто можетъ предвидѣть, чѣмъ подаритъ его новый годъ: жизнью или смертью, горемъ или радостью? Всѣ надѣются на лучшее и радостно привѣтствуютъ невидимаго новаго пришельца въ міръ.

Кто хочетъ имѣть счастливый годъ, тотъ долженъ въ первый день его привѣтствовать восходъ солнца. Рано, до разсвѣта группы молодежи отправляются на высокій холмъ, выступъ скалы въ морѣ и другія мѣста, откуда лучше всего видно выплывающее изъ-за горизонта свѣтило.

Насколько солнце исполнитъ свое обѣщаніе насчетъ счастья—покажетъ время; но въ первый день оно всегда даритъ своихъ поклонниковъ свѣжестью, бодростью и хорошимъ аппетитомъ.

Послѣ праздничнаго завтрака, за которымъ пьютъ сакэ—слабая рисовая водка, употребляемая подогрѣтой — и домашніе поздравляютъ другъ друга, всѣ одѣваются въ лучшія платья и отправляются «пожелать счастливаго новаго года» друзьямъ и знакомымъ. Японцы вообще очень любятъ ходить въ гости, а въ день новаго года дѣлаютъ это съ особеннымъ рвеніемъ. Въ Токіо и Іокогамѣ — единственные города въ Японіи, гдѣ ѣздятъ въ европейскихъ экипажахъ, запряженныхъ лошадьми — визиты дѣлаютъ и въ дорогихъ экипажахъ и на дженрикчахъ — ручныхъ колясочкахъ, которыя везутъ курума—особые извозчики.

Шитые золотомъ мундиры, фраки, треуголки, цилиндры чиновниковъ и офицеровъ такъ и мелькаютъ передъ глазами. На эти города положила уже нѣкоторую печать Европа и они представляютъ меньше интереса. Города отдаленные отъ центра, Нагасаки напр., представляютъ въ этотъ день болѣе оригинальное зрѣлище: изящныя собственныя дженрикчи с-

гербами ихъ владѣльцевъ и болѣе простыя, наемныя, съ трескомъ и грохотомъ проносятся по каменнымъ мостовымъ города. Мундиры рѣдки; ими щеголяютъ чины полиціи и офицеры стоящихъ на рейдѣ двухъ-трехъ военныхъ японскихъ судовъ; преобладаютъ костюмы національные: кимоно очень темныхъ цвѣтовъ, бѣлоснѣжные чулки, деревянные «гета» или соломенные «зори» на ногахъ,—смотря по погодѣ,—въ рукахъ непремѣнно зонтикъ и на головѣ европейскій котелокъ! До котелка всѣ просвѣтились! Однѣ женщины остались вѣрны старымъ традиціямъ и не измѣняютъ своему, полному изящества, національному костюму. Но и на женщинахъ видны лишь разные оттѣнки благородныхъ, темныхъ цвѣтовъ.

Въ новый годъ всѣ, даже послѣдніе нищіе, надѣваютъ что-нибудь новое. Даже вода въ колодцахъ обновляется и въ этотъ день это не просто вода, а «вака мидзу» т.-е. «новая вода». Первые три дня всѣ спѣшатъ къ колодцу обмыться и попить «вака мидзу»—новой воды.

Дѣти съ самаго утра наряжены въ лучшія, новыя платья, въ которыхъ могутъ бѣгать и играть, не рискуя по случаю торжественнаго дня получить выговоръ за выпачканный или испорченный нарядъ. Улицы и площади, благодаря теплому климату, переполнены ими. Маленькія дѣвочки до десятилѣтняго возраста крайне оригинальны въ своихъ пестрыхъ нарядахъ; толпа ихъ похожа на садъ хризантемъ въ цвѣту.

Только Востокъ могъ придумать такое сочетаніе красокъ и рисунковъ! Розовые, свѣтло-сѣрые, красные фоны затканы астрами, папоротниками, бамбукомъ, пальмами, среди которыхъ несутся птички, мелькаютъ бабочки, вьются драконы, змѣи,—цѣлый сказочный міръ, полный блеска и яркихъ красокъ. Причудливо причесанныя головки съ искусственными цвѣтами и блестящими металлическими украшеніями, съ набѣленными личиками и накрашенными губками,—сами напоминаютъ фантастическую сказку въ лицахъ.

Мальчики тоже всѣ въ праздничномъ, въ новомъ, но выглядятъ они поскромнѣй; сила мужчины не во внѣшности. Ихъ маленькія фигурки играютъ въ сторонкѣ и не портятъ пестраго цвѣтника дѣвочекъ.

По случаю праздника у дѣтей много игрушекъ; даже самый бѣдный не остается въ этотъ день безъ подарка!

Дѣвочекъ съ пятилѣтняго возраста пріучаютъ держаться отдѣльно отъ мальчиковъ и онѣ такъ и играютъ кучками въ свои дѣвичьи игры: въ ракеты, воланы, мячи. Какой искренній смѣхъ, какое веселье, сколько радости, движенія вызываетъ какая-нибудь игра въ мячъ, наприм. Дѣвочка бросаетъ мячъ на полъ и пока онъ летитъ кверху, успѣваетъ обернуться вокругъ своей собственной оси съ такой быстротой, чтобы поймать его какъ разъ въ тотъ моментъ, какъ онъ падаетъ. Она кружится, какъ волчокъ, и успѣваетъ 20, 30, 40 разъ подхватить свой мячъ. Промахнувшаяся теряетъ, и игра переходитъ къ слѣдующей.

Интереснѣе всего то, что дѣвочки играютъ часто со своей ношей за спиной, т.-е. съ грудным младенцемъ, привязаннымъ сзади, который volens nolens тоже принимаетъ участіе въ игрѣ.

У мальчиковъ любимая игра—пусканіе бумажныхъ змѣевъ; они начинаютъ упражняться въ этомъ искусствѣ чуть ли не съ пятилѣтняго возраста, пріучаясь къ проворству и набивая глазомѣръ. Змѣй медленно и плавно поднимается, направляемый маленькой, но уже опытной въ этомъ дѣлѣ рукой, и уносится высоко въ синее небо, а маленькая черноглазая головка мечтательно слѣдитъ за его полетомъ и тоже уносится на своей крылатой дѣтской фантазіи въ невѣдомый міръ грёзъ и видѣній.

Визитеры между тѣмъ неустанно продолжаютъ свое нелегкое дѣло. Если никого нѣтъ дома—оставляютъ полуаршинную визитную карточку на тонкой рисовой бумагѣ. Старики почти всегда дома,—предоставляя удовольствіе дѣлать визиты молодежи,—и тогда гость выходитъ изъ колясочки, выноситъ привезенные подарки. Гостя не отпускаютъ, конечно, безъ чашечки, другой теплаго сакэ и къ концу дня всѣ болѣе или менѣе на веселѣ, хотя и въ этотъ исключительный день пьяный на улицѣ составляетъ большую рѣдкость.

День Новаго года приноситъ много веселья и радости. Это особенно относится къ дому, гдѣ есть дѣти; въ Японіи веселье дѣтей—радость взрослыхъ. По случаю праздника будничныя заботы отодвинулись на задній планъ, забыты на время, и вся семья принимаетъ самое искреннее участіе въ дѣтскихъ играхъ, которыя начинаются съ первымъ лучомъ новогодняго солнца и продолжаются вплоть до его заката.

Вечеромъ, когда вся семья въ сборѣ, когда всѣ обязанности по отношенію къ обществу выполнены,—отецъ и мать могутъ цѣликомъ отдаться дѣтямъ. Если есть дѣдушка или бабушка—то и они тутъ. Слугъ тоже приглашаютъ принять участіе въ общемъ весельи. Играютъ въ карты, трикъ-тракъ и пр. Но самой любимой дѣтьми, да и взрослыми является игра, извѣстная подъ названіемъ «Поэмы ста поэтовъ». Японскія поэмы или, вѣрнѣе, оды отличаются большою краткостью; онѣ дѣлятся всегда на 2 части и состоятъ всего изъ 32 слоговъ, иногда меньше. Темы этихъ поэтическихъ вдохновеній составляютъ цвѣты, птицы, снѣгъ, луна, падающіе осенніе листья, туманъ, стелящійся надъ холмами,—словомъ природа во всемъ многообразіи ея проявленій. Краткость человѣческой жизни тоже служитъ мотивомъ этихъ поэмъ. Для примѣра приведу содержаніе одной изъ нихъ:

„Правда, правда! Если бы мѣсто людей заняли четвероногія,
Внѣшній видъ вселенной пострадалъ бы отъ этого не много!“

«Поэмы ста поэтовъ» представляютъ 200 картъ, съ напечатанными на нихъ 200 половинъ ста знаменитыхъ эпическихъ поэмъ, хорошо знакомыхъ буквально каждому японцу. На каждой картѣ напечатана или первая или послѣдняя половина поэмы. Игроки садятся среди комнаты на полу, устланномъ циновками, въ два ряда другъ противъ друга, составляя такимъ образомъ, двѣ противоположныя партіи. Сотня картъ съ концомъ, наприм., поэмъ раздается играющимъ, а другую сотню съ началомъ бе-

ретъ одинъ изъ игроковъ и, вынимая какую-нибудь карту изъ колоды, читаетъ начало поэмы. Кто-либо изъ играющихъ долженъ быстро найти конецъ ея. Если владѣлецъ счастливой карты зазѣвался или не оказался достаточно проворнымъ, то его сосѣдъ, замѣтившій у него пустую карту, можетъ ее взять и въ наказаніе дать ему одну изъ своихъ. Игра требуетъ навыка, ловкости, памяти и быстроты въ соображеніи; она легкимъ и занимательнымъ способомъ знакомитъ дѣтей съ лучшими образцами классической поэзіи. Игра считается конченой, когда одна изъ партіи освободилась отъ своихъ картъ. Проигравшаго подвергаютъ разнымъ шуточнымъ наказаніямъ: наводятъ усы и бороду сажей или тушью, уродливо разрисовываютъ все лицо, мажутъ носъ красной краской. Не трудно представить себѣ, какой открывается просторъ для фантазіи, для веселыхъ шутокъ и смѣха!

Не только дѣтей, но и насъ, иностранцевъ, японцы старались веселить въ этотъ день, чѣмъ могли, и на нагасакскомъ рейдѣ, наприм., всегда пускали дорого стоящій такъ называемый дневной фейерверкъ, состоящій въ томъ, что послѣ выстрѣла ракета, поднявшись высоко кверху, разсыпалась не огненными потоками, а какими-нибудь фигурами: матросомъ на веселѣ, грознымъ адмираломъ, и кораблемъ, и актеромъ, дракономъ и другимъ, какимъ-либо фантастическимъ звѣремъ. Насъ, русскихъ, которыхъ въ Нагасаки бывало больше другихъ иностранцевъ, вслѣдствіе зимовки нашей эскадры на нагасакскомъ рейдѣ, японцы всегда любезно предупреждали о часѣ представленія и, благодаря чудной весенней погодѣ, это представленіе доставляло намъ много веселыхъ минутъ.

Въ каждомъ городѣ есть одинъ или нѣсколько старинныхъ храмовъ, и на Новый годъ въ одномъ изъ нихъ непремѣнно бываетъ свой храмовой праздникъ. На этотъ праздникъ стекаются толпы народа не только изъ города, но и изъ окрестныхъ селеній. Кругомъ храма большею частью въ тѣнистой рощѣ цвѣтущихъ камелій, камфарныхъ и другихъ деревьевъ устраивается базаръ, съ чайными домами, прохладительными напитками, сластями, лакомствами и разными зрѣлищами. Здѣсь даютъ маленькія представленія, показываютъ за одну-двѣ копѣйки разныя диковины. На одномъ изъ такихъ храмовыхъ праздниковъ мнѣ пришлось видѣть саламандру, водившуюся нѣкогда въ священномъ озерѣ Бива, но теперь составляющую и тамъ большую рѣдкость.

Въ крупныхъ торговыхъ центрахъ, какъ Осака, Кіото и Токіо, заводчики и фабриканты разсылаютъ съ ранняго утра 2 января свои первыя новинки купцамъ. Сопровождается это обыкновенно большой помпой. Надъ фургонами, нагруженными новыми товарами, запряженными быками, развѣваются флаги съ гербами владѣльцевъ фабрикъ и заводовъ. Шествіе открывается большой платформой, задрапированной красной матеріей; на ней помѣщается изображеніе восходящаго солнца, ставятся нѣсколько фигуръ журавлей и крабовъ огромныхъ размѣровъ, затѣмъ фигуры семи боговъ: *Ебису* съ рыбой *Тай* въ рукахъ,—это богъ-покровитель честнаго

труда; *Дайкоку*, сидящій на большомъ мѣшкѣ риса—богъ богатства; любимица народа, богиня мудрости Бэнтэнъ, съ гитарой въ рукахъ; богъ долговѣчности *Фуку-кукоджу*, съ длинной предлинной бородой, какъ у пушкинскаго черномора; вооруженный съ ногъ до головы рыцарь—*Бишаманъ*—богъ богатства; *Джуроджинъ* съ журавлемъ въ рукахъ и, наконецъ, богъ радушія, гостепріимства и благодушія—*Хотей* съ веселымъ, жизнерадостнымъ лицомъ, огромнымъ животомъ и ушами.

Всѣ эти фигуры саженныхъ размѣровъ помѣщаются среди цѣлаго лѣса елей и сосенъ, тоже символирующихъ благополучіе и счастіе. За колесницей боговъ слѣдуетъ штатъ прислуги, оркестръ музыкантовъ, разодѣтыхъ по праздничному и съ гербами ихъ хозяевъ на спинѣ. Такихъ процессій движется много по улицамъ большихъ городовъ промышленныхъ центровъ, и фабриканты, что называется, изъ кожи лѣзутъ, чтобы перещеголять другъ друга убранствомъ этихъ священныхъ колесницъ.

Кто желаетъ увидать дорогое ему существо во снѣ или вообще видѣть счастливый сонъ, покупаетъ *такара-бинэ—лодку* сокровищъ—и кладетъ эту картинку себѣ подъ голову на ночь. На картинкѣ изображены семь боговъ счастія, катающіеся въ лодкѣ. «Лодка сокровищъ» оказываетъ свое дѣйствіе только въ ночь со 2 на 3 января, и вечеромъ 2 января торговцы этимъ товаромъ торгуютъ на славу. Молодежь раскупаетъ магическія картинки нарасхватъ.

7 января принято ѣсть 7 сортовъ овощей, имѣющихъ свойство предохранять организмъ отъ болѣзней въ теченіе всего года. Эти овощи—рѣпа, брюква, сельдерей, петрушка, рѣдиска, бѣлая крапива и горлянка.

15 и 16 января—праздникъ для прислуги. На эти два дня прислугу отпускаютъ, чтобы она могла навѣстить своихъ родныхъ, живущихъ иногда довольно далеко отъ города.

Праздники продолжаются въ сущности только первыя двѣ недѣли Новаго года, но духъ веселья носится надъ страной въ теченіе всего перваго мѣсяца. Это время—царство всякаго рода шутокъ, забавъ, развлеченій. По улицамъ, особенно подъ вечеръ, встрѣчаются процессіи мужчинъ, разодѣтыхъ въ странныя одежды, съ комическими масками на лицахъ, въ звѣриныхъ образахъ. Они проходятъ съ трескомъ, шумомъ, играютъ на флейтахъ, бьютъ въ барабаны и всячески стараются обратить на себя вниманіе прохожихъ. Они предсказываютъ желающимъ будущее, но больше всего паясничаютъ и смѣшатъ прохожихъ.

Февраль.

Февраль одинъ изъ самыхъ непріятныхъ мѣсяцевъ въ Японіи; даже на югѣ тамъ бываетъ довольно прохладно, дуютъ большею частью сѣверные вѣтры, и иногда и на югѣ перепадаетъ снѣжокъ. Въ февралѣ здѣсь цвѣтутъ однѣ сливы да камеліи; нѣкоторыя породы камелій цвѣтутъ, впрочемъ, уже въ январѣ и даже въ декабрѣ. Цвѣты японской камеліи отлично выносятъ холодъ: случается, что выпавшій вдругъ ночью

снѣгъ покроетъ всѣ деревья, усыпанныя бѣлыми, розовыми, красными цвѣтами; подъ лучами полуденнаго солнца снѣгъ быстро таетъ, и цвѣты камеліи смотрятъ еще ярче, омытыя холодной снѣговой водой.

Замѣчательно, что японцы не любятъ камеліи, несмотря на то, что это, такъ сказать, родное дерево ихъ страны. Упавшіе отъ вѣтра цвѣты красной камеліи будятъ тяжелыя воспоминанія въ народѣ,—напоминая отсѣченныя головы, которыя безпощадно рубили во время феодальныхъ междоусобій.

7 февраля—первый день коня 2-го луннаго мѣсяца—праздникъ богини Инари, покровительницы риса и зернового хлѣба. У входа въ храмъ этого божества всегда стоятъ изображенія двухъ лисицъ. Лисица своимъ умомъ и хитростью всегда внушала суевѣрный страхъ народу, въ понятіяхъ котораго Инари отождествляется съ самой лисицей.

Если спросить японца, что такое Инари, онъ безъ колебанія отвѣтитъ, что это лисица, хитрая, умная, лукавая богиня. Въ окрестностяхъ Нагасаки, недалеко отъ Европейскаго квартала, находится высокій холмъ, откуда открывается чудный видъ на выходъ изъ нагасакской бухты въ океанъ, на окрестныя горы и поля, рисовыя террасы и городъ; на холмъ ведетъ лѣстница въ нѣсколько сотъ ступеней, съ каждаго поворота которой открываются разныя стороны этого чисто-японскаго ландшафта.

Каждому русскому, бывшему въ Нагасаки, вѣроятно памятно это чудное мѣсто; его одинаково охотно посѣщаютъ и японцы и европейцы. Въ первый мой пріѣздъ въ Японію, тамъ была какая-то старенькая, заброшенная часовенька, и на ступенькахъ ея мы безпрепятственно отдыхали послѣ утомительнаго подъема. Черезъ нѣсколько лѣтъ, въ 1896 году я совсѣмъ не узнала своего любимаго уголка: тамъ выросъ новенькій храмъ, отдѣльное помѣщеніе для банзъ, даже чайный домикъ пріютился не вдалекѣ.

Оказывается, что нѣсколько времени тому назадъ одному богатому купцу, жителю города Нагасаки, приснилось, что онъ увидѣлъ на этой площадкѣ лисицу; онъ гулялъ, курилъ, любовался окрестными видами, уходящими изъ бухтъ судами, а лисица неподвижно стояла и упорно глядѣла на него. На слѣдующій день купецъ отправляется къ старымъ жрецамъ и разсказываетъ свой сонъ. Толковали, рядили и пришли къ заключенію, что Инари требуетъ, чтобы ей построили на площади холма храмъ. Японецъ оказался человѣкомъ со средствами, и вотъ нѣкоторое время спустя здѣсь выросъ новый храмъ въ честь Инари.

7 февраля всѣ лѣстницы и площадки, ведущія къ этому храму, увѣшаны фонарями и флагами, и толпы народа празднуютъ и славословятъ богиню Инари.

Такихъ храмовъ множество во всей странѣ. Въ провинціи, въ деревняхъ въ этотъ день повсюду большія торжества въ честь Инари; только столица и крупные центры, подъ вліяніемъ запада, нѣсколько поотстали отъ старины.

Вообще лисица, Кицуне или Кицне, играетъ видную роль въ вѣрованіяхъ народа, конечно, больше всего въ низшихъ классахъ его.

Представленія о сверхъестественныхъ способностяхъ лисицы проникли со многими другими идеями изъ Китая. Разсказамъ, анекдотамъ и всевозможнымъ легендамъ о продѣлкахъ Кицунэ нѣтъ конца. Еще недавно, а именно въ 1889 г., распространился и очень упорно держался слухъ, что Кицунэ приняла образъ цѣлаго поѣзда и не гдѣ-либо вдали, въ глуши, а на самомъ бойкомъ желѣзно-дорожномъ пути, между Токіо и Іокагамой. Вотъ какъ объ этомъ разсказываетъ Чемберленъ, бывшій въ теченіе тридцати лѣтъ профессоромъ японскаго языка и японской литературы въ Токійскомъ университетѣ.

Мнимый поѣздъ шелъ въ догонку настоящему, но не подходилъ къ нему близко; всѣ сигналы машиниста для остановки страннаго поѣзда, оказались тщетными, и онъ вынужденъ былъ дать полный ходъ; тогда мнимый поѣздъ сталъ таять и постепенно исчезъ, оставивъ на рельсахъ тѣло раздавленной Кицунэ. И подобнымъ разсказамъ нѣсть числа.

Въ Японіи тоже имѣются свои бѣсноватыя и онѣ почти всегда одержимы бѣсомъ Кицунэ. Профессоръ токійскаго университета д-ръ Бэльцъ имѣлъ въ своей университетской клиникѣ много такихъ больныхъ. По его словамъ: «одержимыя лисицой—страдаютъ формой нервнаго разстройства, очень часто встрѣчающейся въ Японіи. Лисица, войдя въ человѣка вмѣстѣ со вдыхаемымъ воздухомъ или черезъ пространство между ногтями и кожей пальцевъ, ведетъ въ немъ свое отдѣльное, независимое отъ образа жизни человѣка, существованіе. Одержимый слышитъ и понимаетъ не только каждое слово, сказанное кицуне внутри его тѣла, но и чувствуетъ каждую невысказанную ею мысль. Между одержимымъ и его бѣсомъ возникаетъ нерѣдко громкій и ожесточенный разговоръ, причемъ кицуне говоритъ голосомъ, нисколько не похожимъ на естественный голосъ человѣка. Страдаютъ этой формой нервнаго разстройства почти исключительно женщины и большею частью изъ низшихъ классовъ народа. Предрасполагающими моментами къ такимъ заболѣваніямъ являются слабыя умственныя способности, суевѣрное настроеніе ума, изнурительныя общія болѣзни, наприм., тифъ, лихорадка, острое малокровіе и пр. Одержимыми почти всегда оказываются лица, наслышавшіяся раньше подобныхъ разсказовъ и вполнѣ вѣрующіе въ возможность существованія такихъ явленій.

По мнѣнію профессора Бэльца, изгонитель бѣса долженъ обладать сильнымъ характеромъ и внушить къ себѣ полное довѣріе своему паціенту. Наибольшимъ успѣхомъ въ этомъ дѣлѣ до сихъ поръ пользуются буддійскіе монахи, секты *ничирэнъ*, самой фанатической изъ всѣхъ существующихъ въ странѣ сектъ. Процессъ изгнанія сопровождается неистовымъ крикомъ, визгомъ, рядомъ нервныхъ припадковъ. Во всѣхъ случаяхъ послѣ изгнанія, даже если кицуне охотно покидаетъ организмъ, паціентъ находится въ полномъ истощеніи, часто въ безсознательномъ состояніи

рѣдко даетъ себѣ отчетъ во всемъ происходящемъ въ немъ самомъ и вокругъ него.

Профессоръ Бэльцъ приводитъ, между прочимъ, слѣдующій случай изъ его собственной практики. Его пригласили къ больной, выздоравливавшей послѣ тифа. Женщины, навѣщавшія больную, разсказывали ей объ одной одержимой Кицуне, отъ которой ей очень хотѣлось избавиться, что являлось возможнымъ только въ томъ случаѣ, если бы лисица переселилась въ какого-нибудь другого субъекта. Въ самый разгаръ разсказа молодая дѣвушка испытала какое-то чрезвычайно странное ощущеніе,—оказалось, что въ этотъ моментъ въ нее переселилась Кицуне. «Вотъ она, вотъ она, что я стану дѣлать!» неистово заметалась бѣдная молодая дѣвушка; тутъ же заговорила и Кицуне страннымъ, сухимъ, крикливымъ голосомъ, всячески издѣваясь надъ своей жертвой.

Муки несчастной продолжались три недѣли, пока родные не догадались послать за монахами секты Ничирэнъ. Изгнаніе началось съ того, что монахъ строго выругалъ бѣса; Кицуне, говоря устами дѣвушки, не осталась въ долгу; началась перебранка; наконецъ, послѣ длинныхъ, взаимныхъ пререканій, лисица сказала: «она мнѣ и самой надоѣла, я только о томъ и думаю, чтобы разстаться съ ней! Что мнѣ дадутъ за это?» Тутъ начались своеобразные переговоры, причемъ бѣсъ лисицы ясно опредѣлилъ свои условія: нѣсколько рисовыхъ пирожковъ и разныхъ кушаній въ томъ же родѣ должны быть отнесены къ алтарю такого-то храма, въ такой-то день, въ 4 часа пополудни!

Интереснѣе всего то, что дѣвушка вполнѣ сознательно говорила все отъ имени Кицуне, тогда какъ за свой счетъ не могла выговорить ни слова. Въ назначенный день и часъ родные больной отнесли въ храмъ обусловленные въ договорѣ предметы, и въ то же самое время больная почувствовала облегченіе.

Но бываютъ случаи, когда не Кицуне господствуетъ надъ человѣкомъ, а, наоборотъ, сама бываетъ въ полномъ подчиненіи у него; иными словами, здѣсь рѣчь идетъ о колдунахъ и чародѣяхъ, обладающихъ неограниченной властью надъ нечистой силой, воплотившейся въ образѣ лисицы, которую они при желаніи и надобности эксплоатируютъ въ свою пользу.

Въ августѣ 1891 г., въ газетѣ *Ежедневныя Извѣстія*—«Nichi-Nichi-Shimbun»,—издаваемой въ Токіо, появилась статья очень характернаго содержанія, трактовавшая именно объ этомъ вопросѣ. Привожу извлеченія изъ этой статьи въ переводѣ: «Въ западной половинѣ провинціи Izuma извѣстная часть населенія считается «собственниками лисицы». Когда тамъ заходитъ рѣчь о заключеніи брака между двумя семьями, живущими въ разныхъ селеніяхъ и недостаточно знакомыми между собою, то до начала переговоровъ обѣ стороны стараются выяснить, не принадлежитъ ли одна изъ нихъ къ «собственникамъ лисицы».

«Каждая такая чародѣйская семья имѣетъ особую породу маленькихъ лисицъ, не больше ласки, числомъ до семидесяти пяти; онѣ носятъ на-

званіе человѣческихъ лисицъ и живутъ подъ одной кровлей со своими владѣльцами. Куда бы члены подобной семьи ни направились, что бы они ни дѣлали, ихъ всегда невидимо сопровождаютъ лисицы, оказывая имъ во всемъ свое сверхъестественное содѣйствіе. Онѣ оберегаютъ поля своихъ владѣльцевъ отъ вредныхъ внѣшнихъ вліяній. Если кто-нибудь обидитъ или причинитъ какое-либо зло такой семьѣ, то въ обидчика немедленно вселяется одна изъ такихъ лисицъ и заставляетъ его невольно выболтать свое преступленіе, доводя иногда даже до смерти преступника. Отъ этихъ людей удаляются, ихъ избѣгаютъ, какъ гадовъ, какъ вредныхъ животныхъ. Никто, однако, не рѣшится откровенно задать по этому поводу прямой вопросъ—это считается жесточайшимъ оскорбленіемъ.

«Страхъ народа передъ этими колдунами такъ великъ, что вступившихъ по незнанію съ ними въ бракъ, купившихъ у нихъ землю или уплатившихъ имъ не во-время долгъ, тоже считаютъ колдунами.

«Обидѣть «владѣльца лисицы»—дѣло опасное. Въ присутствіи заподозрѣннаго лица даже и разговора не заведутъ о такомъ щекотливомъ предметѣ. Обыкновенно стараются съ такими людьми вести себя вѣжливо и незамѣтно прекратить съ ними всякія отношенія. Положеніе этихъ людей среди остального населенія напоминаетъ положеніе паріевъ, оставшихся внѣ касты въ древности.

«Если имъ нужно заключить бракъ, они втихомолку подыскиваютъ такія же семьи, какъ ихъ собственныя. Если же всетаки случится, что молодой человѣкъ рѣшится на бракъ съ дѣвушкой изъ подобной семьи, то родители его, даже въ случаѣ, ежели онъ единственный и любимый сынъ, запрещаютъ ему на всю остальную жизнь переступать порогъ ихъ дома.

«Всѣ эти люди пользуются большимъ достаткомъ, а нѣкоторые принадлежатъ даже къ наиболѣе вліятельнымъ семьямъ всей провинціи. Боятся всѣ ихъ ужасно; даже послѣдній бѣднякъ, задолжавшій имъ, станетъ изъ силъ выбиваться, чтобы скорѣй раздѣлаться съ подобнымъ долгомъ.

«Нервныя болѣзни, вродѣ такъ называемой одержимости, очень распространены въ этой провинціи въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ въ любой другой части имперіи. Ассистентъ токійскаго университета, докторъ Шимамура, во время одного изъ своихъ объѣздовъ провинціи, насчиталъ болѣе тридцати одного случая одержимыхъ».

Очень курьезный случай разсказываетъ Чемберлэнъ, какъ японцы изгоняли разъ нечистую силу изъ двухъ европейцевъ; однимъ изъ нихъ былъ самъ авторъ разсказа.

Лѣтомъ 1879 года въ Японіи свирѣпствовала холера. Чемберлэнъ путешествовалъ по странѣ еще съ однимъ европейцемъ и слугой японцемъ. Ночь застигла ихъ въ одной деревнѣ, гдѣ они и рѣшили переночевать. Каково же было ихъ удивленіе, когда нигдѣ, ни въ одномъ домѣ они не могли найти пристанища; имъ не разрѣшали даже переступить порогъ дома. На вопросъ, что за причина такого единодушнаго, поголовнаго отказа, имъ долго не отвѣчали; наконецъ заявили, что ихъ не пускаютъ потому,

что они принесли съ собою ни много, ни мало, какъ духъ холеры. Послѣ продолжительныхъ разговоровъ ночью, подъ открытымъ небомъ и проливнымъ дождемъ, власти, наконецъ, рѣшили послать за жрецами и предоставить имъ рѣшеніе вопроса. Явилась цѣлая процессія изъ бонзъ въ бѣлыхъ одеждахъ, особенныхъ, къ случаю подходящихъ, головныхъ уборахъ и съ вѣтвями деревьевъ въ рукахъ. Придя на мѣсто, они стали въ два ряда вдоль дороги и среди нихъ должны были медленно, церемоніальнымъ маршемъ пройти наши путешественники. Бонзы читали молитвы, касались остріемъ оголенной сабли ихъ спинъ и махали надъ ихъ головами вѣтками, какъ бы изгоняя вышедшій черезъ спину и голову духъ холеры. Послѣ этой процедуры очищеннымъ путникамъ дали ночлегъ.

Пріѣхавши въ Токіо, европейцы не замедлили сообщить куда слѣдуетъ о случившемся съ ними казусѣ, слѣдствіемъ чего было отставленіе отъ должности всего служебнаго персонала злополучнаго селенія.

Японцамъ казалось обиднымъ или неудобнымъ считать свое лѣтоисчисленіе съ христіанской эры и они рѣшили создать свою собственную. Въ 1872 году было рѣшено считать начало японской эры со дня восшествія на престолъ миѳологическаго лица, основателя нынѣ царствующей династіи перваго микадо Джимму-Тенно. Предполагаютъ, что Джимму-Тенно вступилъ на японскій престолъ 11 февраля 660 г. до Р. Х. и японцы считаютъ свою эру старше христіанской именно на эти 660 лѣтъ. По ихъ счету теперь 2564 годъ существованія ихъ имперіи. 11 февраля поэтому считается большимъ офиціальнымъ праздникомъ и къ нему пріурочиваются разныя торжественныя событія. Въ этотъ день, наприм., въ 1889 году была обнародована японская конституція нынѣ царствующаго императора Муцу-Хита.

11 февраля не только столица и крупные центры, но и незначительные города и селенія бываютъ украшены флагами, фонарями, вечеромъ вездѣ иллюминовано, зажигаются бенгальскіе огни, жгутъ фейерверки.

Народъ здѣсь знаетъ свою исторію и сознательно, не за страхъ, а за совѣсть умѣетъ праздновать великія событія ея. Онъ отлично, наприм., понимаетъ, что такое конституція, свобода слова и печати, законность, свобода отъ полицейскаго произвола и насилія, понимаетъ и очень цѣнитъ.

Мартъ.

Въ первые семь дней марта мѣсяца благочестивые люди Японіи *кормятъ голодныхъ духовъ*. Въ годовщину смерти покойника его родные совершаютъ по немъ поминки. Богатые люди дѣлаютъ это на дому, въ присутствіи множества званыхъ гостей. Приглашаютъ цѣлый причтъ жрецовъ, которые поютъ псалмы, читаютъ молитвы; при этомъ зажигаютъ много восковыхъ свѣчей, курятъ благовоніями. Затѣмъ гостямъ предлагаютъ роскошный пиръ со множествомъ поминальныхъ блюдъ; родные же покойника ѣдятъ только постныя кушанья.

Бѣдные люди ограничиваются поминками на могилахъ покойниковъ, куда приносятъ все необходимое для этого: вареный рисъ, печеніе, чай, фрукты и пр., причемъ жрецы тутъ же и службу совершаютъ.

Есть такіе покойники, у которыхъ никого въ живыхъ не осталось, позаботиться объ ихъ душахъ некому, и они, бѣдные, скитаются въ воздушномъ пространствѣ, мучимые голодомъ и жаждой. Первые семь дней марта посвящены поэтому кормленію голодныхъ духовъ. Священники служатъ общія поминальныя службы для этихъ заоблачныхъ скитальцевъ, а добрые люди жертвуютъ кто что можетъ, въ ихъ пользу.

Трудно найти другую страну, гдѣ дѣти играли бы такую роль, какъ въ Японіи. Ни одна мать здѣсь не рѣшится оставить своего маленькаго ребенка ради какого-нибудь личнаго удовольствія или развлеченія; если она отправляется изъ дома, она старается взять его съ собою. Японскія улицы и площади всегда полны ребятами. Они играютъ, оберегаемыя всѣми вообще и нимѣмъ въ особенности, и, какъ бы велико ни было движеніе, несчастій съ дѣтьми не бываетъ. Этотъ народъ растетъ здѣсь въ такой атмосферѣ любви, вниманія, ласки, какой не знаютъ дѣти другихъ странъ. Недаромъ же Японію зовутъ «раемъ дѣтей». Въ мартѣ мѣсяцѣ устраивается для дѣвочекъ ниже 7-лѣтняго возраста *праздникъ куколъ*. Въ лучшей комнатѣ ставятся вдоль всей стѣны ряды длинныхъ, широкихъ, покрытыхъ краснымъ сукномъ, полокъ, занимающихъ иногда все пространство отъ пола до потолка, и на нихъ устраивается выставка. Обычай этотъ имѣетъ и наглядное образовательное значеніе, потому что тутъ выставлены не однѣ только куклы; передъ глазами ребенка проходитъ цѣлая картина исторической жизни народа, цѣлая галлерея историческихъ дѣятелей. Такія коллекціи, постоянно подновляемыя, хранятся въ богатыхъ семьяхъ и переходятъ изъ поколѣнія въ поколѣніе; нѣкоторыя изъ нихъ, въ старинныхъ дворянскихъ родахъ, насчитываютъ не одну сотню лѣтъ.

Я опишу одинъ такой праздникъ, который мнѣ пришлось видѣть въ японской семьѣ одного знакомаго доктора, профессора медицинской школы въ Нагасаки.

На самой возвышенной полкѣ стояли два лакированныхъ трона и на нихъ подъ золототканнымъ балдахиномъ сидѣли въ древнемъ царскомъ облаченіи микадо и микадесса. Ихъ лица и позы дышали величіемъ и покоемъ; они смотрѣли въ пространство черезъ головы кишащей у ихъ ногъ толпы. Ниже стояли придворные музыканты въ нарядныхъ платьяхъ съ инструментами въ рукахъ. Затѣмъ слѣдовали воины въ рыцарскомъ вооруженіи, придворныя дамы въ затканныхъ золотомъ трэнахъ, танцовщицы, пѣвцы и, наконецъ, въ самомъ низу плебсъ: мужчины, женщины, горожане, крестьяне, носильщики, работницы, прислуга,—словомъ, весь народъ. Передъ каждымъ было поставлено орудіе труда: передъ земледѣльцемъ—соха, передъ гейшей—гитара, арфа и т. д.

Но вѣдь всѣхъ этихъ людей надо накормить, и вотъ передъ каждымъ,

соотвѣтственно его общественному положенію, стоялъ лакированный столикъ съ обѣденнымъ приборомъ и разными блюдами. Между кушаньями преобладали сласти и лакомства, которыми угощали зрителей и гостей въ теченіе трехъ дней, пока длился праздникъ.

Въ самомъ низу поставлены были крошечныя модели приданаго, получаемаго дѣвушкой при замужествѣ. Тутъ были крошечный комодъ для платья, длинный ящикъ для одѣялъ-матрацовъ, письменные приборы, зеркало, обѣденные столики и т. д., и т. д.

Откуда ведетъ свое начало этотъ обычай—въ точности не извѣстно, но онъ насчитываетъ уже болѣе 9 вѣковъ существованія.

Miss Bacon, долго жившая въ Японіи и имѣвшая возможность ближе познакомиться съ интимной жизнью японской старинной знати, даетъ очень интересное описаніе такого «праздника куколъ».

«Меня пригласили въ домъ даіміо,—пишетъ она,—изъ рода Токугава. Въ этомъ домѣ старинные обряды и обычаи выполнялись съ величайшей строгостью, а иностранныя вліянія коснулись его такъ мало, что даже старый календарь не былъ замѣненъ новымъ.

«Праздникъ куколъ происходилъ въ этомъ домѣ въ третій день третьяго луннаго мѣсяца стараго японскаго года, вмѣсто 3 марта, когда вся страна празднуетъ нынѣ этотъ праздникъ.

«Въ этомъ домѣ куклы и историческія фигуры собирались въ теченіе многихъ столѣтій. Отъ пяти до шести широчайшихъ полокъ до двадцати футъ и больше длиною, были переполнены фигурами со всѣми принадлежностями для ихъ жизни. Ряды императоровъ и императрицъ слѣдовали другъ за другомъ, а изысканная обстановка и домашняя утварь были удивительно красивы и дороги! Передъ каждымъ членомъ императорской четы стоялъ элегантный лакированный столикъ со всѣмъ приборомъ; тутъ были подносъ и чашки, кубки и кувшины для саке, ведра для вареная риса и т. д., все въ полномъ составѣ и въ каждой посудѣ находилась та именно пища или напитокъ, для которой она только предназначена. Саке, употреблявшееся для этого праздника, представляетъ сладкую, бѣлую жидкость, спеціально приготовленную и совершенно не похожую на то саке, которое имѣется въ продажѣ подъ этимъ именемъ.

«Кромѣ обѣденныхъ приборовъ, тутъ находилось все, въ чемъ могло нуждаться изображеніе микадо: лакированные паланкины, такія же кареты, запряженныя черными быками; онѣ помѣщались внизу съ обѣихъ сторонъ эстрадъ; въ нихъ въ древности катались императоры; тонко сдѣланныя серебряныя и бронзовыя хибачи — ящики для согрѣванія комнатъ во время холодовъ—находились тутъ же вмѣстѣ съ ящиками для угля и щипцами; полный кухонный приборъ со всѣми принадлежностями: зелень, фрукты—все приготовлено такъ тонко и сложно, такъ красиво, что хоть сейчасъ на столъ. Тутъ же на другомъ мѣстѣ лежали всѣ принадлежности для туалета: всевозможной формы и величины гребни и гребенки, зеркала, при

боры для чернѣнія зубовъ, для бритья бровей; краски для губъ, бѣлила для лица и шеи. Все это было разложено къ великой радости дѣтскихъ душъ.

«Въ теченіе трехъ дней изображеніямъ микадо и микадессъ прислуживали со всѣми подобающими такимъ высокимъ особамъ почестями. Это дѣло предоставлялось цѣликомъ крошкамъ-хозяйкамъ. По окончаніи праздника все укладывалось снова вплоть до будущаго года».

Коллекція, о которой разсказываетъ miss Bacon собиралась вѣками и принадлежитъ знатнѣйшему роду въ Японіи, который въ теченіе двухъ съ половиной вѣковъ пользовался почти царской властью, почему она такъ дорога и многочисленна. Но люди менѣе богатые и даже совсѣмъ не знатные всетаки собираютъ изъ года въ годъ куклы и устраиваютъ такія празднества для своихъ крошекъ дѣвочекъ.

9 марта —день весенняго равноденствія—день угощенія Будды. Передъ его изображеніемъ ставятся цѣлыя горы печенія — которыми угощаютъ и посѣтителей, приходящихъ въ этотъ день въ домъ.

Благодаря тому, что въ мартѣ уже очень тепло, принято среди береговыхъ жителей устраивать разныя морскія прогулки для ловли миноги. Рано утромъ толпа мужчинъ, женщинъ и дѣтей отправляется на рыбачьихъ джонкахъ далеко отъ берега въ море и ждетъ тамъ отлива; при наступленіи его выходятъ на морское дно и, собравъ дань въ видѣ раковъ, моллюсковъ и проч., ждутъ наступленія прилива и возвращаются съ богатой добычей домой.

Мартъ и апрѣль—разгаръ японской весны: деревья обновляютъ свою зелень и постоянно что-нибудь цвѣтетъ—не одно, такъ другое; воздухъ напоенъ тончайшимъ ароматомъ; вѣтровъ почти не бываетъ и небо бездонно-глубоко. Воздухъ такъ чистъ и прозраченъ, что съ извѣстныхъ возвышенныхъ пунктовъ открывается безконечная даль... Ночи тихія, чудныя, но еще немного свѣжія; но зато утра такъ очаровательно-прекрасны, что бываетъ жалко проспать или даже потратить на какое-нибудь дѣло лишніе четверть часа. Куда ни кинешь взглядъ — на горы, на поля, на деревья (а ихъ много даже въ наиболѣе населенныхъ городахъ)—вездѣ зелень, молодая, свѣжая и нѣжная и цвѣты всѣхъ оттѣнковъ и формъ. Дышится такъ легко, свободно; никуда не тянетъ, ничего не хочется, ни къ чему не стремишься. Хочется только дышать этимъ живительнымъ воздухомъ и всѣми фибрами своего существа наслаждаться этой дивной природой, смотрѣть безъ конца въ это бездонно-глубокое, голубое небо, на синюю морскую гладь и окружающіе холмы и горы, окутанные въ зелень и цвѣты.

Апрѣль.

8 апрѣля день рожденія Будды, одинъ изъ величайшихъ праздниковъ для его послѣдователей. Расцвѣтъ буддизма въ Японіи совпадаетъ съ эпохой господства въ странѣ сіогуновъ Токугавской династіи. Въ на[illegible]

XIX вѣка онъ сталъ приходить въ упадокъ, а съ реставраціей власти микадо и съ возстановленіемъ синтоизма—поклоненія духамъ предковъ—какъ господствующей религіи, буддизмъ долженъ былъ уступить ему первенствующую роль. Въ разгарѣ революціи и междоусобныхъ войнъ много буддійскихъ храмовъ было разрушено и многія, процвѣтавшія прежде, буддійскія секты были совершенно разорены.

Прежде день рожденія Будды праздновался очень торжественно во дворцахъ микадо и сіогуна; теперь онъ празднуется только въ буддійскихъ храмахъ, гдѣ при большомъ стеченіи вѣрующихъ, послѣ торжественной литургіи среди святилища ставятъ алтарь со статуей Будды и его буквально засыпаютъ цвѣтами и все окропляется священной водой сладковатаго вкуса—ама-ча. По выходѣ изъ храма, вѣрующіе получаютъ немного этой «святой водицы» для больныхъ и вообще тѣхъ изъ родныхъ, которые не могли почему-либо присутствовать въ храмѣ.

Въ основу этого обряда легло повѣрье, по которому при рожденіи Сакья Муни съ неба падала сладкая роса, драконъ собралъ ее и, прилетѣвъ къ колыбели Будды, окропилъ его этой росой.

Въ апрѣлѣ достигаютъ наибольшей красоты своего цвѣтенія абрикосы, персики и вишни. Эти деревья культивируются здѣсь не ради плодовъ, которыхъ они не даютъ, а только изъ-за цвѣтовъ и соки дерева направлены въ цвѣты.

Нѣтъ, кажется, дома, даже самаго бѣднаго, около котораго въ саду или на улицѣ не росло бы одного, двухъ, трехъ такихъ деревьевъ, и улицы, особенно подальше отъ центра города, кажутся какъ бы окутанными бѣлымъ и розовымъ туманомъ, а воздухъ напоенъ нѣжнымъ ароматомъ.

Въ рощахъ храмовъ или въ старинныхъ паркахъ эти деревья растутъ въ изобиліи, и японцы въ эту пору предпринимаютъ цѣлыя экскурсіи и ѣдутъ десятки верстъ, чтобы провести день-другой въ такомъ молочномъ или розовомъ туманѣ. Жители Нагасаки, наприм., ѣдутъ нѣсколько часовъ на дженрикчахъ и 2 часа на пароходѣ, чтобы полюбоваться розовыми аллеями въ паркѣ стариннаго замка въ Омура; жители Токіо собираются, между прочимъ, въ паркѣ Уено. Въ эти дни тамъ можно видѣть людей всѣхъ званій и состояній: отъ знатнаго сановника въ роскошномъ экипажѣ до послѣдняго кули носильщика; всѣхъ привлекла въ паркъ одна цѣль, одно желаніе—насладиться видомъ цвѣтущихъ абрикосовъ и вишень.

На травѣ подъ деревьями разстилаютъ цыновки, ковры, пьютъ, закусываютъ, угощаютъ друзей; кругомъ бѣгаютъ и играютъ дѣти, и всѣ эти люди—художники въ душѣ—отдаются въ эти моменты всѣ цѣликомъ наслажденію красотой Божьяго міра.

А. Черевкова.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Лѣто на Кавказѣ.

Дорога въ Учкуланъ. Учкуланъ.

Интересуясь географіей Кавказа, особенно кавказскаго хребта, въ «Сборникѣ свѣдѣній о народахъ и племенахъ Кавказа» я нашелъ нѣкоторыя любопытныя указанія на мѣста къ западу отъ Эльборуса по верховьямъ Кубани и рѣкъ, ее составляющихъ; эта область интересна въ томъ отношеніи, что она по наблюденіямъ, правда, очень отрывочнымъ, представляетъ климатическій оазисъ—область очень малыхъ осадковъ зимой; мѣстность эта не лихорадочная, воздухъ чудный, чистый, горный (высота отъ 4—5,000 ф.), лѣто позднее (іюль, августъ) и прохладное, виды живописные (см. Апостолова «Географическіе очерки Кубанской области»).

Страна эта меня заинтересовала, а потому я и рѣшилъ жаркое время лѣта—іюль и начало августа, провести здѣсь въ этой дикой горной природѣ, потому что сѣверянину въ это время на Кавказѣ очень тяжко.

Мѣсто, которое я намѣтилъ для своего пребыванія, называется Учъ-Куланъ или просто Учкуланъ, т.-е. три долины, такъ какъ здѣсь сливаются двѣ рѣки, Учкуланъ и Уллукалъ, и образуютъ Кубань, отчего произошло 3 долины (учкуланская, уллукаиская и кубанская). Я списался со смотрителемъ русской горской школы, и онъ разрѣшилъ мнѣ остановиться въ одномъ изъ пустующихъ классовъ.

Москвича, ѣдущаго съ семьей, нѣсколько пугала дикость страны, отсутствіе какихъ бы то ни было удобствъ, безлюдье, бездорожье, трудность прокормиться, но наслажденіе дышать чистымъ горнымъ воздухомъ, видѣть всегда вблизи сверкающій снѣгами Эльборусъ и др. высокія горы, возможность наслаждаться прекрасными горными видами, новость впечатлѣній и отсутствіе обычнаго дачника и путешественника побѣдили всѣ мои опасенія и нерѣшительность: въ первыхъ числахъ іюля я тронулся моремъ изъ Туапсе въ Новороссійскъ. Послѣдній встрѣтилъ насъ обычной пылью и невыносимымъ зноемъ, Тихорѣцкая—тѣснотой и толкотней пассажировъ нѣсколькихъ поѣздовъ, которыхъ почему-то скучиваютъ ночью на этой станціи. Я никогда не могъ понять, отчего именно ночью устраивается встрѣча поѣздовъ и отчего не расширятъ помѣщеній станціи, разъ это

искусственно скопляютъ здѣсь пассажировъ 3 поѣздовъ, а отъ того происходятъ невообразимая сутолока и тѣснота: часть пассажировъ при мнѣ бродила всю ночь по платформѣ за неимѣніемъ мѣста внутри вокзала!

Послѣ 6 часовъ несноснаго топтанія на Тихорѣцкой мы, наконецъ, двинулись на югъ и около 10 часовъ утра прибыли на Невинномысскую станцію владикавказской желѣзной дороги, откуда и начиналось наше путешествіе въ горы.

Запасшись разной снѣдью въ лавочкахъ возлѣ станціи (жареными курами, хлѣбомъ, огурцами и т. п.), мы наняли огромный рессорный фургонъ человѣка на 4 на 6 за 7 руб. до Баталпашинска (50 верстъ) и двинулись въ путь. Пара сравнительно небольшихъ лошадокъ свободно везла рысью нашъ Ноевъ ковчегъ, нѣсколько напрягаясь только на подъемахъ.

Страна имѣетъ видъ степи, раскинувшейся по предгорьямъ Кавказа; огромными волнами шли гряды холмовъ, медленно поднимаясь все выше и выше по мѣрѣ углубленія на югъ, по мѣрѣ приближенія къ кавказскому хребту; безпрестанно приходилось то спускаться въ глубокія балки, на днѣ которой иногда текла рѣчка и вдали виднѣлась станица, то подниматься по довольно крутому склону холма съ тѣмъ, чтобъ тотчасъ же опять начать спускъ на дно балки, которыя становились все глубже. Степь, по которой мы ѣхали, только травянистой растительностью своей напоминаетъ нашу тамбовскую или самарскую, здѣсь вы не найдете этой глади-равнины, на которой ѣдете 10—15 верстъ не встрѣчая никакого мало-мальски значительнаго углубленія, нѣтъ, здѣсь страна вся изборождена глубокими балками и волнами предгорій Кавказа, отчего хищникамъ ногайцамъ, кабардинцамъ и черкесамъ нѣкогда такъ удобно было нападать на насъ, скрываясь между холмами, какъ будто проваливаясь въ балки. Степь сначала имѣла видъ выжженной голой пустыни, на которой огромными грязно-сѣрыми пятнами виднѣлись станицы бывшихъ линейскихъ казаковъ, затѣмъ пошли хлѣбныя поля до Баталпашинска или Пашинки, какъ его здѣсь зовутъ.

Гроза закубанскихъ воровъ изъ разныхъ черкесскихъ племенъ, линейцы, нѣкогда отважные наѣздники и отчаянные храбрецы, соперничавшіе съ самими черкесами ловкостью на конѣ, быстротой удара, силой натиска, знаніемъ всѣхъ военныхъ хитростей и т. п., вынесли на своихъ плечахъ всю тягость обороны Кавказа отъ безпокойныхъ сосѣдей и постепеннаго искорененія и вытѣсненія черкесовъ изъ ихъ дремучихъ лѣсовъ вплоть до ихъ выселенія въ Турцію. Сколько страданій выпало на долю линейцевъ во время этой полувѣковой службы ихъ на пользу Россіи, трудно сказать! Едва ли кто-нибудь изъ нихъ доживалъ до настоящей старости и кончалъ жизнь естественной смертью, особенно когда линія пошла по Кубани лицомъ къ лицу съ непримиримымъ врагомъ, который былъ полнымъ господиномъ противоположнаго берега Кубани. Теперь все это миновало, военныя тревоги и опасности прошли, и только старики лѣтъ 70-ти могутъ кое-что разсказать о прошломъ; населеніе принялось усердно за

мирную работу: разводить скотъ, пашетъ землю, торгуетъ, но пережитки прошлаго безпокойнаго времени еще отзываются до сихъ поръ въ привычкѣ разсчитывать на казенное жалованье, на помощь казны, въ экономической беззаботности, въ забавахъ, наприм., въ кулачныхъ бояхъ, въ которыхъ принимаетъ участіе чуть не вся станица до женщинъ включительно; молодыя дѣвушки съ наслажденіемъ смотрятъ на бой, оцѣнивая силу и ловкость дерущихся. Кромѣ того, большинство линейцевъ, хоть и выходцы изъ губерній центральной Россіи (Курской, Харьковской, Орловской, Воронежской, Саратовской и др.), однако, ужъ ³/₄ вѣка и больше живутъ вольно, не зная крѣпостного права, повинуясь или офицеру, или своему брату казаку, котораго начальство назначило или они сами выбрали въ атаманы станицы: это сказалось въ ихъ обращеніи, въ манерѣ держать себя; ихъ отношеніе къ военнымъ носитъ характеръ обычнаго отношенія къ начальству, къ остальнымъ людямъ изъ образованныхъ и зажиточныхъ классовъ они относятся удивительно просто, съ сознаніемъ собственнаго достоинства, безъ малѣйшаго признака подобострастія или желанія угодить; казакъ любезенъ и услужливъ, если онъ хочетъ быть такимъ, безъ всякаго сознанія, что это дескать баринъ, а просто потому, что ему въ данную минуту хочется услужить или онъ считаетъ это необходимымъ по обычаю. Въ теченіе 50 лѣтъ борьбы съ черкесами, когда черкесскія пуля, кинжалъ и шашка всѣхъ равняли, не дѣлая различія между богатымъ и бѣднымъ, знатнымъ и незнатнымъ, отправляя всѣхъ одинаково на тотъ свѣтъ, въ казацкой средѣ, вышедшей изъ великорусскаго крестьянства, сложились демократическія черты быта, а жизнь послѣ покоренія общаго врага при равенствѣ правъ и имущества, при сравнительной зажиточности всѣхъ, такъ какъ надѣлъ землей былъ щедрый, только закрѣпила этотъ демократическій строй.

Баталпашинская станица была въ 20-хъ и 30-хъ годахъ однимъ изъ передовыхъ нашихъ укрѣпленій; находясь на кубанской линіи, она должна была наблюдать за горскими татарами (карачаевцами), за кабардинцами, вѣрность которыхъ продолжалась только до перваго случая, когда можно было измѣнить безъ особаго риска, и за черкесами, жившими по ту сторону Кубани и сторожившими насъ денно и нощно, чтобъ воспользоваться нашей беззаботностью и неосторожностью для убійства, грабежа или молодецкаго налета на наши мирныя станицы. Особенно важно было положеніе кубанской линіи, когда Шамиль старался втянуть черкесовъ въ борьбу съ нами совмѣстно съ Чечней и Дагестаномъ: наши укрѣпленія по Кубани, а потомъ по Лабѣ, должны были зорко смотрѣть, чтобъ не было серьезныхъ сношеній между востокомъ и западомъ Кавказа и отдѣлить кабардинцевъ отъ черкесовъ.

Крайне неуклюжее названіе Баталпашинской станицы обязано своимъ происхожденіемъ побѣдѣ, одержанной на окрестныхъ холмахъ генераломъ Германомъ 30 сентября 1790 г. надъ Батал-пашей. Въ исторіи нашихъ войнъ на Кавказѣ въ концѣ XVIII в. побѣда эта имѣла очень важное

значеніе. Во время 2-й турецкой войны генер. Бибиковъ сдѣлалъ попытку взять приморскую турецкую крѣпость Анапу, для чего перешелъ Кубань и вдоль всего сѣвернаго Кавказа среди воинственныхъ черкесскихъ племенъ прошелъ до этой крѣпости, потерявъ много людей по дорогѣ въ стычкахъ съ черкесами; потерпѣвъ неудачу подъ Анапой, вернулся назадъ, погубивъ большую часть своего корпуса. Это придало бодрости нашимъ врагамъ и повело къ организаціи обширнаго плана изгнанія насъ съ Кавказа, причемъ душой этого плана былъ Баталъ-паша анапскій и Сулейманъ-паша ахалцыхскій, а участниками почти всѣ народы сѣвернаго Кавказа. Планъ былъ таковъ: Баталъ-паша съ турецкими войсками, усиленными ополченіемъ отъ всѣхъ черкесскихъ племенъ, долженъ былъ соединиться съ кабардинцами и напасть на русскую крѣпость Кизляръ, а съ востока долженъ былъ туда подойти Шейхъ-Мансуръ (самозванецъ-пророкъ, взывавшій во имя мусульманства ко всѣмъ горцамъ, чтобы они шли подъ его знаменемъ на войну съ русскими;—предтеча Шамиля, но менѣе его даровитый и удачливый) съ отборными воинами Дагестана и Чечни. Если бы не побѣда генер. Германа 30 сентября 1790 г., трудно представить всѣ послѣдствія этого заговора, въ которомъ, какъ выше было указано, принимали участіе всѣ мелкіе государи Дагестана, всѣ племена сѣвернаго Кавказа и сѣверо-восточнаго Закавказья.

Если вы подъѣзжаете къ Баталпашинской станицѣ отъ Невинки, то влѣво будетъ кабардинскій аулъ (на другомъ берегу рѣки), черезъ который и спускаются къ мосту, такъ какъ спускъ вправо такъ крутъ, что въ неуклюжемъ фургонѣ можно легко свалиться внизъ. Кубань здѣсь мелка, широка, течетъ множествомъ переплетающихся протоковъ, то расходящихся, то опять сливающихся; ложе ея усѣяно сплошь мелкими камнями и заросло лозняком; теченіе очень быстро, вода отличается мутнымъ цвѣтомъ, но мягка и пріятна на вкусъ; эта мутность воды проистекаетъ отъ того, что ледники, откуда начинается она, и многіе ея притоки, разрушаютъ мягкія горныя породы, размалываютъ ихъ и насквозь проникаются бѣловатымъ порошкомъ этихъ истертыхъ въ тонкую грязь скалъ и камней. Посѣтивъ истоки р. Теберды, лѣваго притока Кубани, я замѣтилъ во льду нижнихъ ледниковъ, что онъ насквозь проникнутъ и окрашенъ свѣтло-сѣрымъ порошкомъ разрушившихся горныхъ породъ, такъ что подледный черный потокъ ужъ былъ замученъ.

Проѣздъ черезъ Кубань идетъ частью по мостамъ, частью прямо по ложу рѣки, что безпокойно и непріятно, но миновать этого пока нельзя, потому что кубанское войско еще не надумало провести мостъ черезъ всѣ рукава.

Баталпашинскъ, это огромная станица, недурно обстроенная одноэтажными домами вродѣ нашихъ маленькихъ уѣздныхъ городковъ, съ большими дворами, садами, палисадниками и огородами; немощеныя улицы во время дождей представляютъ то пруды, то болото, но и въ томъ и въ другомъ случаѣ море невылазной грязи, а лѣтомъ тучи пыли, отъ которой нигдѣ нѣтъ спасенія.

Станица расположена въ открытой степи на возвышенныхъ берегахъ Кубани, гдѣ для вѣтра полный просторъ: на этихъ высокихъ, открытыхъ и плоскихъ равнинахъ лѣтомъ свирѣпствуютъ мучительные, сухіе вѣтры, которые не только поднимаютъ пыль, но еще съ собой несутъ ее издалека, изъ Прикаспійскихъ степей, изъ нашего, а можетъ быть, и изъ восточнаго Туркестана и монгольскихъ степей; лѣто здѣсь невыносимо отъ сухости и пыльнаго вѣтра, а зимой отъ бурановъ. Пыль, приносимая восточными вѣтрами, осаждается по всей Кубанской области мощными пластами лесса, образующаго одну изъ самыхъ плодородныхъ почвъ въ мірѣ.

Судя по вышеуказаннымъ даннымъ, климатъ Баталпашинской станицы не долженъ быть здоровъ, особенно для людей съ не крѣпкими легкими; лихорадки здѣсь тоже не рѣдкость, хотя и не такъ ужасны, какъ въ другихъ частяхъ Кубанской области, ниже по теченію Кубани.

Единственная природная достопримѣчательность Баталпашинска,— это видъ на могучій конусъ Эльборуса, сверкающій днемъ далеко гдѣ-то подъ самыми небесами на дальнемъ юго-востокѣ, а вечеромъ загорающійся красивымъ пунцовымъ пламенемъ солнечнаго заката.

Среди огромной площади станицы стоитъ соборъ довольно обыкновенной постройки, около него покоемъ расположились лавченки, а въ рядахъ по краямъ площади очень порядочные лавки и магазины, гдѣ товаръ большей частью изъ Москвы, но въ самомъ простодушномъ смѣшеніи конфеты съ хозяйственными принадлежностями, мебели и ситцу съ съѣстными припасами.

Востокъ съ его могаметанствомъ сказался здѣсь въ томъ, что, несмотря на чисто русскій характеръ станицы, въ лавкахъ нигдѣ не оказалось свинины, ветчины, колбасы и т. п., какъ и въ Туапсе, гдѣ колбасу дѣлаютъ изъ обыкновенной говядины. На мое удивленіе по этому поводу владѣлецъ самаго лучшаго магазина отвѣтилъ мнѣ, что «если горцы, пріѣзжающіе изъ сосѣднихъ ауловъ, услышатъ запахъ свинины, ветчины или колбасы, то ужъ больше никогда не станутъ покупать въ такомъ, по ихъ мнѣнію, нечестивомъ магазинѣ».

Въ гастрономическихъ магазинахъ здѣсь можно найти порядочный сыръ (копеекъ на 5—10 дороже, чѣмъ въ Москвѣ, за фунтъ), консервы, московскія сласти и т. п.; хлѣбъ, овощи, яблоки, груши, арбузы и т. п. здѣшніе продукты можно купить съ лотковъ и въ лавченкахъ на площади, причемъ яблоки и груши были не хороши и дороги.

Въ станицѣ имѣется нѣсколько постоялыхъ дворовъ съ очень незатѣйливыми комнатами, причемъ у Шéнцовой (у Шéнчихи по-здѣшнему) или Самойленко (теперешняя ея фамилія), онѣ чисты и безъ серьезныхъ насѣкомыхъ; цѣны по мѣсту немножко дороги (1 р., 1 р. 25 к., 1 р. 50 к. за сутки или за тѣ часы, которые вы провели въ комнатѣ). Здѣсь не можно найти и экипажъ на рессорахъ, но за очень дорогую цѣну, такъ что лучше поискать самому на рынкѣ, поспросить у мѣстныхъ обывателей и потолкаться среди казаковъ, у которыхъ хорошая, парная, длин[illegible]

лѣга не рѣдкость, а въ ней можетъ свободно помѣститься 4—5 человѣкъ съ багажомъ; нѣкоторые изъ казаковъ развозятъ товаръ съ Невинномысской станціи по горнымъ ауламъ по заказу тамошнихъ торговцевъ, напримѣръ, въ Учкуланъ, Доутъ, Тебердинское, Сенты и друг., знаютъ дороги, мѣстныя условія жизни, удобныя мѣста для остановокъ, иногда языкъ; иные изъ нихъ сами поторговываютъ понемногу шерстью, хлѣбомъ и др. товаромъ, имѣютъ установившіяся связи и отношенія и благодаря этому могутъ быть очень полезны въ такомъ путешествіи по дикой странѣ, тѣмъ болѣе, что берутъ почти вдвое дешевле, чѣмъ фургоны и друг. рессорные экипажи. Со двора Шéнцовой Эльборусъ виденъ очень отчетливо въ видѣ громаднаго конуса, царствующаго надъ степью и дальними горами.

Стоимость проѣзда съ Невинномысской станціи до Баталпашинской ст. (50 в.) въ фургонѣ, который былъ въ полномъ моемъ распоряженіи, около 6 руб., смотря по погодѣ и времени года, а отдѣльное мѣсто въ немъ— 1 р. 50 к.—2 р.; отсюда же въ сел. Тебердинское или Учкуланъ (на Кубани) за 100—112 верстъ берутъ отъ 10—25 р., смотря опять-таки по времени и экипажу, причемъ въ большомъ грузномъ фургонѣ едва ли можно проѣхать въ Учкуланъ, такъ какъ дороги тамъ довольно плохи и узки, идутъ часто подъ сильно наклоненной скалой, подъ деревьями, по узкому проѣзду и по обрыву надъ Кубанью.

По пути въ Учкуланъ имѣются и почтовыя лошади, хотя почта въ мой проѣздъ до самаго Учкулана не доходила, останавливаясь у бывшаго рудника заснувшаго общества «Эльборусъ»: это общество, въ исполненіе предсказанія Шата-Эльборуса Казбеку:

Онъ настроитъ дымныхъ келій
По уступамъ горъ,
Въ глубинѣ твоихъ ущелій
Загремитъ топоръ;
И желѣзная лопата
Въ каменную грудь,
Добывая мѣдь и злато,
Врѣжетъ страшный путь.—

врѣзало было страшный путь въ предгорія самого Эльборуса, но, имѣя небольшой капиталъ, разстратило его на первоначальное обзаведеніе, на веселую жизнь администраціи, на даровую раздачу акцій учредителямъ и друг. прикосновеннымъ къ дѣлу лицамъ.

Дорога отъ Баталпашинска сначала пошла сильно холмистыми степями, засѣянными пшеницей, овсомъ, просомъ и друг. хлѣбами, потомъ вошла въ долину Кубани и вплоть до Учкулана (больше 100 в.) не отходила отъ нея; долина рѣки была сначала очень широка, такъ что дорога могла идти свободно то вдали отъ русла рѣки, то надъ рѣкой, а потомъ, по мѣрѣ того какъ суживалась долина, дорога все приближалась къ руслу и, наконецъ, пошла по самому берегу. Грохотъ и непрерывный шумъ воды сначала безпокоитъ, утомляетъ и надоѣдаетъ, но потомъ привыкаешь такъ,

что совсѣмъ не замѣчаешь его, или, лучше сказать, онъ такъ дополняетъ окружающую природу, что невольно принимаешь его, какъ нѣчто необходимое, безъ чего этотъ міръ горъ былъ бы мертвъ и неполонъ. Тамъ, гдѣ долина широка, особенно до Красногорской станицы, населеніе занимается земледѣліемъ, видны поля кукурузы и друг. хлѣбовъ, иногда хорошіе заливные луга и т. п.; далѣе долина суживается, съ обѣихъ сторонъ ее замыкаютъ однообразные зеленые хребты саженъ въ 50—70 высотой, которые наверху срѣзаны точно по линейкѣ и имѣютъ такой правильный видъ, какъ будто ихъ нарочно насыпали и выровняли военные инженеры для защиты долины отъ непріятеля; сходство со стѣнами искусственно выстроенной крѣпости дополняется въ дальнѣйшихъ частяхъ долины тѣмъ, что изъ-подъ верхняго слоя почвы выступаютъ горныя породы, разсыпавшіяся наподобіе стѣны, сложенной изъ кирпичей и нѣсколько развалившейся; мѣстами, особенно дальше къ югу, эти породы выступаютъ въ видѣ цѣлыхъ бастіоновъ, башенъ и т. п., отчетливо выдаваясь своими очертаніями изъ общей ровной линіи хребта на темно-голубомъ сводѣ неба. Таковъ видъ съ дороги верстъ на двадцать.

Плоскія вершины горъ и внутренніе скаты ихъ въ долину Кубани поросли свѣжей, зеленой травкой, что придаетъ имъ привѣтливый видъ, нѣсколько ослабляющій впечатлѣніе однообразія и оживляющій этотъ въ общемъ неинтересный ландшафтъ; но, неинтересныя въ худо жественномъ отношеніи, эти горы и ихъ склоны важны въ хозяйственномъ, потому что представляютъ хорошія пастбища для скота окружающихъ станицъ и ауловъ, которые живутъ главнымъ образомъ скотоводствомъ, особенно овцеводствомъ.

Наша дорога шла все время вдоль праваго берега рѣки по верхней террасѣ, гдѣ расположены хлѣбныя поля; пониже опять шли поля, но гораздо меньшихъ размѣровъ, или луга, а широкое, плоское дно долины занимала рѣка, бѣловато-мутная, бѣшено несущаяся, клокочущая, ревущая, но мелкая, безпрестанно разбѣгающаяся въ разныя стороны небольшими протоками; ложе ея очень широко, совсѣмъ не соотвѣтствуетъ количеству воды и представляетъ некрасивое зрѣлище голыхъ отмелей, покрытыхъ галькой, изрѣдка пескомъ и прорѣзанныхъ прихотливо извивающимися потоками воды. Русла эти лишены растительности; изрѣдка тальникъ пробьется сквозь слой камня и узкой полоской вытянется вдоль воды, но вообще наши рѣки безконечно красивѣй этихъ горныхъ потоковъ, если смотрѣть только на рѣку и ея берега.

Горныя рѣки въ ихъ теченіи, гдѣ онѣ вышли изъ полосы лѣсовъ и даже часто въ этой полосѣ, если онѣ текутъ не въ тѣснинѣ, чрезвычайно бѣдны красками, потому что въ почвѣ ихъ усыпаннаго камнями и обсохшаго ложа не могутъ расти цвѣты или травы, а періодическія наводненія сносятъ и уничтожаютъ все, что случайно вырастетъ; берега Кубани на большей части ея теченія по нашему пути тоже были лишены древесной растительности; что касается впечатлѣнія отъ самой рѣки, то при взглядѣ

на нее васъ охватываетъ какое-то безпокойство, духъ вѣчной, неустанной борьбы, стремленія куда-то и зачѣмъ-то, какъ будто она видитъ передъ собою врага и въ вѣчной борьбѣ съ нимъ, въ яростныхъ схваткахъ идетъ впередъ, пробивая дорогу туда, гдѣ она можетъ успокоиться; но вы не видите этого послѣдняго момента, а слышите и видите грохотъ и шумъ борьбы, настойчивость и неустанность стремленій и... вамъ становится тяжело, вы устаете, у васъ нѣтъ отрады, конца дѣла, конца борьбы.

Не только ложе рѣки лишено древесной растительности, но и самая долина безлѣсна, исключая станицъ, гдѣ встрѣчаются деревья, хотя большею частью плодовыя; даже горы, ограничивающія долину, покрыты только травой и кажутся издалека выбритыми, какъ голова мусульманина.

Верстахъ въ 25 отъ Баталпашинска нашъ возница, казакъ, попросилъ сдѣлать небольшую остановку, чтобъ покормить лошадей и дать имъ небольшую передышку. Мы рѣшили, что теперь будетъ удобно позавтракать и напиться чаю; нашъ казакъ собралъ на берегу рѣки нѣсколько сухихъ вѣтокъ, живо раздулъ огонь, надъ огнемъ на концѣ дышла привѣсилъ чайникъ съ водой и какъ-то такъ ловко приладилъ его, что черезъ 15 минутъ кипятокъ былъ готовъ. Все это дѣлалось просто, безъ лишнихъ словъ, любезно и услужливо и вмѣстѣ съ сознаніемъ собственнаго достоинства.

Во время нашего завтрака и чаепитія подошли двое прохожихъ: начался разговоръ; оказалось, что путешественники эти изъ Тамбовской губерніи, бродятъ по Кавказу, работая, гдѣ придется, а сейчасъ изъ Кубанской области, гдѣ жатва кончилась, идутъ въ Карачай (въ верховьяхъ Кубани и ея притоковъ, земля горскихъ татаръ), въ которомъ наступило лѣто и начался покосъ; зарабатываютъ, по ихъ словамъ, недурно, хотя по всему было видно, что эти господа были изъ числа любителей простора, свободы и разнообразія и работаютъ не для достатка и спокойной жизни, а чтобы имѣть возможность бродить по бѣлу свѣту не бѣдствуя.

Встрѣча съ путешественниками-тамбовцами была одна изъ очень немногихъ: дорога пустынна, и только возлѣ Баталпашинска еще встрѣчаются арбы, запряженныя волами, длинныя парныя телѣги вродѣ нашей и всадники, по преимуществу горцы, съ ихъ оригинальной посадкой стоя на стременахъ, въ сѣдлахъ арчакахъ, что при плавной побѣжкѣ горскихъ лошадокъ, при длинныхъ буркахъ и высокихъ папахахъ придавало имъ видъ какихъ-то гигантовъ, идущихъ по землѣ; иногда встрѣчались карачаевцы, везшіе въ Баталпашинскъ 2 или 3 бревна или возвращавшіеся домой съ покупками послѣ продажи этихъ бревенъ. Чѣмъ дальше вглубь горъ, тѣмъ пустыннѣй дорога: иной разъ ѣдешь 2—3 часа и буквально ни единой живой души не видишь!

Долина Кубани до самаго Георгіевскаго или Осетинскаго селенія (50 в. отъ Баталпашинской ст.) отличается тѣмъ же самымъ характеромъ, тою же природой, какъ и въ началѣ: тѣ же зеленыя горы по бокамъ долины, только поднимаются онѣ все выше и выше, тотъ же срѣзанный по линейкѣ хребень горы и отсутствіе отдѣльныхъ вершинъ, то же отсутствіе лѣса,

шумящая рѣка внизу, только горы стали чаще принимать видъ разрушенныхъ и обвалившихся каменныхъ стѣнъ, контрфорсовъ, башенъ и цѣлыхъ бастіоновъ, но все еще въ скучномъ однообразіи ровной линіи гребня.

Населеніе посрединѣ пути измѣнилось: русскія станицы смѣнились аулами абазинцевъ (абхазцевъ, давно перешедшихъ изъ Абхазіи на сѣверный склонъ Кавказа), горскихъ евреевъ, еще сохранившихъ черты лица и шумливость, но въ остальномъ мало похожихъ на нашихъ евреевъ, кабардинцевъ и православныхъ осетинъ въ селеніи Георгіевско-Осетинскомъ; дальше уже начинался Большой Карачай, страна горныхъ татаръ-карачаевцевъ, занимающихъ 3 большихъ селенія по Кубани,—Картъ-Джюртъ, Учкуланъ и Хурзукъ.

Когда мы проѣзжали чрезъ абазинскій аулъ, возлѣ мечети въ концѣ аула наткнулись на толпу абазинъ, которые провожали насъ угрюмыми взглядами, иные глядѣли со злобой, а другіе рѣзко повернулись къ намъ спиной. У всѣхъ этихъ горцевъ ужъ давно отобрано оружіе кромѣ кинжаловъ, безъ которыхъ кавказецъ не можетъ показаться въ обществѣ, какъ мы безъ галстука; за всякій грабежъ или убійство съ нихъ взыскиваютъ очень строго и неукоснительно, поэтому здѣсь можно ѣздить по горамъ безопасно, хотя отъ воровства они все еще не отказались и воруютъ другъ у друга и русскихъ главнымъ образомъ скотъ. Не имѣя никакой работы и живя скотоводствомъ, они отъ бездѣлья и скуки ищутъ развлеченія въ удаломъ воровствѣ.

По мѣрѣ приближенія къ Осетинскому долина нѣсколько расширяется, горы начинаютъ вытягиваться вверхъ и надъ ровной стѣной хребта образуютъ вершины чрезвычайно оригинальной формы, точно Румянцевскій музей въ Москвѣ: на четырехугольномъ основаніи стоитъ круглый бельведеръ, а на немъ еще такой же меньшихъ размѣровъ и т. д.; самая высокая гора изъ находящихся здѣсь Шоана или Шона *), на которой находится старинный храмъ византійской постройки X—XII вѣка (по опредѣленію гр. П. С. Уваровой, А. М. Павлинова, Н. Кондакова и др.). Подъемъ къ церкви очень удобенъ, только въ концѣ нѣсколько крутъ—по скалѣ, гдѣ помѣщается церковь, стоящая не на самой вершинѣ горы, а какъ будто прижавшись къ вершинѣ скалы, надъ которой поднимается еще большая скала, составляющая вершину Шоаны. Церковь подправлена, но безъ перекладки; крыша сдѣлана изъ каменныхъ плитъ, двери и полы везде деревянные, иконостасъ тоже. Подъ церковью найденъ склепъ съ черепами; такихъ могилъ вокругъ церкви, по всей горѣ, по берегамъ Кубани и по окрестнымъ горамъ очень много, но всѣ онѣ раскрыты и ограблены, такъ что теперь здѣсь находятъ только не имѣющіе цѣны бусы, позвонки жел̀ные, пряжки и т. п., указывающіе, что время погребенія въ этихъ гробницахъ можно опредѣлить между X—XII вѣками.

На то же время указываетъ изображеніе Богородицы «Нерушимая стѣна»,

*) Что значитъ по-гречески „церковь".

находящееся на алтарной абсидѣ старыхъ кавказскихъ церквей, и простая архитектура ихъ.

Къ ночи мы пріѣхали въ осетинское Георгіевское селеніе; такъ какъ у насъ не было знакомыхъ среди мѣстныхъ чиновниковъ, то мы проѣхали на общественную квартиру, содержимую обществомъ каждаго селенія для проѣзжихъ чиновниковъ. Пришлось помѣститься всѣмъ въ одной комнатѣ, мужчинамъ спать на полу, гдѣ на насъ повела бѣшеную атаку легкая кавалерія: при такихъ условіяхъ спать могъ только тотъ, кто имѣлъ твердость не только рѣшиться не обращать вниманія на эти нападенія, но и привести это рѣшеніе въ исполненіе, что было очень трудно; менѣе терпѣливый сосѣдъ мой велъ яростную борьбу съ врагами, разъ 20 зажигая спичку, вскакивая, дергался и вертѣлся, точно лежалъ на раскаленныхъ угольяхъ. Тутъ только я понялъ, почему нѣкогда одинъ персидскій царь сдѣлалъ своимъ министромъ изобрѣтательнаго человѣка, который открылъ чудесныя свойства персидской ромашки и тѣмъ далъ возможность царю спать спокойно (см. въ «Воспоминаніяхъ Татьяны Пассекъ» остроумную рекламу А. И. Герцена).

Восхитительное утро смѣнило несносную ночь; въ горныхъ странахъ утро весной и лѣтомъ необыкновенно пріятно: воздухъ удивительно чистъ и прозраченъ, съ легкой голубой дымкой вдали; солнце ярко свѣтитъ, пріятно пригрѣваетъ, но не жжетъ; вѣтра нѣтъ, тишина; вокругъ красивые виды, приближенные къ вамъ вслѣдствіе удивительной прозрачности воздуха! Все это вознаграждаетъ васъ за тѣ неудобства, которыя приходится переносить въ поѣздкахъ по горамъ, гдѣ такъ еще мало культуры, какъ въ нашихъ кавказскихъ, и дѣлаетъ жизнь особенно пріятной и радостной.

Хозяйка-осетинка знала немного по-русски, что облегчало сношенія съ ней по разнымъ хозяйственнымъ вопросамъ, хотя очень много разговаривать съ ней не приходилось, такъ какъ кромѣ молока, яицъ, масла и хлѣба у нея ничего не было, а готовить что-нибудь болѣе сложное намъ не хотѣлось, потому что это задержало бы насъ на пути безъ особой надобности.

Не засиживаясь долго за чаемъ и молокомъ, мы двинулись впередъ, такъ какъ въ этотъ день нужно было проѣхать около 50 верстъ по довольно скверной дорогѣ. Версты 3 виды были тѣ же, что въ Георгіевскомъ, съ тѣми же плосковершинными, круглыми, ступенчатыми горами, покрытыми травой на восточномъ скатѣ (правый берегъ Кубани) и рѣдкимъ лѣсомъ на западѣ, та же широкая, плоская долина съ бродящими коровами, позванивавшими бубенцами и колокольчиками, съ овцами, порывистыми въ своихъ движеніяхъ, быстро перебѣгавшими съ одного мѣста на другое; промелькнулъ домъ съ садомъ, принадлежащій какому-то русскому кущу; вдругъ направо, къ западу, открылась долина рѣки Теберды, вся зеленая, лѣсистая сверху до низу, съ хребтами и вершинами, которые громоздятся одни надъ другими, создавая оригинальную и очень эффектную, точно въ

театрѣ, перспективу горъ, прятавшихся гдѣ-то далеко, далеко за голубоватой дымкой дальняго горизонта.

Но скоро долина Кубани стала суживаться, полей и луговъ стало меньше, стожки сѣна и скирды хлѣба встрѣчались все рѣже, среди коровъ и овецъ все чаще стали мелькать бородатыя козьи мордочки, хотя крупный скотъ все еще преобладалъ; наконецъ, за Каменномостскимъ ауломъ долина сузилась настолько, что Кубань заняла все дно ея и дорога пошла по самому берегу: до самаго Картъ-Джюрта грохотъ рѣки былъ постояннымъ аккомпанементомъ всѣхъ звуковъ природы, сопровождая нашъ путь то грознымъ ревомъ, то глухимъ рокотомъ, то сердитымъ ворчаньемъ небольшихъ потоковъ воды, струившихся между камнями по сильно покатому ложу; изрѣдка рѣка точно отдыхала, катясь съ тихимъ, кроткимъ ропотомъ, какъ будто жалуясь на свою горькую судьбу, но это было рѣдко, и сейчасъ она опять начинала метаться, волноваться и грохотать. Въ одномъ мѣстѣ ущелье такъ сдавлено горами, что дорога должна была подняться на скалу надъ рѣкой; это такъ называемая Волчья пасть или Медвѣжья пасть, хорошо не припомню, какъ мнѣ перевели съ татарскаго языка. Справа выглянуло красивое лѣсистое ущелье съ видомъ на дальнія горы, которыя чѣмъ дальше, тѣмъ все выше поднимались къ небу и все больше закутывались въ дымку, пока, наконецъ, не исчезли изъ глазъ, слившись своими неясными очертаніями съ проходившими мимо облаками. Миновавъ это ущелье, мы попали въ ярко зеленый лѣсъ дубовъ, кленовъ, липы и т. п. деревьевъ, въ ихъ веселомъ убранствѣ ранняго лѣта, и ѣхали въ пріятной тѣни.

Къ грохоту рѣки мы вскорѣ привыкли и стали находить въ немъ свою особенную прелесть, свою особую гармонію, соотвѣтствующую всей окружающей горной обстановкѣ. Мухи, которыхъ такъ много было раньше, вдругъ исчезли; на небольшихъ лужкахъ показались наши лѣтніе луговые цвѣты и травы, долина приняла видъ долины небольшой великорусской рѣчки, съ ея рощицами и купами деревьевъ, съ ея лужками и уютными уголками. Кубань, добродушно погромыхивая, катилась мирно и сравнительно спокойно; вокругъ жужжали пчелы, упиваясь сладкимъ сокомъ луговыхъ цвѣтовъ, и трепетно летали красивыя стрекозы и коромысла, перепархивая съ одного мѣста на другое. Въ долинѣ царила удивительная тишина, влажный воздухъ былъ напоенъ ароматомъ недавно распустившихся цвѣтовъ и свѣжей зелени деревьевъ и какъ-то самъ вливался въ грудь: мы не могли надышаться и пошли пѣшкомъ, чтобы быть ближе къ этому благоухающему ковру. Въ сущности мы переживали здѣсь вторую весну, такъ какъ въ этихъ высокихъ горныхъ странахъ іюнь и начало іюля—весенніе мѣсяцы. Не будь горъ и рѣки, шумѣвшей рядомъ, хоть и не громко, можно бы легко представить себя гдѣ-нибудь на берегахъ Оки, Лопасни или Нары въ концѣ мая или въ началѣ іюня. Эта неожиданная встрѣча съ родной природой въ прекрасный лѣтній день въ чуждой но очаровательной обстановкѣ горной долины, вызвала въ насъ порывъ не-

сторга и наслажденія, а потомъ погрузила, какъ истыхъ русскихъ людей, въ мечтательное и меланхолическое настроеніе. Плывущая по воздуху фигура въ папахѣ вернула насъ къ дѣйствительности и напомнила, что мы на Кавказѣ, но это не помѣшало намъ наслаждаться окружающей природой. Ущелье Кубани еще сузилось, горы подошли еще ближе и падали въ долину крутыми склонами; роскошная растительность наполняла всѣ впадины горъ, всю долину рѣки, окутывала всѣ вершины; кое-гдѣ сквозь стѣну горъ прорывались притоки Кубани и чрезъ ихъ зеленыя долины открывались виды вдаль на другіе хребты, одинъ другого живописнѣй, одинъ другого эффектнѣй; наконецъ, при одномъ поворотѣ долины, когда мы только что переѣхали на лѣвый берегъ рѣки, что-то блестящее, сверкающее на яркомъ солнцѣ золотомъ и серебромъ, что-то колоссальное, какъ само небо, загородило дорогу нашимъ взорамъ, неожиданно вставъ изъ-за горъ: это былъ красавецъ Эльборусъ съ его гигантскими снѣговыми полями и ледниками, съ его подавляющей высотой, которая дала ему возможность даже чрезъ горы, окружавшія насъ и его со всѣхъ сторонъ, заглянуть въ Индышъ, въ долину Кубани! Мы въ одинъ голосъ ахнули отъ неожиданности явленія, отъ изумленія и восторга и рѣшили сдѣлать здѣсь остановку, чтобы подольше насладиться чудной картиной.

Подавляющая бѣлоснѣжная громада Эльборуса такъ придвинулась къ намъ благодаря прозрачности горнаго воздуха, что совершенно придавила окружающія горы, которыя показались маленькими и жалкими; блескъ и сверканіе его снѣговъ уничтожили, подавили всю прелесть и разнообразіе красокъ окружающей насъ природы; онъ былъ отъ насъ, считая не по дорогѣ, а по линіи зрѣнія, не менѣе, какъ въ 40 верстахъ, а намъ казалось, что онъ насѣлъ на сосѣднюю гору, и стоитъ только подняться на нее, чтобы быть у его подножія. Трудно выразить словами то впечатлѣніе, которое производитъ такой великанъ, когда оказываешься вблизи него.

Налюбовавшись вволю невиданнымъ зрѣлищемъ, мы занялись завтракомъ: опять намъ Степанъ ловко и быстро развелъ маленькій костеръ, вскипятилъ воду, заварилъ чай и, сдѣлавши свое дѣло, спокойно и съ достоинствомъ отошелъ въ сторону, чтобы не мѣшать намъ во время завтрака. Расположившись внизу долины у самаго берега Кубани, мы съ усердіемъ людей, протрясшихся въ телѣгѣ съ 7 ч. утра до 12 ч., принялись за наши припасы и чай.

Все вокругъ насъ было намъ ново и мало знакомо, все вызывало любопытство и любознательность. Смотря на рѣку, бурлившую отъ насъ въ 2-хъ аршинахъ, мы замѣтили въ водѣ что-то сѣрое, движущееся: подошли поближе къ берегу и увидали, что это форель; у нея темно-сѣрая спинка и свѣтло-сѣрое брюшко, а по бокамъ разсыпаны ржавчино-красныя пятнышки; ловко и быстро крутясь и извиваясь между камнями, она свободно двигалась противъ теченія, несмотря на то, что быстрота воды въ этомъ мѣстѣ оказалась отъ 12—15 верстъ въ часъ. По словамъ нашего возницы,

рыбы въ рѣкѣ довольно много, потому что татары лѣнивы и мало ловятъ; по веснѣ, во время разлива Кубани, сюда пріѣзжаютъ казаки и, наловивши форели пудовъ 5—10 и больше, солятъ ее и развозятъ по станицамъ, гдѣ продаютъ за хорошія деньги. Впослѣдствіи мы не разъ пытались достать форели, которая очень вкусна и нѣжна, если сварить ее въ водѣ и ѣсть, ничѣмъ не приправляя, кромѣ соли, но лѣнивые карачаевцы отговаривались неимѣніемъ сѣтей или просили безумныя деньги, хотя въ другой разъ, когда ему самому придетъ фантазія раздобыть 20—30 коп., онъ быстро наловитъ рыбы фунта 3—4 и продаетъ ее по 8—10 коп.

На наше счастіе долина Индыша, гдѣ мы расположились, была очень оживлена: то и дѣло по дорогѣ на противоположномъ склонѣ долины проѣзжали верхомъ карачаевцы-татары въ своихъ высокихъ папахахъ и буркахъ, съ своей особой манерой ѣздить верхомъ, стоя въ стременахъ и не подскакивая на сѣдлѣ, какъ мы, а какъ-то такъ мягко и плавно, что если ему дать полный стаканъ воды, то онъ провезетъ его хоть 10 верстъ и не расплескаетъ: карачаевецъ не ѣдетъ, а какъ-то плыветъ въ воздухѣ, причемъ онъ такъ закрываетъ свою маленькую лошадку огромной буркой, что иногда только и видишь фигуру всадника и четыре лошадиныхъ ноги, какъ у кентавровъ. Эти посадка и плавное движеніе горныхъ лошадей иноходью придаютъ горцу много красоты, а всей его позѣ грацію и легкость; въ темнотѣ всадникъ представляется громаднымъ, величественнымъ, такъ что сначала, пока глазъ не привыкнетъ, все кажется, что живешь среди какихъ-то великановъ, хотя, наоборотъ, здѣсь лошади мелки, а люди средняго роста.

Всадники плывутъ мимо насъ то по одиночкѣ, то группами въ 3—4 человѣка, обгоняя другъ друга, разговаривая и жестикулируя, точно на сценѣ, когда на далекомъ заднемъ планѣ, откуда ничего не слышно, видишь только мимику дѣйствующихъ лицъ. Отъ времени до времени появлялись, страшно скрипя, арбы на двухъ громадныхъ колесахъ, запряженныя парой медлительныхъ воловъ, безнадежно равнодушныхъ ко всему въ мірѣ, пробѣжало десятка два-три овецъ, которыхъ куда-то перегоняли или гнали на убой.

Безпрестанно мелькали крошечные ослики, тащившіе туго перетянутые бурдюки съ айряномъ, главнымъ напиткомъ татаръ въ лѣтнее время, когда онъ замѣняетъ для нихъ нашъ чай и воду, составляетъ обѣдъ и завтракъ, такъ какъ горячее кушанье карачаевцы готовятъ только вечеромъ.

Айрянъ или арьянъ, какъ его зовутъ русскіе, это кипяченое молоко коровье, овечье, козье или смѣшанное и заквашенное особымъ грибомъ вродѣ кефирнаго или старымъ айряномъ; вкусъ его схожъ съ кефиромъ, хотя въ немъ есть что-то свое, особенное, что инымъ не нравится, но мы всѣ пили его съ удовольствіемъ. Нѣчто похожее мнѣ приходилось пить на Яйлѣ въ Крыму на кошахъ у чабановъ-татаръ: въ жаркій день, когда горло пересохнетъ и вода удовлетворяетъ только на короткое время, этотъ кисловатый напитокъ отлично успокаиваетъ жажду, также, какъ и [illegible]

казскій его собратъ, можетъ быть, перенесенный изъ Крыма и получившій здѣсь другое названіе. Айрянъ похожъ на нашъ варенецъ, но онъ не такъ жиренъ, жиже и сильнѣй прокипяченъ.

Съ наступленіемъ весны, когда плоскія вершины горъ покроются травой, по которой роскошными букетами раскидаются синія генціаны и всякіе другіе желтые, голубые, красные и бѣлые цвѣты, татары гонятъ скотъ на верхи горъ, гдѣ и оставляютъ до осени, потому что въ долинахъ тѣсно, воздухъ сухъ, всѣ пастбища выгораютъ, слѣдовательно, скоту ѣсть нечего. На плоскихъ вершинахъ, гдѣ помѣщаются постоянныя стоянки пастуховъ, всякая семья, у которой много скота, устраиваетъ изъ камня или бревенъ саклю, грязную и сырую, какъ и всѣ онѣ, освѣщаемую только черезъ дверь; эта сакля, какъ и мѣсто лѣтняго пастбища, называется кошемъ: здѣсь хранится айрянъ, пока за нимъ не пріѣдутъ изъ дому, иногда за 15—30 верстъ, здѣсь бережется ихъ сыръ (у русскихъ онъ часто называется осетинскимъ или кавказскимъ, а на югѣ Россіи брынзой) изъ овечьяго молока, грубый, сухой, соленый и невкусный.

Въ этихъ кошахъ живутъ хозяева, когда имъ вздумается навѣстить свое стадо, и пастухи, не покидающіе горъ (6—8,000 фут.) въ теченіе всего лѣта. Любопытно, что пастухи часто цѣлыми мѣсяцами не ѣдятъ ничего, кромѣ молока, масла, сливокъ, сыру и айряну, и чувствуютъ себя очень хорошо, румяны и здоровы, хотя и скучаютъ безъ хлѣба и соли.

Часа два мы простояли въ этой чудной долинѣ, наблюдая интересныя сценки горной жизни, затѣмъ по такому же прелестному ущелью двинулись дальше мимо сребро-свинцоваго рудника общества Эльборусъ, расположившагося по обѣ стороны рѣки.

Мѣстность эта, гдѣ находится рудникъ и гдѣ мы останавливались, называется Индышемъ; недалеко отъ завода расположена почтовая станція, послѣдняя въ долинѣ Кубани.

Изъ многочисленныхъ притоковъ Кубани, мимо которыхъ мы проѣзжали, упомяну только два, Мару и Худесъ.

Мара впадаетъ въ Кубань справа, недалеко отъ осетинскаго Георгіевскаго селенія, начинаясь на перевалѣ на хребтѣ, отдѣляющемъ Кубанскую область отъ Терской; по ея долинѣ идетъ плохо разработанная колесная дорога къ Кисловодску, причемъ близко къ перевалу въ ужасной горной трущобѣ на большой высотѣ встрѣчается еще поселокъ Мара, населенный карачаевцами, для которыхъ была устроена по распоряженію кавказскаго учебнаго округа школа, а учителемъ туда былъ назначенъ милѣйшій карачаевецъ, сынъ кадія изъ Хурзука, И. М. Б., прошедшій 6 классовъ Ставропольскаго реальнаго училища, простодушный добрякъ, душевно преданный своему великому дѣлу обученія и развитія полудикаго народа. Проникнутый искреннимъ сознаніемъ важности образованія для народа, онъ понялъ, что къ образованію, какъ къ дѣлу новому и трудному, нужно пріучать народъ постепенно, показывая ему практическія выгоды знанія, приманивая его къ школѣ разными приманками, расширяя его хозяйствен-

ный горизонтъ, для чего онъ выписывалъ, наприм., разныя сѣмена изъ Харькова, обучая этихъ скотоводовъ огородничеству, сѣя эти сѣмена и ухаживая за огородомъ вмѣстѣ съ учениками школы; надъ нимъ смѣялись, говорили, что онъ занимается «бабскимъ дѣломъ» (какъ онъ передавалъ слова насмѣшниковъ), но онъ не обращалъ вниманія на эти насмѣшки, выростилъ хорошіе овощи и угостилъ ими своихъ порицателей, находя, что кротостью и фактами лучше всего убѣдишь людей.

Понимая, что женщина—лучшая проводница просвѣщенія, онъ выучился разнымъ рукодѣльямъ и сталъ обучать имъ дѣвочекъ въ Хурзукѣ, гдѣ онъ былъ извѣстнымъ лицомъ; у него собралось до 30 ученицъ, но изъ-за интригъ мѣстнаго учителя это дѣло разстроилось, и онъ ушелъ учителемъ въ Мару.

Замѣчательно, что среди всѣхъ горцевъ карачаевцы охотнѣй всего учатся и заводятъ школы, понимая практическія выгоды знанія.

Рѣка Худесъ впадаетъ въ Кубань на Индышѣ; въ нѣдрахъ горъ, ее окружающихъ, горные инженеры тоже нашли сребросвинцовую руду, такъ что вся эта страна имѣетъ будущее.

Долиной Худеса проникли сюда въ октябрѣ 1828 г. наши войска подъ начальствомъ ген. Эммануеля, тогдашняго начальника Кавказской области и командующаго войсками на кавказской линіи.

Карачаевцы, живя въ такой трущобѣ, только въ концѣ XVIII в. вошли въ сферу нашего вліянія, но въ виду ихъ удаленности у насъ мало было дѣлъ съ ними; когда же въ 20-хъ годахъ начались волненія среди кабардинцевъ, карачаевцы стали укрывать ихъ и помогать имъ, а потомъ сдѣлались посредниками между нашими врагами на западѣ и востокѣ Кавказа. Дѣятельная политика Ермолова заставила карачаевцевъ изъявить покорность русскимъ въ 1822 г., но поджигательства турокъ въ 1827—28 гг. взволновали и ихъ; у нихъ образовалось двѣ партіи: одна съ Дудовымъ во главѣ желала честно исполнять свои обязательства передъ русскими, другая съ Вали Исламомъ Крымъ-Шамхаловымъ подпала вліянію турецкихъ агитаторовъ и дѣйствовала противъ насъ заодно съ закубанскими черкесами и другими нашими врагами; тогда ген. Эммануель проникъ въ Карачай долиной р. Худеса въ октябрѣ 1828 г., разбилъ скопище карачаевцевъ, послѣ чего двинулся въ Картъ-Джюрту, но въ трехъ верстахъ отъ него былъ встрѣченъ посломъ отъ карачаевцевъ и ихъ старшинъ съ просьбой о помилованіи. 22 октября генералу представились всѣ старшины съ извиненіями, а 23 всѣ они, въ томъ числѣ и Вали Исламъ Крымъ-Шамхаловъ присягнули на подданство русскому императору.

Съ тѣхъ поръ карачаевцы живутъ мирно, открытыхъ бунтовъ не принимали, но потихоньку помогали кабардинцамъ, черкесамъ, укрывали бѣглыхъ враговъ нашихъ и вмѣстѣ съ ними ходили воровать, у кого придется. Воровство для карачаевцевъ и теперь пріятное развлеченіе, удальство, средство раздобыть нѣсколько лишнихъ рублей для своего скудно-

хозяйства, причемъ теперь воруютъ (главнымъ образомъ другъ у друга) скотъ, овецъ, лошадей.

Послѣ завтрака около трехъ часовъ мы двинулись дальше вверхъ по Кубани Индышомъ: долина была такъ же прелестна, какъ и въ первой половинѣ своей; ярко зеленая, какъ изумрудъ, тѣсная, узкая, такъ что не вездѣ остается достаточно мѣста для построекъ, почему заводскія строенія раскидались на большомъ пространствѣ по обоимъ берегамъ рѣки. Къ концу это ущелье стало бѣднѣй растительностью, сузилось почти въ трещину и затѣмъ вдругъ раздвинулось въ большую, плоскую долину версты $1^1/_2$ шириной, дно которой занято широко расходившейся своими рукавами Кубанью и множествомъ построекъ, которыя расползлись кромѣ того по нижнимъ частямъ горныхъ склоновъ; дальше вверхъ видны чуть не до вершины хребта огромные лоскуты полей и горныя пастбища. Это—самое старое поселеніе карачаевцевъ Картъ-Джюртъ (т.-е. старый юртъ, старое поселеніе), протянувшійся по долинѣ и по окрестнымъ высотамъ версты на 3, на 4, почти до Учкулана.

Всѣ окрестныя горы поднимаются очень отлого, постепенно, отчего на ихъ склонахъ и можно было устроить пашни; высота горъ различная, отъ 7—9 тыс. фут., а высота самой долины около 4 тыс.; цвѣтъ горъ здѣсь, какъ и въ Учкуланѣ, темносѣрый, довольно мрачный; суровость вида усиливается отсутствіемъ травы и лѣсовъ, такъ какъ скучившееся населеніе вырубило послѣдніе давнымъ давно: трава выгораетъ здѣсь лѣтомъ отъ жгучихъ лучей солнца и чрезвычайной сухости воздуха, которая происходитъ отъ высоты мѣста и особенной конфигураціи горы, вслѣдствіе чего здѣсь вообще выпадаетъ мало осадковъ, а зимой въ особенности, если вѣрить наблюденіямъ надъ осадками въ Учкуланѣ.

Выгораніе травы внизу долинъ заставило здѣшнихъ жителей лѣтомъ угонять свои стада на плоскіе верхи окружающихъ возвышенностей, гдѣ прохладнѣй, дождей больше, лѣто сливается съ весной и осенью въ короткое теплое время года, примѣрно въ 4 мѣсяца (май, іюнь, іюль, августъ), расширяясь иногда на апрѣль и на сентябрь, а иногда суживаясь еще больше. Когда скотоводы-карачаевцы начали заниматься земледѣліемъ, то они увидали, что безъ искусственнаго орошенія ихъ ячмень, овесъ, трава не могутъ вырасти и выгорятъ, а потому, пользуясь сильнымъ наклономъ долины, провели на всѣ луга и поля воду, которую они отводятъ отъ рѣки небольшой канавкой: такимъ способомъ имъ удалось сдѣлать годными для обработки прежде безплодные клочки земли на довольно большой высотѣ. Надо, впрочемъ, сказать, что еще много свободной земли остается невоздѣланной вслѣдствіе трудности обработки, вслѣдствіе необходимости положить много труда на очистку поля отъ камней, провести оросительную канаву и т. п., а горцы не очень большіе любители трудиться, когда можно еще жить, не работая. Дорога идетъ мѣстами среди полей, вслѣдствіе чего приходится безпрестанно переѣзжать черезъ канавки съ довольно крутыми, обрывистыми боками: раздается рѣзкій

толчокъ и какой-то особенный крякъ телѣги, черезъ 5 минутъ опять, и такъ все время, пока проѣзжаешь черезъ эти поля; но за это неудобство оросительныя канавки вознаграждаютъ васъ особеннымъ образомъ: со всѣхъ сторонъ къ вамъ несутся звуки быстро текущей воды. Это единственные звуки, которые слышны въ долинѣ, потому что татары вообще пѣсенъ не поютъ, работаютъ молча; а пѣвчихъ птицъ здѣсь нѣтъ.

Картъ-Джюртъ незамѣтно заканчивается и также незамѣтно начинается Учкуланъ, такъ какъ при горномъ характерѣ страны разселеніе отдѣльными домами и хуторами или, самое большее, группами домовъ удобнѣй всего въ хозяйственномъ отношеніи, поэтому одинъ поселокъ переходитъ въ другой постепенно, съ небольшимъ промежуткомъ между послѣдними домами обоихъ селеній. Въ Учкуланъ мы пріѣхали подъ вечеръ; около волостного правленія толклась масса карачаевцевъ, одѣтыхъ въ свой обычный, такъ сказать форменный костюмъ: въ бешметъ (короткій кафтанъ изъ легкой бѣлой или цвѣтной матеріи, застегивающійся до горла), сверхъ него надѣта черная суконная черкеска, изрѣдка цвѣтная или бѣлая, и темные шаровары въ сапоги, съ кинжаломъ на поясѣ спереди (но не какъ средство для нападенія, потому что карачаевцы мирный народъ); разодѣвшись такимъ образомъ, карачаевцы цѣлыми днями болтаются по селенію, около волостного правленія или еще гдѣ-нибудь, такъ какъ скотоводство не отнимаетъ у нихъ времени, земледѣліе ничтожно, а какихъ-либо другихъ промысловъ здѣсь почти не существуетъ.

Едва мы въѣхали во дворъ школы Учкулана, какъ цѣлая толпа этихъ праздношатающихся подошла къ намъ, и одинъ изъ толпы, видный господинъ съ длинной бородой, обратился ко мнѣ съ допросомъ: кто вы? Откуда? Я ли просилъ позволенія остановиться въ школѣ? и т. д. и затѣмъ съ важнымъ видомъ турецкаго падишаха сталъ во главѣ процессіи; за нами шла толпа зѣвакъ вплоть до нашей квартиры.

Старшина Байрашкуловъ принадлежитъ къ мѣстной аристократіи и къ мѣстнымъ богатѣямъ, одержимъ маніей величія и выступаетъ впереди насъ съ важностью театральнаго царя; указавъ отведенную намъ квартиру, онъ торжественно удаляется. Толпа остается и съ жаднымъ любопытствомъ смотритъ за всѣми нашими движеніями, пока мы разбирали свои вещи, а потомъ начинаетъ медленно расходиться.

Мы устраиваемся въ пустующей квартирѣ одного изъ учителей, раскладываемся, разставляемъ по-своему мебель, нѣсколько разбитые отъ ѣзды въ телѣгѣ въ теченіе двухъ сутокъ, отъ безсонной ночи, отъ дурной дороги, усыпанной небольшими камнями, отъ которой наша телѣга, а вмѣстѣ съ нею и мы, изрядно попрыгала за послѣдній день; въ нашей умѣ все время сидитъ мысль, что теперь было бы хорошо вымыться и выкупаться въ рѣкѣ, а еще лучше въ банѣ, какъ вдругъ смотритель училища заявляетъ намъ, что сегодня суббота, когда школа топитъ бани для своихъ служащихъ и для желающихъ изъ обществъ селенія! Мы были просто въ восторгѣ отъ этой новости, которая шла навстрѣчу нашимъ

желаніямъ, сейчасъ же собрались и отправились внизъ къ самой рѣкѣ, гдѣ стояла баня. Какое наслажденіе было посидѣть въ тепломъ, влажномъ воздухѣ бани, смыть пыль и улечься въ чистую, хоть и жесткую постель!

Проспавши однимъ духомъ всю ночь, я былъ разбуженъ свѣтомъ, который откуда-то вдругъ ворвался въ комнату прямо въ глаза мнѣ. Спросонья оглядѣвшись съ трудомъ, я замѣчаю, что наружная дверь пріотворена и нѣсколько любопытныхъ глазъ стараются разсмотрѣть насъ въ темнотѣ; я привсталъ, глаза отскочили, дверь прикрылась; подхожу къ двери и вижу цѣлую толпу бабъ, предлагавшихъ купить яйца и куръ. Сонъ былъ прерванъ, любопытство возбуждено, захотѣлось поскорѣй посмотрѣть, что такое этотъ Учкуланъ, въ которомъ мало кто былъ изъ русскихъ, такъ какъ это одна изъ самыхъ глухихъ трущобъ Кавказа.

Учкуланъ — большое село, раскиданное по ущельямъ 3-хъ рѣкъ, въ долинахъ Учкулана, Уллукама и Кубани версты на 3—4; зданіе школы стоитъ на самой стрѣлкѣ при сліяніи Уллукама и Учкулана въ одно русло Кубани, которая отсюда и получаетъ свое настоящее имя. Положеніе школы на перекресткѣ трехъ долинъ очень не выгодно, потому что ее обдуваетъ вѣтеръ буквально со всѣхъ сторонъ: только при полномъ штилѣ вы не ощущаете свиста вѣтра; если же въ другихъ частяхъ долины ощущается хоть ничтожное движеніе воздуха, здѣсь оно превращается въ очень сильный вѣтеръ, неустанно дующій часовъ съ 10 утра и до 5—6 час. вечера. Это обычный горный вѣтеръ въ долинахъ, гдѣ ему нѣтъ задержки въ лѣсахъ, а такъ какъ школа стоитъ на высокомъ юру, и выдвинута ближе къ срединѣ долины, которая верстъ на 10 не представляетъ ни малѣйшей задержки для вѣтра, то онъ и разыгрывается здѣсь свободно. Днемъ этотъ вѣтеръ дуетъ вверхъ къ большимъ горамъ.

Окрестныя горы такъ высоки, что, несмотря на ширину долины, изъ окна можно видѣть только бокъ, склонъ горы, а чтобъ видѣть вершину ея или небо, надо закинуть голову назадъ и смотрѣть изъ-подъ низу вверхъ. Сначала все это кажется страннымъ, темныя горы безъ зелени мрачными, страна угрюмой, но потомъ привыкаешь и начинаешь чувствовать себя пріятно въ этой оригинальной странѣ съ чуднымъ чистымъ воздухомъ.

Населеніе здѣсь, какъ и въ Картъ-Джюртѣ, истребило лѣсъ на всѣхъ горахъ; только угловая гора между долинами Учкулана и Уллукама еще сохранила остатки его, но можно думать, что и этотъ недолго уцѣлѣетъ, такъ какъ потребность въ топливѣ и въ строительномъ матеріалѣ растетъ, населеніе прибавляется и, разумѣется, сводитъ лѣсъ.

Селеніе Учкуланъ построено безъ всякаго плана: дома идутъ то улицами, то разбросаны семейными группами родичей, то стоятъ одиночками среди поля или на уступѣ скалы.

Жилища горцевъ русскіе называютъ саклями; онѣ выстроены у большинства по одному плану: гдѣ есть лѣсъ, сакли стоятъ изъ сруба изъ слегка отесанныхъ бревенъ, концы которыхъ часто не обровнены на уг-

лахъ, такъ что одно бревно короче, другое длиннѣй иногда на цѣлый аршинъ; гдѣ лѣса нѣтъ, тамъ стѣны дѣлаются изъ неотесанныхъ камней, изъ глины, а иногда домъ просто землянка; крыша односкатная, плоская, съ дырой для выхода дыма, покрытая толстымъ слоемъ земли, гдѣ съ теченіемъ времени вырастаетъ аршинный бурьянъ; весной такая крыша—хорошее пастбище, лѣтомъ, когда и зелень сгоритъ, аршинный бурьянъ торчитъ, точно у дома волосы стали дыбомъ, что придаетъ саклѣ комическій видъ. Крыши и пола въ такомъ сараѣ нѣтъ, оконъ тоже,—ихъ замѣняетъ дверь и дымовое отверстіе въ крышѣ; печь замѣнена открытымъ очагомъ посреди избы, гдѣ разводится огонь для варки пищи и для тепла; дымъ отъ очага поднимается вверхъ и уходитъ въ дымовое отверстіе, но при вѣтрѣ наполняетъ всю саклю, коптитъ стѣны и платье, ѣстъ глаза, пронизываетъ своимъ запахомъ всѣ вещи; этотъ запахъ, впрочемъ, много пріятнѣй, чѣмъ вонь отъ бараньяго сала, отъ шерсти, которой настолько продушены всѣ карачаевцы, что ихъ можно обонять издалека, такъ какъ вся ихъ одежда и шапка изъ одного и того же матеріала—изъ овечьей шерсти и овчины, плохо очищенной, плохо промытой и потому отдающей козломъ; шерстью же они набиваютъ матрасы и подушки, изъ нея же дѣлаютъ кошмы и ковры, отчего горецъ насквозь пропитывается запахомъ барана.

На мой вопросъ, неужели темная, сырая и холодная сакля, гдѣ часто задыхаешься и слѣпнешь отъ дыма, имъ кажется удобнѣй, чѣмъ русскій домъ, мнѣ отвѣчали, что въ нашемъ домѣ душно и нѣтъ мѣста, около котораго пріятно было бы усѣсться, какъ около огонька на очагѣ, около котораго они ѣдятъ, пьютъ, спятъ, грѣются, болтаютъ, родятся и умираютъ.

Иные изъ карачаевцевъ побогаче строятъ себѣ русскіе дома, потому что это считается шикомъ, модой, но сами живутъ рядомъ въ темной и грязной саклѣ, а русскій домъ стоитъ пустой.

Жизнь горцевъ идетъ въ крайне первобытныхъ условіяхъ натуральнаго хозяйства, когда онъ всѣ свои нужды удовлетворяетъ своими домашними силами и средствами, кромѣ немногихъ продуктовъ, которые онъ принужденъ покупать у русскихъ: денегъ у него мало, заработковъ нѣтъ или очень мало, купить не на что, поэтому онъ и долженъ довольствоваться предметами домашняго производства. Единственное средство заработать деньги, — продать овцу или барана, нѣсколько десятковъ фунтовъ или пудовъ шерсти или жеребенка, или—съѣздить въ лѣсъ, набрать дровъ, срубить дерево и свести его въ Баталпашинскъ, но какъ мало онъ за это получитъ, трудно представить себѣ.

Карачаевецъ изъ Учкулана или Картъ-Джюрта запрягаетъ пару воловъ въ арбу на двухъ большихъ колесахъ; колеса вертятся вмѣстѣ съ осью, никогда не смазываются и издаютъ пронзительный визгъ и скрипъ; но мало этимъ не смущаясь, ѣдетъ онъ въ область дремучихъ лѣсовъ и высокихъ горахъ верстъ за 35—45 по ужасающей дорогѣ, усѣянной и и-

ними иной разъ въ ½ аршина, а иной и больше высотой: громадное колесо арбы втаскивается часто на отвѣсный бокъ камня, арба накреняется, почти падаетъ, но татаринъ равнодушно смотритъ на это неудобство, съ грохотомъ скатывается съ камня, скоро опять наѣзжаетъ на такой же камень или вваливается въ поливную канаву, переѣзжаетъ бурную рѣку вбродъ или по животрепещущимъ мосткамъ, которые такъ гнутся и шатаются подъ арбой, что смотрѣть страшно, — и наконецъ доѣзжаетъ до долины, напр. у Нахарскаго перевала, употребивъ на это большую часть дня. Здѣсь онъ высматриваетъ подходящее дерево, рубитъ его и отдѣлываетъ, очищаетъ отъ вѣтвей, отъ громаднаго бревна въ 40—50 аршинъ длиной онъ вырубаетъ лучшую часть въ 8—12 верш. въ отрубѣ, взваливаетъ на арбу одно или два бревна не болѣе, какъ въ 10 арш. длиной, и отправляется домой, а иногда отдыхаетъ здѣсь ночь и рано утромъ пускается въ путь, ночуетъ дома, если это по дорогѣ, а на другой день трогается въ Баталпашинскъ, до котораго добирается дня въ 4—5, иногда позже, смотря по дорогѣ, тяжести лѣса, по силѣ своихъ воловъ. Если ему удастся продать бревно скоро, то чрезъ сутки онъ можетъ двинуться обратно, а иногда долженъ бываетъ пробыть и дольше; продастъ онъ свои бревна рубля за 1½—2, купитъ муки, ситцу и т. п. необходимыхъ вещей и ѣдетъ обратно, не торопясь, тоже 4 — 5 дней, иногда больше въ дождливую погоду. Такимъ образомъ, чтобъ заработать 1½—2 руб., карачаевецъ сдѣлаетъ около 300 верстъ и истратитъ на это отъ 10—13 дней, т.-е. заработаетъ столько, сколько у насъ извозчикъ въ одинъ неудачный день на одну лошадь и пролетку!

Главное богатство карачаевцевъ, — скотъ, который они разводятъ въ такомъ количествѣ, что ихъ собственныхъ пастбищъ имъ нехватаетъ; поэтому они снимаютъ луга у казаковъ горныхъ станицъ далѣе къ западу верстъ на 100 до верховьевъ рѣки Бѣлой, но и этого недостаточно; а между тѣмъ доходъ отъ рогатаго скота здѣсь малъ, потому что коровы даютъ мало молока, какъ большинство горныхъ коровъ у насъ; это происходитъ частью отъ вырожденія породы, частью отъ дурного ухода, а отчасти и отъ скудости корма, отъ необходимости лазать по горамъ и проходить довольно большія пространства. Кромѣ того, куда карачаевецъ можетъ продать излишекъ молока? У него нѣтъ сбыта, такъ какъ у всѣхъ имѣется достаточно молока отъ своихъ коровъ; поэтому молоко идетъ здѣсь главнымъ образомъ на приготовленіе айряна, сквернаго горскаго сыра и масла, т.-е. для собственнаго употребленія.

Одинъ изъ представителей здѣшняго дворянства, самый интеллигентный и наиболѣе предпріимчивый во всемъ краю, Крымъ-Шамхаловъ Исламъ, художникъ, пейзажи котораго выставлялись, если не ошибаюсь, на выставкѣ московскихъ художниковъ, задумалъ увеличить доходность своихъ стадъ сбытомъ сыра и масла во время сезона въ Кисловодскъ; для этого онъ ѣздилъ по русскимъ сыроварнямъ, выучился сыроваренію, повелъ дѣло, какъ говорили, очень недурно, получилъ барыши; но затѣмъ начались

обычныя плутни продавцевъ молока, разбавлявшихъ его водой; затѣмъ трудность доставки свѣжаго сливочнаго масла на лошадяхъ въ жару въ Кисловодскъ, болѣзнь главнаго двигателя этого предпріятія и др. обстоятельства пріостановили это дѣло, которое могло бы дать хорошій заработокъ карачаевцамъ. Всякое начало, разумѣется, трудно: надо, чтобъ горцамъ пришлось особенно круто и трудно, и только тогда они выйдутъ изъ своего соннаго состоянія, изъ своей закоснѣлости и примутся за промышленность, имъ мало привычную. Общество или правительство должно выписать изъ Швейцаріи или Тироля нѣсколько производителей улучшенныхъ породъ, завести школу сыроваренія и маслодѣлія, что едва ли будетъ особенно дорого, и затѣмъ улучшить дороги, идущія отъ горъ къ населеннымъ центрамъ. Тогда такой живой народъ, какъ карачаевцы, проявляющіе свою энергію пока только въ воровствѣ и конокрадствѣ, найдетъ исходъ для своей дѣятельности и разовьетъ дѣло сыроваренія и маслодѣлія до такихъ размѣровъ, какъ это мы видимъ въ Швейцаріи.

Самая главная бѣда въ жизни карачаевскаго народа, именно въ дѣлѣ развитія его промышленныхъ знаній и навыковъ, заключается въ невѣжествѣ народа, хотя карачаевцы довольно охотно идутъ въ школу и даютъ деньги на нее; но въ виду мѣстныхъ условій, — положенія школы между татарско-мусульманскимъ населеніемъ и русской администраціей, въ виду соперничества двухъ русскихъ властей или вѣдомствъ, далѣе вслѣдствіе тягостнаго положенія учителей, заброшенныхъ въ эту трущобу и попадающихъ въ положеніе вещи, которую тянутъ въ разныя стороны три силы и т. д.,—вслѣдствіе этихъ и другихъ причинъ школа не пустила здѣсь достаточно глубокихъ корней и не создала въ народѣ надежныхъ друзей; достаточно интригъ старшины - татарина, который имѣетъ какіе-нибудь счеты съ учителями или смотрителемъ, чтобъ отпугнуть народъ отъ ученья.

Кромѣ того трудно найти хорошихъ учителей, желающихъ пойти въ такую страшную глушь, на жизнь среди чуждаго имъ народа, языкъ котораго непонятенъ, нравы и религія чужды: учителя бѣгутъ отсюда при первомъ удобномъ случаѣ въ Кубанскую область въ казачьи школы или въ Закавказье и др. мѣста, хотя по жалованью и др. условіямъ они поставлены здѣсь сравнительно хорошо, такъ какъ считаются на государственной службѣ, получаютъ пенсію, чины, ордена и т. д.

Къ чести кавказской школьной администраціи надо сказать, что она старается заманить сюда людей получше, заботится объ основаніи новыхъ школъ въ отчаянныхъ дебряхъ, напр. въ Марѣ, но ея хлопоты не всегда достигаютъ благопріятнаго результата частью отъ косности населенія, частью отъ нѣкоторыхъ постороннихъ учебному дѣлу вліяній.

Желательно было бы, чтобъ къ горцамъ разныхъ племенъ назначались учителя изъ русскихъ, хоть нѣсколько знающихъ мѣстный языкъ, потому что инородцы нетерпимо относятся другъ къ другу, а на русскихъ [illegible]

трятъ, какъ на силу, которой надо подчиниться; если учителей братъ изъ среды того же народа, то они не могутъ справиться съ искушеніемъ говорить на родномъ языкѣ, дѣлаютъ мало успѣховъ по-русски, сами въ большинствѣ плохо справляясь съ нимъ; по культурѣ они обыкновенно мало поднимаются надъ сѣрой массой своихъ соплеменниковъ съ ихъ суевѣріемъ, фанатизмомъ и узкостью міросозерцанія горца, выросшаго въ дебряхъ кавказскихъ горъ на поученіяхъ невѣжественныхъ и фанатичныхъ муллъ, главныхъ враговъ всего новаго, всего русскаго, готовыхъ агентовъ для мусульманско-турецкой агитаціи. Изъ исторіи кавказской войны извѣстно, что муллы всегда возбуждали народъ къ возстанію противъ русскихъ.

Сближеніе съ русской культурой и просвѣщеніе горцевъ при помощи русскаго языка, знаній и европейско-христіанскаго міросозерцанія возможно только тогда, когда туземныя дѣти будутъ или въ постоянномъ общеніи съ массой русскихъ, или пройдутъ русскую школу подъ руководствомъ русскихъ учителей, хорошо знающихъ мѣстные нравы, обычай и языкъ. Недурно было бы найти инородцевъ, которые впитали бы въ себя европейскую культуру, достаточно бы обрусѣли въ школѣ и въ русскомъ обществѣ, но не потеряли бы связи съ родной страной и языкомъ: такіе учителя были бы удобнѣй всего, къ чему и стремится, напр., учительская семинарія въ Ладожской станицѣ, но достигаетъ этого мало, сколько я могу судить по молодымъ людямъ, обучавшимся или кончившимъ въ ней курсъ.

Туземцы-учителя, происходящіе изъ того селенія, куда ихъ потомъ назначаютъ учителями, слишкомъ сильно чувствуютъ свою зависимость отъ мѣстныхъ старшинъ, отъ старшихъ своихъ родичей, что особенно нужно имѣть въ виду, такъ какъ среди туземцевъ до сихъ поръ еще сохранился родовой духъ, подчиненность младшихъ членовъ семьи старшимъ и т. п. Положеніе учителя-туземца между русскимъ начальствомъ, русскимъ закономъ, русской школой и своими родичами часто бываетъ тяжело, создаетъ душевную драму, заставляетъ его кривить душой и служить не дѣлу просвѣщенія, а угождать невѣжеству, суевѣрію и фанатизму своихъ родичей, что̀ губитъ все дѣло школы.

Русское вліяніе въ горахъ выразилось пока въ устройствѣ школъ, проведеніи дорогъ, въ организаціи управленія, въ появленіи русскихъ торговцевъ, привозящихъ горцамъ мелкіе галантерейные, мануфактурные и металлическіе товары въ обмѣнъ на шерсть, овчины и скотъ, особенно овецъ, дающихъ знаменитую въ Кисловодскѣ карачаевскую баранину; кромѣ того, русскіе сдѣлали попытку введенія среди горцевъ Карачая правильной медицинской помощи, но дѣло пока ограничилось постройкой небольшихъ аптечекъ и устройствомъ нѣсколькихъ фельдшерскихъ пунктовъ, разбросанныхъ на огромномъ пространствѣ. Въ мусульманскихъ странахъ необходимо было бы имѣть на пунктахъ фельдшера и фельдшерицу или женщину-доктора, потому что иначе женская половина населенія оказы-

вается лишенной медицинской помощи: хотя женщины здѣсь не прячутся отъ постороннихъ мужчинъ и не закрываютъ лица чадрой, но стыдливость не дозволитъ ей обратиться къ доктору или фельдшеру: очень часто мужъ или отецъ приходитъ и требуетъ отъ фельдшера лѣкарства для больной жены и взрослой дочери, не умѣя даже приблизительно объяснить, чѣмъ онѣ больны; на отказъ фельдшера лѣчить заочно иной мужъ приходитъ въ ярость и лѣзетъ въ драку, какъ намъ передавали въ Учуланѣ, такъ какъ предполагаетъ, что это дѣлается нарочно, безъ достаточнаго основанія.

Въ Карачаѣ особенно была бы нужна докторица, знакомая, съ лѣченіемъ кожныхъ болѣзней, такъ какъ при нечистоплотности горцевъ, при жизни въ грязныхъ, темныхъ и сырыхъ саклях здѣсь очень распространена чесотка, парша и др. кожныя болѣзни до проказы включительно; число прокаженныхъ порядочное — до 150 человѣкъ; живутъ они на свободѣ, могутъ заражать другихъ, часто имѣютъ семьи; говорятъ, что изъ 150 чел. прокаженныхъ во всемъ Карачаѣ большинство падаетъ на глубокія и мрачныя ущелья по восточную сторону Эльборуса, въ долинахъ Чогема, Баксана и др. рѣчекъ.

Было бы очень полезно устроить въ этихъ странахъ пріютъ для прокаженныхъ, что можно сдѣлать на средства самого Карачаевскаго общества въ одной изъ безчисленныхъ пустынныхъ долинъ; но надо помнить, что все, слишкомъ не похожее на привычные порядки жизни, отталкиваетъ отъ себя народъ.

М. Б.

(Продолженіе слѣдуетъ).

По берегамъ Кореи *).

(Очеркъ.)

III.

Стоянка на рейдѣ Чемульпо въ свѣжую погоду очень непріятна: рейдъ слишкомъ открытъ и волненіе достигаетъ большихъ размѣровъ.

Погода на утро разгулялась, и такъ какъ «Genkai-maru» долженъ былъ простоять двое сутокъ, то я взялъ необходимыя вещи и рѣшилъ отправиться на берегъ.

Воспользовавшись бывшимъ около парохода сампаномъ, которымъ правилъ весломъ японецъ, я пустился въ Чемульпо.

Несмотря на свой крайне неуклюжій видъ, сампанъ, какъ плоскодонка, очень удобенъ для плаванія во время волненія. Она легко скользитъ съ волны на волну и, сидя въ сампанѣ, качаешься словно въ люлькѣ.

Приливъ уже начался и нашу сампанку несло къ берегу очень быстро. Волненіе еще къ тому же не улеглось, такъ что брызгами волнъ обдавало съ головы до ногъ. Два раза верхушка волны влетѣла даже въ сампанъ.

По мѣрѣ приближенія къ берегу яснѣе обрисовывался весь рельефъ мѣстности. По обѣ стороны бухты выдѣлялись изъ воды островки и видно было, какъ между нихъ бурлилась и пѣнилась рѣка Хань-янъ.

На далекое разстояніе отъ устья рѣки вода была мутна. Множество шаландъ, сампановъ и парусниковъ стояли въ бухтѣ на якорѣ и совершали свой морской танецъ, то подпрыгивая всѣмъ своимъ существомъ, то подбрасывая кверху свои тупые носы, то зарываясь въ волну кормой.

Чѣмъ больше входили мы въ бухту, тѣмъ слышнѣе становился шумъ несущагося прилива, а приливы въ Чемульпо громадны и достигаютъ обычно высоты 25 фут. Слышалось какъ рокотанье отдаленной бури.

Приливъ совершенно покрываетъ маленькіе острова, скрывая до половины въ водѣ большіе. Во время отлива обнажаются не только острова, высоко выдающіеся теперь надъ водой, но обнажается на далекое разстояніе дно бухты.

---

*) *Русская Мысль*, кн. IV, 1904 г.

При входѣ во внутреннюю бухту Чемульпо выдается громадный конусообразный островъ, покрытый до половины кустарниковой и древесной растительностью. На этомъ островѣ видны проложенныя отъ подножья до самой вершины тропинки и дорожки. Во время хорошей погоды этотъ островъ служитъ для устройства пикниковъ и прогулокъ европейской колоніи Чемульпо.

Во время приливовъ островъ этотъ лежитъ въ водѣ до трехъ третей, а во время отлива обнажается до основанія.

Влѣво отъ бухты лежитъ также островъ съ большимъ, на его вершинѣ, бѣлымъ маякомъ, рѣзко выдѣляющимся на зеленомъ фонѣ деревьевъ.

Бухта вся имѣетъ форму полукруга и заканчивается двумя большими мысами.

Наконецъ, мы приблизились къ пристани, представляющей собою простые мостки, и японецъ сталъ багромъ цѣпляться за стоявшіе сампаны, чтобы подтянуть и свой къ мѣсту высадки.

Карабкаться на мостки было нелегко, такъ какъ приливъ еще не достигъ полной высоты и мостки были высоко надъ водой.

Выйдя на берегъ, я отправился прямо въ ближайшую къ берегу гостиницу Дайбуца, не то еврея, не то выходца изъ Царства Польскаго. Гостиница чистенькая и содержится опрятно.

Устроившись въ номерѣ и выпивъ стаканъ кофе на верандѣ съ видомъ на море, я отправился осматривать Чемульпо.

Городъ Чемульпо состоитъ, собственно говоря, изъ одной большой, тянущейся по нагорному берегу бухты улицы, на которой сосредоточены вся жизнь и дѣятельность. Эта улица начинается таможенными учрежденіями и амбарами для склада товаровъ, затѣмъ слѣдуетъ контора японскаго пароходнаго общества Nippon Jusen Kaioha, отель Дайбуца, телеграфъ, англійское и другія консульства и рядъ торговыхъ и промышленныхъ заведеній, каковы лавки, кафе, рестораны, парикмахеры, мѣнялы денегъ и друг.

Эта большая улица заканчивается у мыса, на которомъ расположены благотворительныя учрежденія миссіонеровъ и сестеръ St. Vincent de Paul. Отсюда улица переходитъ въ тропу, которая спускается къ берегу моря и доводитъ до корейскаго поселка.

Параллельно большой улицѣ Чемульпо идутъ еще двѣ улицы, пересѣченныя нѣсколькими уличками и переулками, поднимающимися уже на гористую часть.

Все Чемульпо состоитъ изъ трехъ главныхъ сетльментовъ: японскаго, китайскаго и европейскаго. Японцы, которые количественно поглощаютъ всѣ другія національности, называютъ Чемульпо «Jinsen», китайцы зовутъ его Ен-тай, а корейцы свою деревушку называютъ Ін-чоу.

Европейская часть Чемульпо имѣетъ много европейскихъ построекъ, лучшихъ по архитектурному типу всѣмъ постройкамъ на Дальнемъ Востокѣ. Матеріаломъ для построекъ домовъ служитъ сѣрый кирпичъ, а снаружи дома имѣютъ террасы, балконы.

Что касается до японскихъ построекъ, то онѣ напоминаютъ собою скорѣе большіе раздвижные игрушечные деревянные домики, нежели настоящіе дома. Японскій домикъ имѣетъ прежде всего одну низовую комнату, которая открывается на улицу. Говорю открывается потому, что эта комната не имѣетъ ни входной двери, ни оконъ, а съ вечера на ночь или задвигается деревянной стѣнкой, или забирается досками, которыя съ утра снимаются, и вся комната живетъ на виду всѣхъ. Эта передняя комната представляетъ собою возвышенный помостъ, устланный на полу безукоризненно чистыми циновками. Эта комната въ японскомъ домѣ представляетъ собою самое разнообразное назначеніе: она можетъ служить и для торговли, и мастерской ремесленника, и кофейной, и парикмахерской, и просто пріемной комнатой для гостей. Здѣсь торгуютъ, пьютъ, ѣдятъ, принимаютъ гостей.

Боковая и заднія комнатки служатъ для жилья.

Чистота первой комнаты и всѣхъ комнатъ японскаго дома поддерживается главнымъ образомъ тѣмъ, что какъ сами хозяева, такъ и всѣ приходящіе гости или посѣтители-японцы обязательно снимаютъ свою обувь, оставляя ее на полу, а на помостъ входятъ въ чулкахъ.

Главное движеніе и жизнь на улицѣ Чемульпо начинается утромъ и продолжается весь день. Съ утра идетъ исключительно рабочая жизнь. Корейцы-рабочіе, носильщики тяжестей и грузчики сходятся одинъ за другимъ къ пристани, къ таможеннымъ складамъ, къ баркамъ, на которыя они грузятъ товары и подвозятъ къ пароходамъ или свозятъ ихъ съ пароходовъ на берегъ.

Кореецъ-рабочій типиченъ и самъ по себѣ, типиченъ и своей фигурой. Средняго роста, коренастый, съ толстой шеей, подавшись впередъ и нѣсколько сгорбившись, идетъ онъ, неся на своей спинѣ такъ называемую рогулю. Рогуля — это два крѣпкихъ, на одномъ концѣ загнутыхъ рогомъ корневыхъ стержня, соединенныхъ на нижнихъ своихъ концахъ досчатой площадкой, на которую кладутся переносимыя тяжести.

Передніе концы рогули укрѣпляются на плечахъ, а вся тяжесть, несомая на рогулѣ, плотно прислоняется къ спинѣ. Въ согнутомъ положеніи, наклонивъ голову внизъ, кореецъ и носитъ тяжести. Голова носильщика корейца остается или открытой, причемъ черные волосы бываютъ всегда собраны и подняты на макушку, закручены въ жгутъ и укрѣплены на деревянной или сдѣланной изъ камня, толстаго стекла палочкѣ, обмотанные чернымъ шнуркомъ, или же прикрыта тряпицей, завязанной съ двухъ концовъ у подбородка.

Кромѣ рабочихъ-корейцевъ по улицамъ Чемульпо снуютъ взадъ и впередъ во множествѣ японцы, въ ихъ характерной широко-рукавной одеждѣ (кимоно) и столь же характерной стучащей обуви, деревянной сандаліи, въ которую ставится нога.

Въ своей обуви нога японца похожа на ногу двукопытнаго. Происходитъ это отъ того, что, надѣвая сандалію, японецъ проводитъ прикрѣпля-

ющій ее къ ногѣ ремешокъ въ промежутокъ между большимъ пальцемъ. Чулокъ вслѣдствіе этого также имѣетъ для большого пальца особое мѣсто, отчего ступня японца и раздѣляется по виду на двѣ части: большой палецъ въ одну сторону, а всѣ остальные пальцы ноги въ другую сторону.

При ходьбѣ деревянныя сандаліи хлябаютъ, ударяясь о землю и отставая отъ подошвы при подниманіи ноги, такъ какъ пятка ноги остается свободной. Отъ этого хлябанья и получается особый деревянный стукъ, когда идетъ японецъ или японка. Вслѣдствіе такой обуви и походка японцевъ крайне некрасива: они особенно низко сгибаютъ колѣна, какъ бы присѣдая при ходьбѣ, и выворачиваютъ ступни ногъ внутрь, ходятъ какъ бы заплетая что ногами.

Чемульпо полно японцами. Вся мелкая и крупная мѣстная торговля въ ихъ рукахъ, всѣ ремесленники и прислуга — японцы, всѣ рестораны содержатся японцами. Но кромѣ того множества японцевъ, которые имѣютъ какое-либо занятіе, видны массы японскаго люда, который, видимо, ничего не дѣлаетъ, а живетъ въ ожиданіи чего-то. Это что-то, какъ говорятъ всѣ въ одинъ голосъ, есть война Японіи съ Россіей, война, которой избѣжать невозможно и къ которой Японія начала готовиться, напрягая всѣ свои силы, прилагая всѣ свои знанія и умѣнья съ 1898 года.

Въ числѣ подготовительныхъ мѣръ было и наводненіе Кореи японцами солдатами, отставными и запасно-отпускными, которые, получая отъ японскаго правительства пособіе, осѣдали въ Кореѣ, находили себѣ то или иное занятіе, пристроились къ тому или иному предпріятію.

Предусмотрительность Японіи за много лѣтъ впередъ нынѣ оправдалась и дала блестящіе результаты: вся Корея полна японцевъ, знающихъ каждую тропинку, каждое селеніе, давно расположившихся въ этой странѣ, какъ у себя дома.

Въ японскихъ рукахъ не только вся мѣстная торговля, но въ японскихъ лавкахъ и магазинахъ можно имѣть всю европейскую мануфактуру съ клеймами на товарѣ «Made in Germany» или «Made in England», подѣланныхъ въ Японіи.

Въ Чемульпо есть одна или двѣ и корейскихъ лавочки, въ которыхъ можно купить спеціально корейское производство изъ особымъ образомъ проклеенной бумаги.

Туристы прежде всего покупаютъ корейскіе вѣера съ особымъ корейскимъ рисункомъ красно-зеленаго цвѣта, а туземцы покупаютъ изъ такой же бумаги сдѣланные непромокаемые зонты, фонари, плащи.

Европейская торговля не представительна, и въ двухъ-трехъ магазинахъ можно имѣть все необходимое не только для европейцевъ, живущихъ въ Чемульпо постоянно, но и для туристовъ, и для отрядовъ, которые, какъ десанты, идутъ въ Сеулъ на охрану посольствъ.

Пройдя главную улицу и миновавъ торговые ряды лавокъ, я спустился по тропинкѣ въ долину, на которой близъ берега моря расположилось

рейское селеніе. Издали этотъ поселокъ казался продольнымъ рядомъ стоговъ соломы, поставленныхъ въ два ряда.

Корейскій поселокъ составлялъ одну длинную уличку, довольно узкую, а ряды стоговъ оказались корейскими хатками, дѣйствительно похожими на стога соломы. Хатки низки, малы, тѣсны. Крыша ихъ пологата и нѣсколько конусообразна, крыта тростникомъ съ соломой, причемъ тростникъ и солома перевязаны другъ съ другомъ вплотную, связки ихъ какъ бы вплетены одна въ другую.

Эта слоистость придаетъ крышѣ видъ чешуи. Постройка хаты глинобитная, и общій видъ корейскаго поселка крайне жалкій, грязный и нищенскій.

Завалинки у хатъ и углы стѣнъ потрескались, частью обвалились, и видна самая суть стройки: глина, смѣшанная съ рѣзаной соломой, закладывается межъ столбиковъ, врытыхъ въ землю, и образуетъ такимъ образомъ стѣну хатъ. Отъ такого смѣшенія и цвѣтъ хаты получается пестро-грязный.

Снаружи черезъ открытыя двери и оконца можно видѣть и всю внутренность хаты, крайне неприглядную, нищенскую.

Большую часть хаты внутри занимаетъ очагъ, отъ котораго выведена на крышу большая, вся закопченая, труба. Очагъ топится вязанками хвороста, который собирается на ближайшихъ холмахъ и горахъ. Принесенный для топлива хворостъ такъ и бросается въ связкахъ на очагъ и горитъ, производя вначалѣ страшный, удушливый дымъ, который во время топки корейскихъ печей-очаговъ не только заполняетъ эти хаты, вырываясь черезъ окна и двери, но стоитъ густой тучей надъ всей деревней.

Корейскія хаты являются самымъ печальнымъ представителемъ курныхъ избъ, крайне вредныхъ для здоровья ихъ обитателей.

Бѣдность и нищета корейскаго населенія глядятъ изъ такихъ тѣсныхъ конуръ изъ каждаго ихъ уголка.

Въ нѣкоторыхъ домахъ помѣщаются и тѣсныя лавчонки, въ которыхъ, однако, весь товаръ состоитъ изъ сушеной рыбы мѣстнаго улова, свѣжей рыбы, съѣстныхъ припасовъ, сѣтей и рыболовныхъ принадлежностей, риса, бобовъ, фасоли, спичекъ и прочихъ мелочей, необходимыхъ въ самой невзыскательной повседневной жизни.

Утромъ корейскій поселокъ пустъ и безмолвенъ: всѣ мужчины на работѣ въ морѣ или въ Чемульпо, женщины или занимаются домашними работами, или моютъ бѣлье на ближайшемъ, протекающемъ черезъ поселокъ, ручьѣ.

Тишина нарушается только лаемъ собаки, непремѣнно имѣющейся во дворикѣ каждой хатенки и лѣниво выглядывающей на проходящаго.

Корейская собака велика ростомъ, лохмата, но труслива при видѣ европейца.

При обходѣ Чемульпо и корейскаго поселка мнѣ бросились въ глаза двѣ особенности: не было въ Чемульпо ни одного японскаго домика, въ

которомъ не жила бы кошка и непремѣнно съ обрубленнымъ хвостомъ, и я не встрѣтилъ во всемъ корейскомъ поселкѣ ни одной кошки при громадномъ количествѣ собакъ.

Впослѣдствіи мнѣ подтвердили, что корейцы не терпятъ кошекъ и убиваютъ ихъ, если какая и заведется въ деревнѣ, но собакъ любятъ. Японцы, наоборотъ, отдаютъ предпочтеніе кошкамъ. Китайцевъ на жительствѣ въ Чемульпо немного и тѣ все «мало-мало купеза», т.-е. торгуютъ въ разносъ по окрестнымъ селеніямъ и уѣзднымъ городкамъ всякимъ мелкимъ товаромъ, подобно нашимъ коробейникамъ.

Послѣ шести часовъ жизнь въ Чемульпо оживляется: съѣзжаютъ на берегъ съ пароходовъ офицеры, появляются европейцы разныхъ національностей, оживаютъ рестораны, раздается веселый смѣхъ и звонъ стакановъ изъ японскихъ увеселительныхъ заведеній.

Въ общемъ Чемульпо бойкій японо-европейскій городокъ. Постоянныя стоянки военныхъ судовъ, десанты, передвиженіе ихъ, постоянная смѣна разноплеменныхъ европейцевъ, ищущихъ аферъ и предпріятій, шумная японская физіономія городского населенія,—все взятое вмѣстѣ придаетъ городу особую оригинальную дальне-восточную окраску. Чемульпо имѣетъ, кромѣ того, три достопримѣчательности: высокую гору, которая возвышается надъ Чемульпо и служитъ мѣстомъ прогулокъ, старую крѣпостцу въ устьѣ рѣки Хань-Янъ и монетный дворъ.

На гору ведутъ дорожки, по которымъ легко взобраться. Тамъ, среди громадныхъ сосенъ, есть скамейки, гдѣ можно отдохнуть и полюбоваться чуднымъ видомъ, открывающимся на море, скалы, острова, зеленѣющіе изъ воды, на далекую морскую дѣятельность, на городъ и долину съ ея корейской деревушкой и на человѣческій муравейникъ, копошащійся у подножья.

На предгорьи находится небольшой буддійскій храмъ съ изображеніемъ застывшаго въ созерцаніи Будды, а близъ храма предпріимчивый японецъ содержитъ ресторанъ, гдѣ можно имѣть минеральныя воды, кофе, чай.

Крѣпостца, защищавшая когда-то входъ въ рѣку Хань съ моря, въ настоящее время имѣетъ мало интереса. Расположена она по небольшому мысу, въ глубинѣ бухточки, на сѣверъ отъ Чемульпо.

Это четыреугольная постройка изъ гранитныхъ большихъ глыбъ, облицованныхъ гранитными же плитами и насыпаннымъ поверхъ земляннымъ валомъ и съ четырьмя глубоко вдающимися въ стѣнахъ внутрь амбразурами для пушекъ. Внутрь крѣпостцы ведетъ дверь, окованная желѣзомъ. Внутри крѣпостцы четыре комнатки, въ которыхъ и стоятъ четыре пушки. Пушки интересны, какъ рѣдкость для музея, и имѣютъ за собою, вѣроятно, большую древность. Стволы ихъ позеленѣли, а отлиты онѣ настолько искусно, что на поверхности ствола имѣютъ ясно выдающуюся борозду, указывающую на то, что будто онѣ были спаяны изъ двухъ отдѣльныхъ частей. Пушки поставлены каждая на деревянной тяжелой рамѣ безъ колесъ, позади нихъ поставлены большія гранитныя тумбы, назначеніе которыхъ было, конечно, останавливать откатъ пушки послѣ выстрѣла.

Монетный дворъ—зданіе новое. Располагается онъ въ долинѣ за холмами и потому не виденъ съ берега.

На монетномъ дворѣ работаютъ до сотни корейцевъ и японцевъ подъ наблюденіемъ директора японца. Впрочемъ, работы надъ чеканкой серебряной монеты изъ серебра пріостановлены, такъ какъ оказалось, что серебряные доллары выгоднѣе получать изъ Японіи, нежели чеканить у себя дома. Поэтому стояло въ бездѣйствіи большое шибало, которымъ выбивались доллары, и около него чеканъ, все это покрытое толстымъ слоемъ пыли.

На монетномъ дворѣ шла работа только надъ чеканкой мѣдныхъ денегъ. Японское вліяніе на всѣ отрасли корейскаго управленія коснулось и монетнаго дѣла. Королевскимъ указомъ установлено слѣдующее денежное обращеніе въ странѣ. Серебряные доллары — іены въ пять и въ одинъ іенъ, никелевая ходячая монета въ пять центовъ и мѣдная—въ одинъ центъ.

Осматривать въ Чемульпо болѣе было нечего, и я рѣшилъ воспользоваться возможностью съѣздить по желѣзной дорогѣ въ Сеулъ, который отстоитъ отъ Чемульпо въ разстояніи около 50 верстъ.

Путь отъ Чемульпо до Сеула очень оживленный, и изъ окна вагона я наблюдалъ проходившую передъ моими глазами повседневную жизнь населенія.

Мѣстность все время разнообразится то горами, то долинами, то оврагами, съ извивающимися черезъ нихъ тропинками и дорогами для пѣшеходовъ и животныхъ, такъ еще недавно поддерживавшихъ постоянное сообщеніе между Чемульпо и Сеуломъ.

Между ближайшими селеніями и теперь постоянно встрѣчались пѣшеходы и сообщеніе происходило посредствомъ лошадей, быковъ, ословъ, переносившихъ тяжести вьючнымъ образомъ на своихъ спинахъ.

Мѣстами выбѣгала навстрѣчу красивая темно-зеленая рощица, горы стояли, покрытыя богатой растительностью, мѣстами попадались болотистыя пространства, мѣстами обнаженные холмы съ пластами красной и ярко-желтой глины. Часто встрѣчались поселяне, возвращавшіеся съ холмовъ съ связками, на спинѣ, хвороста, который они собирали для топлива.

Хворостъ они срѣзаютъ изогнутымъ ножомъ на подобіе нашего серпа, насаженнаго на длинную палку. Иные вмѣсто хвороста несли вязанки сѣна, бурьяна или камыша, обильно растущаго въ нѣкоторыхъ болотистыхъ низинахъ.

По пути часто попадались пустыри и совершенно заброшенныя и необработанныя пространства земли. Какая противоположность между Китаемъ и Японіей, въ которыхъ не пропадаетъ ни одинъ клочокъ земли необработаннымъ.

Мѣстами встрѣчалась почва чернаго цвѣта, совершенно какъ у насъ черноземная.

Нѣкоторыя болотистыя пространства подвергаются осушкѣ, что практикуется слѣдующимъ способомъ: рядомъ канавъ вода спускается по скло-

намъ внизъ въ долину, или въ оврагъ, или въ искусственно выкопанный ровъ-водоемъ.

Мѣстами встрѣчались рисовыя поля, раздѣленныя на особыя дѣлянки съ орошеніемъ, обильно дающимъ воду посредствомъ канализаціи, спускающей воду съ верхнихъ дѣлянокъ на нижнія.

Близъ селеній встрѣчались изрѣдка нагруженные хворостомъ большіе быки, которые медленно двигались по холмистымъ тропинкамъ, сопровождаемые проводникомъ-корейцемъ, спокойно посасывавшимъ свою трубочку. Встрѣчались и рабочіе, которые на длинныхъ палкахъ, положенныхъ себѣ на плечи, переносили большіе короба.

По пути промелькнуло передъ глазами нѣсколько деревень, но большинство имѣло очень грустный видъ и выглядѣло грязно и бѣдно. Хаты, такъ же нищенски унылыя, какъ и въ Чемульпо, стояли то сбившись въ кучу, то разбросавшись по отдѣльнымъ домикамъ.

Вмѣстѣ съ пѣшеходами встрѣчались и верховые, а разъ встрѣтили и носилкахъ, вѣроятно, знатнаго чиновника, несомаго людьми.

Самые интересные были всадники. Корейскія лошадки очень низкорослы, худощавы, съ злой мордочкой и живыми маленькими, злыми глазками, сверкающими изъ-подъ густой чолки, съ большой гривой, считаются очень выносливыми и неприхотливыми. Странно было видѣть на такихъ низкорослыхъ лошадкахъ или осликахъ длинныя фигуры корейцевъ въ ихъ бѣлыхъ балахонахъ и высокихъ шляпахъ.

На полпути мы проѣхали большое селеніе, въ которомъ было нѣсколько европейскихъ домовъ и видно было много японцевъ.

Начиная съ этого селенія, стали попадаться по пути чрезвычайно оригинальные, высокіе, старые деревянные столбы, вершина которыхъ заканчивалась грубо сдѣланнымъ изображеніемъ человѣческаго лица съ большими красными или бѣлыми глазами, съ раскрытымъ ртомъ, челюсти которого полны громадной величины зубами. Внизу подъ изображеніемъ помѣщена надпись китайскими іероглифами. На мои вопросы о значеніи этихъ путеводныхъ столбовъ, отвѣчали мнѣ различно. Одни говорили, что эти столбы, янъ-сунь, служатъ указателемъ пути, а на верхушкахъ ихъ находятся изображенія добрыхъ духовъ, покровителей странниковъ; другіе говорили, что эти изображенія служатъ напоминаніемъ о старинныхъ корейскихъ витязяхъ-герояхъ, а третьи считали эти изображенія за легендарнаго корейскаго Сенъ-Си, покровителя земледѣлія и земледѣльцевъ. Изображенія этого Сенъ-Си ежегодно по окончаніи жатвы, осенью, сжигаются, какъ приносимая благодарственная жертва.

Начиная отъ этого большого селенія, стали чаще встрѣчаться отдѣльныя родовыя кладбища и гробницы. Однѣ изъ гробницъ и могильныхъ памятниковъ имѣли форму простой каменной плиты. На такихъ могильныхъ плитахъ и до сихъ поръ совершаются жертвоприношенія, въ дни поминовенія усопшихъ, душамъ предковъ.

Другіе памятники имѣли форму высокаго каменнаго столба, поставлен-

наго надъ плитой. Столбъ былъ покрытъ выпуклыми письменами, причудливыми барельефами, орнаментами и заканчивался изображеніемъ головы человѣка, покрытой старинным уборомъ, который носили знатные люди.

По мѣрѣ приближенія къ Сеулу чаще и чаще стали встрѣчаться селенія и лучше обработанныя поля.

Но вотъ и рѣка Хань-Янъ. На ней находится небольшой островокъ и въ этомъ мѣстѣ переправа на другую сторону.

Рѣка здѣсь широка, сажень сто, имѣетъ быстрое теченіе. На берегу собралась веселая компанія корейской молодежи, видимо устроившей пикникъ на островахъ и ожидавшей возможности туда переправиться. Среди молодежи виденъ былъ музыкантъ, который наигрывалъ на флейтѣ мѣстнаго производства изъ желтаго тростника простую народную, но пѣвучую и пріятную для слуха мелодію.

Около группы молодежи толпились слушатели, ожидавшіе парома. Слушатели были дѣловые, рабочіе люди съ рогулями на плечахъ, серпами, косами въ рукахъ, вязанками хвороста; тутъ же стояли навьюченные рослые красивые корейскіе быки, меланхолично пережевывая жвачку, съ своими столь же меланхоличными хозяевами.

Показались каменныя стѣны Сеула и его знаменитыя Восточныя ворота. Стѣны, окружающія Сеулъ, менѣе высоки и менѣе толсты, нежели стѣны Пекина. Вотъ и станція съ неизбѣжнымъ шумомъ и суетой, толпами корейцевъ и японцевъ. Одинъ изъ толпы японцевъ подошелъ ко мнѣ и по-русски предложилъ отправиться въ гостиницу. Этотъ японецъ, какъ оказалось, долго жилъ во Владивостокѣ, а теперь состоялъ въ числѣ слугъ гостиницы, высылавшей за прибывающими путешественниками.

Уже вечерѣло, когда я прибылъ въ гостиницу, содержимую французомъ, но носившую на себѣ вполнѣ японскую физіономію.

На другой день съ утра я отправился осматривать Сеулъ, начавъ осмотръ съ его стѣнъ, которыми онъ весь окруженъ.

Стѣны сложены изъ большихъ тесаныхъ камней и имѣютъ высоту до 25 фут. Въ настоящее время стѣны не поддерживаются и мало-по-малу разрушаются. Въ городъ извнѣ ведутъ восемь воротъ, но главными, городскими воротами считаются Восточныя, Западныя, Сѣверныя и Южныя. Какъ городская стѣна, ея постройка, расположеніе, такъ и ворота очень напоминаютъ пекинскую городскую стѣну.

Около воротъ также ведутъ на стѣну мощеные камнемъ подъемы и на стѣнѣ надъ воротами также возвышаются двуярусныя башни съ черепичатыми, изогнутыми по краямъ вверхъ, крышами.

На угловыхъ концахъ крышъ висятъ небольшіе колокольчики, которые при вѣтрѣ звонятъ очень мелодично.

Арки подъ воротами облицованы розовымъ гранитомъ, а фронтоны башенъ раскрашены разноцвѣтными яркими, вычурными украшеніями, достаточно однако уже обветшалыми, почернѣвшими и разрушенными.

Весь городъ вдоль стѣнъ окруженъ глубокимъ и широкимъ рвомъ, черезъ который у воротъ перекинуты каменные мосты. Городскія ворота въ Сеулѣ, какъ таковыя же и въ Пекинѣ, съ вечера на ночь запираются, а съ утра на весь день открываются.

Закрываніемъ и открываніемъ воротъ завѣдуютъ особые сторожа, живущіе тутъ же въ сторожкахъ.

Съ городской стѣны открывается чудесный видъ на весь Сеулъ, который занимаетъ громадную ровную, но неправильно округлую площадь, подходя на окраинахъ къ холмамъ, сливающимся на горизонтѣ съ слѣдующей цѣпью горъ.

Хотя въ окружности повсюду мало растительности, но въ изобиліи разбросанныя то въ одиночку, то группами деревья у различныхъ зданій и парки у королевскихъ дворцовъ, сливаясь вмѣстѣ, даютъ такое впечатлѣніе, что Сеулъ расположенъ среди громаднаго вырубленнаго парка, въ которомъ осталось все-таки достаточно древесной растительности.

Многочисленные холмы покрыты также сосновыми рощами, спускающимися и въ пролегающія между ними долины. Въ одной изъ долинъ вынѣлся на высокой горѣ ярко освѣщенный солнцемъ старинный монастырь Пукъ-ганъ. Этотъ монастырь является историческимъ памятникомъ различныхъ эпохъ и событій. Здѣсь во времена междоусобій нерѣдко находили себѣ убѣжище корейскіе короли, а монахи становились воинами-защитниками.

Монастырь расположенъ на высотѣ свыше тысячи футовъ и обнесенъ толстыми стѣнами.

Весь Сеулъ, расположенный на ровномъ мѣстѣ, кажется со стѣны чрезвычайно однообразнымъ и скучнымъ. Изъ общаго однообразія построекъ только и выдѣляются императорскіе дворцы, зданія европейскихъ посольствъ и банковъ, католическій соборъ и различныя учрежденія миссіонеровъ католиковъ и американцевъ.

Черезъ Сеулъ протекаетъ рѣка Хань, по имени которой Сеулъ называется еще Хань-Янъ.

По своему происхожденію Сеулъ не особенно древній: основаніе его произошло въ XIV столѣтіи; до этой же поры столица корейскаго государства находилась въ теченіе семисотъ лѣтъ въ Сонъ-до, въ разстояніи 25 верстъ отъ нынѣшняго Сеула, сдѣланнаго столицей при родоначальникѣ теперешней династіи, который, основавъ городъ, обнесъ его каменными стѣнами.

Хотя въ Сеулѣ нѣтъ, подобно Пекину, отдѣльнаго запретнаго императорскаго города, но корейскій императоръ имѣетъ значительное пространство земли, обнесенное стѣнами, въ которомъ расположены императорскіе дворцы.

Корейская императрица тоже владѣетъ самостоятельно земельной собственностью въ сѣверной части Сеула. Здѣсь и расположены дворцы: Старый, Новый и дворецъ посреди рощъ тутовыхъ деревьевъ.

Дворцы корейскихъ королей представляютъ собою точную архитектурную копію съ дворцовъ китайскихъ императоровъ; но, какъ всякая копія, они значительно бѣднѣе выражены въ широкихъ замыслахъ и полетѣ восточной фантазіи.

Осматривая дворцы въ Пекинѣ и Кореѣ, поражаешься двояко: съ одной стороны, поражаетъ вычурность архитектуры Востока, яркость положенныхъ красокъ, сохраняющая поразительную нѣжность въ своихъ сочетаніяхъ, особенность размѣровъ и отсутствіе пропорціональности; все это бросается въ глаза, но не рѣжетъ ихъ своею несообразностью, а наоборотъ, успокаиваетъ своей особенной нѣжностью тоновъ.

Любимыми цвѣтами въ украшеніяхъ въ Китаѣ являются синій, голубой, красный и зеленый, а въ Кореѣ бѣлый, поистинѣ, національный цвѣтъ.

Другая особенность старыхъ дворцовъ Востока—Китая и Кореи—ихъ простота, непритязательность на удобства жизни, отсутствіе всякаго личнаго комфорта, какъ понимаютъ его европейцы.

Дворецъ и жизнь во дворцѣ властелина какого-нибудь европейскаго государства неизмѣримо рѣзко отличается по обстановкѣ и комфорту отъ жизни его обычнаго подданнаго, тогда какъ жизнь китайской императрицы отличается рѣзко отъ жизни ея подданныхъ лишь количественно, но далеко не отличается качественно.

Старый дворецъ рѣзко отличается отъ окружающихъ его улицъ прежде всего тѣмъ, что расположенъ въ громадномъ чудномъ паркѣ. Изъ-за его стѣнъ высоко возстаютъ зеленыя вершины сосенъ, туй, кипарисовъ. Входныя двери и арки, рѣзныя украшенія изъ дерева—все это было когда-то прекрасно исполнено, но нынѣ все запущено и разрушается. Черезъ дворы и паркъ дворца протекаетъ горный ручей, спускающійся съ ближайшаго Пук-чанъ; ручей одинъ только оживляетъ покинутую мѣстность, такъ какъ давно уже этотъ дворецъ необитаемъ.

Причиною запустѣнія дворца послужило то обстоятельство, что съ крыши одного павильона упала на проходившаго мимо принца змѣя, которая хотя и не сдѣлала ему никакого вреда, но тѣмъ не менѣе королевское семейство перешло на жительство въ новый дворецъ, удаленный отъ корейскаго города и построенный съ большими удобствами и бо́льшимъ размѣщеніемъ, нежели старый.

Новый дворецъ выстроилъ бывшій регентомъ королевства, знаменитый въ свое время Тай-Уэнъ-Гунъ, въ періодъ 1862—1872 гг.

Передъ новымъ дворцомъ оставлена большая площадь, но какъ площадь, такъ и ведущая къ дворцу большая людная улица не замощены, не шоссированы. Во время лѣта, когда земля суха, здѣсь стоитъ и носится тучами пыль, вздымаемая и лошадьми, и вьючными быками, и толстыми подошвами пѣшеходовъ, а во время дождя здѣсь стоитъ невылазная грязь, черезъ которую можно пройти или въ носилкахъ, или верхомъ.

Новый дворецъ сохранилъ всецѣло также китайскую архитектуру и

весь состоитъ изъ цѣлой серіи дворцовъ, сообщающихся другъ съ другомъ посредствомъ дворовъ, верандъ, арокъ, мостовъ и мостиковъ.

Дворы въ новомъ дворцѣ повсюду мощены плитами, повсюду встрѣчаются павильоны, башни, кіоски съ черепичатыми изогнутыми крышами.

Особенной красотой отличается мѣстность третьяго стараго дворца, имѣющаго за собою легенду.

Когда послѣдній представитель династіи Гунъ-Минъ-Онь прибылъ сюда къ находившейся пагодѣ, то былъ очарованъ красотой мѣстности и далъ обѣщаніе сопровождавшему его жрецу построить здѣсь дворецъ. Привести въ исполненіе своего обѣщанія, однако, не успѣлъ, такъ какъ королевскую власть захватилъ нѣкто Ni-tai-ji, основатель современной династіи. Исполнить данный его предшественникомъ обѣтъ Ni-tai-ji не пожелалъ, а основалъ для себя новую столицу Сеулъ.

Бывшій свидѣтелемъ этого вѣроломства жрецъ предсказалъ, что въ теченіе 200 лѣтъ страна будетъ терпѣть страшныя бѣдствія.

Самъ Ni-tai-ji не былъ счастливъ. Въ новомъ дворцѣ его постоянно преслѣдовали видѣнія, онъ всего страшился и въ концѣ концовъ построилъ дворецъ въ той мѣстности, въ которой далъ обѣщаніе поставить его Гун-Минъ-Онь.

Городъ Сеулъ, взятый цѣликомъ, представляетъ собою опять-таки полную копію Пекина, только болѣе блѣдную и менѣе интересную.

Въ Сеулѣ, какъ и въ Пекинѣ, встрѣчаются такой же архитектуры буддистскіе храмы, такіе же храмы, посвященные памяти предковъ, такія же легендарныя черепахи и другія животныя, высѣченныя изъ камня, такія же зданія.

Въ Сеулѣ имѣется даже храмъ «Большого колокола».

На всемъ городѣ лежитъ вліяніе Китая, какъ господствующее и предпочитаемое вліянію Японіи, хотя самъ по себѣ, по своему типу, по своему характеру кореецъ очень далеко отстоитъ и отъ китайца, и особенно отъ японца.

Тѣмъ не менѣе вліяніе китайской культуры, китайской образованности остается прочнымъ и до сего дня. Всѣ корейскія школы, все образованіе сохраняютъ китайское происхожденіе.

Признается всѣми, что Корея приняла свою культуру отъ Китая и многими допускается, что Корея же передала китайскую культуру Японіи.

Китайское просвѣщеніе рядами столѣтій упрочивалось въ Кореѣ и китайская философія развивала мышленіе корейскихъ ученыхъ.

Когда и какъ перешла китайская письменность и китайская культура въ Корею—вопросъ остается открытымъ, но относительно внесенія китайской культуры въ Японію говорятъ сами японцы въ своихъ преданіяхъ о воинственной императрицѣ Жин-го, которая вмѣстѣ съ трофеями побѣдъ въ Кореѣ принесла оттуда и письменность.

Китайская образованность, проникая въ смежныя и сосѣднія азіатскія страны, имѣла, однако, всегда очень небольшое вліяніе на народное об-

разованіе населенія этихъ странъ, которое въ теченіе цѣлыхъ столѣтій оставалось совершенно непричастнымъ къ вносимой высшей культурѣ.

Китайская образованность была лишь привилегіей очень немногихъ, стоявшихъ по своему положенію и безъ того въ исключительно благопріятныхъ условіяхъ.

Члены королевскихъ и княжескихъ семействъ да знатныхъ людей и могли достигать китайской образованности, которая являлась такимъ образомъ аристократической.

Если въ простой народъ и вносилась культура, то этому способствовалъ сопутствовавшій ее буддизмъ, который давалъ возможность и низшимъ слоямъ населенія узнавать черезъ буддійскихъ идоловъ, черезъ буддійскія изображенія, черезъ буддійскія письмена просвѣщающую грамотность.

Китайская образованность, служа свѣтомъ для немногихъ избранныхъ, не только не разсѣивала мрака среди населенія, но давила и губила всякое проявленіе народной мысли.

Извѣстно, что корейскій народъ имѣлъ свою письменность, для которой знаки были изобрѣтены однимъ изъ министровъ короля Шинра въ VII вѣкѣ, но эта народная письменность не получила развитія, такъ какъ была подавлена китайской письменностью.

Лучшіе люди получали китайское образованіе, воспитывались на китайскихъ литературныхъ образцахъ, а своя родная рѣчь и литература глохли.

Съ V и по XVII вѣкъ корейское юношество изъ лучшихъ и знатныхъ семействъ отправлялось получать образованіе въ Китай, въ столицу того времени Нанкинъ, центръ просвѣщенія и образованности, удерживавшійся здѣсь съ 1279—1410 гг., время царствованія наиболѣе просвѣщенной династіи Мин'овъ.

Съ перемѣной династіи китайской на манчжурскую, съ переносомъ столицы изъ Нанкина въ Пекинъ, падаетъ и слава просвѣщенія въ Китаѣ.

Корейское юношество обучается у себя дома по китайскимъ образцамъ и поддается вліянію Японіи, сохранившей, однако, тѣ же китайскіе образцы культуры.

Корея осталась наиболѣе вѣрнымъ ученикомъ и послѣдователемъ Китая. Она не только впитала въ себя всю схоластическую образованность Китая, но усвоила и всю государственную систему до государственныхъ экзаменовъ включительно.

Ставъ для Кореи лишь служебнымъ пособіемъ для полученія государственныхъ должностей и пособіемъ для чиновничьяго производства, китайская образованность не только потеряла всякую жизненность, всякое культурное вліяніе, но обратилась во вредъ самому государству, проводя лишь невѣжественныхъ и испорченныхъ людей.

Готовящійся къ чиновничьей карьерѣ корейскій студентъ, оставаясь вполнѣ невѣжественнымъ по общечеловѣческимъ знаніямъ и развитію,

тѣмъ не менѣе пишетъ на государственномъ экзаменѣ изящное сочиненіе классическаго китайскаго стиля, въ которомъ нанизываетъ свои мысли, составленныя изъ заимствованныхъ у классиковъ цитатъ о благополучіи, изъ тщательно выбранныхъ изъ классиковъ литературныхъ фразъ, изъ историческихъ ссылокъ по древней исторіи Китая и его культуры, оставленной древними мудрецами.

Составивъ пеструю картину, въ которой красуются мудрыя изреченія, виденъ блестящій умъ, политическіе взгляды и принципы отжившихъ историческихъ героевъ, корейскій ученый удовлетворяетъ своему званію.

Нужды нѣтъ, что въ его сочиненіи все чужое: чужая мысль, чужое небо, чужая природа, чужая философія, чуждый великій мудрецъ Конфуцій.

Между тѣмъ, корейская наука совершенно въ забросѣ. Грамотность корейская еле-еле влачитъ свое существованіе, хоть она гораздо понятнѣе и ближе для дѣтскаго образованія.

Корейскій туземный алфавитъ состоитъ изъ 25 знаковъ и 190 слоговъ и комбинацій, которыми можно выразить всѣ понятія.

Заучивъ наизусть всю азбуку и комбинаціи словъ, корейскій грамотный можетъ уже читать легкіе разсказы. Но эта родная грамота находится въ загонѣ, и въ школахъ господствуетъ китайская система обученія съ ея заучиваніемъ наизусть сперва звука, затѣмъ знака, а затѣмъ заучиваніе его писать.

Корейская школа, подобно китайской, помѣщается въ обычномъ жиломъ домѣ и слышима бываетъ издалека по тому гудѣнью голосовъ, которое изъ нея доносится.

Обстановка обычной корейской школы невзыскательна: полъ, покрытый цыновкой, на которой вдоль стѣны на корточкахъ сидятъ ученики и всѣ вслухъ зубрятъ урокъ, на стѣнахъ нѣсколько изреченій великаго учителя Конфуція, посреди комнаты маленькій китайскій четыреугольный столикъ, на которомъ находится разведенная тушь, кисти и учебники. За столикомъ сидитъ, также на корточкахъ, самъ учитель.

Въ школѣ, отвѣчающей нашимъ гимназіямъ, т.-е. дающей первоначальное законченное образованіе, курсъ проходится въ семь лѣтъ, т.-е. ученики остаются до 15-лѣтняго возраста, начиная ученье въ школѣ съ семи лѣтъ.

Въ этихъ школахъ усваиваются начатки великаго ученія Конфуція, которые въ формѣ изреченій и извлеченій составлены въ пяти книгахъ. Учитель дѣлаетъ краткія поясненія, когда изреченія будутъ достаточно заучены.

Вотъ сущность тѣхъ книгъ, которыя положены въ основу образованія и воспитанія въ Кореѣ.

Первая книга говоритъ о почитаніи родителей. «Этотъ законъ божественнаго установленія. Отецъ далъ жизнь и питаніе своему сыну, онъ любитъ его и научаетъ, онъ передаетъ ему тѣ запасы жизни, которые получилъ самъ отъ прошедшихъ поколѣній.

Сынъ обязанъ кормить своего отца, когда отецъ состарится. Вотъ почему въ сынѣ воспитывается обязанность никогда не оскорблять взоровъ своего отца несправедливостью и всегда съ отцомъ обращаться нѣжно.

Если бы всѣ люди слѣдовали сообразно этому правилу, то преступленіе исчезло бы совершенно изъ провинцій, округовъ и деревень.

Если бы отецъ не проявлялъ своей власти надъ сыномъ, или если бы сынъ отказалъ признать власть отца, то вселенная бы ниспроверглась, ибо отцовство есть высшій законъ. Даже въ томъ случаѣ, если отецъ отказываетъ своему сыну въ привязанности, обязанность сына остается не отказывать отцу въ уваженіи.

Конфуцій сказалъ: пять наказаній присвоено тремъ тысячамъ проступковъ. Самое величайшее изъ нихъ то, которое заслуживаетъ сынъ, если онъ допуститъ захватить себя противоприродными чувствамъ противъ отца.

Вторая книга трактуетъ о томъ, что знатный обязанъ соблюдать этикетъ въ отношеніи короля. Король и знатный столь же разнствуютъ и столь же удалены одинъ отъ другого, какъ небо удалено отъ земли. Король есть глава. Его имя становится извѣстнымъ далеко. Право начальства есть его собственность. Знатный признаетъ свое первенство, свою доблесть онъ долженъ брать за образецъ и соблюдать себя отъ всякаго беззаконія. Король, насколько король, а знатный, насколько знатный, каждый имѣютъ свое положеніе и свои права, которыя имъ лично принадлежатъ. Когда король не въ состояніи дѣйствовать, какъ король, когда знатный не оправдываетъ чести своего званія, ни семья, ни отечество не могутъ быть хорошо управляемы.

Такимъ образомъ, если кто скажетъ, что король не хорошо поступилъ, на того должно смотрѣть, какъ на общественнаго врага.

«Конфуцій сказалъ: первая служба, которую обязанъ несть знатный передъ королемъ, есть прямодушіе».

Третья книга посвящена супружеству и взаимнымъ отношеніямъ супруговъ. Въ этой книгѣ говорится, что бракъ, соединяя мужчину и женщину, соединяетъ въ одно два рода и двѣ семьи. Брачный союзъ даетъ существованіе народу и порождаетъ безчисленное множество благословеній.

Тотъ, кто хочетъ жениться, долженъ разсмотрѣть свое намѣреніе съ посредникомъ. Только послѣ этого сдѣлать свадебные подарки, послѣ которыхъ соберутся родители.

Когда это свершится, то ясно опредѣлится раздѣленіе, которого до этой поры не существовало между мальчикомъ и дѣвочкой.

Слѣдуетъ остерегаться заключать союзъ съ женщиной изъ одного и того же рода и изъ одной и той же общины. Надо строить домъ, въ которомъ можно было бы женщину заключить.

Мужчина долженъ жить въ помѣщеніи открытомъ наружу и никогда не вмѣшиваться во внутренніе распорядки дома. Женщина должна жить внутри дома и никогда не заикаться о внѣшнихъ дѣлахъ.

Хорошее направленіе, которое даетъ лично мужъ, создаетъ и въ домѣ хорошіе порядки и приличія.

Не слѣдуетъ забывать, что снисходительность къ своей женѣ даетъ хорошій примѣръ. Если мужъ не унижаетъ своего достоинства, а жена остается покорной, то домъ хорошо управляется. Случается, что мужъ бываетъ неспособенъ слѣдовать должнымъ ему въ жизни путемъ, тогда жена, убѣждаясь въ его неспособности, преступаетъ законъ повиновенія мужу. Тогда три линіи пути жизни покрываются туманомъ.

Мужъ имѣетъ семь главныхъ поводовъ къ разводу: несогласіе между женой и родителями мужа, нарушеніе женою супружеской вѣрности, ревность, безплодіе, неизлѣчимая болѣзнь, сварливый характеръ, воровство.

Человѣкъ высшаго порядка всегда направляется мыслью, что мужчина и женщина—начало и конецъ всего человѣчества.

Четвертая книга посвящена вопросу объ отношеніяхъ между старшимъ и младшимъ. Младшій долженъ быть подчиненъ старшему. Само небо установило это первенство и одинъ братъ является старшимъ, а другой младшимъ, этимъ опредѣляется и рангъ первенства. Всѣ люди, соединенные родствомъ, дѣлятся на старшихъ и младшихъ по своему положенію во всѣхъ округахъ и селеніяхъ и не должны нарушать порядка теченія жизни, установленнаго небомъ.

Идти медленно за своимъ старшимъ, это значитъ уважать его первенство, поспѣшно обѣгать его, это значитъ выказать ему пренебреженіе.

Смотрите, какъ на отца, на того человѣка, который вдвое старше васъ, смотрите, какъ на старшаго брата, если онъ старше васъ на десять лѣтъ, смотрите, какъ на равнаго себѣ, если онъ старше только на пять лѣтъ.

Если старшій любитъ младшаго, если младшій уважаетъ старшаго, не выказываетъ ему пренебреженія, если старшій не позволяетъ себѣ свысока смотрѣть на младшаго, то люди слѣдуютъ по прямому пути жизни.

Пятая книга посвящена дружбѣ. Въ ней говорится, что друзья должны быть вѣрны другъ другу. Твой другъ есть подобный тебѣ. Есть три сорта друзей полезныхъ и три сорта друзей ничего не стоящихъ.

Полезенъ другъ честный и смѣлый, другъ правдивый, другъ образованный и свѣдущій; ничего не стоитъ, или скорѣе приноситъ зло, нежели добро, другъ обманщикъ, другъ встрѣчный, другъ льстецъ. Истинный другъ тотъ, который добродѣтеленъ.

Самый ничтожный изъ поселянъ Сына Неба, будучи другомъ и выполняя обязанности дружбы, неизбѣжно является существомъ совершеннымъ.

Другъ, достойный этого имени, есть примиритель.

Выбирайте себѣ другомъ такого, который бы превосходилъ васъ, который былъ бы добръ, достоинъ вашего довѣрія, устами котораго говорилъ бы разумъ и который честно указывалъ бы вамъ правый путь. Если же въ его характерѣ будутъ другія черты, то порвите съ нимъ сношенія.

Помните, что между двумя друзьями могутъ возникать печальныя не-

доумѣнія, непріятности, причиняемыя сплетнями и злорѣчіемъ, но истинные друзья никогда не даютъ долго длиться этимъ раздорамъ.

Такова сущность философскаго уклада, который вносится школьной наукой въ ученика. Учитель пополняетъ эти основы изреченіями другихъ мудрецовъ, уясняющихъ примѣрами воспринимаемое ученіе, переходящее отъ одного поколѣнія къ другому.

Изреченія таковы. Сыновняя обязанность есть источникъ сотни дѣяній. Вотъ ея предписанія: вставай при первомъ пѣніи пѣтуха, умывайся, причесывайся и иди къ твоимъ родителямъ. Задержи свое дыханіе и спроси ихъ тихо, не было ли имъ ночью очень жарко, или очень холодно, не голодны ли они, или не хотятъ ли пить. Зимой согрѣй имъ комнату, лѣтомъ освѣжи ее.

Послѣ этого вернись въ свою комнату, но не уходи заниматься пустяками на сторону. Никто не имѣетъ права бездѣльничать на сторонѣ, когда обязанность призываетъ его служить родителямъ.

Если родители твои любятъ тебя—радуйся и не забывай этого; если они имѣютъ къ тебѣ отвращеніе—плачь, но не ропщи. Когда ты видишь ошибки, которыя на твоихъ глазахъ совершаютъ родители, то нѣжно увѣщевай ихъ, трижды увѣщевай ихъ, если же родители тебя не послушаютъ, то предайся слезамъ, но не выходи изъ повиновенія родителей. Даже когда родители раздражены и бьютъ тебя до крови, не осмѣливайся роптать на нихъ. Окружи ихъ уваженіемъ въ домѣ и обезпечь имъ пропитаніе.

Когда больны твои родители, то ухаживай за ними заботливо, а если тебѣ придется надѣть трауръ, то исполнись достоинства и носи его, какъ бы совершалъ ты жертвоприношеніе.

Если ты дурной сынъ, то совершаешь похищеніе отъ главной твоей обязанности, которая есть—любить твоего отца. Если ты почитаешь другихъ людей, то четыре твои чувства будутъ лѣнивы для службы твоему отцу.

Если ты не кормишь своего отца, но предаешься игрѣ и вину, собираешь богатство, эгоистично любишь свою жену и дѣтей, увлекаешься тѣмъ, что восхищаетъ твое зрѣніе и слухъ,—ты поступаешь такъ, какъ бы убиваешь своихъ родителей.

Если ты грубіянъ и человѣкъ вздорный, то подвергаешь опасности своихъ родителей,—ничего не можетъ быть печальнѣе этого. Если ты желаешь связать себя дружбой съ человѣкомъ и желаешь узнать, честный онъ или безчестный, то узнай, хорошій онъ или дурной сынъ. Какая добродѣтель можетъ быть выше сыновней любви?

Кромѣ этихъ основъ умственной и нравственной жизни, которыя кладутся въ воспитаніе китайскаго и корейскаго юношества, въ школахъ изучается математика (умѣнье считать на счетахъ), исторія, географія, литература, поэзія, философія и связанныя съ ними науки, передаваемыя въ изреченіяхъ мудрецовъ древности, не имѣющихъ никакого отношенія къ современности.

У корейскаго народа есть и свой народный герой, который глубоко почитается и какъ основатель корейскаго государства, и какъ мыслитель, и какъ правитель, давшій народу гражданственность.

Герой этотъ Ки-цзы, пришедшій въ Корею изъ Китая за одиннадцать вѣковъ до христіанской эры. Вотъ что разсказываютъ о немъ китайскія лѣтописи и что сохранило корейское преданіе.

Послѣдній китайскій императоръ изъ династіи Шанъ (1766—1122 гг. до Р. Хр.) отличался непомѣрной жестокостью и распущенностью. Напрасно трое изъ его министровъ — ученый Ки-цзы, родственникъ императора Вей-цзы и министръ Пи-ганъ, увѣщевали его отказаться отъ дурной жизни, императоръ не только не желалъ исправляться, но постарался отстранить отъ себя министровъ. Тогда родственникъ его Вей-цзы добровольно удалился въ изгнаніе, а оставшихся двухъ своихъ совѣтниковъ императоръ устранилъ, приказавъ Пи-ган'я умертвить, а Ки-цзы заключить въ темницу.

Умерщвленіе Пи-ган'я произошло вслѣдствіе настоянія жены императора, еще болѣе жестокой, чѣмъ ея мужъ, слѣдующимъ безчеловѣчнымъ образомъ.

Смѣясь надъ ученостью своихъ министровъ, императоръ въ угоду своей супругѣ пожелалъ провѣрить на самомъ Пи-ган'ѣ его собственныя слова, что будто въ сердцѣ имѣется семь отверстій.

По приказанію императора Пи-ган'ю вскрыли грудь, вынули сердце и принесли окровавленное показать императрицѣ.

Жестокость правителя однако стала уже выше терпѣнія народа, и недовольные соединились подъ начальствомъ одного выходца съ Желтой рѣки, Ву-вана, который и пошелъ съ войскомъ на императора. Императоръ былъ разбитъ и поспѣшилъ укрыться въ свой дворецъ, который приказалъ зажечь и погибъ въ пламени.

Ву-ванъ былъ провозглашенъ императоромъ и прежде всего предписалъ поставить памятникъ погибшему Пи-ганю, а затѣмъ освободить изъ тюрьмы Ки-цзы, которому предложилъ быть первымъ у себя министромъ и управлять государствомъ.

Ки-цзы отнесся съ благодарностью за свое освобожденіе, но остаться на службѣ у новаго императора, какъ насильника, отказался, а отправился искать новую для поселенія страну, гдѣ восходитъ солнце, и пошелъ на сѣверо-востокъ. Къ Ки-цзы присоединилось болѣе пяти тысячъ изъ остатковъ разбитаго войска прежняго императора и другихъ переселенцевъ, которые уважали и почитали своего бывшаго министра. Всѣ они выбрали Ки-цзы своимъ императоромъ.

Направившись на сѣверо-востокъ, они пришли въ Корею, въ которой встрѣтили совершенно первобытный народъ, жившій въ пещерахъ и сводахъ зимой, лѣтомъ на открытомъ воздухѣ, одѣвавшійся или въ звери-

ныя шкуры, или въ одежды изъ листьевъ, питавшійся отъ охоты и рыбной ловли, не имѣвшій ни религіи, ни нравственности, ни брака.

Ки-цзы и его спутники занялись обученіемъ и соединеніемъ этихъ дикарей въ человѣческое общество. Они научили ихъ ремесламъ, земледѣлію, привили имъ гражданственность, научили письменамъ, чтенію, искусствамъ, внесли обычаи и государственное устройство. Ки-цзы и далъ своему новому государству имя Чо-сенъ—утренняя тишина.

Потомки Ки-цзы правили государствомъ вплоть до четвертаго вѣка христіанской эры, когда съ прекращеніемъ династіи и государство распалось на три отдѣльныя феодальныя княжества.

Ки-цзы въ основу гражданственности положилъ восемь законовъ, изъ которыхъ нѣкоторые и до сего дня пользуются въ Кореѣ правами гражданства. Законы эти касаются прежде всего земледѣлія и предъявляютъ требованіе, чтобы всѣ мужчины работали въ поляхъ. Затѣмъ, что женщины обязаны ткать, затѣмъ для женщинъ обязательна скромность. Установленъ бракъ. Установлено пользованіе землей или такъ называемыи Чунгъ-чунпопъ, т.-е. въ каждомъ селеніи земля въ извѣстномъ порядкѣ раздѣляется на девять частей. Три части составляютъ государственную собственность и идутъ на удовлетвореніе общественныхъ нуждъ, а шесть другихъ частей распредѣляются между самими собственниками. Введены законы, по которымъ убійство наказывалось смертью, уличенные въ воровствѣ мужчины и женщины обращались въ рабство.

Данная государству Чо-сенъ гражданственность настолько упрочилась въ Кореѣ, что когда американскій адмиралъ John Rodgers въ 1871 году вошелъ въ рѣку Хань съ своей эскадрой и настаивалъ на заключеніи торговаго договора съ Америкой, то на всѣ свои доводы получалъ отъ корейскаго правительства одинъ и тотъ же отвѣтъ: «Корея была довольна своей цивилизаціей въ теченіе четырехъ тысячъ лѣтъ и не желаетъ другой».

Въ сношеніяхъ своихъ съ Китаемъ, въ воззваніяхъ и борьбѣ противъ христіанства, во всѣхъ приказахъ, которыми приговаривались къ смертной казни новообращенные христіане, въ отказахъ вступать въ договоры съ иностранцами, вездѣ корейское правительство неизмѣнно указывало, что «малое государство» (въ отличіе отъ Китая—большое государство) чтитъ своего основателя Ки-цзы и остается вѣрно его ученію.

Многіе изъ синологовъ думаютъ, что Ки-цзы существо миѳическое, хотя китайскія лѣтописи и корейскія преданія ясно признаютъ его дѣйствительность. Сказанія же объ его кончинѣ имѣютъ несомнѣнно миѳическій характеръ. Преданіе говоритъ, что Ки-цзы 93 лѣтъ отъ роду былъ взятъ на небо, ибо на одномъ холмѣ въ окрестностяхъ Піон-Яна были найдены только его башмаки.

Такъ какъ мѣсто погребенія Ки-цзы не извѣстно, то на этомъ мѣстѣ

былъ поставленъ алтарь и вырытъ колодезь. Городъ Піонъ-Янъ по преданію основанъ Ки-цзы, когда онъ вошелъ въ Корею по рѣкѣ Та-тунъ.

Во время нашествія японцевъ на Корею 1592—1598 г. алтарь ими былъ разрушенъ, а колодезь засыпанъ. Послѣ изгнанія японцевъ китайцами населеніе снова очистило колодезь и собрало разбросанные отъ алтаря камни.

Въ 1889 году губернаторъ провинціи Піонъ-янъ по подпискѣ среди населенія возстановилъ памятникъ, но занявшіе эту провинцію во время японо-китайской войны японцы, бывшіе подъ начальствомъ маршала Ямагата, разрушили памятникъ народному герою до основанія.

Прошли ряды столѣтій, но корейская общественная жизнь мало измѣнилась въ своемъ теченіи, оставаясь замкнутой въ самой себѣ.

В. В. Корсаковъ.

Что такое душевное здоровье *)?

Въ преданіяхъ древняго міра сохранилось нѣсколько характерныхъ легендъ о томъ, какъ въ тѣ времена различали умственно здоровыхъ людей отъ душевнобольныхъ. Одно изъ такихъ преданій мы находимъ въ Библіи: царь Давидъ, попавъ въ плѣнъ къ семетическому царю Ахису, притворился безумнымъ, чтобы спастись отъ плѣна; онъ сталъ говорить нелѣпости, чертить какіе-то знаки на воротахъ царскаго дворца и, какъ говоритъ преданіе, пускалъ слюну на свою бороду. Этого оказалось совершенно достаточно, чтобы убѣдить семитическаго царя въ ненормальномъ состояніи царя Давида, и послѣдній былъ спасенъ.

Другой аналогичный разсказъ встрѣчается въ греческихъ преданіяхъ. Хитроумный царь Итаки, Одиссей, хотѣлъ уклониться отъ участія въ троянской войнѣ и для этого онъ употребилъ слѣдующее средство: запрягъ вола и лошадь вмѣстѣ, сталъ пахать на берегу моря, и вмѣсто зерна сѣялъ соль. Это должно было убѣдить окружающихъ, что онъ безуменъ. Но и тогда греки были уже большіе скептики, и Паламедъ, не менѣе хитрый, чѣмъ Одиссей, велѣлъ посадить маленькаго сына царя Одиссея на ту линію, гдѣ послѣдній долженъ былъ пройти съ своимъ плугомъ. Когда Одиссей, дойдя до того мѣста, гдѣ сидѣлъ его ребенокъ, свернулъ въ сторону, всѣ убѣдились, что онъ въ здравомъ умѣ. Здѣсь уже видна большая разница между экспериментальнымъ умомъ древнихъ грековъ и болѣе легковѣрнымъ умомъ семитовъ.

Обѣ легенды одинаково обнаруживаютъ, что въ ту эпоху смотрѣли крайне элементарно на этотъ вопросъ, думали, что можно путемъ простыхъ сужденій провести границу между больнымъ и здоровымъ умомъ, что для этого достаточно повседневной житейской мудрости.

Такой эмпирическій взглядъ на границу между душевнымъ здоровьемъ и душевной болѣзнью держался до XVI—XVII вв. Такъ какъ уже съ древнѣйшихъ временъ во всѣхъ странахъ преступники иногда прибѣгали къ притворству и прикидывались безумными, для того чтобы избѣгнуть на-

*) Публичная лекція, читанная 12 октября 1903 г. въ г. Харьковѣ.

казанія, то этотъ вопросъ силой вещей вошелъ въ сферу компетенціи юристовъ. Юристы и философы развили и привели въ систему старыя народныя воззрѣнія. Въ основу сужденій о душевномъ здоровьѣ и болѣзни легла вѣра въ компетенцію такъ называемаго здраваго смысла. Даже такіе выдающіеся умы, какъ Кантъ и Шопенгауэръ не ушли дальше грубаго эмпиризма въ этомъ вопросѣ.

Кантъ доказывалъ, что во всѣхъ судебныхъ случаяхъ, когда требуется опредѣлить состояніе умственныхъ способностей обвиняемаго, не должно имѣть мѣста сужденіе врачей, что вопросъ этотъ долженъ рѣшаться судьями на основаніи здраваго смысла и житейской психологіи. Вотъ подлинныя слова Канта: «Когда возникаетъ сомнѣніе въ нормальномъ состояніи умственныхъ способностей преступника, судъ долженъ обратиться за разрѣшеніемъ своихъ сомнѣній не къ медицинскому, а къ философскому факультету. Вопросъ, былъ ли подсудимый во время совершенія имъ преступленія въ состояніи полнаго обладанія своимъ разсудкомъ, есть чисто психологическая задача. И хотя,—продолжаетъ Кантъ,—тѣлесныя разстройства органовъ души и могутъ иногда быть причиной неестественнаго нарушенія присущаго каждому человѣку чувства законности и долга, однако же, врачи и физіологи вообще еще не настолько далеко ушли въ своей наукѣ и не настолько глубоко проникли въ машинообразность человѣческой натуры, чтобы сумѣть уловить связь совершеннаго дѣянія съ физическимъ разстройствомъ. Поэтому, когда судебная медицина беретъ на себя рѣшеніе вопроса о душевномъ здоровьѣ или болѣзни совершившаго преступленіе, она вмѣшивается въ чужую область, вслѣдствіе чего судъ въ правѣ, не будучи въ состояніи понять разсужденій врачей, передать вопросъ на заключеніе философскаго факультета».

Шопенгауэръ стоялъ на такой же точкѣ зрѣнія. Онъ утверждалъ, что легко можно узнать всякое душевное разстройство, и что правильная, здравая логика у больного человѣка всегда прорывается въ одномъ мѣстѣ, почему является непослѣдовательность сужденій и дѣйствій. Въ доказательство своего взгляда Шопенгауэръ воспользовался довольно оригинальнымъ матеріаломъ—анализомъ героевъ нѣкоторыхъ шекспировскихъ и др. драмъ—«Офеліи», «Короля Лира», гётевскаго «Торквато Тассо» и «Аякса» Софокла.

Навряд ли можно, однако-жъ, судить по этимъ типамъ, созданнымъ великими художниками, о безуміи обыкновенныхъ людей. Конечно, въ Офеліи и Лирѣ всѣ основныя линіи и контуры безумія вѣрны, но самое содержаніе бреда этихъ фигуръ есть продуктъ творчества генія.

Впрочемъ, уже въ то время въ Англіи раздался голосъ, усомнившійся въ цѣлесообразности такого чисто практическаго масштаба въ оцѣнкѣ душевнаго здоровья.

Великій Бекон высказалъ по этому поводу мысль, что житейская индивидуальная психологія и наблюденія надъ отдѣльными здоровыми людьми не могутъ дать вѣрнаго способа для опредѣленія признаковъ

шевнаго заболѣванія, что единственный надежный способъ—это путь научный. Гёте также довольно скептически относится къ компетенціи здраваго смысла и житейской психологіи. Онъ очень мѣтко говоритъ, что для человѣка, обладающаго холоднымъ умомъ, не нужно никого наблюдать, онъ всегда найдетъ въ себѣ самомъ ключъ къ пониманію другихъ; если же онъ не имѣетъ этой способности, то онъ будетъ находить въ другихъ все то, чего въ нихъ нѣтъ, поэтому самонаблюденіе, по мнѣнію Гёте, навряд ли можетъ быть достаточно авторитетно при рѣшеніи этого рода вопросовъ.

Ближе всѣхъ мыслителей и поэтовъ подошелъ къ этому вопросу величайшій знатокъ человѣческой души—Шекспиръ, который вкладываетъ слѣдующую фразу въ уста Лира. Лиръ говоритъ: «Мы надъ собой не властны: если тѣло страдаетъ, то и разумъ не въ порядкѣ» *). Уже здѣсь указана полная зависимость души отъ тѣла, но болѣе полно эта мысль выражена въ оригиналѣ, хотя и нѣсколько сложнѣе. Истинный смыслъ этой фразы иной—у Шекспира Лиръ говоритъ: «Мы перестаемъ быть сами собою, когда наша природа давитъ на нашу душу и увлекаетъ ее на путь страданій вмѣстѣ съ тѣломъ». Таковъ смыслъ оригинала.

Итакъ, мы имѣемъ въ Шекспирѣ предтечу современнаго естественнонаучнаго взгляда на этотъ вопросъ.

Юристы пытались установить два психологическихъ критеріи и сгруппировать признаки, характеризующіе какъ состояніе душевнаго здоровья, такъ и душевную болѣзнь. Однако-жъ, въ этомъ отношеніи въ юридической литературѣ встрѣчаются большія разногласія: одни указываютъ на умъ, другіе—на чувство, третьи говорятъ о дѣйствіяхъ, какъ объ основѣ такого критерія.

Психологическій критерій душевнаго здоровья формулируется юристами такъ: слѣдуетъ считать душевно здоровымъ того, кто въ данный моментъ, наприм., въ моментъ совершенія преступленія или законнаго акта, обладаетъ: 1) способностью правильнаго сужденія; 2) способностью сдѣлать выборъ между различными рѣшеніями. Противъ такого критерія можно сдѣлать нѣсколько возраженій. Во-первыхъ, существованіе особой способности выбора подлежитъ большому сомнѣнію и даже маловѣроятно. Выборъ есть результатъ сложной психической работы; притомъ же юристы сами не могутъ сговориться, о какомъ выборѣ идетъ рѣчь: о выборѣ ли между борющимися мотивами, или рѣшеніями. Во-вторыхъ, критерій упускаетъ изъ виду существованіе особой сферы чувствъ, которая оказываетъ огромное вліяніе на ходъ мыслей, на ассоціацію и на самое рѣшеніе. Критерій игнорируетъ также и психическую личность, т.-е. организацію души, куда входятъ и привычка, и наслѣдственность, и воспитаніе.

Англійскіе юристы подошли ближе всѣхъ къ современному естественнонаучному міровоззрѣнію. Въ Англіи сложилось убѣжденіе, что не по не-

*) Въ переводѣ Дружинина.

нормальности мыслей и не по нелѣпости чувствъ слѣдуетъ опредѣлять душевное состояніе человѣка, а по его поступкамъ. Англійскіе юристы исходятъ изъ того вѣрнаго факта, что сфера чувствъ и нашихъ мыслей можетъ подвергаться огромнымъ колебаніямъ, не отражаясь, однако-жъ, на общемъ состояніи душевнаго здоровья; когда же нарушена сфера воли, тогда человѣкъ неизбѣжно теряетъ душевное здоровье.

Это вполнѣ согласуется съ современнымъ научнымъ воззрѣніемъ, такъ какъ воля есть равнодѣйствующее всѣхъ психическихъ и нравственныхъ свойствъ нашей натуры. Когда отдѣльные элементы нашей души, мысли и чувства, разстроены, общій ходъ психической машины можетъ удерживать свой нормальный характеръ, но лишь только расшатана область нашей воли, наступаетъ полное разстройство всей душевной жизни.

По поводу житейско-юридической точки зрѣнія, мы находимъ у знаменитаго германскаго психіатра Флексига очень цѣнное указаніе на сущность коренного разногласія между научной и житейской точкой зрѣнія.

Представители теоріи такъ называемаго здраваго смысла,—говоритъ Флексигъ,—исходятъ изъ понятія о нормальномъ душевномъ здоровьи, утверждая, что они знаютъ, что такое душевное здоровье и, имѣя такой базисъ, они полагаютъ, что въ каждомъ сомнительномъ случаѣ можно съ помощью этого критерія заключать о существованіи душевной болѣзни по отсутствію признаковъ душевнаго здоровья. Научный же путь,—говоритъ Флексигъ,—идетъ обратно: научный методъ заключается въ томъ, чтобы взять за исходный пунктъ понятіе о душевной болѣзни и, руководствуясь этимъ масштабомъ, установить, представляетъ ли данный случай типъ болѣзни или здоровья.

Я лично не вполнѣ раздѣляю существованіе такого рѣзкаго различія между обоими методами и постараюсь доказать въ нынѣшней бесѣдѣ, что можно исходить изъ понятія о признакахъ душевнаго здоровья и, примѣняя естественно-научный методъ, получить научный критерій для оцѣнки душевной болѣзни.

Психологическій критерій имѣлъ смыслъ и значеніе въ тотъ отдаленный періодъ человѣческаго существованія, когда человѣкъ обладалъ незначительнымъ запасомъ понятій, когда балансъ человѣческой души былъ чрезвычайно скроменъ, и можно было очень скоро разобраться, есть ли въ этомъ балансѣ что-либо, не составляющее нормальной принадлежности здоровой человѣческой души.

Въ настоящее время, благодаря значительному росту богатствъ духовнаго міра человѣка, рѣшеніе этого вопроса чрезвычайно усложнилось. Мы сплошь и рядомъ встрѣчаемъ людей, совершенно здоровыхъ, обладающихъ извѣстнымъ умственнымъ развитіемъ, но въ нѣкоторыхъ пунктахъ обнаруживающихъ совершенно нелѣпые взгляды. Никто не рѣшится признать человѣка ненормальнымъ, если онъ вѣритъ въ чудеса, въ «понедѣльники», въ чертей, привидѣнія, въ сношеніе съ другимъ міромъ, въ телепатію и т. д. Мало того, здоровымъ людямъ приходятъ иногда въ голову завѣ-

дко нелѣпыя мысли, и въ душѣ здороваго человѣка можетъ возникнуть дикое атавистическое чувство, но никто не признаетъ его больнымъ.

Среди интеллигентной публики довольно распространенъ взглядъ, будто бы между здоровымъ и больнымъ человѣкомъ имѣется обширный промежуточный, переходный классъ—субъекты, которыхъ нельзя признать вполнѣ нормальными и которыхъ въ то же время нельзя также считать душевно больными. Другое довольно популярное, особенно у насъ въ Россіи, мнѣніе идетъ еще дальше, утверждая, будто бы вполнѣ здоровыхъ людей нѣтъ.

Идея существованія промежуточной области между душевнымъ здоровьемъ и болѣзнью безусловно вѣрна. Дѣйствительно, въ послѣднее время народился и выросъ классъ людей, представляющихъ нѣчто среднее между здоровымъ и больнымъ человѣкомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно невѣрно, будто не существуетъ типа нормальнаго, т. е. совершенно здороваго человѣка. Ссылка на то, что есть переходъ между здоровыми и больными людьми также мало доказательна, какъ то обстоятельство, что существуютъ промежуточныя существа, которыя можно отнести одинаково къ царству животныхъ и растеній, еще нисколько не доказываетъ, что левъ и дубъ принадлежатъ къ одному разряду существъ. Сверхъ того, распространенный теперь взглядъ, будто нѣтъ вполнѣ нормальныхъ людей, представляетъ серьезную соціальную опасность, и тѣ, кому приходится работать въ этой сферѣ, обязаны бороться съ такимъ антисоціальнымъ теченіемъ.

Конечно, не представляется серьезной надобности бороться съ такимъ наивнымъ взглядомъ и доказывать существованіе здоровыхъ въ умственномъ и моральномъ отношеніи людей. Одинъ бѣглый взглядъ на картину современной культуры съ ея упорнымъ стремленіемъ къ опредѣленнымъ цѣлямъ, ея борьбой съ природой, ея возрастающими блестящими побѣдами, но зрѣлище возрастающей солидарности народовъ, новыхъ открытій, эста просвѣщенія и гуманности достаточно, чтобы убѣдить, какая масса душевной энергіи и устойчивости таится и проявляется въ душѣ современнаго человѣка.

На нашихъ глазахъ нѣкоторыя старыя націи, казалось давнымъ давно потерянныя для исторіи и заснувшія въ культурномъ смыслѣ, возродились выступаютъ вновь на историческую арену, полныя энергіи и идеаловъ—такова воскресшая итальянская нація. Мертвый востокъ оживаетъ, и мы присутствуемъ при процессѣ образованія новаго историческаго фактора—турецкой націи.

Можно ли серьезно говорить о какомъ-то вымираніи и вырожденіи и отсутствіи душевно-нормальныхъ людей тамъ, гдѣ чуть ли не каждое пятилѣтіе даетъ начало новымъ духовнымъ, художественнымъ, религіознымъ и общественнымъ теченіямъ?

Тѣ, которые, несмотря на бьющую въ глаза убѣдительность такихъ фактовъ, все-таки имѣютъ смѣлость отстаивать тезисъ, будто наше время

есть «вѣкъ вымиранія», ссылаются главнымъ образомъ на тотъ якобы доказанный фактъ, что число преступленій и крайностей всякаго рода сильно возросло въ послѣднее время. Если даже и признать эту ссылку во всемъ ея объемѣ, что, впрочемъ, не совсѣмъ точно, то никоимъ образомъ нельзя согласиться съ тѣми выводами, которые изъ нея дѣлаютъ защитники универсальной психической ненормальности нашей эпохи. Безстрастная статистика, не смущаясь ни передъ какими предвзятыми теоріями, показываетъ, что число всякаго рода преступленій, несчастій, людскихъ ошибокъ, увлеченій,—словомъ, всѣхъ проявленій слабости и неприспособленности человѣческаго духа, представляетъ собою изъ года въ годъ довольно постоянную величину, по крайней мѣрѣ, у народовъ высшей культуры.

Подобное же постоянство обнаруживается и во многихъ явленіяхъ соціальной жизни, тѣсно связанныхъ съ душевной сферой, напр. въ потребленіи алкоголя, въ самоубійствахъ, въ расторженіи браковъ, въ числѣ незаконнорожденныхъ и т. п.

Такая закономѣрность можетъ быть объяснена только при допущеніи двухъ слѣдующихъ условій — во-первыхъ: наличности постоянныхъ или мало колеблющихся изъ года въ годъ внѣшнихъ соціальныхъ, т. е. культурно-экономическихъ, факторовъ, оказывающихъ вредное, т. е. нарушающее, дѣйствіе на духовную жизнь даннаго населенія. Во-вторыхъ, этимъ постоянствомъ въ размѣрѣ нарушеній и числа жертвъ доказывается безспорно существованіе опредѣленнаго, также мало колеблющагося, процента душевно-неустойчиваго населенія, которое по своей слабой сопротивляемости дѣлается жертвой вредныхъ условій и падаетъ подъ бременемъ ихъ тяжести.

Если бы значительная часть населенія состояла изъ такихъ духовно-слабыхъ, неуравновѣшенныхъ, близкихъ къ состоянію душевной болѣзни субъектовъ, тогда количество жертвъ колебалось бы въ гораздо большихъ размѣрахъ, нежели мы видимъ это теперь, и процентъ преступленій, паденій, несчастій представлялъ бы гораздо менѣе постоянства и закономѣрности, чѣмъ это имѣетъ теперь мѣсто.

Кромѣ того доказанное вліяніе соціально-экономическихъ условій на процентъ преступленій и т. п. аномалій общественной жизни убѣдительно доказываетъ, что устойчивость духовнаго строя населенія, этотъ вѣрнѣйшій масштабъ душевнаго здоровья народа, сама по себѣ представляетъ довольно постоянную величину. А такая устойчивость была бы совершенно невозможна, если бы большинство населенія состояло изъ людей, близкихъ къ состоянію душевной болѣзни.

Но, если типъ душевно здороваго человѣка существуетъ, какъ къ нему подойти? Обратимся съ этимъ вопросомъ къ тѣмъ пріемамъ, которые употребляетъ медицина, когда ей нужно опредѣлить физически здороваго человѣка, и посмотримъ, какъ она поступаетъ. Этотъ вопросъ занимаетъ и врачей и законовѣдовъ при всѣхъ случаяхъ страхованія, при пріемѣ на военную службу и во многихъ другихъ случаяхъ, когда нужно рѣшить вопросъ—здоровъ ли человѣкъ, или боленъ. Были попытки отыскать фи-

ческій, вѣрнѣе анатомическій масштабъ тѣлеснаго или физическаго здоровья путемъ измѣренія грудной клѣтки, величины дыханія и т. п. Пытались установить извѣстную норму требованій для здороваго человѣка, но оказалось, что всѣ эти физическіе признаки недостаточны. Разумѣется, въ широкихъ предѣлахъ это имѣетъ значеніе. Можно, напр., сказать, что взрослый человѣкъ, имѣющій 2,5 пуда вѣсу, нездоровъ. Для физическаго здоровья поэтому необходима наличность извѣстнаго минимума физіологическаго матеріала, достаточнаго для трудоспособности и приспособляемости организма. Одно время думали, что объемъ легкихъ представляетъ самую вѣрную мѣрку для опредѣленія здоровья, но наблюденія показали, что есть народности, которыя могутъ жить и работать при такомъ минимумѣ легкихъ, при какомъ другія расы не могутъ выдерживать.

Поэтому въ медицинѣ при оцѣнкѣ физическаго здоровья на первый планъ выдвинулось значеніе физіологическихъ условій, т. е. работоспособности организма. Чтобы считать человѣка здоровымъ, мало однакожъ того, чтобы онъ могъ совершать свою обычную работу въ обычной температурѣ, при обычныхъ условіяхъ, а нужно, чтобы онъ имѣлъ извѣстный *запасъ силъ* для приспособленія къ различнымъ колебаніямъ условій питанія, температуры, атмосферы и т. д. Если человѣкъ здоровый, живущій на югѣ, не можетъ перенести сѣвернаго климата, то такой человѣкъ не можетъ быть признанъ вполнѣ здоровымъ. Другими словами степень выносливости—вотъ истинная мѣра физическаго здоровья.

Далѣе, медицина строго различаетъ физическую болѣзнь отъ различныхъ дефектовъ организма; мы не считаемъ больнымъ человѣка, у котораго отрѣзанъ палецъ, который хромаетъ, коситъ, плохо видитъ однимъ глазомъ или тугъ на одно ухо, и т. п. Такого человѣка мы называемъ не больнымъ, а въ худшемъ случаѣ, когда дефектъ очень великъ, калѣкой. До тѣхъ поръ, пока дефектъ не достигаетъ такихъ размѣровъ, напр., потери цѣлой руки, или ноги и не отражается на общей жизни и работоспособности человѣка, мы не видимъ въ немъ больного.

Признавая приспособленность и выносливость основнымъ критеріумомъ физическаго здоровья, наука этимъ самымъ устанавливаетъ понятіе о различныхъ степеняхъ здоровья, соотвѣтственно различной степени способности индивида приспособляться къ большему или меньшему числу внѣшнихъ воздѣйствій или перемѣнъ.

Отсюда же возникаетъ представленіе о постепенныхъ и незамѣтныхъ переходахъ отъ полнаго здоровья къ болѣзненнымъ состояніямъ; съ этой же точки зрѣнія дѣлается объяснимымъ существованіе промежуточной группы индивидовъ, состоящихъ на рубежѣ между физическимъ здоровьемъ и болѣзнью. При оцѣнкѣ физическаго здоровья людей медицина приходитъ силою фактовъ къ необходимости также различать болѣзнь и болѣзненность. Подъ послѣдней разумѣютъ такое состояніе здоровья, когда индивидъ часто и легко подвергается подъ вліяніемъ слабыхъ, вредныхъ агентовъ, какъ простуда, утомленіе и т. п., кратковременнымъ и легкимъ нару-

шеніямъ здоровья, которыя на короткое время выбиваютъ его изъ строя, не оставляя однакожъ на немъ замѣтнаго слѣда.

Наука, положивъ въ основу понятія о физическомъ здоровьѣ идею приспособленія, неизбѣжно должна допустить существованіе не одного, разъ навсегда фиксированнаго, типа физическаго здоровья, а нѣсколькихъ различныхъ типовъ здоровья. Обитатель полярныхъ странъ, жители умѣренной полосы и человѣкъ тропиковъ должны представлять, соотвѣтственно различнымъ условіямъ своего существованія, различіямъ въ климатѣ, пищѣ, работѣ и режимѣ, спеціальныя особенности въ своей организаціи, въ своихъ физіологическихъ отправленіяхъ. Но это отнюдь не мѣшаетъ имъ быть одинаково здоровыми, т. е. одинаково приспособленными къ тѣмъ условіямъ жизни, среди которыхъ протекаетъ ихъ существованіе.

То, что мы называемъ общимъ терминомъ тѣлосложеніе, т.-е. типъ анатомической и физіологической организаціи, можетъ быть весьма различный при совершенно одинаковомъ относительномъ уровнѣ приспособленія, т.-е. физическаго здоровья.

Обратимся теперь къ нашей непосредственной задачѣ—къ опредѣленію душевнаго здоровья, его признаковъ, свойствъ, его критерія и къ способамъ его опредѣленія.

Основное положеніе, которое мы будемъ доказывать въ настоящей бесѣдѣ, заключается въ томъ, что правильная оцѣнка душевнаго здоровья возможна лишь съ помощью того же метода, которымъ пользуется наука при изслѣдованіи физическаго здоровья. Съ помощью этого естественно-научнаго метода можно установить полную аналогію между свойствами психическаго и физическаго здоровья. Вся душевная жизнь человѣка, а, стало быть, и его душевное здоровье, неразрывно связано съ нервной системой, составляющей особую ткань и отдѣльный органъ нашего тѣла.

Психическая жизнь составляетъ придатокъ и высшее наслоеніе нервной функціи. Вотъ почему психическое здоровье, т.-е. нормальная дѣятельность психическаго аппарата, предполагаетъ, какъ свой фундаментъ, правильность нервной функціи, а послѣдняя въ свою очередь невозможна безъ здороваго состоянія всѣхъ не нервныхъ, т.-е. растительныхъ отправленій нашего организма. Получается такая формула: корни нашей душевной жизни стоятъ въ нервной системѣ, въ ея отправленіяхъ, растительные органы составляютъ подпочвенный слой, питающій и поддерживающій все зданіе душевнаго организма.

Приходится поэтому предварительно познакомиться хотя въ общихъ чертахъ съ механизмомъ и ролью нервной функціи и съ условіями ея нормальной дѣятельности.

Нервная система не есть обособленный въ тѣлѣ органъ, какъ, наприм., печень или сердце, мышцы и т. п. Нервная ткань разсѣяна по всѣмъ органамъ тѣла; нервныя волокна и нервныя клѣтки встрѣчаются всюду, кромѣ волосъ, ногтей и наружнаго слоя кожи. Нервная система составляетъ по

своему расположенію какъ бы особый организмъ, вставленный въ физическій организмъ.

Нервная ткань отличается по своему внутреннему строенію отъ всѣхъ другихъ органовъ своей однородностью: она составлена вся изъ двухъ родовъ элементовъ—клѣтокъ и волоконъ. Первыя, несмотря на индивидуальныя разнообразія въ формѣ, принадлежатъ всюду къ одному типу. Нервныя волокна или нервы представляютъ въ различныхъ частяхъ тѣла поразительное сходство между собою. Такая однородность составляетъ основное условіе, въ силу котораго дѣлается возможнымъ выполненіе нервной системой ея главныхъ функцій — служить средой, по которой распространяются по всѣмъ направленіямъ волны, возникающія въ какой-либо части тѣла. А такъ какъ нервная ткань пронизываетъ все тѣло и связываетъ между собою всѣ части послѣдняго, то она является органомъ объединенія всего организма.

Каждый нервъ, получивъ свое начало въ извѣстномъ органѣ, непрерывно идетъ до ближайшей группы соотвѣтственныхъ нервныхъ клѣтокъ въ спинномъ или головномъ мозгу, гдѣ нервъ и оканчивается. Эта группа клѣтокъ составляетъ центръ для органа, нервъ же служитъ проводникомъ, соединяющимъ органъ и центръ. Вся нервная система образуется изъ слія-нія множества такихъ до извѣстной степени самостоятельныхъ единицъ.

Основная задача нервной системы, ея функція, состоитъ въ приспособленіи организма къ окружающей средѣ съ помощью рефлекторныхъ актовъ или рефлексовъ. Слово «рефлексъ», или отраженіе, введено въ нервную физіологію Декартомъ. Оно означаетъ, что дѣйствіе какого-либо внѣшняго предмета на нашъ организмъ вызываетъ роковымъ образомъ отраженное дѣйствіе организма на среду. Первое дѣйствіе называютъ раздраженіемъ, послѣднее—реакціей.

Путь, ведущій отъ раздраженія къ реакціи, составляетъ нервная систе-ма и состоитъ изъ трехъ частей: 1) чувствующаго нерва, начинающагося въ томъ мѣстѣ, которое подверглось раздраженію; 2) изъ группы нервныхъ клѣтокъ или центра, и 3) двигательнаго нерва, который начинается въ этихъ клѣткахъ и ведетъ къ мышцамъ. Въ мѣстѣ раздраженія возни-каетъ въ началѣ чувствующаго нерва особое его состояніе—возбужденіе, которое въ видѣ нервной волны распространяется вверхъ по направленію къ нервному центру; здѣсь оно подвергается видоизмѣненію, усиливается или слабляется, и въ видѣ двигательнаго импульса опять-таки волнообразно пускается по двигательнымъ нервамъ къ мышцамъ, отъ чего и происхо-дитъ движеніе и реакція.

Изъ всѣхъ свойствъ рефлекторнаго акта соотвѣтствіе между раздражи-телемъ и реакціей имѣетъ самое важное значеніе, какъ мѣрило степени совершенства даннаго нервнаго акта. Поэтому первое условіе, которому должно удовлетворить цѣлесообразный рефлексъ, это то, что реакція, т.-е. движеніе, должна направиться на то мѣсто, гдѣ подѣйствовалъ раздражи-тель. Кромѣ того, очевидно реакція должна соотвѣтствовать раздраженіямъ

и по сплѣ, и насколько возможно по качеству. И дѣйствительно, мы видимъ, какъ лягушка потираетъ лапкой то самое мѣсто на своемъ брюшкѣ, которое было ущипнено наблюдателемъ; сильный пучекъ свѣта, падающій на глазъ человѣка или животнаго, вызываетъ рефлекторное закрытіе глазной щели и даже отдергиваніе всей головы, какъ бы для удаленія глаза отъ направленія падающаго свѣта: раздраженіе чѣмъ-либо (щекотаніе) слизистой оболочки носа, зѣва, горла, желудка (пищей), легкихъ (холодный, горячій, ѣдкій воздухъ) и т. д. вызываетъ рядъ рефлекторныхъ движеній—чиханія, отплевыванія, кашля, рвоты.

Уже въ самомъ механизмѣ рефлекса, безъ помощи и участія сознанія, имѣются налицо всѣ элементы того, что принято считать цѣлесообразностью. Цѣлесообразность реакцій зиждется на механизмѣ рефлекса, хотя многіе склонны всякое проявленіе цѣлесообразности приписывать сознанію и вообще смѣшивать сознательное съ цѣлесообразнымъ.

Существуетъ значительное различіе въ характерѣ и въ выполненіи новаго, впервые вырабатываемаго рефлекса и стараго, уже заученнаго, многократно повторявшагося рефлекса. Первый отличается и меньшей быстротой выполненія, и меньшей правильностью, и совершенствомъ реакціи.

Это усовершенствованіе и большая подготовка нервной системы можетъ передаваться отъ родителей къ дѣтямъ путемъ унаслѣдованія. Вотъ чѣмъ объясняется быстрое развитіе у новорожденныхъ людей и животныхъ цѣлаго ряда сложныхъ рефлексовъ, какъ, наприм., сосательный рефлексъ.

Способность къ быстрому усвоенію новыхъ рефлексовъ служитъ однимъ изъ самыхъ вѣрныхъ критеріумовъ здоровой нервной системы. Потеря этой способности представляетъ собой одинъ изъ самыхъ раннихъ симптомовъ надвигающейся нервной болѣзни и составляетъ самое обычное явленіе при переутомленіи или истощеніи нервной системы, такъ называемой неврастеніи.

Изъ изложеннаго ясно, что для здоровья нервной системы недостаточно еще, чтобы налицо имѣлось извѣстное количество нервной ткани, тутъ еще больше, чѣмъ въ физическомъ здоровьѣ, выступаетъ значеніе функціи, работоспособности. Нервная система здорова тогда, когда она способна правильно выполнять свое назначеніе—отражать атаки со стороны окружающей насъ среды.

Эта способность нервной системы связана съ существованіемъ въ ней запаса нервной энергіи. Только тотъ человѣкъ можетъ считаться обладателемъ здоровой нервной системы, кто въ состояніи приспособиться къ неожиданнымъ впечатлѣніямъ, и кто обладаетъ широкой приспособляемостью и выносливостью.

Отправленіе играетъ въ здоровьи нервной системы еще бо́льшую роль, нежели въ другихъ органахъ животнаго организма. Доказано, что какъ для роста и развитія, такъ и для сохраненія жизни и здоровья нервной ткани, безусловно необходимо, чтобы послѣдняя подвергалось дѣйствію внѣшнихъ вліяній и получала впечатлѣнія — свѣтовыя, звуковыя и т. д.

Если какой-либо нервъ, наприм., зрительный, не получаетъ долгое время впечатлѣній, положимъ, вслѣдствіе пребыванія животнаго въ темнотѣ, въ пещерѣ или подъ землею, или на морской глубинѣ, воспріимчивость зрительнаго нерва мало-по-малу падаетъ, и если это повторяется въ ряду поколѣній, животное можетъ вовсе ослѣпнуть, т.-е. зрительный нервъ и его мозговой центръ могутъ атрофироваться. Внѣшнія стимулы составляютъ для нервовъ то, что пища есть для всего организма. Внѣшніе раздражители возбуждаютъ отправленіе нервной системы, поддерживаютъ въ ней жизнь, ростъ, питаніе и здоровье.

Въ этомъ отношеніи между нервной системой и другими органами обнаруживается коренное различіе. Въ то время, какъ для всѣхъ растительныхъ органовъ химическое питаніе составляетъ суть жизни, доставка химическихъ веществъ, пищи, есть главное условіе жизни и здоровья, а отправленіе играетъ второстепенную роль, въ нервной системѣ мы видимъ иное. Тутъ на первомъ планѣ физическое возбужденіе извнѣ, т.-е. физическое питаніе, энергія играетъ роль химизма, а процессъ химическій—питаніе въ строгомъ смыслѣ слова, зависитъ уже отъ работы нервной ткани.

Стоитъ хотя немного измѣниться составу крови, стоитъ попасть въ кровь какому-нибудь вредному веществу,—нарушается обмѣнъ веществъ въ мозгу, и его отправленіе страдаетъ. Достаточно указать на всѣмъ извѣстное дѣйствіе алкоголя на человѣка. То, что называется опьяненіемъ, есть острое отравленіе крови вреднымъ веществомъ, передача этого яда мозгу и разстройство дѣятельности организма. Подъ вліяніемъ холода, мрака, голода является лихорадочное состояніе крови; это нарушаетъ мозговую и душевную дѣятельность человѣка и дѣлаетъ его временно или надолго душевнобольнымъ.

Душевная жизнь человѣка неразрывно связана съ тѣломъ вообще и еще больше съ мозгомъ. Наши душевныя состоянія, т.-е. ощущенія и представленія, возникаютъ и зарождаются при помощи различныхъ органовъ чувствъ, глаза, уха, кожи и т. п. Другія душевныя состоянія зарождаются въ насъ подъ вліяніемъ тѣлесныхъ состояній или перемѣнъ, наприм., подъ вліяніемъ пищеваренія, движенія, усыпительныхъ средствъ, дѣйствующихъ на организмъ, подъ вліяніемъ работы и усталости, голода и пр. Наконецъ, различныя душевныя состоянія, какъ, наприм., чувства, хотѣнія, рѣшенія и т. п., въ свою очередь обнаруживаются въ различныхъ физическихъ явленіяхъ и перемѣнахъ нашего тѣла—въ мимикѣ, голосѣ, рѣчи, движеніяхъ, поступкахъ, перемѣнахъ въ дѣятельности сердца, сосудовъ и другихъ тѣлесныхъ органовъ.

Неудивительно поэтому, что люди уже давно, до зарожденія науки, предполагали существованіе связи между душевной жизнью и тѣлесными отправленіями. 2000 лѣтъ назадъ, т.-е. болѣе чѣмъ за сто лѣтъ до Р. Х., александрійскій анатомъ Герофилъ уже высказалъ положеніе, что центральная часть нашей нервной системы—головной мозгъ и есть тотъ органъ, который со-

ставляетъ существенное условіе душевной жизни, цѣлость и отправленіе котораго необходимы для правильной душевной дѣятельности.

Герофилъ опирался, главнымъ образомъ, на слѣдующія доказательства: онъ указывалъ на то, что какъ органы чувствъ, въ которыхъ получаетъ свое начало вся душевная жизнь, такъ и мышцы, въ которыхъ она находитъ свое проявленіе, неразрывно связаны съ мозгомъ посредствомъ нервныхъ нитей, которыя идутъ къ этимъ органамъ. Далѣе Герофилъ уже зналъ, что если эти пути, т.-е. нервы, перерѣзаны, то тѣ органы, къ которымъ эти нити идутъ, перестаютъ принимать участіе въ нашей душевной жизни.

Смотря по тому, какого рода нервъ перерѣзанъ, такой ли, который идетъ къ органу чувствъ (наприм., глазу) или идущій къ мышцѣ, теряется или извѣстный классъ ощущеній (зрительныя впечатлѣнія), или наступаетъ параличъ извѣстныхъ мышцъ (наприм., одной руки). Однако-жъ, общій ходъ душевной работы отъ этого не разстраивается.

Въ настоящее время мы, разумѣется, располагаемъ гораздо большими свѣдѣніями относительно той несомнѣнной связи, какая существуетъ между душевной дѣятельностью и отправленіемъ мозга и нервной системы вообще. Первое обобщеніе, установленное на основаніи многочисленныхъ данныхъ, заключается въ томъ, что объемъ и строеніе мозга идутъ въ общемъ параллельно съ высотой и богатствомъ душевной жизни. Мозгъ, будучи органомъ психической жизни, есть также и центръ многихъ тѣлесныхъ, психическихъ отправленій нашего тѣла, какъ-то: кровообращенія, дыханія, питанія, выдѣленія, непроизвольныхъ движеній, выработки и траты тепла и т. п. Въ то же время мозгъ, какъ орудіе и органъ психической жизни соотвѣтствуетъ степени богатства и сложности послѣдней. Собственно говоря, мы въ корѣ головного мозга имѣемъ такой отдѣлъ мозга, который играетъ спеціальную роль въ духовной жизни.

И дѣйствительно, есть всѣ основанія принимать, что объемъ и развитіе коры большого мозга можетъ служить масштабомъ психической работоспособности. Но и здѣсь встрѣчается одно осложненіе. Раздѣленіе отправленій нашего тѣла на физическія и духовныя оказывается не только не такимъ легкимъ дѣломъ, какъ это представляется съ перваго взгляда, но даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ наталкивается на непреодолимыя трудности. Произвольныя движенія, какъ ходьба, всякаго рода трудъ, даже рѣчь, пѣніе, писаніе, игры, движенія головы, глазъ и т. п., съ одной стороны, представляютъ собою чисто физическое отправленіе нашихъ мышцъ, и входятъ посему въ область тѣлесныхъ отправленій. При этомъ всякое произвольное движеніе не только управляется нервной системой, но даже получаетъ свое начало, т.-е. импульсъ, отъ послѣдней. Не только болѣзни, но простой усталости достаточно для того, чтобъ разстроилась способность совершать произвольныя движенія. Въ то же время произвольныя движенія неразрывно связаны съ высшей психической дѣятельностью, съ образованіемъ представленій, напримѣръ, движенія глазъ и головы съ

актомъ зрѣнія, движенія губъ и языка съ мышленіемъ, рѣчь есть сама мысль. Безъ рѣчи человѣческая мысль никогда не достигла бы нынѣшняго состоянія. Музыка, т.-е. художественное творчество, немыслима безъ движенія пальцевъ и т. д. Соотвѣтственно этому главное управленіе нашими произвольными движеніями находится въ корѣ большого мозга рядомъ и даже мѣстами слито съ тѣми областями мозга, которыя и служатъ для работы органовъ чувства и для мысли. Мало того, по мнѣнію многихъ физіологовъ (Мункъ), одни и тѣ же центры служатъ и для образованія представленій, и для двигательныхъ импульсовъ. Мозгъ поэтому настолько же двигательный аппаратъ, насколько и духовный. Оттого въ настоящее время все больше и больше устанавливается воззрѣніе Спенсера, который еще въ 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія до блестящихъ открытій, сдѣланныхъ въ новѣйшее время въ физіологіи мозга, пророчески предсказалъ, что объемъ и степень развитія головного мозга должны находиться въ соотвѣтствіи съ суммой и качествомъ произвольныхъ движеній, выполняемыхъ даннымъ индивидомъ, человѣкомъ или животнымъ.

Такимъ образомъ, головной мозгъ оказывается уже въ троякомъ соотношеніи съ организмомъ: 1) какъ органъ физическихъ и растительныхъ отправленій; 2) какъ органъ произвольныхъ движеній, и 3) наконецъ, какъ органъ сознанія. Но такъ какъ послѣднія двѣ функціи тѣсно связаны и вмѣстѣ составляютъ одну сферу приспособленія человѣка къ окружающимъ условіямъ жизни, то можно сказать, что у человѣка имѣется одна болѣе общая функція мозга какъ регулятора низшихъ, физическихъ отправленій, а другая, спеціальная роль въ нервно-психической жизни. Очевидно, что именно послѣдняя функція мозга и нарастаетъ прогрессивно вмѣстѣ съ развитіемъ душевной жизни, съ увеличеніемъ спроса, т.-е. съ усложненіемъ культурныхъ условій человѣческой дѣятельности и жизни.

Сверхъ дѣятельной, работающей части мозга имѣется еще у каждаго человѣка извѣстный запасъ неработающей мозговой ткани, размѣромъ котораго опредѣляется способность этого субъекта къ усвоенію новаго, къ выучкѣ и усовершенствованію, словомъ, къ пріобрѣтенію новыхъ приспособленій. Сравнивая людей, можно убѣдиться, что они гораздо больше различаются въ отношеніи этого запаснаго мозга и ихъ скрытой способности къ новому, чѣмъ по размѣрамъ усвоеннаго, пріобрѣтеннаго духовнаго капитала, которымъ они работаютъ въ жизни. Въ то время, какъ одни люди работаютъ почти всѣмъ своимъ мозгомъ и имѣютъ лишь весьма небольшой запасный капиталъ для новыхъ приспособленій, другіе, напротивъ того, располагаютъ большимъ запасомъ неработающаго мозгового вещества, и обладаютъ поэтому гораздо большею способностью, въ случаѣ новыхъ запросовъ жизни, приспособляться къ новымъ условіямъ. Послѣдніе легче переносятъ поэтому и напряженный умственный трудъ, и душевныя потрясенія, и даже болѣзни. Первые же субъекты и представляютъ собою матеріалъ, у которыхъ легче развиваются истощеніе мозга

и различныя его заболѣванія; это такъ называемые предрасположенные къ нервнымъ и душевнымъ заболѣваніямъ люди.

Когда говорятъ объ умственномъ развитіи, о способностяхъ и вообще о душевной жизни человѣка, то, конечно, имѣютъ въ виду лишь то, что явно и активно обнаруживается въ его жизни и дѣятельности, но отнюдь не его скрытыя способности, которыя могутъ всю жизнь не имѣть случая реализироваться и развернуться. Поэтому наша оцѣнка духовныхъ силъ и душевнаго богатства поневолѣ всегда будетъ неполна, что, конечно, нужно имѣть въ виду, когда говорятъ о соотвѣтствіи между духовными силами человѣка и его мозга. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ оказаться важущееся несоотвѣтствіе между большимъ объемомъ мозга и довольно низкимъ уровнемъ душевнаго развитія у даннаго лица, у котораго, быть можетъ, лишь небольшая часть мозгового аппарата функціонируетъ, а значительная часть находится въ состояніи недѣятельномъ, запасномъ.

При этомъ надо считаться еще и съ тѣмъ обстоятельствомъ, что переходъ запасной, недѣятельной мозговой ткани въ дѣятельное состояніе возможенъ только до извѣстнаго возраста, и всего легче совершается въ юности и молодости. Наступаетъ такой періодъ въ жизни, когда недоразвитые нервные элементы—клѣтки и волокна, теряютъ свою способность дальнѣйшаго развитія и превращеній въ функціонирующіе элементы и подвергаются атрофіи отъ неупотребленія. Оттого лица, проведшія жизнь въ условіяхъ, неблагопріятныхъ для ихъ душевнаго развитія, напримѣръ, обитатели заброшенныхъ мѣстъ въ горахъ, пастухи и т. п., могутъ во вторую половину своей жизни не представлять даже и слѣдовъ способности къ дальнѣйшему умственному развитію, обладая въ то же время отъ природы хорошо организованнымъ и объемистымъ мозгомъ.

Общій выводъ, слѣдовательно, тотъ, что не столько абсолютный, сколько относительный вѣсъ мозга, его отношеніе къ вѣсу тѣла и къ объему мышечной системы характеризуетъ работоспособность мозга, притомъ не только количество его, но и качество, т.-е. строеніе и его химическая и физіологическая организація, имѣютъ значеніе.

Далѣе, есть основаніе думать, что количество и качество мозга имѣютъ каждый спеціальное вліяніе на душевную дѣятельность и на духовную работоспособность человѣка и не могутъ поэтому одинъ замѣнять другой. Чтобъ уяснить себѣ это, слѣдуетъ имѣть въ виду фундаментальное различіе, которое существуетъ между усвоеніемъ готоваго, т.-е. другимъ придуманнаго, и самостоятельнымъ творчествомъ, или выработкой новой умственной, художественной или практической комбинаціи фактовъ и идей. Высшіе умы, какъ совершенно правильно указываетъ Спенсеръ, характеризуются способностью создавать новыя и притомъ сложныя комбинаціи, которыя въ концѣ-концовъ могутъ опять привести къ простымъ выводамъ и формуламъ. Для усвоенія результатовъ и продуктовъ работы этихъ большихъ и сильныхъ умовъ достаточно и силъ средняго, правильно устроеннаго и хорошо функціонирующаго мозга, т.-е. качественно хорошо развитого. Но

для творчества, особенно же для созданія новыхъ сложныхъ комбинацій и ассоціацій образовъ и идей необходима масса новыхъ путей въ мозгу, т.-е. необходимо опредѣленное количественное развитіе мозга, безъ чего немыслимо появленіе такъ называемой глубины и обширности мысли.

Вотъ почему представляется ошибочнымъ то мнѣніе, которое считаетъ возможнымъ качествомъ мозга, его организаціей, вполнѣ замѣнить количественное развитіе. Можно считать безспорнымъ, что извѣстный объемъ, вѣсъ и вообще количество мозгового вещества, которымъ располагаетъ данное лицо для своихъ умственныхъ операцій, опредѣляетъ собою высшій предѣлъ возможнаго и доступнаго для него умственнаго развитія и максимумъ его душевной энергіи. Неоднократно замѣчено было на людяхъ даже способныхъ, что они достигаютъ извѣстнаго уровня, останавливаются предъ новыми задачами, будучи совершенно неспособны справиться съ ними.

Кромѣ этихъ матеріальныхъ условій со стороны мозга, есть еще внѣшнія, вспомогательныя условія, которыя оказываютъ вліяніе на работоспособность, выносливость и продуктивность мозга. Мы говоримъ о вліяніи среды, въ которой данный субъектъ получилъ свое образованіе и воспитаніе, о вліяніи той жизненной школы, которую онъ прошелъ. Въ сущности этотъ факторъ сводится къ упражненію и дрессировкѣ мозга, благодаря которымъ сильно подымается работоспособность нервной и психической функціи. Упражненіе опредѣляетъ собою максимумъ реализированной духовной жизни и максимумъ пріобрѣтенныхъ приспособленій, умственныхъ привычекъ, готовыхъ путей и пріемовъ.

Все вышеизложенное объясняетъ, почему вѣсъ мозга здороваго человѣка представляетъ такія значительныя индивидуальныя колебанія, причемъ за средній вѣсъ для современнаго европейскаго мужчины слѣдуетъ считать 1,360, для женщины 1,220 грм. Если брать не абсолютный, а относительный, т.-е. вѣсъ мозга раздѣлить на вѣсъ тѣла, то получится бо́льшая величина для женщины, чѣмъ для мужчины.

До сихъ поръ еще не установленъ низшій предѣлъ вѣса мозга, т.-е. наименьшій вѣсъ, при которомъ человѣкъ еще можетъ быть нормальнымъ въ умственномъ отношеніи, но ниже котораго онъ уже обреченъ на слабоуміе или идіотизмъ. Брока принималъ для мужчины этотъ низшій вѣсъ мозга за 1,134 грм., а для женщины — 975. Топинаръ принимаетъ для мужчины низшій вѣсъ мозга въ 1,000 гр. Макурріе считаетъ этотъ минимумъ еще неизвѣстнымъ, но указываетъ на то, что неизвѣстно ни одного случая, гдѣ бы при вѣсѣ мозга въ 1,000 гр. у человѣка возможно было бы нормальное душевное развитіе. Нужно замѣтить, что при жизни нельзя опредѣлить существованіе такого минимальнаго мозга, или, какъ это называютъ, микроцефалію, такъ какъ въ совершенно нормальномъ по размѣру черепѣ можетъ оказаться такой минимальный мозгъ (наприм., въ случаѣ водянки въ черепѣ).

Наблюденія надъ поврежденіями мозга показываютъ, что почти всегда въ этихъ случаяхъ разстраивается или въ цѣломъ, или въ отдѣльной части

механизмъ душевной жизни, чѣмъ, конечно, также подтверждается существованіе связи между мозгомъ и психическими отправленіями.

Съ другой стороны, изученіе случаевъ душевныхъ разстройствъ и помѣшательствъ показываетъ, что въ очень многихъ случаяхъ послѣ смерти въ мозгу этихъ субъектовъ находятъ весьма замѣтныя измѣненія въ состояніи мозговой ткани. Такимъ образомъ можно уже считать безспорнымъ, что мозгъ есть главный тѣлесный органъ, связанный съ психическими отправленіями.

При этомъ однако-жъ обнаруживается одно важное обстоятельство: нѣтъ ни одного такого пункта въ мозгу, поврежденіе котораго безусловно влекло бы за собою полное разстройство или прекращеніе нормальной душевной дѣятельности. И наоборотъ, нѣтъ ни одного сколько-нибудь замѣтнаго района мозговой ткани, который могъ бы быть удаленъ, поврежденъ или измѣненъ болѣзнью безъ всякаго ущерба для душевной жизни, который былъ бы, слѣдовательно, индифферентенъ для послѣдней. Очевидно, что только весь головной мозгъ въ своей совокупной цѣлости служитъ аппаратомъ для психическихъ отправленій, которыя, вѣроятно, потому и находятъ здѣсь для себя свои спеціальныя условія, что въ мозгу, вслѣдствіе его особаго устройства, отдѣльныя нервныя волны, вступая между собою въ связь и взаимодѣйствіе, создаютъ почву для психическихъ актовъ, т.-е. для сознанія.

Головной мозгъ, будучи послѣднимъ и высшимъ звеномъ нервной системы, служитъ выработкѣ психическихъ рефлексовъ, или сознательныхъ приспособленій.

Мозговая или психическая дѣятельность вноситъ съ собою въ механизмъ рефлексовъ слѣдующіе новые моменты:

1. Рефлексы съ высшихъ органовъ чувствъ—слуха и зрѣнія, такъ какъ нервы этихъ органовъ чувствъ оканчиваются въ мозговой корѣ.

2. Комбинированные рефлексы съ нѣсколькихъ органовъ чувствъ и со всего тѣла одновременно.

3. Тогда какъ низшіе и простѣйшіе нервные рефлексы обнаруживаютъ наклонность фиксироваться, т.-е. сдѣлаться заученными и унаслѣдованными, машинообразными, въ мозговой корѣ, наоборотъ, даны условія для выработки новыхъ рефлексовъ и новыхъ приспособленій.

4. Рефлексы мозговой коры уже не ограничиваются непосредственной реакціей, наприм., устраненіемъ вреднаго дѣйствія внѣшнихъ силъ, а расширяютъ и въ пространствѣ и во времени самое приспособленіе до того, что реакція иногда предохраняетъ нашъ организмъ отъ угрожающей ему въ будущемъ и вдали опасности. Рефлексъ становится предохранительнымъ, чѣмъ достигается большая экономія силъ организма.

5. Всѣ эти качества мозговыхъ рефлексовъ развиваются въ наивысшей степени подъ вліяніемъ сознательности, которая представляетъ собою вѣнецъ мозговой дѣятельности и безспорно связана съ жизнью и отправленіемъ головного мозга.

По строенію своему, по своимъ отправленіямъ и по своимъ физіологическимъ условіямъ головной мозгъ есть самая сложная и поэтому наиболѣе индивидуальная часть нервной системы. Заранѣе поэтому можно ожидать, что нѣтъ какого-либо неизмѣннаго типа мозговой организаціи, которая одна лишь удовлетворяла бы условіямъ здоровой психической жизни, и что возможны различныя варіаціи и широкія колебанія въ характерѣ мозговой работы, при чемъ сохраняются условія душевнаго здоровья.

Мы видѣли, какъ цѣлость и здоровье всей нервной системы, т.-е. наличность условій ея нормальнаго развитія, питанія и отправленія, составляютъ необходимое условіе психическаго здоровья. Понятно, что все это въ еще большей мѣрѣ относится къ головному мозгу, который стоитъ въ самой тѣсной связи съ психикой и можетъ быть названъ органомъ и ареной душевной жизни. Оттого все, что прямо или косвенно нарушаетъ условія жизнеспособности и работоспособности мозга, отражается вредно на психической жизни, разстраиваетъ душевное здоровье въ меньшей или большей степени, вплоть до формальной душевной болѣзни.

Разстройства питанія, напримѣръ, голоданіе, лихорадочное состояніе, введеніе въ кровь вредно дѣйствующихъ или отравляющихъ веществъ, какъ алкоголь, опій и тысячи другихъ подобныхъ, переутомленіе, сильный жаръ или холодъ и т. д. нарушаютъ нормальныя отправленія всей нервной системы и въ еще большей мѣрѣ вредно отражаются на дѣятельности мозга и тѣмъ, смотря по степени вреднаго дѣйствія, или вызываютъ незначительныя и скоропроходящія нарушенія душевнаго здоровья, или обусловливаютъ серьезныя и длящіяся душевныя заболѣванія.

Психическая жизнь человѣка неразрывно связана съ мозговой работой, и душевное здоровье немыслимо безъ нормальнаго отправленія нервно-мозговой функціи. Къ такому взгляду человѣчество пришло однако-жъ лишь долгимъ путемъ историческаго опыта и научнаго анализа. Непосредственное воззрѣніе, отъ котораго не свободенъ никто изъ насъ, заключается въ томъ, что нашъ душевный міръ представляется чѣмъ-то вполнѣ самостоятельнымъ, независимымъ какъ отъ внѣшняго физическаго, такъ и отъ внѣшняго психическаго міра, чѣмъ-то совершенно обособленнымъ. Наше сознаніе говоритъ намъ ежеминутно о томъ, что въ немъ самомъ, т.-е. въ сознаніи, зарождаются всѣ элементы нашей духовной жизни, образы, мысли, чувства, стремленія, что въ немъ имѣются свои самостоятельныя силы или психическія способности—умъ, чувство, воля, вниманіе.

Голосъ нашего самосознанія категорически отказывается признать зависимость психической жизни, явленій сознанія отъ физическихъ и тѣлесныхъ. Этотъ внутренній голосъ настаиваетъ на полной автономіи духовнаго міра.

Углубляясь въ нашъ душевный міръ, мы находимъ въ немъ явные слѣды самостоятельной организаціи, связную и стройную систему воззрѣній, чувствъ и стремленій, слитыхъ въ одно цѣлое, которое мы сознаемъ какъ нашу духовную личность.

Мы въ состояніи различать непосредственно, т.-е. въ самомъ сознаніи, когда наша психика живетъ нормальной, здоровой жизнью и когда она работаетъ недостаточно правильно. Такъ, мы иногда сами, безъ помощи чужого контроля, сознаемъ ошибки своихъ органовъ чувствъ, свои иллюзіи и галлюцинаціи, сознаемъ иногда неотвязчивый и неправильный характеръ нѣкоторыхъ нашихъ мыслей или чувствъ, сознаемъ болѣзненность нѣкоторыхъ нашихъ влеченій, безсиліе нашей памяти, разсѣянность нашего вниманія и т. д.

Мы до извѣстной степени носимъ въ себѣ и съ собою масштабъ нашего душевнаго здоровья; съ этимъ масштабомъ приходится считаться и наукѣ. Не только врачъ-психіатръ, но и простолюдинъ нерѣдко произноситъ свой объективный приговоръ надъ ненормальнымъ состояніемъ душевнаго здоровья на основаніи непосредственнаго впечатлѣнія, которое на нихъ производитъ чисто психическая дѣятельность даннаго индивида. Понятіе о бредѣ, о нелѣпыхъ идеяхъ, о слабоуміи столько же принадлежитъ наукѣ, сколько и обыденному наблюденію. Не только въ практической жизни, но и въ области науки, психологическій критерій душевнаго здоровья, т.-е. опредѣленіе психическихъ границъ, отдѣляющихъ душевное здоровье отъ болѣзни, еще долго будетъ имѣть и большое соціальное значеніе и огромную теоретическую важность. Если современная психіатрія и борется съ этимъ началомъ въ его примѣненіи къ рѣшенію судебныхъ вопросовъ—вмѣняемости и правоспособности, то это слѣдуетъ понимать какъ протестъ психіатріи противъ безапелляціонности психологическаго критерія. Психіатры вполнѣ основательно настаиваютъ на необходимости дополнять психологическія изслѣдованія физіологическими, провѣрить психологическій критерій, по своей субъективной натурѣ иногда неточный и ненадежный, путемъ объективнаго экзамена нервныхъ отправленій испытуемаго субъекта.

Было бы однако-жъ большимъ увлеченіемъ совершенно отвергнуть примѣнимость психологическаго критерія и во всѣхъ случаяхъ жизни требовать исключительно физіологическаго экзамена душевнаго здоровья.

Гораздо болѣе цѣлесообразно, по нашему мнѣнію, попытаться приложить къ психологическому экзамену начала и пріемы, аналогичные тѣмъ, какіе выработаны въ области физіологическаго экзамена.

Нужно сдѣлать попытку вывести бытовой психологическій критерій изъ его эмпирическаго состоянія и дать ему такую же научную обработку и форму, какую мы находимъ въ физіологическомъ критеріумѣ, т.-е. въ методѣ опредѣленія нормальной нервной дѣятельности. Къ этой задачѣ мы и переходимъ, и попытаемся выяснить, каковы признаки душевнаго здоровья въ предѣлахъ самой психики.

И. Оршанскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

О курортномъ Положеніи для кавказскихъ минеральныхъ водъ.

Центральный пунктъ на бывшемъ въ сентябрѣ 1903 г. въ Пятигорскѣ съѣздѣ бальнеологовъ несомнѣнно занималъ вопросъ о мѣрахъ къ улучшенію санитарнаго состоянія отечественныхъ курортовъ и о необходимости установленія особыхъ курортныхъ Положеній. Высокая важность вопроса оправдываетъ и объясняетъ то исключительное вниманіе, которое удѣлилъ ему съѣздъ. Въ частности по отношенію къ кавказскимъ минеральнымъ водамъ онъ составляетъ, очевидно, больное мѣсто и назрѣвшую злобу дня, такъ какъ по свидѣтельству русскаго бальнеологическаго общества въ Пятигорскѣ «условія санитарныя, внѣшнее благоустройство поселеній при группахъ, удобства жизни, охраненіе порядка, спокойствія больныхъ и даже имущественная обезпеченность не только не улучшаются, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже ухудшаются».

Характерную бытовую обстановку пріѣзда на кавказскія минеральныя воды рисуетъ то же бальнеологическое общество въ запискѣ, представленной въ 1903 году г. министру земледѣлія. Значительное увеличеніе пріѣзда въ послѣдніе годы, говорится въ запискѣ, еще не свидѣтельствуетъ о процвѣтаніи курортовъ и не клонится въ пользу процвѣтанія. Ежегодно возрастаетъ абсолютно и относительно число ищущихъ безплатнаго лѣченія; но эти пріѣзжіе не только ничего не приносятъ въ плюсъ курортовъ, а напротивъ прибавляютъ въ минусъ, такъ какъ вмѣстѣ съ болѣзнью ведутъ нужду, требующую удовлетворенія въ томъ или другомъ видѣ. Между платными больными преобладаютъ люди съ очень скромными достатками, привлекаемые на воды, какъ объяснено въ запискѣ, дешевизною желѣзнодорожнаго тарифа; но и эти могутъ очень мало внести на процвѣтаніе курорта, отъ нихъ гораздо болѣе происходитъ неустройства и недоразумѣній, чѣмъ пользы для курорта: врачи должны отказываться отъ назначенія вспомогательныхъ физическихъ способовъ лѣченія, напримѣръ, массажа, по экономическимъ соображеніямъ; вслѣдствіе дешеваго плохого питанія очень часто наблюдаются желудочно-кишечныя разстройства; наблю-

дается малярія вслѣдствіе помѣщенія, дешевизны ради, въ такихъ мѣстностяхъ и такихъ квартирахъ, которыя совершенно не пригодны для больныхъ. Пріѣзжіе со скромными достатками требуютъ не хорошее, а дешевое; найти же дешевое и хорошее на кавказскихъ минеральныхъ водахъ оказывается крайне затруднительно. При такомъ условіи солидные предприниматели, несмотря на всѣ старанія управленія водъ, не откликаются по невыгодности дѣла, на призывъ поставить питаніе больныхъ на надлежащую высоту; по той же причинѣ домовладѣльцы заявляютъ, что невыгодно производить улучшенія въ домахъ, а купцы,—что невыгодно держать хорошій товаръ. Въ результатѣ всеобщее недовольство. Въ разгаръ сезона населеніе водъ раздѣляется на два враждебныхъ лагеря: «курсовые» увѣряютъ, что ихъ грабятъ, мѣстное населеніе жалуется на плохіе заработки. Процвѣтаніе курортовъ ожидается отъ состоятельной публики; но и она также недовольна, такъ какъ и за деньги не можетъ получить того, что за границей даютъ на придачу, т.-е. чистоты, порядка и спокойствія». «Жалобы этой публики совершенно справедливы. Въ особенности незавидно положеніе лѣчащагося въ наиболѣе людномъ курортѣ—въ Пятигорскѣ. Везде царитъ грязь или пыль и зловоніе, мимо стоянокъ извозчиковъ нельзя проходить безъ отвращенія; улицы, даже тѣ, которыя кое-какъ замощены, очищаются только въ дни пріѣзда высокопоставленныхъ лицъ. Воздухъ въ мѣстѣ наибольшаго скопленія больныхъ—на бульварѣ и въ особенности около николаевскаго цвѣтника—совершенно испорченъ... О спокойствіи больныхъ не только никто не заботится, но точно намѣренно стараются лишить ихъ ночного отдыха. Въ центральной части Пятигорска, напримѣръ, гудятъ до 11—12 часовъ вечера, съ разрѣшенія начальства, 3 плохихъ оркестра, а въ городскомъ скверѣ, близъ собора, пріютилось довольно неприличнаго характера заведеніе; визгъ пѣвицъ дополняетъ общую какофонію».

Такъ рисуется внѣшняя обстановка курортной жизни на кавказскихъ водахъ. Главную же причину этого неустроенія видятъ въ томъ, что въ управленіи курортами отсутствуетъ единство дѣйствій. Бальнеологическія учрежденія и поселенія при нихъ находятся въ вѣдѣніи трехъ министерствъ: земледѣлія и государственныхъ имуществъ, внутреннихъ дѣлъ и министерства военнаго, и сферы вліянія ихъ строго не разграничены. Особенно сильному нареканію и осужденію подвергаются мѣстныя общественныя управленія. «Опытъ многихъ лѣтъ съ очевидностью указываетъ,—говорится въ запискѣ русск. бальнеологическаго общества,—насколько несправедливо и непрактично ставить судьбу многихъ тысячъ больныхъ, стекающихся со всѣхъ концовъ Россіи, въ зависимость отъ доброй воли Пятигорской думы, состоящей исключительно изъ купцовъ и домовладѣльцевъ, и такихъ «Общественныхъ управленій», какъ кисловодское слободское, эссентукское станичное и сельское желѣзноводское. Въ той же запискѣ, напротивъ, благопріятно оттѣняется дѣятельность управленія водъ и врачей: «естественными защитниками больныхъ могутъ быть только управле-

ніе водъ и врачи»—сказано въ запискѣ. Проявиться же во всей полнотѣ благодѣтельному воздѣйствію управленія водъ на устройство и порядокъ жизни курортовъ мѣшаютъ лишь неупорядоченныя отношенія къ общественнымъ управленіямъ и къ общей администраціи: общественныя управленія не обнаруживаютъ послушанія въ достаточной мѣрѣ; а со стороны военнаго вѣдомства возбуждаются пререканія и недоразумѣнія по административно-полицейской части. Если бы устранить эти непослушанія и пререканія, то, очевидно, наступило бы полное благополучіе и процвѣтаніе кавказскихъ минеральныхъ водъ.

Къ такому именно заключенію пришли врачи на совѣщаніяхъ, происходившихъ въ сезонъ 1900 года на каждой группѣ подъ предсѣдательствомъ директора водъ, и соотвѣтственно этому заключенію тогда же коммиссія подъ предсѣдательствомъ директора водъ составила проектъ курортнаго Положенія, который былъ одобренъ русскимъ бальнеологическимъ обществомъ въ Пятигорскѣ. Однако представленный директоромъ водъ на благоусмотрѣніе министра земледѣлія проектъ курортнаго Положенія оказался уже «въ нѣсколько измѣненномъ видѣ», причемъ это измѣненіе сдѣлано вопреки мнѣнію врачей, высказанному при обсужденіи проекта. Въ измѣненіяхъ дѣло идетъ о предсѣдателѣ санитарнаго комитета, учреждаемаго на каждой группѣ. Бальнеологическое общество, находя безусловно необходимымъ, чтобы представителямъ врачебнаго сословія было предоставлено подобающее вліяніе на ходъ дѣла на водахъ, предлагало учредить на каждой группѣ должность врача-директора, въ завѣдованіи котораго должны находиться всѣ учрежденія группы, какъ врачебно-санитарныя, такъ и хозяйственныя. Врачъ-директоръ долженъ быть, по проекту бальнеологическаго общества, предсѣдателемъ санитарнаго комитета. Но въ существующей организаціи хозяйственнаго управленія водами со стороны министерства земледѣлія имѣются непосредственно подчиненные директору водъ завѣдующіе группами, со случайнымъ научнымъ цензомъ, и являющіеся лишь исполнителями хозяйственныхъ распоряженій дирекціи: эти-то вотъ завѣдующіе группами и оказались предсѣдателями санитарныхъ комитетовъ въ представленномъ для утвержденія проектѣ курортнаго Положенія.

Насколько проектъ Положенія о санитарно-административномъ управленіи поселеніями района кавказскихъ минеральныхъ водъ, даже съ тѣми поправками, которыя внесло бальнеологическое общество, удовлетворяетъ своему назначенію; можетъ ли подобное управленіе положить основаніе для процвѣтанія и гарантировать въ будущемъ полное благополучіе кавказскихъ водъ и курортныхъ поселеній?—На этотъ вопросъ получился отъ второго бальнеологическаго съѣзда отвѣтъ отрицательный. Докладчикъ В. А. Кобылинъ даетъ такому отрицательному рѣшенію довольно странное и совершенно необоснованное объясненіе. Онъ обвиняетъ говорившихъ на съѣздѣ по поводу проекта въ пристрастіи, указывая, что «ближними ихъ оказались пятигорскіе купцы и домовладѣльцы, эссентукскіе казаки съ ихъ архаическимъ строемъ управленія, кисловодскіе слобожане»; онъ укоряетъ

говорившихъ въ невѣжливости и нетерпимости къ чужому мнѣнію, и утверждаетъ, что съѣздъ былъ некомпетентенъ въ рѣшеніи вопроса, такъ какъ большинство членовъ съѣзда незнакомо съ мѣстными условіями, вызвавшими проектъ,—а «изъ 13 оппонентовъ, говорившихъ по поводу курортнаго Положенія, 10 никогда не работали на кавказскихъ водахъ и вообще неприкосновенны къ курортному дѣлу». (Записки русскаго бальнеологическаго общества въ Пятигорскѣ 1903—1904 года). Объясненія неубѣдительныя, они лишь свидѣтельствуютъ о крайнемъ огорченіи докладчика, глубоко вѣрующаго въ цѣлесообразность проекта и не допускающаго возможности иного отношенія къ нему. Отрицать у врачей, не работавшихъ на томъ или другомъ курортѣ, компетентность при сужденіи по вопросамъ о благоустройствѣ курортовъ значитъ отнимать всякое значеніе бальнеологическихъ съѣздовъ и общей медицинской печати въ дѣлѣ, ради котораго съѣзды возникли, и поступательное развитіе котораго можетъ совершаться скорѣе всего подъ направляющимъ воздѣйствіемъ общественнаго обсужденія на съѣздахъ и въ медицинской печати. Задача мѣстныхъ курортныхъ дѣятелей по отношенію къ съѣздамъ заключается въ томъ, чтобы представить матеріалъ о современномъ состояніи курортовъ и основанныя на немъ предположенія относительно будущаго; дѣло съѣзда и печати дать всестороннюю оцѣнку мѣстнымъ предположеніямъ и выводамъ. Чѣмъ больше врачей, не связанныхъ мѣстными отношеніями, примутъ участіе въ обсужденіи, тѣмъ разностороннѣе освѣтится вопросъ, тѣмъ свободнѣе будетъ рѣшеніе отъ вліянія личныхъ, пристрастныхъ, и вообще мѣстныхъ разнаго рода воздѣйствій. Въ матеріалахъ, представленныхъ второму бальнеологическому съѣзду при докладѣ бальнеологическаго общества въ Пятигорскѣ о мѣрахъ къ улучшенію отечественныхъ курортовъ, имѣется достаточно данныхъ, чтобы уже по нимъ составить опредѣленное мнѣніе относительно доклада и проекта о санитарно-административномъ управленіи, а интересующіеся вопросомъ имѣли возможность, кромѣ этихъ матеріаловъ, ознакомиться и съ другими, опубликованными печатью.

Отнесшись отрицательно къ проекту о санитарно-административномъ управленіи поселеніями района кавказскихъ минеральныхъ водъ, съѣздъ, конечно, не могъ дать взамѣнъ новаго проекта, и вопросъ переданъ для дальнѣйшей разработки въ медицинскія общества, на Пироговскій съѣздъ и т. п. Такимъ образомъ представляется умѣстнымъ въ настоящее время разобрать болѣе подробно, чѣмъ то возможно было на съѣздѣ, проектъ управленія кавказскими водами, представленный съѣзду бальнеологическимъ обществомъ въ Пятигорскѣ, тѣмъ болѣе, что это общество остается при своемъ мнѣніи и считаетъ рѣшеніе съѣзда неправильнымъ, какъ о томъ можно судить по докладу В. А. Кобылина «По поводу II бальнеологическаго съѣзда», прочитанному въ Пятигорскѣ 17 сентября 1903 г.

Во главѣ санитарно-административнаго управленія поселеніями района кавказскихъ минеральныхъ водъ ставится по проекту «Санитарное присутствіе» (ст. 2), къ предметамъ вѣдѣнія котораго отнесено (ст. 7) пре-

всего все то, что, въ силу городового и земскаго Положеній, входитъ въ кругъ вѣдѣнія общественныхъ управленій—городского и земскаго; но, кромѣ того, санитарному присутствію препоручаются административно-полицейскія обязанности и нѣкоторыя права, принадлежащія компетенціи суда. Такъ, санитарному присутствію вручается общее наблюденіе за порядкомъ благочинія и руководство мѣстной полиціей (ст. 7, и сл); присутствію предоставляется право дѣлать распоряженія и производить работы для приведенія въ порядокъ неисправностей въ содержаніи домовъ, дворовъ или пустопорожнихъ мѣстъ за счетъ виновныхъ владѣльцевъ (ст. 7, р и ст. 18), временно закрыть домъ или часть его для жилья (ст. 19); присутствію предоставляется право производить оцѣнку доходности отъ сдачи жилыхъ квартиръ и меблированныхъ комнатъ, оцѣнку стоимости помѣщеній, занятыхъ торговыми и промышленными заведеніями, складами, торговыми конторами и проч., и на основаніи этихъ оцѣнокъ устанавливать сумму налоговъ, поступающихъ въ его распоряженіе, причемъ на принесеніе жалобъ на неправильную оцѣнку и обложеніе данъ лишь 2-хъ недѣльный срокъ, и жалобы приносятся тому же присутствію (ст. 27, б, в). По отношенію къ мѣстнымъ городскимъ управленіямъ санитарному присутствію присвоивается гораздо большая власть, чѣмъ какая установлена въ настоящее время со стороны областного по городскимъ дѣламъ присутствія. Это послѣднее имѣетъ наблюденіе за дѣятельностью городскихъ управленій лишь въ порядкѣ надзора, и можетъ лишь отмѣнить то или другое постановленіе думы, но не постановить новаго положительнаго рѣшенія. Между тѣмъ какъ проектируемое санитарное присутствіе получаетъ сверхъ правъ городскихъ присутствій еще право «пересмотра, дополненія и измѣненія обязательныхъ постановленій пятигорскаго городского управленія (ст. 12) и издавать своею властью новыя обязательныя постановленія; причемъ при выработкѣ этихъ новыхъ постановленій санитарное присутствіе сносится лишь съ начальникомъ Терской области; мнѣнія же и заключенія мѣстныхъ общественныхъ управленій совсѣмъ не принимаются во вниманіе (ст. 63). Санитарному присутствію предоставляется, наконецъ, принимать ту или другую область благоустройства въ кругъ своихъ заботъ, если по его усмотрѣнію «у мѣстныхъ органовъ самоуправленія не хватаетъ спеціальныхъ знаній или дальновидности въ воззрѣніяхъ на благоустройство поселеній» (ст. 54).

Санитарное присутствіе представляется такимъ образомъ учрежденіемъ съ чрезвычайно обширными уполномочіями и кругомъ вѣдѣнія, объемлющимъ всѣ стороны мѣстной общественной жизни, и подчиненнымъ непосредственно министру земледѣлія, а по нѣкоторымъ дѣламъ—правительствующему сенату (ст. 26). Учрежденіе во всякомъ случаѣ безпримѣрное въ ряду существующихъ формъ мѣстнаго управленія. Власть же въ этомъ не подлежащемъ мѣстному контролю учрежденіи сосредоточивается главнымъ образомъ въ рукахъ предсѣдателя: ему, на правахъ начальника области, подчиняется мѣстная полиція (ст. 57); къ нему же переходятъ права на-

чальника области и по отношенію къ мѣстнымъ общественнымъ управленіямъ, въ качествѣ предсѣдателя по городскимъ дѣламъ присутствія (ст. 56); и говорить нечего, что фактическій контроль за дѣятельностью всѣхъ органовъ санитарно-административнаго управленія принадлежитъ предсѣдателю санитарнаго присутствія (ст. 66). Столь обширная власть предсѣдателя какъ будто корректируется наличностью и составомъ санитарнаго присутствія; но это есть только форма и видимость. Санитарное присутствіе состоитъ почти исключительно изъ лицъ, подчиненныхъ и болѣе или менѣе зависимыхъ отъ предсѣдателя или по его должности директора водъ, или по положенію предсѣдателя санитарнаго присутствія. Таковы: врачъ, инженеръ и архитекторъ управленія водъ и старшій санитарный врачъ. Городской голова г. Пятигорска, и члены по выборамъ—шесть домохозяевъ отъ селеній и три отъ гор. Пятигорска утверждаются предсѣдателемъ присутствія (ст. 33). Независимыми членами въ санитарномъ присутствіи можно считать лишь атамана пятигорскаго отдѣла, врача и архитектора отъ терскаго областного правленія, двухъ представителей отъ практикующихъ врачей и члена правленія мѣстнаго бальнеологическаго общества; но первые трое вообще никакого соотношенія имѣть не будутъ къ минеральнымъ водамъ и къ санитарному присутствію, выдѣленному изъ сферы областного управленія и областныхъ начальниковъ, и подчиненному непосредственно высшимъ правительственнымъ учрежденіямъ. Если даже при всемъ томъ угрожала бы какая-либо опасность авторитету и власти предсѣдателя, то въ его распоряженіи остается еще сильный резервъ, такъ какъ онъ въ случаѣ надобности имѣетъ право пригласить на засѣданіе, на правахъ членовъ, подчиненныхъ ему чиновниковъ—завѣдующихъ группами и санитарныхъ врачей (ст. 30). Послѣдніе хотя и избираются на должность санитарнымъ присутствіемъ, но лишь изъ лицъ по представленію предсѣдателя, въ служебномъ отношеніи они непосредственно подчинены предсѣдателю (ст. 42).

Какъ бы ни относиться, положительно или отрицательно, съ принципіальной точки зрѣнія, къ изложенному проекту санитарно-административнаго управленія, оно во всякомъ случаѣ представляетъ собою самостоятельную общественную организацію, распространяющуюся на территорію и на обитателей въ районѣ поселеній кавказскихъ минеральныхъ водъ. Территорія и интересы обитателей въ этомъ районѣ состоятъ изъ трехъ главныхъ частей: территорія и интересы казны въ лицѣ министерства земледѣлія; территорія и интересы обществъ городского и сельскихъ; территорія и интересы частныхъ владѣльцевъ; къ этому нужно еще прибавить интересы пріѣзжихъ больныхъ безъ территоріи. Проектируя управленіе, необходимо прежде всего предъявить требованіе, чтобы оно имѣло въ себѣ залогъ безпристрастія по отношенію всѣхъ частей даннаго района. Между тѣмъ разсматриваемое санитарно-административное управленіе селеніями кавказскихъ минеральныхъ водъ пристегнуто, какъ незначительная часть, къ существующей дирекціи управленія кавказскихъ минераль-

ныхъ водъ. Санитарное присутствіе не имѣетъ даже самостоятельнаго предсѣдателя, а состоитъ подъ предсѣдательствомъ директора кавказскихъ минеральныхъ водъ (ст. 30); дѣлопроизводство присутствія сосредоточивается въ канцеляріи директора водъ (ст. 60), и дѣлопроизводитель назначается министромъ земледѣлія, по представленію директора водъ, помимо санитарнаго присутствія (ст. 61). Дѣлопроизводство санитарнаго присутствія на группахъ тоже не выдѣлено; оно ведется чиновниками министерства, завѣдующими группами и въ ихъ канцеляріи (ст. 38). Но существующее управленіе кавказскими минеральными водами—дирекція водъ и конторы группъ—есть хозяйственное учрежденіе, организованное министерствомъ земледѣлія для частныхъ цѣлей, для разработки и эксплоатаціи минеральныхъ водъ и земельныхъ угодій, переданныхъ казною въ вѣдѣніе этого министерства. Территорія министерства и интересы его, связанные съ разработкой и эксплоатаціей, составляютъ лишь часть того района, который названъ въ проектѣ округомъ санитарной охраны и на который должно по справедливости распространяться дѣйствіе санитарно-административнаго управленія. При подчиненіи управленія цѣлымъ райономъ хозяйственному учрежденію, дѣйствующему для цѣлей одной изъ частей этого района, допускается несомнѣнная несообразность: частью поглощается цѣлое. Эта несообразность выясняется со всей очевидностью, если представить, что казенная территорія съ минеральными источниками передана не въ вѣдѣніе министерства, а сдана въ аренду на разработку и для эксплоатаціи частному обществу или лицу, какъ то было раньше. Никто, конечно, не считалъ бы возможнымъ подчинить интересы городского и сельскихъ обществъ, интересы частныхъ лицъ и интересы больныхъ авторитету частнаго арендатора. Разработка и эксплоатація минеральныхъ водъ министерствомъ земледѣлія ничего не измѣняетъ во взаимныхъ отношеніяхъ частей, министерство на мѣстѣ предпринимателя затемняетъ лишь истинное представленіе о положеніи вещей, внушая ожиданія и надежды, не имѣющія за собой опредѣленныхъ основаній. Министерство земледѣлія произвело очень большія денежныя затраты и развело очень большое и разнообразное денежное хозяйство—экспортъ водъ, ванныя заведенія, гостиницы, галлереи и театры, трамваи, водопроводъ и проч., имѣя, конечно, въ виду прежде всего благоустройство и удобства при пользованіи минеральными водами; но затраты дѣлались и будутъ дѣлаться не безъ разсчета на повышеніе доходности какъ отъ минеральныхъ водъ, такъ и отъ прочихъ предпріятій министерства. Дальновидный частный предприниматель поступалъ бы такъ же. Въ денежныхъ отчетахъ дирекціи водъ уже теперь показываются внушительныя цифры чистой прибыли. Если при такихъ условіяхъ санитарно-административное управленіе будетъ подчинено дирекціи водъ и будетъ соединено съ мѣстной хозяйственной организаціей министерства земледѣлія, то съ увѣренностью можно утверждать, что чашка вѣсовъ въ дѣлѣ курортнаго управленія будетъ сильно наклоняться въ пользу частныхъ интересовъ министерства земледѣлія и въ ущербъ прочихъ частей курорт-

наго района,—въ ущербъ городского и сельскихъ обществъ, частныхъ владѣльцевъ и больныхъ. Это тяготѣніе въ пользу интересовъ министерскаго хозяйства замѣтно уже въ самомъ проектѣ Положенія о санитарно-административномъ управленіи. Въ проектѣ опредѣленно не указано, входятъ ли территоріи, находящіяся въ вѣдѣніи министерства земледѣлія, или группы, какъ ихъ называютъ, въ районъ дѣйствія санитарно-административнаго управленія. Но статья 1-я Положенія перечисляетъ только городъ Пятигорскъ, слободу Кисловодскую, станицу Эссентукскую и селеніе Желѣзноводскъ, «*расположенные при группахъ кавказскихъ минеральныхъ водъ тѣхъ же наименованій*». Такая редакція статьи 1-й заставляетъ считать, что самыя-то группы не подчиняются санитарному управленію; поэтому вся тягость административной опеки и воздѣйствія и вся тягость санитарнаго обложенія падаетъ исключительно на общества, частныя владѣнія и на больныхъ и минуетъ территорію и предпріятія, находящіяся въ вѣдѣніи министерства. Такимъ образомъ получается такое сопоставленіе: больные платятъ сезонный сборъ; домовладѣльцы, сдающіе квартиры и комнаты, уплачиваютъ 5% съ валового дохода; лица, занимающія торговыя, промышленныя заведенія, торговые склады, общественные и частные банки, банкирскія и другія торгово-промышленныя конторы, торгово-промышленныя общества, товарищества, компанія, подъ какими бы названіями эти предпріятія ни были учреждены, платятъ налогъ 6% со стоимости занимаемаго помѣщенія (ст. 26 c, b); а министерство земледѣлія въ уплатѣ никакихъ сборовъ и налоговъ не участвуетъ, хотя имѣетъ въ своихъ рукахъ «самыя доходныя предпріятія: оно владѣетъ гостиницами, ресторанами, ванными заведеніями, экспортомъ минеральныхъ водъ, галлереями, театрами, электрическимъ освѣщеніемъ, водоснабженіемъ, трамваемъ и проч. Единственныя мѣста во владѣніяхъ, находящихся въ вѣдѣніи казны, куда допускается надзоръ санитарно-административнаго управленія, — это дворы и вмѣстилища нечистотъ (ст. 10). «Но,—говорится въ докладѣ бальнеологическаго общества,—участіе казны въ расходахъ въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ она является владѣльцемъ минеральныхъ источниковъ, принципіально ограничивается государственнымъ совѣтомъ заботой о бальнеологическихъ приспособленіяхъ въ тѣсномъ смыслѣ и раздачей въ арендное содержаніе на льготныхъ условіяхъ дачныхъ участковъ». На это нужно отвѣтить, что указанное ограниченіе имѣло бы силу лишь при томъ условіи, если бы министерство земледѣлія не выпало изъ указанныхъ рамокъ; когда же оно стало на путь торгово-промышленныхъ предпріятій, тогда оно по части этихъ предпріятій должно быть уравнено въ сборахъ и налогахъ на общественныя надобности съ другими предпринимателями.

Но, можетъ быть, подчиненіе санитарно-административнаго управленія дирекціи водъ и привилегированное положеніе казенной территоріи нарушаютъ стройность и планомѣрность проекта только съ теоретической точки зрѣнія, на практикѣ же, въ виду особенныхъ мѣстныхъ условій и особенныхъ качествъ дирекціи, нужно ожидать отъ подчиненія наилучшихъ результатовъ.

полнаго благополучія и процвѣтанія кавказскихъ курортовъ? Насколько правдоподобны такія ожиданія, можно судить по результатамъ дѣятельности дирекціи водъ на казенной территоріи группъ, находящейся всецѣло въ безконтрольномъ распоряженіи дирекціи безъ всякихъ помѣхъ со стороны другихъ вѣдомствъ. Однако имѣющіяся данныя не поддерживаютъ розовыхъ надеждъ. Дирекція проявляетъ усиленную дѣятельность по части торгово-промышленныхъ предпріятій и, напротивъ, проявляетъ мало вниманія къ общему санитарному и бытовому благоустройству группъ, къ интересамъ больныхъ и къ авторитету врачей. Докторъ М. С. Зерновъ въ докладѣ своемъ «Эссентуки, какъ курортъ» (*Русскій Врачъ*, 1903 г., № 41), описывая санитарное состояніе улицъ и парка, находящихся въ вѣдѣніи дирекціи водъ, повторяетъ почти дословно ту же безотрадную картину, которая нарисована въ докладѣ бальнеологическаго общества для города Пятигорска. Докладъ отмѣчаетъ даже бо́льшую заботливость относительно устройства улицъ со стороны домовладѣльцевъ станицы, чѣмъ со стороны дирекціи водъ. Строительная практика дирекціи водъ даетъ такія жилыя помѣщенія, какъ гостиница въ Эссентукахъ, которую самая скромная техническая коммиссія признала бы необитаемой, какъ крайне опасную въ пожарномъ отношеніи и неудовлетворительную въ санитарномъ. Спокойствіе больныхъ и интересы лѣченія въ Эссентукскомъ паркѣ приносятся въ жертву доходнымъ статьямъ и сомнительнаго свойства развлеченіямъ. Лѣчебныя процедуры въ ванномъ заведеніи оставлены присмотру полуграмотнаго банщика. Отношенія дирекціи къ врачамъ и мнѣніямъ ихъ характеризуются такими, напримѣръ, фактами: представитель практикующихъ врачей во врачебно-техническомъ комитетѣ при директорѣ водъ, проф. В. С. Богословскій, вовсе не получаетъ приглашенія въ засѣданія комитета; существующая номинально должность врача при управленіи водъ фактически упразднена, такъ какъ ему поручено завѣдываніе свѣтолѣченіемъ въ Пятигорскѣ; общество врачей, практикующихъ на Кавказскихъ минеральныхъ водахъ, пришло на основаніи изслѣдованій къ заключенію, что этикетка продажной эссентукской воды № 20, имѣющая надпись: «содовая», «способствуетъ пищеваренію», не даетъ вѣрной характеристики воды и можетъ ввести въ заблужденіе потребителей, и поэтому постановило просить дирекцію водъ замѣнить несоотвѣтствующія надписи фактическимъ обозначеніемъ «газированная эссентукская вода № 20», съ указаніемъ химическаго состава. Но это единогласное постановленіе общества врачей было совершенно игнорировано дирекціей водъ и даже не допущено къ напечатанію на страницахъ мѣстной газеты *Кавказскія минеральныя воды* (отчетъ общества врачей въ Эссентукахъ 1903 г., стр. 49). Иного болѣе внимательнаго отношенія къ санитарному благоустройству, къ интересамъ больныхъ и къ авторитету врачей со стороны дирекціи водъ и ожидать нельзя. Въ распоряженіи дирекціи и на ея отвѣтственности находятся обширныя предпріятія, на которыя министерствомъ земледѣлія затрачены значительные капиталы. При назначеніи директора и прочихъ чиновниковъ по управленію водъ министерство земле-

дѣлія принуждено прежде всего принимать во вниманіе именно хозяйственныя способности кандидатовъ, чтобы затрачиваемые капиталы не пропадали безцѣльно и чтобы заводимыя предпріятія шли и развивались правильнымъ ходомъ и не служили бы источниками убытковъ для казны. Между тѣмъ санитарное благоустройство, интересы больныхъ и указанія врачей сплошь и рядомъ требуютъ или отказаться отъ той или другой статьи дохода, или даже произвести расходъ, не приносящій непосредственнаго дивиденда. Хотя всякое усовершенствованіе и улучшеніе въ бытовыхъ условіяхъ и обстановкѣ больныхъ въ концѣ-концовъ увеличиваетъ доходность отъ статей по непосредственной эксплоатаціи водъ, такъ какъ влечетъ увеличеніе пріѣзда въ послѣдующіе годы, но это дѣло болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго, а чиновничьи отношенія и коммерческій характеръ многихъ предпріятій требуютъ показать начальству результаты дѣятельности сейчасъ же, за текущее время управленія, иначе плоды въ будущемъ могутъ достаться иному персоналу служащихъ.

Приведенныя до сихъ поръ соображенія говорятъ противъ проекта санитарно-административнаго управленія главнымъ образомъ со стороны его непланомѣрности, отсутствія въ немъ ручательства въ справедливомъ и безпристрастномъ отношеніи управленія къ дѣламъ и интересамъ отдѣльныхъ частей, входящихъ въ районъ управленія. Эти возраженія однако легко могутъ быть устранены, если внести въ проектъ соотвѣтствующія измѣненія, изъ которыхъ существенныя заключались бы въ слѣдующемъ: 1) Предсѣдателемъ санитарнаго присутствія долженъ быть не директоръ водъ, а особое независимое отъ директора лицо, назначаемое министромъ. Директоръ водъ долженъ входить въ составъ присутствія только въ качествѣ члена. 2) Дѣлопроизводство какъ санитарнаго присутствія, такъ и отдѣленій его, санитарныхъ комитетовъ на группахъ, должно быть организовано самостоятельно, независимо и отдѣльно отъ дирекціи водъ и отъ дирекціонныхъ конторъ на группахъ. 3) Торгово-промышленныя предпріятія министерства земледѣлія на группахъ и въ районѣ округа санитарной охраны должны быть уравнены съ частными предпріятіями и на равныхъ съ ними условіяхъ подлежать оцѣнкѣ и обложенію сборами въ пользу санитарнаго управленія.

Такія измѣненія возстановляютъ планомѣрность и правильное соотношеніе частей въ проектѣ санитарно-административнаго управленія, но при нихъ оно остается строго бюрократическимъ учрежденіемъ, не подлежащимъ никакому мѣстному контролю, а лишь контролю высшихъ правительственныхъ учрежденій; при этомъ оно вполнѣ уничтожаетъ всякое значеніе мѣстныхъ общественныхъ управленій, такъ какъ получаетъ право не только отмѣнить любое постановленіе мѣстныхъ общественныхъ управленій, но и заставить ихъ исполнять его постановленія, или даже совсѣмъ устранять ихъ отъ завѣдованія той или другой областью общественнаго благоустройства, только признавъ у нихъ недостатокъ дальновидности въ воззрѣніяхъ на благоустройство. Въ проектѣ сказывается полное недов[illegible]

къ мѣстнымъ общественнымъ управленіямъ и совершенное отрицаніе инициативы и самодѣятельности въ мѣстномъ обществѣ. Вмѣсто самосознанія и инициативы—этихъ культурныхъ и самыхъ могучихъ двигателей человѣческой дѣятельности—проектъ даетъ санитарно-административному управленію другой двигатель—это усиленную административную власть.

При оцѣнкѣ значенія административной власти въ качествѣ двигателя общественной дѣятельности необходимо принять во вниманіе содержаніе тѣхъ задачъ и потребностей, которыя составляютъ цѣль дѣятельности. Въ данномъ случаѣ дѣло идетъ прежде всего и главнымъ образомъ объ улучшеніи санитарныхъ и бытовыхъ условій обстановки въ поселеніяхъ, расположенныхъ при группахъ кавказскихъ минеральныхъ водъ и о насажденіи на этихъ водахъ культурнаго благоустройства. Послѣднее не представляетъ собою нѣчто исключительное, курортамъ только свойственное и нужное. Курортное благоустройство, кромѣ спеціально лѣчебныхъ приспособленій, состоитъ изъ тѣхъ же, только повышенныхъ и значительно улучшенныхъ, санитарныхъ и бытовыхъ условій и обстановки. Общественныя же науки—и гигіена въ томъ числѣ—утверждаютъ, что санитарныя и бытовыя условія и обстановка населенія не есть что-то самостоятельное, онѣ являются лишь признаками экономическаго и отчасти культурнаго состоянія населенія. Научная гигіена свидѣтельствуетъ кромѣ того, что при равныхъ прочихъ условіяхъ со стороны экономическаго и культурнаго состоянія населенія, нѣкоторыя общественныя мѣропріятія оказываютъ благотворное вліяніе на санитарныя условія, сказывающіяся уменьшеніемъ заболѣваемости и смертности населенія. Къ числу такихъ мѣропріятій относятся—водоснабженіе и канализація городовъ, устройство городами гигіеническихъ жилищъ для рабочаго населенія, учрежденіе потребительныхъ обществъ, обществъ взаимопомощи и проч.; но чтобы улучшились санитарныя условія населенія или, что тоже, уменьшились заболѣваемость и смертность населенія въ результатѣ только приказанія и воздѣйствія административной власти—такихъ наблюденій научная гигіена не знаетъ, хотя практика въ этомъ направленіи имѣется весьма обширная и разнообразная какъ за границей, такъ въ особенности у насъ, въ Россіи. Собственно говоря, санитарная дѣятельность большинства русскихъ городовъ до послѣдняго времени состоитъ изъ приказаній и судебныхъ или административныхъ воздѣйствій и при этомъ никакъ нельзя пожаловаться на недостатокъ власти въ такомъ, напримѣръ, городѣ, какъ Петербургъ; и однако же по отчетамъ санитарныхъ врачей именно въ Петербургѣ оказывается крайне плачевное санитарное состояніе дворовъ, представляющихъ собою зловонныя клоаки, закрытыя со всѣхъ сторонъ многоэтажными домами и питающія зловоніемъ и міазмами нижнія квартиры домовъ. Чрезвычайное воздѣйствіе власти въ дѣлѣ санитарнаго устройства приноситъ даже больше вреда, чѣмъ пользы. Въ этомъ отношеніи примѣромъ можетъ служить южный берегъ Крыма, гдѣ такъ называемый санитарный надзоръ проявляется съ такой строгостью и по-

стоянствомъ, какъ едва ли гдѣ-либо въ другихъ мѣстахъ, въ виду постоянныхъ посѣщеній высокопоставленныхъ лицъ. Населеніе привыкло безпрекословно исполнять распоряженія начальства и все исполняетъ такъ, чтобы не послѣдовало затѣмъ наказанія. Такимъ образомъ на южномъ берегу Крыма можно видѣть новенькія будки, поставленныя преимущественно на видномъ съ дороги и удобномъ для осмотра мѣстѣ, но эти будки только для показа начальству, онѣ не употребляются для тѣхъ цѣлей, для какихъ подобныя загородки устраиваются при нормальныхъ условіяхъ въ укромныхъ мѣстахъ; можно видѣть цементныя ямы ненаполненными и чисто-содержимыми, какъ то требуетъ начальство; можно встрѣтить на дворахъ установленной формы ящики для мусора, въ которые однако мусоръ не складывается, а скрывается отъ санитарнаго надзора подъ кроватями въ жилыхъ комнатахъ, куда глазъ санитарнаго начальства не доходитъ и т. под. Здѣсь приказаніе исполнено, но и за всѣмъ тѣмъ бытовыя и санитарныя условія не измѣнились, и власть остается неудовлетворенной. Примѣненіе власти, согласно проекту Положенія о санитарно-административномъ управленіи кавказскихъ минеральныхъ водъ, ничуть не отличается отъ практики въ другихъ городахъ и селеніяхъ, поэтому нельзя и ожидать отъ нея иныхъ результовъ въ дѣлѣ санитарныхъ улучшеній; что касается экономическаго и культурнаго состоянія населенія, то приказаніе и воздѣйствіе властью безсильны направить его къ повышенію при условіи, когда населеніе, находясь подъ опекой власти, лишено иниціативы и самодѣятельности. Однако же составители проекта питаютъ глубокую вѣру въ дѣйствіе власти на городское благоустройство; они даже полагаютъ, что «наиболѣе радикальнымъ рѣшеніемъ вопроса было бы признаніе для курортовъ принципа, допускаемаго нашимъ законодательствомъ по отношенію къ градоначальству и дворовымъ городамъ». Примѣромъ примѣненія этого принципа указано устройство г. Дальняго. Такое указаніе невольно приводитъ на память сопоставленіе молодыхъ городовъ, возникающихъ одни подъ вліяніемъ общественной организаціи, другіе—по административнымъ предначертаніямъ, сдѣланное г. Таномъ въ статьѣ «Русскіе въ Канадѣ». «Городъ Виннипегъ (въ Канадѣ),—пишетъ г. Танъ,—совсѣмъ новый городъ. Первые дома его построены 35 лѣтъ тому назадъ. Теперь 50 тыс. жителей. Онъ прекрасно вымощенъ, освѣщенъ электричествомъ, покрытъ цѣлой сѣтью электрическихъ трамваевъ. Главныя улицы застроены многоэтажными домами. Въ немъ издаются 4 политическихъ газеты. Порядка никто не охраняетъ и никому въ голову не приходитъ нарушать его. Тогда вспоминаются иные города, тоже молодые и новые, возникшіе въ колоніяхъ другой великой расы міра, но устроенные по совершенно иному типу. Они застроены казенными постройками. Нѣкоторые наполовину заселены казенными людьми, бывшими и настоящими, другіе—кишатъ невольными поселенцами и трепещутъ передъ вѣчными разбоями. Они погружены въ кромѣшную тьму ночамъ и въ невылазную грязь» (*Русскія Вѣдомости*, 1903 года, № 29

Кромѣ власти, въ распоряженіе санитарно-административнаго управленія поступаютъ также денежныя средства въ видѣ санитарныхъ сборовъ разнаго рода. По разсчетамъ докладчика д-ра В. А. Кобылина только сборъ съ пріѣзжихъ можетъ дать ежегодно не менѣе 100,000 руб., но сверхъ того на единовременныя затраты возможенъ заемъ подъ обезпеченіе доходовъ. Въ проектѣ Положенія за счетъ санитарныхъ сборовъ упоминаются лишь расходы на содержаніе служебнаго персонала и на образованіе запаснаго капитала, другихъ же обязательныхъ статей расхода не указывается. Если предположить, что не всѣ доходы будутъ поглощаться расходами по содержанію управленія, то остальное можетъ быть расходуемо на веденіе отраслей благоустройства, отобранныхъ отъ мѣстныхъ органовъ самоуправленія, когда присутствіемъ будетъ замѣчено, что у этихъ органовъ «нехватаетъ денежныхъ средствъ, спеціальныхъ знаній или дальновидности въ воззрѣніяхъ на благоустройство». Очевидно, что не недостатокъ денежныхъ средствъ, который могъ бы быть пополненъ наличными деньгами изъ средствъ санитарнаго присутствія, долженъ считаться единственнымъ поводомъ для отобранія той или другой отрасли хозяйства, а недостатокъ у органовъ самоуправленія спеціальныхъ знаній и дальновидности. Но понять этотъ поводъ въ высокой степени затруднительно: почему у органовъ самоуправленія можетъ оказаться недостатокъ спеціальныхъ знаній и дальновидности, а у санитарнаго присутствія будетъ всегда изобиловать то и другое? Спеціальныя знанія въ лицѣ спеціалистовъ, казалось бы, доступны въ одинаковой мѣрѣ тому и другому управленію; что же касается дальновидности и близорукости, то эти понятія субъективныя и потому спорныя, и нѣтъ никакого основанія признать, что взгляды санитарнаго присутствія всегда будутъ правильны и не могутъ быть ошибочны. Какъ бы то ни было, но санитарное присутствіе по проекту получаетъ право по своему усмотрѣнію принимать въ свое завѣдываніе отрасли мѣстнаго общественнаго благоустройства, и если пожелаетъ, то можетъ развить свое хозяйство въ очень обширномъ размѣрѣ на счетъ соотвѣтствующаго сокращенія отдѣловъ хозяйства мѣстныхъ общественныхъ управленій. Такимъ образомъ здѣсь возникаетъ общій принципіальный вопросъ о преимуществахъ завѣдыванія мѣстнымъ общественнымъ хозяйствомъ при помощи чиновниковъ или же посредствомъ самоуправленія мѣстными выборными людьми. Исторія русскихъ общественныхъ управленій рѣшила этотъ вопросъ опредѣленно и безспорно въ пользу самоуправленія, и едва ли найдется много врачей даже между составителями проекта о санитарно-административномъ управленіи курортами, которые не соглашались бы съ такимъ рѣшеніемъ вопроса, разсматриваемаго съ принципіальной точки зрѣнія. Врачи же, имѣвшіе и имѣющіе дѣло съ органами общественнаго управленія, земскаго и городскаго, на основаніи фактовъ дѣйствительности или личнаго опыта, за рѣдкими исключеніями знаютъ, что лишь въ сферѣ общественнаго управленія, даже при наличныхъ недостаткахъ его организаціи, открыта представителямъ вра-

чебнаго сословія нѣкоторая возможность оказывать вліяніе на ходъ общественнаго хозяйства по части примѣненія научныхъ знаній гигіены и медицины на пользу населенія. Русская земская медицина, къ которой внимательно присматриваются и искренно восторгаются наши западные сосѣди, создалась на почвѣ самоуправленія и можетъ считаться по преимуществу продуктомъ сознательной общественной работы земскихъ врачей. Вотъ почему проектъ санитарно-административнаго управленія курортами, устраняющій самоуправленіе, встрѣтилъ такой рѣшительный и дружный отпоръ со стороны участниковъ II бальнеологическаго съѣзда въ Пятигорскѣ, на которомъ было преобладающее большинство земскихъ и городскихъ врачей. Положеніе врачей, когда къ нимъ считаютъ нужнымъ приставлять няньку даже въ чисто-врачебномъ дѣлѣ, когда ихъ отсылаютъ къ порошкамъ и микстурамъ, какъ только они осмѣливаются возвышать голосъ по вопросамъ общественнымъ, хотя бы и тѣсно соприкасающимся съ врачебной профессіональной дѣятельностью, когда ихъ считаютъ какъ бы лишенными гражданскихъ правъ и неспособными о чемъ-либо здраво судить, помимо медицины,—такое прискорбное положеніе врачей, на которое указываетъ В. А. Кобылинъ, дѣйствительно бываетъ, но только въ сферѣ чиновническихъ отношеній и административной службы, гдѣ отъ врача требуется прежде всего дипломъ, дающій право занимать ту или другую должность, а при несеніи службы для врача-чиновника дѣйствительно являются обязательными солидарность, дисциплина и житейская практичность. Выражаясь проще, чиновническія отношенія требуютъ предугадывать современныя теченія начальническихъ предначертаній и съ ними сообразоваться. Если же врачъ начнетъ дѣйствовать и говорить безъ соображеній, по крайнему своему разумѣнію, то имѣется полная возможность отослать его къ порошкамъ и микстурамъ и болѣе или менѣе игнорировать.

Не таково положеніе врачей въ общественныхъ управленіяхъ. По крайней мѣрѣ, существующія земскія санитарно-медицинскія организаціи показываютъ, что въ сферѣ самоуправленія врачи могутъ фактически руководить дѣятельностью общественныхъ управленій по отдѣлу народнаго здравія, и здѣсь требуется отъ врача прежде всего не дипломъ, а научныя знанія, и не служба, а дѣятельная работа. Достойно вниманія, что спросъ на знаніе научной гигіены и санитаріи возникъ и держится только со стороны общественныхъ земскихъ и городскихъ управленій, со стороны же административныхъ учрежденій спроса на эти спеціальныя указанія до сихъ поръ еще не существуетъ, и даже въ программу медицинскихъ факультетовъ не входитъ практическая подготовка по отдѣлу прикладныхъ знаній и умѣнья въ области гигіены и санитаріи; такую подготовку врачи получаютъ не въ официальной школѣ, а въ земскихъ и городскихъ организаціяхъ. Въ дѣлѣ курортнаго благоустройства открыто широкое поле для дѣятельности врача, и въ этомъ отношеніи совершенно право бальнеологическое общество, утверждающее, что «курортное дѣло требуетъ спеціальныхъ

изученія и пониманія и не подъ силу не только имѣющимся общественнымъ управленіямъ, но даже и общей администраціи, стоящей недостаточно близко къ этому дѣлу и не имѣющей возможности посвятить ему свое исключительное вниманіе»; но существенная разница, какъ показываетъ практика жизни, заключается въ томъ, что, при условіяхъ административнаго управленія, врачи не допускаются далѣе исполненія служебныхъ обязанностей; подобающее же вліяніе на ходъ общественныхъ дѣлъ врачи могутъ оказывать лишь при условіяхъ общественнаго управленія. Положеніе санитарныхъ врачей въ санитарно-административномъ управленіи по проекту опредѣляется исключительно служебное, отъ нихъ не требуется никакой спеціальной подготовки и приглашаются врачи на службу лишь по представленію предсѣдателя, которому непосредственно и подчинены въ служебномъ отношеніи (ст. 43). Каковы отношенія къ врачамъ современной дирекціи водъ, мы уже видѣли, и не имѣется никакихъ основаній разсчитывать, чтобы отношенія измѣнились.

Самоуправленіе, оказавшееся столь плодотворнымъ въ дѣлѣ удовлетворенія мѣстныхъ пользъ и нуждъ, казалось бы, не можетъ вызывать принципіальныхъ возраженій противъ примѣненія его въ мѣстномъ управленіи курортами. Въ самомъ дѣлѣ, кто же можетъ лучше и ближе знать насущныя нужды и пользы курорта, кому ближе и больнѣе интересы его процвѣтанія, какъ не людямъ, которыхъ личное благосостояніе и личные интересы связаны съ нуждами, пользами и интересами курорта? Почему надо дать предпочтеніе въ устроеніи курорта чиновникамъ, людямъ случайнымъ для курорта, связаннымъ съ нимъ лишь временно и интересами своей служебной карьеры? Что общественныя управленія способны понимать задачи курортнаго благоустройства и умѣютъ выполнять ихъ—тому имѣются примѣры. Одесское городское управленіе устроило и хорошо ведетъ лиманное лѣченіе. Таврическое губернское земство, принявъ 20 лѣтъ тому назадъ въ аренду отъ казны Саки, въ пустынѣ насадило и вырастило паркъ и изъ развалинъ и запустѣнія, полученныхъ отъ казны, создало образцовый грязелѣчебный курортъ.

Но принципъ самоуправленія въ примѣненіи къ курортамъ вызываетъ практическія возраженія, изъ которыхъ наиболѣе убѣдительнымъ кажется указаніе на недостатокъ существующихъ Положеній о мѣстномъ управленіи, дающій преимущественное право на участіе въ управленіи лишь купцамъ и домовладѣльцамъ. Вслѣдствіе господства въ управленіи курортами этихъ элементовъ, преслѣдующихъ свои интересы, могутъ или даже должны пострадать интересы больныхъ. Такое возраженіе, легко устранимое соотвѣтственными измѣненіями въ избирательныхъ правахъ, однако, всецѣло приложимо и къ административному управленію; при послѣднемъ область страдающихъ элементовъ даже шире: подъ административнымъ управленіемъ во имя господствующаго въ немъ принципа—«для пользы службы»—могутъ страдать интересы какъ больныхъ, такъ и купцовъ, и домовладѣльцевъ, и вообще обывателей. Разница лишь въ томъ, что вслѣдствіе не-

гласнаго веденія административнаго управленія страданіе интересовъ, имъ вызываемое, будетъ переноситься безмолвно и останется болѣе или менѣе долгое время неизвѣстнымъ, насколько управленіе удовлетворяетъ своему назначенію,—развѣ какой-либо необычный, криминальный случай, сдѣлавшись достояніемъ суда, откроетъ сколько-нибудь завѣсу административнаго управленія. При условіяхъ же дѣятельности общественнаго управленія интересы больныхъ будутъ постоянно находиться подъ охраной великой силы—подъ охраной гласности. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что печать и общественное обсужденіе вопросовъ являются самыми могучими двигателями общественныхъ управленій; тѣмъ болѣе значенія и вліянія будутъ оказывать печать и гласность на общественное управленіе курортами, такъ какъ они привлекаютъ вниманіе всего русскаго образованнаго общества, а при этомъ условіи въ гласности управленія больные найдутъ гораздо большую защиту своихъ интересовъ, чѣмъ какую можетъ дать самое сильное административное воздѣйствіе. То же орудіе—печать и гласность—въ рукахъ представителей врачебнаго сословія даетъ ему полную возможность оказывать подобающее вліяніе на ходъ курортнаго дѣла, помимо тѣхъ формъ непосредственнаго участія врачей въ дѣлѣ, которыя открыты въ строѣ самоуправленія. Съѣзды врачей представляютъ собой одну изъ формъ гласности. Состоявшійся въ Пятигорскѣ съѣздъ врачей внесъ новое освѣщеніе, указалъ новыя точки зрѣнія на задачи курортнаго управленія; свободная и открытая критика проекта, не сдерживаемая соображеніями о пріятности или непріятности ея для кого-либо изъ присутствующихъ, есть лишь одно изъ желанныхъ и полезныхъ проявленій гласности, и не можетъ быть объяснено невѣжливостью участниковъ съѣзда и отсутствіемъ дисциплины («Записки русск. бал. общ. въ Пятигорскѣ за 1903—1904 г.», т. VI, № 2). Не укоръ заслужилъ съѣздъ такимъ отношеніемъ къ нуждамъ кавказскихъ курортовъ, а признательность.

Выставляютъ, наконецъ, возраженія въ частности противъ мѣстныхъ общественныхъ управленій, существующихъ при группахъ. Многолѣтняя дѣятельность ихъ не дала никакихъ результатовъ и не внушаетъ будто бы никакихъ надеждъ на прогрессивное развитіе. Очевидно, что здѣсь можно говорить лишь о дѣятельности пятигорскаго городского управленія, дѣйствовавшаго на основаніи городового Положенія; станичное же, слободское и сельское управленія по формальнымъ условіямъ не могли развивать общественнаго хозяйства въ цѣляхъ курортнаго благоустройства, а потому ссылка на эти послѣднія управленія можетъ быть оставлена безъ разсмотрѣнія. Что же касается пятигорскаго городского управленія, то разъясненіе причинъ его слабаго хозяйственнаго развитія заслуживаетъ большого вниманія, такъ какъ можетъ дать поучительныя указанія относительно будущаго. Едва ли можно давать большую цѣну увѣреніямъ, что уровень культуры въ мѣстномъ населеніи слишкомъ низокъ, и что представители населенія не способны понимать даже своихъ имущественныхъ интересовъ, тѣсно связанныхъ съ благоустройствомъ курортовъ. Имѣется, напротивъ

полное основаніе предполагать, что средній уровень культуры осѣдлаго населенія кавказскихъ курортовъ значительно выше, чѣмъ въ большинствѣ нашихъ городовъ. Минеральныя воды уже около столѣтія привлекаютъ къ себѣ ежегодно наиболѣе культурные слои русскаго общества, а это общеніе не могло пройти безслѣдно, не могло не оставить слѣдовъ, въ видѣ хотя бы расширенія круговора и области сознанія и пониманія. М. С. Зерновъ въ своемъ докладѣ II бальнеологическому съѣзду отмѣчаетъ именно «сознательное и систематическое стремленіе мѣстной (эссентукской) общины казаковъ къ благоустройству Эссентуковъ. Съ 1898 г. двѣ главныя улицы освѣщаются электричествомъ за счетъ домовладѣльцевъ. Въ 1902 году станичный приговоръ обязалъ всѣхъ домовладѣльцевъ устроить въ теченіе 3 лѣтъ тротуары возлѣ своихъ владѣній, и уже многіе исполнили это постановленіе. Въ этомъ году тѣмъ же станичнымъ приговоромъ постановлено употребить 15,000 руб., вырученныхъ отъ продажи общественныхъ земель, на замощеніе нужныхъ для курорта улицъ съ тѣмъ, чтобы каждый домовладѣлецъ оплачивалъ и отъ себя $^1/_3$ стоимости мостовой противъ своего дома. Казаки ходатайствуютъ передъ главноначальствующимъ на Кавказѣ о содѣйствіи къ открытію кредита для приведенія курорта въ санитарное благоустройство». Эти факты свидѣтельствуютъ, что не въ отсутствіи пониманія у представителей мѣстнаго населенія своихъ нуждъ заключается причина слабаго развитія мѣстнаго общественнаго хозяйства, а въ чемъ-то другомъ.

Причину нужно искать въ общихъ условіяхъ административной опеки, которыми обставлена дѣятельность общественныхъ управленій, городскихъ и земскихъ, особенно часто налагающей запрещеніе на рѣшенія и ходатайства о кредитѣ для цѣлей благоустройства. Кредитоспособность городовъ находится почему-то подъ большимъ сомнѣніемъ административныхъ учрежденій, которымъ ввѣренъ надзоръ за городскими управленіями; поэтому дѣятельность городовъ по части благоустройства находится вообще въ застоѣ, такъ какъ безъ кредита, за счетъ текущихъ городскихъ доходовъ, не могутъ быть выполнены дорого стоящія, хотя и доходныя общественныя предпріятія и сооруженія. Пятигорская дума не отставала отъ другихъ городскихъ управленій въ хорѣ ходатайствъ передъ правительственными органами о разрѣшеніи кредитовъ на благоустройство, но на ряду съ прочими не получала удовлетворенія. Нельзя говорить, что города, въ томъ числѣ и Пятигорскъ, не имѣютъ кредита, напротивъ, кредитъ городовъ, особенно курортныхъ, на денежномъ рынкѣ очень большой, но онъ городамъ обыкновенно не разрѣшается. Для пятигорскаго городского управленія неблагопріятныя общія условія отягчаются еще мѣстными спеціальными отношеніями и условіями, вызванными ближайшимъ сосѣдствомъ или сожительствомъ съ такимъ сильнымъ, богатымъ и авторитетнымъ учрежденіемъ, какъ казенное управленіе водъ. Юридически, по отношенію къ городскому управленію Пятигорска казенное управленіе водами есть частное учрежденіе, оно не имѣетъ никакого основанія, закономъ установленнаго,

воздѣйствовать, такъ или иначе вмѣшиваться въ ходъ городского управленія; однако же, если прослѣдить внимательно за дѣятельностью послѣдняго, то можно замѣтить въ немъ незримое и зримое вліяніе со стороны дирекціи водъ. Взаимодѣйствіе между сильнымъ и слабымъ, богатымъ и бѣднымъ, пользующимся безграничнымъ довѣріемъ высшаго начальства и лишеннымъ онаго довѣрія неизбѣжно возникаетъ, поддерживается и закрѣпляется обѣщаніями и угрозами, съ одной стороны, опасеніями, смутными надеждами и ожиданіями—съ другой. А въ результатѣ слабый, бѣдный и лишенный довѣрія оказывается болѣе или менѣе обездоленнымъ.

Водопроводъ, электрическое освѣщеніе, трамвай и т. п. составляютъ главныя отрасли городского хозяйства, дающія городамъ денежныя средства на удовлетвореніе общественныхъ потребностей, на санитарное и общегородское благоустройство. Насколько подобныя городскія предпріятія выгодны въ Пятигорскѣ, показываетъ примѣръ трамвая, построеннаго управленіемъ водъ на основаніи концессіи съ городскимъ управленіемъ. Эксплоатацію трамвая дирекція водъ сдала въ аренду на такихъ условіяхъ, что арендной платой всѣ затраты по сооруженію окупаются въ срокъ около 10 лѣтъ. Какъ удостовѣряетъ издающаяся дирекціей газета «Кавказскія минеральныя воды», предпріятіе является высоко выгоднымъ для управленія водъ, которое эти выгоды, очевидно, можетъ употреблять по своему усмотрѣнію.

Если бы доходныя статьи городского хозяйства оставались въ завѣдываніи городского управленія, то онѣ были бы для него также высоко выгодны, но эти выгоды имѣли бы единственное назначеніе—удовлетворить прочія общественныя нужды города. Конечно, для возникновенія доходныхъ статей необходимы предварительныя очень большія денежныя затраты; если ихъ сдѣлало управленіе водъ, то оно по праву и пожинаетъ плоды своихъ затратъ. Однако же сдѣланы затраты не частныхъ капиталовъ. Управленіе водъ получило денежныя средства изъ того же источника, изъ котораго могло бы въ равной степени и съ равнымъ правомъ получить и городское управленіе, если бы оно пользовалось одинаковымъ довѣріемъ со стороны правительственныхъ органовъ. Такимъ образомъ главная причина, почему доходныя статьи мѣстнаго городского хозяйства переходятъ въ руки казеннаго управленія водъ, заключается въ томъ, что городскому управленію не оказывается равнаго довѣрія. Между тѣмъ, когда изъ состава городского хозяйства исключаются наиболѣе доходные отдѣлы, составляющіе собою основу благоустройства, городскому управленію не остается ни средствъ, ни области, при которыхъ оно могло бы проявить и развить свою дѣятельность. Непосредственное обложеніе всюду даетъ не болѣе средствъ, какъ чтобы покрыть обязательные расходы, къ благоустройству не относящіеся—на содержаніе полиціи, правительственныхъ учрежденій, воинскаго постоя и проч. Изъ необязательныхъ же повинностей у г. Пятигорска останутся лишь такія, какъ ассенизація, медицина и санитарія, благотворительность, народное образованіе и проч., которы

не компенсируются соотвѣтствующими доходными статьями, а потому они неизбѣжно должны остаться неудовлетворенными.

Современное приниженное и подавленное состояніе Пятигорскаго городского управленія, обусловливаемое причинами, отъ него не зависящими, слагаетъ съ него отвѣтственность за тѣ непорядки благоустройства, которые имѣются въ Пятигорскѣ, и для устраненія которыхъ необходимы прежде всего не обязательныя постановленія и не насилія надъ обывателями, а денежныя средства, получаемыя отъ широко поставленнаго и свободно развивающагося общественнаго городского хозяйства. Застой и неподвижность въ прошломъ не можетъ, въ виду указанныхъ мѣстныхъ неблагопріятныхъ условій, считаться доказательствомъ безнадежности и неспособности городского управленія къ развитію; плачевное современное состояніе пятигорскаго городского управленія съ несомнѣнностью свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что управленіе курортами кавказскихъ минеральныхъ водъ, построенное на принципѣ самоуправленія, не можетъ имѣть будущности при существующей хозяйственной эксплоатаціи минеральныхъ водъ казною, въ лицѣ министерства земледѣлія. Сожительство хозяйственнаго казеннаго и общественныхъ управленій несовмѣстимо: первое и впредь будетъ господствовать, а второе—страдать. Поэтому нужно признать, что принципъ самоуправленія въ дѣлѣ устройства курортовъ можетъ проявить во всей полнотѣ свои свойства, только при условіи, если онъ будетъ освобожденъ отъ угнетающаго сожительства съ казеннымъ управленіемъ, при чемъ хозяйственная эксплоатація минеральныхъ источниковъ вмѣстѣ съ отдѣлами курортнаго и общегородского благоустройства въ каждой группѣ должны быть переданы въ вѣдѣніе мѣстнаго общественнаго управленія на условіяхъ аренды и погашенія тѣхъ затратъ, которыя сдѣланы уже казною. Участіе казны тогда будетъ ограничено тѣми рамками, которыя указаны ей государственнымъ совѣтомъ, именно «заботой и контролемъ за бальнеологическими приспособленіями въ тѣсномъ смыслѣ и раздачей въ арендное содержаніе съ правомъ выкупа на льготныхъ условіяхъ дачныхъ участковъ».

Большіе размѣры существующаго общественнаго хозяйства на группахъ требуютъ, чтобы общественное управленіе сразу же получило компетенцію не сокращеннаго или упрощеннаго управленія, а имѣло бы всѣ прерогативы, даваемыя полнымъ городовымъ или земскимъ Положеніемъ, при условіи распространенія избирательныхъ правъ не только на домовладѣльцевъ и купцовъ, но также на арендаторовъ, съ правомъ выкупа казенныхъ дачныхъ участковъ, и на квартирохозяевъ. Въ виду того, что, кромѣ задачъ мѣстнаго группового хозяйства и благоустройства, имѣются еще задачи и интересы, составляющіе достояніе всѣхъ группъ и ихъ объединяющіе, то необходимо для завѣдыванія дѣлами и предпріятіями, касающимися кавказскихъ минеральныхъ водъ вообще, образовать также на началахъ самоуправленія курортное общественное управленіе кавказскими минеральными водами, стоящее къ мѣстнымъ управленіямъ группами въ такомъ же,

напримѣръ, отношеніи, въ какомъ находятся губернскія земства къ уѣзднымъ.

Передавая разработку и эксплоатацію минеральныхъ источниковъ въ руки общественнаго управленія, казна ничѣмъ не рискуетъ, такъ какъ практика русской государственной жизни показала, что управленія эти заслуживаютъ по крайней мѣрѣ не меньше довѣрія правительства, чѣмъ управленіе административное. Неправдоподобно опасеніе, что между мѣстными людьми не найдется достаточнаго количества дальновидныхъ и способныхъ представителей, которые оказались бы на высотѣ требованій курортнаго устройства. Уже теперь, благодаря раздачѣ арендныхъ дачныхъ участковъ, въ составѣ мѣстныхъ людей имѣются многіе представители русской интеллигенціи, современемъ же, особенно при оживленіи самоуправленіемъ личной иниціативы, нужно ожидать большого прилива культурныхъ и образованныхъ людей для осѣдлости при минеральныхъ водахъ. Самоуправленіе въ лицѣ земскихъ учрежденій сдѣлало въ Россіи доступными для массы народной грамотность и врачебную помощь; то же самоуправленіе сдѣлаетъ столь же доступнымъ для населенія имперіи пользованіе природными цѣлебными богатствами кавказскихъ минеральныхъ водъ.

П. П. Розановъ.

Образовательныя учрежденія для рабочихъ г. Москвы *).

Вопросы народнаго образованія продолжаютъ привлекать усиленное вниманіе русскаго общества въ виду той огромной роли, которую играетъ повышеніе образовательнаго уровня населенія въ дальнѣйшемъ культурно-политическомъ развитіи нашей страны. Въ числѣ вопросовъ даннаго порядка, которые выдвинуты на очередь современною жизнью, весьма важное значеніе пріобрѣтаетъ вопросъ объ образованіи взрослыхъ рабочихъ, сосредоточенныхъ въ различныхъ промышленныхъ районахъ. Для Москвы это представляетъ особенный интересъ, такъ какъ, являясь крупнѣйшимъ торгово-промышленнымъ центромъ средней Россіи, она заключаетъ въ составѣ своего населенія весьма значительное число рабочихъ.

Настоящій очеркъ и является попыткой освѣтить вопросъ о положеніи образованія московскихъ рабочихъ.

Для характеристики числа рабочихъ, ихъ состава и состоянія грамотности среди нихъ мы имѣемъ возможность воспользоваться результатами подсчета данныхъ переписи 31 января 1902 г., произведенной городскимъ управленіемъ; эти данныя еще не опубликованы въ окончательномъ видѣ **). По этимъ свѣдѣніямъ главную массу московскаго населенія составляетъ рабочій классъ, занятый въ различныхъ областяхъ промышленности и торговли и состоящій въ услуженіи. Для нашего изслѣдованія мы беремъ, однако, только извѣстную часть этого класса, а именно: работающихъ на фабрикахъ и заводахъ и въ различныхъ отрасляхъ домашней и ремесленной промышленности. Цѣль настоящей статьи—сопоставить цифровыя данныя о количествѣ различныхъ образовательныхъ учрежденій для рабочаго класса съ количествомъ тѣхъ лицъ, въ интересахъ которыхъ эти учрежденія основаны. Принимая во вниманіе, что весьма значительный % лицъ рабочаго класса, какъ, наприм., служащіе въ заведеніяхъ трактирнаго про-

*) Доложено въ сокращенномъ видѣ III съѣзду дѣятелей по техническому и профессіональному образованію.

**) Считаю своимъ долгомъ выразить благодарность статистическому отдѣленію городской управы за разрѣшеніе воспользоваться этими рукописными свѣдѣніями.

мысла и домашняя прислуга, если и пользуются услугами нѣкоторыхъ изъ этихъ учрежденій, то, по условіямъ своей профессіи, вообще въ минимальной степени, принимая, кромѣ того, во вниманіе, что многія изъ образовательныхъ учрежденій основаны спеціально для фабрично-заводскихъ рабочихъ, мы и ограничиваемъ нашу задачу размѣрами извѣстной опредѣленной группы рабочаго населенія.

При этомъ, пользуясь данными московской городской статистики, мы учитываемъ не все населеніе, принадлежащее къ этой группѣ, а лишь самодѣятельное; такимъ образомъ, члены семей данной группы рабочихъ, не имѣющіе самостоятельнаго заработка, не войдутъ въ нашъ учетъ.

Необходимо сдѣлать еще одно замѣчаніе. Свѣдѣнія объ образовательныхъ учрежденіяхъ, приводимыя въ этой статьѣ, относятся къ 1 января 1904 года, свѣдѣнія же о населеніи, какъ это уже сказано, къ началу 1902 г. Въ тѣхъ вычисленіяхъ, которыя получаются при сопоставленіи данныхъ того и другого рода, заключается, такимъ образомъ, извѣстная неточность; можетъ быть, нѣкоторыя среднія величины получились бы не тѣ, если бы можно было имѣть въ рукахъ и свѣдѣнія о населеніи только за конецъ 1903 г. Къ сожалѣнію, такихъ свѣдѣній нельзя добыть и путемъ вычисленій; обычный способъ—опредѣленіе величины населенія при помощи извѣстнаго % прироста, пригодный для операцій со всѣмъ населеніемъ, непримѣнимъ, когда мы имѣемъ дѣло съ частью населенія, отличающейся своеобразными характерными чертами и колеблющейся въ своей величинѣ въ зависимости отъ весьма сложныхъ условій состоянія промышленности въ данный моментъ. Приходится, такимъ образомъ, сознательно допускать данную неточность. Едва ли только эта неточность, за столь короткій промежутокъ времени, можетъ быть болѣе или менѣе значительной.

Всѣхъ рабочихъ, занятыхъ на фабрикахъ и заводахъ, въ домашней промышленности и въ ремеслахъ, насчитывается въ предѣлахъ городской черты по переписи 1902 г. 247,503 человѣка (въ томъ числѣ 185,349 мужчинъ и 62,154 женщинъ). Въ пригородахъ, кромѣ того, живетъ 30,234 рабочихъ данной категоріи (24,310 мужчинъ и 5,924 женщинъ). Эти пригороды въ административномъ отношеніи отдѣлены отъ города, но почти всѣ они уже тѣсно слились съ нимъ и въ бытовомъ отношеніи составляютъ непосредственное продолженіе тѣхъ городскихъ окраинъ, къ которымъ они примыкаютъ. Поэтому населеніе пригородовъ условно причислено въ этой статьѣ къ населенію сосѣднихъ съ ними городскихъ полицейскихъ частей. Всего съ пригородами имѣется, такимъ образомъ, 277,737 человѣкъ (въ томъ числѣ 209,659 мужчинъ и 68,078 женщинъ). Съ этимъ числомъ мы и будемъ имѣть дѣло въ дальнѣйшемъ изложеніи. По территоріи Москвы эти рабочіе размѣстились, въ зависимости отъ мѣстъ своей работы, весьма неравномѣрно. Принимая общее число рабочихъ—277,737 за 100, мы увидимъ, что болѣе всего рабочихъ въ Сущевской (12,9% къ общему числу), Лефортовской (12,3) и Рогожской

(10,8) частяхъ. Далѣе рабочіе въ значительномъ числѣ живутъ въ предѣлахъ Пятницкой (8,3%), Прѣсненской (8,0%), Хамовнической (7,6%) и Мѣщанской (7,5%) частей.

Рабочими преимущественно заняты окраинныя части города; чѣмъ ближе къ центру, тѣмъ % рабочихъ меньше. Если взять численность рабочихъ по крупнымъ территоріямъ, по тѣмъ концентрическимъ поясамъ Москвы, которые сложились въ результатѣ ея историческаго роста, то послѣдовательное увеличеніе числа рабочихъ отъ центра къ окраинамъ выступаетъ вполнѣ ясно. По этимъ же поясамъ придется приводить въ дальнѣйшемъ и нѣкоторыя другія свѣдѣнія.

	Число рабочихъ.	% ихъ.
1. Центръ и 1-й поясъ *)	22,347	8,1
2. 2-й поясъ **)	26,631	9,6
3. 3-й » ***)—западъ	43,359	15,6
4. » —сѣверъ	56,772	20,4
5. » —востокъ	75,925	27,3
6. Замоскворѣчье ****)	52,703	19,9
	277,737	100,0

Изъ этого видно, что главная масса рабочихъ помѣстилась на восточной окраинѣ Москвы—въ предѣлахъ Лефортовской, Рогожской и Басманной частей; тамъ живетъ болѣе $^1/_4$ всѣхъ изслѣдуемыхъ въ данномъ случаѣ рабочихъ.

Взятая для изученія группа рабочихъ слагается изъ: 1) работающихъ на фабрикахъ и заводахъ и 2) занятыхъ въ домашней промышленности и ремеслахъ. Представителей первой подгруппы 120,605 (87,915 мужчинъ и 32,690 женщинъ) или 43,4%, второй—157,132 (121,744 мужчинъ и 35,388 женщинъ) или 56,6%.

По территоріи города эти двѣ подгруппы встрѣчаются въ весьма неодинаковыхъ соотношеніяхъ:

	Фабрично-заводскіе рабочіе.		Проч. рабочіе.	
	Число.	%.	Число.	%.
1. Центръ и 1-й поясъ . . .	3,308	14,8	19,039	85,2
2. 2-й поясъ	5,446	20,4	21,185	79,6
3. 3-й » —западъ	22,710	52,4	20,649	47,6
4. » —сѣверъ	14,783	26,0	41,989	74,0
5. » —востокъ	41,290	54,3	34,635	45,6
6. Замоскворѣчье	33,068	62,7	19,635	37,3
	120,605	43,4	157,132	56,6

*) Районъ въ чертѣ бульваровъ; части—Городская, Тверская и Мясницкая.

**) Районъ между бульварами и Садовой; части—Арбатская, Пречистенская, рѣтенская, Яузская.

***) За чертой Садовой; западъ—части Хамовническая и Прѣсненская, сѣверъ—ущевская и Мѣщанская; востокъ—Лефортовская, Рогожская и Басманная.

****) Якиманская, Пятницкая и Серпуховская части.

Фабрично-заводскіе рабочіе сосредоточились преимущественно въ тѣхъ районахъ, гдѣ существуютъ крупные фабрики и заводы—въ Замоскворѣчьѣ, на восточной (Басманная, Лефортовская, Рогожская части) и на западной (Хамовническая и Пресненская) окраинахъ 3-го пояса. Въ остальныхъ мѣстностяхъ, особенно въ центральныхъ частяхъ города, преобладаютъ рабочіе многочисленныхъ ремесленныхъ мастерскихъ.

Болѣе ½ рабочихъ не обладаютъ и элементарной грамотностью; среди нихъ 110,808, или 39,9%, неграмотныхъ. Особенно велико число неграмотныхъ женщинъ; въ то время какъ среди мужчинъ % неграмотныхъ (63,480 чел.) равенъ 30,2, среди женщинъ (47,228 чел.) онъ достигаетъ 69,4. Весьма неодинаково развита грамотность и по двумъ приведеннымъ подгруппамъ.

	Неграмотныхъ.					
	Мужчинъ.		Женщинъ.		Обоего пола.	
	Число.	%.	Число.	%.	Число.	%.
Фабрично-заводскіе рабочіе	27,154	30,4	26,535	81,2	53,689	44,5
Прочіе рабочіе	36,326	30,0	20,693	58,5	57,017	36,3
	63,480	30,2	47,228	69,4	110,708	39,9

Среди мужчинъ, работающихъ какъ на фабрикахъ и заводахъ, такъ и въ другихъ областяхъ промышленности, грамотность распространена одинаково—и въ той и другой подгруппѣ число неграмотныхъ нѣсколько менѣе ⅓. Гораздо болѣе неблагопріятныя отношенія наблюдаются среди женщинъ, особенно среди фабрично-заводскихъ работницъ; число неграмотныхъ среди нихъ достигаетъ огромной величины—⅔ общаго числа. И среди «прочихъ» работницъ значительно болѣе ½—неграмотныя.

По отдѣльнымъ районамъ города % неграмотныхъ обоего пола колеблется отъ 23,7 (Тверская часть) и 24,6 (Арбатская) до 49,4 (Хамовническая) и 49,9 (Лефортовская).

Этими немногими свѣдѣніями мы закончимъ предварительное ознакомленіе съ количествомъ фабрично-заводскихъ и ремесленныхъ рабочихъ въ Москвѣ, съ ихъ распредѣленіемъ по территоріи города и съ состояніемъ ихъ грамотности. Грамотность среди рабочихъ, какъ это видно изъ приведенныхъ данныхъ, представляется въ весьма печальномъ видѣ. Весьма значительное число рабочихъ, а среди женщинъ преобладающее большинство, не обладаютъ и элементарнымъ знаніемъ азбуки, не могутъ прочитать печатной строчки. Среди этой арміи рабочаго люда, отдающаго свой трудъ огромному городу съ милліоннымъ населеніемъ, многіе десятки тысячъ стоятъ на крайне низкой ступени развитія и совершенно невооружены въ борьбѣ за существованіе, гдѣ знаніе представляетъ могучую силу.

Что дѣлается различными учрежденіями и частными лицами г. Москвы въ цѣляхъ просвѣщенія рабочихъ, доставленія имъ какъ элементарнаго образованія, такъ и извѣстныхъ спеціальныхъ знаній? Въ какой степени можетъ быть удовлетворенъ спросъ на знаніе, въ наличности котораго со стороны рабочихъ едва ли можетъ быть въ настоящее время какое-либо сомнѣніе?

Этимъ вопросамъ и посвящено наше дальнѣйшее изложеніе.

Въ нижеслѣдующей таблицѣ различныя образовательныя учрежденія для рабочихъ сведены по административнымъ районамъ г. Москвы—полицейскимъ частямъ, вмѣстѣ со свѣдѣніями о томъ, на сколько человѣкъ рабочихъ приходится вообще 1 образовательное учрежденіе. Начальныя училища, содержимыя фабриками, при этихъ послѣднихъ вычисленіяхъ не считаются.

ЧАСТИ.	Начальныя училища, содержимыя фабриками.	Воскресныя школы.	Вечерне-воскрес. классы.		Профессіон. школы.			Аудиторіи.				Безплатныя библіотеки-читальни.	Всѣхъ образ. учр. (кромѣ начальн. учил., сод. фаб.).	Всѣхъ рабочихъ об. п.	Приходится раб. на 1 образов. учрежд. (кромѣ нач. учил., содерж. фабрик.).
			Городскіе.	Фабричные.	Классы техническаго рисованія.	Торговые классы.	Проч. профессіональныя школы.	Моск. ком. нар. чтеній *).	Моск. стол. попеч. о народ. трезв.	Москов. общ. сод. устр. нар. развлеч.	Фабричныя.				
. Городская. .	—	—	—	—	1	2	—	—	—	—	—	—	3	3,506	1,169
. Тверская . .	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	1	11,022	11,022
. Мясницкая .	—	—	1	—	1	1	—	1	1	—	—	—	5	7,819	1,564
. Арбатская .	—	1	—	—	1	2	—	—	—	—	—	—	4	5,008	1,252
. Пречистен. .	—	2	—	3	—	—	1	2	—	1	—	1	10	6,470	647
. Срѣтенская.	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	2	3	10,932	3,644
. Яузская. . .	—	—	—	—	1	1	—	1	—	—	—	1	4	4,221	1,055
. Хамовнич. .	1	—	1	—	1	1	1	2	—	—	—	6	12	21,200	1,767
Прѣсненская	1	—	—	2	2	1	1	1	1	—	—	1	9	22,159	2,462
Сущевская .	1	2	—	2	2	1	—	—	—	—	—	2	9	35,850	3,984
Мѣщанская .	—	2	—	2	1	2	—	1	—	—	1	3	12	20,922	1,744
Басманная .	1	—	—	2	4	3	—	—	—	—	—	2	11	11,872	1,079
Лефортовск.	1	4	2	1	—	—	—	4	1	—	—	4	16	34,172	2,135
Рогожская .	—	1	—	1	2	1	—	2	—	—	1	7	15	29,881	1,992
Якиманская.	—	—	—	—	3	2	—	1	—	—	—	1	7	12,724	1,818
Пятницкая .	3	2	—	1	1	1	1	—	—	1	—	8	15	22,984	1,532
Серпуховск.	—	1	2	1	2	—	—	2	—	—	1	2	11	16,995	1,700
	8	15	6	15	22	19	4	17	4	2	3	40	147	277,737	1,889

Изъ этой таблицы видно, что только въ одной части (Пречистенской) а 1 образовательное учрежденіе приходится менѣе 1,000 человѣкъ; отъ ,000 до 1,500 чел. на 1 такое учрежденіе имѣютъ 4 части (Городская, рбатская, Яузская, Басманная); въ 7 частяхъ (Мясницкая, Хамовниче-кая, Мѣщанская, Рогожская, Якиманская, Пятницкая, Серпуховская) дан-ое отношеніе колеблется въ предѣлахъ отъ 1,500 до 2,000. Далѣе слѣ-дуютъ бо́льшія величины: отъ 2,000 до 3,000 чел. въ 2 частяхъ (Прѣс-енская и Лефортовская), отъ 3,000 до 4,000 чел. тоже въ 2 (Срѣтен-кая и Сущевская) и, наконецъ, въ Тверской части 1 (и единственное) бразовательное учрежденіе приходится болѣе чѣмъ на 11,000 рабочихъ.

*) Сюда же причислена 1 городская аудиторія имени А. С. Пушкина въ Лефортовѣ.

Если, на основаніи приведенныхъ величинъ, составить картограмму, то Тверская часть явится чернымъ пятномъ почти въ самомъ центрѣ г. Москвы.

Уже изъ этого бѣглаго обзора можно видѣть, что количество тѣхъ образовательныхъ учрежденій, которыми могутъ пользоваться рабочіе города Москвы, крайне недостаточно. Еще болѣе печальнымъ представилось бы дѣло, если бы мы стали разсматривать его детальнѣе, по полицейскимъ участкамъ; цѣлый рядъ участковъ не имѣетъ ни одного образовательнаго учрежденія, а между тѣмъ въ предѣлахъ каждаго изъ нихъ живутъ тысячи рабочихъ; таковы участки 2-й и 3-й Тверской части, Мясницкой части — 2-й, Срѣтенскій — 1-й, Яузскій — 2-й, Прѣсненскій — 3-й, Мѣщанскій—3-й, Пятницкій—1-й и Серпуховской—1-й; изъ нихъ, напримѣръ, въ Тверскомъ 2-мъ живетъ 5,884 рабочихъ, въ Пятницкомъ 1-мъ—6,449 и въ Мѣщанскомъ 3-мъ—9,108.

Переходимъ къ отдѣльнымъ видамъ образовательныхъ учрежденій и беремъ въ первую очередь учрежденія для малолѣтнихъ,—начальныя училища, содержимыя фабриками; ихъ насчитывается 8. Эти училища при фабрикахъ тов. А. Бахрушина с—вей (Пятницкой части 2 уч.), при фабр. Прохоровской мануфактуры (Прѣсненской ч. 1 уч.), при заводѣ Дютфуа (Сущевской ч. 3 уч.), при фабрикѣ А. и В. Сапожниковыхъ (Басманной части 1 уч.), при мануфактурѣ Э. Циндель (Пятницкой ч. 2 уч.), при заводѣ К. Тиль и К° (Пятницкой ч. 2 уч.), при заводѣ Э. К. Остерридъ (Лефортовской ч. 3 уч.). Къ нимъ мы присоединяемъ также и школу при фабрикѣ А. Гюбнера (Хамовнической ч. 1 уч.), учрежденную и состоящую въ вѣдѣніи постоянной коммиссіи по техническому образованію московскаго отдѣленія русскаго техническаго общества, въ виду того, что возможность ея открытія явилась благодаря пожертвованію указанной фабрики. Изъ этихъ училищъ наиболѣе старое при Прохоровской мануфактурѣ; оно существуетъ съ 1816 г.; затѣмъ Цинделевское открыто въ 1870 г., два—Бахрушинское и Сапожниковское въ 80-хъ годахъ (1881 и 1885 г.); училища при заводахъ Тиль и Остеррид'ъ въ 1895 г. и при заводѣ Гюбнера въ 1897 г. Объ училищѣ при заводѣ Дютфуа не имѣется вообще никакихъ свѣдѣній въ нашихъ матеріалахъ. О составѣ учащихся къ 1 января 1903 г. даетъ понятіе слѣдующая таблица:

Училища:	Мальч.	Дѣвоч.	Об. кол.
1. При фабрикѣ Бахрушиныхъ	141	54	195
2. » мануфактурѣ Прохоровыхъ	144	—	144
3. » фабрикѣ Сапожниковыхъ.	17	—	17
4. » мануфактурѣ Циндель.	80	46	126
5. » заводѣ Тиль	49	45	94
6. » » Остеррид'ъ.	72	57	129
7. » фабрикѣ Гюбнера.	29	26	55
Итого. . .	532	228	760

Въ нашемъ распоряженіи нѣтъ пока свѣдѣній о числѣ дѣтей школьнаго возраста въ рабочемъ населеніи; трудно поэтому судить, насколько данныя школы удовлетворяютъ потребности въ обученіи. Единственное указаніе мы имѣемъ лишь въ отчетѣ постоянной коммиссіи о школѣ при фабрикѣ Гюбнера; отчетъ опредѣляетъ число учащихся дѣтей по отношенію къ числу дѣтей школьнаго возраста 80%-ми.

Замѣтимъ при этомъ, что учащіеся не входятъ въ общее число рабочихъ, принятое нами выше (277, 737); это не самодѣятельные рабочіе, а дѣти рабочихъ, не имѣющіе самостоятельнаго заработка и живущіе при родителяхъ, дѣти служащихъ на фабрикѣ, отчасти же и дѣти посторонникъ лицъ *). Поэтому-то въ ранѣе помѣщенной таблицѣ образовательныхъ учрежденій начальныя училища при фабрикахъ и не включались въ разсчеты. Эти училища отмѣчаются лишь въ цѣляхъ учета по возможности всѣхъ мѣропріятій въ интересахъ рабочаго населенія со стороны промышленныхъ заведеній.

Воскресныя школы служатъ уже взрослому рабочему населенію. Школъ этого типа въ настоящее время 15. Изъ нихъ 9 открыты частными лицами, 1—заводомъ и 5, осенью этого года, М. Ст. попечительствомъ о народ. трезв. Преобладающее большинство школъ женскія,—всѣ 9 частныхъ и 2 попечительскихъ; мужскихъ школъ 4: при заводѣ Бундшухъ и 3 школы попечительства; о школахъ попечительства свѣдѣнія, впрочемъ, не точны. Относительно многихъ воскресныхъ школъ имѣются, къ сожалѣнію, только указанія на ихъ существованіе, другихъ же свѣдѣній нѣтъ. Большинство воскресныхъ школъ открыто въ концѣ 80-хъ и началѣ 90-хъ годовъ,—періодъ, отличающійся оживленіемъ интереса въ русскомъ обществѣ къ школамъ даннаго типа. Данныя о стоимости содержанія и количествѣ учащихъ и учащихся въ 6 школахъ, о которыхъ есть нѣкоторыя свѣдѣнія, таковы:

	Стоимость содержанія.	Учащихъ	Учащихся.
1. Р. Д. Бурмистровой (Арбат. ч. 1 уч.)	244 руб.	13	347
2. Е. И. Цвѣтковой (Пречист. ч. 2 уч.)	280 »	19	150
3. А. В. Алексѣевой (Лефорт. ч. 1 уч.)	238 »	12	220
4. А. П. Копаневой (Лефорт. ч. 1 уч.)	211 »	15	171
5. им. С. В. Глинки (Рогож. ч. 1 уч.) .	245 »	17	252
6. А. М. Грузинской (Пятниц. ч. 1 уч.)	516 »	17	376
Итого . .	1,73 руб.	93	1,516

Благодаря безвозмездному труду большинства учащихъ (въ нѣкоторыхъ школахъ только законоучители получаютъ вознагражденіе) содержаніе школы обходится въ весьма скромную сумму, въ среднемъ 289 руб. Учащихся приходится на 1 школу въ среднемъ—253 человѣка. Воскресныя школы та-

*) Въ брошюрѣ П. М. Шестакова „Образовательныя учрежденія и грамотность рабочихъ на мануфактурѣ т-ва Эмиль Циндель“ есть указаніе, что въ послѣдніе годы въ Цинделевскую школу, принимавшую ранѣе и дѣтей посторонникъ лицъ, поступаютъ исключительно дѣти рабочихъ мануфактуры.

кимъ образомъ переполнены; уже это одно служитъ показателемъ ихъ недостаточности; въ Петербургѣ, гдѣ 22 воскресныя школы, въ 190¹/₂ г. было 1,458 учащихся или только 66 на 1 воскресн. школу *). Сколько учится во всѣхъ воскресныхъ школахъ, мы не знаемъ; если предположить однако, что и въ тѣхъ 5 женскихъ школахъ, о которыхъ у насъ нѣтъ свѣдѣній, количество учащихся не отступаетъ значительно отъ этой нормы, то во всѣхъ 11 женскихъ воскресныхъ школахъ получаютъ первоначальное образованіе около 2,700 женщинъ. Всѣхъ женщинъ-работницъ, не обладающихъ первоначальной грамотностью—47,228, въ томъ числѣ фабрично-заводскихъ—26,535 неграмотныхъ; такимъ образомъ существующія женскія воскресныя школы могутъ вмѣстить въ себѣ только около 6% всѣхъ женщинъ-работницъ, нуждающихся въ первоначальной грамотности, или немного болѣе 10% неграмотныхъ работницъ, занятыхъ на фабрикахъ и заводахъ. Вообще отношенія числа работницъ къ числу воскресныхъ школъ поражаютъ своею громадностью; на 1 женскую воскресную школу приходится 4,293 неграмотныхъ женщинъ или 6,189 всѣхъ женщинъ-работницъ. Изъ 17 полицейскихъ частей г. Москвы только въ 6 имѣются воскресныя школы, огромные же районы съ тысячами женскаго рабочаго населенія лишены образовательныхъ учрежденій этого рода. Изъ частей только одна Лефортовская находится, повидимому, въ болѣе или менѣе благопріятныхъ условіяхъ,—въ ней цѣлыхъ 4 школы, недосягаемое богатство для цѣлаго ряда другихъ. Но Лефортовская часть густо населена рабочимъ людомъ и въ ней однихъ неграмотныхъ фабрично-заводскихъ работницъ насчитывается 6,043 или 1,511 на 1 воскресную школу.

Сказаннаго достаточно для того, чтобы было совершенно ясно, въ какой степени наличное число женскихъ воскресныхъ школъ не отвѣчаетъ потребности въ нихъ. Мужскихъ школъ, какъ мы видѣли, только 4, что даетъ 1 школу даннаго типа на 15,870 неграмотныхъ рабочихъ мужчинъ. Это огромное число не нуждается въ какихъ-либо комментаріяхъ.

Воскресныя школы всецѣло обязаны своимъ возникновеніемъ частной иниціативѣ; усиліями лицъ, ведущихъ въ нихъ дѣло, поддерживается и ихъ существованіе. Городское управленіе приходитъ на помощь этимъ школамъ только отводомъ помѣщенія для одной изъ нихъ въ зданіи городского начальнаго училища; такую же помощь онѣ встрѣчаютъ и со стороны нѣкоторыхъ другихъ учрежденій.

Близкій къ воскреснымъ школамъ типъ образовательныхъ учрежденій представляютъ вечерне-воскресные классы общаго характера. Всѣхъ ихъ 15. Изъ этого числа 6 вечерне-воскресныхъ классовъ учреждены городскимъ управленіемъ при городскихъ начальныхъ училищахъ **); 5 изъ нихъ

*) *В. С. Кострюмина*: „Организація воскресной школы“ въ „Законахъ и справочныхъ свѣдѣніяхъ“ А. С. Пругавина.

**) При Петровско-Мясницкомъ (Мясницкой ч. 3 уч.), Преображенскомъ (Лефортовской ч. 2 уч.), Петровско-Серпуховскомъ и Серпуховскомъ 2-мъ (Серпуховск. ч. 2 уч.), Сокольническомъ (Лефорт. ч. 1 уч.) и Петровско-Хамовническомъ (Хамовнической ч. 1 уч.),—см. „Вѣдомость о начальныхъ училищахъ г. Москвы 1903 г.“.

возникли по приговору городской думы въ 1876 г., 1 въ 1886 г.; позже дѣятельность городской думы въ данномъ направленіи не проявлялась. На содержаніе этихъ 6 классовъ ассигновано думою на 1903 г.—7,761 руб. Три класса имѣютъ 3 отдѣленія и 3 только 2. Преподавателями въ нихъ являются большею частью тѣ же лица, что и въ утреннихъ классахъ. Въ 6 городскихъ классахъ къ 1 января 1903 г. состояло 412 учениковъ. Повозрастная группировка учениковъ показываетъ, что городскіе вечерне-воскресные классы далеко не всецѣло назначены для удовлетворенія образовательныхъ нуждъ взрослыхъ рабочихъ; а именно, учащихся въ возрастѣ свыше 17 лѣтъ на этихъ классахъ только 43,7%; остальные же подростки моложе 17 лѣтъ и дѣти. Такимъ образомъ эти классы, при своей настоящей организаціи, главнымъ образомъ служатъ для заполненія тѣхъ пробѣловъ, которые имѣются, за недостаткомъ начальныхъ училищъ, въ обученіи малолѣтнихъ. Съ учащихся, какъ и вообще въ начальныхъ училищахъ г. Москвы, взимается плата (3 руб.); большая часть ихъ (295 чел.) однако освобождена отъ этого.

Слѣдующая группа вечерне-воскресныхъ классовъ основана по иниціативѣ фабрикъ, другихъ учрежденій и частныхъ лицъ; изъ 15 этихъ классовъ 8 содержатся на средства, отпускаемыя для нихъ промышленными заведеніями; 1 (при 2-мъ казенномъ винномъ складѣ) на средства казны; 6 имѣютъ различные другіе источники существованія. Прежде чѣмъ приступить къ изложенію свѣдѣній о дѣятельности тѣхъ и другихъ, необходимо замѣтить, что въ учрежденіи нѣкоторыхъ изъ классовъ значительную роль играла постоянная коммиссія русскаго техническаго общества. Коммиссія проявила весьма оживленную дѣятельность въ 1897 г.; ею было разослано циркулярное обращеніе къ фабрикантамъ и заводчикамъ, на которое нѣкоторые немедленно и откликнулись. Коммиссіей и были открыты въ томъ же году вечерне-воскресные классы на заводѣ Тиль и при фабрикѣ Гюбнера; эти учрежденія, въ виду того, что при нихъ имѣются спеціальные классы, мы относимъ однако къ профессіональнымъ школамъ, о которыхъ рѣчь будетъ нѣсколько ниже. Здѣсь же, въ разсматриваемой группѣ исключительно общеобразовательныхъ учрежденій, мы отмѣтимъ, что стараніями коммиссіи были открыты вечерне-воскресные классы въ 1903 г. при т-вѣ шелковой мануфактуры въ Москвѣ и при 2-мъ казенномъ винномъ складѣ. Затѣмъ постоянной коммиссіей были открыты въ 1897 г. пречистенскіе вечерне-воскресные классы для рабочихъ и ремесленниковъ, содержимые на благотворительныя средства *).

На средства фабрикъ, какъ мы видѣли, существуетъ 8 вечерне-воскресныхъ классовъ. Изъ нихъ при двухъ промышленныхъ заведеніяхъ имѣются классы для женщинъ: при Московской кружевной фабрикѣ (Пречистенской части 1 уч.) и при Прохоровской мануфактурѣ (Прѣсненск. ч.

*) Отчетъ постоянной коммиссіи по техническому образованію моск. отд. имп. рус. техн. общ. за 1901—2 г.

1 уч.); остальные мужскіе: при Прохоровской же мануфактурѣ, при фабрикѣ Э. Циндель (Пятницк. ч. 2 уч.), при заводѣ А. В. Бари (Рогож. ч. 3 уч.), при Московской шелковой мануфактурѣ (Лефорт. ч. 2 уч.), при фабрикѣ Сапожниковыхъ (Басман. ч. 1 уч.), при чайной развѣсной «Преемникъ Алексѣя Губкина А. Кузнецовъ и К°» (Басман. ч. 2 уч.). О классахъ при шелковой мануфактурѣ, только что открытыхъ, и при московской кружевной фабрикѣ мы не имѣемъ какихъ-либо свѣдѣній. Относительно другихъ мы представимъ нѣкоторыя данныя.

Вечерне-воскресные классы.	Стоимость содержанія.	Число учащихъ.	Число учащихся.
1. Прохоровскіе для мужчинъ	3,500	7	350
2. Прохоровскіе для женщинъ		7	300
3. Цинделевскіе *)	—	7	237
4. Бари	1,200	9	96
5. Преемн. Губкина	—	2	28
6. Сапожниковыхъ	225	1	20

Изъ классовъ наибольшаго вниманія, по затратамъ на нихъ со стороны учредителей и по количеству учащихся, заслуживаютъ прохоровскіе и цинделевскіе. Прохоровскіе классы учреждены въ 1892 г.; въ мужскихъ классахъ занятія происходятъ по воскресеньямъ отъ 9 до $12^1/_2$ час. и два раза въ недѣлю вечеромъ отъ 7 до 9 час.; въ женскихъ классахъ часы занятій отъ $12^1/_2$ до 5 по воскресеньямъ, вечерніе часы какъ въ мужскихъ классахъ. Цинделевская вечерняя школа состоитъ изъ 4 классовъ, въ двухъ младшихъ классахъ занятія сосредоточиваются, главнымъ образомъ, на обученіи чтенію, письму и счету, въ 3-мъ главное вниманіе занимаетъ подготовка къ экзамену на льготу, въ 4-мъ сообщаются дополнительныя свѣдѣнія по исторіи, географіи, литературѣ. Занятія происходятъ ежедневно, отъ $7^1/_2$ до $9^3/_4$ час. вечера, каждый разъ по 2 урока **). Отмѣтимъ еще классы при заводѣ Бари; въ нихъ занятія происходятъ ежедневно, кромѣ субботы, отъ 7 до 9 час. веч. Классы при заводѣ Сапожниковыхъ и чайной развѣсной Губкина представляютъ весьма скромныя образовательныя учрежденія.

О классахъ при 2-мъ казенномъ винномъ складѣ, недавно начавшихъ функціонировать, мы пока ничего еще не знаемъ.

Изъ 6 классовъ, содержимыхъ на частныя средства, наиболѣе замѣчательны пречистенскіе, учрежденные постоянной коммиссіей и содержимые на благотворительныя средства (сборъ съ лекцій и т. п.). Въ 1901—2 учебномъ году въ классы записалось 201 человѣкъ; 1-й общій классъ раздѣляется на 2 отдѣленія: 1-е для неграмотныхъ при 2 параллельныхъ группахъ и 2-е для мало-грамотныхъ при 7. Во 2-мъ общемъ классѣ 3 и-

*) Стоимость содержанія всѣхъ вообще образовательныхъ учрежденій на фабр. Циндель достигаетъ 6,183 р.

**) Подробныя свѣдѣнія въ брошюрѣ П. М. Шестакова: „Образовательныя учр-денія“.

раллельныхъ группы. Пречистенскіе общіе классы находятся въ тѣсной связи съ такъ называемыми пречистенскими курсами, и нѣкоторыя общія для тѣхъ и другихъ свѣдѣнія мы приведемъ ниже.

Далѣе слѣдуютъ мужскіе классы при бутырскомъ училищѣ (Сущевск. ч., 3 уч.), при пушкинско-сокольничьемъ училищѣ (Мѣщанск. ч., 4 уч.) и женскіе—при начальномъ училищѣ А. В. Погожевой (Пречистен. ч., 2 уч.), воскресно-вечерніе и рукодѣльные классы г-жи Новиковой въ зданіи сокольническаго городского женскаго училища (Мѣщанск. ч., 4 уч.) и классы г-жи Мещериной при воскресенскомъ церковно-приходскомъ училищѣ (Серпуховской ч., 2 уч.). Свѣдѣнія у насъ имѣются только о двухъ изъ нихъ:

Классы.	Стоимость содержанія.	Число учащихъ.	Число учащихся.
1. Погожевой	179 р.	10	65
2. Мещериной.	236 »	11	258

Всего въ 9 классахъ мы насчитываемъ 1,555 учащихся, въ среднемъ около 175 человѣкъ на 1 данное учрежденіе. Сколько учащихся имѣется во всѣхъ 15 классахъ, нельзя опредѣлить, за отсутствіемъ свѣдѣній. Мы едва ли однако сдѣлаемъ крупную ошибку, если допустимъ, что всѣ 15 классовъ даютъ начальное образованіе не болѣе какъ 3,000 человѣкъ; съ учащимися же въ 6 городскихъ вечерне-воскресныхъ классахъ это число повышается только до 3,400. Припомнивъ, что общее число неграмотныхъ рабочихъ представляетъ огромную армію слишкомъ въ 100 тысячъ человѣкъ, по отношенію къ которымъ эти 3,400 составляютъ какихъ-нибудь 3%, мы этою одною справкой избавляемся отъ необходимости приводить подробныя вычисленія для доказательства всей недостаточности вечерне-воскресныхъ классовъ для нуждъ рабочаго населенія. Таблица со свѣдѣніями объ образовательныхъ учрежденіяхъ показываетъ, что въ Городской, Тверской, Арбатской, Срѣтенской, Яузской и Якиманской частяхъ отношеніе числа вечерне-воскресныхъ классовъ, городскихъ или содержимыхъ другими учрежденіями, къ числу рабочихъ выражается весьма краснорѣчивымъ математическимъ знакомъ безконечности (∞),—классовъ въ этихъ частяхъ нѣтъ.

Этимъ исчерпывается отдѣлъ общеобразовательныхъ учрежденій для рабочихъ. Всѣхъ ихъ насчитывается 36, на 1 учрежденіе приходится 1,715 всѣхъ рабочихъ или же 3,075 однихъ неграмотныхъ. По 5 полицейскимъ частямъ города (Городской, Тверской, Срѣтенской, Яузской и Якиманской) нѣтъ вовсе общеобразовательныхъ учрежденій; въ остальныхъ 12 наблюдаются весьма разнообразныя отношенія, начиная съ 1,294 всѣхъ рабочихъ на 1 общеобразовательное учрежденіе—въ Пречистенской части, кончая 10,600—въ Хамовнической и даже 14,940—въ Рогожской. По данным переписи г. Москвы имѣются лишь голыя цифры грамотныхъ; болѣе подробныхъ свѣдѣній о состояніи грамотности нѣтъ. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что грамотность среди московскихъ рабочихъ весьма высокаго качества, и что очень многіе изъ зарегистрованныхъ грамот-

ныхъ нуждаются въ общеобразовательной школѣ. Если мы и оставимъ въ сторонѣ этихъ болѣе счастливыхъ представителей рабочаго класса, обративъ вниманіе только на количество неграмотныхъ, приходящееся на 1 общеобразовательную школу, то повсюду, за исключеніемъ развѣ Пречистенской части, мы увидимъ огромныя величины, свидѣтельствующія о крайнемъ недостаткѣ общеобразовательныхъ школъ для рабочихъ въ столичномъ г. Москвѣ.

Переходимъ къ профессіональнымъ школамъ. Ихъ 45. Къ нимъ относятся прежде всего классы техническаго рисованія московскаго общества распространенія техническихъ знаній. Эти классы содержатся на средства, отпускаемыя городскимъ управленіемъ и министерствомъ народнаго просвѣщенія. На 1903 г. городомъ ассигновано было на эти классы 2,300 р.; въ содержаніи классовъ принимаютъ также участіе и нѣкоторые фабриканты (г. Листъ содержитъ 3-е отдѣленіе класса при его заводѣ). Въ 1901—2 учебномъ году, о которомъ у насъ имѣются свѣдѣнія, такихъ классовъ было 32, изъ нихъ 11 классовъ открыты до 1875 года, 5 классовъ въ 10-лѣтіе 1875—1885 гг., 4 класса въ 1889 г., въ послѣдніе годы открыто только два класса въ 1897 и 1898 гг. Въ отчетномъ году всѣхъ учащихся было 662 человѣка, въ возрастѣ отъ 8 до 40 лѣтъ, всѣ грамотные; изъ нихъ 35,9% составляли ученики учебныхъ заведеній и дѣти, живущія при родителяхъ, и 64,1%—ремесленники и рабочіе на заводахъ. Нѣкоторые изъ классовъ въ лѣтнее время, вслѣдствіе недостатка посѣтителей, не функціонируютъ; такъ въ 1901 — 2 г. лѣтомъ дѣйствовали только 10 классовъ. Классовъ техническаго рисованія нѣтъ въ Тверской, Пречистенской, Срѣтенской и Лефортовской частяхъ *).

Весьма солидное учрежденіе представляютъ торговые классы московскаго общества распространенія коммерческаго образованія. Они, въ количествѣ 19, довольно равномѣрно распредѣлены по городу; ихъ нѣтъ въ Пречистенской, Срѣтенской, Лефортовской и Серпуховской частяхъ. Слушателями торговыхъ классовъ могутъ быть лица обоего пола не моложе 12 лѣтъ. Торговые классы состоятъ изъ 3 послѣдовательныхъ общеобразовательныхъ курсовъ по предметамъ: Законъ Божій, русскій языкъ, ариѳметика, алгебра, геометрія, тригонометрія, физическая и математическая географія, исторія, исторія русской литературы и чистописаніе. Кромѣ того, преподаются по 2 курса товаровѣдѣнія—младшій (физика, химія, естествознаніе) и старшій (технологія и товаровѣдѣніе). Затѣмъ существуютъ отдѣльные курсы чистописанія (старшій курсъ), бухгалтеріи, коммерческой ариѳметики, нѣмецкаго, французскаго и англійскаго языковъ, торговыхъ законовъ, политической экономіи, стенографіи, практическихъ занятій по химіи, ручного труда по дереву и металлу и техническаго рисованія. При нѣкоторыхъ классахъ (6) есть еще и подготовительные курсы. За обученіе взимается по 5 руб. за предметъ и по 10 руб. за общеобразовательные курсы, а также кур-

*) Отчетъ о дѣятельности городскихъ начальныхъ училищъ за 1901—2 г.

товаровѣдѣнія (старшій и младшій) и, наконецъ, за курсы ручного труда, причемъ на этихъ послѣднихъ курсахъ дополнительные 5 руб. взимаются за покупку матеріала; въ подготовительныхъ классахъ обученіе безплатное. Занятія въ торговыхъ классахъ вечернія (отъ $6^1/_2$, $7/^1_2$, $8^1/_2$ час. до 10 час. 20 мин.), за исключеніемъ воскресныхъ дней и нѣкоторыхъ праздниковъ. Учебный годъ продолжается съ половины сентября по май. Выдержавшіе экзаменъ по группѣ предметовъ младшихъ общеобразовательныхъ курсовъ (Законъ Божій, русскій языкъ и ариѳметика съ коммерческими вычисленіями) получаютъ льготу 3-го разряда по воинской повинности. Кромѣ того, выдаются свидѣтельства о выдержаніи экзамена и по отдѣльнымъ предметамъ. Торговые классы пользуются весьма большимъ успѣхомъ среди торгово-промышленнаго населенія Москвы и свидѣтельства, выдаваемыя ими, имѣютъ не малое значеніе при отысканіи занятій. Число слушателей въ классахъ послѣдовательно растетъ и къ 1 января 1903 г. оно достигло 2,799 человѣкъ. Среди этихъ слушателей рабочихъ и ремесленниковъ, интересующихъ насъ, было 349 или 12%.

Бюджетъ торговыхъ классовъ представляетъ весьма крупную величину; на 1903 г. смѣта исчислена въ суммѣ 63,737 руб. 93 коп., поступленій же по смѣтѣ ожидалось только 23,386 руб. 67 коп. (въ томъ числѣ отъ платы за ученіе 17,041 руб. 67 коп.) и смѣта сводилась съ дефицитомъ въ 40,351 руб. 26 коп.

Къ прочимъ профессіональнымъ школамъ относятся пречистенскіе курсы, устроенные постоянной коммиссіей русскаго техническаго общества (Пречистенской ч., 1 уч.), вечерне-воскресные классы при фабрикѣ Гюбнера (Хамовнич. ч., 1 уч.) и при заводѣ Тиль (Пятниц. ч., 1 уч.), возникшіе по иниціативѣ той же коммиссіи, и школа ремесленныхъ учениковъ при прохоровской мануфактурѣ (Прѣсненск. ч., 1 уч.).

Пречистенскіе курсы открыты въ томъ же 1897 г., когда были учреждены пречистенскіе классы общаго характера и составляютъ ихъ продолженіе. На курсахъ преподаются слѣдующіе предметы: Законъ Божій, русскій языкъ, ариѳметика, геометрія, физика, химія, рисованіе, черченіе, французскій, нѣмецкій и англійскіе языки, географія, исторія, естественная исторія, механика. По химіи, ариѳметикѣ и русскому языку—два недѣльныхъ часа, остальные имѣютъ по одному часу. Записавшихся на курсы въ 1901—2 учебномъ году было 256 человѣкъ; главная масса состоитъ изъ фабричныхъ, заводскихъ, приказчиковъ, конторщиковъ и проч. Выпускнымъ экзаменамъ подверглось 10 человѣкъ, которые и получили свидѣтельства со льготой 2-го разряда по воинской повинности. Учащихъ было въ классахъ и на курсахъ 70 человѣкъ, всѣ безвозмездно. Благодаря этому содержаніе классовъ и курсовъ обошлось только въ 2,204 р. 67 к., причемъ главный расходъ составляетъ плату за квартиру—960 р.

---

*) Отчетъ московскаго общества распространенія коммерческаго образованія за 1902 годъ.

Вечерніе и воскресные классы для рабочихъ при фабрикѣ Гюбнера заключаютъ въ себѣ 3 общихъ класса и 2 спеціальныхъ, согласно уставу училищъ русскаго техническаго общества. Въ общихъ классахъ проходятся Законъ Божій, русскій языкъ, ариѳметика и рисованіе; программа спеціальныхъ классовъ подходитъ къ программѣ пречистенскихъ курсовъ, за исключеніемъ новыхъ языковъ, которые не преподаются. Занятія въ школѣ происходятъ въ будни отъ 8 до 10 ч. веч. По понедѣльникамъ же и четвергамъ бываетъ по 1 дополнительному уроку черченія и рисованія отъ 7 до 8 ч. веч. для желающихъ обучаться этимъ предметамъ. Кромѣ того, по ариѳметикѣ дается 2-часовой урокъ во 2-мъ спеціальномъ классѣ по воскресеньямъ. Въ 1901—2 учебномъ году записалось 147 учениковъ, изъ которыхъ 103 человѣка осталось къ концу года. Преподавателей было 6 человѣкъ. Стоимость содержанія классовъ, вмѣстѣ съ начальной школой, обошлась въ отчетномъ году въ 7,293 р. 84 к.; средства даны фабрикой Гюбнера.

Вечерніе и воскресные классы для рабочихъ при заводѣ Тиль и К° состоятъ изъ 2 общихъ и 2 спеціальныхъ классовъ, 1-й общій классъ дѣлится при этомъ на два послѣдовательныхъ отдѣленія: 1-е составленное изъ неграмотныхъ, и 2-е изъ умѣющихъ читать и писать. Въ остальномъ программа классовъ весьма близка къ программѣ такихъ же классовъ при фабрикѣ Гюбнера; отмѣтимъ только, что во 2-мъ спеціальномъ классѣ даются свѣдѣнія по технологіи. Записалось въ 1902—3 уч. году 272 человѣка. Экзаменъ на льготу 3-го разряда держали 5, а на льготу 2-го разряда—13 человѣкъ. Преподавателей 21 человѣкъ. На содержаніе классовъ, при готовомъ помѣщеніи, торговымъ домомъ Тиль и К° отпущено было 1,147 р. 37 к.

Школа ремесленныхъ учениковъ съ 4-лѣтнимъ курсомъ при прохоровской мануфактурѣ состоитъ, въ настоящемъ видѣ, съ 1898 г., ранѣе она носила нѣсколько другой характеръ. Въ школу принимаются мальчики, окончившіе курсъ начальныхъ училищъ. Обученіе безплатное. Въ 1903 г. въ школѣ было 104 учащихся, изъ нихъ 79 дѣтей рабочихъ и 25 сторонихъ; 75 чел. пользовались полнымъ безплатнымъ пансіономъ и 25 чел. получали обѣдъ. Преподавателей съ высшимъ образованіемъ—5 и 5 со спеціальнымъ и спеціально-педагогическимъ. Содержаніе школы, съ общежитіемъ для учениковъ, обходится въ 18,391 руб. 72 коп., а съ квартирой 23,000 р. Цѣль школы—дать обученныхъ мастеровъ для фабрики, при которой она состоитъ.

Этимъ заканчивается отдѣлъ профессіональныхъ школъ въ нашихъ свѣдѣніяхъ.

Опредѣляя отношеніе числа рабочихъ къ числу спеціальныхъ школъ, мы и здѣсь встрѣтимся съ тысячами; на 1 школу даннаго типа приходится въ Москвѣ 6,172 всѣхъ рабочихъ, или 3,723 однихъ грамотныхъ. Эти же величины по отдѣльнымъ полицейскимъ частямъ города весьма разнообразны: такъ, наприм., въ Городской части на 1 профессіональную школу прих-

дится 1,169 рабочихъ, въ Басманной 1,696, въ Тверской же 11,022 и въ Сущевской 11,950 человѣкъ. Въ Срѣтенской и Лефортовской частяхъ профессіональныхъ школъ нѣтъ; рабочихъ же въ этихъ двухъ частяхъ болѣе 45 тысячъ.

Учащихся изъ рабочаго класса насчитывается во всѣхъ школахъ профессіональнаго типа немного болѣе 1,500 человѣкъ, количество совершенно ничтожное сравнительно съ числомъ рабочихъ, нуждающихся въ образованіи.

Тѣмъ не менѣе нельзя не видѣть, что дѣло спеціальнаго образованія поставлено все-таки лучше, чѣмъ дѣло начальнаго. Прежде всего и школъ спеціальныхъ больше—45 (общеобразовательныхъ же 36). Затѣмъ всѣ вообще спеціальныя школы представляютъ благоустроенныя учрежденія, хорошо обставленныя въ смыслѣ преподавательскаго персонала и полноты курса; учащіеся въ этихъ школахъ получаютъ извѣстное систематическое образованіе.

Весьма важное значеніе для успѣха этихъ школъ имѣетъ то, что дѣло учрежденія и завѣдыванія ими принадлежитъ правильно организованнымъ учрежденіямъ. Какъ можно видѣть изъ приведенныхъ данныхъ, дѣятельность по насажденію спеціальнаго образованія развиваютъ три общественныхъ учрежденія: общество распространенія техническихъ знаній, общество распространенія коммерческаго образованія и постоянная коммиссія русскаго техническаго общества. Благодаря ихъ трудамъ и заботамъ и создалась сѣть спеціальныхъ школъ въ г. Москвѣ, выработаны программы обученія, привлечены средства для содержанія школъ; общества внимательно относятся къ нуждамъ различныхъ мѣстностей и принимаютъ мѣры къ открытію новыхъ школъ; такъ, общество распространенія коммерческаго образованія, принимая во вниманіе, что районъ Мѣщанской части очень слабо обслуживается существующими сухаревскими классами, въ районѣ же Преображенскаго торговыхъ классовъ совсѣмъ нѣтъ, намѣтило къ открытію съ 1903 г. торговые классы въ этихъ мѣстностяхъ.

Въ области начальнаго образованія мы не видимъ организованныхъ учрежденій, которыя вѣдали бы данное дѣло и объединяли его; тамъ почти все принадлежитъ разрозненной иниціативѣ отдѣльныхъ лицъ; что касается городского управленія, то, обращая серьезное вниманіе на начальныя училища для дѣтей, городъ почти ничего не сдѣлалъ для начальнаго образованія взрослаго рабочаго населенія. Городскому управленію необходимо въ настоящее время приступить и къ организаціи начальнаго образованія для взрослыхъ рабочихъ.

Едва ли было бы справедливымъ уклониться отъ этого дѣла и московскому губернскому земству; уже одно то, что въ числѣ рабочихъ имѣется значительное число пришлыхъ, въ томъ числѣ изъ различныхъ уѣздовъ Московской губерніи, требуетъ, чтобы и земство внесло свою долю труда и средствъ.

Весьма важное значеніе въ дѣлѣ образованія рабочихъ можетъ также

имѣть организованная частная инициатива. Въ настоящее время въ Москвѣ нѣтъ общества, которое ставило бы своей задачей содѣйствіе дѣлу народнаго образованія, что представляетъ очень чувствительный пробѣлъ въ культурной работѣ московской интеллигенціи.

Общество, имѣющее своимъ назначеніемъ попеченіе о начальномъ образованіи, можетъ развить такую же энергичную дѣятельность, какъ и общества, устраивающія спеціальныя школы, и заполнить тѣ огромные пробѣлы, которые мы указывали. Нужда въ начальномъ образованіи для взрослаго рабочаго населенія огромна, и нужно принять всѣ мѣры, чтобы она была удовлетворена. Само собою разумѣется, что организованная частная инициатива можетъ проявиться съ успѣхомъ для дѣла лишь при извѣстныхъ благопріятныхъ условіяхъ.

Постоянная коммиссія техническаго общества предполагала широко развить свою дѣятельность и имѣла основанія разсчитывать на это. Ко быть поднятъ цѣлый рядъ вопросовъ относительно постановки дѣла образованія рабочихъ, были сдѣланы попытки къ увеличенію числа образовательныхъ учрежденій. Къ сожалѣнію, попытки эти не имѣли успѣха въ силу чисто внѣшнихъ причинъ. Не имѣло также успѣха ходатайство постоянной коммиссіи о введеніи на пречистенскихъ курсахъ законовѣдѣнія и коммерческой географіи; это ходатайство было отклонено попечителемъ московскаго учебнаго округа въ виду того, что введеніе данныхъ предметовъ противорѣчитъ программамъ, утвержденнымъ министерствомъ народнаго просвѣщенія.

Признавая необходимость организованной частной инициативы въ дѣлѣ народнаго образованія въ г. Москвѣ, слѣдуетъ также признать существенно важнымъ для цѣлесообразнаго осуществленія этой инициативы уничтоженіе тѣхъ стѣснительныхъ правилъ, которыми обставлено открытіе образовательныхъ учрежденій. Дѣйствующая нынѣ разрѣшительная система является весьма вреднымъ тормозомъ для развитія просвѣтительныхъ начинаній. Необходимо, чтобы, взамѣнъ ея, вошла въ жизнь законодательнымъ порядкомъ явочная система, при которой открытіе образовательнаго учрежденія должно считаться состоявшимся, если по заявленію объ этомъ не послѣдуетъ въ опредѣленный срокъ мотивированнаго запрещенія.

Отмѣчая болѣе выгодную постановку спеціальнаго образованія въ Москвѣ, нельзя однако не указать на невыгодныя условія, въ которыхъ оно находится. Мы привели ранѣе % рабочихъ изъ числа посѣтителей торговыхъ классовъ, онъ невысокъ (12%). Едва ли нельзя считать причиной этого ту сравнительно высокую плату, которая взимается съ посѣтителей классовъ; для рядового рабочаго она крайне обременительна. Нѣтъ сомнѣнія, что общество распространенія коммерческаго образованія понесетъ должно взимать такую плату,—смѣта его, какъ мы видѣли, сводится съ огромнымъ дефицитомъ. Тѣмъ не менѣе, это невыгодное условіе остается во всей своей силѣ.

Затѣмъ является обстоятельство, имѣющее общее значеніе и отра

ющееся одинаково неблагопріятно на дѣятельности всѣхъ образовательныхъ учрежденій, вечернихъ школъ и общаго и спеціальнаго характера. Рабочимъ приходится учиться вечеромъ, послѣ тяжелаго трудового дня, являясь на занятія часто прямо съ работы. Отчеты о дѣятельности школъ отмѣчаютъ чрезвычайное усердіе учениковъ-рабочихъ, но упоминаютъ въ то же время, какъ невыгодно отражается на занятіяхъ предыдущая продолжительная работа. «Утомленные и работой и ученіемъ, — говоритъ отчетъ постоянной коммиссіи,—ученики либо вовсе оставляютъ на время школу, либо хотя и посѣщаютъ, но вслѣдствіе усталости плохо усваиваютъ то, что преподается. Отчаявшись въ успѣхѣ, они начинаютъ пропускать уроки». Въ результатѣ даже на пречистенскихъ курсахъ, съ ихъ прекрасной постановкой преподаванія, посѣщаемость достигаетъ только 65%. На тѣ же невыгодныя условія вечернихъ занятій указываютъ и отчетъ по торговымъ классамъ, и отчетъ по цинделевской вечерней школѣ, и нѣкоторые другіе.

Сокращеніе рабочаго дня, это справедливое требованіе рабочаго класса, необходимое вообще, чтобы устроить свою жизнь по-человѣчески, лишній разъ и здѣсь, въ данномъ вопросѣ, въ интересахъ успѣшнаго хода образованія, выступаетъ со всей своей настоятельностью.

Мы переходимъ теперь къ внѣшкольному образованію.

Въ Москвѣ насчитывается 26 аудиторій, въ которыхъ происходятъ чтенія для рабочаго населенія. Онѣ встрѣчаются не во всѣхъ частяхъ; Городская, Тверская, Арбатская, Сущевская, Басманная части совсѣмъ свободны отъ этихъ учрежденій. Въ Срѣтенской, Яузской, Якиманской и Пятницкой частяхъ всего по 1 аудиторіи; въ остальныхъ онѣ встрѣчаются въ количествѣ 2—3 и въ Лефортовской 5. Изъ общаго числа аудиторій 16 учреждены коммиссіей по устройству публичныхъ народныхъ чтеній въ Москвѣ, 4—московскимъ столичнымъ попечительствомъ о народной трезвости, 2—московскимъ обществомъ содѣйствія устройству народныхъ развлеченій и 3—состоятъ при фабрикахъ.

Коммиссія по устройству публичныхъ народныхъ чтеній существуетъ уже около 30 лѣтъ (съ 1874 г.) и развила довольно обширную дѣятельность; кромѣ зарегистрованныхъ нами аудиторій для всего населенія или только для рабочихъ (на фабрикѣ Жиро) она устраиваетъ также чтенія въ нѣкоторыхъ другихъ учрежденіяхъ (въ больницахъ, богадѣльняхъ, школахъ) и затѣмъ оказываетъ содѣйствіе, отпускомъ брошюръ и тѣневыхъ картинъ, другимъ учрежденіямъ, устраивающимъ чтенія какъ въ г. Москвѣ и Московской губерніи, такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ губерніяхъ. Въ сезонъ 1900—1 г. коммиссіей были устроены въ г. Москвѣ чтенія, доступныя рабочему населенію, въ 18 аудиторіяхъ; всѣхъ чтеній было 727, изъ нихъ 359 (49,4%)—духовнаго характера; изъ 272 лекторовъ 170 были духовныя лица. Слушателей было 143,684 человѣка. Капиталъ коммиссіи достигалъ въ 1900—1 г. 47,567 р. 53 к., годовой же бюджетъ равенъ 3,140 р. 74 к. Въ послѣднемъ отчетѣ коммиссіи мы не находимъ свѣдѣ-

ній о томъ, какія именно чтенія свѣтскаго характера происходили въ ея аудиторіяхъ.

Весьма важнымъ и полезнымъ дополненіемъ къ дѣятельности комиссіи по устройству народныхъ чтеній являются чтенія комиссіи по распространенію гигіеническихъ знаній въ народѣ при обществѣ русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова. Собственныхъ аудиторій пироговская комиссія не имѣетъ и пользуется для своихъ чтеній тѣми же аудиторіями комиссіи по устройству публичныхъ чтеній. Пироговская комиссія даетъ рядъ чтеній по гигіенѣ и медицинѣ изъ разрѣшенныхъ для этого брошюръ. Дѣятельность этой комиссіи начала развиваться съ осени 1901 г.; она привлекла вниманіе довольно большого числа врачей г. Москвы, такъ что, несмотря на мало благопріятныя въ началѣ условія (недостатокъ наглядныхъ пособій, аудиторій и средствъ для организаціи разсылки картинъ), на первыхъ же порахъ вышла за предѣлы первоначально поставленной задачи, сводившейся къ опытной провѣркѣ выработанныхъ комиссіей основаній для подбора брошюръ и картинъ. За сезонъ 1901—1902 гг. комиссія въ 13 аудиторіяхъ (изъ нихъ 11 въ г. Москвѣ) дала 81 чтеніе на разныя темы; въ сезонъ же 1902—1903 гг. число ея аудиторій возросло до 22 (изъ нихъ 16 въ г. Москвѣ), а число чтеній на отдѣльныя темы до 112; кромѣ того было проведено 10 чтеній систематическаго характера по анатоміи, гистологіи и бактеріологіи. Устройство чтеній обходится для комиссіи около 240 руб.

Московское столичное попечительство о народной трезвости имѣетъ всего 4 аудиторіи. Свѣдѣній о дѣятельности ихъ мы не имѣемъ. Замѣтимъ, что входъ въ аудиторіи комиссіи по устройству народныхъ чтеній безплатный, тогда какъ попечительство о народной трезвости, вѣроятно, стѣсненное въ средствахъ, взимаетъ 5 коп. Весьма интересное предпріятіе представляютъ лекціи, устроенныя осенью 1903 г. московскимъ обществомъ содѣйствія устройству народныхъ развлеченій. Лекціи эти стремятся дать рядъ систематическихъ знаній по естественнымъ наукамъ, исторіи, литературѣ и обществовѣдѣнію. Въ чтеніи лекцій принимаютъ участіе профессора и ассистенты высшихъ учебныхъ заведеній, врачи, юристы и др. лица. Лекціи обѣщаютъ быть цѣннымъ вкладомъ въ дѣло внѣшкольнаго обученія населенія г. Москвы. Дѣло это пока еще въ зачаткѣ, лекціи читаются пока въ двухъ аудиторіяхъ и открытіе новыхъ тормозится отсутствіемъ подходящихъ помѣщеній и еще болѣе цѣлымъ рядомъ формальностей, сопровождающихъ у насъ всякое просвѣтительное предпріятіе.

Есть также народныя чтенія съ волшебнымъ фонаремъ, устроенныя самими фабрикантами; таковы чтенія по четвергамъ для рабочихъ красильной фабрики В. В. Бундшухъ (Мѣщанск. ч., 4 уч.); чтенія на вигонепрядильной фабрикѣ Е. Е. Шлихтерманъ (Серпухов. ч., 2 уч.); слушаетъ въ среднемъ до 250 рабочихъ и обходятся они до 200 руб.; волшебнаго фонаря нѣтъ, но демонстрируется граммофонъ. Чтенія съ волшебнымъ фонаремъ на котельномъ заводѣ А. В. Бари (Рогожской ч., 3 уч.) суще-

ствуютъ съ 1896 г.; происходятъ по воскресеньямъ и обходятся около 150 руб.; на чтеніяхъ бываетъ въ среднемъ 256 чел. взрослыхъ и 124 чел. дѣтей. Мы зарегистровали въ нашей таблицѣ объ образовательныхъ учрежденіяхъ только три аудиторіи, учрежденныя самими фабриками; въ отчетѣ комиссіи по устройству народныхъ чтеній есть однако указаніе, что при ея содѣйствіи въ разные годы происходили чтенія и на нѣкоторыхъ другихъ фабрикахъ—т-ва золото-канительнаго производства, т-ва бр. Бахрушиныхъ, Сіу и К°, Дютфуа, въ развѣсочной чайной т-ва Губкина и Кузнецова, въ слесарно-механическомъ заведеніи Шабарова; за отсутствіемъ свѣдѣній, происходятъ ли они болѣе или менѣе правильно и въ настоящее время, мы не рѣшились включить ихъ въ число завѣдомо существующихъ аудиторій.

Изъ обзора дѣятельности аудиторій можно видѣть, что крупное количественное значеніе имѣютъ одни аудиторіи комиссіи по устройству публичныхъ народныхъ чтеній. Нельзя поэтому не пожалѣть, что комиссія, столь широко развивъ отдѣлъ духовнаго чтенія, принуждена весьма слабо обставить свѣтскій отдѣлъ; только участіе пироговской комиссіи въ ея аудиторіяхъ даетъ отчасти возможность провести рядъ систематическихъ чтеній по спеціальнымъ отраслямъ науки.

Впрочемъ, организовать чтенія надлежащимъ образомъ при настоящихъ условіяхъ и невозможно. За немногими исключеніями, чтенія въ аудиторіяхъ происходятъ по разрѣшеннымъ для этой цѣли брошюрамъ. Характеръ этихъ изданій общеизвѣстенъ; о крайне скудномъ выборѣ матеріала для чтенія по этимъ брошюрамъ много разъ уже писалось. Дѣйствительно, просмотрѣвъ нѣкоторые отчеты, можно убѣдиться, что весьма часто въ теченіе сезона повторяются, въ разныхъ комбинаціяхъ, одни и тѣ же названія. Качественная сторона большинства этихъ брошюръ тоже не разъ отмѣчалась. Въ отчетахъ учрежденій, завѣдующихъ аудиторіями, не разъ встрѣчаются указанія на это. Такъ, наприм., комиссія по устройству народныхъ чтеній сама хорошо понимаетъ слабую сторону своей дѣятельности и «множество разъ, вмѣстѣ съ хоромъ всѣхъ русскихъ дѣятелей по устройству народныхъ чтеній, выражала въ ходатайствахъ свою... самую цѣнную и благотворную мечту о созданіи достойнаго для русскаго читателя матеріала для чтенія въ народной аудиторіи, источникѣ научнаго знанія и художественнаго воспитанія русскаго простонародья» *). Выходомъ изъ даннаго положенія можетъ быть только допущеніе къ чтенію въ аудиторіяхъ всѣхъ книгъ, опредѣляемыхъ къ обращенію ст. 179 уст. о цензурѣ.

Безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ 36; ихъ нѣтъ въ центральныхъ частяхъ города — въ Городской, Тверской, Мясницкой и Арбатской. Они распредѣляются по своей принадлежности слѣдующимъ образомъ:

---

*) *В. Н. Сторожевъ.*—Двадцатипятилѣтіе комиссіи по устройству въ г. Москвѣ публичныхъ народныхъ чтеній, стр. 36.

Принадлежатъ:	Число библіотекъ и читаленъ.
Городу	3
О-ву распространенія полезн. книгъ	6
О-ву трезвости	4
О-ву ревнителей русск. историч. просвѣщ.	2
Моск. стол. попечит. о народн. трезв.	10
Человѣколюбивому о-ву	1
Торгово-промышлен. заведеніямъ	11
Желѣзнымъ дорогамъ	2
Частному лицу	1
Итого	40

Изъ этихъ 40 учрежденій только библіотекъ съ выдачей книгъ на домъ—10, библіотекъ и вмѣстѣ съ тѣмъ читаленъ 10 и только читаленъ безъ выдачи книгъ на домъ, 20. Такое распредѣленіе, можетъ быть, одно не совсѣмъ точно, о характерѣ нѣкоторыхъ учрежденій даннаго рода приходится судить только по ихъ названію; названія же не всегда соотвѣтствуютъ ихъ дѣйствительному характеру; возможно поэтому, что въ группу библіотекъ попали такія, которыя въ сущности являются только читальнями.

Библіотекъ и читаленъ нѣтъ въ четырехъ центральныхъ полицейскихъ частяхъ города—въ Городской, Тверской, Арбатской и Мясницкой, гдѣ живетъ однако свыше 20,000 грамотныхъ рабочихъ, нуждающихся въ чтеніи. Безплатныя читальни размѣщены главнымъ образомъ на окраинахъ, гдѣ сосредоточена масса рабочаго населенія. Въ распредѣленіи ихъ наблюдается однако весьма большая неравномѣрность; по всей Москвѣ 1 безплатная читальня приходится на 4,176 грамотныхъ рабочихъ. По отдѣльнымъ же частямъ города наблюдаются весьма большія колебанія; такъ, въ Пятницкой части 1 библіотека-читальня приходится на 1,678 грамотныхъ рабочихъ, въ Хамовнической—на 1,890; съ другой стороны, въ Якиманской на 8,053, въ Сущевской—на 11,672 и въ Пресненской—на 12,465.

Въ нѣкоторыхъ частяхъ города, такимъ образомъ, число читаленъ, вообще малое, является совершенно недостаточнымъ. Есть однако надежда, что эти столь нежелательные пробѣлы будутъ въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ заполнены. Слѣдуетъ отмѣтить, что народныя читальни вообще дѣло новое. Первая и старѣйшая изъ нихъ—тургеневская—существуетъ всего съ 1885 г. Огромнѣйшее же большинство открыто за послѣднее время, съ 1897 г. Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ отмѣтить энергичную дѣятельность моск. стол. попеч. о нар. трезв., въ короткое время, съ половины 1901 г., открывшаго 10 библіотекъ. Затѣмъ серьезное вниманіе на народныя библіотеки обратило городское управленіе, и въ настоящее время вырабатывается сѣть народныхъ библіотекъ въ г. Москвѣ, предположенныхъ городомъ къ открытію. Въ какой сильной степени существую

спросъ на чтеніе, объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ цифры посѣщеній; въ 1901 г., наприм., три городскія читальни посѣтило 121,323 чел. Въ 1902 г. въ 10 читальняхъ м. п. о нар. трезв. перебывало 187,624 посѣтителя, изъ нихъ 64,720 (34%)—фабрично-заводскіе и ремесленные рабочіе.

Безплатныя читальни, несомнѣнно, играютъ весьма важную роль во внѣшкольномъ обученіи. Ихъ полезное значеніе было бы еще во много разъ больше, если бы онѣ не были столь ограничены въ составѣ имѣющихся въ нихъ книгъ извѣстными правилами 15 мая 1890 г. Правила эти, установивъ ограничительный каталогъ, имѣли самое вредное вліяніе на дѣятельность читаленъ, только что начавшую развиваться. Тургеневская читальня, въ первые два года своего существованія, когда не было еще ограничительнаго каталога, привлекала въ среднемъ въ годъ около 92 т. посѣтителей, несмотря на то, что она только что устраивалась и общее число имѣвшихся въ ней томовъ было невелико (3,920). Въ послѣдніе годы книжное богатство ея почти удвоилось (7,219 томовъ), а между тѣмъ число посѣтителей за годъ не превышаетъ 88 т. *). Жалобы на то, что читатель изъ народа, для котораго и учреждены народныя библіотеки, не можетъ уже удовлетвориться тѣми книгами, которыя даетъ ему министерскій каталогъ, общеизвѣстны. Характерно въ этомъ отношеніи указаніе отчета м. стол. поп. о нар. трезвости. Это учрежденіе нельзя заподозрить въ черезчуръ смѣлыхъ требованіяхъ. Отчеты попечительства вообще окрашены нѣжнымъ розовымъ тономъ, несмотря на то, что завѣдываніе учрежденіями попечительства, по принципу, поручается военнымъ какъ «людямъ, болѣе привычнымъ управлять массами и вообще какъ надежнымъ, исполнительнымъ и опытнымъ привычнымъ начальникамъ, одинаково способнымъ исполнять и приказывать». Отчеты охотно констатируютъ «цѣлыя бури восторговъ» и даже «слезы благодарности» изъ глазъ умиленныхъ и благодарныхъ посѣтителей попечительскихъ учрежденій **). И оно принуждено признать фактъ неудовлетворительности министерскаго каталога. Посѣтители, какъ только открылись читальни попечительства, хлынули въ нихъ, особенно на окраинахъ, гдѣ ютится рабочій народъ. Любознательные читатели видимо, однако, скоро были разочарованы. Въ первые мѣсяцы существованія читаленъ, въ концѣ 1901 г., было сдѣлано 19,520 посѣщеній въ теченіе 226 дней или въ среднемъ 87 посѣщеній въ день; въ 1902 г. читальни функціонировали 2,913 дней и привлекли 187,624 посѣтителя, т.-е. въ среднемъ только 63 посѣтителя въ день. Число посѣщеній такимъ образомъ не выросло при развитіи дѣла, какъ слѣдовало бы ожидать, а упало. Главной причиной этого нельзя не считать то, что посѣтитель остается неудовлетвореннымъ въ своемъ требованіи на книги. Отчетъ по-

*) *Шестаковъ.*—Публичныя библіотеки въ Москвѣ (Извѣстія москов. гор. думы, 1902 г., № 19).

**) Отчетъ 1902 г., стр. 23.

печительства и говоритъ: «Несмотря на то, что читальни постоянно пополняются книгами по мѣрѣ требованія читателей, многія требованія остаются неудовлетворенными, такъ какъ желаемыя публикой книги или не вошли въ число книгъ, одобренныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія для народныхъ читаленъ, или книги, предлагаемыя читателю, по своему изложенію и содержанію не удовлетворяютъ народъ» *). Попечительство и пришло къ мысли о необходимости составить списокъ полезныхъ для народа книгъ, которыми было бы желательно дополнить министерскій каталогъ. Посѣтитель народной читальни не можетъ, очевидно, мириться съ тѣми пеленками, въ которыя закутываетъ его умъ министерскій каталогъ. Онъ выросъ и, ища духовнаго хлѣба, требуетъ, чтобы ему давали настоящій хлѣбъ, а не безвкусный и непитательный суррогатъ. Настоятельной необходимостью въ интересахъ образованія массъ является такимъ образомъ, какъ это много разъ было высказано и ранѣе, уничтоженіе ограничительнаго каталога и доступъ въ народныя библіотеки всѣхъ книгъ, дозволенныхъ къ обращенію ст. 179 уст. о ценз. Народная библіотека-читальня въ своемъ настоящемъ видѣ должна исчезнуть. Она свидѣтельствуетъ объ обидномъ и незаслуженномъ отношеніи къ читателю изъ народа, какъ къ малому ребенку, нуждающемуся въ опекѣ, свидѣтельствуетъ объ узахъ, налагаемыхъ на пробудившіеся умственные запросы населенія. Существованіе такого типа библіотекъ представляетъ позоръ для государства, считающаго себя культурнымъ. Можетъ и долженъ быть только одинъ типъ библіотекъ---общедоступныхъ, имѣющихъ право предоставлять всѣ книги, которыхъ требуетъ пытливая мысль посѣтителя. Платныя ли эти библіотеки или безплатныя—это условіе не должно имѣть никакой рѣшающей силы; оно должно интересовать только тѣ учрежденія, которыя заводятъ библіотеки, и ими только рѣшаться.

Мы включили въ наши свѣдѣнія и платныя библіотеки; всѣхъ такихъ библіотекъ, открытыхъ для общаго пользованія—46. Если не всѣ эти просвѣтительныя учрежденія, то, во всякомъ случаѣ, огромное большинство ихъ открыты съ коммерческими цѣлями, для удовлетворенія болѣе достаточныхъ классовъ населенія, что прежде всего и сказывается въ ихъ распредѣленіи по территоріи Москвы.

	Платныхъ библіотекъ.	% ихъ.
1. Центръ и 1-й поясъ (въ чертѣ бульваровъ . .	21	45,7
2. 2-й поясъ (между бульварами и Садовой) . . .	7	15,2
3. 3-й » (за Садовой)	15	32,6
4. Замоскворѣчье.	3	6,5
	46	100,0

Болѣе 60% библіотекъ расположены въ чертѣ Садовой, какъ разъ обратно распредѣленію рабочаго населенія. Огромный районъ, охватыва-

*) Отчетъ 1901 г.

ющій Садовую, обслуживается весьма недостаточнымъ количествомъ библіотекъ; Замоскворѣчье же, какъ видно, до сихъ поръ очень мало стремится къ просвѣщенію, довольствуясь всего 3 библіотеками.

Но платныя библіотеки и въ другихъ отношеніяхъ являются малодоступными для рабочаго населенія. Онѣ обыкновенно предлагаютъ чтеніе за весьма высокую цѣну; даже при подпискѣ по послѣднему разряду приходится платить отъ 4 до 8 р. за годъ, помѣсячно же отъ 6 до 12 руб., кромѣ того требуется еще залогъ отъ 2 до 3 руб. Затѣмъ онѣ закрываются черезчуръ рано, въ 7—8 часовъ; чтобы поспѣшить обмѣнять книгу, рабочему необходимо прямо съ работы бѣжать за нѣсколько верстъ въ библіотеку. Ясно, что при такихъ условіяхъ платныя библіотеки не могутъ играть никакой роли въ просвѣщеніи народа. Что въ числѣ ихъ подписчиковъ встрѣчаются иногда, какъ приходилось убѣждаться изъ личныхъ наблюденій, немногіе рабочіе,—это свидѣтельствуетъ лишь о непреоборимой жаждѣ знанія, о готовности для утоленія ея на серьезныя жертвы.

Если рабочему захочется на свои трудовые гроши купить хорошую книгу, въ этомъ онъ опять-таки встрѣтитъ гораздо болѣе препятствій, чѣмъ представитель болѣе состоятельнаго общественнаго класса. Распредѣленіе мѣстъ книжной торговли, какъ коммерческихъ предпріятій, подчиняется той же тенденціи тяготѣнія къ центральнымъ районамъ, какъ мы это видѣли относительно платныхъ библіотекъ. Въ самомъ дѣлѣ:

	Книжные магазины и лавки.	Книжные шкафы и лари.	Проч. мѣста книжной торговли.	Всего.
	Число.	Число.	Число.	Число.
Центръ и 1-й поясъ .	97	10	33	140
2-й поясъ	44	3	13	60
Въ чертѣ Садовой .	141—70,5%	13—6,5%	46—23,0%	200—72,5%
3-й поясъ	31	6	25	62
Замоскворѣчье . . .	9	1	4	14
За чертой Садовой .	40—52,6%	7—9,2%	29—38,2%	76—27,5%

Около ³/₄ мѣстъ книжной торговли сосредоточены въ чертѣ Садовой. Затѣмъ выясняется еще характерное обстоятельство: въ чертѣ Садовой благоустроенныхъ книжныхъ магазиновъ, торгующихъ спеціально книгами—70,5%; второе мѣсто занимаютъ магазины, продающіе книги вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими предметами,—картинами, эстампами, нотами, учебными пособіями; ихъ около ¼ (23,0%); книжныхъ шкафовъ и ларей, торгующихъ преимущественно произведеніями Никольскаго рынка, очень немного (6,5%). На окраинахъ, даже при тѣхъ неясныхъ признакахъ, какіе даетъ «Списокъ заведеніямъ, находящимся въ вѣдѣніи инспекціи книгопечатанія и книжной торговли», изъ котораго мы заимствовали эти свѣдѣнія, всетаки процентъ тѣхъ мѣстъ книжной торговли, которыя пришлось занести въ рубрику «книжныхъ магазиновъ и лавокъ», гораздо мень-

ше, немного болѣе ½ (52,6%); смѣшанная торговля уже повысилась (38,2%), поднялись и шкафы съ ларями (9,2%). Такимъ образомъ окраины относительно мѣстъ книжной торговли проигрываютъ и количественно, и качественно; во многихъ изъ нихъ, въ томъ числѣ и въ тѣхъ, которымъ пришлось удостоить званія «книжныхъ магазиновъ», можно найти только разную печатную макулатуру. Рабочій, познакомившійся съ хорошей книгой и пожелавшій ее пріобрѣсть, долженъ тоже совершать путешествіе въ центръ. Тутъ опять препона. Большинство книжныхъ магазиновъ закрывается довольно рано—въ 7½—8 час. вечера...

Настоятельной необходимостью является такимъ образомъ организація книжной торговли на окраинахъ, учрежденіе книжныхъ лавокъ, располагающихъ подборомъ книгъ, преимущественно интересующихъ рабочій людъ; вмѣстѣ съ тѣмъ необходима организація разносной торговли. То и другое осуществимо, если за это дѣло возьмутся различныя просвѣтительныя учрежденія. Безусловно необходимымъ при этомъ является отсутствіе тѣхъ стѣсненій, которыя накладываются на книжную торговлю дѣйствующими правилами. Въ этомъ отношеніи торговлю книгами слѣдуетъ приравнять къ торговлѣ прочими товарами.

Данныя, приведенныя нами, свидѣтельствуютъ, что образованіе взрослыхъ рабочихъ, сосредоточенныхъ въ г. Москвѣ, находится въ весьма печальномъ состояніи. Количество образовательныхъ учрежденій, которыми могутъ пользоваться фабрично-заводскіе и ремесленные рабочіе г. Москвы, какъ въ области начальнаго, такъ и въ области спеціальнаго образованія весьма недостаточно. Въ частности особенно неудовлетворительно въ количественномъ, а также организаціонномъ отношеніи поставлено дѣло начальнаго образованія, что особенно невыгодно въ виду значительнаго числа неграмотныхъ среди рабочихъ. Въ настоящее время является уже безспорно установленнымъ положеніемъ, что успѣхи промышленности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и успѣхи культурнаго развитія страны, тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ поднятіемъ образовательнаго уровня рабочаго населенія. Такимъ образомъ, и съ этой точки зрѣнія необходимость безотлагательныхъ мѣропріятій къ широкому распространенію знаній среди рабочаго класса очевидна. Еще болѣе настоятельной представляется она въ интересахъ самихъ рабочихъ, находящихся въ сложныхъ условіяхъ современной жизни.

Нѣкоторыя изъ мѣропріятій могутъ быть осуществимы мѣстными организаціями и при настоящихъ условіяхъ, въ которыхъ имъ приходится дѣйствовать. Нѣтъ сомнѣнія, что органы самоуправленія, выступивъ въ роли энергичнаго организатора начальнаго и спеціальнаго образованія рабочихъ, могутъ принести огромную пользу. Неудовлетворительное положеніе, въ которомъ находится образованіе рабочихъ, зависитъ однако не отъ одного равнодушія мѣстныхъ общественныхъ учрежденій къ данному дѣлу, а въ гораздо большей степени отъ общихъ условій, одинаково неблагопріятно сказывающихся какъ въ Москвѣ, такъ и во всѣхъ другихъ мѣстностяхъ

Россіи. Для устраненія этихъ препятствій, носящихъ общій характеръ, необходимы и мѣры общаго характера. Нѣкоторыя изъ нихъ, имѣющія ближайшее отношеніе къ тѣмъ или другимъ сторонамъ дѣла образованія рабочихъ, и были нами выше отмѣчены. Для удобства сгруппируемъ эти указанія здѣсь, въ заключеніе нашего очерка *):

1. Въ виду того, что весьма важное значеніе въ дѣлѣ образованія рабочихъ должна имѣть организованная частная иниціатива, для успѣшнаго проявленія ея необходимымъ условіемъ представляется явочная система открытія образовательныхъ учрежденій взамѣнъ дѣйствующей нынѣ разрѣшительной.

2. Въ области внѣшкольнаго образованія существеннымъ препятствіемъ успѣшной дѣятельности аудиторій является крайне скудный выборъ книгъ, разрѣшенныхъ для народныхъ чтеній. Необходимо допущеніе къ чтенію въ аудиторіяхъ всѣхъ произведеній печати, опредѣляемыхъ къ обращенію ст. 179 Уст. о ценз. и печати.

3. Безплатныя народныя библіотеки-читальни, отвѣчая интенсивному спросу на чтеніе со стороны рабочихъ, могли бы имѣть очень большое значеніе въ дѣлѣ внѣшкольнаго образованія. Существующій въ настоящее время министерскій каталогъ для безплатныхъ библіотекъ-читаленъ, не удовлетворяя запросамъ читателей, парализуетъ однако дѣятельность этихъ учрежденій. Необходимо приравнять эти библіотеки-читальни къ публичнымъ библіотекамъ и допустить къ обращенію въ нихъ всѣ книги, опредѣляемыя ст. 179 уст. о ценз. и печати.

4. Въ виду крайне невыгоднаго для рабочихъ распредѣленія мѣстъ частной книжной торговли, необходима цѣлесообразная организація ея со стороны общественныхъ учрежденій, причемъ для успѣшнаго развитія этого дѣла слѣдуетъ приравнять торговлю книгами къ торговлѣ прочими товарами.

5. Крайне невыгоднымъ и неудобнымъ для школьнаго образованія рабочихъ является продолжительность рабочаго дня. Необходимо дальнѣйшее сокращеніе его законодательнымъ порядкомъ до опредѣленной 8-часовой нормы.

С. Блекловъ.

---

*) Эти тезисы были приняты секціей по вопросамъ общаго, профессіональнаго и техническаго образованія при музеѣ содѣйствія труду московскаго отдѣленія Императорскаго русскаго техническаго общества и, затѣмъ, X-й секціей III съѣзда дѣятелей по техническому и профессіональному образованію въ С.-Петербургѣ.

О составѣ крестьянскаго сословія *).

VIII.

Въ предыдущемъ изложеніи я поставилъ себѣ цѣлью выяснить вопросъ, изъ кого собственно состоитъ въ настоящее время крестьянское сословіе. Вслѣдъ за этимъ естественно возникаетъ вопросъ: изъ кого же должно бы состоять крестьянское сословіе? Какой реформы законовъ, опредѣляющихъ составъ крестьянскаго сословія, можно пожелать?

Такъ какъ вопросъ о составѣ крестьянскаго сословія тѣсно связанъ со всей совокупностью сословныхъ особенностей крестьянъ, то мнѣ придется нѣсколько отвлечься отъ непосредственнаго предмета настоящаго очерка и коснуться нѣкоторыхъ общихъ вопросовъ, относящихся къ юридическому положенію крестьянъ.

Какъ извѣстно, крестьяне составляютъ низшее, бывшее податное, сословіе людей, ограниченное въ своихъ правахъ сравнительно съ остальными сословіями. То, что такое положеніе громаднаго большинства населенія есть положеніе по отношенію къ нимъ несправедливое и, какъ анахронизмъ въ настоящемъ строѣ общества, служитъ одной изъ причинъ застоя общественной и гражданской жизни не только самихъ крестьянъ, но и всей Россіи, было высказано въ той или другой формѣ много разъ и въ настоящее время можно признать установленнымъ.

До 19 февраля основной причиной неравноправности крестьянъ была крѣпостное право. Несмотря на то, что отъ временъ Алексѣя Михайловича до временъ Александра II мечта лучшихъ русскихъ людей состояла въ отмѣнѣ его, освобожденіе крестьянъ представлялось въ то время какъ не труднымъ преобразованіемъ, такъ какъ имъ затрогивались существенные интересы другихъ классовъ. Но послѣ того, какъ крѣпостное право было «отмѣнено навсегда», въ сущности ничьи интересы, кромѣ самихъ крестьянъ, не затронуты непосредственно въ томъ, равноправны ли крестьяне или нѣтъ съ прочими сословіями, и въ настоящее время вопросъ о полномъ сліяніи крестьянъ съ остальнымъ населеніемъ Россіи есть только вопросъ времени.

*) *Русская Мысль*, 1904 г., кн. I.

Въ этомъ не сомнѣвались руководители дѣла освобожденія. Они допускали спеціальные законы для крестьянъ, обособляющіе ихъ отъ привилегированныхъ классовъ, только въ качествѣ временной мѣры,—отчасти изъ опасенія, какъ бы помѣщики, еще не утратившіе своего вліянія, не нарушили только что провозглашенную свободу крестьянъ, отчасти для того, чтобы обезпечить помѣщиковъ и казну въ уплатѣ крестьянами наложенныхъ на нихъ податей и выкупныхъ платежей *).

При проведеніи реформъ, непосредственно слѣдовавшихъ за 19 февраля, вопросъ о равноправности крестьянъ признавался какъ бы предрѣшеннымъ. Въ извѣстномъ указѣ сенату, повелѣвавшемъ распубликовать Судебные Уставы, Александръ II высказалъ, что эти Уставы «вполнѣ соотвѣтствуютъ желанію нашему водворить въ Россіи судъ скорый, правый, милостивый и *равный для всѣхъ подданныхъ нашихъ*». Въ томъ же смыслѣ проведены—земская реформа, призвавшая крестьянъ къ участію въ мѣстномъ самоуправленіи, и военная реформа, установившая для всѣхъ сословій одинаковыя права службы. Затѣмъ, послѣ изданія законовъ о принудительномъ выкупѣ всѣхъ крестьянскихъ надѣльныхъ земель, юридическая зависимость крестьянъ отъ помѣщиковъ отошла въ область преданія. Наконецъ въ 1885 году была отмѣнена подушная подать, послѣ чего податное сословіе крестьянъ превратилось въ «бывшее податное сословіе». «Нельзя не поразиться тѣмъ, пишетъ г. Страховскій **), какъ широки и разнообразны послѣдствія логическаго завершенія закона 28 мая 1885 г. объ уничтоженіи подушной подати и связаннаго съ нею ревизскаго счета населенія. Обязанный своимъ возникновеніемъ ревизіи 1719 г., этотъ «счетъ» опуталъ крестьянское населеніе безконечными и сложными путами; онъ уже давно ликвидированъ, но все еще протягиваетъ изъ тьмы вѣковъ свои цѣпкія руки, охватывая ими всѣ стороны крестьянскаго быта... Пора ему сказать: «руки прочь!»

Вслѣдствіе отмѣны подушной подати, обязательнаго перехода на выкупъ и произведеннаго въ 80-хъ годахъ пониженія выкупныхъ платежей, крестьянское сословіе утратило присущій ему повинностный характеръ. Первоначальныя опасенія о вредномъ вліяніи помѣщиковъ и привилегированныхъ лицъ на крестьянъ, конечно, въ настоящее время должны быть оставлены. Такимъ образомъ неравноправное и обособленное положеніе крестьянъ лишилось своихъ послѣднихъ оправданій. Есть, впрочемъ, мнѣніе, что обособленность крестьянскаго сословія по необходимости вытекаетъ изъ особенностей «общиннаго строя» крестьянской жизни. Ниже я постараюсь показать, что такой необходимости нѣтъ.

Однако послѣдующіе законодательные акты не только задержали дальнѣйшее развитіе законодательства о крестьянахъ въ духѣ реформъ Але-

*) Объ этомъ между прочимъ см. *Г. Евреиновъ*: Крестьянскій вопросъ въ современной его постановкѣ, 1903 г. и *Пѣшехоновъ*: Крестьянскій вопросъ (*Право*, 1904 гг. № 5).

**) *И. Страховскій*: Крестьянскія права и Учрежденія 1903 г., стр. 236.

ксандра II, но внесли нѣкоторыя новыя ограниченія правъ крестьянъ. Таковы законы 1889 г., имѣвшіе цѣлью создать сильную и близкую къ народу власть, подчинившіе крестьянъ и крестьянскія учрежденія попечительству и надзору правительственныхъ чиновниковъ—земскихъ начальниковъ, предоставившіе земскимъ начальникамъ право утвержденія и обжалованія приговоровъ волостного и сельскаго схода по своему усмотрѣнію, установившіе особые способы воздѣйствія на крестьянъ въ видѣ наказаній, налагаемыхъ въ административномъ порядкѣ и т. д.; таковы жо законы о семейныхъ раздѣлахъ (1888 г.) и законы о передѣлахъ мірской земли (1893 г.), имѣвшіе цѣлью регламентировать нѣкоторыя гражданскія правоотношенія крестьянъ. Такимъ образомъ завершеніе крестьянской реформы въ духѣ руководителей дѣла освобожденія остается вопросомъ будущаго.

За послѣднее время необходимость расширенія правъ крестьянъ въ смыслѣ уравненія ихъ съ правами остального населенія Россіи чувствуется все болѣе и болѣе. Въ той или другой формѣ, въ полномъ объемѣ или по частнымъ вопросамъ, это пожеланіе опредѣленно и настойчиво высказывалось какъ въ печати, такъ и въ общественныхъ собраніяхъ—въ земствахъ, на разныхъ съѣздахъ, въ нѣкоторыхъ правительственныхъ комиссіяхъ, министромъ финансовъ въ его отчетахъ и въ особенности въ комитетахъ, собранныхъ въ 1902 г. для сужденія о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности. Во многихъ комитетахъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности неуспѣхъ сельскаго хозяйства ставился въ прямую зависимость отъ неудовлетворительнаго юридическаго положенія крестьянъ. Суммируя мнѣнія комитетовъ, Ив. С. въ *Пра* (1904 № 5. Крестьянскій вопросъ въ комитетахъ) спрашиваетъ:

«Если попробовать свести въ одно всѣ разсмотрѣнныя разнообразныя разсужденія и пожеланія сельско-хозяйственныхъ комитетовъ по отдѣльнымъ вопросамъ крестьянскаго дѣла, то какой получится изъ нихъ общій выводъ? Если требуется сложеніе съ крестьянъ исключительнаго податного бремени и распредѣленіе между всѣми сословіями лежащихъ на крестьянахъ спеціальныхъ денежныхъ и натуральныхъ повинностей; далѣе—освобожденіе крестьянъ отъ спеціальной административной опеки, не распространяющейся на другія сословія, и въ томъ числѣ отъ такихъ стѣсняющихъ крестьянскую самодѣятельность элементовъ этой опеки, какъ ограниченія свободы передвиженія, семейной самостоятельности и права избранія рода жизни и занятій; далѣе—отмѣна тѣлесныхъ наказаній и административныхъ взысканій; уничтоженіе сословнаго крестьянскаго управленія и особыхъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ, съ объединеніемъ крестьянъ въ общемъ административномъ и общественно-хозяйственномъ строѣ съ другими сословіями; далѣе—распространеніе на крестьянъ общихъ гражданскихъ и уголовныхъ законовъ, учрежденіе, взамѣнъ сословнаго волостного суда, низшаго всесословнаго суда, при одновременномъ облегченіи доступа крестьянъ къ высшимъ общимъ судамъ, то чего же, въ общемъ, хотятъ комитеты? Не равноправности ли крестьянъ съ другими сосло

«Именно равноправности.

«Это требованіе или пожеланіе формулировано комитетами въ самыхъ разнообразныхъ комбинаціяхъ».

Въ сельско-хозяйственныхъ комитетахъ чуть ли не впервые высказались въ этомъ смыслѣ сами крестьяне.

Въ докладной запискѣ ковровскому комитету о нуждахъ сельскаго хозяйства пр. кр. Носковъ пишетъ: «Бѣдности и упадку благосостоянія земледѣльца за послѣднія 10 лѣтъ или 12 лѣтъ есть главная причина: стѣсненіе и неравенство крестьянина съ другимъ гражданиномъ. Уничтожить бѣдность и поднять ихъ благосостояніе и земледѣліе—нужно просить и ходатайствовать передъ правительствомъ, не найдетъ ли оно возможнымъ дать свободу и равенство управленія крестьянину съ другими сословіями, т.-е. купцомъ, мѣщаниномъ и проч. и освободить ихъ отъ нерѣшенныхъ судомъ арестовъ и проч.». И далѣе: «Если только правительство найдетъ со своей стороны это возможнымъ—устроить быть крестьянскаго населенія наравнѣ съ другими сословіями, тогда черезъ 5 или 6 лѣтъ у крестьянъ явятся: умъ, способность, деньги, скотъ, машины и земледѣльческія орудія»...

Вотъ мнѣніе другого крестьянина (Тульской губ.) М. Н.: «мы просимъ... пересмотрѣть и измѣнить спеціальные для крестьянъ законы, по которымъ мы признаемся не вообще за людей, а за людей низшаго порядка, которыхъ можно наказывать розгой. Просимъ мы это потому, что страшно намъ жить съ угнетающимъ душу сознаніемъ, что ты не человѣкъ, а «крестьянинъ», и тебя, если захотятъ, то сейчасъ же могутъ и выпороть».

На необходимость равноправности крестьянъ указываетъ также Л. Н. Толстой въ одномъ письмѣ (1901 г.). «Уравненіе крестьянства, составляющаго большинство народа, во всѣхъ правахъ съ другими сословіями особенно нужно потому, что не можетъ быть прочно и твердо такое общественное устройство, при которомъ большинство это не пользуется одинаковыми съ другими правами, а находится въ положеніи раба, связаннаго особыми, исключительными законами... Не можетъ быть того, чтобы въ обществѣ людей, связанныхъ между собою, было бы хорошо однимъ, а другимъ худо. Въ особенности же не можетъ этого быть, если худо большинству, на которомъ зиждется все общество».

IX.

Итакъ, принципіальное разрѣшеніе крестьянскаго вопроса состоитъ въ осуществленіи начала равноправности по отношенію къ крестьянамъ. Это было намѣчено реформами Александра II; это же высказано общественнымъ мнѣніемъ; этого же желаютъ сами крестьяне.

Такое разрѣшеніе вопроса кажется на первый взглядъ простымъ и яснымъ. Казалось бы, нужно только отмѣнить всѣ тѣ законы, благодаря которымъ крестьяне принадлежатъ къ особому низшему сословію, и дать

имъ тѣ же самыя публичныя и частныя права, которыя принадлежатъ лицамъ другихъ, сравнительно полноправныхъ сословій, и равноправность съ ними крестьянъ была бы такимъ путемъ установлена.

Но если правовое положеніе крестьянъ будетъ во всѣхъ отношеніяхъ регулироваться общимъ закономъ, то такая реформа должна повлечь за собой распаденіе всего того своеобразнаго строя ихъ жизни, который только отчасти опредѣленъ нѣкоторыми спеціальными постановленіями закона, главнымъ же образомъ основанъ на издавна сложившемся обычаѣ. Тогда правоотношенія крестьянъ, регулируемыя въ настоящее время преимущественно обычаемъ, должны будутъ опредѣляться X томомъ св. з. или тѣмъ уложеніемъ, которое его замѣнитъ; общинное землевладѣніе должно будетъ распасться, и крестьяне должны будутъ владѣть надѣльной землей на правѣ частной собственности. Желательно ли такое коренное преобразованіе? Если положеніе крестьянъ, какъ низшаго сословія, ограниченныхъ во многихъ личныхъ правахъ, подлежащихъ особому управленію, не избавленныхъ еще отъ тѣлеснаго наказанія и т. д., есть зло, то слѣдуетъ ли изъ этого, что *все то, что отличаетъ крестьянъ отъ другихъ сословій*, есть зло и служитъ причиной ихъ безправнаго положенія? Устраняя вредное, какъ бы вмѣстѣ съ тѣмъ не погубить и нѣчто полезное? Нужно ли для осуществленія принципа равноправности разрушать всѣ особенности крестьянскаго быта?

Вопросы о мірскомъ землевладѣніи, о земельной общинѣ, о правѣ наслѣдованія крестьянъ, о крестьянской семьѣ, какъ трудовомъ союзѣ,— вообще вопросы о своеобразномъ гражданскомъ устройствѣ крестьянской жизни, основанномъ преимущественно на обычномъ правѣ, всегда признавались самыми важными вопросами крестьянскаго правопорядка; въ нихъ усматривался центръ тяжести крестьянскаго вопроса. Какъ извѣстно, литература по этимъ вопросамъ очень богата, но до послѣдняго времени мнѣнія по нимъ разнообразны и нерѣдко рѣзко расходятся. Уже вскорѣ послѣ реформы 19 февраля, при обработкѣ богатаго матеріала по обычному праву, собраннаго коммиссіей подъ предсѣдательствомъ сенатора Любощинскаго, въ литературѣ обнаружилось рѣзкое разногласіе. Въ то время рядомъ съ правительственной иниціативой шла и иниціатива частныхъ лицъ, направившихъ свои труды какъ на новыя изслѣдованія о народномъ судѣ и обычномъ правѣ, каковы работы Чубинскаго, Ефименко, Якушкина, такъ и на обработку собраннаго матеріала. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи выдаются работы Оршанскаго, Скоробогатова, Зарудная, проф. Пахмана (по обычному гражданскому праву) и проф. Кистяковскаго (по уголовному праву).

«При свѣтѣ всѣхъ этихъ изслѣдованій русское обычное право получило весьма обстоятельную обработку, и русская юридическая литература можетъ справедливо гордиться своими трудами по этой отрасли правовѣдѣнія. Не менѣе тщательной обработкѣ подвергся и вопросъ о современномъ состояніи волостныхъ судовъ, какъ судовъ обычнаго права.

«Періодъ собиранія фактическаго матеріала смѣнился въ 70-хъ годахъ періодомъ критической оцѣнки этого матеріала. Появилась цѣлая серія статей и изслѣдованій, посвященныхъ вопросамъ о значеніи обычнаго права для законодателя, о значеніи обычнаго права, какъ правовой нормы для народнаго суда, о достоинствахъ, недостаткахъ и желательныхъ измѣненіяхъ въ сферѣ организаціи народной юстиціи.

«Съ 70-хъ годовъ и по настоящее время вопросы эти не сходятъ со страницъ юридическихъ журналовъ, раздѣляя юристовъ на два рѣзко противоположные лагеря, до сихъ поръ не нашедшихъ себѣ почвы для какого-либо соглашенія» *).

Особенно много написано и особенно рѣзко расходятся мнѣнія по основному вопросу крестьянскаго правопорядка,—по вопросу объ общинномъ землевладѣніи. Начиная съ знаменитой полемики объ общинѣ Бѣлянева и Чичерина, споръ о томъ, быть или не быть общинѣ? не прекращался до послѣдняго времени. Казалось бы, послѣ трудовъ Постникова, Тригорова, Гернера, В. В. Кочаровскаго и мн. друг., вопросъ этотъ долженъ бы быть исчерпанъ. Между тѣмъ за послѣднее время появился рядъ статей гг. Чичерина, Никольскаго, Воскресенскаго, П. Д. Риттиха и друг., отрицающихъ общинное землевладѣніе, и имъ опять возражали сторонники общины—Ѳ. Д. Самаринъ, В. В. Кочаровскій, Пѣшехоновъ и друг. Такимъ образомъ въ литературѣ вопросъ—быть или не быть общинѣ, остается открытымъ.

Въ задачу настоящаго очерка не входитъ разсмотрѣніе вопросовъ о пользѣ или вредѣ въ отношеніи государственномъ и экономическомъ спеціальнаго крестьянскаго правопорядка, вопросовъ о преимуществахъ обычнаго права или общегражданскихъ законовъ, въ частности вопроса о цѣлесообразности общиннаго землевладѣнія. Признаемъ только, что едва ли возможно просто отрицать правовыя нормы, вѣками сложившіяся у народа, и отвѣчающія въ нѣкоторыхъ случаяхъ началу справедливости въ большей мѣрѣ, чѣмъ законы, изданные правительственною властью. Въ предисловіи къ своему классическому сочиненію «Обычное право», проф. Пахманъ высказываетъ по этому вопросу слѣдующее:

«Понятно, что есть такія обычныя правила, внесеніе которыхъ въ кодексъ равнялось бы первобытному, младенческому правосознанію; но внимательный глазъ открылъ бы въ нашемъ обычномъ правѣ, быть можетъ, такія начала, которыя свойственны самому развитому юридическому быту, которыя слѣдовательно не было надобности черпать изъ какого-либо другого источника».

Признаемъ, что сама жизнь должна бы разрѣшить вопросы о томъ, должен ли своеобразный частноправовой строй крестьянъ развиваться и выработать болѣе устойчивыя и опредѣленныя формы, или же онъ долженъ замѣниться общими гражданскими законами. Только для этого дѣйствіе спеціальныхъ частноправовыхъ нормъ крестьянской жизни не должно

*) *А. Леонтьевъ*: „Волостной судъ и юридическіе обычаи крестьянъ", стр. 4—5.

бы быть ни затемняемо правилами фискально-административнаго характера, ни стѣсняемо законоположеніями, искусственно выработанными въ канцеляріяхъ и навязываемыми крестьянамъ. Законъ могъ бы только въ общихъ чертахъ фиксировать нормы, уже выработанныя жизнью. Такимъ путемъ было бы положено начало синтезу двухъ направленій сторонниковъ и противниковъ спеціальнаго крестьянскаго правопорядка. Такой синтезъ, по мнѣнію г. Леонтьева, «не только возможенъ, но и прямо обязателенъ, ибо онъ одинъ можетъ указать на правильное разрѣшеніе задачи нормальной организаціи народной юстиціи. Только такой синтезъ, который будетъ произведенъ послѣ выдѣленія изъ двухъ противоположныхъ теорій тѣхъ элементовъ истины, какіе каждая въ себѣ содержитъ и который поставитъ своей цѣлью сочетать эти элементы истины вмѣстѣ и соподчинить ихъ тѣмъ задачамъ, какія должны осуществляться народной юстиціей, только такой синтезъ можетъ разсчитывать на всеобщее признаніе. Потому что самаго бѣглаго взгляда на теоріи защитниковъ и противниковъ обычнаго права достаточно для того, чтобы убѣдиться, что каждая изъ нихъ содержитъ значительную долю истины» *).

Мнѣніе о томъ, что не только замѣна нормъ народнаго права существующими законами, но и искусственная регламентація ихъ есть путь ложный, высказывалось не разъ, особенно по вопросу объ общинномъ землевладѣніи, и притомъ не только защитниками, но и противниками его. Такое мнѣніе было высказано уже редакціонными коммиссіями:

«Вопросъ объ общинномъ и личномъ владѣніи долженъ быть въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи предоставленъ естественному ходу вещей; во всякомъ случаѣ слѣдуетъ удерживаться отъ стремленія разрѣшать этотъ вопросъ принудительными правительственными мѣрами» и далѣе: «Законъ въ этомъ случаѣ долженъ служить только точкой опоры для постепенно развивающагося сознанія народнаго» **).

То же думалъ Ю. Ѳ. Самаринъ:

«Мірское владѣніе, если того потребуетъ естественный ходъ экономическаго развитія, легко перейдетъ въ личное; удерживая общину, какъ фактъ существующій, мы не связываемъ нисколько будущаго. Но если мы легкомысленно потрясемъ ее и самовольно введемъ въ нее разъѣдающую стихію личнаго владѣнія, то мы навсегда убьемъ сельскую общину; ибо, разъ распавшись на единицы, она уже никогда не сомкнется опять въ одно цѣлое» ***).

По мнѣнію Ѳ. Тернера: «вмѣсто того, чтобы мечтать о хуторномъ хозяйствѣ или искусственно вести дѣло къ превращенію общиннаго въ подворное владѣніе, надо признать неизбѣжность существующаго факта и идти отъ него» ****).

---

*) *Леонтьевъ*: „Волостной судъ и юридич. обычаи крестьянъ", стр. 8.

**) Матер. ред. ком., т. III, кн. I (2-е изд.), стр. 235; т. XIII, стр. 250.

***) Соч. Ю. Ѳ. Самарина, т. II, стр. 171.

****) *Ѳ. Тернеръ*: „Государство и землевладѣніе", стр. 220.

Даже противники общиннаго землевладѣнія въ большинствѣ случаевъ не рѣшаются высказаться за такія мѣры, какъ превращеніе надѣльной земли въ частную собственность и подчиненіе всѣхъ частноправовыхъ отношеній крестьянъ общимъ гражданскимъ законамъ. Рекомендуются только такія мѣры, которыя должны постепенно упразднять общинное землевладѣніе. Такимъ образомъ противники общиннаго землевладѣнія какъ бы признаютъ, что въ крестьянскомъ правопорядкѣ есть нѣчто, что, по крайней мѣрѣ въ ближайшемъ будущемъ, ломать не слѣдуетъ.

Такъ, наприм., О. Головинъ утверждаетъ, что «мы и не думаемъ посягать на господствующую великорусскую форму общиннаго землевладѣнія; мы желаемъ лишь облегчить переходъ отъ этой формы къ другимъ, болѣе совершеннымъ, такъ какъ мы глубоко убѣждены въ окончательномъ и неизбѣжномъ исчезновеніи общины» *).

Даже новѣйшій страстный противникъ общиннаго строя, г. Никольскій, находитъ (нѣсколько противорѣча себѣ же), что общіе гражданскіе законы могутъ быть распространены на крестьянъ лишь съ «изъятіями»: «Если у насъ на крестьянъ будутъ распространены общіе гражданскіе законы съ тѣми лишь изъятіями, которыя необходимы для охраны земледѣльческихъ гнѣздъ, и общія же учрежденія—судебныя и административныя, и будетъ дано право выдѣляться изъ общины, то безъ всякой принудительности община постепенно уничтожится всюду, гдѣ она уже не соотвѣтствуетъ современнымъ потребностямъ крестьянскаго хозяйства, а крестьяне въ условіяхъ общегражданскаго порядка будутъ постепенно пріобщаться къ общей культурной жизни страны и сближаться съ болѣе культурными слоями населенія, опасное обособленіе крестьянъ отъ некрестьянъ исчезнетъ само собой, и Россія станетъ единою въ истинномъ смыслѣ этого слова.

«Такимъ образомъ никакой ломки не требуется, чтобы направить гражданскій бытъ крестьянъ въ то же русло, по которому идетъ наша гражданская жизнь и дѣятельность, нормируемая X томомъ, и это было бы не какой-либо измѣной завѣтамъ 19 февраля 1861 г., а, напротивъ, возвращеніемъ къ этимъ завѣтамъ, нарушеннымъ и искаженнымъ въ послѣдующее время, ибо, какъ уже выяснено мною, реформа 19 февраля 1861 г. была прежде всего освобожденіемъ крестьянскаго труда» **).

Убѣжденный противникъ общиннаго землевладѣнія, Б. Н. Чичеринъ, въ послѣдней статьѣ его, посвященной этому вопросу, также не находитъ возможнымъ теперь же приступить къ его ликвидаціи. Высказавши, что въ настоящее время нѣтъ благопріятныхъ условій для выработки удовлетворительнаго гражданскаго правопорядка среди крестьянъ, Б. Н. Чичеринъ пишетъ слѣдующее:

«При такихъ условіяхъ что же остается дѣлать законодательству для внесенія нѣкотораго свѣта въ гражд. отношенія крестьянъ? Думается, что

---

*) *О. Головинъ*: „Сельская община въ литературѣ и дѣйствительности", стр. 259.
**) *А. Никольскій*: „Земля, община и трудъ", стр. 186.

чѣмъ меньше, тѣмъ лучше. Когда все находится въ полномъ туманѣ и нѣтъ даже путныхъ органовъ для дѣйствія, опасно приниматься за такое сложное дѣло. Необходимо только установить нѣкоторыя непреложныя правила, безъ которыхъ никакой гражданскій порядокъ немыслимъ. Къ числу такихъ правилъ принадлежитъ прежде всего признаніе, что то, что человѣкъ покупалъ на свои деньги, не можетъ быть у него отнято. Ст. 36 Общ. Полож. должна стать институтомъ... Желательно также, чтобы отчужденіе участковъ въ стороннія руки представлялось на утвержденіе уѣзныхъ присутствій не въ видахъ огражденія правъ общины или даже всего крестьянскаго сословія, а въ видахъ огражденія правъ семьи, которой существенные интересы могутъ быть принесены въ жертву легкомысленнымъ обсужденіямъ. Какъ бы ни разрѣшился вопросъ о принадлежности подворныхъ участковъ, такая задержка можетъ быть только полезна. Остальныя же ограниченія должны быть отмѣнены. Наконецъ, 165 ст. Положен. о выкупѣ должна быть возстановлена въ полной силѣ, ибо она одна открываетъ правильный исходъ изъ существующаго хаоса... Остальное можно предоставить дальнѣйшему ходу жизни» *).

Б. Н. Чичерину возражалъ сторонникъ общиннаго землевладѣнія Ѳ. Д. Самаринъ. Находя, что предлагаемыя имъ мѣры произвели бы коренное измѣненіе всего общиннаго строя, Ѳ. Д. Самаринъ замѣчаетъ:

«Казалось бы, что споры объ общинѣ, которые такъ давно ведутся въ нашей литературѣ, должны бы, по крайней мѣрѣ, привести къ одному результату: въ нашемъ обществѣ должно бы твердо установиться то убѣжденіе, что нежелательно измѣнять или разрушать насильственно эту вѣковую форму народнаго быта. Выгодно или невыгодно общинное владѣніе,—этотъ вопросъ пусть рѣшитъ самъ народъ; всякая ломка тутъ нежелательна и опасна» **).

Итакъ, въ правовомъ строѣ крестьянской жизни есть нѣчто,—а именно нѣкоторыя особенности гражданскаго устройства крестьянъ, разрушеніе чего, по крайней мѣрѣ, въ ближайшемъ будущемъ, не признается желательнымъ. Подчиненіе всѣхъ частно-правовыхъ отношеній крестьянъ общимъ гражданскимъ законамъ, Х тому или тому гражданскому уложенію, которое его замѣнитъ, навязало бы крестьянамъ чуждыя имъ правовыя понятія; превращеніе мірской земли въ частную собственность было бы нарушеніемъ права общины, какъ собственника мірской земли, и крестьянъ, какъ членовъ общины. Такая реформа въ общемъ произвела бы насильственную ломку всей жизни деревни и въ корнѣ пресѣкла бы возможность всякаго дальнѣйшаго развитія спеціальныхъ институтовъ крестьянскаго права, вредъ которыхъ по меньшей мѣрѣ не доказанъ.

---

*) *С.-Петербургскія Вѣдомости* 1897 г., №№ 327 и 328.

**) *Ѳ. Д. Самаринъ*: „О мірской надѣльной землѣ“, 1902 г.

X.

Такимъ образомъ вопросъ о равноправности крестьянъ съ прочими сословіями осложняется тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ своихъ крестьяне подлежатъ и должны бы подлежать извѣстнымъ особымъ нормамъ права. Отсюда однако вовсе не слѣдуетъ, что эти особенности гражданскаго устройства крестьянъ должны служить причиной ихъ неравноправнаго положенія. Для равноправности между людьми нѣтъ необходимости въ томъ, чтобы права ихъ были тождественны; въ зависимости отъ мѣстныхъ, историческихъ и друг. условій права людей могутъ быть неодинаковы; начало равноправности требуетъ только, чтобы неодинаковыя права людей были *равноцѣнны*.

Поэтому крестьяне могли бы быть равноправны съ прочими сословіями, подлежа въ то же время нѣкоторымъ особымъ нормамъ частнаго права, но при томъ условіи, чтобы неодинаковыя съ прочими сословіями гражданскія права ихъ были съ ними равноцѣнны. Внѣ же этихъ спеціальныхъ нормъ, какъ это слѣдуетъ изъ признанія необходимости равноправности крестьянъ, крестьяне должны бы подлежать законамъ, общимъ для всѣхъ.

Существующіе законы о крестьянахъ, какъ извѣстно, далеко не удовлетворяютъ такому требованію. Не разъ уже указывалось на несовершенства законовъ о крестьянахъ, представляющихъ сводъ неопредѣленныхъ и разнородныхъ въ юридическомъ смыслѣ постановленій. Сбивчивость терминологіи, смѣшеніе общепринятой юридической классификаціи, разбросанность по разнымъ отдѣламъ и противорѣчивость постановленій, относящихся къ частному праву,—все это затрудняетъ руководство этими законами, толкованіе ихъ и даже знакомство съ ними. Такъ, напримѣръ, въ законахъ о крестьянахъ недостаточно опредѣлены и смѣшаны между собой какъ публичныя, такъ въ особенности частныя права крестьянъ: гражданскій союзъ,—земельная община смѣшана съ фискально-административнымъ учрежденіемъ—сельскимъ обществомъ; точно не опредѣлено, въ какихъ случаяхъ частныя правоотношенія крестьянъ подлежатъ обычаю, въ какихъ случаяхъ закону, и какъ обычай долженъ быть устанавливаемъ; судебныя функціи тѣхъ или другихъ учрежденій называются нерѣдко административными и ведутся въ административномъ порядѣ; нотаріальная часть находится въ безпорядочномъ положеніи, и т. д. Кодификація законовъ о крестьянахъ въ Особое Приложеніе къ IX т. Св. Зак. изд. 1902 г. отвѣтила на существенную потребность, но этимъ, конечно, общіе недостатки кодекса не могли быть исправлены. Нѣкоторымъ коррективомъ являются разъясненія сената, но, какъ постановленія, дѣлаемыя по частнымъ случаямъ, разъясненія эти нерѣдко противорѣчатъ другъ другу и не имѣютъ обязательной силы закона.

Казалось бы, главной цѣлью особаго законодательства о крестьянахъ должно бы быть опредѣленіе ихъ гражданскаго правопорядка, такъ какъ только въ этомъ можно было бы видѣть оправданіе такого положенія дѣлъ, благодаря которому громадное большинство населенія Россіи подлежитъ исклю-

чительному законодательству. Между тѣмъ это далеко не такъ: законы о крестьянахъ опредѣляютъ меньше всего ихъ гражданскія права. Главное же значеніе спеціальнаго законодательства для крестьянъ состоитъ въ обособленіи ихъ въ низшее, ограниченное въ своихъ правахъ, бывшее податное сословіе. Такъ это толкуетъ и сенатъ въ одномъ изъ своихъ разъясненій: «главнымъ правиломъ организаціи сельскихъ обществъ по нашему законодательству служитъ начало сословности» *).

Подавляющее большинство постановленій «Особаго приложенія» относится къ *сословно-податной приписк*ѣ крестьянъ, послѣ отмѣны подушной подати, пониженія и выплаты выкупныхъ платежей утратившей свое значеніе, такъ какъ въ настоящее время крестьянское сословіе есть уже не податное, а только «бывшее податное» сословіе. Между тѣмъ отсюда вытекаетъ большинство ограниченій правъ крестьянъ.

Г. Страховскій въ своей статьѣ «Обособленность и равноправность крестьянъ», выясняя «существо крестьянской обособленности», перечисляетъ эти ограниченія.

«Условія правовой и экономической жизни изолированной крестьянской массы заключаются въ цѣломъ рядѣ публично и частно-правовыхъ ограниченій. Тѣлесное наказаніе, административные аресты и штрафы, дискреціонное управленіе, повинностный характеръ самоуправленія, отсутствіе свободы передвиженія, недостаточная охрана права, отрицаніе семейной самостоятельности, непризнаніе правъ частной собственности, хаосъ земельно-имущественныхъ отношеній, исключительныя повинности и т. д.,—всѣ эти «особенности» составляютъ тѣ давленія и вліянія, подъ дѣйствіемъ которыхъ протекаетъ жизнь крестьянина» **).

Признаніе необходимости равноправности крестьянъ требуетъ отмѣны всѣхъ этихъ ограниченій. Крестьяне не должны бы быть ограничены ни въ правѣ выбора рода занятій и осѣдлости, ни въ свободѣ передвиженія, ни въ правѣ участія въ общественномъ самоуправленіи (въ земствахъ и городахъ), ни въ правѣ государственной службы; не должно бы быть особаго наказанія для крестьянъ—тѣлеснаго наказанія; не должно бы быть особой квалификаціи проступковъ, совершаемыхъ крестьянами (напримѣръ, такихъ проступковъ, какъ неисполненіе словеснаго договора о наймѣ на сельскія работы, а также мотовство и пьянство, караемыхъ только въ томъ случаѣ, если они совершены крестьянами); крестьяне не должны бы подлежать особымъ взысканіямъ, налагаемымъ въ административномъ порядкѣ; не должны бы быть ссылаемы по приговорамъ сельскихъ обществъ; не должны бы отбывать особыхъ повинностей, удовлетворяющихъ преимущественно потребностямъ общегосударственнымъ; нѣтъ надобности въ особомъ управленіи и судѣ для крестьянъ и т. д. Единственное отличіе крестьянъ отъ прочихъ сословій должно бы заключаться въ особыхъ пра-

*) Рѣш. прав. сен. 27 мая 1887 г.

**) *И. Страховскій*: „Крестьянскія права и учрежденія“, стр. 229.

вилахъ, опредѣляющихъ ихъ частноправовое устройство. Ни въ чемъ другомъ ихъ права не должны бы быть не только ограничены, но и не должны бы отличаться отъ правъ остальнаго населенія имперіи.

Таковы выводы, вытекающіе изъ признанія, что неравноправное сравнительно съ прочими сословіями положеніе крестьянъ есть положеніе ненормальное и несправедливое. Поставимъ же вопросъ о равноправности крестьянъ опредѣленнѣе: такъ какъ остальное населеніе Россіи неоднородно и подраздѣляется на сословія, то естественно возникаетъ вопросъ: съ кѣмъ же собственно крестьяне могли бы быть уравнены въ своихъ правахъ? Различіе между правами лицъ остальныхъ состояній, можетъ быть, менѣе рѣзко выражено, чѣмъ различіе между правами крестьянъ, съ одной стороны, и правами лицъ всѣхъ остальныхъ сословій, съ другой стороны, но все же оно есть.

Повидимому, уже въ настоящее время намѣчается тотъ типъ безсословныхъ, но сравнительно полноправныхъ подданныхъ россійской имперіи, къ пріобрѣтенію правъ которыхъ стремятся низшія сословія. Это — почетные граждане. Сословія мѣщанъ и цеховыхъ, ограниченныхъ въ нѣкоторыхъ своихъ правахъ и имѣющихъ органы самоуправленія, дѣятельность которыхъ все менѣе отвѣчаетъ нарастающимъ потребностямъ, еще сохранили свою обособленность и носятъ на себѣ слѣды своего бывшаго податного состоянія; отчасти раздѣляя въ этомъ отношеніи участь крестьянъ, эти сословія въ свою очередь ожидаютъ преобразованій. Права купцовъ имѣютъ временный характеръ. Дворянскому сословію присущи нѣкоторыя привилегіи, т.-е. дворяне пользуются нѣкоторыми исключительными правами. Одни только почетные граждане ни ограничены въ своихъ правахъ, какъ низшія сословія, ни находятся въ особомъ привилегированномъ положеніи, подобно дворянамъ: почетные граждане не имѣютъ сословной организаціи, пользуются свободой выбора рода занятій и мѣста осѣдлости и свободой передвиженія (благодаря возможности получать безсрочныя паспортныя книжки), имѣютъ право участія въ земскомъ и городскомъ самоуправленіи, имѣютъ возможность поступленія въ правительственныя училища и т. д., главное же, ихъ права не подлежатъ тѣмъ ограниченіямъ, которымъ подлежатъ крестьяне, и въ нѣкоторой мѣрѣ—мѣщане.

Если признать, что задача нашего законодательства заключается въ разрушеніи сословныхъ преградъ, то почетные граждане представляютъ изъ себя единственный разрядъ безсословныхъ, но сравнительно полноправныхъ людей, съ правами которыхъ естественно могли бы быть уравнены права упраздняемыхъ сословій.

Поэтому, если бы крестьяне были уравнены въ своихъ правахъ съ почетными гражданами, съ тѣмъ только изъятіемъ, что нѣкоторыя частныя права ихъ, относящіяся къ институтамъ общиннаго землевладѣнія, семейнаго и наслѣдственнаго права, отличались бы отъ частныхъ правъ, опредѣляемыхъ общими гражданскими законами, то можно было бы признать, что равноправность крестьянъ съ остальнымъ населеніемъ Россіи установлена.

Обратимся теперь къ вопросу, составляющему предметъ настоящей статьи—къ вопросу о составѣ крестьянскаго сословія.

Мы видѣли, что по существующимъ законамъ крестьяне образуютъ нынѣшее, бывшее податное сословіе, что принадлежность къ нему обусловливается почти исключительно рожденіемъ, и что благодаря выходу изъ крестьянства наиболѣе культурныхъ и дѣятельныхъ элементовъ его, крестьянское сословіе представляетъ малокультурную, малоимущую, но обособленную массу.

Очевидно, что если бы лица, принадлежащія къ крестьянскому сословію при настоящемъ его составѣ, отличались отъ остального населенія хотя бы только тѣмъ, что они подлежали бы особому гражданскому правопорядку, то крестьяне остались бы обособленнымъ сословіемъ. Между тѣмъ всякая сословная обособленность уже несетъ въ себѣ элементы неравенства. Когда низшіе классы населенія обособлены въ сословія, даже въ томъ случаѣ, если ихъ права равны (или равноцѣнны) съ правами высшихъ классовъ, то неизбѣжно въ послѣдующемъ законодательствѣ, а еще болѣе въ исполнительныхъ органахъ, является тенденція къ умаленію или ограниченію правъ этихъ сословій. По отношенію же къ крестьянскому сословію это тѣмъ болѣе возможно, что вслѣдствіе существующихъ законовъ, опредѣляющихъ его составъ, оно, какъ мы видѣли, постоянно выбрасываетъ изъ своей среды самыхъ сильныхъ своихъ представителей, переходящихъ въ другія сословія.

Поэтому крестьяне могли бы быть вполнѣ равноправными съ прочими сословіями—въ частности съ почетными гражданами—только въ томъ случаѣ, если бы они слились съ ними, если бы переходъ крестьянъ въ разрядъ безсословныхъ людей и обратный переходъ не сопровождался никакимъ пріобрѣтеніемъ или утратой правъ.

Но могутъ ли крестьяне не составлять особаго обособленнаго сословія, если замѣна нѣкоторыхъ особенностей ихъ гражданскаго устройства общими гражданскими законами не признается желательной? Если лица, принадлежащія къ крестьянскому сословію, должны хотя бы только въ нѣкоторыхъ гражданскихъ правоотношеніяхъ своихъ руководствоваться особыми нормами права, то не будутъ ли эти спеціальныя права служить причиной ихъ обособленности?

Нельзя не отвѣтить на это утвердительно: пока хотя бы только нѣкоторыя частно-правовыя особенности будутъ присущи исключительно крестьянамъ, какъ лицамъ извѣстнаго сословія, это не можетъ быть иначе.

*Но особенности гражданскаго правопорядка крестьянской жизни могли бы не служить причиной ихъ обособленности, если признать, что этотъ спеціальный правопорядокъ лишь постольку цѣлесообразенъ, поскольку онъ имѣетъ отношеніе къ мірскому землевладѣнію *).* Тогда извѣстныя

---

*) Словами „мірское землевладѣніе" или „владѣніе надѣльной землей" (что то же самое) я буду называть всякое владѣніе землей, отведенной уставными грамотами

частно-правовыя особенности крестьянской жизни могли бы составить особое право, дѣйствующее исключительно въ сферѣ отношеній, касающихся мірского землевладѣнія и отличающееся не личнымъ признакомъ—сословностью крестьянъ, а предметнымъ признакомъ—мірскимъ землевладѣніемъ. Если бы вмѣстѣ съ тѣмъ фактъ владѣнія мірской землей только обязывалъ ея владѣльцевъ подчиняться извѣстнымъ правиламъ о мірскомъ землевладѣніи, но ни въ чемъ другомъ не служилъ бы причиной не только ограниченія правъ, но и сословнаго обособленія владѣльцевъ мірской земли, если бы въ то же время право участія въ мірскомъ землевладѣніи не было исключительнымъ правомъ однихъ только лицъ, принадлежащихъ къ крестьянскому сословію,—то законодательство о крестьянскомъ сословіи могло бы быть замѣнено законодательствомъ о мірскомъ землевладѣніи; законы же, опредѣляющіе вступленіе и выхожденіе изъ крестьянскаго сословія—вообще законы, опредѣляющіе составъ крестьянскаго сословія—могли бы быть замѣнены правилами, опредѣляющими условія пріобрѣтенія и утраты мірской земли, условія вступленія и выхода изъ общины или міра.

Другими словами: крестьяне могли бы быть уравнены въ своихъ правахъ съ безсословными лицами; особенности же ихъ гражданскаго правопорядка могли бы образовать особое право—право о мірскомъ землевладѣніи, объектомъ котораго была бы мірская земля, субъектомъ же котораго были бы владѣльцы мірской земли, кто бы они по своему званію и происхожденію ни были.

Такимъ путемъ крестьяне вышли бы изъ того неравноправнаго и обособленнаго положенія, въ которомъ они находятся въ настоящее время, и вмѣстѣ съ тѣмъ своеобразный правопорядокъ, дѣйствующій по отношенію къ землевладѣнію крестьянъ, не только не былъ бы нарушенъ, но явилась бы возможность дальнѣйшаго его развитія.

Для того, чтобы выяснить возможность осуществленія такого преобразованія, обратимся къ дѣйствующему законодательству, опредѣляющему гражданское устройство крестьянской жизни.

XI.

Какъ извѣстно, существующіе законы весьма недостаточно опредѣляютъ гражданскія права крестьянъ. Этому мало помогаютъ толкованія законовъ, даваемыя литературой и учрежденіями, вѣдающими крестьянскія дѣла, вслѣдствіе большого разнообразія и противорѣчивости этихъ толкованій.

Особенно чувствуется недостатокъ въ точномъ разграниченіи тѣхъ случаевъ, когда крестьяне должны руководствоваться спеціальными нормами, даваемыми закономъ или обычаемъ, и тѣхъ случаевъ, когда они подлежатъ

независимо отъ того, находится ли эта земля въ общинномъ пользованіи или участковомъ, принадлежатъ ли крестьяне къ бывшимъ помѣщичьимъ, или бывшимъ государственнымъ крестьянамъ.

общимъ законамъ. Трудность такого разграниченія увеличивается еще тѣмъ, что немногія постановленія, опредѣляющія гражданскій правопорядокъ крестьянъ, не согласованы съ постановленіями, опредѣляющими предметы вѣдомства суда, такъ что нерѣдко приходится пользоваться послѣдними для уясненія первыхъ. Внѣ же суда по нѣкоторымъ вопросамъ крестьянамъ какъ будто совсѣмъ не дается указаній, могущихъ руководить ихъ частную жизнь.

Законы, опредѣляющіе гражданское устройство крестьянской жизни, находятся въ IX томѣ св. зак.—отчасти въ законахъ о состояніяхъ, а главнымъ образомъ въ Особомъ Приложеніи къ IX тому; кромѣ того, сюда относятся нѣкоторыя статьи особыхъ узаконеній, какъ, наприм., статья 6 вексельнаго устава, ст. 19 пол. о видахъ на жительство, Уставъ о крестьянскомъ банкѣ и нѣкот. др.

Слѣдующія основныя статьи устанавливаютъ тѣ случаи, когда крестьяне подлежатъ спеціальному праву, и тѣ случаи, когда они подлежатъ общему праву:

Ст. 1. На крестьянъ распространяются общія постановленія законовъ гражданскихъ о правахъ и обязанностяхъ семейственныхъ.

Примѣчаніе 1. Попеченіе о личности и объ имуществѣ малолѣтнихъ сиротъ крестьянъ возлагается, по мѣсту жительства или нахожденія недвижимаго имущества, на обязанность сельскихъ или волостныхъ обществъ, а также сиротскаго суда или того мѣста, которое отправляетъ его должность. Въ назначеніи опекуновъ и попечителей, въ повѣркѣ ихъ дѣйствій и во всѣхъ сего рода дѣлахъ крестьяне руководствуются мѣстными своими обычаями. Если бы въ распоряженіяхъ міра родственники малолѣтняго усмотрѣли что-либо клонящееся къ его ущербу, то они могутъ обращаться къ защитѣ земскаго участковаго начальника или мирового посредника.

Ст. 2. Крестьяне, какъ отдѣльно, такъ и цѣлыми обществами, могутъ входить, на основаніи общихъ постановленій, во всякіе, закономъ дозволенные договоры, обязательства и подряды какъ съ частными лицами, по взаимному съ ними согласію, безъ ограниченія суммы съ той и другой стороны, такъ и съ казною.

Ст. 9. Каждый крестьянинъ можетъ пріобрѣтать въ собственность недвижимыя и движимыя имущества, а также отчуждать оныя, отдавать ихъ въ залогъ и вообще распоряжаться ими, съ соблюденіемъ общихъ узаконеній, установленныхъ на сей предметъ для сельскихъ обывателей.

Ст. 10. Сельское общество можетъ также, на основаніи общихъ законовъ, пріобрѣтать въ собственность движимыя и недвижимыя имущества. Землями, пріобрѣтенными въ собственность независимо отъ своего надѣла, общество можетъ распоряжаться по своему усмотрѣнію, раздѣлять ихъ между домохозяевами и предоставлять каждому участокъ въ частную собственность или оставлять сіи земли въ общемъ владѣніи всѣхъ домохозяевъ.

Примѣчаніе. Правила о крестьянскихъ товариществахъ, пріобрѣтающихъ земли при содѣйствіи крестьянскаго поземельнаго банка, содержатся въ уставѣ сего банка.

Ст. 13. Въ порядкѣ наслѣдованія имуществомъ крестьянамъ дозволяется руководствоваться мѣстными своими обычаями.

Ст. 17. Правила о пользованіи и распоряженіи надѣльными землями крестьянъ (ст. 15) излагаются какъ въ семъ Общемъ Положеніи о крестьянахъ, такъ и въ Положеніи о выкупѣ (кн. II) и въ Положеніяхъ о поземельномъ устройствѣ крестьянъ (кн. IV и V).

Слѣдующія статьи Общаго Положенія, опредѣляющія «предметы вѣдомства и предѣлы власти волостного суда», даютъ нѣкоторыя дополнительныя данныя:

Ст. 125. Изъ числа гражданскихъ дѣлъ вѣдомству волостного суда подлежатъ: 1) споры и тяжбы между крестьянами о недвижимомъ имуществѣ, входящемъ въ составъ крестьянскаго надѣла; 2) всякаго рода споры и тяжбы между лицами, подвѣдомственными волостному суду, цѣною до трехсотъ рублей, за исключеніемъ исковъ о правѣ собственности или о правѣ на владѣніе недвижимостью, основанномъ на крѣпостныхъ или явочныхъ актахъ; 3) означенные въ пунктѣ 2 споры и тяжбы, предъявляемые къ лицамъ, подвѣдомственнымъ волостному суду, истцами, сему суду не подвѣдомственными, въ томъ случаѣ, когда послѣдніе пожелаютъ разбираться въ волостномъ судѣ; 4) дѣла по наслѣдованію и раздѣламъ между наслѣдниками крестьянскаго имущества: а) безъ ограниченія суммы, когда наслѣдственное имущество входитъ въ составъ крестьянскаго надѣла, а движимость составляетъ принадлежность этого надѣла, и б) когда наслѣдственное имущество, находящееся въ предѣлахъ волости, хотя и не входитъ въ составъ крестьянскаго надѣла, но цѣнность его не превышаетъ пятисотъ рублей.

Ст. 135. Волостной судъ рѣшаетъ дѣла по совѣсти, на основаніи имѣющихся въ дѣлѣ доказательствъ. При разрѣшеніи тяжбъ и споровъ между крестьянами, въ особенности же дѣлъ о раздѣлѣ крестьянскаго наслѣдства, судъ руководствуется мѣстными обычаями.

Попытаемся въ общихъ чертахъ показать: во-первыхъ, въ какихъ случаяхъ гражданскія права крестьянъ, *связанныя съ мірскимъ землевладѣніемъ, опредѣляются спеціальными нормами* (основанными либо на законѣ, либо на обычаѣ), и въ какихъ случаяхъ *общими гражданскими законами*, и во-вторыхъ, въ какихъ случаяхъ гражданскія права крестьянъ, *не относящіяся къ области мірского землевладѣнія*, опредѣляются *спеціальными нормами*, въ какихъ случаяхъ *общими гражданскими законами*.

I. *Вещныя права крестьянъ на недвижимости*, входящія въ составъ мірской земли или пріобрѣтенныя цѣлыми обществами, а также *права на движимость*, представляющія «необходимую принадлежность крестьянскаго надѣла», на основаніи ст. 10, 15, 17, опредѣляются спеціальными статьями «Особаго Приложенія», помѣщенными въ разныхъ его отдѣлахъ, и обычнымъ правомъ.

Хотя въ законѣ нигдѣ прямо не говорится, что *обязательственныя права* крестьянъ относительно надѣльныхъ земель опредѣляются спеціальными нормами, но такъ какъ согласно ст. 135 волостной судъ при разрѣшеніи тяжбъ и споровъ между крестьянами руководствуется мѣстными обычаями, и такъ какъ заключеніе нѣкоторыхъ договоровъ зависитъ отъ схода, то отсюда можно заключить, что къ договорнымъ правамъ крестьянъ, относящимся къ мірской землѣ, примѣнимъ обычай.

Согласно ст. I Общаго Полож. *семейныя права* крестьянъ въ правоотношеніяхъ, связанныхъ съ мірскимъ землевладѣніемъ такъ же, какъ и внѣ этой области, должны бы, повидимому, опредѣляться только общими гражданскими законами; но въ дѣйствительности происходитъ обратное: семейно-имущественныя права крестьянъ, относящіяся къ мірской землѣ,

въ большинствѣ случаевъ опредѣляются обычаемъ, а не закономъ. Обычай устанавливаетъ, что имущество крестьянскаго двора есть общая семейная собственность, а не собственность главы семьи, домохозяинъ не только распоряжается ею, и выраженія нѣкоторыхъ статей мѣстныхъ положеній заставляютъ думать, что законъ, впадая этимъ въ противорѣчіе съ ст. Общ. Полож., также признаетъ общую собственность крестьянской семьи. Уже въ примѣчаніи 1 къ ст. оговорено, что въ дѣлахъ по опекѣ крестьяне руководствуются обычаемъ. Затѣмъ въ ст. 110 великороссійскаго Положенія (особ. приб. IV, 15) говорится, что усадебная земля каждаго крестьянскаго двора остается въ потомственномъ пользованіи проживающаго въ томъ дворѣ *семейства* (а не отдѣльнаго крестьянина); малороссійское Положеніе также устанавливаетъ, что подворные участки отводятся въ пользованіе *крестьянскихъ семействъ*. Къ тому же заключенію можно прійти изъ толкованія ст. 125 и 135 Общ. Пол., по смыслу которыхъ волостной судъ, при разборѣ дѣлъ о семейно-имущественныхъ правахъ крестьянъ, въ предѣлахъ его подсудности руководствуется обычаемъ, а не закономъ. Наконецъ, въ Положеніи о видахъ на жительство есть одно существенное ограниченіе семейныхъ правъ крестьянъ, установленное ст. 19 Положенія о видахъ на жительство: хозяинъ крестьянскаго двора можетъ не выдать паспорта неотдѣленному, но совершеннолѣтнему члену его семьи. Изъ выраженія «хозяинъ крестьянскаго двора» видно, что это ограниченіе относится къ области правоотношеній, возникающихъ изъ владѣнія надѣльной землей, такъ какъ «крестьянскій дворъ» есть институтъ, имѣющій мѣсто только у крестьянъ, владѣющихъ надѣльной землей. Замѣтимъ, что этимъ ограниченіемъ затронуто личное право крестьянъ, свобода передвиженія.

О наслѣдственныхъ правахъ крестьянъ по отношенію къ мірскимъ землямъ (и не только по отношенію къ нимъ) законъ высказывается опредѣленно, и это можетъ быть единственный случай опредѣленнаго выраженія закона о гражданскихъ правахъ крестьянъ: наслѣдованіе надѣльными землями происходитъ по обычаю. Выраженіе (ст. 13) «крестьянамъ дозволяется руководствоваться обычаемъ» слѣдуетъ понимать въ императивномъ смыслѣ, какъ это толкуетъ Боровиковскій («Отчетъ судьи, дѣла мужичьи») и Леонтьевъ («Волостной судъ и юридическіе обычаи крестьянъ»). Это подтверждается ст. 135, согласно которой волостной судъ «въ особенности въ дѣлахъ о раздѣлѣ крестьянскаго наслѣдства *руководствуется* мѣстными обычаями», т.-е. обязанъ руководствоваться ими.

Наслѣдованіе у крестьянъ, какъ это признается изслѣдователями обычнаго права, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, происходитъ только въ томъ случаѣ, когда дворъ, въ общемъ семейномъ владѣніи котораго находится крестьянское имущество, почему-либо прекращаетъ свое существованіе; пока же общая семья существуетъ, могутъ происходить только выдѣлы, или же, когда общая семья дѣлится на двѣ новыя единицы, происходитъ раздѣлъ. Поэтому раздѣлы и выдѣлы получаютъ особенно ва-

ное значеніе въ крестьянской жизни. По закону 16 марта 1888 года у крестьянъ, земля которыхъ находится въ общинномъ пользованіи, раздѣлы производятся сельскими сходами,—конечно, на основаніи обычая и спеціальныхъ постановленій; раздѣлъ же надѣльныхъ земель, находящихся въ участковомъ пользованіи крестьянъ, а у общинниковъ раздѣлъ «усадебныхъ, полевыхъ и иныхъ земель, пріобрѣтенныхъ въ собственность другими, кромѣ надѣленія способами, а также раздѣлъ движимости, не составляющей необходимой принадлежности крестьянскаго двора» (ст. 4) не относится къ вѣдѣнію сходовъ и вѣдается волостнымъ судомъ, если имущество входитъ въ составъ надѣла.

Хотя законъ опредѣленно указываетъ на то, что волостной судъ руководствуется мѣстными обычаями въ особенности въ дѣлахъ о наслѣдованіи, однако на практикѣ нерѣдко бываетъ иначе. Волостной судъ, отчасти вслѣдствіе отсутствія обычая или трудности его выясненія, отчасти слѣдствіе общаго стремленія крестьянъ къ личной собственности, нерѣдко руководствуется общими гражданскими законами не только по отношенію къ внѣнадѣльному имуществу крестьянъ, но и по отношенію къ надѣльному. Не разъ указывалось на то, что такое отношеніе волостного суда къ этимъ дѣламъ производитъ большую путаницу въ правовомъ устройствѣ крестьянской жизни. Наслѣдованіе надѣльной землей по женской линіи въ $^1/_{14}$ части дочерьми, въ $^1/_7$ части матерью, наслѣдованіе надѣльной землей отдаленными родственниками, или родственниками, перешедшими въ другія селенія, совершенно не согласуется съ понятіями объ общности имущества крестьянской семьи и принадлежности этого имущества двору, а не главѣ семьи. Такъ какъ относительно надѣльныхъ земель обычай среди крестьянъ несомнѣнно существуетъ, то волостной судъ долженъ бы, ссылаясь на его отсутствіе, примѣнять въ этихъ случаяхъ общіе законы; нарушеніе этого несогласно не только съ духомъ, но съ буквальнымъ толкованіемъ закона.

Въ общемъ, *права крестьянъ, относящіяся къ мірскому землевладѣнію, опредѣляются прежде всего спеціальными узаконеніями и обычаемъ*, общіе гражданскіе законы въ этой области мало примѣнимы.

II. Обратимся къ вопросу о томъ, въ какихъ случаяхъ юридическія отношенія крестьянъ, не касающіяся мірского землевладѣнія, опредѣляются спеціальными нормами, и въ какихъ случаяхъ—общими гражданскими законами.

Вещныя права крестьянъ на движимыя и недвижимыя имущества, пріобрѣтенныя ими въ частную собственность, опредѣляются ст. 9 Общ. У., согласно которой крестьяне пріобрѣтаютъ эти имущества и распоряжаются ими «съ соблюденіемъ общихъ узаконеній, установленныхъ на предметъ для сельскихъ обывателей»; но, такъ какъ законъ не поясняетъ, въ чемъ «общія» узаконенія о пріобрѣтеніи и распоряженіи надѣльныхъ имуществъ *для сельскихъ обывателей* отличаются отъ *иныхъ* гражданскихъ узаконеній, то практика установила, что права

крестьянъ относительно этихъ имуществъ (за исключеніемъ земель, пр
ленныхъ товариществами чрезъ крестьянскій банкъ) опредѣляются об
законами: Это подтверждается ст. 125, согласно которой волостному су
не подлежитъ разборъ правъ на недвижимости, основанныхъ на кр
ныхъ или явочныхъ актахъ и на всякія другія имущества, стоимость к
торыхъ превышаетъ 300 р.; къ этимъ дѣламъ, какъ подлежащимъ обще
судамъ (которые не обязаны руководствоваться ст. 135), нормы обыч
повидимому, неприложимы. Такимъ образомъ обычай можетъ быть при
ненъ судомъ только къ дѣламъ по имуществамъ крестьянъ, стоимость к
торыхъ не выше 300 р., и права на которыя не основаны на кр
ныхъ или явочныхъ актахъ.

Обязательственныя права крестьянъ, не относящіяся къ надѣль
землѣ, опредѣляются общими законами, такъ какъ нигдѣ въ законѣ н
говорится, что для внѣнадѣльныхъ договоровъ крестьянъ есть особ
правила. Напротивъ, на крестьянъ распространяются въ этомъ отноше
общіе гражданскіе законы (ст. 2 Общ. Пол.). Но изъ сопоставленія ст
125 и 135 Общ. Пол. можно заключить, что волостной судъ можетъ, п
разборѣ дѣлъ о договорахъ по внѣнадѣльному имуществу, примѣнять обыч
если имущество не основано на крѣпостномъ или явочномъ актѣ и
превышаетъ 300 р. Затѣмъ есть еще одно ограниченіе договорнаго пр
крестьянъ: согласно ст. 9 вексельнаго устава, крестьяне не имѣютъ пр
обязываться по векселямъ.

Семейныя права крестьянъ должны бы, по буквальному смыслу ст
1 Общ. Пол., опредѣляться общими законами, все равно имѣютъ ли он
отношеніе къ мірскому землевладѣнію, или нѣтъ. Но, какъ сказано, пр
тика согласно обычаю и нѣкоторымъ указаніямъ закона устанавливает
что по отношенію къ мірскому землевладѣнію семейныя имущественны
права крестьянъ опредѣляются особыми нормами. Такъ какъ нѣтъ осн
ныхъ же причинъ, почему семейныя права крестьянъ, не имѣющія отн
шенія къ мірскому землевладѣнію, опредѣлялись бы обычаемъ, то нѣ
думать, что здѣсь должны дѣйствовать общіе гражданскіе законы; ес
же иногда волостной судъ не поступаетъ соотвѣтственно, то это не
гласно съ закономъ. Только ст. 19 Полож. о видахъ на жительство пр
ставляетъ узаконеніе, которое хотя и имѣетъ отношеніе къ мірско
землевладѣнію, но ограничиваетъ *личное* право крестьянъ на свободу п
редвиженія въ пользу главы семьи.

Наслѣдственныя права крестьянъ относительно внѣнадѣльныхъ им
ществъ опредѣляются ст. 13 Общ. Полож., согласно которой крестья
вообще *дозволяется* наслѣдовать по обычаю, а не по общимъ зако
Это подтверждается ст. 135 Общ. Полож. Однако, несмотря на то, ч
слову «дозволяется» долженъ быть приданъ смыслъ императивный,
этого вовсе не слѣдуетъ, что крестьяне при наслѣдованіи внѣнадѣль
имуществами не только всегда, но даже обыкновенно руководствуются
чаемъ; въ большинствѣ случаевъ происходитъ обратное. Это происх

по слѣдующимъ причинамъ: суды, не только волостные, но и общіе суды, (которымъ подлежатъ всѣ дѣла по наслѣдству и раздѣлу внѣнадѣльныхъ крестьянскихъ имуществъ, стоящихъ дороже 500 руб.), обыкновенно признаютъ обязательную силу словъ «дозволяется руководствоваться обычаемъ». Но чѣмъ руководствоваться, когда обычай не установленъ, когда не извѣстно даже, существуетъ ли обычай? Такъ какъ руководствоваться обычаемъ дозволяется, а не предписывается, то отсюда выводится заключеніе, что законъ не запрещаетъ, при отсутствіи обычая, руководствоваться иными нормами, т.-е. общими гражданскими законами; вопросъ же о томъ, существуетъ ли обычай, рѣшается такъ: если стороны не ссылаются на обычай, его нѣтъ, если же стороны указываютъ на обычай, то—такъ какъ истецъ долженъ доказать свой искъ и судъ самъ не собираетъ доказательствъ—стороны должны доказать его существованіе *). Поэтому, а также потому, что обычаи среди крестьянъ не формулированы, разнообразны и мало извѣстны судьямъ (кромѣ развѣ волостныхъ судей) и что о отношенію къ наслѣдованію внѣнадѣльными имуществами, право на пріобрѣтеніе которыхъ крестьяне получили лишь съ 1861 г., обычаи не могли еще выясниться, законъ же, наоборотъ, устанавливаетъ нормы опредѣленныя и общія для всѣхъ,—въ громадномъ большинствѣ случаевъ въ дѣлахъ о наслѣдованіи и раздѣлѣ внѣнадѣльныхъ имуществъ крестьянъ примѣняется не обычай, а законъ. Если же иногда примѣняется обычай, то это зависитъ по большей части не отъ того, существуетъ ли обычай или нѣтъ, а отъ разныхъ причинъ—отъ состава судей, знающихъ обычаи и склонныхъ къ тому, чтобы ихъ примѣнять, отъ интересовъ отдѣльныхъ лицъ, для которыхъ въ данномъ случаѣ выгодно основаться на обычаѣ, а не на законѣ, или даже отъ такихъ, напримѣръ, случайностей—успѣлъ ли такой-то крестьянинъ передъ смертью переписаться изъ крестьянъ въ мѣщане (отъ чего измѣняются права наслѣдниковъ, такъ какъ крестьянинъ, перейдя въ другое сословіе, подлежитъ уже общимъ законамъ) или отъ того, находится ли имущество наслѣдодателя-крестьянина въ городѣ, или на мѣстѣ его осѣдлости, и т. д.

Въ общемъ, внѣ области мірского земледѣльнія права крестьянъ въ большинствѣ случаевъ *опредѣляются общими законами;* когда же эти права опредѣляются спеціальными правилами или обычаемъ, то это зависитъ отъ разнообразныхъ и случайныхъ причинъ.

XII.

Таковы въ общихъ чертахъ нормы, разграничивающія сферу дѣйствія спеціальныхъ крестьянскихъ законовъ и обычаевъ, съ одной стороны, отъ сферы дѣйствія общихъ гражданскихъ законовъ—съ другой стороны. Толкованія нѣкоторыхъ статей закона могутъ быть иныя, чѣмъ вышеизложенныя; таковы уже крестьянскіе законы, что они нерѣдко допускаютъ раз-

*) См. *Боровиковскій*: „Дѣла мужичьи“, стр. 41 и др.

личныя и даже противорѣчащія другъ другу толкованія. Но въ общ легко видѣть, что разграниченіе спеціально крестьянскаго частнаго пр отъ общаго принципіально не обосновано: трудно даже уловить какой-л постоянный признакъ для такого разграниченія. Судебно-администрати практика, которая могла бы выяснить многіе вопросы, также не дае однообразныхъ и сколько-нибудь опредѣленныхъ толкованій; въ ней тол замѣчается общая тенденція къ примѣненію къ крестьянскимъ дѣламъ о щихъ законовъ, въ особенности же въ дѣлахъ внѣнадѣльныхъ.

Только по отношенію къ надѣльной землѣ законъ болѣе или мен опредѣленно указываетъ, что въ этой области крестьяне должны подчинять спеціальнымъ узаконеніямъ и обычаю. Что же касается до внѣнадѣльны правоотношеній крестьянъ, то примѣненіе къ нимъ спеціальныхъ узаконе или обычая такъ мало обосновано, что не только общіе суды и инстанціи волостного суда, но даже волостной судъ при широкой возможности выб обыкновенно предпочитаетъ общіе гражданскіе законы обычаю. Почем наприм., права крестьянъ на внѣнадѣльную собственность, если она превышаетъ 300 р. и не основана на крѣпостныхъ или явочныхъ акта а также семейныя и договорныя права по отношенію къ той же собстве ности опредѣляются то обычаемъ, то закономъ (что слѣдуетъ изъ ст. 1 и 135 вол. суда)? Почему крестьяне подлежатъ стѣсненію личной свободы ст. 19 вид. на жит.? Почему крестьяне не могутъ обязываться вексел Почему рѣшеніе вопроса, наслѣдуютъ ли крестьяне внѣнадѣльнымъ им ществомъ по обычаю или по закону, зависитъ отъ такихъ случайност какъ ссылка сторонъ на обычай, перемѣна сословія наслѣдодателя и т. Почему отъ усмотрѣнія суда можетъ зависѣть выборъ между законом обычаемъ?

Изъ этихъ соображеній вытекаетъ и какъ бы предрѣшается отвѣтъ поставленный выше вопросъ: какой же реформы законовъ, опредѣляющи составъ крестьянскаго сословія, можно пожелать?

Если бы права крестьянъ были уравнены съ правами безсословны людей, если бы въ то же время особенности гражданскаго правопоря крестьянской жизни относились исключительно къ мірскому земле дѣнію, если бы этимъ спеціальнымъ нормамъ права подлежали только л владѣющія мірской землей и лишь постольку, поскольку они имѣютъ ней отношеніе,—то этимъ самымъ была бы устранена причина, почему дѣльцами мірской земли должны быть непремѣнно лица крестьянскаго словія, почему не могли бы также владѣть мірской землей лица друг званій, и почему крестьяне, получившіе другое званіе или приобр рованное положеніе, были бы обязаны отказываться отъ своихъ надѣл и выходить изъ земельныхъ общинъ. Тогда спеціальные законы о крест нахъ могли бы быть замѣнены гражданскимъ кодексомъ о мірскомъ зе владѣніи, объектомъ котораго была бы мірская или надѣльная земля субъектомъ—владѣльцы мірской землей, кто бы они по своему званію происхожденію ни были, и лишь на то время, пока они ею владѣютъ

Ни происхожденіе, ни образовательный цензъ, ни поступленіе на государственную службу, ни зачисленіе въ цехъ или гильдію, ни какое бы то ни было званіе не должно бы служить причиной для отказа отъ владѣнія мірской землей или препятствіемъ къ владѣнію ею. Всякій желающій, при соблюденіи извѣстныхъ условій, изъ которыхъ главное должно бы состоять въ согласіи собственника мірской земли—міра, долженъ бы имѣть возможность сдѣлаться владѣльцемъ надѣльной земли или перестать имъ быть. Владѣніе мірской землей только обязывало бы владѣльцевъ ея подчиняться извѣстнымъ спеціальнымъ нормамъ права о мірскомъ землевладѣніи; во всемъ же остальномъ права ихъ могли бы ни въ чемъ не отличаться отъ правъ безсословныхъ лицъ, быть тождественны съ ними.

Допущеніе иносословныхъ лицъ въ крестьянскую среду можетъ встрѣтить то возраженіе, что такимъ путемъ въ среду крестьянъ внѣдрятся кулаки, которые будутъ прибирать къ своимъ рукамъ надѣльную землю, наводнятъ своей скотиной общественные выгоны и т. д. Едва ли это такъ. Кулаки въ настоящее время зарождаются преимущественно въ крестьянской же средѣ, и нельзя предполагать, чтобы явились какіе-то особенные эксплоататоры изъ другихъ сословій. Если бы крестьяне принадлежали къ особой низшей расѣ, а остальныя сословія — къ высшей, то тогда ограженіе крестьянской среды отъ вторженія въ нее людей высшей расы, пожалуй, имѣло бы значеніе, и тогда, можетъ быть, былъ бы смыслъ въ томъ, чтобы крестьянскія земли, подобно территоріямъ сѣверо-американскихъ индѣйцевъ, оставались заповѣдными, но къ счастію этого нѣтъ. Между тѣмъ, благодаря запрещенію для иносословныхъ входить въ сельскія общества и владѣть надѣльной землей, а также вслѣдствіе искусственнаго отсортированія отъ крестьянства наиболѣе культурныхъ элементовъ его, крестьянская среда въ настоящее время представляетъ однородную, обособленную, мало культурную массу. Появленіе новыхъ лицъ въ этой средѣ можетъ только оживить и обновить ее. При этомъ мірская земля могла бы остаться неотчуждаемой отъ общинъ; но такъ какъ членами общинъ могли бы быть не только лица, рожденныя въ крестьянскомъ сословіи, а также лица другихъ сословій, то мірская земля была бы освобождена отъ исключительной принадлежности ея извѣстному сословію.

Особое гражданское право, отличающееся предметнымъ признакомъ—право о мірскомъ землевладѣніи — не представляло бы ничего исключительнаго или небывалаго. Гражданскіе законы Россіи далеко не единообразны. Въ нашемъ гражданскомъ кодексѣ можно найти мѣстные законы—для Привислинскаго края, для Остзейскихъ губерній, для Финляндіи, для Бессарабіи, для Черниговской и Полтавской губ. и др.; можно найти особенные законы — церковные, о торговлѣ, промышленности и ремеслахъ, спеціальные законы—о заповѣдныхъ, майоратныхъ и родовыхъ имѣніяхъ и т. д. Особое положеніе о мірскомъ землевладѣніи также могло бы быть спеціальнымъ законодательствомъ: оно только, можетъ быть, нѣсколько глубже проникало бы въ частныя правоотношенія людей, чѣмъ иные спеціальные

законы, затрогивая не только вещныя права владѣльцевъ мірской земли, но и семейныя, обязательственныя и наслѣдственныя права ихъ.

Сосуществованіе въ деревнѣ двухъ видовъ землевладѣнія, — землевладѣнія мірского и землевладѣнія на правѣ частной собственности—также едва ли могло бы встрѣтить какія-либо существенныя неудобства, особенно если бы условія перехода отъ одного вида землевладѣнія къ другому были ясно опредѣлены и облегчены.

Въ частности, въ чемъ именно могла бы состоять реформа законовъ, опредѣляющихъ составъ крестьянскаго сословія, видно изъ предыдущаго.

По существующимъ законамъ о состояніяхъ крестьяне составляютъ особое сословіе «сельскихъ обывателей», въ которое не имѣютъ права входить лица привилегированныхъ сословій, но изъ котораго съ отказомъ отъ невыкупленнаго надѣла обязаны выходить лица, получившія другое званіе или право на переходъ въ привилегированное сословіе. Если бы права лицъ, принадлежащихъ въ настоящее время къ сословію «сельскихъ обывателей», были уравнены съ правами безсословныхъ людей и крестьяне слились бы съ послѣдними, то тогда не было бы надобности въ какихъ-либо законахъ, опредѣляющихъ переходъ изъ сословія «сельскихъ обывателей» въ разрядъ безсословыхъ лицъ и наоборотъ. Но вмѣстѣ съ симъ положеніе «о мірскомъ землевладѣніи» должно бы опредѣлять условія, на которыхъ могло бы быть пріобрѣтаемо право участія въ мірскомъ землевладѣніи и на которыхъ это право могло бы быть отчуждаемо, т.-е. условія вступленія и выхода изъ земельныхъ общинъ. Нѣтъ необходимости въ томъ, чтобы такія правила затрудняли возможность пріобрѣтенія или отчужденія правъ на мірскую землю. Какъ вообще право частное, имущественное, право распоряженія надѣломъ должно быть доступно всѣмъ и свободно; но какъ право владѣнія, а не собственности, оно должно бы быть ограничено собственникомъ мірской земли—земельной общиной или міромъ; съ согласія міра право на участіе во владѣніи мірской землей могло бы быть предметомъ купли, продажи, аренды и т. д.

Владѣльцы же надѣльной земли, подлежа общимъ законамъ Имперіи, въ томъ числѣ гражданскимъ, во всемъ томъ, что не касается мірской земли, должны бы только подлежать тѣмъ спеціальнымъ установленіямъ общероссійскимъ и мѣстнымъ (великорусскимъ, малорусскимъ, литовскимъ, бессарабскимъ и пр.), которыя относятся къ мірской землѣ, а также уставамъ общинъ, если таковые выработаны, и приговорамъ общинъ, законно составленнымъ. Но владѣніе мірской землей не должно бы служить препятствіемъ для полноправности ея владѣльцевъ и не должно бы препятствовать ни достиженію образовательнаго ценза, ни какого бы то ни было званія,—вообще не должно бы служить причиной для ограниченія какихъ бы то ни было правъ; наоборотъ, ни образовательный цензъ, ни служба, ни родъ занятій, ни званіе не должно бы никого лишать права участія во владѣніи мірской землей.

Тогда слово «крестьянинъ», очевидно, получило бы другое значеніе

ли оно могло бы означать званіе лицъ, рожденныхъ въ крестьянскомъ ословіи, оставшееся за тѣми, кому оно присвоено и въ настоящее время, ли же крестьянами могли бы называться только владѣльцы надѣльной емли, кто бы они по своему званію, происхожденію или образовательному цензу ни были, и лишь на то время, пока они владѣютъ надѣльной емлей.

Въ первомъ случаѣ званіе крестьянина не должно бы быть соединено и съ какими-либо правами, ни съ какими-либо ограниченіями правъ и не ависѣло бы отъ того, владѣетъ ли данное лицо мірской землей или нѣтъ, и огда владѣльцамъ мірской земли — членамъ земельныхъ общинъ должно ы быть присвоено какое-либо другое особое названіе, напримѣръ, мірихъ землевладѣльцевъ. Во второмъ же случаѣ, т.-е. если бы крестьянами азывались владѣльцы мірской земли, то крестьянами могли бы сдѣлаться ли перестать ими быть лица всякихъ званій и всякаго происхожденія, въ зависимости только отъ того, владѣютъ ли они мірской землей, или нѣтъ.

Но какъ бы ни назывались владѣльцы мірской землей—мірскими земледѣльцами, крестьянами или иначе, ихъ едва ли можно было бы назвать ословіемъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова; они могли бы называться ословіемъ лишь въ томъ смыслѣ, въ которомъ мы говоримъ—сословіе ресленниковъ или сословіе присяжныхъ повѣренныхъ, врачей и т. п.

Взгляды на крестьянскій вопросъ, весьма близкіе къ вышеизложеннымъ, ли высказаны во многихъ комитетахъ о сельско-хозяйственной промышленности. Между прочимъ вопросъ о совмѣстимости равноправности крестьянъ сохраненіемъ нѣкоторыхъ особенностей ихъ гражданскаго устройства, лъ поставленъ въ елецкомъ комитетѣ о нуждахъ сельско-хозяйственной омышленности, въ докладѣ юридической коммиссіи комитета *). Отвѣтъ этотъ вопросъ былъ формулированъ въ слѣдующихъ словахъ: «Необходимо имѣть въ виду, что въ сферѣ имущественныхъ правоотношеній возможна нѣкоторая обособленность (?) крестьянъ при условіи полной равноправности ихъ съ другими сословіями, причемъ равноправность должна быть понимаема не въ смыслѣ тождественности правъ, а въ смыслѣ ихъ равноцѣнности. Въ этой именно области допустимо существованіе исключительныхъ законовъ и примѣненіе юридическихъ обычаевъ при томъ непремѣнномъ условіи, чтобы сфера примѣненія закона и обычая была строго становлена закономъ, который долженъ опредѣлить и способъ констатированій существованія обычая для каждаго даннаго случая. Обычаемъ ожны регулироваться лишь тѣ правоотношенія, которыя вытекаютъ изъ ладѣнія земельнымъ надѣломъ; все же стоящее внѣ надѣла, по мнѣнію миссіи, должно бы подлежать регламентаціи закона. Въ отношеніи же надѣльной землѣ обычное право не можетъ быть нарушаемо по сообра-

---

*) Схема этого доклада, напечатаннаго въ *Саратовской Земской Недѣлѣ* 1903 г. 5, была предложена елецкому комитету мною.

женіямъ цѣлесообразности и справедливости. Нельзя, наприм., общест
владѣющему землею на общинныхъ началахъ, предписать переходъ к
дворному землевладѣнію. Возможно лишь извѣстное регулированіе пер
владѣнія землею».

Перечисливъ правовыя условія, тормозящія развитіе крестьянскаго бы
состоянія, коммиссія приходитъ къ слѣдующимъ пожеланіямъ:

«1) Крестьяне должны быть уравнены въ гражданскихъ правах
прочими сословіями; 2) никакимъ спеціальнымъ ограниченіямъ личн
крестьяне подлежать не должны: 3) владѣніе надѣльною землею, как
особою формою земельной собственности, не должно ограничивать пр
сти владѣльца, и 4) надѣльною землею могутъ пользоваться и лица
крестьянскаго сословія, подчиняясь тому же гражданскому правопоряд

Такимъ образомъ елецкій комитетъ пришелъ къ необходимости сли
крестьянъ съ прочими сословіями. Къ сожалѣнію, вопросъ о составѣ
стьянскаго сословія въ докладѣ коммиссіи остался неяснымъ.

Въ своей статьѣ «Обособленность и равноправность крестьянъ» г. Ст
ховскій также приходитъ къ заключенію, что обособленное и неравноп
ное положеніе крестьянъ есть зло, и находитъ, что «едва ли не единст
но правильное разрѣшеніе сложнаго крестьянскаго вопроса заключ
въ упраздненіи этого вопроса, т.-е. въ уничтоженіи тѣхъ особенно
законодательства и административной практики, которыя создаютъ
строѣ государственной жизни — особое крестьянское сословіе, въ с
законодательной — спеціальное законодательство о крестьянахъ и въ с
сти задачъ государственной власти — крестьянскій вопросъ».

Затѣмъ г. Страховскій высказываетъ мнѣніе, что съ институтомъ
мельной общины нельзя не считаться, какъ съ существующимъ
томъ, и находитъ желательнымъ изданіе общиннаго устава. Од
г. Страховскій не упоминаетъ о томъ, совмѣстимо ли сохраненіе ин
тута земельной общины съ упраздненіемъ крестьянскаго вопроса. Е
бы крестьянскій вопросъ былъ упраздненъ и крестьяне уже не
сословіемъ, то кто же долженъ руководствоваться общиннымъ уставо
Затѣмъ, если крестьянскій вопросъ подлежитъ упраздненію, то такъ к
институтъ земельной общины не исчерпываетъ всѣхъ особенностей кре
янскаго землевладѣнія, какъ же быть съ участковымъ землевладѣніе
а при общинномъ землевладѣніи—съ владѣніемъ усадьбами (находящи
въ наслѣдственномъ пользованіи двора), вообще какъ же быть съ мірск
землевладѣніемъ?

Я счелъ бы задачу настоящей статьи выполненной, если бы высказа
ныя мною мнѣнія помогли выясненію въ частности этихъ вопросовъ, а
общемъ—вопроса о томъ, какъ согласовать два повидимому противорѣч
выхъ положенія: необходимость уравненія въ правахъ и сліянія крестья
съ прочими сословіями—съ невозможностью подвести юридическій стр
крестьянской жизни подъ общую мѣрку нашихъ гражданскихъ законовъ.

XIII.

Въ заключеніе я вкратцѣ повторю сказанное, а также намѣчу нѣкоторыя desiderata по реформѣ крестьянскихъ законовъ, естественно вытекающія изъ высказанныхъ выше соображеній.

Крестьянскій вопросъ есть прежде всего вопросъ юридическій,—такъ какъ ничѣмъ инымъ, какъ особымъ для нихъ законодательствомъ, крестьяне отъ прочаго населенія не отличаются. Крестьянскій вопросъ долженъ быть изучаемъ въ полномъ объемѣ, и нельзя его сводить на частный вопросъ,—быть или не быть общинѣ? Правовое обособленіе и неравноправное положеніе крестьянъ зависятъ отъ многихъ другихъ постановленій, имѣющихъ весьма мало общаго съ ихъ общиннымъ бытомъ.

Основныя причины возникновенія спеціальнаго законодательства о крестьянахъ, состоящія въ обособленіи ихъ въ низшее, бывшее податное, сословіе, въ настоящее время утратили свое первоначальное значеніе.

Одинъ изъ первыхъ вопросовъ, представляющихся при изученіи правового положенія крестьянъ, есть вопросъ о томъ, кто такіе крестьяне?, т.-е. вопросъ о составѣ крестьянскаго сословія. Для опредѣленія состава крестьянскаго сословія необходимо знать, кто въ него входитъ, кто изъ него выходитъ, кто въ немъ остается. Изъ относящихся сюда статей закона и изъ дѣйствія ихъ въ жизни, можно видѣть, что крестьянское сословіе мало пополняется людьми другихъ сословій, но что изъ крестьянства легко выходятъ съ обязательнымъ отказомъ отъ своихъ невыкупленныхъ надѣловъ (и съ трудомъ сохраняя выкупленные надѣлы) наиболѣе сильные и культурные элементы его; выходятъ добровольно люди разбогатѣвшіе, для которыхъ потеря надѣла легко искупается выгодами выхода изъ низшаго сословія; выходятъ по необходимости—люди получившіе образовательный цензъ, поступающіе на государственную службу, вступившіе въ духовное званіе, вообще получившіе привилегированное положеніе. Такимъ образомъ отъ крестьянства искусственно отсортировываются верхніе слои его, въ немъ же остаются люди малоимущіе и малокультурные.

Если признать такое положеніе дѣлъ ненормальнымъ и нежелательнымъ, то выходъ изъ него можетъ быть двоякій: или полная замкнутость крестьянскаго сословія (подобная положенію прежнихъ западно-европейскихъ сословій), или же не только установленіе равноправности, но и сліяніе крестьянъ съ прочимъ населеніемъ Россіи.

То, что будущія преобразованія законовъ о крестьянахъ должны пойти по второму пути, есть историческая необходимость и опредѣленно высказано общественнымъ мнѣніемъ.

Права крестьянъ могли бы быть уравнены съ правами такихъ безсословныхъ, но сравнительно полноправныхъ лицъ, каковыми въ настоящее время являются почетные граждане *). Однако установленіе равноправности

*) Я не касался въ настоящей статьѣ теоретическаго вопроса о пользѣ или вредѣ сословности въ государственномъ строѣ, хотя отношеніе мое къ этому вопросу ясно

съ ними крестьянъ цѣною разрушенія своеобразнаго гражданскаго устройства ихъ, дѣйствующаго на мѣстахъ ихъ осѣдлости и связаннаго съ особымъ способомъ ихъ землевладѣнія нельзя признать желательнымъ. Такая мѣра произвела бы насильственную ломку всей крестьянской жизни.

Но равноправность слѣдуетъ понимать не только въ смыслѣ тождественности правъ, но и въ смыслѣ ихъ равноцѣнности. Нѣкоторыя частныя права крестьянъ могли бы опредѣляться спеціальными постановленіями при томъ условіи, чтобы такія спеціальныя права были равноцѣнны съ правами, предоставленными общими законами. Во всемъ остальномъ права крестьянъ должны быть тождественны съ послѣдними.

Такимъ путемъ крестьяне были бы равноправны съ безсословными людьми; но такъ какъ лица, принадлежащія къ сословію «сельскихъ обывателей», всетаки отличались бы отъ прочаго населенія Россіи особыми (хотя бы и равноцѣнными съ нимъ) правами, то они остались бы обособленнымъ сословіемъ. Всякая же обособленность низшихъ классовъ уже несетъ въ себѣ элементы неравенства.

Сословная обособленность крестьянъ могла бы быть разрушена, и крестьяне могли бы слиться съ безсословными людьми, если бы особенности ихъ гражданскаго устройства, основаннаго на своеобразныхъ формахъ ихъ землевладѣнія, составили спеціальное гражданское право, отличающееся не личнымъ признакомъ (сословностью), а предметнымъ признакомъ (мірскимъ землевладѣніемъ), т.-е., если бы владѣніе мірской землей не обусловливало никакихъ ограниченій правъ ея владѣльцевъ, а только обязывало ихъ подчиняться нѣкоторымъ спеціальнымъ постановленіямъ о мірскомъ землевладѣніи; право же на владѣніе мірской землей не только принадлежало лицамъ, рожденнымъ «сельскими обывателями», но, при соблюденіи нѣкоторыхъ условій, было бы доступно всякому желающему.

Съ такой точки зрѣнія задача крестьянской реформы свелась бы къ замѣнѣ законовъ о крестьянахъ законами «о мірскомъ землевладѣніи» и слѣдовательно была бы поставлена въ болѣе тѣсныя, но опредѣленныя рамки.

Отсюда же естественно вытекаетъ отвѣтъ на вопросъ о составѣ крестьянскаго сословія. Не сословность, а владѣніе мірской землей должно бы служить причиной дѣйствія извѣстныхъ спеціальныхъ законовъ; слѣдовательно не лица, принадлежащія къ сословію «сельскихъ обывателей», а владѣльцы мірской земли, кто бы они по рожденію ни были и какого бы они ни были званія, должны бы служить субъектомъ тѣхъ спеціальныхъ правъ, которыя опредѣлялись бы законами «о мірскомъ землевладѣніи».

Изъ признанія, что неравноправное и обособленное положеніе крестьянъ есть зло, но что искусственная регламентація формъ крестьянскаго

изъ всего сказаннаго. Замѣчу только, что въ Россіи раздѣленіе на сословія основано не столько на томъ, что высшія сословія имѣютъ особыя права или привилегіи, сколько на томъ, что низшія сословія ограничены въ своихъ правахъ.

жизни нежелательна, такъ какъ эти формы должны бы свободно развиваться, слѣдуетъ: во-первыхъ, что права крестьянъ должны бы быть уравнены съ правами сравнительно полноправныхъ съ ними безсословныхъ лицъ такъ, чтобы крестьяне слились съ ними, и во-вторыхъ, что своеобразныя правовыя особенности, связанныя съ крестьянскимъ землевладѣніемъ, должны бы быть санкціонированы закономъ и должны бы образовать особый гражданскій кодексъ о мірской землѣ. Соотвѣтственно можно намѣтить два ряда желательныхъ мѣропріятій: во-первыхъ, мѣропріятія, цѣль которыхъ состояла бы въ распространеніи на тѣхъ лицъ, которыя въ настоящее время принадлежатъ къ сословію сельскихъ обывателей, общихъ законовъ и въ отмѣнѣ всѣхъ тѣхъ постановленій, которыя обусловливаютъ ихъ неравноправность, и во-вторыхъ, мѣропріятія, цѣль которыхъ состояла бы въ измѣненіи существующихъ постановленій о гражданскомъ устройствѣ крестьянъ и созданіи новаго положенія о мірскомъ землевладѣніи.

I. Напомню въ самыхъ общихъ чертахъ, въ чемъ по существующимъ законамъ какъ публичныя, такъ и частныя права крестьянъ ограничены сравнительно съ тѣми же правами прочихъ сословій—въ частности безсословныхъ лицъ—почетныхъ гражданъ, и въ чемъ, съ принятой мною точки зрѣнія, могло бы состоять ихъ преобразованіе.

Законы о приписке, о перечисленіи и увольненіи стѣсняютъ свободу крестьянъ въ выборѣ осѣдлости и рода занятій. Законы о паспортахъ затрудняютъ крестьянамъ свободу передвиженія. Права крестьянъ на образованіе ограничены, такъ какъ при окончаніи курса среднихъ и высшихъ училищъ, какъ мы видѣли, крестьяне обязаны увольняться изъ сельскихъ обществъ и отказываться отъ своихъ невыкупленныхъ надѣловъ *). Крестьяне недостаточно представлены въ общественномъ управленіи,—въ земствѣ и городахъ.

На крестьянъ возложена вся тяжесть повинностей—по мѣстному управленію (мірской и волостной), этапной, дорожной, общественнаго призрѣнія, продовольственной, по отводу квартиръ должностнымъ лицамъ, по снаряженію подводъ, пожарной и друг. повинностей, удовлетворяющихъ главнымъ образомъ потребностямъ государства или всего населенія данной мѣстности, а не только крестьянъ.

Гражданскія права крестьянъ не только по отношенію къ мірскому землевладѣнію, но и въ правоотношеніяхъ крестьянъ, не связанныхъ съ мірскимъ землевладѣніемъ, во многихъ случаяхъ отличаются отъ общегражданскихъ правъ, опредѣляемыхъ законами.

Крестьяне подлежатъ вѣдѣнію особой администраціи земскимъ началь-

*) Достиженіе образованія менѣе доступно крестьянамъ, чѣмъ прочимъ сословіямъ также потому, что согласно циркулярамъ министр. народ. просв. (напримѣръ, извѣстному циркуляру гр. Делянова) пріемъ дѣтей податныхъ сословій въ гимназію ограниченъ, что открытіе частныхъ училищъ затруднено, что существуетъ особая цензура для книгъ, допускаемыхъ въ училища и народныя библіотеки, и т. д.

никамъ (а также уѣздному съѣзду и губернскому присутствію), имѣющимъ общее неопредѣленное право опеки и попечительства надъ ними и право наказыванія ихъ безъ суда въ административномъ порядкѣ.

Крестьяне имѣютъ право самоуправленія, органами котораго служатъ волостныя правленія и сельскія общества. Эти органы, содержимые исключительно на счетъ крестьянъ, являются административно-фискальными учрежденіями, подчиненными общей уѣздной и губернской администраціи и удовлетворяющими потребностямъ не столько крестьянскимъ, сколько общегосударственнымъ. Выборные крестьянскаго самоуправленія, получая обыкновенно нищенское содержаніе, не имѣютъ права отказаться отъ своей службы и въ то же время могутъ по простому усмотрѣнію уѣзднаго начальства быть оштрафованы, арестованы или уволены. Вообще право крестьянскаго самоуправленія, имѣя характеръ повинности, есть въ большинствѣ случаевъ jus odiosum; крестьянскія деньги и трудъ тратятся на общегосударственную плохую администрацію *).

Крестьяне въ мелкихъ дѣлахъ подлежатъ особому сословному крестьянскому суду—волостному суду, судопроизводство котораго первобытно и почти не регулировано закономъ. Волостные судьи подлежатъ дисциплинарнымъ наказаніямъ, налагаемымъ земскими начальниками. По гражданскимъ дѣламъ волостному суду предоставлено руководствоваться мѣстными обычаями, однако закономъ точно не опредѣлено, въ какихъ именно случаяхъ, а также какимъ образомъ обычай долженъ быть опредѣляемъ. По уголовнымъ дѣламъ волостной судъ налагаетъ наказаніе по видоизмѣненному для этого суда уставу о наказаніяхъ, причемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ налагаетъ наказанія въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ общіе суды (напримѣръ, арестъ за кражу вмѣсто тюрьмы), но въ другихъ случаяхъ болѣе строгія наказанія, какъ, наприм., арестъ на хлѣбѣ и водѣ и тѣлесное наказаніе. Кромѣ того волостной судъ налагаетъ наказанія за проступки, не наказуемые общими судами, какъ, наприм., мотовство и пьянство, влекущія за собой разореніе хозяйства, и неисполненіе словеснаго договора о наймѣ. Апелляціонной инстанціей волостного суда служитъ уѣздный съѣздъ, состоящій преимущественно изъ лицъ, принадлежащихъ ex officio къ дворянскому сословію, но въ который не входятъ крестьяне.

Если признать, что крестьяне должны быть равноправны съ безсословными людьми и слиться съ ними, то какъ публичныя, такъ и частныя права крестьянъ не должны бы ни въ чемъ отличаться отъ таковыхъ же правъ безсословныхъ лицъ почетныхъ гражданъ.

Крестьянамъ должны бы быть предоставлены одинаковыя съ безсословными людьми: права свободнаго передвиженія и свободнаго выбора мѣста

---

*) На содержаніе волостныхъ учрежденій въ 47 губерніяхъ тратится по вычисленію И. Страховскаго, не менѣе 11 милліоновъ въ годъ.

сѣдлости и рода занятій, права на образованіе и государственную службу, а участіе въ органахъ самоуправленія *) и т. д.

Общегосударственныя повинности, возложенныя въ настоящее время а крестьянъ, должны бы въ равной мѣрѣ отбываться всѣмъ населеніемъ анной мѣстности (исключая сборовъ на хозяйственныя надобности зе-ельныхъ общинъ).

Гражданскія права крестьянъ должны бы опредѣляться тѣми же зако-ами, что и права остальнаго населенія Россіи; только крестьяне, владѣ-ющіе мірской землей (такъ же, какъ и лица другихъ сословій) должны бы о отношенію къ этой землѣ подлежать особымъ нормамъ права. Права рестьянъ на пріобрѣтеніе, продажу и аренду внѣнадѣльныхъ имуществъ, обще на распоряженіе ими, а также семейныя, обязательственныя и на-ѣдственныя права крестьянъ относительно внѣнадѣльныхъ имуществъ олжны бы опредѣляться общими законами. Поэтому глава семьи не долженъ ы имѣть право лишать совершеннолѣтнихъ членовъ семьи свободы пере-виженія, крестьяне должны бы имѣть право обязываться по векселямъ и т.д.

Органы администраціи не должны бы быть облечены особой властью о отношенію къ крестьянамъ. Крестьяне такъ же, какъ и лица про-ихъ сословій, не должны бы подвергаться наказаніямъ, налагаемымъ въ министративномъ порядкѣ.

Спеціально-крестьянская администрація и полиція должны бы быть за-ѣнены общей администраціей и полиціей. Служба должностныхъ лицъ олжна бы быть добровольной и всякій долженъ бы имѣть право отъ нея казаться. Мѣстныя учрежденія должны бы быть общими для всѣхъ жи-елей даннаго района; такъ, наприм., волостное управленіе (или иная адми-истративная единица) должно бы быть безсословнымъ; обложеніе на со-ржаніе мѣстныхъ учрежденій должно бы въ равной мѣрѣ относиться ко ѣмъ жителямъ даннаго района. Сельское общество, какъ фискально-министративное учрежденіе (но не земельная община) должно бы быть разднено. Если оказалось бы, что волость есть недостаточно мелкая иница управленія, то волость могла бы быть подраздѣлена на болѣе елкіе районы **).

Крестьяне должны бы подлежать общимъ судамъ, равнымъ для всѣхъ. ізшій судъ также долженъ бы быть равнымъ для всѣхъ и безсословнымъ; ъ долженъ бы входить въ общую систему судебныхъ учрежденій. По оловнымъ дѣламъ крестьяне должны бы подлежать тѣмъ же наказаніямъ, о и остальное населеніе. Тѣлесное наказаніе для крестьянъ должно бы

*) Разъ цензомъ для земскихъ выборщиковъ служитъ извѣстное количество земли, казалось бы справедливымъ, чтобы всѣ земельныя общины, владѣющія количе-омъ земли, достаточнымъ для ценза, являлись земскими выборщиками черезъ сво-ь представителей; мелкія же общества, владѣющія меньшимъ противъ ценза коли-ествомъ земли, могли бы соединяться вмѣстѣ, подобно мелкимъ землевладѣльцамъ.

**) Одинъ изъ типовъ организаціи мѣстнаго управленія намѣченъ у г. Страхов-аго („Крестьянскія права и учрежденія").

быть отмѣнено. Только въ гражданскихъ дѣлахъ, относящихся къ мірскому землевладѣнію, судъ долженъ бы руководствоваться особыми нормами права; для этого, можетъ быть, потребовалось бы участіе на судѣ лицъ, знакомыхъ съ условіями мірского землевладѣнія въ видѣ экспертовъ или шефеновъ.

II. Второй рядъ мѣропріятій, относящихся къ общей задачѣ крестьянской реформы, долженъ бы съ высказанной иною точки зрѣнія состоять въ созданіи кодекса о мірскомъ землевладѣніи. Въ настоящее время имущественныя права крестьянъ, относящіяся къ мірскому землевладѣнію, опредѣляются спеціальными постановленіями, помѣщенными въ разныхъ отдѣлахъ Особаго Приложенія къ т. XI св. з. Эти постановленія тѣсно связаны и смѣшаны съ многочисленными правилами, опредѣляющими административно-фискальныя функціи сельскихъ обществъ, которыя послѣ отмѣны подушной подати, пониженія и частичной выплаты выкупныхъ платежей «остались на воздухѣ», по выраженію г. Страховскаго, т.-е. уже не нужны.

Крестьяне владѣютъ землей, имъ отведенной въ надѣлъ не на правѣ частной собственности, а на особыхъ правахъ. Собственниками надѣльныхъ земель являются общины, при чемъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ въ Великороссіи, община или міръ имѣетъ широкое право распоряженія своей землей, въ другихъ же мѣстностяхъ, какъ въ Малороссіи и Западномъ краѣ, это право ограничено и въ большей мѣрѣ, если не вполнѣ, предоставлено домохозяевамъ—членамъ общинъ. Нѣкоторыя правила, внесенныя сюда закономъ (законъ 1888 г. о раздѣлахъ и законъ 3 іюня 1893 г. о передѣлахъ и др.) не соотвѣтствуютъ существующимъ обычаямъ, и поэтому или искусственно подчиняютъ правоотношенія крестьянъ чуждымъ имъ нормамъ, или же не исполняются *).

Права земельной общины смѣшаны съ правами сельскаго общества, съ которымъ земельная община далеко не всегда совпадаетъ, которое имѣетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ большую власть надъ своими членами, но вмѣстѣ съ тѣмъ лишено нѣкоторыхъ гражданскихъ правъ. Между тѣмъ сельское общество есть учрежденіе, сложившееся отчасти въ цѣляхъ фискальныхъ, отчасти административныхъ, земельная же община, какъ извѣстная форма землевладѣнія и землепользованія, есть институтъ гражданскаго права.

Относительно мірского землевладѣнія крестьянамъ предоставлена широкая возможность примѣненія обычнаго права. Однако законъ точно не указываетъ, въ какихъ именно случаяхъ долженъ быть примѣняемъ обычай, въ какихъ случаяхъ—законъ; не указывается также, какимъ образомъ обычай долженъ быть въ каждомъ данномъ случаѣ устанавливаемъ.

Долгъ государству, лежащій на мірской землѣ—выкупная ссуда—взимается особымъ порядкомъ,—путемъ продажи движимости неплательщиковъ

---

*) См. наприм. ст. *Кочаровскаго*: *Русское Богатство*, ноябрь, 1901 г. и *Русскихъ Вѣдомостей* 1904 г., февраль 23.

отнятія отъ нихъ надѣла *) или наложенія взысканій на представителей общинъ—старостъ или сборщиковъ.

Въ выработкѣ особаго законодательства о мірскомъ землевладѣніи заключается положительная и творческая задача будущихъ преобразованій крестьянскихъ законовъ. Такое спеціальное законодательство могло бы образоваться, во-первыхъ, посредствомъ коренного пересмотра существующихъ законовъ о крестьянскомъ землевладѣніи и, во-вторыхъ, посредствомъ осторожной кодификаціи дѣйствующихъ нормъ обычнаго права.

Первымъ условіемъ такой законодательной работы должно бы служить правило, данное извѣстнымъ составителемъ черногорскаго гражданскаго кодекса Богишичемъ. По мнѣнію Богишича, народъ не можетъ уважать законы, не отвѣчающіе его потребностямъ. Законъ, налагаемый насильно, будь онъ основанъ на самыхъ благородныхъ мотивахъ, встрѣчается съ сильнѣйшимъ отвращеніемъ, и ассимиляція между такимъ закономъ и обычаемъ невозможна: судьи, желая избѣгнуть затрудненія, почти всегда стараются не примѣнять обычай, народъ же, наоборотъ, его держится.

Затѣмъ, вслѣдствіе разнородности населенія Россіи и разнообразія его обычаевъ, законодательство о мірскомъ землевладѣніи не можетъ быть однообразно. Впрочемъ, разнообразіе обычаевъ не слѣдуетъ преувеличивать; въ общихъ чертахъ обычаи одни и тѣ же для большихъ районовъ (Великороссіи, Малороссіи, Литвы, Бессарабіи и т. д.).

Разрѣшеніе вопроса о томъ, кѣмъ именно и какими способами могло бы быть выработано законодательство о мірскомъ землевладѣніи, зависитъ, конечно, отъ общаго теченія нашей государственной жизни; только изъ необходимости согласованія закона съ обычаемъ слѣдуетъ, что чѣмъ большее участіе примутъ въ этой работѣ мѣстные люди, знающіе обычаи и жизнь деревни, тѣмъ цѣлесообразнѣе она будетъ выполнена.

Уже въ настоящее время въ литературѣ и въ трудахъ нѣкоторыхъ коммиссій накопился достаточный матеріалъ для кодификаціи основныхъ положеній о мірскомъ землевладѣніи. Если же равноправность крестьянъ была бы установлена закономъ, то дальнѣйшія работы въ этомъ направленіи были бы значительно облегчены, такъ какъ свободное развитіе гражданскихъ формъ, сложившихся въ жизни крестьянъ, больше всего задерживается ограниченіями ихъ правъ.

Слѣдующія ближайшія задачи, относящіяся къ выработкѣ спеціальнаго законодательства о мірскомъ землевладѣніи, могли бы быть намѣчены: точное разграниченіе сферы примѣненія спеціальныхъ нормъ о мірскомъ землевладѣніи отъ общихъ гражданскихъ законовъ; точное разграниченіе тѣхъ случаевъ, когда долженъ примѣняться законъ и тѣхъ случаевъ, когда могли бы еще примѣняться нормы обычнаго права; опредѣленіе въ какихъ случаяхъ и какимъ образомъ обычай долженъ быть устанавливаемъ; усло-

*) Ст. 33 Общ. Пол. (Особ. прибл. изд. 1902 г.).

вія перехода отъ мірского землевладѣнія къ частному и условія обратнаго перехода; условія пріобрѣтенія права на владѣніе мірской землей и условія утраты этого права (путемъ купли-продажи, отчужденія, дареніе, и т. д.); опредѣленіе правъ распоряженія, пользованія, вообще владѣнія мірской землей, заключенія относительно ея договоровъ, передачи ея по наслѣдству; опредѣленіе семейно-имущественныхъ правъ—взаимныхъ правъ членовъ семьи по отношенію къ мірской землѣ; пересмотръ существующихъ законовъ о раздѣлахъ и передѣлахъ, не соотвѣтствующихъ существующему обычаю и потребностямъ крестьянъ; опредѣленіе гражданскихъ правъ міра—земельной общины, какъ юридическаго лица, собственника мірской земли, независимаго отъ административной единицы—сельскаго общества; опредѣленіе юридическихъ отношеній общины къ внѣшнему міру и къ ея членамъ и отношеній ея членовъ между собой; пересмотръ правилъ о взысканіи долговъ, лежащихъ на мірской землѣ съ тѣмъ, чтобы взысканія этихъ долговъ не производились особымъ порядкомъ—посредствомъ задержанія личности и тому подобными способами, а общимъ порядкомъ изысканія земельныхъ долговъ *).

Ограничусь сказаннымъ, такъ какъ болѣе подробное разсмотрѣніе вопроса о мірскомъ землевладѣніи завело бы насъ слишкомъ далеко.

Въ только что появившейся статьѣ Леонтьева **) «Крестьянское право въ проектѣ гражданскаго уложенія», авторъ, находя, что комиссія по проекту гражданскаго уложенія отнеслась къ крестьянскому праву, какъ къ пасынку, приводитъ слѣдующія слова кн. А. Оболенскаго изъ его статьи «Основныя причины крестьянскаго нестроенія» ***).

«Великая и широкая задача предстоитъ нашему поколѣнію, а можетъ быть также и будущимъ,—работа трудная и тяжелая—устроеніе частнаго быта освобожденныхъ крестьянъ на основаніи положительнаго закона».

Присоединимся же къ тому пожеланію, которымъ затѣмъ г. Леонтьевъ заканчиваетъ свою статью: «чтобы совокупныя усилія современныхъ юристовъ, помнящихъ свой долгъ передъ народомъ, приблизили наступленіе того дня, когда русскій народъ получитъ въ области гражданскаго права свою «русскую правду».

Сергѣй Толстой.

---

*) Какъ радикальное средство противъ всѣхъ фискальныхъ невзгодъ, испытываемыхъ крестьянами, можно пожелать прежде всего сложенія съ нихъ выкупныхъ платежей.

**) *Право*, 1904 г., № 12—14.

***) *Русскій Вѣстникъ*, іюль 1894 г.

Журнальное обозрѣніе.

Послѣднія книги журналовъ полны статей, посвященныхъ памяти Н. К. Михайловскаго. Въ одной мартовской книгѣ *Русскаго Богатства* мы находимъ три подобныхъ статьи. Г. Карышевъ нѣсколькими отрывочными, суммарными штрихами воспроизводитъ духовный обликъ покойнаго публициста, главный источникъ обаянія котораго на лично знавшихъ и не знавшихъ его заключался въ убѣжденности, въ его неизмѣнномъ служеніи правдѣ, въ горячей проповѣди культа личности. Г. Карѣевъ характеризуетъ его, какъ замѣчательнаго соціолога, мѣсто котораго было бы однимъ изъ видныхъ и въ любой изъ иностранныхъ литературъ. «Современная соціологическая литература,—пишетъ г. Карѣевъ,—распадается на два большихъ отдѣла, одинъ сравнительно-историческаго изученія соціальныхъ формъ (общественнаго строя, учрежденій и т. п.), другой—абстрактнаго истолкованія соціальной эволюціи. Соціологи перваго направленія собираютъ и подвергаютъ научной обработкѣ историческій и этнографическій матеріалъ, изъ котораго должно строиться зданіе молодой науки; соціологи второго направленія уже теперь являются архитекторами, работающими надъ проектами этого зданія или уже прямо строящими его модели. Къ сравнительно-историческому изученію экономическихъ и соціальныхъ, юридическихъ и политическихъ формъ Михайловскій лично былъ довольно равнодушенъ, не потому, что не видѣлъ плодотворности изслѣдованій того рода, а потому, что за внѣшними формами учрежденій въ сравнительно-историческихъ изслѣдованіяхъ не видно обыкновенно живыхъ личностей, самихъ людей, изъ которыхъ историческій процессъ, изучаемый сравнительнымъ методомъ, строитъ эти свои формы. Когда же представители сравнительно-исторической соціологіи заявляли, что здѣсь все, что здѣсь, такъ сказать, «и законъ, и пророки»,—онъ противъ этого протестовалъ. Въ другой группѣ произведеній соціологической литературы можно различить четыре главныхъ направленія: органическую теорію, дарвинизмъ, экономическій матеріализмъ и психологическое направленіе. Михайловскій обнаружилъ всю силу своего недюжиннаго критицизма на первыхъ трехъ изъ названныхъ направленій, всю силу недюжинной творческой способ-

пости своего ума по части теоретическихъ построеній на психологическомъ обоснованіи соціологіи. Корень его несогласія съ этими тремя направленіями былъ въ его основномъ пониманіи человѣческой индивидуальности, какъ факта психологіи, и въ его уваженіи къ человѣческой личности, какъ принципу этики, ибо въ органической школѣ соціологіи человѣческая индивидуальная личность приравнивалась къ простой клѣточкѣ общественнаго организма съ ея служебной ролью средства, коимъ онъ пользуется къ достиженію своихъ цѣлей, ибо въ дарвинизмѣ человѣческая личность принималась только за животную особь, борющуюся за физическое свое существованіе, ибо, наконецъ, пересаженный на русскую почву экономическій матеріализмъ съ особеннымъ задоромъ объявлялъ, что личность—простой продуктъ среды и поэтому величина, которою можно пренебрегать, quantité négligeable, какъ выражались сами адепты новаго ученія. И если, я думаю, особое стремленіе чувствовалъ Михайловскій къ психологическому обоснованію соціологіи, то потому, что оно ставило его лицомъ къ лицу съ человѣческой индивидуальностью, какъ съ однимъ изъ фактовъ дѣйствительности, и съ человѣческой личностью, какъ этическимъ принципомъ».

О томъ, что Михайловскій, какъ соціологъ, занялъ бы, несомнѣнно, видное мѣсто въ иностранной литературѣ, если бы положеніе нашей научно-философской литературы не представлялось такимъ, что всѣ русскіе авторы въ этой области, которые не издаютъ своихъ сочиненій на иностранныхъ языкахъ или по крайней мѣрѣ не реферируютъ въ иностранныхъ журналахъ—остаются неизвѣстными всему остальному цивилизованному міру, свидѣтельствуетъ г. Мокіевскій. Онъ указываетъ на имена нѣкоторыхъ весьма извѣстныхъ ученыхъ западной Европы и Америки, которые позднѣе Михайловскаго развивали взгляды, весьма сходные или даже тождественные съ взглядами Михайловскаго, и ученія которыхъ пользуются громкою извѣстностью. Въ самомъ дѣлѣ, можно спорить о правильности или неправильности воззрѣній Михайловскаго, но, конечно, нельзя не признать, что во всякомъ случаѣ ему доставили бы громкую извѣстность уже одни тѣ его воззрѣнія, которыя, будучи высказаны значительно позже его Лестеръ Уордомъ, Тардомъ, Фулье и Вильямомъ Джемсомъ, доставили этимъ ученымъ такую громкую извѣстность.

Тѣмъ живымъ корнемъ, изъ котораго вырастала и соціологія, и публицистика, и литературная критика Михайловскаго, была его борьба за интересы цѣльной и гармонически развитой личности. Однако, на самый методъ разработки имъ вопросовъ, на практическіе выводы изъ основныхъ положеній его соціологической схемы, на тѣ выводы, которые и придавали жизненность отвлеченной и черезчуръ общей формулѣ, несомнѣнно наложило печать извѣстное настроеніе семидесятыхъ годовъ. Активность въ томъ духѣ, какой только и могъ признавать Михайловскій, въ духѣ непосредственнаго служенія человѣческой личности, была имъ куплена цѣною субъективнаго метода, провозглашеннаго имъ методомъ научнымъ. «Синтезъ чуждъ былъ Михайловскому, — пишетъ г. Невѣдомскій, — (Н. К.

Михайловскій, *Міръ Божій*, апрѣль) этотъ многострадальный, медленный путь развитія, который проходитъ Европа, и на который вступили и мы; слишкомъ далекъ онъ былъ со своимъ влеченіемъ къ гармоничности отъ всѣхъ раздѣленій, которыя вноситъ въ жизнь этотъ путь, отъ представленія, что эта дифференціація общества, приводя, съ одной стороны, къ однородности личности, одновременно, медленно, но неуклонно создаетъ и разнородность и цѣльность ея не только по той причинѣ, что человѣкъ, по словамъ Зиммеля, есть существо различное (Differenzwesen) и всѣ общественные контрасты обогащаютъ его психику совершенно недоступными при иныхъ условіяхъ чувствами и представленіями; а потому еще, что этотъ процессъ сопровождается измѣненіемъ гражданской структуры общества, что личность привлекается къ участію въ общественныхъ интересахъ, получаетъ массу общечеловѣческихъ свойствъ и атрибутовъ, которые, вѣроятно, совершенно отсутствовали бы, если бы раздѣленіе труда не одолѣло, если бы «восторжествовалъ принципъ простого сотрудничества, если бы цивилизація раздвинула именно этимъ видомъ кооперации личное существованіе равномѣрно во всѣ стороны». Вы помните, что Михайловскій, дѣлая это предположеніе, останавливается на многоточіи, а затѣмъ пишетъ: «Я не знаю, что бы тогда было», но очевидно ему рисуется нѣчто лучезарно-прекрасное. Мы можемъ ему отвѣтить, что тогда, пожалуй, ничего хорошаго бы не было, а жизнь стояла бы на одномъ мѣстѣ, и цивилизація ничуть «не раздвинула бы» личное существованіе. Впрочемъ, о многихъ важныхъ и крупныхъ ошибкахъ міровоззрѣнія Михайловскаго такъ много говорилось и писалось, начиная съ 90-хъ годовъ, съ возникновеніемъ такъ называемаго экономическаго матеріализма, влившаго, несмотря на свою односторонность, плодотворную струю въ теченіе нашей общественной мысли, что повторять эти разсужденія теперь не приходится. Къ тому же и самъ экономическій матеріализмъ, столь ярымъ противникомъ котораго былъ Михайловскій, во многихъ существенныхъ и важныхъ пунктахъ своего ученія потерпѣлъ такое пораженіе, отъ котораго ему ужъ никогда не оправиться. Посмотрите, напримѣръ, на статью г. Нежданова въ мартовской книгѣ *Образованія*, гдѣ пріютились тѣ немногіе «ортодоксальные марксисты», какъ они себя величаютъ, которые какимъ-то чудомъ спаслись отъ крушенія. Но, увы, повидимому, и на нихъ крушеніе наложило неизгладимый отпечатокъ. По крайней мѣрѣ, въ статьѣ г. Нежданова «Что такое діалектическій матеріализмъ» отъ прежняго ортодоксальнаго марксизма осталось очень немного, главнымъ образомъ его правильный методъ. «Научное философское развитіе,—пишетъ г. Неждановъ,—возникающее какъ естественный результатъ на почвѣ удовлетворенія высшихъ духовныхъ потребностей, имѣетъ, несомнѣнно, свою внутреннюю причинность, свои внутренніе законы развитія. Его послѣдовательный ходъ, тѣ стадіи, которыя оно проходитъ, не могутъ быть объяснены экономическимъ развитіемъ...» Быть можетъ, то же самое придется сказать и о раз-

витіи искусства, нравственныхъ понятій, религіозныхъ и правовыхъ норм, которыя, несомнѣнно, находятся въ постоянномъ взаимодѣйствіи между собою и съ развитіемъ экономическихъ отношеній, но уже не считаются всецѣло изъ послѣднихъ вытекающими, простой надстройкой надъ экономическимъ базисомъ. Далѣе г. Неждановъ устанавливаетъ то положеніе, что діалектическій матеріализмъ не можетъ претендовать на объясненіе хода историческаго процесса, взятаго въ цѣломъ.

На развитіе человѣческаго общества,—пишетъ онъ,—оказываютъ вліяніе внѣшняя и внутренняя цѣпь причинъ и слѣдствій. Мы будемъ имѣть передъ собою внутреннюю причинность, когда одна стадія человѣческаго общества естественно развивается изъ другой на почвѣ тѣхъ тенденцій, которыя таились уже въ предыдущей стадіи; мы будемъ имѣть передъ собою внѣшнюю причинность, когда въ жизни человѣческаго общества начинаютъ крупную роль играть явленія, которыя не вытекаютъ изъ предыдущаго процесса его развитія, а явились слѣдствіемъ просто извѣстной комбинаціи физическихъ силъ. Характерной чертой матеріалистическаго пониманія исторіи является, по мнѣнію г. Нежданова, то, что оно стремится объяснить не всѣ вообще историческія явленія, а только внутреннюю причинность, развивающуюся въ человѣческомъ обществѣ. Чѣмъ ближе исторія подходитъ къ настоящему, тѣмъ большую сумму историческихъ явленій можетъ объяснить матеріалистическое пониманіе исторіи, такъ какъ тѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ въ развитіи общества внутренняя его причинность.

Въ чемъ же заключается эта причинность, которая развивается въ человѣческомъ обществѣ на почвѣ тѣсной, неразрывной общественной связи между людьми? Причинность эта состоитъ въ развитіи способовъ производства съ цѣлью достиженія все большей и большей производительности труда и имѣетъ пока безсознательный характеръ. Господствующая, преобладающая, такимъ образомъ, роль въ общественномъ процессѣ экономики покоится только на томъ, что она является точкой приложенія той силы, которая вызываетъ общественное развитіе. И этой силой, конечно, является психика людей съ ихъ господствующими побужденіями. Но побужденія эти у большинства людей выступаютъ еще въ такой низшей, недоразвившейся формѣ, что не могутъ ложиться непосредственно въ основу духовнаго развитія, а получаютъ точку приложенія именно въ экономической области, что и позволяетъ признать внутреннюю причинность общественнаго развитія экономическимъ процессомъ. Такова въ нѣсколькихъ словахъ сущность разсужденій г. Нежданова. Признаемся, что разсужденія эти представляются намъ въ значительной степени схоластическими.

Къ чему понадобилось автору произвольное дѣленіе одной причинной цѣпи на цѣпь внутренней и внѣшней причинности? Дѣленіе это совершенно не раціонально, хотя г. Неждановъ думаетъ иначе. По крайней мѣрѣ, задаваясь вопросомъ, что̀ такое геній для человѣческаго общества, онъ отвѣчаетъ, что «это для него случайное явленіе, такъ какъ оно совсѣмъ не вытекаетъ изъ предыдущаго его развитія; это

то же время проявленіе внѣшней причинности, такъ какъ это продуктъ нѣкоторой соціальной комбинаціи физическихъ условій, дѣйствовавшихъ при зачатіи организма».

Подобная новая теорія геніальности повергнетъ насъ въ величайшее изумленіе; надѣемся, что и читатель сразу же оцѣнитъ все достоинство и оригинальность этой теоріи. По нашему же мнѣнію именно примѣръ геніальнаго человѣка ясно показываетъ, насколько произвольно, ненужно и схоластично дѣленіе на внѣшнюю и внутреннюю причинность развитія человѣческаго общества, потому что геніальный человѣкъ, являясь однимъ изъ звеньевъ общей цѣпи, даетъ въ свою очередь этой цѣпи то или иное дальнѣйшее направленіе. Здѣсь не мѣсто подробно останавливаться на статьѣ г. Неждановa. Одно намъ кажется несомнѣннымъ, а именно то, что зерно истины, бывшее въ направленіи такъ называемаго марксизма, прочно вошло теперь въ общественное сознаніе; то же, что было въ немъ ложнаго, исключительнаго, отпало, какъ ненужная шелуха, такъ что говорить теперь о какой-то системѣ ортодоксальнаго марксизма, какъ это дѣлаетъ г. Луначарскій въ своемъ письмѣ въ редакцію *Образованія*, врядъ ли умѣстно. И Михайловскій въ своихъ послѣднихъ произведеніяхъ былъ не совсѣмъ не правъ, торжествуя побѣду надъ марксизмомъ, если подъ нимъ понимать стройную и объединенную систему. Едва ли въ послѣдніе два года жизни Михайловскаго могла бы разыграться маленькая сцена, которая произошла нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ самый разгаръ марксистскаго движенія, и о которой разсказывалъ П. Я. «Однажды, помню, въ день именинъ Михайловскаго, въ началѣ 90-хъ годовъ (двери его демократической квартиры не запирались въ этотъ день, и посѣтители забирались къ нему въ несмѣтномъ количествѣ), къ нему явился какой-то молодой марксистъ и съ положительной наглостью допрашивалъ Михайловскаго, какъ это онъ не переходитъ на его, марксиста, точку зрѣнія, правильность которой достаточно, казалось бы, очевидна... Михайловскій не прогналъ этого господина, хотя онъ вполнѣ того заслуживалъ, а отошелъ въ сторону, гдѣ случился и я, и со слезами на глазахъ проговорилъ: «Странный народъ, требуютъ, чтобы мы отказались отъ того, чѣмъ жили всю жизнь—вотъ такъ, однимъ почеркомъ пера, возьми и отрекись...» Сценка эта глубоко запечатлѣлась въ моей памяти и многое объяснила мнѣ въ дѣятельности Михайловскаго за послѣдніе годы». Въ самомъ дѣлѣ, невозможность приблизиться къ новой точкѣ зрѣнія обусловлена была въ Михайловскомъ, какъ правильно замѣчаетъ далѣе П. Я., кромѣ его горячей убѣжденности, еще и страстной приверженностью его къ памяти 70-хъ годовъ и къ памяти дѣятелей этой эпохи.

Современному читателю трудно себѣ представить, чѣмъ были для своего времени *Отечественныя Записки* и группировавшіеся около нихъ писатели, память которыхъ такъ свято чтилъ Михайловскій. «Мнѣ не разъ приходилось слышать—пишетъ Невѣдомскій въ цитированной уже нами статьѣ—отъ людей, пережившихъ тѣ годы, что каждая книжка ожидалась,

какъ событіе, читалась, какъ евангеліе. Журналы были истиннымъ органомъ передовой группы тогдашняго общества, были полны той руководящей публицистики, которой оно такъ жаждало, которая такъ вдохновляла на дѣло, такъ уясняла жизнь. Незачѣмъ и говорить, что по своему значенію *Русское Богатство*, да и ни одинъ иной современный журналъ не могутъ быть поставлены рядомъ съ органомъ критическаго народничества. Причинъ этому много, и дѣло тутъ не въ отсутствіи только талантовъ, подобныхъ Салтыкову и Успенскому.

«Жизнь усложнилась и раздробилась до такой степени, что даже передовыя ея теченія не направляются по одному руслу, не могутъ, я готовъ сказать, не должны слиться въ одно русло. Поэтому руководительство, подобное руководительству *Отечественныхъ Записокъ*, совершенно не мыслимо. Литература становится только совѣщательнымъ органомъ. И партій стало больше, да и литераторъ уже не является предводителемъ партіи; онъ лишь мыслитель, обладающій умѣньемъ письменно высказываться. Въ средѣ зрѣлаго развитого общества найдутся, разумѣется, люди не хуже его, а то и гораздо лучше разбирающіеся въ общественныхъ вопросахъ, во всѣхъ вопросахъ жизни. Вотъ почему теперь невозможна, да и не желательна, на мой взглядъ, роль литературнаго руководителя жизни для журнала, роль властителя думъ, учителя жизни для литератора; отсутствіе такихъ органовъ руководителей и учителей жизни есть признакъ не упадка литературы, а роста общественности, развитія и углубленія общественной мысли».

Но для своего времени *Отечественныя Записки* были общественнымъ мнѣніемъ интеллигенціи. Приговоръ журнала былъ для нея безапелляціоненъ. Не мало именъ было создано ими; не мало людей подвергнуты были моральной смертной казни. Это были «руль и вѣтрило» пробудившагося въ эпоху великихъ реформъ общественнаго самосознанія. И рулевыми, какъ извѣстно, были Михайловскій, Елисеевъ, Салтыковъ и Некрасовъ.

Салтыкову и Некрасову къ послѣднихъ книжкахъ журналовъ посвящены двѣ статьи: «Салтыковъ», опытъ литературной характеристики г. Кранихфельда въ апрѣльской книгѣ *Міра Божьяго*, и «Н. А. Некрасовъ. Обзоръ его литературной дѣятельности», А. Пыпина въ апрѣльской книгѣ *Вѣстника Европы*.

Г-нъ Кранихфельдъ описываетъ дѣтство и учебные годы М. Е. Салтыкова. Передъ читателемъ проходитъ тяжелая картина стараго дворянскаго гнѣзда, гдѣ вся атмосфера была насыщена и дышала крѣпостнымъ правомъ, гдѣ имъ опредѣлялись всѣ взаимныя отношенія домашнихъ, гдѣ отъ него исходило все, какъ отъ основного источника жизни, гдѣ къ нему, какъ рѣки къ океану, стекались всѣ помыслы, всѣ чаянія, всѣ опасенія людей, захваченныхъ этой крѣпкой системой, «унизительнаго безправія, всевозможныхъ изворотовъ лукавства и страха передъ перспективой быть ежеминутно раздавленнымъ».

Немудрено, что безрадостное дѣтство, проведенное среди семейнаго раз-

нада, съ одной стороны, и неограниченнаго деспотизма—съ другой, наложило свой отпечатокъ на всю послѣдующую жизнь великаго сатирика. Первымъ горячимъ лучомъ, осіявшимъ дѣтскую совѣсть Салтыкова, было Евангеліе, къ чтенію котораго онъ сильно пристрастился, которое дало ему то идеалистическое настроеніе, которымъ онъ былъ проникнуть всю свою дальнѣйшую жизнь. Характеристикой учебныхъ годовъ Салтыкова, проведенныхъ имъ въ Московскомъ дворянскомъ институтѣ и въ царскосельскомъ лицеѣ съ ихъ формалистикой, съ первыми поэтическими опытами, восторженно принятыми товарищами, пока заканчивается статья г. Крайнихфельда.

Г-нъ Пыпинъ, прослѣживая литературную дѣятельность Некрасова, приводитъ нѣсколько интересныхъ отрывковъ журнальнаго характера, главнымъ образомъ прозаическихъ, не нашедшихъ себѣ мѣста въ полномъ собраніи сочиненій поэта. Статья заканчивается глубоко продуманной и вѣрной, хотя и не представляющей изъ себя чего-либо новаго, оцѣнкой поэзіи Некрасова.

Чтобы закончить нашъ обзоръ, мы должны упомянуть еще объ интересной статьѣ, помѣщенной въ мартовской книгѣ *Русскаго Богатства* «изъ записокъ декабриста» Н. И. Лорера. Интересно прежде всего его воспоминаніе о Пестелѣ:

„Освоившись, обжившись въ полку и проведя съ Пестелемъ почти неразлучно два года, до минуты, когда насъ судьба такъ жестоко и навсегда разлучила, я зналъ его коротко и могу сказать про него, что онъ былъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей своего времени. Онъ жилъ открыто, и штабные полка всегда у него бѣдали. Квартиру онъ занималъ очень простую, на площади, противъ экзерциргауза. о всю длину его немногихъ комнатъ тянулись полки съ книгами, болѣе политическими, экономическими, вообще ученаго содержанія и излагающими всевозможныя онституціи. Не знаю, чего этотъ человѣкъ не прочелъ на своемъ вѣку на многихъ ностранныхъ языкахъ; 12 лѣтъ писалъ онъ свою *Русскую Правду*. Къ тому же естель имѣлъ громадную память. Эта *Русская Правда* часто хранилась у меня, когда естель долженъ былъ отлучаться изъ дому на продолжительное время: такъ берегъ гъ до поры до времени свое дѣтище. Я нѣсколько разъ прочитывалъ эту конституцію для Россіи и помню, что вступленіе было написано увлекательно, мастерски, ь и вообще чего, кажется, не сообразилъ этотъ человѣкъ, приноравливаясь къ русскимъ правамъ!

Не разъ, бесѣдуя съ Пестелемъ съ глазу на глазъ въ длинные зимніе вечера, я прашивалъ его: „Какъ это вы, П. И., геніальный человѣкъ, а, не шутя, полагаете озможнымъ водворить въ Россіи республику". А Соединенные Штаты чѣмъ же лучше ьсъ?—отвѣчалъ онъ мнѣ.—Но тамъ другіе элементы,—возражалъ я. „Помилуйте, оединенные Штаты долго были колоніей Англіи, платили ей дань, и только, когда чувствовали всю мощь и у нихъ явился Вашингтонъ, рѣшились отдѣлиться". „Пожимъ и у насъ найдутся Вашингтоны, Франклины, но общество наше еще къ этому евороту не готово, и признаюсь вамъ, что я, по крайней мѣрѣ, не вижу хорошаго исхода. Не безпокойтесь, вступивъ въ общество, я не измѣню вашимъ цѣлямъ, чувствую, что мы играемъ въ опасную игру. Я не вижу никакого приготовленія. ого мало, что ежедневно принимаютъ тамъ и сямъ одного, другого члена"... „Ваша правда, сказалъ мнѣ Пестель, но въ Васильковѣ дѣла идутъ лучше. С. Муравьевастола полкъ любитъ и, я увѣренъ, всюду за нимъ пойдетъ". „Ну позвольте же

вамъ сказать теперь, что ваша система командованія полкомъ ужъ никакъ не приведетъ къ тѣмъ же результатамъ. Солдаты васъ не знаютъ, можетъ быть, и не любятъ, офицеры боятся... Будьте же сами популярнѣе".

Такъ коротали мы наше время, и разъ онъ мнѣ разсказалъ, что, бывши адъютантомъ у графа Виттенштейна, стояли они съ корпусомъ въ Митавѣ, гдѣ Пестель познакомился съ 80-лѣтнимъ Паленомъ. Полюбивъ Пестеля, старикъ бывалъ съ нимъ откровененъ и, замѣтя у него еще тогда зародыши революціонныхъ идей, однажды ему сказалъ: „Ecoutez jeune homme! Si vous voulez faire quelque chose par une société secrète, c'est une bêtise; car, si vous êtes douze, le douzième sera invariablement un traître, j'ai de l'expérience, et je connais le monde et les hommes"! Какая истина! Зловѣщее пророчество сбылось. Павла Ивановича пріятно было слушать, онъ мастерски говорилъ и всегда умѣлъ убѣждать, но часто проглядывало въ его словахъ непомѣрное честолюбіе и тщеславіе. И самъ онъ однажды сознался, что многіе ему уже это замѣчали, на что онъ имъ обыкновенно отвѣчалъ: „На наше дѣло надобно имѣть поболѣе честолюбія. Оно можетъ и васъ подвинуть къ скорѣйшему начатію. А за себя, даю вамъ слово, когда русскій народъ будетъ счастливъ, принявъ „Русскую Правду", я удалюсь въ кіевскій какой-нибудь монастырь и буду доживать свой вѣкъ монахомъ". „Да, отвѣтилъ я ему, улыбнувшись, чтобы васъ и оттуда вынесли на рукахъ съ торжествомъ". „Впрочемъ, прервалъ онъ меня,—кому быть повѣшеннымъ, тотъ не утонетъ.—А со мною послѣдняго не случилось, ибо въ дѣтствѣ моемъ, когда отецъ мой отправлялъ меня съ старшимъ братомъ въ Дрезденъ, для нашего воспитанія, то нанялъ для насъ мѣсто на одномъ купеческомъ суднѣ въ Кронштадтѣ. Все было готово уже къ отъѣзду, мы уже простились съ отцомъ, какъ вдругъ онъ вздумалъ не отпускать насъ на этомъ суднѣ, велѣлъ забрать наши вещи и приказалъ пересѣсть на другое... Мы тогда, исполнивъ его волю, только удивлялись причудамъ старика, но каково же было наше удивленіе, когда, прибывъ благополучно въ Дрезденъ, мы узнали, что оставленное нами судно не дошло до своего назначенія и съ пассажирами и грузомъ потонуло... безъ слѣда. Сердце старика моего вѣрно чуяло бѣду, готовившуюся разразиться надъ головами его чадъ. И вотъ я остался живъ, какъ видите".

Общество, какъ извѣстно, было открыто черезъ доносъ Майбороды. Говорятъ, что первый доносъ, который онъ представилъ государю Александру, былъ имъ кинутъ въ каминъ, недочитанный, со словами: «мерзавецъ, выслужиться хочетъ». Но когда графъ Виттъ явился вскорѣ послѣ этого къ государю, то онъ строго его встрѣтилъ этими словами: «Что дѣлается у васъ? Около васъ? Вездѣ заговоры, тайныя общества, а вы и Киселевъ объ этомъ ничего не знаете! Ежели все это правда, то оба будете имѣ крѣпко отвѣчать»! Виттъ тогда же отвѣчалъ, что онъ знаетъ о тайномъ обществѣ и съ тѣмъ именно явился къ государю, чтобы представить списокъ заговорщиковъ южнаго общества, во главѣ коихъ стояло имя Пестеля. Тогда государь послалъ будто бы Чернышева поразвѣдать подробности о дѣлѣ этомъ, а самъ между тѣмъ скончался отъ крымской лихорадки, простудившись на южномъ берегу». Событія слѣдовали дальше съ странной быстротой, и скоро Пестель и самъ Лореръ были арестованы и отправлены въ Петербургъ. Интересенъ еще разговоръ Лорера съ государемъ Николаемъ I въ Эрмитажѣ, куда Лорера привезли спеціально съ этой цѣлью.

Изъ другого конца длинной залы шелъ государь въ измайловскомъ сюртукѣ, застегнутомъ на всѣ крючки и пуговицы. Лицо его было блѣдно, волосы взъерошены

Никогда не удавалось мнѣ его видѣть такимъ. Я твердыми шагами пошелъ было къ нему навстрѣчу, но онъ издали еще, движеніемъ руки, меня остановилъ, и самъ тихо подходилъ ко мнѣ, мѣряя меня глазами... Я почтительно поклонился. „Знаете ли вы наши законы"?—началъ онъ. „Знаю, ваше величество". „Знаете ли, какая участь васъ ожидаетъ? Смерть!" и онъ показалъ, проведя рукой по своей шеѣ. Я молчалъ.

„Чернышевъ васъ долго убѣждалъ сознаться во всемъ, что вы знаете, и должны знать, а вы все финтили. У васъ нѣтъ чести, милостивый государь". Тутъ я невольно вздрогнулъ, у меня захватило дыханіе, и я невольно проговорилъ: „я въ первый разъ слышу это слово, государь"... Государь сейчасъ же опомнился и ужъ гораздо мягче продолжалъ: „Сами виноваты, сами... Вашъ бывшій полковой командиръ погибъ; ему нѣтъ спасенія... А вы должны мнѣ все сказать. Вы пользовались его дружбой, и должны мнѣ все сказать, слышите ли... а не то, погибнете, какъ и онъ"... Ваше величество,—началъ я.—Я ничего болѣе не могу прибавить къ моимъ показаніямъ въ отвѣтныхъ моихъ пунктахъ... Я никогда не былъ заговорщикомъ, якобинцемъ, всегда былъ противникъ республики, любилъ покойнаго государя императора и только желалъ для блага моего отечества коренныхъ правдивыхъ законовъ. Можетъ быть, я заблуждался, но мыслилъ и дѣйствовалъ по своему убѣжденію"... Государь слушалъ меня внимательно и вдругъ, подойдя ко мнѣ быстро, взялъ меня за плечи, повернулъ къ свѣту лампы и посмотрѣлъ мнѣ въ глаза. Тогда движеніе это и дѣйствіе меня удивило, но послѣ я догадался, что государь, по суевѣрію своему, искалъ у меня глазъ черныхъ, предполагая ихъ принадлежностью истыхъ карбонаріевъ и либераловъ. Но у меня онъ нашелъ глаза сѣрые и вовсе не страшные.

Государь сказалъ что-то на ухо Левашеву и ушелъ... Тѣмъ и кончилась моя аудіенція.

Когда государь вышелъ, Левашевъ торопился печатать и надписывать какой-то конвертъ и, между прочимъ, обратился ко мнѣ: „Государь вами очень недоволенъ, вы упрямы и нечистосердечны попрежнему... Вы, господа, поторопились, поспѣшили и предупредили ходъ вещей пятидесятью годами"... Тутъ онъ позвонилъ, и въ комнату влетѣлъ новый фельдъегерь"...

Прямо изъ Эрмитажа Лореръ былъ отправленъ въ крѣпость. На этомъ пока обрываются записки, продолженія которыхъ мы будемъ ждать съ большимъ интересомъ.

Ѳ. Арн.

Повѣсть А. Погорѣлова «Омутъ» (*Русское Богатство*, III и IV), какъ и другія произведенія этого талантливаго писателя, раскрываютъ яркую и широкую картину жизни,—главнымъ образомъ, ея неправды.

Въ управленіи горныхъ заводовъ и вокругъ него, тамъ, гдѣ цѣною чужого труда и крови добываютъ золото, царятъ возмутительная несправедливость, насиліе и развратъ. Мастеровые и крестьяне, даже малолѣтнія питомицы лицемѣрнаго пріюта—всѣ одинаково падаютъ жертвами чужой алчности и похоти. Горный инженеръ, тайный совѣтникъ Угаринъ своей благообразной фигурой увѣнчиваетъ зданіе этой храмины, и горе тому, кто, обманутый его благообразіемъ и благодушіемъ, пожелаетъ найти въ немъ защитника отъ обиды и произвола! Угаринъ и самъ беретъ взятки, беретъ ихъ изящно,—какъ же можетъ онъ возставать противъ своего довѣреннаго Ивана Абрамовича, который тоже беретъ взятки, но гораздо проще и въ меньшемъ размѣрѣ? И такъ одна рука моетъ другую, и въ результатѣ—грязь.

Когда въ номерѣ мѣстнаго листка появился текстъ договора, заключеннаго однимъ богачомъ съ казной объ арендѣ аксайскаго завода,—договора для казны оскорбительно-невыгоднаго и какъ будто надъ нею издѣвающагося, то въ официальныхъ сферахъ забили тревогу, стали доискиваться, черезъ кого и какъ попалъ документъ въ печать.

На газету посыпались непріятности. Редакторъ-издатель, отставной подпоручикъ Тенорскій, въ страхѣ за дальнѣйшую судьбу своего злосчастнаго органа, разъ въ ѣздилъ къ полиціймейстеру, отъ полиціймейстера къ цензору, отъ цензора къ генералу. Его вездѣ принимали очень дурно, говорили обидныя и непріятныя вещи... Тенорскій вернулся въ редакцію поздно вечеромъ, измученный и злой, и набросился на секретаря. Тотъ молча показалъ ему испещренную красными чернилами корректуру завтрашняго номера, изъ котораго было вычеркнуто рѣшительно все, кромѣ телеграммъ и правительственныхъ распоряженій.

Съ тѣхъ поръ въ газетѣ вмѣсто передовыхъ статей стали печататься анафисты, появились очень глупыя нападки на либераловъ, на земское и городское самоуправленіе, но уже ничто не могло спасти газеты, и черезъ два мѣсяца она прекратила свое существованіе.

Представитель горнозаводскаго управленія, названный уже Иванъ Абрамовичъ, даетъ молодому адвокату Чижу цѣнные совѣты, какъ выиграть дѣло у возмутившихся неправдой крестьянъ. Онъ предлагаетъ направить дѣло не въ судебномъ, а въ административномъ порядкѣ, что достижимо, если принять рядъ мѣръ: «Настаивайте на отмѣнѣ приговора... Требуйте удаленія уполномоченныхъ, какъ смутьяновъ и подстрекателей... Просите объ увольненіи учителя, который, какъ оказалось, давалъ мужикамъ совѣты, просите о переводѣ въ другой участокъ земскаго врача... Наконецъ, жалуйтесь на бездѣйствіе полиціи, которая допускаетъ подобное состояніе умовъ... что-нибудь въ этомъ родѣ». Молодой адвокатъ Чижъ оказался на высотѣ преподанной ему миссіи, «такъ что, когда понадобилось написать обличное донесеніе о разнузданности мѣстной печати, то составленіе его было поручено Чижу».

Вокругъ управленія горныхъ заводовъ концентрически располагаются другія сферы быта, и въ нихъ происходитъ то же самое. Напримѣръ, купецъ Лопатинъ былъ самымъ популярнымъ въ городѣ человѣкомъ; но когда въ одну ночь нежданно-негаданно къ нему явились съ обыскомъ и черезъ день выпустили его, «разсыпаясь въ извиненіяхъ по поводу прискорбной ошибки», то съ этого времени его популярность быстро пошла на ущербъ. Вотъ онъ предложилъ городу крупное пожертвованіе на Пушкинскую общественную библіотеку, но гласные увидѣли здѣсь политически-сомнительный даръ и отвергли его. Въ засѣданіи думы мукомолъ Пустовъ тонкимъ бабьимъ голосомъ жаловался, что «Лопатинъ съ господиномъ Пушкинымъ впутываютъ гласныхъ въ нехорошее дѣло и что надо вопросъ отклонить». Адвокатъ Мелехинъ съ «поблѣднѣвшимъ, взволнованнымъ, преступнымъ лицомъ» предостерегалъ гласныхъ отъ участія въ неблагонадежномъ поступкѣ. Онъ говорилъ, между прочимъ:

„Дѣло осложняется, господа, извѣстными вамъ деликатнаго свойства обстоятельствами, которыя сопутствовали или вѣрнѣе предшествовали этому дару... Я, конечно,

не позволю себѣ распространяться на эту щекотливую тему, но думаю, что и безъ того всякій пойметъ, о чемъ я говорю... Я воздержусь отъ намековъ, и скажу только, что дыму безъ огня не бываетъ. Я укажу на одну сторону заявленія почтеннѣйшаго Николая Николаевича, на его тонъ. Тонъ, говорятъ, дѣлаетъ музыку. А въ данномъ случаѣ тонъ безусловно протестующій... Лично я, можетъ быть, не имѣлъ бы ничего противъ протеста вообще, т.-е. въ смыслѣ указанія кому слѣдуетъ слишкомъ узкихъ рамокъ, потому что извѣстная доля свободы въ выраженіи своихъ мнѣній является необходимымъ условіемъ всякой гражданственности. Это такъ, говоря вообще... Но, господа, только не въ настоящій моментъ, только не со стороны общественныхъ учрежденій, не въ такой формѣ и не по такому поводу... Хотя это, между прочимъ, и не въ этомъ суть... Суть въ томъ, что и Пушкинское общество, и пожертвованія на библіотеку—дѣло для насъ въ высокой степени постороннее и впутываться въ эту исторію, по меньшей мѣрѣ, неблагоразумно".

Все это зловѣщее и дурное, весь этотъ «омутъ», вся атмосфера неправды нашли себѣ въ изображеніи г. Погорѣлова очень сильныя бытовыя краски. Рядъ лицъ и сценъ смѣняется передъ вами типичной вереницей. Невольное прикосновеніе къ пошлости, знаніе житейской тины, мошенничества въ его разнообразныхъ формахъ, всетаки не помѣшали автору сдѣлать изъ своего произведенія нѣчто чистое и неоскорбительное. Сквозь «сплошной грѣхъ, смрадъ и мерзость», сквозь «тяжелый багрянецъ зари», которая, «опустившись висѣла надъ землей какъ будто вся тяжесть людскихъ грѣховъ», просвѣчиваетъ идеалистическій строй души, глубокое довѣріе къ человѣку. Оно сказалось и въ томъ, что г. Погорѣловъ въ центрѣ своего разсказа поставилъ образъ кающагося грѣшника, милліонера Бутылина. Въ прошломъ, да и въ настоящемъ Бутылина есть много преступнаго,—онъ предательски разорилъ и довелъ до смерти своего компаньона Сальникова, онъ проклялъ родного сына, выгналъ его изъ дому, вогналъ въ нищету, чахотку и нравственную гибель за то, что тотъ былъ исключенъ изъ горнаго института и женился на арфисткѣ; онъ держитъ въ заточеніи жену и горбатую дочь, въ изобиліи пилъ и пьетъ чужую кровь, онъ «за жалкое право людоѣдства платитъ взяточникамъ огромныя деньги», и у несчастныхъ людей, которыхъ онъ обездоливаетъ, нѣтъ защиты нигдѣ: «все законопачено, забито, всякая щель замазана», и десятки поколѣній издыхаютъ, не дождавшись барина, который пріѣдетъ и разсудитъ... Но теперь онъ увидѣлъ всю свою грѣховность и чувствуетъ себя «огромной чужой остывшей массой, въ которой боязливо трепещетъ его маленькая, ничтожная душа». Онъ—на самой границѣ психическаго разстройства, ему слышится вѣчный шорохъ: словно журчитъ вода и кто-то плачетъ тихимъ, тонкимъ жалобнымъ голосомъ; ему мерещится погубленный Сальниковъ, и онъ бесѣдуетъ съ нимъ по телефону. На юбилеѣ генерала Угарина Бутылинъ, измученный угрызеніями собственной совѣсти и зрѣлищемъ сплошной чужой безсовѣстности, опять увидѣлъ мертваго Сальникова и громко прокричалъ, какъ будто бы его устами, проклятіе всему обществу, самому юбиляру, всѣмъ этимъ «ворамъ, клеветникамъ, доносчикамъ, развратникамъ». Онъ сказалъ это и грохнулся на полъ, пораженный апоплексическимъ ударомъ. Черезъ два дня онъ умеръ. Во время панни-

хиды дочь-горбунья въ черномъ платьѣ, прячась отъ людей въ дверной нишѣ, крестилась на икону и плакала.

Въ сосѣдней комнатѣ, у полуотворенной двери стояла, невидимая для посторонихъ, высокая, суровая старуха лѣтъ восьмидесяти съ иконописнымъ пергаментнымъ лицомъ и живыми черными глазами,—мать покойнаго. Она то молилась на свои жёлтые складни, поставленные въ углу комнаты, шепча канунъ о единоумершемъ своимъ высохшими впалыми губами, то сидѣла, отдыхая, на деревянномъ стулѣ. На ея высохшемъ, точно окаменѣвшемъ лицѣ съ глубокими рѣзкими морщинами не было ни скорби, ни сожалѣнія; суровое, безпощадное осужденіе всему міру читалось въ ея недобрыхъ строгихъ глазахъ, въ ея жестахъ и движеніяхъ, во всей ея сухой великопостной фигурѣ.

А сынъ Бутылина, съ большой толпой оборванцевъ, пришелъ на могилу отца, для того чтобы произнести какую-то необыкновенно сильную рѣчь, высказать всю горечь, всѣ обиды своей неудавшейся жизни и обличить людей.

Но когда онъ увидѣлъ заколоченный гробъ и могилу, безумно плачущую мать и стоявшихъ около черной ямы людей съ печальными лицами, то остановился въ замѣшательствѣ, упалъ на комья мерзлой глины и безпомощно зарыдалъ. Изъ горла у него ручьемъ хлынула алая кровь...

Такъ въ повѣсти г. Погорѣлова переплетаются элементы жанра и личной душевной трагедіи. Надо, впрочемъ, замѣтить, что послѣдній моментъ разработанъ у автора гораздо слабѣе перваго. Бытовое заслоняетъ собою психологію. Самый образъ Бутылина не выдержанъ; сочетаніе жестокаго хищничества и чуткой совѣстливости сдѣлано неправдоподобно, неубѣдительно. То, что въ босякѣ-грабителѣ, ночью ворвавшемся для взлома кассы, Бутылинъ узнаетъ родного сына, является въ значительной степени эффектомъ мелодраматическимъ.

Г-жа Ольнемъ къ своему разсказу «Радость» (*Русское Богатство*, III) сдѣлала подзаголовокъ «Изъ дамскаго дневника». Къ счастію, однако, въ мягкомъ и элегическомъ произведеніи автора ничего спеціально-дамскаго нѣтъ,—если не считать, впрочемъ, длинноты и далекихъ отступленій (напримѣръ, характеристики, правда удачныя, разныхъ второстепенныхъ персонажей,—судьи, котораго «трудно было «провести» въ мировые судьи, потому что у него нѣтъ никакого иного диплома, кромѣ свидѣтельства о привитіи оспы»).

Героиня разсказываетъ о себѣ, что однажды въ жизни она испытала полную и захватывающую радость. Это случилось въ ея дѣтствѣ, когда она была хрупкой и болѣзненной дѣвочкой. У нея умеръ братъ Митя, любимецъ матери. Острое горе послѣдней было такъ велико, что она временно лишилась разсудка. Потомъ ее привезли изъ психіатрической лѣчебницы обратно въ деревню. Вотъ сцена ея пріѣзда:

Я стояла въ сторонѣ. Обо мнѣ забыли, и даже Гаврюшка (слуга) поцѣловалъ у мамы руку раньше, чѣмъ я. Наконецъ, она увидѣла и меня. Опять дрогнули ея брови... Она съ тревогой, съ затаенной надеждой на невозможное, робко осмотрѣла вокругъ, точно разыскивая еще кого-то, кто долженъ былъ быть рядомъ со мной. Но Мити не было, и я стояла одна. Тогда она сдѣлала нѣсколько шаговъ въ мою сторону, наклонилась, чуть приподняла меня, поцѣловала и негромко произнесла:

— Здравствуй, дѣвочка!

И только...

И вечеромъ того же дня, въ дѣтской, дѣвочка, притворявшаяся спящей, услышала, какъ мать закричала надъ нею съ внезапной злобой: «Ага-а?! Этотъ заморышъ, небось, живетъ! Растетъ! Эта не умерла? А его... его! Моего красавца—нѣтъ?» И мать забилась въ страшной истерикѣ. Зачахла дѣвочка отъ этихъ словъ, и въ безстрастномъ равнодушіи къ жизни, къ новому бѣлому платью на розовомъ чехлѣ, къ ландышамъ, которые она такъ любила, таяли ея дни. Мать, которая, разумѣется, послѣ смерти Мити еще горячѣе привязалась къ дочери, съ тоской смотрѣла на ея увяданіе и не знала, въ чемъ его причина. Лѣчили дѣвочку, но все было напрасно. Сморщенная знахарка въ пестрой турецкой шали проявила большую дальновидность, чѣмъ ученые врачи: по ея діагнозу, болѣзнь произошла «отъ злого слова».

Злое слово гибнетъ отъ добраго. И когда это доброе слово было произнесено тѣми же устами, съ которыхъ въ безуміи отчаянія сорвалось когда-то слово злое,—то болѣзнь дѣвочки прошла, и дѣвочка испытала единственную въ жизни радость. Это было на прогулкѣ, когда дѣвочка потихоньку отъ другихъ удалилась на гору и испуганная мать, наконецъ, нашла ее тамъ.

Она и радовалась, и сердилась на меня (разсказываетъ героиня). Потомъ попыталась обнять мою талію; я отодвинулась отъ нея, но она была на этотъ разъ настойчива и все-таки обняла. Ей захотѣлось заинтересовать мое вниманіе.

— Вонъ, видишь: монастырь, куда вы съ бабушкой ѣздили?

— Вижу,—послѣдовалъ безучастный отвѣтъ.

— Помнишь, въ прошломъ году, въ Николинъ день? Ты мнѣ еще просфору привезла?

— Да!—подумала я,—а ты отдала ее Митѣ, и онъ раскрошилъ.

Я сдѣлала усиліе освободиться, но объятія были крѣпкія; вступать же въ борьбу мнѣ не хотѣлось. Мать продолжала:

— Вонъ, внизу, гдѣ много тополей, тамъ—Мануйловка. А потомъ Голтва: далеко, далеко... Видишь? На горѣ, за Юрками, за Хорошками... много крестовъ на церкви? Помнишь, мы были тамъ въ гостяхъ у Скоропадскихъ? Еще у нихъ въ саду такая масса вишенъ?

— Помню,—сказала я, искоса взглядывая на мать.—И воробьевъ у нихъ много.

— Это они вишни клюютъ. А правда, что послѣ воробьевъ—самыя вкусныя вишни?

— Конечно, правда. Они подсохнутъ и станутъ слаще.

Я уже смотрѣла на мать прямымъ взглядомъ. Вѣтеръ шевелилъ густые, каштановые завитки около ея висковъ. Сама она была такая молодая, печальная и безпомощная въ бѣломъ платьѣ съ синими горошинками, въ розовомъ передникѣ тети Лизы, приколотомъ на груди двумя булавками. Мнѣ сдѣлалось до того жаль ее, что я боялась: вотъ-вотъ заплачу. Льдины, замораживающія мое сердце, подтаяли и стали расплываться, но я крѣпилась. Въ щеку матери впился большой комаръ, она не замѣчала этого. Я отогнала комара, а чувствъ своихъ рѣшила все-таки не выдавать напоказъ. Она заговорила вновь:

— Посмотри: вонъ, подъ горой, среди лѣса озеро. Какое оно синее! Какъ кусокъ аметиста въ зеленой рамкѣ. Нравится тебѣ?

— Нравится.

Она прижала свое лицо къ моему, поцѣловала меня, и крупныя слезы одна за другою побѣжали у нея по щекамъ.

— Д-а!—вскричала я, не выдержавъ дальше тяжкой твердости собственнаго характера, — теперь плачешь? А тогда хотѣла, чтобы я умерла? Ну, я и умру! Умру, умру... Сдѣлаю тебѣ удовольствіе!

— Что ты говоришь?—крикнула въ свою очередь мать.

— Нечего, нечего! Какъ будто не понимаетъ? *Тогда*, вечеромъ я вовсе не спала... А ты пришла и сказала: этотъ заморышъ живетъ, а Мити нѣту? Лучше бы она умерла... Вотъ ты какая!

— Я это сказала?—съ суевѣрнымъ ужасомъ спросила она:—и ты слышала?

Моему негодованію уже не было предѣловъ.

— Слышала, слышала!—закричала я.—И теперь умру... Вотъ увидишь!

— Боже мой!—прошептала мать и... перекрестилась.

Это было слишкомъ... Я, растерявшись, не вѣрила своимъ глазамъ: ради меня, ради сохраненія моей жизни, она готова была подчиниться тому „бабушкиному Богу", въ котораго до сихъ поръ не хотѣла вѣрить. Я заплакала отъ жалости къ ней, а она, схвативъ меня на руки и точно отъ кого-то защищая, задыхаясь, твердила:

— Ты этому не вѣрь! Не вѣрь... Слышишь, не вѣрь тому, что я тогда сказала... То была ошибка!

— Ошибка?—повторила я,—такъ это неправда?

— Охъ, какая неправда! Это отъ горя. Ты не знаешь! въ жизни бываетъ такое горе, что человѣкъ становится безумнымъ. И самъ не знаетъ, что говоритъ. Тогда онъ призываетъ на себя еще большіе удары... самъ призываетъ, на себя же!

— И это правда?—все еще съ оттѣнкомъ неполнаго довѣрія спросила я.

— Правда. Клянусь тебѣ всѣмъ, что у меня есть дорогого! Жизнью твоей клянусь... тобою...

— Нѣтъ, ты поклянись не мной, а Митей.

Она покорно повиновалась.

— Я клянусь тебѣ памятью Мити, что то была ошибка. Если бы тогда умерла ты, я тоже самое могла бы сказать Митѣ. Сказала бы: зачѣмъ Митя живъ, если я умерла? Понимаешь?

Я поняла и повѣрила.

— И ты, значитъ, любишь меня?

— О-о-о!

Въ этомъ звукѣ вылилось такъ много, что ей больше нечего было разъяснять. Я поцѣловала ея подбородокъ. Она плакала, прижимая меня къ себѣ все крѣпче и крѣпче, словно говоря кому-то: не отдамъ!

— Ну, не плачь,—сказала я, и на душѣ у меня стало легко и ясно,—не плачь. Я не умру. Даю тебѣ слово: буду жить долго, долго... Сколько хочешь? Ну, хочешь еще тридцать лѣтъ? Вотъ: честное слово, я проживу еще тридцать лѣтъ!

— Смотри,—улыбаясь сквозь слезы, съ легкой угрозою напомнила мать,—слово держать надо.

— Я знаю.

Мать вдругъ спохватилась.

— Да вѣдь прожить тебѣ еще тридцать лѣтъ это вовсе немного!

Но я уже дала слово и не хотѣла измѣнять обѣщанію.

Читатель проститъ намъ эту длинную цитату, потому что она не только длинна...

Великъ былъ восторгъ дѣвочки, и когда въ вечернемъ полусумракѣ лѣса забѣлѣла передъ нею высокая, стройная береза, она остановилась возлѣ нея: «Милая береза! Позволь, я поцѣлую тебя? У березы была такая атласистая кожица на корѣ и поцѣловать ее вовсе не было непріятно».

Много непогодъ прошумѣло надъ моею головою послѣ того безоблачнаго, ослѣпительно-яснаго дня. Я пережила мать и почти всѣхъ пророковъ, предсказывавшихъ съ такою неотвратимостью мою раннюю кончину. Но воспоминаніе о той первой обидѣ, а затѣмъ о первой, ничѣмъ не омраченной радости, уже не испарится изъ моей памяти. И когда мнѣ становится особенно тягостно, грустно или холодно въ жизни, меня неудержимо тянетъ подъ синее небо Украйны съ его похожими на разорванную вату, снѣжно-бѣлыми облаками, къ тихимъ, зеленымъ берегамъ быстраго Псела. Мнѣ все кажется, что только тамъ я могу отогрѣться и опять найти что-то нереальное, называемое радостью. Тамъ все попрежнему.

Такъ же поспѣшно несется прозрачный Пселъ къ желтоватымъ днѣпровскимъ водамъ, такъ же зеленѣютъ зигзагами вдоль его береговъ тѣнистые лѣса. И когда распускаются въ окрестныхъ садахъ пунцовыя чашечки яблонь, въ лѣсу за Пеломъ попрежнему обильно цвѣтутъ ландыши. По старому трещатъ соловьи въ прибрежныхъ кустахъ и безмолвно заглядываютъ въ воду кудрявые дубы. Тотъ же Казбекъ надъ Пеломъ, тѣ же луга и лѣсныя озера, тотъ же далекій монастырь на горизонтѣ и та же Голтва съ крестами на горѣ. Все то же. Только нѣтъ одного...

Г-жа Крандіевская въ разсказѣ «Маленькая драма» (*Міръ Божій*, кн. IV) хорошо намѣчаетъ тѣ подмостки, на которыхъ драма разыгрывается: маленькій сѣверный городъ, гдѣ всюду одно и то же,—снѣгъ, снѣгъ и снѣгъ.

Навалило его столько, что, казалось, весь міръ погребсти подъ нимъ можно. Снѣжныя крыши домовъ, занесенныхъ высокими сугробами, тянулись двумя рядами по краямъ широкой и ровной, какъ скатерть, дороги. Вмѣстѣ съ телеграфными столбами дорога эта убѣгала вдаль, въ бѣлое поле, пустынное и жуткое. И въ полѣ и по дорогѣ, тамъ и сямъ, крутилась метель, то завиваясь въ плотныя бѣлыя облака, которыя подпрыгивали и присѣдали надъ землею, какъ бы танцуя дикій танецъ, то разсыпаясь бѣлою пылью, легкою и прозрачною, какъ кисея.

Уже въ шесть часовъ вечера городокъ покрываетъ ночь, «глухая и непогодная». «На темной землѣ съ озлобленнымъ воемъ носятся мглистыя волны метели. Вѣтеръ, рѣзкій и злой, забирается во всѣ щели одежды, колетъ лицо и руки». Но иногда даже весело «и отъ вѣтра, и отъ темноты, и отъ жуткаго безлюдья».

Въ этомъ уголкѣ, «обвѣянномъ мертвою тишиною безлюдья, бездѣятельности и сонливой, тягучей скуки», живетъ, по неволѣ живетъ, интеллигентный Астеровой, токарь по металлу. Его полюбила еврейская дѣвушка за то, что онъ развилъ ея умъ, звалъ ее къ свѣту,—полюбила, несмотря на его безобразіе. Но онъ притворился, что не любитъ ея, такъ какъ онъ былъ убѣжденъ, что любовь мѣшаетъ, «отдаляетъ отъ цѣли, лишаетъ свободы». Дѣвушка изъ родного дома, отъ богатаго жениха убѣжала навстрѣчу страданіямъ и осмысленной свободной жизни.

При всей симпатичности замысла, не такъ разсказала г-жа Крандіевская ту «маленькую драму», чтобы ей можно было повѣрить. Книгой, книжной гарью вѣетъ отъ героя, книгой вѣетъ отъ героини. Разсудочно отвергаетъ Астеровой любовь дѣвушки, и мнимое торжество идеи—къ тому же, невѣрной и узкой—надъ живымъ и непосредственнымъ чувствомъ оставляетъ читателя холоднымъ; маленькая драма не трогаетъ, потому что она не кажется правдоподобной. Не такъ легко уступаетъ чувство отвлеченной мысли. Кромѣ того, если бы герой пошелъ навстрѣчу дѣвушкѣ, то онъ ничего бы не потерялъ и могъ бы попрежнему невольно обитать въ маленькомъ сѣверномъ городѣ и читать книги...

Въ уста еврейской героини авторъ вкладываетъ коверканную русскую рѣчь, и всѣ эти *мене, дѣвушке, пхе* дѣйствуютъ непріятно и звучатъ какой-то фальшью. Вообще, то, что говоритъ и дѣлаетъ влюбленная, производитъ иное впечатлѣніе, нежели тѣ разъясненія, какія даетъ ея словамъ и всему ея образу г-жа Крандіевская. Между замысломъ и осуществленіемъ проходитъ явная граница, и читатель, такъ сказать, сопротивляется.

Въ этомъ отношеніи счастливѣе г. Купринъ, который въ той же книгѣ *Міра Божьяго* держитъ читателя въ своей власти—если и не абсолютной, то, во всякомъ случаѣ, серьезной. Его разсказъ «Корь» двоится въ своей внутренней сути. Съ одной стороны, передъ нами ярко написанная, слегка каррикатурная фигура современности,—Павелъ Аркадьевичъ Завалишинъ, вѣроятно, членъ русскаго собранія, съ громкимъ и дѣланнымъ пафосомъ восхваляющій все русское и грубо ругающій все нерусское; Завалишинъ, представитель «русскаго стиля на муаровой подкладкѣ»,—«неизбѣжная, надоѣдливая сыпь, вродѣ кори». Съ другой стороны, передъ нами—иная корь: первая вспышка чувственной любви у юноши и глубокое отвращеніе къ той женщинѣ, на которую эта любовь обратилась. Женщина, которая отдала свои ласки цѣломудренному студенту Воскресенскому,—жена Завалишина, и въ этомъ заключается звено, соединяющее въ одно цѣлое оба момента «Кори». Цѣлое это имѣетъ и внутренній характеръ. Воскресенскій своей мимолетной связью съ Анной Георгіевной какъ бы невольно отомстилъ ей мужу за то, что въ пылу недобросовѣстнаго спора о націонализмѣ онъ въ очень обидной формѣ, хлопнувъ дверью такъ, что «хрустальная посуда на столѣ задребезжала и запѣла тонкими голосами», отказалъ ему въ мѣстѣ и домѣ. Въ мѣстѣ и домѣ властенъ Завалишинъ, но сердцемъ жены повелѣвать онъ не могъ. Сердце билось для студента, и когда онъ, испуганный и смущенный впервые испытанными ласками, бѣжалъ отъ этого сердца, долго мерещилось ему потомъ лицо Анны Георгіевны, «но не торжествующее, не самоувѣренное, и не чувственное, какъ всегда, а кроткое, съ умоляющимъ выраженіемъ, виноватое», и сама она казалась ему «почему-то маленькой, обиженной, слабой и какъ-то болѣзненно близкой ему, точно приросшей навѣки къ его сердцу».

И къ этимъ тонкимъ, грустнымъ, сострадательнымъ ощущеніямъ примѣшивался чуть слышно, какъ ароматъ тонкаго вина, воспоминаніе о теплыхъ обнаженныхъ рукахъ и голосѣ, дрожавшемъ отъ чувственной страсти, и о прекрасныхъ глазахъ, глядѣвшихъ внизъ, на его губы.

И съ молодой печалью, свѣтлой и легкой, смотрѣлъ Воскресенскій съ палубы парохода, какъ уплывалъ нелѣпый русскій теремъ Завалишина, эта «вычурная, пряничная постройка», диссонансъ на фонѣ сіяющаго крымскаго неба, среди задумчивыхъ кипарисовъ и могучихъ платановъ,—русскій теремъ, гдѣ такъ странно сочетались для него разнородныя впечатлѣнія обиды, сладкой страсти, жгучаго очарованія и разочарованія.

Все это передано у г. Куприна въ рядѣ очень сильныхъ и, порою, тонкихъ сценъ. Хорошъ и пейзажъ,—картины южной природы, море, «изодраженное вѣтромъ, мѣстами ослѣпительно освѣщенное солнцемъ, мѣстами затѣненное облаками, все пестрящее разноцвѣтными заплатами».

А.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

I.

Военно-патріотическая дѣятельность дворянства, земства и общества „Краснаго Креста".—Полемика по поводу дворянства и земства.—На что земству слѣдовало бы жертвовать.—Военный и мирный патріотизмъ.—Преслѣдованіе евреевъ и несогласномыслящихъ.—Хозяйственные союзы земствъ.—Затрудненія при пріисканіи земскихъ работниковъ.—Проектъ продовольственнаго устава.—Сокращеніе государственной росписи.—Стѣсненія промышленности, вызванныя войной.

Въ теченіе послѣдняго мѣсяца главный интересъ русскаго общества попрежнему сосредоточивался на войнѣ, принявши, однако, болѣе спокойный и болѣе опредѣленный характеръ. Шумныхъ манифестацій не было, кромѣ торжественной встрѣчи въ разныхъ городахъ возвратившихся моряковъ «Варяга» и «Корейца», да и эта встрѣча получила подъ конецъ болѣе печальный, трагическій оттѣнокъ подъ впечатлѣніемъ извѣстія о гибели «Петропавловска», послѣ котораго отовсюду пошли уже сообщенія только о панихидахъ по жертвамъ войны. Это панихидное настроеніе сдѣлалось какъ бы выраженіемъ общественнаго сознанія, что всякая война есть прежде всего всенародное бѣдствіе, единственнымъ правильнымъ и достойнымъ отношеніемъ къ которому является выраженіе глубокаго горя, съ одной стороны, и съ другой—энергическое стремленіе путемъ общенародной помощи облегчить по возможности тяжесть этого бѣдствія для тѣхъ, на кого оно наиболѣе непосредственно падаетъ. Въ послѣднемъ отношеніи русское общество проявило — какъ только это сдѣлалось для него возможнымъ— широкую иниціативу не только въ смыслѣ значительныхъ пожертвованій, но и въ смыслѣ принятія мѣръ къ тому, чтобы эти пожертвованія были употреблены наиболѣе цѣлесообразно и производительно. Особенно замѣчательно проявилась въ этомъ случаѣ дѣятельность дворянства и земства.

16—18 марта происходили засѣданія главнаго распорядительнаго комитета по организаціи общедворянской помощи больнымъ и раненымъ воинамъ. Въ совѣщаніяхъ, происходившихъ подъ предсѣдательствомъ князя І. Н. Трубецкого, принимали участіе представители дворянства 25 губерній, въ томъ числѣ 20 губернскихъ предводителей. Выяснилось, что обще-

дворянская организація обезпечена въ настоящее время денежными суммами въ количествѣ не менѣе 1.200,000 р. Рѣшено пока остановиться на организаціи лазарета на 200 коекъ, но въ виду того, что въ распоряженіе дворянства главнымъ управленіемъ «Краснаго Креста» предложено 200 коекъ съ комплектами бѣлья, имѣется въ виду организовать санитарные отряды отъ дворянства на 400 кроватей, если въ этомъ встрѣтится надобность. Содержаніе персонала для госпиталя въ 200 коекъ исчисляется въ 25—30 тыс. р. въ мѣсяцъ. Штаты персонала назначены въ разсчетѣ, что они могутъ оказаться достаточными и для двойного количества кроватей, т.-е. для госпиталя съ 400 больными. Содержаніе такого госпиталя разсчитывается въ суммѣ 500 тыс. р. на полтора года. Такимъ образомъ остается сумма въ 700 т. р. для организаціи другихъ видовъ санитарной помощи на Дальнемъ Востокѣ. Въ Харбинѣ нанята для дворянскаго склада большая квартира съ обширною усадьбой; здѣсь предполагается помѣстить аптеку и будутъ имѣть остановку прибывающія части персонала санитарныхъ отрядовъ. 18 марта былъ уже отправленъ въ Харбинъ передовой дворянскій санитарный отрядъ, которому поручено было собрать свѣдѣнія на мѣстѣ о томъ, въ какой формѣ наиболѣе нужна будетъ санитарная помощь на театрѣ военныхъ дѣйствій.

Такимъ образомъ дворянство значительнаго числа губерній нашло возможнымъ и цѣлесообразнымъ объединиться въ особую самостоятельную организацію для оказанія санитарной помощи жертвамъ войны. Къ тѣмъ 25 губерніямъ, представители которыхъ участвовали въ мартовскомъ совѣщаніи, присоединились впослѣдствіи и нѣкоторыя другія. Такъ, наприм., чрезвычайное собраніе дворянъ Херсонской губерніи постановило присоединиться къ дворянству губерній, объединившихъ свои средства для помощи больнымъ и раненымъ воинамъ, избрать своимъ представителемъ въ главномъ распорядительномъ комитетѣ херсонскаго губернскаго предводителя дворянства и отнести на эту совмѣстную организацію помощи 100 тыс. изъ двухсотъ тысячъ пожертвованныхъ вообще на военныя нужды. Изъ остальныхъ ста тысячъ 50 тыс. ассигновано на сооруженіе флота и 50 т. на пособіе раненымъ и семьямъ убитыхъ дворянъ Херсонской губерніи. Къ началу апрѣля выяснилось, что до этого времени изъявили желаніе примкнуть къ общедворянской организаціи по оказанію помощи больнымъ и раненымъ на Дальнемъ Востокѣ дворянскія общества слѣдующихъ губерній: Петербургской, Московской, Бессарабской, Владимірской, Воронежской, Костромской, Курской, Нижегородской, Новгородской, Орловской, Пензенской, Самарской, Смоленской, Таврической, Харьковской, Тамбовской, Черниговской, Вологодской, Екатеринославской, Рязанской, Херсонской, Ярославской, Астраханской, Ставропольской, Уфимской, Эстляндской, Курляндской, Лифляндской, Тифлисской, Кутаисской, Виленской, Витебской, Волынской, Гродненской, Кіевской, Ковенской, Минской, Могилевской. Предполагали еще присоединиться къ организаціи дворянскія общества Полтавской, Симбирской и Подольской губерній и земли Войска Донского. До

возникновенія мысли о соединенной дворянской помощи на Дальнемъ Востокѣ сдѣлали пожертвованія въ распоряженіе Государя Императора дворянскія общества Казанской, Симбирской, Саратовской и Полтавской губерній. Въ совѣщаніи произведенъ былъ подсчетъ всѣхъ суммъ, ассигнованныхъ дворянскими обществами на нужды военнаго времени. Всего ассигновано 2.627,000 р., въ томъ числѣ на объединенную дворянскую помощь больнымъ и раненымъ воинамъ 1.114,000 руб., на флотъ—456,200 руб., на пособія семьямъ убитыхъ и раненыхъ воиновъ—435,152 р. и на разныя нужды—560,000 руб.

Независимо отъ засѣданій главнаго дворянскаго распорядительнаго комитета, 4 апрѣля происходило въ Москвѣ совѣщаніе губернскихъ предводителей дворянства, на которомъ обсуждался вопросъ о безвозмездныхъ услугахъ во время войны представителей дворянства обществу «Краснаго Креста». Въ этомъ совѣщаніи, въ которомъ участвовали представители 27 губерній, сдѣланъ былъ рядъ заявленій о 53 лицахъ, изъявившихъ желаніе принять на себя исполненіе разныхъ обязанностей по дѣятельности «Краснаго Креста». Большинство этихъ лицъ—уѣздные предводители разныхъ губерній. Списки этихъ лицъ должны быть сообщены черезъ главный распорядительный комитетъ дворянства предсѣдателю исполнительной комиссіи главнаго управленія общества «Краснаго Креста» гр. И. И. Воронцову-Дашкову, который по своему усмотрѣнію будетъ выбирать лицъ для исполненія отвѣтственныхъ порученій на Дальнемъ Востокѣ. Совѣщаніе рѣшило просить гр. И. И. Воронцова-Дашкова возбудить ходатайство, чтобы за лицами, занимающими нынѣ платныя должности на государственной службѣ, сохранены были должности и содержаніе. На представителей дворянства будутъ возлагаться порученія по завѣдыванію въ хозяйственномъ отношеніи складами, лазаретами, продовольственными пунктами и т. п.

Еще болѣе самостоятельную организацію санитарной помощи больнымъ и раненымъ воинамъ выработали земства. Иниціатива этого дѣла принадлежитъ исполнительной комиссіи московскаго губернскаго земства. 10 марта въ Московской губернской земской управѣ собрались представители нѣсколькихъ земствъ, предположившихъ приступить къ совмѣстной организаціи; на первый разъ были представители лишь отъ губернскихъ земствъ: московскаго, воронежскаго, курскаго, казанскаго, тамбовскаго, харьковскаго и ярославскаго и отъ московскаго уѣзднаго. Предсѣдатель московской губернской управы, Д. Н. Шиповъ доложилъ о переговорахъ, бывшихъ съ исполнительной комиссіей «Краснаго Креста». Послѣдняя поедложила земству взять на себя устройство этапныхъ пунктовъ отъ мѣстъ расположенія войскъ до станцій желѣзной дороги и пристаней, и бывшіе въ Петербургѣ представители земства пришли къ заключенію, что хотя устройство такихъ этапныхъ пунктовъ есть дѣло очень трудное, но что именно земство-то и можетъ найти для выполненія его нужныхъ людей и сосредоточить силы общества. Поэтому они подали графу Воронцову-Дашкову записку, въ которой высказали, что для продуктивности работы со стороны

земства въ дѣлѣ помощи больнымъ и раненымъ воинамъ необходима совмѣстная организація всѣхъ участвующихъ въ этомъ дѣлѣ земствъ. Въ этихъ видахъ образуется въ Москвѣ особый исполнительный органъ изъ представителей заинтересованныхъ земствъ, въ кругъ обязанностей котораго входятъ: сношенія съ исполнительною комиссіею россійскаго общества «Краснаго Креста» и сношенія съ земскими управами и уполномоченными на Дальнемъ Востокѣ по вопросамъ, касающимся помощи больнымъ и раненымъ воинамъ со стороны земскихъ учрежденій. Земства, присоединившіяся къ общей организаціи, если пожелаютъ, сохраняютъ свою индивидуальность въ осуществленіи помощи на мѣстахъ дѣйствій. Исполнительный органъ общей организаціи командируетъ на мѣста уполномоченныхъ, въ помощь которымъ земства, сохраняющія свою индивидуальность, избираютъ уполномоченныхъ для завѣдыванія открытыми ими учрежденіями. Въ цѣляхъ болѣе удобнаго дѣйствія намѣченной организаціи земскимъ уполномоченнымъ должна быть предоставлена возможно большая самостоятельность при организаціи веденія дѣла, для чего необходимо, чтобы учрежденія, создаваемыя земствами, находились между собой въ районной связи. Уполномоченные земства имѣютъ непосредственныя сношенія съ уполномоченными «Краснаго Креста». По дѣламъ, касающимся земской организаціи, представитель земскаго исполнительнаго органа участвуетъ въ засѣданіяхъ исполнительной комиссіи общества «Краснаго Креста». Какъ отдѣльныя земства, такъ и исполнительный органъ общей организаціи, имѣютъ право привлекать частныя пожертвованія деньгами и продуктами. Земскіе уполномоченные для устроенныхъ ими учрежденій могутъ пользоваться продуктами изъ складовъ «Краснаго Креста», а равно и уполномоченные «Краснаго Креста»—изъ земскихъ складовъ, если таковые будутъ устроены, но всему взятому другъ у друга долженъ вестись подробный учетъ и за взятые продукты производится потомъ разсчетъ по усмотрѣнію исполнительной комиссіи «Краснаго Креста» въ Петербургѣ.

Положенія этой записки были обсуждены представителями 19 земствъ. Исполнительная комиссія приняла предлагаемую организацію и признала, что постановленія губернскихъ собраній, вошедшія въ законную силу, предоставляютъ губернскимъ управамъ и земскимъ комиссіямъ достаточныя полномочія для организаціи взаимодѣйствія земствъ между собою.

Совѣщаніе единогласно признало нужнымъ просить всѣ земства, вступающія въ организацію, избрать уполномоченныхъ, которые вошли бы въ составъ земскаго исполнительнаго органа въ Москвѣ. Каждое земство, въ зависимости отъ своей ассигновки, организуетъ отрядъ, или земства могутъ входить въ соглашеніе между собою для организаціи отрядовъ на соединенныя средства. Все необходимое для отрядовъ строится на мѣстахъ, тамъ же приглашается персоналъ, но въ Москвѣ можетъ быть образована комиссія, которая совмѣстно съ московскою губернскою управой заботится о такихъ предметахъ снаряженія отрядовъ, которые удобнѣе и выгоднѣе заказать и купить въ центрѣ. Признано, что при разработкѣ организаціи отрядовъ слѣдуетъ принять слѣдующія основныя положенія: 1) стоимость одной кровати съ обзаведеніемъ и содержаніемъ въ теченіе года опредѣляется въ 2,000 р.; 2) каждый отрядъ, какъ бы малъ по числу коекъ онъ ни былъ, долженъ имѣть врача; 3) отряды должны быть разсчитаны на 25 кроватей при двухъ врачахъ, причемъ нужна

имѣть въ виду возможность раздѣленія такого отряда на два отряда: въ 15 и 10 кроватей; 4) обзаведеніе должно быть разсчитано такъ, чтобы каждый отрядъ временно могъ принять двойное количество больныхъ. Вопросъ о полученіи снаряженія отрядовъ отъ „Краснаго Креста“ собраніе постановило предоставить рѣшенію каждаго отдѣльнаго земства, но признать, что принципіально представляется болѣе правильнымъ ничего отъ „Краснаго Креста“ безплатно не брать. Пріобрѣтеніе снаряженія отъ „Краснаго Креста“ за деньги признать неудобнымъ и невыгоднымъ.

Второе собраніе представителей земствъ состоялось 17 и 18 марта. На немъ присутствовали уже представители земствъ: московскаго губернскаго и уѣзднаго, воронежскаго, костромского, курскаго, орловскаго, пензенскаго, тамбовскаго, тульскаго, уфимскаго, харьковскаго, черниговскаго и ярославскаго. Кромѣ того получена была телеграмма о присоединеніи къ обще-земской организаціи петербургскаго земства. Выяснилось, что вся сумма ассигнованныхъ земствами средствъ, которыми могла располагать въ это время обще-земская организація, равнялась 1.126,000 руб., а также, что наиболѣе желательной формой помощи является устройство этапныхъ врачебно-питательныхъ пунктовъ, причемъ главной задачей этихъ пунктовъ совѣщаніе признало врачебную помощь, а пищевое довольствіе, о которомъ должно заботиться преимущественно военное вѣдомство, признано подсобнымъ средствомъ. Въ видахъ сообщенія обще-земской организаціи единства и возможной самостоятельности, собраніе признало необходимымъ избраніе одного или двухъ обще-земскихъ уполномоченныхъ, которымъ было бы поручено руководство дѣйствіями всѣхъ отдѣльныхъ уполномоченныхъ, распоряженіе суммами и сношенія съ главными уполномоченными «Краснаго Креста». Затѣмъ разсмотрѣны и установлены были списки предметовъ, нужныхъ для оборудованія земскихъ этапныхъ пунктовъ. Приблизительная стоимость одного этапнаго пункта съ 25 койками опредѣлена въ 10,000 р. Разсмотрѣнъ былъ также вопросъ о порядкѣ снаряженія этапныхъ врачебно-питательныхъ отрядовъ въ зависимости отъ величины ассигновокъ разныхъ земствъ.

Представители тамбовскаго губернскаго земства и московскаго уѣзднаго, въ виду незначительнаго размѣра ассигнованныхъ въ ихъ распоряженіе средствъ, изъявили желаніе присоединить ихъ къ ассигновкѣ московскаго губернскаго земства. Всѣ остальныя земства будутъ снаряжать свои отряды у себя въ губерніяхъ. Число снаряжаемыхъ отрядовъ опредѣлилось въ настоящее время слѣдующее: воронежское земство снаряжаетъ два отряда въ Воронежѣ, курское—два отряда въ Курскѣ, московское губернское земство съ присоединеніемъ средствъ тамбовскаго губернскаго и московскаго уѣзднаго земствъ—пять отрядовъ въ Москвѣ, харьковское—шесть отрядовъ въ Харьковѣ, тульское—одинъ отрядъ въ 40 кроватей въ Тулѣ, костромское, орловское, черниговское и ярославское—каждое по одному отряду въ своихъ губернскихъ городахъ. Пензенское земство съ ассигновкой въ 31,000 р. и уфимское—въ 30,000 руб., по мнѣнію совѣщанія, могли бы, соединивъ свои средства, снарядить одинъ отрядъ. Костромское и ярославское земства, организуя каждое по одному отряду самостоятельно, предполагаютъ имѣть по соглашенію между собой одного уполномоченнаго для завѣдыванія отрядами на мѣстахъ ихъ дѣйствій. Представителя казанскаго земства на совѣщаніи не было, и вопросъ объ участіи этого земства остался невыясненнымъ. Признано желательнымъ и возможнымъ, чтобы всѣ отряды были готовы къ отправленію между 1 и 15 мая. При этомъ совѣщаніе считало необходи-

мымъ, чтобы отправка земскихъ отрядовъ производилась безъ большихъ промежутковъ для того, чтобы всѣ земскіе отряды прибывали послѣдовательно на мѣста дѣйствій и располагались тамъ въ районной между собой связи. О всемъ этомъ совѣщаніе просило представителя харьковскаго губернскаго земства В. Г. Коноваловa доложить исполнительной комиссіи „Краснаго Креста".

Представителемъ земской объединенной организаціи въ исполнительную комиссію главнаго управленія „Краснаго Креста" совѣщаніе избрало гласнаго курскаго губернскаго собранія А. Н. фонъ-Рутцена.

Очень естественно, что такая энергическая и самостоятельная инціатива земства въ дѣлѣ, имѣющемъ, несомнѣнно, большую государственную важность, не могла понравиться представителямъ такихъ воззрѣній на земство, какія высказываются, наприм., *Гражданиномъ* и *Московскими Вѣдомостями*. Князь Мещерскій особенно недоволенъ потому, что видитъ въ дѣйствіяхъ какъ дворянства, такъ и земства только желаніе «подъ маской патріотизма провести правительство». Особенно нежелательнымъ и даже будто бы опаснымъ кажется ему то, что дворянство и земство не просто жертвуютъ деньги, но хотятъ и личнымъ трудомъ, и распоряженіемъ участвовать въ той помощи больнымъ и раненымъ, которая будетъ оказана на эти деньги. «Никогда этого не бывало въ русской исторіи»,— утверждаетъ князь Мещерскій. Т.-е. чего же это не бывало? Чтобы русскій народъ въ трудные періоды своей государственной жизни принималъ дѣятельное участіе въ судьбахъ своего отечества? Такъ вѣдь это же плевета на русскій народъ и русскую исторію. Недаромъ же памятникъ Минину и Пожарскому стоитъ на Красной площади, а ужъ ихъ дѣятельность была, конечно, шире и самостоятельнѣе, чѣмъ посылка санитарныхъ отрядовъ дворянствомъ и земствомъ. Князь Мещерскій и теперь страшится, что если стать на почву такого, яко бы небывалаго въ Россіи прецедента, «то нѣтъ причины не допустить, что завтра явится земство съ заявленіемъ, что правительственной арміи недостаточно, а нужна ей въ помощь земская гвардія съ Шиповыми и Петрункевичами въ видѣ главнокомандующихъ».

И представьте, что даже и эти «жупелы» совсѣмъ не страшны. Разумѣется, ни о какихъ гвардіяхъ и главнокомандующихъ никто заявлять не собирается и все это вздорная болтовня. Но, и не восходя въ глубь вѣковъ, князь Мещерскій могъ бы припомнить, что не далѣе какъ въ 1877 году губернскія земскія собранія, по требованію правительства, обсуждали вопросы о подготовительныхъ мѣрахъ къ созыву государственнаго ополченія, причемъ Высочайше утвержденнымъ Положеніемъ 30 октября 1876 г. на земства была возложена обязанность не только веденія по хозяйственной стороны этого дѣла, но и выборъ офицеровъ ополченія. И. И. Петрункевича въ ту пору въ тверскомъ собраніи не было, но, напримѣръ, А. А. Бакунинъ, и по сейчасъ состоящій гласнымъ этого собранія и по направленію своей земской дѣятельности едва ли пріятный князю Мещерскому, былъ,—какъ одинъ изъ защитниковъ Севастополя,—назначенъ въ начальники дружины. Никакого дѣйствительнаго назначенія

службу земскихъ офицеровъ въ ту пору не понадобилось; но мы упоминаемъ объ этомъ фактѣ въ примѣръ того, какъ за эти двадцать шесть лѣтъ мы ушли впередъ во взаимномъ недовѣріи и застращиваніи. То, что тогда являлось исполненіемъ правительственнаго распоряженія, то въ настоящее время въ разгоряченномъ воображеніи нашихъ quasi-охранителей представляется уже какимъ-то краснымъ призракомъ. Удивительно, какъ они еще не заподозрили и солдатъ, идущихъ на войну. А вдругъ они повернутъ въ другую сторону?

А Д. Н. Шиповъ, вопреки инсинуаціямъ *Гражданина*, оказался дѣйствительно главнокомандующимъ въ дѣлѣ организаціи земской помощи больнымъ и раненымъ на Дальнемъ Востокѣ. 10 апрѣля совѣщаніе земскихъ представителей избрало его главнымъ уполномоченнымъ обще-земской организаціи и онъ въ іюнѣ мѣсяцѣ отправляется на Дальній Востокъ.

Въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* возраженіе противъ участія земствъ въ дѣлѣ помощи больнымъ и раненымъ ставится на другую почву, такъ сказать юридическую. Въ статьѣ, помѣщенной въ 57 № газеты и подписанной «Старый земецъ», высказывается, что земства, не имѣя свободныхъ капиталовъ, по закону не имѣютъ права и дѣлать никакихъ пожертвованій, которыя могутъ быть осуществлены не иначе, какъ установленіемъ новаго налога. Независимо отъ этого незаконны и пожертвованія на общегосударственныя нужды, такъ какъ земства могутъ заботиться только объ удовлетвореніи мѣстныхъ потребностей. Возражая на статью «Стараго земца» *Вѣстникъ Европы* въ апрѣльскомъ «Внутреннемъ обозрѣніи» говоритъ: «Не споримъ, буква земскаго положенія можетъ быть толкуема именно такъ, какъ понимаетъ ее г. «Старый земецъ». Но буквоѣдство—не подходящее занятіе въ критическіе моменты народной жизни. Правильная постановка вопроса должна быть слѣдующая: есть ли въ военное время такія потребности, полное удовлетвореніе которыхъ не можетъ быть достигнуто ни затратами изъ государственной казны, ни частными пожертвованіями, и если есть, то не открывается ли именно здѣсь широкое поле дѣятельности для общественныхъ учрежденій?» Признавая, что въ существованіи такихъ потребностей сомнѣваться нельзя, авторъ приходитъ къ заключенію, что вклады общественныхъ учрежденій, сразу доходящіе до крупныхъ размѣровъ и позволяющіе быстро повысить уровень попеченія объ участникахъ войнъ и ея жертвахъ, являются незамѣнимыми. Съ другой стороны, путемъ соглашенія между отдѣльными учрежденіями достигается хоть отчасти солидарность между различными частями государства и создается возможно большая производительность пожертвованій, такъ какъ практически невозможно, чтобы каждая губернія устраивала на театрѣ войны особые лазареты только для своихъ уроженцевъ, на что она и по буквѣ закона имѣла бы право.

Изъ этой полемики получается довольно оригинальное впечатлѣніе: выходитъ какъ будто, вопреки традиціямъ обоихъ органовъ, *Московскія Вѣдомости* отстаиваютъ строгую законность, а *Вѣстникъ Европы* возража-

етъ имъ, ссылаясь на практическія соображенія. Очевидно, что въ самомъ существѣ даннаго вопроса есть что-то ненормальное; и ненормальность эта обусловлена тѣмъ, что въ данномъ случаѣ законъ разошелся съ жизнью. Законъ въ видѣ земскаго Положенія 1890 г. съ дополненіемъ его о предѣльности обложенія, ограничившій до минимума всякое возможное проявленіе общественной самодѣятельности, несомнѣнно, не отвѣчалъ дѣйствительнымъ потребностямъ и дѣйствительнымъ силамъ и развитію общества. Пока дѣло шло только о потребностяхъ общественныхъ, вродѣ, наприм., правильной и широкой постановки народнаго образованія, а не чисто-государственныхъ, до тѣхъ поръ это несоотвѣтствіе хотя и очень сильно чуствовалось обществомъ, но не имѣло возможности получить реальное выраженіе. Но когда война поставила на очередь вопросъ о дѣятельномъ участіи общества въ удовлетвореніи потребностей государственныхъ, то несоотвѣтствіе правъ общества съ его реальными задачами сдѣлалось ясно не только для самого общества, кромѣ той его части, которая представлена органами вродѣ *Московскихъ Вѣдомостей* и *Гражданина*, но и для самого правительства, которое хотя и не внесло никакихъ измѣненій въ законы, регулирующіе дѣятельность общественныхъ учрежденій, но и не ставило никакихъ препятствій для расширенія ея въ сферѣ оказанія помощи по поводу войны, признавая, такимъ образомъ, tacito consensu, нравственную правомѣрность такого расширенія. Надо надѣяться, что общественныя силы въ лицѣ дворянской и земской организаціи окажутся на высотѣ взятой ими на себя задачи,—если, конечно, и въ будущемъ выполненію ея не будетъ поставлено никакихъ препятствій,—и тѣмъ докажутъ, что русскія общественныя учрежденія, объединенныя на обширномъ и трудномъ практическомъ дѣлѣ, имѣющемъ государственную важность, могутъ вести его правильно и успѣшно. Логическимъ выводомъ изъ этого было бы, конечно, уничтоженіе тѣхъ предубѣжденій противъ самостоятельной дѣятельности общества, и въ особенности земства, которыя по отношенію къ послѣднему привели къ такимъ явленіямъ, какъ изъятіе изъ его вѣдѣнія продовольственнаго дѣла, къ ограниченію вообще его права самообложенія, къ умаленію до послѣднихъ предѣловъ его инициативы въ дѣлѣ народнаго образованія и даже въ тѣхъ дѣлахъ, которыя признаются входящими вполнѣ въ сферу его вѣдѣнія, наконецъ, къ замѣнѣ земства въ западныхъ губерніяхъ административно-хозяйственными учрежденіями. Разумѣется, логическій выводъ далеко не всегда влечетъ за собой и соотвѣтствующія ему практическія послѣдствія. И въ русской исторіи мы знаемъ примѣры, когда подъемъ народнаго духа и напряженіе народныхъ силъ, позволившія государству благополучно пережить трудный историческій моментъ, не сопровождались соотвѣтствующимъ улучшеніемъ положенія самого народа: такъ, послѣ 1812 года Россія получила еще полувѣковое продолженіе рабства, а въ ближайшемъ періодѣ аракчеевщину. Признаніе политической правоспособности народа достигается имъ не столько временнымъ подъемомъ его духовныхъ силъ при исключительныхъ

обстоятельствахъ, сколько работой для своего развитія въ обыкновенное, мирное время. Тѣмъ не менѣе нельзя отрицать возможности и того, что опытъ успѣшной дѣятельности обще-земской организаціи въ военное время можетъ не остаться безъ вліянія на послѣдующее отношеніе правительства къ земству въ смыслѣ большого довѣрія къ его практическому смыслу и въ мирное время. Тѣмъ болѣе важно, конечно, чтобы взятое на себя въ настоящее время земствомъ дѣло велось вполнѣ обдуманно, безъ увлеченій, строго соображаясь со средствами и возможностями. Въ этомъ отношеніи нельзя не согласиться вполнѣ съ соображеніями, высказываемыми въ той же статьѣ *Вѣстникомъ Европы*. Прежде всего пожертвованія земствъ должны соотвѣтствовать ихъ средствамъ, т.-е. не должны быть настолько велики, чтобы обратиться въ непосильную тяжесть для населенія. Надо помнить, что какъ ни важны потребности военнаго времени, однако, удовлетвореніе ихъ не должно настолько истощать средства земскаго бюджета, что послѣдній оказался бы не въ состояніи покрывать расходы, вызываемые не менѣе насущными мѣстными нуждами. Слишкомъ большія пожертвованія не могутъ быть реализованы иначе, какъ путемъ займовъ, погашеніе которыхъ, даже помимо фиксаціи земскаго обложенія, можетъ надолго затормозить всякое движеніе впередъ земскаго бюджета въ цѣляхъ выполненія мѣстныхъ экономическихъ и культурныхъ улучшеній, составляющаго прямую обязанность земства. Не менѣе важно и другое условіе, которому должны удовлетворять земскія пожертвованія. Они должны служить дополненіемъ къ государственнымъ расходамъ, а отнюдь не замѣною ихъ. Поэтому земства лучше бы сдѣлали, если бы всѣ свои пожертвованія обратили всецѣло на разные виды помощи пострадавшимъ отъ войны, а не на усиленіе военныхъ средствъ государства. Для послѣдней цѣли общественныя пожертвованія и практически не могутъ имѣть серьезнаго значенія по своей сравнительной ничтожности, и принципіально подготовка боевыхъ силъ и средствъ есть дѣло государства; причемъ необходимо еще имѣть въ виду, что, при направленіи общественныхъ средствъ на санитарную или продовольственную помощь, распоряженіе этими средствами и контроль надъ ихъ употребленіемъ и должны, и могутъ оставаться за общественными учрежденіями, тогда какъ постройка броненосцевъ и миноносцевъ по самому существу дѣла, конечно, выйдетъ изъ сферы наблюденія и контроля общественныхъ учрежденій. Существуетъ, несомнѣнно, большая разница между пожертвованіями частныхъ лицъ и общественныхъ учрежденій. Первыя, конечно, въ правѣ жертвовать изъ принадлежащихъ имъ средствъ на что имъ угодно; вторыя обязаны всегда имѣть въ виду, что ихъ пожертвованія, добровольныя со стороны дѣлающихъ ихъ учрежденій, являются въ сущности принудительными для плательщиковъ, и потому должны быть соображены не только со средствами послѣднихъ, но и съ общимъ характеромъ той дѣятельности, для выполненія которой члены общественныхъ учрежденій были уполномочены своими избирателями. Что санитарная и экономическая помощь пострадавшимъ отъ войны,

голода, эпидемій и тому подобныхъ бѣдствій входитъ въ сферу тѣхъ обязанностей земства, для выполненія которыхъ и избирается составъ земскихъ собраній, и что соединеніе силъ хотя бы и всѣхъ земствъ для борьбы съ такого рода бѣдствіями, если они распространяются на всю Россію, нисколько не измѣняетъ сущности ихъ задачи, это понятно всякому избирателю; равно и выполненіе этой задачи не можетъ не отвѣчать желанію большинства избирателей, тогда какъ, наприм., постройка военныхъ судовъ есть, очевидно, нѣчто такое, о чемъ населеніе не могло и думать при выборѣ состава земскихъ собраній и относительно чего, нисколько не сомнѣваясь въ патріотизмѣ населенія, можно очень сомнѣваться, желаетъ ли оно выразить свой патріотизмъ именно въ этой формѣ. Притомъ вопросы о наилучшемъ устройствѣ продовольственной или санитарной части суть именно тѣ вопросы, въ которыхъ земскіе люди являются наиболѣе компетентными. Совсѣмъ иное дѣло вопросы чисто военнаго характера. Почемъ мы знаемъ, можетъ быть для успѣха войны нынѣ усиленіе не флота, а полевой артиллеріи. Отчего же тогда не жертвовать на пушки, вмѣсто постройки судовъ? Очевидно, подобные вопросы совершенно выходятъ изъ сферы земской компетенціи.

Мы остановились преимущественно на дѣятельности по поводу войны земства и дворянства потому, что она, помимо своего непосредственнаго значенія, представляетъ еще большой интересъ, какъ опытъ проявленія въ сравнительно обширныхъ размѣрахъ организованной общественной самодѣятельности, въ развитіи которой русское общество, по нашему мнѣнію, особенно нуждается. Кромѣ дворянства и земства значительное участіе и пожертвованіяхъ по поводу войны приняли также и города; но послѣдніе не объединили своихъ средствъ, а каждый изъ нихъ или дѣйствовалъ самъ по себѣ, или же они вносили свои вклады въ «Красный Крестъ» и другія учрежденія, организованныя правительствомъ. Очень много поступало и въ общество «Краснаго Креста» и частныхъ пожертвованій, продолжавшихъ поступать туда и понынѣ. 4 апрѣля происходило общее собраніе «Краснаго Креста», на которомъ былъ выслушанъ и утвержденъ отчетъ о дѣятельности его за прошлый годъ. Къ 1 января 1903 г. общество имѣло 16,546 членовъ, взносъ которыхъ составляло 70,763 р. Всѣхъ учрежденій—лѣчебницъ, амбулаторій, пріютовъ и т. п., было 665. Сестеръ милосердія состояло 2,555. Медицинской помощью въ лѣчебныхъ учрежденіяхъ общества пользовались 11,400 стаціонарныхъ больныхъ и амбулаторно лѣчились 1.071,374 человѣка; въ ночлежныхъ пріютахъ призрѣвалось 25,112 человѣкъ. Кромѣ постоянныхъ учрежденій общества

въ концѣ 1901 года „Красный Крестъ“ принялъ участіе въ дѣлѣ оказанія врем продовольственной помощи населенію, пострадавшему отъ недорода; съ обостре нужды операціи эти получили наивысшее развитіе въ 1902 году. Изъ ассигнов для этой цѣли суммы 1.332,611 р. было израсходовано 1.042,215 р. и не достав еще отчетовъ на 80,470 руб. Въ общемъ продовольственная и другого рода по была оказана 777,776 лицамъ. Общая сумма капиталовъ общества въ 1902 году ставляла 12.014,098 р. Запасный капиталъ, служащій для развитія на первое

ѣятельности „Краснаго Креста“ въ событіяхъ военнаго времени, увеличился до .998,544 р.; капиталъ для пособія увѣчнымъ воинскимъ чинамъ и ихъ семействамъ озросъ до 1.978,967 руб. Спеціальныя суммы на содержаніе санитарныхъ учрежде-ій и персонала составили 3.504,065 руб. и капиталъ помощи при общественныхъ ѣдствіяхъ—261,524 руб. Цѣнность матеріальнаго имущества общества простирается 7.500,000 руб. По прочтеніи отчета присутствующими былъ выслушанъ докладъ дѣятельности исполнительной коммиссіи „Краснаго Креста“ за время со дня ея трежденія по 4 апрѣля.

Изъ этого доклада видно, что, придавая большое значеніе широкому частію всего русскаго общества въ дѣятельности «Краснаго Креста», ѣшено было образовать мѣстныя исполнительныя коммиссіи изъ избран-ыхъ окружными и мѣстными управленіями членовъ этихъ управленій, съ риглашеніемъ къ участію въ нихъ губернскихъ предводителей дворянства, редсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ, городскихъ головъ, предсѣ-ателей биржевыхъ комитетовъ, купеческихъ старостъ. Въ Москвѣ объ-единяющимъ различные слои общества органомъ «Краснаго Креста» яв-яется особый комитетъ подъ предсѣдательствомъ Великой Княгини Eли-аветы Ѳеодоровны. Во всѣхъ уѣздныхъ городахъ, гдѣ уже существуютъ ѣстные комитеты, къ участію въ нихъ приглашаются уѣздные пред-одители дворянства, предсѣдатели уѣздныхъ земскихъ управъ, городскіе оловы и представители купечества, въ тѣхъ же уѣздныхъ городахъ, гдѣ омитетовъ нѣтъ, уѣздные предводители дворянства не откажутся взять а себя заботу объ ихъ открытіи, пригласивъ къ участію въ нихъ всѣхъ учшихъ мѣстныхъ людей, сочувствующихъ дѣлу «Краснаго Креста». верхъ того, въ волостяхъ постепенно открываются при участіи мѣст-ыхъ помѣщиковъ, священниковъ, уважаемыхъ крестьянъ волостныя по-ечительства «Краснаго Креста». Полагая необходимымъ рядомъ съ уча-іемъ всего общества въ дѣятельности «Краснаго Креста» осуществить общественный контроль, исполнительная коммиссія образовала особый аблюдательный комитетъ, въ составъ котораго вошли представители дво-янства, земства, Петербурга и Москвы. Основныя задачи наблюдательнаго омитета и составъ его удостоились Высочайшаго Государя Императора обренія, причемъ составъ этотъ имѣетъ и впредь пополняться предста-ителями отъ учрежденій, вносящихъ на дѣла «Краснаго Креста» крупныя жертвованія. Первою задачей исполнительной коммиссіи было заготовить отправить на театръ военныхъ дѣйствій хорошо снабженные на три сяца всѣмъ необходимымъ лазареты. Исполнительная коммиссія вос-ользовалась для быстраго осуществленія этого плана широкимъ развѣт-еніемъ органовъ общества и наличностью общинъ сестеръ милосердія лѣчебными при нихъ заведеніями. Существенно помогли ей въ этомъ жномъ дѣлѣ предложенія дворянства, земства, многихъ городовъ и купе-ества за свой счетъ устроить и содержать лазареты «Краснаго Креста». а мѣсяца спустя послѣ открытія военныхъ дѣйствій десять госпиталей Краснаго Креста», шесть летучихъ отрядовъ, шесть этапныхъ лазаретовъ два санитарныхъ поѣзда уже дѣйствовали на театрѣ военныхъ дѣйствій.

Въ концѣ доклада приведены свѣдѣнія о приходѣ и расходѣ средств всего по 15 марта поступило пожертвованій 1,057,742 руб. 27½ коп., израсходовано на сформированіе отрядовъ и оборудованіе лазаретовъ— 573,539 руб. 15 коп., выдано подъ отчетъ уполномоченнымъ отрядовъ и эшелоновъ—123,114 руб. 50 коп., главноуполномоченнымъ подъ отчетъ— 245,000 руб. и на разныя спеціальныя нужды около 139,250 руб. При реализаціи процентныхъ бумагъ запаснаго капитала и поступившихъ пожертвованій потеряно было на курсѣ 39,266 р. 10 к. Къ 25 марта изъ 1.201,875 руб. 81 коп. поступившихъ пожертвованій израсходовано было 1.155,307 р. 42 к. Оставалось всего 46,568 р. 39 к.

Къ сожалѣнію, въ полезной дѣятельности «Краснаго Креста» вкрались нѣкоторыя неправильности. Такъ, главное управленіе «Краснаго Креста» въ экстренномъ засѣданіи своемъ 11 марта, ознакомившись съ результатами произведеннаго членомъ этого управленія генералъ-адъютантомъ бароном Ѳ. Е. Мейендорфомъ обзора учрежденій комитета общества «Краснаго Креста» «Христіанская помощь», постановило: въ виду обнаруженія неправильной постановки веденія дѣлъ этимъ комитетомъ и цѣлаго ряда явныхъ и крупныхъ безпорядковъ въ дѣлопроизводствѣ и отчетности немедленно отстранить отъ занимаемыхъ должностей предсѣдательницу комитета «Христіанская помощь» А. П. Вишневскую, товарища предсѣдательницы А. Н. Вишневскаго и весь составъ правленія комитета и просить Его Императорское Высочество Великаго Князя Сергѣя Александровича, Августѣйшаго почетнаго предсѣдателя московскаго управленія россійскаго общества «Краснаго Креста» назначить временную администрацію для приведенія въ ясность и порядокъ дѣлъ комитета «Христіанская помощь» и для подробнаго обревизованія его дѣлопроизводства и счетоводства. Названная администрація назначена Его Императорскимъ Высочествомъ въ слѣдующемъ составѣ: предсѣдатель—генер.-лейт. Д. В. Мерчанскій, члены — кн. Н. Н. Оболенскій, Н. К. Голофтѣевъ и В. В. Способинъ. Съ 22 марта администрація приступила къ исполненію возложеннаго на нее порученія, и, въ виду состоявшагося отстраненія отъ должности предсѣдательницы комитета А. П. Вишневской, завѣдываніе всѣми учрежденіями комитета было возложено Его Императорскимъ Высочествомъ на фрейлину Ихъ Императорскихъ Величествъ Государынь Императрицъ Е. Ѳ. Джунковскую.

Констатируя подъемъ въ русскомъ обществѣ и народѣ патріотическаго чувства по поводу войны, нельзя не видѣть въ то же время, что, къ сожалѣнію, это военно-патріотическое настроеніе не сопровождается соотвѣтственнымъ возрастаніемъ мирнаго патріотизма, а въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ дѣйствуетъ даже въ ущербъ ему. Между этими двумя видами патріотическаго одушевленія есть сходство, но есть и значительное психологическое различіе. То и другое имѣютъ свое основаніе въ любви къ родинѣ и въ желаніи для нея силы, безопасности и процвѣтанія. Чувство это, выводя человѣка изъ узкой сферы личныхъ интересовъ и за-

вляя его жертвовать ими для общенароднаго блага, несомнѣнно возвышаетъ человѣческую личность и потому въ активномъ своемъ проявленіи всегда служило источникомъ геройскихъ подвиговъ, прославляемыхъ въ общенародномъ воспоминаніи. Въ теченіе долгаго времени въ числѣ этихъ подвиговъ первое мѣсто занимали военные подвиги, что было вполнѣ естественно, такъ какъ чѣмъ далѣе мы отодвигаемся въ глубь вѣковъ, тѣмъ болѣе видимъ, какое первенствующее значеніе для благосостоянія общественныхъ единицъ и даже для самого ихъ существованія, имѣла въ то время защита отъ внѣшнихъ враговъ. Съ другой стороны, завоевательная политика служила тогда главнымъ источникомъ силы, могущества и богатства правительства и вообще правящихъ классовъ, которые естественно должны были поддерживать и развивать въ подвластныхъ имъ народахъ воинственный духъ, наиболѣе соотвѣтствовавшій цѣлямъ такой политики. Такимъ образомъ, въ теченіе вѣковъ въ народномъ сознаніи образовалась привычка, оставшаяся и понынѣ, болѣе или менѣе отождествлять патріотизмъ и патріотическое геройство по преимуществу съ военными подвигами. Однако, даже и отъ древнѣйшихъ временъ сохранились воспоминанія о другого рода герояхъ не менѣе, если не болѣе славныхъ, герояхъ мысли и труда, открывателяхъ и изобрѣтателяхъ, способствовавшихъ улучшенію матеріальнаго благосостоянія своего народа, или учителяхъ, проповѣдникахъ и законодателяхъ, содѣйствовавшихъ поднятію его умственнаго и нравственнаго уровня. Въ самое послѣднее время въ общественное сознаніе все болѣе входитъ мысль о превосходствѣ мирнаго развитія и преуспѣянія народовъ надъ ихъ военнымъ могуществомъ и славой, соотвѣтственно чему измѣняется, если не на практикѣ, то въ теоріи, и сравнительная оцѣнка мирнаго и военнаго патріотизма. Сравнивая общественно-психологическое значеніе того и другого, нельзя не видѣть того глубокаго различія между ними, что первый изъ нихъ возбуждаетъ только благожелательныя чувства, хотя бы эти чувства даже и ограничивались своей родиной, своими соотечественниками. Намъ добро, никому зло — такова его формула. Напротивъ, второй никогда не можетъ быть свободенъ отъ чувства злобы по отношенію къ врагамъ. Желая побѣды своимъ, почти невозможно выдѣлить изъ него желанія гибели враговъ. Приходится радоваться, читая такія извѣстія, какъ то, что сегодня застрѣлено и заколото, а завтра утоплено нѣсколько сотъ японцевъ, извѣстія, отъ которыхъ у самаго нечувствительнаго обывателя волосы бы стали дыбомъ отъ ужаса, если бы это произошло не на войнѣ. Такимъ образомъ военный патріотизмъ, одновременно съ высокими чувствами самоотверженія и преданности родинѣ, воспитываетъ въ человѣкѣ и низменное чувство ненависти. И это чувство, укореняясь въ душѣ, начинаетъ распространяться, переходя отъ внѣшнихъ, такъ сказать, офиціальныхъ враговъ, на всякаго рода и внутренняго врага, затѣмъ на всякаго, кого мы только подозрѣваемъ въ томъ, что онъ врагъ и, наконецъ, на всякаго, кто просто не согласенъ съ нами въ своихъ взглядахъ и убѣжденіяхъ. Эта страшная общественная болѣзнь взаимной ненависти осо-

бенно склонна развиваться въ моменты, когда государству грозитъ внѣшняя опасность. Вспомнимъ, наприм., первую французскую революцію, когда всѣ несогласно мыслящіе съ господствующею въ данный моментъ партіею, прежде всего обвинялись въ недостаткѣ патріотизма, въ сочувствіи иноземцамъ и эмигрантамъ и, какъ измѣнники отечеству, отправлялись на гильотину. Конечно, не въ такой мѣрѣ, но нѣчто подобное можетъ происходить и у насъ и обязанность всякаго честнаго публициста указать на эту опасность и по мѣрѣ силъ бороться съ ней. Первые признаки такого настроенія появились уже и, конечно, въ одномъ изъ самыхъ слабыхъ пунктовъ нашихъ общественныхъ отношеній—въ антиеврейской агитаціи. Такъ, изъ Гомеля сообщаютъ газетѣ *Право*, что въ послѣднее время тамъ стали циркулировать слухи о томъ, что будто бы евреи оказываютъ помощь японцамъ.

Старшій стрѣлочникъ желѣзной дороги Горбачевъ передавалъ въ лавкѣ Давидова, находящейся у вокзала, въ присутствіи другихъ рабочихъ слухъ о томъ, что мѣстный купецъ-еврей Яковъ Ловьяновъ отправилъ въ Японію шесть вагоновъ перевязочныхъ матеріаловъ. Горбачевъ былъ привлеченъ къ суду за распространеніе ложныхъ слуховъ, по 37 ст. Устава о нак. У судьи Горбачевъ оправдывался тѣмъ, что передаваемыя имъ новости онъ слышалъ на вокзалѣ отъ неизвѣстныхъ лицъ. Допрошенные свидѣтели выяснили, что послѣ разсказа Горбачева слушателями его былъ сдѣланъ выводъ, какъ бы изъ-за этого не пришлось евреямъ плохо,—съ ними могутъ разсчитаться и устроить еще погромъ. Изъ представленныхъ на судъ книгъ явныхъ видно, что въ послѣдній годъ купецъ Ловьяновъ никакихъ товаровъ за границу не отправлялъ. Выступившій обвинителемъ полицеймейстеръ гор. Гомеля Раевскій сообщилъ, что въ послѣднее время въ городѣ снова замѣчается тревожное настроеніе. Евреи снова начинаютъ опасаться христіанъ, христіане—евреевъ. И все—на основаніи слуховъ. Дознаніе о слухахъ, распространяемыхъ Горбачевымъ, не единственное. Въ производствѣ у мѣстной полиціи имѣются и другіе, направленные къ разрѣшенію въ другомъ порядкѣ; на-дняхъ былъ пущенъ слухъ, что въ одномъ еврейскомъ магазинѣ ограбили и пытались задушить христіанку-покупательницу. При провѣркѣ оказалось, что ничего подобнаго не происходило. Особенно усиленно циркулируютъ подобные слухи среди желѣзно-дорожныхъ рабочихъ подвижныхъ составовъ. Городской судья, признавъ обвиненіе Горбачева доказаннымъ, приговорилъ его къ пяти днямъ ареста, а за оклеветаніе Ловьянова къ двухнедѣльному аресту.

Въ такомъ же родѣ слухи ходили и въ Одессѣ, гдѣ они вызвали обязательное постановленіе градоначальника, въ которомъ сказано: «Всѣ государевы вѣрноподданные, какой бы вѣры или народности они ни были, пользуются одинаковымъ покровительствомъ и защитой законовъ и только враги Россіи могутъ возбуждать къ междоусобію». За распространеніе завѣдомо ложныхъ слуховъ, волнующихъ населеніе, установленъ на основаніи Положенія объ усиленной охранѣ штрафъ въ 500 р. или арестъ до трехъ мѣсяцевъ. Но, разумѣется, лучше всякихъ такихъ мѣръ, дѣйствующихъ не на убѣжденіе, а лишь на внѣшнія безпорядочныя его проявленія, было бы установленіе такого порядка, при которомъ евреи—русскіе подданные не въ теоріи только, а въ дѣйствительности, пользовались бы равноправнымъ положеніемъ со всѣми остальными русскими подданными. А до этого на дѣлѣ нѣтъ, пока существуетъ черта еврейской осѣдлости и до

ія ограниченія правъ евреевъ, до тѣхъ поръ очень трудно убѣдить не олько невѣжественную массу, но даже и сравнительно цивилизованную асть общества въ томъ, что русскіе евреи суть равноправные русскіе гра-ждане, а не отверженцы. До тѣхъ поръ всегда возможными будутъ такіе факты, какъ сообщенные *С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ* изъ Минска: ѣсколько времени тому назадъ минское управленіе общества «Краснаго реста» объявило объ организаціи кратковременныхъ курсовъ для приго-овленія сестеръ милосердія. На призывъ отозвалось болѣе 100 молодыхъ ѣвицъ и дамъ, готовыхъ по первому требованію отправиться на театръ оенныхъ дѣйствій для оказанія помощи больнымъ и увѣчнымъ воинамъ. Ъ числѣ отозвавшихся было до 30-ти евреекъ, но въ числѣ принятыхъ а курсы 40 человѣкъ ихъ было только двѣ. На третьей лекціи къ дѣ-ушкамъ-еврейкамъ подошелъ адъютантъ воинскаго начальника и въ очень ѣжливой формѣ объяснилъ имъ, что ихъ дальнѣйшее участіе нежелатель-о, потому что онѣ—еврейки и, какъ таковыя, не могутъ быть сестрами илосердія. На мѣстное еврейское общество, принесшее въ помощь «Крас-ому Кресту» довольно солидныя пожертвованія, представители коего согоятъ членами мѣстнаго управленія, случай этотъ произвелъ крайне удру-ающее впечатлѣніе. Къ сожалѣнію, у насъ есть и публицисты, поставившіе, овидимому, своей задачей разжигать племенную вражду между различными астями населенія Россіи и въ частности между русскими и евреями. По звѣстіямъ изъ Одессы, тамъ въ послѣднее время усиленно распростра-яется газета *Знамя*. Въ Петербургѣ незавидную задачу травли евреевъ зяло на себя, какъ извѣстно, *Новое Время*, а въ немъ по этой части одвизается теперь спеціально г. Меншиковъ, тоже пользуясь теперешнимъ ренно-патріотическимъ настроеніемъ для взведенія на евреевъ обвиненія въ мъ, что японцы начали войну въ Россіей по ихъ наущенію. Логика г. Мен-икова, если тутъ можно усмотрѣть какую-нибудь логику, состоитъ въ мъ, что Японія начала войну въ надеждѣ на поддержку Англіи и Аме-ики, а въ общественномъ мнѣніи этихъ странъ играетъ большую роль ржа, которая находится въ рукахъ евреевъ. Такимъ путемъ можно до-зать, конечно, что все вредное для Россіи во всемъ свѣтѣ дѣлается реями. По мнѣнію князя Мещерскаго, евреи соблазнили не то что япон-въ, а самаго несомнѣнно русскаго человѣка, извѣстнаго орловскаго пред-дителя дворянства М. А. Стаховича, по распоряженію котораго будто бы томъ отрядѣ, гдѣ онъ состоитъ уполномоченнымъ, сестры милосердія яли знаки краснаго креста на томъ основаніи, что въ числѣ ихъ была рейка. Всей этой болтовнѣ г. Меншикова и сплетнѣ князя Мещерскаго, нечно, одна цѣна. Но, по справедливому замѣчанію *Русскихъ Вѣдомо-стей*, «на всѣ эти нелѣпости не стоило бы обращать вниманія, если бы ѣ не появлялись въ такое время, когда возбудимость народа повышена когда всякія подобныя неосторожныя сужденія могутъ повести къ весьма искорбнымъ послѣдствіямъ».

Взаимное недовѣріе и заподозриваніе въ недостаткѣ патріотизма и въ

неблагонамѣренности вообще, распространяются не на однихъ евреевъ, и дѣлаются средствомъ для преслѣдованія всѣхъ несогласно мыслящихъ отдѣльныхъ лицъ или ненравящихся общественныхъ группъ, наприм., земства. Происходитъ, наприм., столкновеніе между президентомъ московскаго общества сельскаго хозяйства княземъ А. Г. Щербатовымъ и большинствомъ собранія этого общества. Дѣло заключалось въ томъ, что въ засѣданіи общества 9 апрѣля князь Щербатовъ вопреки устава общества отказался поставить на обсужденіе заявленіе, подписанное 14-ю членами общества и касавшееся вопроса объ исключеніи изъ земледѣльческой школы двѣнадцати учениковъ; затѣмъ, когда ему было указано, что уставъ обязателенъ и для него, поставилъ на баллотировку—разсматривать ли вопросъ въ этомъ засѣданіи, или отсрочить его разсмотрѣніе. Большинство рѣшило обсудить его тотчасъ же, но князь Щербатовъ высказалъ, что онъ все-таки не допуститъ его обсужденія. Когда же послѣ этого пренія очень обострились и одинъ изъ присутствовавшихъ членовъ предложилъ выразить порицаніе предсѣдателю, то князь Щербатовъ заявилъ, что онъ отказывается отъ званія президента общества; но 15 апрѣля въ засѣданіи совѣта общества снова заявилъ, что онъ не желаетъ отказываться отъ этого званія. Какъ бы ни смотрѣть на это дѣло по существу, во всякомъ случаѣ казалось бы, что оно имѣетъ значеніе лишь внутренней распри въ обществѣ сельскаго хозяйства. Оказывается, по мнѣнію *Московскихъ Вѣдомостей*, выражаемому г. Spectator'омъ, что дѣло не такъ просто, по произведенному имъ изслѣдованію, «въ Москвѣ есть тѣсно сплоченная кучка людей, задавшихся цѣлью вносить смуту въ различные общества, съѣзды и собранія, превращая ихъ въ арену скандальныхъ безобразій подъ дешевымъ флагомъ «либеральнаго прогресса». Гдѣ тутъ во всей этой исторіи прогрессъ, да еще либеральный, сразу довольно трудно сообразить, но, видите ли въ чемъ дѣло: «отъ сельско-хозяйственныхъ вопросовъ рукой подать до вопросовъ о правовомъ порядкѣ. Стоитъ только съ пафосомъ воскликнуть: «Можно ли въ Россіи процвѣтать сельское хозяйство, пока Россія изнемогаетъ подъ тяжестью современнаго положенія»—и поводъ къ преніямъ о государственномъ переустройствѣ Россіи уже найденъ». Никто въ засѣданіи 9 апрѣля этого не восклицалъ и ни о государственномъ переустройствѣ Россіи, ни о правовомъ порядкѣ не говорилъ, но такъ какъ, по мнѣнію г. Spectator'а, все это еще можетъ быть, то ясно, что возражавшіе противъ нарушенія княземъ Щербатовымъ устава были крамольники, относительно которыхъ по словамъ другого сотрудника *Московскихъ Вѣдомостей*, г. Золотарева, надо «оставить пагубную систему уступокъ и потворствъ». Т.-е. однако что же надо съ ними сдѣлать? Приказать имъ слушаться вопреки уставу не большинства собранія, а князя Щербатова? Едва ли г. Золотаревъ найдетъ это достаточнымъ, ибо дальше онъ такъ характеризуетъ дѣйствія оппонентовъ князя Щербатова: «играть въ либерализмъ и дѣлать внутреннія затрудненія своему правительству (гдѣ же тутъ правительство?) значитъ быть заодно съ врагами Россіи».

Мы уже указывали раньше на то, что поводомъ къ заподозриванію въ политической неблагонадежности не только отдѣльныхъ лицъ, но и цѣлыхъ общественныхъ группъ—дворянства и земства, является иногда даже именно ихъ патріотическая дѣятельность по поводу войны. Нельзя не отмѣтить, что со стороны правительства въ этой сферѣ не проявляется, повидимому, недовѣрія ни къ дворянству, ни къ земству. Коллективной работѣ ихъ въ дѣлѣ оказанія помощи пострадавшимъ отъ войны не ставилось до сихъ поръ никакихъ препятствій. Вообще идея совмѣстной дѣятельности земствъ, считавшаяся одно время запретной, если и не получила полнаго права гражданства, то пользуется, во всякомъ случаѣ, значительной терпимостью. Допускаются союзы отдѣльныхъ земствъ по разнымъ отраслямъ ихъ хозяйственной дѣятельности. Такъ, въ началѣ марта при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ происходило совѣщаніе представителей нѣсколькихъ губернскихъ земствъ для заключенія между ними перестраховочнаго договора, на которомъ вступили въ перестраховочный союзъ 14 губернскихъ земствъ—вологодское, курское, казанское, московское, нижегородское, новгородское, псковское, пензенское, смоленское, симбирское, рязанское, тульское, тамбовское и ярославское,—и представители ихъ подписали перестраховочный договоръ, который вступаетъ въ дѣйствіе съ 1-го іюля текущаго года. Самарскому, саратовскому и орловскому земствамъ предложено принять правила перестраховочнаго союза и вступить въ него. Тверское земство, принимавшее дѣятельное участіе въ первоначальныхъ переговорахъ о перестрахованіи, въ настоящее время въ союзъ не вошло. Въ Тулѣ было предварительное совѣщаніе представителей земствъ по вопросу о совмѣстныхъ закупкахъ различныхъ хозяйственныхъ предметовъ, раньше такое же совѣщаніе происходило въ Орлѣ. На этихъ совѣщаніяхъ рѣшено было спеціализировать отдѣльные виды закупокъ, распредѣливши ихъ между губерніями, такъ что, наприм., московское земство беретъ на себя завѣдываніе покупкой желѣза для всѣхъ губерній, входящихъ въ соглашеніе, орловское—покупкой сельскохозяйственныхъ машинъ и орудій и т. д. Для этого при такихъ земствахъ организуются посредническія бюро. 3 апрѣля въ совѣщаніи по этому дѣлу, происходившемъ въ московской губернской земской управѣ подъ предсѣдательствомъ С. Н. Маслова, предсѣдателя орловской земской управы,

участвовали предсѣдатели, члены управы, завѣдующіе сельско-хозяйственными складами губерній Московской, Нижегородской, Ярославской, Новгородской, Рязанской, Тульской, Орловской, Владимірской, Калужской, Симбирской, Вологодской, Самарской, Курской, Тамбовской и Смоленскаго общества сельскаго хозяйства. Выяснилось, что московскій губернскій земскій складъ принимаетъ на себя закупку для другихъ земствъ кровельнаго и листового желѣза, орловскій складъ — закупку иностранныхъ сельско-хозяйственныхъ машинъ и орудій, кромѣ крестьянскихъ плуговъ; тульскій земскій складъ—закупку мелкаго сельско-хозяйственнаго инвентаря (косъ, серповъ и т. п.). Ярославская и калужская губернскія управы изъявили желаніе взять на себя закупку сѣмянъ огородныхъ, цвѣточныхъ и медоносныхъ растеній, корнеплодовъ и нѣкоторыхъ луговыхъ травъ. Затѣмъ рѣшено просить организовать посредническое бюро при смоленской губернской управѣ по закупкѣ принадлежностей молочнаго хозяйства, а по закупкѣ минеральныхъ удобреній просить нижего-

родское земство съ сѣверными земствами разработать вопросъ, гдѣ соотвѣтствующее бюро можетъ быть организовано. Совмѣстныя закупки предположено производить только такихъ товаровъ, потребности въ которыхъ являются у всѣхъ земствъ, вступающихъ въ соглашеніе, что же касается закупки товаровъ, которые въ одних губерніяхъ производятся, а въ другихъ потребляются, то вопросъ объ этомъ отложен до особаго совѣщанія.

Такого рода попытки совмѣстной дѣятельности земствъ, представляя собою несомнѣнный прогрессъ въ смыслѣ большей успѣшности выполненія ими своихъ задачъ по существу, въ то же время явно указываютъ на то, что земства съ самымъ живымъ интересомъ и очень серьезно относятся не только къ вопросамъ общаго характера, но и къ доступнымъ для нихъ частичнымъ мѣропріятіямъ, могущимъ служить къ улучшенію народнаго благосостоянія. Задачи, поставленныя себѣ вышесказаннымъ союзомъ земствъ, суть задачи, конечно, чисто-практическія и ставятся не для разговоровъ. Но что земства, занимаясь и такими частными и непосредственно практическими дѣлами, не могутъ не сознавать, и когда возможно не высказывать, что успѣшность всѣхъ этихъ дѣлъ зависитъ больше всего отъ тѣхъ общихъ условій, въ которыхъ эти дѣла дѣлаются,—это доказываетъ лишь ихъ серьезное и сознательное отношеніе къ своимъ задачамъ. При томъ съ этими условіями приходится сталкиваться на каждомъ шагу. Прежде всего, разумѣется, во всѣхъ практическихъ мѣропріятіяхъ земства, успѣшность ихъ зависитъ отъ тѣхъ лицъ, которыя ихъ будутъ исполнять; между тѣмъ при существующемъ положеніи вещей выборъ этихъ лицъ часто бываетъ очень затрудненъ, такъ какъ приходится считаться не столько со способностью данныхъ лицъ и степенью общественнаго къ нимъ довѣрія, сколько съ отношеніемъ къ нимъ администраціи, представляющемъ часто для избирателей совершенно неизвѣстную и неопредѣлимую величину. Въ послѣднее время были очень нерѣдки случаи неутвержденія въ должностяхъ предсѣдателей и членовъ земскихъ управъ такихъ лицъ, которыя уже давно служили въ этихъ должностяхъ, не возбуждая со стороны администраціи никакихъ возраженій. Такъ, еще недавно не былъ утвержденъ предсѣдатель вологодской управы В. А. Кудрявый. А на-дняхъ послѣ трехмѣсячнаго ожиданія получено московской губернской управой увѣдомленіе о неутвержденіи такого общеизвѣстнаго земскаго дѣятеля, какъ Д. Н. Шиповъ, которому, какъ мы видѣли, не только московское земство, но и представители двѣнадцати другихъ земствъ только что выразили свое высшее довѣріе, избравъ его главнымъ уполномоченнымъ земскаго союза по организаціи помощи пострадавшимъ отъ войны. Князь Мещерскій, можетъ быть, будетъ этимъ доволенъ, но, намъ кажется, что неутвержденіемъ такихъ лицъ въ значительной мѣрѣ достигается именно то, противъ чего всегда ратуютъ *Гражданинъ* и *Московскія Вѣдомости*. Главный упрекъ ихъ земству состоитъ въ томъ, что оно стремится играть государственно-политическую роль вмѣсто предоставленной ему мѣстной хозяйственной. Но вотъ московское и вологодское земства выбираютъ въ предсѣдатели своихъ управъ Д. Н. Шипова и В. А. Кудряваго. Что такое и по закону, и по

существу дѣла предсѣдатель управы? Одинъ изъ исполнителей вошедшихъ въ законную силу постановленій земскихъ собраній—и только. Но такъ какъ, очевидно, не можетъ быть и рѣчи о неспособности сказанныхъ лицъ быть такими исполнителями, то всякій понимаетъ, что неутверждены они могли быть только за свои политическіе взгляды, несогласные со взглядами администраціи. И такимъ образомъ выходитъ, что неутвержденіе возводитъ ихъ изъ положенія обыкновенныхъ общественныхъ работниковъ въ положеніе какъ бы лидеровъ политической оппозиціи, т.-е. придаетъ ихъ земской дѣятельности политическое значеніе.

Кромѣ выборныхъ лицъ, для правильнаго и успѣшнаго веденія земскаго дѣла, особенно при томъ расширеніи его во всѣхъ сферахъ, какого оно достигло въ послѣднее время, необходимы всякіе спеціальные работники: агенты, инженеры, врачи, учителя и т. д. Извѣстно, съ какими затрудненіями сопряжено въ послѣднее время допущеніе всѣхъ этихъ лицъ. Независимо отъ этого и условія, при которыхъ приходится работать этимъ лицамъ, дѣлаются все болѣе стѣснительными. Самостоятельная иниціатива ихъ ограничивается не столько земствомъ, сколько администраціей. Такъ, въ Уфѣ губернаторъ предложилъ бывшему въ концѣ февраля экстренному собранію пересмотрѣть положеніе о губернскомъ экономическомъ совѣтѣ, причемъ указывалъ, что по многимъ существеннымъ вопросамъ управа занимаетъ совершенно второстепенное положеніе, тогда какъ главную роль играютъ случайныя лица, приглашенныя по вольному найму. По мнѣнію губернатора, самую большую роль, которую названныя лица должны были бы имѣть въ данныхъ случаяхъ, это лишь по порученію управы, соотвѣтственно ею же, а не кѣмъ инымъ, намѣченной цѣли, собрать и представить цифровой и статистическій матеріалъ для доклада управы или, въ крайнемъ случаѣ, съ согласія управы сдѣлать это же по порученію самого экономическаго совѣта; только такой порядокъ соотвѣтствовалъ бы всѣмъ требованіямъ 105 ст. Полож. о земск. учр. Въ докладѣ своемъ по этому поводу управа возражала, ссылаясь, между прочимъ, на рѣшеніе правительствующаго сената, въ которомъ говорится, что законъ не воспрещаетъ земскимъ учрежденіямъ совѣщаться съ лицами, имѣющими спеціальныя познанія или особенную опытность, наприм., по вопросамъ сельскаго или лѣсного хозяйства и т. п. Дальше управа говоритъ, что экономическій совѣтъ никогда не являлся независимымъ отъ управы органомъ и по пункту 7 всѣ постановленія совѣта приводятся въ исполненіе его предсѣдателемъ послѣ одобренія управы, и предлагаетъ прежнее положеніе объ экономическомъ совѣтѣ оставить въ силѣ съ измѣненіемъ п. 2 и п. 7. Собраніе большинствомъ голосовъ 14 противъ 12 согласилось съ докладомъ управы. Такимъ образомъ администрація, вопреки желанію самого земства, какъ бы отстаивая его права отъ вторженія чуждаго ему элемента, въ сущности стремится установить бюрократическія, формальныя отношенія между выбранными представителями земства и ихъ вольнонаемными сотрудниками, часто столь же, если не болѣе, свѣдущими и столь

же преданными ихъ общему дѣлу. Практика неутвержденій распространяется иногда и на такія сферы, въ которыхъ, казалось бы, трудно было ея ожидать; такъ, наприм., въ засѣданіи черниговской ученой архивной комиссіи отъ 6 марта доложено, что губернаторъ по соглашенію съ директоромъ археологическаго института не призналъ возможнымъ утвердить въ званіи членовъ архивной комиссіи восемь лицъ, разновременно избранныхъ. Доложено также заключеніе директора археологическаго института относительно толкованія губернаторомъ компетенціи и устава архивной комиссіи, въ общемъ согласное съ предложеніями губернатора. Постановлено обжаловать предложеніе губернатора комиссіи и заключеніе директора археологическаго института въ сенатъ. Товарищъ предсѣдателя г. Шрагъ (исполняющій за отсутствіемъ постоянно живущаго въ Петербургѣ предсѣдателя гр. Милорадовича должность предсѣдателя) отказался отъ должности товарища предсѣдателя и отъ званія члена архивной комиссіи. Отъ званія члена комиссіи отказался засимъ цѣлый рядъ лицъ. Большинство вольнонаемныхъ лицъ, завѣдывавшихъ страховыми отдѣлами при губернскихъ управахъ земствъ, вступившихъ въ перестраховочное соглашеніе, присутствіе которыхъ на бывшемъ земскомъ страховомъ съѣздѣ въ Петербургѣ было признано неудобнымъ, въ настоящее время получили предложеніе оставить земскую службу. Исключительное положеніе земства Тверской губерніи продолжается, и на-дняхъ выразилось въ новой высылкѣ изъ предѣловъ Тверской губерніи трехъ земцевъ: В. Д. фонъ-Дервиза, Н. К. Милюкова и Д. Н. Тица. Первый состоялъ предсѣдателемъ губернской управы въ прошлое трехлѣтіе и былъ выбранъ вновь; второй былъ тоже членомъ управы и оба послѣдніе выбраны были членами ея на это трехлѣтіе. Кромѣ системы личнаго воздѣйствія, существуютъ и другіе факты, указывающіе на то, что недовѣріе къ исполнителямъ земскихъ мѣропріятій все еще не миновало. Такъ, въ отвѣтъ на ходатайство черниговскаго земства о разрѣшеніи весною 1904 года вновь возобновить прерванныя оцѣночно-статистическія работы, недавно полученъ отвѣтъ, что ходатайство это неудовлетворено и оцѣночныя описанія не разрѣшены. Мы, конечно, не можемъ входить въ оцѣнку всѣхъ этихъ фактовъ, мотивы которыхъ намъ неизвѣстны, но нѣтъ сомнѣнія, что они часто создаютъ для земской дѣятельности крайне затруднительныя условія. А между тѣмъ какъ разъ теперь, когда народному благосостоянію, и безъ того стоявшему на невысокомъ уровнѣ, какъ это неоднократно въ послѣдніе годы признавалось самимъ правительствомъ, грозитъ еще большее пониженіе вслѣдствіе неизбѣжныхъ громадныхъ потерь людьми и деньгами на войнѣ, могутъ потребоваться особыя усилія для его поддержанія. Что будетъ, въ самомъ дѣлѣ, если во время войны насъ постигнетъ неурожай вродѣ 1892 года? Опредѣленныхъ данныхъ, чтобы ожидать этого въ настоящее время, нѣтъ, но вѣдь лѣто еще только начинается. А мы и сейчасъ, какъ то было въ 1892 году, зависимъ въ этомъ дѣлѣ лишь отъ всякихъ атмосферическихъ случайностей, такъ какъ ни само населеніе не сдѣлалось съ того времени

ни богаче, ни культурнѣе, ни правительственная и общественная помощь не организованы лучше и надежнѣе. Министерство внутреннихъ дѣлъ и само, повидимому, пришло къ тому заключенію, что изъятіе продовольственнаго дѣла изъ вѣдѣнія земства и введеніе новаго порядка завѣдыванія имъ не создали въ сущности никакого серьезнаго улучшенія. По сообщенію *Московскихъ Вѣдомостей* въ настоящее время вырабатывается опять новый проектъ продовольственнаго устава. Наиболѣе существенныя черты его состоятъ въ слѣдующемъ:

При министерствѣ внутреннихъ дѣлъ учреждается продовольственный совѣтъ, въ составъ коего входятъ представители министерства финансовъ, земледѣлія и путей сообщенія, государственнаго контроля и общества „Краснаго Креста". Совѣту этому предоставляется право передвиженія продовольственныхъ запасовъ и установленіе предѣльной цѣны на хлѣбъ, закупленный для пополненія зернохранилищъ. Сельскіе общественные и губернскіе продовольственные капиталы перечисляются въ спеціальныя средства министерства внутреннихъ дѣлъ по продовольственной части. Устанавливается нормальный размѣръ этихъ средствъ въ теченіе извѣстнаго срока посредствомъ ежегодныхъ отчисленій изъ государственнаго казначейства. Проектируются общественныя работы въ неурожайныхъ мѣстностяхъ, и нужды сельскихъ обывателей устанавливаются приговорами сельскихъ сходовъ, провѣряемыми земскимъ начальникомъ при участіи домохозяевъ, ненуждающихся въ ссудахъ и заслуживающихъ довѣрія. Такъ какъ многолѣтнія наблюденія указали, что неурожаи постигаютъ однѣ и тѣ же губерніи, то для нихъ проектируется создать сѣть зернохранилищъ, которыя строятся на счетъ казны. Завѣдываніе ими и организація продажи изъ нихъ хлѣба по заготовительной цѣнѣ и выдача изъ нихъ ссудъ возлагается на мѣстныя земскія учрежденія, но всѣ операціи по этому дѣлу подчиняются ревизіи государственнаго контроля. Хранящіеся нынѣ въ сельскихъ обществахъ запасы хлѣба переводятся въ зернохранилища. Сборъ общественныхъ продовольственныхъ запасовъ, натуральныхъ и денежныхъ, въ мѣстностяхъ, снабженныхъ зернохранилищами, прекращается. Сельскія общества обязываются ежегодно по осени засыпать въ общественные амбары сѣмена для яроваго посѣва, которыя выдаются весной въ размѣрѣ засыпаннаго каждому домохозяину.

Мы не будемъ въ настоящее время останавливаться на этомъ проектѣ, такъ какъ легко возможно, что частности его переданы и не совсѣмъ точно, или подвергнутся измѣненію. Но общій тонъ его, очевидно, остается тотъ же самый, какъ и въ другихъ проектахъ, вырабатывавшихся въ послѣднее время. Тѣ же земскіе начальники, опредѣляющіе, по своему усмотрѣнію, кто изъ крестьянъ заслуживаетъ, кто не заслуживаетъ довѣрія, и та же спеціальная опека и особое попеченіе государства относительно крестьянъ, особенно рельефно выражающееся въ обязаніи сельскихъ обществъ ежегодно по осени засыпать въ общественные амбары ровыя сѣмена. Безъ этого, конечно, предполагается, что мужикъ непремѣнно ихъ пропьетъ или растратитъ, что однако почему-то не предполагается ни о дворянинѣ, ни о купцѣ, ни даже о мѣщанинѣ. Во всякомъ случаѣ новый проектъ продовольственнаго устава, подобно обоимъ прежнимъ, имѣетъ въ виду только государственную охрану крестьянъ во время случайныхъ, изъ ряду вонъ выходящихъ неурожаевъ и голодовокъ и вовсе не ставитъ себѣ задачею даже въ отдаленномъ будущемъ устранить самую

возможность такихъ голодовокъ, давно уже отошедшихъ въ область историческихъ преданій во всѣхъ западно-европейскихъ государствахъ. Въ проектѣ, въ томъ видѣ, какъ онъ переданъ *Московскими Вѣдомостями*, нѣтъ и намека ни на какую подобную идею, несмотря на то, что по почину самого правительства возникалъ и обсуждался вопросъ о нашемъ общекрестьянскомъ, а, пожалуй, и обще-русскомъ оскудѣніи, и многими ясно и опредѣленно высказывались тѣ общія причины оскудѣнія, безъ устраненія которыхъ всѣ частныя продовольственныя предпріятія всегда останутся только недостигающими серьезныхъ цѣлей палліативами. Мы вообще склонны обращать большее вниманіе на частныя, случайныя явленія, чѣмъ на вызывающія ихъ общія причины; поэтому намъ и приходится дѣлать всякія исправленія какъ разъ въ моментъ острой нужды, а не заранѣе и своевременно. А нерѣдко бываетъ и такъ, что то, что можно было и слѣдовало сдѣлать давно, не могло осуществиться ранѣе, чѣмъ потребовали этого особенно настоятельно исключительныя обстоятельства. Такъ, какъ уже указывалось, что наше усиленное желѣзнодорожное строительство, не соотвѣтствующее нашей бѣдности, только искусственно извлекаетъ изъ государственнаго бюджета громадныя суммы, которыя могли бы быть направлены на цѣли болѣе полезныя для населенія и болѣе производительныя. Но всѣ эти указанія оставлялись безъ послѣдствій до тѣхъ поръ, пока денежныя нужды войны заставили приступить къ сокращенію государственныхъ расходовъ, и тогда оказалось, что наибольшія сокращенія могутъ быть сдѣланы безъ особаго ущерба именно на желѣзныхъ дорогахъ. Общая сумма сдѣланныхъ сокращеній составляетъ 134.377,106 руб. Независимо отъ сего особымъ Высочайшимъ указомъ министру императорскаго двора повелѣно сократить на одинъ милліонъ расходъ этого министерства. Изъ выше приведенной цифры 134.377,016 руб. 115.498,336 р. относятся на сокращеніе росписи настоящаго года, остальныя суммы на сокращеніе росписей предыдущихъ лѣтъ. Въ кредитахъ на постройку желѣзныхъ дорогъ допущено сокращеніе въ 54,9 милл. р.; на усиленіе и улучшеніе желѣзныхъ дорогъ и увеличеніе ихъ оборотныхъ капиталовъ—18,2 милл. руб.; на заготовку пассажирскихъ вагоновъ и желѣзнодорожныхъ принадлежностей 1,9 милл. р., итого на желѣзно-дорожное строительство—75 милліон. руб. Затѣмъ слѣдуютъ по величинѣ сокращенія дорожныя сооруженія другого рода, водные пути и торговые порты—22,7 милл. руб. и на расходы по казенной продажѣ питей—14,4 милл. р. По остальнымъ статьямъ росписи сокращенія гораздо меньше. Предположенія о возможныхъ сокращеніяхъ находились въ разсмотрѣніи особой комиссіи подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя департамента государственной экономіи, затѣмъ разсмотрѣны были министрами и департаментомъ государственной экономіи государственнаго совѣта, заключеніе котораго, вмѣстѣ съ перечнемъ расходовъ, подлежащихъ сокращенію, удостоились 6 мая Высочайшаго утвержденія. Такимъ образомъ верховнымъ государственнымъ авторитетомъ признано, что тѣ чрезвычайные расходы, которые произ-

дились у насъ до послѣдняго времени на желѣзно-дорожное строительство были наименѣе насущными въ числѣ нашихъ государственныхъ расходовъ. Между тѣмъ сколько разъ въ литературѣ и въ общественныхъ учрежденіяхъ указывалось на увлеченіе желѣзными дорогами какъ на неправильность нашей государственно-финансовой политики, и всѣ эти указанія оставались безъ вліянія на ходъ дѣла, пока какъ ultima ratio не заставила ихъ признать война. Если бы тѣ семьдесятъ пять милліоновъ, которые оказалось возможнымъ тотчасъ же перенести на нужды войны, были перенесены нѣсколько лѣтъ тому назадъ, съ постройки непроизводительныхъ дорогъ, на мѣропріятія, служившія бы къ развитію той самой народной производительности, которая бы впослѣдствіи послужила и для увеличенія доходности желѣзныхъ дорогъ, а главное для экономическаго подъема самого населенія, то, конечно, силы этого населенія такимъ путемъ были бы лучше, чѣмъ теперь, подготовлены къ перенесенію всякихъ тяжелыхъ случайностей, будь то война, неурожай или другое бѣдствіе. Разумѣется, это было бы лишь при томъ условіи, если бы и самимъ общественнымъ и народнымъ силамъ была предоставлена достаточная свобода и самодѣятельность, чтобы государственная помощь могла быть направлена туда, гдѣ въ ней чувствуется наибольшая потребность и гдѣ, сознательно и энергично использованная, она могла бы оказаться наиболѣе плодотворною. Мѣры къ охраненію и поддержанію экономическаго благосостоянія страны принимаются государствомъ и теперь; но многія изъ нихъ носятъ именно характеръ не систематическаго укрѣпленія общественнаго экономическаго строя, но лишь поправокъ и починокъ въ существующемъ строѣ, вызванныхъ спеціально расшатываніемъ его войной. Что это расшатываніе имѣетъ очень серьезное значеніе,—это несомнѣнно и, конечно, оно не можетъ не вызывать опасеній и заботъ въ правительствѣ и въ обществѣ. Всего чувствительнѣй для большинства, конечно, общее, такъ сказать, экономическое недомоганіе, выразившееся въ паденіи курса бумагъ, сокращеніи кредита и т. п. симптомахъ. Но затѣмъ и отъ многихъ отдѣльныхъ отраслей промышленности идутъ неутѣшительныя извѣстія и еще болѣе неутѣшительныя ожиданія. Фактъ сильно угнетеннаго настроенія на кіевскихъ контрактахъ, гдѣ сосредоточиваются преимущественно сдѣлки по сахарнымъ дѣламъ, никѣмъ не оспаривается.

«Нормальное» производство опредѣлено на будущую кампанію для всей Россіи въ 63 милліона пудовъ, между тѣмъ какъ производство только что оконченной кампаніи, результаты которой еще не могутъ быть точно подсчитаны, по всей вѣроятности превзошло 70 милл. пудовъ. Это, конечно, отразится на посѣвахъ свеклы. Уже прошлымъ лѣтомъ эти посѣвы сократились по сравненію съ 1902 годомъ на 8,3% (съ 547 тыс. десятинъ до 502 тыс. дес.), а въ наступающую весну это движеніе пойдетъ еще дальше, и пострадаютъ здѣсь, несомнѣнно, прежде всего мелкіе плантаторы и крестьяне тѣхъ мѣстностей, гдѣ посѣвъ этого, столь желательнаго, съ точки зрѣнія агронома, корнеплода уже проникъ въ крестьянское хозяйство.

Сравнительно лучше другихъ стоитъ дѣло пока въ металлургической и металлообрабатывающей промышленности, которую война застала въ періодѣ подъема. Очень возможно, что, какъ и предсказываютъ нѣкоторые, казенные заказы, вызванные войной, послужатъ даже къ оживленію если не всей этой отрасли промышленности, то хотя нѣкоторыхъ заводовъ; съ другой стороны, сокращеніе желѣзно-дорожнаго строительства хотя не сразу, но должно отразиться на ней угнетающимъ образомъ. Эти разсчеты яснo указываютъ, насколько искусственно построено все наше металлургическое дѣло и насколько оно зависитъ не отъ дѣйствительной потребности населенія, а отъ казенныхъ заказовъ, представляющихъ собою, разумѣется, крайне ненадежный факторъ, легко могущій мѣняться со всякими измѣненіями государственно-финансовой политики. Существуютъ опасенія, что можетъ наступить кризисъ и въ нашемъ хлопчато-бумажномъ производствѣ, если война съ Японіей осложнится и доставка хлопка изъ Америки сократится или даже совсѣмъ пріостановится. Сокращеніе въ сколько-нибудь значительныхъ размѣрахъ хлопчато-бумажнаго производства грозило бы безработицей въ цѣлыхъ районахъ, гдѣ населеніе работаетъ на хлопчатобумажныхъ фабрикахъ. Уже и въ настоящее время имѣются изъ многихъ фабричныхъ центровъ извѣстія о безработицѣ. Такъ, въ *Русск. Вѣд.* изъ Лодзи пишутъ: Тяжелое время переживаетъ нашъ городъ. Повышеніе учетнаго процента стѣснило до крайности мелкихъ и среднихъ фабрикантовъ, дѣятельность которыхъ держится на доступномъ кредитѣ. Одновременно съ затрудненіемъ въ кредитѣ подавляюще дѣйствовали на здѣшнихъ промышленниковъ массовые неплатежи по забранному товару. Невыполненіе платежныхъ обязательствъ по отношенію къ Лодзи приняло въ Литвѣ и въ Польскомъ краѣ эпидемическій характеръ. Мелкіе фабриканты прекратили всякую работу, а многіе, которые покрупнѣе, значительно сократили. Слухи о предстоящей безработицѣ носились еще до Пасхи и послѣ праздниковъ оправдались въ необычайныхъ размѣрахъ. Симптомы безработицы въ видѣ участившихся безмѣрно кражъ, нападеній самыхъ дерзкихъ не замедлили явиться. Группами можно видѣть расхаживающихъ по улицамъ безработныхъ; голодное выраженіе на истощенныхъ лицахъ говоритъ, что нужда—крайняя. Еврейскій благотворительный комитетъ принялъ мѣры для смягченія бѣдствія среди еврейскихъ рабочихъ.

Очень естественно, что такія тревожныя явленія должны были обратить на себя особое вниманіе правительства, результатомъ чего было, повидимому, между прочимъ, образованіе при министерствѣ финансовъ комиссіи подъ предсѣдательствомъ товарища министра финансовъ, завѣдующаго учрежденіями по части промышленности и торговли, т. с. Тимирязева, съ участіемъ представителей другихъ прикосновенныхъ вѣдомствъ для оказанія возможнаго содѣйствія торговлѣ и промышленности во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда въ связи съ событіями военнаго времени могутъ возникнуть тѣ или другія затрудненія какъ по части перевозки грузовъ, такъ и въ другихъ отношеніяхъ. Составъ комиссіи разсчитанъ такимъ образомъ,

чтобы каждый возникающій на практикѣ вопросъ могъ быть улаженъ въ самой комиссіи безъ дальнѣйшаго сношенія съ прикосновенными вѣдомствами, которое при самомъ ускоренномъ порядкѣ письменныхъ сношеній всегда связано съ большою потерей времени. Но, разумѣется, такая комиссія, могущая принести большую пользу для частныхъ отдѣльныхъ случаевъ, не можетъ, да едва ли и задается цѣлью предотвратить всѣ возможныя неблагопріятныя послѣдствія войны, поскольку они отражаются на промышленности и торговлѣ. Большая часть этихъ послѣдствій совершенно не предотвратимы въ минуту кризиса и только могутъ быть труднѣе или легче перенесены народомъ въ зависимости отъ его жизненной силы и подготовки. Къ несчастію, этой подготовки у насъ до сихъ поръ не было: жизненная сила народа передъ испытаніемъ была ослаблена и экономически и недостаточно развита культура,—то и другое въ зависимости отъ недостатка свободной иниціативы въ самомъ народѣ. Что этотъ недостатокъ не присущъ психическому строю самаго народа—ярко доказывается геройскимъ поведеніемъ его на войнѣ; но, повторяемъ, это геройство, необходимое въ моментъ военной опасности, и которое раздѣляется съ нами и японцами, и абиссинцами и краснокожими индѣйцами, не есть единственно необходимое для культурнаго народа. Мы не сомнѣваемся, что въ русскомъ народѣ найдется и другая культурная, мирная, геройская иниціатива.

В. Л.

II.

По поводу назначенія В. Г. Глазова. — О состязательности процесса. — Изъ жизни провинціи.

Назначеніе генерала Глазова управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія вызвало оживленные комментаріи въ печати. Съ одной стороны, самый вопросъ о школѣ и о начатой и не доведенной до конца реформѣ ея—такой наболѣвшій вопросъ, о которомъ нельзя забыть даже въ настоящую годину тяжелыхъ испытаній, переживаемыхъ нами, а, съ другой стороны, и личность новаго министра, человѣка неизвѣстнаго до сихъ поръ въ широкихъ кругахъ общества вызываетъ особенное любопытство. Правда, и передъ т. с. Зенгеромъ мы также имѣли министромъ народнаго просвѣщенія военнаго — генерала Ванновскаго, но не говоря о томъ, что онъ давно былъ извѣстенъ по своей прошлой дѣятельности, его назначенію министромъ народнаго просвѣщенія предшествовало участіе въ совѣщаніи о студенческихъ безпорядкахъ и слухи, циркулировавшіе тогда въ обществѣ о взглядахъ, высказанныхъ П. С. Ванновскимъ въ этомъ совѣщаніи, были таковы, что назначеніе его было уже встрѣчено опредѣленными надеждами. Нельзя того же сказать о новомъ министрѣ, также призванномъ изъ военной среды, и вотъ почему всѣ задаются вопросомъ о программѣ, которой онъ будетъ слѣдовать. Естественность этого вопроса сознаетъ и самъ В. Г. Глазовъ. По крайней мѣрѣ, при первомъ же представленіи ему чиновъ министерства, онъ сказалъ, между прочимъ, слѣдующее: «Вамъ,

господа, извѣстно, что моя служба протекла въ совершенно чуждой мн средѣ. Это естественно вызываетъ въ васъ желаніе ознакомиться съ мои взглядами на будущую нашу совмѣстную работу. По этому случаю я поз привести вамъ извѣстный афоризмъ: «Образъ занятій опредѣляетъ сф понятій и характеръ отношеній». Мы, военные, привыкли имѣть дѣло с людьми, которыхъ воспитывали въ идеѣ безпредѣльной преданности ца и отечеству, въ неуклонныхъ правилахъ дисциплины и порядка. Одна из статей устава говоритъ, что начальствующія лица должны отечески пеш въ предѣлахъ закона о благосостояніи ихъ подчиненныхъ. Этимъ же х рактеризуются и всѣ отношенія; они прямолинейны и опредѣляются тѣм что органы управленія созданы для людей, а не наоборотъ».

Въ этихъ краткихъ словахъ трудно, конечно, видѣть опредѣленну программу дѣятельности. Воспитаніе въ идеѣ преданности царю и отеч ству и въ правилахъ дисциплины и порядка входило и въ программы пр шествующихъ министровъ, и лишь недавно т. с. Зенгеръ въ своемъ и вѣстномъ циркулярѣ о необходимости усиленія дисциплины подчеркива именно эти задачи воспитанія. Точно также во всѣ послѣдніе проек реформы школы входила и задача попеченія о благосостояніи учащаго пе сонала и о поднятіи его матеріальнаго уровня. Такимъ образомъ изъ пр веденныхъ словъ В. Г. Глазова едва ли можно сдѣлать заключеніе о том чѣмъ будетъ отличаться его управленіе вѣдомствомъ народнаго просвѣщ нія отъ управленія хотя бы его непосредственнаго предшественника. Тѣ не менѣе нѣкоторые органы печати поспѣшили усмотрѣть въ рѣчи нов министра осуществленіе своихъ pia desideria. Такъ, *Московскія Вѣдомос* радуются, что теперь наступитъ конецъ «тому невообразимому хаосу, к которомъ вотъ уже нѣсколько лѣтъ пребываютъ наши среднія и высш научныя школы, ежегодно выпуская изъ своихъ стѣнъ дипломированны невѣждъ, неподготовленныхъ ни къ общественной, ни къ государстве ной дѣятельности». Родители, которые съ ужасомъ думали о томъ, что будущій, 1904—1905 г., академическій годъ застанетъ ихъ несчастныхъ д тей въ тѣхъ же *школахъ умственнаго распутства* (!), какими ста наши гимназіи и университеты за послѣдніе годы, могутъ успокоить Изъ дальнѣйшихъ разсужденій газеты оказывается, что школами *умстве наго распутства* гимназіи и университеты стали за послѣдніе три го т.-е. за время управленія министерствомъ народнаго просвѣщенія П. Ванновскаго и т. с. Зенгера. Все это время въ школахъ царила «праздн болтовня». Поэтому генералу Глазову придется для возрожденія дисципли возродить въ школахъ серьезное ученіе. Въ чемъ состоитъ «серьезное уч ніе»—газета не говоритъ, но если принять во вниманіе, что «умственн распутство» и «праздная болтовня» водворились въ школѣ съ тѣхъ пор какъ стали сокращать изученіе древнихъ языковъ, то ясно, что подъ сер езнымъ ученіемъ газета разумѣетъ возвращеніе къ классицизму и вооб возвращеніе къ прежней толстовской школѣ. Таковы надежды, которы московская газета связываетъ съ новымъ назначеніемъ.

Но, вѣдь, безпорядки происходили и въ прежней школѣ, въ самый разгаръ классицизма, когда производилось «серьезное ученіе» и въ школѣ царила строгая дисциплина. Вѣдь, именно эти безпорядки и привели даже офиціальныя сферы къ убѣжденію въ полной неудовлетворительности прежней школы и необходимости радикальной ея реформы. И тогда, при «серьезномъ» ученіи, гимназіи, по удостовѣренію университетскихъ совѣтовъ, выпускали «дипломированныхъ невѣждъ», совершенно неподготовленныхъ къ университетскимъ занятіямъ, а студенты, воспитанные въ строгомъ гимназическомъ режимѣ, уже на первомъ курсѣ принимали участіе въ безпорядкахъ. Но *Московскія Вѣдомости*, видно, все это позабыли и ничему не научились...

Въ тонъ московской газетѣ вторитъ и г. Меншиковъ въ *Новомъ Времени*. Г. Меншиковъ, занимающій въ нашей печати, по своему безконечному и нудному словоизверженію, амплуа щедринскаго Іудушки Головлева, разразился по поводу назначенія генерала Глазова длиннѣйшимъ фельетономъ. Г. Меншиковъ особенно радъ тому, что министромъ народнаго просвѣщенія назначенъ военный; это вообще благопріятное предвѣстіе, что въ кругъ нашихъ государственныхъ людей входятъ боевые генералы. Обстоятельство это наводитъ его на пріятныя воспоминанія о прошломъ, когда во главѣ министерствъ стояли не чиновники, а вельможи и сановники. Исчезновеніемъ класса сановниковъ г. Меншиковъ объясняетъ всѣ бѣдствія нашей страны и даже оскудѣніе центра. Развивъ попутно цѣлую философію исторіи съ культомъ сановниковъ, напоминающимъ культъ героевъ Карлейля, г. Меншиковъ съ легкостью бабочки перепархиваетъ отъ философіи обратно къ генералу Глазову и заявляетъ, что отъ новаго министра мы должны требовать строгости. Школа распущена и деморализована. «Не то, что со студентами, съ гимназистами сладу нѣтъ. Начиная съ младшихъ классовъ, мальчики становятся грубыми, дерзкими, буйными, а въ среднихъ классахъ уже втягиваются въ открытый походъ на начальство, въ обструкцію, мѣстами въ едва сдерживаемый школьный мятежъ... Безнадзорная молодость, какъ всякая толпа, несвязанная дисциплиной, становится какъ бы помѣшанной. Ее охватываетъ страсть къ продѣлкамъ, къ скандалу, къ порчѣ вещей. Доходитъ до того, что въ иной гимназіи столы, парты, стулья, стѣны,—все изрѣзано, ободрано, поломано, залито чернилами. Не классъ, а ночлежка. Отношенія между учениками совершенно босяческія: вульгарный тонъ, грубая брань, затрещины, драки». Учителя не лучше, многіе для популярности пьютъ водку съ учениками и разсказываютъ сальные анекдоты. Даже *Гражданинъ* и *Московскія Вѣдомости* могли бы позавидовать яркости стиля г. Меншикова, нѣкогда столь медоточиваго проповѣдника малыхъ дѣлъ, а нынѣ проповѣдника строгости. Побольше строгости! — восклицаетъ г. Меншиковъ. — Довольно мы занимались увѣщаніями гимназистамъ и студентамъ. Это были только варіаціи на крыловскую тему «Котъ и поваръ». Теперь нужна строгость. Нужно усилить въ гимназіяхъ надзоръ, удесятеривъ штатъ воспитателей, причемъ не

нужно предъявлять къ нимъ требованія образовательнаго ценза. Сами лучшіе воспитатели были бы изъ старыхъ унтеръ-офицеровъ, при этомъ г. Меншиковъ снова предается пріятнымъ мечтаніямъ, вспоминая дядекъ и нянекъ, воспитывавшихъ старое дворянство. Унтеръ-офицеры должны присутствовать на всѣхъ перемѣнахъ, даже на всѣхъ урокахъ. Что-же касается университетовъ, то въ аудиторіи должна быть введена полиція. Г. Меншиковъ предвидитъ, что для очень многихъ эта мысль покажется кощунствомъ, но это его не смущаетъ. Г. Меншиковъ не изъ робкаго десятка. Присутствуетъ же полиція въ храмѣ при богослуженіи или въ театрѣ во время представленій, разсуждаетъ ничѣмъ не смущающійся г. Меншиковъ, и никто этого не считаетъ оскорбленіемъ религіи или искусства; слѣдовательно, не будетъ оскорбленіемъ науки, если полиція будетъ присутствовать на лекціяхъ въ университетѣ.

Вотъ, наконецъ, до чего договорился въ своемъ неудержимомъ словоизверженіи г. Меншиковъ. До такой дикой идеи, насколько намъ извѣстно, не додумывался еще никто изъ реакціоннаго лагеря, и г. Меншиковъ можетъ гордиться, что онъ, въ нѣкоторомъ родѣ, побилъ рекордъ крайнобѣсія.

Мы увѣрены, что новый министръ не оправдаетъ ни надеждъ *Московскихъ Вѣдомостей*, ни тѣмъ болѣе надеждъ «ликующаго и праздноболтающаго» г. Меншикова. Строгость и полиція—это слишкомъ старо, слишкомъ шаблонно и наивно, чтобъ можно было съ этимъ приступить къ сложному и отвѣтственному дѣлу народнаго просвѣщенія. Строгости у насъ было болѣе чѣмъ достаточно, но она ни къ чему хорошему не привела. И не въ строгости нуждается теперь русская школа, а въ разумномъ и энергичномъ завершеніи начатой реформы въ духѣ началъ, положенныхъ въ основу преобразованія еще П. С. Ванновскимъ. Старая школа осуждена безповоротно и правительствомъ, и всѣмъ русскимъ обществомъ, а новую только начали строить на обломкахъ старой. Естественно, что это создаетъ безпорядокъ и неудобства. Нужно, слѣдовательно, спѣшить поскорѣе окончить постройку и убрать старые обломки.

Новое Время охотно предоставляетъ свои столбцы нападеніямъ на новый судъ. Такъ, недавно г. Скальковскій упражнялся въ этой газетѣ въ нападеніяхъ на институтъ присяжныхъ засѣдателей. Теперь г. Глинка въ статьѣ «Искаженіе правосудія» нападаетъ на начало состязательности процесса. Г. Скальковскій, въ качествѣ легкомысленнаго папильона, балагана и спеціалиста по части дамскихъ dessous, нападалъ легко и игриво, г. Глинка нападаетъ упрямо и злобно.

Въ петербургскомъ окружномъ судѣ слушалось дѣло по обвиненію нѣкоего г. Тарнавскаго г. Розенбахомъ въ клеветѣ. Дѣло кончилось обвиненіемъ г. Тарнавскаго. Г. Глинка, который выступалъ въ печати защитникомъ г. Тарнавскаго, остался очень недоволенъ приговоромъ и въ статьѣ, помѣщенной въ *Новомъ Времени*, старается доказать, что г. Тарнавс-

былъ правъ, что судъ былъ обманутъ и что причиной неправильнаго приговора является состязательность нашего процесса. По мнѣнію г. Глинки, состязательная система есть въ однихъ случаяхъ состязаніе ума или знаній съ невѣжествомъ или убожествомъ духа, въ другихъ корректности съ недобросовѣстностью.

«Возьмите, напримѣръ, обвиненіе прокуроромъ простолюдина или даже интеллигентнаго человѣка, но совсѣмъ не знающаго законовъ и ненаходчиваго. Какое же между ними можетъ быть состязаніе?—восклицаетъ г. Глинка.

«Образованный прокуроръ, понимающій значеніе каждаго вопроса, который онъ задаетъ свидѣтелямъ, и умѣющій направлять самый допросъ ихъ въ желательномъ для себя смыслѣ, и съ нимъ-то долженъ состязаться человѣкъ, не понимающій, что происходитъ на судѣ и къ чему ведутъ какъ задаваемые свидѣтелямъ вопросы, такъ и ихъ отвѣты. Невѣжда стоитъ, какъ истуканъ, и ожидаетъ своей участи. И это именуется состязаніемъ... Но каково же положеніе невѣжественнаго или малообразованнаго подсудимаго, когда противъ него въ помощь прокурору выступитъ еще блестящій адвокатъ, въ качествѣ гражданскаго истца, и оба вмѣстѣ начнутъ копошиться въ его помыслахъ, въ его душѣ!... Удручающее впечатлѣніе производитъ состязаніе силы съ слабостью на почвѣ правосудія».

Читая эту тираду, можно, въ самомъ дѣлѣ, подумать, что въ нашихъ судахъ ежедневно производится избіеніе невинныхъ младенцевъ искусившимися въ семъ дѣлѣ иродами-прокурорами и блестящими адвокатами—гражданскими истцами. Въ дѣйствительности же дѣло происходитъ нѣсколько иначе. Противъ образованнаго прокурора всегда выступаетъ на судѣ не менѣе образованный адвокатъ, который и дѣйствуетъ въ интересахъ «истукана»—подсудимаго. Адвокатъ пользуется на судѣ тѣми же правами, какъ и прокуроръ и, слѣдовательно, борьба ведется при совершенно равныхъ условіяхъ. Если подсудимый не можетъ пригласить адвоката, ему назначается защитникъ отъ суда. Г. Глинка утверждаетъ, что такіе защитники по назначенію больше прислушиваются и присматриваются къ настроенію судей, чѣмъ стремятся къ выясненію дѣла: «попадешь не въ тонъ настроенія судей, а тамъ и платное дѣло проиграешь». Но это чудовищная клевета и на адвокатовъ, и на судей. Г. Глинка обвиняетъ адвокатовъ въ томъ, что они продаютъ подсудимаго въ угоду судьямъ, настроеннымъ въ пользу обвиненія, а судей въ томъ, что они зато уступаютъ адвокатамъ въ платныхъ дѣлахъ. Получается такимъ образомъ какой-то преступный комплотъ, гдѣ обѣ стороны торгуютъ правосудіемъ изъ самыхъ низменныхъ безнравственныхъ разсчетовъ. И воздвигая такое неслыханное обвиненіе на судъ и адвокатуру, г. Глинка не только не приводитъ никакихъ доказательствъ (да гдѣ онъ ихъ взялъ бы?), но даже не считаетъ нужнымъ войти въ какія бы то ни было объясненія. Онъ говоритъ объ этомъ съ такой безпечностью, какъ будто это уже давно всѣмъ извѣстно и никакихъ доказательствъ не требуетъ. Въ дѣйствительности же всѣ, знакомые

съ дѣломъ правосудія, хорошо знаютъ, что адвокатура безмездно несетъ огромный трудъ по защитѣ обвиняемыхъ, не имѣющихъ средствъ для приглашенія защитниковъ, что трудъ этотъ она въ очень многихъ случаяхъ несетъ добровольно и уже по одному этому вполнѣ добросовѣстно. Но далѣе, наприм., какъ у насъ въ Москвѣ адвокаты на свои средства выѣзжаютъ даже на уѣздныя сессіи суда, чтобы и тамъ подсудимые не оставались безъ опытной защиты. И по всѣмъ такимъ безплатнымъ дѣламъ адвокаты усердно выполняютъ долгъ защитниковъ, не только не стараются угодить судьямъ, но нерѣдко вступаютъ съ судомъ въ пререканія, приносятъ въ нужныхъ случаяхъ апелляціонныя и кассаціонныя жалобы и вообще исчерпываютъ всѣ средства борьбы, какія только предоставляетъ имъ законъ. И ни одинъ судья не скажетъ, что адвокаты дѣйствуютъ въ этихъ случаяхъ иначе, чѣмъ въ платныхъ дѣлахъ. Напомнимъ читателямъ лишь недавно нашумѣвшее дѣло, вызвавшее вопросъ о правѣ защиты просить объ оправданіи подсудимаго при наличности его сознанія. Развѣ въ этомъ дѣлѣ защита вела себя угодливо по отношенію къ суду? Развѣ, наоборотъ, не явилась она мужественной и смѣлой защитницей права противъ неправильныхъ дѣйствій суда? А между тѣмъ это было заурядное и, навѣрное, безплатное дѣло о третьей кражѣ. И по этому дѣлу въ сенатѣ вмѣстѣ съ защитникомъ, выступавшимъ на судѣ, вышелъ уже не по назначенію, а добровольно, одинъ изъ извѣстныхъ нашихъ адвокатовъ. Съ другой стороны, гдѣ же тѣ судьи, которые въ благодарность за угодливое поведеніе адвоката въ безплатныхъ дѣлахъ, обнаруживаютъ снисхожденіе къ его платнымъ кліентамъ? Это поистинѣ неслыханное еще обвиненіе, и нужно только удивляться, съ какой безцеремонностью бросаетъ его въ толпу новомѣменскій публицистъ, раздраженный неправильнымъ, какъ ему кажется, приговоромъ. Безсмысленность этого дикаго обвиненія становится еще болѣе ясной, когда вспомнишь, что чаще всего адвокаты по назначенію отъ суда выступаютъ не передъ коронннымъ судомъ, а передъ присяжными засѣдателями, которые и не могутъ имъ помочь въ будущихъ платныхъ дѣлахъ по той простой причинѣ, что сессіи присяжныхъ засѣдателей длятся не болѣе двухъ недѣль и адвокату почти никогда не придется вторично выступить передъ тѣмъ же составомъ.

Беззастѣнчивость, которую обнаруживаетъ г. Глинка въ своихъ нападеніяхъ, равняется лишь незнанію дѣла, которое онъ проявляетъ въ своихъ разсужденіяхъ. Онъ изображаетъ судей въ состязательномъ процессѣ въ видѣ какихъ-то безмолвныхъ маріонетокъ, которыя прокуроръ или защитникъ заставляютъ двигаться въ какихъ имъ угодно направленіяхъ.

«Я понималъ бы еще состязаніе, — говоритъ онъ, — если бы судья пассивно выслушивалъ измышленія сторонъ, а самъ руководилъ всѣми пренія ми, требуя отъ обвинителя или истца *раньше опроса свидѣтелей*, выясненія всѣхъ данныхъ, на которыхъ они основываютъ обвиненіе или искъ. Подсудимый или отвѣтчикъ должны знать и понимать *смыслъ* и цѣль тѣхъ вопросовъ, которые предполагается ставить свидѣтелямъ.

«Затѣмъ судъ *обязанъ* самостоятельно и по каждому возникающему во-
осу отдѣльно *требовать отъ сторонъ* точнаго разъясненія всѣхъ сво-
ъ сомнѣній или обстоятельствъ, которыя, по мнѣнію суда, даютъ осно-
нія къ обвиненію или присужденію иска. Иными словами, судъ долженъ
не только засѣдать и слушать, но руководить преніями, задавая вопросы
и требуя отвѣтовъ».

Наивность этого разсужденія была бы изумительна, еслибъ оно было напечатано не въ *Новомъ Времени*. Г. Глинка открываетъ ту самую Америку, которая давно уже открыта до него. Законъ возлагаетъ на предсѣдателя суда по уголовнымъ дѣламъ *обязанность* управлять ходомъ судебнаго засѣданія. Судъ *не имѣетъ права* пассивно относиться къ состязанію сторонъ. Судъ *обязанъ* задавать свидѣтелямъ вопросы и требовать отвѣты. Съ вопросовъ предсѣдателя и долженъ начаться допросъ каждаго свидѣтеля (ст. 718 уст. угол. суд.). Г. Глинка рекомендуетъ вмѣсто настоящаго новый порядокъ, при которомъ въ случаѣ сомнѣнія свидѣтель
передопрашивался бы. Между тѣмъ дѣйствующій уставъ (ст. 724, 726) предоставляетъ предсѣдателю право, если предметъ недостаточно разъясненъ, предлагать свидѣтелю дополнительные вопросы, передопрашивать его или устраивать ему очныя ставки съ другими свидѣтелями въ случаѣ противорѣчій въ показаніяхъ. Тѣми же правами пользуются члены суда, присяжные засѣдатели, обвинитель, защитникъ и подсудимый. Вопреки утвержденію г. Глинки, предсѣдатель долженъ знать, къ чему клонятся вопросы сторонъ, устранять все не относящееся къ дѣлу (ст. 611) и вообще направлять дѣло въ томъ порядкѣ, который наиболѣе способствуетъ раскрытію истины (ст. 612).

Изъ всего этого видно, что г. Глинка не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о томъ, о чемъ онъ съ такой смѣлостью разсуждаетъ. Совершенный невѣжда въ вопросахъ, о которыхъ онъ пишетъ, не зная даже элементарныхъ началъ судопроизводства, онъ осмѣливается рѣзко нападать и на состязательную систему, и на судъ, и на адвокатовъ и предлагаетъ реформу, которая существуетъ уже цѣлыхъ сорокъ лѣтъ!

Даже лица, не знающія законовъ, но побывавшія разъ-другой въ судѣ, знаютъ, что судъ не относится пассивно къ дѣлу, что предсѣдатель дѣятельно руководитъ засѣданіемъ, задаетъ свидѣтелямъ вопросы, не допускаетъ другихъ вопросовъ, не относящихся къ дѣлу, останавливаетъ адвоката или прокурора, если они выходятъ изъ рамокъ дѣла, и по мѣрѣ своего разумѣнія употребляетъ всѣ усилія для выясненія истины; что и въ гражданскомъ, и въ уголовномъ судѣ всегда практиковался и практикуется тотъ порядокъ, который г. Глинка рекомендуетъ на будущее время, а именно, что раньше не только допроса (какъ рекомендуетъ г. Глинка), но даже
опущенія свидѣтелей стороны должны объяснить суду, о чемъ они намѣрены допрашивать, и если судъ находитъ, что тотъ или иной вопросъ не относятся къ дѣлу или не могутъ быть по закону доказываемы свидѣтельскими показаніями, то онъ отказываетъ въ вызовѣ и допросѣ свидѣтелей.

А г. Глинка изображаетъ дѣло такъ, что стороны вызываютъ какихъ угодно свидѣтелей и допрашиваютъ ихъ о чемъ угодно, хитро расстав ловушки, въ которыя долженъ попасться противникъ, а судъ сидитъ и б молвно любуется (или возмущается) фокусами, какіе на его глазахъ и изводятъ прокуроръ или адвокаты.

Невѣжественная болтовня г. Глинки служитъ характерной иллюст ціей того, съ какимъ легкимъ багажомъ, съ какой безпечностью и раз ностью выступаютъ противъ суда его враги и съ какой фамильярност иные публицисты обращаются съ предметами, къ защитѣ которыхъ считаютъ себя призванными.

Среди различныхъ неблагоустройствъ нашей внутренней жизни от ствіе надлежащей охраны личности и имущества обывателей составл одно изъ наиболѣе больныхъ мѣстъ. У насъ есть города, гдѣ насел положительно находится въ осадномъ положеніи отъ воровъ, грабит и разнаго рода лихихъ людей. Въ такомъ положеніи находятся, напр многіе города Сибири. По сообщенію корреспондента *Русскихъ Вѣдомос* случаи грабежа и разбоя, уменьшившіеся было за послѣдніе годы, с усилились въ Сибири. Недавно въ Томскѣ было нѣсколько случаевъ во женнаго нападенія на магазины. Вооруженные грабители вторгались лавки, приставляли дуло револьвера къ приказчикамъ, выбирали дет кассу и удалялись безнаказанно и безслѣдно. И это въ большомъ уни ситетскомъ городѣ, гдѣ имѣется масса полиціи, притомъ усиленной въ емъ составѣ съ весны 1903 г. Въ Иркутскѣ въ началѣ этого года б ограбленъ ювелирный магазинъ. Въ магазинъ ворвалась цѣлая шайка бителей, одни съ револьверами въ рукахъ окружили приказчика и его п а другіе въ это время спокойно обчищали магазинъ. Еще хуже дѣл Харбинѣ и другихъ городахъ Манчжуріи.

Однако, далеко не въ одной Сибири развиты у насъ грабежи и раз Существуетъ у насъ въ Самарской губерніи слобода Покровская. Изъ слободы постоянно доносятся жалобы о невозможныхъ безобразіяхъ, исходящихъ въ ней. Вотъ что недавно сообщилъ оттуда корреспон *Петербургскихъ Вѣдомостей*.

Жители слободы переживаютъ чрезвычайно тревожные дни. Граб разбои, буйства, убійства, нападенія съ дубинами, револьверами, ки лами и пр. безобразія творятся каждую ночь. Отъ безобразниковъ н не гарантированъ—ни обыватели, ни врачи, ни священники и пр. П отказываются посѣщать больныхъ въ ночное время, священники не ѣ съ требами, такъ какъ было нѣсколько случаевъ нападенія на свя священниковъ; причемъ, не говоря уже о грабежахъ, хулиганы позв себѣ такія издѣвательства: одного священника заставляли плясать гармонику, угрожая въ противномъ случаѣ убить изъ револьвера; у др отняли узелъ съ богослужебными принадлежностями и стрѣляли изъ р

вера. Покушались на убійство врачей, ѣдущихъ къ больнымъ. Полиція безсильна бороться съ этимъ зломъ.

Хулиганы зачастую дѣлали нападенія на полицію, стрѣляя изъ револьверовъ, набрасываясь съ ножами и кинжалами и обращая полицію въ бѣгство. Общественная арестантская ежедневно переполнена безобразниками, которые по составленіи протокола выпускаются на волю и снова творятъ безобразія. Полиція не успѣваетъ составлять протоколы. Волостной судъ и городской судья въ слободѣ не поспѣваютъ разбирать «дѣла», которыя залеживаются по полугоду. Въ настоящемъ году общество слободы Покровской порѣшило учредить другой составъ волостного суда. Слѣдственная власть завалена уголовными дознаніями и пр. Жители слободы вооружились револьверами и еще засвѣтло закрываютъ наглухо окна и запираютъ наглухо ворота и двери домовъ и хатъ.

По ночамъ и даже вечерамъ никто изъ слобожанъ не рѣшается выйти на улицу.

Больницы (общественная и земская) наполнены ранеными, изувѣченными и проч. лицами, не говоря уже объ ежедневныхъ посѣтителяхъ, являющихся въ больницы на перевязку съ болѣе легкими ранами и порѣзами. Все это—жертвы слободского хулиганства.

Дерзкіе кражи и грабежи происходятъ и на желѣзно-дорожномъ вокзалѣ слободы Покровской. Товарные поѣзда каждую ночь сопровождаетъ нѣсколько человѣкъ урядниковъ, жандармовъ и полиціи. При этомъ рѣдкая ночь обходится безъ того, чтобы между грабителями и полиціей не происходила перестрѣлка. Поѣзда идутъ очень медленно и грабители со всѣхъ сторонъ атакуютъ товарные вагоны, стрѣляя въ охраняющую вагоны полицію, помѣщающуюся на площадкахъ вагоновъ. Бывали неоднократно случаи, что грабители ограбляли товарные вагоны, несмотря на охрану.

Администрація оказывается безсильной бороться со зломъ и ходатайствуетъ передъ губернаторомъ о принятіи энергичныхъ мѣръ. О томъ же ходатайствуютъ и торговцы и даже желѣзно-дорожные служащіе.

Многіе корреспонденты объясняютъ подобное положеніе вещей неудовлетворительнымъ составомъ полиціи. Въ этомъ объясненіи, конечно, много справедливаго. Неудовлетворительность личнаго состава полиціи многократно признавалось у насъ офиціально и, между прочимъ, лишь не особенно давно коммиссіей по пересмотру судебныхъ уставовъ. Эта неудовлетворительность служитъ причиной недовѣрія, которое населеніе питаетъ къ полиціи, и создаетъ совершенно ненормальныя отношенія между сторонами. Иногда эти отношенія, основанныя на взаимномъ недовѣріи, принимаютъ довольно забавный характеръ. По словамъ *Днѣпровскаго Вѣстника*, въ Оршѣ въ послѣднее время участились кражи. Особенно облюбовали воры магазины золотыхъ вещей. Подобравъ ключи, воры забираются въ магазины, обчищаютъ ихъ и безнаказанно удаляются. Если же на утро потерпѣвшій обыватель является въ полицію и жалуется, то онъ встрѣчаетъ скептическое отношеніе ко всей этой баснѣ: «Платить по векселямъ не

хочешь, ну и выдумалъ кражу». Такъ потерпѣвшій ни съ чѣмъ и уходитъ. Нѣсколько разъ полиція другихъ городовъ задерживала воровъ съ вещами, похищенными во время такихъ самокражъ; но оршанская полиція не желаетъ отказаться отъ придуманной ею теоріи самокражъ. Такъ, два года тому назадъ обокрали здѣсь магазинъ золотыхъ вещей. Полиція объяснила случай «самокражей». Офиціальный рапортъ полиціи послужилъ для *Могилевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей* темой для статьи объ изобрѣтательности оршанскихъ торговцевъ, прибѣгающихъ къ «самокражѣ» для поправленія дѣлъ. Между тѣмъ чрезъ нѣсколько времени воры, обокравшіе магазинъ, были задержаны съ вещами въ Витебскѣ и осуждены судомъ. Это не помѣшало, однако, оршанской полиціи произведенныя недавно кражи снова объявить «самокражей», и снова желѣзно-дорожной полиціей задержаны настоящіе воры съ вещами.

Впрочемъ, недовѣріе къ обывательскимъ заявленіямъ это еще далеко не худшая сторона во взаимныхъ отношеніяхъ между полиціей и обывателями. Гораздо болѣе заслуживаютъ сожалѣнія тѣ нерѣдкіе случаи, когда полицейскіе чины, вмѣсто того, чтобы явиться въ роли защитниковъ обывательской безопасности, сами являются ея нарушителями. Такова, наприм., многочисленные случаи истязаній и побоевъ, практикующіеся при полицейскихъ дознаніяхъ или надъ арестованными. Нѣтъ такого мѣсяца, чтобы печать не сообщала о такихъ случаяхъ, дошедшихъ до суда (а всѣ ли они доходятъ до суда?) Вотъ, напримѣръ, новые случаи этого рода, приведенные лишь въ двухъ номерахъ газеты *Право*, т.-е. за 2 недѣли (№№ 16 и 17). 8 апрѣля въ кіевской судебной палатѣ судили урядника м. Фастова Дегтяря за истязаніе мѣщанки Гузь. Обокраденный мѣстный обыватель заявилъ подозрѣніе на служившую у него кухаркой Гузь. По распоряженію Дегтяря заподозрѣнная была арестована, приведена на пожарный дворъ, гдѣ ее подвергли жестокимъ побоямъ нагайкой и кулаками. Этотъ допросъ длился два дня, пока объ истязаніяхъ Гузь не узнали ея родители, которые заявили объ этомъ судебному слѣдователю. Послѣдній освидѣтельствовалъ Гузь чрезъ врача, который нашелъ у нея 14 кровоподтековъ и констатировалъ жестокость ихъ нанесенія. На судѣ выяснилось, что городовые держали Гузь за ноги и голову, а урядникъ билъ ее нагайкой. Дегтярь приговоренъ къ 8 мѣсяцамъ тюрьмы.

Въ той же палатѣ 14 апрѣля судился урядникъ чигринскаго уѣзда Смогліенко. Между мѣстнымъ землевладѣльцемъ Чевати и рабочимъ Сметаной вышли недоразумѣнія при разсчетахъ. Землевладѣлецъ обратился къ Смогліенко. Тотъ явился чинить судъ и расправу и первымъ дѣломъ разбилъ Сметанѣ зубы. Рабочій бросился бѣжать. Урядникъ догналъ его, разорвалъ на немъ рубаху, а когда Сметана сталъ сопротивляться, обнажилъ шашку, ударилъ по плечу, разрубивъ плечо до кости. Затѣмъ онъ приказалъ арестовать раненаго и отвести въ холодную.

Въ одесской палатѣ судили нѣсколько полицейскихъ чиновъ Мелитопольскаго у. за незаконное лишеніе свободы двухъ обывателей и за нанесеніе

имъ побоевъ. Потерпѣвшіе разсказывали на судѣ, что полицейскіе сначала ихъ «буравили», затѣмъ тащили въ расправу, гдѣ жестоко били.

Подобные случаи посягательства на неприкосновенность личности имѣютъ мѣсто не только при производствѣ дознаній или по отношенію къ арестованнымъ, а иногда и при совершенно обычныхъ и нормальныхъ условіяхъ.

Въ томъ же *Правѣ* разсказано, что въ четвергъ на Святой въ Кронштадтѣ городовой схватилъ проходившаго по улицѣ учителя кишиневскаго реальнаго училища Орѣшина за рукавъ и, сдернувъ его съ тротуара, сталъ поносить его самой нецензурной бранью, обращаясь къ нему на «ты». Когда же учитель, обращаясь на «вы», попросилъ городового быть съ нимъ вѣжливѣе, послѣдній со всего розмаха ударилъ его по уху и отправилъ въ участокъ, гдѣ свидѣтельскими показаніями была установлена полная корректность поведенія учителя.

Въ *Амур. Кр.* напечатано письмо въ редакцію: «Я, командиръ парохода, желая пройтись послѣ обѣденнаго отдыха, вышелъ изъ своей квартиры и пошелъ по улицѣ; не успѣлъ я пройти нѣсколько кварталовъ, какъ былъ задержанъ полиціей и препровожденъ въ 3 участокъ, гдѣ и просидѣлъ двое сутокъ. Оказалось, что 3 участку нужно было поймать человѣка, и поймали, но не того, кого слѣдовало».

А вотъ случай, о которомъ сообщаютъ *Кіевскіе Отклики:* «Бывшій мѣстный земскій начальникъ отставной капитанъ Унтиловъ, нынѣ директоръ херсонскаго земельнаго банка, пріѣхалъ на станцію въ 12-мъ часу ночи и въ ожиданіи курьерскаго поѣзда, съ которымъ ему предстояло слѣдовать дальше, сѣлъ ужинать въ залѣ I класса. За однимъ изъ сосѣднихъ столовъ сидѣлъ и пилъ водку станціонный жандарискій унтеръ-офицеръ Демиденко, обратившійся къ г. Унтилову съ предложеніемъ выпить съ нимъ водки; такъ какъ г. Унтиловъ не обращалъ никакого вниманія, то Демиденко подошелъ къ его столу и сталъ дерзко приставать къ нему съ тѣмъ же предложеніемъ. Г. Унтилову ничего больше не оставалось, какъ удалиться изъ залы и отправиться искать защиты у дежурнаго по станціи, котораго онъ нашелъ въ конторѣ начальника станціи. Вслѣдъ за г. Унтиловымъ въ контору явился Демиденко и сталъ требовать, чтобы г. Унтиловъ удалился изъ конторы, на томъ основаніи, что въ контору посторонніе лица яко бы не допускаются. Но когда дежурный по станціи запротестовалъ противъ этого требованія и пригласилъ г. Унтилова оставаться въ конторѣ до прибытія курьерскаго поѣзда, то Демиденко потребовалъ отъ г. Унтилова предъявленія документа для установленія его личности. Volens-nolens г. Унтилову пришлось предъявить свой документъ, который Демиденко, не разсмотрѣвъ даже, спряталъ въ карманъ и не хотѣлъ возвращать. Тогда дежурный по станціи позвалъ сторожа и приказалъ сходить за старшимъ жандармомъ, но Демиденко не пускалъ сторожа, который всетаки вырвался и исполнилъ приказаніе дежурнаго по станціи. Старшій жандармъ возвратилъ, конечно, г. Унтилову его документъ, а

дежурный по станціи послалъ о случившемся телеграмму начальнику жандармскаго управленія и министру внутреннихъ дѣлъ».

Любопытную исторію въ подобномъ же родѣ разсказываетъ газета *Рус.* Въ с. Терновки (Херсон. губ.) пріѣхалъ на 2-й день Пасхи фотографъ, приглашенный священникомъ, чтобы снять его семью и пріѣхавшихъ къ нему гостей. Фотографъ расположилъ группу вблизи церковной ограды. Крестьяне, которымъ въ диковинку былъ аппаратъ, начали окружать фотографа. Откуда ни возьмись, налетѣлъ урядникъ и принялся водворять порядокъ. Разогнавъ всѣхъ, онъ потребовалъ отъ фотографа паспортъ. Паспорта у фотографа не оказалось, такъ какъ онъ пріѣхалъ лишь на нѣсколько часовъ. Послѣ снимания фотографъ отправился въ домъ священника. Въ это время явились два стражника съ приказаніемъ урядника привести фотографа. Священникъ велѣлъ имъ передать, что онъ знаетъ лично своего гостя и ручается за него. Урядникъ снова прислалъ стражниковъ уже въ усиленномъ составѣ. Ворвавшись въ комнату, стражники схватили несчастнаго фотографа и поволокли его. Возмущенные этимъ, священникъ и его гости силой отбили фотографа. Урядникъ не унялся и прислалъ уже цѣлый отрядъ въ 8 человѣкъ. Такъ какъ священникъ заперъ свой домъ, то урядникъ устроилъ правильную осаду, разставилъ стражей у оконъ и дверей, а самъ пробрался на кухню, требуя выдачи ему фотографа головой. Утромъ посланный верховой привезъ документъ фотографа, и тогда только осада была снята.

Возвращаясь къ вопросу о недостаточной защитѣ личной и имущественной безопасности у насъ, слѣдуетъ признать, что, конечно, неудовлетворительность личнаго состава полиціи играетъ здѣсь извѣстную роль, однако, не единственную. Не маловажную роль играетъ тутъ и бѣдственное экономическое положеніе, невѣжество и вообще малая степень культурности населенія. Въ самомъ дѣлѣ, если тѣлесная расправа и битье, производимыя полицейскими въ случаяхъ вродѣ вышеприведенныхъ, объясняются, съ одной стороны, отсутствіемъ твердой законности и уваженія къ человѣческой личности и преувеличеннымъ сознаніемъ своей власти, то, съ другой стороны, несомнѣнно, важное значеніе имѣетъ здѣсь и невѣжество и общій низкій культурный уровень. Вѣдь битье, драка, насиліе практикуются у насъ не только въ арестантскихъ, но и въ ремесленныхъ заведеніяхъ, въ семьѣ, въ школѣ и т. д. Достаточно сказать, что во многихъ мѣстахъ у насъ еще сохранились драки и кулачные бои въ видѣ народныхъ развлеченій по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. Не лишенное интереса описаніе такихъ боевъ приводитъ въ *Петерб. Вѣд.* корреспондентъ изъ Устюжны. Здѣсь существуютъ двѣ партіи — партія городскихъ мѣщанъ и зарѣчная партія, живущая по ту сторону Мологи. По праздничнымъ днямъ обѣ партіи сходятся для драки.

«Начинаютъ «буй» обыкновенно подростки, которые съ палками въ рукахъ и съ ожесточеннымъ крикомъ набѣгаютъ на своихъ противниковъ, побуждаемые входящими въ азартъ взрослыми. Сперва перебрасываются

палками и полѣньями, а при приближеніи противника вступаютъ въ рукопашную, причемъ къ ослабѣвающей сторонѣ выходятъ на помощь взрослые мужчины. Послѣ этого не выдерживаютъ и взрослые, сбѣгая со своихъ береговыхъ позицій на рѣку; тутъ они открываютъ настоящій «бой», причемъ мальчишки отступаютъ назадъ и прислуживаютъ старшимъ тѣмъ, что подаютъ имъ дрова, палки, колья и прочія орудія. Нерѣдко пускаютъ въ дѣйствіе и ножи. Бои такого рода кончаются обыкновенно очень печально; одного-двухъ изобьютъ до полусмерти, а массу переранятъ».

Въ этомъ году произошло въ городѣ нѣсколько дракъ на Пасхѣ, причемъ ожесточеніе противниковъ доходило до того, что они бросали другъ въ друга камнями, вырываемыми изъ мостовой; одинъ изъ бойцовъ былъ убитъ, нѣсколько тяжело ранено.

О подобныхъ же дракахъ сообщаютъ изъ слободы Покровской, о которой мы выше говорили.

Да, жестокіе еще у насъ нравы и много еще нужно энергичной настойчивой культурной работы для того, чтобъ ихъ смягчить.

А. С.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

16-го апрѣля въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* напечатанъ слѣдующій циркуляръ министра иностранныхъ дѣлъ россійскимъ представителямъ за границей: «Иностранною печатью за послѣднее время настойчиво распространяются слухи о возникшихъ въ средѣ нѣкоторыхъ европейскихъ правительствъ намѣреніяхъ оказать мирное посредничество для скорѣйшаго окончанія русско-японскаго столкновенія. Полученныя телеграммы сообщаютъ даже, будто въ этомъ смыслѣ уже сдѣланы предложенія Императорскому правительству.

Вы уполномочены самымъ категорическимъ образомъ опровергнуть это извѣстіе.

Россія не желала войны; ею сдѣлано было, въ предѣлахъ возможности, все, чтобы мирнымъ путемъ разрѣшить возникшія на Дальнемъ Востокѣ осложненія. Но послѣ вѣроломнаго нападенія Японіи, вынудившаго Россію взяться за оружіе, никакое мирное посредничество, очевидно, не можетъ имѣть успѣха.

Равнымъ образомъ Императорское правительство не допуститъ и вмѣшательства какой бы то ни было державы въ непосредственные переговоры, которые послѣдуютъ между Россіею и Японіею по окончаніи военныхъ дѣйствій для опредѣленія условій мира».

Вышеизложенное сообщается вамъ для свѣдѣнія и руководства».

Японія прибѣгла къ займу, въ Лондонѣ и Нью-Іоркѣ, на довольно тяжелыхъ условіяхъ, на сумму въ сто милліоновъ рублей. Къ внѣшнему займу (во Франціи и Голландіи) прибѣгло и наше правительство. Правительственное сообщеніе такъ объясняетъ эту финансовую операцію: «Возгорѣвшаяся вопреки миролюбивому настроенію Россіи война застала русскіе фонды въ вполнѣ удовлетворительномъ положеніи. Свободная наличность государственнаго казначейства съ обращеніемъ на нихъ мѣстныхъ ассигнованій превысила 300 милл. Хотя предстоящее въ ближайшемъ будущемъ ассигнованіе на военныя надобности далеко не исчерпываетъ выше названныя суммы, однако, предстоящіе расходы могутъ быть весьма зна-

тельны. Благоразуміе побуждаетъ заблаговременно позаботиться изысканіемъ средствъ, не ожидая, когда изсякнутъ наличные рессурсы. Средства эти могли бы быть получены выпускомъ, на точномъ основаніи закона, полумилліарда кредитныхъ билетовъ подъ обезпеченіе принадлежащаго государственному банку золота, но не желая тратить всѣхъ наличныхъ средствъ и подвергать риску устроеннаго немалымъ трудомъ денежнаго обращенія, министерство финансовъ сочло необходимымъ прибѣгнуть къ внѣшнему займу. Высочайшимъ указомъ 29 апрѣля выпускается 5% обязательства государственнаго казначейства на сумму 300 милл. руб., навсегда освобожденное отъ всякихъ налоговъ, подлежащее 1 мая 1909 года выкупу по назначенной цѣнѣ. Реализація производится черезъ посредство парижско-нидерландскаго банка, ліонскаго кредита и фирмы Готингеръ въ Парижѣ».

Условія русскаго займа гораздо благопріятнѣе условій японскаго (нашъ заемъ 5%, обязательства почти *al pari*, на пять лѣтъ, съ выкупомъ по нарицательной цѣнѣ).

Въ Англіи чаще прежняго раздаются голоса въ пользу сближенія съ Россіей. Недавно на собраніи Центральнаго азіатскаго общества рѣшительно высказался въ этомъ смыслѣ его предсѣдатель, сэръ Альфредъ Лоіенъ. Онъ говоритъ, что соперничество Англіи и Россіи держитъ центральную Азію въ состояніи нищеты и варварства. Подъемъ Японіи и ея возрастающее вліяніе въ Китаѣ представляютъ серьезную опасность для общеевропейскихъ интересовъ.

Англо-русскимъ сближеніемъ занимается и западно-европейская печать. *Indépendance Belge* говоритъ, что сближеніе это было бы весьма значительной побѣдой для тѣхъ, кто желаетъ мирнаго разрѣшенія всѣхъ вопросовъ и думаетъ, что въ нашъ вѣкъ прогресса, науки и труда нѣтъ болѣе благородной задачи, какъ предупреждать столкновенія, во время которыхъ гибнутъ люди и лучшіе плоды человѣческаго труда.

Въ Англіи произвело хорошее впечатлѣніе полное согласіе Россіи на англо-французскій договоръ, поскольку онъ касается Египта. Это соглашеніе обязываетъ Францію не требовать срока англійскому занятію Египта, то-есть признать фактическое господство Великобританіи въ долинѣ Нила. Взамѣнъ этого Франціи предоставляется свобода дѣйствій въ Марокко. Правительство республики вступитъ, по всей вѣроятности, въ переговоры съ мадритскимъ кабинетомъ, чтобы не задѣвать испанскихъ интересовъ на африканскомъ побережьѣ Средиземнаго моря.

Въ англійской печати высказывается сожалѣніе, что правительство сдѣлало Франціи большія уступки, предоставивъ ей Марокко, согласившись на нѣкоторыя территоріальныя измѣненія въ Нигеріи и Гамбіи, причемъ сама Англія фактически ничего новаго не пріобрѣтаетъ. Германская печать находитъ, что англо-французскій договоръ направленъ противъ Германіи.

Интересенъ вопросъ: какъ отразится этотъ договоръ на взаимныхъ отношеніяхъ Англіи и Франціи на Дальнемъ Востокѣ и на ихъ отношеніи къ

русско-японской войнѣ? Ожье, профессоръ въ морскомъ училищѣ, придаетъ огромное міровое значеніе развертывающимся тамъ событіямъ. Кто будетъ владѣть Пекиномъ—гораздо важнѣе того, кто будетъ владѣть Константинополемъ *). Русскіе, англичане, французы и нѣмцы (мы прибавимъ и сѣверо-американцы) пристально слѣдятъ за тѣмъ, что дѣлается въ Китаѣ. Русско-японская война встревожила европейскія державы, интересы которыхъ до извѣстной степени сталкиваются въ предѣлахъ Небесной имперіи. Важныя затрудненія возникнутъ по окончаніи японской войны, когда обнаружатся ея результаты. Кромѣ того, Франціи приходится принимать въ разсчетъ британскую политику въ Китаѣ и походъ англичанъ въ Тибетъ. Эта экспедиція—намъ приходилось уже о ней говорить—имѣетъ въ виду дать Англіи господствующее положеніе въ центральномъ Китаѣ и угрожаетъ экономическимъ интересамъ французскаго Индо-Китая. Ожье считаетъ эти интересы несогласимыми съ интересами англійскими. Такіе взгляды, конечно, трудно совмѣстить съ мыслью о прочности и плодотворности англо-французскаго соглашенія.

Въ западной печати обсуждается вопросъ объ образѣ дѣйствій Японіи, начавшей войну внезапно, безъ ея объявленія. Укажемъ на замѣтку Бартоль: *Японія и международное право* **) и парижскаго профессора Пилле: *Должно ли войнѣ предшествовать ея объявленіе* ***).

Послѣ японо-китайской войны профессоръ высшей военной школы въ Токіо, Нагао Арига,—напоминаетъ Бартоль,—напечаталъ сочиненіе, которое пользуется въ Японіи большимъ авторитетомъ. Не объявляя войны, японцы потопили тогда англійскій пароходъ, зафрахтованный китайскимъ правительствомъ для перевозки войскъ въ Корею. При этомъ погибло 2,000 человѣкъ. Японскій профессоръ вполнѣ оправдывалъ этотъ поступокъ съ точки зрѣнія международнаго права. Интересы самосохраненія требовали или взять въ плѣнъ пароходъ съ китайскими солдатами, или, такъ какъ на это послѣдовалъ отказъ, потопить транспортъ. Бартоль считаетъ такую теорію совершенно несостоятельною. Невозможно, съ точки зрѣнія права, признать неожиданное нападеніе дѣломъ самообороны. Въ такихъ случаяхъ дипломатическіе переговоры служатъ для отвода глазъ, для того, чтобы выбрать удобный моментъ и нанести ударъ государству, съ правительствомъ котораго велись переговоры. Это—варварская теорія. Теперь она была применена Японіей вторично ночнымъ нападеніемъ на русскую портъ-артурскую эскадру. Отвѣтъ японскаго правительства на циркуляръ русскаго министра иностранныхъ дѣлъ, обвинявшаго Японію въ открытіи враждебныхъ дѣйствій безъ ультиматума, повторяетъ аргументацію Нагао Арига. Бартоль

---

*) *Augier*: „La France et l'Angleterre en Extrême Orient" (*Revue Pol. et Parl.* Avril).

**) *La France de Demain*. № 70.

***) *Revue Pol. et Parl.*, Avril.

равниваетъ такой образъ дѣйствій съ разбойничьимъ нападеніемъ Джемсона на Трансвааль.

Японія, — говоритъ въ свою очередь профессоръ Пилле, — обвиняетъ усское правительство въ томъ, что оно затягивало переговоры; но противъ этого есть средство, вполнѣ одобряемое международнымъ правомъ: ребованіе точнаго отвѣта въ назначенный срокъ, т.-е. ультиматумъ. Японія устранила возможность посредничества между ею и Россіею: что можетъ отвѣтить посредникъ, когда Россія возразитъ, что она не довѣряетъ ротивнику? Какъ гарантировать ее отъ новаго неожиданнаго нападенія?

Кантъ говоритъ въ своемъ трактатѣ о вѣчномъ мирѣ, что не слѣдуетъ о время войны дѣлать того, что затруднитъ возвращеніе мира. Японія то сдѣлала. Она побуждаетъ противника въ случаѣ побѣды предписать ей олѣе тяжелыя условія.

Надо прибавить, съ общей точки зрѣнія, что войны безъ предварительнаго объявленія, поведутъ къ умноженію кровавыхъ столкновеній. ще не исчерпаны дипломатическія средства, еще не поставленъ ультиматумъ, на который можетъ и согласиться другая сторона, а военныя дѣйствія уже начаты. Пилле приводитъ въ заключеніе своей статьи слова Бенама, который называетъ нападеніе безъ объявленія войны низостью и русостью.

И какой прискорбный контрастъ составляетъ начатая Японіей война ъ величественнымъ праздникомъ труда и мира, съ всемірною выставкою ъ Сенъ-Луи! Президентъ Рузвельтъ нажалъ въ Вашингтонѣ кнопку электрическаго провода—и мгновенно всѣ машины на выставкѣ пришли въ дѣйствіе *). Къ сожалѣнію, обстоятельства военнаго времени помѣшали Россіи принять должное участіе въ этомъ международномъ состязаніи.

Есть значительные шансы, что Теодоръ Рузвельтъ будетъ избранъ резидентомъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Избирательная кампанія открылась. Въ теченіе почти четырехъ лѣтъ, послѣ убійства Макъ-Кинли, вступивъ, какъ вице-президентъ, въ отправленіе его должности, Рузвельтъ обнаружилъ выдающіяся политическія способности. Его орьба противъ трестовъ создала ему широкую популярность. При немъ мерика окончательно рѣшила прорыть Панамскій каналъ,—что будетъ обытіемъ міровой важности. Энергическая внѣшняя политика президента держиваетъ неумѣренныхъ имперіалистовъ. Республиканская партія, повидимому, единодушно изберетъ Рузвельта своимъ кандидатомъ на высокій остъ президента республики.

Въ демократической партіи такого единодушія нѣтъ. Знаменитый Брайнъ, бывшій опаснымъ противникомъ Макъ-Кинли, на этотъ разъ не ставитъ своей кандидатуры. Демократы могли бы объединиться вокругъ Клиленда, но онъ былъ уже два четырехлѣтія президентомъ и по установившемуся обычаю третья кандидатура не допускается. Выдвигаютъ нью-

*) Разстояніе между Вашингтономъ и Сенъ-Луи 1,500 миль.

іоркскаго судью Паркера. Въ іюнѣ на конвентахъ обѣихъ партій для разъяснится.

Если президентомъ будетъ избранъ Рузвельтъ, можно надѣяться на миролюбивую политику Соединенныхъ Штатовъ, на сохраненіе, въ умѣренномъ видѣ, доктрины Монро: Америка для американцевъ. Нельзя не признать, однако, что присоединеніе Филиппинскихъ острововъ вовлекло Америку на опасный путь завоеваній въ другихъ частяхъ свѣта.

По парижскому миру съ Испаніей Соединенные Штаты пріобрѣли обширный Филиппинскій архипелагъ (въ немъ считаютъ до 1,400 большихъ и малыхъ острововъ). Острова гористы, вулканы здѣсь сильно дѣйствуютъ (двѣнадцать въ настоящее время). Климатъ Филиппинъ тропическій. Населенія считается семь или восемь милліоновъ. Оно состоитъ изъ разныхъ расъ. На островахъ живетъ до ста тысячъ китайцевъ; въ Манилы они захватили въ свои руки торговлю. Китайской эмиграціи ставятся большія препятствія.

Туземное населеніе испанскимъ духовенствомъ и администраціей держалось въ глубокомъ невѣжествѣ. Путей сообщенія почти не существовало. Только въ 1892 году была окончена первая желѣзная дорога, отъ Манильи до Дачунана, длиною въ сто девяносто пять километровъ. А страна богатая. Здѣсь есть отличный уголь, нефть, золото, мѣдь,—не говоря уже о рисѣ, главной пищѣ туземцевъ, пеньки (около ста тысячъ килограммовъ ея вывозится ежегодно въ Соединенные Штаты и Англію), сахарномъ тростникѣ и т. д. Внутри страны роскошные лѣса (въ томъ числѣ и каучуковые, гуттаперчевые).

Всего болѣе вывозили товаровъ съ Филиппинъ американцы—на 40 милліона франковъ (англичане—на 43, испанцы—на 19 милліоновъ, французы только на милліонъ). Но ввозъ американскій былъ ничтоженъ: на полмилліона. Янки рѣшили пріобрѣсти себѣ этотъ рынокъ.

Во время войны и при подавленіи возстанія американцы свирѣпствовали; но *гражданская коммиссія* разумно и энергично принялась за изученіе и управленіе колоніей. Имѣя въ виду создать самоуправленіе, коммиссія на первыхъ же порахъ пригласила къ участію въ немъ представителей туземнаго населенія. Были приняты энергическія мѣры къ поднятію промышленности, къ улучшенію способовъ производства, созданы лабораторіи, музеи. Портъ въ Манильи приведенъ въ превосходное состояніе. Какъ на примѣръ успѣха американцевъ, можно указать, что вывозъ сахара съ 33,400 тоннъ въ 1900—1901 гг. поднялся въ 1902—1903 г. до 102,000 тоннъ. Пути сообщенія,—и сушей, и моремъ,—получили, разумѣется, сильное развитіе.

Интересно сопоставить со всѣмъ этимъ дѣятельность японцевъ на недавно соединенной ими въ 1895 году Формозѣ. Свѣдѣнія мы возьмемъ изъ *Ostasiatische Zeitung*, сотрудникъ которой три года прожилъ на этомъ островѣ. Авторъ статьи пользуется при этомъ книгою американскаго консула Давидзона: *The Island of Formosa, Post and Present.*

До 1895 г. на Формозѣ не было японцевъ. Въ 1901 г. ихъ считалось ке 33,000 (изъ нихъ треть женщинъ). Большинство населенія—китайцы ъ 1901 г. около 2,700,000). Внутри острова живутъ 113,000 независимыхъ дикарей. Японцы ассигновали на управленіе Формозой значительную сумму. Теперь она очень понизилась, а получаемые съ колоніи доды сильно возросли. Въ годъ присоединенія они равнялись милліону нъ и Японія приплачивала 29 милліоновъ; въ 1901 году островъ далъ 1.400,000 іенъ, а приплата упала до 2.400,000. Много потратили и одолжаютъ тратить японцы на народное образованіе. На островѣ теерь 120 училищъ, въ которыхъ занимаются 13,000 китайскихъ дѣтей. ть школы и для дикарей (въ нихъ около 300 учениковъ). Для приготовленія учителей открыты три нормальныя школы. Учреждаются среднія ебныя заведенія, имѣется въ виду и высшая школа. При госпиталѣ въ Моку существуетъ медицинская школа съ трехлѣтнимъ курсомъ. Благостояніе китайскаго населенія замѣтно поднялось.

Путешествіе президента французской республики въ Римъ и Неаполь рѣпило добрыя отношенія между правительствами и народами Франціи Италіи. Папа протестовалъ противъ посѣщенія Эмилемъ Лубе «узурпатора»,—т.-е. итальянскаго короля; но этотъ протестъ былъ встрѣченъ полнѣйшимъ равнодушіемъ. Министерство Комба продолжаетъ свою клерикальную политику, и послѣдніе муниципальные выборы окончились въ общемъ побѣдою сторонниковъ правительства (между прочимъ и Парижѣ).

Изъ выдающихся событій послѣдняго времени слѣдуетъ отмѣтить сезныя, повидимому, попытки къ сближенію между Болгаріей и Сербіей. имъ изъ признаковъ этого сближенія служитъ посѣщеніе княземъ Фердинандомъ короля Петра въ Нишѣ. Ходятъ слухи, будто бы при этомъ ть подписанъ и договоръ. Едва ли это такъ. Между болгарскими и бскими притязаніями въ Македоніи труднопримиримая противоположть. Однимъ почеркомъ пера ее во всякомъ случаѣ невозможно уничтоть. Требуются большой тактъ и энергія, чтобы въ виду насущныхъ объ интересовъ отстранить второстепенныя несогласія, въ которыхъ запана и національная нотка. Если договоръ состоится, если между Болгаріей и Сербіей будетъ заключенъ союзъ,—его послѣдствія будутъ благодѣтельны для Балканскаго полуострова. Черногорія присоединится къ двумъ славянскимъ государствамъ, и тогда ихъ развитіе будетъ обезпечено отъ постороннаго давленія.

Въ Швеціи происходитъ сильное движеніе въ пользу введенія всеобщей тайной голосовъ при выборѣ въ парламентъ. Оно замѣчается не только въ городахъ, гдѣ происходятъ значительныя манифестаціи, но и по деревнямъ. Правительство само внесло въ риксдагъ законопроектъ, расширяющій избирательное право, однако, онъ не удовлетворяетъ оппозиціи. Либеральный союзъ предлагаетъ всеобщее избирательное право, съ не-

большими ограниченіями для лицъ, достигшихъ двадцати пяти лѣтъ. Рабочіе требуютъ, чтобы это право было предоставлено всѣмъ, кому исполнился двадцать одинъ годъ. Они угрожаютъ стачками, и это тревожитъ и правительство, и общественное мнѣніе. Въ парламентѣ, по послѣднимъ извѣстіямъ, ни одинъ проектъ не прошелъ.

P.S. Японскія войска, послѣ ожесточеннаго боя съ нашимъ передовымъ отрядомъ у Теренчена, перешли Ялу; японская армія высадилась на Лауданскомъ полуостровѣ и отрѣзала Портъ-Артуръ. По позднѣйшимъ извѣстіямъ (изъ Токіо) небольшой японскій крейсеръ потопленъ при встрѣчѣ русскихъ минъ, японскій ударился о свой же крейсеръ, который потонулъ; японскій броненосецъ наткнулся у Портъ-Артура на нашу мину и пошелъ ко дну.

В. Г.

Замѣтки читателя.

Въ грозное время, нами переживаемое, мысль и чувства заняты военными событіями на Дальнемъ Востокѣ. И печальныя, и свѣтлыя явленія внутренней жизни отступаютъ передъ тревогою за дорогихъ людей, кровь которыхъ льется въ горахъ и на поляхъ Манджуріи... Общество выросло за четверть вѣка и относится къ тому, что происходитъ, сознательнѣе и самостоятельнѣе, чѣмъ когда-либо. И тѣмъ болѣе неумѣстны грубыя выходки *Московскихъ Вѣдомостей*, *Гражданина* и имъ присныхъ на учрежденія, въ которыхъ воплощается общественная мысль.

Главнокомандующій манджурскою арміею генералъ Куропаткинъ телеграфировалъ князю Трубецкому, московскому губернскому предводителю, состоящему во главѣ общедворянской организаціи помощи раненымъ: «Придаю особенное значеніе помощи общественными организаціями транспортированію больныхъ и раненыхъ съ передовыхъ линій въ тылъ. Подробно переговорилъ съ княземъ Долгоруковымъ. Покорнѣйше прошу ваше сіятельство разрѣшить уполномоченнымъ эти мѣропріятія».

Нашимъ «охранителямъ» урокъ, но онъ едва ли пойдетъ имъ въ прокъ. По обязанности я читаю газеты этого лагеря и меня очень интересовало всегда ихъ отношеніе другъ къ другу. Подѣлюсь съ читателями нѣкоторыми изъ своихъ отмѣтокъ.

Новое Время пишетъ (№ 10061): «*Гражданинъ* неумолимъ, когда дѣло касается земства. Услышалъ онъ, что какіе-то *господа Санкюлотовы* говорятъ о земствѣ въ Сибири, и возражаетъ: «Господа Санкюлотовы, рекомендуя земство для возрожденія Сибири, не знаютъ, что другихъ элементовъ для составленія земства въ Сибири, какъ политическихъ ссыльныхъ и обогатившихся казнокрадовъ и воровъ, нѣтъ». *Новое Время* замѣчаетъ: «Очень сильно сказано, но сильно сказанное бываетъ и глупымъ. Смѣемъ думать, что въ настоящемъ случаѣ это именно такъ—глупо! Невозможно и безстыдно мало-мальски разумному человѣку говорить о цѣломъ краѣ съ 5-милліоннымъ населеніемъ, что всѣ достаточные люди тамъ либо наживаются казнокрады, либо воры».

Когда *Гражданинъ* вооружился противъ открытаго *Новымъ Временемъ*

сбора пожертвованій на военный флотъ, газета г. Суворина отвѣтила на такихъ любезныхъ и отчасти загадочныхъ выраженіяхъ: «По обыкновенію кн. Мещерскій умышленно или неумышленно путаетъ: строить сейчасъ «броненосцы» никто не собирается — рѣчь идетъ о крейсерахъ и подводныхъ лодкахъ. Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, пикируясь спеціально съ *Новымъ Временемъ*, кн. Мещерскій забылъ, что сборъ пожертвованій на добровольные крейсера нѣсколько ранѣе начали *Московскія Вѣдомости*. Забылъ также издатель *Гражданина*, что нѣсколько лѣтъ онъ самъ вмѣстѣ съ барономъ Каульбарсомъ открылъ подписку на какой-то спеціальный флотъ, *но только судьба этой подписки осталась неизвѣстною*». (№ 10031).

Въ № 9997 *Новаго Времени* мы читаемъ въ *Маленькихъ письмахъ* г. Суворина: «Несмотря на всю пошлость и неблагородство нападокъ князя Мещерскаго на *Новое Время*, я все-таки радуюсь, что онъ подъ вліяніемъ ли *Новаго Времени* или подъ чьимъ другимъ благотворнымъ вліяніемъ, мѣняетъ свои взгляды и умѣряетъ свой высокомѣрный и нелѣпый тонъ относительно земства».

Еще одна выдержка. Кн. Мещерскій возмутился одною изъ статей (нелѣпою на самомъ дѣлѣ) *Новаго Времени* и призналъ ее для Россіи не менѣе опасною, чѣмъ японская мина. Г. Суворинъ обращается къ редактору-издателю *Гражданина* съ такими словами: «Вы не рехнулись, почтенный римскій сенаторъ? (Онъ сравниваетъ себя съ римскимъ сенаторомъ). Вы не выжили изъ ума, журналистъ?

«Я думаю, что онъ не совсѣмъ еще рехнулся, и вотъ почему. Онъ всегда былъ недурнымъ актеромъ и шельмовски умѣлъ притворяться и брать на себя всевозможныя роли, отвѣчающія, впрочемъ, господствующимъ способностямъ его души. Никто такъ не унижалъ дворянство, не представлялъ его въ такомъ затхломъ, карикатурномъ видѣ или въ видѣ какихъ-то сѣкуторовъ и башибузуковъ, которые безпокоятся только о своемъ чревѣ и своемъ господствѣ надъ всякими другими сословіями. И въ то же время онъ притворялся удивленнымъ, оскорбленнымъ и возмущеннымъ, что дворянство его не читаетъ и даже отвертывается отъ него. Онъ божился и клялся, что онъ единственный человѣкъ въ Россіи, который заботится о русскомъ мужикѣ и о русскомъ ученикѣ, для котораго онъ приготовилъ совершеннѣйшую систему школьнаго образованія, и выжималъ изъ себя сладкія рѣчи къ молодежи, блиставшія высокопарнымъ бездушіемъ, которое могло обмануть только невинныхъ агнцовъ. Съ такимъ же высокопарнымъ наборомъ словъ и громкихъ фразъ прельщалъ онъ русское общество «свободой» отъ чиновничества, которое предавалъ такимъ анаѳемамъ, какимъ только Гришку Отрепьева предавали при Годуновѣ, и съ блистательной искренностью въ то же время произносилъ анаѳему противъ земства, съ такою же искренностью, съ какою при Екатеринѣ II произносили ее противъ Емельки Пугачева. И все это съ ужимками опытнаго акте-

ра, который умѣетъ и смѣяться, и плакать, и льстить, и все это подъ личиною любви къ отечеству» (*Новое Время*, 1 мая).

Теперь предоставимъ слово *Гражданину:*

«Старикъ Суворинъ благую часть избралъ: пока одни работаютъ, какъ кто умѣетъ на своемъ посту, пока другіе тревожатся заботами, пока третьи печалятся и грустятъ, пока у всякаго свой крестъ, онъ сидитъ себѣ и перышкомъ макаетъ въ чернила только для того, чтобы пѣть *весну*...

«И вотъ сегодня опять, точно тетеревъ на току, ничего не видя и не слыша, запѣлъ еще громче про весну:

«Весна идетъ, и больше ничего...

«Я какъ-то вижу одного изъ Бобчинскихъ и Добчинскихъ нововременскаго штаба и спрашиваю его: что это за весна у вашего принципала?

«— Весна—это будущія реформы,—отвѣчаетъ онъ мнѣ.

«— Какія? Тѣ, которыя предпринимаются по манифесту министерствомъ внутреннихъ дѣлъ?

«— Да, отчасти онѣ, а больше, знаете, тѣ, которыя носятся въ воздухѣ и въ разныхъ головахъ... Оно понятно: время подписки, чѣмъ же заманивать почтенную публику, какъ не пѣснопѣніемъ о веснѣ?» (*Гражданинъ*, № 97).

А вотъ что писалъ кн. Мещерскій нѣсколько раньше: «Требуется Катковъ! Этотъ возгласъ долетѣлъ до насъ изъ нововременской Россіи, гдѣ, какъ извѣстно, наравнѣ съ кухарками и съ покойниками, требуются тоже собственные рѣшители государственныхъ вопросовъ, собственные либералы, даже собственные консерваторы, и гдѣ, кромѣ того, эксплоатируется монополія патріотизма. Въ этой Россіи образовался цѣлый штатъ ея правителей и законодателей, и рядомъ съ министрами: Скальковскимъ, Демчинскимъ, Сигмой, Гяинкою, создались разные вожаки оппозиціи, съ задачами доказывать, что все, что называлось вчера бѣлымъ,—черно и т. д. Не нужно было глубокомысленныхъ и сложныхъ изслѣдованій, чтобы придти къ ясному представленію объ этой нововременской Россіи, ибо à la longue нѣтъ грамотнаго человѣка на Руси, который бы не сознавалъ безошибочно, что это собственная политика, внѣшняя и внутренняя, *Новаго Времени*, что эта собственная Россія *Новаго Времени* только тѣмъ и отличается отъ общей политики, отъ общей Россіи, что рѣшеніе всѣхъ вопросовъ въ этой нововременской Россіи обусловлено всегда *собственною выгодою*... Такъ что, если бы, напримѣръ, петербургскія кухарки объявили *Новому Времени*, что онѣ бросаютъ газету, если только она вступится за дворянство, всякій знаетъ навѣрное, что *Новое Время* предпочтетъ кухарокъ, а про дворянскіе интересы скажетъ: «чортъ съ ними». (*Гражданинъ*, № 82).

Слово принадлежитъ *Моск. Вѣдомостямъ*. Вотъ отвѣтъ этой газеты на одну изъ статей *Новаго Времени*, въ которой говорилось: «Допускаемъ, что московской газетѣ извѣстны лица, которыя предпочтутъ поступить, но не уплатятъ десяти рублей, однако, много ли такихъ?» (дѣло шло

о крестьянахъ). Газета г. Гринмута возражаетъ: «*Новое Время* привыкло зубоскалить,—и этимъ, видимо, очень довольно. Но при подобныхъ условіяхъ трудно, почти невозможно разговаривать серьезно». (*Начало отвѣта*). «Не укажетъ ли петербургская газета, когда и при какихъ обстоятельствахъ въ гражданскихъ дѣлахъ примѣняется у крестьянъ рота?... Можно, конечно, болтать всякій вздоръ, но какъ договариваться до такой очевидной глупости!» (*Конецъ отвѣта*).

Мы встрѣчаемъ у нашихъ «охранителей» и такіе полемическіе перлы:

„Дальше: думая, что пени
Отъ казны дадутъ,
Лижетъ барскія ступени
Господинъ Гринмутъ".

(*Знамя.*)

А вотъ письмо, появившееся въ *Новостяхъ* и характеризующее органъ г. Комарова *Свѣтъ:* «Не откажитесь на страницахъ вашей уважаемой газеты помѣстить наше открытое письмо *Свѣту*.

«Редакція *Свѣта* дважды уже позволила себѣ очернить доброе имя управляющаго илецкимъ соляными промысломъ, Л. Г. Давидовича, на томъ только основаніи, что Давидовичъ по волѣ рока явился на свѣтъ Божій не русскимъ, а евреемъ.

«Въ первый разъ *Свѣтъ* обличалъ Давидовича въ 1902 г. въ № 217; во второй—въ 1903 г. въ № 289 и въ томъ, и другомъ случаѣ за несуществующія преступленія. И пишущій эти строки, священ. Влад. Вас. Покровскій, и русскій штейгеръ Ив. Влад. Агафоновъ, объ интересахъ которого такъ предупредительно заботится *Свѣтъ*, считаютъ долгомъ довести до свѣдѣнія этой газеты, что все сообщенное ею есть чистѣйшая ложь.

«Въ подтвержденіе всего вышесказаннаго прилагаемъ для напечатанія тотъ адресъ, который сослуживцы Давидовича поднесли ему по поводу двукратной выходки *Свѣта*».

Свящ. *В. Покровскій.*
Русскій штейгеръ *Ив. Агафоновъ.*

1903 г., 14 декабря
Илецкая Защита *).

Такъ вотъ каковы наши «охранители» въ ихъ взаимооцѣнкѣ и въ свидѣтельствѣ безпристрастныхъ людей.

Среди поэтовъ послѣдняго времени очень большимъ сочувствіемъ читателей пользуется г. П. Я. Его стихотворенія вышли пятымъ изданіемъ—рѣдкій успѣхъ. Въ годы напряженной декадентской сочиненности, когда за поэзію сходитъ холодная аллегорія, когда отметается ясная мысль и глубокое неизвращенное чувство, такого писателя, какъ г. П. Я., нельзя горячо не привѣтствовать. Онъ говоритъ:

---

*) Адресъ, подписанный 21 лицомъ, я не привожу.

„Эти пѣсни гирляндою розъ
Мнѣ чела не украсятъ, конечно,
Но онѣ создавались изъ слезъ
И изъ крови сердечной...“

Поэтъ зоветъ на борьбу:

„Проснись, душа моя! Воспряни!
Пора изъ омута мірского
Направить путь, пора на брань,
Долой мертвящія оковы!
Исполненъ гнѣва и любви,
Я поплыву легко и смѣло...
Впередъ, друзья мои! за дѣло,
Матросы вѣрные мои:
Сознанье молодости, силы,
Ключомъ бунтующая кровь,
Рѣшимость биться до могилы,
Къ порабощенному любовь!“

Это было написано г. П. Я. въ 1878 г., но и четверть вѣка спустя у него

„Кипитъ душа огнемъ желанья—
Идти на крестныя страданья,
Всю душу родинѣ отдать!“

Въ маѣ исполнилось столѣтіе со дня рожденія творца нашей національной музыки, Глинки, и столѣтіе со дня рожденія самаго даровитаго изъ основоположниковъ славянофильства (теперь совершенно выродившагося) Хомякова. О Хомяковѣ напечатали статьи всѣ наши газеты, причемъ «охранители» тянутъ его, «съ большимъ пристрастіемъ», къ себѣ. Притязаніе понятное, но вполнѣ беззаконное. Согласны ли, наприм., *Моск. Вѣдомости* съ взглядомъ Хомякова на польскій вопросъ? Этотъ взглядъ изложенъ въ письмѣ знаменитаго славянофила къ А. О. Смирновой (оно напечатано было въ мартовской книгѣ *Русской Мысли* за 1881 годъ). Согласны ли они съ полною религіозною свободою, съ свободою устнаго и печатнаго слова, что было такъ дорого Хомякову, Кирѣевскому, Аксаковымъ, что составляло одну изъ существеннѣйшихъ особенностей ихъ ученія? Конечно, нѣтъ. Еще на-дняхъ газета прошла молчаніемъ юбилей одного изъ замѣчательнѣйшихъ московскихъ общественныхъ дѣятелей, М. П. Щепкина, неутомимаго поборника такихъ славянофильскихъ началъ. Митрофана Павловича Щепкина привѣтствовали московская городская управа, московская губернская земская управа, педагогическое общество, *Русскія Вѣдомости*, *Русская Мысль*, *Педагогическій Листокъ* и *Дѣтское Чтеніе*, *Курьеръ*, *Русское Слово* и другія учрежденія, изданія и лица. М. П. Щепкинъ отвѣтилъ на поздравленія такимъ письмомъ въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*:

«27 апрѣля, въ знаменательный въ жизни моей день пятидесятилѣтія окончанія мною университетскаго курса и начала моей общественно-лите-

ратурной службы, представители общественныхъ учрежденій, науки, журналовъ и газетъ почтили меня горячимъ сочувствіемъ къ тому немногому, что мнѣ удалось, въ мѣрѣ моихъ силъ и способностей, исполнить на пути своей долгой жизни. Обращенные ко мнѣ лично горячіе привѣты и полученныя мною въ этотъ день письма и телеграммы отъ высокочтимыхъ не въ одной только Москвѣ дѣятелей своими сердечными признаніями всколыхали въ душѣ моей безконечный рядъ пережитыхъ мыслей, чувствъ, личныхъ и общественныхъ идеаловъ, до сихъ поръ манящихъ къ себѣ всякаго, въ комъ живетъ и звучитъ громогласная струна общественнаго блага. Столь сильно и неожиданно охватившій меня въ этотъ свѣтлый день потокъ выраженнаго съ разныхъ сторонъ сочувствія такъ растрогалъ меня, что я не нашелъ словъ благодарить за дружескіе привѣты и незаслуженный мною почетъ. Спѣшу исправить упущенное и въ этихъ немногихъ печатныхъ строкахъ отъ всего сердца благодарить всѣхъ почтившихъ меня въ радостный для меня день моей пятидесятилѣтней службы. Скажу прямо: кто съ молодыхъ лѣтъ привыкъ честно и праведно, по своему разумѣнію, служить обществу и высокой идеѣ его благоденствія, для того нѣтъ болѣе высокой награды, какъ одобреніе и сочувствіе со стороны самого общества,—съ нею, съ этою наградой, легче доживутся и тѣ немногіе годы жизни, которые даны въ удѣлъ каждому человѣку.

«Наше общество переживаетъ годину тяжкихъ испытаній. Но будемъ мы, старики, вѣрить, что скоро-скоро настанетъ время лучшаго будущаго,—какія, можетъ быть, еще болѣе тяжкія испытанія не переживала наша могучая родина!—будемъ знать, что скоро возсіяетъ для нашихъ, болѣе, чѣмъ мы, счастливыхъ наслѣдниковъ божественный свѣтъ правды, добра, счастія...»

P. S. Въ 108 № *Моск. Вѣд.* напечатано:

Важное открытіе г. Гольцева. До сихъ поръ всѣ думали, что Добролюбовъ умеръ „отъ того, что былъ онъ честенъ“. В. А. Гольцевъ нашелъ другую причину его смерти: Добролюбовъ, оказывается, умеръ отъ того, что сталъ „такимъ Иваномъ“. Результатъ своего ученаго изслѣдованія г. Гольцевъ, для большаго шика, выразилъ не на русскомъ, а на итальянскомъ языкѣ, оплакивая судьбу автора *Свистка*, которому пришлось *de „morir si giovanni“*. (*Русская Мысль*, 1904 г., апрѣль: „Изъ прошлаго нашей литературы“, стр. 31).

Не объяснитъ ли редакція смысла этой выходки?

В. Г.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Май 1904 года.

Содержаніе. I. **Книги:** Беллетристика.—Публицистика.—Исторія.—Статистика.—Юридическія книги.—Сельское хозяйство.—Книги для дѣтей.—Историческіе журналы. II. **Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1-го апрѣля по 1-е мая 1904 г.**

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Полное собраніе сочиненій И. А. Крылова. Ред. *В. В. Каллаша.—П. Я.* Русская муза.—*П. Вейнберг.* Русскіе поэты. Т. I—II.—*Ада Негри.* Maternita.—*Іонасъ Лн.* Дочери командора.

Полное собраніе сочиненій И. А. Крылова. Редакція, вступительныя статьи и примѣчанія В. В. Каллаша. Изд. товарищества „Просвѣщеніе“. Спб., 1904 г. Цѣна за 4 тома 3 руб. Передъ нами только что вышедшій I томъ сочиненій Крылова, заключающій его драмы. Долго, очень долго дожидался Крыловъ хорошей біографіи и серьезнаго, научнаго изданія, которое должно дать намъ, наконецъ, въ возможной полнотѣ и вѣрности текстъ его сочиненій, до сихъ поръ весьма грѣшившій и въ томъ, и въ другомъ отношеніи. Крыловъ вѣдь—наша національная слава и былъ такъ счастливъ, что попалъ въ общепризнанныя знаменитости еще при жизни—чего же болѣе? У насъ и сейчасъ случается, что помѣщеніе кого-нибудь въ Пантеонъ—равняется сдачѣ въ цейхаузъ, а въ старину это бывало еще чаще.

Крыловскій „ренессансъ“ предпринятъ той же издательской фирмой, которая дала намъ прекрасное по изяществу, доступности и серьезной редакторской работѣ изданіе Пушкина. Крылову посчастливилось: онъ изданъ дешево и красиво (досадная ложка дегтю: въ біографическомъ очеркѣ на протяженіи цѣлаго печатнаго листа [стр. XXXIII—XLVIII] страницы перепутаны и не въ брошюровкѣ, а въ печати, т.-е. непоправимо: уважающей себя фирмѣ слѣдовало бы перепечатать листъ). Но главная удача баснописца въ томъ, что онъ нашелъ компетентнаго и серьезно отнесшагося къ своей задачѣ редактора.

Г. Каллашъ указываетъ, что онъ цѣлый рядъ лѣтъ работалъ надъ Крыловымъ; и дѣйствительно, въ изданіи вполнѣ осязателенъ большой трудъ, положенный на установку точнаго текста сочиненій, на очищеніе біографіи баснописца отъ наросшихъ легендъ и путаницъ и на заполненіе въ ней зіяющихъ пустотъ, какихъ нѣтъ, повидимому, ни у какого писателя того времени въ такомъ количествѣ.

Въ предисловіи приведенъ рядъ примѣровъ, выясняющихъ большую неисправность „полнаго собранія“ сочиненій Крылова, изданнаго въ 1847 году подъ редакціей Плетнева; искаженія отдѣльныхъ словъ, цѣлыхъ стиховъ въ драмахъ, пропуски того, что было напечатано еще

при жизни автора, помѣщеніе подъ его именемъ не принадлежащихъ ему вещей,—кажется, всѣ виды промаховъ исчерпаны этимъ изданіемъ, которое, однако, до нашихъ дней лежало въ основѣ всѣхъ остальныхъ изданій Крылова. Редакторъ повсюду указываетъ, по какимъ источникамъ провѣрялъ онъ плетневскій текстъ; онъ подвергъ изученію многія подлинныя рукописи и первопечатные тексты. Интересно будетъ посмотрѣть въ послѣднемъ томѣ на результаты обработки басенъ: извѣстно, что въ ряду басенъ имѣются весьма любопытные варіанты изъ черновыхъ бумагъ баснописца, часто бросающіе свѣтъ на авторскую цѣль, на его отношеніе къ вопросамъ живой дѣйствительности, т.-е. на все то, что у Крылова при окончательной отдѣлкѣ тщательно укутывалось въ общія сентенціи, въ далекую аллегорію, „чтобы гусей не раздразнить“.

Біографическій очеркъ имѣетъ цѣлью изъ „кучъ анекдотическаго мусора“, въ изобиліи завалившаго литературу о Крыловѣ, выдѣлить все достовѣрное и цѣнное и дать „опытъ біографической канвы, основанной на тщательно провѣренномъ матеріалѣ“. На этомъ очеркѣ слѣдуетъ нѣсколько остановиться.

Біографическую канву онъ дѣйствительно даетъ, и г. Каллашъ, очевидно, много потрудился надъ собираніемъ матеріаловъ и ихъ дистилляціей; такъ, особенно внимательно подобраны имъ всѣ извѣстія о журнальной дѣятельности Крылова (причемъ интересны свѣдѣнія Быстрова, оставлявшіяся безъ вниманія біографами) и о періодѣ, предшествовавшемъ переходу Крылова къ роли присяжнаго баснописца; этотъ періодъ скитанія Крылова по чужимъ домамъ и по различнымъ городамъ принадлежитъ къ тѣмъ біографическимъ пустотамъ, о которыхъ мы говорили выше. Итакъ, фактическая канва подобрана тщательно; но нельзя не замѣтить, что для второй половины жизни Крылова, съ 1812 г., этого не сдѣлано. Правда, съ поступленіемъ на службу въ публичную библіотеку съ Крыловымъ ничего не происходитъ: онъ прикованъ къ Петербургу, въ Петербургѣ—почти къ одному дому, въ этомъ домѣ—почти исключительно къ одной комнатѣ своей квартиры, но не надо забывать одного: пусть онъ облѣнился и опустился, пусть онъ отлился въ типичную застывшую фигуру съ рѣзкими очертаніями,—все же трудно ограничиться и удовлетвориться живымъ, но внѣшнимъ и черезчуръ общимъ портретомъ его, который набросанъ у Плетнева; разысканіе и собираніе характерныхъ мелочей, то „размноженіе фактовъ“, о которомъ говоритъ Тэнъ, поможетъ нанести живыя детали на эту эскизную сейчасъ статую съ едва обозначенными психическими чертами. Приводимъ два факта къ біографіи Крылова за 30-ые годы изъ дневника Никитенка. Подъ 12 апрѣля 1834 года Никитенко пишетъ: „И. А. Крыловъ написалъ три слабыя басни, какъ бы въ доказательство того, что его талантъ слабѣетъ. У него былъ договоръ съ Смирдинымъ, въ силу котораго тотъ платилъ ему за каждую басню по 300 руб.; теперь онъ требуетъ съ него по 500 руб., говоря, что собирается купить карету, и ему нужны деньги!“ Подъ 9 февраля 1835 г. стоитъ: „Былъ у нашего знаменитаго баснописца И. А. Крылова. Онъ взялъ на себя редакцію „Библіотеки для чтенія“ вмѣсто Греча... Онъ жалуется на торговое направленіе нынѣшней литературы, хотя самъ взялъ съ Смирдина за редакцію „Библіотеки для чтенія“ девять тысячъ рублей. Правда, онъ не торгуетъ своимъ талантомъ, ибо можно быть увѣреннымъ, что онъ ничего не будетъ дѣлать для журнала“. Кстати о впечатлѣніи, которое производилъ Крыловъ на современниковъ; г. Каллашъ подобралъ рядъ интересныхъ отзывовъ о немъ Батюшкова, Гнѣдича, Плетнева,

ягеля и, наконецъ, Тургенева,—присоединяемъ сюда слова Жуковска-о Ив. В. Кирѣевскому въ началѣ 1830 года: „Это—славная виньетка ля его басенъ: толстый, пузатый, сѣдой, чернобровый, кругломордый, гаринный, въ каждомъ движеніи больше смѣшной, чѣмъ острый". Здѣсь е только живой, немножко каррикатурный набросокъ внѣшняго облика, о и впечатлѣніе отъ духовнаго склада. Обращаемъ вниманіе на слово *старинный;* Никитенко, описывая свой визитъ въ „берлогу медвѣдя", гмѣтилъ про свой разговоръ съ Крыловымъ о современной литературѣ: Сужденія его тонки, хотя отзываютъ школой прошлаго вѣка". Мы по-ги не знаемъ отзывовъ Крылова о новыхъ, развившихся при немъ, ли-ературныхъ явленіяхъ; „серьезной" литературой его молодости были роизведенія Ломоносова, Сумарокова и Державина, при немъ же ихъ ѣсто заняли „Горе отъ ума", „Борисъ Годуновъ", „Онѣгинъ", „Герой ашего времени", „Мертвыя души", „Ревизоръ"—какъ переварилъ та-ую перемѣну Крыловъ? Принято (больше на вѣру) думать, что онъ все екалъ и все тонко понималъ, да только молчалъ; но недаромъ же онъ азался *старинным*ъ и Жуковскому, и Никитенку.

Возвращаясь къ общему замыслу біографической статьи г. Каллаша, ы должны указать, что она къ невыгодѣ своей остановилась на рас-утьи между полной, научно построенной работой и популярнымъ очер-омъ. Широкій кругъ читателей (а на него, повидимому, и разсчитано зданіе) будетъ неудовлетворенъ отсутствіемъ многихъ необходимыхъ ъясненій и свѣдѣній. Напримѣръ, совершенно обойденъ молчаніемъ арактерный случай съ Соймоновымъ, нѣтъ свѣдѣній о Рахманиновѣ, няжнинѣ, мало о Клушинѣ. Съ другой стороны, можно счесть лишними ля такой статьи большія подробности о военной карьерѣ отца (прошe-ю его мѣсто въ примѣчаніяхъ или въ приложеніи). Мы бы сказали, о вообще манера г. Каллаша разбираться въ деталяхъ спорныхъ во-росовъ не очень удобна для большой публики. Наконецъ, все развитіе даже содержаніе писательской личности Крылова для читателей остает-я неизвѣстнымъ; этотъ пробѣлъ, очевидно, намѣренный и долженъ по-олниться во вступительныхъ статьяхъ къ каждому отдѣлу произведеній. азъ избранъ такой планъ, авторъ, разумѣется, правъ, но мы считаемъ, о самый планъ не совсѣмъ подходитъ для популярнаго изданія. Стро-е разграниченіе фактической біографіи и сочиненій въ особенности охо годится для Крылова въ виду неполноты матеріаловъ о его жи-и. Подождемъ, однако, остальныхъ томовъ и остальныхъ вступитель-ыхъ статей; та, которая дана въ первомъ томѣ о драматическихъ про-веденіяхъ Крылова, написана хорошо и читается съ интересомъ.

Подведемъ итоги: изданіе серьезное, изящное и вполнѣ доступное по ѣнѣ; надо надѣяться, что оно найдетъ себѣ мѣсто въ каждой порядоч-ой домашней библіотекѣ и во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ.

1) П. Я. Русская муза. Спб., 1904 г. 2) П. Вейнбергъ. Русскіе оэты (карманная хрестоматія). Т. I—II. Спб., 1904 г. И г. П. Я., П. И. Вейнбергъ ставятъ себѣ одинаковыя цѣли: собрать лучшіе об-азцы новѣйшей русской поэзіи, „представить читателю наглядную кар-ину движенія русскаго стихотворнаго искусства въ теченіе XIX вѣка, ть какъ бы живую исторію русской поэзіи за этотъ долгій промежу-къ времени" (П. Я.), дать картину постепеннаго хода русской по-зіи" (П. И. Вейнбергъ).

Сходство цѣлей не привело къ тождеству пріемовъ изданія и содер-анія сборниковъ.

Г. Вейнбергъ начинаетъ съ произведеній народной словесности и

кончаетъ произведеніями писателей новѣйшихъ. Онъ беретъ та
крупныхъ писателей и у нихъ—болѣе характерное и художестве
За рѣдкими исключеніями выбрано то, что „составляетъ отличите
черту настроенія и міровоззрѣнія автора". Произведенія обыкно
берутся цѣликомъ, если они не громоздки. Отдѣламъ предпосла
ленькія біографійки писателей.

Г. П. Я. ограничивается только писателями XIX в. какъ круп
такъ и второстепенными. Въ выборѣ онъ очень субъективенъ. Въ
браніи лучшихъ, оригинальныхъ и переводныхъ стихотвореній русс
поэтовъ XIX в." совсѣмъ не нашлось мѣста ни лирическимъ стих
реніямъ, ни баснямъ Крылова, нѣтъ Карамзина, Дмитріева (помѣ
нѣсколько эпиграммъ), Грибоѣдова, Катенина, Марина, Нелединск
Мелецкаго и пр., и пр. Пропущенъ „Памятникъ" Пушкина. Зато
рядъ очень маленькихъ поэтовъ изъ *Русскаго Богатства*. Во мно
стихотвореніяхъ сдѣланы не оговоренныя, хотя и обозначенныя ря
точекъ, купюры. Передъ нами, такимъ образомъ, не собраніе характе
го и типическаго, а личная, такъ сказать, хрестоматія г. П. Я., с
никъ того, что ему нравится. Отдѣльнымъ писателямъ предпос
краткія характеристики, обыкновенно слишкомъ бѣглыя и безсодержат
ныя (въ особенности Батюшкова и Баратынскаго).

„Карманная хрестоматія" г. Вейнберга во всѣхъ отношеніяхъ
изводитъ болѣе благопріятное впечатлѣніе, чѣмъ „Русская муза" г. П

Новый сборникъ стихотвореній Ады Негри: „Materni

Только что вышелъ въ свѣтъ новый, довольно объемистый сбор
(273 стр.) стихотвореній Ады Негри, озаглавленный „Maternita" (М
ринство). Слухи о томъ, что этотъ сборникъ имѣетъ выйти, но
уже давно, но появленіе его замедлилось вслѣдствіе продолжительн
тяжкой болѣзни симпатичной итальянской поэтессы.

Состоитъ сборникъ изъ трехъ отдѣловъ—„Maternita", Dolcezze
лодіи), „Acquaforti" (Офорты). Стихотворенія перваго отдѣла, как
казываетъ самое заглавіе сборника „Maternita"—посвящены вопро
касающимся материнства. Но основной ихъ аккордъ—не любовь и
дости материнства,—а слезы и горе, выпадающія на долю столь мно
матерямъ изъ народа, угнетеннымъ ярмомъ нужды и непосильнаго тр
Передъ очами поэтессы носятся видѣнія утомленныхъ, измученны
несчастныхъ матерей, и она пытается приподнять завѣсу передъ
кой, безотрадной ихъ долей. Вотъ что она говоритъ въ стихотвор
озаглавленномъ „Dolorose" (Скорбныя).

„Какъ ревъ бушующаго моря, ко мнѣ донесся громкій гулъ рыда

„И мнѣ казалось, онъ несется издалека—изъ волнъ вскипѣвш
бѣлой пѣной океана.

„И мнѣ казалось, онъ исходитъ изъ глубокихъ, безпредѣльн
нѣдръ матери-земли.

„И мнѣ казалось—онъ собой наполнилъ міръ весь и воздухъ во
ты моей уединенной.

„И онъ проникъ въ нее съ дыханьемъ вѣтра, съ трепетною ты
во мракѣ ночи взволновавъ мнѣ сердце!

„И я услышала сквозь грохотъ бури голосъ—въ душѣ моей на
запечатлѣлся онъ:

„Не радостно для насъ зачатье дѣтокъ, что снились въ грезахъ
сіяя, какъ сіяютъ лиліи.

„Въ своихъ утробахъ ихъ мы носимъ подъ ярмомъ нужды, стиб
работы тяжкой, голода и страха...

„На чердакахъ, гдѣ дышится такъ трудно, на рисовыхъ поляхъ, царитъ гдѣ малярія—

„На нивахъ, гдѣ богиня страшная—миланская проказа—шествуетъ съ безумiемъ въ глазахъ,—

„Въ притонахъ нищеты, въ цѣпяхъ порабощенія—взываемъ мы къ Творцу, чтобъ стойкость намъ и мужество Онъ далъ.

„Когда-жъ заглохнетъ въ насъ послѣдній проблескъ силы, мы молимся: „Возьми Господь къ себѣ младенца, раньше чѣмъ онъ свѣтъ увидитъ".

„Рожаемъ мы въ болѣзняхъ, въ изнуреніи созданій бѣдныхъ тѣхъ, чья участь въ жизни—мыкать горе.

„Мы имъ передаемъ и кровь свою больную и тяжесть всю своихъ оковъ.

„Хотѣли-бъ мы и днемъ быть съ ними, но такъ коротокъ день, а трудъ такъ дологъ нашъ.

„Въ то время какъ въ когтяхъ нужды мы изнываемъ, грязь улицы намъ развращаетъ дѣтокъ.

„По слезамъ лишь и мукамъ—мы матери,—не для того, чтобъ пѣсню пѣть надъ розовой, нарядной колыбелью.

„Скажи, чтобъ въ людяхъ вызвать состраданье къ нашей долѣ—скажи ты имъ о скорби материнства.

„Ты,—что писала кровью павшихъ братьевъ, слезами душъ мятежныхъ,

„Ты,—что борьбу вела съ тебѣ враждебнымъ рокомъ,—скажи про скорбь, что горше самой смерти.

„О, вспомни, вспомни—и вѣдь и мать твоя когда-то также проливала слезы...

„О, вспомни, вспомни—и пусть будетъ крикъ твой крику горнаго орла подобенъ,—

„Народу, что на бой поднялся,—огню, что выжигаетъ лѣсъ.

„Скажи ты людямъ—нѣтъ спасенья міру, когда унижено, оскорблено въ немъ материнство!

„И голосъ тотъ умолкъ, но какъ въ беззвѣздной ночи гремитъ бушующій потокъ,

„Такъ въ трепетныхъ волнахъ, разлитыхъ въ воздухѣ, еще носился звукъ долгихъ вздоховъ и рыданій...

„О, до тѣхъ поръ, пока душой сгорая—страдать и гаснуть день за немъ я буду,

„Вездѣ, всегда я въ темномъ ритмѣ жизни, теперь и впредь,

„Не перестану слышать тѣ рыданья, тѣ тщетныя мольбы сестеръ ихъ несчастныхъ.

„И никогда въ душѣ моей звучать не перестанетъ ихъ крикъ отчаянья: на помощь намъ, на помощь!!..."

Еще въ нѣсколькихъ другихъ стихотвореніяхъ говоритъ Ада Негри о горѣ и страданіяхъ, измученныхъ тяжелою судьбою матерей, наприм., въ стихотвореніи „Mara", „Martha", „L'abbandonata", „Zingaresca" и друг. Отмѣтимъ въ особенности стихотвореніе „Ninna Nanna di Natale" (Колыбельная пѣснь въ рождественскую ночь). Здѣсь труженица-мать, чуть не замерзая отъ холода, въ бѣдной своей лачугѣ разсказываетъ малюткѣ-сыну о жизни Іисуса Христа. Завтра звонъ колоколовъ—такъ кончаетъ она свою исторію—оповѣститъ людей о томъ, что „на землѣ миръ, а въ человѣцѣхъ благоволеніе",—но это не вѣрно въ настоящее

время, и осуществится лишь тогда только, когда въ каждой хижи
на каждомъ чердакѣ родятся дѣти съ душой бойцовъ и пророковъ
несмѣтныя ихъ полчища затѣмъ сокрушатъ старый строй—лишь тог
дѣйствительно наступитъ „на землѣ миръ, а въ человѣцѣхъ благоволе
Отдѣлъ „Dolcezza“ заключаетъ въ себѣ цѣлый рядъ изящныхъ, гр
ціозныхъ, исполненныхъ нѣжной любви, картинъ семейной жизни, как
напримѣръ, прелестныя по формѣ стихотворенія: „Cantilena“, „Cad
ai miei piedi“, „Primule“, „L'ombra“ и др.
Въ отдѣлѣ „Acquaforti“ отмѣтимъ трогательное, исполненное без
нечной печали стихотвореніе „Безвѣстныя слезы“, тѣ слезы, котор
„льются безъ рыданій, нѣмыя, сжигая ланиты, незримо для глазъ
стороннихъ“.
Скорбная нотка о неизбѣжности близкой смерти часто повторяет
Адой Негри въ стихотвореніяхъ новаго ея сборника, наприм., „Culla“,
„Ricordo“, Nini“, „E partita“ и др.
Въ заключеніе приходится сказать, что въ „Maternita“ Ады Негр
при наличности всѣхъ прежнихъ выдающихся чертъ ея поэзіи, и и
особенности ея нѣжнаго, гуманнаго отношенія къ несчастнымъ и об
доленнымъ—отсутствуетъ, однако, то боевое настроеніе съ увѣренност
въ побѣдѣ, которое такъ ярко отразилось въ „Fatalita“ и „Tempesta“.
Исключеніе составляетъ лишь превосходное стихотвореніе „Funerali
durante lo sciopero“ (Похороны во время стачки), отчасти еще „Qu
giorno“ и „Sacra Infanzia“.
**Іонасъ Ли. Дочери командора. Романъ. Перев. съ норв
М. П. Благовѣщенской. Изд. О. Н. Поповой. Спб., 1904 г. Ц. 60**
У себя на родинѣ Іонасъ Ли пользуется большой извѣстностью и гор
чими симпатіями, лучшимъ доказательствомъ чего является присужд
ему, какъ и Ибсену, пожизненной пенсіи за литературную дѣятельнос
пенсія эта назначена по требованію представителей норвежскаго нар
Русской читающей публикѣ Ли сталъ извѣстенъ главнымъ образ
послѣ появленія въ переводѣ на русскій языкъ двухъ его произведе
„Отверженный“ и „Погибшая жизнь“. По яркости красокъ, по ин
ресу и глубокой жизненности фабулы, по силѣ впечатлѣнія и истин
демократизму основной идеи новый романъ талантливаго скандинавск
беллетриста „Дочери командора“ нисколько не уступитъ двумъ, пр
знаннымъ лучшими. „Дочери командора“—это тяжелая драма изъ жи
высшаго круга норвежскаго общества, это мучительный крикъ прот
жестокихъ предразсудковъ высшаго свѣта, въ угоду которымъ „л
не понимая того, что дѣлаютъ, невольно замучиваютъ другъ друга.
Страдающимъ элементомъ здѣсь являются тѣ „золотыя сердца“, ко
рыя не въ состояніи вытравить чувства искренности и подчинить луч
порывы своей души „правиламъ высшаго свѣта“, считающимъ гр
едва не порокомъ. Въ угоду этимъ „правиламъ высшаго свѣта“ дѣву
не должна выходить замужъ за честнаго труженика, котораго
искренно любитъ, но который недостаточно богатъ и родовитъ; въ у
этимъ правиламъ она не должна видѣть своего ребенка, прижитаго
брака. Въ результатѣ—ни для кого ненужныя мученія и разбитая жи
Конечно, ни самая драма, ни развязка ея претендовать на новизну
могутъ, но безспорно и то, что значительная часть русскихъ чита
съ большимъ интересомъ и не безъ пользы познакомится по роману
съ правдивой картиной провинціальной жизни современнаго норвеж
общества, талантливо и ярко изображенной перомъ одного изъ луч
романистовъ.

ПУБЛИЦИСТИКА.

С. Рапопортъ. Дѣловая Англія.

С. Рапопортъ. Дѣловая Англія. М., 1903 г. Это сборникъ статей, обрисовывающій Англію съ разныхъ сторонъ; здѣсь мы находимъ интересныя статьи о промышленныхъ республикахъ, о провожденіи досуга англійскими рабочими, впечатлѣнія отъ англійской деревни; нѣкоторыя картинки очень хороши,—видно, что онѣ схвачены съ натуры; таково, наприм., описаніе пріѣзда въ деревню делегата лиги возстановленія народныхъ правъ на землю въ цѣляхъ пропаганды въ деревнѣ или, наприм., исторія одной улицы, и такъ далѣе. Нельзя не пожелать распространенія этой полезной книги.

ИСТОРІЯ.

П. Г. Васенко. Книга степенная царскаго родословія и ея значеніе въ древне-русской исторической письменности. Ч. I.—*М. К. Лемке.* Очерки по исторіи русской цензуры и журналистика XIX ст.—*А. Марковъ.* Бытовыя черты русскихъ былинъ.

П. Г. Васенко. Книга степенная царскаго родословія и ея значеніе въ древне-русской исторической письменности. Ч. I. Спб., 1904 г. Ц. 2 р. Занявшись спеціальнымъ изученіемъ „Книги степенной царскаго родословія“, г. Васенко оказалъ несомнѣнную услугу любителямъ русской исторіи. Названный памятникъ представляетъ интересъ первостепенной важности и какъ одинъ изъ раннихъ опытовъ нашей древней исторіографіи и какъ любопытный образчикъ того боевого публицистическаго направленія, которымъ пропиталась русская письменность XV—XVI ст. подъ воздѣйствіемъ борьбы только что народившейся московской государственности съ оппозиціонными ей отголосками удѣльной старины. Это въ одно и то же время и исторіографическій сводъ и политическій памфлетъ. Изслѣдователь развитія русской исторической мысли и историкъ политическихъ идей въ нашемъ отечествѣ одинаково должны пользоваться этимъ памятникомъ, какъ однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ. А между тѣмъ до сихъ поръ Степенная книга не была еще никѣмъ подвергнута всестороннему монографическому изученію. Рядъ основныхъ вопросовъ, безъ предварительнаго разрѣшенія которыхъ нельзя и приступать къ пользованію источникомъ, оставался примѣнительно къ Степенной книгѣ совершенно необслѣдованнымъ. Единственная спеціальная работа, посвященная этому памятнику,—книга г. Державина—оставляетъ желать многаго, затрогивая вопросы, связанные съ Степенной, весьма поверхностно, безъ надлежащаго критическаго аппарата. Теперь трудъ, предпринятый г. Васенкомъ, обѣщаетъ поставить разработку этихъ вопросовъ на твердую почву. Въ первой части своего труда г. Васенко разсматриваетъ дошедшіе до насъ списки Степенной и ихъ отношеніе къ печатному изданію этого памятника, устанавливаетъ время его составленія и личность его составителя и старается опредѣлить тѣ вліянія, побужденія и цѣли, подъ воздѣйствіемъ которыхъ возникло это произведеніе. Тщательность и чистота работы, доходящая порою до педантизма, дали возможность нашему автору придти къ выводамъ, устанавливающимъ на твердыхъ основаніяхъ внѣшнюю исторію интересующаго его памятника. Можно сказать, что только теперь Степенная книга стала доступной для научнаго употребленія. Использовать заключающійся въ ней

матеріалъ, учесть степень достовѣрности вошедшихъ въ нее фактическихъ показаній, вскрыть всѣ ея источники и, главное, проанализировать руководящія тенденціи, вдохновлявшія ея составителя,—вотъ что предстоитъ теперь сдѣлать, исходя изъ добытыхъ нашимъ авторомъ результатовъ. Будемъ ожидать выполненія этой интересной задачи въ предстоящемъ второмъ выпускѣ труда г. Васенка.

М. К. Лемке. Очерки по исторіи русской цензуры и журналистики XIX столѣтія. Съ 19 портретами и 81 карикатурой. Спб., 1904 г. Ц. 3 руб. Книга г. Лемке принадлежитъ къ числу такихъ публикацій, успѣхъ которыхъ среди читающей публики обезпеченъ уже самымъ ихъ заглавіемъ. Исторія русской цензуры и русской журналистики XIX вѣка въ ея цѣломъ еще не имѣетъ ученаго изслѣдователя и, надо полагать, не скоро его дождется. Развѣ мыслима исторія какого-нибудь учрежденія безъ ознакомленія со всѣми тайниками его архива? Развѣ можно правовую и циркулярную сторону русской цензуры изучать внѣ сопоставленій съ потоками красныхъ чернилъ по рукописямъ нашихъ писателей и журналистовъ? Наконецъ, едва ли научное изученіе рискнетъ оторвать исторію нашихъ цензурныхъ вѣдомствъ отъ ихъ непосредственной связи съ направленіемъ внутренней политики и настроеніями общественнаго сознанія? Если все это такъ, то мы заранѣе обречены на снисходительное отношеніе ко всякому полезному опыту въ данной области, памятуя, что какъ основной матеріалъ, такъ и свобода его изученія продолжаютъ находиться подъ строгимъ запретомъ. Наброски, очерки, отдѣльные этюды, конечно, вполнѣ возможны, но отсюда еще очень далеко до глубокаго анализа предмета, до широкихъ перспективъ и оригинальныхъ построеній. Зато можно выдвинуть, какъ характерное не то, о чемъ и какъ нельзя было писать въ тѣ или другіе періоды, а если хотите то, о чемъ было дозволено писать и какъ часто среди этого дозволеннаго прокладывала себѣ путь-дороженьку та или другая ненавистная врагамъ свободной литературы идея. Историкъ русской журналистики не можетъ обойти молчаніемъ даже въ бѣглыхъ очеркахъ моменты удивительной писательской смуты, когда экстравагантныя условія русской дѣйствительности заставляли тратить жаръ души не на пропаганду высокихъ началъ и прекрасныхъ общественныхъ идей, а на полемику съ гаденькими людьми „вліятельныхъ“ органчиковъ. Интересный трудъ г. Лемке—новое доказательство безсильнаго положенія русскаго писателя, схватившагося за пикантную тему, и авторъ напрасно въ одномъ мѣстѣ называетъ его „изслѣдованіемъ“. Книга распадается на четыре части. *Первая* (стр. 1 — 182) часть — „эпоха обличительнаго жара“ (1857 — 1864 гг.) — представляетъ собою „освѣщеніе, по возможности всестороннее, одного изъ періодовъ жизни русской сатирической журналистики, съ конца 50-хъ и до половины 60-хъ годовъ минувшаго столѣтія; періода, по общимъ, вполнѣ основательнымъ отзывамъ, наиболѣе выдающагося изъ неблестящаго вообще существованія русской сатирической литературы, развитію которой не особенно содѣйствуютъ условія, регулирующія у насъ печатное выраженіе мысли“. *Вторая* часть (стр. 183—308)—„эпоха цензурнаго террора“—посвящена своеобразнымъ цензурнымъ учрежденіямъ 1848—1855 гг., періоду очень мало освѣщенному и еще меньше популяризованному въ нашей литературѣ, какъ утверждаетъ г. Лемке. „Это эпоха,—говоритъ авторъ,—едва ли не самый мрачный и тяжелый періодъ во всей исторіи русской журналистики“. *Третья* часть (стр. 309—368) подъ заголовкомъ „Русское Bureau de la presse“ излагаетъ исторію

негласнаго „комитета по дѣламъ книгопечатанія“, существовавшаго всего одинъ годъ съ 24 января 1859 г. по 24 января 1860 г., и, наконецъ, послѣдняя (стр. 369—428) носитъ на себѣ знаменательное въ лѣтописяхъ русской журналистики имя Ѳаддея Булгарина, о существованіи котораго „всѣ грамотные люди въ Россіи знали“. Книга г. Лемке представляетъ для читающей публики большой интересъ, написана общедоступно и живо. Обширная начитанность автора не подлежитъ сомнѣнію, но въ его трудѣ никакъ нельзя усмотрѣть изслѣдованія въ собственномъ смыслѣ слова, ни даже внутренней цѣльности. Перечисленныя выше четыре части—не главы одной и той же работы, а отдѣльные очерки, ничѣмъ между собою не связанные; самому же изложенію приданъ хронологическій распорядокъ. Быть можетъ, слѣдовало бы остановиться на отдѣльныхъ частностяхъ книги и выловить изъ нея бьющіе на эффектъ курьезы по части россійской цензурной опеки прошлаго столѣтія? Отъ этой благодарной работы можно отказаться, такъ какъ книга г. Лемке найдетъ широкій кругъ читателей, и послѣдніе, независимо отъ критики, получатъ рядъ достаточно сильныхъ впечатлѣній. Быть можетъ, недостаточно освѣдомленныхъ читателей поразитъ та особенная честь, которой удостоенъ въ книгѣ нашего автора Ѳ. В. Булгаринъ: ему посвящено почти сто страницъ. Г. Лемке обѣщаетъ намъ очерки по исторіи русской цензуры, онъ самъ признаетъ, что „русское общество не знаетъ исторіи того института, черезъ горнило котораго прошла вся его литература“, и вдругъ чуть не сто страницъ отводитъ на Булгарина, который ни цензоромъ не служилъ, ни во главѣ цензурнаго вѣдомства никогда не стоялъ, а былъ всего только писателемъ и журналистомъ, употреблявшимся для спеціальныхъ порученій III отдѣленія... Гр. А. Х. Бенкендорфъ 15 декабря 1831 года, аттестуя этого оригинальнаго писателя съ самой хорошей стороны, между прочимъ писалъ тогдашнему министру народнаго просвѣщенія кн. Ливенъ, что „г. Булгаринъ опредѣленъ на службу по представленію моему (т.-е. Бенкендорфа) о способностяхъ его и трудахъ на пользу общую“ и что „въ теченіе того времени, въ которое онъ считался на службѣ, былъ употребляемъ по моему усмотрѣнію по письменной части на пользу службы, и что всѣ порученія онъ исполнялъ съ отличнымъ усердіемъ“. Эта аттестація заставляетъ г. Лемке категорически утверждать, что журналистъ Булгаринъ былъ агентомъ III отдѣленія. Это утвержденіе автора поневолѣ покоится на косвенныхъ уликахъ и на приведенномъ отрывкѣ изъ письма Бенкендорфа: прямые факты могутъ покоиться на архивныхъ полкахъ, къ нимъ еще нѣтъ дороги для современнаго русскаго ученаго или публициста, и вотъ г. Лемке долженъ отдѣлываться замѣчаніями вродѣ, наприм., слѣдующаго. „Къ сожалѣнію,—пишетъ онъ (стр. 387),—нѣтъ пока данныхъ, позволяющихъ судить о тѣхъ *особыхъ литературныхъ* порученіяхъ, которыя Булгаринъ исполнялъ въ теченіе первыхъ пяти лѣтъ своей новой службы, по прошествіи коихъ онъ былъ аттестованъ Бенкендорфомъ, какъ *ревностный къ пользамъ государственной службы* чиновникъ; зато есть нѣсколько фактовъ, неопровержимо доказывающихъ *добровольческія* способности Булгарина“. Эпизодъ съ Булгаринымъ представляетъ, несомнѣнно, извѣстное значеніе и поучительность. Булгарины могутъ попадаться среди разнообразныхъ „свободныхъ“ профессій, и не всегда на ихъ дѣло можно смотрѣть такъ оптимистически, какъ то видимъ у А. И. Герцена. „Булгаринъ и Гречъ,—писалъ онъ (у г. Лемке, стр. 391),—никого не надули, ихъ гнилую кокарду никто не принялъ за отличительный знакъ мнѣнія“. Отъ булгаринскаго „языка, работавшаго внѣ листовъ редактируемыхъ имъ

изданій" всего только одинъ шагъ до науки „патріотистики", о чемъ у г. Лемке идетъ рѣчь въ началѣ его книги (см. также стр. 304 и слѣд.). Такъ называемая „патріотистика" и „вездѣ обстоящее всеблагополучіе"— довольно вѣрныя спутницы нашей литературы. Г. Лемке не безъ ядовитости изображаетъ поведеніе этихъ спутницъ, прежде чѣмъ перейти къ любопытнымъ фактамъ изъ исторіи нашей сатирической журналистики конца 50-хъ и начала 60-хъ гг. Отъ этой журналистики осталось теперь лишь одно воспоминаніе, но воспоминаніе это не изъ тѣхъ, которыя нельзя или безполезно поддерживать. Эта журналистика шла непосредственно за чрезвычайнымъ проявленіемъ патріотической музы, такъ зло заклейменной въ дневникѣ А. В. Никитенка (см. у г. Лемке, стр. 10) и смѣнившейся дивной сатирой М. Е. Салтыкова. Хотя книга г. Лемке въ ея цѣломъ не болѣе, какъ рядъ журнальныхъ статей, тѣмъ не менѣе ее надлежитъ съ большою настойчивостью рекомендовать нашей читающей публикѣ и быть благодарнымъ автору за то, что онъ столь своевременно и удачно будитъ въ насъ воспоминанія, полныя грустныхъ намековъ на нынѣшнія литературныя и общественныя неурядицы.

А. Марковъ. Бытовыя черты русскихъ былинъ. М., 1904 года. Г. Марковъ — недавно выступившій изслѣдователь русскаго былеваго эпоса, составившій себѣ имя тщательными записями „Бѣломорскихъ былинъ" и детальными изслѣдованіями отдѣльныхъ былевыхъ мотивовъ. Настоящая работа является результатомъ долговременныхъ, тщательныхъ изученій. Г. Марковъ выдѣлилъ во всѣхъ извѣстныхъ былевыхъ записяхъ, старыхъ и новыхъ, черты, касающіяся быта экономическаго, общественнаго, семейнаго и религіознаго, классифицировалъ ихъ и сопоставилъ съ свидѣтельствами историческихъ источниковъ. Такъ получился прочный базисъ для опредѣленія бытовой основы былинъ, которая даетъ интересные просвѣты и въ темный до сихъ поръ вопросъ о времени и мѣстѣ сложенія нашихъ былинъ. Общіе выводы нашего автора очень любопытны. Основы большей части былинъ восходятъ къ XII в., но сформировался нашъ былевой эпосъ въ XIII и XIV вв. „Географическій горизонтъ былинъ обнимаетъ громадное пространство отъ Нѣмецкаго моря до Каспійскаго и отъ Сѣвернаго Ледовитаго океана до Аравійскаго полуострова. Уже это одно указываетъ на то, что мѣстомъ сложенія былинъ были не какіе-нибудь 2—3 пункта Россіи, а самыя разнообразныя мѣстности. Совокупность географическихъ названій, извѣстныхъ каждой изъ нихъ въ отдѣльности, дала такую широту горизонта нашему эпосу въ его цѣломъ. Каждая область древней Руси или давала своего роднаго героя общерусскому эпосу, или, по крайней мѣрѣ, пріурочивала эпическаго богатыря къ мѣстнымъ географическимъ названіямъ и такимъ образомъ слагала о немъ мѣстную былину. Мѣстомъ сложенія дошедшихъ до насъ былинъ можно считать области: Галицко-Волынскую, Кіевскую, Черниговскую, Полоцкую, Муромско-Рязанскую, Владиміро-Суздальскую и Новгородскую".

СТАТИСТИКА.

Первая всеобщая перепись населенія Россійской Имперіи 1897 г. Вып.: XXIV. Городъ Москва; XXXVII—Городъ С.-Петербургъ и XLVII—Городъ Одесса.—*Н. Бородинъ.* Каспійско-волжское рыболовство и его экономическое значеніе.

Первая всеобщая перепись населенія Россійской Имперіи 1897 г. Выпуски: XXIV. Городъ Москва (тетрадь 2-я и послѣдняя), XXXVII. Городъ С.-Петербургъ (тетрадь 2-я и послѣдняя)

и XLVII. Городъ Одесса. Изд. центр. статистич. комитета мин. внутр. дѣлъ, подъ редакціей Н. А. Тройницкаго. Спб., 1903 г. Со времени окончанія всероссійской правительственной переписи прошло уже болѣе семи лѣтъ, между тѣмъ разработка данныхъ, собранныхъ при переписи, несмотря на пользованіе при разработкѣ „счетно-табличными электрическими машинами" Германа Голлернтъ, о которыхъ твердятъ намъ въ каждомъ появляющемся выпускѣ переписи, несмотря на привлеченіе къ работамъ „свыше 2,600 лицъ обоего пола, большею частью средняго и высшаго образованія", подвигается до сей поры крайне туго.

До настоящаго времени появилось только 34 тетради, содержащія въ себѣ свѣдѣнія по 20 губерніямъ и областямъ, по острову Сахалину и тремъ крупнѣйшимъ русскимъ городскимъ центрамъ — С.-Петербургу, Москвѣ и Одессѣ. Населеніе этихъ губерній и городовъ опредѣляется, приблизительно, въ 24 милл. человѣкъ. Если вспомнить, что все количество жителей Россійской Имперіи круглымъ числомъ состоитъ изъ 127 милл. человѣкъ, то окажется, что за семь лѣтъ со времени окончанія переписи центральный статистическій комитетъ успѣлъ разработать только одну пятую часть всего матеріала да и ту не полностью. Если дѣло пойдетъ такъ и впредь, то разработка данныхъ первой всеобщей переписи Россійской Имперіи можетъ быть закончена, въ лучшемъ случаѣ, лишь черезъ четверть столѣтія, т.-е. тогда, когда данныя переписи сдѣлаются только любопытнымъ археологическимъ матеріаломъ, потерявъ всякое практическое значеніе. Намъ могутъ возразить, что вообще разработка статистическихъ изслѣдованій вездѣ отличается медленностью. Однако, медленность медленности рознь. Американцы успѣли разработать весь матеріалъ, собранный XI цензомъ (1890 г.) въ какіе-нибудь $3^1/_2$ года; при этомъ разработка данныхъ о 63-милліонномъ населеніи потребовала только около двухъ лѣтъ; несмотря на такую для насъ поразительную скорость разработки, янки нашли, что разработка XI ценза шла очень медленно, и конгрессъ постановилъ, чтобы XII цензъ (1900 года) былъ разработанъ въ двухлѣтній срокъ; это требованіе и было выполнено. Данныя переписей нашихъ столицъ разрабатываются и публикуются приблизительно въ 2—3 года. Если же полученіе необходимѣйшихъ данныхъ приходится ожидать ad calendas Graecas, то сами собой возникаютъ вопросы—стоило ли и огородъ городить, стоило ли тратить милліоны народныхъ средствъ на какую-то „убогую роскошь", не является ли медленность разработки нашей правительственной переписи положительно преступной? Къ тому же, чѣмъ вызывается такая медленность? Солидностью программы разработки собранныхъ при переписи 1897 года данныхъ? Тщательностью разработки? Ничуть не бывало. Ни планъ, ни программа разработки данныхъ не отличаются продуманностью и полнотой. Что же касается тщательности разработки, то, къ сожалѣнію, и этимъ важнымъ качествомъ опубликованные результаты переписи не могутъ похвалиться. Лучшимъ доказательствомъ являются недавно вышедшіе выпуски всеобщей переписи, содержащіе въ себѣ разработку данныхъ о населеніи С.-Петербурга, Москвы и Одессы. Мы не будемъ вдаваться въ детальный разборъ указанныхъ выпусковъ. Но для того, чтобы насъ не обвинили въ голословности упрековъ, мы остановимся здѣсь нѣсколько подробнѣе на тѣхъ грубыхъ редакціонныхъ промахахъ, которые дѣлаютъ положительно невозможнымъ пользованіе опубликованными центральнымъ статистическимъ комитетомъ свѣдѣніями о населеніи крупнѣйшихъ русскихъ городовъ, обезцѣниваютъ эти данныя и справедливо порождаютъ крайне скептическое отношеніе ко всей работѣ статистическаго комитета.

Какъ извѣстно, наше городское населеніе почти на $^2/_3$ состоитъ изъ пришлыхъ элементовъ, являющихся въ города изъ деревень и селъ въ надеждѣ найти заработокъ. При этомъ уже давно обнаружено, что притягательная сила городовъ оказывается неодинакова не только по своей степени, но и по своему направленію. Такъ, напримѣръ, Москва имѣетъ бо́льшую притягательную силу, нежели Петербургъ: въ то время, какъ въ послѣднемъ пришлые составляютъ только 69% всего населенія, въ Москвѣ на долю пришлыхъ приходится 72,4%. Съ другой стороны, около 44,5% пришлыхъ въ Москву принадлежатъ къ уроженцамъ губерній—Тульской, Рязанской, Калужской, Смоленской, Тверской и Владимірской, между тѣмъ какъ въ Петербургѣ среди пришлаго населенія болѣе 40% приходится на долю уроженцевъ губерній—Тверской, Ярославской, Новгородской и Псковской. Помимо того, что указанное явленіе представляется крайне интереснымъ съ демографической точки зрѣнія, оно можетъ имѣть также большое практическое значеніе. Въ этомъ отношеніи данныя всероссійской переписи могли бы имѣть большой интересъ, такъ какъ они впервые дали бы полную картину, какимъ мужикомъ живетъ тотъ или другой крупный торгово-промышленный центръ, и какія земства являются наиболѣе заинтересованными въ судьбѣ своего населенія, попадающаго въ тотъ или другой городъ. Къ сожалѣнію, приходится констатировать печальный фактъ, что опубликованныя данныя этого рода по тремъ крупнѣйшимъ и важнѣйшимъ русскимъ городскимъ центрамъ—Москвѣ, Петербургу и Одессѣ,—почти совершенно не имѣютъ цѣны вслѣдствіе крайне грубыхъ редакціонныхъ недосмотровъ, а, можетъ быть, и вслѣдствіе важныхъ ошибокъ при разработкѣ. Это лучше всего доказывается правительственными данными относительно мѣсторожденія пришлаго населенія г. Москвы. Какъ мы уже сказали выше, главный контингентъ пришлаго населенія въ Москвѣ (не принимая въ разсчетъ Московской губерніи) состоитъ изъ уроженцевъ Тульской, Рязанской, Калужской, Смоленской, Тверской и Владимірской губерній. Естественнѣе всего было бъ ожидать, что съ теченіемъ времени, благодаря усиленію тяги въ города изъ деревень, число представителей этихъ губерній въ Москвѣ должно было увеличиться. Правильность этого апріорнаго предположенія доказывается тѣмъ, что за 20 лѣтъ, протекшихъ со времени московской городской переписи 1882 г. до послѣдней городской переписи 1902 г., какъ показываютъ цифры, количество выходцевъ изъ указанныхъ губерній увеличилось на 150,568 человѣкъ. Между тѣмъ, пользуясь данными правительственной переписи, мы получимъ, что за 15 лѣтъ, протекшихъ съ 1882 г. до всероссійской переписи, число представителей этихъ же губерній уменьшилось въ Москвѣ на 107,233 человѣка! Явленіе по своей неожиданности прямо изумительное, способное заставить задуматься даже каждаго неспеціалиста-статистика. Для бо́льшей наглядности приведемъ здѣсь параллельно данныя переписей Москвы 1882 г., 1897 г. и 1902 г. *).

	1882 г.	1897 г.	1902 г.	Увеличеніе (+) или уменьшеніе (—) за періоды 1882-1897 г.	1882-1902 г.
Все населеніе г. Москвы (безъ пригородовъ)	753,469	978,537	1.092,360	+225,068	+338,891

*) Всѣ приведенныя данныя относятся только къ г. Москвѣ; пригороды не приняты во вниманіе, такъ какъ въ 1882 г. они не подлежали переписи.

Въ томъ числѣ родившихся не въ Москвѣ	556,910	503,461	790,552	— 53,449	+233,642
Изъ числа послѣднихъ было уроженцевъ губерній:					
Тульской	53,821	59,072	99,566	+ 5,251	+ 45,745
Рязанской	41,252	5,312	94,823	— 35,940	+ 53,571
Калужской	53,767	6,183	67,414	— 47,584	+ 13,647
Смоленской	39,279	39,562	48,587	+ 283	+ 9,308
Тверской	32,316	18,544	41,710	— 13,772	+ 9,394
Владимірской . . .	20,871	5,400	39,774	— 15,471	+ 18,903

Сравненіе данныхъ этой таблички показываетъ, что ко времени правительственной переписи изъ Москвы куда-то исчезли почти 36,000 рязанцевъ, 47,500 калужанъ, почти 15,500 владимірцевъ и около 14,000 тверитянъ, хотя число ихъ должно было бы вслѣдствіе постояннаго притока за 15 лѣтъ возрасти, а ко времени послѣдней переписи, произведенной въ январѣ 1902 г. городомъ, вмѣсто исчезнувшихъ появились въ Москвѣ новые выходцы изъ упомянутыхъ губерній и притомъ опять въ громадныхъ количествахъ. Такой выводъ, конечно, представляется совершенно невѣроятнымъ. Нельзя также объяснить повальное исчезновеніе изъ Москвы уроженцевъ Рязанской, Калужской, Владимірской и Тверской губерній усиленной ихъ смертностью въ столицѣ. Конечно, „всѣ подъ Богомъ ходимъ“, но почему повальный моръ долженъ былъ напасть именно на несчастныхъ рязанцевъ, калужанъ, тверитянъ и владимірцевъ, совершенно почти не коснувшись, напримѣръ, туляковъ или смоленцевъ, это является загадкой, ключъ къ которой, повидимому, хранится только въ канцеляріяхъ центральнаго статистическаго комитета министерства внутреннихъ дѣлъ. Самымъ простымъ способомъ разрѣшенія этой загадки будетъ предположеніе, что въ таблицу VII („распредѣленіе немѣстныхъ уроженцевъ по мѣсту рожденія“) второй тетради данныхъ правительственной переписи по г. Москвѣ вкралась крайне важная ошибка, которая лишаетъ всякой цѣны эту интереснѣйшую изъ таблицъ. Ошибка эта заключается въ пропускѣ въ VII таблицѣ 217,632 человѣкъ собственно горожанъ и 15,944 жителей московскихъ пригородовъ, а всего 233,576 человѣкъ.

Что это такъ—показываетъ простая ариѳметика.

Все населеніе Москвы съ пригородами опредѣляется статистическимъ комитетомъ въ 1.038,591 человѣкъ. Въ это число, какъ можно видѣть изъ таблицы VI (стр. 20), суммируя столбцы 4, 5, 6, 7, 8 и 9, входятъ 765,965 человѣкъ, родившихся внѣ Москвы, т.-е. пришлыхъ. Между тѣмъ въ слѣдующей VII таблицѣ количество пришлыхъ въ Москвѣ опредѣляется всего въ 532,389 человѣкъ, т.-е. на 233,576 человѣкъ меньше. При этомъ слѣдуетъ отмѣтить, что послѣднее число вполнѣ совпадаетъ съ количествомъ уроженцевъ Московской губерніи, проживавшихъ въ 1897 году въ столицѣ и ея пригородахъ. Отсюда первымъ предположеніемъ является то, что въ таблицѣ VI число уроженцевъ Московской губерніи въ общемъ итогѣ населенія фигурируетъ по ошибкѣ дважды, увеличивая цифру московскаго населенія на 233,576 человѣкъ. Однако, такое предположеніе окажется невѣроятнымъ, если принять во вниманіе, что во всѣхъ таблицахъ общее число жителей въ Москвѣ опредѣлялось и опредѣляется въ 1.038,591 человѣкъ. Не могла же ошибка пройти незамѣченной редакторами почти по всѣмъ таблицамъ. Такимъ образомъ, приходится отказаться отъ перваго разрѣшенія за-

гадки и остается предположить, что ошибка вкралась только въ таблицу VII. Это предположеніе обратится въ полную увѣренность, если сравнить, какъ это было сдѣлано нами выше, данныя трехъ переписей Москвы о мѣстѣ рожденія московскаго пришлаго населенія. Путемъ такого сравненія и вскрывается ничѣмъ необъяснимое, кромѣ какъ ошибкой, громадное сокращеніе въ Москвѣ въ 1897 года числа уроженцевъ Рязанской, Калужской, Тверской и Владимірской губерній. Но тутъ-то возникаетъ другая загадка. Чѣмъ объясняется, что итоги таблицы VII не сходятся съ соотвѣтствующими итогами таблицы VI именно на число лицъ, показанныхъ въ VI таблицѣ въ графахъ „уроженцы Московской губерніи?“ На этотъ вопросъ предоставляемъ отвѣтить гг. редакторамъ опубликованныхъ данныхъ, такъ какъ единственное предположеніе, что количество пропущенныхъ въ VII таблицѣ счетныхъ единицъ по странной и рѣдкой случайности совершенно совпадаетъ съ количествомъ уроженцевъ Московской губерніи, проживавшихъ въ 1897 году въ столицѣ, является очень мало вѣроятнымъ и требуетъ документальныхъ доказательствъ.

Что касается выпусковъ, содержащихъ въ себѣ свѣдѣнія о Петербургѣ и Одессѣ, то и въ нихъ таблица VII оказывается испорченой: въ Петербургѣ—важными опечатками во второмъ столбцѣ таблицы, совершенно неуказанными въ спискѣ опечатокъ, въ Одессѣ же—по той же причинѣ, какъ и въ Москвѣ. По таблицѣ VII пришлое населеніе въ Одессѣ состоитъ изъ 188,940 человѣкъ, а по таблицѣ VI одесское пришлое населеніе опредѣляется въ 227,949 человѣкъ. Недохватка въ 39,009 человѣкъ какъ разъ опять совпадаетъ съ количествомъ уроженцевъ Херсонской губерніи, проживавшихъ въ 1897 г. въ Одессѣ, показанныхъ въ 4 и 5 столбцахъ VI таблицы. Курьезнѣе всего, что и въ таблицу VII попали какіе-то 1,808 уроженцевъ Херсонской губерніи; но спрашивается, гдѣ же остальные 37,201 человѣкъ, и почему итоги обѣихъ таблицъ не сходятся ровно на 39,009 человѣкъ, т.-е. на количество *всѣхъ* уроженцевъ Херсонской губерніи? Все это совершенно непонятно и показываетъ на крайнюю небрежность при составленіи таблицъ и на отсутствіе серьезнаго редакторскаго просмотра таблицъ. Поэтому данными правительственной переписи приходится пользоваться съ величайшей осторожностью и подвергать ихъ тщательному изслѣдованію, сравнивая съ данными прежнихъ переписей, провѣряя итоги и т. д. Эта работа, еще возможная для спеціалиста-статистика, почти не можетъ быть выполнена человѣкомъ, мало знакомымъ со статистической разработкой данныхъ. При такомъ же положеніи дѣлъ пользоваться данными переписи 1897 г. для практическихъ цѣлей очень рискованно, потому что всегда можно впасть въ грубыя ошибки. Горько думать, что интереснѣйшія, впервые собранныя данныя значительно теряютъ въ цѣнѣ благодаря неумѣлости взявшихся за дѣло лицъ, что милліоны народныхъ средствъ потрачены крайне непроизводительно.

Н. Бородинъ. Каспійско-волжское рыболовство и его экономическое значеніе. (Изданіе департам. земледѣлія). Спб., 1903 г. Эта книга имѣетъ болѣе широкій интересъ: такъ, мы видимъ, съ 1885 года сокращается уловъ волжской сельди, въ 1885 году было выловлено сельдей 3.282,000 штукъ, а затѣмъ постепенно падая, уловъ дошелъ въ 1902 г. до 1 милл. сот. шт., а были годы, когда онъ еще ниже падалъ, наприм., въ 1898 г.—583 сот. шт. Это паденіе улова иллюстрировано хорошей діаграммой. Это уменьшеніе доставляемаго общаго количества на рынокъ сельди обусловило небывалое повышеніе

цѣны на эту рыбу съ 10—11 руб. за тыс. въ 1885 г. до 71 руб. въ 1899 г., сдѣлавши ее, вмѣсто дешевой народной пищи, продуктомъ, доступнымъ лишь болѣе обезпеченнымъ классамъ населенія. Это же обстоятельство и отразилось на томъ, что другая, самая популярная въ продовольствіи населенія рыба, вобла, также поднялась сильно въ цѣнѣ, такъ что въ центральномъ районѣ продается 5—10 к. за штуку, что дѣлаетъ ее по цѣнѣ малодоступной для обѣднѣвшаго крестьянина (стр. 35). Книга снабжена нѣсколькими діаграммами и заслуживаетъ полнаго вниманія.

ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИГИ.

В. Д. Кузьминъ-Караваевъ. Управленіе земскимъ хозяйствомъ въ девяти западныхъ губерніяхъ.

В. Д. Кузьминъ-Караваевъ. Управленіе земскимъ хозяйствомъ въ девяти западныхъ губерніяхъ. 2 апрѣля 1903 года Высочайше утверждено „Положеніе объ управленіи земскимъ хозяйствомъ въ губерніяхъ Витебской, Виленской, Волынской, Гродненской, Ковенской, Минской, Могилевской и Подольской". Сущность его, какъ извѣстно, заключается въ томъ, что въ каждой изъ сказанныхъ губерній образуются для завѣдыванія мѣстнымъ общественнымъ хозяйствомъ губернскій и уѣздные комитеты и губернская и уѣздныя управы. Губернскимъ комитетамъ присваивается распорядительная власть, уѣздные же комитеты созываются для подготовительнаго обсужденія важнѣйшихъ дѣлъ земскаго хозяйства; исполнительныя дѣйствія возлагаются въ губерніи на губернскую, въ уѣздахъ на уѣздныя управы. Губернскій комитетъ состоитъ подъ предсѣдательствомъ губернатора, изъ представителей разныхъ правительственныхъ вѣдомствъ и сверхъ того такъ называемыхъ „земскихъ гласныхъ", пользующихся равными правами съ прочими членами комитета и назначаемыхъ министромъ внутреннихъ дѣлъ въ числѣ отъ двухъ до пяти отъ уѣзда на три года изъ лицъ живущихъ въ уѣздѣ, если они сами или ихъ жены и родители владѣютъ въ немъ въ теченіе трехъ лѣтъ обложеннымъ на земскія повинности недвижимымъ имуществомъ или торгово-промышленнымъ заведеніемъ. Уѣздный комитетъ образуется подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства, изъ уѣздныхъ представителей разныхъ вѣдомствъ, земскихъ начальниковъ, волостныхъ старшинъ по назначенію губернатора и тѣхъ же „земскихъ гласныхъ" отъ уѣзда. Собранія комитета бываютъ годичныя и обыкновенныя: первыя созываются одинъ разъ въ году, вторыя по мѣрѣ надобности въ теченіе года. На первыхъ обсуждаются земскія смѣты и раскладки, повѣряются дѣйствія и отчеты губернской управы, вообще разрѣшаются важнѣйшіе вопросы управленія, на вторыхъ—неотложныя текущія дѣла. Уѣздный комитетъ собирается одинъ разъ въ годъ. Губернскую управу составляютъ предсѣдатель и отъ трехъ до пяти членовъ; всѣ они назначаются министромъ внутреннихъ дѣлъ. Въ составъ уѣздной управы входятъ: уѣздный предводитель дворянства, исправникъ, податной инспекторъ, два „земскихъ гласныхъ" и непремѣнные члены, назначаемые губернаторомъ. Центральное управленіе земскимъ хозяйствомъ западныхъ губерній сосредоточивается въ лицѣ министра внутреннихъ дѣлъ. Для разсмотрѣнія поступающихъ изъ губернскихъ комитетовъ проектовъ смѣтъ и раскладокъ и другихъ болѣе важныхъ вопросовъ земскаго хозяйства, при хозяйственномъ департа-

ментѣ министерства внутреннихъ дѣлъ учреждено совѣщаніе, въ которое входятъ директоръ хозяйственнаго департамента и два члена отъ министерства внутреннихъ дѣлъ и финансовъ.

Въ книжкѣ В. Д. Кузьмина-Караваева новое положеніе разсматривается въ сравненіи съ бывшимъ раньше, при министерствѣ Д. С. Сипягина, проектомъ земскаго устройства въ западныхъ губерніяхъ, разбору котораго была посвящена раньше вышедшая книжка того же автора. Сравнивая новый законъ съ этимъ проектомъ, авторъ приходитъ къ заключенію, что послѣдній имѣлъ въ виду выработать такую систему, которая могла бы замѣнить собою земское положеніе 1890 г., дѣйствующее во внутреннихъ губерніяхъ, тогда какъ новый законъ этого въ виду не имѣетъ, а представляетъ собою лишь нѣкоторое улучшеніе стараго порядка безъ измѣненія его сущности, т.-е. безъ замѣны административно-бюрократическаго управленія подобіемъ самоуправленія. Изъ мотивовъ къ новому закону видно, что онъ вводится въ западныхъ губерніяхъ не потому, чтобы устанавливаемый имъ порядокъ былъ самъ по себѣ лучше настоящаго земства, а потому только, что онъ представляетъ собою временную мѣру, обусловленную исключительными особенностями этихъ девяти губерній. Такимъ образомъ на основаніи новаго закона нельзя дѣлать предположеній о томъ, какъ правительство смотритъ на земство внутреннихъ губерній. „Двадцать лѣтъ уже,—говоритъ авторъ (стр. 11),—земское самоуправленіе стоитъ между жизнью и смертью,—самоуправленіе, которому Россія обязана сѣтью школъ, врачебныхъ пунктовъ, попытками экономическихъ мѣропріятій, которое тратитъ до ста милліоновъ рублей въ годъ, черпаемыхъ населеніемъ изъ своихъ средствъ, которое неуклонно идетъ по пути преобразованія всего строя и уклада жизни на мѣстахъ, намѣченныхъ великимъ актомъ 19 февраля 1861 г. Нѣтъ страннаго въ томъ, что близко стоящіе къ земскому дѣлу и душою ему преданные люди съ преувеличенною, быть можетъ, чуткостью относятся ко всему, что приближаетъ страшный призракъ смерти земства. Съ небольшимъ годъ назадъ призракъ былъ близокъ. Его контуры рисовались явственно, теперь они ступушевались".

Намъ кажется, что оптимизмъ автора нѣсколько преувеличенъ. Безъ сомнѣнія, новый законъ о земскомъ хозяйствѣ въ западныхъ губерніяхъ есть не что иное, какъ попытка нѣкотораго улучшенія стараго порядка безъ измѣненія его сущности. Но въ томъ-то и дѣло, что введеніе его показываетъ, что этотъ старый порядокъ съ нѣкоторыми исправленіями и улучшеніями признается, по крайней мѣрѣ для западныхъ губерній и въ видахъ государственныхъ, лучше земскаго порядка внутреннихъ губерній. А между тѣмъ въ западныхъ губерніяхъ нѣтъ никакихъ такихъ особенностей, и тѣмъ болѣе временныхъ, которыя бы могли служить препятствіемъ къ завѣдыванію мѣстнымъ населеніемъ своими мѣстными же нуждами. Разноплеменность населенія не меньше и въ нѣкоторыхъ земскихъ губерніяхъ, и во всякомъ случаѣ это не есть обстоятельство временное: нельзя же ожидать, чтобы когда-нибудь поляки перестали быть поляками, евреи перестали быть евреями. Такимъ образомъ весьма возможно, что положеніе 2 апрѣля обязано своимъ происхожденіемъ не столько исключительнымъ условіямъ мѣста, сколько общимъ условіямъ времени.

Что касается до значенія Положенія 2 апрѣля для самихъ западныхъ губерній, то нельзя не согласиться съ авторомъ, что дѣло въ нихъ пойдетъ, можетъ быть, нѣсколько лучше, чѣмъ раньше, но разница между земской и неземской Россіей сохранится. „Мѣропріятія орга-

управленія земскимъ хозяйствомъ не будутъ пользоваться широкой популярностью въ краѣ. Для населенія они останутся чуждыми". Поэтому „западныя губерніи, пока въ нихъ будетъ дѣйствовать положеніе 2 апрѣля не сравняются съ внутренними земскими губерніями. Только принципы земскаго самоуправленія могутъ сгладить эту разницу".

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Агрономъ К. Д. Дмитріевъ. Настоящее и недалекое будущее русскаго хлѣбопашества.

Агрономъ К. Д. Дмитріевъ. Настоящее и недалекое будущее русскаго хлѣбопашества. Въ руководство тѣмъ, кто страдаетъ отъ недородовъ, задолженности и низкихъ цѣнъ на хлѣбъ. М., 1904 г. Ц. 1 р. Небольшая книжка г. Дмитріева состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ статей, повидимому, написанныхъ въ разное время и по разнымъ поводамъ, нерѣдко повторяющихъ одни и тѣ же положенія и выводы, но объединенныхъ весьма симпатичной и заслуживающей самаго серьезнаго вниманія идеей: поднять продуктивность русскаго и преимущественно крестьянскаго хлѣбопашества путемъ наиболѣе простѣйшихъ способовъ технической обработки почвы, безъ особыхъ затратъ, безъ всякихъ заморскихъ машинъ и приспособленій, исключительно примѣняясь къ современному уровню знаній, умѣнья и матеріальныхъ средствъ русской деревни. Общедоступность предлагаемыхъ авторомъ средствъ, подкрѣпленная богатымъ опытомъ собственной его многолѣтней практики, и ссылки на опыты и отзывы весьма компетентныхъ агрономовъ, ученыхъ и практиковъ, даютъ полную возможность безъ всякаго риска испытать примѣненіе этихъ наипростѣйшихъ способовъ повышенія урожайности полей каждому сельскому хозяину на земельномъ участкѣ любого размѣра.

Съ настойчивостью пропагандируя свою систему, авторъ исходитъ изъ оптимистическаго положенія, обоснованнаго, однако, мнѣніями ученыхъ спеціалистовъ, наприм., профессоровъ Менделѣева, Богданова и др., что русскія „такъ называемыя у насъ *пахатныя* земли, за исключеніемъ безплодныхъ песчаныхъ, не хуже, если не лучше самыхъ плодородныхъ западно-европейскихъ по своему составу,—но питательный матеріалъ ихъ чрезвычайно грубъ, трудно усваивается культурными растеніями, чѣмъ собственно и надо объяснить ничтожную урожайность этихъ послѣднихъ, недороды и полные неурожаи въ засуху. Нашимъ почвамъ (по мнѣнію Менделѣева), недостаетъ современной, агрономически правильной раздѣлки. Многочисленные опыты и аналитическія изслѣдованія свидѣтельствуютъ (по мнѣнію проф. Богданова), что наши почвы нуждаются не въ обогащеніи ихъ новыми запасами удобрительныхъ веществъ, а въ умѣломъ пользованіи тѣми богатствами, которыми русскія почвы выдвигаются изъ ряда вонъ.

Въ чемъ же именно заключается недостатокъ и неправильность русской раздѣлки пашни? Авторъ является убѣжденнымъ сторонникомъ и горячо доказываетъ, что русскому сельскому хозяйству требуются не заграничныя машины и орудія, не какія-нибудь замысловатыя многопольныя системы или минеральныя удобренія; ему недостаетъ лишь своевременности раздѣлки пашни, недостаетъ той спѣлости почвы, когда послѣдняя, подвергаясь атмосферному вліянію, путемъ броженія получаетъ такія химическія свойства, такое „атмосферное удобреніе", которое „вполнѣ замѣняетъ даже навозъ" (стр. 192).

Такимъ образомъ, какъ видимъ, весь вопросъ сводится къ наиболѣе ранней пахотѣ: періоды между пахотой и посѣвомъ должны быть настолько продолжительны, чтобы почва успѣла вполнѣ перебродить, получить достаточную спѣлость, достаточное атмосферное воздѣйствіе. „Тотъ не хозяинъ,—говорили автору его заграничные наставники (Пруссія),—у кого паровое поле, напримѣръ, хоть одинъ мѣсяцъ съ весны пролежитъ подъ оплотнѣвшею поверхностью почвы. Такой паръ не выбродитъ, какъ нужно; надлежащей спѣлости онъ не достигнетъ и того урожая не дастъ, изъ-за котораго стоило бы заботиться". Вотъ съ этимъ то „болѣе чѣмъ краткимъ, но не безполезнымъ курсомъ земледѣлія авторъ и сѣлъ на хозяйство въ заарендованномъ подъ Смоленскомъ имѣніи съ совершенно выпаханными полевыми угодьями". Черезъ два года въ этомъ районѣ хлѣбъ отъ засухи повсемѣстно сильно пострадалъ и его убирать даже не стоило; сосѣднія деревни покупали рожь на посѣвъ, „а у меня,—говоритъ авторъ,—она дала по 8 четвертей на каждой десятинѣ". Впослѣдствіи авторъ съ успѣхомъ проводилъ свои опыты и на надѣльныхъ почвахъ Могилевской губерніи, и на суглинкахъ Смоленской, и на черноземѣ Орловской и Тульской, и, наконецъ, въ въ степяхъ Таврической губерніи".

Помимо ранней вспашки пара авторъ усиленно рекомендуетъ примѣнять самую мелкую (не болѣе 2 вершковъ) пахоту, убѣжденный и изъ научныхъ изслѣдованій, и изъ собственнаго опыта, что лишь мелкая пахота гарантируетъ посѣвы отъ засухи въ засушливые годы: нетронутая плугомъ почва является наилучшимъ проводникомъ влаги изъ ниже лежащихъ сырыхъ пластовъ земли; разрыхленная плугомъ почва должна быть какъ можно мельче, дабы корни хлѣбнаго растенія находили достаточный запасъ влаги въ плотныхъ сырыхъ пластахъ земли; при глубокой пахотѣ, на 4—5 вершковъ, корни эти неминуемо погибнутъ отъ засухи въ изсохшихъ вспаханныхъ слояхъ, прежде чѣмъ достигнутъ живительныхъ пластовъ.

Вполнѣ очевидно, что ранняя взметка пара требуетъ выдѣленія особыхъ четвертыхъ полей, или клиньевъ, для пастьбы скота и заблаговременной зимней вывозки навоза. Впрочемъ, четырехпольную систему авторъ рекомендуетъ во всякомъ случаѣ, если бы даже и имѣлись особыя пастбищныя угодья, съ посѣвами послѣ ржи, картофеля, свеклы и т. п. растеній, дабы избѣжать непосредственно слѣдующихъ другъ за другомъ посѣвовъ колосовыхъ растеній. Все это представляетъ уже собой детали агрономическаго характера, неизбѣжно вытекающія изъ основного положенія—своевременности вспашки поля. На этихъ деталяхъ мы не станемъ останавливаться подробно.

Проведеніе рекомендуемой агрономической системы въ жизнь авторъ полагаетъ наиболѣе удобнымъ черезъ помѣщичьи хозяйства путемъ горячо пропагандируемыхъ имъ испольныхъ арендъ помѣщичьихъ земель окрестными сельскими обществами и притомъ обязательно въ цѣломъ составѣ послѣднихъ, а не отдѣльными товариществами наиболѣе состоятельныхъ домохозяевъ. Здѣсь авторъ изъ области агрономической вступаетъ въ область чисто-экономическую: иначе трудно было бы объяснить, почему именно испольщина должна являться опытнымъ полемъ, демонстрирующимъ выгоды той или иной посѣвной системы; какъ будто надѣльныя земли, равно какъ и помѣщичьи, независимо отъ способа ихъ эксплоатаціи, сами по себѣ недостаточны для проведенія въ практику тѣхъ или иныхъ сельско-хозяйственныхъ системъ. Во всякомъ случаѣ эта связь именно испольщины съ системой ранней вспашки пара, равно

какъ и особое расположеніе автора къ испольной обработкѣ помѣщичьей земли остаются совершенно невыясненными или мало обоснованными. Правда, авторъ полагаетъ, что испольщина является въ наши дни не только наилучшимъ средствомъ приложенія къ земледѣлію излишнихъ рабочихъ рукъ крестьянскаго населенія, но и единственно вѣрнымъ и надежнымъ источникомъ доходовъ помѣщичьихъ хозяйствъ, въ доказательство чего имъ приводится даже статья анонимнаго автора, помѣщенная въ *Сельскомъ Хозяйствѣ* (стр. 55—57), гдѣ авторъ этотъ путемъ цифровыхъ выкладокъ собственнаго хозяйства доказываетъ, что при высшемъ урожаѣ ржи на клину собственнаго посѣва (въ 100 пуд. на десятинѣ) и при 70 пуд. урожая на испольномъ клину, чистый доходъ собственника испольнаго хозяйства болѣе чѣмъ въ три раза превыситъ доходы собственнаго хозяйства, вызывающаго непомѣрные расходы на уборку полей. Къ этому не лишне добавить,—заключаетъ анонимный авторъ,—что убытокъ собственной запашки не такъ великъ, *ибо цѣны на рабочихъ не были особенно высоки*. Такъ, десятину ржи убирали за 5 р. 50 к. Но что было бы, если бы рабочія руки были такъ же дороги, какъ въ другихъ мѣстахъ Россіи?

Не безъ умысла подчеркнули мы фразу о цѣнѣ рабочихъ рукъ, чтобы нагляднѣе показать тщету заботъ объ одновременномъ удовлетвореніи совершенно противоположныхъ интересовъ собственниковъ и арендаторовъ земли по пословицѣ „и волки сыты и овцы цѣлы“. Не ясно ли, въ самомъ дѣлѣ, что та самая благодѣтельная испольщина, подъ сѣнью которой будто бы удовлетворяются самые противорѣчивые интересы, въ данномъ примѣрѣ, принеся барышъ землевладѣльцу, оказала плохую услугу окрестному крестьянскому рабочему населенію, лишившемуся изъ-за половины помѣщичьяго урожая болѣе высокихъ заработковъ на его же поляхъ? Эту сторону дѣла обыкновенно упускаютъ изъ виду сторонники испольщины; они забываютъ, что система эта является палкой о двухъ концахъ, которая какую-либо сторону непремѣнно ударитъ болѣе или менѣе чувствительно, въ зависимости отъ того или иного соотношенія, отъ той или иной комбинаціи рыночныхъ цѣнъ на продукты земледѣлія и на земледѣльческую заработную плату. Въ лучшемъ, но крайне рѣдкомъ, случаѣ палка эта останется въ равновѣсіи, и ни одна сторона ничего не потеряетъ и ничего не пріобрѣтетъ. Но тогда къ чему и испольщина? Неужели для *сближенія сословій*, каковой аргументъ также выдвигается въ пользу испольщины, нѣтъ другихъ болѣе простыхъ и болѣе вѣрныхъ путей? Стоитъ лишь автору болѣе внимательно вдуматься въ окружающую его дѣйствительность, и онъ увидитъ, что та самая земская агрономическая организація, тѣ самыя артели безкорыстнаго общественнаго труженика г. Левицкаго, которымъ авторъ такъ жестоко и такъ незаслуженно бросаетъ упрекъ въ непрактичности ихъ, въ неумѣньи подойти къ жизни и удовлетворить ея интересамъ и нуждамъ, гораздо болѣе служатъ идеѣ сближенія и сліянія сословій, нежели пресловутая, отжившая свою натуралистическую эпоху, испольщина! Авторъ убѣжденъ, что не земскимъ и не общественнымъ дѣятелямъ съ ихъ свободнымъ починомъ, а чиновникамъ петербургскаго департамента суждено совершить экономическое и сельско-хозяйственное возрожденіе русской деревни. Условія настоящаго русскаго хлѣбопашества какъ нельзя лучше и нагляднѣе показываютъ, какъ глубоко онъ въ этомъ ошибается.

Оставляя въ сторонѣ всѣ эти побочныя экскурсіи автора въ чуждыя области, книжку г. Дмитріева и его полезные и простые совѣты агро-

номическаго свойства нельзя не рекомендовать всѣмъ интересующимся успѣхами русскаго земледѣлія.

КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

В. Анучинъ. По горамъ и лѣсамъ. Повѣсть изъ жизни маленькихъ искателей приключеній въ Сибири.

В. Анучинъ. По горамъ и лѣсамъ. Повѣсть изъ жизни маленькихъ искателей приключеній въ Сибири. Изд. О. Н. Поповой. Спб., 1904 г. Ц. 60 к. Повѣсть написана въ назиданіе тѣмъ мальчикамъ, которые, начитавшись Жюль Верна, Майнъ-Рида, Купера и другихъ, имъ подобныхъ авторовъ, начинаютъ легкомысленно ощущать жажду къ путешествіямъ съ приключеніями. Въ ней г. Анучинъ описываетъ злоключенія „Союза пяти"—нѣсколькихъ подростковъ-сибиряковъ, предпринявшихъ путешествіе на „Столбы" (гигантскія скалы, находящіяся въ горахъ, неподалеку отъ Красноярска) съ цѣлью найти индѣйцевъ и вступить съ ними въ борьбу. Повѣсть написана довольно бойко и прочтется 10—11-лѣтней дѣтворой не безъ удовольствія, хотя авторъ и допустилъ грубую натяжку: въ разсказѣ фигурируютъ подростки, обучающіеся въ гимназіи и уже приступившіе къ изученію греческаго языка, т.-е. по крайней мѣрѣ третьеклассники, и вотъ такіе-то подростки, по волѣ г. Анучина, принимаютъ ящерицъ за крокодиловъ, сибирскихъ мужиковъ—за индѣйцевъ, барановъ—за мустанговъ... Не слишкомъ ли поздно для гимназистовъ 3-го класса? Несмотря на этотъ промахъ, повѣсть г. Анучина все же нельзя признать безполезной: она познакомитъ дѣтей съ картинами сибирской природы, а описывать природу авторъ умѣетъ.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ЖУРНАЛЫ.

„Кіевская Старина", 1904 года, № 1—4. „Литературный Вѣстникъ", т. VI, кн. 5. „Историческій Вѣстникъ", 1904 г., № 1—4. Въ текущемъ году *Кіевская Старина* дала нѣсколько интересныхъ статей по исторіи малорусской литературы.

Г. Русовъ въ статьѣ: „Какая роль Вознаго въ „Наталкѣ-Полтавкѣ" вооружается противъ обычнаго толкованія этого типа на сценѣ и въ литературѣ. Всесторонній анализъ матеріала пьесы и ея идей приводитъ его къ выводу, что „возный"—типъ положительный (иначе непонятно его самоотверженіе въ концѣ), и подчеркивать въ его характерѣ отрицательно-комическія черты значитъ нарушать творческій замыселъ автора.

Г. Н. Ѳ. С. далъ обстоятельную характеристику начинающаго, очень даровитаго поэта, Н. Ѳ. Чернявскаго. Поэтъ степи и моря, проникнутый гуманнымъ общественнымъ настроеніемъ, онъ возвышается иногда до шевченковской простоты и народности. Авторъ особенно выдвигаетъ одно стихотвореніе, дѣйствительно превосходное „по народному колориту, нѣжности чувства и мелодичности":

Ой помалу, мій мылесенькый,
Тыхше грай,
Мени сердця молодесенькій
Не вражай [1]).

[1]) Поражай.

Бо зелена въ гаи [2]) лыпочка
Та сумна [3]),
Ще сумнійша въ тебе скрыпочка
Голосна [4]).
Якъ заграешъ потыхесеньку—
Серце мре,
А мене всю молодесеньку
Сумъ бере.
Якъ заграешь веселесенько—
Пиемъ стою,
Осмихнешся [5]) самъ тыхесенько—
Слезы лью.
Ой не грай же, чарывыченьку [6]),
Ты мени.
Не палы мене, мовъ свиченьку,
На огни:
Яснымъ зорямъ не прыказано
Въ день свитыть,
А тоби й мени заказано [7])
Вкупи [8]) жыть.

Г. Л. М. сообщаетъ біографическія свѣдѣнія о Н. И. Савичѣ, одномъ изъ членовъ украинскаго Кирилло-Меѳодіевскаго общества, за участіе въ которомъ онъ поплатился ссылкою въ деревню. Это былъ „одинъ изъ послѣднихъ могиканъ „старыхъ европейцевъ“, очень остроумный, съ скептическимъ взглядомъ на все и на всѣхъ. Зорко слѣдя за всѣмъ творящимся въ современномъ, почти совершенно чуждомъ ему обществѣ, онъ всегда дѣлалъ своеобразную оцѣнку текущимъ явленіямъ общественной жизни, литературы и науки. Съ какимъ восторгомъ относился онъ, напримѣръ, къ Щедрину, Л. Толстому, хотя находилъ въ нихъ именно то, чего никакъ не могли видѣть современники нашихъ корифеевъ литературы. Оригинальность его проявлялась во всемъ—во внѣшности, вкусахъ и сужденіяхъ... Онъ былъ однимъ изъ самыхъ пріятныхъ, серьезныхъ собесѣдниковъ—достоинство довольно рѣдкое у современнаго поколѣнія“.

Онъ зналъ Мицкевича, Гоголя, съ которымъ встрѣчался въ Одессѣ, и охотно разсказывалъ о малороссійскихъ прототипахъ его героевъ. Такъ, Чичиковъ, по его словамъ, былъ предводитель дворянства въ Полтавскомъ уѣздѣ, скупилъ у разныхъ помѣщиковъ мертвыя души и заложилъ въ опекунскій совѣтъ.

Любопытны затѣмъ бытовые малорусскіе очерки Кулиша изъ *Искры* 1859 г. и его же дружескія письма къ знаменитому кобзарю Остапу Вересаю.

Пятая книжка *Литературнаго Вѣстника* (болѣе пока не вышло) посвящена почти цѣликомъ Тургеневу. Напечатано нѣсколько новыхъ писемъ И. С. (барону М. А. Корфу и С. Д. Полторацкому), переизданы его, малоизвѣстныя, воспоминанія о Шевченкѣ (изъ пражскаго „Кобзаря“). Замѣтка г. Боцяновскаго посвящена личности Тургенева, его „одинокой страдальческой жизни“. По письмамъ и воспоминаніямъ авторъ прослѣживаетъ у великаго писателя постоянную тоску по незадавшейся семейной жизни, отчужденность отъ литературной среды. По

---

[2]) Въ лѣсу.
[3]) Печальна.
[4]) Звучна.
[5]) Усмѣхнешься.
[6]) Волшебникъ (уменьш.—ласкат.).
[7]) Запрещено.
[8]) Вмѣстѣ.

собственнымъ словамъ, его „не только тянетъ, рветъ въ Россію", а „несильныя обстоятельства" удерживали его за границей. Замѣтка г. Іновскаго устанавливаетъ любопытный фактъ сильнаго увлеченія Тургенева Кальдерономъ, котораго онъ считалъ „величайшимъ драматургомъ изъ католиковъ".

Въ первой книжкѣ *Историческаго Вѣстника* этого года интересны литературныя воспоминанія Г. К. Градовскаго. Въ 1880 г. въ Петербургѣ въ ресторанѣ Бореля чествовали Тургенева. Послѣ обѣда И. С. „вынулъ изъ кармана четвертушку бумаги и прочелъ коротенькую рѣчь, въ которой указывалось, что привѣтствія его глубоко трогаютъ, что онъ относитъ ихъ ко всей литературѣ, которой желаетъ дальнѣйшаго процвѣтанія, среди новыхъ и лучшихъ порядковъ, свойственныхъ всѣмъ просвѣщеннымъ народамъ. Читалъ Тургеневъ безъ всякихъ подчеркиваній и „выразительныхъ" пріемовъ, съ старческимъ спокойствіемъ, добродушно, но съ увѣренностью и искренностью въ тонѣ. Взрывъ рукоплесканій покрылъ слова писателя; но громче ихъ раздался шипящій, желчный возгласъ Ѳ. М. Достоевскаго. Онъ подскочилъ къ Тургеневу съ трудно передаваемою раздражительностью и злобно кричалъ: „повторите, повторите, что вы хотѣли сказать, разъясните прямо, чего вы добиваетесь, что хотите навязать Россіи!..." Тургеневъ отшатнулся, выпрямился во весь свой ростъ, подавлявшій небольшого и тщедушнаго Достоевскаго, и развелъ руками тѣмъ жестомъ, которымъ выражаютъ глубочайшее недоумѣніе и негодованіе: „Что я хотѣлъ сказать, то сказалъ... Надѣюсь, всѣ меня поняли... А на вашъ допросъ, хотя бы и съ пристрастіемъ, отвѣчать не обязанъ!" Таковъ былъ отвѣтъ Тургенева. „Поняли, поняли!"—раздались голоса. Многіе были возмущены неумѣстной выходкой Достоевскаго, и всѣ были огорчены плохой развязкой тургеневскаго чествованія".

Живо и интересно описаны похороны Тургенева, необычайно импозантныя. Характерно, что распорядители (Григоровичъ) больше всего боялись „непрошеннаго ораторства" и даже принимали противъ него нѣкоторыя мѣры.

Въ февральской книжкѣ г-жа Т—ва сообщаетъ подробности „года работы съ знаменитымъ писателемъ"—Достоевскимъ. Она познакомилась съ нимъ въ типографіи Траншеля, въ которой печатался *Гражданинъ*, редактировавшійся тогда Ѳ. М. Онъ поразилъ ее странными, больными вспышками, чередовавшимися съ чертами высокой жалости къ человѣку и глубокаго прозрѣнія въ его душу. Авторъ приводитъ много біографическихъ подробностей, цѣлыхъ разговоровъ съ покойнымъ писателемъ, гармонирующихъ вообще съ общимъ представленіемъ о немъ. Воспоминанія написаны очень живо и вызываютъ къ себѣ полное довѣріе.

Въ апрѣльской книжкѣ г. Щеголевъ напечаталъ новые, очень цѣнные матеріалы для біографіи Пушкина: „Пушкинъ и московскіе студенты въ 1831 г.". Они извлечены, главнымъ образомъ, изъ рукописнаго студенческаго журнала того времени и прекрасно рисуютъ пошлость той обстановки, въ которой слагалась и вращалась будущая жена Пушкина и которая внесла въ его свѣтлую душу много горечи...

Вотъ характерный отрывокъ изъ разговоровъ двухъ студентовъ о Пушкинѣ и его невѣстѣ.

Фарсинъ.—О! Что до глазъ (Гончаровой), такъ они просто косые, лицо же споритъ съ цвѣтомъ свѣтло-оранжевой шляпки ея возлюбленной сестрицы.

Иксинъ.—Ну, а Фузеинъ (=Пушкинъ) то каковъ?

Фарсинъ.—Сатира! Обезьяна!

Ихсинъ.—Зато любимецъ Феба!

Фарсинъ.—Прочти-ка его новую трагедію („Борисъ Годуновъ"), посвященную Изразцовымъ (=Гончаровымъ: ошибка—Карамзину),—не то заговоришь. Это—нелѣпость невиданная, неслыханная! Планы трагедій Сумарокова гораздо сноснѣе, версификація Тредьяковскаго благозвучнѣе.

Большой интересъ представляютъ записки декабриста Н. А. Бестужева, которыя раньше только отчасти были извѣстны въ печати. Онѣ даютъ характеристику Рылѣева и картину усмиренія бунта 14 декабря, написанную необыкновенно ярко и производящую очень сильное впечатлѣніе.

Какъ всегда, на ряду съ цѣнными матеріалами, въ *Историческомъ Вѣстникѣ* этого года помѣщено много хламу: воспоминанія неизвѣстныхъ, взятыя изъ третьихъ рукъ, апокрифическаго характера, сомнительная историческая беллетристика и т. д.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 апрѣля по 1 мая 1904 г.

Альбомъ. Левъ Толстой въ портретахъ, гравюрахъ, медаляхъ, живописи, и т. п. Изд. Вольфа. М., 1904 г.

Бальмонтъ, К. Собр. стиховъ. М., 1904 г. Ц. 3 р.

Библіотека Горбунова-Посадова. Давайте работать. Ц. 2 р. 80 к. Человѣкъ, животныя и растен. Ц. 70 к. Мой отецъ. Ц. 80 к. Чужой. Ц. 70 к. Красный воротничокъ. Ц. 20 к. Лисья семья. Ц. 15 к. М., 1904 г.

Богдановъ, А. Эмпиріомонизмъ. М., 1904 г. Ц. 80 к.

Бонаровскій, В. Изъ народной медицины. Спб., 1904 г. Ц. 1 р.

Бутми, Е. Развитіе госуд. и общест. строя Англіи. М., 1904 г. Ц. 40 к.

Бухарова, З. Стихотвор. Спб., 1903 г.

Бѣлый, А. Золото въ лазури. М., 1904 г. Ц. 2 р.

Вандервельде, Э. Бѣгство въ города и обратная тяга въ деревню. М., 1904 г. Ц. 1 р.

Врачебная хроника Харьковской губ. Харьковъ, 1904 г. Ц. 2 р. въ годъ.

Гёте, В. Фаустъ. Трагедія. Пер. П. Вейнберга. Спб., 1904 г. Ц. 2 р.

Гливенко, И. „Gil Blas de Santellane“ Лесажа. Кіевъ, 1904 г.

Де-Ла-Бартъ, Ф. Бесѣды по исторіи всеобщей литературы и искусства. Кіевъ, 1903 г. Ц. 1 р.

Демченко, Г. Къ вопросу объ участіи земскихъ добрыхъ людей въ древнерусскихъ судахъ. Кіевъ, 1903 г.

Дешевая библіот. Русскіе поэты. Т. I и II. Спб., 1904 г. Ц. 20 к.

Ducroco, G. Pauvre et douce Corée 2 et 3 édition. Paris, 1904 г.

Дружининъ, Н. Какъ должна вестись война. М., 1904 г. Ц. 25 к.

Елпатьевскій, С. Разсказы о прошломъ. Т. III. Спб., 1904 г. Ц. 1 р.

Ивановъ, В. Прозрачность. М., 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ивановъ, Ив. Вопросы молодости. Спб., 1904 г. Ц. 90 к.

Извѣстія москов. город. думы. Мартъ 1904 г. М., 1904 г.

Извѣстія с.-петербург. политехнич. института. Спб., 1904 г.

Калантаръ, А., и Максимовъ, В. Сельско-хозяйствен. постройки. Спб., 1903 г. Ц. 40 к.

Кечеджи-Шаповаловъ, М. Этюды. Спб., 1904 г. Ц. 1 р.

Колычевъ, А. Рабочіе на пріискахъ въ Сибири. Спб., 1904 г. Ц. 1 р.

Комба, А. Дѣтская нервность. 2-е изд. Спб., 1904 г. Ц. 50 к.

Красильниковъ, М. Скотокрадство въ Уфимск. губ. Уфа, 1904 г.

Купенъ, А. Причудливыя животныя. Спб., 1904 г. Ц. 3 р.

„Къ свѣту“. Научно-литер. сборникъ. Спб., 1904 г. Ц. 4 р.

Липаевъ, И. Вагнеріана. Оркестровые музыканты. М., 1904 г. Ц. 1 р.

Лисовскій, И., и Шумковъ, И. Костеръ безостый. Самара, 1904 г. Ц. 20 к.

Локоть, Т. Классицизмъ и реализмъ. М., 1903 г. Ц. 40 к.

М. Ю. Отчетъ по главному тюремному управленію за 1901 г. Спб., 1903 г.

Марковъ, Е. Разбойница Орлика. Спб., 1904 г. Ц. 2 р.

Мигулинъ, П. Наша банковая политика (1729—1903). Харьковъ, 1904 г. Ц. 3 р.

Мирбо, Октавъ. Разсказы. Спб., 1904 г. Ц. 1 р.

Народн. книги изд. „Посредника“. Совр. герои Дальняго Востока. Ц. 10 к. Бѣлая одежда. Ц. 1 к. Учительница. Ц. 1 к. Какъ Симонъ нашелъ себѣ отца. Ц. к. Лихой врагъ. Ц. 2½ к. Деревуш благодатная. Ц. 1½ к. Индійскій у-

дрецъ Сиддарта-Будда. Ц. 6 к. Два ребенка. Ц. 1 к. Красное яичко. Ц. 5 к. М., 1904 г.

Носиловъ, К. У вогуловъ. Спб., 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.

Общество русскихъ врачей въ память Пирогова. Справочникъ по устройству медиц. народ. чтеній. Рецензіи народн. изданій. Вып. II. Ясли пріюты. Ц. 4 к. Сибирская язва. Ц. 3 к. О дурной болѣзни. Ц. 4 к. О заразныхъ болѣзняхъ. Ц. 10 к. Для чего дѣлаютъ операціи. М., 1904 г. Ц. 4 к.

Ончуковъ, Н. Новыя былины изъ записей на Печорѣ. Спб., 1903 г.

Оствальдъ, В. Школа химіи. М., 1904 г. Ц. 1 р. 25 к.

Отчетъ харьков. обществ. библіотеки. Харьковъ, 1903 г.

Отчетъ сѣверо-кавказ. книж. магазина въ Пятигорскѣ. Пятигорскъ, 1904 г.

Отчетъ о дѣятельности комиссіи по устройству чтеній и развлеч. при чайной „Столбы" въ Н.-Новгородѣ за 1903 г. Н.-Новгородъ, 1904 г.

Отчетъ по устройству библіотекъ для лазаретовъ и госпиталей дѣйствующей арміи. Спб., 1904 г.

П. Я. Русская муза. Спб., 1904 годъ. Ц. 1 р. 75 к.

Петровъ, А. Мысли. Елисаветградъ, 1903 г. Ц. 75 к.

Писаренко, И. Корнинъ. Народ. драма въ 5 д. Харьковъ, 1904 г. Ц. 35 к.

Порозовская, В. Сказки Леандера. Перев. съ нѣмец. Спб., 1904 г. Ц. 60 к.

Пшибышевскій, С. Homo sapiens. М., 1904 г. Ц. 2 р. 40 к.

Радловъ, М. Живыя фотографіи, М., 1904 г. Ц. 30 к.

Риманъ, Г. Музыкальный словарь. Вып. XVII. М., 1904 г. Ц. 6 р.

Рубинштейнъ, Я. По Россіи. Путев. наброски. Харьковъ, 1904 г. Ц. 40 к.

Рукавишниковъ, И. Стихотворен. Кн. 3-я. Спб., 1904 г. Ц. 1 р. 80 к.

Сборникъ т-ва „Знаніе" за 1903 г. Кн. I. Спб., 1904 г. Ц. 1 р.

Сборникъ учено-литер. о-ва при импер. юрьев. унив. Т. VII. Юрьевъ, 1904 г.

Сельско-хозяйст. обзоръ Нижегород. губ. за 1902 и 1903 г. Н.-Новгородъ, 1904 г.

Семеновъ, С. Крестьянскіе разсказы. М., 1904 г. Ц. 90 к.

Скальковскій, К. Маленькая хрестоматія для взрослыхъ. Спб., 1904 г. Ц. 1 р. 25 к.

Соколовъ, П. Чтенія по педагогич. психологіи. Екатеринославъ, 1904 г. Ц. 1 р.

— О растительности и почвахъ бѣльниковъ. Спб., 1904 г.

Танонъ, Э. Эволюція права. Спб., 1904 г. Ц. 1 р.

Указатель книгъ, допущ. мин. народ. пр. въ 1903 г. М., 1904 г. Ц. 25 к.

Фостеръ. Физіологія. М., 1903 годъ. Ц. 30 к.

Хавкинъ, Л. Разсказы о Японіи. Народное образованіе въ Японіи. М., 1903 г. Ц. 15 к.

— Библіотеки, ихъ организація и техника. Спб., 1904 г. Ц. 3 р.

Хотымскій, П. На новомъ мѣстѣ. Разсказъ. М., 1904 г. Ц. 25 к.

Цорнеръ, У. Неотложное дѣло. Спб., 1904 г. Ц. 1 р. 25 к.

Чириковъ, Е. Пьесы. Т. IV. Спб., 1904 г. Ц. 1 р.

Школьная библіотека. Пееръ и Ульфъ. Ц. 10 к. Въ бурю. Ц. 10 к. Въ горахъ Хингана. Ц. 10 к. Фредъ. Ц. 15 к. Въ нефтяномъ царствѣ. Ц. 20 к. Алека. Ц. 10 к. Поль и Виржини. Ц. 25 к. М., 1904 г.

Шумковъ, И. Многосѣменная тыква. Ц. 30 к. Посадка арбузовъ. Ц. 50 к. Самара, 1904 г.

Энгельгардтъ, А. Очеркъ исторіи русской цензуры. Спб., 1904 г. Ц. 1 р. 75 к.

Юринъ, Н. Крестьянскія сельско-хозяйственныя общества. Саратовъ, 1904 г. Ц. 15 к.

Японія и японцы. Изд. 2-е „Русской Мысли". М., 1904 г. Ц. 35 к.

ОГЛАВЛЕНІЕ

БИБЛІОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА.

I. Книги.

Стр.

Беллетристика: Полное собраніе сочиненій И. А. Крылова. Ред. *В. В. Каллаша.—П. Я.* Русская муза.—*П. Вейнберг.* Русскіе поэты. Т. I—II.—*Ада Негри.* Maternita.—*Іонасъ Ли.* Дочери командора. 15

Публицистика: *С. Рапопортъ.* Дѣловая Англія. 15

Исторія: *П. Г. Васенко.* Книга Степенная царскаго родословія и ея значеніе въ древне-русской исторической письменности. Ч. I.—*М. К. Лемке.* Очерки по исторіи русской цензуры и журналистика XIX ст.—*А. Марковъ.* Бытовыя черты русскихъ былинъ 15

Статистика: Первая всеобщая перепись населенія Россійской Имперіи 1897 г. Вып. XXIV: Городъ Москва; XXXVII. Городъ С.-Петербургъ и XLVII. Городъ Одесса.—*Н. Бородинъ.* Каспійско-волжское рыболовство и его экономическое значеніе. 15

Юридическія книги: *В. Д. Кузьминъ-Караваевъ.* Управленіе земскимъ хозяйствомъ въ девяти западныхъ губерніяхъ. 15

Сельское хозяйство: *Агрономъ К. Д. Дмитріевъ.* Настоящее и недалекое будущее русскаго хлѣбопашества. 16

Книги для дѣтей: *В. Анучинъ.* По горамъ и лѣсамъ. Повѣсть изъ жизни маленькихъ искателей приключеній въ Сибири 16

Историческіе журналы: *Кіевская Старина* 1904 г. № 1—4; *Литературный Вѣстникъ*, кн. 5; *Историческій Вѣстникъ* 1904 г., кн. 1—4. . . 16

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 апрѣля по 1 мая 1904 г.

Разсылаются подписчикамъ майскія книжки журналовъ

„Дѣтское Чтеніе“ и „Педагогическій Листокъ“.

„Дѣтское Чтеніе“ иллюстрированный журналъ для семьи и школы. Подъ редакціей Д. И. Тихомирова. XXXVI годъ изданія. Журналъ допущенъ, по предварительной подпискѣ, въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

Содержаніе майской книжки: I. Богачъ и Еремка. Разсказъ. Д. Н. Мамина-Сибиряка. Съ рисунками художниковъ Иванова и Хохрякова. II. Весной. Стихотвореніе. Ив. Бѣлоусова. III. Княжой отрокъ. Историческая повѣсть изъ преданій XVIII вѣка. Т. Сѣверцова (Полилова). Продолженіе. Съ рисунками художника И. Р. Бартрама. IV. Едва лишь разсвѣло. Стихотвореніе. Михаила Свободина. V. Лушка. Повѣсть. А. Купреяновой. Съ рисунками Н. Николаева. VI. Здравствуй, весна! Стихотвореніе. А. Д. VII. Невозвратное. Н. Крашенинникова. Съ рисунками. VIII. Всюду жизнь. Е. Муратовой. IX. Басня-шутка. Ивана Андреевича Крылова. X. Максъ и Ева. Повѣсть. Н. Янкевичъ (Платонова). Съ рисунками. XI. Великая семья человѣчества. III. Другъ для друга. Я. Берлинъ. Окончаніе. XII. Державный вождь земли русской—императоръ Петръ Великій. Кровавые мятежи на югѣ Россіи. Д. И. Тихомирова. Продолженіе. Съ рисунками. XIII. Индусы. Ив. Ив. Иванова. Продолженіе. XIV. Вице-адмиралъ Степанъ Осиповичъ Макаровъ. Василій Васильевичъ Верещагинъ. XV. Какъ помогаютъ другъ другу животныя. Н. Скворцова. Окончаніе. Съ рисунками. XVI. Гнѣздо орловъ. III. Путевыя впечатлѣнія въ Черногоріи. Цетинье. Гостиница. „Бильярдо“. Монастырь св. Петра. Данилова могила. П. О. Ровинскій. Въ сумеркахъ. Павла Россіева. Продолженіе. Съ рисунками. XVII. Перепелъ. А. Чеглока. XVIII. Птицеловы. Съ картины художника Перова. XIX. Черезъ Алай и Памиръ. Очерки путешествій по Памиру.—Болота и комары. Китайцы. Тутекъ. Бориса Тагѣева-Рустамъ-Бека. Продолженіе. Съ рисунками. XX. Про войну. (Изъ текущей литературы).—Проводы на войну. Іосибуми. (Пасхальная фантазія Мирова). Изъ воспоминаній о 1812 годѣ. Славная побѣда. (Разсказъ Франсуа Коппэ). XXI. Объявленія.

Подписка на 1904 годъ на „Дѣтское Чтеніе“ продолжается. Подписка на журналъ „Педагогическій Листокъ“, въ виду израсходованія всѣхъ экземпляровъ, прекращена.

При этой книжкѣ прилагается для всѣхъ подписчиковъ томикъ безплатнаго приложенія: В. Шекспиръ—Макбетъ. Въ изложеніи и объясненіи для семьи и школы Ив. Ив. Иванова.

Въ 1904 г. „Дѣтское Чтеніе“ даетъ всѣмъ подписчикамъ безплатную премію, заключающуюся въ 6 томикахъ сочиненій Вилліама Шекспира, съ портретомъ Шекспира и иллюстраціями въ изложеніи и объясненіи для семьи и школы профессора Московскаго университета И. И. Иванова. 1) Портретъ и біографія. Король Лиръ. 2) Ромео и Джульетта. 3) Гамлетъ. 4) Отелло. 5) Макбетъ. 6) Коріоланъ.

Издательница Е. Н. Тихомирова. Редакторъ Д. И. Тихомировъ.

1904 г. ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. XXXVI г.

Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія разрѣшенъ для учительскихъ библіотекъ и безплатныхъ народныхъ читаленъ.

Содержаніе майской книжки: I. Бесѣды А. И. Гольденберга. Четырнадцатая и пятнадцатая бесѣда. Д. Л. Волковскаго. Продолженіе. II. Экскурсія въ Крымъ учениковъ Екатеринодарской гимназіи. Севастополь. Бахчисарай. Н. Галака. Продолженіе. III. Донъ-Кихотъ. (Къ юбилею Сервантеса). Стихотвореніе Л. Буланиной. IV. Счастливецъ. О. Кузнецова. V. Изъ разговора съ японскимъ школьнымъ учителемъ. VI. Слухи о реформѣ правописанія. VII. Тайна гоголевскаго слова. В. Авенаріуса. VIII. Николай Алексѣевичъ Вышнеградскій. (Къ сорокапятилѣтію женскихъ гимназій). К. Ельницкаго. IX. Наша школа. Н. Скворцова. X. Японскіе журналы. XI. Библіографія. XII. Приложеніе. А. Н. Силаковъ. Руководство къ составленію домашнихъ сочиненій. Листъ одиннадцатый.

„Дѣтское Чтеніе“ безъ пересылки—4 руб. 50 к., съ пересылкой—5 р. Редакція и контора журнала помѣщается въ Москвѣ, на Б. Молчановкѣ, д. № 24 Д. И. Тихомирова. Адресъ для иногороднихъ: Москва, въ редакцію „Дѣтское Чтеніе“.

Издательница Е. Н. Тихомирова. Редакторъ Д. И. Тихомировъ.

Въ книжномъ складѣ Д. И. Тихомирова имѣются въ продажѣ книги: „Какъ должна вестись война“ Дружинина. Ц. 25 к. и „Желтый вопросъ“ Коропчевскаго. Ц. 15 к.

1904 годъ. ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ Годъ XV.

„Вопросы Философіи и Психологіи".

Изданіе Московскаго Психологическаго Общества

при содѣйствіи С.-Петербургскаго Философскаго Общества,

на 1904 г.

Вышла II-я (мартъ—апрѣль) книга 1904 года.

ЕЯ СОДЕРЖАНІЕ: Обоснованіе мистическаго эмпиризма. Н. Лосскаго.—Философское міровоззрѣніе Н. В. Бугаева. Л. Лопатина.—О задачахъ обществовѣдѣнія. Е. Спекторскаго.—Принципы эволюціонизма и предѣлы ихъ примѣненія въ наукѣ объ обществѣ. С. Лурье.—Идеалы и дѣйствительность. А. Гуревича.—Критика и библіографія.—Психологическое общество.—Полемика.—Вѣра и мысль. (По поводу статьи А. І. Бачинскаго. Что такое натуралистическій идеализмъ). Н. Селивьева.

Журналъ выходитъ ПЯТЬ разъ въ годъ (приблизительно въ концѣ февраля, апрѣля, іюня, октября и декабря) книгами около 15 печатныхъ листовъ.

Условія подписки: На годъ (съ 1 января 1904 г. по 1 января 1905 г.) безъ доставки 6 р., съ доставкой въ Москвѣ—6 р. 50 к., съ пересылкой въ другіе города — 7 р., за границу — 8 р.

Учащіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, сельскіе учителя и сельскіе священники пользуются скидкой въ 2 руб.

Подписка на льготныхъ условіяхъ принимается только въ конторѣ журнала, непосредственно или письменно.

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ журнала: Москва, М. Никитская, Георгіевскій пер., д. Соловьевой и книжныхъ магазинахъ: „Новаго Времени", Карбасникова, Вольфа, Оглоблина, Башмакова и другихъ.

Редакторы: Кн. С. Н. Трубецкой и Л. М. Лопатинъ.

Коммиссія по организаціи домашняго чтенія, состоящая при учебномъ отдѣлѣ общества распространенія техническихъ знаній.

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ

Эпизодическія программы:

Серія I-я, изд. 2-е, 1904 г.

СОДЕРЖАНІЕ: 1) „Пирамида" (древній Египетъ) составит. М. О. Гершензонъ. 2) „Средневѣковые города". А. К. Дживелеговъ. 3) „Исторія французской революціи" составитель М. Н. Ковалевскій. 4) „Смутное время въ московскомъ государствѣ" составитель Н. Н. Алябьевъ. 5a) „Исторія кодификаціи гражданскаго права въ Россіи". В. А. Краснокутскій и К. К. Нотгафтъ. 5b) „Растительныя сообщества Средней Россіи" составилъ А. О. Флеровъ. 6) „Валленштейнъ—Шиллера" составилъ А. Ф. Аптеръ. 7) „Байронъ и его время". П. С. Коганъ. 8) „Новгородскія былины". Н. Н. Мендельсонъ. 9) „Городское хозяйство и городскіе финансы" состав. П. П. Гензель. 10) „Факторы преступности" состав. Н. Н. Полянскій. 11) „Основы судебной реформы 1864 г. въ Россіи" состав. С. В. Познышевъ. 12) „Вопросъ о смертной казни въ старой и новой литературѣ" состав. С. В. Познышевъ.

Условія руководства занятіями читателей приложены къ каждой программѣ.

Цѣна I серіи—20 к. съ пересылкой наложеннымъ платежомъ—41 к.

Складъ изданія: Москва, Бол. Никитская, д. Рихтеръ. Складъ отдѣльныхъ программъ I серіи, цѣна которыхъ 3 к. каждая; книжный магазинъ „Грамотей", Бол. Никитская, д. Де-Норманъ.

Вышла апрѣльская книга журнала искусства, литературы и общественной жизни.

„ПРАВДА“.

Содержаніе: I. В. Ленскій — Стихи. II. О. Я. Конисскій-Перебенди — Іуда. III. Анатолій Анютинъ—Крылья. IV. Ник. Алябьевъ—Сонъ (изъ Габріэле д'Аннунціо). V. Бор. Зайцевъ—Сонъ. VI. Л. Медвѣдевъ—Стихи. VII. Л. Яновской—Перчатки. VIII. Гуго фонъ-Гофманеталь—Свадьба Зобенды. Драматическое стихотвореніе. IX. А. Федоровъ — У береговъ Суматры. Сонетъ. X. Эллень Кеплеръ—Исторія моей жизни. XI. Петръ Кожевниковъ—Болѣзни. XII. Левъ Шейнисъ—Письмо изъ Франціи. (Къ исторіи французской молодежи и ея „идеалистическихъ“ мечтаній). XIII. С. Мельгуновъ—Изъ исторіи студенческихъ обществъ въ русскихъ университетахъ (окончаніе). XIV. В. Фриче—Психологія натуралистической драмы. XV. Морисъ Метерлинкъ — Правосудіе. XVI. А. Луначарскій—Вопросы морали и М. Метерлинкъ. XVII. А. Богдановъ—Собираніе человѣка XVIII. С. Кранихфельдъ—Къ пересмотру законодательства о крестьянахъ. XIX. А. Финнъ—По поводу оскудѣнія центра (окончаніе). XX. Макеъ Ли—Современный соціальный романъ въ Германіи. XXI. М. К.—Японія (окончаніе). XXII. А. Новицкій — В. В. Верещагинъ (некрологъ, съ портретомъ). XXIII. Библіографическія замѣтки. XXIV. Внутреннее обозрѣніе. XXV. Куно Фишеръ — Гамлетъ Шекспира. Пер. съ нѣмецкаго А. А. Страхова (продолженіе). XXVI. Объявленія.

Цѣна апрѣльской книги 1 р.

Книги за первую четверть года израсходованы. Печатается второе изданіе. Новые подписчики будутъ удовлетворены безъ замедленія.

Условія подписки:

Годъ—8 р. (безъ дост. 7 р. 50 к.), полгода—4 р., 3 мѣс.—2 р. Годовымъ подписчикамъ—разсрочка.

Желающимъ высылаются подробныя объявленія.

Адресъ редакціи: Москва, Кудрино, 1, 20. Редакторъ-издатель Вал. Кожевниковъ.

Съ 14 ноября 1903 г. въ городѣ Елисаветградѣ будетъ издаваться ежедневная общественно-литературная газета

ЕЛИСАВЕТГРАДСКІЯ НОВОСТИ

по слѣдующей программѣ:

1) Распоряженія правительства. 2) Телеграммы „Россійскаго Телеграфнаго Агентства“ и собственныхъ корреспондентовъ. 3) Внутренній отдѣлъ. Важнѣйшія извѣстія изъ разныхъ мѣстъ Россіи вообще и въ особенности Елисаветградскаго и смѣжныхъ съ нимъ уѣздовъ. 4) Мѣстная хроника. Городская жизнь, распоряженія мѣстныхъ административныхъ, а также общественныхъ учрежденій. 5) Провинціальная жизнь. 6) Наука, искусство и литература. 7) Портреты и иллюстраціи. 8) Театръ и музыка. 9) Судебная хроника. Болѣе интересные процессы судебныхъ мѣстъ, городскихъ, мировыхъ судей и гг. земскихъ начальниковъ. 10) Фельетоны, романы и разсказы. 11) Корреспонденціи. 12) Спортъ. 13) Торговыя свѣдѣнія. Хлѣбныя сдѣлки, коммерческія телеграммы. 14) Справочный отдѣлъ. Списокъ дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію во всѣхъ мѣстныхъ судебныхъ установленіяхъ и въ одесской судебной палатѣ, а также краткія резолюціи по этимъ дѣламъ; календарныя и т. п. свѣдѣнія. 15) Объявленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Безъ доставки и пересылки 6 руб. въ годъ, съ доставкой на домъ—7 р. 20 коп., съ пересылкой въ другіе города—8 р., отдѣльные нумера по 3 коп.

Для служащихъ въ государственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ допускается разсрочка.

Подписка и объявленія принимаются въ г. Елизаветградѣ:

въ конторѣ газеты по Дворцовой улицѣ, домъ Волохина, № 7, въ редакціи газеты домъ Сейдера, уголъ Дворцовой и Б. Перспективной ул. и во всѣхъ мѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Годовые подписчики получаютъ газету съ 14 ноября до Новаго года БЕЗПЛАТНО.

Редакторъ-издатель В. С. Лапидусъ.

„СИБИРСКІЙ НАБЛЮДАТЕЛЬ“.

(VI годъ изданія).

Ежемѣсячное иллюстрированное изданіе.

Редакція: г. Томскъ, Дворянская ул., № 4.

Вступая въ VI годъ своего существованія, „Сибирскій Наблюдатель“ будетъ выходить въ свѣтъ въ 1904 году попрежнему съ иллюстраціями, на русскомъ и французскомъ языкахъ, книжками 12 разъ въ годъ, отъ 150 до 190 страницъ въ каждой въ 1/8 долю листа, по слѣдующей программѣ:

1) Описаніе путей сообщенія какъ ведущихъ въ Сибирь и Азіатскія владѣнія Россіи, такъ и существующихъ въ этихъ мѣстностяхъ и государствахъ, сопредѣльныхъ съ ними. 2) Описаніе городовъ и селеній. Письма изъ городовъ. 3) Свѣдѣнія о судопроизводствѣ и судоустройствѣ. 4) Минеральные источники. 5) Свѣдѣнія о театрахъ, объ ученыхъ, благотворительныхъ и другихъ обществахъ и т. п. 6) Виды замѣчательныхъ мѣстностей, городовъ, портреты государей и чѣмъ-либо выдающихся личностей. 7) Смѣсь. 8) Разсказы, стихотворенія и анекдоты. 9) Свѣдѣнія библіографическаго характера о вновь выходящихъ книгахъ, преимущественно же—касающихся Сибири и Азіатской Россіи вообще, и объ ежемѣсячныхъ журналахъ. 10) Иностранное обозрѣніе (обзоръ событій въ иностранныхъ государствахъ). 11) Замѣтки наблюдателя (свѣдѣнія о жизни въ Европейской Россіи). 12) Сибирскіе отголоски (свѣдѣнія о жизни въ Сибири). 13) Отвѣты редакціи подписчикамъ. 14) Объявленія.

Редакція съ своей стороны приложитъ всѣ старанія, чтобы изданіе удовлетворяло своему назначенію и давало для лицъ, желающихъ ознакомиться съ Сибирью и Азіатской Россіей, всѣ необходимыя свѣдѣнія въ историческомъ, географическомъ, этнографическомъ и статистическомъ отношеніяхъ, а также литературный матеріалъ для чтенія. Въ трудахъ редакціи примутъ участіе многіе сотрудники мѣстныхъ газетъ и др. лица.

Цѣна въ годъ 4 руб., на 1/2 года 2 руб. 50 коп., съ доставкой и пересылкой. За пересылку за границу добавляется еще 3 руб.

Всѣ подписчики на 1904 годъ получатъ въ концѣ года въ видѣ преміи третій выпускъ „Альбома Сибирскихъ видовъ“, состоящаго изъ художественно-исполненныхъ фототипогравюръ, на хорошей бумагѣ.

Лица, желающія имѣть отзывы о своихъ сочиненіяхъ и изданіяхъ, благоволятъ доставлять въ редакцію экземпляры ихъ.

Цѣна объявленій: 1 страница 15 р., 1/2 стр.—10 р., 1/4 стр.—6 р.

Подписка и объявленія принимаются: „Сибир. Наблюд.“ въ г. Томскѣ, Дворянская ул., № 4 (телеф. № 1) и книжн. магазинѣ П. И. Макушина; въ Москвѣ: у И. К. Голубева, Покровка, 52, домъ церкви Іоанна Предтечи и у Д. Н. Корнатовскаго, Моховая, пр. Стараго универ., д. Бекендорфъ; въ Барнаулѣ: у частн. пов. А. А. Ершова; въ Варшавѣ: въ книжн. маг. Н. П. Карбасникова (Новый Свѣтъ, 67); въ Красноярскѣ: въ книжн. маг. А. Ф. Комарова и въ редакціи газеты „Енисей“; въ Бійскѣ: у А. А. Зильбербарта; въ Тюмени: у Г. П. Кгаевскаго. Объявленія также принимаются въ Москвѣ: въ Центральной конторѣ Торговаго Дома „Л. и Э. Метцль и К°“, Мясницкая, домъ Сытова, и въ конторѣ объявленій и подписки І. В. Бартошевича, Мал. Лубянка, № 20.

Редакторъ-издатель **В. А. Долгоруковъ.**

Открыта подписка на 1904 годъ

на ежедневную политическую и литературную газету

НОВОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

(XXI-й годъ изданія).

Условія подписки съ доставкой и пересылкой:

На 12 мѣсяцевъ	7 р.	— к.		На 6 мѣсяцевъ	4 р.	— к.
„ 11 „	6 „	50 „		„ 5 „	3 „	50 „
„ 10 „	6 „	— „		„ 4 „	3 „	— „
„ 9 „	5 „	50 „		„ 3 „	2 „	50 „
„ 8 „	5 „	— „		„ 2 „	2 „	— „
„ 7 „	4 „	50 „		„ 1 „	1 „	— „

За границу: на годъ—14 р., на полгода—8 р., на 3 мѣсяца—5 руб.

Допускается разсрочка платежа къ 1 января—4 р., къ 1 іюня—3 руб.

Подписка принимается не иначе, какъ считая съ 1 числа каждаго мѣсяца, въ Тифлисѣ, въ конторѣ газеты, Барятинская ул., д. № 8.

Для сельскихъ учителей, народныхъ и школьныхъ библіотекъ и благотворительныхъ учрежденій сдѣлана скидка: годовая плата для многородн.—6 р., для городск.—5

Вышла въ свѣтъ и разослана подписчикамъ апрѣльская книга

ВѢСТНИКА ПРАВА,

журнала юридическаго общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ, издаваемаго подъ редакціей **К. К. Арсеньева, М. М. Винавера,** прив.-доц. **В. М. Гессена, В. Д. Набокова** и проф. **І. А. Покровскаго.**

СОДЕРЖАНІЕ: 1) О значеніи опытнаго, научнаго и философскаго знанія въ практикѣ судьи **В. К. Случевскаго.** 2) Экономическія воззрѣнія Б. Н. Чичерина проф. **И. М. Цытовича.** 3) Объ изученіи правовыхъ явленій професс. **Л. І. Петражицкаго.** 4) Вопросъ о нѣдрахъ въ русскомъ законодательствѣ **П. М. Саладилова.** 5) Объявленіе войны въ современномъ международномъ правѣ проф. **В. Э. Грабаря.** 6) Натуральныя обязательства въ современныхъ правовыхъ системахъ **Н. И. Бронштейна.** 7) ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. R. Saleilles. Introduction à l'étude du droit civil allemand. Paris, 1904, 124 p.) проф. **І. А. Покровскаго.** 8) ЗАМѢТКИ: І. Преступность въ Бельгіи прив.-доц. **М. И. Гернета.** II. Нѣсколько словъ по поводу одного недоразумѣнія **А. Г. Гасмана.** III. Отвѣтъ на „Нѣсколько словъ по поводу одного недоразумѣнія" А. Гасмана **В. Л. Исаченко.** 9) УГОЛОВНАЯ ХРОНИКА. Первая годовщина утвержденія новаго уголовнаго уложенія.—Отголоски рѣшенія по дѣлу Семенова.—Къ предстоящему съѣзду дѣятелей исправительно-воспитательныхъ заведеній **В. Д. Набокова.** 10) ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ХРОНИКА **Г. Г. Евангулова.** 11) АДМИНИСТРАТИВНАЯ ХРОНИКА. Положеніе преобразованій, предуказанныхъ Высочайшимъ манифестомъ 26 февраля 1903 года: крестьянская реформа, измѣненія въ строѣ мѣстныхъ учрежденій, укрѣпленіе вѣротерпимости.—Назначеніе новаго управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія.—Факты земской жизни **М. И. Исполатова.** 12) Труды юридическаго общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ: І. Продолженіе протокола засѣданія уголовнаго отдѣленія отъ 21 февраля 1904 г. по докладу **П. Г. Миронова:** „О предѣлахъ правъ суда присяжныхъ при сознаніи подсудимыхъ". II. Протоколы засѣданій гражданскаго отдѣленія отъ 29 января и 12 февраля 1904 года по докладамъ **С. Б. Гомолицкаго** и **Б. В. Никольскаго** „О раскольничьемъ бракѣ". Объявленія.

Подписная цѣна на годъ съ доставкой:

Въ С.-Петербургѣ — 8 руб. 50 коп., въ провинціи — 9 руб.; съ приложеніемъ сборника рѣшеній кассаціонныхъ департаментовъ и общаго собранія сената, въ офиціальномъ изданіи, въ С.-Петербургѣ—11 руб. 50 коп., въ провинціи—12 руб.

Подписка принимается въ конторѣ «Вѣстника Права» (С.-Петербургъ, Загородный пр., д. № 2) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Годъ изданія XXVI.

ВЪ ГОРОДѢ КАРСѢ, КАРСКОЙ ОБЛАСТИ,

открыта подписка на газету

КАРСЪ,

на 1904 годъ.

Условія подписки: съ доставкою и пересылкою **3 рубля** въ годъ.

Подписка принимается въ редакціи газеты „Карсъ", въ городѣ Карсѣ, куда и адресуютъ свои требованія и иногородные.

Газета „Карсъ" имѣетъ ближайшею цѣлью всестороннее изученіе Карской области и распространеніе въ обществѣ вѣрныхъ и точныхъ свѣдѣній какъ о нынѣшнемъ ея состояніи, такъ и о мѣропріятіяхъ, направленныхъ къ ея благоустройству.

„Энциклопедическій словарь“

Брокгауза и Ефрона

(начатый проф. **И. Е. Андреевскимъ**)

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

К. К. АРСЕНЬЕВА и заслуженнаго проф. Ѳ. Ѳ. ПЕТРУШЕВСКАГО

при участіи редакторовъ отдѣловъ:

С. А. Венгерова	отдѣлъ	исторіи литературы.
Проф. А. И. Воейкова	„	географіи.
Проф. Н. И. Кареѣва	„	исторіи.
Академика А. О. Ковалевскаго и Проф. В. Т. Шевякова	„	біологическихъ наукъ.
Проф. Д. И. Менделѣева	„	химико-техническій и фабрично-заводскій.
Проф. А. В. Совѣтова	„	сельско-хозяйственный.
Проф. Н. Ѳ. Соловьева	„	музыки.
А. И. Сомова	„	изящныхъ искусствъ.
Академика И. И. Янжула	„	политической экономіи и финансовъ.

Словарь выходитъ полутомами каждые **два** мѣсяца.

Вышелъ 76-й полутомъ,—(**человѣкъ—чугуевскій полкъ**).

Цѣна каждаго полутома **3** р. въ переплетѣ.

Книги высылаются почтою, при чемъ за пересылку взимается 40 к. съ книги.

Всѣ вышедшія уже книги высылаются по ж. дор., съ уплатою за провозъ по желѣзнодорожному тарифу (требуется указаніе станціи).

ДОПУСКАЕТСЯ ПОДПИСКА ВЪ РАЗСРОЧКУ:

1) При подпискѣ вносится задатокъ отъ 10 р. и выдаются имѣющіеся налицо полутомы. Долгъ выплачивается ежемѣсячными взносами отъ 7 р., независимо отъ пріобрѣтенія остальныхъ полутомовъ по 3 р. за книгу.

2) Лица, желающія подписаться въ разсрочку, благоволятъ указать на служебный, общественный или имущественный цензъ, при чемъ контора редакціи оставляетъ за собою право не принять подписку, если найдетъ гарантію уплаты недостаточною.

Принимается подписка на „Малый энциклопедическій словарь“ Брокгауза и Ефрона. Цѣна каждаго 1 р. **50** к. безъ пересылки. Всѣхъ выпусковъ двѣнадцать.

Подписка принимается въ московскомъ отдѣленіи конторы редакціи «Энциклопедическаго Словаря»: при конторѣ журнала «Русская Мысль» (Москва, Воздвиженка, Ваганьковскій пер., д. Куманина, кв. № 1).

Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. Москва, Пименовская ул., соб. д.

Сенкевичъ, Генр. Путевые очерки. Письма изъ Африки. Письмо изъ Венеціи. Письмо изъ Рима. Нерви. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к. Одобр. для безплатныхъ народн. библіотекъ и читаленъ.

Его же. Семья Поланецкихъ. Романъ. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 3 р.

Его же. На ясномъ берегу. Повѣсть. Пер. В. М. Лаврова. Ц. 30 к. Допущено въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

Его же. Крестоносцы. Историческій романъ. Пер. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к.

Его же. Полное собраніе сочиненій въ переводѣ В. М. Лаврова. Первая серія въ шести томахъ (около 180 печатныхъ листовъ). По подпискѣ 5 р. Отдѣльно:

I томъ. Камо грядеши? (Quo vadis). Историческій ром. изъ временъ Нерона. Ц. 1 р.
II томъ. Безъ догмата. Романъ. Ц. 1 р.
III томъ. Огнемъ и мечомъ. Ц. 1 р.
IV и V томъ. Потопъ. Ц. 1 р. 75 к.
VI томъ. Панъ Володіевскій. Ц. 1 р.

Чеховъ, Антонъ. Островъ Сахалинъ (изъ путевыхъ записокъ). Цѣна 2 р.

Эртель, А. И. Гарденины, ихъ дворня, приверженцы и враги. Ц. 2 р.

Народныя изданія редакціи журнала „Русская Мысль".

Что такое подати и для чего ихъ собираютъ? 4-е издан. Ц. 3 к. Учен. Комит. Мин. Нар. Просв. одобрено для безплатныхъ народ. читаленъ и для публичныхъ народныхъ чтеній.

Народный поэтъ И. С. Никитинъ. 2-е изданіе. Ц. $1^1/_2$ коп. Допущено въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

Сенкевичъ. Пойдемъ за нимъ! 2-е изд. Ц. 6 к.
— Бартекъ-побѣдитель. Ц. 12 к.
— Фонарщикъ на маякѣ и Янко музыкантъ. Ц. 6 к.

Ожешкова, Элиза. Юльянка. Ц. 15 к. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущено для безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ.

Новая библіотека „Русской Мысли".

Южные сосѣди китайцевъ. Съ картой Индо-Китая и рисунками въ текстѣ. 115 стр. Ц. 25 к. Одобрено въ безпл. нар. библ. и читальни, въ ученич. библ. низш. учил. и для чтеній въ народныхъ аудиторіяхъ.

Жизнь и труды Эдисона. Съ портретомъ Эдисона. Составилъ *Левъ Уманецъ*. 112 стр. Ц. 20 коп. Допущено въ безплатныя народныя библіотеки и читальни, въ учительскія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

Борьба человѣка съ животными. *Проф. Экштейна.* Переводъ съ нѣмецкаго *Г. А. Котляра.* Съ рисунками въ текстѣ. 172 стр. Ц. 30 к. Допущено въ безплат. народныя библіотеки и читальни.

Разсказы Людвига Анценгрубера (Изъ жизни нѣмецкихъ крестьянъ). 112 стр. Ц. 20 к.

Русскіе инородцы. *А. Н. Максимова.* 112 стр. Ц. 20 к. Допущено въ безплат. народн. библіотек. и читальни.

Бесѣды по школьной гигіенѣ. *Д-ра Ф. Л. Касторскаго.* Съ рис. и таблиц. діаграммъ въ краскахъ. Ц. 15 к. Допущено въ безпл. народ. библ. и читальни, въ учител. библ. низш. училищъ.

Рабство въ древнемъ Римѣ. 44 стр. Ц. 10 к.

Трудовая помощь въ скандинавскихъ государствахъ. (По книгѣ *П. Ганзена*). 92 стр. Ц. 20 к. Допущено въ безплатныя народныя библіотеки и читальни, въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ Минист. Нар. Просвѣщенія.

Исполинъ нѣмецкой промышленности. (Заводъ Круппа). Съ 4 таблиц. рисунковъ и плановъ. 70 стр. Ц. 15 к. Особ. Отд. Мин. Нар. Пр. допущено въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

Бытовые очерки. Въ мастерской, *И. А. Данилина.*—Преступники, *П. Б. Хотымскаго.* 216 стр. Ц. 40 к.

Разсказы. *Петръ Розегеръ.* (Изъ жизни штирійскихъ крестьянъ). 95 стр. Ц. 15 к.

Китай и китайцы. Съ картой. 135 стр. Ц. 25 к. Допущено въ безплатныя народн. библіотеки и читальни.

Башка. *Д. Н. Маминъ-Сибирякъ.* (Изъ разсказовъ о погибшихъ дѣтяхъ). 56 стр. Ц. 10 к.

Офицерша.—Подъ шумъ вьюги. *А. И. Эртель.* 77 стр. Ц. 15 к.

Исторія человѣческаго жилища съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Съ рис. въ текстѣ и сравнит. таблицей главныхъ видовъ жилищъ, въ хронологич. порядкѣ, на отдѣльн. листѣ. 200 стр. Ц. 50 к.

Приуральскій край, его населеніе и минеральныя богатства. *Н. А. Дьячковъ.* 91 + IV стр. Ц. 15 к.

95 - 12 - 4 - 2

Продолжается подписка на 1904 г.

(ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

НА ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

Русская Мысль.

Условія подписки (безъ гербоваго сбора):

	Годъ.	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Съ доставкою и пересылкою	12 р.	9 р. — к.	6 р.	3 р. — к.	1 р. — к.
За границу	14 „	10 „ 50 „	7 „	3 „ 50 „	1 „ 25 „

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ, 1 апрѣля, 1 іюля и 1 октября по 3 руб.

Подписавшіеся въ разсрочку и желающіе получать „Р. М.“ безъ перерыва, благоволятъ присылать деньги за 2 недѣли до окончанія подписного срока.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 коп. съ полнаго годового экземпляра. Съ подписокъ въ разсрочку уступокъ имъ не дѣлается.

За перемѣну адреса взимается 30 коп., при переходѣ же городскихъ подписчиковъ въ иногородніе уплачивается 55 коп. При перемѣнѣ адреса на заграничный доплачивается разница подписной цѣны на журналъ.

О каждой перемѣнѣ адреса контора проситъ сообщать отдѣльно.

При перемѣнахъ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ при разсрочкѣ подписной платы *необходимо* прилагать печатный адресъ бандероли или сообщать его №.

Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позднѣе 10 числа каждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ почтоваго департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

Всѣ изданія редакціи „Русской Мысли“ находятся на складѣ при типографіи Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°.

Ближайшее участіе въ редакціи принимаютъ В. А. Гольцевъ, А. П. Чеховъ и А. А. Кизеветтеръ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Москвѣ: въ конторѣ журнала — Воздвиженка, Ваганьковскій пер., д. Куманина, кв. № 1.

Въ типографіяхъ т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° въ Москвѣ, Петербургѣ и Кіевѣ, коему переданъ главный складъ изданій журнала *Русская Мысль*, и въ магазинѣ **т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°** на Никольской ул., въ д. Чижовыхъ.

Въ Петербургѣ: въ отдѣленіи конторы журнала—при книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Литейный, д. 46.

Въ Кіевѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ.

Въ Варшавѣ: въ книжномъ магазинѣ П. П. Карбасникова, Новый Свѣтъ, д. № 69.

Въ Вильнѣ: въ книжн. магаз. Н. П. Карбасникова, Большая, д. Гордова.

Въ Перми: въ земскомъ центральномъ книжномъ складѣ.

Редакторъ-Издатель В. М. ЛАВРОВЪ.

5-7(

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine of five cents a day is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

OCT 19 624

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine of five cents a day is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

OCT 19 624